

Сергей Мошенский

Капитализм и бизнес

Уроки экономической истории Украины

Сергей Мошенский

КАПИТАЛИЗМ И БИЗНЕС

Уроки экономической истории Украины

Киев
Креативное агентство «Артель»
2024

УДК 330(477)(091)(0.062)=161.1
М90

Иллюстрация на обложке С. В. Щербаков (Украина)

Мошенский С.

М90 Капитализм и бизнес. Уроки экономической истории Украины / Сергей Мошенский. – Киев : Креативное агентство «Артель», 2024. – 784 с.

ISBN 978-617-8422-18-9

Как определяет прошлое украинской экономики её современное состояние? Когда в Украине возник капитализм и какими были его первые формы? Имел ли будущее наш капитализм во времена своего расцвета в начале XX века? Каким было значение в развитии бизнеса сети коммуникаций – от кофеев до телеграфа, «Интернета Викторианской эпохи»? Этим вопросам посвящена новая книга Сергея Мошенского «Капитализм и бизнес. Уроки экономической истории Украины», в которой подробно рассматриваются особенности становления капитализма в основных экономических центрах Украины – Киеве, Львове, Одессе, Харькове.

УДК 330(477)(091)(0.062)=161.1

Все права защищены.

*Полное или частичное воспроизведение материалов книги
возможно только по письменному разрешению правообладателя.*

ISBN 978-617-8422-18-9

© Сергей Мошенский, 2024
© Креативное агентство «Артель», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1	
НА ПОДСТУПАХ К КАПИТАЛИЗМУ	13
ГЛАВА 1. СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА.....	15
Великий зерновой бум XVI—XVII веков	15
Ловушка аграрной экономики	30
Народ и элита. В поисках национального экономического пространства	36
ГЛАВА 2. ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА ГЕТМАНЩИНЫ	44
Украинская мечта	44
Новая волна экономического подъёма	49
Андрей Войнаровский.....	54
Расцвет Левобережья	59
Деловая элита Гетманщины	63
Династия Лизогубов	66
Как генеральный подскарбий торговал волами	71
История сотника Сухомлина	74
Откупщики. Большие деньги.....	77
Промышленный бизнес Миклашевских	78
Прокоп Верещака	81
«В садку вишневому коло хати»	86

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ	92
Торговые партнёрства	92
Мельничные партнёрства	99
Рудни	101
Бизнес на сборе пошлин	105
Сябринство	107
Крестьянские предпринимательство	109
ГЛАВА 4. «ЧУМАЦКИЙ ШЛЯХ»	113
Символ старой Украины	113
Соляной бизнес	119
Первичное накопление капитала	125
Создатели транспортной инфраструктуры	128
Перевозчики зерна в XIX веке	129
Чумацкий миф	136
ГЛАВА 5. ГОРОДСКОЙ БИЗНЕС	139
Город, создающий новые возможности	139
Возрождение городов	141
Несокрушимый Киев	143
Самые богатые. Ходыки	151
Под куполом ратуши.	
Переплетение двух династий	158
Николай Торновиот	173
Михаил Сусло – купец и шпион	176
ЧАСТЬ 2	
ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА	183
ГЛАВА 1. НА РУБЕЖЕ ПЕРЕМЕН	185
Город на холмах	185
«Славный Бердичев»	188
Киевские «контракты»	195

Открытие конторы Государственного банка.....	206
Как начинался капитализм в Украине.....	207
 ГЛАВА 2. СТОЛИЦА САХАРА	217
Сахарный бум	217
Граф Бобринский.....	220
Братья Яхненко	223
Династия Терещенко	233
Синий бриллиант	242
Сахарные короли Бродские.....	244
Иван Харитоненко – миллионер из Сум	250
Карл Ярошинский.....	254
 ГЛАВА 3. ФИНАНСОВЫЙ КИЕВ	259
Кофейня Семадени.....	260
Киевская биржа.....	263
Банкирские конторы.....	269
Киевские банки.....	279
Индивидуальные инвесторы.....	282
 ГЛАВА 4. КОРРУПЦИЯ КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ	285
В канцелярии киевского генерал-губернатора	285
Взяточничество и вымогательство	289
В глубине веков	294
Денежная должность войта	300
А честные чиновники были?.....	308
 ГЛАВА 5. КИЕВСКИЙ РЕНЕССАНС	311
Как всё начиналось	314
Новая бизнес-элита	319
Бум вокруг недвижимости.....	321
И чем всё закончилось	328
История Василия Листовниченко.....	341

ЧАСТЬ 3	
ЗЕРНОВОЙ КАПИТАЛИЗМ.....	345
ГЛАВА 1. ПЕРВОПРОХОДЦЫ	347
Житница Европы.....	347
Новые возможности.....	350
Херсонская компания.....	354
Не только зерно.....	356
Граф Прот	358
Капиталы с Правобережья	364
ГЛАВА 2. «ГОРОД МЕЧТЫ»	367
Под знаком Леванта	367
Эпоха порто-франко.....	374
Семён Яхненко	377
Многонациональная тусовка	380
Первые одесские банкиры	385
Фёдор Родоканаки	387
«Одесские Ротшильды»	390
ГЛАВА 3. ЗЕРНОТРЕЙДЕРЫ	395
Европейский Гонконг.....	395
Динамика экспорта зерна.....	398
Проблемы транспортировки	401
Зерно и финансы.....	403
От биржи до кофейни Фанкони.....	403
И в Одессе бывали кризисы.....	409
ГЛАВА 4. ФИНАНСОВЫЙ МИР ОДЕССЫ	
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	415
Переселение из Бродов.....	415
Банкирский дом Эфрусси.....	418
Судьба династии Рафаловичей.....	422
Финансовый агент в Париже	427
Банкирские дома и конторы конца XIX века.....	432
Семья Ашкенази.....	435

ЧАСТЬ 4	
СЕТИ КОММУНИКАЦИИ.....	439
 ГЛАВА 1. СТАЛЬНАЯ СЕТЬ	441
Радикальная инновация	443
Как строили железные дороги в Галичине.....	448
Все дороги вели в Одессу	454
Транспортная революция.....	456
«Интернет Викторианской эпохи».....	457
 ГЛАВА 2. БИЗНЕС С АРОМАТОМ КОФЕ	461
Драйв эпохи.....	461
В кофейнях лондонского Сити.....	466
Город легенд	470
Под киевским небом.....	476
В полумраке кофеен	483
 ЧАСТЬ 5	
КАПИТАЛЫ И ОБЩЕСТВО –	
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	493
 ГЛАВА 1. КОРОЛЕВСТВО РУСЬ. ГАЛИЧИНА	495
Червонная Русь	495
Город Льва	497
В тени империи Габсбургов	499
Броды	504
 ГЛАВА 2. ГАЛИЦКАЯ ЭКОНОМИКА	507
В плену стагнации.....	507
«Весна народов» 1848 года	517
Украинские банки. Первая попытка	521
Банк Крилошанский.....	524
Кто был виноват и что нужно было делать?	529
Финансирование промышленности	532
Кредитные услуги	538

Львовская биржа.....	540
Индивидуальные инвесторы и ценные бумаги.....	543
Железные дороги и развитие промышленности	546
 ГЛАВА 3. КОГДА ПРИШЛО ВРЕМЯ НЕФТИ	550
«Карпатская Калифорния»	550
Игнатий Лукасевич	552
Станислав Щепановский	554
Борислав. Крестьяне и нефть	558
Михаил Терлецкий.....	563
Дрогобыч	566
Биржа в кофейне Шёнхольца.....	569
Крах нефтяного короля.....	571
Волна акционерного учредительства.....	575
 ГЛАВА 4. УКРАИНСКАЯ БИЗНЕС-СЕТЬ.....	581
Средний класс и бизнес-сеть.....	581
Святые или корыстные?.....	586
Деньги украинской бизнес-сети.....	588
Архитектор из Цюриха (Василь Нагирный)	595
Главный политик галицких украинцев (Кость Левицкий).....	604
Бизнес митрополита (Андрей Шептицкий).....	607
 ЧАСТЬ 6 ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ.....	615
 ГЛАВА 1. ЭКОНОМИКА ОДНОГО СЕЛА	617
Посёлок на реке Белой.....	617
Каменный уголь.....	619
Дюшан де Вулич.....	625
Как уголь изменил жизнь	627
 ГЛАВА 2. БРИТАНЕЦ В ДОНЕЦКИХ СТЕПЯХ	629
Уголь и сталь	629
Транспортные артерии.....	632

Инженер из Уэльса	633
Донецкий уголь	635
New Russia Company	637
Юзовский завод.....	639
Старая Юзовка.....	641

ГЛАВА 3. «НОВАЯ АМЕРИКА»

ИЛИ «БЕЛОЕ КОНГО»?	645
--------------------------	-----

Индустриальная революция в степях	645
Альянс с Францией.....	649
Александр Ауэрбах.....	650
Пётр Горлов	653
Казимир Мсциховский	655
«Степной Колумб»	659
Железная горячка	664
Бельгийцы	666
Кризис на рубеже двух столетий.....	669
Новый подъём	678

ГЛАВА 4. СУДЬБА АЛЕКСЕЯ АЛЧЕВСКОГО

Город Харьков	681
Траектория жизненного пути.....	685
Откуда шли деньги?	692
И тут грянул кризис... ..	697
Гибель Алексея Алчевского	702
«Харьковский крах».....	704
Судебный процесс	707

Было ли будущее у нашего капитализма?	710
---	-----

ЛИТЕРАТУРА	719
------------------	-----

Часть 1

НА ПОДСТУПАХ
К КАПИТАЛИЗМУ

Глава 1.

СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Великий зерновой бум XVI–XVII веков

Историю украинской экономики можно описать, говоря о хлебе. И о зерне, без которого его не приготовишь. Трудно даже представить, сколько за века было человеческой радости и страдания из-за зерна, и сколько денег перетекло из одного кармана в другой.

Крупным производителем зерна украинские земли стали с XVI века. Для нас это была целая торговая революция — мы начали выходить на орбиту западноевропейской экономики. К сожалению, только в качестве аграрно-сырьевого придатка¹. «Контакты между народами по всему земному шару распространились настолько, что можно сказать — весь мир стал одним городом, где каждый человек, не выходя из дома, с помощью денег может приобретать и наслаждаться всем тем, что производит земля, животные и промышленность»².

¹ Если первоначально из Украины экспортировали древесину и скот, то потом стало преобладать зерно. Кроме того, стада быков с берегов Южного Буга перегоняли в Германию, и в конце XVI века ежегодно продавали около 50 тысяч голов (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. — М.: Прогресс, 1986. — С. 209).

² Так писал (на мой взгляд, слишком оптимистично) в 1683 году итальянский математик, экономист и астроном Джеминиано Монтарини (Montanari G. Della moneta: trattato mercantile / G. Montarini // Scrittori classici italiani di economia politica. T. 3. — Milano: Nella stamperia e fonderia di G. G. Destefanis, 1804. — P. 40).

В XVI веке формируется общеевропейский экономический мир, и это была очередная волна глобализации. Затронул этот процесс и Украину.

Население стран Западной Европы быстро росло, увеличивалась потребность в продуктах питания. А поток золота и серебра из колонизируемой испанцами Южной Америки вызвал настоящую революцию цен — продукты питания подорожали в пять (а иногда и в восемь-десять) раз. Повысились цены и на всю остальную сельскохозяйственную продукцию. Шляхтичи-землевладельцы воспользовались таким шансом разбогатеть. Немало мещанских семей в городах тоже разбогатели и стали заниматься коммерцией, превращаясь в новую городскую аристократию. Начался общий экономический подъем, связанный с великим зерновым бумом³. Это было золотое время — потекли деньги и появились свободные капиталы. А они, как известно, оживляют всё.

Зарождение капитализма поставило русинское⁴ общество перед новыми вызовами — экономическими, коммерческими, политическими и даже религиозными. Возник спрос на образованных людей — торговля, как и любой другой бизнес, требовала знаний. В этом отношении православное русинское сообщество отставало от католического польского. «Самая главная надобность в латинских школах та, чтобы бедную Русь нашу не называли глупой Русью. Поедет он, бедняга-русин на трибунал, на сейм или на сеймик в уездный городской суд... Смотрит только то на того, то на другого, вытаращив глаза, как коршун»⁵, — говорил современник, митрополит Сильвестр Косов. Все стало меняться во время

³ ВВП (по паритету покупательной способности) на душу человека вырос с 702 доллара (по курсу 1990 года) в 1500 году до 810 долларов в 1578 году во время бума (Malinowski M. National income and its distribution in preindustrial Poland in a global perspective / M. Malinowski. — P. 28. — <http://www.ehes.org>

⁴ Жители украинских земель называли себя в то время «русинами» или «руськими», а землю свою — «Русь» в память о временах Древней Руси. Названия «Украина» и «украинцы» появились позже. Кстати, соседнюю северную страну тогда в мире обычно не называли «Русью», а вместо этого «Московией», а жителей — «москвитами».

⁵ Иеромонах Макарий [Булгаков]. История Киевской академии. — СПб.: Тип К. Жернакова, 1843. — С. 76. «В то время от неучёных попов и от козаков велие было негодование: на што латинское и польское училище заводите... хотели самого Петра Могила и учителей до смерти побити: едва их уговорили», — писал выпускник Киево-Могилянской академии Гавриил Домецкий (Терновский Ф. Киевский митрополит Пётр Могила / Ф. Терновский // Киевская старина. — 1982. — Т. 2. № 4. — С. 9).

зернового бума. В Киеве началось целое столетие расцвета образования и культуры. Это был настоящий ренессанс, который привёл к радикальным переменам в судьбах всего русинского сообщества, сформировав экономическую идентичность и пробудив национальное самосознание.

В это время в разных украинских городах (как и по всей Европе) возникла целая сеть братств, обладавших значительными финансовыми ресурсами. У нас эти братства были религиозными, православными, и они обеспечивали солидарность русинского сообщества, повышая взаимное доверие и поддержку. Братства сделали немало для защиты экономических интересов и просвещения. Их спонсорами и основателями стали князь Константин Острожский, Вишневецкие, Ружинские, а также шляхта помельче, богатые купцы и ремесленники. При братствах появляются библиотеки и первые типографии. В 1575 году в Остроге возник культурно-образовательный центр, финансируемый князем Острожским. Знаменитую Острожскую Библию Иван Фёдоров напечатал тоже во время зернового бума — в 1581 году.

Распространение братских школ и книгопечатания пробудило до того консервативных и экономически пассивных русинов. Выпускники школ, усвоившие западноевропейскую науку, прониклись идеями национального самоопределения. Рос интерес к образованию, всё больше русинов ехало на учёбу за границу: в Краковский, Пражский, Болонский и другие европейские университеты. Всё это требовало денег, а главным их источником был экспорт зерна.

Одним словом — великое дело свободные капиталы. Всегда и везде они творили чудеса и в экономике, и в культуре. Начался общий подъём культурной жизни, отразившийся и на градостроительстве. Во Львове⁶ появились итальянские архитекторы, и приобрело свой современный вид⁷ одно из знаковых мест Украины — площадь Рынок. В Киеве стали восстанавливать древнейшие храмы — Софийский собор, церковь Спаса на Берестове и Десятинную церковь.

⁶ Львов и в прежние века был крупным центром международной транзитной торговли, в нём были поселения итальянских, армянских и других купцов. К началу XVI века из-за смены торговых путей значение международной торговли на время уменьшилось, и город переориентировался на внутреннюю торговлю сельхозпродукцией, в основном зерном. Так что к великому зерновому буму он был готов.

⁷ Правда, ещё без нынешней ратуши.

Вновь осваивались земли, опустевшие после татарского нашествия, — сначала на Киевщине, а потом и на левом берегу Днепра⁸. Когда набеги кочевников стали слабеть, многие устремились из густонаселённого центра на пустующие земли на степном рубеже. Впереди их ожидало очень много работы, чтобы сделать эти земли пригодными для сельского хозяйства или добычи полезных ископаемых, но перспективы вдохновляли переселенцев.

Эти земли, долгое время пребывавшие в запустении, вдруг стали ценным активом. Появлялось множество новых городов, и хотя они в большинстве своем были совсем небольшими (представляя собой укрепленный замок, точнее маленький замочек, и сельские хаты вокруг него), вся эта урбанизация стимулировала экономическое развитие. Жители городов, даже небольших, приобретали защиту городским правом, а жившие вокруг крестьяне находили в этих замках защиту от татар. Но главное, сам городской воздух был пропитан духом свободы. Впрочем, вольным козацким духом были пропитаны все недавно освоенные земли.

Вспыхнувший почти внезапно интерес к заселению новых земель был основан на свободных капиталах, накапливаемых благодаря зерновому буму, — именно они пробудили предпринимательскую инициативу. Ведь деньги нужны были на всё, в том числе и на постройку даже самого маленького замка. А новые земли ценились их владельцами за то, что на них можно было выращивать ещё больше зерна. Верным признаком появившихся новых возможностей для бизнеса стало появление на Киевщине евреев. Они, как известно из истории, хорошо знали, где, как и когда можно заработать.

В эпоху быстрого роста экспорта зерна и скота с Волыни и Подолья стада волов перегоняли в Италию и Германию, а зерно везли по воде: сначала небольшими рекам, а потом по Висле в Гданьск, где зерно продавали купцам. Такой торговый путь возник ещё раньше, с конца XV века — тогда из украинских земель в Западную Европу экспортировали древесину⁹.

⁸ Во владениях Иеремии Вишневецкого на Левобережье Украины всего за полтора десятка лет население увеличилось с 5 до 230 тысяч.

⁹ Подробнее см.: Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 6. Життя економічне, культурне, національне XIV-XVII віків / М. С. Грушевський. — Репринтне відтворення видання (Київ, Львів, 1907). — Київ: Наукова думка, 1995. — С. 56–57, 83–84, 182–183, 194–197.

В международную зерновую торговлю включились не только княжеские роды, берущие своё начало ещё во времена Древней Руси (Вишневецкие, Заславские, Збаражские, Корецкие, Острожские, Сангушки, Четвертинские, Чарторыйские и другие), но и мещане. Так, луцкий войт Иван Яцкович Борздобогатый Красенский составил 5 марта 1555 года контракт о том, что «мает его милость тую сто лаштов жита и шестьдесят лаштов попелу поставити на берегу реки Буга, то есть ув Устилузе», чтобы доставить его «до Кгданьску»¹⁰.

Гданьские купцы контролировали 80% экспорта зерна, перепродавая его в страны Западной Европы, в основном голландцам¹¹, которые доставляли зерно на кораблях через Балтийское море в Нидерланды. Частично они его потребляли сами, частично продавали дальше. Для Нидерландов, в то время самой передовой и продвинутой страны мира, выгоднее было покупать зерно, а не заниматься его выращиванием¹².

В сущности это была экономическая экспансия голландцев в периферийные сырьевые экономические системы (такие как Речь Посполитая с входившей в неё Украиной), ещё больше закреплявшая сырьевой статус восточноевропейских стран. Они никак не могли противодействовать голландским методам ведения коммерческих операций. Да и не хотели. Так, по словам Броделя, «именно на своих окраинах... находила Европа редконаселённые и слабо развитые страны, способные поставлять ей зерно, которого в Европе не хватало»¹³.

¹⁰ Торгівля на Україні, XIV — середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина. — К.: Наукова думка, 1990. — С. 84–86.

¹¹ Голландцы при закупке зерна применяли сделки на срок — собирали авансом деньги в Антверпене, куда они потом перепродавали зерно, и платили авансом гданьским купцам за ещё не собранное зерно. А те платили авансом крупным землевладельцам Речи Посполитой, в имениях которых выращивали зерно. В конце XVI века, когда объёмы зернового экспорта стали максимальными, агентов гданьских купцов можно было видеть на городских и сельских рынках, где они договаривались о закупке зерна (Malowist M. A Certain Trade Technique in the Baltic Countries in the Fifteenth to the Seventeenth Centuries / M. Malowist // Poland at the Xlth International Congress of Historical Sciences. — Warsaw: Polish Academy of Sciences, The Institute of History, 1960. — P. 103).

¹² После этого у голландцев освободились поля, и они стали заниматься выращиванием льна и кормовых растений для скота, сделав акцент на производство молочных продуктов (особенно знаменитых голландских сыров). Это была целая аграрная революция, хотя и заняла она довольно длительное время, после чего сельское хозяйство в Нидерландах полностью переключилось на продукты с большей добавленной стоимостью.

¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. — М.: Прогресс, 1986. — С. 141.

Но экономика того времени позволяла богатеть всем участникам рынков, хотя и в разной мере. Аналогия с законом сохранения энергии — если где-то убывает, то в другом месте прибывает, — уже не работала. Сам принцип «чтобы стать богатым, необходимо отнять у другого», уходил в прошлое. В Европе начинался экономический рост, ставший бурным во времена промышленной революции.

Благодаря экономической экспансии Западной Европы в периферические сырьевые экономики происходила передача знаний и технологий — важного фактора экономического роста. Передавались они самыми разными путями, не только через торговлю, но и через всевозможные личные, политические, военные или образовательные связи. Когда в 1650 году к Богдану Хмельницкому прибыл венецианский посол Альберто Вимина, его слуга много рассказывал козакам о величии и богатстве славного города лагун и каналов, о его широких улицах, кораблях, торговле и фабриках¹⁴. Наверное, рассказывал и о знаменитых карнавалах. Так незаметно, маленькими ручейками, проникали из стран Западной Европы различные знания. Благодаря такой передаче знаний в Восточной Европе появились простейшие доменные печи, водяные и ветряные мельницы, механические часы, металлические плуги и косы¹⁵, даже географические карты из Венеции, показывавшие недавно открытые новые земли.

Периферийность доиндустриальных экономических систем Польши, Великого княжества Литовского и особенно украинских земель определялась их географическим положением на краю европейской цивилизации. На левом берегу Днепра начинались владения татар и, по сути, там проходила реальная граница с азиатским миром диких и агрессивных кочевников. Это был совсем не тот мир Арабского халифата, с которым когда-то начали торговать итальянцы. Расширить свой аграрный патриархальный мир у крестьянина не

¹⁴ Молчановский Н. Донесение венецианца Альберто Вимина о козаках и Б. Хмельницком (1656 г.) / Н. Молчановский // Киевская старина. — 1900. — № 1. — С. 74.

¹⁵ Такие технологические инновации проникали в наши края и благодаря немецким ремесленникам, поселявшимся в имениях Вишневецких, Острожских и других магнатов. Ежегодные «контракты» (вначале во Львове, потом в Дубно и, наконец, в Киеве), где встречались землевладельцы для продажи оптовых партий зерна, были ещё одним местом для обмена информацией самого разного содержания.

было возможности — моря и океаны с их торговыми путями находились далеко, он не мог стать моряком и отправиться в дальние страны на поиски удачи, как в Испании или Голландии. А кроме того, история не раз доказывала, что в приморских портовых городах у людей был шире кругозор. К ним быстрее доходили новости со всех концов мира, и они больше общались с представителями других народов и культур. Да и само мореплавание постоянно требовало инноваций. Они касались конструкции кораблей, навигационных приборов, карт и многого другого.

Так Восточная Европа, особенно украинские земли, стала периферическим сырьевым придатком Западной Европы, поставлявшим сельхозпродукцию. Аграрный сектор здесь обеспечивал не менее 70 % ВВП, протопромышленность — не более 20 %, сфера услуг — около 10 %¹⁶.

Можно, конечно, задать совсем наивный вопрос: а почему центром европейской экономики стали сначала города Италии, потом Голландия, за ней — Англия? А не Польша или Украина? Впрочем, вопрос этот не такой уж наивный, и он имеет право на существование. Первоначально всё определялось географией и удалённостью от морских торговых путей. В XVI веке условия для экономического роста в Нидерландах, а затем и в Англии создавали защита прав собственности и парламентская форма правления, реально обеспечивавшие порядок в экономике. В Речи Посполитой с правами собственности были постоянные проблемы; слабый парламент (сейм) славился произволом шляхтичей. Земельные магнаты ради своей выгоды налагали вето на неудобные для них решения. Каждый хотел получать прибыль в своём регионе, что приводило к фрагментации и без того нестабильного рынка, а также повторной феодализации экономики, чего не было в Голландии или Англии.

Экспорт зерна через Балтику был и в XV веке (может, и ещё раньше), но тогда он не имел существенного значения для аграрной экономики. После захвата турками Константинополя в 1453 году и падения Византии Османская империя стала контролировать побережье Чёрного моря. Восточные

¹⁶ В Нидерландах примерно в то же время аграрный сектор давал 40 %, промышленность — 33 %, сфера услуг — 27 %. В Англии — 56 %, 22 % и 22 % соответственно (Мэддисон Э. Контурь мировой экономики в 1–2030 гг. / Э. Мэддисон. — М.: Изд. Института Гайдара, 2012. — С. 122).

товары из черноморских итальянских колоний перестали поступать в Европу через Польшу, где проходили важные торговые пути через Краков, Львов, Коломыю, Рогатин, Хотин и дальше в Молдавию. Когда этот путь транзитной торговли перестал существовать, города вдоль него стали приходить в упадок (в истории всегда так было — вспомним Великий шёлковый путь). Появился новый торговый маршрут через Гданьск, откуда теперь ввозили восточные товары, попадавшие в этот порт морскими путями.

А с середины XVI века начался бурный рост зерновой торговли — именно через Гданьск, главный польский порт на Балтийском море, в конце этого века вывозилось ежегодно более 100 тысяч лашт¹⁷ (200 тысяч тонн) зерна. «Гляди во все концы // В стране лишь пахари, да жадные купцы! // Всё дело — на волах тащиться спозаранку, // Везти по Висле хлеб, потом доставить к Гданьску», — писал поэт и землевладелец Ян Кохановский (1530–1584).

Путешествие с зерном по Висле в Гданьск для многих провинциальных шляхтичей стало важным ритуалом — это давало им возможность увидеть более широкий мир, чем их уютные, но замкнутые имения. Один из продавцов зерна, Ян Пасек, писал в своих воспоминаниях: «В Гданьск ходил двумя судами, пришли на девятый день... Продал я пану Тынфу пшеницу по 160 злотых. Вернулся сушей¹⁸, а суда ещё стояли на приколе недель шесть»¹⁹. — Видимо, в ожидании прибытия голландского корабля.

Порт в Гданьске, через который экспортировалось зерно, был тогда не только торговым, но и культурным окном в Западную Европу. В этом городе с его огромными складами и морскими кораблями провинциальные шляхтичи соприкасались с западноевропейской цивилизацией. Ведь именно здесь, продав зерно, они покупали всякие модные предметы роскоши для себя и своих семей. Мода на атрибуты роскоши стала общеевропейской. В те века в сознании произошел

¹⁷ Один гданьский лашт (мера веса зерна) был равен 2,1 тонны.

¹⁸ Зерно везли на плоскодонных деревянных баржах (комьягах) или в больших деревянных лодках (дубах), сплавляя по течению сначала мелких рек, а потом Вислы. Вернуться этим судам обратно против течения было сложно, да и экономически нецелесообразно, поэтому их обычно продавали на дрова или на заборы, а владельцы зерна и команда судов возвращались наземными путями.

¹⁹ Pasek J. Pamiętniki / J. Pasek. — Krakow: Nakładem Polskiej Akademji Umiejetnosci, 1929. — S. 452.

настоящий переворот — церковные идеи бренности, второстепенности земной жизни по сравнению с «жизнью вечной» уже мало кого привлекали; благосостояние в реальном мире стало гораздо важнее. В центрах западноевропейской экономики с высокими зарплатами (особенно в портовых городах) даже никак не связанные с элитой простые работники могли позволить себе иногда покупать всякие модные товары (чай, кофе, сахар и шоколад, а также одежду из хороших тканей). У квалифицированных работников возможности были ещё больше²⁰. Что уж говорить о продавших груз зерна шляхтичах — конечно, им хотелось пустить пыль в глаза друзьям и родственникам.

Зерно в Гданьске можно было продать почти в два раза дороже, чем оно стоило в провинции; а в Амстердаме, куда его увозили на кораблях, оно стоило ещё в два раза дороже, чем в Гданьске²¹. Так что прибыли у всех были очень даже немалые. Впрочем, в польских землях на экспорт уходило не так уж много зерна — около 5 %²², а остальное потреблялось на внутреннем рынке. На Правобережье Украины этот процент мог быть выше, так как в этом меньше населённом крае находись особенно крупные фольварки.

Правда, вскоре в зерновом экспорте начались проблемы — после рекордного его объёма в 1618 году (115,5 тысячи лашт) в середине XVII века экспорт зерна уменьшился до 30 тысяч лашт (60 тысяч тонн)²³. Сокращение поставок зерна было связано с четырьмя польско-шведскими войнами в 1600–1629 годах, особенно с войной 1626–1629 гг. за контроль устья Вислы, непосредственно затронувшей Гданьск. Шведский король Густав Адольф блокировал устье Вислы, чтобы перекрыть кислород Польше — он хорошо понимал,

²⁰ Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Р. Аллен. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — С. 79.

²¹ Дейвіс М. Боже ігрище. Історія Польщі / Н. Дейвіс. — К.: Основи, 2008. — С. 254.

²² На первый взгляд, это очень мало. Но вспомним, что даже в 1850 году Англия экспортировала только 25 % необходимого ей зерна, остальное выращивалось внутри страны. Ни одна из стран тогда не производила настолько значительных излишков зерна, чтобы другие страны могли полностью рассчитывать на его импорт (Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 т. Том 1: 1700. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — С. 236).

²³ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4 т. Том II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. / И. Валлерстайн. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015 — С. 159.

что экспорт зерна прекратится, и для поставлявших зерно земельных магнатов это очень болезненное событие. Войны сильно повлияли на безопасность судоходства в Балтийском море и действительно привели к заметному сокращению зерновой торговли через Гданьск²⁴.

При этом спрос на зерно существовал, и голландские купцы готовы были платить за него хорошую цену, но шляхетские фольварки не могли обеспечить поставки необходимого количества. Из-за войн добираться до Гданьска, а тем более с зерном, становилось всё сложнее, и владельцы зерна не хотели рисковать — не только товаром, но и собственной жизнью. Поэтому в середине 1640-х годов голландские корабли всё чаще уходили из Гданьска пустыми²⁵.

В начале XVII века Западная Европа оказалась зависимой от балтийской торговли и поступавшего из Речи Посполитой зерна. Но когда эти поставки нарушились, пришло понимание, что зерно можно покупать и в других местах²⁶. Дело закончилось тем, что голландцы нашли себе новых поставщиков, а зернотрейдеры Речи Посполитой утратили свои позиции на этом рынке и восстановить их в полной мере уже не смогли. Государственный протекционизм²⁷ в Речи Посполитой не был развит, и владельцы фольварков оказались предоставлены самим себе²⁸.

²⁴ Maczak A. Między Gdańskiem a Sundem. Studia nad handlem bałtyckim od połowy XVI do połowy XVII w. / A. Maczak. — Warszawa: PWN, 1972. — S. 158, 162.

²⁵ Подробнее см.: Bogucka M. Handel Bałtycki a bilans handlowy Polski w pierwszej połowie XVII wieku / M. Bogucka // Przegląd Historyczny. — 1968. — N. 59/2. — S. 245–252. Bogucka M. Żegluga bałtycka w XVII–XVIII wieku w świetle materiaływ z archiwum w Amsterdamie / M. Bogucka // Zapiski Historyczne. — 2017. — T. LXXXII. № 4. — S. 123–137.

²⁶ Да и продуктивность сельского хозяйства в Западной Европе росла гораздо быстрее, чем в наших краях. А рождаемость сокращалась, так что становилось всё проще обеспечить себя собственным зерном.

²⁷ Хорошим примером удачного государственного протекционизма является Навигационный акт, принятый в Англии в 1651 году и разрешавший ввозить импортные товары только на английских кораблях. Целью акта было ограничение влияния голландцев на морских торговых путях, и эта цель была достигнута — именно Англия стала признанной «царицей морей».

²⁸ Отсутствие государственного протекционизма проявлялось и в том, что вместо поддержки внутренних производителей магнатам дали возможность без пошлины экспортировать предметы роскоши. Всё больше товаров из Западной Европы продавалось дешевле, чем аналогичная местная продукция. Отсутствие тарифных барьеров вело к упадку ремесленников. По сути, государство шло на поводу у богатейшей шляхты, что было очень характерным для Речи Посполитой.

Кроме войн были и другие, более глубинные, макроэкономические причины спада зернового экспорта. Первая половина XVII века вообще была отмечена разворотом тренда на европейских рынках, вызванным сокращением потока драгоценных металлов из Латинской Америки, долго стимулировавшего экономику Европы. К этому добавился и ряд войн в разных странах, в том числе Тридцатилетняя война 1618–1648 годов, вызвавшая голод и эпидемии. На фоне всего этого ещё в 1615–1620 годах стали падать цены на зерно, экспортировавшееся из Речи Посполитой, в том числе с Правобережной Украины²⁹. Для экспортёров условия становились всё более невыгодными, прибыли земельных магнатов Правобережной Украины сократились, и они стали укрупнять свои владения, скупая (а чаще просто отбирая) земли у мелких шляхтичей³⁰, чтобы таким образом уменьшить

²⁹ «Цены на экспортные товары падали не только в абсолютном эквиваленте — они могли падать и в относительном измерении, то есть для периферийных экспортёров условия торговли становились всё более невыгодными». «Голландские купцы требовали от гданьских принимать часть оплаты слабыми деньгами (например, лёвенталерами) наряду с более твёрдыми дукатами и талерами» (лёвенталер — голландская серебряная монета, предназначенная для внутреннего обращения и не являвшаяся международной валютой). Поэтому баланс польской торговли в Гданьске имел профицит 52 % в 1565–1585 годах, который сократился до 8 % в 1624–1646 годах, а потом и до отрицательного баланса во второй половине XVII века (Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4 т. Том II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. / И. Валлерстайн. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. 158). Кстати, в это же время падали цены и на экспортировавшийся из Венгрии скот, так что дело было не в польском и украинском зерне, а в общем настроении на рынке сельхозпродукции.

³⁰ Вероятно, именно потому чигиринский подстароста Данила Чаплинский (подчинявшийся крупному земельному магнату Александру Конецпольскому) совершил наезд на хутор Субботов, принадлежавший чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Это стало толчком для ряда известных событий, приведших к войнам Хмельницкого. Похожая история произошла и с моим однофамильцем (а может, и каким-то далёким предком), православным шляхтичем Григорием Потаповичем-Мошенским. Король Сигизмунд Август 8 апреля 1572 года своей грамотой подтвердил права собственности братьев Ивана и Григория Потаповичей-Мошенских на Мошны, Таганчу и половину села Григоров (родового имения), упомянув их предков Ивана и Григория. Им эти имения подарил за верную службу ещё в 1440-е годы киевский князь Олелько (Александр Владимирович), внук литовского князя Витовта. Однако 1 марта 1578 года Григорий Потапович-Мошенский подал жалобу на подстаросту каневского Олизара Боруховского про наезд и грабёж в местечке Мошны, принадлежавшем Григорию. На этом дело не закончилось, и в 1589 году люди князя Александра Вишневецкого снова наехали на владения Григория и эти земли у него отобрали.

количество конкурентов. А после начала восстания Богдана Хмельницкого положение дел у экспортеров зерна с Правобережной Украины ещё больше осложнилось. Многим магнатам пришлось покинуть свои имения, оказавшиеся в зоне военных действий, и в общем хаосе тех лет всем явно было не до вывоза зерна из Украины.

Из-за сокращения экспорта зерна во второй половине XVII века в балтийской торговле через Гданьск всё чаще упоминаются другие товары — древесина, кожа, воск, поташ. Наиболее предприимчивые магнаты пытались брать гданьских посредников и торговать напрямую с Амстердамом. Кроме прочих выгод это давало им доступ к дешевым голландским кредитам под 3–4 % годовых.

В сентябре 1643 года крупный землевладелец Александр Конецпольский³¹, черниговский мечник³² Мартин Чарнецкий и Николай Заремский основали торговое партнёрство, и каждый из участников внёс по 1500 гульденов. Другое партнёрство учредил в 1680 году Мартин Замоиский вместе с немецким купцом Соломоном Израелисом для торговли через порт Гданьска древесиной, поташем и шерстью. Позже к этому партнёрству присоединился Ян Процкий³³.

Но вернёмся в годы расцвета зернового бума. Начало массового экспорта зерна через Гданьск привело к настоящей экономической революции в аграрном хозяйстве шляхетских имений. Если раньше зерно выращивали для собственных потребностей, максимум — для нужд внутреннего рынка, то теперь «вся Европа становилась рынком для панского фольварка»³⁴, а натуральное хозяйство к концу XVI века превратилось в товарное. Так «Великий зерновой бум» принёс в наши края экономическое мышление, создав, по сути, «новую экономику» с элементами капитализма.

³¹ Тот самый владелец крупных земельных участков на Правобережье Украины (в том числе замков в Подгорцах и Бродах), по инициативе которого у Хмельницкого хотели забрать его хутор. В битве под Пилявцами в 1648 году польское войско под командованием Александра Конецпольского было разбито Богданом Хмельницким, а сам магнат едва избежал плена.

³² Мечник в Речи Посполитой — чиновник, занимавшийся войсковым судопроизводством.

³³ Bogucka M. Żegluga bałtycka w XVII–XVIII wieku w świetle materiałów z archiwum w Amsterdamie / M. Bogucka // Zapiski Historyczne. — 2017. — Т. LXXXII. № 4. — S. 130–131.

³⁴ Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 6. Житє економічне, культурне, національне XIV–XVII віків / М. С. Грушевський. — Репринтне видання видання (Київ, Львів, 1907). — Київ: Наукова думка, 1995. — С. 198.

Капитализм зародился, когда началось производство товаров (в нашем случае зерна) на продажу и появились устойчивые рынки для этих товаров. В наших краях он развивался долго, медленно и мучительно. Как дерево, растущее из зерна на не очень хорошей почве. От первого ростка с двумя маленькими листочками до полноценного дерева, пусть молодого, очень длинный путь, на котором может быть множество трудностей. В Англии или Голландии почва была более плодородной, и там этот росток капитализма достиг зрелости гораздо быстрее.

Рыночные отношения во время зернового бума понижали жизнь людей практически из всех слоёв общества. Даже крепостные крестьяне, не получавшие денег за свой труд, выращивали зерно для экспорта и за счёт этого тоже были вовлечены в экономику аграрного капитализма. Не говоря уже о землевладельцах — производителях зерна, мещанах, купцах, которые заключали коммерческие договоры о поставках. А дальше на всех этапах экспорта зерна широко использовался наёмный труд. Необходимо было строить речные суда (комяги) для перевозки зерна, грузить его, потом доставить груз по рекам до Гданьска. Всем этим занимались разные люди, получавшие деньги за свой труд. Права собственности, а также исполнение контрактов были защищены — все хорошо понимали, где чьё зерно или другой товар. А если и возникали имущественные споры, то судебная система была достаточно развита для того, чтобы их решать. Часто применяли и простейшие финансовые инструменты — аналоги векселей (мамраны и «облики»)³⁵. Рынки товаров и рабочей силы были более узкими и несовершенными, чем в эпоху развитого капитализма, но я не вижу смысла сравнивать аграрный капитализм эпохи зернового бума с индустриальным капитализмом XIX века. Понятно, что отличий между ними больше, чем сходства.

Эпоха массового экспорта зерна через Гданьск действительно многое изменила в менталитете феодального общества. Когда оказалось, что продукция архаичного аграрного хозяйства востребована в Западной Европе, возник поток зерновых денег — голландских дукатов и талеров (эти монеты тогдашней сверхдержавы были международной валютой, как доллары и евро сегодня).

³⁵ Подробнее см.: Мошенский С. З. Эволюция векселя / С. З. Мошенский. — К.: ТОВ «ПоліграфКонсалтинг», 2005. — 432 с.

Это неизбежно заставляло землевладельцев думать не только об очередной охоте или перестройке своих замков и дворцов. В этих дворцах всё чаще стали звучать слова о торговле, богатстве, роскоши, ценах на зерно. А на смену разговорам о войне и благородном происхождении (а о чём ещё могли говорить раньше аристократы?) приходили разговоры на рыночные темы. Несмотря на то, что слова «рынок» тогда ещё не употребляли, понятие «государство» начало растворяться в понятии «рынок». Так вхождение в рыночные отношения большого количества шляхтичей (в том числе мелких) привело к тому, что они становились «людьми рынка»³⁶, и это создавало новый экономический взгляд на жизнь.

Желание заработать деньги стало не только respectable, но и одной из главнейших жизненных целей. Язык денег, язык прибыли был понятен всем народам и расам на разных континентах, а стремление заключить наиболее выгодную сделку помогало в эпоху зернового бума торговать с голландцами.

Производители зерна сильно обогатились, у них появились немалые капиталы и тяга к роскошной жизни. А вот интереса к инвестициям в передовые технологии производства не было — потребление привлекало гораздо больше. Обитые позолоченным сафьяном кресла из Гданьска и другая дорогая мебель — всё это стало обычным делом в имениях шляхтичей Правобережной Украины. Большие каменные дома (а иногда и настоящие дворцы) всё чаще появлялись в панских фольварках. Но ещё более верным признаком легко доставшегося богатства стали не дома или мебель — это служило много лет, — а то, что съедали и выпивали каждый день даже во второй половине XVIII века, когда доходы от зерна уже сильно сократились. «С раннего утра столы в комнатах заставлялись золотистыми штофами данцигских водок, устрицами, миногами, голландскими селёдками, швейцарскими сырами в таких громадных кругах, как колёса экипажа. Все пили и ели кому что нравилось, когда закуска съедалась, подавали второй завтрак... и сотни бутылок английского пива... насколько припоминаю, что тогда говорили, всякий такой завтрак стоил

³⁶ Недаром людей, связанных с коммерцией, тогда называли «негоциантами» — «занятыми делом», не имеющими свободного времени (*neg-otium*), аналогично привычному нам слову «бизнесмен» («занятый человек», от англ. *busy* — «занятый делом»).

не менее трёхсот червонцев»³⁷. География напитков и закусок тоже примечательна — тут и английское пиво, и голландская сельдь, и швейцарские сыры. Словом, товары со всей Европы. А если вспомнить кофе и перец — то со всего земного шара. Так что мир, в котором жили шляхтичи Правобережной Украины, отнюдь не был замкнут в кругу узких аграрных интересов. Хотя питал этот мир, конечно же, аграрный капитализм со свойственной ему феодализацией капитала — другого источника денег тогда там не было.

Именно тогда сформировалась специфическая не только для Украины, но и для всей Восточной Европы модель экономического развития, основанная на экспорте сырья (в данном случае — зерна). Промышленная продукция и технологии поступали с Запада, заинтересованного в восточноевропейском рынке сбыта, а экспортировалось туда сырьё. Хотя страны Восточной Европы не становились колониями, они оставались сырьевыми придатками. Зерновой бум создавал финансовые потоки, но он не способствовал проникновению инноваций — ни в сельском хозяйстве, ни в ремёслах. Действительно, зачем всё это — рассуждали земельные магнаты, — если зерно и так выращивают, и это даёт хорошую прибыль. Что будет завтра, их не очень волновало. А зря. Потому что при использовании принудительного труда крепостных крестьян и безжалостной эксплуатации земли почва истощалась через полвека. А люди истощали свои силы ещё раньше. Так что подобная модель агробизнеса, рассчитанная на максимизацию краткосрочной прибыли, неизбежно вела в тупик.

Во время спада зернового экспорта зарождающаяся капиталистическая украинская экономика впервые столкнулась с проблемой взаимоотношений периферии и центра. Экономический спад в Западной Европе распространился и на аграрную периферию — Речь Посполитую. Примерно так же, как было у нас в 2008 году, когда поток иностранных инвестиций вдруг закончился. А на периферии все такие спады или кризисы ощущаются гораздо более болезненно по простой причине — финансовые потоки всегда и везде возникают в центре, и не в силах периферия повлиять на их колебания.

³⁷ Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1874. — С. 30. Червонец или червонный золотый — местное название золотого дуката, одной из главных международных валют того времени, имевшего примерно такое же значение, как сегодня доллар или евро. Курс червонного золотого постоянно менялся в диапазоне от 8–10 до 15 обычных злотых.

Да, это была периферическая аграрная экономика, но проблема не в том, что она была сырьевой и периферической в XVI веке, а в том, что она оставалась такой и в последующие столетия, до сегодняшнего дня. Что мы видим сейчас? Экспорт необработанной сельхозпродукции, необработанной древесины, необработанного металла. Может, картина несколько упрощённая, но, по сути, так и есть. Впрочем, для XVI или XVII века такая сырьевая экономика — это было очень даже и неплохо. Ведь где массовый экспорт — там всегда денежные потоки. А где денежные потоки, там возникает благодатная почва для развития предпринимательства.

Ловушка аграрной экономики

Так во времена зернового бума мы оказались в ловушке сырьевой аграрной экономики. «Целые века проходили, а моему народу отказывали в праве на ум и мудрость, потому что должен он был кормить мир хлебом, а не умом»³⁸. Принудительный труд крепостных крестьян стоил дёшево, а земли были плодородными, что позволяло землевладельцам хорошо зарабатывать на зерновой торговле, не пытаясь сделать более эффективным аграрное хозяйство в своих имениях. Всё это тормозило экономический рост, не давая развиваться производству. Можно, конечно, сказать, что во всём виновато крепостное право, которое в Западной Европе уже сошло на нет. Однако условия для возникновения ловушки сырьевой экономики с её закрепощением крестьян появились раньше.

Усиливавшееся крепостное право было не причиной отставания, а следствием. Ещё в начале XV века во всей Восточной Европе (в том числе и на украинских землях) ВВП на душу населения был ниже, чем в Западной Европе. Несмотря на рост этого показателя во время зернового бума XVI века, такой разрыв сохранялся, ещё больше усилившись во время экономического спада XVII века. В XVIII веке положение дел немного улучшилось, однако ВВП на душу населения всё равно отставал³⁹. А позиции и амбиции стран в мире ограничиваются размером ВВП. Экономика — не бокс. Тут лежачих бьют.

³⁸ Загребельный П. А. Я, Богдан / П. А. Загребельный. — К.: Дніпро, 1986. — С. 34.

³⁹ В 1400 году ВВП на душу населения (в условных долларах 1990 года) в Польше составлял 562 дол. (в Англии — 1053, в Нидерландах — 920), в 1500-м — 702 дол. (1041 и 1119 соответственно), в 1600-м — 810 дол.

Кое-кто (в том числе даже такой образованный человек, как Юрий Немирич) наивно верил, что, продавая зерно голландцам, с ними можно завести дружбу. «Дружба с ними для нашего народа выгодна и во время мира, и во время войны, потому что они нам — товары и много серебра, а мы им — больше, чем другие [продаём] зерна, которого у нас много. Так легче будет завоевать их расположение и завести с ними крепкую дружбу»⁴⁰. Однако покупавшие в Гданьске зерно голландцы не собирались заводить никакую дружбу с аграрными странами — им это было совершенно не нужно, потому что торговля — это не дружба, а просто коммерция. И не более того.

Из-за слабости рынков обеспечить эффективность сырьевой аграрной экономики не удавалось. Да и крестьяне из-за своей консервативности были не склонны к рыночным отношениям и рискам. Поэтому единственным доступным земельным магнатам способом сохранять прибыльность стало усиление давления на крепостных крестьян. Но надолго этого не могло хватить — человеческие ресурсы имели свой запас прочности, и начинались восстания.

Во время зернового бума благодаря сложившимся путям балтийской международной торговли украинское зерно попадало на мировые рынки. В ином случае зерно просто некуда было бы продавать. Так выращивавшие его крестьяне, сами того не зная, становились частью этих рынков. Однако на крестьян в замкнутом крепостническом мире это не оказывало никакого положительного влияния. Наоборот, помещики ещё больше закабалляли их для увеличения своей прибыли.

(1037 и 2049), в 1700-м — 569 дол. (1513 и 1520), в 1820-м — 946 дол. (3190 и 1755) (Malinowski M. Income and its distribution in preindustrial Poland / M. Malinowski, J. Luiten van Zanden // *Clometrica*. — 2016. — Vol. 11, № 3. — P. 375, 401). Это в общем согласуется с данными Мэддисона. В 1000 году в Западной Европе ВВП на душу населения (427 дол.) ещё не очень превосходил этот показатель для Восточной Европы (401 дол.), в 1500-м расхождение стало очевидным (777 и 498 соответственно), и ещё больше выросло в 1820 г. (1202 и 686) (Мэддисон Э. *Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.* / Э. Мэддисон. — М.: Изд. Института Гайдара, 2012. — С. 113).

⁴⁰ Немирич Ю. Роздуми про війну з московитами // Ю. Немирич. — К.: Академперіодика, 2014. — С. 33. Впрочем, когда голландцам было нужно, они поддерживали тех торговых партнёров, в которых были больше заинтересованы. Так происходило во время Русско-польской войны 1654–1667 годов. Нидерланды поставляли Москве мушкетеры, порох и прочие припасы несмотря на то, что открыто выражали неодобрение этой войной. Голландцы были заинтересованы в экономических связях с Россией, откуда они экспортировали корабельный лес и селитру (Заборовский Л. В. *Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века* / Л. В. Заборовский. — М.: Наука, 1981. — С. 33).

Начался «экономический процесс... перехода центра тяжести экономической и социальной жизни из города в село, на панский фольварк», а «развитие вывоза сельскохозяйственных продуктов во второй половине XVI века обострило аппетиты шляхты, и она оттеснила население городов от международной торговли»⁴¹. Шляхта взяла на себя функции торговцев и таким образом ограничила перспективы развития городов как центров торговли и промышленности. Когда торговля перешла в руки шляхты, города во многом утратили свою функцию коммерческих посредников.

Это имело далеко идущие последствия. В городских условиях людям гораздо проще объединяться для коллективных действий, закладывающих фундамент, на котором со временем возникает гражданское общество. В сельской местности все это намного сложнее: люди там меньше организованы и каждый больше заботится о своих личных интересах.

«Балтийская торговля зерном... усилила антигородские наклонности местных землевладельцев. Экспортный поток освободил их от зависимости от местных городов — теперь они получили рынок, который гарантировал устойчивый денежный доход и приток промышленных товаров, без неудобств, которые создавали политически автономные города... им просто нужно было сделать так, чтобы вести дела с иностранными торговцами напрямую, вообще минуя города»⁴².

Фольварки — крупные хозяйственные комплексы в пределах одного поместья — ориентировались на производство агропродукции (в основном зерна) для продажи. Они бывали очень большими, в имениях земельных магнатов работали даже ремесленники, а владелец фольварка вёл самостоятельную торговлю, что тормозило развитие городов. Однако даже самые маленькие города не могли заменить самые большие фольварки. Потому что там индивидуальной свободы практически не было, и все зависело от хозяина. В любом городе общество было не таким полярным. Там оно стало сложнее, многослойнее и потому более свободным. В городе существовали такие виды деятельности (купцы и мелкие торговцы, ростовщики и юристы, а также всевозможные предприниматели), которым в аграрном фольварке места

⁴¹ Грушевський М. С. Студії з економічної історії України / М. С. Грушевський // Твори. У 50 т. Т. 8. Історичні студії та розвідки. — Львів: Світ, 2007. — С. 14–16.

⁴² Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / П. Андерсон. — М.: Территория будущего, 2007. — С. 252.

не было. Городские жители могли заниматься независимым предпринимательством и торговлей, а не быть под колпаком у владельца фольварка.

Ещё Адам Смит говорил когда-то, что торговля и промышленность городов в большей части Европы были не следствием, а причиной подъёма и развития сельского хозяйства. Появление в западноевропейских городах покупателей с достаточно высокими доходами стимулировало крестьян выращивать и продавать им свою продукцию с более высокой добавленной стоимостью, чем просто зерно⁴³.

У нас же в то время такая роль городов уменьшилась. Так зерновой бум затормозил развитие городов⁴⁴ — это была ловушка сырьевой экономики. И хотя земельные магнаты прилагали усилия, чтобы стимулировать развитие ремёсел в своих владениях⁴⁵, быстрая и лёгкая прибыль от продажи зерна создавала соблазн сосредоточиться на экспорте агропродукции.

К тому же шляхтичей (в отличие от горожан) освободили от пошлин задолго до начала зернового бума⁴⁶. Крупные землевладельцы, будучи правящим классом, проводили, по сути, политику «антимеркантилизма», не следуя совету знаменитого английского меркантилиста Томаса Мана (1571–1641) — директора Ост-Индской компании, считавшего, что «мы должны соблюдать правило — ежегодно продавать иностранцам своих товаров на большую сумму, чем мы потребляем их товаров»⁴⁷.

⁴³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: Эксмо, 2007. — С. 405–406.

⁴⁴ Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба. — СПб.: Изд. А. Суворина, 1907. — С. 71.

⁴⁵ «Ремесленников много в этом городе / Разных: сюда их позвали урожайные нивы и войны. / Тут производят всё оружие: кольчуги, и стрелы, и медные / Панцыри, копья, шлемы с султаном, щиты разные», — писал Симон Пекалид (1567–1601) про Острог (Пекалід С. Про остроцьку війну під П'яткою проти низових / С. Пекалід. — <http://litopys.org.ua>). Pecalidis S. De bello Ostrogiano ad Piantcos cum Nisoviis libri quatuor / S. Pecalidis. — Krakow: Wydawca Piotrkowczyk, Andrzej, 1600. — 173 s. — <https://www.wbc.poznan.pl>

⁴⁶ Шляхтичи не платили пошлин не только за экспорт своих товаров, но и за импорт товаров для собственных нужд, которые они ввозили в огромных количествах, насыщая ими рынки. А товары местных производителей становились неконкурентоспособными, что подрывало развитие ремёсел в городах.

⁴⁷ Mun T. England's treasure by foreign trade, or The balance of our foreign trade is the rule of our treasure / T. Mun, J. Mun. — London: Printed by J. G. for Thomas Clark, 1664. — P. 11.

Заполнение рынков импортными товарами без установления высоких ввозных пошлин подорвало и затормозило развитие промышленности в городах. Оставалось только с завистью смотреть на приезжавших западноевропейских купцов. «Мы смотрим... на то, что немцы производят, и в каких одеждах они ходят. Много они имеют денег, городов и государств⁴⁸, смешались они с нами и на всех языках говорят»⁴⁹.

Возникновение ориентированной на экспорт зерна экономики привело к тому, что крепостное право стало усиливаться и тормозить экономический рост, в то время как в Западной Европе оно давно уже ослабело. Это было настоящее проклятие сырьевой экономики, за которое дорого пришлось заплатить — ограничение личной свободы и предпринимательской инициативы, отсутствие сбережений из-за бедности крестьян, слабый внутренний рынок, медленный рост городов, неразвитость среднего класса. И в конечном счёте — неспособность к полноценной модернизации общества. Таковы были глубокие социально-экономические последствия крепостной ментальности, свойственной восточноевропейским экономикам. Такая ментальность крепко укоренилась в коллективной памяти поколений, осложняя все попытки модернизации — и в 1860-е годы, и в начале XX века.

«Это был отголосок давних крепостных времён... оставивших сильный след в жизни крестьянина и отразившихся в его психике, превративших свободного человека в запуганного раба... только изредка можно было увидеть, как искры яркого огня загорались в глазах, и это обычно был тёмный огонь ненависти. И вместе с тем — покой уверенности в себе... которой хватает у нашего крестьянина, и она помогает ему вести себя как равного в самом высоком обществе. Какая-то смесь врождённого человеческого достоинства и приобретённого в наследство от тяжёлых веков унижен-

⁴⁸ На территории Германии много веков существовало большое количество отдельных княжеств (Пруссия, Бавария, Саксония и др.).

⁴⁹ Ciekawa mova [w. Iwana Mielewski / Zbior pamietnikow historycznych o dawnej Polsce. T. 2. — Lipsk: Breirkopf i Haertel, 1839. — S. 342. Так называемая «речь Ивана Мелешко» датируется 1589 годом. Считается, что на самом деле это не речь, а политический памфлет (Сумцов Н. Ф. Речь Ивана Мелешко как литературный памятник / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. — 1894. Май. — С. 195–213).

ности и покорности, свободы и забитости, человечности и зверства, хмурого взгляда и отчаянных поступков»⁵⁰.

Кроме того, возникла ещё одна проблема, характерная именно для украинских земель. В конце XVI века на Правобережье Украине (как и в Речи Посполитой в целом) формировался аграрный капитализм, основанный на экспорте зерна и скота. Однако пути для его превращения в промышленный капитализм оказались надолго заблокированы наличием большого количества свободных земель, особенно на левом берегу Днепра.

В других странах Западной Европы самые бедные из крестьян бросали сельское хозяйство и уходили искать работу в города. Там они становились ремесленниками, закладывая основу для роста производства и зарождения промышленного капитализма. При этом росли города, предоставляя новые и новые возможности найти работу трудовым мигрантам из сельской местности.

А в Украине обедневший крестьянин уходил из родного села на свободные земли и там продолжал заниматься сельским хозяйством. Или становился козаком. Власти были заинтересованы в освоении пустующих земель и даже предоставляли таким крестьянам льготы. Мотивация переселяться в город и заниматься ремеслом отсутствовала, потому и города в Украине в XVII веке оставались слабо развитыми. Ситуация стала меняться только с начала XIX века, когда после завоевания Россией Крыма угроза нападений татар исчезла, степи распахали, а свободных земель практически не осталось. Так зарождение промышленного капитализма в Украине, к сожалению, надолго задержалось.

Впрочем, я не хочу, чтобы эта книга стала книгой сожалений. Хотелось бы, чтобы она помогла сосредоточиться на том, куда мы хотим прийти, а не на том, где мы когда-то были. Сосредоточиться на достижениях, а не на поражениях. Ведь прошлое — это не окончательный приговор, хотя оно и формирует что-то вроде глубокой наезженной колеи, из которой трудно выбраться.

⁵⁰ Єфремов С. Щоденник. Про дні минулі (спогади) / С. Єфремов. — К.: Темпора, 2011. — С. 409.

*Народ и элита.
В поисках национального
экономического пространства*

Высшая украинская экономическая элита XVI–XVII веков инвестировала капиталы в разные вещи — сельское хозяйство, развитие ремесел, в защищавшие экономические интересы русинов братства, образование и культуру. Но она не вкладывала капиталы в самую главную институцию — в создание национального государства (которое должно заботиться об экономическом росте и повышении уровня жизни). Эту функцию взяли на себя в середине XVII века небогатая шляхта и козачество.

Восстание Хмельницкого началось всего через 80 лет после того, как в 1569 году Литва и Польша объединились в новое государство — Речь Посполитую. Оно включало в себя не только поляков и литовцев, но и жителей Руси, не имевших своей государственности⁵¹. Если литовцы долго сомневались, нужно ли им объединяться с Польшей в новом государстве, то для шляхтичей с Руси сомнений не было. Они понимали, что Речь Посполитая будет более прогрессивным государством, чем архаичное Великое княжество Литовское. И у них там будет больше свобод и экономических возможностей, не говоря уже о появлении открытой двери в Западную Европу. По словам современника Станислава Ориховского⁵², «между Москвой, Волохами, Литвой и Польским государством такое

⁵¹ До середины XVII века земли на восток от Днестра и до Днепра назывались «Русь» — ещё жила память о Древней Руси, особенно о Галицко-Волынском княжестве.

⁵² Станислав Ориховский (1513–1566) — историк и публицист, католик по вероисповеданию, гордо и демонстративно называвший себя «русином» и «роксоланом». Ориховский 17 лет провёл в Австрии, Германии, Италии, обучаясь в различных университетах. Его отец не жалел на это денег, но когда в возрасте 30 лет Станислав вернулся домой, отец потребовал, чтобы он стал католическим священником. Это совершенно не входило в планы молодого мыслителя, привыкшего к личной свободе за годы жизни в Западной Европе, но пришлось подчиниться. Его симпатии к своему «русинству» распространялись и на православие, за что он не раз подвергался гонениям со стороны католической церкви. Дело дошло до того, что Ориховский, подобно православным священникам, решил жениться. Для католиков это было немыслимо, и начался страшный скандал, взволновавший умы современников. Впрочем, когда жена умерла, а сам Станислав стал старше, его бунтарский дух немного угас.

же отличие, как между неволей и свободой»⁵³. Правда, чтобы воспользоваться новыми возможностями, в будущем пришлось отречься от религии предков и принимать католичество, но об этом они ещё не подозревали.

После Люблинской унии землевладельцы Руси благодаря великому зерновому буму создали в конце XVI — начале XVII века огромные поместья — латифундии⁵⁴, усилив своё экономическое могущество. Будучи в своих имениях полновластными хозяевами, они чувствовали себя настоящими правителями своих земель.

Первоначально они, возможно, действительно верили, что равны в правах и влиянии с поляками. Во всяком случае, так было во время Люблинской унии, после которой образовалась Речь Посполитая. Мы «...осознаём, что по благородству равны всякому другому народу. Но кроме того у нас есть княжеские роды, которые по своему происхождению имеют у нас особенное положение... мы не желали бы, чтобы их честь как-нибудь умалилась», — говорил Константин Вишневецкий на Люблинском сейме в 1569 году⁵⁵.

Почти век спустя киевский воевода Адам Кисель будет говорить о том же на сейме 1641 года: «Наши предки, русские сарматы⁵⁶, добровольно пришли к... польским сарматам... Не в страну, но со [своей] страной, не к религии, но с [своей] религией, не к титулам и отличиям, но с [своими]

⁵³ Оріховський С. Квінкунс, тобто взірєць устрою Польської держави / С. Оріховський // Українські гуманісти епохи Відродження: антологія у 2 ч. Ч. 1. — К.: Наукова думка, 1995. — С. 358. О свободах в Речи Посполитой Оріховський писав не раз. Подробнее см.: Вирський Д. Станіслав Оріховський-Роксолан: життя і пам'ять / Д. Вирський. — К.: Ін-т історії України, 2013. — С. 128.

⁵⁴ Земельные владения князей Вишневецких в районе города Лубны на левом берегу Днепра включали почти 40 тысяч хозяйств и были настолько огромными, что им не было равных в Европе. Эти крупные землевладения украинские магнаты создавали, скупая дешево земли у мелких шляхтичей, но главным образом получая их в дар от польского короля для освоения пустых незаселённых территорий в районе Белой Церкви, Канева, Богуслава, Умани и на левом берегу Днепра. Такая практика особенно распространилась после решения сейма в 1590 году (Гуслистый К. Нариси з історії України / К. Гуслистый. — У 3 ч. Ч. 3. — К.: АН УРСР, 1941. — С. 87).

⁵⁵ Дневник Люблинского сейма 1569 года. — СПб.: Тип. В. Головина, 1869. — С. 381–382.

⁵⁶ Среди польских шляхтичей распространился миф о том, что они (в отличие от «хлопов» — крестьян) потомки древнего свободолюбивого народа — сарматов). Судя по всему, Адам Кисель тоже был сторонником сарматизма. Когда он говорит «русские», то имеет в виду потомков населения древней Киевской Руси, а не жителей Московии, которых тогда называли «москвиты».

титулами и отличиями»⁵⁷. Однако я не думаю, что поляки тогда считали равными аристократические династии потомков жителей Киевской Руси. Своего государства у них давно не было, и уже только этой причины достаточно, чтобы они не могли быть равноправными.

Когда началось восстание Богдана Хмельницкого, они с Адамом Киселём оказались в разных лагерях⁵⁸, несмотря на то что Кисель был таким же православным шляхтичем. Он вёл переговоры от имени польского государства с гетманом войска запорожского. При этом их личные отношения, судя по переписке, оставались дружескими. И тот, и другой были русинскими («руськими») шляхтичами православной веры, и это их сближало⁵⁹.

Но основная часть русинской аристократии, конечно же, подвергалась польскому влиянию — она не могла не считаться с правилами игры в Речи Посполитой. «Магнаты были, прежде всего, люди политики, а политика требует приспособления»⁶⁰. В том числе и ради экономической выгоды. «Ему было всё равно, украинец он или поляк — вера была для него лишь формальностью, без которой он не смог бы достичь поставленной цели»⁶¹, — писал Иван Нечуй-Левицкий про Иеремию Вишневецкого. С одной стороны, русинская («руськая») родовая аристократия подвергалась польскому влиянию, всё чаще отказываясь от религии своих предков и принимая католицизм, а вместе с ним — польские обычаи и язык. Со вре-

⁵⁷ Sysyn F. Regionalism and Political Thought in Seventeenth-Century Ukraine: The Nobility's Grievances at the Diet of 1641 / F. Sysyn // Harvard Ukrainian Studies. — Vol. 6, No. 2 (June 1982). — P. 186.

⁵⁸ Не только Адам Кисель называл восстание Хмельницкого «страшной крестьянской войной», но даже и «для автора "Истории русов" народные массы... были рабами варварских обычаев и суеверий» (Плохий С. Козацький міф / С. Плохий. — К.: «Клуб семейного досуга», 2018. — С. 49).

⁵⁹ Новицкий И. Адам Кисель, воевода киевский / И. Новицкий // Киевская старина. — Часть 2. 1885. № 11. — С. 425, 427. Благодаря опеке и протекции Богдана Хмельницкого Адам Кисель владел большими имениями на Левобережье возле Десны. И это в то время, когда польские шляхтичи полностью утратили там свои владения. Хмельницкий даже посылал отряд козаков под командованием полковника Романенко и своего старшего сына Тимоша, чтобы удерживать крестьян от восстания в имениях Киселя (Каманін І. М. Три тестаменти Адама Кисіля / І. М. Каманін // Україна. — 1918. — № 1-2. — С. 55-57).

⁶⁰ Ефименко А. Очерки истории Правобережной Украины / А. Ефименко // Киевская старина. — 1895. — № 4. — С. 92.

⁶¹ Нечуй-Левицкий І. Князь Єремія Вишневецький / І. Нечуй-Левицький. — К. Дніпро, 1991. — С. 37.

менем какие-нибудь Вишневецкие или Заславские внешне вряд ли чем-то отличались от Потоцких или Понятовских. А с другой, «уже в первой трети XVI века фиксируются проявления идентичности “территориальных русинов”: людей как русского, так и польского или немецкого происхождения, в чьём сознании переплетались искренняя любовь к Руси как “малой родине” и лояльность по отношению к “политической родине” — Польскому королевству»⁶². Так зарождался экономический национализм, и понятно, что если бы когда-то появилось Руськое княжество (как предлагал потом гетман Выговский), то экономические интересы «территориальных русинов» были бы связаны именно с ним. Таким был и придворный поэт князя Острожского Симон Пекалид (поляк, ставший называть себя русином), для которого даже «пчёлки славные руськие»⁶³.

Кем считали себя магнаты после обращения в католичество — русинами («руськими») или уже поляками, не столь важно для экономики. Важно то, что они осваивали новые земли, строили там города и местечки, создавая условия для экономического развития этого края⁶⁴. Любая элита⁶⁵ является элитой потому, что опирается на экономическую власть, на возможность распоряжаться экономическими ресурсами и распределять инвестиции.

«Где теперь бесценные бриллианты православной короны, прославленные рода руських князей, где Слуцкие, За-

⁶² Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время / Н. Яковенко. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 150.

⁶³ Пекалід С. Про остроцьку війну під П'яткою проти низових / С. Пекалід. — <http://litopys.org.ua>

⁶⁴ Это хорошо видно на примере «русского» воеводы Иеремии Вишневецкого, принявшего католичество (вопреки воле матери) и выступавшего против Богдана Хмельницкого. В то же время он сделал очень много для освоения земель Полтавщины, что потом очень пригодилось во времена Гетманщины. «Хозяйственная ретивость князя, необычная в среде разгульного польского панства того времени, его личное, непосредственное участие в упорядочении края, значительное имущественное богатство, которым он обладал при спартанском режиме («ни женщин, ни вина») указывают, что намерения юноши-магната преследовали не личный интерес, но благо народа и культуру края» (Бочкарёв К. П. Очерки лубенской старины. Вып. 1. / К. П. Бочкарёв. — М.: Т-во А. Левенсон, 1900. — С. 32). Вишневецкому было тогда всего 26 лет.

⁶⁵ Трудно сказать, какой процент от населения земель Руси составляла в те века элита. В других странах этот слой обычно не превышал 10 %. Для Речи Посполитой иногда называется цифра 12 % — общее количество шляхтичей. Но сколько из этих шляхтичей было действительно элитой, а сколько — бедными, малоземельными, а то и вообще безземельными, мне неизвестно.

славские, Збаражские, Вишневецкие, Сангушки, Чарторийские, Пронские, Ружинские, Соломирецькие, Головчинские, Коропинские, Масальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузины?»⁶⁶, — писал церковный деятель и публицист Мелетий Смотрицкий в 1610 году.

«Шляхта... очень немногочисленна, подражает польской, и, кажется, стыдится того, что принадлежит к другой, не римской вере, в которую они переходят ежедневно, хотя вся знать и все те, кто носит имя князей, происходят из греческой веры»⁶⁷, — отмечал французский инженер Боплан в 1640-е годы. Мотивы перехода православной шляхты в католичество чётко назвал в 1631 году митрополит Исайя Копинский в своём послании к князю Иеремии Вишневецкому, известному магнату и противнику Богдана Хмельницкого. Митрополит говорил о трёх простых и понятных причинах: «для славы света сего», «для великого богатства», и потому что «грецкая — хлопская вера есть», а шляхтичи всеми силами старались держаться подальше от «хлопов», как тогда называли крестьян. Митрополит уговаривал Вишневецкого не поддаваться этим «политическим» соображениям и вернуться к религии его предков — православию⁶⁸. Князь Иеремия, как мы знаем, митрополита не послушался.

Можно ли говорить, что таким образом украинцы утрачивали свою национальную элиту? Русинская («руськая», а проще говоря — украинская) элита в основной своей массе полностью не отрекалась от национальных корней, традиций и экономических интересов русинских земель, на которых она жила. По словам современника, Мелетия Смотрицкого, «Не вырождается из своей крови тот, кто меняет веру. Если кто из руського народа римскую веру принимает, не становится же сразу испанцем или итальянцем, а по-старому остаётся шляхетным русином. Ибо не вера русина русином, поляка поляком, литовца литовцем делает, а рождение и кровь

⁶⁶ Смотрицкий М. Тренос, або плач. Розділ 1 / М. Смотрицький. — <http://litopys.org.ua>

⁶⁷ Боплан Г. Описание Украины / Г. Боплан. — М.: Древлехранилище, 2004. — С. 159.

⁶⁸ Каманин И. Участие южно-русского населения в восстании Богдана Хмельницкого / И. Каманин // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. — К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. — С. III–IV.

русская, польская, литовская»⁶⁹. Были, правда, и радикально настроенные публицисты, ставившие веру на первое место. «Хотя Русь простая, глупая и необразованная... оставайтесь в православной вере»⁷⁰, — писал в начале XVII века Иван Вишенский. Но многие подходили к этому более прагматично и поступали так, как им было выгоднее.

Католичество часто действительно приходилось принимать, чтобы лучше вписаться в общество Речи Посполитой. Хотя этого прямо никто не требовал — вспомним православного киевского воеводу Адама Киселя, не говоря уже о множестве мелких шляхтичей. У очень многих полонизированных русинских («руських») шляхтичей оставалась связь со своим народом — недаром Станислав Ориховский в XVI веке называл их «gente ruthenus natione polonus»⁷¹ — «русинами по происхождению, поляками по национальности» (или, как мы бы сказали сегодня, «поляками по гражданству»). Интеграция в польскую культуру и общество после принятия католичества открывало перед украинскими шляхтичами совершенно новые возможности. И были они связаны не только с личным обогащением или получением должностей. Им казалось, что появлялся лёгкий путь приобщиться к европейской культуре, её социальным и правовым традициями. Однако на самом деле это было не так просто и обернулось большими и непредвиденными проблемами, о которых они даже не подозревали.

⁶⁹ Frick D. A. Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Question in the Early Seventeenth Century / D. A. Frick // Harvard Ukrainian Studies. — 1984. № 8. — P. 358; Obrona Verificacy od obrazy maiestaty krola. — Wilno: [Drukarnia Bractwa Św. Ducha], 1621. — S. 60. — <https://polona.pl>

Не всем понравились эти рассуждения Смотрицкого. В письме к монахам Виленского монастыря его авторы возмущённо задавали вопрос: «Какая же это единая кровь наша шляхетская с плебейской? Какое может быть родство с хлопами?» (Лист до законников Виленского Свято-Духовского монастыря // Архив Юго-Западной России. — Ч. 1. Т. 8. — К.: Тип. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. — С. 737–738). Это можно понять — у русинского и польского магната было явно больше общего по образу жизни, чем у русинского магната с русинским крестьянином — «хлопом». Тем более что и польские, и русинские шляхтичи верили, что они потомки древнего и благородного народа сарматов.

⁷⁰ «Молю вас... яко Русь проста, глупа и ненаказанна — только в вере православной, да ся знаходите» (Вишенский И. Послание Львовскому братству // Сочинения. — М.: АН СССР, 1955. — С. 207).

⁷¹ Специалисты по творчеству Ориховского утверждают, что эти слова ему лишь приписываются, и на самом деле в его произведениях их нет. Для нас несущественно, принадлежат ли они Ориховскому или какому-то безымянному автору. Важна их суть.

Впрочем, если украинские магнаты и приняли католицизм, то к середине XVII века основная часть более мелкой украинской шляхты сохранила религию предков и не раствори́лась среди польских аристократов за счёт браков и установления родственных связей. Эта прослойка «сельских аристократов», относительно небогатых шляхтичей, сохраняла и украинскую идентичность (тот же Богдан Хмельницкий, хотя и учился в иезуитской коллегии во Львове, остался верен православию).

Мелкие шляхтичи, «худые и неславные»⁷² (а проще говоря — бедные и незнатные), которых раньше интересовали только выгоды и привилегии местного масштаба, стали объединяться в общенациональную сеть. Распространение рыночных отношений привело к тому, что росло понимание сути своего, русинского экономического пространства. Это пространство ещё не было тождественно политической территории государства. Если государство имеет географические границы, определённые войнами и мирными договорами, то экономическое пространство не задано, оно создаётся постепенно коммерческой деятельностью множества людей. Экономическое пространство — это не столько место на карте, сколько сеть связей между людьми, вовлечённых в экономические взаимоотношения. По мере того как эта сеть институционализировалась и формировалась, сами «сельские аристократы» начали осознавать свою экономическую и национальную идентичность. И стали инвестировать в самый главный для них институт — национальное государство.

С середины XVII века, после восстания Богдана Хмельницкого, началось формирование нового экономического пространства и стала появляться новая элита — козацкая. К старой элите, ведущей своё происхождение со времён Древней Руси, новая элита обычно не имела отношения. Да и не отличалась она во времена Гетманщины особой образованностью или изысканностью манер. Потребовалось несколько поколений, чтобы потомки козацкой старшины, учившиеся в западноевропейских университетах, приобрели необходимую огранку и лоск.

⁷² Так называл их Киевский митрополит Исайя Копинский в письмах от 31 декабря 1631 года к московскому царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету.

После разделения Украины на две части шляхта Правобережья перестала противостоять процессу полонизации и поглощалась польской культурой. Поэтому в словах, что украинцы утратили основную часть своей старой исторической национальной элиты, к сожалению, есть немалая доля правды. А элита — именно тот социальный слой, который обычно берет на себя политическое и экономическое руководство народом. Украинский язык и обычаи стали ассоциироваться с крестьянами, к которым поляки относились с пренебрежением. А молодым поколениям украинцев приходилось постоянно выбирать между преданностью своему народу и приспособлением к доминировавшей польской культуре (примерно так же, как позже украинская элита была вынуждена перенимать обычаи и порядки Российской империи).

Глава 2.

ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА ГЕТМАНЩИНЫ

Украинская мечта

Войну Богдана Хмельницкого недаром называют революцией. Отстояв национальную идентичность, она изменила очень многое и для Украины, и для «сарматской республики» Речи Посполитой, став попыткой смены территориальной и местной экономики экономикой национального государства.

Когда началось восстание, польский коронный гетман Николай Потоцкий писал весной 1648 года королю Владиславу IV: «Не было ни одного села, ни одного города, где не слышались бы призывы к неповиновению... хотят [они] самостоятельно править в Украине, заключать договоры с иностранцами... и делать всё, что им только захочется»⁷³. И как ответ ему звучат слова Богдана Хмельницкого из письма шведскому королю: «Мы подняли оружие против поляков на защиту веры и вольности... и не перестанем бороться против каждого, кто хотел бы сесть нам на шею»⁷⁴.

Борьба за утверждение национальной идентичности и создание национальных государств стала общим трендом

⁷³ Лист до короля Владислава гетьмана коронного М. Потоцького. 1648 рік. 21 березня // Історія України в документах і матеріалах. Т. 3. — К.: АН УССР, 1941. — С. 122.

⁷⁴ Лист до шведського короля Карла Густава про дружбу. 1656, листопада 16. — <http://litopys.org.ua>

для Европы, только началась она там раньше, чем у нас (Столетняя война между Францией и Англией в 1337–1453 годах, Реконкиста в Испании в конце XV века, появление Нидерландов как отдельного государства в 1581 году).

Преимущество национальных государств, особенно небольших, было в том, что они создавали конкуренцию и способствовали инновациям, стимулируя интеллектуальный взаимообмен. А также давая возможность представителям научной и культурной элиты свободно перемещаться между городами и странами, усваивая новые идеи. В таких условиях создающая инновации интеллектуальная элита была свободнее, так как могла, в случае чего, найти убежище в соседней стране⁷⁵.

Когда впервые было создано украинское государство, и его новая элита осознала, что она может (а также имеет законное право) управлять собственной страной и её экономикой. Сколько их было, представителей новой козацкой элиты? Одних только сотников — больше 200, а ещё есаулы, бунчужные, писари, судьи; всего, наверное, около тысячи человек⁷⁶. Перед ними открылись совершенно новые возможности не только в системе управления, но и в накоплении капиталов. Такие же возможности открылись и перед украинскими мещанами.

Создание при Богдане Хмельницком нового государства означало и формирование его экономики. Насколько она была самодостаточной и независимой? И насколько правящая элита украинского государства понимала происходившие экономические процессы? На эти вопросы трудно дать однозначный ответ.

С одной стороны, привлекавшая огромные массы крестьян запорожская анархическая вольница (как бы романтически она не отражалась в думах и народных песнях) для экономики была отнюдь не конструктивным началом из-за недоверия к любому экономическому и финансовому инсти-

⁷⁵ Примеров тому немало. Рене Декарт, чтобы избежать идеологического давления со стороны короля Людовика XIV, уехал из Франции в Нидерланды и прожил там больше двадцати лет, с 1628 по 1649 год. По тем же причинам Вольтер жил в Англии в 1726–1729 гг., Берлине в 1750–1753 гг. и Швейцарии в 1755–1778 годах. А вот Гоббс, спасаясь от преследования со стороны Кромвеля, уехал из Англии во Францию, где прожил с 1640 по 1653 год.

⁷⁶ Субтельний О. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. / О. Субтельний. — К.: Либідь, 1994. — С. 43.

тутам — от защиты прав собственности до необходимых для государственного бюджета аренд («откупов»). С другой — среди политической элиты Гетманщины хватало образованных людей, которые умели не только саблех пользоваться.

От гетманов (особенно Мазепы) сохранилось много универсалов экономического характера. Их составляли в генеральной канцелярии, хотя мы не знаем точно, кто именно готовил эти документы. Сотрудники канцелярии были хорошо образованными, туда часто брали выпускников Киевской академии. Генеральная канцелярия исполняла роль и министерства иностранных дел, и министерства внутренних дел. Её, по сути, создал Иван Выговский, бывший при Хмельницком генеральным писарем⁷⁷. У Выговского в генеральной канцелярии работало двенадцать шляхтичей⁷⁸, от которых требовалось знание не только нескольких языков, но и дипломатического этикета.

Кроме канцеляристов у гетманов, вероятно, существовали советники по экономическим вопросам, скорее всего — доверенные люди из круга старшины. Во времена Хмельницкого ими могли быть Иван Выговский, Юрий Немирич, Иван Богун, Павел Тетеря, Михаил Ханенко. При Мазепе экономическими вопросами, кроме генерального обозного Ивана Ломиковского, занимались Пилип Орлик, Василий Кочубей, Иван Лисица, Юрий Харевич, Тимофей Радич. А может быть, тексты универсалов экономического характера готовили советники или работники гетманской канцелярии, имена которых вообще остались нам неизвестными.

Хотя уже в 1654 году новое украинское государство перешло под власть московского царя, определённую автономию Украина (или Малороссия, как её называли) сохраняла ещё столетие. «Казакх желали бы предстать народом, что собственным оружием освободился от польской неволи и просил лишь о покровительстве, и... помощи московитов. Посему они... весьма опасаются, что... русские исхитрятся держать их в таком подчинении, как и прочих своих подданных, а привилегии и вольности, за кои они пролили столько

⁷⁷ Слово «писарь» не должно вводить в заблуждение — генеральный писарь, естественно, не занимался переписыванием документов, а был кем-то вроде государственного секретаря или руководителя администрации президента, если говорить современными словами.

⁷⁸ Они получили образование преимущественно в Киево-Могилянской, а также в Замойской академиях.

крови, будут урезаны»⁷⁹, — непредубеждённо писал долго живший в Киеве современник, шотландец Патрик Гордон.

В результате восстания наступил короткий период, когда Украина вышла из-под власти Польши, но не оказалась ещё в «протекции» царя. «В этот короткий период её самостоятельного государственного существования употреблялась формула “за панования Войска Запорожского”, так обозначался военно-республиканский государственный строй, а гетман являлся не более как временным представителем власти вроде современного президента республики»⁸⁰.

Первоначально украинское государство по своему устройству даже было в каком-то смысле демократическим (в духе козацкой демократии) — и гетмана, и всю остальную старшину выбирали. Потом всё чаще полковников, сотников и всех остальных стали назначать своими указами гетманы и царские власти.

С революцией времён Хмельницкого были связаны многие надежды — грандиозные, несбыточные, но от того ещё больше пьянившие умы и сердца. Прежде всего — великая крестьянская мечта иметь свою землю, чтобы жить на ней достойно, богато и свободно. Хутор на берегу реки (или хотя бы дом) на холме, вокруг поля, пастбища и зелёные леса...

В 1650-е годы казалось, что если прогнать поляков, то эта мечта исполнится. И действительно, во времена Хмельницкого владения польской шляхты на Правобережье Украины сильно сократились, а на Левобережье были полностью ликвидированы. Это означало, что освободилось огромное количество земель и можно начинать перераспределение собственности. Кроме того, на Левобережье много было неосвоенных земель. Изменилось и положение крестьян — они получили свободу, и у них появились возможности для социальной мобильности.

Однако вскоре стало ясно, что жить богато на своей земле смогут далеко не все. Место польской шляхты уверенно занимала козацкая старшина, тем более что российские власти щедро дарили ей земли и сёла, чтобы обеспечить преданность новой элиты. Так же поступали и гетманы. Во времена Гетман-

⁷⁹ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 141.

⁸⁰ О. Л. Документ из эпохи «панования Войска Запорожского» в Малороссии / О. Л. // Киевская старина. — 1897. — № 2. — С. 42–43. В то время даже на церковных книгах, которые состоятельные прихожане дарили храмам, писалось не за «панования» короля такого-то, а «за панования Войска Запорожского».

щины старшина начала лихорадочно приумножать своё богатство, не останавливаясь ни перед чем, «...чтоб моей жене не довелось бы под окнами хлеба просить», — писал (правда, уже в 1760 году) украинский шляхтич Степан Полетика⁸¹.

Коррупция, захват земель, отжимание бизнеса — всё это было для наших полковников, сотников и прочих обычным делом⁸². Эти герои — не святые, многие из них принесли немало страданий другим людям, однако они сумели капитализировать свою славу и взялись за новые дела с такой же энергией и смелостью, как в сражениях. Так они создавали экономику Гетманщины. Хотя первоначально большинство капиталов элиты Гетманщины были нажиты нечестным путём, их потомки стали благопристойными помещиками. Однако от великой украинской мечты о свободной и богатой жизни на своей земле почти ничего не осталось — чуда не произошло, и мечта не сбылась.

Почему так? Никакой загадки здесь нет. От того, что у власти оказались новые люди с новыми именами, суть дела не поменялась (такое в нашей истории не раз было и, наверное, ещё будет). Многие из новой украинской аристократии были выходцами с Правобережной Украины и хорошо усвоили там понятия и методы польских магнатов. Другие, родом с Левобережья, адаптировались к авторитарному стилю управления царских властей. А крестьянам, освободившимся от польских помещиков, мешала их вечная консервативность — «твердо держатся за старое в... хозяйстве»⁸³. Так что об инновациях говорить не приходилось: не стремились к ним, потому что больше привлекали привычные дедовские обычаи. Да и не доходили сюда новые веяния.

Кроме того, украинская экономика была для Европы периферической и сырьевой даже во времена великого зернового бума, а во времена Гетманщины она стала ещё более периферической. Да и условия на зерновом рынке изменились — получать большие прибыли на украинском зерне уже не было возможности. Так XVII век оказался временем глубо-

⁸¹ Дзюба О. М. Приватне життя козацької старшини / О. М. Дзюба. — К: Інститут історії України, 2012. — С. 18.

⁸² Особенно отличился генеральный судья Чарныш — взятки, которые он брал, достигали иногда тысяч (подробнее см.: Лазаревский А. Суды в старой Малороссии / А. Лазаревский // Киевская старина. — 1898. — № 7–8. — С. 90–91).

⁸³ З дневника гр. к. пароха // Записки наукового товариства ім. Шевченка. — 1903. Т. 52. Розділ Miscellanea. — С. 12.

кого экономического спада, и ВВП на душу населения сократился (в целом в Речи Посполитой с 810 долларов по курсу 1990 года в 1578 году до 569 долларов в 1700 году)⁸⁴.

Десятилетия междоусобных конфликтов, обострившихся на фоне экономического спада и недаром названных Руиной, свели на нет планы Богдана Хмельницкого по созданию украинской государственности. Они поставили гетманскую власть лицом к лицу с растущим влиянием козацкой старшины, превращавшейся в настоящую потомственную аристократию. А может быть, даже и в олигархию.

Новая волна экономического подъёма

Новая волна экономического подъёма началась при гетмане Самойловиче (1672–1687) и особенно при гетмане Мазепе (1687–1709). Главной её причиной было возрастание политической (а вместе с ней и экономической) стабильности, которой так не хватало Украине на протяжении всей её истории. Поэтому эпоха Самойловича и Мазепы стала временем экономического возрождения.

При этом экономическая политика Самойловича была очень проста, а бюджет пополнялся доходами от аренд («откупов»), экспорта скота, изготовления водки, от мельниц и архаичного производства поташа, железа, стекла. О существовавших в то время в не такой уж далёкой Голландии бирже, рынке ценных бумаг, страховых компаниях, взаимных фондах и прочих инновационных инструментах и институтах (создавших беспрецедентную экономическую динамику на нидерландских рынках), у нас толком никто не слышал. Впрочем, тут нечему удивляться — по мере удаления на восток от Западной Европы рынки были (не говоря уже про институты) всё менее развитыми и периферическими.

К тому же в странах, где правили военные (даже если это дорогие нашему украинскому сердцу казаки), большего трудно ожидать. С одной стороны, роль военных была гораздо шире, чем только лишь защита от врагов. Войны часто открывали новые рынки, а военные управляли условиями торговли. Ведь богатство не только зарабатывалось, но

⁸⁴ Malinowski M. Income and its distribution in preindustrial Poland / M. Malinowski, J. Luiten van Zanden // *Cliometrica*. — 2016. — Vol. 11, № 3. — P. 401.

и захватывалось. С другой стороны, военные — это всё-таки не предприниматели. И везде, где начинался действительный экономический рост — в итальянских торговых республиках, в Нидерландах, в Англии, — правили не военные, а жители городов. Однако, как бы там ни было, общее настроение экономического подъёма нехитрая, но достаточно системная политика гетмана Самойловича создала.

В это время, когда Правобережная Украина была сильно разрушена войнами, центр экономической жизни переместился в Левобережную Украину. Там окончательно сформировалась новая элита из козацкой старшины. В ней не случайно преобладали совсем другие имена, чем в старой, правобережной элите эпохи Хмельницкого. Если для старой элиты важным был мучительный вопрос политической ориентации (на Польшу или на Россию), то для новой этот вопрос уже в целом решился. Левобережная Украина с каждым годом всё больше контролировалась царскими властями, и новую элиту обычно это вполне устраивало. Отчасти это можно объяснить тем, что за годы гражданской войны и Руины хотелось, наконец, порядка. Новая элита надеялась, что российские власти помогут в этом.

При Самойловиче восстановилась прерванная войнами Хмельницкого и Руиной торговля Украины с Западной Европой (в ней преобладали скот, пенька, конопляное масло, табак, мёд и воск), а также с Россией, Турцией и восточными странами. Кроме того, Самойлович в 1678 году возродил систему передачи «на откуп» арендаторам выгодных промыслов, на которые существовала государственная монополия: винокурен, дегтярен, шинков, табачной торговли и сбора налогов. Поводом стала потребность в деньгах для оплаты войска нового типа — наёмных пехих и конных полков из добровольцев.

На самом же деле в бюджете Войска Запорожского возник дефицит денег из-за почти полного отсутствия прямых налогов, и без откупов не было возможности улучшить положение дел. От аренд зависело наполнение бюджета, да и вся финансовая самостоятельность украинского государства⁸⁵.

⁸⁵ Российские власти это хорошо понимали, и поэтому по их «рекомендациям» аренду несколько раз отменяли, но гетманы потом снова её возвращали (подробнее см.: Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя / Т. Г. Таирова-Яковлева. — М.: Центрполиграф, 2011. — С. 34).

У гетмана появились капиталы, что давало ему реальную власть. В конце XVII века аренда прибыльных промыслов обеспечивала 180 тысяч злотых⁸⁶ в год, сбор пошлин — только 60 тысяч⁸⁷. Во времена Хмельницкого доходы от аренды были гораздо больше и достигали 300 тысяч злотых в год, ещё столько же давал сбор разных пошлин⁸⁸.

Арендатор платил (обычно перед Пасхой) в гетманскую казну («скарб») стоимость откупа за год вперёд, после чего получал монопольное право торговать водкой, табаком, дёгтем или другими товарами. Другим запрещалось без особого разрешения продавать эти товары, в том числе водку, что и вызвало в народе сильное недовольство⁸⁹.

Даже слышны были разговоры, что Самойловича нужно убить. «Мы намерены вскоре убить гетмана из-за аренды... и прочих притеснений». К свержению гетмана привела «всеобщая ненависть, питаемая к нему собственным народом по причине аренд... К тому же многих из старшины, по малейшему подозрению в недовольстве или неверности, он смещал с должностей и крайне притеснял. Все они с завистью наблюдали, как он, от природы корыстный и большой скряга, обогащается». И хотя «аренды утверждались с одобрения царя, однако творца оных видели в гетмане»⁹⁰. Стоит ли удивляться, что после свержения Самойловича и его ареста в Украине начались беспорядки, и многих арендаторов убили, а откупы на время отменили.

⁸⁶ Во второй половине XVII века польский злотый оставался основной денежной единицей в Гетманщине (хотя вместе с ним в обращении находились серебряные талеры, золотые дукаты и другие монеты). Его курс постоянно менялся, и в конце XVII века за пять злотых можно было купить один талер или один российский рубль, за 7–8 злотых — дукат.

⁸⁷ Таирова-Яковлева Т. К вопросу о внутренней политике Ивана Мазепы / Т. Таирова-Яковлева // Гетьман Іван Мазепа. Постать, оточення, епоха. — К.: Інститут історії України НАНУ, 2008. — С. 78.

⁸⁸ Крип'якевич І. Український державний скарб за Богдана Хмельницького / І. Крип'якевич // Записки наук. тов. ім. Шевченка. Т. 130. — Львів, 1920. — С. 73–106.

⁸⁹ Стереотип о любви к водке наших соотечественников известен всем. Однако не только они потребляли водку. Голландские моряки и купцы в XVII веке «сделали винокурение всеобщим явлением для атлантического фасада Европы... водку стали производить повсюду, где было сырьё» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. — М.: Прогресс, 1986. — С. 263).

⁹⁰ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 50, 143.

Однако аренды создавали новые, весьма заметные финансовые потоки, и предприниматели воспользовались такой возможностью. К тому же в руках старшины накапливалось всё больше богатства — не только земельной недвижимости, которую эта новая аристократия стремилась получить правдами и неправдами⁹¹, но и денег. О суммах на руках у старшины можно судить по тому факту (хотя он и более позднего времени), что в 1744 году слуга украл у Кочубея 20 тысяч рублей (100 тысяч злотых) деньгами и ещё на 10 тысяч рублей ювелирных украшений⁹². Скорее всего, это были не последние деньги представителя славного старшинского рода.

Очень богатым был Самойлович. «Он, от природы корыстный и большой скряга, обогащается... а тратит мало, и не держит стол, как мог бы и должен»⁹³. В то же время «этот разбогатевший и расчванившийся гетман-попович ездил не иначе, как в карете, и сыновья его полковники усвоили такой же панский обычай», неприятный людям, «так как он напоминал им польских панов»⁹⁴. Кареты эти доставили для гетмана и сыновей из Гданьска. В понимании козаков, их гетман должен был ездить верхом на коне, как и они сами. На первый взгляд, козаки (да и Костомаров) кажутся слишком привязанными к старым обычаям — в Европе кареты стали в то время обычным делом среди состоятельных людей. А в Украине большинство шляхтичей до середины XVIII века ездили в старомодных бричках (их называли тогда колясками).

⁹¹ Обычно земли вместе с сёлами и местечками старшина получала за заслуги от гетманов — денег постоянно не хватало, а земли были. Потом старшина вошла во вкус и начала при любой возможности отжимать земли у простых козаков, которых тоже награждали недвижимостью за заслуги. Множество таких случаев описал А. Лазаревский (Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882), и пересказывать их здесь я не вижу смысла.

⁹² Скитский Б. Гетманщина накануне её падения. Очерки быта / Б. Скитский. — Владикавказ, 1923. — С. 14.

⁹³ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 143. На деле Самойлович был не такой уж и скряга. Когда тот же Гордон ехал в Киев и встретился с гетманом в Батурине, тот после долгого дружественного разговора «прислал в моё жилище всевозможных припасов» и подарки для кухни (Там же, с. 14). А уже во время службы шотландца в Киеве Самойлович присылает ему дары. Однажды он подарил ему 3 коров, 25 овец, бочку водки и 40 рублей (Там же, с. 241).

⁹⁴ Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы / Н. И. Костомаров. — М.: Чарли, 1995. — С. 398.

Но были к гетману и более серьёзные претензии. «Самойлович стал держать себя не только с народом, но и со знатыми людьми как самодержавный деспот. С ним нельзя было говорить иначе, как стоя. Даже полковники и старшины не садились в его присутствии... никто не смел подавать ему совет в наложении поборов, в назначении расходов, тем более требовать от него каких-либо отчётов; всем воинским скарбом распоряжался он по своему произволу, куда хотел, и кому хотел, давал деньги; кого хотел, жаловал именьями и отнимал всё, у кого хотел отнять»⁹⁵, а также «делал всё без совета с кем-либо из... старшины»⁹⁶.

А потом Самойловича неожиданно свергли и арестовали во время похода российской армии в Крым. По официальной версии, гетман начал тайные переговоры с крымским ханом, русские заподозрили измену и отступили. «Распущен был слух, что казаки с попустительства, если не по приказу гетмана, подожгли траву в степи намеренно, дабы воспрепятствовать нашему продвижению в Крым — начались кое-какие скрытые обиды между ними и русскими»⁹⁷. По словам Патрика Гордона, Самойлович стал понимать, что если Россия покорит Крым, то она чрезмерно усилится и быстро задавит остатки вольностей в Гетманщине. А гетман утратит такой козырь, как крымский хан, которого всегда можно было взять в союзники и выступить против русских. Между Самойловичем и ханом «начались переговоры, сперва на встречах по размену пленными, где было изложено, что для обеих сторон будет благотворно, если они заведут и сохранят меж собой дружество, хотя и тайное»⁹⁸. Хотя гетман был «человек умудрённый и осторожный» и «распоряжался всеми делами так, что против чего-либо нельзя было возразить», он оказался «не столь искусный в притворстве»⁹⁹. Слухи о переговорах с татарами быстро дошли до российских властей, и Самойловича объявили предателем.

Всё движимое и недвижимое имущество гетмана конфисковали. Половина поступила в царскую казну, половина в войсковой скарб Гетманщины. По оценке генеральной

⁹⁵ Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы / Н. И. Костомаров. — М.: Чарли, 1995. — С. 398.

⁹⁶ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 143.

⁹⁷ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 141–142.

⁹⁸ Там же, с. 142.

⁹⁹ Там же, с. 142, 143.

старшины, там было богатства на миллионы — и земельная недвижимость, и множество драгоценных вещей, и золотые монеты¹⁰⁰.

Мазепа был ещё богаче — он владел 72 сёлами, в которых было почти 20 тысяч дворов, ну а сколько золота хранилось в гетманских сундуках, остаётся только догадываться. Наследником богатств бездетного гетмана Мазепы стал его племянник Андрей Войнаровский¹⁰¹ (1680—1740), сын шляхтича Яна Войнаровского и Александры Мазепы, родной сестры гетмана.

Андрей Войнаровский

Наверное, никому другому из соратников Мазепы судьба не улыбнулась так многообещающе вначале и не закончилась так трагически в конце жизни. Мазепа планировал передать гетманскую власть своему племяннику, чтобы впервые в истории Украины создать наследственную династию. Отец Андрея оставил мать, и она рано умерла, после чего ребёнка воспитывал дядя. Гетман постарался дать племяннику лучшее на то время образование, сначала в Киево-Могилянской академии, а потом в немецких университетах. Так у Андрея появились изысканные манеры аристократа, а чтобы его хорошо принимали в российских придворных кругах, Мазепа даже хотел женить его на сестре царского фаворита Александра Меншикова. Правда, Меншиков отказался, но Андрей Войнаровский только вздохнул с облегчением — его, человека западноевропейского склада, привлекали совсем другие женщины.

Когда он учился в Дрездене, то был принят при дворе Августа, правителя Саксонии, — а эти придворные круги считались тогда одними из самых роскошных, потому их называли Версалем Северной Европы. Наследника богатого и влиятельного гетмана там встретили с полным почётом.

¹⁰⁰ При конфискации значительная часть богатств Самойловича была расхищена и российскими чиновниками, и «нашими», козацкими — блеск золота манил всех (Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя / Т. Г. Таирова-Яковлева. — М.: Центрполиграф, 2011. — С. 52–53).

¹⁰¹ Подробнее об истории Войнаровского см.: Борщак І. Арешт Войнаровського / І. Борщак // Записки наукового товариства імені Шевченка. — 1925. Т. 138–140. — С. 131–157.

У Андрея начался роман с графиней Авророй Кенигсмарк (1662–1728), ранее бывшей любовницей Августа и родившей от него наследника престола — Морица Саксонского. Аврора считалась тогда прославленной красавицей, знавшей многие языки, рисовавшей и писавшей стихи по-французски. Недаром Вольтер считал её самой знаменитой женщиной двух столетий.

Когда учёба Андрея закончилась, в 1701 году он вернулся в Украину, став есаулом гетмана. Когда осенью 1708 года Мазепа перешел на сторону шведского короля Карла XII, многие считали, что главным советчиком гетмана в этом деле был именно Войнаровский¹⁰². Как бы там ни было, Андрей один из немногих знал о планах гетмана. Во время войны со шведами Войнаровский наблюдал за перемещением российских войск под командованием Меншикова. Когда Мазепа получил от племянника сообщение, что российские войска собираются захватить гетманскую столицу Батурин, он принял окончательное решение перейти на сторону шведского короля. По легенде, перед этим Карл попросил у Мазепы в долг огромную сумму — 240 тысяч талеров¹⁰³, пообещав вернуть её Андрею Войнаровскому в случае смерти гетмана. В шведский лагерь были посланы 30 возов, наполненных мешками с золотыми и серебряными монетами¹⁰⁴.

Однако в битве под Полтавой в 1709 году шведы потерпели поражение, и Мазепе с Войнаровским пришлось бежать в эмиграцию в Османскую империю, в город Бендеры (сейчас он в Молдове). Царский посол в Турции предлагал 300 тысяч талеров за выдачу гетмана, но султан отказался, объясняя это тем, что обычаи ислама запрещают выдавать беглецов, попросивших убежища.

Мазепа провел в Бендерах два месяца, пытаясь склонить турок начать войну с Россией, но здоровье гетмана слабело, и в сентябре 1709 года он умер в возрасте 70 лет. При выборе нового гетмана в изгнании одной из главных кандидатур был Войнаровский. Однако он добровольно отказался от булавы в пользу Пилипа Орлика, претендуя только на имущество Ма-

¹⁰² Так писал Чарльз Уитворт, английский посол в России (Whitworth Ch. An Account of Russia as it was in the year 1710 / Ch. Whitworth. — Strawberry Hill, 1758. — P. 24–28).

¹⁰³ 120 тысяч дукатов при курсе 2 талера за дукат.

¹⁰⁴ Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы / Н. И. Костомаров. — М.: Чарли, 1995. — С. 729.

зепы. После него осталось 160 тысяч дукатов¹⁰⁵, клейноды¹⁰⁶ стоимостью 200 тысяч талеров (100 тысяч дукатов), украшенная камнями сабля и другие драгоценности на 30 тысяч талеров (15 тысяч дукатов), а также 1600 соболиных мехов стоимость которых трудно определить¹⁰⁷. Всё это должно было перейти наследнику гетмана.

Козацкая старшина пыталась возмущаться, доказывая, что это не личные богатства Мазепы, а «войсковый скарб», т. е. казна. Сейчас уже трудно понять, что в этих сокровищах было из казны Запорожского войска, а что лично гетмана. Но при поддержке короля Карла XII всё перешло Войнаровскому. Кроме денег и драгоценностей там были и какие-то секретные бумаги государственной важности. Часть их Андрей передал Орлику, а часть хранил в шкатулке, которую всюду возил с собой. Что там были за бумаги — мы можем только догадываться.

Там же, в Бендерах, Андрей женился на вдове Анне Минович из известного рода козацкой старшины. В следующие годы Войнаровский много путешествовал от Стамбула до Вены, Варшавы и Стокгольма, заведя обширные знакомства в аристократических кругах и пытаясь найти союзников для борьбы за освобождение Украины. С женой Войнаровский расстался (судя по всему, не сошлись характерами), и она с дочерью находилась во Вроцлаве, где, вероятно, для них было куплено какое-то имение. Андрей забрал сына и жил с ним в Вене, хотя у них с женой сохранились хорошие человеческие отношения.

Летом 1716 года Андрей отправился в Швецию, чтобы получить у короля Карла крупную сумму денег, которые да-

¹⁰⁵ Сколько стоили бы сегодня сокровища Мазепы? Дукат — золотая монета весом 3,5 грамма. Выпуск дукатов начался еще в Венеции, и много столетий эта монета в Европе играла роль международной валюты. За дукат («червонец», «червонный злотый») давали 2 талера или 6 обычных злотых. Если считать, что в целом богатства Мазепы, которые он смог вывезти (две бочки с золотыми монетами и несколько мешков с драгоценностями) стоили 300 тысяч дукатов, то это больше тонны чистого золота. При цене золота, скажем, 60 долларов за грамм, тонна стоит 60 млн долларов. Для современных миллиардеров не так уж и много — частный самолет «Гольфстрим 650», который они так любят, стоит больше. На него сокровищ Мазепы могло бы и не хватить.

¹⁰⁶ Символы военной власти, часто украшенные драгоценностями. В Гетманщине клейноды — гетманская булава, бунчук, хоругви и прочие знаки власти.

¹⁰⁷ Винар Л. Андрій Войнаровський / Л. Винар. — Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1962. — С. 29.

вал ему в долг и сам Войнаровский, и Мазепа. Перед этим, как человек ответственный в финансовых делах, он написал завещание, по которому 50 тысяч талеров получала его жена Анна, 50 тысяч — дочь Элеонора, а остальное — сын Станислав, когда он станет совершеннолетним. Отец писал в завещании, что сын должен получить хорошее образование и много путешествовать¹⁰⁸.

По дороге он остановился в вольном городе Гамбурге, где его бывшая подруга графиня Аврора Кенигсмарк открыла модный светский салон. Скоро в городе пошли слухи, что страсть между ними вспыхнула с новой силой. Кроме того, в салоне Авроры Андрей познакомился с английским дипломатом Матесоном, убеждая его в необходимости помочь украинской политической эмиграции и проявлять бдительность в отношении российской экспансии в Европе. Андрей, хорошо ориентировавшийся в международной обстановке, выбрал подходящее время — в Лондоне как раз обсуждался вопрос, какую позицию занять в отношениях с Россией. Была большая вероятность, что Англия будет проводить антироссийскую политику и даже может подтолкнуть шведского короля Карла XII продолжать войну.

Пётр I через своих агентов знал об этих контактах Войнаровского с британским дипломатом, и царя всё это сильно раздражало. Дело было не только в личной неприязни к племяннику «предателя» Мазепы, но и в том, что Войнаровский с его обширными связями умело нажимал на опасные для России рычаги. И тогда царь принял решение выкрасть Андрея в Гамбурге вместе с его шкатулкой, в которой хранились секретные бумаги.

Практически это было сделать не очень сложно — в ходе шведской войны российские войска дошли до Мекленбурга, находившегося недалеко от Гамбурга, и этот намёк был всем понятен — при желании могли легко и Гамбург захватить. К тому же в городе у русских был свой агент — местный немец Фридрих Беттигер. Ему пообещали щедрое вознаграждение (ежегодно до конца жизни по 500 рублей — большие деньги в то время), и он нанял помощников, которые день и ночь следили за передвижением Войнаровского. Беттигер не только подкупил горничную Войнаровского, но и по-

¹⁰⁸ Винар Л. Андрій Войнаровський / Л. Винар. — Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1962. — С. 62.

дослал своего шпиона, который стал секретарём Андрея. В целом на слежку потратили 889 дукатов¹⁰⁹. Главной целью было не только схватить его, но и заполучить шкатулку с документами.

Затем в Гамбург отправили группу российских офицеров под командованием Александра Румянцева, и 12 октября 1716 года Андрея схватили, когда он выходил из дома графини Авроры. Царь Пётр требовал у магистрата Гамбурга не только арестовать Войнаровского, но и выдать его российским властям, называя Андрея российским подданным и дезертиром, а также ссылаясь на то, что у него есть долги перед царской казной. Магистрат разрешил задержать Войнаровского, но при условии, что он останется в городе, где и будет рассматриваться его дело. Однако Андрея в закрытой карете отвезли в российское дипломатическое представительство, где магистрат Гамбурга уже не имел власти.

Через неделю после ареста пленник смог отправить письмо жене, в котором он ласково обращался к ней «Милая Ганя» и доверительно писал, что его шкатулка «в надёжных руках»¹¹⁰, а также, беспокоясь об их финансовом положении, указывал, у кого находятся долговые расписки короля.

О похищении сразу написали все основные европейские газеты, началась волна дипломатических протестов с требованием освободить Войнаровского. Дело тянулось долго, прошло почти два месяца. А 5 декабря царь с супругой планировали прибыть в Гамбург, где царица должна была родить ребёнка. Проблему с Войнаровским нужно было срочно решать, и царь поступил хитро. Он послал в Гамбург придворную даму — гофмейстрину царицы, чтобы она встретила с Авророй Кенигсмарк и убедила её, что если Войнаровский добровольно сдастся, то он не будет подвергнут наказанию и сможет потом поселиться в любом городе Европы. После этого, 5 декабря, Андрей сам попросил власти города выдать его российскому царю, и пленника под охраной увезли. Вскоре в Гамбург прибыл и царь Пётр с супругой. Монарх разговаривал с графиней Кенигсмарк 6 ноября на балу, который

¹⁰⁹ Содержание записки Беттигера царю Петру с расчётом затрат см.: Винар Л. Андрій Войнаровський / Л. Винар. — Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1962. — С. 68–69.

¹¹⁰ Анна Войнаровская в свою очередь не раз потом пыталась освободить мужа и даже предлагала немалые деньги царским властям, но те отказались. Так что, хотя супруги и не жили вместе, судьба друг друга не была им безразлична.

она организовала, и уверял её в доброжелательном отношении к Войнаровскому, с которым он якобы всего лишь хочет обсудить, как лучше решить накопившиеся проблемы с Украиной.

Что было дальше, догадаться нетрудно. Войнаровский провёл семь лет в каземате Петропавловской крепости, а потом его сослали в самую далёкую точку царской империи — в Якутск. Здесь он прожил до 1740 года в нищете и одиночестве без всякой надежды на возвращение. По легендам, последние годы он обитал в юрте среди местных жителей где-то на берегу реки Лены, и никто не знает точно, где его могила.

Жена Войнаровского в 1718 году приехала в Швецию, зная, что король должен Андрею большую сумму денег¹¹¹. Вероятно, сам Карл был готов эти деньги вернуть семье Войнаровского, но в феврале 1719 года король умер, его место на престоле заняла дочь Ульрика, и дело затянулось надолго. Только в 1724 году жена Андрея получила долг частично недвижимостью (старинный замок Тиннельсе и дом в Стокгольме), а также значительную сумму наличными. Сын Войнаровского, Станислав, действительно получил хорошее образование в Стокгольмском университете и жил то в Швеции, то во Франции, то в Польше. А через почти два столетия один из потомков этого рода, Тит Войнаровский, стал известным предпринимателем во Львове.

История эта наглядно показывает, как одно из крупнейших состояний (тонна золота!) ушло за границу и осело преимущественно в Швеции. При других обстоятельствах оно могло бы инвестироваться в экономику Украины, но судьба распорядилась иначе.

Расцвет Левобережья

В годы Руины многие (если не большинство) состоятельные украинские землевладельцы Правобережной Украины из-за войн и общей разрухи вынуждены были переселяться со своими богатствами на Левобережье, куда сместился центр экономической (да и не только экономической) жизни и где расцвёл дух предпринимательства. Сильнее всего это ощу-

¹¹¹ Вместе с процентами около 150 тысяч дукатов (Винар Л. Андрій Войнаровський / Л. Винар. — Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1962. — С. 102).

щалося в северных полках — Стародубском, Черниговском и Нежинском, меньше подверженных риску нападения татар. А город Стародуб стал основным коммерческим центром Гетманщины — там перекрещивались торговые пути, ведущие на запад в Европу, на север в Россию и на юг в татарский Крым и Турцию.

Мазепа был человек образованный и для того времени широко мыслящий¹¹², «очень ловкий и сообразительный, притом один из таких, которые обладают врождённой способностью сразу всякому нравиться и располагать к себе людские сердца»¹¹³ — качество, очень необходимое не только для политики, но и для бизнеса. Он поддерживал предпринимательство ещё больше, чем Самойлович, понимая, что без экономического роста объединение украинских земель (к которому он стремился) мало что даст, да и не получится. А независимое украинское государство сможет существовать не только при наличии национального самосознания, но и если это самосознание имеет материальные средства для своего воплощения. И у Мазепы такая экономическая политика оказалась весьма успешной. «Времена были... приятные — не было войны, не было никаких военных походов, не слышали мы тогда, что такое недород и что такое голод»¹¹⁴.

Сотни гетманских универсалов Мазепы касаются земельных вопросов, сельского хозяйства, торговли и промышленности. С 1690-х годов ускоряется развитие простейшего промышленного производства¹¹⁵. Везде в гет-

¹¹² Иван Мазепа получил хорошее образование — в Киево-Могилянской коллегии и в Иезуитской коллегии в Варшаве. Потом он оказался при дворе короля Яна-Казимира, произвёл там хорошее впечатление и был отправлен королём продолжить учёбу за границей. В 1656–1659 годах он побывал в Германии, Италии, Нидерландах и Франции, где выучил иностранные языки и, что самое главное, стал человеком европейского склада — а таких не очень-то много было в те времена в старой Украине. Не буду останавливаться на его биографии — об этом много написано (см., например, Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя / Т. Г. Таирова-Яковлева. — М.: Центрполиграф, 2011), да и речь сейчас идёт только об экономической политике Мазепы, при которой на Левобережье Украины расцвело предпринимательство.

¹¹³ Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы / Н. И. Костомаров. — М.: Чарли, 1995. — С. 280.

¹¹⁴ Феофан Прокопович. Філософські твори. Том III. Листи. — <http://litopys.org.ua>

¹¹⁵ Многочисленные примеры предпринимательства старшины приводит С. Токарев (Токарев С. А. Підприємницька діяльність козацької старшини Ніжинського полку / С. А. Токарев // Література та культура Полісся. — 2012. — Вип. 69. — С. 16–25).

манских, старшинских и монастырских владениях, на козацких хуторах появляются мельницы¹¹⁶ и гуральни¹¹⁷. Более сложным (и требовавшим больших инвестиций) было производство селитры¹¹⁸, поташа¹¹⁹, стекла («гутництво») и железа («рудництво»). Но все эти виды производства существовали и в начале XVII века, и ничего по сути нового не появилось. Протоиндустриализация по-прежнему была соединена с крупным землевладением. Однако она стимулировала развитие внутреннего товарного рынка, концентрацию капиталов и формировала несельскохозяйственный капиталистический рынок труда для крестьян. Наёмный труд использовался везде (хотя и в разной степени): и при транспортировке зерна на экспорт во время зернового бума, и при строительстве, и во многих видах простейшего производства — везде приходилось по контрактам нанимать работников¹²⁰.

Владельцами гут и рудень были не только сам гетман, генеральная старшина¹²¹ и монастыри, но и богатые мещане (такие как сын черниговского войта Иван Яхимович). Многими «будами» (предприятиями по производству поташа) на территории Стародубского полка владело партнёрство, созданное полковником Андреем Миклашевским, генеральным есаулом Андреем Гамалеей и стародубским войтом Спиридоном Шираем. В 1691 году они получили гетманский

¹¹⁶ Мельницы («млыны») использовали не только для помола зерна — были пороховые, рудные и другие «млыны».

¹¹⁷ Гуральнями или винокурнями называли предприятия по производству «горилки» (водки) — товара, спрос на который был всегда. Козаки (в отличие от крестьян) давно имели привилегию производить в своём хозяйстве «горилку» (проще говоря — самогон), но в конце XVII века водка уходила в основном на экспорт.

¹¹⁸ Селитру, необходимую для приготовления пороха, в основном скупала российская царская казна.

¹¹⁹ Хотя производство поташа («будництво») уже не имело такого значения, как в начале XVII века из-за изменений условий на международном рынке (куда в основном уходил поташ), в конце века производивших поташ «буд» было всё равно много — этим занимались и богатые купцы, и состоятельные козаки, и более мелкие предприниматели, нередко объединявшиеся в партнёрства.

¹²⁰ Контракт на постройку церкви XVII века // Киевская старина. — 1884. Т. 8. № 3 (Известия и заметки). — С. 522–524.

¹²¹ Гуты и рудни в своих имениях создают генеральный писарь В. Кочубей, генеральный обозный И. Ломиковский, генеральный судья С. Прокопович, черниговский полковник Е. Лизогуб и другие представители высшей старшины. Подробнее о руднях, принадлежавших старшине, см.: Ефименко П. Рудни в Сервершине / П. Ефименко // Киевская старина. — 1888. — Т. XXI. — С. 54–55.

универсал на право беспрепятственно заниматься этим промыслом¹²².

Предпринимательство стимулировало и то, что Самойлович и Мазепа щедро раздавали земли старшине, чтобы так заручиться её поддержкой. Ну а на своих землях грех было не завести какой-нибудь промысел. Впрочем, время Мазепы закончилось после Полтавской битвы. Планам обретения Украиной государственной независимости не суждено было исполниться, а при его преемниках политическая власть гетмана и старшины становилась всё более условной. В 1722 году создали Малороссийскую коллегия¹²³ — государственный орган Российской империи, управлявший Украиной, — и она, по словам Якова Лизогуба в его «Летописи...», «выдоила добре Малороссию»¹²⁴, после чего «гетманство и Гетманщина стали пустым звуком»¹²⁵.

Однако экономический подъём начала XVIII века дал свои плоды. Утрачивая политическое влияние, старшина не становилась беднее и превращалась в крупных помещиков и потомственных дворян Российской империи. А предпринимательская деятельность в обширных имениях продолжалась. В сущности, это и были первые капиталисты времён Гетманщины.

Старшина накопила в своих руках крупные капиталы, которые необходимо было выгодно вкладывать. И хотя самой выгодной инвестицией тогда было получение нужных должностей (от которых напрямую зависело личное обогащение — потому на это денег не жалели) и земля, старшина вкладывала свои капиталы и в прибыльное производство. Огромные доходы она получала от торговли, особенно от экспорта мясного скота¹²⁶ — сотни волов перегоняли для продажи в Гданьск. Зерно в экспорте Левобережной Украины не играло заметной роли — в отличие от Правобережной, от-

¹²² Оглоблін О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О. Оглоблін. — Нью-Йорк — Париж — Торонто: Ліга визволення України, 1960. — С. 73.

¹²³ Коллегия существовала с 1722 по 1727 год, и с 1764 по 1786 год.

¹²⁴ Літопис, или описание краткою знатнейших дійств и случаев, что в котором году діялось в Украине малороссийской... // Сборник летописей. Относящихся к истории Южной и Западной Руси. — К., 1888. — С. 56.

¹²⁵ Маркевич Н. История Малороссии. В 5 т. Т. 2. / Н. Маркевич. — М.: Тип. Августа Семена, 1842. — С. 564.

¹²⁶ Подробнее см.: Токарев С. А. Підприємницька діяльність козацької старшини Ніжинського полку / С. А. Токарев // Література та культура Полісся. — 2012. — Вип. 69. — С. 16–25.

сюда его было сложно транспортировать в Гданьск. Подходящих водных путей не было, а по суше получалось слишком дорого. Поэтому зерно здесь выращивалось в основном для внутреннего потребления¹²⁷. Или для производства из него водки, которую удобно было хранить и экспортировать¹²⁸.

Впрочем, водку всю было трудно продать, и приходилось её пить со всеми вытекающими из этого последствиями. Правда, что-то похожее было и в Америке в начале её освоения — кое-где почва позволяла выращивать только кукурузу, продать её в таком количестве не было возможности, из кукурузы делали виски, которое тоже всё не продавалось, и остальное выпивали¹²⁹. Однако американским фермерами это в конечном счёте не помешало адаптироваться к требованиям рынков и создать продуктивный и выгодный агробизнес. В XIX веке успешный агробизнес создали и в Украине, когда зерно с Левобережья стало экспортироваться через черноморские порты.

Деловая элита Гетманщины

Война Богдана Хмельницкого привела не только к радикальному перераспределению собственности, но и к появлению нового социального слоя крупных землевладельцев — козацкой старшины. Именно этот слой определял экономическое развитие Украины и формирование в ней торгового капитализма. Основная масса крестьян и козаков не могла приспособиться к новым условиям предпринимательства и ведения хозяйства, занимая пассивную позицию, чем обеспечила практически полное доминирование старшины в экономике Украины второй половины XVII — первой половины XVIII века¹³⁰.

¹²⁷ О внутренней зерновой торговле см.: Борисенко В. Н. Хлібний ринок Лівобережної України другої половини XVII ст. / В. Н. Борисенко // Український історичний журнал. — 1988. № 3. — С. 111–121.

¹²⁸ Скитский Б. Гетманщина накануне её падения. Очерки быта / Б. Скитский. — Владикавказ, 1923. — С. 10. Кстати, зерновой экспорт из Правобережной Украины очень сильно сократился (со 129 тысяч лаштов в 1648 году до 22 тысяч в 1695 и около 3 тысяч в 1715 году (Оглоблін О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О. Оглоблін. — Нью-Йорк — Париж — Торонто: Ліга визволення України, 1960. — С. 202).

¹²⁹ Кембриджская история капитализма. В 2 т. Т. 1. — М.: Институт Гайдара, 2021. — С. 717.

¹³⁰ Окиншевич Л. Генеральна старшина на Лівобережній Україні / Л. Окиншевич // Праці Комісії для виучування історії західно-руського та українського права. — Київ: 3 друк. Укр. Акад. Наук. Вип. 2. — 1926. — С. 168.

В XVII веке среди генеральной старшины ещё встречались новые фамилии людей, выбившихся из низов (Богаченко, Бускевич, Грибович, Свириденко, Стриевский и другие). Однако эти люди потом сошли со сцены, и с начала следующего столетия постоянно фигурируют одни и те же имена (Гамалеи, Кочубеи, Лизогубы, Марковичи, Миклашевские и другие), связанные между собой родственными и прочими личными узами в единую сеть богатой элиты. Они владели сотнями (а иногда и тысячами) крестьянских дворов. По размерам своих имений они, может, и уступали польским магнатам Правобережной Украины, но с российскими крупными помещиками вполне могли соревноваться.

Олигархи аграрного торгового капитализма¹³¹ времён Гетманщины очень напоминают олигархов сегодняшних — такая же замкнутая сеть из ограниченного количества семей, такая же борьба за власть, интриги, отжимание бизнеса... Промышленный капитализм времён конца XIX — начала XX века меньше похож на наше время — хотя тогда тоже было много свободных денег (в основном иностранных инвестиций), однако правила игры стали более чёткими, что требовало соблюдения некоторых приличий. А вот в олигархическом аграрном капитализме времён Гетманщины легко можно увидеть корни того, что происходит сегодня.

Мы часто рассуждаем, что с течением веков изменилось, говоря о новых технологиях, стилях жизни, веяниях в экономике и многом другом. И гораздо реже задумываемся о том, что осталось неизменным. Например, со времён Гетманщины. А осталось самое главное — коррупция как стиль жизни (причём коррупция на высшем государственном уровне). Власть в руках олигархов — небольшого слоя элиты, использующей любые средства для своего обогащения. Умение обходить закон с помощью хитроумных схем. Продажность судов. Ну и в завершение такой невесёлой картины — отсутствие потребности в промышленных и финансовых инновациях.

Эти тени прошлого влияют на нас постоянно, главным образом — на наш способ мыслить. Есть ли надежда, что это когда-то изменится и замкнутый круг разорвётся? Или нам

¹³¹ Аграрному капитализму города были не очень нужны — он ведь аграрный. Потому и в Гетманщине города были небольшими (несколько тысяч человек). Среди них выделялись такие знаменитые центры торговли, как Нежин, Стародуб, Киев.

суждено всё время повторять одни и те же сценарии, меняя лишь декорации? Историки любят поговорить о том, что все исторические события уникальны и не похожи. Само по себе каждое событие действительно уникально, и то, как вёл свои дела какой-нибудь полковник во времена Гетманщины, внешне не похоже на то, как ведёт дела современный чиновник. Да, декорации другие, однако сущность одинакова.

Понимание всего этого необходимо не для того, чтобы копаться в подробностях прошлого, а чтобы увидеть путь к изменениям. Наше будущее, конечно, не полностью зависит от прошлого, поэтому на деле иногда побеждают давние традиции, а иногда — требования современной жизни. Мир развивается, жизнь продолжается, и повторять в экономике схемы многовековой давности — это тупик, из которого пора уже выходить. И путь здесь может быть только один — чётко понимать, что от чего зависит в экономике.

Но вернёмся во времена Гетманщины. Её элита богатели на экспорте волов и водки. Если водку нужно было производить (пусть по дедовской технологии) из зерна, то волы паслись сами летом, а осенью их гнали на продажу в Гданьск или Силезию. По сути, недалеко от них ушли и наши аграрные олигархи, которые покупают американские комбайны и другую сельхозтехнику. А во времена Гетманщины покупали в Германии косы.

Большинство радикальных перемен в обществе и экономике обычно происходит благодаря не кому-то одному, а многим людям. История знает тому немало примеров. Так же и периоды стагнации обычно зависят не от кого-то одного — короля или гетмана, а от стечения многих обстоятельств. Это касается и аграрной «хуторной» экономики Гетманщины.

Предприниматели (а точнее олигархи) Гетманщины занимались все одним и тем же — экспортировали стада скота, строили в своих имениях все эти млыны, буды, гуты, рудни — простейшие промышленные предприятия, — и нельзя сказать, что кто-то из них специализировался на одном, кто-то — на другом. Земли, мельницы и другие выгодные промыслы они отжимали у козаков и крестьян тоже одинаково. Бросил какие-то деньги за пазуху пьяному козаку или во двор хаты — и всё. Считай, что уже и купил¹³².

¹³² Хорошо, если деньги за пазуху бросал, а часто отжимали земли вообще без денег.

Именно так поступил однажды Иван Сулима¹³³, внук гетмана Ивана Сулимы и сын переяславского полковника Фёдора Сулимы. Когда-то он получил от гетмана Мазепы село Гудовка Стародубского полка вместе с мельницей. Но аппетит разыгрался, и он захотел получить вторую мельницу в этом же селе, принадлежавшую козаку Гуду. Козак пожаловался стародубскому полковнику Миклашевскому и получил от него подтверждение на право собственности на мельницу в 1690 году. Но потом Миклашевский, видимо, имел разговор с Сулимой, представителем старинного старшинского рода (в то время тот был сотником Переяславского полка), после чего полковник заставил козака отдать половину мельницы Сулиме. Вторую половину было забрать уже проще. Выбрав подходящий момент, Сулима бросил деньги за пазуху пьяному козаку, и покупка фактически как бы уже произошла. Когда козак протрезвел, он понёс деньги обратно, но было уже поздно. Сулима приказал своему слуге отнести деньги и бросить во двор козаку, после чего заставил того подписать купчую¹³⁴.

Если представители элиты Гетманщины чем-то и отличались друг от друга, то судьбами — личными историями. Нет смысла ставить вопрос, кто из них был самым богатым или самым деловым — все они накопили немало капиталов. Но несколько семей, связанных между собой родственными узами и неформальными связями, стоит упомянуть — их судьбы хорошо показывают деловые обычаи и настроения той эпохи.

Династия Лизогубов

Когда речь заходит о Гетманщине, мне вспоминаются не только имена Мазепы или полковников тех времён, но и церкви в стиле украинского барокко — изящные, стройные, устремлённые в небеса. Такие как главный храм Выдубицкого монастыря в Киеве, построенный как раз в конце XVII века. Или Екатерининская церковь в Чернигове, ближайшем к Киеву полковом городе Левобережной Украины. Все эти храмы —

¹³³ Иван Фёдорович Сулима (умер в 1721 году), генеральный хорунжий (1708–1721).

¹³⁴ Бойко І. Сулими на Переяславщині в кінці XVII та на початку XVIII ст. / І. Бойко // Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. — К.: ВУАН, 1928. — С. 13.

верный признак наличия свободных капиталов, причём немалых. Если денег не хватает, до такого строительства руки не доходят — простые козацкие церкви были деревянными.

Въезжая в Чернигов с юга, трудно не заметить белый силуэт Екатерининской церкви, законченной в 1715 году. Её строили на деньги Якова Лизогуба, генерального бунчужного гетмана Скоропадского. Храм воздвигли в память о штурме в 1696 году турецкой крепости Азов козаками Черниговского полка под командованием полковника Якова Лизогуба, деда генерального бунчужного. А мне эта церковь памятна тем, что в 2003–2004 году наша компания «Планета-буд» занималась её реставрацией.

Предок рода Лизогубов, простой козак Кондратий, жил в местечке Гельмязов на левом берегу Днепра недалеко от Золотоноши. Его сыновья Иван и Яков принимали участие в междоусобных войнах времён Руины, проявили себя и попали в круг козацкой старшины: Иван в 1661 году стал уманским полковником, а Яков в 1662 году — каневским полковником. И прославился он тем, что участвовал в делах «народу нашему прибыльных и благоприятных»¹³⁵.

В 1670-е годы Яков перешёл на сторону гетмана Самойловича, и тот предложил ему переселиться на Левобережье. Вместе со своим товарищем, корсунским полковником Фёдором Кандыбой, Лизогуб со всеми своими пожитками и огромными стадами скота перебрался на левый берег Днепра. При поддержке Самойловича он решил поселиться на пустующих землях в селе Малый Самбор недалеко от Конотопа.

Скоро у него появился сосед — будущий гетман Иван Мазепа, которого Яков Лизогуб знал уже давно. Мазепа тогда был беден (по меркам старшины), и Лизогуб помогал ему чем мог — то ли по дружбе, то ли интуиция ему подсказывала, что когда-то и Мазепа ему поможет. И действительно, когда в 1687 году Самойловича свергли и избрали гетманом Мазепу, тот назначил Якова Лизогуба черниговским полковником. А полковник в те времена, как известно, был очень влиятельной персоной, перед которой открывался широкий простор и для предпринимательской деятельности, и для

¹³⁵ Письмо наказного гетмана Якова Лизогуба и других полковников лубенским жителям // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 9 — СПб: Изд. археографич. комиссии, 1877. — С. 182.

личного обогащения. Сыну Якова, Ефиму Лизогубу, Мазепа предложил в 1688 году пост генерального хорунжего. Кроме того, отцу и сыну Лизогубам подарили многочисленные имения. После смерти Якова в 1698 году черниговским полковником стал Ефим, занимавший этот пост до своей смерти в 1706 году¹³⁶. Кстати, Ефим женился на дочери правобережного гетмана Петра Дорошенко — ещё один пример, как тесно были связаны между собой представители элиты тех лет.

Сыну Ефима, Андрею Лизогубу достались многочисленные имения и мельницы, купленные ещё его дедом. Однако после перехода Мазепы на сторону шведов новый пророссийский гетман Иван Скоропадский отобрал у Андрея Лизогуба большинство имений (так часто поступали в то время). Ему пришлось всеми правдами и неправдами снова приумножать свою собственность. Иногда говорят, что Андрей Лизогуб отнимал без всякой пощады земли у свободных козаков, после чего превращал их в крестьян¹³⁷. Однако на деле это выглядело так: козак брал деньги в долг у Лизогуба или пил в долг в принадлежавшем Лизогубу шинке, обеспечением долга объявляя свою землю. Если долг в срок не возвращался (а такое часто бывало), земля переходила кредитору.

Занимался Андрей и международной торговлей (особенно когда он стал конотопским сотником в 1714–1719 годы), в основном продавая скот. Стада быков сначала выпасались на землях Лизогуба, а потом их перегоняли на продажу в Гданьск, где тогда был основной рынок мясного скота. Один бык (а точнее, вол) стоил около 10 талеров — 50 злотых.

Время шло, Гетманщина всё больше утрачивала самостоятельность, и козацкая старшина превращалась в зажиточных землевладельцев, хранивших семейные предания о славном прошлом своих предков. Один из Лизогубов, Яков Иванович (1720–1763), ещё был бунчуковым товарищем во времена последнего гетмана Кирилла Разумовского. А его сын, Иван Яковлевич (1761–1819) уже стал предводителем дворянства Черниговской губернии. Административная система Российской империи уверенно поглощала остатки гетманского управления.

¹³⁶ Ефим заложил родовую усадьбу Лизогубов в Седневе с огромным парком, сохранившуюся в перестроенном виде до наших дней.

¹³⁷ Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии (Лизогубы) / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. — С. 10.

Сын Ивана, Илья, избрал военную карьеру и стал адъютантом малороссийского генерал-губернатора князя М. Г. Репнина. Он прославился тем, что перестраивал родовое имение в Седневе, играл на рояле и хорошо пел. Другой сын, Андрей Иванович, закончил Московский университет, служил канцеляристом в Черниговском дворянском собрании, а потом в канцелярии малороссийского генерал-губернатора (судя по всему, его туда устроил брат Илья). Андрей любил искусство, и сам пробовал силы в живописи. У него часто гостили художники и поэты, в том числе Тарас Шевченко, написавший портреты Андрея и Ильи Лизогубов, которыми хозяева дома очень гордились. Когда поэт оказался в долгой ссылке, его поддерживал материально Андрей Лизогуб, посылая деньги, бумагу и краски. Так что обычным благопристойным помещиком, которого ничего не интересует кроме денег и своих имений, Андрея Лизогуба не назовёшь — козацкая кровь всё равно бурлила, и дружба с политическим ссыльным Тарасом Шевченко тому пример. Видимо, эта же кровь бурлила и в душе Николая Гоголя, бабка которого была из рода Лизогубов.

У детей Андрея — Дмитрия, Ильи, Фёдора — судьбы были очень разными. Дмитрий Лизогуб (1850–1879) стал революционером (это тоже — козацкая кровь), одним из основателей организации «Земля и воля» и главным её спонсором. Тайная организация народников, существовавшая в 1862–1864 годах, призвала раздать землю крестьянам. Не странно ли это — предки Дмитрия во времена Гетманщины старательно отбирали земли у крестьян, приумножая своё богатство, а народники собирались земли раздавать...

Дмитрий Лизогуб потратил на революционное движение почти 250 тысяч рублей — огромные деньги в то время, — продав для этого свои земли на Черниговщине, Полтавщине и в других губерниях. Сам он жил очень скромно, экономил на всём, и хотя, как богатый землевладелец, был завидным женихом, не имел ни семьи, ни любимой женщины — недаром его называли «святым революции».

По обвинению в подготовке покушения на царя Дмитрия Лизогуба вместе с двумя соратниками казнили в Одессе. Они шли на смерть в полном спокойствии, не произнеся ни одного слова. А Лизогуб хладнокровно осмотрел окружающую толпу, после чего все трое поцеловали друг друга и поднялись

на эшафот. Они давно уже приняли свою судьбу — быть революционерами, — и смерть не была для них неожиданностью.

А брат Дмитрия, Илья, стал статским советником юстиции и вёл всякие сложные судебные дела. Вероятно, он судил и таких, как друзья Дмитрия, хладнокровно отправляя их на каторгу и в ссылку. Что он думал про Дмитрия, мы, конечно, не знаем, но после казни брата Илья постарался заполучить всё оставшееся его имущество.

Третий брат, Фёдор Андреевич Лизогуб (1851–1928), пятнадцать лет проработал в Полтавской земской управе, помогая деньгами открытию школ и музеев. Это он финансировал издание произведений Котляревского и постройку памятника ему в Полтаве. Интеллигентный и хорошо воспитанный, свободно говоривший по-французски Фёдор больше напоминал аристократа начала XX века, чем потомка простых козаков.

После Февральской революции он заведовал отделом иностранных подданных в Министерстве иностранных дел Временного правительства. Когда власть захватили большевики, Фёдор Лизогуб переехал в Украину и при генеральном секретариате Центральной рады стал консультантом по земельным вопросам. В правительстве гетмана П. Скоропадского — министр внутренних дел (до июля 1918 года), потом председатель Совета министров (до ноября 1918-го).

Скоропадский планировал объединить силы с белыми для борьбы с большевиками, но не хотел оказаться в подчинении Деникина, поэтому отправил Фёдора Лизогуба в Крым, чтобы провести переговоры с великим князем Николаем Николаевичем¹³⁸. Однако тот отказался от сотрудничества с правительством гетмана.

Тем временем Скоропадский 14 ноября провозгласил курс на объединение с небольшевистской Россией и сформировал новое правительство, в котором для Лизогуба место не нашлось. Вернуться в Киев Фёдор Андреевич уже не смог. Какое-то время он жил в Одессе, пытаясь оттуда выехать в Киев, но ему это не удалось — власть в Украине захватила Директория, и её войска контролировали железные дороги, и возвратиться к семье возможности не было. В 1920 году Ф. А. Лизогуб эмигрировал в Белград, где умер в 1928 году.

¹³⁸ Лизогуб хорошо знал князя — когда тот был наместником на Кавказе, Фёдор Андреевич занимал пост (в 1915–1917 годах) начальника его канцелярии.

Его жена Александра и четыре дочери остались в Седневе. Жилось им там тяжело и бедно. Понимая, что при большевиках ничего хорошего их не ждёт, она переоформляет все документы на свою девичью фамилию Левиц и в 1922 году тайно уезжает с детьми в Петроград. Одна из дочерей, Вера, умерла там во время блокады, вторая, Елена, стала артисткой Мариинского театра и в конце 1980-х годов завещала похоронить её в любимом Седневе (правда, это так и не сделали), а о судьбе остальных дочерей ничего не известно.

На этом заканчивается история славного рода Лизогубов. Их предки поднялись во времена революции Хмельницкого, а потомки пали жертвой другой революции. Мечты о свободной и достойной жизни на своей земле, витавшие в воздухе во времена Богдана, до конца не были воплощены. А создать жизнеспособное и благополучное общество со здоровой экономикой не удалось — иначе не было бы 1917 года и всего, что началось потом.

Как генеральный подскарбий торговал волами

Марковичи попали в круг крупнейших магнатов Гетманщины по стечению обстоятельств. Марк Аврамович поселился в 1660-е годы в Прилуках, где взял в аренду торговлю водкой. Разбогатев на этом, он смог выгодно выдать замуж своих дочерей — славившаяся своей красотой Анастасия стала сначала женой генерального бунчужного Константина Голуба, родственника Самойловича, а после смерти Голуба — женой гетмана Скоропадского. Другую дочь, Ирину, выдали замуж за Степана Миклашевского, сына стародубского полковника. Анастасия, став женой гетмана Скоропадского, получила большое влияние и не забывала про своих родственников.

Скоропадский назначил Андрея Марковича, сына Авраама, сначала глуховским сотником, а потом и лубенским полковником. За тринадцать лет на этой должности Андрей основательно обогатился, используя для этого любые способы — он не боялся никого и ничего, зная, что его всегда защитит сестра, ставшая женой гетмана. Когда Марковича всё

же отстранили, старшина сразу же написала на него жалобу. Обвиняли его в том, что, став полковником и начав строить мельницы и организовывать фольварки, Андрей Маркович заставлял людей из своего полка бесплатно работать — насыпать гребли для его «млынов», возить древесину, пахать для него земли. Более того, мельницы и фольварки он часто строил не на своих землях, а на чужих или насильно отнятых, и никто не смел выступить против родственника Скоропадского. А купцам, торговавшим скотом и перегонявшим его в Силезию, полковник насильно давал своих самых плохих волов, а деньги брал за них как за лучших¹³⁹.

После отстранения Андрея Марковича от должности, никто не стал расследовать его злоупотребления — видимо, всплыло бы слишком много лишнего и про других. Марковича назначили генеральным подскарбием (министром финансов, если говорить современными словами) гетманского хозяйства, и на этой должности он спокойно просидел одиннадцать лет. Правда, говорили, что в то время должность генерального подскарбия была скорее почётной, и к «скарбу» он реального отношения не имел.

Сын Андрея, Яков Маркович, тоже был генеральным подскарбием (1729–1740). Видимо, на этой должности Маркович имел много свободного времени и писал свой подробный и очень объёмный дневник, ставший для нас чем-то вроде окна, открытого в ту эпоху¹⁴⁰. Такие дневники в то время не были чем-то необычным — вспомним хотя бы дневник Пилипа Орлика¹⁴¹ или дневник генерального хорунжего Николая Ханенко, современника Якова Марковича.

В дневнике Марковича не раз встречаются упоминания о его торговых сделках, и они интересны тем, что отражают общее направление торговли тех лет. Скорее всего, и другие экспортировали или импортировали то же самое. Коней, коров, шерсть, мёд, водку и табак Маркович продавал в Москву, Петербург, Астрахань, Крым и Польшу; волов перегонял в Гданьск и Силезию. В Петербурге и Москве покупал железо, медь, сукно, чай и кофе; в Крыму — рыбу и соль.

¹³⁹ Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии (Марковичи) / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. — С. 7–8, 13.

¹⁴⁰ Маркович Я. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767). В 3 ч. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1893–1897.

¹⁴¹ Орлик П. Діаріуш подорожній. В 5 кн. / П. Орлик. — К.: Темпора, 2013.

Торговал скотом и гадячский полковник Михаил Милорадович¹⁴², отправляя в Силезию и в Петербург по пятьсот-шестьсот волов, что для того времени было очень немало (другие обычно продавали по 50–100, две-три сотни считалось уже крупной сделкой). Доходы Милорадовича увеличивались и за счёт того, что он, как полковник, заставлял заниматься своими торговыми делами подчинённых ему людей, которым ничего не платил, ни когда они перегоняли сотни его волов в Силезию, ни когда ездили в Крым продавать товары полковника и покупать там крымские товары для продажи на местных ярмарках¹⁴³.

Этим же бизнесом занимался и конотопский сотник Андрей Кандыба. Однажды он отправил своего сына Фёдора в Гданьск продать триста волов. Однако сын, получив за волов 6 тысяч рублей, поступил весьма легкомысленно, по своей воле накупив на них подарков молодой жене и всяких других предметов роскоши, чтобы продать их на ярмарках. На требование отца вернуть деньги, Фёдор стал с ним грубо разговаривать, заявив, что деньги он уже все растратил. Закончилось дело не просто семейным скандалом — Андрей Кандыба лишил сына права наследства, о чём была сделана запись в городских книгах¹⁴⁴. Бывали и такие случаи в бизнесе тех времён.

¹⁴² Братья Милорадовичи (Александр, Михаил и Гавриил), помогавшие России в войне с турками, в 1713 году переселились из Сербии в Украину. После истории с Мазепой Пётр I стремился назначать на посты в гетманской администрации людей, которым можно доверять, и решил дать Михаилу Милорадовичу место полковника в Гадяче. Тем более что на предыдущего полковника Чарныша было много жалоб за всяческие притеснения. Чарныша царю тоже обижать не хотелось (он был женат на падчерице Скоропадского, поставленного гетманом после Мазепы), и его назначили генеральным судьёй. Милорадович не только использовал своё назначение для личного обогащения, но и прославился ещё большими притеснениями, чем Чарныш. Летописец Григорий Грабянка, в то время полковой судья, жаловался гетману: «...с назначением Милорадовича все слуги его в дела судейские вмешиваются и сами суды судят... город наш в большом смятении: поковничьи слуги толпами ходят с кольями по рынку; хватают людей, мучают их, бросают в тюрьмы и держат там, пока не откупятся» (Цит. по: Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии (Милорадовичи) / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. — С. 82).

¹⁴³ Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии (Милорадовичи) / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. — С. 83–84.

¹⁴⁴ Мицик Ю. З нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) / Ю. Мицик, І. Тарасенко // Сіверянський літопис. — 2019. — № 4–5. — С. 86, 110–111.

История сотника Сухомлина

Фёдор Сухомлин¹⁴⁵, сотник Нехворощанской сотни¹⁴⁶ в 1685–1700 годах, не принадлежал к самым богатым семействам Гетманщины, но его судьба хорошо отражала дух того времени. Фёдор Иванович родился на Правобережье Украины в Жаботине (недалеко от Чигирина). Когда после смерти Хмельницкого началась борьба за власть между сторонниками Польши и Москвы, на охваченном гражданской войной Правобережье оставаться не было возможности, и Сухомлин, как и многие другие украинские шляхтичи, переселился в 1670-е годы на Левобережье, где дослужился до сотника. Пост, может, и не самый высокий, но и не такой маленький — на территории своей сотни он считался полным хозяином.

Фёдор был доброй души человек, не любил ссор и споров, любые вопросы решал мирно, и за это все его любили. Сухомлина никто не мог упрекнуть, что он присвоил чью-то землю, лес или скот (а это стало обычным делом для других сотников, не говоря уже про полковников), хотя человек он был состоятельный. Ему принадлежали водяные мельницы с шестью жерновами на реке Орель, винокурня с тремя казанами, броварня (пивоваренный заводик), шинок с двором и лавка на рынке. А вокруг села Нехворощи располагались леса, поля и сенокосы пана сотника. Всё это Сухомлин честно купил у бывшего полтавского полковника Павла Герцика, отремонтировал мельницы и завел на своих хуторах большое хозяйство.

В семье сотника было много детей, но все они в разное время умерли от болезней. Осталась одна только юная дочь. Естественно, Фёдор Иванович подумывал о хорошем «хазяйновитом» зяте, которому он мог бы спокойно передать всё, что он накопил. И вот такой случай подвернулся — появился в Нехвороще заезжий козак Данило, статный и богато одетый. О себе рассказывал, что он шляхтич родом с Правобережья, учился в Киеве, а сейчас направляется на Слобожанщину, где у него состоятельные родственники.

Дочь сотника и Данило понравились друг другу и скоро сыграли свадьбу. Сухомлин подал в отставку по возрасту и ре-

¹⁴⁵ Левицкий О. Нехворощанский сотник Фёдор Сухомлин / О. Левицкий // Киевская старина. — 1901. № 5. — С. 149–163.

¹⁴⁶ Сотня входила в состав Полтавского полка.

шил, что молодые будут жить вместе с родителями. Всё было бы хорошо, но зять оказался чересчур «хазяйновитым» и скоро начал распоряжаться имуществом сотника как своим собственным. Поначалу Сухомлин терпел это, потом решил дать отпор, и тут зять Данило проявил совсем другую свою сторону — грубую, дерзкую и жадную. Начались бесконечные конфликты, и дело дошло до того, что зять и тесть выхватили сабли, после чего Данило ранил Сухомлина в руку. После этого, в сентябре 1701 года, Сухомлин подал на зятя в Полтавский полковой суд. Данило вёл себя на суде нагло и хамовато, и суд не стал с ним церемониться — раз он поднял руку на шляхтича и бывшего сотника, то приговор ему короткий — отрубить руку. Тут уже зять присмирел, понял, что дело приняло серьёзный оборот, и стал просить прощения у тестя, умоляя его помиловать. Сухомлин, как человек мягкий, сжалился над ним, и наказание отменили. Но суд предупредил зятя, что если он опять попытается притеснять тестя, то его лишат супружеских прав и брак принудительно расторгнут — существовала такая практика во времена Гетманщины.

Через некоторое время зять Данило опять начал наглеть — не мог он ничего поделывать со своим беспокойным характером. Или не хотел. Сухомлин, как человек спокойный, решил продать всё своё хозяйство и покинуть Нехворощу, чтобы вернуться на родину, в Жаботин. Там и природа была богаче, и земля лучше, от дедов-прадедов остались сады, а главное, что бесконечные войны времён Руины вроде бы успокоились.

В Польше как раз правил король Ян Собеский, победивший турок возле Вены, и он решил возродить Правобережную Украину и даже восстановить там козацкое войско. Но для этого нужно было вернуть туда бежавшее на Левобережье население, и король в 1684 году издал манифест, по которому обещал тем, кто вернётся, обширные земли между Чигирином и киевским Полесьем, подтверждая все права и вольности, дарованные предыдущими королями. Многие с Левобережной Украины захотели вернуться обратно, и хотя гетман Самойлович строго запретил пропускать на правый берег переселенцев, они пробирались туда тайно. Наверное, дело было не в том, что на Правобережье под властью поляков жилось лучше, чем на Левобережье, а в том, что там были родные края. А это всегда и везде святое.

В октябре того же 1701 года бывший сотник уже начал распродавать свои имения. Ими заинтересовалась богатая мещанка из Полтавы Павлыха Выдричка, занимавшаяся крупными операциями со скотом (оказывается, и женщины принимали участие в этом бизнесе), который она скупала и перепродавала в Силезию и Польшу. С Сухомлином она познакомилась на ярмарке в Нехвороще, и они договорились о цене за всё, включая жилой дом, — 1200 злотых. Выдричка дала Фёдору задаток и поехала в Полтаву собрать деньги, чтобы потом оформить договор купли-продажи.

Зять об этом пока ещё не знал, а когда узнал, то пришёл в ярость и после крика заявил, что сам купит всё имущество Сухомлина, и давал сразу задаток — 500 злотых. Но бывший сотник потребовал всю сумму. Зять метнулся в Полтаву и предложил своему приятелю Григорию Герцику, сыну бывшего полковника, купить имения тестя. Цена была выгодной, Герцик приехал в Нехворощу и сразу дал Сухомлину 1300 злотых наличными, да ещё и отказался от жилого дома в пользу зятя. От такой сделки Фёдор Иванович отказаться не мог, тем более что сын полковника имел приоритетное право покупки — ведь всё это сотник когда-то купил у его отца. Так Герцик сразу же вступил во владение имением, не ожидая оформления акта.

Когда он поднимал с Сухомлином очередную чарку горилки, обмывая сделку, приехала Павлыха Выдричка с деньгами и, увидев, что имение уже продано другому, устроила страшный скандал. Ведь она, заплатив задаток, перегнала на земли бывшего сотника недавно купленный скот, чтобы волы откармливались на лугах. На следующий день, смирившись с тем, что сделка сорвалась, она отправила Сухомлину записку с просьбой хотя бы позволить её скоту какое-то время пастись на проданных землях, но получила отказ. Разозлившись окончательно, крикливая тётка подала заявление в Полтавский полковой суд. Впрочем, суд Сухомлина оправдал, вскоре он оформил договор купли-продажи на своё имение и уехал с женой на родину, в Жаботин, где спокойно доживал свой век.

В те годы было много таких, кто возвращался в родные края на Правобережье, — Украина воспринималась ими как единое пространство (в том числе пространство экономическое), и личные (либо коммерческие) интересы вместе с родственными связями имели большее значение, чем вопрос, где лучше жить — под Польшей или Россией.

Откупщики. Большие деньги

Откупы¹⁴⁷ были тогда выгодным бизнесом, и многие хотели бы им заняться, вот только давали право на аренду не всем. Однако среди откупщиков времён Гетманщины встречаются имена не только генеральной, но и рядовой старшины. Это и генеральный обозный Иван Ломиковский, и полковой обозный Стародубского полка Прокоп Силенко, и судья Лубенского полка Иван Кулябка, и братья Стожко... Занимались откупам и мещане, как было с Романом Яненко из Глухова, получившим хорошую прибыль на сборе промышленных налогов и ставшим бунчуковым товарищем. Обогащались на откупах даже женщины — Ганна Орлик, жена Пилипа Орлика, только лишь с одной сданной в аренду гуральни в Гадяче на Полтавщине получила больше 2 тысяч дукатов (15 тысяч злотых). Иногда откупщики создавали партнёрства — конотопскому сотнику Андрею Кандыбе и его компаньонам Юрию Харевичу и Григорию Костенецкому в 1704 году была отдана на год в аренду торговля водкой, табаком и дёгтем в Конотопе¹⁴⁸.

Из откупщиков выделялся размахом своих дел Антон Крыжановский (1722–1802) — о нём даже вспоминает Пантелеймон Кулиш в историческом романе «Чорна рада». Род Крыжановских был, возможно, не так знаменит, как Лизогубы, Гамалеи и другие, но с предпринимательством у них было всё в порядке. Путь крещёного еврея Антона начался в 1730-е годы в Белой Церкви. Тогда его ещё звали Мошко, и он служил у местного раввина. Трудно было предположить, что когда-то он войдёт в высший круг козацкой старшины и станет полковником в Гадяче. Но судьба, как известно, причудлива и переменчива.

¹⁴⁷ Государство передавало в аренду («откуп») отдельным предпринимателям право на такие прибыльные виды деятельности как сбор налогов и пошлин, а также продажу водки. Арендатор («откупщик») платил раз в год государству оговоренную сумму, а всю остальную прибыль оставлял себе. Этот бизнес всегда считался очень выгодным.

¹⁴⁸ Арендаторы должны были заплатить за год 4 тысячи злотых, из которых 2,5 тысячи шло в войсковой скарб, а 1,5 тысячи — Конотопской ратуше, на городские нужды (Оглоблін О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О. Оглоблін. — Нью-Йорк — Париж — Торонто: Ліга визволення України, 1960. — С. 83). Всё остальное оставалось партнёрам, а, как все в то время знали, оставалось им немало.

Приняв крещение и став Антоном Степановичем, он переселился на Левобережье, в местечко Городище, недалеко от Миргорода, и взял на откуп сбор налогов с продажи водки, табака и дёгтя, а также с водяных мельниц. А в 1737 году Крыжановский уже взял на откуп сбор налогов по всему Миргородскому полку, в 1738-м — Лубенскому, а потом и Гадячскому. Получалось у него это неплохо, и через пару лет он получил место глинского сотника Лубенского полка — «за пополнение казны». Правда, ходили слухи, что и право на откуп, и место сотника Крыжановский получил за «датки» — взятки генеральному писарю Безбородко¹⁴⁹. Вполне может быть — в то время многие так делали.

Вскоре «за заслуги» ему пожаловали имения, а в 1752 году с Крыжановским заключили договор на шесть лет, по которому ему отдавали на откуп сбор всех налогов с полков Лубенского, Миргородского, Нежинского, Переяславского, Полтавского, а также с перевоза через Днепр в Кременчуге. Он должен был платить в казну 40 тысяч рублей в год, остальное оставляя себе. Правда, в 1755 году гетманская власть отменила откупы, посчитав, что они недостаточно эффективны для наполнения казны, и передала налоги полковым и сотенным сборщикам. Но Крыжановский не сильно расстраивался — к тому времени он уже разбогател и получил «за заслуги» в сборе налогов немало имений, да и сам прикупил себе земель. Оставалось только занять престижную должность, но для богатого человека в Гетманщине это не было проблемой, и в 1762 году Крыжановский стал гадячским полковником, оставаясь им десять лет.

Промышленный бизнес Миклашевских

Родоначальник династии Михаил Миклашевский начал свой путь к успеху в окружении гетмана Многогрешного (1668–1672), потом его покровителем стал Самойлович, и в 1682 году Миклашевский назначен генеральным хорунжим, а через

¹⁴⁹ Желая получить на откуп полки Миргородский и Лубенский, Крыжановский принёс генеральному писарю 260 червонцев (червонец или червонный злотый — 6 злотых), а жене его жемчуг и бусы из червонцев на 300 рублей. А когда он хотел получить место глинского сотника, то подарил тому же Безбородко коляску и пару лошадей; писарь приехал за ними ночью, чтобы не привлекать внимание (Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии (Крыжановские) / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. — С. 10).

год — генеральным есаулом. Оставался он им и при Мазепе, пока в 1689 году не стал стародубским полковником.

Стародуб тогда считался главным центром торговли и промышленности, и полк этот был богатейшим. Город вёл обширную торговлю с портовой Ригой, главным образом пенькой, а также поташем, производство которого было сосредоточено на Стародубщине. Тогда там было много лесов, и в них полковник построил множество «буд», производивших поташ, который Миклашевский потом продавал за границу. Вместе с генеральным есаулом Андреем Гамалеей и стародубским войтом Спиридоном Шираем он создал партнёрство, владевшее производившими поташ предприятиями на землях Стародубского полка, и получил в 1691 году гетманский универсал с разрешением заниматься этим бизнесом¹⁵⁰.

Возле буд и принадлежавших ему водяных мельниц Михаил Миклашевский основывал слободы, заселял их людьми, и так увеличивал количество своих имений. Кроме поташных буд много здесь было и руден, производивших железо. Так Миклашевский за пятнадцать лет своего управления полком нажил огромные богатства, особенно в форме земельной недвижимости. Однако в 1704 году Мазепа получил донос на полковника о том, что тот якобы ведёт тайные переговоры с поляками, после чего отстранил его от должности. Погиб Миклашевский в 1706 году на войне со шведами¹⁵¹.

Один из потомков Миклашевских, правнук стародубского полковника Михаил Павлович (1756—1847), новороссийский губернатор и крупный землевладелец, стал создавать в своих имениях в Черниговской губернии фабрики по производству сукна, для которых на Екатеринославщине разводили особых «гишпанских» (т. е. испанских) овец. Его Понуровскую фабрику, где работало 220 человек¹⁵², основали

¹⁵⁰ Оглоблін О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О. Оглоблін. — Нью-Йорк — Париж — Торонто: Ліга визволення України, 1960. — С. 73.

¹⁵¹ О его богатстве наглядно говорит тот факт, что когда вдова Миклашевского отправилась к Мазепе «поклониться» и просить подтверждения прав собственности на имения, она подарила гетману серебряный поднос стоимостью тысячу талеров (около пяти тысяч злотых) (Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии (Миклашевские) / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. — С. 51).

¹⁵² В середине XIX века работников было уже 300 человек. На фабрике стояло 50 ткацких станков, паровые машины и прочее оборудование. Трудились там крепостные Миклашевского, но не бесплатно — они получали зарплату, что было для первых фабрик новым и необычным (Оглоблін О. Люди старої України / О. Оглоблін. — Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1959. — С. 160–161).

в 1815 году. Миклашевский вложил в неё 400 тысяч рублей, взятых в долг у частных лиц (попытки взять кредит у государства в 1818 году не дали результата). Понуровская фабрика стала крупным производством, выпускавшим тонкое сукно и другие ткани на 50 тысяч рублей в год¹⁵³. А его сын, Андрей Михайлович Миклашевский, в селе Волокитне Глуховского уезда построил фарфоровую фабрику — в середине XIX её изделия пользовались хорошим спросом¹⁵⁴.

На Правобережье Украины в то время крупнейшими были суконные фабрики в местечках Таганче (основана в 1806 году в имении князя Понятовского) и Хабне¹⁵⁵ (основана в 1823 году в имении князя Радзивилла). Фабрики эти существовали и во второй половине XIX века, когда они сильно расширились. А в имениях князя Сангушко на Волыни было шесть суконных фабрик, две бумажных, одна свечная, да ещё и завод по производству поташа.

Хотя в XVIII веке у большинства мануфактур в имениях старшины были «совершенно незначительные размеры, часто ничего общего... не имея с фабрикой, всё же они определяют влияние торгового капитала на украинскую промышленность»¹⁵⁶. Часть этих предприятий работала на местный рынок, а часть была связана с международной торговлей.

В начале XIX века, когда в помещичьем хозяйстве происходил переход от примитивного аграрного производства к промышленному, значительная часть всех этих созданных в начале XVIII века буд, гут и руден исчезла, а некоторые превратились из полукустарных мануфактур в фабрики и заводы. Может, ещё не такие, как в конце XIX века, но всё равно уже больше похожие на предприятия эпохи промышленного, индустриального капитализма.

«Эволюция мелкого производства, продолжавшая старый хозяйственный процесс, источники которого восходят к XVII–XVIII векам, внедрение купеческого капита-

¹⁵³ Литвинова Т. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII — первой половине XIX века / Т. Литвинова. — М.: «НЛО», 2019. — С. 228.

¹⁵⁴ Фабрика фарфора Миклашевского // Киевская старина. — 1894. — № 11. — С. 309–310.

¹⁵⁵ Сегодня — посёлок Полесское в Киевской области.

¹⁵⁶ Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. — К.: Гос. изд. Украины, 1925. — С. 102.

ла в крепостную промышленность, взрывавшее её изнутри (аренда вотчинных предприятий... отчасти вотчинная фабрика с вольнонаёмным трудом) — это старые, испытанные методы создания капиталистической промышленности»¹⁵⁷.

Хотя наёмный труд является одним из признаков перехода от феодализма к капитализму, более важным признаком появления капитализма стали инвестиции капитала (своего собственного или заёмного) в расширение ориентированного на рынки производства агропродукции. А этого в фольварках крупных землевладельцев хватало со второй половины XVI века. Другое дело — в какой мере проявился такой простейший аграрный капитализм? Если под капитализмом понимать производство товаров для продажи и объединение капиталов первых капиталистов с наёмным трудом, то такие формы капитализма существовали у нас с XVII века в первых простейших предприятиях перерабатывающей промышленности (водяные мельница, рудни, гуты).

Понятно, что такой примитивный капитализм только зарождался. Был он с остатками феодальных отношений и очень далёким от полноценного промышленного капитализма, который «приехал» сюда по уже проложенным рельсам железных дорог только через два столетия — после отмены крепостного права.

Прокоп Верещака

А как сложилась в то «роковое время на нашей страдающей земле»¹⁵⁸ судьба украинских шляхтичей, которые отстаивали свою национальную идентичность, но не примкнули к последователям Богдана Хмельницкого? Восстание Хмельницкого переформатировало и экономику, и вместе с ней жизни множества людей — от простых крестьян и ря-

¹⁵⁷ Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. — К.: Гос. изд. Украины, 1925. — С. 148.

¹⁵⁸ Универсал русского воеводы Кн. Иеремии Вишневецкого ко бывателям своего воеводства // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. — К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. — С. 276.

довых козаков до украинских шляхтичей. Одним из таких мелких шляхтичей был Прокоп Верещака¹⁵⁹ из Овручского¹⁶⁰ уезда на Полесье.

Родители Прокопа были небогаты, и единственное, что они могли дать сыну, — позаботиться о его образовании, чтобы он потом выбился в люди. Скорее всего, Верещака учился в Киево-Могилянской академии — в одном из писем он упоминал, что в молодости был при защитниках православия Петре Могиле и Адаме Киселе. Однако в те времена мало было получить образование — нужно было ещё найти хорошую работу, чтобы приобрести практический опыт. Больше всего ценились юридические знания, а чтобы их иметь, приходилось поработать несколько лет в канцелярии городского или земского суда. После такой стажировки можно было претендовать на должность судьи или адвоката, что давало не только хороший заработок, но и покровительство влиятельных лиц.

Судя по всему, наш герой прошёл такой путь, и в 1640-е годы среди его клиентов упоминались митрополит Пётр Могила, киевский каштелян Адам Кисель, волынский магнат Владислав Заславский и другие. Кроме того, Прокоп занял должность коморника¹⁶¹ Черниговского, что давало ему и хороший заработок, и положение в обществе.

После смерти отца сразу нашлись претенденты на родовое имение возле Овруча, и Прокопу не удалось отстоять его. Однако один из покровителей, князь Заславский, подарил ему село Грушки на Житомирщине — обычный тогда способ платы за оказанные юридические услуги. А Пётр Могила наградил Верещаку тремя фольварками на Киевщине, принадлежавшими до того богатому Печерскому монастырю.

Но вот настал 1648 год, началось восстание, крестьяне громили панские имения, не очень разбираясь, кто их владелец — польские шляхтичи или православные украинские. С началом восстания украинские шляхтичи разделились на противников и сторонников Хмельницкого. Те, кто достиг успеха в Речи Посполитой (Адам Кисель или тот же Вере-

¹⁵⁹ Его жизни посвящена подробная статья Ореста Левицкого: Левицький О. Український шляхтич Прокіп Верещака і його пригоди під час Хмельниччини / О. Левицький // Україна. — 1917. Кн. 1–2. — С. 20–37.

¹⁶⁰ Овруч — небольшой город в Коростенском районе Житомирской области.

¹⁶¹ В Речи Посполитой государственный или княжеский ключник при замке.

щака), были против восстания¹⁶². И не потому, что не хотели отстаивать права руського населения и его веру. Это, по их мнению, нужно делать мирным путем, на сеймах — они были национально сознательными и активными, но в то же время лояльными к Речи Посполитой. Восстание угрожало разрушением экономики и социальных связей, а также тем, что они лишатся всего — и своих имений, и должностей. Предыдущие крестьянско-козацкие восстания ничего не создали, поэтому и воспринимались как очередной бунт хлопов. А когда эта руськая шляхта поняла, что Хмельницкий впервые создал украинское государство с административной и экономической системами, их отношение к восставшим стало меняться.

Но много было и таких, кто не нашёл своего места в Речи Посполитой. К тому же имения мелких шляхтичей в 1630-е и 1640-е годы стали массово отбирать крупные магнаты (как у Богдана Хмельницкого отобрали хутор Субботов по распоряжению Конецпольского¹⁶³). Хотя судебная система Речи Посполитой была достаточно развита, она в основном обеспечивала исполнение контрактов, а не защиту прав собственности. Права собственности если и защищались, то преимущественно для элиты — крупных землевладельцев.

На зерновом рынке начались проблемы из-за Северной войны, прибыли снизились, и магнаты укрупняли свои хозяйства, стараясь увеличить доходы. Многим шляхтичам терять было уже нечего, а восстание давало им шанс подняться, занять должности в войске Хмельницкого, а потом и разбогатеть.

А тем временем Прокоп Верещака понял, что нужно спастись и бежать на запад. На своём пути он встретил Адама Киселя с отрядом, направлявшегося на переговоры с Хмельницким, и по просьбе своего покровителя присоединился

¹⁶² Двадцатилетний Адам Кисель (1600–1653), сын помощника судьи из Владимира, владел только одним селом. В пятидесятилетнем возрасте он был сенатором и киевским воеводой, а в его владения входило более полусотни сёл и местечек, а также земли на Десне. Часть этих имений он получил от польского короля за верную службу Речи Посполитой, часть от Богдана Хмельницкого, так сказать, за поддержку (Каманін І. М. Три тестаменти Адама Киселя / І. М. Каманін // Україна. — 1918. — № 1–2. — С. 55–56).

¹⁶³ «Пан Чаплинский, которому понравился мой собственный, унаследованный от отца хутор... выпросил разрешение основать свою слободу на этом хуторе, где у меня были четыре рыбных пруда, мельницы, поля, сенокосы... Так меня силой выгнали оттуда» (Документи Богдана Хмельницкого. 1648–1657. — К.: Вид. АН УРСР, 1961. — С. 27). «Хутора, сенокосы, поля, пруды, мельницы — всё, что только кому-то из панов урядников понравится, силой отбирают, а нас самих, невинных, обдирают, бьют и пытаются» (Там же, с. 38).

к нему. После разных драматических приключений, которые слишком долго пересказывать, Прокоп оказался пленником в лагере Хмельницкого. Там ему уже собирались отрубить голову как предателю и польскому шпиону, но чудом его увидел митрополит Сильвестр Косов и отговорил козацкую старшину, рассказав, как верно Верещака служил Петру Могиле¹⁶⁴.

Хмельницкий помиловал Прокопа и даже отпустил его в Киев, но под присмотром митрополита. Тот укрыл Верещаку в Софийском монастыре, где он провёл восемь месяцев. Время было беспокойное, народ восстал против шляхты, и каждый день в Киеве кого-то из шляхтичей убивали, не разбирая, православный ты или нет. Укрыться можно было только в монастырях, куда народ врываться не осмеливался.

В Киеве больше оставаться не было возможности, и Прокоп Верещака как-то с трудом добрался до Варшавы, где при поддержке Адама Киселя пожаловался польскому королю на притеснения и на то, что он лишился всего¹⁶⁵. Король посочувствовал, но чем он мог реально помочь Прокопу? Выдать грамоту на имения? Так поляки не контролировали те территории. И даровал он Верещаке почётную должность королевского секретаря, а также выдал охранное письмо.

Именно незащищённость прав собственности привела к тому, что более богатую часть украинской шляхты «...судьба с берегов Днепра загнала на Вислу, выбросив на рынки Варшавы и других польских городов. Более бедные, или привязанные к родовым гнездам, если не погибли или не нашли себе укрытие в монастырях, кочуют возле польских войск, выжидая, пока Речь Посполитая разберётся с бунтарями»¹⁶⁶, — говорил Юрий Немирич¹⁶⁷, один из лидеров

¹⁶⁴ Липинський В. Україна на переломі, 1657–1959. Записки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті / В. Липинський. — Відень-Київ: Видання Дніпровського Союзу Споживчих Союзів України («Дніпросоюз»), 1920. — С. 108–109.

¹⁶⁵ Текст жалобы см.: Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. — К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. — С. 124–129.

¹⁶⁶ Цит. по: Липинський В. Україна на переломі, 1657–1659. Записки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті / В. Липинський. — Відень-Київ: Видання Дніпровського Союзу Споживчих Союзів України («Дніпросоюз»), 1920. — С. 101.

¹⁶⁷ Юрий Немирич (1612–1659) — украинский шляхтич и политический деятель, человек европейского склада и фигура, безусловно, неординарная. Много

пропольской группировки украинской шляхты. А известный украинский шляхтич, в прошлом киевский воевода Адам Кисель жаловался на одном из сеймов, что он лишился всего, земель и скота; ему некуда возвращаться, и на старости лет придётся быть у кого-то джурой¹⁶⁸. «Мы... лишились всего нашего богатства... Я первый... утратив за Днепром сто тысяч прибыли... остался с несколькими сотнями тысяч долгов»¹⁶⁹.

Впрочем, не всё было так безнадежно — в августе 1649 года подписали Зборовский договор о перемирии между Хмельницким и польским королём. После этого украинская шляхта начала возвращаться в свои имения. У Верещаки начались долгие судебные споры в отношении его владений, к тому времени уже перешедших в другие руки. Несмотря на юридический опыт нашего героя, споры эти затянулись до тех пор, пока в 1652 году не началась новая война Хмельницкого с поляками, и шляхтичам пришлось снова спасаться бегством из своих имений.

Прокоп несколько лет скрывался в Беларуси, но и там покоя не было — началась польско-российская война. В 1655 году он вернулся в Украину, а в 1657 году удача, наконец, улыбнулась ему — он оказался в Чигирине, в окружении нового гетмана Ивана Выговского. Вероятно, он был знаком раньше если не с Выговским, то с его отцом Евстафием, который тоже был родом из Овручского уезда.

В окружении Выговского собралось много таких украинских шляхтичей, как Прокоп. Долго скрывавшиеся где-то в изгнании, лишившиеся всего, они поняли, что на победу поляков уже не стоит рассчитывать, и примкнули к новой гетманской власти. Выговский понимал, что именно эта образованная, имеющая управленческий опыт, православная шляхта нужна ему для создания нового государства.

Так сформировалась группировка, в которой распростились настроения порвать с Москвой и вернуться к спо-

путешествовал по Европе, учился в университетах в Лейдене, Амстердаме, Оксфорде, Кембридже и Париже. Вернулся в Украину в 1630-е годы, с 1641-го — подкоморий киевский. В начале восстания Хмельницкого воевал на стороне поляков, в 1657 году примкнул к сторонникам Хмельницкого, а после его смерти — один из ближайших соратников гетмана Выговского. Был убит как изменник вместе с другими соратниками Выговского.

¹⁶⁸ Джуро — в козацком войске оруженосец и слуга, типа адъютанта. Обычно джуро — молодой парень, только начинающий свою военную карьеру.

¹⁶⁹ Кисіль А. Лист до Гнездинського архієпископа М. Лубенського про перемоги Богдана Хмельницького. — <http://litopys.org.ua/suspil/sus74.htm>

койной жизни в составе Речи Посполитой, но уже не на старых принципах, а как равные среди равных («рівні до рівних і зацні до зацних»¹⁷⁰, как говорили тогда). Возник проект Великого княжества Руського¹⁷¹ (в смысле русинского), воплощенный в Гадячском договоре 1658 года. В 1659 году этот договор должен был утвердить сейм в Варшаве, и украинскую делегацию возглавляли Юрий Немирич от Киевского воеводства и Прокоп Верещака от Черниговского. Однако сейм принял этот договор в сильно урезанном виде, и от идеи равноправного члена Речи Посполитой почти ничего не осталось. В Украине народ возмутился, Выговскому пришлось отречься от гетманства, и началась долгая гражданская война. А многих сторонников Выговского козаки перебили. Среди них оказался и Прокоп Верещака...

Его могилу можно увидеть и сегодня в селе Германовка на Киевщине, где стоит крест с надписью: «На этом месте похоронены козацкие полковники Степан Сулима и Прокоп Верещака».

«В садку вишневому коло хати»

Когда-то Иван Аксаков образно писал, что украинец «как будто ленится... будто отдыхает от совершенного подвига после напряжённой исторической деятельности, ещё будто не пускает в ход всей своей внутренней силы. Упорно держась своего быта, создавшегося под воздействием исключительных исторических обстоятельств, он с удивлением и недоумением смотрит на всё, совершающееся с ним, и сам себе не решил вопрос о своём гражданском призвании»¹⁷².

Однако дело было не в лени и не в усталости после совершённых подвигов, а в более прозаических обстоятельствах экономической истории. Ведь Украина во времена Гетманщины не имела ни своего Средиземного моря — как Венеция, ни Северного — как Голландия, ни Балтийского — как Речь Посполитая. Страна была зажата между периферийной по европейским понятиям Польшей и ещё более пе-

¹⁷⁰ Зацный — достойный уважения, благородный.

¹⁷¹ По первоначальной версии договора, в это княжество должно было войти три воеводства — Киевское, Черниговское и Брацлавское.

¹⁷² Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках / И. С. Аксаков. — СПб.: Тип. Академии наук, 1858. — С. 4.

риферийной Россией. Возможности для внешней торговли оказались ограниченными, а потому и новые веяния из переловых стран сюда не доходили. Вот и получился идеал аграрного далёкого хутора, где жизнь после долгих войн, наконец, стала тихой и неспешной. Может, конечно, и экономический тупик, но тупик умиротворяющий и сытый, в котором время замедлилось — «в садку вишневому коло хати», среди пчёл, коров и овец. Вот такой получился козацкий капитализм в Гетманщине.

Становления национального государства связано с этапами зарождения торговых отношений. Вначале торговля имеет простейшие формы, экономика ещё неразвита, а нация, так сказать, виртуальна. Затем нация выходит вовне через международную торговлю (у нас это произошло во время «великого зернового бума»). На следующем этапе нация обращается к самой себе — и через национальное самоутверждение (как было в середине XVII века, в эпоху Хмельницкого), и через развитие внутренней торговли. Тогда экономическое пространство наполняется политикой, и возникает полноценное (в идеале) национальное государство. Автономное и независимое национальное государство может существовать, если оно имеет самодостаточное экономическое пространство, связанное с остальным миром торговыми отношениями.

У нас, к сожалению, так не получилось — внешняя торговля во времена Гетманщины оказалась утраченной. Экспортировать зерно, как раньше через Гданьск, возможности уже не было, да и спрос на европейском рынке на украинское и польское зерно упал. И главное — отсутствие выхода к морю. Если бы он был, то наши купцы могли бы вести бизнес в дальних странах, как те же голландцы. Думаю, что предприимчивости, авантюристичности им бы хватило — вспомним морские походы запорожцев. А так им оставалось ездить в Польшу, Турцию, Крым или Россию. А эти сухопутные торговые путешествия не требовали ни больших капиталовложений, ни каких-то технологических инноваций. Потому и торговля стала периферийной и застойной.

Таможенные книги 1762 и 1785 годов показывают, что из Украины экспортировали преимущественно мех (да и то в основном не самый ценный — заячий), солёную рыбу и немного шерстяных одеял. Все мануфактурные изделия

приходилось импортировать, в том числе ткани¹⁷³. Гетманщина имела больше торговых связей с Польшей и Турцией, чем с Россией, для которой она стала транзитным посредником для экспорта их товаров (преимущественно меха)¹⁷⁴.

Основную часть населения составляли крестьяне, а их потребности были ограничены, и они обходились преимущественно кустарными изделиями. Из всех видов производства доминировало лишь «винокурение», проще говоря, производство водки из зерна. «Киев являлся тогда полным отражением страны в отношении производства. Заводов и фабрик, за ничтожным исключением, не существовало в нём»¹⁷⁵.

В 1740 году торговлей с Украиной заинтересовались голландцы. Договор заключили нескольких голландцев, имена которых история не сохранила, переводчик Андрей Магрини и полтавский купец Герасим Максимович. Этот купец ещё в 1735 году, поехав с товарами в Крым, оказался в турецком плену — как раз началась русско-турецкая война 1735–1739 годов. После окончания войны Максимович получил свободу и будучи в Константинополе он познакомился с голландскими купцами. Голландцы выдали ему товары для продажи в Украине, а на вырученные деньги он должен был купить чёрной икры, солёного сливочного масла, воска, воловьих шкур.

Когда Герасим Максимович прибыл в Украину с товарами от голландцев, он передал их своему брату, известному полтавскому купцу Семёну Максимовичу. Сам Герасим уехал в Петербург, где получил должность при царском дворе. Семён большую часть товаров продал, однако купить необходимые голландцам товары в Украине оказалось сложно, и возникла задержка. Когда Герасим подписывал с голландцами договор, он забыл (или сделал вид), что большую часть необходимых им товаров по указу Петра I можно было вывозить только через северные порты. А это сильно усложняло дело.

¹⁷³ Среди импорта преобладали (кроме тканей разного типа) ковры, сафьяновая кожа, краски, бумага, кофе и чай, специи, церковные благовония, косы, ножи и прочие изделия из металла.

¹⁷⁴ Дубровський В. До питання про міжнародну торгівлю України в першій чверті XVIII століття / В. Дубровський // Записки історико-філологічного відділу. — К.: ВУАН, 1931. — С. 377.

¹⁷⁵ Лучицкий И. Киев в 1766 году / И. Лучицкий. — Киевская старина. — 1888. — № 1. — С. 72.

Написать письмо голландцам в Константинополь Семён не посчитал нужным, а решил покупать на все деньги сливочное масло и ещё некоторое количество лисьих шкур. Эти товары не запрещалось отправлять в Константинополь, что и сделал Максимович в мае 1742 года, приложив к товарам счёт (включавший в себя пошлины и транспортные расходы) на общую сумму 1680 талеров (талер был тогда одной из основных международных валют).

Однако голландцы сильно возмутились тем, что всё это дело растянулось на два года, а Семён Максимович только один раз написал им письмо в марте 1741 года, где сообщал, что товары проданы, но не советовался о том, какие товары ему покупать с учётом экспортных ограничений. Для голландцев это был признак непорядочности, а то, что купец не посчитал нужным приехать в Константинополь, возмутило их ещё больше. Как и то, что в присланном счёте цены были указаны в талерах непонятно по какому курсу. Так и осталось неясным, кто кому сколько должен. Голландцы стали жаловаться российскому резиденту в Турции Вешнякову, а тот — киевскому генерал-губернатору. Последний распорядился найти Максимовича и потребовать от него подробный отчёт о покупке товаров¹⁷⁶. Чем закончилось дело, неизвестно, но сотрудничество прекратилось.

Голландцы, в то время признанные лидеры в международной торговле, ожидали от полтавского купца той чёткости и добросовестности в делах (а также скорости исполнения сделки), о которых Семён Максимович у себя в Полтаве, наверное, даже и не слышал. Поэтому тот факт, что полтавский купец за два года только один раз написал им письмо, вызвал понятное недовольство. Как и то, что он не советовался, какие товары покупать для голландцев.

Впрочем, когда они заключали контракт (точные условия которого остались нам неизвестны) с Максимовичем и передавали ему товары, то голландцы могли бы поинтересоваться, можно ли эти товары вывезти из Украины в Константинополь. Ведь именно этими ограничениями была вызвана и задержка в исполнении сделки, и то, что полтавский купец купил не совсем то, на что рассчитывали голландцы. А Мак-

¹⁷⁶ Тищенко М. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. — К.: ВУАН, 1928. — С. 106–109.

симович не мог не знать об ограничениях на экспорт, принятых ещё при Петре I (умершем задолго до этих событий, в 1725 году). Впрочем, пытался ли он кого-то обмануть или проявил небрежность в делах, понять уже тяжело. Сказать можно одно — страшно мы были далеки от деловых обычаев передовых стран.

Элита того времени, отправлявшая своих детей учиться за границу (или хотя бы в имперский Петербург), всё чаще стала понимать — что-то в этой «хуторной» жизни с замедленным временем явно не то... Козацкая старшина, какой бы хуторной и местечковой она не казалась, тянулась к Европе. В повседневной жизни это проявлялось в стремлении богатой элиты дать хорошее образование своим детям. А это всегда и везде приводило к ускорению экономического роста.

Об истории племянника Мазепы, Андрея Войнаровского, уже говорилось. Но не только он учился в Западной Европе. Впрочем, такая мода распространилась где-то с середины XVIII века. Когда в 1715 году Степан Томара отправил своего сына Василия (наставником которого был Григорий Сковорода) учиться в «немецких землях», это ещё считалось редким и необычным.

В середине столетия в университете немецкого города Киль учился Василий Ханенко, старший сын генерального хорунжего Николая Ханенко (автора подробного дневника). Отец писал сыну, чтобы тот не только учил языки — латинский, французский, немецкий, — но и осваивал все науки, необходимые образованному человеку того века — от метафизики, логики и поэтики до математики и геометрии. В Лейпцигский университет отправил (после окончания Киево-Могилянской академии) своего сына полковник Антон Крыжановский.

А потом и другая старшина решила, что она ничем не хуже. Внук Петра Кулябки, тоже Пётр, в 1760-е годы был отправлен на учёбу куда-то за границу, и это дорого обошлось отцу — ему пришлось продать за 1500 рублей столь милые его сердцу «грунты» (проще говоря, земли) одного из своих имений. А брат его отца, Иван Кулябка¹⁷⁷, вероят-

¹⁷⁷ Иван Кулябка вообще серьёзно относился к теме образования. Будучи лубенским полковником в 1757–1771 годах, он жаловался гетману Кириллу Разумовскому на низкий уровень грамотности даже среди старшины. Кулябка начал открывать школы, где в 1760 году училось более полутора тысяч детей. Разумовский поддерживал эти начинания.

но, чтобы не ударить лицом в грязь перед родственником, отправил на учёбу в иностранные университеты «для пользы отечества и чести фамилии» уже трёх сыновей — Ивана, Григория и Данила, после чего влез в такие долги, что пришлось продавать не одно имение. Понимали они важность хорошего образования для детей, раз не скупились на расходы. А у ещё одного Кулябки, Степана, старший сын Иван не только учился за границей, но и стал там масоном. Были, оказывается, и такие персонажи в нашей Гетманщине...

«Демократия без устоявшихся правил и сильных институтов имеет тенденцию превращаться в олигархический строй». Так было и в Гетманщине. Она имела «много недугов и слабых сторон. Её негативный образ широкими чёрными мазками рисовали украинские народнические и российские имперские историки. Этот образ отчасти правдивый, но становится карикатурным, если не принимать во внимание исторический контекст. Так же негативно можно было бы охарактеризовать любое государство того времени»¹⁷⁸. Хотя лично я не вижу в образе Гетманщины ничего карикатурного. Архаичная — да, но не карикатурная.

¹⁷⁸ Грицак Я. Подолати минуле: глобальна історія України / Я. Грицак. — К.: Портал, 2021. — С. 133–134.

Глава 3.

ПЕРВЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Торговые партнёрства

До того как ближе к середине XIX века в Украине начался бум создания партнёрств (их тогда называли «товарищества»), они имели здесь уже достаточно долгую, хотя не такую бурную историю. Несмотря на несколько веков существования наших партнёрств, они до XIX века так и остались простейшими и по своей организации, и по масштабам деятельности. В те времена трудно было собрать необходимые суммы денег для торговли либо инвестиций в выгодные промыслы — даже несмотря на то, что по сегодняшним представлениям эти суммы небольшие. Первые версии партнёрств были временными и возникали для финансирования отдельной поездки за товаром.

Партнёрства в Украине появляются ещё в XV веке, и в XVII-м становятся обычным делом. Богослов и церковный деятель Иннокентий Гизель (1600–1683) в своём трактате «Мир с Богом человеку», опубликованном в Киево-Печерской лавре, писал, что купцы берут на себя грех, когда проводят совместную закупку товара («вкупе с другим общую куплю делающие») и обманывают при этом своего партнёра о цене или качестве¹⁷⁹.

¹⁷⁹ Гизель І. Вибрані твори у 3 томах. — Т. І. — Кн. 2 — К.: Свічадло, 2009. — С. 231.

Такой грех, по мнению его партнёра, взял на себя и киевский купец Михаил Сусло (Суслов). В 1680-е годы Сусло и его компаньон грек Николай Торновиот (Торниот) заключили договор о партнёрстве. Однако во время одной из торговых поездок Сусло присвоил товары, купленные за совместный капитал партнёров, а кроме того, не вернул в срок взятые в долг 400 рублей, после чего началось долгое судебное разбирательство. Чем оно закончилось, упоминаний не сохранилось.

Сусло и Торновиот были одними из самых богатых и торговали на свои деньги. А купцам победнее приходилось брать деньги в долг. В 1609 году киевский купец Андрей Тригубович (обычно возивший товар на продажу в Могилёв и Смоленск) с «товарищем» Богданом Козеем взял в долг у козака Шафрана 100 коп литовских грошей. Купив несколько бочек водки, они повезли их в Смоленск, однако во время осады города товар пропал, и они ничего не заработали. Бывало, что купеческие партнёрства подстерегали опасности. В 1616 году во время торговых дел в Могилёве того же Тригубовича подстрелили, и вскоре он умер от раны¹⁸⁰. Видимо, в те времена подобные истории не были редкостью.

Сегодня с перевозкой товаров (в том числе и дорогостоящих) на любые расстояния проблем обычно не возникает, и продавцу не нужно везти товар самому. А в прежние века для купцов, которым приходилось сопровождать свой груз, рисков было немало, в том числе связанных со здоровьем¹⁸¹. С торговыми караванами они странствовали среди чужих людей и народов, рассчитывая только на собственные силы. Не раз бывало, что товары страдали от непогоды или же их просто отбирали вместе с деньгами. Хорошо, если купцу удавалось при этом сохранить свою жизнь. Впрочем, прибыль от торговли была велика — несмотря на все трудности, купцы шли на риск. А ответ на вопрос, что важнее — деньги или здоровье, зависел от того, что именно купец утрачивал.

Коммерческая география наших купцов была, конечно, несравнима с теми же голландцами, торговавшими с Индо-

¹⁸⁰ Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI — першої половини XVII століття / Н. Білоус. — К.: Простір, 2011. — С. 50–51.

¹⁸¹ Мартин Груневег рассказывал о киевском армянском купце по имени Абрахам, отморожившем себе ноги и ставшим инвалидом во время зимней торговой поездки в Московию (Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / М. Груневег. — М.: Памятники исторической мысли, 2013. — С. 162).

незией. Для львовских партнёрств начала XVII века расстояния коммерческих связей чаще всего ограничивались такими близкими городами, как Краков, Люблин и Гданьск, — видимо, для бизнеса этого было вполне достаточно. Торговали также с Турцией, Молдавией и Московией.

Павел Боим и его компаньон Мельхер Шольц Вольфович, в начале XVII века создавшие торговое партнёрство, вообще редко куда-то ездили — обычно товар привозили им во Львов. Занимались они импортом сукна из Западной Европы. Производилось сукно в Моравии и Силезии, оттуда местные купцы везли его в Люблин, Краков и Гданьск. В этих городах и покупали сукно партнёры, больше всего имея дел с гданьскими купцами Яхимом Ронгом и Генрихом Фроном. Для сделок с сукном в общей сложности на 20 тысяч злотых (с 1600 по 1604 год) необходимо было создавать партнёрство и объединять капиталы. Кроме того, купцы уже не торговали всем, что можно было выгодно продать, как в прежние века, а специализировались на одном товаре¹⁸².

В начале XVII века в «городе Льва» фамилия купцов Боимов звучала часто, как и сейчас. Любой приехавший сегодня во Львов турист обязательно увидит часовню Боимов, прославившуюся своей красотой и сложной резьбой по камню. Основатель этой династии купцов и врачей, Ежи (Георгий) (1537–1617), венгр по происхождению, в 1570-е годы приехал во Львов. Там он женился на богатой польке Ядвиге и с помощью капиталов жены занялся торговлей вином и пряностями (а потом и ростовщичеством). Ежи Боим быстро разбогател и, как состоятельный купец, стал уважаемым гражданином Львова, получив должность райцы в магистрате, а потом и бурмистра. Умер Ежи в 1617 году и был похоронен в фамильной часовне Боимов. Деньги на её строительство Ежи заработал на своих торговых делах.

Сын основателя династии, Павел-Георгий (1581–1641), ставший личным врачом польского короля Сигизмунда III, имел шестерых детей. Они были купцами и врачами, двое стали монахами, а один из них, Михаил Боим (1614–1659) — иезуитским миссионером. Судьба занесла его далеко от родного Львова, в Китай, где он и умер, оставив после себя несколько книг по географии Юго-Восточной Азии и китайской

¹⁸² Крип'якевич І. Матеріали до історії торгівлі Львова / І. Крип'якевич // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — 1905. Том LXV. Кн. 3. — С. 4, 7, 23.

медицине. Один из шести братьев, купец Павел Боим, внук Ежи, и был основателем партнёрства.

Крупным торговым центром стала Запорожская Сечь. Она была не только военной, но и экономической организацией — главным посредником в торговле с Крымом. В XVIII веке торговлю Украины с Крымом (а через него — с другими странами Востока) трудно сравнить с торговлей XIII века, когда караваны купцов с Руси прибывали в Крым, где ещё не было татар. Они продавали свой товар (в основном меха) итальянским купцам, имевшим там колонии, и покупали у них товары из Малой Азии, Сирии и других южных и восточных стран.

В первой половине XVIII века царское правительство разрешало экспорт большинства товаров только через порты в Архангельске и Риге, куда эти товары было совершенно невыгодно везти. Кроме того, вывоз за границу золотых и серебряных монет запретили. Для украинских купцов это почти полностью подрывало международную торговлю. Но даже в таких условиях торговля с Крымом (а через него — с Востоком) не прекращалась; в 1752 году её объём составил 59 тысяч рублей, что было весьма немало по тем временам. Эта торговля велась через Запорожскую Сечь¹⁸³.

Кроме запорожцев торговлей с Крымом занимались и полтавские купцы — Иван Неженец, Савва и Пётр Марченко и другие¹⁸⁴. Из Полтавы тогда шёл самый простой торговый путь на Запорожскую Сечь. И даже когда царь Пётр после истории с Мазепой запретил торговать с Запорожьем, полтавские купцы продолжали это делать на свой страх и риск¹⁸⁵.

¹⁸³ Торговля с Крымом была основана на договорах гетманов 1649 и 1692 годов с Турцией. Первый договор, заключенный ещё при Богдане Хмельницком, давал право запорожцам не только свободно плавать по Чёрному морю и заходить в турецкие порты, но и свободно торговать. При этом украинские купцы освобождались от всех пошлин. Договор 1692 года подтверждал право свободной торговли для обеих сторон. От пошлин украинские купцы уже не освобождались, но эти пошлины были установлены такими же, как и для купцов из Крыма. На практике оба договора не очень соблюдались, имея скорее политическое значение, чем экономическое.

¹⁸⁴ Тищенко М. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. — К.: ВУАН, 1928. — С. 87–88.

¹⁸⁵ Их арестовывали, били кнутом и ссылали в Сибирь. Так поступили в 1721 году с полтавскими купцами Семёном Кирильченко и Андреем Пархоменко (Джиджора І. Економічна політика російського правительства супроти України, 1710–1730 / І. Джиджора І // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — 1910. Т. 98. Кн. 6. — С. 64).

В Запорожскую Сечь везли муку, крупы, водку, разные ткани, рыболовные сети, ружья, порох и свинец. Часть товаров была нужна самим запорожцам, часть они перепродавали в Крым, чтобы иметь деньги на покупку соли — главного товара, поступавшего оттуда в Украину, а также прочих «восточных» товаров, в том числе кофе. Обходили запрет на вывоз золотых и серебряных монет тем, что перегоняли в Крым коней и волов для продажи.

Запорожская Сечь контролировала вывоз соли из Крыма, и ехавшие туда чумаки должны были брать разрешение («квиток») на поездку в Крым у запорожцев, а они обеспечивали охрану караванов. Тех, кто пытался ехать за солью самовольно, нередко ловили и били батогами. Такое же разрешение брали и купцы. Если у купца на пути в Крым украли скот и товары или же возникали какие-то претензии к татарам, он записывал свою жалобу в запорожской Войсковой канцелярии, и козаки обещали разобраться.

При желании украинский купец мог в Крым и не ехать, а купить все необходимые ему «восточные» (по сути, турецкие) товары в Запорожской Сечи, сэкономив на этом 15–20 %¹⁸⁶. В XVIII веке она стала настолько крупным центром транзитной торговли, что всех этих товаров там хватало. Весной, в начале мая, когда поднималась вода в Днепре, на Сечь приходило шесть-семь морских кораблей с купцами (армянами, сербами и греками), товарами не только для нужд запорожцев, но и для продажи их в Украине. На Сечи были большие базары, где приезжие купцы могли продать и купить всё, что нужно. Времени для продажи было не так много — в середине июня вода в реке начинала спадать, и морским кораблям нужно было успеть вернуться¹⁸⁷.

Для торговли запорожские козаки объединялись, деля между собой прибыли и убытки¹⁸⁸. Таких партнёров называли «товарищами» или «односумами». В 1739 году козаки Тимошевского куреня Фёдор Кондратенко и Илья Карабаенко объединили свои капиталы для «купеческого промысла».

¹⁸⁶ Но многие купцы всё равно ехали за товарами в Крым, считая, что там они смогут купить их дешевле.

¹⁸⁷ Тищенко М. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. — К.: ВУАН, 1928. — С. 98.

¹⁸⁸ Слабченко М. Є. Організація народного господарства України від Хмельниччини до світової війни / М. Є. Слабченко. — Т. 5, вип. 2. — К., 1929. — С. 66.

Когда Кондратенко умер, его брат из Полтавы забрал свою долю товарами почти на 1400 рублей¹⁸⁹. В 1763 году два торговых партнёра, козаки Логвин Мошенский¹⁹⁰ и Алексей Кривой, получили в сечевой канцелярии разрешение на беспошлинный провоз сукна через Переволочанскую таможню. Закупив в Гетманщине 10 тысяч аршин ткани, партнёры отвезли её для продажи на Сечь, в свои «крамніе (торговые) лавки»¹⁹¹. В 1768 году козаки Трофим Домашний и Трофим Рак также взяли в долг 500 рублей у Зиновия Неживого и Фёдора Белого, чтобы основать «торговую компанию». Однако в 1772 году партнёрство распалось, кредиторы из Сечи потребовали вернуть долг¹⁹², и суд постановил распределить имущество компаньонов¹⁹³.

Создавали такие партнёрства и купцы — в 1746 году в крымский город Гезлев (наши соотечественники называли его Козлов)¹⁹⁴ прибыла группа купцов из Переволочной¹⁹⁵ (Иван Матвиенко, Кирилл Лисицын, Михаил Гегеля, Иван Новоселко, Грицько Савенко) для совместных торговых дел. Из Полтавы также ездили в Крым купеческие «компании»¹⁹⁶.

¹⁸⁹ Тищенко М. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. — К.: ВУАН, 1928. — С. 98.

¹⁹⁰ Логвин Мошенский, ещё один мой однофамилец, начинал свой путь как простой козак, потом стал куренным атаманом Дядьковского куреня, а затем и полковником Самарской паланки. Когда 7 января 1775 года для встречи с Потёмкиным прибыли посланники Запорожской Сечи, среди них был и полковник Логвин Мошенский. Вместе с Сидором Белым и Антоном Головатым их послал последний кошевой атаман Пётр Калнышевский, чтобы попытаться отстоять права запорожцев, в том числе и земельные. Однако к тому времени судьба Запорожской Сечи уже была решена — её решили ликвидировать. Головатый и Белый получили российское дворянство, а след Логвина Мошенского теряется — вероятно, он перешёл с частью козаков под власть турецкого султана. А может быть, присоединился к Черноморскому козацкому войску, которым руководили Белый и Головатый.

¹⁹¹ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 / Упоряд. Л. З. Гісцова, Д. Л. Автономов. Т. 4. — К.: Наукова думка, 1998. — С. 683.

¹⁹² Обанкротившихся должников или тех, кто не хотел отдавать долги, на Сечи приковывали к пушке (это называлось «прикувати до гармати») или привязывали к столбу до тех пор, пока долг не возвращался (подробнее см.: Наріжний С. Судівництво й кари на Запоріжжі / С. Наріжний. — Прага, 1939. — С. 24).

¹⁹³ Там же, с. 142.

¹⁹⁴ Евпатория.

¹⁹⁵ Село недалеко от Прилук.

¹⁹⁶ Тищенко М. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. — К.: ВУАН, 1928. — С. 102.

Кроме купцов в торговле с Крымом принимала участие и состоятельная козацкая старшина (тот же Яков Маркович, автор известного дневника), отправляя туда с товаром своих людей.

Купцы разных национальностей и вероисповедания, торгуя, связывали разные части Украины. С Запорожьем вело торговлю партнёрство, которое создали уманские евреи Шмоль, Фатель, Мусим и Майорка Майоркович. Запорожская Сечь обеспечивала охрану торговых караванов партнёрства, а сопровождал их Майорка Майоркович. Он и занимался продажей привезённых товаров (в том числе водки), закупая местные товары — лошадей, скот, сушёную рыбу, шерсть¹⁹⁷.

С 1772 по 1775 год ещё одно еврейское партнёрство из Умани торговало с Сечью до самой её ликвидации. Партнёрство основали уманские купцы Самуил Маркович, Нусим Нусимович и Хаим Беркович. Они поставляли в Запорожскую Сечь водку, сукно и другую ткань, а кошевой атаман обеспечивал охрану товара¹⁹⁸.

По всей Украине создавались тогда небольшие торговые партнёрства. В Нежине, где поселилось много греческих купцов, появилась целая организация — братство греческих купцов, получившее в 1657 году от Богдана Хмельницкого право беспошлинной торговли. Нежин в те годы был крупнейшим торговым городом, и нежинские купцы имели коммерческие дела в Гданьске, Кенигсберге, Константинополе, в Молдавии. Однажды греческие купцы из Нежина Христофор и Зруба, торговавшие алкогольными напитками, заключили между собой партнёрское соглашение, по которому они объединяли капиталы, а прибыли и убытки делили пополам. Правда, вскоре Христофор ворвался ночью в дом партнёра, нещадно бил его, связал, забрал к себе и держал три дня, закованного в цепи¹⁹⁹. Неизвестно, что именно произошло между партнёрами, ясно только, что не всегда отношения в таких торговых объединениях складывались гладко.

¹⁹⁷ Голобуцкий В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування, 1734–1775 / В. О. Голобуцький. — К.: АН УРСР, 1961. — С. 189–190.

¹⁹⁸ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ, 1713–1776. — К.: Наукова думка, 1994. — С. 143.

¹⁹⁹ Плохинский М. М. Иноземцы в старой Малороссии / М. М. Плохинский // Труды XII археологического съезда в Харькове. В 2 т. Т. 2. — М.: Тип Г. Лисснера, 1905. — С. 202.

Мельничные партнёрства

Первые партнёрства при постройке или аренде водяных мельниц появились ещё в XVII веке как на левом, так и на правом берегу Днепра²⁰⁰. Постройка плотины, да и самой мельницы, была дорогостоящим делом, и обычно для этого объединялось два, три или даже больше компаньонов, становившихся потом совладельцами мельницы²⁰¹.

Часто доли собственности на мельницах считались по количеству пар жерновов (нижний жернов был неподвижным, верхний вращался и молот зерно) — так было проще и удобнее. Мельницей с одной парой жерновов владел, как правило, один человек, с двумя — двое, тремя — трое «товарищей». Одни принимали участие в постройке мельницы, вкладывая капиталы, другие — собственным трудом или предоставляя строительные материалы.

Так возникло простейшее партнёрство, в котором доля собственности была пропорциональна степени участия (деньгами или трудом)²⁰². Часто в таких партнёрствах доля имела

²⁰⁰ Иногда мукомольным бизнесом занимались даже женщины, владевшие мельницами. В Староконстантинове одной мельницей владела Василиса Годная, купившая её за 1100 злотых. Другой — Хрыстычка, которой купил за 1200 злотых мельницу муж (Баранович А. И. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII веке / А. И. Баранович. — М.: Изд-во АН СССР, 1955 — С. 68–69).

²⁰¹ В середине XVII века в селе Новые Млыны на реке Сейм стояло несколько мельниц. Одна из них, с пятью парами жерновов, принадлежала Самойлу Матвееву «с товарищами», ещё одна, тоже с пятью жерновами, — Ивану Сахненко, тоже «с товарищами». Другие крупные «млыны», где было по несколько жерновов, тоже были в совместном владении Кузьмы Фёдорова, Гаврилы Пешова и других «со товарищи» (Переписні книги 1666 року / Приготував до друку і зредагував В. О. Романовський. — К.: Всеукраїнська академія наук, Археографічна Комісія, 1933. — С. 179–180). В описании других водяных мельниц на реке Сейм возле Батурина упоминаются и два, и три «товарища» — «держит млын мешанинин Иван Заворика да Степан Яковлев», «держат тот млын Стецко Корнеев та Иван Лукашев да Гаврила Плющов» (Там же, с. 26–27). Судя по другим упоминаниям в этой переписи о долевом владении мельницами (Там же, с. 150), такая практика была в порядке вещей. Иногда совладельцами становились люди, не имевшие никакого отношения к мукомольному делу — на одной большой мельнице с девятью жерновами шестью владел мельник «со товарищи», а тремя — конотопские казаки, решившие вложить свой капитал в это прибыльное дело (Там же, с. 150).

²⁰² В 1619 году шляхтич Тубольчишин решил вложить деньги в строительство водяной мельницы с шестью парами жерновов на реке Ворскла, взяв себе в напарники мельника Опошмянского, который должен был обеспечить материалы, инструменты и организацию работ. После постройки мельницы шляхтич,

материальную форму — когда покупалась доля «млына», это была не абстрактная часть его стоимости, а что-то неделимое — «одне коло» (жёрнов) или «два кола». На заводах по производству селитры это были котлы («казаны»)²⁰³, на руднях — печи и т. д. Но были и абстрактные, дробные доли (бывало, что при покупке мельницы одному из партнёров принадлежала 1/8 её доля)²⁰⁴.

Пока доля в партнёрствах воспринималась как нечто материальное и осязаемое, в сознании не мог произойти, как говорят физики, «квантовый скачок» и прийти понимание, что доля может быть просто суммой денег. Одной десятой, одной шестнадцатой и так далее. А без такого понимания ценные бумаги появиться не могут. Недаром первые акции стали использовать в Голландской Ост-Индской компании (и других ей подобных), где большинство инвесторов не собирались (да и не имели возможности) принимать участия в далёких торговых путешествиях. Поэтому их доли не могли иметь никакого материального воплощения, как в наших простейших партнёрствах.

В отличие от чумацкой валки, где несколько человек объединялось для взаимопомощи в совместном торговом путешествии, в случае водяных мельниц чаще всего происходило именно объединение капиталов, на которые строилась плотина и мельница. Если один из участников такого партнёрства хотел потом вернуть деньги, он продавал свою долю²⁰⁵.

финансировавший строительство, владел четырьмя жерновами, а мельник — только двумя (Стрішенець М. М. Просте товарне виробництво і зародження мануфактур в Україні / М. М. Стрішенець, О. М. Павлова, К. В. Павлов. — Луцьк: Терен, 2019. — С. 56). А в 1714 году несколько мельников объединились и, собрав 100 золотых, построили в селе Хвеськове Черниговского полка водяную мельницу. Находящийся рядом Макошинский монастырь захотел стать совладельцем мельницы и предложил уплатить половину суммы — 50 золотых. По заключённому договору, половина доходов от мельницы должна была идти монастырю, а вторая половина — остальным пайщикам (мельникам) (Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. / В. А. Мякотин. Т. 1 Вып. 1. — Прага: Легиография, 1924. — С. 137).

²⁰³ Модзалевский Б. Генеральный судья Иван Чарныш и его род / Б. Модзалевский // Киевская старина. — 1904. Май. — С. 206–207.

²⁰⁴ Подробнее см.: Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. / В. А. Мякотин. Т. 1 Вып. 1. — Прага: Легиография, 1924. — С. 137–138.

²⁰⁵ В 1660 году некая шляхтянка Ядвига продала свою часть мельницы за 150 злотых мещанину Томку Бутко из города Дубно (Компан О. С. Міста України в другій половині XVII століття / О. С. Компан. — К.: Вид. АН УРСР, 1963. — С. 243).

Владельцами водяных мельниц, вкладывавших деньги в этот выгодный бизнес (спрос на помол зерна был всегда), обычно становились богатые горожане и ещё более богатая козацкая старшина. Дело было не только в богатстве — для постройки мельницы нужно было получить разрешение. Какой-нибудь опытный мельник мог бы объединить в партнёрство своих «товарищей» по профессии и собрать деньги, однако разрешение им было бы трудно получить. А вот полковник, сотник или другой представитель старшины знал, как добиться разрешения — он приносил кому нужно подарки, и все вопросы решались легко. Однако сами владельцы не собирались вникать в мукомольные дела, поэтому сдавали мельницы в аренду предпринимателям, а уже те нанимали профессионального мельника и несколько его помощников, которые и обеспечивали практическую работу «млына». При этом арендаторы мельниц тоже образовывали партнёрства из нескольких компаньонов²⁰⁶.

При зрелом капитализме с развитыми рынками капитала предприниматель (в данном случае профессиональный мельник) взял бы кредит в банке, у частного банкира или непосредственно у владельца капитала, после чего сам бы построил мельницу и организовал дальнейший бизнес. А на ранних стадиях капитализма (как в конце XVII века в Гетманщине) мельницу строил владелец капитала (какой-нибудь полковник или другой представитель элиты), чтобы сдавать её в аренду предпринимателю — профессиональному мельнику. Так главным инициатором в этой схеме становился владелец капитала. То же самое можно было видеть и при аренде руден, винокурен, гут. Так формировался «экономический человек» — все эти первые предприниматели, арендовавшие выгодные промыслы.

Рудни

В том же XVII веке в документах всё чаще упоминались партнёрства, создававшиеся при аренде руден, выплавлявших из руды железо. Много руден было в Черниговском Полесье (в бассейнах рек Десны и Сожа, богатых болотной железной рудой), где существовало в разное время около сотни мелких

²⁰⁶ Компан О. С. Міста України в другій половині XVII століття / О. С. Компан. — К.: Вид. АН УРСР, 1963. — С. 245–246.

металлургических предприятий²⁰⁷. Железную руду плавили в простейших небольших печах — «домницах», далёких предшественниках доменных печей. Для повышения температуры в печи поддували воздух кузнечными мехами. Сначала меха были ручными, а с XIV века из Западной Европы стал проникать новый метод, где меха приводились в движение водяными мельницами.

В Украине «млыны на руду» упоминаются в документах с середины XVI века, а связанные с ними партнёрства — с XVII века. Если совсем мелкие «домницы» с ручными мехами могли принадлежать и крестьянам, то рудни с водяными мельницами находились обычно в собственности генеральной старшины. Считалось, что производство железа имеет военное значение, поэтому разрешение на постройку рудни давали далеко не всем, и получить его было гораздо сложнее, чем на постройку водяной мельницы.

Как и в случае с водяными мельницами, владельцы руден являлись, как правило, лишь инвесторами, не собиравшимися заниматься организацией производства — у них хватало других дел. Поэтому владельцы сдавали рудни на откуп (проще говоря — в аренду) «ру́дникам», имевшим практический опыт выплавки железа. Именно они, а не сами владельцы, и были предпринимателями в нашем понимании. Рудники, взяв на откуп рудню, вкладывали в это дело не только свои знания и навыки, но и капиталы. А владельцы руден за это давали право в течение полугода или даже года полностью забирать себе всю прибыль от производства железа.

В XVIII веке рудни всё чаще арендовали уже не отдельные рудники, а целые группы партнёров-арендаторов (от двух до десяти). Возможно, это было связано с законами Петра Первого, дававшими привилегии предпринимателям, объединявшимся в компании. Но, скорее всего, главная причина была в увеличении количества руден и размеров производства. Поэтому и проще, и выгоднее, и надёжнее в смысле рисков было объединять капиталы группы партнёров-арендаторов.

²⁰⁷ Каждая рудня производила за год 500–700 пудов железа. Если одновременно работали хотя бы 50 руден, они давали за год 25–35 тысяч пудов железа (Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII–XVIII вв. / П. К. Федоренко. — М.: АН СССР, 1960. — С. 3).

К тому времени появились целые династии потомственных рудников²⁰⁸. Когда их представители объединяли свои усилия, возникало партнёрство (как говорили тогда, «компания») рудников²⁰⁹. Иногда одним из партнёров становился и сам владелец рудни, хотя обычно это ни к чему хорошему не приводило — после того, как работа предприятия была налажена и оно начинало давать прибыль, владелец пытался отжать этот выгодный бизнес²¹⁰.

Отношения между владельцем рудни и откупщиком (или компанией откупщиков) подтверждались контрактом (их сохранилось немало среди документов XVIII века), где оговаривалась арендная плата и прочие условия. Определить в деньгах стоимость аренды самой рудни было довольно сложно. По сложившимся обычаям, рудня сдавалась в аренду вместе с прилегающими постройками и угодьями (полями и сенокосами), а её арендаторы должны были отдавать владельцу кроме денег часть производимого металла²¹¹.

²⁰⁸ Наиболее известным в XVIII веке был род Медведей, занимавшийся этим промыслом уже пять поколений.

²⁰⁹ В 1780 году на рудне Комаровской, принадлежавшей бунчуковому товарищу Гамалее, было создано партнёрство «заводчиков и откупщиков» из девяти человек, у которых было ещё и несколько наёмных «работников мастеровых». На другой рудне, Селицкой, было два «заводчика и откупщика», а кроме того, наёмные работники (Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII–XVIII вв. / П. К. Федоренко. — М.: АН СССР, 1960. — С. 78).

²¹⁰ В 1690 году стародубский полковник Миклашевский объединил капиталы «пополам», т. е. в равных частях, с рудником Мазуренко. Однако через три года, когда рудня заработала, Мазуренко якобы добровольно отказался от своей доли и в 1693 году на заседании магистрата города Стародуба объявил о том, что «без примусу», т. е. без всякого принуждения, продаёт свою долю Миклашевскому за 600 злотых. А когда прошло больше десяти лет, Мазуренко вдруг с опозданием опомнился и подал жалобу о том, что Миклашевский вынудил его так поступить. Жалоба дошла до гетмана, и была создана целая комиссия, выяснившая, что при постройке рудни Мазуренко взял деньги в долг у того же Миклашевского, но в срок не вернул. Ну а что было дальше — понятно. Однако комиссия отказала Мазуренко — во-первых, потому что он давно уже пропустил законный срок обжалования, а во-вторых, поскольку он публично в присутствии всех должностных лиц заявил о добровольной продаже своей доли. К тому же свидетели утверждали, что в рудню было вложено гораздо больше денег самого Миклашевского, чем его компаньона Мазуренко (Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII–XVIII вв. / П. К. Федоренко. — М.: АН СССР, 1960. — С. 79).

²¹¹ Простейшие партнёрские объединения существовали и среди днепровских рыбаков в Киеве. Сам метод рыбной ловли неводом предполагал участие в этом группы людей не менее десяти человек, и с давних времён рыбаки объединялись в так называемые курени. В 1804 году в Киеве было пять таких куреней, объединённых в цех; в каждом в среднем по 20 человек.

Идея партнёрства, достаточно простая и всем понятная, позволяющая объединять капиталы, опыт и знания, сохраняла актуальность на протяжении нескольких последующих веков. В 1823 году в имении князя Радзивилла группа партнёров основала Хабенскую суконную фабрику, одну из крупнейших на Киевщине. Партнёрами стали владелец имения князь Радзивилл, управляющий имением Таер, и бельгийский механик Янс (занимавшийся практическими вопросами директор фабрики). Первоначально фирма носила название «Вильгельм Янс и компания», потом её переименовали в «Альбрехт Филипп Таер и компания», а в 1830 году князь Радзивилл выкупил пай Янса и Таера, став единственным владельцем фабрики²¹².

В начале XIX века в обществе стало появляться понимание, что «Малороссии необходимо иметь свой собственный капитал», чтобы «обратить оный на торговлю главнейшими продуктами края сего». А капитал «не иначе составим, как посредством товарищества или компании», поэтому и нет необходимости «доказывать пользу компаний»²¹³. Именно идея партнёрства или компании, идея объединения капиталов обеспечила экономическое превосходство Европы над цивилизациями, имевшими когда-то гораздо больший экономический потенциал (тот же Китай).

Когда рыбакам навязали цеховую форму организации, курени продолжали существовать параллельно с рыбацким цехом. Главным инструментом рыбаков был невод, стоил он дорого (в начале XIX века — 150 рублей), на него собирал деньги весь курень, и невод был собственностью именно куреня, а не рыбацкого цеха (Лазаревська К. Київські цехи в другій половині XVIII та на початку XIX віку / К. Лазаревська // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. — К.: Державне видавництво України, 1926. — С. 282.) Рыбацкие партнёрства были и в Запорожской Сечи. В них объединялись «козаки-господари», т. е. члены партнёрства (их называли «односумы»), широко использовавшие труд наёмных работников — их брали на работу обычно на сезон (Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування, 1734–1775 / В. О. Голобуцький. — К.: АН УРСР, 1961. — С. 267).

²¹² Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. — К.: Гос. изд. Украины, 1925. — С. 117–118.

²¹³ Так писал в начале XIX века анонимный автор проекта организации «Торгового малороссийского общества или компании» (Клепацький П. Декілька документів з Диканського архіву Кочубеїв / П. Клепацький // Український археографічний збірник. Т. 3. — К.: ВУАН, 1930. — С. 255, 257).

Бизнес на сборе пошлин

Самое раннее из известных мне упоминаний о партнёрствах относится к концу XV века и связано со сбором таможенных пошлин. В Польше и в Великом княжестве Литовском постоянным источником доходов были пошлины («мыто») на соль, воск и другие товары. Право на сбор «мыта» сдавали в аренду предпринимателям («мытникам»), которые должны были вложить собственные капиталы в постройку таможни или склада («коморы») для хранения товаров, по которым собирали пошлину. А великий князь литовский (как и польский король) за это разрешали «мытникам» забирать половину дохода от таможни в течение четырёх лет. С одной стороны, это давало хорошую возможность обогащения, с другой — требовало инвестирования собственного капитала. Поэтому предприниматели редко вкладывали в этот бизнес капиталы в одиночку — они не хотели рисковать своими деньгами, и спокойнее было найти хотя бы одного партнёра.

В 1486 году польский король Казимир (правил с 1447 по 1492 г.) сдал в аренду сбор «мыта» в Путивле группе партнёров — киевским евреям Шамаку Даниловичу, Симсе, Рабею и другим на три года по 366,5 копы грошей за год²¹⁴. Этим партнёрам король отдал на откуп и киевское мыто, в том же 1486 году и на такой же срок. А в 1487 году в Луцке король Казимир разрешил сдать в аренду сбор мыта партнёрам Шахну Пейсаховичу и Сеньку Момотливому по полторы тысячи коп грошей в год. Когда срок аренды закончился, на следующие три года сбор «мыта» в Луцке сдали на откуп Лерину Герешу из Кракова, а с 1505 по 1508 год луцкое мыто арендовали два партнёра — Шамак Данилович и Никль Прокопович по 800 коп грошей в год. В 1507 году тому же Шамаку отдали на откуп киевское и луцкое мыто²¹⁵. При великом князе литовском Александре (правил с 1492

²¹⁴ Коп — единица счёта, равная 60 литовским грошам. Грош — название чешских монет (пражский грош), широко распространившихся в то время не только в Великом княжестве Литовском, но и вообще в Европе. 60 пражских грошей равнялись одной пражской гривне (253,17 г серебра).

²¹⁵ Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. — В 2 т. Т. 1. — К.: Типография университета св. Владимира, 1901. — Приложение, с. XII–XIII, XVII–XVIII.

по 1506 г.) в Луцке, Берестье и Дорогичине²¹⁶ решили создать соляные и восковые склады — «коморы» для товаров, по которым должна быть уплачена пошлина. Князь сразу отдал этот промысел в аренду Лерину Герешу и компаньонам²¹⁷. В 1490-е годы в документах упоминаются берестейские сборщики Левко Боговитинович и Немира; путивльские Иван и Петро, минские Евлашко и Фёдор. Доля участия партнёров была разной. У киевских арендаторов сбора «мыта» Рабея и Рыжко первый получал около 75 % дохода, второй — около 25 %²¹⁸. Известно немало других примеров таких партнёров — арендаторов таможен²¹⁹.

Во второй половине XVI века среди откупщиков появились такие влиятельные лица, как староста жмудский и администратор Ливонии Ян Ходкевич и подканцлер Остафий Волович. Шляхта, дававшая на сеймах согласие на сбор мыта, на деле отказывалась его платить, когда к ним в имения приезжали купцы или другие сборщики мыта. Поэтому и пришлось привлечь к этому делу таких людей, которым шляхта уже не могла отказать ни под каким предлогом. Впрочем, судя по всему, Ходкевич и Волович не очень хотели сами этим заниматься и взяли себе в компаньоны известных откупщиков мыта Давида Шмерлевича и Исаака Бородавку²²⁰.

²¹⁶ Позже такие коморы появились в Вильнюсе, Полоцке и других городах.

²¹⁷ Грушевський О. З історії економічного життя XVI в. / О. Грушевський // Україна. — 1917. — Кн. 3–4. — С. 15.

²¹⁸ Грушевський О. Митні камори / О. Грушевський // Україна. — 1918. Кн. 1–2. — С. 30.

²¹⁹ В 1507 году король Сигизмунд I (с 1506 по 1548 г. великий князь литовский и король польский) отдал в аренду сбор мыта за воск в Городнице нескольким партнёрам-мещанам, обязав войта и других городских чиновников оказывать им содействие. В 1523 году король отдал на откуп на три года все волынские и подляшские мыта Михелю Езофовичу и компании за 3000 коп грошей в год. С начала 1524 года купцы Иван и Олехно Борзобогатые получили в аренду волынские мыта сроком на три года по 1800 коп грошей в год. В Берестье соляной склад («комору») решили построить в 1561 году и сразу же сдали его в аренду партнёрам Мальхеру Вальбаху, Давиду Шмерлевичу и Исааку Бородавке на семь лет. В первый год арендная плата составляла 2000 коп грошей, во второй — 4200 коп грошей, а начиная с третьего года — по 600 коп грошей в год (Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. — В 2 т. Т. 1. — К.: Типография университета св. Владимира, 1901. — С. 479, 485, Приложение, с. XXIII, XXVI).

²²⁰ Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. — В 2 т. Т. 1. — К.: Типография университета св. Владимира, 1901. — Приложение, с. XXXI.

Сябринство

Партнёрские правоотношения были связаны и с коллективным владением земель, о чём говорится в Литовском статуте 1529 года — там участник партнёрства назывался «сябр» в значении «пайщик, совладелец», а само коллективное владение чем-либо — «сябринством». Экономические причины возникновения коллективной собственности на землю очевидны: не всегда один человек имел достаточно денег, чтобы купить продающийся участок земли под поле. Случаев, когда землёй владело несколько человек, известно немало — слово «пай» (или «пайка») в отношении части земельного участка встречается в документах XVII века часто, как и в случае совместного владения прудом с рыбой²²¹.

При сябринном владении каждая доля собственности передавалась по наследству, и её можно было продать. Доли, первоначально одинаковые, в дальнейшем нередко дробились на части, а эти части перепродавались дальше — такая практика считалась обычной в XVII и XVIII веках. Первоначально сябринские партнёрства состояли только из родственников, а позже в них появились посторонние люди (в том случае, если все остальные члены партнёрства не возражали против продажи не родственнику). При продаже своей доли партнёр должен был получить согласие остальных «товарищей», имевших приоритетное право покупки. Если же они отказывались её покупать, тогда доля могла быть продана постороннему человеку.

В XVI веке сябринное землевладение было распространено на Киевщине, Брацлавщине, Черниговщине и в других частях украинских земель. Позже, во второй половине XVII и в XVIII вв. оно сохранилось под таким названием в основном на севере Левобережной Украины. В это время на Полтавщине или Киевщине слово «сябр» употребляли уже редко, а совладельцев называли «товарищи», хотя сама сущность партнёрских отношений оставалась такой же.

²²¹ В 1682 году один из полтавских купцов продал свой «пай» — половину пруда (Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII вв. / В. А. Мякотин. Т. 1 Вып. 1. — Прага: Легиография, 1924. — С. 134; Баранович А. И. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII веке / А. И. Баранович. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 85-95.

Сябринские объединения существовали не только среди крестьян при коллективном использовании земли. Они встречались и среди мещан, шляхтичей, богатых козаков, купцов, которые могли заниматься самыми разными видами деятельности. В сущности, это и были те первые партнёрства, о которых мы сейчас говорим, хотя они не всегда назывались сябринствами.

—

Перечитав эту главу о партнёрствах, я задумался — почему же получившаяся картина кажется мне несколько фрагментарной? Наверное, дело в том, что и сами партнёрства на фоне украинской экономики тех веков выглядели фрагментарными вкраплениями, а не преобразующей силой экономического развития. У нас партнёрства не имели такого распространения, как в Италии в эпоху Возрождения или в Нидерландах XVII века. В условиях аграрной сырьевой экономики не было достаточно крупных проектов, требовавших объединения капиталов большого количества инвесторов.

В Италии, Голландии, Англии такие проекты были связаны с морскими торговыми путешествиями, требовавшими постройки кораблей, их снаряжения и закупки товаров. У нас же международную часть зерновой торговли даже во времена зернового бума полностью контролировали голландцы — они посылали в Гданьск свои корабли за зерном, занимаясь и финансированием, и логистикой. А для внутренних проектов, для всех этих руден, гут и мельниц вполне хватало тех партнёрств, которые существовали. И мотивов для их развития до XIX века просто не было.

Итальянская и голландская идея объединения капиталов в компании не сильно приживалась на украинской почве. Организация торговых экспедиций в недалёкие соседние страны не требовала крупных инвестиций, потому и наши партнёрства оставались небольшими и не очень активными.

Крестьянское предпринимательство

Сегодня, спустя столетия, экономический образ жизни крестьян в старой Украине может казаться совсем бесперспективным. По словам Фернана Броделя, вполне подходящим и к нашим краям, «...с одной стороны, мы видим крестьян, живущих в своих деревнях почти без всякой связи с внешним миром, чуть ли не в полной автаркии; с другой — распространение рыночной экономики и капитализма, растекающихся, подобно масляному пятну, постепенно расширяющих производство и создающих прообраз того мира, в котором мы сегодня живём»²²².

Каким бы архаичным не был образ жизни крестьян, общее развитие товарно-денежных отношений неизбежно их затрагивало, приводя к социальному расслоению. Проще говоря — к появлению более богатых. А те, естественно, стремились к ещё большему богатству и начинали торговать тем, чем мог — обычно скотом и другими продуктами сельского хозяйства. Получив в своё распоряжение деньги, они сначала откупались от панщины, а потом покупали себе полную свободу. После этого такие зажиточные крестьяне начинали приобретать земли и нанимать на работу бедных односельчан, к тому времени обычно уже разорившихся и утративших свои земельные участки. Такие вполне естественные процессы происходили во всех странах, и Украина не была исключением даже в XVI веке.

Что означали товарно-денежные отношения для крестьянина? Мы привыкли, что всё вокруг нас куплено за деньги. А для крестьянина тех веков было не так. Он и деньги-то видел редко, ведь почти все предметы быта производились на месте, своими руками. Если крестьянину нужно было купить то, что он не мог сделать сам — например, стальной топор, — он должен был что-то продать. Так начинались товарно-денежные отношения.

Торговля сельхозпродукцией была простейшим и наиболее привычным путём к обогащению. У части крестьян накапливались заметные излишки этой продукции, и они возили на местные рынки волов, коней, свиней, мёд, кожи и зерно. Так, во время наезда шляхтичей Серховицких на село Великие Ста-

²²² Бродель Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. — Смоленск: Полиграмма, 1993. — С. 10–11.

росельцы Киевского уезда у одного из крестьян забрали коня стоимостью 40 злотых и шесть волов (120 злотых), у другого — коня (60 злотых) и пять волов (130 злотых), у третьего — трёх коней (100 злотых) и трёх волов (90 злотых)²²³. Эти крестьяне оказались далеко не бедными — у них было что продавать.

Когда крестьяне начали продавать излишки и у них появились деньги, они смогли их вкладывать в прибыльные промыслы. Бывало, что разбогатевшие крестьяне (причём пока ещё оставшиеся крепостными) брали в аренду пруды с рыбой — выгодный промысел, дававший хорошую прибыль, так как на рыбу всегда существовал спрос.

Крестьяне брали в аренду соляные месторождения, создавали мелкие семейные предприятия по добыче соли, продавали её и быстро богатели. Сохранился акт галицкого суда 1638 года о том, что в сёлах Наздееве и Раковом староста ограбил богатых крестьян, занимавшихся солью. У одного он забрал 150 злотых, у другого — 240, у третьего — 380. Кроме того, по приказу старосты сожгли 17 соляных башен, каждая из которых стоила по 300 злотых²²⁴. Для рядового крепостного крестьянина такие суммы были большими деньгами — большинство их никогда даже не видело.

Иногда зажиточные крестьяне объединялись для промыслов. В 1546 году 14 крестьянских семей села Рудники возле Луцка добывали руду и выплавляли железо, которое они отдавали в панский замок вместо отработки повинностей²²⁵. Вероятно, часть железа они оставляли себе — на продажу.

А те, у кого деньги имелись, даже давали их в долг. Крестьянин шляхтича М. Мокрського из Саноцкого староства Ф. Голуб одолжил своему пану 200 злотых, а С. Струсь из села Ольшаница дал в долг шляхтичу Домбровскому 1500 злотых. Группа крестьян из сёл Торки и Коровники Мединского староства даже создали с местным священником партнёрство. В 1620 году они взяли в долг десять тысяч злотых у Я. Глитча, мещанина города Переворска²²⁶. Это была огромная в те годы сумма — за три тысячи можно было арендовать целое

²²³ Україна перед визвольною війною 1648–1654 рр.: збірка документів / Ред. М. Н. Петровський, К. Г. Гуслистий. — К.: Вид-во АН УРСР, 1946. — С. 32.

²²⁴ Бойко І. Д. Селянство України в другій половині XVI — першій половині XVII. — Львів: АН УРСР, 1963. — С. 106.

²²⁵ Бойко І. Д. Селянство України в другій половині XVI — першій половині XVII. — Львів: АН УРСР, 1963. — С. 72, 78.

²²⁶ Голобуцький В. О. Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період / В. О. Голобуцький. — К.: Вища школа, 1970. — С. 76.

имение. О дальнейшей судьбе товарищества история не сохранила упоминаний.

Разбогатевшие крестьяне иногда покупали мельницы (а они стоили весьма немало, 500–1200 злотых). В конце XVIII века на Волыни крепостной крестьянин Петро из села Мончинец купил небольшую мельницу в селе Терешки. Он был настолько богат, что кроме мельничного дела занимался торговлей и даже ростовщицеством — к концу его жизни сумма долгов тех, кто взял у него кредиты, достигла более 3500 злотых²²⁷.

А вот моему однофамильцу, «пидсусидку»²²⁸ Карпу Мошенскому, несмотря на всю его ловкость, заработать и разбогатеть не удалось. 20 июня 1746 года в Лубенском сотенном суде рассматривался спор Семёна Мушенко с Карпом Мошенским о том, что Мошенский договорился продать Мушенко за два рубля «ізок з левадою» (запруду на реке для вылова рыбы вместе с частью луга). Ещё не получив деньги от Мушенко, он решил продать то же самое дороже Степану Сущенко. По иску возмущённого первого покупателя началось целое судебное разбирательство, признавшее, что «ізок з левадою» принадлежит Семёну Мушенко; он должен уплатить Мошенскому и считается после этого владельцем²²⁹.

Крестьяне, имевшие деньги, были готовы не только заняться торговлей или предпринимательством, но и взять в аренду землю у других крестьян или даже у помещика. Наёмный труд стал обычным делом в XVI веке. На одной из крупнейших поташных буд Волыни в 1562–1565 годах работало 160 человек, на другой — 100, на третьей — 60²³⁰. Обычно поташные буды были гораздо меньше, но сейчас речь не об этом, а о том, что наёмный труд безземельных крестьян широко распространился.

Впрочем, и наёмный труд давал возможности улучшить своё благосостояние. «Малоземельный, четвёртый сын у отца,

²²⁷ Баранович А. И. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII веке / А. И. Баранович. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 70.

²²⁸ «Пидсусидки» — безземельные козаки, от бедности жившие в чужих дворах, у «соседей». Иногда «пидсусидками» намеренно становились и небедные, чтобы уклониться от уплаты налогов. Мне кажется, что так поступил и пронырливый Карп Мошенский.

²²⁹ Черкаський І. Ю. Сліди доміняльного (панського) суду на Лівобережній Україні наприкінці XVII й початку XVIII в. / І. Ю. Черкаський. К.: ВУАН, [1930]. — С. 22.

²³⁰ Густий К. Нариси з історії України / К. Густий. — Вип. 2. — К.: АН УРСР, 1939. — С. 139.

он с молодых лет поставил себе цель — выйти в первые ряды крестьян. По этой причине Дмитро брался за всякую возможную работу: был он и хлебобобом, и гончаром... за десять лет неутомимого труда он построил себе хорошую хату и собрал двести рублей, с которыми начал торговать. Теперь у него три сотни своих денег, они обращаются три-четыре раза в год, и Дмитро имеет с них прибыль “рубль на рубль”²³¹. Такие крестьяне поняли, что для богатой жизни нужно уметь торговать, несмотря на всё недоверие к торговле в крестьянской среде, где она считалась чем-то недостойными и подозрительным.

Однако на пути роста капитализма стояло крепостное право. Но как трава пробивается через асфальт, так и крепостное право уже не могло остановить зарождение капитализма. А вот затормозить могло. И надолго. «Крестьяне воздерживаются от приобретения через естественную неуверенность в прочности этого достояния, скрывают нажитое ими, превращая его в мёртвый капитал, а помещики, со своей стороны, легче проматывают приобретённое ими, как такое, что можно легко вернуть»²³². Потому с трудом накопленные деньги крестьянин обычно хранил под подушками, «под которыми в головах спрятан небольшой кованный сундучок с деньгами»²³³. «И в горшке где-нибудь замазано под печью или закопано в саду тысяч сто ассигнациями»²³⁴.

В наше время примерно о том же писал Эрнандо де Сото («Загадка капитала»): «Главным препятствием на пути к капиталистическому процветанию является неспособность бедных районов мира создавать капитал... Даже в самых бедных странах у бедняков есть сбережения. Беда, что... эти ресурсы не удаётся обратить в капитал... Именно отсутствие правового оформления объясняет, почему народы не в состоянии произвести капитал, который сделал бы их отечественный капитализм работоспособным. Это и есть загадка капитала».

²³¹ Лисак-Тамаренко (без ініціалів). Невеселі сільські малюнки / Лисак-Тамаренко // Киевская старина. — 1904. — № 6. — С. 513.

²³² Эти слова Григория Галагана в его записке «О крепостном состоянии в настоящее время и возможности его уничтожения» (1854 г.) сегодня приводятся даже в школьном учебнике для седьмого класса (Институт рукописів НБУ ім. Вернадського. — Ф. I, № 6948, 6949).

²³³ Кошиць О. Спогади / О. Кошиць. Ч. 1. — Вінніпег: Новий шлях, 1947. — С. 134.

²³⁴ Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 146.

Глава 4.

«ЧУМАЦКИЙ ШЛЯХ»

Символ старой Украины

Чумаки — такой же символ легендарной старой Украины, как запорожцы, бандуристы и странствующий философ Григорий Сковорода. Это была целая многовековая эпоха аграрного, чумацкого медленного капитализма, оставшаяся в далёком прошлом. В память о ней сохранилось название Млечного пути — «Чумацкий шлях» и народные песни о чумаках. А также сеть дорог, проложенных этими торговыми караванами украинских степей — первая транспортная инфраструктура, до середины XIX века неплохо справлявшаяся со своими задачами²³⁵.

«Занимаясь исстари перевозкою товаров... и образуя как бы наследственное сословие, чумаки с незапамятных времён составляли живое, торговое звено» между центральными частями Украины и побережьями Чёрного и Азовского морей²³⁶ — писал в 1850-е годы Григорий Данилевский, оста-

²³⁵ Иногда пишут, что железные дороги, построенные во второй половине XIX века, были проложены по чумацким «шляхам». Это, конечно, преувеличение — не всегда там, где через балки и холмы шли караваны волов и телег, было удобно ехать поезду. Однако общее направление совпадало — к портам Чёрного и Азовского морей.

²³⁶ Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т.

вивший одно из самых ранних и полных описаний обычаев чумаков. «Сельские старики... с удовольствием вспоминают о том времени, когда они большую часть года странствовали по украинским полям и по донским степям со своими рослыми круторогими волами». Для них «вспомнить о былом чумачестве значит вспомнить о жизни... широкой и вольной»²³⁷.

В аграрном обществе, веками сохранявшемся в Украине, возможностей для изменения своего социального статуса, накопления капитала и предпринимательства у крепостных крестьян — основной массы населения — были очень ограничены. Те, кто хотел что-то изменить, становились чумаками.

Несколько столетий, с XVI до XIX века, чумацкий промысел считался самым распространённым после земледелия занятием сельского населения. Многие крестьяне стремились начать свой чумацкий бизнес, чтобы скопить денег и выкупить себя на волю. Да и жили чумаки всегда гораздо богаче, чем простые земледельцы, — к ним часто приходили соседи, чтобы взять деньги в долг. У чумаков сложились свои обычаи и правила (для этого нужны были столетия), более того — целая философия жизни и предпринимательства. «Суровая, полная тревоги и труда жизнь чумака... закалила его характер... внесла в его мирозерцание элементы независимости и практичности»²³⁸, что во все времена было важно для успеха в бизнесе. Ведь каждый чумака, как странствующий предприниматель, был свободным человеком. Да ещё и хозяином своих волов с возами и товаров. А какой украинский крестьянин не мечтал стать «хозяином» — так было во все века и во все времена.

Чумаки²³⁹ были одними из первых в Украине, кто объединялся в общества предпринимателей. Их караваны («вал-

Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 131. Впервые заметки Данилевского опубликовали в 1857 году (Данилевский Г. Нравы и обычаи украинских чумаков // Библиотека для чтения. — 1857. — Т. 142. № 3 (март). — С. 119–158; № 4 (апрель). — С. 243–266; Т. 143. — № 5 (май). — С. 19–41; № 6 (июнь). — С. 137–151).

²³⁷ Сумцов Н. К истории слободско-украинского чумачества / Н. Сумцов // Киевская старина. — 1884. — № 3. — С. 493.

²³⁸ Сумцов Н. К истории слободско-украинского чумачества / Н. Сумцов // Киевская старина. — 1884. — Т. VIII. — № 3. — С. 497.

²³⁹ Название «чумака», как чаще всего объясняли сами чумаки, происходит от слова «чума», которой они опасались заразиться в жарком климате Крыма. Поэтому чумаки в дороге промазывали свои штаны и рубашки дёгтем, считая, что он предохраняет от чумы. Хотя мнение Г. Данилевского, что татарское

ки») из больших возов²⁴⁰, запряжённых волами²⁴¹, подобно караванам верблюдов в пустынях Азии, веками создавали сеть торговых маршрутов.

Волы тогда стали главным транспортным средством (пожалуй, более важным, чем лошади) и основным капиталом. Они не только использовались для перевозки товаров, но и сами были товаром — их большие стада перегоняли на продажу в Гданьск и Силезию. Экспорт мясного скота по своему объёму и прибылям уступал в XVI веке только экспорту зерна, а в XVII-м даже превзошёл его. В освоении незаселённых степей волы играли такую же роль, как кони в освоении прерий Америки. С тех пор образ ковбоя — симбиоз человека и коня — занял важное место в коллективном американском мифе (как и симбиоз с автомобилем в XX веке или с компьютером в XXI-м). На волах не ездили верхом, поэтому о симбиозе человека и вола говорить не приходится, но образ вольного чумака занял такое же важное место в коллективном украинском мифе.

Это был особый «тип здоровых, крепких, мужественных и неустрашимых промышленников, способных переносить

слово «чумак» означает «перевозчик», кажется более логичным. Обсуждение вопроса о происхождении этого названия см.: Халимоненко Г. Походження слова «чумак» / Г. Халимоненко // Українська мова. — 2010. — № 4. — С. 85–88.

²⁴⁰ Чумаки называли свои телеги «мажа» или «воз». Они были гораздо больше, чем обычные сельские телеги, и приспособлены для перевозки сыпучих грузов — соли и зерна. Сверху их накрывали кожей, чтобы груз не намок. Чумацкая мажа выдерживала около тонны груза (60 пудов), хотя была сделана полностью из дерева. Когда чумаки делали свои возы, они избегали металла, потому что при поломке какой-то деревянной детали в дороге дерево ещё можно найти, а металла и кузницы не было на их долгом пути через степи. Возы чумаки обычно изготавливали сами из крепкой древесины ясеня, украшая их сложной резьбой. Если воз покупали, то за него в 1820-е годы нужно было отдать минимум 20 рублей (иногда и 30), а в те времена это были большие деньги. 100 кг муки стоили примерно 1 рубль, пуд соли чумаки покупали в Крыму по 8 копеек, продавали в Украине на рынках по 26 копеек.

²⁴¹ Волы — единственная тягловая сила в караванах чумаков. Они шли медленно, но могли тянуть гораздо больший груз, чем лошади. Да и найти волам пастбища в пути не представляло труда. Когда молодых бычков кастрировали, бычья агрессивность не развивалась, зато сильно нарастала мышечная масса и рога. Чем длиннее были рога, тем более вол в понимании чумаков считался правильным. По легендам, у лучших волов (а их, конечно, имели самые богатые чумаки) рога покрывали позолотой. Хорошие волы должны быть обязательно светло-серого цвета. Иногда у чумацких атаманов встречались редкие чёрные волы с белым пятном на лбу — считалось, что они приносят удачу. Волы пять лет могли ходить с чумацкими караванами, после чего их приходилось менять на молодых.

и летний зной, и недостаток воды, и отсутствие корма, и нападения всякого рода хищных степных наездников. Оттого справедливо чумаков сравнивают с бедуинами, а их волов с верблюдами в дикой и пустынной Аравии»²⁴². «Путь был далёкий, дни сменялись ночами, леса степями, чумаки легко дышали простором... души их и головы обвевались воздухом свободы... Скрип вожов, круторогие вола, шаровары в дёгте... запах тютюна, бродячие собаки, воздух степей и вольные чумацкие песни»²⁴³. Дороги чумаков пролегали через бескрайнюю «степь дику и пространную, горизонт пустоты бесконечной: небо и сухая земля! Седой ковыль... покрывает всю степь и уподобляется океану»²⁴⁴. «К этому, весьма естественному сравнению степи с океаном» приводит и «необыкновенный вид длинных обозов на волах», которые «невольно напоминают ряды кораблей... эти степные флоты прорезывают страну по всем направлениям, избирая кратчайшее расстояние от места отправления до места назначения»²⁴⁵.

Чумацкое право, как и козацкое, во многом было основано на правовых обычаях, которых строго придерживались. Знатоком правовых обычаев считался атаман. Он решал имущественно-правовые вопросы, такие как распределение прибыли, и он же принимал решение, скажем, наказать вора при необходимости. Если дело было где-то далеко в степи, то последнее слово оставалось за атаманом.

«Уличённых в краже били нещадно батогами по общему приговору». Однажды ночью воры хотели украсть пару волов. «Скрутили мы им руки назад, и повели до валки на суд. Стали судить». Одни предлагали сбросить их с обрыва вниз, другие предлагали бить батогами по чумацкому обычаю, а третьи —

²⁴² Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. У 3 т. Т. 1. — К. Наукова думка, 1990. — С. 421. Первое издание этой книги было опубликовано в 1892 году. Дмитрий Яворницький (Эварницький) (1855–1940) — известный автор книг по истории запорожских козаков.

²⁴³ Дерибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 310–311.

²⁴⁴ Долгоруков И. М. Славны бубны за горами или мое путешествие кое-куда 1810 года / И. М. Долгоруков. — М.: В университетской типографии, 1870. — С. 107.

²⁴⁵ Ле-Пле Ф. Исследование каменноугольного Донецкого бассейна / Ф. Ле-Пле. — М.: Тип. А. Семена, 1854. — С. 6.

отвезти местным властям, «до станового». Атаман проявил великодушные и решил их отпустить²⁴⁶.

По возможности, подозреваемых передавали в суд. В августе 1690 года чумацкая валка возвращалась с грузом соли из Перекопа по Муравскому шляху. Это были козаки полтавского полка, в свободное время занимавшиеся чумацким промыслом. Один из них обнаружил, что у него украли одежду и деньги. Сделать это могли только свои, и атаман обыскал все возы, пока не нашёл пропажу у молодого парня. «Случись бы подобное дело в степи, вдали от населённых мест», атаман должен был бы сам «подвергнуть провинившегося должному наказанию». Но завтра валка уже вступала на земли своего полка, где полномочия атамана заканчивались, и дело было передано в суд. Кража была настолько очевидной, что по решению суда отцу вора пришлось отдать пострадавшему в качестве компенсации три вола и пять телят²⁴⁷.

«Чумачество — одна из любопытнейших черт демократической Малороссии», ведь чумаки — «народные торговцы»²⁴⁸. Чумачество «есть зачаток национального... купечества, основанный на началах чисто товарищеской ассоциации. Родилось оно гораздо раньше появления на днепровском Низу козачества и даже было прототипом самого козачества, ибо первые чумаки были и торговцы, и промышленники, и с тем вместе воины. Начавшись едва заметно для истории, чумачество с течением времени разрослось до обширных размеров»²⁴⁹.

Чумацкое объединение представляло собой группу равноправных участников, собравшихся вместе для торговой поездки. «Валка оберегала личность и имущество чумака;

²⁴⁶ «Э, говорю (а я в тот раз атаманом был), браття; в прирву кинем, души загубим; пид батоги визьмем, часом не уважим, а до станового — одна тяганина». Долго спорили, а потом говорят «ну, як пан атаман розсудить, на те й пристанем. Я достал чистый рушник... на нём хлеб и сверху дрибочок соли и говорю ворам: "нехай вас Бог та хлиб и силь побьют, а мы вас бить, ани вбивать не будем. Идить соби, звиткиль взялись". И развязал им окрученные назад руки» (Из воспоминаний отшельника к-ской пустыни // Киевская старина. — 1887. — № 12. — С. 736, 740–741).

²⁴⁷ Левицкий О. И. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII в. / О. И. Левицкий. — Киев: Изд. ред. жур. «Киевская старина», 1902. — С. 232–236.

²⁴⁸ Рудченко И. Чумацкие народные песни / И. Рудченко. — К.: Тип. М. П. Фрица, 1874. — С. IV–V.

²⁴⁹ Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. У 3 т. Т. 1. — К. Наукова думка, 1990. — С. 421.

чумаки были связаны узами товарищества»²⁵⁰. Для оплаты расходов, возникавших в дороге, перед выходом в путь каждый чумаки вносил в общую казну свой пай в зависимости от принадлежавшего ему количества возов. Объединение капиталов в этом случае происходило лишь в зачаточной, простейшей форме — чумаки сдавали атаману деньги на оплату переправ через реки и на другие общие расходы. А во всём остальном это было объединение самостоятельных предпринимателей со своими возами и волами. Если нужно было платить за продукты питания или ещё за что-то, необходимое в дороге, — за всё платил атаман, у которого «хранятся все наличные деньги и документы»²⁵¹.

Как вспоминал современник, бывший и сам атаманом в 1830-е годы, «...в дороге, в компании чумаков, соблюдался самый строгий порядок. В самом начале пути... чумаки избирали себе атамана, который и распоряжался всем в дороге по чумацкому обычаю... Он вёл все дорожные расходы и счёты... при сдаче груза и расчёте говорил и действовал от имени всех. Мне не было ещё 18 лет, как меня выбрали однажды атаманом, и этим я обязан главным образом тому, что умел читать и писать»²⁵².

Выборным атаманом в принципе мог стать любой член объединения, например (как мы видим из приведённой истории), тот, кто умел читать и писать. Однако обычно атаманом был старший по возрасту, имевший большой опыт, знание дорог и чумацких обычаев. Ехал он впереди чумацкого каравана («валки») на первом возе²⁵³.

²⁵⁰ Когда у одного из чумаков ночью украли два вола, «члены валки... сложились по два рубля с воза и уплатили... деньги за пропавших волов» (Сумцов Н. К истории слободско-украинского чумачества / Н. Сумцов // Киевская старина. — 1884. — Т. VIII. — № 3. — С. 496).

²⁵¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / Ф. А. Щербина. — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. — С. 143, 147, 170.

²⁵² Из воспоминаний отшельника к-ской пустыни // Киевская старина. — 1887. — № 12. — С. 735.

²⁵³ «Впереди всех шёл воз, запряжённый самыми лучшими серыми, здоровыми и жирными... волами. Для красоты и эффекта рога волов обкладывались иногда позолотой, убирались разноцветными лентами и облеплялись в праздничные дни восковыми свечами. На переднем возу сидел сам «батько-атаман, пан-господар»; тут же, около него, помещался петух, возвещающий время дня и ночи чумакам. Атаман всегда шёл впереди всех; он избирался всей артелью, как человек опытный, бывалый, знавший все пути, умевший предотвратить всякие опасности» (Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. У 3 т. Т. 1. — К. Наукова думка, 1990. — С. 422).

Доходами от продажи привезённого зерна или других товаров каждый чумац распоряжался самостоятельно — сколько продал, столько и получил. На обратный путь он покупал соль и сушёную рыбу тоже самостоятельно. Когда возы были нагружены, чумаки отправлялись в обратный путь. «Иные везут соль прямо домой, в тысячи сёл и местечек своей родины. Другие везут её в складочные места на Днепре, откуда соль водою, выше порогов, поднимается в западные губернии и в Царство Польское. Одно из главных складочных мест соли на Днепре — Крюков Посад, в предместье Кременчуга. Здесь в июне и июле месяцах истинное царство чумаков»²⁵⁴. Часто чумаки продавали соль оптом и совместно, чтобы избежать ненужной конкуренции. Тогда атаман распределял доход пропорционально тому, сколько соли привёз каждый из чумаков.

Соляной бизнес

Началось всё много веков назад с перевозки соли. Этот нехитрый, но всем необходимый продукт оказался универсальным товаром — гораздо более универсальным, чем китайский шёлк, торговля которым создала легендарный Великий шёлковый путь. Шёлк ведь покупали только богатые, а соль — все. Она была основным консервантом и позволяла сохранить продукты — мясо, рыбу или сало. Так что соль тогда имела гораздо большее значение, чем сейчас. И благодаря соляной торговле возникли торговые пути, идущие через Украину. Каменную соль добывали в Галичине, морскую соль — в Крыму и Бессарабии²⁵⁵. Оттуда её везли на территорию Украины²⁵⁶.

Когда в XII веке генуэзские и венецианские купцы основали свои торговые колонии в Причерноморье, купцы из Руси вели с ними торговлю, продавая свои товары и покупая

²⁵⁴ «Тут они складывают соль, выручают чистоганом барыш и нередко тут же его пропивают до копейки» (Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 191).

²⁵⁵ Бессарабией называли раньше земли между Днестром и Дунаем. Соль там добывали в таких же соляных озёрах, как и в Крыму.

²⁵⁶ Вначале торговцев солью называли «соленики», особенно тех, кто возил её с берегов Чёрного и Азовского морей. Возивших соль из Галичины называли «коломицы» по названию города Коломыя, центра добычи соли.

у них соль и сушёную рыбу. В 1253 году Гильом де Рубрук²⁵⁷, фламандский монах и путешественник, прибыл в город Солдайя²⁵⁸. Он видел там возы, запряжённые парой быков, на которых купцы из Руси доставляли свои товары и везли обратно соль²⁵⁹.

В 1499 году в письме крымского хана Менгли-Гирея к московскому царю Ивану III хан жаловался, что какие-то люди приходят в его владения, «соль берут, а пошлины не дают». Хан просил царя повлиять на литовского князя, контролировавшего тогда территорию Украины, чтобы он запретил своим подданным брать соль без уплаты пошлины²⁶⁰. Видимо, эту проблему решили, и в дальнейшем крымские ханы не препятствовали чумацким караванам, потому что продажа соли была их основным источником дохода. Впрочем, название «чумаки» тогда ещё не употреблялось — в документах середины XVI века появляется слово «соленики»²⁶¹. А чумаки впервые упоминаются с середины XVII века.

Соль возили не только из Крыма, но также из Коломыи в Западной Украине. Промысел этот начался много веков назад. Уже в 1527 году польский король Сигизмунд в указе, разрешавшем князьям Острожским беспошлинную «перевозку древними дорогами белой русской соли из Коломыи, Долины, Дрогобыча и других мест»²⁶², считал пути соляной торговли «древними». За солью в Коломыю приезжали возы

²⁵⁷ Рубрук по поручению французского короля Людовика IX в 1253–1255 годах совершил путешествие к монголам, подробно описав свой путь.

²⁵⁸ Современный Судак в Крыму.

²⁵⁹ Чтобы продолжать дальнейшее путешествие, Рубруку нужно было решить, выбрать ли «для перевозки своего имущества телеги, запряжённые двумя быками, или вьючных лошадей». Константинопольские купцы посоветовали ему «взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки». Ещё Рубрук писал, что на севере Крымского полуострова «находится много больших озёр, на берегах которых имеются соляные источники... с этих солончаков... получают большие доходы, так как со всей Руси ездят туда за солью» (Рубрук, Г. де. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук // Карпини П. История монгалов / П. Карпини. — М.: Гос. Изд-во географической литературы, 1957. — С. 89–91).

²⁶⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. — СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. — С. 290.

²⁶¹ Книга посольская метрики великого княжества Литовского (с 1545 по 1572 год). — М.: В университетской типографии, 1843. — С. 22.

²⁶² Торгівля на Україні, XIV — середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина. — К.: Наукова думка, 1990. — С. 54.

с Киевщины, из Нежина и других городов Левобережной²⁶³ и Правобережной Украины, хотя основная часть соли привозилась туда из Крыма. Вероятно, коломийцами называли тех, кто ездил за солью на запад, а чумаками — покупавших соль в Крыму. Так что, по сути, это были разные названия одних и тех же торговцев солью²⁶⁴. И жили они гораздо богаче остальных крестьян²⁶⁵.

По-настоящему расцвёл соляной промысел под защитой Запорожской Сечи²⁶⁶, охранявшей караваны торговцев солью военной силой, с которой татарам приходилось считаться²⁶⁷. «Под покровительством козачества... ежегодно сотни и тыся-

²⁶³ В 1744 году через «Васильковский форпост» проследовало в Коломыю за солью двое жителей села Козацкое Переяславского полка и с ними 17 человек «челядников» — наёмных работников. С земель Нежинского полка проследовало за солью 29 пустых маж и 27 наёмных работников (Плохинский М. М. Иноземцы в старой Малороссии / М. М. Плохинский // Труды XII археологического съезда в Харькове. В 2 т. Т. 2. — М.: Тип Г. Лисснера, 1905. — С. 300).

²⁶⁴ В официальных документах того времени названия «коломиец», «соленик», «прасол» и «чумаки» часто перемешаны и уже невозможно определить, куда именно они ездили за солью.

²⁶⁵ К примеру, в 1666 году в селе Митченки Батуринского уезда крестьянин-коломиец Григорий Лесков единственный имел шесть волов и восемь коней, которыми он с сыновьями пахал свою землю. С него брали и самые большие налоги (Переписні книги 1666 року / Приготував до друку і зредагував В. О. Романовський. — К.: Всеукраїнська академія наук, Археографічна Комісія, 1933. — С. 29).

²⁶⁶ Хотя и с козаками у чумаков отношения складывались не всегда гладко. В 1747 году пять запорожцев напали с целью грабежа на двоих чумаков, возвращавшихся из Крыма на восьми возах и с 28 волами. Одного чумака убили, второй смог убежать. Вскоре троих из нападавших поймали и привезли на Сечь вместе с телом мёртвого чумака. За такое страшное преступление кошевой атаман Павел Козелецкий приговорил их к мучительной смерти — закопать живьём вместе с убитым чумаком (Гуржий О. І. Право в українській козацькій державі (друга половина XVII–XVIII ст.) / О. І. Гуржий. — К.: Ін-т історії України НАН України, 1994. — С. 13).

²⁶⁷ Впрочем, нередко чумаки страдали от нападения татар, а иногда и попадали в неволю, причём даже и в конце XVIII века, когда Российская империя военной силой всё больше ограничивала татарское влияние. В одном из документов того времени рассказывается история «малороссиянина Руссова», уроженца «перейславского полку». В 1774 году вместе с 18 другими жителями слободы Николаевки он подрядился на перевозку «провианта» из Старого Оскола в Арабат в Крыму. Доставив груз, он с товарищами поехал к соляным озёрам, чтобы нагрузить возы солью, но там на них напали татары, взяли в плен и отвезли на рынок невольников в Кафу (Феодосию), где продали в рабство в Турцию. Там герой этой истории провёл десять лет, сменив за это время несколько хозяев. Последний из них, Амер Ага, проявил душевную широту и отпустил пленника на свободу после долгих его просьб (Странствования бурсака, чумака и раба // Киевская старина. — 1897. — № 10. — С. 16–20).

чи чумацких возов, нередко принадлежавших самим козакам, ходили далеко в Польшу, в Галицию, в Молдавию, в Крым, на Дон и в Великороссию». Украина была в это время «как бы центром, из которого, как по радиусам, сновали туда и обратно в разные стороны чумацкие валки. Чумаки были тогда единственными... торговцами и возчиками... Это был цветущий период чумачества, охватывавший почти целых три столетия, начиная с XVI и оканчивая первой половиной XIX столетия. В течение этих трёх веков чумачество было уже вполне сложившимся... имело в своей основе прочные артельные... формы и ездило по своим «одвічним шляхам»»²⁶⁸.

Запорожцы тоже пользовались чумацкими шляхами для собственных целей, в том числе как разведчики, когда им нужно было попасть, не привлекая внимания, во владения татар. Такая практика существовала давно — разведчики (или шпионы) пользовались Великим шёлковым путем, присоединившись к купеческим караванам. Ведь купцам всегда было значительно проще попасть в другие страны. Так было и с нашими чумаками.

Когда Запорожскую Сечь в 1775 году ликвидировали царские власти, часть козаков перешла под власть Турции и создала Задунайскую Сечь. Чтобы узнать намерения этих запорожцев, в 1778 году царский подполковник Иван Синельников (комендант Покровского, где была раньше Запорожская Сечь) послал двух агентов, капитана Кирилла Тимковского и войскового товарища²⁶⁹ Кирилла Мошенского разведать о дальнейших планах козаков Задунайской Сечи. Чтобы не привлекать внимания, Тимковский и Мошенский поехали сначала в польскую часть Украины, там присоединились к чумацкой валке и уже как чумаки отправились в сторону Задунайской Сечи, где находилось несколько тысяч запорожцев. За два дня, которые они были там вместе с чумаками, они смогли услышать много интересных разговоров и по возвращении в том

²⁶⁸ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / Ф. А. Щербина. — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. — С. 133. «Жизнь, полная борьбы и лишений... необходимость быть постоянно настороже и создали своеобразный тип чумацких артелей с военным характером и торгово-промышленной организацией», так как «одиноким и беспомощным чумаком-торговец был бы окончательно затёрт... и природой, и враждебными народностями, и разного рода охотниками лёгкой наживы из своего же брата малоросса» (Там же, с. 141).

²⁶⁹ Войсковые товарищи — во времена Гетманщины привилегированная часть козаков, по своему статусу приближавшаяся к полковой старшине.

же году предоставили подробный рапорт²⁷⁰. Старая, как мир, идея замаскироваться под купцов сработала и на этот раз. Чумаки везли в Крым на продажу товары из той местности, где жили²⁷¹. Они доставляли не только свои грузы, но и брали на реализацию (с оплатой после продажи) товары у односельчан. Некоторые даже стали привлекать деньги крестьян (которые сами не участвовали в торговом путешествии), чтобы выгодно вложить их и вернуть с прибылью. «Вы мне приносите деньги, кто сколько имеет, я их пускаю в дело, имея выгоду, потому и вы получаете выгоду»²⁷², — говорил чумака Хома, герой пьесы Карпенко-Карого «Чумаки». За год он собрал у людей пять тысяч рублей, чтобы купить дополнительные возы и волов²⁷³. Такие вкладчики не имели никаких прав собственности (на те же возы или волов), поэтому здесь можно говорить о простейших формах доверительного управления капиталом²⁷⁴. Деньги не лежали без дела даже в XVII и начале XVIII веков — как говорил в 1700 году полтавский козак Стецько Сергиенко, «...мои гроши по людям; люде моими гришмы орудують»²⁷⁵.

Нередко, выходя из родных сёл «с пустыми возами, чумаки направляются в какой-нибудь торговый город... преиму-

²⁷⁰ Степовий В. До історії Задунайської Січі / В. Степовий // Україна. — 1914. — Кн. 3. — С. 11–12. Текст секретного рапорту наводить у своїй статті В. Степовий (Там само, С. 17).

²⁷¹ Сушёные фрукты, подсолнечное масло, табак, пряжу и полотно, смолу и дёготь, изделия из железа, изделия из дерева, колёса для возов и прочее — всё то, что они могли купить у себя и продать татарам.

²⁷² Карпенко-Карий І. Чумаки / І. Карпенко-Карий // Твори в 3 тт. Т. 2. — К.: Держ. вид. художньої літератури, 1960. — С. 172. Прибыль вкладчики обычно получали товарами («П'ять штук тарані і п'ятнадцять фунтів солі» — Там же, с. 173). В диалогах героев упоминается тридцать вкладчиков.

²⁷³ Карпенко-Карый хорошо знал сельскую экономику, владея хутором, и писал эти строки с пониманием дела — его отец был когда-то чумаком, поэтому словам драматурга можно доверять даже больше, чем некоторым воспоминаниям необразованных сельских дедов. Его «отец, в прошлом чумака, нажил немалое богатство, имел хорошее хозяйство и жил... в полном достатке». По семейным преданиям, один из дальних родственников драматурга тоже был чумаком, «пока на его валку не напали в степи разбойники и ему пришлось пешком... возвращаться домой — он лишился всего, что имел» (Тобілевич С. Мої стежки та зустрічі / С. Тобілевич. — <https://ukrlib.com.ua>).

²⁷⁴ Судя по всему, такая практика была обычной — даже в 1850-е годы в главной конторе сахарного завода Яхненко и Симиренко «принимались деньги в заём под узаконенные проценты» (Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. — К.: Гос. изд. Украины, 1925. — С. 158).

²⁷⁵ Левицкий О. И. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII в. / О. И. Левицкий. — Киев: Изд. ред. жур. «Киевская старина», 1902. — С. 26.

щественно в Кременчуг, где они надеются взять какую-нибудь кладь: куда угодно, только на юг, хоть бы и за 500 вёрст от прямой своей дороги»²⁷⁶. Если даже чумак не найдёт себе груз для перевозки на юг и поедет в Крым с пустым возом «за солью или рыбой, покупая эти товары на собственные деньги», то и в этом случае он получит большую прибыль, потому что «и соль, и рыба необходимы в быту крестьянину»²⁷⁷, а ту же соль чумак в любом случае продавал в Украине в два-три раза дороже, чем покупал в Крыму²⁷⁸.

Зерно для чумаков не было основным товаром до конца XVIII века, когда царская империя стала контролировать черноморское побережье, а российские корабли получили право вести торговлю через Чёрное море. До того зерно из Украины по традиции везли через Польшу к портам Балтийского моря — Гданьску и Риге. И только после основания в 1778 году Херсона появилась возможность экспортировать зерно через этот порт²⁷⁹. На деле зерно стало преобладать среди товаров, которые чумаки везли на юг, только в начале XIX века, во времена его массового экспорта через Одессу.

Так история чумацкого промысла разделяется на два этапа — один, многовековой, — до конца XVIII века, и второй, не очень долгий, — с начала XIX века, когда чумаки занимались перевозкой зерна в черноморские порты, пока с 1870-х годов на смену им не пришли железные дороги.

²⁷⁶ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию / А. Афанасьев-Чужбинский. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1861. — С. 47. Кроме традиционных сушёных груш и яблок, «чумаки сваливают на свои фуры, при отходе в путь, всякого рода деревянные поделки, в которых особенно нуждаются все безлесные местности на крайнем юге, в херсонских и таврических степях» (Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 171).

²⁷⁷ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию / А. Афанасьев-Чужбинский. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1861. — С. 48.

²⁷⁸ В 1720-е годы чумаки ежегодно ввозили только на Левобережье Украины 600–700 тысяч пудов соли, а вместе с Правобережьем — более миллиона пудов (Слабеев И. С. 3 історії першісного нагромадження капіталу на Україні: Чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII — першої половини XIX ст. / І. С. Слабеев. — К.: Наукова думка, 1964. — С. 41). В 1807 году по официальным данным в одну только Киевскую губернию было завезено более 900 тысяч пудов соли (Статистическое описание Киевской губернии, изданное И. Фундуклеем. В 3 ч. Ч. 3. — СПб.: В типографии Министерства внутренних дел, 1852. — С. 511).

²⁷⁹ Об истории херсонской торговой компании Прота Потоцкого подробнее будет говориться дальше.

Первичное накопление капитала

Чумацким промыслом занимались люди из разных слоёв общества — и крестьяне, и мещане, и козаки²⁸⁰. Причина была одна — желание разбогатеть. Ведь «чумацкий промысел в те времена был признаком богатства, которого могли достичь лишь отдельные крепостные крестьяне»²⁸¹. Обычно чумаками становились крестьяне, и почти в каждом селе было несколько чумаков. Помещик отпускал крепостного крестьянина в чумаки, потому что за пару лет тот мог собрать деньги (в среднем тысячу рублей) и выкупить себя на свободу. А тысяча рублей для помещика были важнее, чем отдельный крепостной.

Крестьянин начинал с того, что нанимался погонщиком волов к опытному чумаку, имевшему несколько десятков возов. Он становился наёмным работником — «наймытом», получавшим за одну поездку в Крым (длившуюся в среднем три месяца) 20–25 рублей²⁸². Так что в чумацких караванах не все участники были равноправными — «наймыт» скорее всего вообще не считался членом чумацкой валки, а был просто наёмным работником.

За деньги, заработанные за две-три поездки в сезон, он мог купить себе пару возов с волами. «Купив пары две... волов, снарядив два хороших воза, приобретаю отличную упряжь и запасшись несколькими десятками рублей, крестьянин отправляется чумаковать в сотовариществе людей бывалых и опытных»²⁸³. Так на следующий год он мог стать мелким участником чумацкой валки и везти на своей телеге товар в составе чумацкого каравана, присматривая при этом и за другими упряжками. За следующий год ему давали ещё одну пару волов, и так со временем он становился полноценным участником. Ну а дальше — как повезёт. Иногда чумаку сопутствовала удача, и он быстро богател. Хотя так получалось не всегда.

²⁸⁰ Иногда и состоятельные помещики становились владельцами чумацкой «валки». В Крым сами они, конечно, не ездили, а только вкладывали деньги в этот выгодный бизнес.

²⁸¹ Невідомі спогади генерал-хорунжого Армії УНР Юрія Тютюника. — <https://uinp.gov.ua>

²⁸² У богатого и опытного чумака могло быть и десять, и двадцать наёмных работников, каждый из которых присматривал за пятью упряжками волов (Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / Ф. А. Щербина. — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. — С. 158).

²⁸³ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию / А. Афанасьев-Чужбинский. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1861. — С. 47.

Обычно начинающий чумак уходил из родного села только на несколько месяцев, чтобы успеть сделать все необходимые сельскохозяйственные работы. Если его «чумакование» было успешным и появлялся доход, он понимал, что заниматься земледелием ему уже невыгодно — на поездках за солью можно хорошо заработать и купить себе всё, что нужно.

Так крестьяне вовлекались в торговлю через чумацкий промысел, и происходило первичное накопление капитала. Даже если чумак был и не самым удачливым, он всё равно оказывался гораздо богаче, чем односельчане. Почувствовав вкус денег, вкус богатства, он уже не хотел от всего этого отказываться. «Не хотел ни жениться, ни дома жить, — всё чумаковал. Счастье ему служило, он всё богател... в нашем селе церковь новым тёсом обшил и кресты озолотил. Не одного горемыку убогого из беды выручил... Умирая, приказал вырыть в лесу под дубом две кубышки с деньгами, и одну отдать матери, а на другую похоронить его... насыпать высокую могилу и крест поставить из целого дуба»²⁸⁴.

В 1871 году газеты сообщали, что у одного из чумаков Харьковской губернии украли 560 тысяч рублей сбережений, накопленных за 40 лет чумацкого промысла. Такие деньги были тогда не у всякого купца²⁸⁵. А на Слобожанщине славился своим богатством чумак Г. Топчиев, капитал которого достигал 500 тысяч рублей²⁸⁶. Поэтому слухи, что среди чумаков встречались очень богатые, вполне правдивы.

На перевозке соли чумак обычно имел более 50 % чистой прибыли на вложенный капитал; на перевозке зерна — около 20 %²⁸⁷. В конце XVIII века и в начале XIX века одна пара волов за поездку давала 25–30 рублей чистой при-

²⁸⁴ Вовчок М. Чумак / М. Вовчок // Украинские народные рассказы. — СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859. — С. 79–88.

²⁸⁵ Тот чумак рассказывал, что в его караване было обычно 70–100 возов, а иногда он ещё и нанимал 30–40 дополнительных (Рудченко И. Чумацкие народные песни / И. Рудченко. — К.: Тип. М. П. Фрица, 1874. — С. 19).

²⁸⁶ Кроме чумацкого промысла Топчиев владел несколькими лавками и трактирами, торговал водкой, мёдом и другими товарами (Гуржій О. Нариси з історії розвитку виробничих відносин і торгівлі в Україні (друга половина XVII — початок XX ст.) / О. Гуржій, О. Реєнт, Н. Шапошнікова. — К.: Інститут історії України НАН України, 2018. — С. 172).

²⁸⁷ Подробнее: Букатеви́ч Н. І. Чумацтво на Україні: історично-етнографічні нариси / Н. І. Букатеви́ч. — Одеса, 1928. — С. 57–58.

были. Если чумаки совершали за сезон три поездки, то получали 75–90 рублей прибыли только с одного воза²⁸⁸. Для тех, кто имел 10 пар волов с возами, прибыль 750–900 рублей за сезон становилась вполне реальной.

В конце XVIII века накопление капитала привело к тому, что появились чумацкие поселения — богатые слободы²⁸⁹, где жили одни чумаки. В Голой слободе Богучарского уезда Воронежской губернии жители (в том числе и мои предки) тоже занимались чумацким промыслом. Там родился и мой отец, переселившийся потом на Луганщину.

«Старожилы говорят, что прежде, за... гетманов, бывали на Украине слободы человек в три тысячи и более жителей, всё чумаков»²⁹⁰. Их жители не занимались сельским хозяйством, считая это ниже своего достоинства. Да и не было в этом необходимости — денег у чумаков хватало, они возили товары с весны по осень, а зимой ремонтировали свои возы или делали новые. Сами чумаки только запасали сено волам на зиму, а их жёны смотрели за коровами и летом занимались огородом. «Истый чумак, каких немного, почти не занимается земледелием... каждый считает хлебопашество делом второстепенным, потому что его ремесло гораздо прибыльнее и даёт возможность не только жить безбедно, но даже с некоторой роскошью»²⁹¹.

Чем больше чумаки в таких слободах богатели, тем чаще они нанимали погонщиков волов и отправляли их в полную трудностей дорогу, а сам богатый чумак только подсчитывал прибыль. «Такой чумак уже обленился, сам не надевает более заветных, дёгтем смазанных рубашки и шаровар, не идёт со своими волами испытывать долгого пути и всяких дорожных невзгод и бед, а держит для этого человек двадцать», а кроме того ещё «сорок в год работников по найму... посылает их с возами в путь и только откладывает

²⁸⁸ Бровер І. М. Україна на переломі до промислового капіталізму / І. М. Бровер. — У 2 т. Т. 2. — К.: Партійне видавництво «Пролетар», 1933. — С. 20.

²⁸⁹ Больше всего их было на Екатеринославщине, Полтавщине и Харьковщине.

²⁹⁰ Там не было «ни одного плуга и ни одной бороны» (Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 173).

²⁹¹ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию / А. Афанасьев-Чужбинский. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1861. — С. 47.

барыши. В нём уже мало старинной самобытности. Зато он ловко ведёт свои дела»²⁹².

Так вековой чумацкий образ жизни с его традициями и романтикой уходил в прошлое, а караваны запряжённых волами возов обслуживали наёмные работники. Особенно часто это можно было видеть в первой половине XIX века, когда перевозчики чужого товара (фурманы) стали вытеснять чумаков, возивших свой товар.

Создатели транспортной инфраструктуры

Отправляясь в Крым за солью и веками прокладывая свои пути, чумацкие караваны создавали первую транспортную инфраструктуру. Их «шляхи»²⁹³ становились всё более наезженными и освоенными. Чумаки рыли колодцы, чтобы поить волов, и строили землянки для ночёвки в холодную пору года. Когда эти земли в XIX веке перешли в частную собственность, там возникли сёла и хутора, а степи быстро распахивали и превращали в поля. Поэтому древних «шляхов» уже практически не существовало — чумакам приходилось ездить другими дорогами²⁹⁴. Там, где в XVIII веке чумаки вели свои караваны свободно, пасли волов, где хотели и останавливались на ночь в удобных местах, теперь появились хозяйства земель, бравшие с чумаков деньги за использование пастбищ, водопоев и переправ.

²⁹² Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 173. «Это всё тузы и капиталисты. Они ведут чумацкий промысел гуртом, оптом. У иного пар тридцать, сорок, а то и пятьдесят волов; у другого при этом в найме ещё и десятин сто или двести земли, снята на откуп винокурня... человек тридцать рабочих» (Там же, с. 146).

²⁹³ Главных шляхов было два — «Чёрный» и «Муравский». Древний Чёрный шлях начинался на Волыни, проходил через Умань и вёл дальше на юг, на Балту и Ольвиополь. Называли его так потому, что этим путём татары ходили в свои набеги в Украину, а кони вытапывали траву до чёрной земли. Известный с XV века Муравский шлях (он же «Соляной») славился обилием травы («муравы»), росшей вдоль этого пути, так что чумаки могли там легко найти пастбища для своих волов. Муравский шлях шёл от Перекопа в сторону Харькова и дальше в Россию, в направлении Тулы. Чумаки любили этот путь, потому что он был простой, однако до XVII века там не было ни городов, ни сёл, и ночевать приходилось в степи. А реки можно было переходить только вброд — никаких мостов ещё не построили.

²⁹⁴ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / Ф. А. Щербина. — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. — С. 133–134.

«Украинская степь, воспетая Гоголем, в последнее пятидесятилетие сильно изменилась. Это уже не то пустынное раздолье, по которому ехал когда-то Тарас Бульба с сыновьями, не видя конца “морю трав” и не встречая ни жилья, ни дороги... Степь по всем направлениям изрезана столбовыми и просёлочными дорогами... Степь, дикая украинская степь, становится просто тихим русским полем»²⁹⁵.

«Малороссия, распавав свои степи, также лихорадочно спешила сбывать по дешёвой цене свой хлеб за границу. И в нашей благодатной Украине вместо богатства народа, круторогого вола, которому чумаки в благодарность золотили рога, появилась худоконная кляча; теперь эту клячу крестьянину приходится, за недостатком кормов, пасти... при дорогах»²⁹⁶.

В XIX веке, когда количество перевозимых грузов значительно возросло, увеличилась и протяжённость создаваемых чумаками дорог. Это уже были не вековые караванные «шляхи», а хорошо наезженные грунтовые дороги. В середине столетия только в Киевской губернии их было более четырёх тысяч километров. Так возникла система дорог, ведущих в сторону порта Одессы. Они охватывали часть Волынской и Подольской губерний, всю Киевскую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии, а также почти всю Бессарабию — регион, поставлявший зерно на экспорт.

Перевозчики зерна в XIX веке

После того как начался массовый экспорт зерна через Одессу и другие порты Чёрного и Азовского морей, возили это зерно на своих возах и волах чумаки. Другого наземного транспорта тогда просто не было²⁹⁷. В конце 1840-х годов чумаки приво-

²⁹⁵ А «луга её смяты бесчисленными стадами овец» (Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 180).

²⁹⁶ Иванюков И. Очерки провинциальной жизни / И. Иванюков // Русская мысль. — 1893. — Кн. 12. — С. 250.

²⁹⁷ В 1801 году в Европу экспортировали из Украины 683 тысячи четвертей зерна (6,8 млн пудов, 110 тысяч тонн), в 1803 году — 1,5 млн четвертей (15 млн пудов, 246 тысяч тонн). После спада во время наполеоновских войн объёмы экспорта быстро восстановились и стали расти — в 1817 году экспортировали 2,3 млн четвертей (23 млн пудов, 377 тысяч тонн) (Букатеви́ч Н. І. Чумацтво на Україні: історично-етнографічні нариси / Н. І. Букатеви́ч. — Одеса,

зили в Одессу до 80 % зерна (остальное доставляли водными путями). В то время ежегодно в порты поступало 2,5–4 млн четвертей зерна (25–40 млн пудов, 1,6–2,5 млн тонн). Если считать, что на один чумацкий воз грузили обычно 50 пудов, то для перевозки такого количества зерна необходимо было 500–800 тысяч возов. Так как чумаки делали минимум две поездки за сезон, а то и три, нетрудно подсчитать, что для этого использовали 200–300 тысяч возов и 40–60 тысяч чумаков и наёмных работников²⁹⁸.

Потоки зерна (точнее, потоки денег от его продажи) сделали Одессу такой, какой мы её знаем, — предприимчивой, свободолюбивой и неповторимой. Зерно было главным зодчим «южной столицы». «И ещё второго зодчего дала нам Украина: звали его чумаком, он грузил жито у днепровских порогов и, покрикивая на волов “цоб цобэ!”, брёл за скрипучим возом»²⁹⁹.

Подъезжавший к Одессе видел: «...пустынные степи... всюду белеют скелеты павших лошадей и волов», — писал в 1843 году польский путешественник Юзеф Крашевский. «Мы подъезжаем к большому городу... чаще встречаем купцов... тянутся чумацкие валки, которые везли из Крыма соль, а сюда шли с пшеницей». Хотя «глаза, рот, грудь — всё покрыто пылью, но напряжённо всматриваюсь в даль, пытаюсь рассмотреть неясные очертания, издали в дымке напоминающие башни, кресты, крыши домов. И, наконец — так, это она, Одесса!»³⁰⁰.

«Торговое значение Одессы высказывается путешествием при самом приближении к ней... то он обгоняет ряды фур спряжёнными волами, нагруженными мешками пшеницы и других злаков, то попадает ему навстречу такие же ряды фур с опростанными мешками... В городе то и дело встречаются длинные ряды хлебных возов, невни-

1928. — С. 39). Четверть — мера объёма зерна, 209,66 литра. Одна четверть пшеницы имела средний (в зависимости от сорта) вес около 160 килограмм, что равнялось 10 пудам.

²⁹⁸ Цифры правдоподобные — известно, что в эти годы только в Киевской губернии было 17,5 тысячи чумаков и 70 тысяч пар волов (Букатеви́ч Н. І. Чумацтво на Україні: історично-етнографічні нариси / Н. І. Букатеви́ч. — Одеса, 1928. — С. 40–43).

²⁹⁹ Жаботинский В. Е. Моя столица / В. Е. Жаботинский. — <http://az.lib.ru>

³⁰⁰ Kraszewskij J. I. Wspomnienia Odessy, Jedisanu i Budżaku. Dziennik przejażdżki w roku 1843 od 23 czerwca do 11 września J. I. Kraszewskiego / J. I. Kraszewskij. — 2 t. T. 1. — Wilno, 1845. — S. 148, 150, 167.

мательно заграждающие дорогу другим экипажам, которые терпеливо и почтительно выжидают возможность продолжить путь. «Одесса пшеницею управляется», говорит там народ»³⁰¹.

Во время расцвета экспорта зерна через одесский порт улицы и площади города действительно часто заполняли чумаки, волы и возы с зерном. Обычным делом было увидеть «толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами на площадях», они «только что привезли и ссыпали свою пшеницу»³⁰². «Можно ли было назвать городом... это огромное открытое пространство без домов, заполненное телегами и катающимися в пыли волами?»³⁰³.

Зерно выгружали в склады (их называли тогда «магазины») для дальнейшей отправки на кораблях. «Помните открытые двери длиннейших каменных сараев, наполненных целыми горами пшеницы?» Таких зерновых «магазинов» было «множество в старой Одессе, и всё-таки их было недостаточно для того огромного количества зерна, которое привозилось в иные годы в наш город... пыль, канавы, солнце, саранча, хлебные магазины... воспоминания о них уносят нас в далёкое прошлое»³⁰⁴.

Когда город только возникал, зерновые склады находились в самом центре, на Итальянской, Польской и на многих других улицах, кроме разве что Ришельевской и нынешнего Приморского бульвара³⁰⁵. Вначале строился зерновой склад, потом к нему пристраивали жилую часть, а когда зерновые склады стали выносить на окраину города, их здания в центре переделывали в жилые дома. В середине XIX века «улицы Одессы представляли своеобразное зрелище; треть домов представляла магазины или амбары для склада хлебов, преимущественно пшеницы; тротуары были вымощены частью плитой, частью местным дикарём, поставленным

³⁰¹ Мейер Д. И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы / Д. И. Мейер // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. — Казань: Изд. И. Дубровина, 1855. — С. 449–450.

³⁰² Всевожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу / Н. С. Всевожский. — В 2 т. Т. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1839. — С. 93.

³⁰³ De Hell X. H. Travels in the Steppes of the Caspian Sea / X. H. De Hell. — L.: Chapman & Hall, 1847. — Р. 6.

³⁰⁴ Дерибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 334–335.

³⁰⁵ Крашевский Ю. Воспоминания об Одессе, Едисане и Буджаке / Ю. Крашевский. — Одесса, 2019. — С. 185–186.

ребром, по бокам улиц росли чахлые акации, а вдоль текли ручейки по грязным водосточным канавкам. На главной улице, тогда Ришельевской, на тротуарах сидели под зонтиками евреи и еврейки и на зелёных столиках меняли деньги. Тут же толкались факторы хлебной торговли»³⁰⁶. «Факторами» в то время называли маклеров.

Городских площадей не хватало, и возы приходилось ставить на улицах³⁰⁷. Как писали газеты, улицы города были грязными и разбитыми от возов, перевозивших зерно из складов в гавань³⁰⁸. Дальше зерновых складов чумаки не заезжали, а зерно в порт перевозили местные биндюжники. До появления железной дороги зерновые склады всё ещё оставались в центре города, в том числе на улице Польской, где жили и вели свой бизнес шляхтичи с Правобережной Украины, и на улице Итальянской — сегодня она называется Пушкинской. К этим складам часто подъезжали чумацкие возы с зерном, оставляя после себя всякую грязь — как автор газетной заметки деликатно называл навоз от волов³⁰⁹. Но «разве можно признать Одессу за настоящую счастливую Одессу, когда нет начальника края графа Воронцова» и нет «корыта для напования волов и лошадей на углу Итальянской и Троицкой»?³¹⁰.

Газеты не раз писали, что при таких прибылях от зерновой торговли давно уже нужно было оборудовать на окраине специальные места для возов с зерном, да и сами склады вынести за пределы города³¹¹. Как бы там ни было, вся эта грязь, вонь и суэта сильно раздражали жителей «южной столицы», особенно кучи навоза, остававшиеся после волов. Да и после лошадей.

В конце XIX века проблема огромного количества лошадей стояла очень остро в таких больших городах, как Лондон

³⁰⁶ Скальковский К. А. Воспоминания молодости (по морю житейскому) / К. А. Скальковский. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. — С. 12.

³⁰⁷ Подробнее об этом (а также о том, как знаменитые одесские мошенники обманывали чумаков) см.: Гончарук В. Чумацкий промисел і Одеса / В. Гончарук // Чорноморська минувшина. — 2013. — Вип. 8. — С. 41–59.

³⁰⁸ Сокальский Н. Свод различных мнений, выраженных в одесских журналах по поводу мостовых / Н. Сокальский // Одесские ведомости. — 1860. — 11 октября.

³⁰⁹ Летучие заметки // Одесские ведомости. — 1864. — 11 февраля.

³¹⁰ Отголоски дня // Одесский вестник. — 1886. — 20 октября. — № 282.

³¹¹ Кузьменко Г. Отношение землевладельца Одесского района к вопросу об одесских мостовых / Г. Кузьменко // Одесские ведомости. — 1860. — 8 октября.

и Нью-Йорк³¹². Не избежали навозного кризиса и наши города, хотя лошадей в них было, конечно, не так много, как в мировых столицах³¹³. А в Одессе ко всему этому добавлялись ещё и волы. Они по размеру гораздо крупнее лошадей, так что и навоза от них оставалось больше³¹⁴. О количестве мух нетрудно догадаться, причём это не безобидные мухи, иногда залетающие в окно, а огромные бычьи слепни, больно кусающие до крови. К тому же, когда в Одессе (славившейся своей пылью), начали мостить улицы, первоначально это делали торцовыми спилами деревянных брёвен. Навоз и моча впитывались в дерево, и как бы навоз ни убирали, от деревянной мостовой шла устойчивая вонь, невыносимая на жарком солнце. Представляете себе — улица с романтическим названием Итальянская, недалеко опера и биржа, а тут везде эти возы, волы, навоз, мухи и вонь. Так что проблемы Лондона с его лошадьми могли показаться не такими страшными по сравнению с одесскими волами. Но и здесь

³¹² В 1898 году в Нью-Йорке происходила первая международная конференция по планированию городов. Главный вопрос был в огромном количестве лошадей и навоза, который они каждый день оставляли. Это было настолько серьёзно, что после трёх дней работы конференции (вместо запланированных десяти) участники объявили её закрытой, так как не видели путей для решения навозного коллапса в городах. В том же году британская Times писала, что через полвека слой навоза на улицах британской столицы достигнет трёх метров. Сегодня трудно представить, что такое могло быть в этом роскошном городе миллиардеров. В конце XIX века в Лондоне с населением 6 млн было примерно 300 тысяч лошадей, каждая из которых за день оставляла после себя около 10 килограммов навоза и около литра мочи — в общем, 3000 тонн навоза и 300 тонн мочи. В Нью-Йорке с населением 3,5 млн было не меньше 100 тысяч лошадей, производивших каждый день минимум 1000 тонн навоза и 100 тонн мочи. Запах на улицах трудно даже представить, а к нему добавлялись невероятный шум от копыт, огромное количество мух, крыс и конских трупов. Они даже в этих мировых столицах иногда долго лежали на людных улицах, пока их не убирали. В Лондоне и в Нью-Йорке проблема навоза решилась неожиданно — с появлением автомобилей лошади быстро исчезли с улиц.

³¹³ В Харькове, «...возле здания биржи, как известно, находится стоянка лошадей конки, усиливающих тягу вагонов. Благодаря тому, что уборка мостовой в этом месте существует в зачаточном состоянии, воздух сильно насыщен аммиаком. Зловоние, особенно в полдень, здесь ужасное. Ввиду развития холеры, следовало бы это место, кроме тщательной уборки, дезинфицировать какими-нибудь обезвреживающими средствами», — писала газета «Южный край» в 1910 году.

³¹⁴ В конце 1840-х, годы максимального экспорта зерна, его привозили в Одессу в среднем по 30 млн пудов за сезон. На один воз грузили обычно 60 пудов, и для такого количества зерна необходимо было 500 тысяч возов, за год бывавших в городе. И миллион волов, проходивших по улицам Одессы — пусть даже всего на один день. Все они за год оставляли примерно 15 тысяч тонн навоза.

всё решилось неожиданно быстро — в 1860-е годы начали строить железные дороги, по ним пошла транспортировка зерна, и сотни тысяч чумацких возов и волов вместе с грязью, вонью и мухами исчезли с одесских улиц, к тому времени уже выложенных камнем. А одесситы с облегчением вздохнули.

Впрочем, как бы там ни было, до появления железных дорог чумацкие караваны оставались единственным и вполне эффективным сухопутным транспортным средством. Железные дороги появились только в 1860-е годы, а Одесса (главный черноморский порт) невероятно разбогатела на зерновой торговле уже к середине XIX века, обходясь и без железных дорог. А в 1870-е годы железные дороги начали вытеснять чумацкий промысел. Перевозки товаров по ним оказались гораздо быстрее, хотя пока ещё не дешевле³¹⁵. «Часто случается, что простоватые и неуклюжие чумаки... удачно конкурируют на своих “мажах” и “серых... круторогих воликах” с целыми пароходными и железнодорожными компаниями». Причина в том, что они имели вековой опыт³¹⁶.

Однако проблемы у чумаков начались раньше и были связаны с освоением степей, их распаиванием и переходом многих земель в частную собственность³¹⁷. «Спросите чумаков, за что они теперь не платят?.. за водопой берут, за корм травы берут, за мосты и переправы на пароммах берут»³¹⁸. Всё это снижало прибыль. Поэтому ещё до появления железных дорог чумацкий промысел переживал не лучшие времена, хотя спрос на перевозки грузов продолжал расти.

Настоящих чумаков (покупавших товар за свои деньги) становилось всё меньше, а на смену им приходили фур-

³¹⁵ За доставку одной четверти зерна из Умани в Одессу чумаки брали 2 рубля, железные дороги — минимум 2,5 руб., а часто и больше. Подробнее см.: Гордуновський О. М. Торгівля в Південній Україні: організація товарообігу та людський потенціал (кінець XVIII — початок XX ст.) / О. М. Гордуновський, І. О. Гуржій, О. П. Рєєнт. — К.: Інститут історії України НАНУ, 2017. — С. 98.

³¹⁶ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / Ф. А. Щербина. — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. — С. 129–130.

³¹⁷ Подробнее о причинах упадка чумацкого промысла в середине XIX в. см.: Гордуновський О. Чумацький промисел в Україні: причини занепаду / О. Гордуновський, О. Гуржій // Україна в Центральній-східній Європі. Вип. 14. — К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. — С. 162–182.

³¹⁸ Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 183.

маны³¹⁹ (хурманы) — наёмные работники, обычно занимавшиеся в XIX веке транспортировкой зерна, принадлежавшего крупным купцам³²⁰. Некоторые из таких купцов были разбогатевшими чумаками, давно уже переставшими самостоятельно ездить с товаром, и вместо этого нанимавшими себе работников. По воспоминаниям очевидца, в 1839 году «чумаков с собственной кладью, с пшеницей в Одессу и с солью из Крыма» было уже «немного; большею частью это извозчики»³²¹.

Так чумацкие валки всё больше уходили в прошлое. К тому времени степи уже освоили, опасностей в начале XIX века никаких не было, и чумацкий атаман стал не нужен. На смену ему пришёл хозяин товара — богатый купец³²². «Чумаки доживают свои последние дни»³²³, — писал ещё в середине XIX века Г. Данилевский. Это понимали, наверное, все. «Железные дороги должны окончательно разрушить чумачество в том виде, каким завещала его нам старина. С уничтожением его Малороссия должна будет... проститься с единственными торговыми представителями своими — чумаками. А вслед за ними... исчезнут и те следы, по которым можно было бы гадать, какой облик получил бы малорусский торговец, если бы жизнь Малороссии не была задержана чуждыми влияниями»³²⁴.

В 1880-е годы железные дороги за счёт объёмов перевозок вытеснили и чумацкий, и фурманский промысел. Когда счёт шёл на десятки миллионов пудов зерна, такое

³¹⁹ Фурман — занимавшийся перевозкой товаров владелец фуры — большой телеги, приспособленной для перевозки различных грузов.

³²⁰ В Таращанском уезде 10 % крестьян занимались перевозками товаров, т. е. были фурманами. Чумаков в полном смысле слова было всего 2 % (Гордуновський О. Чумацький промисел в Україні: причини занепаду / О. Гордуновський, О. Гуржій // Україна в Центрально-східній Європі. Вип. 14. — К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. — С. 164).

³²¹ «Подрядятся с зимы или ранней весны в извоз и деньги вперёд заберут; а при неудавшейся дороге приходится последнее продавать, чтоб выполнить подряд и пополнить убытки» (Из воспоминаний отшельника к-ской пустыни // Киевская старина. — 1887. — № 12. — С. 738).

³²² Слабеев І. С. З історії первісного нагромадження капіталу на Україні: Чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII — першої половини XIX ст. / І. С. Слабеев. — К.: Наукова думка, 1964. — С. 48.

³²³ Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. — СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. — С. 131.

³²⁴ Рудченко И. Чумацкие народные песни / И. Рудченко. — К.: Тип. М. П. Фрица, 1874. — С. V.

количество перевезти на телегах уже просто не было возможности³²⁵. В 1890-е годы ещё изредка можно было увидеть караваны возов, запряжённых волами, но вскоре они полностью исчезли. Разбогатевшие чумаки стали землевладельцами или купцами, а небогатым (в том числе и фурманам) пришлось искать себе другую работу.

Чумацкий миф

Чумаки вызывали у современников тёплые чувства — «какая радость, бывало, встретить вереницу возов, запряжённых волами. Рядом медленно и важно выступают чумаки»³²⁶. Украинцы начала XX века гордились, если у них в роду присутствовал легендарный персонаж — дед или прадед чумака. «В давние времена дед был чумаком. Он ходил на волах в Перекоп и Армянск за солью и сушёной рыбой. От него я впервые услышал, что где-то за голубыми и золотыми степями Катеринославщины и Херсонщины лежит райская крымская земля»³²⁷. «Я лежу в возе... меня везут в царство трав, рек и таинственных озёр. Воз наш весь деревянный: дед и прадед были чумаками, а чумаки не любили железа — оно, как говорили, притягивает гром»³²⁸.

Все эти деды-чумаки считались патриархами, хранителями коллективной памяти рода, как у безымянного автора воспоминаний, у которого прапрадед был козаком, а прадед, гордясь своим козацким происхождением, стал вольным чумаком. По его пути пошёл и дед. Он продолжал кочевую жизнь, долго не заводил семью, и только в 45 лет женился на 13-летней девушке. Однако женитьба мало изменила его образ жизни. Когда деду было уже больше пятидесяти лет, он бросил скитальческую жизнь и, как человек грамотный, стал священником. Умер он в своём приходе в 1837 году на 96-м

³²⁵ Подробнее см.: Гордуновський О. М. Торгівля в Південній Україні: організація товарообігу та людський потенціал (кінець XVIII — початок XX ст.) / О. М. Гордуновський, І. О. Гуржій, О. П. Ресент. — К.: Інститут історії України НАНУ, 2017. — С. 99–100, 105–106.

³²⁶ Никитенко А. В. Записки и дневник / А. В. Никитенко. В 3 т. Т. 1. — М.: Захаров, 2005. — <https://books.google.com>

³²⁷ Паустовский К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский // Собрание сочинений. В 9 т. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 16.

³²⁸ Довженко О. П. Зачарована Десна / О. П. Довженко. — К.: Дніпро, 1969. — С. 52.

году жизни, и «это был величественный патриарх для своего рода»³²⁹.

Мы не знаем, приукрашивал ли автор воспоминаний эту историю или нет, да это и неважно. Наличие в роду такого деда или прадеда дарило драгоценное чувство причастности к славному чумацкому мифу — может, и не такому грандиозному, как миф козацкий, но всё равно великому. Когда я употребляю слово «миф», не нужно думать, что речь идёт о вымысле, о чём-то таком, чего на самом деле не было. Я имею в виду совсем другое. Миф — это романтизированная история, очищенная от шелухи повседневной суеты³³⁰. Такое её виденье, такая подача, которые способны вдохновлять грядущие поколения. И в этом смысле миф гораздо ценнее, чем историческая правда. Сухая историческая правда о том, сколько пудов соли и сушёной рыбы привезли чумацкие возы в таком-то году, никого не вдохновляет — даже аспиранта, пишущего диссертацию. А миф о легендарных временах,

³²⁹ N. Украинская деревня второй четверти нынешнего столетия. По воспоминаниям детства / N // Киевская старина. — 1882. — № 9. — С. 467–472.

³³⁰ В реальной жизни, в коммерческих и торговых делах бывало, конечно, всякое, и легендарный образ чумацкого братства, где все отношения основаны на исключительной честности, — это тоже часть мифа. Так, 26 марта 1665 года некая Гапка Василиха обратилась в Полтавский суд и пожаловалась на Петра из Гадяча, который вместе с её мужем Василём был «товаристве на чумацтве». Потом Василь задолжал деньги Петру, тот забрал у Василя коня, а потом «без мала не убил». Во время слушания дела выяснилось, что Василь действительно был должен деньги Петру, но он договорился с ним об отсрочке и дал расписку, в которой обязался вернуть долг в указанное время. Однако Петро расписку взял, но потом забрал ещё и коня и вернулся сам, оставив Василя непонятно где, что противоречило чумацким обычаям. Суд принял решение, что Петро должен коня вернуть и после возвращения Василём оговоренной суммы больше не иметь к нему претензий (Актовые книги Полтавского городского уряда XVII века. Вып. 1. Справы поточные 1664–1671 годов. — Чернигов: Тип. Губернского земства, 1912. — С. 71–72). Бывало, что чумацким промыслом пытались заниматься люди вообще с сомнительным прошлым. В 1688 году в Решетилровке местная старшина задержала Процька Стадниченко, который тратил направо и налево непонятно где взятые деньги и, как говорили в те времена, в сафьяновых сапогах по грязи ходил. Его считали человеком «непевным», т. е. ненадёжным. На суде Процьк признался, что на ярмарке в Нежине он украл у московского купца шестьсот злотых. «Пустывшиися до чумацтва», он хотел приумножить свои капиталы. Но попытки заняться чумацким промыслом были неудачны, после чего он пытался торговать водкой, заодно прогуливая оставшиеся деньги. Приговорили его к виселице, но в последний момент «смягчили» приговор, отрубив по одной руке и ноге (Левицкий О. И. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII в. / О. И. Левицкий. — Киев: Изд. ред. жур. «Киевская старина», 1902. — С. 20, 23, 26).

о вольных козаках или таких же вольных степных чумацких караванах — вдохновляет. И поддерживает огонь национальной идеи, который, как и всякий огонь, постоянно нуждается в топливе. «Мне бы и самому родиться в XVIII веке... Стал бы чумаком, ходил бы в Крым за солью, созерцая звёздный путь»³³¹.

Чумаки исчезли навсегда, оставив о себе только воспоминания и легенды. Казалось бы, остаётся только слушать старого чумака, «...как он примется рассказывать за чаркою горилки, какие он бесконечные степи проходил, из каких бездонных криниц воли поил, по сколько суток сам без воды и хлеба пропадал, какие города видел, какие на какой реке переправы имел, какие где народы видел»³³², — со знанием дела писал Тарас Шевченко, который в детстве не раз с отцом участвовал в чумацких путешествиях³³³. Однако традиция чумацкого предпринимательства не угасла бесследно. Накопленные бывшими крестьянами капиталы привели к появлению идущей на смену купечеству новой буржуазии — как крупной (Смирненко, Терещенко), так и целого слоя среднего уровня.

³³¹ Гончар О. Щоденники (1984–1995) / О. Гончар. — К.: Веселка, 2002. — С. 42.

³³² Шевченко Т. Г. Наймичка / Т. Г. Шевченко // Твори у 3 т. Т. 2. — К.: Вид-во худ. літератури, 1961. — С. 16.

³³³ Подробнее см.: Яременко В. Тарас Шевченко про чумацтво, його звичаї та пісні / В. Яременко // Народна творчість та етнографія. — 2005. № 2. — С. 21–30.

Глава 5.

ГОРОДСКОЙ БИЗНЕС

Город, создающий новые возможности

Люди всегда стремились в города. Кто мог, ехал в города большие и богатые. А другие переселялись в маленькие и провинциальные, но всё равно города. Так было на протяжении всей истории, во всех странах и культурах. И даже сегодня, когда обычным делом стала удалённая работа и можно жить где угодно в другом конце мира, чаще всего мы всё равно выбираем города. Понятно, что и жизнь там дороже, и стрессов больше, и хуже экология — но всё равно выбираем. Почему?

В городах всегда легче было найти работу и реализовать себя — и вчерашнему крестьянину, и артисту, и мыслителю. Там больше платили, поэтому богаче была жизнь. И уже только потому города веками притягивали к себе талантливых в своём деле людей, от ремесленников до художников. А когда вместе собираются талантливые люди, то, даже если они заняты совершенно разным делом (как обычно и бывает), они создают особую атмосферу города. Атмосферу, способную порождать новые идеи. Поэтому именно через города к нам всегда проникали новые идеи и стили жизни. Нравится нам или нет, но обычно проникали они с Запада — Восточная Европа, увы, редко создавала ка-

кие-то конструктивные глобальные идеи. Как в экономике, так и в чём-то другом.

Города манили к себе деньгами, которые можно было там заработать, а ещё возможностью купить многие товары. Поэтому шопинг во все века был главным городским развлечением вместе с возможностью демонстрировать другим своё богатство. Где делать это, как не в многолюдном городе, в котором сосредоточено множество восторженных зрителей?

Города часто ругают из-за тесноты, но именно близость в пространстве между людьми и компаниями даёт возможность работать и развлекаться вместе множеству разных людей, судьбы которых в другом случае никогда бы не пересеклись. Я сейчас имею в виду не столько новые знакомства между мужчинами и женщинами (хотя и это всегда играло важную роль в городах), сколько знакомства между талантливыми людьми, передающими друг другу идеи и знания. Людьми, создающими инновации в своём деле. И не столь важно, насколько масштабно это дело — идёт ли речь о новых технологиях в огромной компании или о креативном оформлении маленькой кофейни, — важна сама атмосфера города, обещающая новые возможности. В большом и богатом городе этих возможностей всегда больше, чем в маленьком и бедном, хотя даже там они есть. Потому что объединяет людей именно город, и это порождение человеческой цивилизации трудно чем-то заменить.

Города развиваются и процветают не только тогда, когда в них поселяется много образованных людей, но и когда в них есть много небольших компаний. Конкуренция между ними создаёт тот динамизм экономического роста, которого не будет, если в городе доминируют одна или две огромных корпорации, у которых нет конкурентов. Поэтому и получалось, что экономический рост страны всегда зависел от городов — с этим трудно поспорить. Можно любить родное село и находить плюсы в таком образе жизни, но не села определяют экономический рост. Даже при аграрном капитализме.

Возрождение городов

Города живут гораздо дольше, чем государства, становясь свидетелями расцвета и упадка, катаклизмов и перемен. Киевская Русь, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Австро-Венгрия, Российская империя, Советский Союз... Их давно нет, они поглощены временем. А города остались, такие как Львов и Киев, Чернигов и Каменец. Много раз там сменялась власть, но сами города, как индивидуально неповторимые живые организмы, сохраняли свои особенности, колорит и атмосферу.

После татаро-монгольского нашествия Древняя Русь перестала существовать как государство. Однако большая часть городов не была разрушена, и в них остались жители. Даже полуразрушенный Киев сохранил своё торговое значение. В последующие времена нападения татар и грабежи происходили множество раз — почти каждый год. Приднепровье, лежавшее на пути татарских набегов, постепенно опустело — спокойно жить там стало невозможно. Остались отдельные укрепленные замки, вокруг которых селилось немногочисленное крестьянское население, в случае опасности находившее убежище в замке.

Так длилось до XVI века, когда началось повторное освоение опустевших земель и стали появляться новые небольшие города, часто на пепелищах разрушенных татарами поселений. В них уходили обедневшие крестьяне в поисках работы. Они становились ремесленниками, приобретали новые знания и навыки, закладывая фундамент для будущей городской промышленности, а вместе с ней и капитализма.

У крепостного крестьянина, бежавшего в поисках работы в город, появлялось больше возможностей изменить свою судьбу. Свою роль в этом играло и городское магдебургское право, хотя бы отчасти давая юридическую защиту для городского бизнеса. Киев получил магдебургское право в 1494 году, Львов ещё раньше — в 1356-м, Каменец-Подольский — в 1374 году. И хотя у нас оно было реализовано не в полной мере, жители городов всё равно ценили его — оно давало возможность вкладывать в оболочку иностранного права собственные, сложившиеся веками юридические понятия, таким образом поддерживая и легитимизируя давние городские обычаи.

Правда, в небольших украинских городах граница между мещанами и крестьянами часто была не такой отчётливой, как в городах Западной Европы. Даже в XVI веке большинство наших городов представляли собой маленький укреплённый замок, вокруг которого стояли обычные сельские дома³³⁴. Кроме того, был там «торг», т. е. рынок, на который сельское население привозило на продажу продукты питания, всякую живность (кур, гусей и свиней), а также изделия из дерева, дрова и древесину для строительных работ. Хотя такой небольшой город, мало чем напоминавший Львов или Киев, больше был похож на село, именно рынок делал его городом. Люди приходили туда из соседних сёл — им нужно было что-то продавать, а что-то и покупать (топор, лемех для плуга и много чего другого). Это постоянное движение людей делало небольшое поселение маленьким локальным экономическим центром. А то, что улочки были кривые и грязные, а постройки имели неприглядный вид — это не имело в то время значения. В базарные дни маленькие городки оживали — везде слышались разговоры, крики и смех, люди покупали и продавали, расхваливали свои товары и хвастались покупками.

Таким был Кременчуг, у которого даже название означает по-татарски «маленькая крепость». Его основали возле известного брода через Днепр. Формально местечко основали в 1571 году, но тогда реально ничего не сделали, и в 1590 году снова обсуждался вопрос о строительстве там небольшого замка. Работы начались только в 1635 году по проекту французского инженера Боплана — автора известного «Описания Украины». Наконец-то появилось укрепление, под защитой которого жители соседних сёл могли спастись от очередного набега татар. Были в Кременчуге и представители административной власти, и церковь, и базар, где регулярно велась торговля. Как и в других подобных городках, население не превышало 600–700 человек (в среднем сто дворов). При этом большинство таких местечек использовало принципы самоуправления (Кременчуг

³³⁴ На Киевщине, Черниговщине и Подолье в середине XVII века города составляли около 14 % всех населённых пунктов, 5 % — на Волыни и 24 % — на Брацлавщине (Компан О. С. Міста України в другій половині XVII століття / О. С. Компан. — К.: Вид. АН УРСР, 1963. — С. 72). В Киеве в то время жило около 15 тысяч человек, в Белой Церкви, Умани, Остроге — по 10 тысяч, в Бердичеве и Переяславе — по 6 тысяч (Там же, с. 77).

получил магдебургское право в 1659 году), хотя и в сильно упрощённом виде.

Тормозило развитие городов как центров ремесла и торговли наличие большого количества свободных земель. В Западной Европе свободных земель уже не осталось, и крестьяне, хотевшие изменить свою жизнь, могли только переселяться в города. А в Украине свободных земель хватало даже на слабо заселённой в это время Киевщине, не говоря уже о Левобережье. Поэтому крестьянину проще всего было уйти на свободные земли и там заниматься привычным делом, а не переселяться в город и становиться ремесленником. «Заметно, что козаки не заботятся о фабричном деле ни по сёлам, ни в городах»³³⁵, — писал в 1650 году венецианец Альберто Вимина.

Впрочем, город, даже самый небольшой, по отношению к окружающим его сёлам всё равно оставался центром торговли и ремесла. Города были подобны нервным узлам, куда стекались потоки людей, товаров и капиталов. Эти узлы соединялись в сеть, напоминающую нервную систему организма и стимулирующую экономический рост.

Несокрушимый Киев

После татаро-монгольского нашествия Киев надолго оказался на границе владений татар (по сути — на краю Европы) и напоминал последнюю железнодорожную станцию на американском Диком Западе. Этот дух пограничья, дух фронта наложил свой отпечаток и на характеры жителей города, притягивавшего к себе людей энергичных, авантюрных и готовых к риску. Хотя Киев тогда выглядел провинциально по сравнению с Константинополем или Венецией, но он всё равно был достаточно большим торговым городом, и жившие в нём купцы хорошо ориентировались в торговых делах. Иначе быть просто не могло.

³³⁵ Молчановский Н. Донесение венецианца Альберто Вимина о козаках и Б. Хмельницком (1656 г.) / Н. Молчановский // Киевская старина. — 1900. — № 1. — С. 68. Альберто Вимина (1603–1667) — венецианский посол, отправленный к Богдану Хмельницкому для переговоров о создании коалиции против Турции.

Мы не знаем точно, насколько богатым был домонгольский Киев XI или XII века, но Титмар Мерзенбургский в 1018 году упоминал, что в городе «несчётное количество денег»³³⁶. А жившие через пятьсот лет историки любили придавать сказочную окраску этому городу, «изобилующему всякого рода увеселениями, удобствами жизни, и полным разврата, внесённого греческими негоциантами»³³⁷.

«Киев с населением около ста тысяч человек был одним из крупнейших городов мира и ключевым узлом на торговых маршрутах, соединяющих Шёлковый путь, степи и Скандинавию... Разрушение в XIII веке сразу нескольких глобальных метрополисов — Палембанга, Мерва, Киева, Багдада и Константинополя — разрушило древнюю систему мировой торговли. Но из этого громадного крушения появились возможности для появления новых городов и урбанистических культур»³³⁸. В 1000 году по ВВП на душу населения (400 долларов) Древняя Русь мало отличалась от Западной Европы (427 долларов). К 1500 году картина изменилась (498 и 771 соответственно)³³⁹ — вся Восточная Европа уже отставала, даже те страны, где не побывали монголо-татары.

Храм Софии, воздвигнутый по воле князя Ярослава Мудрого, произвёл сильное впечатление на жителей Киева, где в то время почти всё было деревянным. Хотя это была не первая кирпичная церковь, дело было не в кирпичках, а в другом. Зодчим удалось передать в этом храме сходство с константинопольской Софией. Сходство не внешнее (киевский храм был гораздо меньше), а внутреннее, можно сказать — сходство духовное. Золотая мозаика на стенах и куполе в обоих храмах одинаково отражала небесный свет, создавая особое сияние, и пришедшим под своды храма людям казалось, что

³³⁶ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. — К.: Тип Е. Я. Фёдорова, 1874. — Отдел 2. С. 2.

³³⁷ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. — К.: Тип Е. Я. Фёдорова, 1874. — Отдел 2. С. 97. Андрей Целларий — автор «Описания Польши» (1659).

³³⁸ Уилсон Б. Метрополис: город как величайшее достижение цивилизации / Б. Уилсон. — М.: ЭКСМО, 2021. — С. 185. По подсчётам археологов, в начале XIII века в Киеве жило, конечно, не 100 тысяч, а около 50 тысяч человек, что тоже немало. В Париже того времени обитало 100 тысяч, в Лондоне — 35 тысяч, в Новгороде — 20 тысяч. Город занимал 400 гектаров, примерно половина этой территории приходилась на торгово-ремесленный район Подол на берегу реки.

³³⁹ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. / Э. Мэддисон. — М.: Изд. Института Гайдара, 2012. — С. 113. Все данные Мэддисона — в условных долларах по курсу 1990 года.

они находятся под защитой и покровом небес. Не тех небес, с которых светят солнце и луна, а небес божественных.

Не знаю, когда именно появилось предание о «нерушимой стене» — выложенной золотой мозаикой стене собора, где изображена Богоматерь Оранта, молящаяся за всех и защищающая всех, но стена действительно оказалась нерушимой. Предание гласило, что пока стоит эта золотая стена, город не исчезнет под натиском врагов. После разрушения Киева татаро-монголами немного уцелело от княжеского города, но «нерушимая стена» осталась.

Храм Софии был для киевлян XI века чем-то очень новым, современным и невероятно сложным. Они воспринимали его, наверное, как мы сегодня 800-метровую башню Бурдж Дубай. Постройка такого храма показывает, что дела в экономике времён князя Ярослава шли неплохо. Ведь на всё это нужны были деньги, и немалые. А после монголо-татар город уменьшился в размерах в десять раз. Во сколько раз уменьшилась его экономика, я даже и не знаю. Выжившие горожане переместились с древних холмов на низкий берег реки — Подол. Упростились и жизнь, и архитектура. Денег стало меньше, и про каменные храмы надолго пришлось забыть. Прошло больше пяти веков, прежде чем город снова вернулся на днепровские горы. И тогда киевляне вдохнули новую жизнь в храм Софии.

Даже после захвата Киева монголо-татарами в 1240 году город сохранил своё торговое значение, хотя население его, конечно, сократилось. Итальянский путешественник Плано Карпини был в Киеве в 1246 году, всего через шесть лет после взятия города войском хана Батыя. Хотя там сохранилось, по его словам, лишь 200 домов, он не был покинут жителями. В Киеве оставались бояре, тысяцкий, а также многочисленные иностранные купцы из Польши, Византии, Италии и Франции. Татар Карпини в городе не видел³⁴⁰.

Киев оставался «центром торговли, складочным местом для продуктов вывоза со всего днепровского бассейна, с одной стороны, и предметом привоза константинопольской и восточной торговли, с другой. В Киев направляются многочисленные караваны сухим путём и водой»³⁴¹.

³⁴⁰ Рубрук, Г. де. Путешествие в Восточные страны; Карпини П. История монголов / Г. де Рубрук, П. Карпини. — М.: Гос. Изд-во географической литературы, 1957. — С. 67, 82.

³⁴¹ Иконников В. С. Киев в 1654–1855 гг. Исторический очерк / В. С. Иконников. — К.: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1904. — С. 4.

Один торговый путь к нему шёл по суше из Крымского ханства, другой (до середины XV века) — из Византии через Белгород на Днестре, Каменец-Подольский³⁴² и Могилёв. Дальше торговые пути из Киева шли на север, в сторону Москвы, и на запад, на Львов. Эти торговые пути сохранялись и в последующие века, только место Византии заняла Турция. В Киев везли в основном восточные товары — пряности, ткани, предметы роскоши. Были в городе склады для соли и сушёной рыбы — их привозили из Крыма и продавали дальше на внутреннем рынке. Из Киева отправляли меха, а также изделия оружейных мастеров³⁴³ и ювелиров.

Киевские ремесленники, конечно, сильно пострадали после татаро-монгольского нашествия. Часть мастеров погибла, часть увели в рабство, некоторые переселились в более спокойные места — Галицко-Волынское княжество или в Северную Русь. Но жизнь продолжалась, и ремесленное производство возрождалось — вначале самое необходимое (изделия гончаров, кузнецов), а потом и более сложное.

Несмотря на постоянные набеги и грабежи со стороны татар (особенно в 1482 году во время нападения войска крымского хана Менгли-Гирея), Киев «изобилует иностранными товарами, ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога ведущая на... Таванский перевоз³⁴⁴ на Днепре. А оттуда степью в Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков и Новгород все восточные товары» — драгоценные камни, шёлк, ладан, шафран, перец и другие пряности. «По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляют отряды, иногда в 1000 человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов»³⁴⁵, — писал Михалон Литвин в середине XVI века.

³⁴² О торговом значении Каменца-Подольского говорит тот факт, что в XVI веке там была самая большая в Украине община армян — треть населения города (составлявшего в то время около 5 тысяч). Армяне, народ торговый и предприимчивый, поселились в Каменце не просто так, а потому что через город проходил важный торговый путь. Армянские кварталы располагались тогда вокруг площади Армянский рынок (Будзей О. Вулицями Кам'янка-Подільського / О. Будзей. — Львів: Світ, 2005. — С. 40–41).

³⁴³ Особенно славились киевские стрелы с железным остриём и орлиным пером.

³⁴⁴ В районе современного города Берислава Херсонской области.

³⁴⁵ Извлечения из сочинений Михайла Литвина // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Т. 1. — К.: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. — С. 51.

Торговля давала заработок не только купцам. «При проходе каравана значительные доходы извлекают киевские жители: воеводы, мытники, купцы, менялы, лодочники, извозчики, трактирщики и шинкари»³⁴⁶. Жители города предлагали купцам свои дома для ночлега, помощь по погрузке и транспортировке грузов, а также услуги проводников и охранников для торговых караванов, переводчиков и многое другое — всего не перечислишь.

Киев с XV века обладал правом «склада», и приезжие купцы обязаны были предлагать свои товары на продажу в городе, прежде чем следовать дальше. Однако, хотя товаров через город проходило немало, покупалось в самом Киеве не так и много — возможности внутреннего рынка были ограничены. «Ибо такими страшными тягостями обременён город Киев, что хуже и на свете не может быть»³⁴⁷, — писал в конце XVI века католический бискуп (епископ) Юзеф Верещинский.

Два раза в год в городе проходили ярмарки, на которые сгоняли на продажу огромные стада волов — их отправляли потом в Западную Европу. В 1534 году только за июнь месяц из Киева в Силезию перегнали 12 тысяч голов крупного рогатого скота.

После того как в 1494 году Киев получил от великого князя литовского Александра Казимировича грамоту, предоставлявшую городу магдебургское право, городская община приобрела самоуправление, а также многие льготы и привилегии, которые поощряли развитие торговли и промышленности. Богатство города, накопленное из-за его географического положения, начало ещё больше расти. Благодаря самостоятельности и самоуправлению городской общины мещане должны были «получить значительный простор действия» в отношении ремесла и торговли. Хотя эти ожидания не вполне оправдались, «торговля оживилась, капиталы умножились, многие мещанские роды разбогатели»³⁴⁸. Так образовалась новая городская аристократия — не родовая, а торгово-финансовая.

³⁴⁶ Там же, с. 52.

³⁴⁷ Верещинский И. Способ заселения нового Киева... / И. Верещинский // Киевская старина. — 1894. — № 3 — С. 410.

³⁴⁸ Антонович В. Б. Киевские войты Ходыки — эпизод из истории городского самоуправления в Киеве в XVI-XVII столетиях / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. — К.: Тип. Е. А. Фёдорова, 1885. — С. 197.

Многие из этих людей приехали в Киев из других мест³⁴⁹, вошли в состав городской общины, заняли прибыльные должности и обогатились. Некоторые при первом удобном случае покидали город и переселялись вместе со своими капиталами в более выгодные для них места, но большинство не собиралось оставлять такую выгодную кормушку, и на должностях в магистрате появлялись их сыновья, внуки и другие родственники.

Как и во все времена, на богатых жителей (особенно если они не были коренными горожанами) принято было смотреть не как на людей, разбогатевших благодаря удачным торгово-коммерческим операциям, а как на мошенников, которые когда-то за взятки получили выгодные должности, набили себе карманы, а потом постарались представить всё это так, что богатство пришло к ним от честного бизнеса. Должности, взятки, интриги — это в бизнесе было всегда и везде, хотя выделялись, конечно, случаи откровенного мошенничества. Богатели эти люди на торговле и на кредитных операциях. Так из крупнейших купцов формировалась экономическая элита города — новая финансовая аристократия. Полученную прибыль они не стремились вкладывать в самую по себе торговлю (там все механизмы уже были отлажены), а предпочитали проверенный временем актив: земельную недвижимость. Так купцы, игравшие второстепенную роль в аграрном обществе, стали носителями новых, капиталистических отношений.

В Киеве с давних времён жило много иностранцев (польские, молдавские, московские, турецкие, татарские купцы), отдельные дворы имели генуэзские и армянские купцы. А итальянцы и армяне селились только там, где в этом был для них коммерческий смысл. В древнем городе, где пересекались разные народы и культуры, кипела жизнь. В Киеве даже выпускали свои монеты, на них были имена князей Владимира Ольгердовича, Витовта и Казимира, однако изготавливали их по образцу монет генуэзской колонии в Кафе для облегчения торговли с Крымом. Для этого же на одной из сторон монет были надписи на татарском языке.

После падения Византии итальянские купцы постепенно исчезают из города — их торговые маршруты нарушило появление турок в Чёрном море. Армянам от этого было толь-

³⁴⁹ В документах XVI века среди новой городской элиты упоминаются имена литовцев, поляков, греков, армян, крещёных татар.

ко лучше — стало меньше конкурентов. «В этом городе живёт немало армян, так же как во Львове и в Каменце», — писал Станислав Сарницкий в 1585 году³⁵⁰. «Самыми богатыми купцами являются армяне. Они достают свои товары в самых разных монархиях у соседних народов и затем их перепродают»³⁵¹. Однако для австрийского дипломата Эриха Ляссоты они показались «не очень состоятельными»³⁵².

В память об армянских купцах на стенах Софийского собора сохранились 24 граффити на армянском языке: «Я, Сафаршах, слуга Иисуса Христа, сын ходжи (купца) Назара. 1537 год»; «В год 1514, 15 марта. Я, ходжа Тиридат, слуга божий и Христа»; «Я, слуга божий из Сиса в год 1545»; «Я... Тер-Магос из Сиса» (Сис — город в Киликии); «Я, Андриас из Каменца»; «Я, Хачатур, по прозвищу Кафаци (из Кафы)»³⁵³.

Армяне (как и высшие магистратские чиновники) тогда контролировали торговлю сукном, которое привозили из Западной Европы через Люблин, ближайший к Украине польский город. В те годы торговая поездка туда длилась 19–20 дней, в два раза ближе, чем до Турции, куда путь занимал обычно дней 40. Сукно и другие дорогие ткани считались тогда модным и престижным товаром, на котором можно было хорошо заработать. Торговля европейским сукном была в основном транзитной — на внутреннем рынке этих тканей покупали немного из-за их высокой цены. Поэтому этой торговлей и занимались армяне, коммерческая сеть которых охватывала многие страны Европы и Азии. Кстати, именно тот факт, что богатейшие купцы (армяне, греки, евреи) принадлежали к другим народам, препятствовал превращению экономической власти киевского купечества в политическое влияние.

На ярмарки в Люблин киевские купцы везли меха и меховые изделия, солёную рыбу в бочках, пеньку и поташ. С ярма-

³⁵⁰ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. — К.: Тип Е. Я. Фёдорова, 1874. — Отдел 2. С. 14.

³⁵¹ «Только Люблинские ярмарки приносят им... заметный доход» (Верещинский И. Способ заселения нового Киева... / И. Верещинский // Киевская старина. — 1894. — № 3 — С. 410. В середине XVI века армян в Киеве было по разным оценкам от 230 до 90 человек, в начале XVII века — 70 человек (Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 8).

³⁵² Ляссота Е. Щоденник Еріха Ляссоти із Стеблева / Ляссота Е. // Мемуари до історії Південної Русі. Вип. 1. — Дніпропетровськ: Січ, 2005. — С. 183.

³⁵³ Григорян Г. Армянские надписи киевского собора святой Софии / Г. Григорян // Вестник общественных наук АН Арм. СССР. — Ереван, 1979. — № 4. — С. 85–93.

рок в Киев они привозили кроме сукна дорогие ткани, пряности, изюм, вина и галантерейные товары (в том числе мыло).

На Замковой горе, отдельно возвышающейся над Подолом, ещё в XIV веке построили первый деревянный замок, разрушенный во время нападения Менгли-Гирея в 1482 году. На его месте в XVI веке появился новый деревянный замок³⁵⁴ с 15 башнями, где стояли пушки. В замке находился дом воеводы и других знатных горожан³⁵⁵.

Под горой на Подоле с его кривыми улочками кипела жизнь, там жили ремесленники и купцы. Ремесленники объединялись в 17 цехов, среди них особенно славились ювелиры («золотари») и оружейники («стрельники»). Несколько сот деревянных домов были простыми и особой красотой не отличались, но в те времена такими они были и в городах других соседних стран. Лучшие дома, расположенные вокруг рыночной площади и ратуши, принадлежали купцам и представителям городской власти и шляхтичам³⁵⁶. Купцы вместе с ростовщиками и магистратскими чиновниками представляли собой верхний слой социальной иерархии. А роль среднего класса выполняли ремесленники и мелкие торговцы. Население города в начале XVII века составляло по разным оценкам от 6 до 11 тысяч человек.

После того как из Киева выселили армянских купцов, поддержавших гетмана Ивана Выговского, их место заняли греки. Греческая колония на Подоле возникла в середине XVII века, когда в Киеве поселились православные греки, уехавшие из Турции. Кроме греков были там сербы и молдаване, однако тогда греками называли всех членов этой колонии, связанных между собой торговыми делами и партнёрскими отношениями³⁵⁷. Несколько греков даже избирались киевскими войтами (П. Войнич, Ф. Лакерди, Г. Рыбальский).

³⁵⁴ Его построили по проекту украинского зодчего И. Служки.

³⁵⁵ Подробнее см.: Антонович В. Б. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. — К.: Тип. Е. А. Фёдорова, 1885. — С. 257–258.

³⁵⁶ До богатства таких живших в Киеве шляхтичей, как Гулевичи (они владели крупными поместьями на Волини), Ходыкам и Балыкам было далеко. Представительница этого рода Галшка Гулевичивна (1575–1642) была основательницей Киевского Братского монастыря и Братской школы, с которой началась история Киево-Могилянской академии. Для школы она подарила свою усадьбу с кирпичным домом, сохранившимся до настоящего времени.

³⁵⁷ Если в фамилиях А. Кармалей, П. Лакерди, Г. Христофула ещё угадывались их греческие корни, то у греческих купцов Рыбальских, Левковичей, Маркевичей их первоначальные имена и фамилии забылись. О происхождении говорили

Самые богатые. Ходыки

В городе, создававшем новые возможности, у приехавшего туда человека был шанс сделать себя заново, стать кем угодно. Хотя не всем это удавалось, но такое окно возможностей существовало в городе в отличие от сельской местности. Ведь далеко не все богатые и знаменитые горожане родились в домах на центральной площади возле ратуши. Можно было приехать в город без денег, и если удача улыбнётся, завязать нужные знакомства и разбогатеть, занявшись там недвижимостью или финансами. Бывали и такие случаи в истории. Те, кто знал, как можно заработать деньги, становились хозяевами города.

В 1520-е годы в Киев на поиски удачи отправился Иван Кобызевич из Мозыря и сильно там разбогател — судя по всему, на торговле. Он был одним из родоначальников знаменитой династии Ходык-Кобызевичей, о которой в первой половине XVII века слышали, наверное, все жители города. В разное время члены этой семьи носили разные фамилии, но в городе все их знали по прозвищу Ходыки³⁵⁸.

В Мозыре в начале XVI века жил род Кобызевичей — по одной из версий, их фамилия происходила от татарского имени Кобыз, которое носил их предок. Его потомки крестились и получили за заслуги землю. Эта недвижимость не подлежала разделу между наследниками, и в начале XVI века она досталась Фёдору Ходыке-Кобызевичу.

А тем временем его младший брат Иван Кобызевич, разбогатевший в Киеве, оставил своему сыну Устиму немалое наследство. Сын занялся прибыльным делом — держал в аренде городские шинки. На этом он ещё больше приумножил капиталы, взял себе иностранную фамилию Фиц и занял в магистрате должность райцы³⁵⁹.

В 1550 году в Киев переселился с семьёй и брат Ивана, Фёдор Кобызевич. В городе он прожил семь лет, занимаясь

лишь иногда встречающиеся в документах их подписи на греческом языке или же слово «грек», добавленное возле имени купца (Попельницька О. Грецька колонія на київському Подолі у XVII-XVIII ст. / О. Попельницька // Історико-географічні дослідження в Україні. Т. 6. — К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. — С. 78–80). В этой статье подробно рассматриваются судьбы киевских греков.

³⁵⁸ Это прозвище, вероятно, означало человека пришлого, не местного.

³⁵⁹ Райцы или радцы — член рады магистрата. Райцы отвечали за выполнение законов, особенно в коммерческих делах.

торговыми делами. Что-то у него не сложилось, и в 1557 году Фёдор решил вернуться в Мозырь, но городские власти не отпускали его, обвиняя в том, что богатство он нажил нечестным путём. Фёдор не растерялся, стал жаловаться, и дело дошло даже до короля, который отправил письмо киевскому воеводе с распоряжением отпустить Кобызевича, после чего он уехал в Мозырь³⁶⁰.

Когда в 1569 году Фёдор Кобызевич умер, его имущество распределили между многочисленными сыновьями. Трое из них, Василий, Иов и Фёдор, решили отправиться в Киев, надеясь на помощь двоюродного брата Устина Фица-Кобызевича. Устин их хорошо принял и позаботился о том, чтобы братья устроились на выгодных местах. Когда в 1578 году Устин умер, завещав свои богатства единственному сыну, братья Ходыки-Кобызевичи уже освоились в Киеве³⁶¹.

Самым деловым из них оказался Василий Кобызевич, решивший во что бы то ни стало разбогатеть — причём быстро. Такая возможность скоро ему подвернулась. В 1572 году после неурожая и голода началась очередная эпидемия чумы — они нередко бывали тогда. Чума косила всех без разбора, не давая купцам и магистратским чиновникам превратить город в заповедник для наследственной элиты. Погибнуть мог любой, освобождая место для новых людей. Причём родиться эти новые люди могли где угодно — для них главным была настойчивость и бесстрашие. А удача, как известно, любит смелых.

Киев чума тогда затронула не очень сильно, но в семье крупного купца Митковича (разбогатевшего на торговле с Люблином) остались только две дочери с малолетним братом Фёдором. Одна из дочерей, Елена, была замужем за райцей Игнатием Маликовичем, а младшая сестра Ефросиния оставалась незамужней. Узнав об этом, Василий Кобызевич предложил помощь в управлении торговыми делами умершего отца, вошёл в доверие и скоро объявил, что женится на наследнице Митковича³⁶².

³⁶⁰ Подробнее см.: Білоус Н. Багатоликі Ходики. До генеалогії київського роду XVI — першої половини XVII ст. // Генеалогія. Зб. Наукових праць / Ред. В. Смолий. Вип. 1. — К.: Простір, 2013. — С. 71.

³⁶¹ Брат Устина, Богдан Ходыка-Кобызевич, тоже занимался торговыми делами и получил немалую прибыль.

³⁶² Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2008. — С. 150–151.

Говорили, что Василий действовал из корыстных соображений. Может быть и так, однако мы сегодня точно не знаем, как обстояло дело. Возможно, молодому купцу просто понравилась дочь умершего Митковича, и он захотел на ней жениться. Не на бедной же крестьянке жениться молодому купцу. Василий ведь не побоялся ходить в чумной дом с риском для своей жизни — одним лишь корыстным интересом это трудно объяснить. Видимо, приглянулась ему «милая пани Пося Митковна», которая с ним потом много лет «завжди учтивее мешкала», т. е. жила во взаимном уважении³⁶³. А то, что он получил наследство жены, — это в порядке вещей. Всё у Василия сложилось гармонично — была у него и любовь, и деньги, и много детей. И когда магистрат признал, что Василий, как муж дочери Митковича, стал опекуном малолетнего Фёдора, в этом тоже не было ничего необычного. Кобызевич (он теперь уже подписывался как Ходыка-Кобызевич) стал управлять всем имуществом одной из крупнейших торговых фирм города, продолжив коммерческие дела Митковича с Люблином.

Так длилось одиннадцать лет. За это время Василий скопил на торговых делах немалый капитал и приобрёл в городе большое влияние. Все называли его Ходыкой, а фамилия «Кобызевич» была забыта, чтобы не напоминать о незнатном происхождении. Своих дочерей Василий выдал замуж за нужных людей — шляхтичей и богатых горожан. В 1583 году Василий Ходыка наконец стал райцей и заседал в магистрате, занимаясь и торговыми делами.

Кроме трёх домов, доставшихся ему в наследство и от Митковича, и от двоюродного брата Устина Фица-Кобызевича, Василий построил новый большой дом на улице между рынком и Днепром, и ещё один дом внутри укрепленный замка. Кроме того, он приобрёл в городе десять дворов, на которых построил деревянные дома для сдачи их в аренду торговцам.

Когда Фёдор Миткович достиг совершеннолетия, то потребовал от Ходыки вернуть имущество отца. Василий не спешил с этим, но через год всё же решил отдать сыну Митковича половину имущества. А половина эта оказалась весьма немалой: два дома, два склада на рынке, товаров на складах

³⁶³ Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI — першої половини XVII століття / Н. Білоус. — К.: Простір, 2011. — С. 136.

на 300 коп³⁶⁴ литовских грошей, наличными 544 копы, векселя на 98 коп, а также золотая и серебряная посуда, шубы и прочие ценные вещи³⁶⁵.

Оставалось ещё одно очень важное для Василия Ходыки дело — стать шляхтичем. И в 1589 году у него появился документ³⁶⁶ — королевская привилегия, согласно которой сейм объявил жителей Киева, братьев Василия, Иова и Фёдора Ходык-Кобызевичей, потомственными дворянами за услуги, оказанные во время войны с Москвой (1579–1581). И хотя все знали, что в это время братья находились в Киеве и занимались торговыми делами, магистрат признал подлинность этого документа. В то время претенденту на шляхетство необязательно было самому участвовать в войне — достаточно было отправить в войско своих людей с оружием и на конях. Считалось, что Ходыки так и поступили. И хотя уже тогда в городе шли разговоры о незаконном шляхетстве³⁶⁷, вызваны они были, вероятно, завистью к тому, что Ходыки смогли так быстро разбогатеть. Их порядочность вызывала сомнения, потому что они были людьми денег, стремившимися к обогащению как к важнейшей жизненной цели. Этому были подчинены все их действия.

Можно только сожалеть о том, что хранившиеся в замке бумаги Василия Ходыки в 1605 году сгорели вместе с деревянным замком после удара молнии. Если бы они сохранились (как в Италии архив Датины), мы бы много интересного узнали о киевском бизнесе того времени. Причём

³⁶⁴ Копа — единица счёта, равная 60 литовским грошам. Грош — название чешских монет (пражский грош), широко распространившихся в то время не только в Великом княжестве Литовском, но и вообще в Европе. 60 пражских грошей равнялись одной пражской гривне (253,17 г. серебра). В XVII веке одна копа была равна 2,5 польского злотого.

³⁶⁵ Антонович В. Б. Киевские войты Ходыки — эпизод из истории городского самоуправления в Киеве в XVI–XVII столетиях / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. — К.: Тип. Е. А. Фёдорова, 1885. — С. 203.

³⁶⁶ Білоус Н. Привілей на шляхетство киянам Ходикам-Кобизевичам 1589 р. / Н. Білоус // Сфрагістичний щорічник. Вип. 2 / Ред. П. С. Сохань. — К.: Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2012. — С. 93–98.

³⁶⁷ В Западной Европе было немало случаев, когда аристократические дворянские титулы получали с помощью денег — вспомним хотя бы знаменитого Якоба Фуггера, ставшего графом. Или австрийского барона Игнаца фон Эфруси, родившегося в Одессе в семье купца. Вопрос о законности получения этих титулов не ставился.

утрачены не только документы, но и сами состояния. В Италии есть богатые семьи (например, династия Феррагамо), капиталы которых начали создаваться ещё в эпоху Возрождения и сохранились, несмотря на многочисленные войны и передел территорий³⁶⁸. Банк знаменитого немецкого банкира XV–XVI веков Якоба Фуггера³⁶⁹ существует в Германии и сегодня. А где капиталы Ходык (да и многих других наших соотечественников)? Развеяны они ветрами веков. Впрочем, немцы к этичности бизнеса Фуггеров имеют претензии, похожие на претензии наших соотечественников к Ходыкам и Балыкам.

Василий Ходыка активно скупал земельную недвижимость — действительно, какой шляхтич может жить без имений? Особенно крупные владения ему достались в районе Переяслава³⁷⁰, после чего Василий стал крупнейшим землевладельцем киевского воеводства. Уступив своё место в магистрате брату Фёдору, Василий переселился в свои владения и занялся их обустройством. В сущности, так было во всех странах — сначала самые предприимчивые стремились в города, становились купцами, накапливали капитал, приобретали влияние в городском самоуправлении (а может быть, и в политических кругах). А разбогатеv, они превращались в землевладельцев и покидали город, переселяясь в свои имения и освобождая в городе место для других, желающих заработать. Так менялся состав городской элиты, хотя в наших условиях это происходило медленно.

Будучи человеком весьма состоятельным, и к тому же получая немалый доход от имений, Василий Ходыка начал давать деньги в долг шляхтичам под залог земель, выполняя роль частного банкира. Он стал первым финансовым магнатом Киева, где его должниками стала половина городской элиты. К концу жизни у Василия, как у крупного ростовщика, было 16 должников³⁷¹, взявших кредиты в общей сложности

³⁶⁸ При сравнении списков крупнейших налогоплательщиков 1427 и 2011 годов совпадают 900 фамилий. Это впечатляет (Мошенский С. З. Більше ніж гроші. Фінансова історія людства / С. З. Мошенський. — Київ: Саміт-книга, 2021. — С. 79).

³⁶⁹ Фуггера считают самым богатым человеком в истории.

³⁷⁰ Эти имения у Василия не раз потом пытались отобрать — запутанную историю судебных разбирательств подробно описал В. Б. Антонович.

³⁷¹ Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI — першої половини XVII століття / Н. Білоус. — К.: Простір, 2011. — С. 135–136.

на 1500 коп литовских грошей (3750 злотых). Если должники не возвращали вовремя деньги, Ходыка отбирал у них земли, добавляя к своим владениям. Умер он в 1616 году, после чего его немалое имущество досталось сыну.

Завещание Василия Ходыки, где перечисляется его недвижимое имущество, даёт возможность хотя бы отчасти представить размах дел. На момент смерти ему принадлежало два местечка, 11 сёл, ещё четыре села, отданные в залог за кредиты, больше десяти домов в Киеве, несколько сенокосов в окрестностях города, 3500 злотых «в шкатулке», серебряные и золотые вещи. Часть денег Василий завещал на благотворительность (в то время такая практика была распространённой, особенно среди состоятельных чиновников магистрата) — на «дом школьный» Киевского братства 10 коп литовских грошей, на «шпиталь троцкий» в Печерском монастыре — 5 коп, а во время похорон каждому нищему нужно было раздать по одному польскому грошу³⁷².

А его брат Фёдор Ходыка тем временем стал войтом, немало сделал полезного и для города, и для себя лично (а как же без этого). Пробыл он войтом десять лет (с перерывом), пока его не убили козаки. Детям Фёдора тоже суждено было стать войтами — Иосиф был на этой должности восемь лет, а его брат Андрей — пять. Во время восстания Богдана Хмельницкого Андрей стал на сторону поляков, и в 1651 году ему пришлось бежать из Киева. На этом следы потомков войта Фёдора Ходыки теряются.

По-иному сложилась судьба наследников самого богатого из Ходык, Василия. Его сын Фёдор Ходыка-Креницкий, женатый на Анне Садковской (дочери Вацлава Садковского, униатского наместника в Киеве в 1616–1626 годы), после смерти отца унаследовал принадлежавшие ему сёла и местечки, в том числе Басань. Озабоченный сохранением и приумножением своих имений, Фёдор прославился многочисленными наездами на имения соседей в 1618–1641 годы, что для шляхтичей было делом обычным. С 1633 по 1641 год он был черниговским подстолием, а после его смерти в 1641 году обширные владения достались Анне Садковской и детям. Во время восстания Хмельницкого Анне пришлось нелегко. Генрик Сенкевич в романе «Огнём и мечом» так пи-

³⁷² Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI — першої половини XVII століття / Н. Білоус. — К.: Простір, 2011. — С. 137.

сал о Креницких (Криницких)³⁷³: «Войска дошли до Басани, деревни пани Криницкой... крестьяне уже осаждали её усадьбу, которую она защищала от них с помощью своей челяди... Внезапный приход войска спас и её, и девятнадцать её детей, среди которых одних только барышень было четырнадцать»³⁷⁴. В 1652 году им пришлось бежать из имения в Басани на Волинь. В дороге на их обоз напали козаки, разграбили и забрали кроме ценных вещей и документы на имения.

Если то, что писал Сенкевич в романе, основано на фактах, а не литературная фантазия, то у Фёдора Криницкого и Анны Садковской было пять сыновей и дочери. Известно, что Францишек Креницкий служил во время восстания Хмельницкого в польском войске. Судя по тому, что в 1697 году он участвовал в избрании польского короля Августа II, Францишек остался верным полякам, как и ещё два брата. Ежи участвовал в выборах короля Михаила в 1669 году, а Стефан — в выборах короля Яна III в 1674 году³⁷⁵.

Гетман Выговский (1657–1659) вернул Басань Креницким³⁷⁶. Кому именно — точно мы не знаем, вероятно, ещё одному из братьев, Михаилу. В то время обычным делом было возвращение шляхты в свои имения — Выговскому нужны были образованные люди, и он толерантно относился к тем, чьи родственники были связаны с поляками.

Историки считают, что внуком Фёдора Ходыки-Криницкого и сыном Михаила Криницкого был Фёдор Михай-

³⁷³ В разных документах фамилию пишут и «Креницкий» и «Криницкий». Происходила она от названия имения в селе Креничи на Киевщине. Очевидно, что речь идёт об одном и том же роде.

³⁷⁴ Сенкевич Г. Огнём и мечом // Собрание сочинений. В 16 т. Т. 2. — СПб.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914. — С. 218. Правда ли про девятнадцать детей или литературная фантазия, я не знаю.

³⁷⁵ Zaprzaniec O. Elektorów Poczet którzy niegdyś głosowali na elektów Jana Kazimierza roku 1648, Jana III. roku 1674, Augusta II. roku 1697, i Stanisława Augusta roku 1764 / O. Zaprzaniec. — Lwow: Nakładom Kajetana Jablunskiego, 1845. — S. 176; Boniecki A. Herbarz polski: wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich / A. Boniecki. — Warszawa: Gebethner i Wolf, 1908. — S. 375. Сохранились жалобы Степана 1684 года о наезде на его село Варевичи в районе Овруча на Полесье (Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волинском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 2: Акты о козаках (1679–1716). — Киев: Тип. Е. Федорова, 1868. — С. 45–47, 68–72).

³⁷⁶ «Как недавно отдал Выговский шляхтичу Криницкому Басанский замок и волость, что перед тем Креницких бывало», — писал Юрий Крижанич (Безсонов П. А. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич / П. А. Безсонов. — М.: Университетская типография, 1870. — С. 72).

лович Криницький, покозаченний шляхтич с Черниговщини, вошедший в состав генеральной старшины. В 1663 году он стал полковым писарем Нежинского полка, в 1668–1672 годы был генеральным писарем, а в 1672–1678 годы гадяцким полковником. Погиб он при осаде турками Чигирина 12 августа 1678 года³⁷⁷. Так эта ветвь рода Ходык нашла себе место в среде козацкой украинской элиты³⁷⁸.

Под куполом ратуши. Переплетение двух династий

На рубеже двух столетий, шестнадцатого и семнадцатого, наконец-то после долгой разрухи наступили в Киеве благословенные богатые времена. Хотел было написать «золотой век» — но нет, всё-таки для того, старого, Киева, исчезнувшего в дали прошлого, «золотой век» был перед Первой мировой войной. Однако не стоит приукрашивать реальное положение дел — хотя Киев четыре столетия назад уже не был на краю Европы, он находился в самом начале долгого пути к городу конца XIX века, похожему (хотя бы в элитном центре) на мировые столицы. Но и во времена Ходык риск татарских нападений ослабел, были освоены ранее пустовавшие земли, а в городе во всём чувствовался подъём. Огромное количество украинского зерна везли по рекам к Балтийскому морю, в портовый Гданьск. А оттуда — в богатую Голландию, которой вскоре было суждено два века держать руку на пульсе торговли всего мира.

А из Голландии в Гданьск (а оттуда и в наши края) текли потоки денег. Часть их доходила до Киева, и это ощущалось во всём. На Замковой горе по инициативе и за средства киевских жителей начали восстанавливать замок, а это означало,

³⁷⁷ Заруба В. Козацька старшина гетьманської України (1648–1782): персональний склад та родинні зв'язки / В. Заруба. — Дніпропетровськ: Ліра, 2011. — С. 245; Кривошея І. Реєстр розподілу майна між спадкоємцями полковника гадяцького Федора Криницького / І. Кривошея. — <https://www.eminak.net.ua>; Кривошея В. Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків / В. Кривошея. — К.: Стило, 2002. — С. 74.

³⁷⁸ В 1687 году упоминался «гарматный хорунжий» Андрей Фёдорович Криницький, сын Фёдора Криницького. Другой его сын, Максим Фёдорович, служил в Лубенском полку (Заруба В. Козацька старшина гетьманської України (1648–1782): персональний склад та родинні зв'язки / В. Заруба. — Дніпропетровськ: Ліра, 2011. — С. 245).

что в городе появились деньги. На одной из башен нашего скромного деревянного замка отбивали время часы, которыми очень гордились киевляне³⁷⁹. На Подоле возле рыночной площади стояла городская ратуша, поблизости кое-где уже начали мостить улицы дубовыми брёвнами и прокладывать первые водопроводные трубы для родниковой воды. Богатая шляхтянка Галшка Гулевичевна подарила свой кирпичный дом (в самом престижном районе возле ратуши) Киевскому православному братству, и там открыли школу, с годами превратившуюся в Киево-Могилянскую академию. Может, для нас всё это кажется мелочами, однако для города тогда это были вовсе не мелочи. И за всем этим стояли деньги, причём немалые.

В экономическом смысле это была многогранная жизнь полноценного города — пусть не самого большого города Европы, но всё равно города со всеми его особенностями. Достаточно сложным был рынок городских товаров и услуг, как и рынок рабочей силы. Это ощущалось во всём — и в ремесленном производстве, и в строительстве, и в торговле, и в финансовых услугах. Покупательная способность городской элиты росла, как и спрос на товары, которые часто привозили из дальних стран. Но чтобы такой доиндустриальный урбанизм мог существовать, сельское хозяйство страны должно было быть достаточно эффективным, а в идеале его производительность должна была расти — ведь именно там брали начало финансовые потоки, питавшие затем всё остальное.

События, о которых будет идти речь дальше, происходили под куполом киевской ратуши. Первая ратуша появилась возле рыночной площади в начале XVI века, в этом деревянном двухэтажном здании с небольшим куполом над крышей и шпилем кипела жизнь. И там заседали Ходыки и Балыки.

Балыки — одна из самых известных и богатых фамилий того же времени, что и Ходыки. Они тоже происходили из крещённых татар. Яцко (Дионисий) Балыка 13 июня 1593 года стал войтом и оставался им 19 лет³⁸⁰. До сих пор этот рекорд пребывания во главе Киева не побил никто³⁸¹.

³⁷⁹ За ними присматривал «зехгамистер» Якуб Пушкарь.

³⁸⁰ В 1575–1578 гг. Яцко был райцей, в 1578–1592 гг. — бурмистром.

³⁸¹ В начале XX века десять лет городом руководил Ипполит Дьяков (1906–1916), во второй половине века — 11 лет Владимир Гусев (1869–1979) и столько же Валентин Згурский (1979–1990). Остальные меньше.

В 1612 году практически слепого из-за болезни глаз его отстранили от войтовства, и вскоре в том же году Яцко умер.

Его сыновья (Созон, Александр и Богдан) занимали разные посты в магистрате. Созон стал бурмистром (вторым человеком после войта) в 1611 году, ещё при жизни отца. В молодые годы он занимался торговлей, приумножая богатство семьи Балык, а также забрал себе на откуп у евреев-арендаторов такой выгодный бизнес, как сбор налогов по Киевскому воеводству, увеличив поступления с 1000 до 2000 тысяч злотых в год³⁸². Киевский воевода Станислав Жолкевский, поляк и католик, дал Балыке разрешение на это. Это я к тому, что интересы бизнеса были важнее, чем принадлежность к разным религиозным направлениям. С коммерческой жилкой у Балык было всё в порядке (как, впрочем, и у Ходык) — известно, что Яцко Балыка давал деньги в долг под залог недвижимости³⁸³, а Созону Балыке принадлежал шинок, дававший немалую прибыль³⁸⁴.

В 1611 году Созон вместе с братом Александром начал растянувшийся на семь лет судебный процесс в отношении наследства своих племянниц Богданы и Люции. У войта Яцка Балыки кроме трёх сыновей была дочь. Первым её мужем стал бурмистр Фёдор Миткович, тот самый сын умершего купца, опекуном которого когда-то был Василий Ходыка-Кобызевич. От этого брака и родилось две дочери, Богдана и Люция. С 1611 по 1618 год они долго боролись за отцовское наследство со своими опекунами, дядями Александром и Созоном Балыками. Так что в таких вопросах Балыки порядочностью и честностью не отличались от Ходык.

Можно сказать, что в описаниях историков (Владимир Антонович) и литераторов (Михаил Старицкий) Балыкам повезло больше, чем Ходыкам, — первых изображают «добрыми» защитниками православия, а Ходык — «алчными» предателями, ставшими на сторону униатов.

³⁸² Попельницька О. Історична топографія кийвського Подолу XVII — початку XIX ст. / О. Попельницька. — К.: ВД «Стилос», 2003. — С. 93, 119, 200.

³⁸³ В 1586 году шляхтич Василий Тиша-Быковский взял у Балыки в долг 30 коп литовских грошей под залог половины села Креничи (Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2008. — С. 158).

³⁸⁴ В том, что купцы становились бурмистрами и войтами, не было ничего странного. В Англии торговавшие шерстью купцы тоже становились мерами городов (даже Лондона), а капиталы их были настолько велики, что они давали деньги в долг королю.

«Для людей такого закала, как Ходыка, будущее страны было безразлично; обыкновенно люди беспринципные, стремящиеся к удовлетворению исключительно личного интереса, они сосредотачивают... всю деятельность на сегодняшнем дне... чем более общее положение общества смутно», тем больше «они бросаются на поживу»³⁸⁵.

А вот что писал Старицкий («Первые коршуны») о Балыке: «Светлые, открытые глаза, в которых теплилась бесконечная доброта» (хоть один купец и богач изображён позитивно в украинской литературе). О Ходыке совсем иначе: «Фигура Ходыки, высокая, костлявая, со впалой грудью, была несколько сутуловатой... В волосах его, чёрных как смоль, не было ещё седины и следа, она проглядывала предательски лишь на... усах да жидкой клочковатой бородке. Худое, скуластое лицо... было темно и словно обтянуто пергаментом». Прямо хищный коршун какой-то. То ли дело «добрый» Балыка...

Думаю, что на самом деле политические позиции представителей двух династий определились позже, во времена Хмельницкого. Андрей Ходыка бежал из Киева с поляками, а Пётр Балыка был магистратским чиновником и при Хмельницком. Что же касается «добрых» и «алчных», то истории с опекуном и Василия Кобызевича-Ходыки, и братьев Балык наглядно показывает, что они не были ни добрыми, ни алчными, а поступали так, как было принято тогда у «честных» купцов. «Добрый» Созон Балыка, как человек своего времени, прославился своими постоянными наездами на владения соседей, из-за чего на него не раз подавали жалобы в городской суд³⁸⁶. В 1626 году по его приказу у московского купца забрали товары на 300 рублей, а деньги, взятые на сохранение, не отдавали, как и товар³⁸⁷. И родственников своих в магистрат Балыки пристраивали не меньше, чем

³⁸⁵ Антонович В. Б. Киевские войты Ходыки — эпизод из истории городского самоуправления в Киеве в XVI-XVII столетиях / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. — К.: Тип. Е. А. Фёдорова, 1885. — С. 214.

³⁸⁶ В августе 1618 года такой наезд люди Балыки совершили на владения городничего Выгуры, а в ноябре выловили рыбу в озере того же Выгуры (Білоус Н. Функції та основні напрями діяльності Київського магістрату в XVI — першій половині XVII ст. / Н. Білоус // Український історичний журнал. — 2005. — № 5. — С. 6.

³⁸⁷ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. — М., 1954. — С. 406.

Ходыки, — бурмистрами были Александр (1608–1612), Яков (1622–1629) и Михаил³⁸⁸ (1629–1650) Балыки.

В Балыках импонирует то, что они были достаточно образованы для своего времени. В 1612 году брат Созона Балыки Богдан, одно время бывший писарем при магистрате, оставил свои воспоминания об участии в войне с Москвией (в том числе в осаде Кремля)³⁸⁹. Дети Созона Балыки, Пётр и Леонтий, учились в братской школе и даже читали стихи на похоронах гетмана Сагайдачного вместе с другими лучшими учениками. В 1628 году Созона Балыку избрали войтом, но был он им недолго — через год умер. А его сын Пётр, закончивший братскую школу, стал магистратским чиновником — в 1630-е годы был райцей, в 1653–1654-е — старшим лавником. Напомню, что основными членами магистрата были войт, бурмистр (второй человек после войта), три члена совета магистрата (райцы или радцы) и два-три лавника, занимавшиеся судебными делами. Так что лавник был далеко не последний человек.

А в 1612 году, когда умер Яцко Балыка, его сменил на посту войта брат Василия Ходыки — Фёдор. Он занимал этот пост два раза — в 1612–1618 и в 1621–1624 годах. При нём город получил право свободного использования окрестных лесов, право рыбной ловли на Днепре и право не отчитываться перед королевской ревизией за доходы от корчем. Сейчас эти заслуги не впечатляют, но тогда это имело большое значение для повышения доходов киевлян.

И Ходыки, и Балыки, как богатые представители купеческой среды, попытались совместить экономическую власть с политическим влиянием, и отчасти им это удалось. Но лишь отчасти, потому что проблема недостаточного политического влияния купечества (а говоря шире, бизнеса в целом) и неспособность участвовать в формировании открытых для общества институтов тянется через века нашей истории. В том случае, когда богатейшими купцами были армяне, греки или евреи, логика власти понятна — представители иных наро-

³⁸⁸ Михаил Балыка прославился тем, что в 1630 году во время очередного восстания козаки стали грабить город и магистрат, выбив там двери и причинив убытки на 3160 злотых. А Михаилу дали в голову чем-то тяжёлым, да так, что он едва жив остался (Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 191–192).

³⁸⁹ Антонович В. Б. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. / В. Б. Антонович // Киевская старина. — 1882. Июль-сентябрь. — С. 97–105.

дов. Но Ходыки или Балыки не были армянами или греками, однако их влияния было недостаточно. Отношения представителей государственной власти (таких как воеводы, а затем козацкая старшина) и купцов не были отношениями равных. Власть терпимо относилась к деятельности купцов и даже могла поощрять, но всяким экономическим новшествам она часто сопротивлялась, опасаясь, что они могут ослабить её влияние. Это была не Венеция, где небольшой группе купцов, банкиров и занимавшихся бизнесом патрицианских семей удалось прийти к власти. Там торговый, коммерческий мир был основан (кроме родства и личных связей) на государственных организациях, которые стали институциональным воплощением интересов бизнеса.

Однако Ходык и Балык мещане потом ещё долго вспоминали добрым словом, как и само то время. Позже, с середины XVII века, жители города лишились многих тех «вольностей» (а проще говоря, выгодных промыслов), на которых они могли зарабатывать в первой половине века. Вернули им эти «вольности» только в 1699 году по указу царя Петра I, после того как войт Иван Быковский со всем магистратом и при поддержке гетмана Ивана Мазепы пожаловались царю на то, что «своими вольностями прежними... мещане не владеют»³⁹⁰.

В начале XVII века войт и весь магистрат оказались вовлечёнными в сложную борьбу униатов с православными. Если раньше магистратским чиновникам приходилось решать вопросы в основном экономические и правовые, связанные с земельной недвижимостью или долгами, то сейчас им пришлось принять участие в религиозном (да и политическом) противостоянии. Оно напоминало борьбу политических партий в более поздние времена, а такая борьба, как известно, меняет институциональную среду, ведёт к перераспределению собственности и денежных потоков. Войту и членам магистрата приходилось приспосабливаться к меняющейся ситуации. Они были людьми бизнеса, коммерции, и этим определялось принятие той или иной стороны в борьбе политических и религиозных течений. По-другому поступать они просто не смогли бы — сама их должность к этому обязывала.

Появляется соблазн упростить ситуацию и свести происходившие события к тому, что одна политическая партия,

³⁹⁰ Текст царской жалованной грамоты от 10 апреля 1699 года см.: Щербина В. Документи до історії Києва / В. Щербина // Український археографічний збірник. Т. 1. К.: ВУАН, 1926. — С. 24.

возглавляемая Ходыками, поддерживала униатов, а другая партия Балык была на стороне православных. На самом же деле всё было запутаннее и сложнее и часто определялось не только религиозными, но и экономическими интересами. «Когда в Индии испанец ищет золото, а во владениях русских ищут денег, пусть не прикрывают это богомольностью»³⁹¹, — писал Ян Щасний-Гербурт (1547–1616). А если посмотреть на хронологию событий, то Ходыки и Балыки обычно действовали вместе, участвуя в одних и тех же событиях на одной стороне. Иначе и быть не могло — они вместе работали³⁹² в магистрате, и у них были одинаковые экономические интересы. Судьбы у них разошлись только во время восстания Хмельницкого.

Мы не знаем, что думали Ходыки и Балыки, а можем судить только по их действиям. А действовали они временами против униатов, а временами против православных. Так, в 1612 году и Фёдор Ходыка, ставший к тому времени войтом, и бурмистр Созон Балыка вложили свои деньги в реставрацию храма Успения Богородицы³⁹³. А Василий Ходыка завещал деньги православным и церквям, и монастырям (в том числе козацкому Межигорскому монастырю) и хотел быть похороненным в православной Киево-Печерской лавре. Одна из его дочерей, Елена Креницкая, в 1640-е годы подарила доставшуюся ей усадьбу покойного отца православному Братскому монастырю³⁹⁴. В то же время его сын Фёдор Ходыка-Креницкий (получивший по завещанию все сёла и местечки, которыми владел отец) был женат на Анне Садковской, дочери Вацлава Садковского, униатского наместника в Киеве в 1616–1626 годы³⁹⁵.

³⁹¹ Щасний-Гербурт Я. Розмисел про народ руський / Я. Щасний-Гербурт. — <http://litopys.org.ua>

³⁹² Кстати, получать деньги за свою работу войты начали только в 1628 году при Созоне Балыке — по указу короля войту должны были платить из городского бюджета по 300 золотых в год, а с 1645 года — по 500 золотых (Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 157).

³⁹³ Білоус Н. Функції та основні напрями діяльності Київського магистрату в XVI — першій половині XVII ст. / Н. Білоус // Український історичний журнал. — 2005. — № 5. — С. 13.

³⁹⁴ Попельницька О. Історична топографія київського Подолу XVII — початку XIX ст. / О. Попельницька. — К.: ВД «Стилос», 2003. — С. 116. Этот участок назывался тогда «плац Креницковский» по фамилии владельцев.

³⁹⁵ Стоит ли удивляться, что среди подписавших завещание Василия Ходыки

Противостояние на религиозной почве началось сразу после Берестейской (Брестской) унии 1596 года³⁹⁶. В первые годы после унии в Киеве позиции униатов были слабыми. Мещане во главе с войтом Яцком Балыкой заняли антиуниатскую позицию и всячески препятствовали проведению богослужений в Софийском соборе, переданном по указу польского короля униатам³⁹⁷.

В центре постоянных конфликтов оказалась и Софийская слобода, основанная возле Софийского собора в 1586 году по инициативе воеводы князя Константина Острожского. Жители слободы были освобождены от налогов на 24 года, после чего они стали заниматься самым прибыльным тогда бизнесом — шинкованием, проще говоря, продажей водки. Остальные шинки, принадлежавшие магистрату и монастырям, не выдерживали конкуренции (им приходилось платить налоги), и началось массовое недовольство слободой³⁹⁸. А когда она вместе с Софийским собором оказалась под властью униатов, к экономическим причинам недовольства добавились ещё и религиозные³⁹⁹.

среди семи близких ему людей православным был только городничий Станислав Выгура (Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI — першої половини XVII століття / Н. Білоус. — К.: Простір, 2011. — С. 137–139).

³⁹⁶ Несколько епископов Киевской митрополии Константинопольской православной церкви во главе с митрополитом Михаилом Рогозой приняли католическое вероучение и перешли в подчинение к римскому папе с сохранением византийской традиции церковных обрядов и церковнославянского языка. Польские власти всячески поддерживали униатов, православные были настроены к ним крайне негативно.

³⁹⁷ Сас П. М. Витоки українського націотворення / П. М. Сас. — К.: Інститут історії України, 2010. — С. 349. Особенно много шума было в 1610 году из-за попыток униатов захватить Софийский собор. Ипатий Потий, униатский митрополит в 1599–1613 годы, поручил это своему викарию (наместнику в 1609–1618 годы), священнику Антонию Грековичу. Захватив для униатов Выдубицкий монастырь, Грекович однажды в воскресенье явился с охраной в Софийский собор, где собрались на службу киевские священники. Предъявив грамоту Ипатия Потия, Грекович выгнал всех из храма, в том числе войта Яцка Балыку и магистратских чиновников, опечатал собор и объявил, что он отныне принадлежит униатам. Возмущение в городе было невероятным. Началось долгое разбирательство, которое так ни к чему и не привело (Архів Української церкви. Т. 3. Вип. 1. Документи до історії унії на Волині і Київщині. — К., 2001. — С. 293–294).

³⁹⁸ Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 227.

³⁹⁹ Мещане нападали на слободу и резиденцию униатского митрополита и в 1610, и в 1620, и в 1624 годах.

Позиции православных усилились во времена гетмана Сагайдачного⁴⁰⁰, и свой вклад в это внёс войт Фёдор Ходыка. В октябре 1620 года в Киеве появился православный митрополит Иов Борецкий⁴⁰¹. Для легитимизации своей власти он решил организовать свой торжественный въезд в Киев, написав письмо войту Фёдору Ходыке. Когда 7 марта войт получил письмо, он оказался в сложной ситуации, и в 4 часа ночи ему пришлось обсуждать этот вопрос со своим советником. С одной стороны, как должностное лицо, он знал, что польские власти относятся ко всему этому крайне негативно, и отношения с ними он портить не мог. С другой стороны, он не хотел настраивать против себя православных мещан. Да и не только в мещанах было дело — ведь Борецкого поддерживал Сагайдачный⁴⁰².

⁴⁰⁰ Он четыре раза избирался в 1616–1622 годы (с перерывами) гетманом Войска Запорожского. Человек харизматичный и сильный, прославившийся своими удачными военными походами, Сагайдачный поддерживал движение за национальные и религиозные права украинцев. Именно при нём Киев снова стал не только религиозным, но политическим центром Украины. После участия козаков в войне Польши с Москвией в 1618 году гетман пытался добиться от польских властей признания права свободы вероисповедания для православных и прекращения насильственного насаждения униатства. Однако договориться с поляками было сложно, они были сильно поведены на теме католичества (как, впрочем, и сегодня) и постоянно давали туманные обещания, не выполняли их и упорно продолжали притеснять православных. Если бы не эта их неконструктивная позиция, может быть, и судьба Украины в составе Речи Посполитой сложилась бы иначе. Но она уже сложилась, так как сложилась. Увидев, что на обещания поляков надеяться не стоит, Сагайдачный в январе 1620 года отправил послов в Москву для переговоров с находившимся там иерусалимским патриархом Феофаном (Теофаном) о его визите в Киев. Вскоре, 25 марта 1620 года, патриарха торжественно встречали гетман и несколько тысяч козаков. Сагайдачный просил Феофана восстановить в Киеве церковную иерархию, и в знак поддержки борьбы за религиозную независимость в конце мая гетман со всем Войском Запорожским вступил в Киевское православное братство. Феофан провёл в Киеве около года, остановившись в доме братства. За это время он посвятил митрополита и епископов.

⁴⁰¹ Борецкий был одним из организаторов Киевской братской школы и её первым ректором в 1615–1618 годы, затем игуменом Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве.

⁴⁰² Торжественный въезд митрополита в Киев происходил через Золотые ворота, что символизировало легитимизацию власти (через 28 лет через эти же ворота въезжал в Киев Богдан Хмельницкий). Борецкого встречало несколько сот мещан и около десяти православных священников. Перед митрополитом на конях ехало полторы сотни козаков, и ещё полсотни пеших запорожцев с мушкетами сопровождали его. Мимо Софийского собора и Михайловского монастыря митрополит вместе с сопровождавшей его толпой проследовал на Подол, где его резиденцией стал Братский монастырь. По прибытию туда

После прибытия в город митрополита деятельность Киевского братства активизировалась, и Киев перенял у Львова роль культурно-образовательного центра. Однако польские власти страшно возмутились всем происходящим, не признавали статус Борецкого и уже готовились к репрессиям против православных священников. Но началась война с Турцией, польское войско потерпело поражение в битве под Цецорой, и королю Сигизмунду III очень была нужна военная помощь козаков. За это он в очередной раз обещал всяческие льготы православным. Войско Сагайдачного сыграло важную роль в следующей битве с турками под Хотинном — говорили, что если бы не помощь козаков, то ещё вопрос, каким был исход этой битвы. Однако от признания Борецкого (как и прав козаков) поляки всё равно уклонялись. А Сагайдачный был тяжело ранен во время битвы под Хотинном и 20 апреля 1622 года умер в Киеве⁴⁰³. После смерти такого сильного лидера, как Сагайдачный, баланс сил изменился⁴⁰⁴.

Войту и членам магистрата приходилось лавировать между различными течениями в обществе, чтобы соблюсти свои экономические интересы. Пока был жив Сагайдачный, казалось, что православные и козаки смогут отстоять свои

Борецкий написал обращение к польскому королю с просьбой подтвердить его в качестве митрополита. Он обещал, что в этом случае Войско Запорожское будет верно служить польской короне. А если король откажется утвердить митрополита, то в таком случае православным придётся насильно отбирать церкви и прочее имущество, захваченное униатами (Сас П. М. Відновлення православної церковної ієрархії Київської митрополії (1620 рік) / П. М. Сас // Український історичний журнал. — 2010. — № 4. — С. 35–36).

⁴⁰³ Его похоронили в Братском монастыре, которому он при жизни много помогал. Ректор Киевской братской школы Кассиан Сакович написал по поводу смерти гетмана целую поэму «Вірші на жалісний погреб зацного рицера Петра Конашевича-Сагайдачного» (1622), в которой прославлял подвиги гетмана и запорожцев. На похоронах разные части поэмы читали ученики братской школы, в том числе и дети Созона Балыки — Леонтий и Пётр.

⁴⁰⁴ Перед польским сеймом 1623 года под Киевом собралась большая козацкая рада, решившая продолжать борьбу с униатами и принявшая послание к сейму, в котором козаки угрожали поднять восстание, если не прекратятся преследования православных. Король создал комиссию, чтобы как-то решить проблему противостояния униатов и православных, но признавать киевского митрополита всё равно отказался (Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 260). Иов Борецкий, видимо, растерялся — то он искал поддержку в православной Московии и в 1624 году послал к царю Михаилу Фёдоровичу луцкого епископа И. Борисовича. То вёл тайные переговоры с униатами о примирении церковей и заверял польские власти в своей лояльности.

права. Когда гетман умер, настроения изменились и стало понятно, что поляки не собираются идти на уступки.

Пошли слухи, что войт Фёдор Ходыка недоволен деятельностью Иова Борецкого из-за его заигрывания то с запорожцами, то с Москвой, то с униатами⁴⁰⁵. Конфликт обострился из-за скандала вокруг Воскресенской церкви⁴⁰⁶ на киевском Подоле, прихожанином которой был живший неподалёку войт. Фёдор Ходыка, которого власти обязали передавать униатам православные церкви, не очень спешил это делать, тем более что в 1616 году его обвиняли в причастности к убийству священника Грековича⁴⁰⁷. Но деваться было некуда, и в 1624 году пришло время передать Воскресенскую церковь новому настоятелю. Войт обязан был опечатать её, после чего его сразу объявили сторонником униатов, и против него стала подниматься волна массового недовольства. При опечатывании церкви присутствовал «по долгу службы» и бурмистр Созон Балыка, но все шишки посыпались именно на Ходыку.

Возмущённый Иов Борецкий (бывший одно время настоятелем Воскресенской церкви) якобы написал письмо козакам, чтобы те прибыли в Киев и военной силой разобра-

⁴⁰⁵ Якобы для усиления своего влияния войт решил перейти на сторону униатов и вместе с другими членами магистрата написал письмо униатскому митрополиту Иосифу Рутскому, выражая готовность принять унию (Архів Української церкви. Т. 3. Вип. 1. Документи до історії унії на Волині і Київщині. — К., 2001. — С. 305).

⁴⁰⁶ Деревянная церковь находилась на улице Хоревой № 4 на месте жилого дома. Потом на её месте построили кирпичную церковь, разрушенную в 1930-е годы.

⁴⁰⁷ Ещё в 1616 году эту церковь королевским декретом передали униатскому священнику Иоанну Юзефовичу, перешедшему из православия в униатство. Однако во времена Сагайдачного захватывать православные храмы было не так просто. В 1618 году Антоний Грекович попытался захватить для униатов Михайловский Златоверхий монастырь, предъявив королевскую грамоту, выданную ещё в 1612 году. Но дело закончилось тем, что козаки схватили его и утопили в Днепре. А вскоре после этого от рук козаков погиб шляхтич Околинский, присланный униатским митрополитом для сбора церковных налогов. История с убийствами Грековича и Околинского заметно охладила энтузиазм униатов. Униаты заявили, что к убийству причастно Киевское православное братство и что войт Фёдор Ходыка и другие магистратские чиновники знали, к чему идёт дело, но не вмешались (Архів Української церкви. Т. 3. Вип. 1. Документи до історії унії на Волині і Київщині. — К., 2001. — С. 300). Правда ли это, сказать трудно, но вопрос даже не в этом, а в самом факте, что униаты упрекали в этом Ходыку — своим они его явно не считали. Это ещё раз подтверждает, что предположения о симпатиях войта к униатам преувеличены — он поддерживал то одних, то других, исходя из ситуации и своих интересов.

лись с обнаглевшими униатами. Сам Борецкий потом отрицал, что писал такое письмо, а как было на самом деле — кто его знает. Козацкое войско (во главе с полковниками Яковом Чигиринцем и Антоном Лазаренко) прибыло в город, войта Фёдора Ходыку, бурмистра Созона Балыку и ещё нескольких магистратских чиновников арестовали. Запечатанную церковь открыли, униатского священника Юзефовича (которому должны были передать церковь) сгоряча казнили, утопив в проруби, а войта с бурмистром отпустили на поруки.

Однако скоро Фёдора Ходыку и Созона Балыку козаки снова арестовали — общее недовольство деятельностью униатов искало выхода, и нужны были жертвы⁴⁰⁸. Магистратских чиновников (в том числе и бурмистра Созона Балыку) козаки отпустили за денежный выкуп, а войта Фёдора Ходыку, которому было уже около 70 лет, вместе с магистратским писарем Михаилом Панчерко забрали с собой и отправились обратно в сторону Запорожья.

Войту припомнили и стремительное возвышение рода Ходык, издалека приехавших в Киев, и все реальные и вымышленные грехи. Главной движущей силой этого недовольства была древняя как мир стихия зависти — той зависти, которая имеет свойство быстро становиться злобной и перерастать в агрессивность. А религиозные споры стали удобным фоном.

Ходыку казнили недалеко от села Триполья: по одной версии — утопили в Днепре, по другой — отрубили голову⁴⁰⁹. Ходили слухи, что казнили войта не в Триполье, а гораздо дальше от Киева, в «козацком» Трахтемировском монастыре напротив Переяслава. Можно спорить, как было на самом деле, но это не самый важный вопрос — где и как именно закончилась жизнь Фёдора Ходыки. Однако история эта надолго бросила тень «предательства» не только на Фёдора, но и на всю династию Ходык — купцов и деятелей магистрата.

У Фёдора осталось три сына — Иосиф, Андрей, Иван. Несмотря на конфликты между православными и униата-

⁴⁰⁸ Архимандрит Печерского монастыря Захария Копыстенский писал козакам, что Ходыка ни в чём не виноват и вообще уже оставил пост войта и собирался стать монахом в «козацком» Межигорском монастыре, расположенном недалеко от Киева. Иов Борецкий тоже просил козаков не допустить кровопролития и утверждал, что не писал им никаких писем. Но это не помогло.

⁴⁰⁹ Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 261–262.

ми, все они занимали должности райцев в 1631 году. Иосиф Ходыка был войтом с 1633 по 1641 год. Для города он добился права свободной торговли, освобождения от воеводского суда и права магистратского суда войта. А когда православный митрополит Пётр Могила летом 1633 года утвердил свою власть в Киеве, это во многом стало возможным благодаря поддержке мещан и войта Иосифа Ходыки.

После Иосифа войтом стал его брат Андрей Ходыка (1644–1649), и ему пришлось руководить городом в беспокойные времена. Во время восстания Хмельницкого киевские мещане и особенно воодушевлённые студенты Могилянки стали массово записываться в козаки (в том числе и потомки магистратских деятелей Павел и Герасим Балыки) — у кого-то проснулись патриотические чувства, у кого-то банальный инстинкт выживания. Но в целом до декабря 1648 года в Киеве было спокойно — отчасти потому, что мещане были заняты своими коммерческими делами, а отчасти из-за большого польского гарнизона. Массовые беспорядки и грабежи домов шляхтичей начались 11 декабря. Цель их была проста — захват чужого имущества, чужого богатства. То, что потом в XX веке назовут «грабь награбленное». Войт был бессилен что-либо сделать — мещане ещё с 1644 года были настроены против него из-за растрат и злоупотреблений в городском хозяйстве и грозились его свергнуть⁴¹⁰.

А 17 декабря в город торжественно вошли через Золотые ворота войска Хмельницкого. Впереди ехал на коне гетман, за ним старшины. Их встречали митрополит и духовенство, а студенты Киево-Могилянской коллегии пели стихи. После того как многие из них ушли в козаки, коллегия надолго опустела.

Весной 1649 года к Киеву стали подступать отряды крестьян. Во главе одного из таких отрядов более чем в тысячу человек стоял киевский «цирюльник» Полегенький, по легенде личный парикмахер Хмельницкого. С началом восстания он прибил к войску Хмельницкого, а весной отпро-

⁴¹⁰ Об этом писал воеводе Адаму Киселю его слуга Ян Сосницкий 28 сентября 1649 года (Каманин И. Участие южно-русского населения в восстании Богдана Хмельницкого / И. Каманин // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. — К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. — С. XXIX–XXX.

сился в Киев — раздувать «пожар революции». Его отряд окружил город, и в ответ на все те притеснения, которые народ терпел от поляков, началась новая волна насилия и грабежей. Потом шляхтичи подавали жалобы в суды, но своего имущества им вернуть уже, как правило, не удавалось⁴¹¹.

Войт Андрей Ходыка тоже под шумок принял участие в этом переделе собственности. В начале восстания, до прихода в Киев Хмельницкого, войт, выполняя волю польских властей, должен был преследовать всех, кого можно было заподозрить в связях с козаками и повстанцами. Прежде всего ему подвернулись под руку бежавшие из Киева состоятельные шляхтичи Тиши-Быковские, якобы связанные с людьми Хмельницкого и жившие по соседству от Ходыки в дорогом районе города. Начиная с 1648 года, когда пошла общая волна грабежей, люди войта перевезли себе все ценные вещи, снесли постройки в усадьбе Быковских и даже вырубил сад, причинив убытков на две тысячи золотых, о чём хозяева подали иск в суд⁴¹².

Получилось совсем не так, как сказано в одной мудрой книге: «Люди богатые, одарённые силою, они мирно обитают в домах своих»⁴¹³. Страшное дело, когда начинается смута, — богатые и спокойные люди, уважаемые в городе, тихо и мирно жили в своих домах. А потом им пришлось бежать, спасая уже не имущество, а свою жизнь. Восставший Киев был не тем местом, где можно было думать о толерантности, соблюдении прав человека и прав собственности. Да и слов таких тогда никто не слышал.

Киевская городская элита (особенно магистратские чиновники) не готова была к признанию власти Хмельницкого и всех происходивших тогда перемен. Когда в 1650 году войт хотел наказать некоторых мещан за участие в восстании Хмельницкого, те (по словам Ходыки) организовали против него заговор, угрожая имуществу и жизни, а также лишили его власти⁴¹⁴.

⁴¹¹ Там же, с. XXIV, XXXII–XXXIV.

⁴¹² Жалоба Михаила и Гавриила Тышей-Быковских о разорении их дома в Киеве... Андреем Ходыкой // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Т. 4. — К.: Тип. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. — С. 492–495.

⁴¹³ Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. 44, 6.

⁴¹⁴ Жалоба киевского войта Андрея Ходыки о том, что киевские мещане... составили против него заговор // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Т. 4. — К.: Тип. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. — С. 510–512.

В августе 1651 года поляки вернулись в Киев, предали в городе всё «огню и мечу» в наказание за грабежи и убийства шляхтичей. В Успенской церкви на Подоле сгорели даже городские и земские книги. Но триумф поляков длился недолго, и вскоре Андрею Ходыке пришлось бежать — 25 сентября 1651 года вместе с отступавшими войсками литовского гетмана Януша Радзивилла он покинул Киев, чтобы никогда уже не вернуться в свой родной город, где жили и богатели несколько поколений его предков. После этого след Ходык теряется в безбрежном океане истории.

Когда я описывал историю Ходык, то задумался о том, что они, прибыв в Киев, невероятно быстро поднялись, разбогатели и заняли престижные должности. Этим они вызвали всеобщую зависть к себе. Но сам их успех требовал, конечно, особой хватки. Судя по всему, они были инициативными и предприимчивыми, с живым умом и большим жизненным опытом.

А ещё мне в голову пришёл вопрос, на первый взгляд банальный. Что изменилось в Киеве (да и не только в этом городе) за четыре столетия, кроме архитектуры, техники и моды? Если задуматься, то понимаешь — в поведении людей в кругах городской власти мало что изменилось — всё те же схемы, что и во времена Ходык.

Было бы неправдой сказать, что в то время войты и другие магистратские чиновники не делали ничего полезного для города, а только растаскивали по своим карманам городской бюджет и вели вечную борьбу за выгодные должности во имя личного обогащения. Про себя они, конечно, не забывали, но и для города кое-что делали — добивались новых прав и «вольностей», что-то строили⁴¹⁵, благоустраивали город, поддерживали в порядке оборонительные сооружения, занимались благотворительностью.

Однако занять магистратские должности могли люди только из ограниченного круга самых состоятельных семей. При этом бизнес, на котором они разбогатели, был очень простым и даже примитивным — перепродавали дальше оптовые партии товаров, поступающих с запада или востока, часть этих товаров продавали в своих «крамницах», сдавали в аренду

⁴¹⁵ 16 сентября 1639 года войт Иосиф Ходыка дал разрешение монахам доминиканского монастыря построить водопровод при условии, что они сделают колодец для общего пользования и будут следить, чтобы поступающая по трубам вода не заливала улицы и рынок.

коммерческую недвижимость. Мало было новых идей и новых людей — они в этом кругу были не нужны, исключение составляли только родственники. И так продолжалось веками.

А главное, что купцы и предприниматели не определяли у нас политику. Она зависела от родовой аристократии, военных, церкви, но не от людей бизнеса в отличие от Венеции, Голландии, Англии. Государство купцов, управляемое интересами капитала, в наших краях создать не удалось.

Николай Торновиот

В Киеве на Подоле, у подножия высокой горы, есть улица Покровская — мне нравится эта улица, я люблю там гулять, и по ней с удовольствием каждый день езжу в офис. Она уютная и небольшая, немного искривлённая, со старыми церквями и домами, которые радуют глаз, — одна из немногих улиц, сохранивших средневековую планировку старого Подола (его полностью перепланировали после пожара 1811 года). В XVI–XVII веках улица Покровская называлась Крещатицкой⁴¹⁶ и была одной из главных на торговом Подоле. Когда-то здесь находились армянский квартал и армянская церковь Рождества Богородицы, сгоревшая в 1651 году. Там в 1685 году поселился греческий купец Николай Торновиот (Торниот)⁴¹⁷. Он перебрался в Киев из молдавского города Бендеры, купил дом с участком на Подоле, построив деревянную Покровскую церковь и свою усадьбу. Она считалась тогда одной из самых богатых и состояла из двух домов (старого и нового) и четырёх хозяйственных построек, а окружал её высокий деревянный забор с воротами. «Двор имеет большой сад, огород и много построек... Заборы же дворов построены очень мило из стоячих, ровно пригнанных досок... в городе хотя и деревянные, но очень хорошие постройки»⁴¹⁸.

Старый дом достался купцу при покупке, новый построили по его заказу. В обоих домах было по три просторных комнаты (как было принято в то время), а о богатстве хозяина говорило количество застеклённых окон. В комнате

⁴¹⁶ Её ещё называли «Гнилая» из-за сырости от многочисленных ручьёв, вытекавших из-под горы.

⁴¹⁷ Покровская, № 4–6 на месте лицея № 100.

⁴¹⁸ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / М. Груневег. — М.: Памятники исторической мысли, 2013. — С. 162–163.

для приёма гостей стояла дорогая мебель, а на стенах были развешены три венецианских зеркала и оружие — западное, восточное и местного производства⁴¹⁹.

Хозяин усадьбы, Николай Иванович Торновиот, жил там с женой, тёщей, сыном и братом Семёном. Торновиот имел грамоту польского короля о праве вести беспошлинную торговлю по всей Речи Посполитой. Вместе с соседом, греческим купцом М. Малбастом, они возили из Западной Европы «венецианские очки», стеклянные бусы, ткани, ножи, географические карты, бритвы, венский кофе, европейские ружья и другие товары⁴²⁰.

Торновиот часто бывал в Турции и Польше и сообщал по приезду властям последние политические новости. Тогда это была обычная практика. Купцов использовали для сбора информации всегда и везде — и в Древнем Риме, и в монгольской империи, и в средневековой Европе, и в Речи Посполитой, и в Московском царстве. Они, как люди наиболее образованные и опытные, обычно знавшие иностранные языки, много видели и слышали на своём веку. Купцы невольно (а иногда и намеренно) прислушивались и присматривались ко всему интересному во время своих торговых путешествий, предоставляя потом важную информацию о событиях в других странах. Власти это понимали и ценили «вести торговых людей».

Хотя купцы, как люди свободные, не были обязаны собирать сведения в отличие от лазутчиков (проще говоря, шпионов), обычно они добросовестно относились к этому делу. Иногда, когда срочно нужны были свежие «вести», воеводы не ждали поездки того или иного купца, а намеренно отправляли в нужную страну хорошо зарекомендовавшего себя и доверенного человека (так в 1690 году киевского купца Ивана Павлова послали в Варшаву)⁴²¹.

Бывало, что таких источников информации не хватало, и тогда власти использовали «вестовщиков». Их воеводы набирали из разных сословий — чаще всего из купцов, иног-

⁴¹⁹ Оглоблин Н. Богатый киевлянин конца XVII века / Н. Оглоблин // Киевская старина. — 1889. — № 5–6. — С. 581–585.

⁴²⁰ Попельницька О. Історична топографія кийівського Подолу XVII — початку XIX ст. / О. Попельницька. — К.: ВД «Стилос», 2003. — С. 224–225.

⁴²¹ Оглоблин Н. Н. Воеводские «вестовые отписки» XVII века как материал для истории Малороссии / Н. Н. Оглоблин // Киевская старина. 1885. № 7. — С. 367–368.

да даже из крестьян. Выполняя такие поручения, эти люди приобретали ценный опыт, благодаря чему собирали именно ту информацию, которая была нужна властям, а не случайные и разрозненные «вести», которые приносили обычные купцы. Так «вестовщики» становились политическими агентами⁴²². Николай Торновиот таким «вестовщиком», судя по всему, не был, а вот купец Михаил Сусло, о котором речь пойдет дальше, — был.

В 1686 году Торновиот по неизвестным причинам задержался в Турции, и все думали, что он уже не вернётся. Семья купца, оставшаяся в Киеве, ничего не знала о причинах задержки Николая, а его брата Степана не было на месте — по торговым делам он уехал на Свенскую ярмарку⁴²³, а оттуда собирался с товаром в Москву. Власти уже начали описывать вещи в богатом доме купца⁴²⁴. А дом его был не мал, и возле него даже была построена в 1685 году на деньги купца «домовая» Покровская церковь⁴²⁵.

Однако через некоторое время купец появился, и в конце октября 1689 года, во время войны с Турцией (1686–1700), снова отправился в долгую торговую поездку в Венгрию, Польшу и Турцию. В июле 1690 года он возвратился, явился в «приказную избу» и передал воеводе князю М. Г. Ромодановскому все «вести», которые он смог собрать за время своего путешествия⁴²⁶.

Вскоре он снова уехал в Константинополь. Когда в 1691 году гетман Мазепа поручил найти в Киеве купца и доставить его в Батурин для допроса, оказалось, что того уже год как нет дома⁴²⁷ — история с исчезновением грека по своим таинственным делам повторялась.

⁴²² Оглоблин Н. Н. Михаил Суслов, политический агент XVII века / Н. Оглоблин // Исторический вестник. — 1895. — № 7. — С. 135.

⁴²³ Эта ярмарка проводилась ежегодно в августе возле Свенского монастыря недалеко от Брянска.

⁴²⁴ Подробнее см.: Оглоблин Н. Богатый киевлянин конца XVII века / Н. Оглоблин // Киевская старина. — 1889. — № 5–6. — С. 582.

⁴²⁵ Она существовала до 1766 года.

⁴²⁶ В основном они касались военных действий и мирных переговоров, в том числе ходивших в Крыму слухов о причинах неудачи второго крымского похода российских войск, когда командующий князь Голицын неожиданно приказал отступать (Оглоблин Н. Н. Воеводские «вестовые отписки» XVII века как материал для истории Малороссии / Н. Н. Оглоблин // Киевская старина. 1885. № 7. — С. 367–368). В то же время «вести» о событиях в Польше доставил и киевский купец Иван Павлов, вернувшийся из Варшавы (Там же, с. 411).

⁴²⁷ Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700. — С. 303–304.

О конце жизненного пути Торновиота мы узнаем из краткого упоминания в письме Мазепы от 30 сентября 1692 года российскому резиденту в Польше Борису Михайлову. На польской таможене задержали товары, которые везли для гетмана. Михайлов попытался решить эту проблему, заявил, что часть товаров принадлежит российскому царю и предлагал Мазепе подтвердить это. На что гетман ответил, что он не может этого сделать и лучше заплатит пошлину, так как владельцем части товаров был умерший киевский купец Николай Торновиот (в письме — Трайниот). Среди этих товаров были и вещи, которые купцу заказал Мазепа⁴²⁸.

Михаил Сусло — купец и шпион

В XVII веке купцы были основными связующими нитями между разными странами, народами и культурами. Поток обмена информацией шёл через привозимые ими газеты и книги, через устные новости, слухи и сплетни. Именно купцы были лучше всего осведомлены о делах в соседних странах, поэтому нередко их использовали, как осведомителей — для того, что сегодня называется шпионаж. Одним из таких осведомителей был Михаил Сусло.

Отец нашего героя, киевский пушкарь Яков Сусло⁴²⁹, в середине XVII столетия участвовал в сборе налогов. В то время для этого российские воеводы обычно привлекали людей из городской общины, и тем удавалось обогатиться. Так разбогатели Суслы в Киеве, Томары в Переяславе, да и немало других.

Своему сыну Михаилу, ставшему купцом, пушкарь дал хорошее образование. Тот знал иностранные языки тех стран, куда приходилось ездить, лучше всего — польский и латинский. По поручению властей он переводил всякие дипломатические документы и даже участвовал в допросах пленников. Братья Михаила, Осип и Тимофей, были подьячими в киевской приказной избе⁴³⁰, а Михаил кроме своих торговых дел считался «вестовщиком» при этой избе, проще говоря — шпионом. В 1686 году Михаила записали в «дети

⁴²⁸ Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700. — К.: НАН України, 2009 — С. 351.

⁴²⁹ Фамилию «Сусло» в российских источниках обычно пишут как «Суслов».

⁴³⁰ Приказная изба (палата) — орган местной военно-государственной власти при воеводе того или иного города.

боярские»⁴³¹ по городу Стародубу, хотя сам он там никогда не жил⁴³². После этого он часто упоминается в документах как Сусло Стародубец. Вероятно, именно из этого города происходил род его отца.

В 1680-е годы Михаил разбогател и уже входил в круг крупнейших киевских купцов (так же как Иван Масальский и Пётр Силин). По торговым делам Михаил ездил в Валахию и Польшу, после чего подавал царским властям подробные отчёты о последних событиях в этих странах. Однако Сусло был не просто купцом, а профессиональным «вестовщиком» и «лазутчиком» с большим опытом (он начал этим заниматься ещё в 1669 году).

Его решили «для прове́дывания подлинных вестей посылать из Киева тайно, беспрестанно в Волоскую землю и в польские города», а свои «вестовые отписки он должен посылать в Киев, откуда они пересылаются в приказ Малой России»⁴³³. Хотя в то время это была распространённая практика⁴³⁴, наш герой делал это с особым энтузиазмом.

Чаще всего он ездил в Польшу (в Варшаву, Краков, Львов и другие города), иногда и по три раза в год⁴³⁵ (только с 1686 по 1693 год у него было 12 таких поездок). Можно лишь удивляться тому, что польские власти не заподозрили его в шпионаже. Видимо, в этом был талант Михаила — он умело маскировал свои задания под купеческие дела. Кроме того, он возил государственные дипломатические бумаги московским резидентам в Польше и от резидентов в Москву. Бывал он и Молдавии (Валахии), и в Вене, и в Венеции. Кроме «вестей» ему поручали покупать в Польше европейские газеты, и в 1693 году он привёз их в Киев более трёх сотен⁴³⁶.

⁴³¹ «Дети боярские» — особое сословие в Московском царстве. Их вместе с дворянами записывали на военную службу обычно по их родным городам. Они могли получать поместья как вознаграждение за службу, однако дворянами от этого они не становились.

⁴³² Дети Михаила тоже остались в Киеве и принадлежали к купеческому сословию.

⁴³³ Из киевского росписного списка 1684 года // Киевская старина. — 1889. — № 5–6. — С. 580.

⁴³⁴ В середине XVIII века таким шпионом был киевский купец Павел Иотий, грек по происхождению, часто ездивший в Турцию и собиравший там необходимые сведения (Киевский обыватель грек Иотий // Киевская старина. — 1895. Июль (Документы, известия, заметки). — С. 4–7).

⁴³⁵ Были у него там свои информаторы — он упоминал имя шляхтича Юрия Попары.

⁴³⁶ Оглоблин Н. Н. Михаил Суслов, политический агент XVII века / Н. Оглоблин // Исторический вестник. — 1895. — № 7. — С. 137.

«Михаил Суслов, отправленный нами в Польшу и Германию, возвратился... боярин с супругой были у меня за полночь, веселились и танцевали». Затем «наш осведомитель М. Суслов... подал своё письменное донесение», — писал о нём в январе 1685 года военный комендант Киева (в 1678–1686 годы) Патрик Гордон. Он снова вспоминает купца 18 октября: «Будучи добрым малым, приносящим хороший товар за их деньги, Суслов был снова отправлен за большим»⁴³⁷ — ценная информация часто бывала важнее любых товаров.

Судя по всему, купец был человеком состоятельным — в Киеве у него имелся свой «двор», да и в поездках в другие страны он не испытывал нехватки денег. А денег ему требовалось немало — не только для торговых дел, но и для подкупа нужных людей, чтобы получить ценные «вести». В 1686 году он просил у властей выдать ему 1327 рублей (по тем временам огромные деньги), которые он потратил на подарки и взятки. При этом Сусло с 1669 по 1686 год не получал никакого государственного вознаграждения за свой труд «вестовщика», и только с 1686-го ему начали платить по 15 рублей в год⁴³⁸. Однако, несмотря на все заслуги, его мечты получить российское дворянство так и не исполнились.

Деятельность «лазутчика» временами была связана с немалым риском. Осенью 1693 года Сусло привёз из Польши от резидента Бориса Михайлова его дипломатический архив, и эти секретные бумаги необходимо было доставить в Москву. Вскоре после выезда из Киева Михаила Сусло, подьячего Н. Иванова и несколько человек охраны окружило в лесу три десятка козаков, которыми командовали сын и жена генерального есаула Андрея Гамалеи. Нападавшие жестоко избили и ранили Михаила и стали обыскивать его телеги — их интересовали дипломатические бумаги. Впрочем, документы они так и не нашли — их надёжно спрятали под сеном на дне телеги. Они забрали только сумки с деньгами нескольких московских купцов, полученных за их проданные товары. Иванов с телегами вернулся в Киев, избитого и раненого Сусло стали лечить «московские лекари». Осмотр показал, что «на голове

⁴³⁷ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 42, 81.

⁴³⁸ В дальнейшем, несмотря на «челобитные», т. е. письменные прошения Михаила Сусло, жалование ему повышать не спешили, отделиваясь иногда премиями в 20 рублей. А вместо 1327 рублей выдали всего 100 (Оглоблин Н. Н. Михаил Суслов, политический агент XVII века / Н. Оглоблин // Исторический вестник. — 1895. — № 7. — С. 137, 140, 142).

во многих местах пробито, и правый глаз зашиблен, и под глазом на щеке порублено саблею, и лицо опухло»⁴³⁹.

Документы на следующий день отправили в Москву под сильной охраной. В декабре того же 1693 года царские власти пожаловались гетману Мазепе на это нападение, просили произвести следствие и наказать виновных. Чем закончилось дело, неизвестно. Возможно, нападение и попытка захватить дипломатический архив были связаны с тем, что люди Мазепы тоже занимались сбором разведывательных данных для гетмана. Хотя зачем было посылать легко узнаваемых жену и сына генерального есаула? Ведь гораздо проще было напавить просто отряд «неизвестных людей».

Что же касается торговых дел Михаила Сусло, то он вёл их в основном на свои собственные деньги, иногда — по поручениям московских купцов. Сохранился список товаров, которые Сусло привёз в 1684 году из поездки по нескольким странам Центральной Европы. Среди них 27 свитков белого полотна, 60 свитков разноцветного шёлка, 50 пар очков «простых венецианских», 25 пар очков «хрустальных», 300 связок жемчуга из Рима, 8 чернильниц из слоновой кости, 5 венецианских карт на бумаге, 32 картины, 5 фунтов кофе и много чего другого, а также два кипарисовых сундука для этих товаров. Из этой же поездки он вёз с собой деньги, вырученные за товары, — около 300 червонных злотых, 30 дукатов и 100 талеров⁴⁴⁰. Из перечня товаров видно, что торговал Сусло не серпами и косами, а товарами для весьма состоятельной публики.

Может, всё бы и дальше шло хорошо у купца, возил бы он в кипарисовых сундуках жемчуг, чернильницы из слоновой кости и «хрустальные очки» из Венеции (а иногда и секретные бумаги), но разыграло в нём шпионское начало — он донёс российским властям на гетмана Мазепу. Вот уж действительно, как гласит вековая мудрость, в каждом городе есть не только свои герои, но и антигерои. Видимо, очень хотелось ему выслужиться. А может, затаил злость, после того как его жестоко избили в 1693 году люди генерального есаула.

⁴³⁹ Оглоблин Н. Н. Михаил Суслов, политический агент XVII века / Н. Оглоблин // Исторический вестник. — 1895. — № 7. — С. 144–146.

⁴⁴⁰ См. полный список: Компан О. С. Міста України в другій половині XVII століття / О. С. Компан. — К.: Вид. АН УРСР, 1963. — С. 336–337. Червонный злотый — другое название золотого дуката, в то время около 8 обычных злотых. Талер — около 5 злотых.

Михаил Сусло заявил в 1696 году киевскому воеводе (по другой версии — русскому резиденту в Польше дьяку Никитину), что поляки якобы ведут активную переписку с Мазепой с целью вернуть Украину в состав Польши, а Мазепа окружил себя поляками. Ещё он утверждал, что имеет и другую информацию, настолько важную, что расскажет её только лично царю. Понятно, что к царю купца никто не допустил, и потом оказалось, что «особенно важная» информация касалась всего лишь того, что в Киеве можно собирать гораздо больше торговых пошлин, чем делалось до того.

Михаила Сусло отправили в Москву и допросили, однако Пётр I доносу не поверил — купец пересказывал всего лишь слухи, дошедшие до него от мелких польских шляхтичей, а никаких конкретных фактов не приводил. Показания Михаила записали и передали Мазепе, а царь заверил гетмана, что не сомневается в его верности. По просьбе Мазепы доносчика отправили в гетманскую резиденцию в Батурин, дав разрешение подвергнуть его пыткам. Думаю, что Сусло на такой поворот событий никак не рассчитывал и запаниковал. Некоторое время он провёл в тюрьме, там раскаялся, после чего Мазепа его помиловал и в 1698 году отпустил в Киев⁴⁴¹.

Казалось бы, после такого скандала с доносом купцу уже не суждено ездить в Европу, заниматься там шпионскими делами, а также торговать венецианскими картинами и чернильницами из слоновой кости, и придётся ему уйти в тень, чтобы тихо доживать свой век. Но нет. Не прошло и три года, как Сусло снова едет с караваном, причём с ответственным грузом якобы лично для царя. Видимо, московские власти не собирались отказываться от такого опытного агента, как Михаил Сусло.

Осенью 1701 года из Вены через Волынь следовал царский посланник Лука Хитрово с большим обозом, а за ним — ещё один обоз Михаила Сусло, «царского дворянина», с вещами, купленными по его словам для царя (книги, шпаги и дорогие ткани). Недалеко от Луцка, где находилась таможня, первый караван, а через некоторое время и второй свернули на просёлочные дороги и переправили через реку Стырь в селе Милушах. Это делалось, чтобы не платить

⁴⁴¹ Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700. — К.: НАН України, 2009. — С. 550.

таможенные пошлины — в то время купцы не раз поступали так. Таможенники это знали, но первый караван царского посланника они то ли не догнали, то ли не рискнули останавливать.

А вот караван Михаила Сусла остановили, вскрыли тюки и конфисковали их содержимое, разбросав под дождём в грязи книги и ткани. Купец предъявил все необходимые документы, подписанные королём, однако заявлениям, что Сусло везёт из Варшавы от российского резидента книги для царя, таможенники не поверили — тогда купцы использовали и такие отговорки, чтобы не платить пошлины. Обоз задержали на два месяца, пока Сусло не дал взятку — пять талеров, выписав на эту сумму вексель. Когда его отпустили, он поехал во Владимир-Волынский и подал жалобу на таможенников, заявив, что он вообще не купец и не вёз товаров, за которые необходимо платить пошлину, а только книги, шпаги и немного тканей лично для царя. Задержали его незаконно, оскорбляли, книги намокли под дождём и пришли в негодность (из-за чего он понёс убытки на 50 талеров), да ещё и вымогали взятку. Вексель на пять талеров Сусло опротестовал, а жалоба была записана во владимирской городской книге⁴⁴². Чем закончилась эта история и как сложилась дальнейшая судьба Михаила, можно только гадать — мне об этом ничего не известно.

⁴⁴² Левицкий О. Транспорт вещей Петра I, арестованный на Волыни в 1701 году / О. Левицкий // Киевская старина. — 1890. — Т. 31. — № 10. — С. 143–147.

Часть 2

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА

Глава 1.

НА РУБЕЖЕ ПЕРЕМЕН

Город на холмах

В начале XX века Киев стал экономически успешным и богатым городом. В то время эта древняя столица на днепровских холмах приобрела свою особую атмосферу. «За двадцать лет моих бесконечных скитаний я нигде не видел более красивого города, в котором сочетаются и будущее, и прошлое, где живёт человеческий гений, где можно быть свободным и где глаз открывает бесконечный горизонт, озарённый солнцем», — говорил знаменитый парижский танцовщик Серж Лифарь⁴⁴³. «Летом на Крещатике в кафе сидели люди — прямо на улице, пили кофе или ели мороженое. Я глядел на них с завистью и с восхищением», — вспоминал Илья Эренбург. «Потом всякий раз, приезжая в Киев, я поражался лёгкости, приветливости, живости людей»⁴⁴⁴. Наверное, именно благо-

⁴⁴³ Лифарь С. Киев — мой город / С. Лифарь // Киевские ведомости. — 1994, 16 июня. — С. 10. Когда-то Гоголь в холодном Петербурге грезил о Днепре — писал Лифарь в своих воспоминаниях, — «и эти грёзы... повторяем и мы, киевляне, в нашем “прекрасном далёке”, в прекрасном Париже, который не может заставить меня забыть о моём Киеве и моём Днепре» (Лифарь С. Страдные годы / С. Лифарь. — В 2 кн. Кн. 1. Моя юность в России. — Париж. — 1935. — С. 41).

⁴⁴⁴ Эренбург И. Люди, годы, жизнь / И. Эренбург. Книга 5. Ещё вспоминаются такие его душевные и тёплые слова: «Помню, как мальчишкой я подъезжал к Киеву... Потом начинались пески; мне они казались Сахарой. Я высовывался из оконца. Киев показывался внезапно — купола Лавры, сады, широчайший

даря природной красоте и общему очарованию город оставил незабываемый след в памяти многих людей того времени.

Киев, в начале XX века известный в разных странах как «столица сахара», считался тогда торговым центром, а не индустриальным. Фабрик и заводов в городе хватало, но в центре экономической жизни были не они. Основную прибыль всегда давала торговля. Вся «торговля Юго-Западного края сосредоточена в Киеве», а по «торговле сахаром Киев — главный центр»⁴⁴⁵.

Однако в конце XVIII (да и в начале XIX) века город был совсем другим — он представлял собой «воспоминание и надежды великого города»⁴⁴⁶. После монголо-татарского нашествия Киев сильно разрушили, большинство уцелевших жителей на время покинули город. Да и все земли Киевского княжества очень опустели — из-за нашествия хана Батыя и последующих многовековых набегов татар многие уходили в поисках лучшей жизни на запад, в Галицко-Волынское княжество; некоторые — на север, во Владимиро-Суздальское княжество. А для древней столицы начался долгий период упадка и медленного возрождения.

Когда в 1569 году на Люблинском сейме создавалась Речь Посполитая, многие высказывали сомнения, стоит ли вообще включать туда Киев, который нужно постоянно оборонять от татарских нападений. Раз его захватило Великое княжество Литовское, то пусть оно и защищает. Однако

Днепр с островками, на которых зеленели деревья... В Киеве были огромные сады, и там росли каштаны... они были экзотическими, как пальмы. Повсюду были сады... а Лукьяновка, где жила тётя Маша с грушами и с курами, мне казалась земным раем... Всякий раз, когда я попадаю в Киев, я обязательно подымаюсь один по какой-нибудь крутой улице; мальчишкой быстро взбегал, а постарел — и задыхаюсь; подымаюсь, и кажется мне, что только с Липок или с Печерска я могу взглянуть на годы, на десятилетия, на прожитый век».

⁴⁴⁵ По величине оборотов первое место занимала торговля сахаром, а затем зерном, лесом и металлом (Андреев П. Иллюстрированный путеводитель по юго-западной железной дороге / П. Андреев. — К.: ЮЗЖД, 1897. — С. 116–117). А по количеству сахарных заводов (в 1891 г. их было 63) Киевская губерния занимала первое место в царской империи.

⁴⁴⁶ Так писал в своём дневнике 8 февраля 1787 года Луи Сегюр, французский послан при дворе Екатерины II (Сегюр Л. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II: (1785–1789). — С.-Петербург: в типографии В. Н. Майкова, 1865. — С. 153). Когда императрица прибыла в Киев (она провела там три месяца, с 29 января по 22 апреля 1787 года), город ей не понравился. «Странен здешний город. Он весь состоит из укреплений да из предместий. А самого города до сих пор не могу доискаться», — писала царица в одном из писем.

выгодное географическое положение города никуда не исчезло. Ведь Киев — это «ворота ко всем областям, прилежающим к нему, т. е. к Волыни и Подолии. Киев служит и преградой для всякого неприятельского вторжения»⁴⁴⁷. Древнюю столицу решили включить в границы нового союзного государства, хотя до возрождения города было ещё далеко. Впрочем, даже в свои не самые лучшие времена Киев оставался торговым центром. «Этот город можно назвать купеческим в стране, где предметами торговли служат зерно, меха, воск, мёд, сало, солёная рыба и так далее»⁴⁴⁸.

«Киев на меня произвёл самое грустное впечатление: ужасная безжизненность»⁴⁴⁹, — писал современник ещё в 1841 году. Можно ли сказать лучше об экономическом застое в нашем городе тех лет, чем Иван Нечуй-Левицкий: «Стоят киевские горы неподвижно... и ждут не дождутся пока снова вернётся к ним слава старого великого Киева»⁴⁵⁰.

Действительно, в начале XIX века Киев с его зелеными холмами и золотыми куполами церквей, так многозначительно выглядевший при подъезде к нему, на деле оказывался не таким уж большим городом с населением около 20 тысяч человек. Максим Берлинский, автор первой исторической книги о Киеве, в начале XIX столетия говорил о нём очень оптимистично и пафосно («Всё древнее истёрто и изглажено... и новые века его вновь возродили... Во всём видны вкус, изящество, предприимчивость, внимание, стремление к новому, лучшему»⁴⁵¹). Однако Оноре де Бальзаку город показался гораздо скромнее, что, не скрою, немного задевает мою любовь к Киеву. «После того, как я повидал католический Рим, я испытал живейшее желание видеть Рим православный... этот вечный город Севера», — писал он в своём дневнике. Киев, куда писатель приехал сырой осенью 1847 года, разочаровал его. «Я увидел северный Рим, православный город с тремястами церквей, богатства Лавры, святой Софии... На это можно

⁴⁴⁷ Дневник Люблинского сейма 1569 года. — СПб.: Тип. В. Головина, 1869. — С. 403.

⁴⁴⁸ Боплан Г. Описание Украины / Г. Боплан. — М.: Древлехранилище, 2004. — С. 151.

⁴⁴⁹ «Ми виїхали з Сокиринців...»: тревелоги родини Галаганів: документальна монографія / упорядники: Марина Будзар, Євген Ковальов. — К.: StreamArLine, 2019. — С. 280.

⁴⁵⁰ Нечуй-Левицький І. Хмари / І. Нечуй-Левицький. — Х.: Фоліо, 2008. — С. 5.

⁴⁵¹ Берлинский М. Краткое описание Киева / М. Берлинский. — СПб, 1820. — С. 29–30.

взглянуть один раз»⁴⁵², — и достаточно. Ведь в те годы легендарный Киев хотя и возрождался экономически, всё-таки ещё не стал заметным финансовым центром после затянувшегося многовекового упадка. В то время своими финансистами больше славился Бердичев с его Золотой улицей⁴⁵³.

«Славный Бердичев»

«Славный город Бердичев, родной брат города Броды, также принадлежащий Радзивиллам», где возникают и исчезают «огромные состояния»⁴⁵⁴ — отмечал в письме Бальзак осенью 1847 года. С этим письмом связана удивительная (хотя и хорошо известная сегодня) история любви писателя.

В 1832 году Бальзаку (ему тогда было 33 года) в издательстве передали письмо от почитательницы его творчества из Одессы, написанное изящным женским почерком и подписанное «Чужестранка». Это была польская аристократка Эвелина Ржевуская (в замужестве Ганская), «царица киевских балов». Говорят, первоначально Бальзак хотел всего лишь выгодно жениться (его финансовые дела складывались плохо) и даже просил сестру найти ему богатую вдову, можно немолодую. Но с ровесницей Эвелиной у него сложились более сложные отношения — писатель рассказывал ей в письмах свои творческие планы, о событиях своей жизни и, судя по всему, действительно полюбил её. Вряд ли это уже были отношения с корыстной целью. Первый раз они встретились в 1833 году, потом только в 1843 году (Винцеслав, немоло-

⁴⁵² Гроссман Л. Бальзак в России / Л. Гроссман // Литературное наследие. Т. 31–32. Русская культура и Франция. — М.: Журнально-газетное объединение, 1937. — С. 249, 252. Впрочем, не стоит слишком серьёзно относиться к такого рода заявлениям писателя, они часто бывали противоречивы. Во время пребывания в Киеве он наивно писал о том, что крепостной крестьян «живёт беззаботно, как ребенок... а зависимость становится для него источником счастья и покоя». И он же вскоре написал совсем иное: «невежество варвара — вот характер крестьянина», который «мечтает только о том, как заработать деньги на водку» (Цит. по: Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор: польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863) / Д. Бовуа. — К.: ИНТЕЛ, 1996. — С. 112).

⁴⁵³ Даже население Киева в 1850 году (47 тысяч) было ненамного большим, чем в Бердичеве (41 тысяча). В Харькове тогда жило 42 тысячи человек, во Львове — около 80 тысяч, в Одессе — около 100 тысяч.

⁴⁵⁴ Бальзак О. Письмо о Киеве / О. Бальзак // Приложение к журналу «Пинако-тека». — 2000. — № 13–14.

дой муж Ганской, уже умер, но по законам Российской империи она не могла сразу выйти замуж, тем более за иностранца). И наконец, Бальзак приехал в 1847 году в Киев (где за ним сразу же установили деликатное негласное наблюдение), чтобы жениться на Эвелине. Но она ему отказала. Обвенчались они только в марте 1850 года в костёле святой Варвары в Бердичеве. Но жить писателю уже оставалось недолго...

Бальзак недаром назвал «славный город Бердичев» родным братом не менее славного города Броды в австрийской части Украины. Бердичев невероятно разбогател на пограничной торговле и контрабанде — ведь это местечко стояло на торговом пути, ведущем через границу двух империй, поделивших между собой Украину (Российской и Австрийской)⁴⁵⁵ в «вольный торговый город» Броды. Именно поэтому в Бердичеве тогда обращались огромные, миллионные капиталы, полученные от неуплаченных пошлин. По другую сторону границы, на российской территории, товары из Брод попадали в местечко Радзивилов, где находилась крупная таможня. А оттуда их везли в Бердичев. По легендам, там была целая система подземных ходов, соединяющая подвалы домов, и в них хранили контрабандные товары⁴⁵⁶. К тому же «между Бродами, Радзивиловым и Бердичевом тогда существовала купеческая почта, очень исправная; на станциях не задерживали и пяти минут»⁴⁵⁷.

Одним из самых знаменитых бердичевских контрабандистов был Ян Йозеф Шодуар, богатый купец французского происхождения⁴⁵⁸. В конце 1770-х годов он переселился из Франции в Варшаву, а в 1804 году появился в Бердичеве, поняв, что в этом местечке для него настоящее золотое дно. И действительно, Шодуар быстро разбогател на контрабанде, заработав миллионы. «Шодуар есть богатейший купец

⁴⁵⁵ С 1867 года — Австро-Венгерской империи.

⁴⁵⁶ Когда в 1867 году власти решили исследовать эти подземные склады, оказалось, что там 78 отдельных помещений и 130 соединявших их подземных ходов.

⁴⁵⁷ Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874. — С. 330.

⁴⁵⁸ Его сын, Станислав Янович (умер в 1857 году) собрал огромную по тем временам библиотеку (30 000 книг), а также коллекцию картин и гравюр — видимо, ему достались от отца немалые капиталы (подробнее о нём см.: Петров Н. Библиотека барона Шодуара... / Н. Петров // Киевская старина. — 1888. — № 8. — С. 33–39).

в Бердичеве», — писал современник. Однажды «таможенный чиновник Корсак не далее 50 вёрст от Радзивилова остановил брыки с товарами», принадлежавшими Шодуару, и за то, что там была найдена контрабанда более чем на 200 тысяч рублей, «взял с Шодуара пять тысяч червонцев» и после этого возвратил арестованные товары. И хотя об этом знало начальство, дело было «предано вечному забвению»⁴⁵⁹.

Несмотря на всё свое богатство, «Бердичев никогда не претендовал на то, чтобы пользоваться репутацией фешенебельного города. Не прибавляли городу славы ни речка Гнилопять, всеми своими качествами полностью оправдывающая своё наименование; ни скопление бедняцких лачуг по окраинам, да и в самом центре, как и в любом поселении “черты оседлости” царских времён; ни десять ежегодных ярмарок, богатых, шумных и живописных, как и всюду по Украине»⁴⁶⁰.

Сегодня это ничем не приметные местечки, где мало что говорит о былой их славе. За сто лет до Бальзака они были такими же экономически неприметными⁴⁶¹ еврейскими местечками на территории Польши — тогда её граница с Россией проходила по Днепру. Потом Польшу разделили, часть захватила Россия, а другую часть — Австрийская империя. Однако связи между предпринимателями, особенно еврейскими (с их призванием к коммерции), сохранились. И, как говорится, сам Бог велел им обогащаться за счёт появления границы — на контрабанде.

⁴⁵⁹ Волынская революция первой четверти XIX столетия. Письма надворного советника Опытова графине Старожиловой. Письмо третье (октябрь 1818 года) // Киевская старина. — 1883. — Т. V. — С. 778. В конце XVIII века в Бердичеве славилась фирма швейцарца Иени. У него были магазины тканей, кроме Бердичева ещё в Варшаве и Люблине. «Полотна были редкой красоты... Тонкие, как бумага, ровные... штука хорошего полотна стоила 100 червонцев, самого плохого — 30 червонцев» (100 червонных злотых, т. е. золотых дукатов — более 1000 обычных злотых). «Иени и Ко, как говорили, имели 12 млн злотых (1,8 млн рублей). После раздела Польши компания разделилась. Сам Иени с другим швейцарцем торговал потом в Бердичеве долгое время... построил фабрику, но обворованный приказчиком» Рубинштейном Иени разорился (Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1874. — С. 258–259).

⁴⁶⁰ Смолич Ю. Ревет и стонет Днепр широкий / Ю. Смолич. — М.: Советский писатель, 1962. — С. 130.

⁴⁶¹ Я говорю только об экономической неприметности. А вообще-то на карте еврейского мира Бердичев был знаменит — второй после Умани центр хасидизма, где жили и проповедовали люди, очень значимые для последователей иудаизма. В городе 80 % населения были евреи.

Многочисленными деловыми связями еврейской бизнес-сети и Бердичев, и Броды были соединены с Одессой, из порта которой товары везли и в Российскую, и в Австрийскую империи. Так формировались неформальные связи между экономическими центрами Украины, расположенными по разные стороны имперских границ. Эти связи были тем бесценным нематериальным капиталом, который всегда помогал еврейским финансистам — вспомним хотя бы Натана Ротшильда и его братьев в разных городах Европы. К тому же в первой половине XIX века Киев экономически ещё не так много собой представлял, и славный Бердичев играл куда более важную роль — к середине столетия там уже было восемь весьма богатых банкирских домов и контор.

Бердичев — «город большой, со множеством красивых каменных домов, но ужасно, чисто по-еврейски тесный», — писал в те годы польский шляхтич Франциск Ковальский. «Возле ратуши находится огромное здание с высокой башней, в верхнем этаже которого в то время помещались владельцы Бердичева, а также богатые купцы и банкиры, а в нижнем — лучшие магазины, в том числе — славного тогда Шифнагля... В первый раз я увидел здесь эту разноплемённую, разноязычную, крикливую толпу людей в разнообразнейших одеждах... все покупали, продавали, а иные и плутовали без конца». Это была знаменитая бердичевская ярмарка, проводившаяся с 1765 года несколько раз в год⁴⁶². Она «славилась по всей Польше и России и играла ту же роль, что Лейпцигская в Германии. Сюда приезжали торговцы из глубокой России, Австрии, Германии, Болгарии, Турции, Аравии»⁴⁶³.

Кроме контрабанды (о чём все знали, но вслух не говорили), Бердичев расцвёл именно благодаря этим часто проводившимся ярмаркам, на которые съезжались богатые польские магнаты. Особое значение городку придало открытие отделения Польского банка⁴⁶⁴, связавшее бердичевских коммерсантов с Варшавской биржей.

⁴⁶² Годовой оборот бердичевской ярмарки достигал 20 млн рублей.

⁴⁶³ О. Л. Бердичевская ярмарка (Из воспоминаний шляхтича, относящихся к 1823 году) / О. Л. // Киевская старина. — 1893. — Т. XLI. — № 4–6. — С. 438, 442.

⁴⁶⁴ По официальным данным, более половины капиталов, которые банкиры привозили на киевские контрактные ярмарки в 1835–1838 гг., принадлежали Польскому банку (857 тыс. руб. из 1,3 млн руб. в 1836 г., 725 тыс. руб. из 1,2 млн руб. в 1837 г.) (Статистическое описание Киевской губернии: В 3 т. Т. III. — СПб., 1852. — С. 570).

Впрочем, это отделение быстро вызвало недовольство российских властей. Как раз накануне польского восстания 1830–1831 годов в Бердичев был отправлен польский банковский агент Сковронский, который, прикрываясь вывеской банкирской конторы Верещинского, стал налаживать контакты с бердичевскими купцами. После восстания киевский генерал-губернатор Дмитрий Бибииков, имевший власть и над Бердичевом (входившим в Киевскую губернию), решил, что наличие здесь отделения Польского банка совершенно неуместно, так как способствует распространению «пропольских» сепаратистских настроений⁴⁶⁵.

В 1839 году по ходатайству Бибиикова отделение было закрыто. По словам генерал-губернатора, он «застал в Бердичеве так называемую Агенцию Польского банка, у которого были... в залоге почти все помещичьи имения... Она брала [за кредиты] не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентов [годовых]. В последнее время была в курсе только польская облигация, а золотая и серебряная монеты почти совсем исчезли, и многие помещики разорены были в пух. Фельдмаршал [И. Ф. Паскевич] по моему докладу послал курьера к Государю Императору, и Агенция уничтожена. Для денежных оборотов помещиков и коммерческих операций была учреждена в Киеве контора государственного коммерческого банка»⁴⁶⁶. Об этой конторе мы ещё поговорим дальше подробнее, а пока возвращаемся к бердичевским гешефтам.

Закрытие польского банка было только на руку еврейским финансистам, настоящим хозяевам Бердичева. Они ведь построили свой миллионный бизнес без этого отделения, и не очень-то в нём нуждались (как, впрочем, и в киевской конторе госбанка). Когда в обороте остались только частные капиталы, всеми делами стали заправлять восемь банкирских домов Бердичева, расположенных на легендарной Золотой улице, ведущей к Успенскому собору. Вдоль неё шли каменные дома, в которых по одной стороне были еврейские бан-

⁴⁶⁵ Отношение Бибиикова к полякам хорошо показывает такой случай. Однажды в Киеве «Бибииков, подошедши к окну, видел дорожный экипаж какого-то польского пана, ехавшего на Контракты; карета была заложена четвёркой добрых коней. Не удерживая тогда свой революционный гнев, Бибииков сказал: „А, ещё паны у нас разъезжают на четырёх лошадях, их надобно довести до того, чтоб четверо тащились на одной лошади“» (Герцен А. Былое и думы / А. Герцен // Собрание сочинений в 30 т. Т. 8. — М.: АН СССР, 1956. — С. 429).

⁴⁶⁶ Речь Д. Г. Бибиикова к дворянству Юго-Западного края // Киевская старина. — 1882. — № 6. — С. 532.

кирские конторы, по другой — магазины. Банкирские дома и конторы предоставляли обычные услуги — депозиты, кредиты и денежные переводы.

Особенно славились тогда крупные торговые и финансовые дома Манзона, Эфрусси, Горвица, Френкеля, Трахтенберга и, конечно же, Иосифа Гальперина (1785–1865). Он был «единственным [крупным] банкиром на весь Юго-Западный край»⁴⁶⁷. Его банкирский дом, имевший отделение в Одессе, инвестировал капиталы в зарождающуюся сахарную промышленность и поддерживал деловые связи с банками в Париже, Лондоне, Вене, Риме, Флоренции, Женеве, Константинополе и даже Александрии⁴⁶⁸. Сохранилось письмо Гальперина Ротшильдам, где речь идёт о переводах крупных сумм денег, при этом упоминаются участвовавшие в операциях Гальперина известные в те годы банкирские дома «Штиглиц и К°» (Петербург), «Hammer & Schmidt» (Лейпциг), «Arnstein & Eskeles» (Вена), а также «Jacob Schafnagl» и «Gagliardo Lazzaro».

На втором месте по известности был банкирский дом Манзона, связанный (как и Гальперин) с могущественными парижскими Ротшильдами. Другие банкирские дома Бердичева тоже имели обширные связи в финансовых кругах Петербурга, Москвы, Вильны⁴⁶⁹, Варшавы и Риги. Ну и конечно же, Одессы — туда вели в те годы если не все маршруты потоков капитала, то очень многие.

Бердичевские банкиры производили свои основные операции на Киевских контрактных ярмарках — в 1830-е годы они привозили ежегодно на ярмарки 500–600 тыс. рублей серебром, а в конце 1840-х — более миллиона рублей⁴⁷⁰. Думаю, что эти официальные данные даже занижены — скорее всего, банкиры сообщали не обо всех операциях, чтобы платить меньше налоги.

⁴⁶⁷ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. № 2. — С. 261.

⁴⁶⁸ В 1896 году Гальперин обанкротился — начав поддерживать хасидские общины, он стал участником борьбы с различными еврейскими религиозными группировками, и противники хасидизма, воспользовавшись временными финансовыми затруднениями Гальперина, начали распространять панику среди его клиентов. Гальперин лишился своих капиталов, был арестован и умер в тюрьме.

⁴⁶⁹ Так тогда назывался Вильнюс.

⁴⁷⁰ Журавский Д. О кредитных сделках в Киевской губернии / Д. Журавский. — К., 1856. — С. 17–18.

За полвека подъёма и обилия свободных денег в Бердичеве сформировался слой финансовой аристократии. «Я имел случай увидеть еврейскую аристократию... заходили к нескольким банкирам и богатым купцам... бердичевские евреи почитаются какими-то прирождёнными аристократами: самый беднейший из них смотрит свысока на еврея — обывателя других мест, и пренебрегает всяким, кто не из Бердичева»⁴⁷¹.

Праздник жизни в славном еврейском городе длился недолго — в 1860-е годы начался его упадок⁴⁷². Наверное, главной причиной стали проблемы в Бродах — политика австрийских властей по отношению к евреям изменилась, и те стали массово уезжать в Одессу. А без крупных гешефтов с Бродами и Бердичев — вроде как уже и не тот Бердичев. Кроме того, польские помещики Киевской губернии (главные клиенты бердичевских банкиров) всё больше беднели, особенно после отмены крепостного права в 1861 году и поражения ещё одного польского восстания 1863–1864 годов. Былое богатство и влияние этих магнатов оставались в воспоминаниях. Ну а без клиентов банкирам делать нечего. «Бердичев упал в промышленном и торговом отношении со времени освобождения крестьян и проведения железных дорог», — вспоминал А. А. Половцов. «В прежнее время здешние торговцы выписывали заграничные товары и продавали их польским помещикам, теперь лицам, нуждающимся в заграничных товарах, нет более надобности в посредничестве бердичевских торговцев, к тому же помещик разорён, а крестьянин роскошествует только в кабаке»⁴⁷³.

Последней каплей стало появление новых акционерных коммерческих банков. Это был тренд, общий тогда для всех стран, и частные банкирские дома вытеснялись с рынка фи-

⁴⁷¹ О. Л. Бердичевская ярмарка (Из воспоминаний шляхтича, относящихся к 1823 году) / О. Л. // Киевская старина. — 1893. — Т. XLI. — № 4–6. — С. 458.

⁴⁷² Если в 1860 г. в Бердичеве было 628 купцов и 40 оптовых складов, а общий объём торговли достигал 40 млн руб., то в 1880-е годы остался только 271 купец, а торговые обороты города уменьшились в два раза (Субботин А. П. К черте еврейской оседлости. Отрывки из экономических исследований в Западной и Юго-Западной России за лето 1887 г. / А. П. Субботин. — Вып. 2. — СПб., 1980. — С. 113, 114, 117).

⁴⁷³ Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880 — травень 1881) / Упоряд.: М. Будзар, Є. Ковальов, Д. Терещенко. Київський університет ім. Б. Грінченка. — К.: StreamARLine, 2019. — С. 81–82.

нансовых услуг. А «миллионные» капиталы вместе с их владельцами стали покидать местечко в поисках лучшего места для применения — может быть, в Киеве, а может, и в Варшаве. Но скорее всего в Одессе, «южной столице», с её быстро растущим финансовым миром. Впрочем, несмотря на частичную утрату былого значения, даже в начале XX века финансовая инфраструктура Бердичева оставалась весьма разветвлённой для такого небольшого местечка⁴⁷⁴. Остались там и кое-какие банкирские конторы⁴⁷⁵ — напоминание о былой славе.

Киевские «контракты»

В феврале 1847 года в Киев приехал знаменитый пианист Ференц Лист, автор любимого мной «Второго фортепианного концерта». Киев был частью гастрольного турне музыканта, слава которого гремела по всей Европе — он собирался посетить Бердичев, Житомир, Одессу и некоторые другие города. Вся эта поездка предпринималась по пути в Константинополь, а Киев привлёк Листа знаменитой и богатой контрактной ярмаркой, где можно было получить большие гонорары. Кроме того, ему хотелось увидеть древний город, овеянный легендами. Планировалось дать три концерта — первый в Контрактовом доме (23 января) и два в здании университета.

«В Киеве Лист. Одного этого слова уже довольно, чтобы... вся наша публика зашумела, заговорила и устремилась к этому чуду, неизвестно какими судьбами занесённому в наш город»⁴⁷⁶. Билеты на концерты знаменитого маэстро стоили немало — 4 рубля серебром в Контрактовом доме

⁴⁷⁴ Кроме Бердичевского уездного казначейства, подчинённого Киевской конторе Государственного банка, и Государственной сберегательной кассы, в местечке были агентство Киевского земельного банка, отделение «Русского торгово-промышленного коммерческого банка» (с 1893 г.), отделение «Коммерческого банка в Белостоке» (с 1910 г.), отделение «Русско-Французского коммерческого банка» (с 1914 г.), а также два общества взаимного кредита — «Бердичевское купеческое общество взаимного кредита» (с 1907 г.) и «Бердичевское мелких промышленников общество взаимного кредита» (с 1914 г.), «Ссудо-сберегательное товарищество» и «Ссудная касса Аквисона» (Адрес-календарь «Весь Бердичев» на 1913 г. — Бердичев: Изд-во «Весь Бердичев», 1913. — С. 17).

⁴⁷⁵ Конторы «Наследников Файнберг», Давида и Мейера Елинера, М. Л. Глазмана, Д. З. Зельдовича, Ш. А. Краковского, М. Х. Трахтенберга, С. А. и Л. С. Штейнбергов.

⁴⁷⁶ Несколько слов об игре гг. Листа и Дмитриева-Свечина // Киевские губернские ведомости. — 1847. № 8. Пятница, 21 февраля.

и 6 рублей в университете. В те годы это считалось дорого — товары первой необходимости можно было купить за копейки. И вдруг молодая поклонница на благотворительном концерте в университете пожертвовала 100 рублей. Это была княгиня Каролина Витгенштейн, одна из богатейших помещиц Правобережной Украины, дочь польского землевладельца Петра Ивановского. Ей было 28, Листу — 36. Так по воле случая они встретились, и началась история их любви. 18 февраля Лист гостил несколько дней в имении Каролины в селе Воронинцы (сейчас — Воронивцы Хмельницкого района Винницкой области). «В Киеве я случайно встретился с исключительной и выдающейся (даже очень) женщиной... Имя её мужа — князь Николай Сайн-Витгенштейн, девичья её фамилия: Ивановская», — сообщал музыкант в одном из писем Марии д'Агу, бывшей его женой в 1835–1839 годы.

После концертов в Румынии, Турции и Одессе Лист в начале октября попал в Воронинцы, где ждала его Каролина. С мужем она уже несколько лет не жила (он жил постоянно в Петербурге), но получить развод было непросто. На развод среди богатых аристократов требовалось разрешение царя и Папы Римского. В январе 1848 года Лист уехал в Веймар, весной туда прибыла и Каролина. Наконец они могли жить там вместе, хотя официально стать мужем и женой им так и не удалось даже спустя годы⁴⁷⁷.

Вся экономическая жизнь Киева в первой половине XIX века вращалась вокруг «контрактов» и связанных с ними ежегодных ярмарок. «Контрактами» называли встречи землевладельцев Правобережной Украины (преимущественно поляков) для заключения сделок по продаже зерна и другой сельскохозяйственной продукции своих имений, а также земель и прочей недвижимости. В это же время стали проводить и зимнюю «крещенскую» ярмарку. Приезжавшие на «контракты» помещики могли потом купить на ярмарке необходимые им товары — часто на целый год. Ведь в те време-

⁴⁷⁷ Листу и Каролине долго пришлось добиваться развода и нового венчания, но в конце 1850-х годов надежды на это не осталось. Всё это сильно травмировало религиозную Каролину, писавшую книгу по истории католицизма, и в начале 1860-х годов они с Листом переселились в Рим, где жили в разных домах. Потом пришло известие о смерти князя Витгенштейна. Она стала свободной, и разрешение на развод уже не было нужно. Но усилившаяся религиозность Каролины помешала браку, и в 1865 году она убедила музыканта принять аколит — первую стадию приобщения к католической церкви, включающую в себя помощь при выполнении церковных обрядов.

на из-за отсутствия железных дорог всякие далёкие поездки были целым событием.

Значение контрактов тогда понимали все. Ведь это было место, где чувствовался пульс экономических и политических настроений в обществе — место, где зарождающийся капитализм говорил сам с собой. Там можно было обсудить последние новости о состоянии рынков и провести арбитражные операции. Так знание превращалось в прибыль.

Раньше «контракты» проводились во Львове, там польские помещики заключали сделки по продажам оптовых партий зерна. Потом «контракты» перенесли в волынское местечко Дубно, но после второго раздела Польши этот городок оказался слишком близко возле границы с Австрийской империей. К тому же во время банковского кризиса 1793 года (вызванного паникой вкладчиков после раздела Польши) финансировавшие контракты private банкиры разорились, а вместе с ними — и многие помещики, вложившие свои капиталы в эти банкирские дома. На время деятельность «контрактов» несколько нарушилась, а финансовые операции быстро перешли в руки еврейских банкиров из Бердичева.

Так в 1797 году «контракты» были переведены в Киев по причине «выгодности и удобства внутренней торговли»⁴⁷⁸. Киевские «контракты» стали центром коммерческой жизни и чем-то вроде биржи, хотя длились они только две недели⁴⁷⁹. Для их проведения выбрали торговый район города — Подол.

Первые «контракты» прошли с 15 января по 1 февраля 1798 года (в дальнейшем они проводились чаще всего в этих же числах)⁴⁸⁰. Главными участниками были польские помещики Правобережной Украины⁴⁸¹ — для них «контракты»,

⁴⁷⁸ Указ императора Павла I от 27 сентября 1797 г. «О переведении контрактов из Дубны в Киев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825): Том 24 (6 ноября 1796–1797). — № 18166. — С. 753.

⁴⁷⁹ Ещё в XVI веке шляхта съезжалась в Киев каждые восемь недель на «рочки», для обсуждения своих коммерческих дел и решения спорных вопросов. Об этом упоминал в 1590-е годы католический бискуп Иосиф Верещинский (Верещинский И. Способ заселения нового Киева... / И. Верещинский // Киевская старина. — 1894. — № 3 — С. 410).

⁴⁸⁰ Первоначально участники собирались в ратуше — двухэтажном здании с круглой высокой башней в центре (оно находилось между нынешним Контрактовым домом и фонтаном «Самсон»).

⁴⁸¹ Купцов из левобережной «Малороссии» было гораздо меньше — у них были свои ярмарки, нежинские, полтавские и другие (Ернст Ф. Контракты і контрактний будинок у Києві. 1798–1923 / Ф. Ернст. — К.: Друкарня Всеукраїнської Академії наук, 1923. — С. 16–17).

и особенно крещенские ярмарки, стали одним из важнейших развлечений. Ехали они долго и неспешно, несколько дней. «Поехали мы большой компанией... в нашем поезде было около десятка саней... в санях были ружья и борзые; по дороге мы охотились, и нам было очень весело». На ночлегах в какой-нибудь придорожной корчме «играли в карты и болтали»⁴⁸².

Во время ярмарок помещики устраивали пышные балы до глубокой ночи, с танцами, салютами и всеобщим весельем. «Поляки наезжают кучами отовсюду для своих продаж, разменов, аренд и откупов. Из карманов их посыплется кучи золота»⁴⁸³. На «контракты» многие польские помещики привозили с собой по несколько бочонков золота и серебра. Ходя по магазинам, они считали недостойным торговаться и платили любую сумму. И хотя Киев давно уже не был в составе Польши, сами по себе поляки из города и Правобережной Украины никуда не исчезли⁴⁸⁴. Особенно сильно их влияние чувствовалось в 1820-е, до польского восстания 1831 года. После его подавления активность на «контрактах» заметно снизилась, однако экономическая жизнь брала своё, и контрактные ярмарки продолжались — их поддерживали генерал-губернаторы В. В. Левашов и сменивший его Д. Г. Бибииков⁴⁸⁵.

⁴⁸² Чайковский М. Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) / М. Чайковский // Киевская старина. — 1891. Т. XXXIV. № 7. — С. 85. Михаил Чайковский (1804–1886) — польский помещик, активный участник восстания 1830 года, эмигрировавший в Турцию.

⁴⁸³ Долгоруков И. М. Дневник моего путешествия в Киев / И. М. Долгоруков // Чтения в императорском обществе истории и древностей при Московском университете. — М., 1870. — Апрель-июнь. — Кн. 2. — С. 107.

⁴⁸⁴ В начале XIX века на улицах города обычно слышалась украинская и польская речь. По-русски говорили разве что государственные чиновники на Печерске. И даже в университете, основанном в 1833 году, первые студенты плохо понимали лекции на русском языке. Только в 1860-е годы появился слой русифицированной интеллигенции, говорившей на вычурном и немного архаичном «университетском» русском языке.

⁴⁸⁵ После подавления польского восстания имперские власти в Петербурге обеспокоились проблемой «польского сепаратизма» в правобережной части Украины. Киевом, древней столицей, заинтересовался царь Николай I, и по его указанию началась русификация Правобережной Украины, чтобы противостоять польскому влиянию. Для этого в городе в 1833 году по царскому указу был открыт университет святого Владимира (в котором быстро появились украинофильские настроения). Судя по всему, в Петербурге искренне верили, что в Киеве и на правобережье Днепра живут «русские», которых временно оккупировали поляки. Мысли о существовании каких-то «украинцев» со своими собственными интересами российские власти не допускали в принципе. Народ-то ведь один — считали они.

«Ярмарка, известная под названием Киевских контрактов, с давних пор имела важное значение... Помещики договариваются и заключают сделки на продажу, покупку, отдачу в арендное содержание имений и разных оброчных статей; сбывают свои продукты — хлеб, вино, сахарный песок, дрова, лес и т. п.; закладывают и перезакладывают свои имения; вносят в кредитные места платежи по займам; занимают вновь у частных банкиров или рассчитываются с ними»⁴⁸⁶. В 1805 году «контракты» посетил немецкий путешественник Отто фон Гун, упоминавший об этом в своей книге «Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию осенью 1805 года». Город ему понравился, и он даже сравнивал его с Лейпцигом с его знаменитой ярмаркой.

На «контрактах» иногда возникало впечатление, что там «много панского шума, а дел громких... весьма немного», так как «о значительных капиталах не было и слуху»⁴⁸⁷. Однако цифры говорят иное. Оборот первых «контрактов» составлял 5,7 млн польских злотых, а через год — 12,6 млн⁴⁸⁸. И это при том, что далеко не все сделки записывали в учётные книги, и реальный объём операций мог быть и больше. Вроде как немало, особенно для того времени. С самого начала «контракты» ориентировались на крупные сделки с зерном, а также с другими сельскохозяйственными продуктами.

Правобережная Украина была тогда одним из крупнейших в Европе производителей и экспортёров зерна, выращивавшегося в имениях польских землевладельцев. Товарное производство зерна на экспорт начало развиваться здесь с XVI века. До конца XVIII столетия, пока северные берега Чёрного моря оставались под властью Турции, зерно из Правобережной Украины экспортировалось через польские порты (в основном Гданьск, он же Данциг) на Балтийском море. Именно экспорт зерна стал источником невероятно богатства польских помещиков, их роскошной и расточительной жизни со всеми пышными балами, дворцами,

⁴⁸⁶ Крещенская ярмарка в Киеве в 1846 году // Киевские губернские ведомости. — 1846. — № 10. 8 марта.

⁴⁸⁷ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. № 2. — С. 261.

⁴⁸⁸ 0,9 и 1,9 млн рублей. Один злотый Царства Польского был равен 0,15 российского рубля. А в 1846 году на «контракты» привезли товаров более чем на миллион рублей (Крещенская ярмарка в Киеве в 1846 году // Киевские губернские ведомости. — 1846. — № 10. 8 марта).

картинными галереями и библиотеками⁴⁸⁹. Объёмы зернового экспорта были огромны — на территории одной только Киевской губернии и выращивалось ежегодно в среднем 4 млн четвертей (одна четверть — 209,9 литра) зерна⁴⁹⁰.

Однако после разделов Польши балтийские порты отошли к Пруссии, и она установила высокие таможенные пошлины на провоз зерна через свою территорию. Это было причиной разорения части польских помещиков, а для остальных спасением стал новый порт в Одессе. Три четверти зерна доставляли чумаки на возах, запряжённых волами, остальное везли в Одессу по воде. Оттуда зерно поступало в Западную Европу — в основном в Англию, Италию и Нидерланды. Но для начала польским помещикам нужно было продать своё зерно посредникам, организовывавшим его доставку в порт. Это и происходило на киевских «контрактах». Приезжали туда также помещики из Левобережной Украины, хотя у них были и свои зерновые рынки (например, в Глухове). Для них появление порта в Одессе открыло совершенно новые возможности, потому что в XVIII веке везти своё зерно через Польшу они, конечно же, не могли.

Кроме зерна на «контрактах» было много сделок по продаже и покупке имений помещиков, их залогу или сдаче в аренду. «Арендаторы, залогодержатели и капиталисты съезжаются сюда, чтобы занимать или отдавать в заём деньги, получать капиталы или проценты, продавать или покупать имения, брать деревни в арендное содержание или вносить должные за аренду суммы»⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ Об этом очень красочно пишет Д. Бовуа (Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Д. Бовуа. — К.: Критика, 1998. — С. 257–271). Когда читаешь о жизни поляков в их родовых замках, понимаешь, что мыслями они остались в далёком прошлом, чуть ли не в рыцарском средневековье. Хороший пример тому — хранящийся в Лувре портрет Станислава Щенсы Потоцкого (1752–1805) в рыцарских латах. Видимо, сам Потоцкий придавал особое значение этому портрету в латах — были написаны три его авторские копии, находящиеся, кроме Лувра, в Варшаве и в петербургском Эрмитаже. Посещавших резиденцию этого магната в Тульчине современников поражала роскошь, которой он себя окружил. Всё это было больше похоже на дворец короля, а не частного лица.

⁴⁹⁰ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 34.

⁴⁹¹ «Весьма мало найдётся таких помещиков, которые бы не имели причин и поводов быть на контрактах. К тому ж дворянство, живущее без выезда в деревнях своих и разделенное между собою большим пространством, с радостью

Продавали в те годы на «контрактах» в основном пшеницу, лён, поташ, дрова, сахар и другие продукты сельского хозяйства — причём всё это в больших объёмах и на крупные суммы. Получив деньги, продавцы (преимущественно польские помещики) покупали всё необходимое для своих имений — кофе, чай, сахар, киевское варенье, вина, специи, косметику жёнам и дочерям, платья, зеркала, мебель, фарфор и хрусталь, ружья и пистолеты, а также книги и музыкальные инструменты.

В эти дни центр городской жизни перемещался на Подол, на площадь перед Контрактовым домом, построенным в 1811 году после знаменитого пожара. Здесь были слышны разные языки — польский, украинский, еврейский, русский, немецкий, армянский, турецкий и татарский. Ко входу в Контрактовый дом постоянно подъезжали сани, повозки и кареты — жизнь на «контрактах» кипела⁴⁹². Для развлечения участников в это время проводили балы и концерты. Не жалели денег для приглашения знаменитостей тех лет — пианиста Ференца Листа, скрипача Генрика Венявского и других.

Посещали «контракты» известные люди — Оноре де Бальзак, Николай Гоголь, Тарас Шевченко, Адам Мицкевич. Ведь это была не только товарная биржа, но и праздничный карнавал. «В течение 15 или 20 дней контрактной ярмарки в Киеве, куда съезжаются со всех концов... столько движения, дел, развлечений, что невозможно написать письмо», — сообщал Бальзак сестре зимой 1849 года. А «молодые дамы бывают на балах в платьях королевской роскоши, намного превосходящей всё то, что можно увидеть в Париже»⁴⁹³.

«На этих контрактах, которые были очень многолюдны и привлекали большие капиталы, помещики трёх предднепровских губерний (Киевской, Подольской и Волынской), старые и молодые, знакомились между собой, сближались

пользуется случаем повидаться с родными и закупить на целый год всё нужное для домашней жизни. От того-то контракты бывают весьма многочисленны, а особенно с тех пор, как владельцы огромных имений разделили оные между множеством арендаторов» (Киевские контракты (Письмо к издателям, 18 февраля 1825 года) // Северная пчела — 1825. — 25 февраля).

⁴⁹² Кстати, за полмесяца ярмарки в 1806 году владельцы домов получили почти тридцать тысяч рублей за аренду жилья приехавшими на ярмарку — а за один рубль можно было купить десять пудов муки (160 килограмм).

⁴⁹³ Гроссман Л. Бальзак в России / Л. Гроссман // Литературное наследие. Т. 31–32. Русская культура и Франция. — М.: Журнально-газетное объединение, 1937. — С. 254.

теснее прежнего, но все сторонились как помещиков из Заднепровья, которых съехалось на контракты очень много, так и киевских мещан». Впрочем, с заднепровскими помещиками «играли в карты, потому что это были самые известные игроки во всей Российской империи»⁴⁹⁴.

В 1830-е годы порядок проведения «контрактов» уже полностью сформировался. В эти дни купцы собирались в Контрактовом доме с 9 до 15 часов и с 17 до 21 часа. Зал для заключения контрактов находился на втором этаже. А на первом продавцы выставляли свои товары. Вокруг Контрактового дома всё было заполнено временными магазинами — и в соседнем Гостином доме, и в арендованных частных домах, стоявших поблизости. Площадь заполняли палатки, сани, телеги и кареты⁴⁹⁵.

«На Подоле находится биржа или так называемый Контрактовый дом. Чтобы дойти туда, надобно продираться сквозь толпы движущегося народа, между множеством разнородных экипажей, саней, бричек и повозок, при звуках... труб и литавр, в шуме и восклицаниях извозчиков, жандармов: одним словом, надобно пробиваться сквозь всю ярмарочную толпу. Здание огромное и красивое, на обширной площади, служит местом свидания всего здешнего дворянства... Контрактовый дом, во время сей ярмарки, есть киевский Пале-Рояль, и в сравнении его величины с парижским, превосходит даже сей последний многолюдством»⁴⁹⁶.

На ярмарку приезжали не только польские помещики Правобережной Украины, а и купцы из Польши, Германии, Австрии, России. Бывали там татары, турки и греки, гости из далёкой Бухары и даже из ещё более далёкой Персии. Сукно, шёлк, бархат и другие ткани из России и стран Азии; турецкие шали; изделия из золота, серебра, меди, стали; косметика; бакалейные и «колонияльные» товары (чай и кофе) — много чего можно было купить на «контрактах»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁴ Чайковский М. Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) / М. Чайковский // Киевская старина. — 1891. Т. XXXIV. № 7. — С. 87.

⁴⁹⁵ В 1841 году для доставки участников ярмарки и подвоза товаров потребовалось более семи тысяч лошадей, и они привезли разных товаров на 700 тысяч рублей серебром.

⁴⁹⁶ Киевские контракты (Письмо к издателям, 18 февраля 1825 года) // Северная пчела — 1825. — 25 февраля.

⁴⁹⁷ В 1847 году на «контракты» приехало 3580 человек, из них 157 иностранцев (половина — из Австрии) (Крещенская ярмарка в Киеве в 1847 году // Киевские губернские ведомости. — 1847. — № 14. 4 апреля. — С. 142).

В следующее десятилетие, в 1840-е годы, характер «контрактов» начал меняться. Заключение сделок с зерном стало второстепенным (центр зерновой торговли надолго переместился в Одессу), и все большее значение приобретали операции с сахаром⁴⁹⁸, в дальнейшем определявшие всю экономическую активность в Киеве. Росла и потребность в капиталах на ярмарках⁴⁹⁹ — для их финансирования возникли первые в Киеве банкирские конторы⁵⁰⁰.

В городе появились капиталы, и хотя до настоящего подъёма 1860-х годов и «сахарного бума» было ещё далеко, Киев 1840-х годов уже не был сонным местечком с монастырями. Даже население выросло с 20 тысяч в начале века до 65 тысяч в 1861 году. Судя по всему, не без помощи «контрактов». Со времени их появления Киев «застраивается прекрасными каменными домами и населяется. Особенное влияние на цветущее состояние Киева имела торговля [зерном] с Одессой, которая внесла в здешний край огромные суммы звонкой монеты»⁵⁰¹. Город тогда славился азартными играми (об этом много писали в воспоминаниях современники), что только ещё раз говорит о количестве в нём свободных денег даже в те годы. «Варшава танцует, Краков молится, Львов влюбляется, Вильно охотится, а старый Киев играет в карты» — говорили в то время. «Картёжная игра вошла в такую моду, что не было дома, где бы нельзя было застать играющих. Едва только кто-нибудь появлялся, едва успевал поздороваться, как его усаживали за карты. Не было никаких

⁴⁹⁸ В 1842 году в Киевской губернии было 15 сахарных заводов, и они произвели за год продукции на 85 тысяч рублей серебром. В 1847 году заводов было уже 56, а объём производства вырос до 3 млн 854 тыс. рублей.

⁴⁹⁹ В 1835 году бердичевские банкиры привезли в Киев 369 тысяч рублей серебром, а в 1861 году — 2,6 млн.

⁵⁰⁰ Известно, что в 1846 году их уже было шесть с общим оборотом в 1,16 млн рублей. Прибыльность контор быстро увеличивалась — если в 1840 году они получали прибыль с капитала около 6,5 % годовых, то в 1843 г. — уже 13 % (Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. X. Часть 1. Киевская губерния. — СПб.: Тип. Департамента генерального штаба, 1848. — С. 165). В 1846 году эти шесть контор доставили на «контракты» 1,575 млн рублей (в 1835 году — всего 368 тысяч) (Крещенская ярмарка в Киеве в 1846 году // Киевские губернские ведомости. — 1846. — № 10. 8 марта. — С. 85). К сожалению, об этих банкирских конторах я больше ничего не смог найти — о бердичевских мы знаем гораздо больше. Возможно, киевские конторы в те годы не были самостоятельны и зависели от бердичевских банкиров.

⁵⁰¹ Киевские контракты (Письмо к издателям, 18 февраля 1825 года) // Северная пчела — 1825. — 25 февраля.

развлечений, кроме карт, никаких разговоров, кроме разговоров о картах»⁵⁰².

Иногда состоятельные игроки приезжали в позолочённых каретах и в азарте проигрывали всё, что у них было, возвращаясь на извозчике. В 1847 году Ференц Лист получил за концерты немалые гонорары и, по слухам, проиграл их в карты студенту Зигмунту Котюжинскому, известному игроку, с которым музыкант познакомился в Киеве (говорят, студент был племянником генерал-губернатора Бибикова). «Студенты вообще жили в Киеве весело, учились мало, переполняли кондитерскую Беккера и Английскую гостиницу, играли на билиярде и в карты, — кто-то из них прославился тем, что дочиста обыграл и оставил без гроша заезжего Франца Листа. Весело жили и офицеры, чиновники, профессора... Шулера в Киев в пору контрактов съезжались даже из-за границы. Играли в банк, в вист, в ломбр, в квинтич»⁵⁰³.

Время наибольшего расцвета «контрактов» пришлось на 1830-е и 1840-е годы, после чего значение их начало снижаться⁵⁰⁴. Как и во многих других странах, на смену ярмаркам приходили биржи. А вместо частных банкирских контор появлялись новые акционерные коммерческие банки. К тому же после отмены крепостного права в 1861 году в отношениях между помещиками и крестьянами возникла неопределённость, старая система продажи зерна и других сельскохозяйственных продуктов на ярмарках нарушилась, а часть землевладельцев вообще обанкротилась. Открытие в Киеве конторы Государственного банка в 1840 году создало новый источник финансирования, а Киевская биржа с 1869 года взяла на себя основную часть функций «контрактов».

Несмотря на это, «контракты» продолжали проводиться и в начале XX века — в основном там заключали сделки на поставку оптовых партий сахара. «В прежнее время торговые обороты на контрактах были весьма значительны; товаров привозилось на сумму до 2 миллионов рублей. Теперь значение контрактной ярмарки сильно упало; торговля ведётся наполовину не приезжими, а местными купцами, которые на время ярмарки только перекочёвывают со своими товарами

⁵⁰² Чайковский М. Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) / М. Чайковский // Киевская старина. — 1891. Т. XXXIV. № 7. — С. 87.

⁵⁰³ Алданов М. Повесть о смерти / М. Алданов. — Франкфурт: Посев, 1969. — С. 23.

⁵⁰⁴ Ернст Ф. Контракти і контрактний будинок у Києві. 1798–1923 / Ф. Ернст. — К.: Друкарня Всеукраїнської Академії наук, 1923. — С. 74.

в устраиваемые на площади балаганы и в залы контрактного дома, причём некоторые купцы нередко для привлечения покупателей переодевают своих приказчиков в восточные костюмы, имитируя восточных людей. Впрочем, и в настоящее время на контракты съезжается в Киев много землевладельцев, сахарозаводчиков, разного рода промышленников, но сделки уже совершают, конечно, не в контрактном доме»⁵⁰⁵.

А вот как вспоминал «контракты» Марк Алданов, живший в Киеве в начале XX века: «Большой сезон» в Киеве начинался «со знаменитой ярмаркой, называвшейся “Контрактами”. На неё съезжались не только купцы... но и помещики, великорусские, малорусские, польские, даже те, которые никаких контрактов заключать не предполагали». Обычаи на ярмарке «были очень старые, частью русские шестнадцатого века, частью польские, частью даже перешедшие с турецких рынков. Были ряды, серебряный, суконный, шёлковый, меховой, ковёрный, ножевой, восточных ароматов. Всё продавалось очень дёшево... Особенно славились сласти, варенье, пряники. Киевские купцы признавались иностранцами самыми честными... Торговали преимущественно хохлы, но также кацапы, евреи, армяне и греки. Как-то все уживались. Имперский melting pot работал хуже, чем в предыдущее царствование, неизмеримо хуже, чем в следующее, но работал... Сглаживалась национальная рознь и в обществе»⁵⁰⁶.

«Мы любили эту ярмарку и с нетерпением ждали всю зиму, когда она откроется... Острые запахи ярмарочных товаров были слышны издали... Маслянистые глыбы белой и шоколадной халвы хрустели под ножами продавцов. Прозрачный розовый и лимонный рахат-лукум заклеивал рот. На огромных глиняных блюдах были навалены пирамиды засахаренных груш, слив и вишен — изделия знаменитого киевского кондитера Балабухи... Множество звуков оглушало нас — выкрики продавцов... величественный звон из Братского монастыря, писк резиновых чёртиков... Мы любили Контрактную ярмарку ещё и за то, что она предвещала... всегда прекрасную и необыкновенную киевскую нашу весну»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁵ Андреев П. Иллюстрированный путеводитель по юго-западной железной дороге / П. Андреев. — К.: ЮЗЖД, 1897. — С. 116.

⁵⁰⁶ Алданов М. Повесть о смерти / М. Алданов. — Франкфурт: Посев, 1969. — С. 16.

⁵⁰⁷ Паустовский К. Повесть о жизни / К. Паустовский // Собрание сочинений. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1967. — С. 62.

Хотя с годами значение «контрактов» и ярмарки уменьшилось, Киеву не стоило опасаться за своё экономическое будущее — «его географическое положение сохранит за ним очень важные преимущества, которые при неблагоприятных обстоятельствах могут уменьшаться на время, но не могут быть отняты у него навсегда»⁵⁰⁸, — писал ещё в 1865 году в передовой статье газеты «Киевлянин» управляющий Киевской конторой госбанка Н. Х. Бунге, этот «глава и покровитель буржуазных хищников в Киеве», как называл его один из современников⁵⁰⁹.

Открытие конторы Государственного банка

Открытие конторы Государственного Коммерческого банка стало событием для Киева — ведь в то время «это был бедный провинциальный городок»⁵¹⁰. «В коммерческом отношении Киев был городом безжизненным, одержимым спячкою... богатое магнатство юго-западного края покидало Киев ради Одессы порто-франко, куда с их имений отправлялась для продажи пшеница». Они ехали в Одессу, чтобы «наслаждаться беспрошлинною заморскою роскошью». Там «жили они большую часть года, проживая состояния, созидавая нынешнюю Одессу». В то время «банковских операций в Киеве ещё не знали, не знали биржевых дел, мало лиц занималось спекуляцией»⁵¹¹.

Когда в 1839 году закрыли отделение Польского банка в Бердичеве с годовым оборот 2,5 млн рублей, банк не только перевёл на свои счета все деньги закрытого отделения, но и потребовал вернуть ему кредиты⁵¹². Это привело к тому,

⁵⁰⁸ Киевлянин. — 1865. № 30.

⁵⁰⁹ Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 т. — Т. 2: 1874–1879. — К.: Наукова думка, 1995. — С. 27.

⁵¹⁰ История Императорского университета Св. Владимира. В 2 т. Т. 1. — К.: В тип. Императорского университета Св. Владимира, 1884. — С. 90.

⁵¹¹ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. — № 2. — С. 261; № 3. — С. 367. «До начала «сахарного» бума в 1860-е годы не было ни громадных каменных домов... ни трамваев, ни электрического освещения, ни водопровода, а общественная жизнь города «была слабо развита» (Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. — К.: Лыбидь, 2013. — С. 21).

⁵¹² Шульгин В. Я. Юго-западный край под управлением Д. Г. Бибикова (1838–1853) / В. Я. Шульгин // Древняя и новая Россия. — 1879. — № 2. — С. 116–117.

что весьма заметные суммы были изъяты из торгового оборота и начал обсуждаться вопрос открытия в Киеве конторы Государственного коммерческого банка⁵¹³, тем более что в Одессе такая контора вполне успешно работала.

Вопрос решился достаточно быстро, и в феврале 1840 года контора начала работу, став посредником между местными землевладельцами и российскими ипотечными банками. Киевская контора принимала депозиты, выдавала кредиты под залог государственных облигаций и проводила обычные вексельные операции⁵¹⁴. Первоначально контора банка располагалась на улице Александровской (сегодня улица Сагайдачного на Подоле), а с 1847 года — на улице Институтской, в сохранившемся небольшом доме рядом с современным зданием Национального банка Украины. До создания полноценной системы акционерных коммерческих банков было ещё далеко — это происходило уже только после реформ 1860-х годов.

Как начинался капитализм в Украине

В середине XIX века мир находился на пороге больших перемен. Длившаяся много веков аграрная эпоха уходила в прошлое, а на смену ей приходила эпоха новая, индустриальная. «Технический прогресс» — любимые слова тех лет. Стремительно растущие железные дороги объединяли места, раньше бывшие далёкими, и потоки людей, до того обрабатывавших землю, устремились на поиски работы в города, на фабрики и заводы. А появление телеграфа дало возможность быстро обмениваться информацией⁵¹⁵, что раньше было возможно только через медленно идущие письма.

⁵¹³ Первым банковским учреждением в Киеве была Киевская контора Государственного Ассигнационного банка (работала в 1781–1788 гг.); с 1781 по 1786 г. действовала «Променная контора», обменивавшая ассигнации на серебряные монеты. Когда массовый выпуск ассигнаций привёл к снижению их цены, деятельность многих контор, в том числе и Киевской, стала нерентабельной, и контору ликвидировали.

⁵¹⁴ В первый же 1840 год сумма вкладов достигла 2,4 млн рублей, в 1841-г. — 3,1 млн рублей, в 1842 г. — 6,7 млн рублей, а в 1852 г. — более 10 млн рублей (Иконников В. С. Киев в 1654–1855 гг. Исторический очерк / В. С. Иконников. — К.: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1904. — С. 180).

⁵¹⁵ В индустриальную эпоху быстрый экономический рост в промышленно развитых странах Западной Европы был вызван не только появлением новых

После наполеоновских войн в Европе наступило относительно спокойное время, благоприятное для стабильного экономического роста. Он привёл к нескольким десятилетиям процветания «прекрасной эпохи» на рубеже XIX и XX веков. А серия европейских революций 1848–1849 годов во Франции, Германии, Австрии, Италии открыла путь к общей демократизации общества.

В то время страны, преодолевшие собственную косность, смогли присоединиться к клубу международного сообщества развитых государств. В 1860-е годы царская империя тоже вступила на путь реформ и модернизации общества. Могла ли она отказаться от такого выбора? Вероятно, нет — ведь тогда «пришлось бы уже совсем сойти с пути государственного и общечеловеческого прогресса». Происходящие в остальном мире перемены уже нельзя было игнорировать. «В XIX столетии дух времени ни в какой стране не может быть вполне оригинальным и национальным», — писал знаменитый врач Николай Пирогов, он же владелец имения недалеко от Винницы, где он жил «15 лет безвыездно в деревне», интересуясь «по воле, и по неволе, крестьянским бытом»⁵¹⁶.

Отсталость огромной империи нельзя уже было не замечать после проигранной Крымской войны. Казна оказалась полупустой, армия из крепостных крестьян—рекрутов была слабой, вооружение — устаревшим, парового флота не существовало. Хотя в странах Европы давно уже отказались от телесных наказаний, в империи они процветали. Что уж говорить про крепостное право или архаичный феодальный суд, где решения часто принимали чиновники, а не судьи (обычно за взятки). И это для свободных людей, а для огромной массы крепостных основным судьёй и полицейским был помещик.

технологий и накоплением научных и технологических знаний, но и значительным расширением доступа к информации в целом. Это стало возможным благодаря формированию сетей социальных связей, состоявших из университетов и научно-технологических центров, издательств, газет и журналов. Такие сети, объединявшие ученых, публицистов, инженеров и предпринимателей, распространяли новые идеи и знания, причём не только технологические. Эти знания создавали ту интеллектуальную атмосферу, которой была порождена и промышленная революция, и вся индустриальная эпоха. А знания, «приобретававшиеся в течение десятилетий после 1850 г.», становились «подлинно общественными» (Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / Дж. Мокир. — М.: Изд. Института Гайдара, 2012. — С. 156).

⁵¹⁶ Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача/ Н. И. Пирогов. — Иваново, 2008. — С. 194, 204–205. В своём имении «Вишня» он прожил с 1861 по 1881 год до самой смерти.

«Наша земля в Украине как золото, однако народ наш часто голодает. У нас нет промышленности... Всё без дела пропадает... Долго ли так будет?»⁵¹⁷. «Наш украинский плуг не сделает... той перемены, которую производят трубы фабрик и заводов»⁵¹⁸, — писал в 1842 году совсем ещё молодой тогда помещик Григорий Галаган⁵¹⁹, путешествуя по Европе, где уже полным ходом шла индустриализация. В Украине же она только начиналась.

Для начала индустриализации в царской империи необходимы были свободная рабочая сила, внутренний рынок и свободные капиталы. Всего этого не было до отмены крепостного права. Помещики (и польские, и украинские, и русские) откровенно эксплуатировали крепостных крестьян. Это напоминало то, как колонизаторы эксплуатировали «дикие» в их понимании народы. «Многие жалуются, что изнурили крепостных налогами» и всю тяжесть налогообложения «свалили на нашего мужика»⁵²⁰ — на «хлопа», как называли крестьян в Речи Посполитой.

Власть «господина», «пана» была абсолютной и непрекаемой, а бесправие (не говоря уже об отсутствии инициативы) простого крестьянина стало считаться чем-то естественным⁵²¹. Из-за этого доверие и между отдельными людьми, и между разными слоями общества было крайне

⁵¹⁷ Нечуй-Левицький І. Хмари / І. Нечуй-Левицький // Зібрання творів. В 10 т. — К. Наукова думка, 1965. — Т. 2. — С. 137.

⁵¹⁸ «Ми виїхали з Сокиринців...»: тревелогі родини Ґалаганів: документальна монографія / упорядники: Марина Будзар, Євген Ковальов. — К.: StreamArLine, 2019. — С. 58.

⁵¹⁹ Григорий Галаган (1819–1888) — потомок древнего дворянского рода, крупный помещик на Полтавщине и Черниговщине, известный своими симпатиями к украинскому движению. Поддерживал финансово издание журнала «Киевская старина». В молодости Григорий много путешествовал по Европе.

⁵²⁰ Дневник Люблинского сейма 1569 года. — СПб.: Тип. В. Головина, 1869. — С. 235–236.

⁵²¹ Иногда крестьяне пытались отстаивать свои права в рамках закона. В 1619 году луцкий земский писарь Войцех Станишевский обратился в суд по поводу того, что в принадлежавшем ему селе Новосёлки арендаторы, паны Ганецкие, беспощадно эксплуатируют крестьян. Они увеличили поборы и количество дней панщины, запретили пользоваться лесами и реками, требуя за всё деньги. Часть крестьян вынуждена была покинуть Новосёлки и пожаловаться Станишескому на произвол Ганецких (Крупка О. Земська судова номенклатура Правобережної України у другій половині XVI — першій половині XVII століть / О. Крупка // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). — 2000. — № 1. — С. 175–176). Неизвестно, чем закончилось это судебное дело, но интересен сам факт, что крестьяне не всегда терпели произвол помещиков, и речь даже не о восстаниях и бунтах.

низким. Потому и авторитарный стиль управления экономикой и соответствующая модель социальной системы воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

В отсталой аграрной Речи Посполитой, казавшейся месью рабства и шляхетского своеволия, мир польских земельных магнатов был изначально ограждён от окружавшего его «океана варварства» и от «нестерпимой грубости миллионов необразованных и вечно пьяных хлопов»⁵²², от которых польские помещики держались на расстоянии, стараясь вообще с ними не контактировать. В первой половине XIX века среди украинских крестьян «ненависть к полякам и шляхте... достигала неслыханной силы», а «польские помещики со всё большей жестокостью относились к своим крепостным, веря в свою безнаказанность»⁵²³. «Долгие, долгие поколения, уходящие в забвение прошлого... Бесславные, страшные роды и поколения. Рабство, рабство и рабство... Коса, серп и плуг. Вечно согнутая спина и опущенная голова, труд, пот и смерть в муках. Немое безмолвие, страх перед всем»⁵²⁴.

Они «делают в своих поместьях всё, что им заблагорассудится»⁵²⁵. Попробуйте догадаться о каких это помещиках... Нет, не о польских. Екатерина II сказала это о русских. Грибоедов написал честно: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами»⁵²⁶. «Нигде нет столь

⁵²² Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Д. Бовуа. — К.: Критика, 1998. — С. 261. Присутствие польских помещиков на землях Украины вообще преподносилось как особая миссия по насаждению католичества среди неверных (Там же, с. 263).

⁵²³ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — С. 307, 312.

⁵²⁴ Самчук У. Волинь. Роман у трьох частинах / У. Самчук. — У 3 т. Т. 2. — К.: Дніпро, 1993. — С. 85.

⁵²⁵ На вопрос французского просветителя Дени Дидро «какие права и преимущества землевладельцев» в России, императрица отвечала, что «на бумаге — никаких нет, кроме права винокурения», но в действительности «они делают в своих поместьях всё, что им заблагорассудится, кроме смертной казни, которая им запрещена» (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В. И. Семевский. — Т. 1. — СПб., 1888. — С. 209).

⁵²⁶ Грибоедов А. С. Загородная поездка / А. С. Грибоедов // Сочинения в 2 т. Т. 1. — М.: Правда, 1971. — С. 54.

прочной и непреодолимой границы, установленной законом или обычаями между высшими классами и классами средними и низшими... дворянство уподобилось племени завоевателей, которое силой навязало себя нации»⁵²⁷, — писал в 1847 году экономист Николай Тургенев.

Да и козацкая старшина времён Гетманщины вела себя ничем не лучше по отношению к своим же соотечественникам и единоверцам. И жестоко избивали их, и приковывали цепями к пушкам, и как только ни мучили, причём очень часто — даже не крестьян, а свободных козаков. Обычно цель была алчной и банальной — забрать земли либо иные ценности. А иногда издевались и просто так. Обо всём этом подробно написал больше ста лет назад А. Лазаревский⁵²⁸.

Иначе не могло быть в отсталых аграрных обществах, где слаб предпринимательский средний класс. В Восточной Европе у крепостного крестьянина было гораздо меньше личной свободы, чем в Западной Европе — так уж сложилось исторически. Поэтому и возможности для предпринимательства у восточноевропейского крестьянина оказались сильно ограничены.

«Конечно, у нас был свой старинный капиталистический класс в виде торговцев. Но это было нечто совершенно особое и отнюдь не похожее на промышленную буржуазию Запада... Особенное значение имело отсутствие у нас мелкой буржуазии», так как на Западе именно средний класс, иначе говоря — мелкая буржуазия «играла промежуточную роль между высшими классами и народными массами и соединяла все слои населения в одно целое национальной культуры»⁵²⁹.

Когда крепостное право наконец отменили, создали суд присяжных и систему выборных мировых судей, а также изменили систему управления, после чего появились выборные земства, это изменило жизнь огромного количества людей. «Земство, где нет ни мужика, ни помещика; мировые суды, где не спрашивают, какого ты рода... Совсем мир перевернулся!... Вся молодёжь как подурела... Нередко сын враждовал с отцом, называл его нехорошими словами, кре-

⁵²⁷ Тургенев Н. И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. — М.: ОГИ, 2001. — С. 190.

⁵²⁸ Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии / А. М. Лазаревский. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882.

⁵²⁹ Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // М. И. Туган-Барановский // Интеллигенция в России. Сборник статей. — СПб.: Земля, 1910. — С. 236.

постником и деспотом, бросал родной дом и, насмехаясь над обычаями родителей и их надеждами, бегал по Харькову или Киеву в поисках заработка... А кто испугался, тот прятался у себя в селе на хуторе, проклинал новый век и новых людей и вел день за днём бедную жизнь, проедаая свое последнее имущество — выкупные билеты»⁵³⁰. Но как бы там ни было, наступило «время рассвета после мрачной ночи, время больших надежд, больших ожиданий... никто не знал, что будет дальше, но все понимали — так как раньше больше жить нельзя, нужно что-то другое»⁵³¹, — писал Афанасий Рудченко, чиновник полтавской губернской налоговой инспекции, больше известный нам сегодня как украинский писатель Панаас Мирный⁵³².

Реформы 1860-х годов определили новую траекторию развития экономики. Модными стали идеи свободной торговли, столь же непривычные, как и биржевая игра. «Со времени реформ... страна обладала (хоть и не всегда его придерживалась) законодательством, которым могла бы гордиться любая западная демократия»⁵³³. Началась общая модернизация и экономический рост в современном понимании. После реформ 1860-х годов изменилось само настроение в обществе — «писатели, студенты, доктора, адвокаты, банкиры, купцы и даже крупные государственные деятели играли в либерализм и мечтали об установлении республиканского строя»⁵³⁴.

До реформ 1860-х годов «купец понятия не имел о всей той изошрённой коммерческой системе, на базе которой создавалось богатство Западной Европы»⁵³⁵, и даже если ворочал миллионами, то предпочитал наличные или в крайнем случае вкладывал деньги в государственные облигации, в надёжность которых купцы свято верили. «Провинциальное

⁵³⁰ Мирный П. *Хіба ревуть воли, як ясла повні* / П. Мирный // Твори. Т. 2. — К.: Вид. АН УРСР, 1954. — С. 260.

⁵³¹ Мирный П. *Повія* / П. Мирный. Твори. Т. 3. — К.: Дніпро, 1976. — С. 227.

⁵³² Книги его издавались в Женеве — указом министра иностранных дел царской империи П. А. Валуева публикация книг на украинском языке была на долго запрещена, чтобы не подогревать «малороссийский сепаратизм», как это тогда называлось.

⁵³³ Набоков В. В. *Память, говори. Автобиография* / В. В. Набоков // Американский период. Собр. соч. в 5 т. Т. 5. — СПб.: Симпозиум, 1999. — С. 543.

⁵³⁴ Романов А. М. *Книга воспоминаний* / А. М. Романов. — Гл. 4.1. — <http://lib.aldebaran.ru>

⁵³⁵ Пайлс Р. *Россия при старом режиме. Глава 8. Буржуазия, которой не было* / Р. Пайлс. — www.gumer.info/bibliotek

купечество наше, особенно уездное, ещё так... отстало, даже в своём специальном деле, что мне кажется, совершенствование не может иначе придти к нему, как после коренного преобразования. Первое, чему следует научиться, это добро-совестность, без которой не может существовать никакая в мире торговля»⁵³⁶.

Крестьяне (основная рабочая сила) получили неслыханную до того степень личной свободы и могли уехать в город, чтобы устроиться там на работу на фабрику. Появление такого количества работников стало толчком и для предпринимателей, создававших рабочие места. Крестьяне также получили право становиться предпринимателями, создавать торгово-промышленные предприятия и заключать договоры с другими лицами и с государством.

Ускорилося формирование среднего класса, без которого невозможен полноценный капитализм. «На пороки и недостатки нашего высшего общества не стоит обращать внимания», — писал Тарас Шевченко в 1857 году. «Во-первых, по малочисленности этого общества, а во-вторых, по застарелости нравственных недугов, а застарелые болезни если и излечиваются, то только героическими средствами... Да и имеет ли какое-нибудь значение наше маленькое высшее общество в смысле национальности? Кажется, никакого. А средний класс — это огромная и, к несчастью, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце нашей национальности»⁵³⁷.

Конечно, до появления экономических институтов, создающих равные возможности для всех начать свой бизнес⁵³⁸, было ещё далеко (не говоря уже о подобных политических институтах, допускающих огромные массы людей к участию в политической жизни). Однако путь к созданию таких институтов и к общей модернизации общества везде и всегда был связан с отменой крепостного права. Именно после это-

⁵³⁶ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию / А. Афанасьев-Чужбинский. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1861. — С. 179.

⁵³⁷ Шевченко Т. Г. Дневник / Т. Г. Шевченко // Повне зібрання творів. В 12 т. Т. 5. — К.: Вид. АН УРСР, 1963. — С. 57.

⁵³⁸ Такие институты называют инклюзивными (т. е. включающими множество людей в экономическую и политическую жизнь) в отличие от экстрактивных, при которых подавляющее большинство населения таких возможностей не имеет, а все материальные блага контролирует правящая элита, выкачивая налоги и прочие поборы из вечно бедного населения.

го началась история капитализма в Украине. Можно, конечно, искать и находить истоки капиталистических отношений во времена Мазепы или Гетманщины. Но одно дело истоки, а другое — реальный капитализм.

Для современников 1861 год оказался очень хорошо заметным рубежом перемен. «Взгляд на жизнь и сама жизнь изменились в Украине почти до невероятности»⁵³⁹. По словам Н. Лескова, написанным в начале 1880-х годов, дореформенный Киев «сильно отличался от нынешнего, и разница эта заключалась не в одной внешности города, но и в нравах его обитателей. Внешность изменилась к лучшему», город «оевропеился», а нравы «изменились ещё более, чем здания»⁵⁴⁰.

Говоря об изменениях, происходивших в те годы в Киеве, Н. Лесков вспоминал о старых киевских парках, где «мы, молодыми ребятами, бывало проводили целые ночи до бела света, слушая того, кто... мог рассказать нам о “чувствах высокого и прекрасного” и о многом другом, о чём теперь совсем и не слышать речей в садах нынешнего Киева. Теперь, когда доводится бывать там, всё чаще слышишь только что-то о банках и о том, кого во сколько надо ценить на деньги»⁵⁴¹. А ведь ещё недавно, 16 марта 1843 года, 24-летний Григорий Галаган писал про деньги совсем другие, отражая настроения того времени и своего поколения, на редкость наивные слова: «Не правда ли, что деньги — такая

⁵³⁹ Кулиш П. А. Несколько предварительных слов / П. А. Кулиш (В. А. Гоголь. Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом) // Основа. — 1862. — № 2. — С. 20.

⁵⁴⁰ «Критиковать этого не будем, ибо “всякой вещи своё время под солнцем”, но пожалеть о том, что было мило нам в нашей юности... простительно, и кто, подобно мне, уже пережил лучшие годы жизни, тот, вероятно, не осудит меня за маленькое пристрастие к тому старенькому... Киеву» (Лесков Н. Печерские антики / Н. С. Лесков // Собрание сочинений. Т. 7. — М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1958. — С. 312).

⁵⁴¹ Лесков Н. С. Печерские антики / Н. С. Лесков // Собрание сочинений. Т. 7. — М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1958. — С. 312. По словам сына Лескова Андрея, писателя, бывая в Киеве в 1860–1870-е годы «с горечью наблюдал... в какую апатию погружалось киевское общество, чуждое помыслам о чём-либо, кроме неустанного приумножения прибытков (Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям / А. Лесков. В 2 т. Т. 1. — М.: Худож. лит-ра, 1984. — С. 139) «В Киеве ничем не интересуются, кроме карт и денег», — отмечал в своём письме давний друг Лескова ректор Киевской духовной академии Филарет (Лесков Н. С. Печерские антики / Н. С. Лесков // Собрание сочинений. Т. 7. — М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1958. — С. 203).

гадкая, отвратительная вещь, что самое приятное, если об них поменьше говорить»⁵⁴². Но времена меняются быстро.

После реформы 1861 года в «патриархальный Киев пришли новые веяния»⁵⁴³. «Каких-нибудь десять лет назад... в народе нашем царствовала ещё глубокая ночь... Теперь какой простор, какое приволье душе и сердцу!... Какая счастливая, блистательная будущность ожидает нас», — восторженно писал анонимный обозреватель «Киевского телеграфа» в январе 1861 года⁵⁴⁴. «Новые веяния» и реформы 1860-х годов стали рубежом, отделявшим «дореформенное» время застоя от полувека экономического роста и развития капитализма.

До отмены крепостного права считалось, что «главный источник всяческих безобразий “доброго старого времени” один и тот же — наше родное крепостное право. Оно портило и наших лучших людей, и наши лучшие учреждения»⁵⁴⁵. Казалось, что всё можно начать с чистого листа, однако потом стало ясно, что всё не так просто — сделать это не даёт наследие вековых обычаев и традиций. «Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблуждениям, смеётся над неразумием своих предков... и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки»⁵⁴⁶.

В 1860-е годы в умах, в коллективном воображении общества возник целый культ молодости. «Молодёжь стала предметом особого внимания и надежд... Поручик в свеженьком мундире казался много интереснее полковника или генерала, а студент юридического факультета интереснее готового прокурора. Те — люди, уже захваченные колёсами старого механизма», а из этих может ещё выйти что-то но-

⁵⁴² «Ми вїхали з Сокиринців...»: тревелоги родини Галаганів: документальна монографія / упорядники: Марина Будзар, Євген Ковальов. — К.: StreamArLine, 2019. — С. 133. «Странное неприятное чувство быть у банкира: большие комнаты, мрачные, закопченные, из которых все изящное бежало, чтобы дать место подлым деньгам, и среди одной комнаты на длинных столах — кучи золота и серебра; по углам несколько человек делают счёты; отовсюду веет неприятным холодом. Я был рад, когда мы ушли» (Там же, с. 26).

⁵⁴³ В. Г. (Василий Горленко). Киевская публичная библиотека / В. Горленко // Киевская старина. — 1888. — № 8. — С. 28.

⁵⁴⁴ Некоторые замечания по случаю свадьбы детей Цадиков, совершившейся в Радзивилове, июля 29-го 1859 г. // Киевский телеграф. — 1861. — 19 января.

⁵⁴⁵ Чалый М. К. Воспоминания / М. К. Чалый // Киевская старина. — 1894. — № 5. — С. 279.

⁵⁴⁶ Гоголь Н. В. Мёртвые души / Н. В. Гоголь // Собрание сочинений в 9 томах. Т. 6. — М.: Русская книга, 1994. — С. 192.

вое. «В туманах близкого, как казалось, будущего начинали роиться образы “нового человека”, “передового человека”, “героя”. В действительной жизни этих необыкновенных героев ещё не было»⁵⁴⁷.

В те годы стало звучать слово «оттепель» — так ещё в 1855 году, когда умер Николай I, назвал настроения в обществе поэт Фёдор Тютчев (он тогда работал в департаменте цензуры, так что настроения знал хорошо). После смерти царя Николая I возникли надежды (как бывало в прошлом и не раз будет в будущем) на перемены к лучшему. И действительно, Александр II сразу же сделал шаги, добавлявшие оптимизм, — ослабил цензуру, разрешил вернуться из ссылки и декабристам, и Тарасу Шевченко. Казалось, что лёд начинает таять. Привыкшее молчать общество вдруг заговорило, требуя реформ и открыто осуждая прошлое с его взяточничеством и казнокрадством (в конце XX века это снова назовут словом «гласность», связанным с другим культовым словом — «перестройка»).

Оттепель была вечной и так и не исполняющейся мечтой о том, что закончится долго длящаяся безрадостная зима (и в прямом, и в переносном, политическом, смысле), настанет оптимистичная весна, реакционные льды начнут таять и повеют тёплые ветры свободы. И это будет «новый мир». Потом, через годы и десятилетия, слово «оттепель» звучало снова и снова — и после революции 1905 года, и в 1960-е годы, и в 1990-е. Однако весна не наступала, а оттепель оказывалась всего лишь временной. Причина одна и та же — власть и общество всякий раз упускали шанс для развития. И «новый мир» не получался — всё возвращалось со временем к тому же самому. Разве что в разной упаковке.

⁵⁴⁷ Короленко В. История моего современника / В. Короленко. — В 4 т. Т. 1–2. — М.: Правда. 1985. — С. 327.

Глава 2.

СТОЛИЦА САХАРА

Сахарный бум

История дала Киеву редкий шанс снова возвыситься — теперь экономически. И был он связан с сахаром. Именно его массовое производство было «если не главной, то одной из главнейших причин... величия Киева», и все те «громадные капиталы, которыми ворочает ныне торговля... созданы исключительно свеклосахарной промышленностью»⁵⁴⁸.

Сегодня сахар для нас — обычный продукт, как соль или мука. А когда-то это был экзотический символ роскоши и богатства, такая же модная фишка для аристократов, как и кофе. Две тысячи лет назад сахар производили из сахарного тростника в Индии и Китае. Ценила его и элита Древнего Рима, куда его привозили с Востока. Потом сахар распространился в арабских странах, изредка попадая в Европу из Египта вместе с восточными сладостями как редкое лакомство. В колониальную эпоху его с XVI века начали производить на карибских островах и в Латинской Америке. Сахар тогда стоил очень дорого⁵⁴⁹. В Украине во времена Гетман-

⁵⁴⁸ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. — № 2. — С. 261.

⁵⁴⁹ Среди доходов Робинзона Крузо, как совладельца плантации, накопившихся у его компаньона, были и тысяча двести ящиков драгоценного сахара. «Пять ящиков разных сластей превосходного качества и сотню монет

щины, когда нужно было поднести какому-нибудь нужному человеку «поклон», т. е. ценный подарок, ему дарили «сахарную голову» — так называли большие куски сахара. Ведь тогда в наших краях килограмм сахара стоил дороже, чем овца, а за стоимость семи килограммов сахара можно было купить корову⁵⁵⁰. Трудно было представить, что когда-то сахар станет дешёвым продуктом, доступным для всех желающих. Так же как чай, кофе и шоколад.

Тогда сахар и полюбила аристократия — он считался символом статуса, как и кофе. Особенно после того, как сахар стали добавлять в кофе и чай. Появился целый ритуал потребления сахара — серебряные сахарницы, изысканные щипчики и ложечки, которыми его клали в чашки. В давно минувшем детстве я видел такую потемневшую от времени старинную сахарницу у соседки бабушки Мани. Сахарница была, конечно, не XVI века, но явно ещё царских времён и купили её ещё до «первой империалистической», как говорила бабушка.

Массовое распространение сахара стало возможным только после того, как в середине XVIII века в Германии изобрели способ его получения из сладкой белой свеклы. Возможно, на это изобретение не обратили бы внимание, но Наполеон решил перекрыть все торговые пути англичан и начал «континентальную блокаду». Поставки сахара из колоний во Францию тоже прекратились, и тогда в 1811 году Наполеон распорядился начать производство сахара из свеклы. Для этого разработали технологию и всё необходимое оборудование.

В царской империи о сахаре знали ещё со времён Петра I, но к этому дорогому «колониальному» продукту доступ имели немногие. Небольшие сахарные заводику кустарного вида стали появляться в первые десятилетия XIX века, хотя были они не очень успешны. Однако прибыльность традиционно помещичьего аграрного хозяйства в то время снижалась,

нечеканенного золота... тысячу двести ящиков сахарного песку, восемьсот пачек табаку и остальное золотом» (Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо / Д. Дефо. — М.: Гос. Изд. Детской литературы, 1955. — С. 375).

⁵⁵⁰ В 1772–1773 годах фунт сахара на Волыни стоил полтора злотых, столько же, сколько 32 фунта чёрного хлеба и 9–12 фунтов мяса. Поэтому так ценился мёд, а пасеки процветали — они ведь, кроме сладкого продукта, давали ещё и воск для свечей, единственного тогда источника освещения (Баранович А. И. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII веке / А. И. Баранович. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 76).

а доходившие из Франции слухи о выгодности сахарного производства будоражили — всем хотелось быстро разбогатеть. Даже в светских салонах всё чаще слышались разговоры о сахаре. Маленькие заводи́ки были очень примитивными и обычно приносили одни убытки. Хотя интерес к производству сахара возник ещё при Екатерине II (в 1787 году она поручила Потёмкину выяснить, можно ли делать сахар из тростника Каспийского моря), главная проблема была в сырьё — технологию выращивая сахарной свёклы ещё не отработали, и в ней содержалось слишком мало сахара для рентабельного производства.

На территории Украины первый сахарный завод построил в 1824 году граф Иосиф Понятовский в селе Трошин Каневского уезда Киевской губернии. Мо́да на производство сахара быстро распространилась, и крупные землевладельцы считали делом чести в каждом имении устроить хотя бы небольшую «цукроварню». В правобережной части Украины это были крупные помещики (Браницкие, Потоцкие, Сангушко, Ярошинские и другие). В левобережной части Украины первый сахарный завод в 1825 году построил граф Александр Кушелев-Безбородко (1800–1855) в селе Макошино Сосницкого уезда Черниговской губернии. Вскоре небольшие заводи́ки появились в крупных имениях на Подолье, Полтавщине, Харьковщине и на Волыни, хотя больше всего их было в Киевской губернии (в Чигиринском, Черкасском и Каневском уездах). Однако настоящий расцвет сахарной промышленности начался позже, в 1840-е годы, когда на заводах появились паровые машины⁵⁵¹.

Первых владельцев сахарных заводов, живших в своём замкнутом и архаичном аристократическом мире, трудно было назвать предпринимателями и тем более капиталистами. Они были типичными феодалами⁵⁵², мыслями оставши-

⁵⁵¹ В 1847 году на территории Украины было 144 сахарных завода (62 % всех заводов Российской империи); в 1849–208 (68 %). На этих заводах в 1848–1849 годах было произведено 80 % всего сахара империи (Голобуцкий В. О. *Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період* / В. О. Голобуцкий. — К.: Вища школа, 1970. — С. 184–185). Выгодность сахарного производства была очевидной. Десятина земли, засеянная пшеницей, давала дохода 20 рублей, а сахарной свёклой — 75 (Там же, с. 175).

⁵⁵² К предпринимателям были гораздо ближе те мелкие и обедневшие польские шляхтичи, которых крупные магнаты нанимали управляющими своих имений или инженерами сахарных заводов. Позже польских инженеров было много на железных дорогах.

мися в блистательном XVIII веке, куда легко переносились в своём воображении, после того как надевали кунтуш и саблю или вспоминали Гетманщину. Отнюдь не повышение производительности сахарных заводов, а роскошные балы, дорогие кони, картинные галереи, постройка новых и новых дворцов в своих имениях — вот что занимало их ум. В отличие от графа-предпринимателя Алексея Бобринского, построившего «в местечке Смела завод, который значительностью приносимых им выгод возбудил всеобщую охоту заняться этим делом»⁵⁵³.

Граф Бобринский

«Граф Бобринский был человеком увлечений, но всегда благородных и чистых. Любознательная натура его беспрестанно требовала себе пищи: он искал её везде. Всякая новая мысль, открытие, новое учение... возбуждали в нём лихорадочную деятельность... Ему недостаточно было бы, подобно Колумбу, открыть одну Америку; он хотел бы открыть их несколько... Он был либералом в лучшем и возвышеннейшем значении этого слова», — писал о нём его друг, поэт Пётр Вяземский⁵⁵⁴.

Отец графа, основатель династии Алексей Григорьевич, был внебрачным сыном Екатерины II и её фаворита Григория Орлова, а мать — немецкой баронессой Анной Унгерн-Штернберг. Фамилия Бобринский появилась от названия родового имения Бобрики в Тульской области, куда отправили жить маленького мальчика. Так что основатель сахарной промышленности Киевской губернии мог хвастаться тем, что он внук императрицы Екатерины. Впрочем, хвастаться было и не нужно — все это и так знали. Поэтому увлечения графа не имели никаких препятствий. Кстати, именно эта увлечённость делами, за которые он брался, и была причиной успешности Алексея Бобринского. Эта увлечённость, инициативность стала главной его мотивацией

⁵⁵³ Чернышевский Н. Г. Статистическое описание Киевской губернии // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. — М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. — С. 417.

⁵⁵⁴ Цит. по: Ковалинский В. В. Киевские хроники. Кн. 2. Юбилей 2012 / В. В. Ковалинский. — К.: ВАРТО, 2012. — С. 143.

в предпринимательстве, а не только лишь стремление получить прибыль. Ведь когда в этом вполне естественном стремлении нет инициативы, то и успех всего дела сразу оказывается под сомнением — под лежащий камень вода не потечёт.

Получивший хорошее образование граф понравился министру финансов Е. Ф. Канкрину, и тот назначил Бобринского членом совета министра финансов. Так что, когда пришло время заниматься сахарной промышленностью, со связями в финансовых кругах у Алексея Алексеевича проблем не было. Первый сахарный завод граф построил в начале 1830-х в своём имении в селе Михайловском (Тульская область), заказав из-за границы лучшее оборудование на несколько десятков тысяч рублей — весьма немало по тем временам. Сахарную свёклу выращивали для завода крепостные крестьяне. Предприятие оказалось успешным, и неподалёку граф построил ещё несколько заводов — в 1833 году они стали официальными поставщиками сахара для царского двора. Эти заводы производили в год 25 тысяч пудов (400 тонн) сахара, продававшегося во всех крупных городах. Цены сразу настолько упали, что сахар стал доступен многим, а не только состоятельной элите, и быстро превратился в повседневный продукт питания. Однако в Тульской губернии условия для выращивания свеклы оказались не самыми лучшими — она там не полностью созрела.

И тогда Бобринский решил перенести своё производство на юг Киевской губернии, в местечко Смелу Черкасского уезда (где было большое имение жены графа, Софьи Самойловой, внучатой племянницы того самого Григория Потёмкина). Туда перевезли на волах оборудование с тульских заводов, и в 1838 году начали работу два сахарных завода в Смеле, в том же году — Балаклеянский завод, в 1845 году — Грушевский и в 1846 году — Капитановский сахарные заводы. Работали на них крепостные крестьяне⁵⁵⁵. В начале 1840-х годов, когда сахарная промышленность

⁵⁵⁵ Работников не хватало, и Бобринский перевёз из своих имений в Харьковской губернии 1000 крепостных крестьян для работы на заводах. Их обеспечивали жильём, питанием и зарплатой 6 рублей серебром в месяц. Напомню, что рубль серебром стоил в среднем в четыре раза дороже, чем рубль «ассигнационный», как тогда говорили, т. е. бумажный.

только зарождалась, заводы графа Бобринского считались образцовыми.

Для производства сахара нужно было специфическое оборудование, и Алексей Бобринский строит первую фабрику, его производившую. А парижский завод Дерон и Кайль, занимавшийся всякой техникой для сахарной промышленности, открывает свой склад в имении графа в Смеле. Как человек, увлечённый своим делом, Бобринский вникал и во все инженерные подробности производства сахара, и в детали выращивания свеклы. Он не раз бывал в полях и даже разрабатывал свои собственные модели сельскохозяйственной техники для выращивания сырья.

А когда в 1835 году появился проект постройки первой в царской империи железной дороги из Петербурга в Царское Село, его поддержал именно Бобринский, основавший акционерное общество и вложивший 250 тысяч рублей своих капиталов. Он же привлёк инвесторов, давших ещё более трёх миллионов рублей. Дорогу открыли 30 октября 1837 года — начинался новый экономический бум, железнодорожный. Но Бобринский в железнодорожных делах уже не участвовал. Его стихией до конца жизни оставалась сахарная промышленность — он спокойно умер во сне в 1868 году.

Для графа Бобринского главным мотивом его деятельности стало предпринимательство и новые технологии. Ко всему этому он испытывал живой и неподдельный интерес. «Великая заслуга Бобринского состоит не в том, что он построил прекрасные заводы, но в том, что он горячо был предан делу... Здесь не было мелкой зависти, которая каждое улучшение обращает в промышленную тайну для службы исключительно своему обладателю; здесь возбуждалось соревнование — сделать так же хорошо или даже лучше. Отсюда вышел тот живой промышленный дух, то стремление к совершенствованию, которое так часто бывает чуждо коммерческим предприятиям. Но это не всё. Граф Бобринский дал ход молодым людям, окончившим курс технологического института, и теперь можно встретить немало технологов, вышедших из этой школы, на других заводах, людей вполне достойных, которыми может гордиться наша промышленность, потому что они усвоили себе живую любовь к делу», — писала о Бобринском газета «Киевлянин» 21 ноября 1870 года.

Братья Яхненко

«Всем памятна фирма... братьев Яхненко и Симиренко». В любом городе «в каждой лавке на видном месте красовались конусообразные головы сахара этой известной фирмы... и каждый большой город... имел у себя громадные склады сахара в собственных домах этой фирмы»⁵⁵⁶. Когда в 1840-е годы граф Бобринский и торговый дом «Братья Яхненко и Симиренко» получили за короткое время большие прибыли на сахарном бизнесе, в обществе началась настоящая «сахарная мания», а в киевских театрах и салонах все только и говорили о выгодности сахарных заводов⁵⁵⁷.

История сахарного бизнеса семьи Яхненко и их компаньона Фёдора Симиренко мало похожа на историю Бобринского. Братья не были ни аристократами, ни потомками царей — вышли они из крепостных крестьян, а по духу своей предпринимательской деятельности скорее напоминали купцов старой Украины времён Гетманщины, что не помешало им стать знаменитыми сахарными магнатами.

Главным учредителем фирмы был Фёдор Симиренко, родившийся в 1791 году на хуторе недалеко от местечка Городище в Черкасском уезде. По легенде, его отец, запорожский козак, отказался принести присягу на верность императрице Екатерине II, после чего его семью лишили всех прав и превратили в крепостных крестьян князя Воронцова. Фёдору удалось получить разрешение взять в аренду водяную мельницу, он стал получать доход, накопил денег и выкупил себя из крепостной неволи. Став свободным, он женился на Анастасии Яхненко. Так он познакомился с братьями — крепостными

⁵⁵⁶ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — № 1. — С. 102–114.

⁵⁵⁷ Павловский И. Ф. К истории винокурения в Малороссии / И. Ф. Павловский // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. — Вып. 5. — Полтава, 1908. — С. 65–66. С 1842 по 1847 г. количество сахарных заводов в Украине выросло с 67 до 144, а в Киевской губернии, где сконцентрировалась сахарная промышленность, — с 16 до 57. Более 90 % этих заводов принадлежало помещикам (Донік О. М. Промислове підприємництво дворянства України в ХІХ ст.: урядова політика, особливості розвитку, галузеві напрямки / О. М. Донік // Український історичний журнал. — 2007. — № 5. — С. 30). Первоначально предприятия по производству сахара имели мануфактурный характер и были сравнительно небольшими, но они быстро увеличивались в размерах и так же быстро модернизировались. В 1858 году в Украине было 222 таких предприятия, из них 90 использовали паровые машины (Економічна історія України. Історико-економічне дослідження. В 2 т. — К.: Ніка-Центр, 2011. — Т. 1. — С. 621).

крестьянами графа Самойлова. Их отец, Михаил Яхненко, не хотел мириться со своим положением — он шил и продавал на базаре кожухи и сапоги, чтобы заработать денег и выкупить себя и свою семью: жену, трёх сыновей, Степана, Терентия, Кондрата, и двух дочерей, Анастасию и Евдокию.

Став свободным, Михаил Яхненко занялся торговлей скотом, кожей и зерном. В 1812 году его старший сын Степан отправился в Одессу — налаживать связи. Южный город богател на экспорте зерна, а его как раз выращивали на родине братьев — на Черкашине. Они взяли в долг 600 рублей и вместе с компаньоном Михаилом Лашиным арендовали две мельницы в Смеле и Умани, после чего стали торговать мукой и зерном, которые продавали в Одессу. Осенью в Умани или Смеле можно было купить четверть⁵⁵⁸ пшеницы по 10 рублей, а весной выгодно продать в Одессе по 35 или даже по 40 рублей.

Около 1820 года в местечке Млиев появилась фирма «Братья Яхненко и Симиренко» — её главным учредителем стал Фёдор Симиренко. Фирма специализировалась на торговле крупными партиями скота, продавая его через одесский порт в Европу. Руководили бизнесом Фёдор Симиренко и старший брат Степан Яхненко. Двое других братьев были неграмотными, но успешно занимались покупкой зерна и другими практическими вопросами. Удача сопутствовала компаньонам — дела их быстро пошли, и через несколько лет они открыли шесть магазинов в Одессе, а также купили склады для хранения зерна и муки в Николаеве и Севастополе. В 1832 году братья стали одесскими купцами второй гильдии, а в 1842 году — первой⁵⁵⁹. Благодаря предприимчивости и честности компаньоны приобрели безупречную репутацию, поэтому у них не было проблем ни с клиентами, ни с кредиторами.

Откуда они взяли деньги для такого стремительного взлёта? По легенде, Кондрату Яхненко какой-то старик рассказал о гайдамацком кладе — затопленной в пруду лодке, полной золотых монет. Кондрат купил пруд, спустил воду и нашёл золото. Может, конечно, был и клад — в старой Украине любили такие истории. А может, братья поехали

⁵⁵⁸ Старая единица объёма, 209 литров.

⁵⁵⁹ Сын Степана Яхненко Семён стал известным одесским предпринимателем и даже был в 1860–1863 гг. городским головой Одессы.

в Бердичев к какому-нибудь Гальперину и взяли в долг, надеясь, что смогут получить прибыль и вернуть деньги. Хотя правда была, скорее всего, более прозаична — если продавать большие партии зерна в Одессу в три-четыре раза дороже, чем покупать, заработать можно было в те годы очень и очень немало. О доходах братьев говорит то, что после окончания десятилетней аренды мельниц они выдали Михаилу Лашину его долю, 500 тысяч рублей — огромную в то время сумму⁵⁶⁰.

Имея в руках крупный стартовый капитал, около 600 тысяч рублей, братья в начале 1840-х годов занялись производством сахара — говорят, по примеру успехов графа Бобринского, с которым они были хорошо знакомы. Их первый завод начал работу в 1843-м в селе Ташлык недалеко от Смелы. Действительно дело оказалось очень выгодным — за два года завод дал 800 тысяч рублей чистой прибыли. А в 1848 году они построили семизэтажный сахарный завод возле Городища, считавшийся самым большим в Европе.

Платон Симиренко познакомился с производством сахара за границей, и завод строили по образцу французских. Там же было куплено за 400 тысяч рублей лучшее оборудование, и пригласили около 30 специалистов, а директором стал француз Сальзар. Первый год работы прибыли не дал — по французской технологии сахар получался желтоватый, и спрос на него был плохой. Потом директора сменили на немца Майера, и дела пошли гораздо лучше.

Скоро завод производил высококачественный сахар и давал чистую прибыль по 300–400 тысяч рублей в год. При такой прибыли можно было вернуть любые долги, а вопрос, где братья брали деньги для расширения бизнеса, уже не стоял — им хватало накопленных собственных капиталов⁵⁶¹.

В сахарной промышленности прибыль на инвестированный капитал должна была составлять минимум 10–12%⁵⁶². Даже «самые неудачные сахарные заводы имеют более 10% дохода на свои основные капиталы», а успешные заводы дава-

⁵⁶⁰ Лашин продолжал арендовать мельницы и торговать зерном, потом он переселился в Одессу и к моменту своей смерти в начале 1880-х годов стал миллионером.

⁵⁶¹ В 1846 году компаньоны даже хотели построить завод в Киеве на Куренёвке, но губернатор Фундуклей не дал на это разрешение. Наверное, как сказали бы сегодня, не договорились про величину отката.

⁵⁶² Розенбаум И. Постановление министра земледелия 20 октября 1916 года № 58 / И. Розенбаум // Вестник сахарной промышленности. — 1916. — № 47. — 20 нояб. — С. 489.

ли и 45, и 50, и 60 % прибыли⁵⁶³. У Яхненко за счёт нового оборудования и организации труда прибыль на капитал была ещё большей — в Городищенский завод они вложили 400 тысяч, а получали ежегодно по 75–100 % прибыли. Это впечатляет⁵⁶⁴.

После поломки техники, из-за чего остановился весь Городищенский завод в ожидании, пока нужные детали доставят из Франции, братья построили в 1849 году машиностроительный завод в Млиеве, производивший оборудования для сахарной промышленности. Это было гораздо выгоднее, чем покупать всё это за границей, к тому же можно было быстро произвести любой ремонт. На создание завода братья потратили 500 тысяч рублей. В Англии и Бельгии приобрели лучшее оборудование, а во Франции наняли опытных механиков для его обслуживания. Скептики считали создание такого завода ненужной и дорогостоящей затеей, которая потом и привела к ухудшению экономического положение фирмы Яхненко и Симиренко⁵⁶⁵.

Впрочем, в годы расцвета на заводе работало 4 тысячи человек, и он давал 25–30 тысяч рублей прибыли в год. Это был первый и пока единственный такой завод во всей империи, так что Яхненко и Симиренко стали монополистами по производству оборудования для сахарной промышленности.

В 1850-е годы, время расцвета своей деятельности, торговый дом Яхненко и Симиренко имел многочисленные склады в Киеве, Харькове, Николаеве и других городах, а также два собственных небольших металлических буксирных парохода «Украинец» и «Святослав» для транспортировки сахара по Днепру. Причём построили они их сами на своём машиностроительном заводе, а не купили за границей.

⁵⁶³ Нужна ли сахарная нормировка? // Киевское слово. — 1903. — № 5733. — 19 дек.

⁵⁶⁴ Даже в конце XIX века такая прибыльность встречалась редко. Считавшееся успешным паевое товарищество Тростянецкого завода (Брацлавский уезд Подольской губернии) в 1898 году получило прибыли 786,2 тысячи рублей при основном капитале 1 500 000 рублей — более 50 % на основной капитал (Тайна сахарной промышленности // Киевское слово. — 1899. — № 4144. — 24 июня. — С. 2).

⁵⁶⁵ Для завода купили множество самых разных станков и материалов, чтобы иметь возможность производить любое оборудование для сахарной промышленности. Однако такие затраты привели к тому, что цены на продукцию завода пришлось поставить слишком высокие, и заказчикам было выгоднее покупать всё это во Франции (Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. — К.: Гос. изд. Украины, 1925 — С. 157).

Городищенский завод считался образцовым, а годовые обороты фирмы достигали 20 млн рублей — она была тогда крупнейшей на территории Украины. Авторитет торгового дома был настолько высок, что его векселя обращались почти как наличные деньги. Капиталов хватало, и фирма Яхненко занялась финансовыми операциями, открыв свою сберегательную кассу, напоминавшую банк. Там у клиентов принимали депозиты и выдавали им кредиты.

К концу 1850-х годов «дела фирмы Яхненко и Симиренка находились в самом цветущем состоянии... при крепостном праве здесь... царил свободный вольнонаёмный труд, щедро оплачиваемый. Заботливость и попечение хозяев заведения о благосостоянии рабочих... и служащих на заводе были безмерны: благоустроенные в санитарном отношении казармы, паровые бани, роскошная больница с богатой аптекой, прекрасная церковь, библиотека, училище на 150 учеников с семьёю преподавателями... Предметы преподавались по программам технических училищ»⁵⁶⁶.

А само местечко Млиев, где находился торговый дом, полностью преобразилось — появились новые дома для работников заводов, магазины и даже театр. Везде «кипела жизнь торговая, коммерческая, целиком пересаженная из Франции»⁵⁶⁷, а «грандиозный по тому времени размах предприятия... безукоризненное фабричное оборудование изумляли современников»⁵⁶⁸. В городке сделали водопровод, а на улицах поставили газовые фонари. Поистине, свободные деньги творят чудеса — даже с маленькими городками типа Млиева. Братья считали, что, когда для работников созданы хорошие условия, предприятие даёт больше прибыли. И это тогда, когда нормой было иное отношение к работникам сахарных заводов — «между зелёными вербами чернели две длинные казармы для работников. Казармы были ободраные, с оббитыми дождём стенами. Можно было подумать, что это сараи для овец, а не дома для людей»⁵⁶⁹.

⁵⁶⁶ Чалый М. Посещение Т. Г. Шевченком сахарного завода Яхненко и Симиренка / М. Чалый // Киевская старина. — 1889. — Т. 24. — № 2. — С. 459–464.

⁵⁶⁷ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. — № 3. — С. 366.

⁵⁶⁸ Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. — К.: Гос. изд. Украины, 1925. — С. 151–152, 154.

⁵⁶⁹ Нечуй-Левицкий И. С. Микола Джеря / И. С. Нечуй-Левицкий // Твори у 2 т. Т. 1. Повісті та оповідання. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 470.

В то время было принято тратить часть прибыли на благотворительность⁵⁷⁰. Особенно это касалось первых капиталистов, вышедших из народа. С одной стороны, они были инноваторами и носителями прогресса, а с другой — их считали безжалостными эксплуататорами, обвиняя в стяжательстве, жадности к деньгам и прочих смертных грехах. Единственным способом оправдаться перед обществом и государством оставалась благотворительность. Доверие со стороны общества и властей были для предпринимателей гарантией их экономической безопасности и перспектив дальнейшего развития бизнеса. Когда братья Яхненко или Терещенко давали деньги на постройку церквей и больниц, то даже самые злые языки замолкали — что можно сказать против этого? Хотя по сути своей система эта была порочной — государство во многом перекладывало затраты на социальную сферу на меценатов. Однако благосостояние городов и людей в целом должно зависеть от их собственного труда, а не от щедрых подачек олигархов.

Что же касается самих предпринимателей, то самая главная их заслуга перед обществом была вовсе не в том, что они давали деньги на школы, больницы или картинные галереи. Они создавали новые рынки, а вследствие этого — новые рабочие места. Поэтому и повседневная жизнь множества людей, их материальное благополучие заметно улучшались благодаря бизнесу таких, как Яхненко или Терещенко.

Ну и не без того, конечно, что для предпринимателей благотворительность стала единственным способом иметь необходимые для статуса и престижа чины, звания и ордена, вплоть до получения дворянства. Всё это открывало для предпринимателя реальные возможности для изменения своего положения в обществе — в 1870 году Артемий Терещенко за особые заслуги в деле благотворительности царским указом от 12 мая был возведён в потомственное дворянство, передающееся по наследству сыновьям. Никола Терещенко немного позже получил за благотворительность чин действительного тайного советника, а его сын Александр — действительного статского советника. Такой же чин удалось получить и знаменитому сахарному магнату Лазарю

⁵⁷⁰ Израиль Бродский, отец знаменитого сахарозаводчика Лазаря Бродского, прямо говорил, что даёт деньги на благотворительность не потому, что хочет давать, а потому что так нужно, принято в обществе.

Бродскому, правда, не без усилий⁵⁷¹. Подобное прагматичное отношение к благотворительности среди предпринимателей было тогда обычным. Так благотворительность оказалась частью государственной политики. По словам С. Ю. Витте, «изящные искусства, литература, наука, прикладные знания, промышленность, торговля, сельское хозяйство, общественное управление, благотворительность — всё это у нас... состоит на государственной службе, если не целиком, то... в значительной своей части»⁵⁷².

Однако так было не всегда и не везде. Известно, что семья Симиренко без всякой выгоды для себя поддерживала финансово украинское движение (особенно Василий, сын Фёдора, решивший тратить на это 10 % своей прибыли). В Млиеве гостил Тарас Шевченко и другие деятели. Когда Павлу Чубинскому (автору слов гимна «Ще не вмерла України») в 1870 году запретили жить в Киеве, Василий Симиренко предложил Чубинскому работу в администрации сахарного завода и предоставил жильё в Млиеве. Так что даже автор гимна нашего государства когда-то работал на сахарном заводе. Василий финансировал публикацию журнала «Киевская старина», а второй сын Фёдора Платон Симиренко в 1860 году дал Тарасу Шевченко 1100 рублей на издание «Кобзаря». Для национального движения проблема финансовой поддержки стояла всегда — ведь деньги были нужны на всё, в том числе на издание книг и газет, и на существование товариществ «Просвита». А на деле это движение «поддерживается двумя-тремя капиталистами, вышедшими из низов. На дворянство нам, очевидно, нужно махнуть рукой... нужно надеяться на буржуазию, поднимающуюся из народных масс»⁵⁷³.

⁵⁷¹ В 1910 году петербургский митрополит Антоний подал в Министерство торговли и промышленности ходатайство о присвоении сахарозаводчику Лазарю Бродскому чина действительного статского советника. Бродский оказывал финансовую помощь Императорскому человеколюбивому обществу, попечителем которого был митрополит. Однако из императорской канцелярии митрополиту ответили, что Бродский, пожертвовавший 76 тысяч рублей на нужды общества (за что он уже получил два ордена, св. Станислава и Анны), дал недостаточно много для получения чина действительного статского советника. Впрочем, через год по протекции жены великого князя Константина Константиновича сахарозаводчик всё же добился своего и стал действительным статским советником.

⁵⁷² Цит. по: Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. — М.: Наука, 1989. — С. 31.

⁵⁷³ Когда Василий Симиренко умер в 1915 году, после него остались заводы, недвижимость, ценные бумаги и деньги в общей сложности на 7 млн руб.,

Несмотря на все успехи фирмы Яхненко и Симиренко, стиль ведения дел в фирме оставался патриархальным — времён гетмана Мазепы. «В доме фирмы... стоял громадный сундук; приказчик почтенных лет носил ежедневный заработок в сундук, высыпал рубли, червонцы, не считая, брал, сколько ему нужно было, заявив только, на что нужны деньги; особого контроля и проверок не было, но если иногда и проверялись деньги, то всегда оказывалась исправность, точность и аккуратность». Всё основывалось на полном доверии к честности приказчиков, «которая существовала в старину в доме и в делах фирмы»⁵⁷⁴.

По слухам, как-то на Городищенский завод заехал граф Бобринский и в разговоре с Кондратом Яхненко спросил у него, не боится ли он обанкротиться — набрал ведь огромные кредиты, да и молодая жена ходит вся в бриллиантах. На что Яхненко ответил, что банкротства не боится. В случае чего он умеет шить сапоги и будет снова торговать ими на базаре, так что с голоду не умрёт. И вообще начнёт всё с начала (правда, ему уже исполнилось тогда 63 года). «А вот вы, граф, что будете делать, если обанкротитесь?» — спросил Яхненко. Бобринский посмеялся, но так ничего и не ответил.

А тем временем проблемы в фирме назревали. Братья были уже немолоды, и после смерти старшего Степана в 1842 году его наследники стали требовать раздела имущества. Им пришлось выдать полмиллиона рублей. При этом капитал фирмы поделили на четыре части, после чего управлять бизнесом стало гораздо труднее. Прибыли стали снижаться, а долги расти. Компаньоны начали всё больше и больше использовать кредиты для развития фирмы, не заботясь о создании резервов.

В 1859 году активы фирмы составляли 5 млн рублей, пассивы — 3,5 млн. Главная причина финансовых трудностей предприятия Яхненко «без всякого сомнения в де-

завещанные жене, а в случае её смерти — деятелям украинского национально-го движения (М. С. Грушевскому, В. Б. Антоновичу и другим), о чём говорилось в отдельном втором завещании. Чтобы потом не возникло юридической путаницы, жена Симиренко сразу передала этим шестерым деятелям процентные бумаги (в основном облигации) на 300 тысяч рублей (Чикаленко Е. Х. Щоденник (1907–1917) / Е. Х. Чикаленко. — К.: Темпора, 2011. — С. 78, 362).

⁵⁷⁴ Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. — № 1. — С. 108.

нежном кризисе, который тяготеет уже около двух лет над промышленностью... Он уменьшил в прошлом [1861] году кредит этого дома почти на полтора миллиона рублей»⁵⁷⁵.

К тому же в 1861 году произошёл досадный случай, сильно ухудшивший положение торгового дома. После окончания оптовой ярмарки в Киеве представитель фирмы, заведовавший кредитными операциями, потерял багаж с бухгалтерскими книгами, векселями и чистыми бланками с подписями руководителей. Бухгалтерские книги попали в руки конкурентов, которые увидели, что торговый дом находится в шатком положении. Конкуренты воспользовались этим и начали распространять слухи, что фирма Яхненко на пороге банкротства. После этого кредиторы стали требовать возврата денег, что ещё более ухудшило и без того сложное финансовое состояние предприятия. А в феврале 1862 года фирма вынуждена была «прекратить платежи по своим долговым обязательствам»⁵⁷⁶.

«Отсутствие правильного учёта... и слишком роскошная, даже расточительная жизнь некоторых членов семьи фирмы... имели своим последствием сперва прекращение платежей, затем администрацию и, наконец, полную разорительную ликвидацию всего предприятия»⁵⁷⁷. Обсуждался план превратить его в акционерную компанию, но ничего из этого не получилось, так что я даже не вижу смысла пересказывать эту историю, о которой тогда подробно писали газеты⁵⁷⁸. Наконец, 1 сентября 1862 года учредили администрацию, управлявшую торговым домом, но восстановить былой масштаб деятельности не удалось. В 1888 году когда-то знаменитую фирму Яхненко окончательно ликвидировали. И эту страницу в истории капитализма в Украине пришлось перевернуть.

Вывод из всего этого простой и поучительный: личные качества основателей бизнеса имеют решающее значение.

⁵⁷⁵ Торговый дом под фирмою «Братья Яхненко и Симиренко» // Киевский телеграф. — 1862. — 1 февраля.

⁵⁷⁶ Отчёт комитета, учреждённого кредиторами торгового дома братьев Яхненко и Симиренко // Киевский телеграф. — 1862. — 19 марта.

⁵⁷⁷ Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. — К.: Лыбидь, 2013. — С. 25.

⁵⁷⁸ Торговый дом под фирмою «Братья Яхненко и Симиренко» // Киевский телеграф. — 1862. — 1 февр. Отчёт комитета, учреждённого кредиторами торгового дома братьев Яхненко и Симиренко // Киевский телеграф. — 1862. — 19 марта.

Пока компаньоны работали вместе и у них сохранялся энтузиазм, всё шло по восходящей. Но как только наследники старшего брата стали требовать после его смерти раздела имущества, всё грандиозное здание сахарного бизнеса пошатнулось и стало рушиться.

В 1860-е годы «в Киеве появился первый сахарозаводчик из евреев» Моисей Давыдович Вайнштейн (1825–1910), владелец трёх сахарных заводов. «Богатый, даровитый, умный, предприимчивый, он сразу занял в Киеве первое положение»⁵⁷⁹. Но когда в 1870-е годы в Киеве появились французы и бельгийцы и стали строить сахарные заводы по новой технологии, и особенно когда началось возвышение одного из «сахарных королей» Израиля Бродского, Вайнштейн вынужден был приостановить платежи. Его постигла участь всех предпринимателей с чересчур широким размахом — он разорился, о чём официально объявили в начале 1876 года.

В те годы ещё одним крупным сахарным магнатом был граф В. Браницкий. «В Звенигородском уезде (Киевской губернии) находится местечко Ольшана, принадлежащее к владениям графа В. Браницкого. Имя местечка знакомо читателям как потребителям ольшанского... рафинада». Огромный «великолепный, гигантский рафинадный завод, в котором ежегодно выделяется рафинаду до 600 тысяч пудов... один из первых в Европе. Он построен весьма недавно и по самой новейшей системе. В нём сосредоточены все... усовершенствования в рафинадном производстве. Здание завода поражает своей огромностью... везде необыкновенная чистота, порядок»⁵⁸⁰. Но все эти фигуры отступали в тень на фоне успехов новой звезды «столицы сахара» — Николы Терещенко.

⁵⁷⁹ Состоятельные «провинциальные евреи считали большим счастьем поместить у него свои деньги на всяких условиях, какие бы им Вайнштейн не предложил». И даже Н. Х. Бунге, в то время управляющий киевской конторой Государственного банка, «несмотря на свою осторожность», стремился установить коммерческие связи с Вайнштейном «и был чрезвычайно доволен, когда заполучил для [своего] банка его первые векселя на довольно значительные суммы» (Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. — К.: Лыбидь, 2013. — С. 25, 280, прим. 29).

⁵⁸⁰ Предлагаемая к устройству Ольшанская железная дорога // Киевский телеграф. — 1861. — 19 янв.

Династия Терещенко

Основатель династии Артемий, сын простого козака Якова, родился в 1794 году в селе Локоть. В 1820 году он приехал в Глухов и занялся торговлей. Сначала он на ручной тележке развозил по городу недорогую свежую еду, потом открыл на базаре свой маленький магазинчик по продаже хлеба, затем ещё один. Артемий «известен был под именем Карбованца», и с этим «связана следующая народная легенда. Народ повествует, что Терещенко-отец, будучи мальчиком, украл карбованца, то есть рубль серебром. Этим карбованцем он и рас­торговался»⁵⁸¹, проще говоря, получил в своё распоряжение стартовый капитал. Ведь один рубль серебром для начинающего купца в те годы был не такими уж мелкими деньгами. Купеческий талант у Артемия явно был, и вскоре он разбогател на торговле зерном. В те годы Глухов считался одним из крупнейших зерновых рынков, и оттуда зерно на больших возах, запряжённых волами, везли на юг, в Одессу и Крым — ведь железных дорог тогда ещё не было.

Главным помощником Артемия Терещенко стал сын Никола (1819–1903). Начал он свой путь в коммерции по примеру отца с торговли зерном, самого выгодного тогда дела. Молодой Терещенко на волах повёз зерно в Крым, а оттуда привёз соль и сушёную рыбу. Так он смог попробовать образ жизни чумаков. Была ли в этом романтика молодости или простой коммерческий расчёт — сказать трудно. В сущности, в те годы это был единственный способ доставить туда зерно. Первая поездка в Крым принесла хороший доход, и Никола с братьями снова отправился в путь.

Вскоре он стал основным в Глухове заготовителем зерна и продавцом соли и рыбы. Первым делом Никола построил на полученные доходы кирпичные склады для хранения зерна, а остальную часть прибыли пустил на расширение бизнеса. Закупая у помещиков зерно, он приобрёл множество деловых связей, а чёткость и честность создали ему хорошую репутацию. Дело расширялось, и скоро на волах стали возить зерно наёмные работники.

В истории семьи Терещенко, как и у Яхненко, тоже была легенда про клад, найденный братьями, — наш народ любит

⁵⁸¹ Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 т. — Т. 2: 1874–1879. — К.: Наукова думка, 1995 — С. 168.

такие истории. Мысли о том, что к богатству ведут предприимчивость, трудолюбие и настойчивость, почему-то в голову приходят редко, и если разбогател — значит, обязательно нашёл бочку с золотыми монетами. В действительности же братья Терещенко сильно разбогатели в 1850-е на другом. Во время Крымской войны 1853–1856 годов властям понадобились предприниматели, имеющие опыт доставки больших грузов в Крым. Для Артемия и сыновей это была большая удача — на волах они стали возить продовольствие и военное обмундирование, за что им хорошо платили. Впрочем, не всё было так просто. «Говорят, что они поставляли порох... не без злоупотреблений, результатами которых делились с генералами. Как и что, кто их знает: я передаю народную молву»⁵⁸².

Была ли прибыль получена честным путём или не очень, но Никола распорядился ей разумно — потратил не на потребление (и даже не на покупку возов и волов), а вложил в добычу соли в местечке Бахмут на Донбассе. Заработав на соли ещё больше, он в 1855 году построил свой первый сахарный завод возле Глухова. В те годы, будучи бургомистром этого местечка, а потом и городским головой⁵⁸³, он не жалел денег на благоустройство города, щедро помогая школам, гимназиям и больницам. Ведь отец всё время говорил сыновьям, чтобы они не скупились на благотворительность, ежегодно отдавая на неё часть прибыли⁵⁸⁴. Всего Никола Терещенко пожертвовал на нужды города полтора миллиона рублей своих денег, и Глухов даже стали называть «Черниговскими Афинами». Может, про Афины — это и слишком громко сказано, но на гербе семьи Терещен-

⁵⁸² Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 т. — Т. 2: 1874–1879. — К.: Наукова думка, 1995 — С. 168. Такое же говорили и про скот — пригоняли сто волов, а военное начальство платило за триста; деньги потом делили пополам (Сподини про Терещенків // Пам'ятки України: історія та культура. — 2007. № 4. — С. 202).

⁵⁸³ С 1851 по 1865 год.

⁵⁸⁴ В популярных статьях бытует миф, что отец завещал тратить на благотворительность 80 % прибыли. Известно, что Никола потратил за свою жизнь на благотворительность 5 млн рублей (из них 1,5 млн в Глухове и 2,5 млн в Киеве). Заводы его давали чистую прибыль около миллиона рублей в год, а после смерти Николы осталось по одной версии 30 млн, а по другой — 100 млн рублей. Простой расчёт показывает, что на благотворительность он тратил конечно не 80 % прибыли, а гораздо меньше. Может, процентов 10–15, что тоже достойно уважения.

ко было написано «Стремление к общественным пользам», и они этому принципу следовали всю жизнь.

Никола Терещенко обладал способностью не только чувствовать настроение времени, но и понимать, как он может его использовать для бизнеса. Когда в 1861 году отменили крепостное право, для многих помещиков это стало трагедией. Всё их хозяйство, экономически часто не очень выгодное, держалось на труде крепостных, и становилось нецелесообразным, если приходилось платить наёмным работникам. Особенно это касалось небольших сахарных заводов — после 1861 года они часто становились для помещика ненужной обузой. И тут в роли спасителя появлялись братья Терещенко вместе с отцом и предлагали купить и сахарные заводы, и водяные мельницы. Они знали, что с этим делать. Помещики были счастливы, семья Терещенко тоже довольно потирали руки — их бизнес расширялся. Так они извлекли для себя немалую выгоду из реформы 1861 года, и через десять лет у одного лишь Николая было более десяти сахарных заводов в разных губерниях.

В начале 1870-х годов семья Терещенко переселилась в Киев, и Никола «скоро занял здесь в коммерческом мире первое место. Он... верно оценил как земельные богатства Юго-Западного края, так и выгоды свеклосахарной промышленности, и умел использовать их»⁵⁸⁵. Чтобы не делить капитал на части, в 1870 году Артемий Терещенко (ставший к тому времени купцом первой гильдии) предложил сыновьям создать на троих одно «Товарищество свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко» и передал им 3 млн рублей как стартовый капитал, разделённый на 600 паёв по 5 тыс. рублей⁵⁸⁶. Товарищество объединило не все заводы — у каждого из братьев осталось в частной собственности по несколько предприятий. На своих заводах братья Терещенко создавали для работников благоприят-

⁵⁸⁵ Никола Артемьевич Терещенко (некролог) // Киевлянин. — 1903. — № 20.

⁵⁸⁶ В те годы паевое товарищество было наиболее распространённой формой организации предприятий в сахарной промышленности (пай стоил обычно 1000 рублей). Эти товарищества пришли на смену частным фирмам времён Алексея Бобринского и братьев Яхненко. И даже в 1900 году 80 % предприятий оставались паевыми товариществами. Прибыль на вложенный капитал в них была не менее 10 % годовых, а кое-где и гораздо больше, до 40–50 %. Государственные облигации, считавшиеся самыми надёжными инвестициями без всякого риска, могли тогда дать не больше 5 % годовых, а чаще всего — порядка 4 %.

ные условия. Рабочий день был восьмичасовой, регулярно раз в месяц выдавали зарплату от 8 до 15 рублей и дополнительно ещё 5 рублей на питание⁵⁸⁷. При заводах существовали бесплатные больницы и школы.

Вскоре после создания товарищества Никола Терещенко решил было перебраться в Москву, чтобы там представлять интересы своей фирмы, и даже прожил там пять лет в доме, купленном ещё его отцом, но в 1875 году вернулся с семьёй⁵⁸⁸ в Киев, ставший главной «столицей сахара» после постройки железной дороги и начала работы Киевской биржи. Там он и жил в особняке на Бибиковском бульваре⁵⁸⁹, купленном в феврале 1875 года, щедро жертвуя деньги на постройку церквей и детских домов⁵⁹⁰. Никола коллекционировал живопись (что продолжил его сын Иван, которого называли «Киевским Третьяковым», и внук Михаил, финансист, политик и меценат начала XX века).

Впрочем, так поступали не только Терещенко. «Прекрасная эпоха была периодом невероятного обогащения богатых, социального влияния аристократии, неконтролируемого, изощрённого снобизма, безрассудных колониальных амбиций, меценатства». На деле же всё это «покровительство людям искусства... представляло собой, так сказать, внутренний колониализм»⁵⁹¹.

В 1900 году капитал товарищества составлял 8 млн рублей, товарооборот — 12 млн, и заводы Терещенко по объёмам выпуска продукции стали лидерами в сахарной промышленности. В разных городах империи работали 14 контор товарищества, а его продукция импортировалась в Англию, Германию, Швейцарию, Норвегию, Персию, Афганистан и Китай. В том же 1900 году на Всемирной выставке в Париже сахарный песок, спирт и мука с заводов Терещенко получили наивысшую оценку качества, а самого Николу наградили французским орденом Почётного легиона. Братья Терещенко применяли в производстве сахара

⁵⁸⁷ В то время фунт (0,45 кг) говядины стоил 8 копеек, фунт масла — 30 копеек, одна курица — 40 копеек. Так что пять рублей на питание было достаточно.

⁵⁸⁸ У Николы и его жены Пелагеи было шесть детей.

⁵⁸⁹ Бульвар Шевченко. Сейчас в особняке Терещенко находится музей Шевченко.

⁵⁹⁰ Братья Терещенко помогали деньгами при строительстве Владимирского собора, Политехнического института и Консерватории.

⁵⁹¹ Барнс Дж. Портрет мужчины в красном / Дж. Барнс. — М.: Иностранка, 2020. — С. 173.

инновационные технологии и оборудование, занимались выведением новых сортов сахарной свёклы, для чего создали специальную лабораторию⁵⁹².

Сахарный бизнес давал братьям ежегодно около миллиона рублей чистой прибыли. При таких доходах Никола Терещенко мог бы безвыездно жить в своё удовольствие на Лазурном берегу, на семейной вилле Марипоза в Каннах. Но сидеть без дела не хотелось — нужно было модернизировать, улучшать свой бизнес. Кроме того, Никола был членом учётного и кредитного комитета Киевской конторы Государственного банка и активным участником биржевого комитета, руководившего Киевской биржей.

Когда в 1903 году один из отцов-основателей украинского капитализма Никола Терещенко умер в возрасте 84 лет, ему принадлежало пять заводов, 80 тысяч десятин земли, несколько мельниц и два магазина в Одессе⁵⁹³. «После покойного осталось огромное состояние, превышающее, как говорят, 100 миллионов, не считая имений, ещё при жизни выделенных им своим двум сыновьям и четырёх дочерям»⁵⁹⁴, а также сахарных заводов, принадлежавших товариществу братьев Терещенко.

Знаменитый миллионер не только любил всякие технические новинки (покупая первые телефоны, фотоаппараты и автомобили), но и поддерживал деньгами создание в Киеве телефонной сети, электрического освещения улиц и трамвайной линии. Недаром ему в 1892 году присвоили звание почётного гражданина города Киева. Говорят, что, когда Никола хотел помочь деньгами кому-то из знакомых, делал он это очень деликатно. «Милостивый государь, не откажите мне в любезности выполнить мою просьбу, — писал он обычно в записке, — принять от меня эту сумму денег, которая, возможно, поможет Вам выйти из затруднительного положения».

⁵⁹² На их заводах даже отходы сахарного производства не выбрасывались, как это обычно делали до того, а использовали для откорма скота, который потом продавали в Одессу и Варшаву.

⁵⁹³ Основной капитал товарищества составлял в то время 4 млн руб. (800 именных паёв по 5000 руб.), владельцам паёв был выдан дивиденд 12 %. К 1911 г. товарищество владело 9 сахарными заводами и производило в год продукции на 27,7 млн руб., а вклады семьи Терещенко в иностранных банках достигли 13 млн руб. (Барышников М. Н. Деловой мир России / М. Н. Барышников. — СПб.: Искусство-СПб., 1998. — С. 351).

⁵⁹⁴ Никола Артемьевич Терещенко (некролог) // Киевлянин. — 1903. — № 20.

Сегодня, спустя годы, во многих популярных статьях и книгах⁵⁹⁵ их авторы рисуют образ однозначно позитивного «старого Николы», не жалевшего своих личных денег на благоустройство родного Глухова (а потом и Киева). Такое действительно было. Однако в реальности сахарные магнаты, да и другие создатели капитализма в Украине, были далеко не святыми, а живыми людьми со своими несовершенствами и слабостями. Если мы не стесняемся и не боимся критиковать таких героев нашей экономической истории, как Терещенко (да и других тоже) — иконы украинского капитализма, — это признак зрелости. Прежде всего, нас самих. Хотел было написать «и нашего общества», но не стал — трудно назвать наше общество зрелым.

В воспоминаниях современника, киевского юриста Александра Кистяковского (хорошо знавшего, судя по его дневнику, положение дел в сахарной промышленности), описан совсем другой образ Николы Терещенко. «Терещенков три брата. Из них самый выдающийся Никола. Это и самый хищный... зато и самый богатый. Сухая небольшая фигурка... Необыкновенно тих и скромен среди городского общества. Ласков и приветлив. Никогда не спорит». Однако он «скорее в петлю полезет, чем уступит рубль». Это пример «того эксплуататора, который умеет высасывать соки из народа, и выжав их в виде крупного куша, спешит ничтожную часть их пожертвовать на благотворительные учреждения». Скупая земли помещиков, он повышает арендную плату, которую платили крестьяне за землю, с 5–8 рублей до 10–16. Помещики начала XIX века, Браницкие, Воронцовы, Бобринские и другие, «были паны беспечные, ленивые, небрежные... Они часто были жестоки... самодуры и т. д. Но нередко... они давали жить народу и оставляли за ним некоторые льготы. Деятели типа Терещенков — это те эксплуататоры, которые тихим, скромным... воровским манером выжимают и высасывают жизненные экономические соки из народа»⁵⁹⁶. Было у современников и такое восприятие знаменитого сахарозаводчика. Хотя так поступал не только Терещенко, а и все, начавшие с нуля и разбогатевшие.

⁵⁹⁵ Ковалинский В. В. Семья Терещенко / В. В. Ковалинский. — К.: Пресса України, 2003.

⁵⁹⁶ Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 т. — Т. 2: 1874–1879. — К.: Наукова думка, 1995. — С. 168, 170.

Ещё говорили, что в повседневной жизни Никола невероятно скуп, жаден и ходит в старой потрёпанной одежде (такие сплетни пошли от прислуги, работавшей в его киевском доме). Трудно сказать, насколько это правда. Однако Иван Карпенко-Карый в комедии «Хозяин» изобразил богача Терентия (намёк на Терещенко был всем понятен) Пузыря, готового удавиться из-за каждой копейки и носящего такой старый кожух, что его однажды не захотели пускать в отделение Земского банка. Терентий жертвовал десятки и сотни тысяч на благотворительность, но, когда у него попросили сто рублей на памятник Котляревскому в Полтаве, он ответил, что Котляревский ему «без надобности».

Кстати, Иван Карпенко-Карый (Тобилевич)⁵⁹⁷, высмеивавший в своей пьесе жадного «капиталиста» Пузыря, сам был человеком далеко не бедным. «Симпатии автора явно на стороне хозяев; он только осуждает эксцессы с их стороны, которые чаще всего являются... следствием малообразованности и некультурности». В украинском обществе всё больше распространялись левые настроения, и Дмитрий Дорошенко⁵⁹⁸ даже упрекает драматурга в том, что идеи его пьес не достигают «той высоты, вокруг которой вращается передовая общественная мысль в Украине». Герои его пьес не «беднота, безземельная голытьба, а люди состоятельные, лелеющие в душе мечты о том, что “банк денег даст, я земли куплю сто десятин... главное, чтобы земли побольше”».⁵⁹⁹

Драматургу принадлежало 200 десятин земли, на которой его отец построил родовую усадьбу, назвав её «хутор Надежда» в честь своей жены Надежды Тарковской⁶⁰⁰. Желая расширить хозяйство, Карпенко-Карый арендовал ещё 400 десятин земли у сестры своей жены, а когда его отправили в политическую ссылку в Новочеркасск, сдавал 200 десятин земли в аренду крестьянам. Вернувшись в 1887 году после окончания трёхлетней ссылки, он решил поселиться на своём хуторе, где были написаны лучшие произведения (в том числе «Хозяин»). Временами Иван Карпенко-Карый навещал

⁵⁹⁷ Родившийся в 1845 году в семье Карпа Тобилевича, управляющего помещичьим имением в селе Арсеньевка (Кировоградская область).

⁵⁹⁸ Дорошенко Дмитрий Иванович (1882–1951) — публицист, историк и политик. Министр иностранных дел при гетмане Скоропадском.

⁵⁹⁹ Дорошенко Д. Іван Тобілевич (Карпенко-Карий) / Д. Дорошенко // Киевская старина. — 1907. № 10 — С. 122–126.

⁶⁰⁰ Потомками старинного рода Тарковских были поэт Арсений и знаменитый кинорежиссёр Андрей Тарковские.

своего друга Евгения Чикаленко⁶⁰¹ в его имении в Перешорах. В то время как брат драматурга, Панас Саксаганский, ходил на охоту, Карпенко нравилось поговорить с Чикаленко о хозяйстве, особенно о разведении овец, которых он очень любил⁶⁰². «Слушая его, я каждый раз думал о том, что из него получился бы выдающийся профессор философии, если бы он получил соответствующее образование, а не четыре класса уездной школы. Наверное, тогда и драматург-писатель из него получился бы другой, имеющий не только украинское, а и всемирное значение... да и Шевченко, если бы перед своим арестом уехал за границу, и вместо того, чтобы десять лет страдать в каспийских степях... прожил бы всё это время в Европе, среди людей образованных и культурных, то и написал бы он то, что имело бы всемирное значение, поставив его в один ряд с Гёте и Байроном»⁶⁰³. Наверное, потому Чикаленко и хотел, чтобы его сын продолжал учиться в Лозаннском университете, а не в Петербургском⁶⁰⁴.

Панас Саксаганский в своих воспоминаниях пишет, что цензура долго не давала разрешение на постановку пьесы «Хозяин», предполагая, что в ней изображён Терещенко. А Никола послал к Карпенко-Карому своего человека, предложившего 30 тысяч рублей за то, чтобы комедию больше никогда не ставили. Драматург, конечно же, гордо отказался от такой огромной суммы⁶⁰⁵.

⁶⁰¹ Евгений Чикаленко (1861–1929) оставил заметный след в истории украинского движения. Он был далеко не самым богатым помещиком, но человеком вполне состоятельным. И хорошо образованным. Поэтому Чикаленко не жалел своих денег на финансовую помощь журналу «Киевская старина», на награду 1000 рублей за лучшую историю Украины и на многое другое, стараясь поддерживать украинскую культуру — вместе с Василием Симиренко они финансировали издание газеты «Рада». В 1919 году Чикаленко эмигрировал, закончив свою жизнь в Праге.

⁶⁰² Чикаленко Є. Спогади (1861–1907) / Є. Чикаленко. — Нью-Йорк: Українська вільна академія наук, 1955. — С. 181.

⁶⁰³ Чикаленко Є. Спогади (1861–1907) / Є. Чикаленко. — Нью-Йорк: Українська вільна академія наук, 1955. — С. 183–184.

⁶⁰⁴ Евгений Чикаленко очень хотел, чтобы его сын Левко учился в Европе, и в 1907 году тот поступил в Лозаннский университет, начав изучать естественные науки. Но проучился он там только два года, оставив университет ради участия в археологической экспедиции Фёдора Вовка на Волыни. В 1912 году Левко предпочёл поступить в Санкт-Петербургский университет, чтобы стать археологом. Однако жить ему пришлось в эмиграции, где от диплома Лозаннского университета было бы гораздо больше пользы.

⁶⁰⁵ Саксаганський П. По шляху життя: мемуари / П. Саксаганський (П. К. Тобілевич). — Х.: Держлітвидав, 1935. — С. 196.

Скорее всего, это байка театрального мира. Но дело даже не в этом (и не в скупости Николы Терещенко, ходившего дома в старом халате — это, в конце концов, его личное дело), а в отношении в обществе к капиталистам. Те, конечно, не были святыми, но писатели и драматурги сделали всё, чтобы изобразить предпринимателей какими-то моральными уродами, приближая своими стараниями большевистский переворот. И даже Владимир Винниченко, известный писатель, один из руководителей Украинской Народной Республики, писал вещи, оторванные от экономической реальности: «...банкиры, фабриканты, крупные помещики, крупные бюрократы, купцы, всякие посредники, факторы и маклеры... никакие ценности не создают, а только работают в том направлении, чтобы ловкими и хитрыми операциями переместить созданные другими ценности с одного места на другое, и за это перемещение (часто совершенно ненужное) получить себе некоторую часть таких ценностей. Это совершенно ничем не отличается от того перемещения ценностей, которое производят так называемые воры, грабители, мошенники, шантажисты и шулеры»⁶⁰⁶.

В украинской классической литературе я не помню ни одного произведения с адекватным образом предпринимателя (в отличие от мировой литературы — хотя бы «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси). И эта традиция имеет очень давние корни. Ещё Иван Вишенский в начале XVII века призывал народ жить в смирении и нищете⁶⁰⁷, однако он был монахом (закончившим свою жизнь на горе Афон) — а к чему ещё может призывать православный монах, следующий своей религиозной традиции? Мотивы писателей XIX века объяснить труднее — они ведь не были монахами.

«Бога ради, не судите о нас по романам Нечуя [Левицкого]... я не знаю ни одного умного человека в его романах, и если верить ему, то вся Украина покажется глупой», — писала Леся Украинка⁶⁰⁸. А ведь история нескольких поколений семьи Терещенко ничем не уступает истории Форсайтов. От Артемия, торговавшего на базаре, до Михаила Терещенко,

⁶⁰⁶ Винниченко В. К. Щоденник. 1911–1920 / В. К. Винниченко. — Едмонтон — Нью-Йорк, Канадський Інститут Українських Студій, 1980. — С. 400.

⁶⁰⁷ «Вместо... смирения, простоты и нищеты гордость, хитрость, малярство и лихоимство владеет» (Вишенский И. Книжка // Сочинения / И. Вишенский. — М.: АН СССР, 1955. — С. 46).

⁶⁰⁸ Лист Лесі Українки до М. П. Драгоманова (22.08.1891) // Українка Л. Твори. У 12 т. Т. 10. — К.: Наукова думка, 1975. — С. 113.

дружившего с Блоком и другими поэтами и художниками начала XX века. И его внука Мишеля Терещенко, вернувшегося из Франции на родину своих предков, в Глухов, и стал его мэром. Целая эпопея, может, даже интереснее (и драматичнее), чем история Форсайтов. Так чем же хуже старый кожух Терещенко, чем кожух Шевченко, или поношенные джинсы Стива Джобса?

Имя сахарных магнатов Терещенко было настолько известно, что в 1913 г. в Петербурге аферисты, не имевшие никакого отношения к сахарозаводчикам, открыли банкирский дом «Терещенко и К°», используя этот бренд, чтобы привлечь внимание клиентов. В январе 1913 года однофамилец, некто В. Терещенко, снял помещение, куда поставили «простой стол и четыре стула. На стекле окна была сделана надпись “Банкирская контора В. А. Терещенко”... Барышня-переписчица на пишущей машинке и мальчик составляли весь штат “банкирского дома”». Банкир Терещенко, «совершенно не интеллигентный, одетый без всякой претензии на моду, напоминал своей внешностью кучера или дворника». Терещенко и его компаньоны, рекламируя свою контору, старались дать понять клиентам, что они имеют некое отношение к знаменитым киевским миллионерам. Когда мошенники собрали деньги, а у клиентов возникли подозрения, «банкиры» успели скрыться, а по делу было начато следствие⁶⁰⁹.

Синий бриллиант

А вот ещё одна история про Терещенко — из тех историй, которые увлекательны как приключенческий роман. Правда, потом узнаёшь, что есть и другая версия описанных событий, более прозаическая. Так было и с огромным синим бриллиантом. Его купил летом 1913 года в Антверпене Михаил Терещенко (1886–1956), внук Николы, один из богатейших людей того времени, владелец роскошного поместья на французской Ривьере и самой большой в мире яхты «Иоланда». Он «родился в очень богатой семье, в ранней молодости стал наследником одной из мощнейших промышленных империй и одного из крупнейших состояний» и его «первые шаги в той

⁶⁰⁹ Очередной крах банкирского дела. Банкирский дом Терещенко и компания — мошенническая организация! Имущество банка: два стула и стол! // «Петербургская газета». — 1913. — 18 июня.

уютной Малороссии конца XIX века были, несомненно, благословлены сразу всеми ангелами мироздания»⁶¹⁰.

Драгоценный камень тайно привезли из Индии. После огранки он весил почти 43 карата, и он был вторым в мире по размеру синим бриллиантом. Мишель Терещенко в книге «Первый олигарх» пишет, что его дед Михаил подарил бриллиант своей возлюбленной, парижанке Маргарите, которая потом приехала с ним в Петербург. После февральской революции 1917 года Михаил Терещенко стал министром финансов, а затем министром иностранных дел Временного правительства. А когда к власти пришли большевики, его арестовали и собирались расстрелять. Маргарита решила спасти его, каким-то чудом добилась приёма у Ленина и предложила ему синий бриллиант, чтобы Терещенко отпустили. Ленин стал злиться и кричать, что «рабоче-крестьянская революция не продаётся», а Терещенко — самый что ни на есть враг народа. А вот сидевший рядом с ним второй «красный вождь» Троцкий внимательно слушал и вечером тайно сообщил, что «рабоче-крестьянской революции» деньги нужны, и он спасёт Терещенко в обмен на бриллиант. Михаилу с невероятными трудностями удалось бежать из России и сохранить жизнь, хотя всё своё богатство он утратил. Что было дальше с камнем, эта легенда умалчивает.

А есть и другая, не такая романтическая версия истории синего бриллианта. В начале XX века жила знаменитая французская танцовщица Сюзанна Мари Бланш Тюилье, и она тансовалась перед революцией в России в аристократических кругах. Что её связывало с Терещенко, первым владельцем бриллианта, мы не знаем. Но в 1916 году Сюзанна вернулась во Францию вместе с синим бриллиантом весом 43 карата, который ей подарил в России богатый поклонник (она так и не призналась, кто именно). Об уникальном бриллианте много писали в те годы газеты, строя всякие догадки — что Сюзанне камень подарил сам царь Николай и что он был похищен то ли в Индии, то ли на Цейлоне из храма, ну и тому подобное. Сюзанна нуждалась в деньгах и не раз закладывала камень, поэтому его видели многие люди. Последний раз о бриллианте упоминали в 1924 году. Некто Иосиф Пайо дал

⁶¹⁰ Терещенко М. Первый олигарх: Михаил Иванович Терещенко (1886–1956). Необычайная история жизни моего деда, как её рассказала бы мне моя бабушка / М. Терещенко. — К.: Ника-Центр, 2012. — С. 15, 17.

под его залог 1 350 000 франков с условием, что, если долг не будет возвращён 9 декабря 1924 года, камень должен перейти в его собственность. Судя по всему, так и произошло, и бриллиант долго был в частных коллекциях, пока не появился на аукционе Christie's в Женеве в ноябре 1984 года. Там он был продан за 4,6 миллиона долларов торговцу драгоценными камнями из Ливана Роберту Муавад и хранится в его коллекции под названием Mouawad Blue. Камень знаменит, о нём много пишут, но и о его первом владельце, киевлянине Михаиле Терещенко, тоже не забывают вспомнить.

Сахарные короли Бродские

История «столицы сахара» будет неполной, если не сказать о знаменитом «сахарном короле» Лазаре Израилевиче Бродском (1848–1904). Конечно, история сахарного бума в Киеве — это не только Бобринский, Яхненко, Терещенко и Бродский. Были и другие сахарные магнаты — Браницкие, Потоцкие, Ярошинские и прочие (а кроме Киева сахарный бизнес процветал и в других городах обширной царской империи). Но эти фигуры, наверное, самые показательные.

«В то время, как я жил в Киеве, — вспоминал С. Ю. Витте, — среди евреев... главным был Бродский. Это был на вид очень почтенный старик, напоминавший собою по наружности библейского патриарха... Он был чрезвычайный богач и... нажился тем, что имел много сахарных заводов... один из самых главных капиталистов всего Юго-Западного края»⁶¹¹. «Удача — это от Бога. А деньги? Деньги — у Бродских». Он «как выедет в своей карете — Крещатик дрожит! Все шапки снимают, в том числе и я»⁶¹².

Основателем династии Бродских считается купец Меир Шор (сменивший потом имя на Марк) из города Броды в Галичине. После смерти в 1846 году он оставил по 40 тысяч рублей пятерым детям. Один из его сыновей, Израиль Маркович, взял себе более звучную фамилию «Бродский», став купцом первой гильдии и сахарным магнатом. По примеру своего приятеля Алексея Бобринского Израиль купил в 1846 году

⁶¹¹ Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствование Александра II и Александра III. / С. Ю. Витте. — Берлин: Слово, 1923. — С. 160–161.

⁶¹² Шолом-Алейхем. Менахем-Мендл. Собрание сочинений. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1973. — С. 40, 48.

первый сахарный завод в местечке Лебедин. А в 1873 году у него уже было девять сахарных заводов и три рафинадных, объединённых в Александровское товарищество — одно из крупнейших в сахарной промышленности Российской империи⁶¹³. К тому времени семейство Бродских перебралось из провинции в Киев. Израиль Бродский приумножил свой капитал в 1000 раз — начав с 40 тысяч рублей, он оставил сыновьям около 40 миллионов. Наследство досталось всем сыновьям, но фактически сахарным бизнесом руководил Лазарь Бродский.

Родился он в 1848 году в местечке Златополе⁶¹⁴, образование получил дома — отсутствие диплома в дальнейшем несколько ему не помешало, как и многим другим богатым и успешным тех лет. Первоначально он не планировал руководить сахарным бизнесом отца — по традиции, это входило в обязанность старшего сына, Ионы. Но неожиданно в 1887 году тот сошёл с ума, а в 1888-м умерли и отец, и самый младший брат Соломон. Остались сорокалетний Лазарь и тридцатилетний Лев. Так Лазарь Бродский, как старший по возрасту, возглавил Александровское товарищество сахарных заводов с капиталом 20 млн рублей и стал одним из богатейших сахарных магнатов конца XIX века.

Он поставил перед собой серьёзную задачу — повысить урожайность сахарной свёклы и производительность сахарных заводов. Это ему удалось сделать, но произошло то, чего Бродский совершенно не ожидал, — из-за перепроизводства в 1884 году цены на сахар стали падать. Это был тогда общемировой тренд, и до Киева как раз докатилась волна мирового «сахарного кризиса». Когда упали цены на сахар, начались банкротства некоторых сахарных компаний. Правительство отменило пошлины при продаже сахара за границу, чтобы поддержать сахарное производство. Но цены всё равно падали, и тогда Бродский в 1887 году решил создать сахарный синдикат⁶¹⁵, договорившись о получении государственного кредита — 5 млн рублей.

⁶¹³ Товарищество давало в разные годы 15–25 % общего объёма производства сахара в империи.

⁶¹⁴ Сейчас — Новомиргород Кировоградской области.

⁶¹⁵ Вначале синдикат включал в себя около 70 % заводов империи (в 1892 году — 92 %, 201 завод), что давало возможность проводить единую ценовую политику и контролировать рынки сбыта.

Кроме 99 сахарозаводчиков украинских (Терещенко, Харитоненко и др.) и русских (Бобринский, Хрящов и др.) в синдикате участвовало 48 польских (в том числе крупнейшие из них, Браницкие и Потоцкие) и немало еврейских (Бродский, Фишман и др.). У всех них были разные религии и культурные традиции, и не всегда в истории отношения между этими народами складывались гладко, но они без проблем объединились, когда этого потребовали интересы бизнеса. По словам современника, «сахарные заводы строили в губернии великороссы, украинцы, поляки, евреи, немцы, и в деловых отношениях никто с национальностью не считался»⁶¹⁶. Так капитализм в Украине строился объединёнными усилиями предпринимателей разных национальностей. Когда создаётся реальное богатство, остающееся потом в стране, национальный вопрос отходит на второй план.

После создания синдиката каждому заводу установили предельную норму производства, а нарушителей лишали права на получение кредита. Это помогло, и падение цен прекратилось. А в мае 1897 года в Киеве (а где же ещё, как не в «столице сахара») было основано Всероссийское общество сахарозаводчиков. Возглавил его Владимир Алексеевич Бобринский, младший сын того самого графа Бобринского, стоявшего у истоков сахарной промышленности. Общество контролировало экспорт сахара, география которого была весьма широка. В начале XX века сахарные магнаты продавали свою продукцию в Англию, Италию, Турцию, Персию, Афганистан, Китай и даже Японию⁶¹⁷. Перед Первой мировой войной две трети⁶¹⁸ сахарных заводов царской империи находилось на территории Украины, преимущественно в Киевской губернии. Так что Киев называли «столицей саха-

⁶¹⁶ Алданов М. Повесть о смерти / М. Алданов. — Франкфурт: Посев, 1969. — С. 19.

⁶¹⁷ Всего за 1911–1912 годы с территории Украины было экспортировано в разные страны более 30 млн пудов сахара (Рєєнт О. П. Сільське господарство України і світовий продовольчий ринок (1861–1914) // О. П. Рєєнт, О. В. Сердюк. — К.: Ін-т історії України, 2011. — С. 343). Организовать экспорт сахара было нелёгкой задачей, так как себестоимость киевского сахара составляла в разные годы 1,8–2,2 рубля за пуд. А в Германии или Франции она не превышала 1,6 руб. (Там же, с. 334–335).

⁶¹⁸ Из 294 заводов на территории Украины работало 198, производивших 66,7 млн пудов в год.

ра» не просто так⁶¹⁹. В это время капиталистическая форма организации производства уже вполне сложилась — в том числе и в сахарной промышленности.

К началу XX века киевский сахарный бизнес создавал настолько масштабные финансовые потоки, что они не только преобразили саму «столицу сахара», но и сформировали в ней целый слой бизнес-элиты, сосредоточившей в своих руках огромное количество свободных капиталов. В то время среди банков (не только киевских, но и петербургских) шла настоящая конкурентная борьба за участие в финансировании сахарной промышленности. Ведь это означало возможность приобретать по номиналу крупные пакеты акций и паёв сахарных заводов, которые после повышения их рыночной цены можно было выгодно продать или получать по ним хорошие дивиденды.

Первоначально на кредитах для сахарной промышленности специализировался Киевский частный коммерческий банк. А после создания Бродским «сахарного синдиката», а потом и Всероссийского общества сахарозаводчиков, на первое место вышло киевское отделение Русского для внешней торговли банка⁶²⁰. Немного отставал от него Русский торгово-промышленный банк⁶²¹. Банковский капитал проникал в сахарную промышленность и срачивался с ней за счёт многих сложных перекрёстных связей. Директором Киевско-

⁶¹⁹ В Киевской губернии сахарные заводы стали настолько важной частью жизни, что в 1880-е годы даже дети играли в производство сахара. «Забрались под ступеньки... возле кухни, и там строим сахарный завод... материалом служили буряк и картофель» (Кошиць О. Спогади / О. Кошиць. Ч. 1. — Вінніпег: Новий шлях, 1947. — С. 54).

⁶²⁰ Этот банк, основанный в 1871 году, недаром называли «сахарным» — в начале XX века именно он финансировал крупнейшие предприятия сахарной промышленности царской империи. С 1905 по 1917 год в результате кредитования сахарной промышленности баланс киевского отделения «сахарного банка» вырос с 21,6 млн до 92,2 млн руб. (Цалик С. Киевские банки 100 лет назад / С. Цалик // Мир денег. — 2002. — № 3–4).

⁶²¹ Из всего объёма производимого в Российской империи сахара 20 % принадлежало контролируемым этим банком предприятиям (Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. — М.: Госфиниздат, 1948. — С. 365). Финансирование сахарных заводов составляло до 60 % операций расположенных в Киеве филиалов петербургских банков (киевское отделение Государственного банка только в 1909 г. выдало владельцам сахарных заводов 40 млн руб. кредитов) (Боровой С. Я. До питання про місце України в системі російського фінансового капіталу / С. Я. Боровой // Економічні передумови Великої Жовтневої соціалістичної революції (на матеріалах України). — К.: Наукова думка, 1967. — С. 22).

го отделения Русского торгово-промышленного банка был Абрам Добрый⁶²², один из совладельцев заводов Бродского, а влиятельный Русско-Азиатский банк поддерживал киевского сахарозаводчика Иоселя Гепнера, совладельца заводов Терещенко. Так что сахарозаводчикам приходилось использовать любые возможности, чтобы наладить хорошие отношения с Добрым или Гепнером. Ведь от них зависело получение выгодных кредитов.

Бродскому (как и Терещенко) в 1900 году на Всемирной выставке в Париже вручили французский орден Почётного легиона за высокое качество сахара, производившегося на его заводах. Однако «сахарный король» занимался не только сахаром — было много других направлений, где ожидалась хорошая прибыль. Бродский скупал предприятия по производству муки, пива, бумаги, а потом и транспортные компании⁶²³.

Прославился Лазарь Бродский щедрой благотворительностью, потратив на неё около миллиона рублей и оставшись в памяти киевлян. Он финансировал постройку трамвайных линий в Киеве, Театра оперетты, Политехнического института, а также Бессарабского крытого рынка. На этот проект он завещал Киеву 500 тысяч рублей, но при условии, что 4,5 % этой суммы (22,5 тыс. рублей) ежегодно будет отчисляться в пользу нескольких основанных им медицинских учреждений⁶²⁴.

⁶²² Добрый Абрам Юрьевич — председатель Александровского и Корюковского товариществ по производству сахара, в которые входило по несколько заводов.

⁶²³ Именно он стал учредителем Второго Пароходного общества на Днепре и его притоках, директором «Общества мукомольной паровой мельницы», крупнейшим акционером «Товарищества киевской городской железной дороги», а также главой правления Киевского общества водоснабжения и крупнейшим владельцем акций в обществе городской канализации.

⁶²⁴ Духовное завещание // Киевская газета. — 1904. — 28 сент. Городские власти не захотели принять его условие, но Бродский предполагал это и распорядился 500 тыс. руб. вложить в ценные бумаги, а проценты перечислять благотворительным учреждениям. Финансирование постройки рынка в этом случае не предусматривалось. Один из исполнителей завещания, юрист Аврам Гольденберг, предложил компромиссное и выгодное для всех решение — город выпускает 4,5 % облигации целевого займа для постройки рынка. Облигации должны были выкупить душеприказчики Л. Бродского на завещанные 500 тыс. руб. по курсу 95 % номинала, что было в то время выгодной ценой. На время, пока облигационный заём не будет погашен, городские власти должны были выплачивать указанные в завещании проценты в пользу благотворительных учреждений, а после погашения займа душеприказчики на

Умер Лазарь Бродский от диабета 19 сентября 1904 года в Швейцарии, в Базеле в возрасте 56 лет. Хоронили его с почестями 24 сентября в Киеве на Лукьяновском кладбище. У Бродского осталось четыре дочери, и весь бизнес перешёл к младшему брату Льву.

Вначале тот активно включился в дела отца и даже стал первым сахарным миллиардером. Так как внутренний рынок уже был полностью распределён между производителями, Лев Бродский сосредоточился на экспорте и скоро оказался монополистом по поставке сахара в Персию, а через неё и в другие страны Азии. Европейские производители возмущались такой монополизацией, но Бродский, чтобы не обострять отношения с ними, быстро нашёл страны-посредники, через которые продолжал экспортировать сахар в Азию.

В 1912 году он решил, что пора отдохнуть от дел, и продал свой бизнес за 100 миллионов франков. «Всё громадное состояние сосредоточилось, главным образом, у Льва Бродского», который «большую часть года проводит за границей на курортах, где есть рулетка... в Биаррице», и он «ведёт там большую игру в карты» (однажды «в течение недели проиграл 600 000 франков»)⁶²⁵. Впрочем, Лев оставил себе 20% акций и негласно руководил многими сделками до 1918 года, когда большевики захватили и национализировали сахарные заводы. Сахарная империя Бродского перестала существовать (как, впрочем, и бизнес других сахарных магнатов). Лев Израилевич это, конечно, пережил — денег на спокойную старость у него осталось достаточно. Однако длилась эта старость не так уж долго — он умер в Париже в 1923 году.

Так сахарный бум вместе с реформами 1860-х годов создал новую промышленную буржуазию — социальный класс капиталистов. А самое главное, что в ряды капиталистов входили не только Яхненко, Симиренко, Терещенко, Бродские и другие магнаты, но и множество средних и мелких предпринимателей. Возможно, их истории не столь интересные,

полученный капитал должны будут купить ценные бумаги и перечислять проценты от них в пользу тех же организаций, основанных Бродским (Заседание думы // Киевлянин. — 1907. — 12 янв.). Такой проект был принят, и в 1907 г. был выпущен заём на сумму 526 тыс. руб. сроком на 64 года. После выкупа облигаций душеприказчиками Бродского городские власти получили в своё распоряжение 500 тыс. рублей (Рубинштейн А. Ближайшие задачи экономической политики г. Киева / А. Рубинштейн. — К., 1912. — С. 35).

⁶²⁵ Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствование Александра II и Александра III. / С. Ю. Витте. — Берлин: Слово, 1923. — С. 160–161.

как у миллионеров, но именно они создавали капитализм в Украине. Впрочем, начинали его создавать те крестьяне, которые занялись мелкой торговлей. Некоторые из них становились чумаками, а кому повезло — то даже купцами. Как Иван Харитоненко.

Иван Харитоненко — миллионер из Сум

Ещё один из крупнейших сахарозаводчиков, Иван Герасимович Харитоненко (1822–1891), родился в селе Харьковской губернии, где закончил церковно-приходскую школу. Из простого крестьянина он стал миллионером, действительным статским советником, почётным гражданином города Сумы и городским головой. Правда, его отец был волостным головой⁶²⁶, а потом купцом 3-й гильдии. Так что Иван Харитоненко начинал свой путь в бизнесе не с нуля. После окончания школы отец отправил Ивана в недалеко расположенный Курск, в помощь тамошним купцам — набираться практического опыта сначала в бакалейной лавке одного купца, а потом в конторе у другого (его фамилия была Гладков). Харитоненко приходилось немало ездить по ярмаркам, заключать договоры на поставку товаров, общаться со многими людьми — а это лучшая школа жизни. Да и бизнеса тоже.

В 1849 году Иван решил вернуться в Сумы и начать своё дело. Купил дом на улице Воскресенской, женился на дочери купца И. Ф. Скубенко, сам стал купцом 3-й гильдии. В этом же году в Сумы переселился и его отец, тоже ставший купцом 3-й гильдии. А купец третьей гильдии должен был иметь капитал минимум 8 тысяч рублей — по тем временам для начинающего предпринимателя очень большие деньги.

Вроде бы всё начиналось хорошо, но через несколько месяцев после свадьбы молодая жена умерла от чахотки. В то время браки в купеческой среде заключались обычно по расчёту, о симпатии и любви речь чаще всего не шла. Говорили, что и Харитоненко женился на заведомо больной девушке, чтобы породниться с семьёй Скубенко. Может и так. Впрочем, жизнь не стоит на месте, и через год Иван второй раз женился

⁶²⁶ В обязанности волостного головы входил сбор «подушной подати» — налогов с каждого крестьянина мужского пола, а также решение мелких спорных вопросов.

на Наталье Лещинской, тоже дочери купца. Может, и там был свой расчёт, но ему наконец удалось создать семью.

Сахарным бизнесом Иван Харитоненко занялся под влиянием сумского купца Алексея Монакова, скупавшего сахар в Киевской губернии и перепродававшего его в Москву и Петербург. На этом Монаков быстро разбогател и начал строить свой сахарный завод недалеко от Сум, но вскоре умер. Харитоненко решил стать таким же посредником, но своих капиталов не хватало, и тогда он нашёл компаньона — купца Дмитрия Суханова. Тот торговал бакалеей, а Харитоненко ездил по соседним губерниям и закупал оптовые партии сахара для петербургского купца Елисеева. Накопив некоторый заметный капитал (несколько сот тысяч рублей), компаньоны разделились, и каждый пошёл своим путём. Суханов стал городским головой Сум (с 1858 по 1867 год), помогая во всём своему приятелю. А Харитоненко стал брать в аренду сахарные заводы, а потом и скупать их.

В 1862 году Иван Гаврилович становится купцом 2-й гильдии, и это означало, что его капитал составлял минимум 20 тысяч рублей. На самом деле у него было, судя по всему, гораздо больше, и чтобы легализовать свои деньги, он через год становится купцом 1-й гильдии, который должен был иметь в те времена не менее 50 тысяч рублей.

Как и Никола Терещенко, Харитоненко с пользой для дела использовал отмену крепостного права. На Сумщине положение помещиков мало отличалось от Киевщины. Многие хозяйства без бесплатной рабочей силы стали нерентабельными и разорялись (в том числе и сахарные заводы). И Харитоненко выгодно покупал или арендовал эти заводы, расширяя свой бизнес. Первыми он взял в аренду завод помещиков Кондратьевых в селе Ульяновка и завод Зборомирских в селе Старое. Вначале не всё получалось гладко — взятый в аренду завод в селе Старом сгорел вместе с запасами сахара. Страховки не было, и все убытки легли на Ивана Харитоненко как арендатора. Он оказался на грани банкротства, но помогли деловые партнёры — московские и петербургские купцы, покупавшие у него сахар и заинтересованные в своём добросовестном поставщике. Они дали ему свои рекомендации для получения кредита, Харитоненко скупил весь сахар в окрестностях Сум и Харькова, выгодно его продал и не только покрыл убытки, но и остался с прибылью после возвращения кредита.

С 1867 по 1873 год Иван Гаврилович сменил своего компаньона Дмитрия Суханова на должности городского головы Сум. Для города он сделал немало, но, как все мы понимаем (да и современники понимали), при этом и сам хорошо обогатился — нести денежные подарки за решение всевозможных важных вопросов тогда было принято так же, как и сейчас.

Свой первый сахарный завод Харитоненко построил в 1866 году, потом и второй. А в 1869 году он строит в Сумах крупнейший рафинадный завод, в честь сына названный Павловским⁶²⁷. В 1872 году Иван Герасимович купил 11 тысяч десятин земли в селе Красная Яруга Курской губернии и построил там ещё один сахарный завод с новейшим оборудованием, который в 1874-м уже начал давать продукцию. Следующий завод он построил недалеко от Красного Кута Харьковской губернии. Для заводов покупали новейшее и самое лучшее оборудование — качеству продукции уделялось большое внимание.

К своему бизнесу Иван Харитоненко привлёк сына Павла, и фирма, основанная в Сумах ещё в 1860-е годы, называлась «Торговый дом И. Г. Харитоненко с сыном». За один только 1874 год оборот фирмы достиг 20 млн рублей серебром⁶²⁸. Торговый дом имел свои отделения («конторы», как тогда говорили) в Москве, Баку, Томске, Владивостоке и многих других городах — деловые интересы сахарного магната простирались весьма далеко. Да и сахар он поставлял не только российским купцам, но и в Австро-Венгрию, Германию, Финляндию, Турцию и даже в далёкие Персию и Китай.

Во время расцвета Харитоненко владел шестью сахарными и одним рафинадным заводом, ещё два арендовал. Обширными были его земельные владения — только в Харьковской и Курской губерниях сахарозаводчику принадлежало 40 тысяч десятин земли⁶²⁹, а были у него имения ещё и в Полтавской, и в Черниговской губерниях. Свои земли он использовал в основном для выращивания сахар-

⁶²⁷ На заводе работало почти 800 человек, и он производил по 5 млн пудов сахара в год на сумму более 17 млн рублей.

⁶²⁸ Былая слава (Родословная Харитоненко) / А. Козлов // Скарбниця української культури: Зб. наук. пр. — Чернівці, 2006. — Вип. 7. — С. 98.

⁶²⁹ Покидченко Л. Иван Харитоненко — засновник династії цукрозаводчиків / Л. Покидченко // Архіви України. — 2013. — № 1. — С. 130.

ной свёклы, ежегодно покупая во Франции и Германии по 10 тонн лучших семян, а на его предприятиях было несколько селекционных лабораторий — за этим Иван Герасимович тщательно следил.

В 1887 году Харитоненко принял участие в создании сахарного синдиката и стал одним из его руководителей — к тому времени капитал сумского сахарозаводчика достиг 60 млн рублей, и даже говорили, что он по масштабам своей деятельности занимает второе место после Терещенко. Быстро разбогатевший выходец из крестьян, он был популярной фигурой — может, не настолько, как Никола Терещенко, но всё равно популярной. Истории подъёма всегда и везде привлекали внимание в обществе, многим давая надежду, что и у них тоже так получится.

Несмотря на простое происхождение, И. Г. Харитоненко был достаточно образованным человеком, много читал. Говорят, ему нравились французские романы, и он в 56 лет выучил французский язык, чтобы читать их в оригинале. А дополняла образ миллионера щедрая благотворительность — особенно в Сумах (женская гимназия, детский приют, благоустройство улиц и много чего другого). На детский приют он дал 90 тысяч рублей на постройку и 150 тысяч на содержание. Кроме того, Харитоненко помогал Харьковскому университету — построил трёхэтажный дом за 50 тысяч и подарил университету, дал 100 тысяч на постройку общежития для студентов, да и в дальнейшем финансировал студенческие стипендии (20 стипендий по 300 рублей в год каждая). Власти достойно оценили его благотворительную деятельность — в 1872 году И. Г. Харитоненко и его семья стали потомственными почётными гражданами Сум, в 1876 году ему присвоили звание советника коммерции, в 1885-м — статского советника, а ещё через год — действительного статского советника, что давало возможность получить дворянское звание⁶³⁰.

Умер Харитоненко в Сумах 30 ноября 1891 года. Он «страстно любил свою коммерческую деятельность, но не своекорыстная жажда приобретения и обогащения была душой его предприятий и трудов. Он любил промышленность, как учёный любит свою науку, как художник любит

⁶³⁰ Права потомственных дворян все наследники Харитоненко получили в 1899 году — по просьбам жителей Сум, хранивших добрую память о своём земляке.

своё искусство»⁶³¹, — говорил его современник, харьковский архиепископ Амвросий.

Дело отца продолжил сын Павел, однако в 1914 году он умер от туберкулёза. А в 1918 году наследникам семьи Хари-тоненко пришлось эмигрировать в Константинополь, а потом в Италию.

Карл Ярошинский

Карл Ярошинский (1877–1929) — колоритная фигура. Его «годы молодости... окружены тайной. Никто не мог в точно-сти определить его национальности. Он говорил по-польски, но циркулировали слухи, что дядя его — итальянский кардинал, занимающий высокий пост в Ватикане». Ярошинский прибыл в Петербург, «уже будучи обладателем большого состояния, которое заработал на сахарном деле»⁶³² — вспоминал современник о человеке, считавшемся одним из самых богатых в царской империи.

Карл принадлежал к польским капиталистам нового поколения, уже не похожих на феодалов начала XIX столетия. После второго (1793) и третьего (1795) раздела Польши, ставшего для гордых шляхтичей величайшим за всю их историю потрясением, большинство из них вынужденно отошло от экономической активности⁶³³ и замкнулось в феодальном аграрном мирке своих имений. Из-за банковского кризиса 1793 года⁶³⁴ во время второго раздела многие польские магнаты потеряли немалую часть своих капиталов, что надолго отбило у них желание заниматься предпринимательством. Продажа зерна приносила достаточный доход, к тому же в первой половине XIX века во многих имениях появились небольшие сахарные заводы (у большинства помещиков — по

⁶³¹ Южный край. — 1891. — 7 декабря.

⁶³² Александр Михайлович (великий князь). Книга воспоминаний / Александр Михайлович. — М.: Вече, 2008. — С. 248.

⁶³³ А эта активность неплохо начиналась в XVIII веке. Особенно выделялся Антоний Потоцкий (1761–1801), основатель трёх банковских контор и Черноморской торговой компании (Kompania Handlu Czarnomorskiego), продававшей зерно из Правобережной Украины. К истории Потоцкого и этой компании мы ещё вернёмся.

⁶³⁴ Подробнее о кризисе см: Kowalczyk R. Tsunami finansowe w Europie XVIII wieku: Francja, Holandia, Prusy, Rzeczpospolita / R. Kowalczyk // Україна та Польща: минуле, сьогодення, перспективи. — 2012. — Т. 1. — С. 104–112.

одному заводу), тоже дававшие свою прибыль. Этим обычно всё и ограничивалось.

Однако после отмены крепостного права в 1861 году в тихий и богатый мирок польских помещиков Правобережной Украины пришли перемены. Традиционное аграрное хозяйство, в котором использовался бесплатный труд крепостных крестьян, становилось невыгодным (так же как и кустарные сахарные заводы). А после неудачи польского восстания 1863 года российские власти озаботились уменьшением польского влияния на территории Правобережной Украины и начали притеснять польских землевладельцев вплоть до конфискации имений⁶³⁵.

Мелкие польские помещики массово разорялись, в лучшем случае получая работу управляющих или инженеров на сахарных заводах богатых польских землевладельцев. А крупные, такие как Браницкие или Потоцкие⁶³⁶, изначально имевшие гораздо большие капиталы, скупали земли и сахарные заводы. Так место патриархальных шляхтичей занимали настоящие предприниматели-капиталисты⁶³⁷. Став хозяевами жизни, они расширяли и модернизировали производство сахара, используя капиталы и от продажи выкупных свидетельств (полученных после отмены крепостного права), и от кредитов под залог имений. Новые представители семей сахарозаводчиков Браницких, Потоцких или Сангушко, получившие образование в Западной Европе, уже не были похожи на феодальных землевладельцев начала XIX века. Владислав Браницкий (1848–1914), Альфред Потоцкий (1822–1889), Зигмунт Котюжинский (1826–1894) — эта польская шляхта нового, капиталистического поколения сыграла важную роль

⁶³⁵ Подробнее об этом: Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Д. Бовуа. — К.: Критика, 1998; Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁶³⁶ В 1880-е годы и Браницким, и Потоцким принадлежало по семь сахарных заводов.

⁶³⁷ Одним из таких шляхтичей, без особого успеха пробовавшего силы в сахарном производстве, был польский литератор 1830-х годов Михаил Грабовский. По совету другого такого же мелкого шляхтича он в 1839 году вложил деньги в небольшой сахарный заводик и плантацию свёклы. Но дела шли плохо — по воспоминаниям друзей, в Грабовском трудолюбие уживалось с бесположностью и бесхозяйственностью. И хотя он ездил на киевские контракты, сахарный бизнес так и не принёс ему богатства (Гнатюк В. Польский литератор М. А. Грабовский і його приятельовання з П. О. Кулішем / В. Гнатюк // Записки історико-філологічного відділу. — 1928. — Кн. XXI–XXII. — С. 234–235).

в индустриализации Правобережной Украины. Ну а Карл Ярошинский, годившийся этим польским капиталистам в сыновья (а кому-то даже во внуки), был ещё дальше от аграрных феодалов первой половины XIX века.

Его отец Юзеф (Иосиф) Ярошинский (1826–1885) владел крупными имениями в районе Винницы. В 1834 году Ярошинские были возведены в потомственное дворянство, а Иосиф Францевич получил от царя Александра II особые привилегии на приобретения земель в девяти губерниях Царства Польского. В 1860-е годы он основал два сахарных завода, которые потом получил в наследство Карл.

Родился Карл Ярошинский в Киеве 13 ноября 1878 года, в 1896 году окончил Первую киевскую гимназию. Отец рано умер, и Карл с юности оказался наследником немалого состояния. У молодого богача были все возможности наслаждаться жизнью, что он и делал, в том числе играя в казино, где он растратил немало денег и даже влез в долги. Так продолжалось, пока в 1909 году в Монте-Карло он внезапно не выиграл все поставленные деньги — по слухам, миллион рублей⁶³⁸. Какой бы ни была эта сумма, она оказалась настолько большой, что вошла в историю азартных игр. Ярошинскому был 31 год, когда он понял, что живёт неправильно, попусту растрачивая отцовские деньги, и нужно что-то менять. Вернув все долги, он решил заняться приумножением своих капиталов и стал скупать сахарные заводы.

В 1911 году судьба улыбнулась ему ещё раз — когда Киев посетил царь Николай II, брата Карла, Франца Ярошинского, произвели в камер-юнкеры, после чего братьям открылся доступ в придворные круги. Сахарная империя Карла быстро росла, и перед началом Первой мировой войны он уже владел 53 сахарными заводами в Киевской и соседних губерниях.

А с началом войны начинается совершенно невероятный по своей скорости взлёт Карла Ярошинского — Государственный банк предоставил ему кредит 400 миллионов рублей на организацию оборонной промышленности. Понятно, что такие кредиты не дают просто так и кому попало. В те годы ходили слухи, что Ярошинский познакомился со знаменитым «чудотворцем» и другом царицы Григорием Распутиным, через него получил доступ к царской семье и даже

⁶³⁸ Vengłowski A. Karol Yaroszynski: sponsor cara / A. Vengłowski. — <https://przekroj.pl>

подружился с Николаем II, который якобы собирался выдать замуж за Карла одну из своих дочерей⁶³⁹. Не знаю, насколько это правда, но Ярошинский в годы войны действительно общался с царём и стал его доверенным финансистом.

Как бы там ни было, но Ярошинский, продвигаемый некой невидимой и могущественной рукой, расправил крылья и решил стать самым главным банкиром. Может быть, даже «придворным банкиром», как это называлось в прежние века. Первым делом он получил контроль над Киевским частным коммерческим банком, основанным в 1868 году. Банк был нужен ему, чтобы через него начать крупные финансовые операции в Петрограде. Весной 1916 года Ярошинский купил у английского банкира Ю. Криспа 32 тысячи акций (треть их общего количества) Русского торгово-промышленного банка, после чего стал владельцем контрольного пакета акций этого банка — фактически хозяином⁶⁴⁰.

Влияние Ярошинского в финансовом мире росло, и кроме кредитов в могущественном Русско-Азиатском банке он стал получать финансирование от British Bank of Foreign Trade и London City and Midland Bank. А в июне 1916 года Ярошинский с помощью шведского банкира Улофа Ашберга (1877–1960) вёл переговоры с американскими банками, чтобы получить на пять лет кредит 100 млн рублей для группы промышленных предприятий, с которыми он был связан. В качестве обеспечения кредита предлагались паи сахарных заводов, контролировавшихся Ярошинским⁶⁴¹. Сорвались

⁶³⁹ Быков П. М. Последние дни Романовых / П. М. Быков. — М.: Государственное издательство, 1930. — С. 62. Об этом упоминали и другие современники. Правда, сам Ярошинский утверждал на допросе, что не был знаком с Распутиным, но чего не скажешь под давлением обстоятельств (Протокол допроса К. И. Ярошинского, 4 сентября 1920 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. — М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. — С. 248–249).

⁶⁴⁰ Интересно, что в этой операции Ярошинского поддержал А. Путилов, руководивший Русско-азиатским банком, одним из крупнейших в империи. А получить поддержку Путилова было очень и очень непросто — он знал себе цену и не помогал кому попало.

⁶⁴¹ Ashberg O. En vandrande jude fran Glasbruksgaten / O. Ashberg. — Stockholm: A. Bonnier, 1946. — S. 352–354. История Ашберга, в том числе его деловых отношений с Ярошинским, с Российской империей, а потом и с советским правительством, сложная и запутанная. О ней много написано, да и не имеет она отношения к киевскому сахарному бизнесу. Подробнее об этом: Фурсенко А. А. Русский Вандербильт / А. А. Фурсенко // Вопросы истории. — 1987. — № 10. — С. 183–188.

эти переговоры потому, что Ашберга обвинили в прогерманских настроениях и выслали из России.

Всё складывалось благоприятно для Карла Иосифовича, и в 1916 году его активы включали в себя 26 млн рублей, векселя на 300 млн рублей, а также недвижимость и драгоценные металлы на 950 млн рублей. За годы войны он невероятно поднялся и контролировал 12 банков, а также десятки металлургических, механических, текстильных, железнодорожных и других предприятий, в том числе 53 сахарных завода⁶⁴². В Петрограде ему принадлежал роскошный «дом Половцова»⁶⁴³, а киевский офис Карла располагался в «Гранд-Отеле» (Крещатик, 22).

Так и хотелось написать «вот как высоко можно подняться на сахарном бизнесе», но это не будет правдой. Подняться на этом бизнесе, конечно, можно было, и это показывают истории всех сахарных магнатов. Однако в истории Ярошинского решающее значение имели не прибыли от сахарных заводов, а его отношения с царской семьёй и лично с Николаем II. Именно благодаря этому он стал одним из богатейших людей Российской империи. И самым богатым поляком начала XX века.

После ареста царской семьи Ярошинский помогал им деньгами, но это уже не могло повлиять на их судьбу. А потом большевики национализировали заводы и банки, которыми владел Карл. Оставалось только эмигрировать в 1919 году сначала в Париж, затем в Варшаву, где он жил с 1921 года и до конца жизни. В начале 1920-х руководил двумя банками (Bank Russko-Polski SA i Bank United Przemysłowców SA), был советником первого главы возрождённого польского государства Юзефа Пилсудского. А потом здоровье Ярошинского стало ухудшаться — говорили, что какой-то давний личный враг уколол его отравленной иглой в парижской опере. К концу жизни денег у него почти не осталось, семьи не было, и он снимал небольшую скромную квартиру. Умер Карл в 1929 году в варшавской больнице — ему было всего 52 года⁶⁴⁴.

⁶⁴² Были в этом списке две судоходные компании на Днестре и две нефтяные компании («Русская нефть» и «Тер-Акопов»).

⁶⁴³ Улица Большая Морская, № 52.

⁶⁴⁴ Vengłowski A. Karol Yaroszynski: sponsor cara / A. Vengłowski. — <https://przekroj.pl>

Глава 3.

ФИНАНСОВЫЙ КИЕВ

Во второй половине XIX века город быстро рос, и в него из провинции в поисках лучшей жизни приезжало множество людей. «Население города увеличилось чуть ли не втрое всяким пришлым народом. Каменщики, плотники, маляры, инженеры, техники, иностранцы, земледельцы, маклеры, тёмные дельцы, речные моряки, праздные бездельники, туристы, воры, шулеры — все они переполнили город... Биржа играла широко, как никогда... Деньги миллионами так и текли ручьями из одних рук в другие, а из этих в третьи. Создавались в один час колоссальные богатства, но зато многие прежние фирмы лопались, и вчерашние богачи обращались в нищих»⁶⁴⁵. Те, кто победнее, приезжали в город в поисках работы, а кто побогаче — чтобы начать своё дело. А для этого нужны были и кредиты, и полезные знакомства.

Рынок финансовых услуг в Киеве появился давно, ведь на протяжении веков этот город находился на пересечении важных торговых путей. Однако до второй половины XIX века эти услуги сводились к кредитам под проценты. А в начале XX века плотность сети организаций, предоставлявших финансовые услуги, в Киеве была уже заметно выше, чем в Петербурге. И это при том, что и биржа, и финансовый рынок столицы империи значительно превосходили по своим оборотам киевский рынок. Я не знаю, какая причина этого, но

⁶⁴⁵ Куприн А. И. Яма / А. И. Куприн // Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6. — М.: Воскресенье, 2007. — С. 96.

цифры говорят сами за себя⁶⁴⁶. Всего в сфере финансовых услуг в Киеве в 1897 году, во время проведения переписи населения, работало 619 человек (0,25 % населения)⁶⁴⁷. Для города это было немало.

В те годы финансовые услуги были в Киеве так же легко доступны, как и сексуальные. Предлагавшие свои услуги женщины в ожидании клиентов прогуливались по одной стороне Крещатика, а маклеры и прочие дельцы — по другой, где располагались биржа и знаменитая в финансовом мире Киева кофейня Бернара Семадени.

Кофейня Семадени

Уроженец Швейцарии Бернارد Семадени начинал в Одессе, где был компаньоном братьев Фанкони, владельцев популярной бизнес-кофейни на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц. Семадени приехал в Киев в начале 1877 года, решив создать и здесь что-то похожее на кафе Фанкони. Прежде всего, он выбрал правильное место — на углу Крещатика и Институтской, напротив биржи. По примеру Фанкони, в киевской кофейне одесского швейцарца появился бильярд (считавшийся одним из лучших в городе). Летом столики выносили под навес, а зимой для посетителей было тёплое и уютное помещение. Здесь можно было и быстро поесть мороженое, и плотно пообедать под хорошее вино. Рядом с кофейней находились кондитерская и ресторан, тоже принадлежавшие Семадени⁶⁴⁸. Он предлагал обслуживать всяче-

⁶⁴⁶ В Киеве в 1914 году было 15 банков с филиалами и 18 обществ взаимного кредита, кредитных касс и сберегательно-займовых обществ, а также 9 банковских контор. При населении 0,5 млн человек каждое из 42 финансовых учреждений обслуживало примерно 12 тысяч человек. В Петербурге с населением 1,7 млн человек было 70 финансовых учреждений, каждое из которых обслуживало 24 тысячи человек.

⁶⁴⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. XVI. Киевская губерния. — [Санкт-Петербург]: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. — С. 171.

⁶⁴⁸ Семадени владел ещё одной кофейней на Большой Васильковской, 12 (там собиралась спокойная публика, не имевшая отношения к бирже) и кондитерской фабрикой, производившей шоколад. Так что бизнес у швейцарца был поставлен хорошо — жизнь в Одессе научила его многому. Когда Семадени умер в 1907 году, кофейни с фабрикой перешли в собственность его семьи и работали до 1917 года.

ские банкеты, балы и свадьбы, а в кофейне подавали фрукты, доставленные прямо из Марселя, конфеты из Парижа, ананасы из Америки и шоколад из Голландии. «Артистическое выполнение тортов... заграничные вина, ликёры и коньяки... карамель из грудных трав от кашля “Кетти Босс”», — писал Семадени в рекламе своего заведения.

Но главной фишкой новой кофейни было соседство с биржей. Точнее, она находилась как раз на пути прогуливающих свободных биржевых дельцов, которых было гораздо больше, чем официальных маклеров в зале биржи. Они-то и стали основными посетителями заведения швейцарца. Там за бильярдом и чашкой кофе можно было разговориться с нужными людьми и узнать много чего полезного. Могли, конечно, и развести — мошенников хватало всегда и везде.

В Киеве дельцов, сидевших у Семадени, называли «биржевыми зайцами». «Этих хищников называют зайцами исключительно за их внешний вид. Впалый живот, поджарые длинные ноги, вечная торопливость походки и движения, настороженные и как будто бы прядяющие во все стороны уши, нос, постоянно точно разнюхивающий что-то в воздухе, вот типичные черты зайца, конечно, большею частью еврея. Неумолимость и выносливость зайца-еврея поистине изумительны... Заяц славянского происхождения уступает во многом зайцу только что описанной породы. Он менее подвижен, при неудаче раскисает и имеет национальное тяготение кончать сделки в ресторане. Но зато он берёт корректностью внешнего вида, медлительностью движений, хорошим покроем сюртука и наигранным апломбом. Он умеет иногда не без достоинства поговорить со своим клиентом о падении псовой охоты, о шестой книге дворянских родов и о последнем городском скандале»⁶⁴⁹.

⁶⁴⁹ Клиент давал объявление: «“Желаю получить пять тысяч под вторую (после банка) закладную. Четыреста десятин плодородной земли со всеми усадьбами. Посредников и комиссионеров просят не являться”. Однако, несмотря на последнее условие, желающий получить пять тысяч всё-таки никак не обойдётся в конце концов без зайца... юркий заяц непременно проникнет к помещику, и вмиг образуется длинная цепь из посредников... Два-три дня зайцы, высунув языки, рыщут по городу: один разузнает адрес залогодателя, другой находит наиболее удобную к нему лазейку, третий знакомит, четвёртый ведёт переговоры, пятый сам не может дать себе отчёта, какую он роль играет в этой суматохе, однако суетится больше всех взятых вместе. Наконец, сделка кончена, помещик получает деньги, заключает, при участии шестого и седьмого зайцев, нотариальную закладную и выдаёт куртаж, который сейчас же и делится

Между официальными биржевыми маклерами и «зайцами» конфликтов не было — они жили как бы в разных мирах. «Зайцы» в первой половине дня тусовались на улице недалеко от биржи и так находили свою клиентуру, а во второй сидели у Семадени, в том же здании, где по иронии помещалось такое пафосное учреждение, как Дворянский банк. Особенно людно у Семадени стало после того, как в 1895 году полиция запретила всякие собрания уличных дельцов.

В кофейне Семадени стояли небольшие мраморные столики. «Нам подали мороженое на маленький трёхногий столик из мрамора. Он был очень холодный и весь исписан цифрами: у Семадени собирались биржевые дельцы и подсчитывали на столиках свои прибыли и убытки»⁶⁵⁰. Кроме «зайцев» еврейской породы там было много «аккуратненьких старичков» из тех «разорившихся польских помещиков, которые до войны запруживали в Киеве кафе Семадени»⁶⁵¹.

«Я втёрся в компанию маклеров... сижу уже у Семадени наравне со всеми за белым мраморным столиком и пью кофе со сдобными булочками... хотя при дележе куртажа вечно возникают недоразумения и претензии... Тут, у Семадени, и есть самая биржа. Сюда собираются маклеры со всех концов света»⁶⁵².

Независимые маклеры («зайцы») собирались не только у Семадени. С 15 до 16 часов они толпились на Крещатике возле банкирской конторы А. М. Левинсона, а с 16 до 17 — переходили к конторе Л. В. Ландау неподалёку. Эти маклеры были посредниками в предоставлении любых финансовых

между всеми звеньями цепи на основании какого-то специального правила то-варищества, непонятного для непосвящённых: кому приходится рубль, кому два, кому десять, а кому и львиная доля в целую сотню. Такова в общих чертах деятельность обыкновенных, так сказать, «полевых» зайцев. Кроме них, есть ещё порода биржевых зайцев, которые к своим собратьям относятся так же, как, например, борзая собака к дворняжке» (Куприн А. Киевские типы. Заяц (1895) / А. Куприн // Собрание сочинений. Т. 9. — М.: Правда, 1964. — С. 48).

⁶⁵⁰ Паустовский К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский // Избранные произведения. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. — С. 347.

⁶⁵¹ Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Б. Лившиц. — Л.: Сов. писатель, 1989. — С. 503.

⁶⁵² Алейхем Ш. Менахем-Мендл / Ш. Алейхем // Собрание сочинений. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1973. — С. 68. Повесть Шолом-Алейхема была опубликована в 1892 году. На деньги, полученные в наследство, он хотел организовать в Киеве издательство и, чтобы приумножить капитал, начал играть на бирже. Дела пошли неудачно, после чего писатель погряз в долгах, и на некоторое время ему пришлось уехать за границу. Так что киевский финансовый мир Шолом-Алейхем знал хорошо.

услуг, в том числе и связанных с покупкой или продажей ценных бумаг (обычно акций железнодорожных, металлургических и нефтяных компаний).

«Многие киевляне сетуют на то, что в Киеве существует роскошное здание, предназначенное для биржевых собраний», но оно мало посещается «биржевым человеком», а сделки совершаются «в частных конторах и у биржевых маклеров, в кофейнях... негласно», хотя, как писала известная в городе газета, эти сделки удобнее совершать «в роскошной зале» биржи, а не на улице или кофейнях⁶⁵³.

Понятно, что крупные клиенты ходили и на биржу, и в банки, а не к Семадени. У них был свой круг — для избранных. Излюбленным местом встреч «выдающихся адвокатов... сахарозаводчиков и местных биржевиков» стал «имевший незабвенную репутацию» ресторан «Северный» на углу Владимирской и Фундуклеевской напротив Оперного театра⁶⁵⁴. Но основной массе инвесторов масштабом поменьше попасть в этот круг избранных не было возможности. Да и не нужно им это было. Они не шли на биржу или в банки, а обращались к независимым маклерам в кофейне Семадени. Или в многочисленные банкирские конторы. Это было для них гораздо проще — ставили меньше условий и требований, а услуги предоставляли те же.

Киевская биржа

От кофейни Семадени биржу отделяла всего лишь улица Институтская. Выйдя от Семадени, достаточно было повернуть голову направо, чтобы увидеть двухэтажное здание Киевской биржи. Хотя она по своим оборотам уступала Петербургской или Московской биржам, страсти кипели и на ней — в основном вокруг сахара, с которым было связано большинство сделок. Что и понятно — биржа ведь находилась в признанной сахарной столице.

«Он пристрастился к биржевой игре, — писал А. Куприн о своём герое и о Киевской бирже, — и в этой тёмной, сложной и рискованной области его... не оставляло... безумное,

⁶⁵³ Нечто о бирже и спекуляции // Киевское слово. — 1894. — № 2163. — 21 янв. — С. 2.

⁶⁵⁴ Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. — К.: Лыбидь, 2013. — С. 41–42, 93.

постоянное счастье. В самый короткий срок он сделался оракулом местной биржи... Он покупал и продавал бумаги... не имея ни малейшего представления о том, какие предприятия эти бумаги обеспечивают». Не мог он понять и глубокую сущность биржевых сделок *a la hausse* (на повышение) и *a la baisse* (на понижение). «Но когда он играл на повышение, то тотчас же где-то, на краю света, в неведомых ему степях, начинали бить мощные нефтяные фонтаны и в неслыханных сибирских горах вдруг обнаруживались жирные залежи золота. А если он ставил на понижение, то старинные предприятия сразу терпели громадные убытки от забастовок, пожаров и наводнений, колебаний заграничной биржи, внезапной сильной конкуренции»⁶⁵⁵.

Инициаторами создания Киевской биржи стали Николай Бунге (1823–1895), известный в те годы экономист и государственный деятель⁶⁵⁶, а также городской голова Иосиф Завадский (1818–1886)⁶⁵⁷. В 1862 году они подготовили докладную записку о пользе от открытия в Киеве биржи. «Киев легко мог бы сделаться торговым центром не только для Юго-Западного края, но и для губерний, находящихся по течению Днепра», и при открытии в городе биржи она могла бы «привлечь в Киев иногородних купцов... производящих большие операции по закупке сахарного песка», а также «облегчить продажу и покупку государственных ценных бумаг и совершение кредитных сделок»⁶⁵⁸. Проект устава составили по образцу Одесской биржи, после чего 19 октября 1863 года собрание заинтересованных предпринимателей решило купить для биржи дом на Подоле. Но дело двигалось не так быстро, как хотелось бы учредителям. Устав биржи⁶⁵⁹ утвердили через два года, 5 ноя-

⁶⁵⁵ Куприн А. Звезда Соломона / А. Куприн // Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. — М.: Книжный клуб Книгобек, 2010. — С. 110.

⁶⁵⁶ А кроме того — управляющий Киевской конторой Государственного банка и будущий министр финансов.

⁶⁵⁷ Иосиф Завадский — журналист и книгоиздатель, городской голова в 1860–1863 годах. Видимо, его роль в создании биржи ограничивалась тем, что он был городским головой. Во всяком случае, в газетах тех лет я не встречал упоминаний о каких-то его дальнейших делах, связанных с биржей.

⁶⁵⁸ Двадцатипятилетие Киевской биржи (1869–1894). — К.: Тип. С. В. Кульженко, 1895. — С. I–II.

⁶⁵⁹ Согласно ему, «Киевская биржа есть сборное место для... сделок по всем отраслям торговли и промышленности, и для получения необходимых... сведений (п. 1). Киевская биржа открыта ежедневно кроме праздничных... дней (п. 4)» (Устав Киевской биржи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 43. Отд. 2. № 42646. — С. 152).

бря 1865 г., и только через четыре года, в феврале 1869 г., на первом собрании биржевого общества избрали биржевой комитет и его председателя — известного купца Николая Хрякова (1929–1900), занимавшегося продажей сахара и муки⁶⁶⁰.

Первоначально биржа работала в Контрактовом доме, в 1873 году ей выделили отдельное здание на улице Институтской возле Государственного банка, а в 1885 году на углу Институтской и Крещатика для биржи построили новый дом по проекту молодого киевского архитектора Георгия Шлейфера (1855–1913), впоследствии ставшего в городе очень известным. «Роскошный биржевой зал помещается во втором этаже... убранство зала поражает изяществом и богатством», однако «зал не бывает переполнен публикой. Это может быть объяснено отсутствием у местного купечества склонности к собраниям и малочисленностью состава биржевого общества»⁶⁶¹. Гораздо больше, чем в зале, биржевых дельцов «собирается в обширной прихожей в нижнем этаже: правда, большинство здесь принадлежит к разряду “зайцев”. Последних собирается здесь особенно много между 3–4 часами дня»⁶⁶².

На бирже проводили в основном крупные сделки, как правило, товарные и связанные с оптовой торговлей сахаром. «Сахар является... главным товаром, на который заключаются сделки». В 1895 году в царской империи произвели 35 млн пудов сахарного песка, из которых 22,3 млн пудов (64 %) продали на Киевской бирже. «Большинство фондовых операций... происходит с акциями и паями сахарных заводов»⁶⁶³. Так что мелким инвесторам на бирже было делать нечего — потому они шли в банкирские конторы или к независимым маклерам, «зайцам».

Объём операций с ценными бумагами на бирже был, в общем-то, небольшой. Если на Петербургской бирже

⁶⁶⁰ Хряков оставался председателем биржевого комитета до своей смерти в 1900 году, когда его сменил лесопромышленник Семён Могилевцев, занимавший эту должность до 1917 года.

⁶⁶¹ В 1873 г. членов биржевого общества было 75, посетителей — 193; в 1894-м членов биржи и посетителей вместе было менее 150.

⁶⁶² Невзоров А. Русские биржи. Вып. 1–2. Вып. 1: Отчёт о командировке во внутренние губернии России на летние месяцы 1896 года / Невзоров А. С. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1897. — С. 200.

⁶⁶³ Андреев П. Иллюстрированный путеводитель по юго-западной железной дороге / П. Андреев. — К., 1897. — С. 116–117.

в 1913 году котиrowались акции 295 предприятий, то на Киевской — не более 10–15⁶⁶⁴. Считалось, что Киевская биржа «относится к разряду провинциальных... на ней котируются только местные паи⁶⁶⁵, а по продажам прочих бумаг руководствуются курсами С.-Петербургской биржи»⁶⁶⁶. Из ценных бумаг преобладали облигации государственных займов, котиrowавшиеся на биржах Петербурга, Москвы и Варшавы. А вот ценные бумаги обширной сахарной промышленности котиrowались только в Киеве, так и не найдя выхода на Петербургскую и другие биржи. К началу XX века в обращении находилось паёв и акций сахарных заводов на 140 млн руб., и основным их специализированным рынком была именно Киевская биржа.

Информация о ценных бумагах публиковалась в еженедельной газете «Киевская биржа. Торговый бюллетень», издававшейся раз в неделю по субботам с 1872 по 1917 год. Две основные рубрики газеты — «Сахарный рынок» и «Хлебный (зерновой) рынок» — отражали товарную направленность операций на бирже. Она ведь была важнейшим в царской империи центром международной торговли сахаром. Ещё в газете постоянно публиковали подробные новости с мировых сахарных рынков в Лондоне, Гамбурге, Париже, Москве, Одессе, обсуждали цены на сахар на Дальнем Востоке, на острове Формоза, на Яве⁶⁶⁷ или перспективы экспорта киевского сахара в Японию⁶⁶⁸. Так через

⁶⁶⁴ Акции, допущенные к котиrowкам // Торгово-промышленная газета. — 1913. — 28 дек.; Банки и биржи. — 1913. — № 52. — С. 10.

⁶⁶⁵ Речь идёт о паях сахарных заводов. Паи тогда имели вид ценных бумаг, внешне похожих на акции.

⁶⁶⁶ Цит. по: Бородин Л. И. Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики / Л. И. Бородин, А. В. Коновалова. — СПб.: Алетей, 2010. — С. 46.

⁶⁶⁷ Об экспорте русского сахара // Киевская биржа. Торговый бюллетень. — 1912. — № 42. — С. 5.

⁶⁶⁸ В Киевской экспортной палате // Киевская биржа. Торговый бюллетень. — 1912. — № 41. — С. 3. Планы экспорта киевского сахара в Японию обсуждались достаточно серьёзно. «Как известно, представители японских торговых домов несколько раз пытались завязать с нашими сахарозаводчиками непосредственные отношения для сбыта сахара в Японию... и уполномоченные японских фирм... приезжали в Киев». Но попытки японцев установить прямые деловые контакты «не дали положительных результатов», и «неудачу эту следует приписать исключительно косности и апатии наших сахарозаводчиков, которые преследуют одну цель — продать сахар на внутреннем рынке по возможно высокой цене» и получить как можно больше дохода с внутреннего потребителя. Между тем «сахар за последнее время довольно усиленно от-

рынок сахара Киевская биржа участвовала в экономической и финансовой глобализации начала XX века, прервавшейся Первой мировой войной.

Бывали на бирже периоды повышенной активности в годы общего подъёма (как после окончания кризиса 1893 года, когда биржевой ажиотаж охватил «кроме обеих столиц... почти все крупные города»⁶⁶⁹). А иногда в периоды спадов и кризисов наступали времена, когда биржевое настроение было не самым лучшим. Хватало на бирже мошенников и скандалов — как же без них.

В 1896 году распространились слухи о махинациях с акциями киевского водопровода крупных биржевиков, игравших на повышение. «Я — ворон... пролетаю я по Крещатику возле думы, и вдруг... моё внимание привлёк очень характерный запах... биржевой падали». Это «крупные биржевые звери — слоны, носороги, бегемоты, львы, банковые благодетели» топчут «зайцев»⁶⁷⁰.

А в 1913 году выяснилось, что начальник Киевского центрального почтово-телеграфного отделения для личного обогащения задерживал передачу банкам телеграмм, касавшихся операций с ценными бумагами, сообщая содержание этих телеграмм только определённым биржевым игрокам. Похожими делами занимались и его подчинённые, также участвовавшие в биржевой игре⁶⁷¹.

Ну а что касается крупных спекулянтов на самой бирже, то их тоже хватало. К снующим по Крещатику «зайцам»

правляется в Японию, и притом в значительных количествах, но через немецкие руки... Начиная с весны текущего [1903] года фирмы Данцига и Гамбурга купили для Японии около 2 млн пудов [сахарного] песка» (К экспорту русского сахара в Японию // Киевлянин. — 1903. — № 229. — С. 3. Кол. 3).

⁶⁶⁹ Бирюкович В. В. Биржа и публика / В. В. Бирюкович // Вестник Европы. — 1895. — Т. VI. — С. 361.

⁶⁷⁰ «Если бумага номинальной ценой в сто рублей» (как у акций Киевского водопровода) «даёт 10 руб. дивиденда, какая её биржевая цена?» Теоретически «цена её никак не может быть больше 166 руб. и 66 коп.», пусть даже 200 руб. «Но если акция в 100 руб., давшая два года по 10 руб. дивиденда, внезапно... поднимается в несколько дней до 340 руб.», то явно пахнет биржевой падалью. «Дивиденд в 10 руб. на 340 руб. капитала — это менее 3 % дохода», и гораздо выгоднее оказывается «золотой заём, 4 % рента, закладные листы. Но зайцы... просто очумели, они забыли, что те же водопроводные акции [уже однажды] упали в октябре на 100 руб.; они забыли, что подобные нелепые скачки... биржевых ценностей составляют плод таинственных манипуляций львов, бегемотов и носорогов» (Мимолёт. Биржевое наводнение // Киевское слово. — 1896. — № 2964. — С. 1).

⁶⁷¹ Раскрытие очередной биржевой «панамы» // Биржа. — 1913. — № 28. — С. 8.

такие спекулянты отношения не имели — полёт этих крупных птиц был гораздо выше. «Ненормальное положение цен паёв [сахарных заводов], резкое их колебание» никак не зависит от «правильно установленных ежедневных биржевых собраний. Здесь корень зла лежит в самой спекуляции», основой которой «в Киеве всегда считался сахар». Это коснулось и паёв сахарных заводов⁶⁷².

«Как ни молода Киевская биржа», на ней уже стали использовать такие же приёмы, как на биржах в Лондоне, Париже, Берлине и Петербурге, — «совершаются сделки с паями на срок»⁶⁷³. Биржевой спекулянт, выбрав бумагу для спекулятивной игры (чаще всего — паи сахарных заводов), нанимал «биржевых зайцев», начинавших усиленно предлагать на продажу эти бумаги, после чего цена на них снижалась до минимума. Затем те же самые «зайцы» начинали скупать эти паи, но не за наличные, а по сделке на срок⁶⁷⁴. При этом скупались по возможности все паи (количество паёв определённого сахарного завода в обращении было ограниченным, как правило, 300–600). После того как все они были сосредоточены в одних руках, можно было начинать игру на повышение.

Впрочем, не только вокруг паёв сахарных заводов шла биржевая игра. В годы перед Первой мировой войной на бирже появилось больше акций промышленных предприятий, и не только киевских (таких как завод Гретера и Криванека), но и крупных металлургических заводов на Востоке Украины. «Биржа прошла при твёрдом настроении для ди-

⁶⁷² «Киевские спекулянты... часто за неделю повышают паи на сотни рублей, а за год на 100 %. Это приводит к тому, что «вы покупаете пай... завода, зная, что дела [его] идут хорошо... что предвидится такой-то дивиденд... и если придётся разменять пай, то вы потеряете 10–25 рублей». Но уже через неделю «вам могут дать такую цену, что вы лишитесь половины капитала», и всё это зависит «от разных биржевых манипуляций» (Нечто о бирже и спекуляции // Киевское слово. — 1894. — № 2163. — 21 янв. — С. 2).

⁶⁷³ Поэтому «только от биржевой игры зависит столь резкое повышение или понижение цен... О вреде столь сильной спекуляции с паями сахарных заводов нечего и говорить, так как и само предприятие страдает от этого, и [всё это] вредно отзываясь на экономической жизни государства, и немало лиц без всякого труда обогащаются, а большинство со средними средствами разоряются. Благодаря тому, что паи так часто переходят из рук в руки, в правление попадают люди случайные, заинтересованные лишь в биржевой цене» (Нечто о бирже и спекуляции // Киевское слово. — 1894. — № 2163. — 21 янв. — С. 2).

⁶⁷⁴ На Киевской бирже этот срок обычно был равен году — раз в год проводили «контракты», где заключались крупные договоры о поставке сахара.

видендных бумаг, преимущественно для металлургических акций»⁶⁷⁵ — такое в то время нередко можно было прочитывать в прессе, писавшей о биржевой игре.

Банкирские конторы

Мир банкирских контор был полным самых разных событий и гораздо пестрее, чем пафосный мир банков. Эти конторы привлекали многих мелких инвесторов более выгодными условиями. Правда, был риск однажды прийти и увидеть закрытую дверь, узнав из газет, что владелец конторы скрылся с деньгами (случалось и такое). Для банков вероятность этого была гораздо меньше, поэтому они считались более надежными.

Те из инвесторов, кто не имел достаточно капиталов, чтобы напрямую участвовать в биржевой игре, покупали ценные бумаги в кредит, чтобы иметь на них прибыль. Для получения кредита инвестор должен был открыть онкольный счёт, а залогом становились приобретаемые в кредит бумаги. Однако банки открывали такие счета только под покупку бумаг, считавшихся надёжными, а мелкие банкирские конторы — под любые бумаги, лишь бы они котировались на бирже. «Для того чтобы открыть онкольный счёт в мелкой банкирской конторе, достаточно было иметь рублей полтора-раста... на 150 руб. можно было иметь бумаг на 600 руб.». Поэтому было очень «соблазнительно купить что угодно, положить на он call, получить прибыль, опять что-то купить (в большинстве случаев безразлично что) и опять сделать то же»⁶⁷⁶. В крупных банках минимальный вклад для открытия онкольного счёта был гораздо большим — от 2000 до 5000 рублей⁶⁷⁷, так что в этом банкирские конторы имели явное преимущество. Хотя 150 рублей в те времена были большой суммой (килограмм мяса стоил около 20 копеек, а за десять рублей можно было купить хорошее пальто), такие сбережения имелись у многих, и банкирские конторы не жаловались на недостаток клиентов.

⁶⁷⁵ Киевская биржа // Киевское утро. — 1910. — 30 окт. — С. 4.

⁶⁷⁶ Былое. 1903. — № 3, февраль. — С. 78.

⁶⁷⁷ Бирюкович В. В. Биржа и публика / В. В. Бирюкович В. В. // Вестник Европы. — 1895. — Т. VI. — С. 351–352.

Однако не всё бывало гладко, как можно видеть в этой истории из газеты тех лет. В контору пришёл владелец онкольного счёта, желая уточнить, сколько у него денег. А банкир неожиданно говорит, что на его счету 68 000 рублей. Владелец счёта в шоке — он считал, что на его сбережения банкир купил ценные бумаги, приносящие прибыль. В конторе давали туманные и уклончивые ответы, и только после скандала и жалобы в Кредитную канцелярию выяснилось, что банкир на деньги клиента купил убыточные бумаги, после чего от капитала клиента осталось одно воспоминание. При этом схема завлечения таких клиентов была хорошо отработана — обычно владельца сбережений приводил приятель, знакомил с управляющим банкирским домом или конторы, и тот начинал живописно рассказывать о том, как быстро его клиенты разбогатели: «недавно нищие, теперь — крупные капиталисты». После этого клиент «себе уже не принадлежит: едва проснувшись, он хватается за газету», чтобы подсчитать размеры своего богатства; «меняется вся программа дня, перерождается человек, заводит новые знакомства, учится биржевым терминам, спит и бредит во сне биржей, а банкир... в это время покачивается от смеха. Взяв обеспечение, он никаких бумаг и не покупал, записал на онколиста ссуду, начисляет на эту мифическую ссуду проценты и придумывает уже какую-нибудь историю, чтобы убедить онколиста продать свои бумаги»⁶⁷⁸. Такие сомнительные операции стали возможными потому, что те годы банкирские конторы считались не кредитными учреждениями, а всего лишь частными торгово-промышленными организациями, поэтому и требований к ним ставили гораздо меньше⁶⁷⁹.

В Киеве конторы стали появляться во время общего подъёма 1890-х годов. Знаменитый бердичевский банкир И. Гальперин одним из первых открыл киевскую контору

⁶⁷⁸ В «тёмных» банках // Банковое дело. — 1913. — № 11. — С. 18–19.

⁶⁷⁹ Беляев Н. М. Банкирские конторы. Руководство служащим в банках и банкирских конторах / Н. М. Беляев. — М., 1883. — С. 6–7, 26–33. Для создания банкирской конторы не нужно было утверждать в Министерстве финансов её устав и подавать публичную отчётность. Достаточно было подать прошение на имя губернатора или градоначальника, а также перечень банкирских операций. После проверки «благонадёжности» учредителя и положительного решения городских властей прошение утверждалось «Особенной канцелярией по кредитной части» Министерства финансов, и банкирская контора считалась учреждённой.

в 1892 году, но она работала лишь четыре года и закрылась после банкротства Гальперина. В начале XX века семь контор работали на Крещатике (обычно они находились в зданиях банков), три — в начале улицы Николаевской (сейчас — Городецкого)⁶⁸⁰.

Многие считали само существование мелких и ненадёжных банковских контор «глубокой экономической аномалией», так как они появлялись за счёт «нездоровых стремлений экономически слабых элементов нашего общества. Действительно, кто состоит клиентами различных банковских контор... как не рядовые обыватели, недостаточно состоятельные, чтобы вступить в клиентуру солидных банков»⁶⁸¹. Не знаю, было ли негодование автора статьи в петербургском «Финансовом обозрении» искренним или же наигранным, но ответы на поставленные им вопросы напрашиваются сами собой. Большинство мелких индивидуальных инвесторов действительно были не настолько состоятельными, чтобы идти в банки, и от публикации таких статей они не становились более состоятельными. Поэтому им оставалось только идти в банковские конторы, где для открытия онкольного счёта нужно было полторы сотни, а не две тысячи, как в банке.

Обычно клиентами банковских контор становились мелкие инвесторы, имевшие лишь один-два выигрышных билета государственного займа.

⁶⁸⁰ Всего же в разное время в Киеве работали конторы М. П. Альперина, Л. В. Ашкенази, Бальтерманца, А. А. Барабгарло, «Барбан и Зейферт», В. Л. Вайнбаума, «М. Векселер и сыновья», И. Гальперина, И. Г. Грубера, В. П. Данилевского, Г. И. Ингала, С. А. Канеля, Б. М. Клейна, Л. В. Ландау, Б. С. Левинсона, Г. И. Лесина, Н. М. Литвака, Куперника, Н. Б. Матусовского, Райхинштейна, Ф. Д. Раковского, Я. Ф. Файнгольда, Френкеля, Д. С. Хеймана, Штильмана, Я. Б. Эпштейна. Часть из них существовала недолго, о многих мало что известно кроме фамилии. В 1910 году в Киеве остались банковские конторы «М. П. Альперин», «И. Г. Грубер», «Г. И. Ингал», «С. А. Канель», «Б. С. Левинсон», «Ф. Д. Раковский», «Я. Ф. Файнгольд», а также банковские дома «М. Лисим» и «Д. Мержвинский и К^о» (Варшавский Л. М. Банки и банковские конторы Российской империи / Л. М. Варшавский. — М.: Тип. И. М. Машистова, 1910. — С. 109–110).

⁶⁸¹ Мелкий индивидуальный инвестор «под давлением всё растущей дороговизны жизни протягивает руку кисточнику богатства — к бирже, и к его услугам тотчас же являются любители поудить рыбку в мутной воде биржевых настроений, чтобы... без особого труда положить в собственный карман ценности, которые вносит наивный клиент в обеспечение» частному банку (Эфемерные банковские конторы // Финансовое обозрение. — 1912. — № 20. — С. 1).

На первый взгляд, основным направлением деятельности небольших банкирских контор стали посреднические услуги в операциях с ценными бумагами. Однако на практике киевские банкирские конторы имели гораздо более тесные связи с биржей. Владелец банкирской конторы снабжал «ценностями своих клиентов... биржевых понижателей, а по достижении... понижения уже с полной уверенностью сам выступал в роли продавца, по поручению якобы встревоженных пошатнувшимся курсом провинциальных клиентов»⁶⁸².

Более того, конторы стали посредниками между Петербургской биржей и крупными киевскими спекулянтами, имевшими в своём распоряжении значительные капиталы, нажитые на операциях с сахаром. Начиная на Петербургской бирже игру на повышение или на понижение, эти спекулянты размещали свои распоряжения на покупку или продажу ценных бумаг как раз через частные банкирские конторы. Когда в сентябре 1894 года началась очередная игра на повышение, «передовая роль в этой кампании принадлежала киевским спекулянтам, которые задают своими приказами на покупку и продажу лихорадочную работу киевским банкирским конторам. Изображая собой посредников между киевскими спекулянтами и Петербургской биржей, наши конторы зарабатывают солидные куртажи. Говорят, что есть счастливые банкиры, загребавшие в качестве куртажа по тысяче и более рублей в каждый биржевой день»⁶⁸³.

Во время общего экономического подъёма в конце XIX — начале XX века киевские банкирские конторы расцвели, и тогда все соглашались с тем, что «говорить о пользе мелкого кредита, значит доказывать, что дважды два четыре», а отсутствие такого кредита «тормозит развитие мелкой промышленности». Но во времена неизбежных циклических спадов, когда среди банкирских контор нередкими были бан-

⁶⁸² На бирже начиналось замешательство, и цель достигнута — «вода замутилась и можно приступать к выуживанию крупной рыбки». Искусственное понижение курса ценных бумаг и «в большинстве случаев невозможность для внёсшего все свои сбережения клиента предоставить дополнительные бумаги влечёт за собой исполнительную продажу. Но банкиру нет никакого смысла лишаться экономически вполне благополучных ценностей», и он на самом деле продаёт «дружески расположенным маклерам» по подходящей для себя цене лишь небольшую партию бумаг (Эфемерные банкирские конторы // Финансовое обозрение. — 1912. — № 20. — С. 1).

⁶⁸³ «Нам уже приходилось сообщать о сильном развитии игры на повышение» // Киевское слово. — 1894. — № 2404. — 22 сент. — С. 1.

кротства, вкладчики лишались своих сбережений. Поэтому многие и считали банкирские конторы, «которые обыкновенно через год летят в трубу со всем своим содержимым»⁶⁸⁴, рискованными и ненадёжными финансовыми учреждениями.

В марте 1899 года крах банкирской конторы В. Л. Вайнбаума и эффектное бегство её владельца стали главной темой для разговоров среди завсегдатаев Семадени, да и не только там. На следующий день после бегства «все без исключения биржевики толпились перед опущенными шторами опустевшей конторы». Известие о крахе «поразило не только бывших вкладчиков В. Л. Вайнбаума» — бежавший банкир «до последнего времени пользовался самой безупречной репутацией делового человека, доверие к нему клиентов определялось многотысячными вкладами». Но после краха Вайнбаума появились подозрения «относительно всех почти банкирских контор», в особенности с учётом «часто повторяющихся в Киеве злостных банкротств»⁶⁸⁵.

А в 1902 году в Киеве прекратила платежи банкирская контора И. Г. Зейферта. При сомнительных по ликвидности активах в 10 тыс. руб. пассивы конторы достигали 300 тыс. руб. Ревизия показала, что Зейферт растратил свыше 100 тыс. руб., а пострадавшими оказались преимущественно мелкие вкладчики, отдавшие на хранение в контору Зейферта один или два выигрышных билета⁶⁸⁶. Сам Зейферт, как и следовало ожидать, скрылся⁶⁸⁷.

Новый скандал разразился в феврале 1906 года, когда в Киеве все заговорили о крахе конторы Эпштейна, располагавшейся в здании Киевского отделения Южно-Русского

⁶⁸⁴ Беседа // Киевлянин. — 1900. — № 244. — 3 сент.

⁶⁸⁵ «На бирже полагают, что вкладов наличными деньгами более чем на 250 000 руб. не было. Кроме вкладчиков, пострадали также некоторые иногородние банки и банкирские конторы, для которых Вайнбаум был посредником». А один из наиболее крупных вкладчиков, «потеря которого исчисляется в десятках тысяч, решил принять самостоятельное участие в розысках В. Л. Вайнбаума... им были посланы телеграммы всюду, где может оказаться бежавший с обещанием крупных наград» (К банкротству банкирской конторы В. Л. Вайнбаума // Киевское слово. — 1899. — № 4007. — 6 марта. — С. 2).

⁶⁸⁶ Крах банкирской конторы И. Г. Зейферта // Банковая и торговая газета. — 1903. — № 29. — С. 495.

⁶⁸⁷ И только через семь лет пресса сообщила, что «сегодня полицией арестован известный некогда в Киеве банкир Зейферт, бежавший в 1902 г. за границу. Зейферт был доставлен в Киев 19 апреля 1909 г. («Сегодня полицией арестован известный некогда в Киеве банкир Зейферт» // Русское слово. — 1909. — 16 мая).

промышленного банка и проводившей всевозможные операции с ценными бумагами. Яков Эпштейн приехал в Киев в начале 1870-х годов. Начиная скромно — давал уроки еврейского языка, а его жена открыла парикмахерскую. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он решил заняться более выгодным делом — скупал и перепродавал серебряные монеты. Вскоре Эпштейн стал маклером по ценным бумагам. Собрал небольшой капитал, Яков открыл свою контору⁶⁸⁸. Одним из клиентов Эпштейна стал хорошо известный в Киеве Антон Ржепецкий, владевший крупными земельными участками в центре города⁶⁸⁹.

Популярности банкиру добавило участие в учреждении Политехнического института. Главными спонсорами стали знаменитые сахарозаводчики Никола Терещенко (150 тысяч рублей) и Лазарь Бродский (100 тысяч рублей). А третьим в этом списке оказался Яков Эпштейн (24 тысячи рублей). Правда, спустя век выяснилось, что на самом деле он дал не 24 000, а 2400 рублей, и в список спонсоров закралась случайная опечатка⁶⁹⁰. А может, и не случайная — чего не сделаешь, чтобы привлечь к себе внимание. Можно за вознаграждение и опечатку сделать.

⁶⁸⁸ «Меняльная контора Я. Б. Эпштейна... покупает и продаёт все государственные процентные бумаги, закладные листы земельных банков, облигации кредитных обществ, акции земельных и частных банков... выдаёт ссуды под залог процентных бумаг в увеличенном размере за уменьшенные проценты... Страхует выигрышные билеты от тиража погашения. Принимает поручения по покупке и продаже акций и паёв» (Меняльная контора Я. Б. Эпштейна // Киевское слово. — 1887. — № 116. — 29 мая. — С. 1; 1887. — № 253. — 19 нояб. — С. 1).

⁶⁸⁹ Антон Карлович Ржепецкий (1868–1932), сотрудник различных кредитно-финансовых учреждений, член Киевской городской думы, одно время — председатель Общества взаимного кредита в Киеве, в мае-июне 1918 г. министр финансов в правительстве П. Скоропадского. Ржепецкий разбогател, давая кредиты под залог лучших киевских усадеб. После открытия Киевского земельного и других ипотечных банков он прекратил все операции и вложил свой капитал в акции этого банка, скупив их по номиналу 250 руб. Помимо получаемых по купонам дивидендов, Ржепецкий имел доход, отдавая свои акции тем, кто баллотировался в общих собраниях Киевского земельного банка на выборные должности. По сути, он продавал им возможность набрать дополнительные голоса. В этих операциях главным его посредником и был владелец частной банковской конторы Яков Эпштейн. Так что Якова Борисовича в городе знали многие.

⁶⁹⁰ Андреев І. Історія однієї помилки. (Внесок Я. Б. Епштейна на будівництво політехнічного інституту в Києві) / І. Андреев // Краєзнавство. — 2018. — С. 130–134.

А в 1906 году Яков оказался вовлечён в скандал, связанный с Залманом Ханкиным, помощником бухгалтера его конторы. Тот получил по якобы поддельному письму 45 000 рублей в Южно-Русском промышленном банке. Письмо было подписано Эпштейном, однако сам он заявил, что его подпись подделали мошенники. А в банке утверждали, что она подлинная. Кому тут верить? Так что дела конторы Якова Борисовича оказались весьма запутанными, о чём «и раньше в городе было много разговоров», как с иронией писала газета «Киевлянин» в сентябре 1899 года⁶⁹¹.

Однако стремление к быстрому обогащению не покидало Эпштейна, и он увлёкся спекуляцией акциями, на чём настолько поднялся, что решил приобрести несколько сахарных заводов — в те годы это был модный и прибыльный бизнес, ведь Киев считался «столицей сахара»⁶⁹². Но готовность к риску явно превышала разумные пределы — Яков Эпштейн выпустил необеспеченные «бронзовые» векселя на 1,2 млн руб. Не знаю, как сам банкир собирался выйти из этой ситуации, но она привлекла внимание. Началось судебное расследование, длившееся, пока контора не обанкротилась в 1906 году⁶⁹³.

Пресса сообщала, что распространившиеся на бирже слухи о «торговой несостоятельности крупной местной сахарозаводческой фирмы и банковской конторы Я. Б. Эпштейна» имели под собой основание и банкротство «является уже совершившимся фактом»⁶⁹⁴. «Крах банковской конторы Яко-

⁶⁹¹ Получение по подложному письму 45 000 рублей // Киевлянин. — 1899. — 14 сент. (№ 254). — С. 3.

⁶⁹² Банкир специализировался на финансировании сахарных предприятий, «вёл постоянную игру то на повышение, то на понижение» и на этом он временами «зарабатывал крупные суммы» — по слухам, «недавно на этой спекуляции он взял около 200 000 руб.» чистой прибыли (Крах банковской конторы Якова Эпштейна // Русское слово. — 1906. — 16 февр. — 1907. — 18 мая).

⁶⁹³ К банкротству Я. Эпштейна // Киевлянин. — 1906. — 17 февр. (№ 48). — С. 3.

⁶⁹⁴ Общий пассив обанкротившейся конторы достигал 1 400 000 руб. Главными кредиторами Эпштейна были Киевская контора Государственного банка, местные отделения Волжско-Камского и Южно-Русского промышленного банков, а также Киевский частный коммерческий банк. Пассив «самого Я. Б. Эпштейна не превышал 600 000 руб.», но он был должен, кроме прочих долгов, ещё 800 000 руб. товариществу Романовских сахарных заводов, «главным пайщиком которых он является». Активами конторы Эпштейна были предприятия Романовского товарищества — два сахарных завода в Киевской губернии, приносявшие «значительный доход». Эпштейн был не только «главным акционером этих предприятий, но и директором-распорядителем,

ва Эпштейна... произвёл в городе... громадную сенсацию». Только лишь «Государственному банку контора была должна 600 000 руб. Крах вызван прекращением платежей одной московской фирмой и неудачной биржевой игрой с сахарным песком»⁶⁹⁵.

Было возбуждено дело о банкротстве, суд признал Я. Б. Эпштейна несостоятельным с долгами около 2 млн руб., после чего тот скрылся в неизвестном направлении. Больше о нём никто не слышал — видимо, сменил имя и жил в другой стране в своё удовольствие. «Это был настоящий игрок и спекулянт, капиталы которого были настолько же сомнительными, как и его операции»⁶⁹⁶.

Но самую большую известность получил скандал вокруг банкротства банкирской конторы А. С. Данилевского — отставного штабс-капитана, решившего быстро разбогатеть. В 1884 году Алексей Данилевский вместе с женой Софией учредили в Киеве «товарищество на вере» (напоминающее инвестиционный траст — они как раз стали популярными в Америке) под названием «Торговый дом А. Данилевский и К^о», состоявший, как потом оказалось, из одного участника — самого Данилевского. Расположенные в Киеве и Одессе банкирские конторы торгового дома Данилевского продавали билеты Первого выигрышного займа и выдавали кредиты под все процентные бумаги — 95 % от их стоимости⁶⁹⁷. Это было привлекательное предложение — другие конторы давали меньше.

Конторе Данилевского удалось выделиться благодаря привлечению большого количества мелких клиентов, при-

т. е. фактическим хозяином». Прекращение конторой платежей «вызвало на бирже понятную тревогу, главным образом, среди сахарных дельцов», имевших контакты с конторой. Большинство кредиторов склонялись «в пользу учреждения по делам фирмы администрации, так как активы... в виде двух сахарных заводов представляют собой гарантию для постепенного погашения долгов». Кредиторы признали, что Эпштейн стал жертвой «несчастного для него стечения обстоятельств, так как в течение последнего времени он пострадал на весьма крупную сумму» вследствие банкротства «фирмы Расторгуевых в Москве, банкирской конторы Равич в Варшаве и общества Рыбницкого сахарного завода, которым он давал широкий кредит» (Крах сахарозаводческой фирмы // Киевская жизнь. — 1906. — № 13. — 18 февр. — С. 2).

⁶⁹⁵ Крах банкирской конторы Якова Эпштейна // Русское слово. — 1906. — 16 февр. — 1907. — 18 мая.

⁶⁹⁶ К банкротству Я. Эпштейна // Киевлянин. — 1906. — 17 февр. (№ 48). — С. 3.

⁶⁹⁷ Крах конторы Торгового дома «А. Данилевский» // Киевское слово. — 1887. — 10 июня; 1887. — 14 апр.

ходивших с небольшими сбережениями или с несколькими облигациями выигрышных займов, которые они хотели передать на хранение банкиру. Данилевский был отставным офицером и дворянином, что создавало видимость «солидности» предпринимателя. Банкирская контора арендовала представительный офис на Крещатике, где клиентов принимала жена Данилевского, работавшая кассиром. «В доверии со стороны публики» у него «недостатка не было. Да и трудно было не верить. Огромная вывеска. Широкая каменная лестница. У дверей солидный швейцар... повсюду степенные конторщики, бухгалтера... а за кассой сама... жена крупного финансиста... Тем более верилось, что ведь не в еврейскую лавочку ходили они, — объясняют свидетели, — а к отставному офицеру». Однако «шли месяцы, пора было билеты возвращать, но их не было». Сам Данилевский, «занятый созиданием на Бессарабке грандиозного дома с балкончиками, в контору не являлся», а его жена «ласково, приветливо успокаивала нетерпеливых глупцов, которым на ум не могла прийти мысль о шаткости такой серьёзной конторы»⁶⁹⁸. На деле же «свободного капитала контора не имела, а платежи задерживались»⁶⁹⁹, но видимость успешности удавалось сохранять.

Проблемы у Данилевского начались после того, как в 1890 году одесская контора его торгового дома обанкротилась, создав убытки 60 тыс. рублей. Чтобы их покрыть, Данилевский решил организовать финансовую пирамиду с помощью рекламы, обещавшей всевозможные выгоды от вложения капиталов. Репутация у банкира пока ещё сохранялась, деньги снова к нему потекли, и он срочно вложил капиталы в строительные проекты.

В январе 1893 года торжественно открыли хорошо оборудованные Троицкие бани, постройка которых финансировалась торговым домом Данилевского. Успех этого проекта вдохновил его заняться строительством отеля «Орион» на углу Большой Васильковской и Бессарабской площади, и в декабре 1894 года банкир купил земельный участок для

⁶⁹⁸ Герои дня. Из залы суда. Часть 2. // Киевское слово. — 1896. — № 3180. — 17 нояб. — С. 4.

⁶⁹⁹ «Последним обстоятельством объясняются... действия распорядителя А. Данилевского, свидетельствующие о том, что у него была одна цель — добыть возможно больше денег какими бы то ни было путями, не заботясь... о расплате» (Дело А. С. Данилевского и его жены // Киевское слово. — 1896. — № 3179. — 16 нояб. — С. 2).

здания. Однако этот проект требовал значительных капиталов. Где их взять?

В 1894 году наступал срок обмена билетов 1-го выигрышного государственного займа, у которых к тому времени закончились купоны на получение дохода. Данилевский объявил, что его торговый дом готов обменивать облигации бесплатно (банки и банкирские конторы брали за это коммиссионные). На самом же деле Данилевский хотел иметь в своём распоряжении как можно больше облигаций, чтобы заложить их в банках и получить наличные деньги. Обменивать облигации своих клиентов он вообще не собирался. В 1894 году владельцы облигаций понесли их Данилевскому, и он взял под залог примерно пяти сотен облигаций кредиты в нескольких банках, однако «куда девались взятые под эти бумаги деньги — неизвестно»⁷⁰⁰. Так удалось собрать капиталы на постройку роскошного отеля, украшенного лепниной и башнями. Однако долги Данилевского по кредитам достигли 305 тыс. рублей, поэтому отель пришлось срочно продать за 280 тысяч новому хозяину — крупному владельцу недвижимости П. М. Попову.

Слухи о финансовых трудностях у Данилевского быстро распространились, и клиенты попытались забрать свои облигации. Но тут оказалось, что их нет — они были заложены в банках, находившихся на Крещатике рядом с конторой. 19 сентября 1894 года банкиру пришлось объявить себя банкротом. Вскоре он вместе с женой был арестован, и началось следствие, выявившее многочисленные злоупотребления. Данилевский, присвоивший более ста тысяч рублей денег клиентов, признал себя виновным в растрате, объясняя её большими убытками.

Понятно, что прессу больше привлекали скандальные истории банкротств, но в действительности среди банкирских контор немало было вполне солидных и надёжных, как, например, контора Г. Д. Лесина. Частный банкир Григорий (Герш) Давидович Лесин (1860–1924) начал свой бизнес в Житомире, где стал посредником в операциях с недвижимостью. Разбогатев, он в начале 1900-х годов открыл небольшую банкирскую контору в Киеве на Крещатике. Дела Лесина шли неплохо, и в 1907 г. он перебрался в Петербург,

⁷⁰⁰ Дело А. С. Данилевского и его жены (продолжение) // Киевское слово. — 1896. — № 3180. — 17 нояб. — С. 4.

где не только основал известный банкирский дом, но и сблизился с влиятельным банкиром А. И. Путиловым (что удавалось немногим), став его другом и «правой рукой». «Друг Путилова, — это много стоило на бирже!»⁷⁰¹ И действительно, некоторые операции (вероятно, конфиденциальные) своего Русско-Азиатского банка Путилов проводил через контору Г. Д. Лесина, а имя Путилова часто встречалось среди клиентов банкирского дома «Г. Лесин» по специальному текущему счёту⁷⁰² Известно, что Путилов вместе с Лесиным совместно приобрели в Ницце имение «Вилла Роза», превосходившее своей роскошью загородные дворцы французских королей и принадлежавшее ранее разорившемуся петербургскому железнодорожному королю П. П. фон Дервизу. Так что отношения у них были доверительные.

Читая все эти истории про банкирские конторы, трудно отделаться от впечатления, что со стороны этих финансовых учреждений можно было ждать любых сюрпризов. Однако мелкие инвесторы со своими небольшими сбережениями всё равно туда шли. Михаил Грушевский писал в воспоминаниях, что «брат хозяина одной небольшой киевской банкирской конторы, где хранил свои деньги дед, был удивлён тем, что когда конторе временно пришлось прекратить платежи, дед отнёсся к этому с философским спокойствием — не пытался забрать свои деньги, никого не упрекал за крах, и когда фирма поправила свои дела, продолжал вкладывать туда деньги»⁷⁰³.

Киевские банки

В то время на территории Украины банки, а не рынок ценных бумаг, были главным источником финансовых ресурсов. «Наши биржи — весьма слабые организации», и разве «можно думать о прямой эмиссии ценных бумаг на бирже, минуя банки?.. эмиссии мыслимы только при непосредственном участии банков» и «рассчитаны на банковскую клиентуру».

⁷⁰¹ Кугель И. Р. Из воспоминаний. Записки редактора / И. Р. Кугель // Литературный современник. — 1940. — № 12. — С. 122.

⁷⁰² Лизунов П. В. Банкирский дом «Г. Лесин», его операции и владелец / П. В. Лизунов // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2006 г. — СПб.: «Нестор-История», 2006. — С. 104–108.

⁷⁰³ Грушевський М. Спомини / М. Грушевський // Дніпро. — 1988. № 9. — С. 119.

Поэтому «официальная биржа открывается не в здании биржи, а в кабинетах банков»⁷⁰⁴.

«Банковые учреждения пустили глубокие корни в стране»⁷⁰⁵, контролируя финансируемые ими предприятия, превращаясь в хозяев всей промышленности и став основным источником капиталов для промышленного роста. Слияние банковского и промышленного капитала было особенно заметным в начале XX века. Связи крупнейших банков с промышленностью становились всё более тесными, и по составу банковского портфеля ценных бумаг можно было без труда увидеть, какие компании финансирует банк.

В Киеве создание банковской системы началось в 1860-е годы, время модернизации общества и радикальных преобразований, в том числе и в финансово-кредитной сфере. Когда после реформ 1860-х в городе стали учреждать акционерные общества, «появившиеся затем банки открыли доступ к обширному кредиту»⁷⁰⁶. К концу 1860-х годов была, в общем, создана кредитно-финансовая система нового типа, состоявшая из Государственного банка и его отделений, акционерных коммерческих банков, акционерных земельных банков, обществ взаимного кредита, сберегательных касс и других кредитных учреждений (в том числе банкирских контор).

После открытия контор и отделений Государственного банка в Киеве, Одессе, Харькове и Полтаве (а затем и в других городах) стали появляться предоставлявшие ипотечные кредиты земельные банки (Киевский, Полтавский, Херсонский и Харьковский), а также акционерные коммерческие банки.

В Киеве первый акционерный Киевский частный коммерческий банк с капиталом 1 млн рублей основали 8 мая 1868 года по инициативе Н. Х. Бунге. Среди его учредителей были Г. О. Гинцбург, сахарные магнаты И. М. и Л. И. Бродские,

⁷⁰⁴ Боголепов М. И. Биржи и банки / М. И. Боголепов // Банковая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России. / Под ред. Л. Н. Яснопольского. — К.: Изд-во Банковой энциклопедии, 1917. — С. 392–393.

⁷⁰⁵ Коммерческие банки в 1913 году // Банки и биржа. Ежегодник на 1914 год. — Пг.: Банки и биржа, 1914. — С. 100.

⁷⁰⁶ А кроме того «дали возможность киевлянам, начиная с 70-х годов, построить... сотни первоклассных домов» (Захарченко М. М. Киев теперь и прежде / М. М. Захарченко. — К.: Лито-тип. заведение С. В. Кульженко, 1888. — С. 92).

а также крупные помещики А. В. Гудим-Левкович, М. К. Виноградский, А. С. Кудашев, на землях которых располагались сахарные заводы. Совет банка возглавлял Андрей Гудим-Левкович — родственник киевского губернатора, а членами совета были известный киевский финансист Давид Марголин, «сахарные короли» Лазарь и Лев Бродские и другие⁷⁰⁷.

Киевский промышленный банк основали 12 июля 1871 года с капиталом 1,5 млн рублей. Среди учредителей были те же Андрей Гудим-Левкович и Лазарь Бродский, связанные с сахарным бизнесом. В 1908 году его поглотил Соединённый банк, входивший в группу железнодорожного короля Лазаря Полякова, после чего Киевский промышленный банк переименовали в Южно-Русский промышленный банк.

По сравнению с петербургскими акционерными коммерческими банками, где капиталы обычно составляли десятки миллионов рублей, эти два киевских банка трудно назвать крупными. Но за счёт того, что они финансировали сахарную промышленность, их обороты в 1880 году были немалыми — у Киевского промышленного банка 159 млн рублей, у Киевского частного коммерческого банка — 256 млн рублей⁷⁰⁸.

К началу XX века банковских учреждений в городе стало гораздо больше — открылись филиалы многих крупных петербургских банков, совершавших все финансовые операции. Акционерные коммерческие банки предлагали клиентам (кроме стандартных депозитов, кредитов и денежных переводов) обычные в то время финансовые услуги, связанные с основными ценными бумагами, обращающимися на рынке, — оплата купонов по облигациям, выплата дивидендов по акциям, вклады в ценных бумагах, хранение ценных бумаг, кредиты под их залог ценных бумаг и т. п. С конца XIX века всё большим стал спрос на трастовые услуги («приём вкладов с управлением»). Это касалось, прежде всего, вкладов в ценных бумагах (первые вклады с управлением появились

⁷⁰⁷ Капитал банка в 1 млн руб. был разделён на именные паи (их получили учредители) на общую сумму 0,5 млн руб. и акции на предъявителя на общую сумму 0,5 млн руб. (Акционерные банки краткосрочного кредита в 1898 году // Иллюстрированный вестник культуры и торгово-промышленного прогресса России. — СПб.: Изд. А. С. Шустова, 1901. — С. 29).

⁷⁰⁸ Гуржій І. О. Влада й основні організаційні заходи в галузі торгівлі та підприємництва м. Києва ХІХ ст. / І. О. Гуржій // Проблеми історії України. — Вип. ХVІ. — С. 44.

в 1895 г. в отделениях Государственного банка). Банки следили за тиражами ценных бумаг, переданных им на хранение, а также использовали доходы по ним на цели, определяемые вкладчиком⁷⁰⁹. Количество банковских учреждений быстро росло, и к концу 1917 г. в городе их было 35 (как местных, так и филиалов иногородних — в основном петербургских).

Индивидуальные инвесторы

Во второй половине XIX века в города, где создавались акционерные компании и промышленные предприятия, стекалось в поисках работы множество людей. Формировался средний класс, и у него накапливались сбережения. Может и небольшие, но сбережения. В эпоху аграрной сельской экономики если у крестьянина и появлялись деньги, он их мог только закопать в глинном горшке в саду под деревом — вложить куда-либо свои небольшие капиталы у него не было возможности. В индустриальной городской экономике появилась сфера финансовых услуг. Не привычные ростовщики, просто дающие деньги в долг, а банкирские конторы и банки, через которые можно инвестировать сбережения и получать от них доход. Формировалась финансовая культура — умение сберегать капиталы и выгодно их инвестировать. А также умение передать эти навыки своим потомкам.

Сколько их было, индивидуальных инвесторов? На рубеже веков в Англии (где финансовые услуги развились больше всего) 10,6 % населения жили на «прибыль с капитала», как тогда говорили. Во Франции — 9,2 %, в Германии и США — по 5 %⁷¹⁰. Что же касается Киева и других городов, то у нас есть единственный надёжный⁷¹¹ источник информации — перепись населения царской империи 1897 года. Её результаты были опубликованы, а сегодня эти тома с данными по губерниям и городам доступны в Интернете. По количеству

⁷⁰⁹ Министерство финансов 1802–1902. В 2 т. Т. 2. — СПб.: Экспедиция заготовки государственных бумаг, 1902. — С. 375.

⁷¹⁰ Michie R. The London Stock Exchange / R. Michie. — Oxford: Oxford University Press, 2004. — P. 4.

⁷¹¹ Разрозненные цифры, встречающиеся иногда в книгах и статьях разных лет (нередко без ссылок на источник), не назовешь надёжными — они часто не совпадают и непонятно откуда взяты.

рантье — лиц, живущих «доходами с капитала», Киев (7,8% населения)⁷¹²; лидировал среди других крупных городов империи, приближаясь к столь любимой тогда Франции (9,2%).

Кем были потребители финансовых услуг — индивидуальные инвесторы? Во время судебного процесса по делу банкира Данилевского в Киеве в 1895 г. через зал суда прошёл «целый ряд имен и фамилий десятков лиц, не раз поднимавшихся по широкой лестнице в контору Данилевского. Тут и провинциальные... священники, волостные писаря, “маленькие чиновники”, фельдшера, аптекарские помощники, торговки с Бессарабки и Троицкого базара, словом все, кто успел что-то скопить, оставить на чёрный день, спешил к крещатицкому банкиру в надежде удвоить, утроить свои сбережения»⁷¹³.

Считалось, что на бирже преимущественно играет «барство и чиновники»⁷¹⁴, хотя основная масса чиновников дворянского происхождения ограничивалась обычно покупкой небольшого количества акций. Однако ценными бумагами владели не только дворяне и чиновники, но и отставные военные, простые мещане, а иногда даже разбогатевшие крестьяне⁷¹⁵. Правда, таких крестьян было совсем немного, а основная их масса «не имеет понятия о том, что такое акция, облигация или закладные листы... бумаги такого рода размещены исключительно среди городского населения»⁷¹⁶.

⁷¹² В Киеве (с населением 247 700 чел.) их было 19 448—7,8% (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XVI. Киевская губерния. — СПб., 1904 — С. 171). В Одессе (с населением 403 800 чел.) — 6543 человек (0,2%) (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLVII. Город Одесса. — СПб., 1904. — С. 132–133). В Харькове (с населением 174 000 чел.) — 5610 чел. (3,2%) (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLVI. Харьковская губерния. — СПб., 1905. — С. 181). В Петербурге (с населением в 1897 г. 1 264 900 человек) — 45 503 чел. (3,6%) (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Город С.-Петербург. Тетр. 2. — СПб., 1903. — С. 206).

⁷¹³ Дело А. С. Данилевского и его жены // Киевское слово. — 1896. — № 3179. — 16 ноября. — С. 2.

⁷¹⁴ Дорошевич В. М. Манташиада / В. М. Дорошевич // Собрание сочинений. Том II. Безвременье. — М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. — С. 264.

⁷¹⁵ Это подтверждают судебные речи известных юристов конца XIX — начала XX в. (П. А. Александрова, С. А. Андреевского, П. П. Карабчевского, Ф. Н. Плевако, В. Д. Спасовича, А. И. Урусова и др.). Так, в деле О. Штейн она обвинялась в хищении процентных ценных бумаг у лиц различного сословия — «титularного советника... дворянина... инженера... мещанки... крестьянина» (Судебные речи известных русских юристов. — М.: Юрайт, 2011. — С. 510–511).

⁷¹⁶ Хрулев С. С. Финансы России в связи с экономическим положением её населения / С. С. Хрулев. — СПб.: Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1909. — С. 155–156.

Во время очередного бума в 1894–1895 гг. «играли на бирже все... около банков, банкирских контор, у биржи появились совершенно дотоле незнакомые, неведомые лица: дамы, чиновники, генералы, офицеры, кабатчики, гробовщики и просто люди без определённых занятий»⁷¹⁷.

Так что, если верить тому, что писали современники (а у нас нет оснований им не верить), «акции и процентные бумаги распространились и продолжают распространяться во всех слоях общества»⁷¹⁸ — от дворянства до прислуги.

⁷¹⁷ «Игравшие разбились на отдельные группы: повиднее, побогаче... ютились в банках, помельче, порискованнее у банкирских контор, оказывавших им более льготные условия по выдаче ссуд (до 90 % биржевой цены), ещё помельче у менял. Вся эта пёстрая толпа бегала по банкам, банкирским конторам и менялам, начиная с [самого] утра» (Судейкин В. Т. Биржевая игра на Петербургской бирже / В. Т. Судейкин // Журнал юридического общества. — 1897. — Кн. 1. — С. 8).

⁷¹⁸ От редакции // Финансовое обозрение. — 1874. — № 1. — С. 1.

Глава 4.

КОРРУПЦИЯ КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ

В канцелярии киевского генерал-губернатора

В 1837 году Дмитрий Гаврилович Бибилов⁷¹⁹ стал генерал-губернатором трёх губерний Правобережной Украины — Киевской, Волынской и Подольской. Он решил сформировать «молодую команду» прогрессивных чиновников. И предложил престижную должность чиновника по особым поручениям Николаю Писареву⁷²⁰, которого он давно знал.

Ещё когда Бибилов в Петербурге был директором Департамента внешней торговли, он взял на работу исполнительного и энергичного восемнадцатилетнего Николая — потомка старинного обедневшего дворянского рода. Особенно в этом чиновнике нового поколения привлекало то, что тогда он совершенно не брал взяток. А Бибилов в таможенном ведомстве десять лет боролся именно со взятками, сурово искоренял злоупотребления и прославился как непримиримый борец с коррупцией.

⁷¹⁹ Дмитрий Гаврилович Бибилов (1792–1870) был военным генерал-губернатором Киевской, Подольской и Волынской губерний в 1837–1852 годах.

⁷²⁰ Николай Эварестович Писарев (1807–1884) — двоюродный дядя знаменитого публициста Писарева, плативший за его обучение в университете.

Когда Бибиков получил назначение в Киев⁷²¹, он взял с собой Писарева. А дальше события приняли интересный оборот. Жена Бибикова с детьми осталась в Петербурге — не захотела ехать «в провинцию». А Писарев приехал в Киев с молодой женой — её звали София, так же как и жену Бибикова. Генерал-губернатор, известный ценитель женской красоты, сразу заинтересовался новой дамочкой в своём окружении, а чтобы Писарев не мешал, регулярно отправлял его по делам службы во всякие отдаленные уезды трёх губерний. Бибиков уделял Софии Писаревой всё больше внимания, и слухи об этом быстро распространились в Киеве. Говорили, что Николай Писарев узнал об этом последним. Чтобы его задобрить, генерал-губернатор повысил Николая в должности до начальника своей канцелярии⁷²².

Не знаю, переживал ли Писарев из-за измены жены, но его увлекли совсем другие дела. Новая должность создала соблазн хорошо обогатиться, и с тех пор начальник канцелярии приобрёл очень большое влияние. Так как Фундуклей денег не брал (да и не все вопросы он решал), просители потянулись в канцелярию Бибикова, к Николаю Писареву. Тот по своей воле назначал и увольнял чиновников во всех трёх губерниях, вмешиваясь во все дела, где видел для себя выгоду. А Бибиков занимался только военными вопросами и переговорами с людьми в царском правительстве.

Писарев создал целую коррупционную пирамиду по выкачиванию денег. Должность исправника⁷²³ стоила 500–600 рублей, а заработать на взятках при этой должности можно было больше 10 тысяч в год. Должность судьи в те годы стоила поменьше, от 300 рублей (видимо, судьи тогда не брали так, как сейчас). Больше всего платили Писареву арендаторы казённого имущества — там счёт шёл на тысячи. Обычно при аренде такого имущества проводились ревизии,

⁷²¹ Став генерал-губернатором, Бибиков предложил Николаю I назначить гражданским киевским губернатором богатого землевладельца Ивана Фундуклея, хозяина сахарного и стекольного заводов. Царь справедливо решил, что Фундуклей взятки брать не будет, потому что и без того богат. И оказался прав.

⁷²² Пётр Селецкий, хорошо знавший и Писарева, и Бибикова, считает, что это вымысел — хотя генерал-губернатор действительно интересовался женщинами, в то время он обхаживал совсем другую даму — дочь начальника арсенала (Записки Петра Дмитриевича Селецкого // Киевская старина. — 1884. — № 9. — С. 88).

⁷²³ Исправник — начальник полиции уезда (района), подчинявшийся губернатору.

а Писарев имел право отложить ревизию на более поздний срок, чтобы арендаторы успели уладить всякие противозаконные дела. За такой перенос ревизии нужно было заплатить 1000 рублей.

В вымогательстве денег и сборе дани Писарев опирался на полицию. После польского восстания местная полиция «получила значение, какого она никогда не имела... все её члены... были назначаемы властью генерал-губернатора... высшие должности давались не иначе, как с соизволения Писарева. В уездах полиция была всемогуща, ей был предоставлен обширный круг деятельности», так что «полицейские чиновники составляли себе значительные состояния». Если же кто-то из помещиков отказывался платить, на него сразу писали донос, вызывали в Киев и сажали под арест. Так что платить всё равно приходилось, но теперь уже «платили гораздо больше... чем местной полиции»⁷²⁴. С теми же, кто пытался выступать против системы сбора денег, разговор был короткий — они не утверждались в должности⁷²⁵.

О деятельности Писарева знал даже сам царь, однако чиновника не трогали — влиятельный Бибиков⁷²⁶ считал его незаменимым и в случае увольнения Писарева мог и сам уйти в отставку. Видимо, Писарев действительно так много знал о делах Бибикова, что стал уже незаменимым. Правда, говорили, что он всё делал за спиной у Бибикова, а тот якобы был честным и денег не брал, но в это с трудом верится. Хотя доказать что-либо сегодня уже тяжело.

«Правитель Канцелярии киевского военного генерал-губернатора Писарев был один из великих взяточников... он составил в Киеве многомиллионное состояние (в имениях и капиталах)... Секрет этот открывается из следующего анекдота... Как-то Бибиков спрашивает Писарева, правда ли, что он берёт взятки; на это Писарев отвечал: “Не верьте, — мало ли чего не говорят? Вот, говорят, что вы живёте с моею женою, а я ведь не верю!» О взятках Писарева, говорят, знал и царь. «Как-то раз на бал, данный в Киеве наследнику, яви-

⁷²⁴ Записки Петра Дмитриевича Селецкого // Киевская старина. — 1884. — № 9. — С. 87.

⁷²⁵ Так было в Подольской губернии с генерал-майором А. А. Радищевым (сыном А. Н. Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву»).

⁷²⁶ Считалось, что Бибиков успешно боролся с польским влиянием на территории Правобережной Украины, а это после польского восстания 1830–1831 годов сильно беспокоило царские власти.

лась Писарева, залитая бриллиантами с ног до головы. “Кто это такая?” — спросил наследник у кого-то. “Это, — ответили, — жена правителя Канцелярии генерал-губернатора”... Тем не менее Писарев оставался на месте — кажется, до перемещения Бибикова на пост министра в[нутренних] д[ел]: таков был авторитет Бибикова у Николая! Да и ловок же был Писарев! Даже поляки, ненавидевшие его за его колоссальное взяточничество, отдавали ему в этом отношении справедливость»⁷²⁷. И действительно, имевшие дело с Писаревым его хвалили. То, что он деньги брал — это понятно, но деньги тогда брали все, а с Писаревым было приятнее иметь дело — никакой грубости и наглости, вежливый разговор, да и выполнял он обещанное. А с другими чиновниками всякое бывало⁷²⁸.

Обычно разговор с начальником канцелярии выглядел так. Приходил в его огромный кабинет какой-нибудь мелкий чиновник, начинал жаловаться на жизнь, на стеснённые обстоятельства. И просил назначить на выгодную должность — скажем, исправника (начальника полиции) в любом уезде. Писарев, стоя перед окном и внимательно глядя в зеркало на просителя, сухо отвечал, что сейчас такой свободной должности нет. А проситель, знавший правила игры, шёл к маленькому столику в углу кабинета и клал под скатерть 500 рублей. Писарев, всё это видевший в зеркало, сразу оживлялся и говорил, что вдруг вспомнил — освобождается такая должность. Обрадованный проситель уходил, Писарев тоже оставался довольным — встреча прошла с пользой. Бюрократия оказалась выгодным бизнесом.

Однако в 1850 году Бибиков вдруг решил избавиться от Писарева. Но вовсе не потому, что начал бороться с коррупцией. По слухам, София Писарева ему надоела, он увлёкся другой дамой, и семейство Писаревых в Киеве стало лишним. Бибиков поступил безупречно — добился для Писарева заметного повышения, чина статского советника и места губернатора Олонецкой губернии. Правда, эта губерния на холодном Карельском полуострове находилась очень далеко от

⁷²⁷ Путова Г. Київські оповідки у фонді Стороженків ЦДІАК України / Г. Путова. — <https://www.academia.edu> — С. 7.

⁷²⁸ Кроме Писарева взяточничеством прославились в те годы и многие другие. «Председатель Киевской казённой палаты Пенкин нажил на этом месте состояние... более чем в миллион» (Путова Г. Київські оповідки у фонді Стороженків ЦДІАК України / Г. Путова. — <https://www.academia.edu> — С. 10.

тёплого Киева, но и должность губернатора была куда выше, чем начальника канцелярии.

После отъезда Писарева в далёкий Петрозаводск в Киеве все были в смущении. То, что за любые дела нужно платить, даже не обсуждалось, но при Писареве было понятно, к кому идти и сколько за какие услуги давать. Причём без лишних разговоров. А к новым чиновникам нужно было искать подход.

В Петрозаводске Николай Эварестович сразу сориентировался и обложил данью и город, и всю губернию. Однако один из чиновников Казённой палаты отказался платить. Писарев нашёл какой-то предлог и уволил чиновника, хотя тот хорошо справлялся со своей работой. Чиновник не сдавался и летом 1851 года во время службы в церкви подошёл к губернатору и публично дал ему пощёчину. Об этом написали газеты, дело дошло до Петербурга, взяточника-губернатора уволили, и началось следствие.

Тем временем жена Писарева, увидев такой оборот дела, сбежала с любовником и со всеми деньгами — они хранились на её счету, чтобы не привлекать внимание. А Писарева отправили под стражей в Петербург, и он оказался в камере Петропавловской крепости. Спасло его только то, что Бибикова в 1852 году назначили министром внутренних дел, и следствие по делу Писарева удалось замять. Видимо, министр опасался, что бывший начальник его канцелярии может рассказать много чего лишнего про киевские дела. Писарева выпустили в том же 1852 году при условии, что он удалится в своё имение в Тульской губернии и в Петербурге больше не появится. Пошли даже слухи, что опозоренный, оставленный женой и разорённый Николай Эварестович вскоре умер. Однако на самом деле он жил ещё больше тридцати лет, вроде бы даже писал мемуары (так и не опубликованные), и умер в 1884 году вовсе не в холодной Тульской губернии, а в тёплой Венеции.

Взяточничество и вымогательство

В то время как на Печерске, на углу Институтской и нынешней Шелковичной, Николай Писарев занимался крупными делами, в «нижнем городе», на Подоле, на Житнем рынке, тоже происходило много интересного, хотя масштабы были

поменьше. В каждый базарный день пристав⁷²⁹ подольского участка Михайлов выходил на обход рынка, за ним ехала повозка с запряжённой лошастью. Пока повозка не наполнялась всяким добром, обход не завершался. И даже когда товары уже не помещались в телегу, Михайлов уходил, прижимая к груди то жирного гуся, то петуха. Если Михайлову вдруг приносили счёт за товары от какого-то неопытного купца, ещё не понявшего правила, пристав искренне поражался: «Да ты с ума сошёл, разве не знаешь, что приставы не платят?» Поборы делались настолько открыто, что не могли не привлечь внимания начальства, и Михайлова судили за взяточничество и вымогательство. Хотя местным населением «все эти обвинения... вовсе не считались преступными». На суде на вопрос «почему брали?» Михайлов ответил так: «Я потому брал, что не желал быть выскочкой среди своих товарищей, все брали, и я брал. Кроме того, я не хотел обижать обывателей, приносивших подарки»⁷³⁰.

Корни коррупции теряются в глубине столетий. И девятнадцатый век не стал исключением. С коррупцией сталкивались почти все, особенно те, кто находился в прямом подчинении губернаторов: полицмейстеров, исправников, городничих⁷³¹. «Продажность, произвольничество и безответственность администрации безграничны, суда, справедливости не добиться ниоткуда»⁷³². Большинство губернаторов и взятки брало по любому поводу, и деньги с подчинённых собирало систематически. Губернаторы требовали от полицмейстеров⁷³³ ежегодно по 5000 рублей за то, что не будут им мешать брать деньги со своих подчинённых. Так было практически везде.

⁷²⁹ Пристав — в царской империи начальник полиции небольшого административного района. В данном случае — начальник полиции Подола в Киеве.

⁷³⁰ Ярон С. Г. Киев в восьмидесятих годах. Воспоминания старожила / С. Г. Ярон. — Киев: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. — С. 32.

⁷³¹ Голова адміністративної влади повітового міста.

⁷³² Половцов О. О. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880-травень 1881 р.) / О. О. Половцов. — К.: StreamARline, 2019. — С. 70. «Всякого рода законодательные и административные произвольничания пошатнули прежний порядок вещей, во многом несовершенный, но твёрдый, и взамен его создали что-то неопределённое, смешанное, спутанное, отсутствие всякой власти и, в большей части случаев, безответственность и безнаказанность» (Там же, с. 47).

⁷³³ Начальник полиции губернского города.

Когда крупный землевладелец граф Владислав Браницкий обратился с прошением к царю позволить передать его жене в пожизненное владение местечко Белую Церковь, царь для соблюдения порядка приказал получить разрешение у киевского генерал-губернатора М. И. Черткова. Тот «не замедлил спустить дело по административной лестнице», после чего «исправник явился к Браницкому, получил тысячу рублей, и высоч[айшее] повеление последовало»⁷³⁴.

Взятки полиции были обычным делом. С помощью взятки можно было решить любой вопрос и замять всякое правонарушение. По праздникам предприниматели и купцы обычно отправляли поздравления крупным полицейским чинам, не забывая положить в конверт необходимую сумму. А мелкие чины (городовые, квартальные, околоточные) обычно сами приходили поздравлять добрым словом нужных людей, ожидая от них конверты с ответными «поздравлениями».

Чтобы не обижать дворянство и чиновников, власти не раз разрешали дорогие подарки должностным лицам. Однажды в начале XIX века «киевский губернский маршал просил позволения поднести гражданскому губернатору Панкратьеву⁷³⁵ от лица всего тамошнего дворянства золотую табакерку, осыпанную бриллиантами в 24 000 руб. Государь сделал замечание о цене табакерки, но Комитет (министров) нашел справедливым дать в этом отношении полную свободу, не назначая цены табакерки, чем как губернатор, так и дворянство сочли бы себя обиженными»⁷³⁶ (на табакерке бриллиантами были выложены слова на польском языке «за добродетели и труды от шляхты киевской»). Интересно, как сложилась судьба этой табакерки. Может, она хранится до сих пор в каком-нибудь музее. А может, в бурные годы гражданской войны большевики переплавили её на золото и продали за границу — они часто такое делали. Я не встречал об этом никаких упоминаний.

⁷³⁴ Половцов О. О. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880-травень 1881 р.) / О. О. Половцов. — К.: StreamARline, 2019. — С. 47–48.

⁷³⁵ П. П. Панкратьев был киевским гражданским губернатором в 1802–1810 годах.

⁷³⁶ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров / С. М. Середонин. — В 3 т. Т. 1. — СПб.: Изд-во Канцелярии Комитета Министров, 1902. — С. 271.

О других подарках Панкратьеву сохранилось много писем «киевской шляхты» 1809 года с разными «просьбами о содействии и помощи, с выражением благодарности за оказанные услуги»⁷³⁷. И с упоминанием отправленных губернатору подарков — четвёрки коней, дикого кабана, добытого на охоте в дымерских лесах под Киевом, и прочего. От коней Панкратьев вежливо отказался, отписав, что у него своих хватает. Принял ли он кабана — неизвестно, но думаю, что кабан был съеден. Впрочем, о Панкратьеве говорили, что он жил на жалование и от подарков обычно отказывался. Но сама система «подношения даров» губернаторам за оказанные услуги тогда процветала.

Помещики частично содержали полицию. Полицейский чиновник в Киевской губернии Ф. Я. Лучинский писал в своих воспоминаниях: «Во всех больших помещичьих имениях были назначены годовые оклады для чиновников из разной провизии: муки, круп, масла, сала или битого кабана, а сверх того исправнику, приставу и стряпчему, ездившим на службу на своих лошадях — овса и сена; от сахарных заводов и питейного откупщика посылались сахар, водка и деньги; небогатые помещики тоже присылали к празднику кое-что из живности»⁷³⁸.

До того как Иван Фундуклей был назначен киевским гражданским губернатором, с его имений тоже «был назначен годовой оклад». Когда Фундуклей стал губернатором, «управляющий его имениями прекратил выдачу, да и чиновники отказывались от получения. Но Фундуклей заметил в отчётах управляющего отсутствие этого расхода, предписал выдать всё за прошлое время и производить выдачу на будущее время, причём выразился, что если богатые помещики не будут пособлять средствами на содержание чиновников полиции, то средства эти они будут получать от воров»⁷³⁹. «Почти каждый волостной старшина имеет землю от помещика в виде взятки; конечно, с выбытием его из должности он немедленно лишается и земли»⁷⁴⁰.

⁷³⁷ Из писем помещиков Киевской губернии к киевскому гражданскому губернатору Панкратьеву // Киевская старина. — 1884. — № 1. — С. 178.

⁷³⁸ Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека / Ф. Я. Лучинский // «Русская старина». — 1897. — № IX. — С. 647.

⁷³⁹ Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека / Ф. Я. Лучинский // «Русская старина». — 1897. — № IX. — С. 647.

⁷⁴⁰ «Чиновники, зависящие от произвола назначающей и смещающей их власти генерал-губернатора, думают только о наживе и опасаются исполнять

Деньги на «кормление» чиновников приходилось платить даже таким магнатам, как сахарозаводчик граф Бобринский. «Однажды заехав в Смелу, Чертков просил Бобринского⁷⁴¹ сказать ему неофициально, берёт ли исправник что-либо с сахарного завода, Бобринский сказал ему, что исправник получает столько-то в треть. Доехав до соседней станции, Чертков сменил исправника; результатом было то, что новый исправник немедленно явился на завод и вытребовал свою треть»⁷⁴², и пришлось заплатить дань дважды. Видна целая система планомерных поборов и выкачивания денег. При такой системе сбора денег «все чиновники жили роскошно, строились и купались дома и даже имения»⁷⁴³.

Взятничество и вымогательство у нас существовали задолго до Бибикова и Писарева, и продолжают с тех пор — да и будут продолжаться, судя по всему. И не мешали им ни смена царей и генерал-губернаторов, ни реформы 1861 года, ни быстрое становление капитализма. В царской империи взятки и вымогательство были обычным делом — привычной традицией. Появилась эта традиция в незапамятные времена — скорее всего, под влиянием сбора дани во время татаро-монгольского ига. Так что, может, виноваты во всём монголы. А может, зря мы на них наговариваем...

Некоторые историки, желающие видеть прошлое приукрашенным, утверждают, что это всё сильно преувеличено современниками и дело обстояло не настолько плохо. Однако если посмотреть на сегодняшнюю коррупцию, на всю эту систему сбора дани с бизнеса, то хорошо понимаешь, о чём идёт речь. Насколько высоко уходили и уходят эти деньги и где вершина этой пирамиды, можно только догадываться. А доказательства, как обычно, никогда не находят.

серьёзно долг свой... к чинам судебного ведомства существует тайная злоба и зависть со стороны административных чиновников, имеющих несравненно более шаткое и зависимое положение, вражда эта, разумеется, отзывается на делах» (Половцов О. О. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880-травень 1881 р.) / О. О. Половцов. — К.: StreamARline, 2019. — С. 53, 67, 73–74).

⁷⁴¹ Граф Владимир Алексеевич Бобринский (1824–1898) — крупный сахарозаводчик, сын Алексея Бобринского, построившего одни из первых сахарных заводов на территории Украины.

⁷⁴² Половцов О. О. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880-травень 1881 р.) / О. О. Половцов. — К.: StreamARline, 2019. — С. 47–48.

⁷⁴³ Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека / Ф. Я. Лучинский // «Русская старина». — 1897. — № IX. — С. 655–656.

Власти не раз пытались бороться с коррупцией. То в 1730 году гетман Данило Апостол прислал инструкцию в суды, чтобы они вели дела «без взяток, противных праву»⁷⁴⁴. То 15 декабря 1763 года Екатерина II издала манифест «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми и о мерах к прекращению лихоимства и взяток»⁷⁴⁵. То в 1845 году при Николае I началась борьба с коррупцией, и стало действовать «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» за незаконные поборы под видом государственных податей, взятки с просителей и вымогательство. Однако на практике мало что менялось.

В глубине веков

Началось это всё гораздо раньше. Ещё в козацкие времена «малороссийская старшина довольно бесцеремонно относилась к праву собственности: захватывала недвижимые имущества друг у друга, грабила вдов и сирот»⁷⁴⁶. Тогда «все без исключения смотрели на козака, как на дойную корову, и не было судейского паныча, который бы при случае чем-либо не поживился от него. Козаки тогда подчинялись волостям, которые в свою очередь отчитывались за свою деятельность окружным начальникам. Полиция также имела долю своего права, но весьма незначительную. Львиная доля лакомства принадлежала окружным начальникам», которые «несмотря на малые оклады жалованья, жили с полной роскошью. Козачки простачки и сами без всякого вымогательства любили ублаговторять своё начальство, даже не будучи в чём пред

⁷⁴⁴ Федотов-Чеховский А. А. Инструкция гетмана Данила Апостола малороссийским судам / А. А. Федотов-Чеховский // Киевская старина. — 1887. — Т. XVII. — № 1. — С. 153.

⁷⁴⁵ «Все судебные места наполнить достойными в знании и честными людьми; а чтобы прямо таковых иметь, то необходимо... дать им... довольное жалованье... Если бы же кто... отважился коснуться лихоимству, взяткам и подаркам к отягощению наших подданных, или просителей по делам стал утеснять, таковой нечестивый и неблагодарный... не только из числа честных, но из всего рода человеческого истреблён будет» (Манифест от 15 декабря 1763 г. «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми и о мерах к прекращению лихоимства и взяток» // Полный свод законов Российской империи. Часть 1. — Том 16. — С. 457. № 11988).

⁷⁴⁶ С-ко Н. Три документа к истории экономических отношений в Малороссии / Н. С-ко // Киевская старина. — 1884. — Т. VIII. — № 1. — С. 143.

ними повинны. Поздравить начальника с праздником входило в обычный порядок, как равно и с окончанием своего чумацкого дела: гляди, несёт начальнику полный годовой запас»⁷⁴⁷.

В судах тех времён обычным делом было «поклониться» чиновникам, проще говоря — проявить к ним уважение и продемонстрировать его подарком, чаще всего в форме денег. В мелких и простых делах эти «поклоны» были небольшие (5, 10, 20 золотых), а в крупных и сложных — и 70, и 80 золотых, составляя иногда больше половины всех расходов на судебное дело. В ход шли не только деньги. «Когда судья вышел из присутствия в сопровождении подсудка и секретаря, канцелярские укладывали в мешок нанесённых просителями кур, яиц, краях хлеба, пирогов»⁷⁴⁸.

А вот для «поклона» гетману стародубский войт Симеон Тихонович в октябре 1718 года передал стародубскому полковнику Лукьяну Жоравке пять червонных злотых, после чего полковник писал войту, что деньги он получил, но гетману пока не передал, так как не было подходящего момента⁷⁴⁹.

«Поклоны» как добровольный подарок взяткой не считались, это была общепринятая практика, в которой современники не видели ничего предосудительного. Даже Иннокентий Гизель, классифицируя грехи в своем трактате «Мир с Богом человеку» писал, что добровольные подарки судье грехом не считаются, если тот судит справедливо, а подарки даются только из благодарности⁷⁵⁰.

Однако на деле в головах всё перемешалось. В 1782 году один адвокат из Глухова писал своему клиенту, что он опасается, как бы судьи «задобренные с противных сторон, не испортили бы ваших дел», и предлагает, чтобы избежать этого, дать «мзду», проще говоря — взятку. На всех «нужно поднести 200 р., секретарю 100 р.», который при этом, по мнению адвоката, «довольно умён, честен и справедлив»⁷⁵¹.

⁷⁴⁷ В-цкий Н. Очерки дореформенного быта в Полтавском Побережьи / Н. В-цкий // Киевская старина. — 1896. — № 7–8. — С. 120.

⁷⁴⁸ Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь // Повести. «Ревизор». — М.: ОЛМА, 2004. — С. 383.

⁷⁴⁹ Ф. Н. К характеристике шляхетско-козачьего быта XVIII века / Ф. Н. // Киевская старина. — С. 778.

⁷⁵⁰ Гизель И. Вибрані твори у 3 томах. — Т. I. — Кн. 2 — К.: Свічadlo, 2009. — С. 225.

⁷⁵¹ Скитский Б. Гетманщина накануне её падения. Очерки быта / Б. Скитский. — Владикавказ, 1923. — С. 37.

Тогда формально взяткой, «датком», считались те случаи, когда чиновник требовал вознаграждение за решение вопроса. Это однозначно считалось «коррупциями» (оказывается, такое слово знали уже во времена Гетманщины). В 1718 году тот же полковник Лукьян Жоравка защищал перед гетманом своего полкового писаря, отрицая, что «коррупцию ... мой писар бравъ от них, як хтось неправедно донес»⁷⁵².

Взятки требовали даже с палачей⁷⁵³. Их боялись, слово «палач» опасались произносить и называли их «мистр» (мастер). В церкви старались не стоять с ними рядом, отводили им отдельное место, иногда даже не пускали. Но когда нужно было требовать с них деньги — ничего не боялись и не стеснялись. Около 1730 года палач Гадыцкого полка жаловался на своего полковника Гаврила Милорадовича, что, когда он прослужил год и стал требовать от полковника документ, подтверждающий службу, тот не хотел его выдавать, пока палач не принёс полковнику взятку — десять рублей. «Другие полковники этого времени были немногим лучше»⁷⁵⁴.

В правобережной части Украины (да и в самой Польше) коррупция тоже была обычным делом. «Где... правда и справедливость суда?»⁷⁵⁵ — ещё в начале XVII века задавал вопрос даже православный монах Иван Вишенский, по своему образу жизни далёкий от судебных дел. «Сначала дай, потом ты прав», — писал в конце XVII века волынский шляхтич Даниил Братковский⁷⁵⁶.

Когда-то и в Великом княжестве Литовском, и в Речи Посполитой хорошо понимали, что страна «без защиты и правосудия существовать не может», как понимали и необ-

⁷⁵² Сокирко О. Скільки коштує порозуміння? «Поклони» та «наклади» в українських судах першої половини XVIII століття / О. Сокирко // Соціум. Альманах соціальної історії. — Вип. 7. — 2007. — С. 204–205.

⁷⁵³ В XVIII веке при каждом полковом суде был свой палач, который при необходимости пытал обвиняемого или казнил его.

⁷⁵⁴ «Генеральный судья Чарныш», занявший эту должность в 1715 году, «прославился своим взятничеством, причём наклады, которые он брал, достигали иногда тысяч». Погарский сотник Галецкий жаловался гетману Апостолу, что Чарныш взял у него подарков золотом, конями и прочим тысяч на шесть, однако «суду справедливого не дал» (Лазаревский А. Суды в старой Малороссии / А. Лазаревский // Киевская старина. — 1898. — № 7–8. — С. 89–90).

⁷⁵⁵ Вишенский И. Книжка // Сочинения / И. Вишенский. — М.: АН СССР, 1955. — С. 45.

⁷⁵⁶ Братковский Д. Світ, по частинах розглянутий / Д. Братковский. — Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2004. — С. 417.

ходимость доверия к государству («где нет доверия, там не может быть и согласия»⁷⁵⁷). Однако реальная жизнь, как всегда, вносила свои поправки: «Видим, как они судят, по закону ли? Богу одному известно». Поэтому «какая польза — сочинять столько конституций: ведь ни одна из них не исполняется. Воевода не исполняет своей обязанности, старосты тоже, купцы тоже». А «разве на должностях держат себя как следует?»⁷⁵⁸. «Не ведаю, есть ли что в этой жизни тягчайшее для человеческого сердца как то, когда без наименьшей вины... отъемлемы власные добра и имения»⁷⁵⁹, — писал Богдан Хмельницкий накануне восстания 1648 года коронному гетману Николаю Потоцкому.

Наши чиновники с давних времён привыкли получать взятки от купцов. В 1488 году один из таможенников, некто «Шан Жидовин», взял себе у московских купцов половину пошлины и выдал документ о том, что на обратном пути из Кафы им придётся платить в Киеве только оставшуюся половину суммы. Однако другие киевские таможенники, «Симха да Рябично жидови», несмотря на предъявленную грамоту, взяли с купцов полную сумму пошлины, да ещё и потребовали подарки товарами для киевского воеводы⁷⁶⁰.

Неплохо зарабатывали киевские воеводы и тем, что за большие взятки пропускали торговые караваны мимо таможи. Так, в 1552 году воевода дал проводников, чтобы «караван немалый, близко ста возов с товары коштновыми» объехал таможню⁷⁶¹.

⁷⁵⁷ Дневник Люблинского сейма 1569 года. — СПб.: Тип. В. Головина, 1869. — С. 235, 239. «Всё должно делать по закону. Если что делается вопреки закону, то народ приходит к злым мыслям. Когда он видит, что закон написан, но не исполняется, и дела делаются вопреки ему, то не ожидает себе ничего доброго» (Там же, с. 420).

⁷⁵⁸ Дневник Люблинского сейма 1569 года. — СПб.: Тип. В. Головина, 1869. — С. 270, 229, 241.

⁷⁵⁹ Каманин И. Участие южно-русского населения в восстании Богдана Хмельницкого / И. Каманин // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. — К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. — С. XX.

⁷⁶⁰ В 1501 году за уменьшение пошлины киевский ключник через посредника-киевлянина получил около 10 метров дорогой ткани от московского купца Ивана Васильева (Івакін Г. Історичний розвиток Києва XIII — середина XVI ст./ Г. Івакін. — К.: Наукова думка, 1996. — Розділ 4. — <http://litopys.org.ua>).

⁷⁶¹ Архив Юго-Западной России. Ч. 7. Т. 1. — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1886. — С. 96.

Вот что писал Мартин Груневег, хорошо знакомый с порядками на таможах наших городов XVI века: «Что касается пошлины, то недостаточно оплатить её... они требуют почестье⁷⁶²», которое — «такое тяжёлое бремя для купцов, что каждый содрогается от ужаса... почестье нужно нести открыто, не под мышкой, а нести перед собой на роскошном блюде... и передавать его с придворными церемониями». А те, кому вручали подношение, открыв его, «начинают гневаться, и потом торгуются... Причина их злости в том, что по их огромным владениям передвигается такое количество возков и лошадей, нанося великий ущерб, а им в насмешку дают так мало. Упаси Бог упомянуть князя, короля, или спросить, откуда у них такое право требовать эти дары»⁷⁶³.

А жители городов «не упускают случая расположить в свою пользу» влиятельных лиц, предлагая им «обильные дары от депутации мещан, являющихся к нему с поклоном, приветствием и просьбой не забыть “своею ласкою” их место»⁷⁶⁴. При этом подарки оплачивали из городской казны. В 1620 году киевские войт и райцы написали 19 ноября письмо воеводе Т. Замойскому с просьбой вернуть им земли, которые захватили доминиканцы, и гору Шекавицу, занятую католическим епископом, а также решить другие вопросы. В знак благодарности вместе с письмом воеводе передали в подарок 13 лисьих шкурок «на кожух»⁷⁶⁵.

Когда в 1686 году в нынешний Могилёв-Подольский приехал канцлер Литовский, князь Мартиян Огинский, на следующий день представители городского магистрата пошли к нему с «поклоном», подарив 300 злотых. Понятно, что так просто давать деньги князю было неприлично, да он бы и не взял их. По обычаям того времени их обернули в кусок дорогого китайского шёлка небесного цвета. А жене канцлера подарили «два сорока» шкурок горноста на 115 злотых. Этим дело не ограничилось, и важному гостю передали дорогие вина в красивых бутылках, а также са-

⁷⁶² «Почестье» — дар, подношение для «оказания почести», т. е. уважение тому, кому дар подносили.

⁷⁶³ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / М. Груневег. — М.: Памятники исторической мысли, 2013. — С. 157–158.

⁷⁶⁴ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское / И. И. Лаппо. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. — С. 714.

⁷⁶⁵ Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття / Н. Білоус. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — С. 214.

хар, перец и прочие пряности, сильно ценившиеся в то время. При отъезде канцлера ему снова вручили 300 злотых и прочие дары. Понятно, что так встречали не только князя Огинского, а и других важных персон во всех городах Речи Посполитой⁷⁶⁶.

В то время сформировалась целая прослойка канцеляристов и «юристов» из среды небогатой шляхты и мещан⁷⁶⁷. Обедневшие, но гордые шляхтичи пытались любыми более-менее законными путями поправить своё финансовое положение, а юридическая деятельность была, пожалуй, единственным видом работы, которую они могли себе позволить⁷⁶⁸. По словам современника, юриста Яна Охотского, в конце XVIII века «городские и земские суды были завалены делами». Главной причиной «бесчисленных процессов» была «невероятная дешевизна производства дел», а также «многочисленность студентов, окружавших суды и набивавшихся... со своими услугами. Большую роль играло барское самолюбие, желание унижить противника и поставить на своём. Не раз я видел дела, не стоившие и двухсот злотых, так упорно поддерживаемые, что для прекращения их ни посредничество друзей, ни ходатайство уважаемых личностей не имели ни малейшего влияния»⁷⁶⁹.

⁷⁶⁶ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское / И. И. Лаппо. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. — С. 714–715.

⁷⁶⁷ Левус Н. Львівський синдик Павло Щербич / Н. Левус // *Acta studiosa historica*. — 2005. — Ч. 6. — С. 43–56.

⁷⁶⁸ Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і центральна Україна / Н. Яковенко. — К.: Критика, 2008. — С. 257–259. Старченко Н. Умоцнені — прокуратори — приятелі. Хто вони (становлення інституту адвокатури на Волині в кінці XVI ст.) / Н. Старченко // *Соціум*. — 2002. — Вип. 1. — С. 111–144. На известного луцкого арендатора Маера Давидовича работало несколько адвокатов: Ярош Станишевский, Станислав Боруцкий, Северин Белостоцкий, Томаш Мизевский, Ян Прегалинский, Александр Пашковский, Константин Хорошко, Антоний Манибоций. А в апреле 1626 года Маер даже уполномочил вести свои судебные дела князя Григория Четвертинского (Заяць А. «Єврейське» щастя: як волинський єврей Майер Давидович збирав свій капітал (перша половина XVII ст.) / А. Заяць // *Соціум*. — 2013. — Вип. 10–12. — С. 270–271).

⁷⁶⁹ Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874. — С. 22.

Денежная должность войта

Широчайший простор для всяких даров и взяток открывала должность войта, управлявшего городской собственностью. Понятно, что возможностей для личного обогащения у войта было много. Поэтому и появлялось большое искушение использовать эту должность в корыстных целях. Выгоднее всего было занимать одновременно несколько прибыльных должностей. Так, войт города Владимира на Волыни Федько Лудович в 1496 и 1497–1498 гг. был ещё и таможенником⁷⁷⁰, а также руководил судом, на чём, понятное дело, хорошо обогатился.

За то, чтобы занять выгодное место войта, нередко шла борьба между конкурентами. В 1566–1567 годах в городе Владимире на Волыни разгорелся конфликт между потомственным войтом Максимом Лудовичем⁷⁷¹ и претендентом на эту должность Михаилом Дубницким. Началось всё с того, что мещане стали жаловаться на войта, обвиняя Лудовича в злоупотреблении властью (он сам, без помощников, проводил судебные заседания, принимал несправедливые решения, брал взятки, присваивал собранные налоги, расхищал имущество города и деньги из бюджета). Максим Лудович единолично судил мещан «по корчмам», чтобы никто не мешал ему брать взятки⁷⁷². Понятно, что он был не один такой войт — «занятые множеством и общественных и частных дел, разбирают тяжбы в праздничные дни, когда они свободны... сидят обыкновенно вместо суда среди шума пирушек, мало сведущие в юриспруденции», — писал в XVI веке Михалон Литвин⁷⁷³.

⁷⁷⁰ Бортнікова А. А. Інститут володимирського вйта в структурі управління містом за магдебурзьким правом XV–XVI століть / А. А. Бортнікова // Політикус. — 2017. — № 6. — С. 55.

⁷⁷¹ Он был внуком Федька Лудовича и сыном Ивана Лудовича, тоже владимирского войта.

⁷⁷² Брал войт «подарки» и за то, что закрывал глаза на самовольное строительство — с кого пол злotoго за мелкие нарушения (городской вал немного раскопал), а с кого и шесть злотых за самовольную постройку бани и кузницы, врезавшихся в тот же городской вал. Лудовича обвиняли и в том, что он не следил за порядком в городе, где можно было видеть всяких пьяниц и других подозрительных лиц. Войт защищал интересы шляхтичей, приобретавших земли в городе (естественно, за вознаграждение) — дом одного из мещан снесли, а землю отдали шляхтичу под застройку (Старченко Н. Конфлікт у Володимирі 1566 р. Варіант мікроісторичного прочитання / Н. Старченко // Соціум. — 2003. — Вип. 3. — С. 66).

⁷⁷³ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. — М.: МГУ, 1994. — С. 84.

Мещане Владимира написали жалобу великому князю Жигмунту Августу, и Лудовича убрали в 1567 году. Замену ему нашли быстро, и был это человек неслучайный — Михаил Дубницкий, муж внучки епископа Холмского Феодосия, бывшего тогда и владимирским «владыкой». Среда волынской элиты была достаточно тесной — Дубницкий с Лудовичем имели родственные связи (хотя и не прямые) и в целом были людьми одного круга⁷⁷⁴, что весьма показательно. Потому и передача войтовства в итоге произошла по договорённости группировок.

По порядкам того времени, Дубницкий должен был выкупить должность войта у Лудовича за 1000 коп литовских грошей, для чего ему пришлось взять часть денег у жены (400 коп), а жена получила право пользоваться «всеми доходами и выгодами» войтовства до своей смерти. Это означало, что в пользу жены шли все судовые пошлины и штрафы, так же как и торговые пошлины⁷⁷⁵. Лудович, не желая оставлять свою прибыльную должность, стал избегать передачи денег за войтовство, скрывался и жил у разных родственников и знакомых. Но долго это продолжаться не могло, и Дубницкий стал войтом.

Первые несколько лет всё было спокойно, но уже в 1570 году мещане стали жаловаться и на Дубницкого, предъявляя к нему такие же претензии, как и к Лудовичу. Закончилось дело тем, что они отстранили Дубницкого от должности, поручив временно исполнять обязанности войта городничему Василию Загоровскому. А в середине 1571 года в город прибыл Павел Крупка, чтобы занять место войта. Однако мещане его не приняли. Конфликт разгорался, дело дошло до короля, и в начале 1572 года тот принял решение, положившее конец всем спорам, — войтом должен быть Дубницкий⁷⁷⁶.

⁷⁷⁴ Отличала их разве что причастность Дубницкого к правительственным кругам Великого княжества Литовского.

⁷⁷⁵ Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе / Временная комиссия для разбора древних актов, Київська археографічна комісія. Ч. 8. Т. 6: Акты о землевладении в Юго-Западной России XV-XVIII вв. — К.: Типография С. В. Кульженко, 1911. — С. 50.

⁷⁷⁶ Старченко Н. Конфлікт у Володимирі 1566 р. Варіант мікроісторичного прочитання / Н. Старченко // Соціум. — 2003. — Вип. 3. — С. 85.

На первый взгляд, в этой истории нет ничего необычного — злоупотребление властью войтами с корыстной целью было в порядке вещей⁷⁷⁷. Однако история Лудовича и Дубницкого интересна не этим. Во Владимире войт выступал представителем власти короля (или великого князя), не зависящим от мещан местного городского сообщества. Если считать это сообщество со своим волеизъявлением предшественником гражданского общества, то войт был для него фигурой чужеродной. Поэтому и становилось возможным противостояние мещан и войта, жалобы на войта королю и прочие проявления недовольства городского сообщества, обычные для Западной Европы. Так что, несмотря на коррумпированность властей в городах Правобережной Украины, входивших в польско-литовское государство, система городского управления больше напоминала западноевропейскую. Взятничество тоже имело скорее «европейский» (если можно так сказать) характер.

Да и сама правовая система оказалась не такой уж плохой — несмотря на все случаи коррупции или злоупотребления войтами властью. «Закон, выразившийся в Литовском статуте 1566 года, стоял, вне всякого сомнения, выше, чем тот уровень развития, на котором находилась масса... народа. В силу этого он... вводил в шляхетские головы литовских обывателей высшие идеи и понятия... И обязанности власти перед народом, и «одинаковая справедливость для всех подданных». Само утверждение этих принципов «было уже громадным шагом в деле умственного развития»⁷⁷⁸.

Принципы магдебургского права долго связывали украинские города с европейскими рынками, да и с европейскими традициями в целом⁷⁷⁹. Городское самоуправление на

⁷⁷⁷ В 1598 году мещане жаловались на луцкого войта Г. Колмовского, который не только якобы изнасиловал дочь шляхтянки Анны Бердовской, но и заставлял мещан покупать водку только у своих продавцов, а также торговал оружием из городского арсенала (из 800 ружей осталось лишь 300). Общие убытки для городской казны от деятельности Колмовского на посту войта оценивали в 5 тысяч злотых. В 1594 он получил от короля письмо с требованием прекратить притеснения мещан, но, судя по всему, остановиться уже не мог — в 1595 году на Колмовского написали новую жалобу (Заяць А. Луцькі війти у XV — першій половині XVII століття / А. Заяць // Вісник Львівського університету. Серія історична. — 2015. — Вип. 51. — С. 213–214).

⁷⁷⁸ Лаппо И. И. Великое княжество Литовское / И. И. Лаппо. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. — С. 511.

⁷⁷⁹ Багалеј Д. Магдебургское право в Левобережной Малороссии / Д. Багалеј // Журнал Министерства народного просвещения. — 1892. Март. — С. 1–55.

принципах магдебургского права (пусть и применявшихся не в полной мере) создавало неплохие возможности для выявления коррупции и борьбы с ней. Самоуправление украинских городов стали ограничивать во времена Петра I — самодержавию в принципе чужда идея самоуправления⁷⁸⁰. Что, в общем-то, и понятно. Самоуправление и самодержавие — идеи из разных миров, и общее начало этих слов (само-) не должно вводить в заблуждение.

Сохранилась живописная история борьбы за место войта в полковом городе Стародубе, одном из крупнейших тогда торговых центров⁷⁸¹ Левобережной Украины, — история не менее колоритная, чем события в волинском Владимире. В Стародубе тоже началось «наступление на город», а проще говоря — на городское самоуправление.

Стародуб в начале XVII века оказался под властью Польши, получил магдебургское право от польского короля Сигизмунда III 27 мая 1625 года, и с тех пор в городе действовала магистратская система самоуправления⁷⁸², подтверждённая московским царём Алексеем Михайловичем в 1666 году. Не думаю, что царь испытывал какую-то симпатию к такой системе, но ему было важно заручиться поддержкой мещан Стародуба.

Не только московскому царю не нравилась магдебургская система городского самоуправления — для козацкой старшины, полковников, сотников и прочих эта система ока-

⁷⁸⁰ Город Почеп, расположенный недалеко от Стародуба, в 1709 году, после войны со шведами и битвы под Полтавой, был отдан князю А. Д. Меншикову. Магистратское управление полностью отменили, и в городе главным был бурмистр, назначаемый из сотников (Бирюков С. Н. Мещане городов Стародубья в первой половине XVIII в. / С. Н. Бирюков // Вестник СПбГУ, сер. 2. — 2011. Вып. 4. — С. 78). В Мглине из 20 сёл, принадлежавших магистрату, в начале XVIII века 10 отдали козацкой старшине, а в остальных сёлах она активно захватывала земли (Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Черниговской Епархии. Кн. 7 / Филарет. — Чернигов: Типогр. Губернского правления, 1873. — С. 125–128.

⁷⁸¹ Стародубские купцы славились своим богатством — они покупали в России меха и кожу, продавая её в Западную Европу через Ригу и Силезию. Оттуда они ввозили в основном ткани и вина.

⁷⁸² Магистрат Стародуба состоял из войта, 3 бурмистров, 5 райцев и 5 лавников. Бурмистры занимались налогами, доходами и гражданскими делами, а лавники — уголовными делами. Райцы (радцы) — член совета (рады) магистрата, контролировавший соблюдение законодательства, в том числе в торговле. Члены магистрата избирались на общем собрании жителей города (подробнее см.: Бирюков С. Н. Мещане городов Стародубья в первой половине XVIII в. / С. Н. Бирюков // Вестник СПбГУ, сер. 2. — 2011. Вып. 4. — С. 74–75).

залась совершенно чужеродной инновацией, искусственно перенесённой из западноевропейских городов в местечковую «малороссийскую» среду⁷⁸³. Представители старшины были людьми военными, авторитарного склада, да ещё и сильно коррумпированными, озабоченными личным обогащением. Поэтому все эти выборные войты и магистраты были для них как бельмо на глазу. «Малороссийские полковники с первых же времён своего существования присвоили себе такую власть, при которой магистратское самоуправление было немислимым»⁷⁸⁴.

Жители города уже поняли, что реальная власть принадлежит полковнику, в том числе и в суде, где вместе с войтом и бурмистром заседал и полковой судья. А судебные заседания часто начинались по предложению полковника. Когда в 1683 году стародубский магистрат назначил одного из мещан «шафарем» (чиновником, собиравшим налоги), тот отвечал: «Хоть меня окуйте, хоть в тюрьму сажайте, а шафарем не буду!». За неповиновение магистрат распорядился посадить мещанина под арест, но только его вывели за дверь, он опять крикнул: «Пусть только здоров будет пан полковник, а я магистратских панов не слушаю!»⁷⁸⁵.

«Об обидях генеральным судом и полковниками и старшиной от малороссийского народа многие жалобы дошли», — писал Пётр I в своём распоряжении от 16 мая 1722 года. «В судах (г)енеральных чинятся ради взяток и накладов многие неправды... Полковники полков своих как козакам, так и посполитым чинят тягости неправыми судами... отнятием грунтов, лесов, мельниц»⁷⁸⁶.

Ещё во время войн Хмельницкого королевский посол Смяровский прибыл в козацкое войско для переговоров, имея с собой 50 грамот на право владения землями, сёлами и хуторами. В эти грамоты не были вписаны фамилии, и можно было указать любые. Такой подкуп был уже совсем явным,

⁷⁸³ Клименко П. Місто і територія на Україні за Гетьманщини (1654–1767) / П. Клименко // Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. — 1926. — Кн. VII–XVIII. — С. 309–357.

⁷⁸⁴ Лазаревский А. Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. — Т. 1. Полк Стародубский. — К.: Тип. К. Н. Милевского, 1888. — С. 118.

⁷⁸⁵ Лазаревский А. Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. — Т. 1. Полк Стародубский. — К.: Тип. К. Н. Милевского, 1888. — С. 118.

⁷⁸⁶ Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Черниговской Епархии. Кн. 7 / Филарет. — Чернигов: Типогр. Губернского правления, 1873 — С. 287.

и возмущённые полковники зарубили саблями Смяровского на глазах у Хмельницкого⁷⁸⁷.

Если в конце XVII века стародубский магистрат ещё сохранял некоторую самостоятельность при полковниках Самойловиче и Миклашевском, то только благодаря твёрдости характера войта Спиридона Ширая, занимавшего этот пост около 30 лет, с 1681 по 1708 год. Ширай породнился с полковником Миклашевским, а кроме того, к войту благосклонно относился гетман Мазепа, поэтому при Ширае магистрат ещё сохранял своё влияние. Хотя и при нём полковники уже начали забирать себе магистратские земли.

После того как ему на смену пришёл Демьян Ермолаевич, бывший войтом десять лет, влияние магистрата быстро снизилось. Самовластный полковник Лукьян Жоравка распоряжался магистратом и его земельными владениями как хотел, а неугодных ему людей мог вообще заковать в цепи, как он поступил с магистратским писарем. В 1719 году Ермолаевич отказался от войтовства из-за интриг боровшихся за власть двух членов магистрата — бурмистра Григория Злотника и райцы Семёна Тищенко⁷⁸⁸.

Нужно было выбрать нового войта. Выборам предшествовала агитация и банкеты, на которых кандидаты угощали избирателей и пытались склонить их на свою сторону⁷⁸⁹. Среди мещан наметилось две группировки. Более богатые выдвинули кандидатом Григория Злотника. У них была своя, вполне логичная аргументация — Тищенко дружил со стародубским полковником (представителем государственной власти) и даже породнился с ним, однако городское сообщество не очень-то хотело полностью подчиняться полковнику. А горожане среднего достатка (в том числе ремесленники)

⁷⁸⁷ Гришко В. До суспільної структури Хмельниччини / В. Гришко // В 300-ліття Хмельниччини. Збірник за ред. Б. Крупницького. — Мюнхен: Заграва, 1948. — С. 26.

⁷⁸⁸ Потомок старинного шляхетского рода Семён Тищенко-Лашкевич, родившийся в 1660-е годы, был в Стародубе человеком известным, энергичным и предприимчивым. В магистрате он занимал заметное место — в 1705–1708 годах был лавником, а в 1708–1718 гг. — райцей.

⁷⁸⁹ «При выборах должностных лиц», которые формально избирались свободным голосованием, кандидаты «покупали себе сторонников, причём это недорого и обходилось, так как в ход пускали водку». В 1867 году один из кандидатов, «взяв с собой на особенный возок несколько вёдер горелки, ездил по всей сотне, по сёлам... уговаривая на свою сторону куренных атаманов и козаков» (Скитский Б. Гетманщина накануне её падения. Очерки быта / Б. Скитский. — Владикавказ, 1923 — С. 37–38).

хотели избрать Семёна Тищенко. Мещане пошли в магистрат, чтобы избрать войта, но сторонников Злотника оказалось больше, и они выгнали конкурентов. После избрания Злотника его люди написали письмо гетману Скоропадскому с просьбой утвердить избрание нового войта. А сторонники Тищенко подали гетману жалобу о несправедливости выборов. Гетман по совету представителей кандидатов распорядился решить этот вопрос с помощью жребия, и получилось, что войтом стал Злотник.

Дело на этом не закончилось, и борьба между сторонниками власти магистрата и власти полковника продолжалась⁷⁹⁰, пока войтом не стал Яков Андреевич, который дал обязательство подчиняться наказному полковнику Корецкому. Борьба Тищенко с противниками не прекращалась до 1730 года, и пересказывать все её подробности здесь нет смысла. Войтом он так и не стал, но впечатляет его настойчивость, основанная на немалом богатстве (нажил он его на многолетней успешной торговле шерстью с Ригой, Кёнигсбергом и Архангельском).

В 1733 году Андреевич умер, и войтом стал Антон Коме-нок, занимавший этот пост до 1760 года. При нём магистрат полностью утратил былое значение, у него забрали все земли и сёла. «Магистратское хозяйство, служа лишь средством наживы для полковых и магистратских урядников, дошло до такой степени упадка, что сама ратуша представляла собою одну полуразвалившуюся избу, причём и той половина отнята была полковой старшиной»⁷⁹¹.

В сущности, история эта не столько про борьбу конкурентов за место войта, сколько о том, что и на территории Левобережной Украины городское сообщество первоначально имело реальную власть, но потом коррумпированные пол-

⁷⁹⁰ Когда в 1722 году Григорий Злотник умер, Тищенко сразу обратился к гетману с просьбой утвердить его на посту без выборов, так как его сторонники уже один раз выбирали Тищенко. Скоропадский действительно утвердил войтом Тищенко по итогам предыдущих выборов. Но скоро, в том же 1722 году, умер и Скоропадский, после чего Тищенко оказался в неопределённом положении, а его противники сразу же выдвинули своего кандидата на место войта — писаря магистрата Григория Отвиновского, обещавшего ограничить власть полковника. Новый гетман Полуботок отменил это избрание, после чего провели новые выборы и снова избрали Тищенко. Однако он сразу после избрания отрёкся от войтовства (видимо, под давлением) в пользу своего противника, бурмистра Якова Андреевича.

⁷⁹¹ Лазаревский А. Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. — Т. 1. Полк Стародубский. — К.: Тип. К. Н. Милевского, 1888. — С. 132.

ковники уничтожили городское самоуправление, мешавшее им присваивать земли и другую собственность.

Интересно и то, что в порядке вещей тогда было накрывать столы во время предвыборной кампании, устраивать банкеты и угощать избирателей дорогими испанскими винами, что ни от кого не скрывалось, в том числе от гетмана. Тищенко заявил, что потратил на все эти банкеты и пиры 967 злотых — очень большую сумму в то время, — и даже хотел, чтобы магистрат возместил ему эти расходы. Пожаловавшись гетману, он получил от него универсал, в котором магистрату предписывалось вернуть деньги. Но магистрат отказал, мотивируя это тем, что заявление Тищенко голословное, сумма затрат сильно преувеличена, да и банкеты кандидат устраивал для своих знакомых.

Несмотря на отторжение идеи городского самоуправления и на то, что оно имело ограниченные возможности в защите интересов мещан, обладание городом магдебургским правом считалось тогда преимуществом. Иногда предпринимались попытки восстановить магдебургское право, как это было в Полтаве в 1752 году. Войт Иосиф Кириллов с мещанами подали прошение гетману Кириллу Разумовскому о восстановлении магистрата и городского самоуправления, подтверждённого грамотами ещё во времена Богдана Хмельницкого (позже эти документы были утрачены). Через полгода Разумовский подписал универсал о восстановлении магистрата, вернул мещанам право выбирать войта путём голосования и проводить суд по нормам магдебургского права. Парадоксальным образом прошение о восстановлении магистрата поддержал и полковник Андрей Горленко, что подтверждает его письмо гетману. Впрочем, полковник не забыл добавить, что войт с мещанами просят о восстановлении магистрата, желая по-прежнему быть в подчинении у полковой канцелярии. Судя по всему, он изначально рассчитывал на то, что магистрат будет полностью под его контролем. А полковая администрация так и не хотела признавать независимость магистрата, продолжая считать мещан своими подданными.

Когда в декабре 1752 года войт Иосиф Кириллов умер, мещане решили избрать новым войтом бурмистра Андрея Терентенко. Однако полковник возмутился, что войта избрали без его ведома. Он написал в январе 1753 года два письма в гетманскую канцелярию с просьбой отменить результаты

выборов и поставить на место войта городского атамана Илью Волховского. Разумовский издал временное распоряжение, что войтом должен пока остаться избранный мещанами Терентенко. Началось противостояние между войтом и полковником. Терентенко понимал, что бороться с полковником он не сможет, и в 1754 году подал прошение гетману освободить его от должности войта по возрасту и состоянию здоровья. Закончилась эта история тем, что Разумовский своим универсалом назначил новым войтом бурмистра Ивана Высоцкого, проигнорировав право мещан на избрание войта путём голосования⁷⁹². Получается, что и тут полковник победил. И наметившееся характерное для магдебургского права разделение властей (в том числе судебной), столь важное для борьбы с коррупцией, было приостановлено надолго.

А честные чиновники были?

Когда Николай I поручил собрать сведения, кто из губернаторов не берёт взятки, то таких оказалось только двое: киевский гражданский губернатор И. И. Фундуклей⁷⁹³ и ковенский А. А. Радищев⁷⁹⁴. На это Николай заметил: «Что не берёт взятки Фундуклей — это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берёт их Радищев, значит, он чересчур уж честен»⁷⁹⁵.

Больше было, если можно так сказать, условно честных, хотя бы отчасти соблюдавших законность. Ещё в первой половине XVII века жил на Брацлавщине земский судья Ольбрыхт Кохановский, «один из лучших представителей бесчисленного множества карьеристов», «работал он на пользу общества и государства не бескорыстно», однако в своей среде «выделялся весьма редкой в то время чертой — кое-каким уважением к законности»⁷⁹⁶.

⁷⁹² Бужинський М. З історії полтавського магістрату за перші роки його існування (1752–1767) / М. Бужинський // Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. — 1927. Кн. XI. — С. 171–184.

⁷⁹³ Иван Иванович Фундуклей (1799–1880) был киевским гражданским губернатором в 1839–1852 годах.

⁷⁹⁴ Афанасий Александрович Радищев (1796–1881) — чиновник, младший сын писателя Александра Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

⁷⁹⁵ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. — М.: Мысль, 1978. — С. 156.

⁷⁹⁶ Нейман Ц. Старая Брацлавщина и ее люди. Ч. 2 / Ц. Нейман // Киевская старина. — 1889. — № 10. — С. 105, 107, 120.

Были и честные чиновники, не боявшиеся выглядеть белыми воронами. «Каждый раз на новом месте отцовской службы неизменно повторялись одни и те же сцены: к отцу являлись “по освященному веками обычаю” представители разных городских сословий с приношениями. Отец отказывался сначала довольно спокойно. На другой день депутации являлись с приношениями в усиленном размере, но отец встречал их уже грубо, а на третий бесцеремонно гнал “представителей” палкой, а те толпились в дверях с выражением изумления и испуга... Впоследствии, ознакомившись с деятельностью отца, проникались к нему глубоким уважением. Все признавали, от мелкого торговца до губернского начальства, что нет такой силы, которая бы заставила судью покривить душою против совести и закона, но... и при этом находили, что если бы судья вдобавок принимал умеренные “благодарности”, то было бы понятнее, проще и вообще “более по-людски”»⁷⁹⁷.

Если начальник киевской полиции Живогляднов брал деньги, не стеснясь, «совершенной противоположностью... был его помощник Д. Ф. Бучинский. Это был идеально честный человек, живший исключительно жалованьем... Нечего и говорить, что отношения между начальником и его помощником были крайне враждебные... В итоге начальник полиции, уволенный со службы, ушёл... с крупным капиталом, а его помощник умер, оставив семью в... бедственном положении»⁷⁹⁸.

Писали и о других киевских чиновниках, не участвовавших в системе всеобщего вымогательства. «В Уголовной Палате председательствовал Иван Гаврилович Вишневский», уважавший людей, а председателем Гражданской Палаты был «Иван Григорьевич Туманской, который делал величайшую честь сословию старых холостяков. Он судил по справедливости и законам... к неудовольствию половины тяжущихся, и не было ни одного человека, который бы его не любил и не уважал... Ничего, кроме похвал, не могу я сказать и о других чиновниках воинских и гражданских, тогда в Киеве находившихся», особенно о губернском прокуроре, Григории Ивановиче Краснокутском. Его «никто не мог упрекнуть

⁷⁹⁷ Короленко В. Г. История моего современника / В. Г. Короленко. — В 4 т. Т. 1-2. — М.: Правда, 1985. — С. 15.

⁷⁹⁸ Ярон С. Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожилы / С. Г. Ярон. — Киев: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. — С. 30.

в мздоимстве». «Мне кажется, что нигде ещё не собиралось в одно время столь много добрых, умных и честных людей, как тогда в Киеве»⁷⁹⁹, — писал Ф. Ф. Вигель о конце XVIII века. Хотя поверить в это трудно.

Титулярный советник из Бердянска В. К. Крыжановский вспоминал в своём дневнике, что «предводитель дворянства ни с кого не берёт»⁸⁰⁰. Правда, из местных чиновников не брал только он один. Не знаю, как им это удавалось и как система их не отторгала. Видимо, такие случаи были скорее исключением из сложившихся негласных правил игры. И жилось таким людям нелегко.

«Средства мои были очень скудны, и улучшить их не было надежды, потому что тогдашние должности оплачивались настолько скудно, что было бы хорошо, если бы получаемого жалования доставало на жизнь самую скромную. К приобретениям с помощью злоупотреблений я всегда питал отвращение, а между тем служба, как казённая, так и частная в помещичьих имениях, была выгодна лишь тогда, когда сопровождалась взятками. К ведению хозяйства или какой-либо спекуляции я чувствовал себя неспособным. Словом, я видел себя беспомощным»⁸⁰¹.

⁷⁹⁹ Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Части первая–четвертая / Ф. Ф. Вигель. — М.: В университетской типографии, 1891. — С. 62–64.

⁸⁰⁰ Баханов К. А. Бердянск в дневниках титулярного советника В. К. Крыжановского / К. А. Баханов, И. И. Лыман. — Запорожье, 2002. — С. 144.

⁸⁰¹ Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека / Ф. Я. Лучинский // «Русская старина». — 1897. — № IX. — С. 651–652.

Глава 5.

КИЕВСКИЙ РЕНЕССАНС

Что дал Киеву сахарный бум, кроме накопления огромного богатства у сахарных магнатов? А дал он городу очень многое — не только появившиеся на рубеже веков красивые дома в стиле «венского ренессанса»⁸⁰², трамвай и электрическое освещение, но и нечто куда более фундаментальное — экономическую модернизацию. Процветание сахарных заводов стимулировало появление промышленных предприятий (особенно машиностроительных) и банков. Сработал эффект мультипликатора, как говорят в таких случаях экономисты.

Через город потекли денежные потоки, создаваемые сахарным бизнесом, Киев стал богатым — насыщенным свободными капиталами. А свободные капиталы, как давно известно, способны творить чудеса. Они — как падающие на землю тёплые летние дожди, после которых распускаются все цветы, в том числе самые редкие и экзотические. Свободные капиталы не только приводят к расцвету изысканного стиля жизни, архитектуры, искусства и науки — они привлекают инвесторов. Ведь те всегда стремились и будут стремиться в богатые города, зная, что любое начатое здесь дело быстро окупится, потому что город богат, и этим всё сказано.

Но такой подъём начался позже. А в 1870-е и 1880-е, хотя сахарные капиталы уже потекли через город, «сахарный капитализм» ещё не начал трансформировать повседневную

⁸⁰² Точнее говоря, этот стиль назывался неоренессансом. А была ли киевская архитектура начала XX века ближе к венскому или парижскому неоренессансу, судить не берусь — специалистам виднее.

жизнь киевлян. «Крещатик... ничего общего не имел с нынешним, застроенным громадными четырёх- и пятиэтажными домами» — вспоминал современник в начале XX века. «В восьмидесятых годах на Крещатике на каждом шагу попадались маленькие деревянные постройки, в которых ютились мелкие рестораны и пивные». Привычные нам парки ещё не появились, так что «дышалось летом тяжело, пыль столбом стояла... не было не только трамвая, но и конки... оставалось ездить на извозчиках» по ухабистым дорогам⁸⁰³. А местные аристократы, как обычно, «в маленькой комнате, уставленной шкафами и увешанной портретами... делят Европу и критикуют Бисмарка»⁸⁰⁴.

Но и тогда, в 1860-е и 1870-е, для живших в этом городе он всё равно был если и не «маленьким Парижем», то просто маленьким солнечным раем, где так легко было почувствовать безмятежную лёгкость бытия. Особенно когда ты молод. «Хорошо было в Киеве в мае месяце 1868 года. Потому, может быть, так хорошо было тогда, что это была пора нашей молодости... Погода стояла замечательная; цветы цвели роскошно; воздух сохранял ещё свежесть и влажность, но в его теплоте была какая-то живительная сила, которой набраться нам хотелось как можно больше»⁸⁰⁵. «В Киеве мне хорошо, — писал в августе 1865 года в своём дневнике епископ Порфирий. — Люди здесь такие же, какие и везде, с грехом пополам. Но я люблю их с недостатками их»⁸⁰⁶.

Должно было пройти время, чтобы Киев преобразился и превратился в «большой современный город, может быть наиболее западный после столицы империи Санкт-Петербурга», а Крещатик «стал чем-то вроде киевских Елисейских полей с громадами зданий и большими современными магазинами»⁸⁰⁷. «Какой прекрасный Киев вечером, особенно со стороны Днепра, когда подплываешь к нему в лодке, которую несёт течение — город весь в электриче-

⁸⁰³ Ярон С. Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила / С. Г. Ярон. — К.: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. — С. 3–4.

⁸⁰⁴ Половцов О. О. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880-травень 1881 р.) / О. О. Половцов. — К.: StreamARline, 2019. — С. 42.

⁸⁰⁵ Русов О. О. Щоденники та спогади / О. О. Русов. — Чернівці: Десна, 2011. — С. 138.

⁸⁰⁶ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 8. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1902. — С. 120.

⁸⁰⁷ Лифарь С. С. Дягилевым / С. Лифарь. — СПб.: Композитор, 1994. — С. 182–183.

ских огнях. Сияет крест в руках св. Владимира, ползёт на Владимирскую гору фуникулёр... Весь Подол в огнях»⁸⁰⁸.

«Благодаря сильному росту Киева и наблюдающейся в последние годы строительной горячке, некоторые из второстепенных улиц города... украшаются более изящными... домами, чем главные улицы». Причина проста — там ещё осталось место, а центр уже застроен. Поэтому «с каждым годом вырастают всё новее и новые многоэтажные громады красивых домов, по преимуществу в излюбленном киевскими архитекторами стиле ренессанс»⁸⁰⁹.

Киев конца XIX века стал динамично развивающимся городом. Его население быстро росло: от 27 тысяч в 1806 году до 127 тысяч в 1874-м, 247 тысяч — в 1897-м и 571 тысячи — в 1916 году. Нетрудно представить, что если бы не революция и гражданская война, то лет через двадцать Киев мог бы превратиться в ещё один восточноевропейский мегаполис с населением около миллиона человек. Понятно, что элегантный и деловой центр города сильно отличался от кварталов бедноты на окраинах, но так тогда было во всех городах, в том числе и в Париже, и в Лондоне.

Город начал преображаться не только благодаря строительному буму, но и после появления таких символов технического прогресса, как телеграф (1854), железная дорога (1870), электрическое освещение (1878), телефон (1886) и трамвай (1892) — кстати, первый в царской империи. «У меня на глазах... пошла первая конка... заменённая потом... электрической силой. Кажется, Киев был первым... городом, где появился электрический трамвай, во всяком случае в Петербурге и Одессе конку я видел десятки лет после того, как у нас уже весело бегал трамвай»⁸¹⁰.

Когда на улицах появились электрические фонари, а после мощения их камнем или асфальтирования (с 1880-х годов) в центре исчезла пыль и грязь, в городе стало формироваться совсем другое пространство для жизни. Театры, музеи, картинные галереи, кофейни и рестораны — всё это изменило и культурный ландшафт Киева, да и сам городской стиль

⁸⁰⁸ Фещенко-Чопівський І. А. Хроніка мого життя: спогади міністра Центральної Ради та Директорії / І. А. Фещенко-Чопівський. — Житомир: Вісник, 1992. — С. 30.

⁸⁰⁹ К росту Киева // Киевлянин. — 1900. — 29 июля.

⁸¹⁰ Єфремов С. Щоденник. Про дні минулі (спогади) / С. Єфремов. — К.: Темпора, 2011. — С. 325.

жизни. Этот стиль теперь больше отвечал потребностям богатейшего общества буржуа, в котором всё меньше оставалось дедовского и патриархального. А городская интеллигенция и богема, этот креативный класс XIX века, становились неотъемлемой частью нового стиля жизни.

Впрочем, нет смысла говорить о каком-то едином и особенно изысканном киевском обществе, населявшем на рубеже двух столетий центр города. Там сосуществовали, не очень-то смешиваясь, и люди богемных «свободных профессий», и старые аристократические элиты, и трудовые мигранты из сельской местности, переселившиеся в большой город в поисках лучшей жизни. Православные и католики (не говоря уже о последователях иудаизма) сторонились друг друга, образуя свои отдельные социальные миры.

Как всё начиналось

Киевский ренессанс начался, когда после реформ 1860-х повеял ветер перемен. Первым (и верным) признаком экономического роста стал строительный бум — в бедных городах мало что строят, на это просто нет денег. После освобождения крестьян многие из них устремились в поисках работы в города, население Киева увеличивалось «неимоверно быстро, квартир не хватало, началась горячка домостроительства и стоимость земли сильно вздорожала»⁸¹¹.

А в феврале 1870 года в Киеве появилась железная дорога, связавшая город с Одессой на юге и Москвой на севере⁸¹². Это событие стало наглядным символом перемен. О замкнутости и провинциальности уже говорить не приходилось — железные дороги росли стремительно не только в царской империи, но и в соседних странах, что стало решительным шагом в сторону открытости мира. Может, ещё не глобализации — это было бы слишком громко сказано про Киев 1870-х годов, — но, несомненно, открытости.

С середины XIX века ускорилось развитие промышленности. В то время в городе небольших промышленных

⁸¹¹ Ярон С. Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожила / С. Г. Ярон. — К.: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. — С. 3–4.

⁸¹² О создании железнодорожной сети на территории Украины мы ещё поговорим подробнее дальше.

предприятий было ещё мало, немногим больше полусотни. Кроме семи кирпичных заводов, остальные представляли собой мелкие мануфактуры преимущественно по переработке сельхозпродукции. Работало на них немногим более двух тысяч человек. Выделялся среди них только крупнейший завод «Арсенал» (720 человек)⁸¹³. А в 1900 году в городе было уже 125 заводов и фабрик, где работало более 11 тысяч человек.

Ещё одним признаком перемен стало увеличение количества акционерных компаний⁸¹⁴. В первой половине XIX века в городе акционерные общества были редкостью. Раньше всего в 1834 году появилось «Общество для приготовления в Киеве искусственных минеральных вод»⁸¹⁵. Было ещё «Товарищество пароходства по Днепру», основанное в 1835 году⁸¹⁶. После реформ 1860-х годов учреждение акционерных компаний стало массовым⁸¹⁷. Многие новые

⁸¹³ В середине XIX века 59 небольших заводов и 14 фабрик производили в Киеве ежегодно продукции на 2,3 млн руб. (Павлов А. П. Торговельна і митна справа в Києві у IX-XIX ст. / А. П. Павлов, К. Є. Гальський. — К.: ЛАТ & К., 2008. — С. 192, 194).

⁸¹⁴ Речь не о сахарных заводах — те были преимущественно паевыми товариществами, да и размещались они не в городе.

⁸¹⁵ Первоначальный капитал составлял 30 тысяч рублей ассигнациями (8572 рублей серебром), и он был разделён на 120 акций. Общество было вполне успешным, и в 1860 году выдало акционерам очень даже неплохие дивиденды (14%), что превышало доходность многих других компаний. В 1880 году прибыльное производство «минеральных вод» перешло в собственность города (Отчёт по Киевскому заведению минеральных вод // Киевский телеграф. — 1861. — 20 апр.) Такие же дивиденды были выданы и в 1862 г. (От комитета Киевского заведения искусственных минеральных вод // Киевский телеграф. — 1862. — 19 марта).

⁸¹⁶ Общество, «состоявшее из купцов Розинга, Эберта и Штрауха», в 1837 году преобразовали в «Акционерное общество пароходства по Днепру и его притокам» с капиталом 1,2 млн руб. Название выглядело гораздо солиднее, чем реальная деятельность общества: «существовало в Киеве с начала 30-х годов два безобразных деревянных судна, называвшихся пароходами и дальше Ржищева, кажется, не ходившими и перевозившими оттуда в Киев камень. Эти странные пароходы принадлежали какой-то... бесплодной по своей деятельности компании, которая... дарованную ею привилегию затормозила развитие пароходства на Днепре более чем на 20 лет» (Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Смирненко / П. Клебановский // Киевская старина. — 1896. — Т. LII. — № 2. — С. 262).

⁸¹⁷ С 1860 по 1897 г. количество промышленных предприятий в Киеве выросло с 45 до 177, а ежегодная стоимость производимой ими продукции — с 2,3 млн руб. до 24,8 млн руб. (Павлов А. П. Торговельна і митна справа в Києві у IX-XIX ст. / А. П. Павлов, К. Є. Гальський. — К.: ЛАТ & К., 2008. — С. 198).

компании появились в 1870–1880-е годы⁸¹⁸, но больше всего их основали в 1890-е⁸¹⁹. Среди промышленных акционерных обществ крупнейшими были завод Гретера и Криванека, а также Южно-Русский машиностроительный завод.

Если в первой половине XIX века в Киеве преобладали частные предприятия, то в середине века началось массовое учреждение паевых товариществ, хотя сами предприятия при этом мало изменялись. А во второй половине XIX века (особенно ближе к его концу) под влиянием финансовой глобализации и распространения европейских правил ведения бизнеса возникла мода на преобразование паевых товариществ в акционерные общества⁸²⁰.

Но это была именно мода, и современники хорошо понимали, что «большинство... акционерных обществ есть фикция»⁸²¹. Многие предприятия, формально называвшиеся акционерными обществами, по своей сути оставались всё теми же паевыми товариществами, контролируемые несколькими учредителями, ставшими держателями крупных пакетов акций. О продаже акций на бирже обычно даже и речь не шла —

⁸¹⁸ «Киевское общество водоснабжения» (1872), «Киевское газовое общество» (1872), «Товарищество Киевского пивоваренного завода» (1873), «Товарищество водочных заводов» (1880), «Общество Стеблѣвского свеклосахарного и рафинадного заводов» (1884), «Общество электрического освещения» (1886), «Второе пароходное общество по Днепру и его притокам» (1888) и др.

⁸¹⁹ «Общество Киевской городской железной дороги» (1891), «Акционерное общество Киевской паровой мукомольной мельницы» (1892), «Киевское общество канализации» (1892), «Южно-Русское акционерное общество пивоваренных заводов» (1896), «Акционерное общество Демиевской паровой фабрики шоколада и конфет под фирмой “Валентин Ефимов”» (1897), «Акционерное общество Киевского цементного завода» (1898), «Общество Киевского проволоочно-гвоздильного завода» (1899), «Акционерное общество Киевского чугунолитейного и машиностроительного завода “М. К. Шиманский”» (1900), «Акционерное общество Киевского маслобойного завода “Братья Лурье и К^о”» (1900) и др.

⁸²⁰ Типичной была история машиностроительного и чугунолитейного завода Ф. И. Доната, основанного в 1862 году (по другим данным — в 1855-м) как небольшое частное предприятие. В 1889 г. завод был преобразован в паевое «Товарищество машиностроительного завода Донат, Липковский и К» с капиталом 34 тыс. руб. К 1893 г. капитал товарищества достиг 300 тыс. руб., а в 1895 г. оно было поглощено «Акционерным обществом Южно-Русского машиностроительного завода», учреждённым М. В. Штейнгелем и Д. С. Марголиным. В 1919 г. предприятие национализировали, и на его основе в дальнейшем возник судостроительный завод (Ковалинский В. В. Киевские хроники. Кн. 2. Юбилей 2012 / В. В. Ковалинский. — К.: ВАРТО, 2012. — С. 126–127).

⁸²¹ Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени / И. Манус. — СПб.: Тип «Энергия», 1905. — С. 155–156.

их сразу распределяли среди учредителей. А если у компании даже были мелкие акционеры, владельцы крупных пакетов акций полностью контролировали предприятие. Рядовые акционеры не имели никакой реальной власти⁸²² и были поставлены «в глупейшую роль держателя бумаги, которая может или обогатить... или превратиться в макулатуру»⁸²³.

Если в начале XIX века в Киев, славившийся своими монастырями, приезжали разве что религиозные паломники (прикоснуться к «святым мощам» в Печерской лавре), то в 1860-е годы в городе стали появляться иностранные предприниматели. «Шестидесятые годы прошлого столетия были временем массового заселения Киева иностранцами»⁸²⁴, особенно после постройки железной дороги. И это было хорошим знаком для экономики. Сказать, что все они хотели вложить деньги в развивающуюся экономику города, будет, конечно, преувеличением. Хотя инвесторы среди них тоже встречались.

Большинство из приехавших в город в 1860-е иностранцев были немцами. Некоторые из них в Киеве стали богатыми и знаменитыми — как врачи Фридрих Меринг и Христиан Бунге (отец известного экономиста). Кроме того, приезжали швейцарцы, чехи и многие другие⁸²⁵. Деловые немцы, конечно же, не могли не задуматься о том, чтобы воспользоваться киевским акционерным бумом и выгодно вложить свои капиталы.

⁸²² «Всем известно, что большинством акционеров в общих собраниях руководит правление». Его всегда поддерживает «послушное большинство», а основную часть вопросов, обсуждаемых на общих собраниях, «готовит заранее правление», и когда на общем собрании акционерного общества большинство акционеров принимает решение, выходящее за пределы своих полномочий, «можно безошибочно винить в этом правление» (Акционерное дело в Окружном суде // Финансовое обозрение. — 1874. — № 2. — С. 24). «Сплошь и рядом мы видим, что самые важные дела предприятия решаются на вторичных общих собраниях сравнительно ничтожным количеством голосов, большинство же акционеров, держателей акций или паёв, остаётся в стороне, довольствуясь... тем, что у них в портфеле лежат акции того или другого предприятия» (О правах акционеров // Банковое дело. — 1913. — № 4. — С. 29).

⁸²³ О правах акционеров // Банковое дело. — 1913. — № 4. — С. 29.

⁸²⁴ Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. — К.: Лыбидь, 2013. — С. 249.

⁸²⁵ В 1897 г. в городе жило 4302 иностранцев — 1,7 % населения (247,7 тыс. человек) (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XVI. Киевская губерния. — СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. — С. 84–85).

Одним из первых результатов иностранных инвестиций стала шоколадная и кондитерская фабрика «Жорж», основанная в 1872 году выходцем из Пруссии Жоржем Дортенманом, владельцем знаменитой кофейни «Жорж» в центре Киева. В том же году начало работу «Общество Киевского пивоваренного завода», учреждённое Николаем Хряковым вместе с иностранными компаньонами — швейцарцами Г. и Ф. Энни и эстонцем К. Вейссе. А в акционерном обществе «Валентин Ефимов», учреждённом в 1897 году и владевшем одним из крупнейших предприятий — Демеевской кондитерской фабрикой, основными акционерами стали швейцарцы братья Вюрглеры и немец К. Г. Шульц. Несколько машиностроительных заводов построили инвесторы из промышленно развитой Чехии (входившей тогда в состав Австро-Венгерской империи). Крупнейшим из них стал машиностроительный завод Якуба Гретера⁸²⁶ и Йозефа Криванека, основанный в 1881 году⁸²⁷.

Швейцарцы вкладывали капиталы преимущественно в кондитерское производство (неплохо развитое в Киеве) и в кондитерские магазины⁸²⁸. Австрийцы инвестировали в крупный «Южно-Русский машиностроительный завод»⁸²⁹, основанный в 1862 году Ф. И. Донатом (директором и крупнейшим акционером завода был консул Австро-Венгрии А. Альтшиллер). А бельгийские капиталы вкладывались в компанию «Киевские трамваи» («Les Tramways de Kiew»), организованную антверпенским банкиром Альбертом Тисом.

С начала 1880-х в Киев стали приезжать евреи. И это тоже был безошибочный признак накопления богатства. Предприимчивые евреи всегда и во всех странах мира стремились в расцветающие города, дававшие шанс заняться коммерцией. И первыми уезжали из этих городов, когда в них начинался упадок или политические беспорядки. Прибывающие в Киев евреи формально считались ремесленниками, а на деле они становились ростовщиками и ма-

⁸²⁶ Гретер, родившийся в Швейцарии, был бельгийским консулом в Киеве.

⁸²⁷ После революции и национализации — завод «Большевик».

⁸²⁸ Известными киевскими кондитерами были Иосиф Трамер, Мартин Штифлер, ну и конечно, Бернارد Семадени, в кофейне которого собирались биржевики.

⁸²⁹ После национализации — завод «Ленинская кузница», с 2017-го — «Кузница на Рыбальском».

клерами, к чему у них был многовековой талант. Здание биржи построили только в 1886 году, а раньше «биржу в силу необходимости заменял тротуар между Институтской и нынешней Николаевской⁸³⁰ улицей, где с утра до вечера шныряли взад и вперед сотни гешефтмахеров, преимущественно евреев»⁸³¹.

Хотя ещё в 1827 году царь Николай I издал указ, запрещавший евреям селиться в Киеве (причиной были жалобы христианских купцов на конкурентов), местные власти не спешили выполнять указ — ведь евреи имели важное значение в торговле города. Тогда царь в 1835 году издал повторный указ, прямо запрещавший евреям жить в Киеве. Однако сразу же сделали исключение для врачей — их тогда не хватало. В 1859 году новый царь Александр II разрешил жить в Киеве евреям — купцам первой гильдии, а в 1860-м — и второй гильдии. Купцы первой гильдии могли иметь при себе несколько приказчиков-евреев. Большинство из таких приказчиков считались ими только формально, а на деле занимались собственным бизнесом. Полиции они хорошо платили за получение разрешения и за то, что полицейские чины не замечали, что приказчики при купце занимаются совсем другими делами. Так что полицейские просто мечтали попасть в те районы, где селились евреи (особенно на Подол) — это была золотая жила⁸³².

Новая бизнес-элита

К концу XIX века в Киеве появился целый слой новой финансовой аристократии, контролировавшей крупные финансовые потоки, иначе говоря — финансово-промышленной элиты, которая «держалась... обособленно и старалась не

⁸³⁰ Сегодня — улица Городецкого.

⁸³¹ Ярон С. Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожилы / С. Г. Ярон. — К.: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. — С. 4–5.

⁸³² «Одно время была даже такса — не ниже двухсот рублей за каждого приказчика, и все евреи открыто говорили, что если прилагалось к прошению менее двухсот рублей, то начальник полиции прошения не принимал, говоря “здесь не все документы”... В Киеве проживали сотни приказчиков, занимавшихся ростовщичеством, и сотни ремесленников, занимавшихся маклерством». Они открыто снимали «роскошные квартиры, ведя широкую жизнь» (Ярон С. Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожилы / С. Г. Ярон. — К.: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. — С. 27).

смешиваться с остальным населением»⁸³³. Финансовая элита была тесно связана множеством формальных и неформальных нитей с элитой политической. «У многих членов Государственного совета, и у Фундуклея особенно, были акции сахарных предприятий»⁸³⁴.

Новая бизнес-элита вышла на арену истории в то время, когда патриархальный Киев превращался за счёт процессов урбанизации в мегаполис, динамичный и в культурном, и в экономическом отношении. А такое превращение оказалось выгодным делом и большим бизнесом — подтверждением этому стал строительный бум, начавшийся с 1870-х годов. Постройка жилых «доходных домов» и другой недвижимости, транспортной инфраструктуры, да и создание самого городского пространства стало конкурентным полем для инвестиций, где банки, акционерные компании и отдельные финансовые магнаты боролись за распределение сфер влияния и получение максимальных доходов.

Однако хорошо заработать на всём этом можно было только в сотрудничестве с органами государственной власти, принимавшими решение, где и что строить. Портить с ними отношения не мог позволить себе ни один представитель киевской бизнес-элиты. И тем более необходимо было дружить с властями тем, кто занимался операциями с недвижимостью — стоимость земельных участков сильно зависела от планов городских властей по застройке и от инвестиций в инфраструктуру. Одно лишь решение проложить новую дорогу сразу превращало никому не нужную окраину в перспективную для застройки территорию. Нет смысла говорить о том, какой именно мотив преобладал для бизнес-элиты — личное обогащение, общественное признание, социальная ответственность, развитие своего города. Чаще всего эти мотивы тесно переплетались.

В центре этой «новой аристократии» были уже знакомые нам крупнейшие сахарные магнаты Алексей Бобринский (потомок того, первого, Бобринского), Лазарь Бродский, Никола Терещенко, Иван Харитоненко, Карл Ярошинский. Видное место в кругу финансовой элиты занимали евреи, традицион-

⁸³³ Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. — К.: Лыбидь, 2013. — С. 41–42, 93.

⁸³⁴ Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков / Н. Е. Врангель. — М.: Новое литературное обозрение, 2003 — С. 198.

но занимавшиеся финансовым бизнесом⁸³⁵. Это и разбогатевший на недвижимости строительный магнат Яков Бернер; поселившийся в Киеве потомок знаменитых банкиров Владимир Гинцбург; владелец табачных заводов Соломон Коген; контролировавший трамвайный и паромный бизнес Яков Марголин и многие другие предприниматели.

Бум вокруг недвижимости

На рубеже веков строительный бум в Киеве был в разгаре, а доход от аренды недвижимости составлял (в среднем по городу) не меньше 10 % в год, а в центре достигал 20 %⁸³⁶. По надёжным государственным облигациям можно было получить 4 %, ну максимум 4,5 %. Акции могли давать большую прибыль, но только в том случае, если они покупались по номиналу. Обычные мелкие инвесторы, не будучи учредителями, как правило, такой возможности не имели.

В 1880-е строительный бум начался во многих городах, привлекавших к себе мигрантов из провинции, приезжавших в поисках работы и лучшей жизни. Всем им нужно было где-то жить. Кто беднее, снимал скромное жильё по принципу «что есть». Но были среди приезжавших в Киев и люди побогаче, хотевшие жить в полностью оборудованных меблированных квартирах. Вот тогда и началось строительство многоэтажных и многоквартирных («доходных», как их тогда называли) домов на улицах Владимирской, Большой Васильковской, Большой Житомирской, на Подоле, в других районах города.

«Киевский домовладельческий мир... находится в тесной связи с... домостроительной горячкой, на которую киевские квартиронаниматели одно время смотрели как на лекарство

⁸³⁵ В 1897 году в Украине евреев было 8 % населения, больше всего в Киевской и Подольской губерниях. В Бердичеве 86 % населения было евреями, в Умани — 72 %, в Житомире — 48 % (в Одессе — 35 %). Преобладали они в сфере коммерции — среди купцов Киевской губернии 70 % было евреями, а в Бердичеве — 92 % в отличие от восточных губерний — 12 % в Харьковской губернии. К концу XIX в. евреи преобладали среди киевских купцов I гильдии (300 евреев и 90 не евреев) (Донік О. М. Чисельність та етнічно-конфесійний склад купецтва України в XIX — на початку XX ст. / О. М. Донік // Укр. історичний журнал — 2009. — № 5 (488). — С. 77).

⁸³⁶ Беломесяцев А. Б. Забудова Києва доби класичного капіталізму, або Коли і як місто стало європейським / А. Б. Беломесяцев, Б. Л. Єрофалов, В. П. Ієвлева та ін. — К.: Варто, 2012. — С. 113.

против удручающей всех квартирной дороговизны». С тех пор дома в Киеве «продолжают расти, как грибы, и какие дома! ... Сделаться киевским домовладельцем теперь самое лёгкое дело... Например, у вас нет никакого капитала... Всё делается так. Вы сидите у себя в кабинете и ничего не подозреваете. Вдруг к вам является еврей-фактор и говорит: — “Желаете выстроить дом?” Вы отвечаете: — “Очень даже желаю, но тут есть маленькая загвоздочка” — отсутствие денег. “Денег я могу дать, у меня найдётся две-три тысячи”, — говорит фактор. — “Вы думаете, этого мало?... очень даже достаточно. У меня есть на примете хорошенькая усадьба, стоит всего сто тысяч. На ней банковского долга 97 тысяч... Стало быть, чтобы купить её, надо дать деньгами всего три тысячи”. Затем берётся кредит у подрядчиков, строится дом и закладывается в банке «ну, хоть за сто тысяч», после чего можно расплатиться с подрядчиками. Потом дом продаётся, «скажем, за 210 тысяч, и получим чистого барыша 10 тысяч, “которые мы поделим с вами пополам. Я на свои вложенные в дело три тысячи получу две тысячи рублей процентов”. — “А я за что же получу пять тысяч?” — “За то, что я в этой комбинации не могу обойтись без... вашего имени”»⁸³⁷.

Но даже и без такой «изысканной» схемы найти деньги на строительство было тогда несложно. В банках достаточно легко давали ипотечный кредит под 7–8% в год, что при доходе от последующей аренды недвижимости минимум 10% оказывалось выгодным и для банка, и для заёмщиков.

«Все жалуются, что денег нет, и больше всего жалуются на это домовладельцы. А между тем, глядишь, после всех жалоб такой домовладелец вдруг возьмёт да и выдвинет домину, цена которому на первый взгляд тысяч полтора-два, а то и двести». А всё потому, что «четыре киевских банка, орудующие по части залога домов, очень легко открывали свой кредитный портфель для всех, обуреваемых жадной домостроительством»⁸³⁸.

⁸³⁷ Многие новые дома в Киеве «обязаны своим возникновением именно домостроительству такого сорта. Все они построены с определённой целью — сейчас же их продать с каким ни на есть барышом и опять приняться за новую постройку... тут не домостроительство в солидном смысле, а простая спекуляция домами. Зато и строятся эти дома из самого плохого материала, и прочность их весьма сомнительна» (Беседа // Киевлянин. — 1900. — № 244. — 3 сент.)

⁸³⁸ «Вы строите первый этаж и закладываете его в банке. На полученные деньги сооружаете второй этаж, опять закладываете его в банке, делаете третий

Кроме банков одним из основных ипотечных кредиторов являлось «Киевское городское общество взаимного кредита», основанное Н. Х. Бунге в 1868 г. А в 1885 году начало работу «Городское кредитное общество», созданное по инициативе городской думы. С 1897 по 1913 год обществом руководил Георгий Шлейфер⁸³⁹, известный в городе архитектор и предприниматель (кстати, он же тогда руководил и городским обществом взаимного кредита). Для получения кредита в этих обществах залогом являлись земельные участки или незавершённые постройки. Обычно такие кредиты выдавали на двадцать лет под 8 % годовых, что также считалось выгодным — ведь аренда недвижимости давала минимум 10 %.

Максимальным весь этот ажиотаж вокруг недвижимости стал в 1890-е годы, когда застраивали центр города. Внимание предпринимателей привлёк большой земельный участок на месте усадьбы профессора Меринга (1822–1887) площадью около 10 гектаров между современными улицами Крещатик, Институтская, Банковая и Лютеранская. Усадьба известного врача Фридриха (Фёдора) Меринга стояла посреди большого парка с прудом и фруктовым садом. В 1887 году Меринг умер, земельный участок достался его сыну Михаилу. Застройка такого участка «доходными домами» могла принести огромную прибыль, Михаил это понимал и не хотел упустить такой шанс разбогатеть.

В 1895 году по инициативе Георгия Шлейфера учредили «Киевское домостроительное общество» с капиталом 100 тыс. рублей, выпустившее 3600 акций номиналом по 500 руб. Почётным председателем общества стал Михаил Меринг. После продажи акций общество выкупило за 1,8 млн рублей усадьбу у Меринга, часть земель продало, а часть начало застраивать самостоятельно. За короткий срок появились гостиница «Континенталь», драматический театр Соловцова, цирк «Гиппо-Палас», два здания коммерческих банков

и т. д., словом, можете строить до тех пор, пока у банка хватит кредитного терпения, а у вас строительного хотенья» (Беседа // Киевлянин. — 1900. — № 244. — 3 сент.)

⁸³⁹ Георгий Павлович Шлейфер (1855–1913) родился в Киеве в семье художника, имевшего германские корни. Известность получил в 1882 году после удачного проекта здания Киевской биржи, став, по сути, главным архитектором города. Руководство кредитным обществом значительно обогатило архитектора, и он приобрел несколько доходных домов в центре города.

на углу Николаевской⁸⁴⁰ и Крещатика. Авторами большинства этих престижных проектов были архитекторы Георгий Шлейфер и Владислав Городецкий.

«Сколько в своё время шуму наделало наше домостроительное общество, когда оно задумало девственную меринговскую усадьбу превратить в целый культурный городок. Всем казалось чем-то волшебным, когда там, где звучно резала коньками лёд наша учащаяся молодёжь, вдруг протянулись улицы, выросли многоэтажные дома, явилась торцовая мостовая, театр». Это был «золотой век киевского домостроительства, но он прошёл, как всё на свете проходит. Банки сжали дающую благотворительную руку, кредит сократился — вместо прежнего непрерывного золотого дождя начали перепадать маленькие дожди»⁸⁴¹.

А потом наступил кризис 1899–1902 годов, особенно ощутимый после общего подъёма и строительного бума середины 1890-х годов. Спад начался и на киевском рынке недвижимости — свободных капиталов уже не было, кредиты стали менее доступными, спрос на аренду недвижимости заметно упал. К тому же за годы бума значительно выросла стоимость строительства, а рынок недвижимости оказался перенасыщенным. Доходов, получаемых от построенных домов, уже не хватало, чтобы финансировать новые проекты, но Михаил Меринг решил рискнуть и продолжать строительство, набрав крупных кредитов.

Вначале домостроительное общество хотело оставить за собой здания гостиницы и театра как наиболее прибыльные, но из-за кризиса планы пришлось изменить. Уже построенная и ещё строящаяся недвижимость была заложена вначале в «Киевском кредитном обществе», а потом у сахарозаводчика Лазаря Бродского. «Киевское кредитное общество» в 1901 году выставило на продажу 11 домов, в 1902-м — 13. Таких массовых продаж ещё не происходило, но оказалось, что и продать дома не так просто. У кредитного общества осталось около 20 непроданных домов, переданных ему в залог домостроительным обществом. По уставу кредитного общества непроданные залоги должны быть за полгода обязательно реализованы по любой сниженной цене, но так как покупателей всё равно не было, то в середине 1902 года кредитное

⁸⁴⁰ Сейчас — улица Городецкого.

⁸⁴¹ Беседа // Киевлянин. — 1900. — № 244. — 3 сент.

общество обратилось к министру финансов с просьбой временно изменить устав и продлить срок продажи до 1906 года. Когда же дома удалось наконец продать, убытки Киевского кредитного общества от снижения цены составили 400 тысяч рублей, их пришлось покрывать за счёт прибылей⁸⁴².

Тем временем положение «Киевского домостроительного общества» ещё более осложнилось спекулятивными операциями М. Ф. Меринга с векселями, в результате чего это общество понесло убытки в 700 тысяч рублей. Основным кредитор общества Лазарь Бродский подал в суд, после чего построенный обществом отель «Континенталь», считавшийся тогда самым роскошным в Киеве, перешёл в собственность Бродского, были распроданы и остальные объекты недвижимости. На этом так хорошо начавшаяся деятельность домостроительного общества закончилась, и в планах застройки центра города возник перерыв.

Впрочем, трудности в то время возникли не только у «Киевского домостроительного общества» Меринга. Еще один крупнейший подрядчик, «Строительная фирма Льва Гинзбурга»⁸⁴³, имела многомиллионные заказы, однако во время спада на рынке недвижимости Гинзбург не смог вовремя вернуть крупные кредиты. В 1904 году в его строительной фирме была назначена администрация под руководством Давида Марголина, одного из крупнейших киевских предпринимателей. Хотя долги Гинзбурга по непогашенным кредитам превышали 800 тыс. рублей, все знали, что активов у него больше, так что его строительная фирма пережила кризис.

Новая волна строительного бума началась в 1907–1912 гг., когда фирма Гинзбурга построила многочисленные жилые «доходные» дома. Наиболее известным проектом стал знаменитый «дом Гинзбурга» — 12-этажный «киевский небоскрёб» высотой более 70 метров, построенный в 1912 году. В этом самом современном доме в городе с 500 квартирами

⁸⁴² Кальницкий М. Не стой под стрелой / М. Кальницкий // Контракты. — 2008. — № 45. — archive.kontrakty.ua

⁸⁴³ Лев Борисович Гинзбург (1858–1926), один из богатейших киевлян начала XX века, не был родственником банкира Владимира Гинцбурга (у них даже фамилии немного отличались). В Киеве он был очень известен своей строительной деятельностью. После революции Лев Борисович по непонятным обстоятельствам не уехал (о его жизни в то время почти нет информации), хотя в эмиграции он бы, скорее всего, неплохо устроился. А в государстве победившего пролетариата Гинзбург оказался никому не нужным, лишился всего, жил в бедности и в 1926 году умер в киевской больнице.

премиум-класса установили лифты американской фирмы «Отис» (в то время лифты ещё мало где использовали).

На этом застройка центра города в районе улиц Николаевской (Городецкого) и Меринговской (Заньковецкой) была завершена. Вскоре эти богатые кварталы, названные в начале XX века «маленьким Парижем» и «маленькой Флоренцией», стали излюбленным местом киевской элиты. Центральные улицы, застроенные в стиле венского ренессанса (теперь уже ставшего «киевским ренессансом»), действительно напоминали города Западной Европы. Всё больше появлялось роскошных отелей, ресторанов и магазинов, а при Городской думе существовал даже «Комитет по красоте города Киева». «Прежний ветхий Киев... отошёл в невозвратное прошлое. На месте его нарождается Киев новый»⁸⁴⁴.

Верным признаком накопления богатства в городе стал спрос на ювелирные изделия. В те годы самым знаменитым ювелиром был Иосиф Маршак (1854–1918). Он происходил из бедной семьи, и в 14 лет приехал в Киев учиться ювелирному ремеслу. 2 мая 1878 года он, наконец, открыл собственную мастерскую на Подоле. Для этого он потратил последние 100 рублей (приданое жены) и продал свой единственный костюм. Работал он сам, иногда ему помогала жена Лия.

Бизнес продвигался неплохо, и уже через год ювелир перебрался на Крещатик, в дом № 4, где арендовал у швейцарца Целестина Верле (тот торговал часами) две комнаты. Решение было удачным — клиенты Верле (а среди них попадалась и весьма богатая публика) начали размещать заказы в мастерской Маршака. Шло время, и в 1895 году у Маршака уже была целая фабрика «золотых и бриллиантовых изделий» с наёмными работниками и работницами. Управляющим на фабрике был Израиль Маршак, брат Иосифа. «Бриллианты, цветные камни, жемчуг, серебро... Приём заказов на художественные работы» — говорилось в рекламе фабрики Маршака в газетах.

Находилась она в трёхэтажном доме на углу Крещатика и Трёхсвятительской улицы, построенном в 1875 году и тоже принадлежавшем Верле. Здание не сохранилось, на его месте в конце 1980-х появился новый дом с агентством УНИАН на первом этаже. Продукция фирмы Маршака имела хороший

⁸⁴⁴ Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Подольской и Волынской губерниям / Сост. М. Довнар-Запольский. — К.: Товарищество Л. М. Фиш и П. Е. Вольсов, 1913. — С. 85.

спрос и получала призы на международных выставках в Чикаго и Антверпене. После смерти Иосифа его сын Александр открыл ювелирный салон Marshak в Париже на престижной улице де ля Пэ, в нескольких шагах от Вандомской площади. Салон и сегодня можно найти в парижском отеле «Ритц».

Племянником знаменитого ювелира Иосифа был Яков Израилевич Маршак — будущий американский экономист Джейкоб Маршак (Jacob Marschak), создатель теории лингвистической экономики. Родился он в 1898 году, в жаркий летний день, 23 июля. В юности Яков увлёкся революционными идеями и примкнул к партии меньшевиков. После революции его семья уехала из Киева на кавказский курорт, чтобы переждать смутные времена. Но политическая борьба шла даже там, и юный Яков одно время был министром труда в недолго существовавшей Терской советской республике. На Кавказе скоро стало неспокойно, и семья вернулась в Киев.

Яков недолго изучал статистику в Киевском коммерческом институте (сейчас — Киевский национальный экономический университет), но скоро понял, что Германия более подходит для всего этого. Он уехал туда в 1919 году, а в 1922-м окончил Гейдельбергский университет. Бурные двадцатые молодой Маршак провёл в германской столице, где работал в Берлинском университете. Наверное, Яков так бы и жил в Германии, но в 1933 году к власти пришли нацисты, и человек с такой фамилией там оставаться уже не мог. Так Яков (теперь уже Джейкоб) оказался в британском Оксфорде, где в 1935 году защитил докторскую диссертацию и стал директором Оксфордского института статистики. В 1938-м он переселился в Америку, где жил и работал в Нью-Йорке, Чикаго и Лос-Анджелесе⁸⁴⁵.

⁸⁴⁵ В 1965 году была опубликована известная статья Джейкоба Маршака «Экономика языка» (Marschak J. Economics of Language / J. Marschak // Behavioral Sciences. — 1965. — Vol. 10, Issue 2. — P. 135–140), где утверждалось, что язык влияет на экономическое поведение. Современные последователи этой теории считают, что люди, говорящие на языках, меньше привязанных к будущему времени (немецкий или китайский, в которых одна и та же форма глагола применяется и в настоящем, и будущем времени), больше настроены делать сбережения. А для тех, кто говорит по-английски или по-испански (где для будущего времени есть особая форма глагола), само будущее кажется более отдалённым, и это снижает мотивацию накапливать сбережения. Лично я не знаю, как относиться к этим идеям. Но судьба киевлянина и родственника знаменитого ювелира, ставшего потом известным американским экономистом, мне интересна.

И чем всё закончилось

Весной 1914 года жизнь в Киеве (да и вообще в Украине) казалась благополучной и безмятежной. Понятно, что где-то на окраинах городов, в крестьянских хозяйствах, в угольных шахтах или на металлургических заводах жизнь воспринималась несколько иначе. Но для едущего в поезде путешественника за окном проплывали засеянные пшеницей бескрайние поля, многочисленные металлургические и сахарные заводы, сёла и городки, живущие своей жизнью. Украина казалась освещённой ярким солнцем уютной, плодородной и богатой страной с хорошими перспективами в будущем. Так её и представляли романтически настроенные писатели и поэты.

«Весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зелёное море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте... Словом, город прекрасный, город счастливый... в садах самого прекрасного города... жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдёт в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жёсткий, крупный ласковый снег»⁸⁴⁶.

А получилось совсем не так. 28 июля 1914 года началась, как её тогда называли, «великая война». Хотя историки утверждают, что политические противоречия между её основными участниками⁸⁴⁷ назревали уже давно, для современников начало войны оказалось неожиданностью (в отличие от Второй мировой, приближение которой ощущали все). Война казалась полным безумием — правители стран, часть из которых была связана родственными узами, ради своих пустых амбиций⁸⁴⁸ были готовы разрушить уютный мир «прекрасной

⁸⁴⁶ Булгаков М. Киев-город / М. Булгаков // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. — М.: Азбука-классика, 2002. — С. 295.

⁸⁴⁷ Россия, Франция, Англия с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия — с другой.

⁸⁴⁸ Русский царь, например, был озабочен маниакальной идеей захватить Константинополь — видимо, не давала ему покоя мысль, что его империя якобы является наследницей давно исчезнувшей Византии.

эпохи» — *belle époque* — и первую глобальную экономику, с таким трудом создававшуюся десятилетиями.

Я думаю, что не столь явной, но самой масштабной причиной войны стала реакция правительств национальных государств на начавшиеся процессы глобализации. Весь этот космополитический мир без границ, потоки людей и капиталов, свободно перемещающиеся между странами, всё больше раздражали правительства — зарождающаяся общемировая экономика прекрасно обходилась и без них, что подрывало значение и влияние отдельных государств.

О событиях и Первой мировой войны, и многократной смены власти в Киеве много писали историки разных политических взглядов. Поэтому я не ставлю цель рассказывать историю Центральной Рады, гетмана Скоропадского, Директории или подробно описывать, сколько именно раз в городе сменялась власть. А о настроении тех лет, когда заканчивалась эпоха поисков капитализма, лучше всего скажут слова современников.

«Первая новость о войне дошла до нас в июле 1914 года... Интеллигенция легкомысленно высказывала уверенность в том, что война при современных средствах военной техники не сможет длиться дольше трёх недель, иначе это будет слишком жестокая человеческая бойня. Через неделю уже можно было видеть, насколько ошибались те, кто так считал. Пожар охватил всю Европу»⁸⁴⁹.

«В Киев я вернулся в сентябре 1916 года. Этот старый, красивый и чистый город нельзя было узнать: засоренные мусором улицы, переполненные вагоны трамваев... тусклое освещение улиц, особенно на окраинах, очереди у лавок и булочных, и дороговизна»⁸⁵⁰. «Фронт приближался к Киеву. Поползли тревожные слухи о немцах... Близость фронта... чувствовалась во всём, и особенно в большом количестве раненых, солдаты и офицеры на костылях, с перевязанными руками и забинтованными головами, встречающиеся на каждом шагу» — всё говорило о том, что война «совсем близка, почти

⁸⁴⁹ Русова С. Мої спомини, 1879–1915 / С. Русова // За сто літ: матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початку XX ст. — К., 1928. — Кн. 3. — С. 202.

⁸⁵⁰ «Мне скоро пришлось убедиться в том, что моей стипендии в 25 рублей в месяц (зимой 1914–1915 гг. этой суммы было бы вполне достаточно на мою жизнь) теперь хватает всего на две недели» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 79).

рядом»⁸⁵¹. Это трудно было не замечать, однако город жил своей жизнью — на бирже заключались сделки, банкирские конторы выдавали онкольные кредиты, в кофейне Семадени продолжались жаркие споры, да и в офисах банков, казалось, тоже ничего не изменилось. «К концу февраля 1917 года... ничто не предвещало близкой грозы. Напротив, барометр общественных настроений — биржа — реагировала на последние политические события бешеной hausse'ой» — игрой на повышение. Курсы всех бумаг «неслись безудержно вверх, а публика всё покупала и покупала»⁸⁵².

А потом произошла революция в Петербурге. Вначале киевские газеты ничего не сообщали об этом, а другого источника информации о событиях в столице империи тогда не было. Однако интересовавшиеся биржевыми делами киевляне заподозрили неладное, когда 25 и 26 февраля в городских газетах не напечатали сведения о последних котировках Петербургской биржи (только недавно, 25 января, открывшейся после вызванного войной перерыва в два с половиной года). А 26 февраля газета «Киевлянин» напечатала заметку о том, что накануне в Петрограде не вышли газеты «Биржевые ведомости», «День» и другие. На следующий день появилось совсем короткое сообщение: «Сегодня большинство газет в Петрограде снова не вышло». Стало ясно, что в столице империи что-то происходит, раз не выходят газеты и биржа не работает. «В начале марта до нас дошли неотчётливые слухи о том, что в Петрограде происходит что-то очень важное, что-то чрезвычайно серьёзное и, может быть, даже опасное. Что именно там происходило — никто точно не знал, и каждый высказывал свои догадки. Газеты уже несколько дней не выходили. Приватную корреспонденцию с почты тоже не привозили»⁸⁵³.

Вскоре в Киеве все узнали об отречении царя от престола и создании временного правительства. Первые дни революции проходили в таком же радостном возбуждении, как и первые дни войны, когда газеты оптимистично писали, что немцев с австрийцами «шапками закидают», и многие этой

⁸⁵¹ Лифарь С. Странные годы / С. Лифарь. — В 2 кн. Кн.1. Моя юность в России. — Париж, 1935. — С. 49.

⁸⁵² «Местные банки не успевали выполнять всех поручений на Петроград, которыми их ежедневно заваливала биржа» (Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т. 6. — С. 162).

⁸⁵³ Галаган М. М. З моїх споминів / М. М. Галаган. — К.: Темпора, 2005. — С. 192.

патриотической болтовне верили. Так и в 1917 году «настроение было праздничное»⁸⁵⁴. Однако «Украина вышла на путь революции фактически без вождей, без сильных, опытных и способных властвовать лидеров»⁸⁵⁵.

Казалось, всё будет хорошо здесь, в «милой сердцу и такой прибыльной для кармана Украине. А между тем прилежный наблюдатель — прохаживаясь вот так по Киеву в августовский день семнадцатого года и заглядывая с улицы в окна домов, хижин и дворцов — мог бы своим внимательным взором подметить и уразуметь всю противоречивость бытия в Киеве, да и по всей Украине»⁸⁵⁶.

Но многим не хотелось этого замечать — хотелось, чтобы продолжалась прежняя довоенная, дореволюционная спокойная и благополучная жизнь. «В квартире у них тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира», который «грязен, кровав и бессмыслен, а наши израненные души ищут покоя вот именно за такими кремовыми шторами»⁸⁵⁷.

Но скоро из Петрограда стали доходить тревожные слухи о разногласиях среди революционеров и о том, что там появился Ленин, произносящий «горячие речи... призывающие к гражданской войне... и к кровавой социальной революции — “грабь награбленное”...» С каждым днём «Киев становился люднее и люднее — из Петербурга и Москвы бежали напуганные буржуи». А толпы солдат «бросали фронт, бродили по Киеву и, чувствуя себя господами положения, которым всё позволено... пьянствовали и бесчинствовали»⁸⁵⁸.

⁸⁵⁴ «Да и как было не радоваться? Грандиозный переворот, осуществление вековой нашей мечты мы получили как бы в подарок, без борьбы и усилий, без крови и стонов... В первые дни революции эти чувства были всеобщими» (Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т. 6. — С. 163).

⁸⁵⁵ Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. Воспоминания / В. В. Зеньковский. — М.: REGNUM, 2011. — С. 82.

⁸⁵⁶ Смолич Ю. Ревет и стонет Днепр широкий / Ю. Смолич. — М.: Советский писатель, 1962. — С. 66.

⁸⁵⁷ Булгаков М. А. Белая гвардия / М. А. Булгаков // Собрание сочинения в 5 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1992. — С. 359.

⁸⁵⁸ «Мирные жители начали уже с тревогой заглядывать в будущее, стали стыдиться своих первых восторгов и с опаской сторониться лужающих семечки солдат и ставших страшными матросов... со зверскими лицами» (Лифарь С. Страдные годы / С. Лифарь. — В 2 кн. Кн. 1. Моя юность в России. — Париж. — 1935. — С. 55–56, 58).

В конце января 1918 года Киев захватили большевики. Артиллерийский обстрел города продолжался 11 дней. «Жертв среди жителей было сравнительно немного; но разрушения были ужасны... не менее половины домов в городе так или иначе пострадало от снарядов... Легко представить себе состояние киевлян в эти дни. Пережив затем еще десяток переворотов, эвакуации, погромов и т. п., киевские жители до сих пор с особым ужасом вспоминают об этих одиннадцати днях бомбардировки. Почти всё время население провело в подвалах, в холоде и темноте. Магазины и базары... были закрыты; поэтому приходилось питаться случайными остатками и запасами, которых тогда никто ещё не считал нужным иметь». Большевики пробыли тогда в Киеве недолго, «и тот первый лик большевизма, который мы увидели за это короткое время, не был лишен красочности и своеобразной демонической силы... Это был именно тот большевизм, художественное воплощение которого дал в своей поэме “Двенадцать” Александр Блок»⁸⁵⁹.

Командующий войсками большевиков Муравьев вызвал к себе представителей банков и торгово-промышленных кругов. «Им было просто и выразительно предложено немедленно внести 5 млн рублей контрибуции на содержание советских войск в Киеве»⁸⁶⁰. Понятно, что никакие возражения не принимались. После того как большевики захватили город, «жизнь в Киеве прекратилась: обыватели боялись выходить на улицу... и дрожали у себя в квартирах, ежеминутно ожидая прихода красноармейцев со страшным... ордером от Чека на обыск и на арест, или без всякого ордера — с самочинным обыском — грабежом»⁸⁶¹.

⁸⁵⁹ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т. 6. — С. 204–205.

⁸⁶⁰ «Большевики запретили украинские газеты... портреты Шевченко срывали со стен и топтали ногами. Говорить на улицах на украинском языке стало опасно. Киевские газеты печатали списки расстрелянных украинских социалистических деятелей». В домах и квартирах «буржуев» проводились «повальные обыски, вымогательства и грабежи. Лиц, пытавшихся протестовать, избивали. С буржуев в первую очередь требовали деньги, золото, драгоценности... Ограбленных оскорбляли и над ними издевались» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 115, 117).

⁸⁶¹ Лифарь С. Страдные годы / С. Лифарь. — В 2 кн. Кн.1. Моя юность в России. — Париж. — 1935. — С. 61.

Но с запада наступали немецкие войска, и вскоре они заняли Киев⁸⁶². «На следующее утро, после бегства Евгении Бош и остальных комиссаров, в город вступили довольно мизерные украинские части... Немцы из галантности предоставили им честь войти первыми»⁸⁶³. «Я увидел немцев на Крещатике. Навстречу мне шёл высокий офицер с вильгельмовскими усами. Возле Думы стояли немецкие часовые в высоких сапогах, они выстукивали чечётку деревянными подошвами. На одной из станций по пути в Киев я заметил в ресторане чистую половину с надписью: “Только для господ немецких офицеров”»⁸⁶⁴.

«Украинская Народная Республика обратилась 12 февраля к Германии и Австро-Венгрии с просьбой о помощи против Советской России. Она обещала [этим] голодающим... державам огромные количества зерна... и других продуктов»⁸⁶⁵. «Немцы прислали свои войска на Украину не ради прекрасных глаз украинских министров и дипломатов. Им нужны были миллионы пудов продовольствия, которые они выговорили себе по мирному договору»⁸⁶⁶. А «на толкучке пели: Украина моя хлебородная, Немцу хлеб отдала, А сама голодная»⁸⁶⁷.

⁸⁶² «Немцы продвигались очень быстро, нигде не встречая сопротивления. Советские войска реквизируют все телеги и подводы в Киеве и, нагрузив их домашним скарбом — подушками, перинами, стульями, самоварами и пр., — спешно бежали из Киева. В последний день перед уходом советских войск Народный комиссар Внутренних дел Украины Евгения Бош, выступая на митинге в доме Купеческого собрания, заверяла присутствующих, что Киев не будет сдан. Через два часа она и другие советские сановники промчались на автомобилях по Александровской улице, направляясь в Дарницю» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 118).

⁸⁶³ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т. 6. — С. 208.

⁸⁶⁴ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь / И. Г. Эренбург. — Кн. 1–3. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 287.

⁸⁶⁵ «Формально в Киеве и во всей Украине с 1 марта 1918 года (когда были изгнаны большевики) была восстановлена верховная власть Украинской центральной рады», хотя, по сути, «чувствовалось её полное бессилие рядом с опекавшей её германской военщиной» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 118).

⁸⁶⁶ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т. 6. — С. 213.

⁸⁶⁷ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь / И. Г. Эренбург. — Кн. 1–3. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 287.

Когда немцы выгнали большевиков, город ожил, и началась почти довоенная жизнь — открылись театры и рестораны, люди снова стали ходить друг к другу в гости.казалось, что «Киев стал самой настоящей столицей. Государство провозглашено, действуют парламент и кабинет министров, прибыли иностранные послы, консулы и миссии... древний стольный град, первенец истории Украины и мать городов русских — очаровательный, хотя несколько старомодно-провинциальный и по-азиатски сонный, тихий и уютный Киев... По Крещатику, Фундуклеевской и Бибииковскому бульвару снова шли теперь роскошные автомобили, на радиаторах у них развевались разноцветные флажки, со львами, орлами, мальтийскими крестами или золотыми звёздами в квадратике чистейшей небесной голубизны: штандарты полутора десятка мировых держав. Осадное положение в Киеве снято. Теперь гуляки могли шататься по киевским значным местам хоть до утра. И хотя шёл четвертый год кровопролитной, изнурительной войны, городские улицы и бульвары сразу приняли совершенно мирный вид. Мужчины щеголяли в пальмерстонах при котелках или в накидках при цилиндрах. Дамы — в боа и палантинах из норки, выдры, горностая, соболя, а не то и шиншиллы»⁸⁶⁸. «Вечером вышел на Крещатик. Какое движение! Роскошные платья дам, новые автомобили, витрины полны товаров, у ювелиров за стеклом так и горят самоцветы. Крещатик заполнен весёлой толпой, кафе переполнены... Никогда Киев не имел такого прекрасного вида, как летом 1918 года»⁸⁶⁹.

Однако это была лишь видимость — все эти «перевороты отразились на Киеве... особенно на хозяйственной жизни... В торговле и промышленности — спад из-за военных операций... В первоклассных отелях грязно и почти не топят. На Крещатике полно нищих»⁸⁷⁰.

⁸⁶⁸ Лакеи в ресторанах снова облачились в белые жилеты и нацепили галстуки бабочкой. Репертуар таперов: ойра, матчиш, тустеп, кек-уок, бальное танго. Но в восемь — при открытии — неизменно исполнялась «Ще не вмерла», в три ночи — при закрытии — гопак» (Смолич Ю. Ревет и стонет Днепр широкий / Ю. Смолич. — М.: Советский писатель, 1962. — С. 531).

⁸⁶⁹ Єрошевич П. З боротьби українського народу за свою незалежність / П. Єрошевич // За державність. Матеріали до історії війська українського. Збірник 8. — Варшава: Укр. воєн.-іст. т-во. — 1938. — С. 14.

⁸⁷⁰ Цегельський Л. М. Від легенд до правди: спомини про події в Україні / Л. М. Цегельський. — Нью-Йорк; Філадельфія: Булава, 1960. — С. 200.

В повседневную жизнь киевлян немцы практически не вмешивались. Однако Центральная Рада с её социалистическими лозунгами для немцев была непонятной. И «29 апреля съездом “хлеборобов” в Киеве был совершён, по соглашению с немецким командованием, государственный переворот: власть Рады была упразднена, и провозглашён гетманом генерал Скоропадский... Гетманский переворот прошёл под лозунгом восстановления земельной собственности и свободы торговли... В первое время... проводилась политика покровительства торгово-промышленным кругам»⁸⁷¹. «Деловая жизнь шла нормально, хотя торговля и промышленность пребывали в тяжёлых условиях. В стороне от развлечений высшего класса и от интеллектуальных упражнений интеллигенции жила мелкая буржуазия, как всегда, зарабатывавшая на хлеб насущный. Что же касается рабочих, то они демонстрировали удивительное равнодушие, под которым, возможно, скрывали свои тайные надежды на скорый приход большевиков»⁸⁷².

«Восстанавливался нормальный гражданский порядок, нормальные экономические отношения, стала воскресать промышленность... Заводы и фабрики снова заработали (особенно надо это сказать о сахарных заводах, в восстановлении деятельности которых были заинтересованы и немцы), торговля... восстановила связь с границей. Это быстрое, почти самопроизвольное возрождение экономической и финансовой жизни, равно как и известное восстановление сельского хозяйства, было поразительным. В нём не было ничьей заслуги — это просто действовала сила жизни, искусственно загнанной хаосом в подполье и ныне получившей свободу. Если бы Украина, как свободное целое, продержалась несколько лет, она несомненно, политически окрепла и консолидировалась бы»⁸⁷³.

⁸⁷¹ Эпоха гетмана действительно была отмечена «некоторым экономическим подъёмом», а обеспеченный «сбыт всевозможных товаров в Германию и Австрию создавал и в чисто экономическом смысле весьма благоприятную конъюнктуру для нашего края. Мы пережили тогда эпоху грюндерства и спекулятивной горячки. Парализованная буржуазия севера устремилась в Киев. А у нас учреждались всё новые и новые акционерные компании, и делались крупные дела» (Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. — Берлин, 1922. — Т. 6. — С. 219).

⁸⁷² Гуммерус Г. Київ у серпні та вересні 1918-го року / Г. Гуммерус // Пам'ять століть. — 2007. — № 2. — С. 66–84.

⁸⁷³ Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. Воспоминания / В. В. Зеньковский. — М.: REGNUM, 2011. — С. 194, 227–228.

«Гетман воцарился — и прекрасно. Лишь бы только на рынках было мясо и хлеб, а на улицах не было стрельбы, чтобы... не было большевиков, и чтобы простой народ не грабил. Ну что ж, всё это более или менее осуществилось при гетмане... большинство горожан, хоть и смеялись над странной гетманской страной, которую они... называли опереткой, невсамделишным царством, гетмана славословили искренне... «Дай бог, чтобы это продолжалось вечно»»⁸⁷⁴.

В то время Россия уже была охвачена гражданской войной, а Киев при Скоропадском (точнее, при немцах) казался последним островком уходящей старой эпохи, пристанищем для всех, кто не хотел жить в создаваемом большевиками кровавом «новом мире». Из Петербурга и Москвы сюда устремилась аристократия, богатая буржуазия, художники, писатели, поэты и учёные⁸⁷⁵. «Первое впечатление — праздник. Второе — станция, вокзал перед третьим звонком. Слишком беспокойная, слишком жадная суета для радостного праздника. В суете этой тревога и страх. Никто не обдумывает своего положения, не видит дальнейших шагов»⁸⁷⁶, — писала знаменитая в те годы поэтесса Тэффи.

«Киев напоминал обшарпанный курорт, переполненный до отказа. Киевляне терялись среди беженцев с севера. Крещатик был первым этапом русской эмиграции — до одесской набережной, до турецких островов, до берлинских пансионатов и парижских мансард. Сколько будущих шофёров такси в Париже прогуливалось тогда по Крещатику! Были здесь и сиятельные петербургские сановники, и пронырливые журналисты, и актрисы кафешантанов, и владельцы доходных домов, и заурядные обыватели — северный ветер гнал их, как листья осенью. Каждый день открывались новые рестораны, паштетные, шашлычные; северяне после жизни «в сушь и впроголодь» тучнели на глазах. Открывались также казино с азартными играми, театры миниатюр, кабаре... Деньги ходили разные — царские, керенки, украинки; никто не знал, какие из них хуже. Возле Думы спекулянты предлагали желающим германские марки, австрийские кроны, фунты, доллары. Когда приходили известия о неудачах немцев во Франции,

⁸⁷⁴ Булгаков М. А. Белая гвардия / М. А. Булгаков // Собрание сочинения в 5 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1992. — С. 223.

⁸⁷⁵ По распоряжению гетмана даже была создана Украинская академия наук, во главе которой стал Владимир Вернадский.

⁸⁷⁶ Тэффи Н. А. Моя летопись / Н. А. Тэффи. — М.: Вагриус, 2005. — С. 69.

марки падали, а фунты подымались. Особенно привлекательными казались покупателям доллары»⁸⁷⁷.

«Поехал к своему знакомому купцу, воспитанному в Англии... говорю ему, что восхищаюсь развитием Киева», а он отвечает: «я теперь работаю только на бирже — это самый чувствительный механизм; а тот товар, что выставлен в витринах — он же не с собственных фабрик, где-то случайно достали и продают, а фабрики работают очень мало; я хотел открыть фабрику сукна... а теперь боюсь; деньги перевёл в Англию, а сам только спекулирую... езжу между Киевом и Одессой». Там тоже «фабрикантов и купцов мало, большинство — спекулянты... солидные купцы и биржевики не верят, что такая благодать будет долго, поэтому серьёзно за работу и не берутся... Война и пропаганда развратили рабочего и крестьянина, администрация ни к чёрту... поэтому долго такое состояние продолжаться не сможет»⁸⁷⁸.

Когда читаешь все эти строки из воспоминаний разных людей с разными судьбами, создаётся впечатление, что недолгое правление гетмана было достаточно конструктивным в экономическом смысле. А может быть, дело было и не в гетмане, и не в немцах, а в том, что Киев на время стал последним осколком гибнущей империи. Но продолжения этот подъём не имел. Отчасти проблема была в отсутствии нужных людей в правительстве Скоропадского, и гетман понимал это. «Одно из наших несчастий и состоит в том, что у нас мало именно честолюбивых людей»⁸⁷⁹. «Берегите умных, образованных, способных к работе людей, у нас их можно перечесть по пальцам»⁸⁸⁰. У председателя Совета министров Фёдора Лизогуба «размаха, свободного творчества,

⁸⁷⁷ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь / И. Г. Эренбург. — Кн. 1–3. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 287.

⁸⁷⁸ Єрошевич П. З боротьби українського народу за свою незалежність / П. Єрошевич // За державність. Матеріали до історії війська українського. Збірник 8. — Варшава: Укр. воєн.-іст. т-во. — 1938. — С. 13.

⁸⁷⁹ «Мы страдали от отсутствия людей, стремящихся достигнуть чего-либо большего, все какая-то мелочь, главным образом жаждающая, чтобы никто не возмущал её покоя, а если уж нужно действовать, то только лишь для того, чтобы как-нибудь безопасно спекулировать для своего мещанского благополучия» (Скоропадский П. П. Воспоминания / П. П. Скоропадский. — Х.: Фолио, 2020. — С. 141).

⁸⁸⁰ «Не придирайтесь к мелочам. Не копошиться в прошлом ваших подчинённых, если в данную минуту они ценны своей работой. За этот совет вы мне скажете спасибо» (Скоропадский П. П. Воспоминания / П. П. Скоропадский. — Х.: Фолио, 2020. — С. 172–173).

смелости не было, и в этом отношении он, при всём своём желании быть мне полезным, не был на необходимой высоте. Я не ставлю ему этого в вину, виноват не он, а я, так как я сам пригласил его»⁸⁸¹. Министр финансов Антон Ржепецкий, которого многие тогда критиковали, «был слишком большим провинциалом; чувствовалось, что здесь требовался человек совсем другого размаха... Антон Карлович был бы прекрасным директором даже крупного провинциального банка, но не далее... Я верил, да и теперь убеждён, что он упорядочил финансы»⁸⁸².

Впрочем, была в то время и более конкретная проблема, связанная с крестьянами и с поставками зерна, обещанными Украиной немцам. В Киеве они действительно навели порядок⁸⁸³. А вот в сёлах «дело обстояло хуже. Значительная часть земель была не засеяна. В результате Главнокомандующий германской армией... издал приказ об обязательном и принудительном засеве полей — и крестьянских, и помещичьих — силами крестьян. В случае отсутствия у крестьян семян для засева полей засев поручался помещикам, с обязательством

⁸⁸¹ «Он всё хотел сделать сам. Дел же было масса, он не успевал. Важные решения не принимались им своевременно, время уходило даром. Я ему об этом говорил, он обижался. Он был чрезвычайно добросовестен, очень много работал, но с делами не всегда справлялся, так как не имел способности отмечать существенное, широкого государственного значения от второстепенного, что могло обождать. Лично я его уважал и любил, но мы с ним не спелись. Не было той неофициальной взаимности, того обоюдного понимания, которое было бы так желательно для дела между гетманом и председателем совета министров» (Скоропадский П. П. Воспоминания / П. П. Скоропадский. — Х.: Фолио, 2020. — С. 199).

⁸⁸² «Человек он неглупый, но односторонний. Он всю свою жизнь провёл в банках и, очевидно, имел дело только с людьми буржуазного склада ума, поэтому у него так выходило, что кроме так называемых буржуев, никого нет. Всё остальное для него не существовало» (Скоропадский П. П. Воспоминания / П. П. Скоропадский. — Х.: Фолио, 2020. — С. 199. «Лизогуб, несмотря на то, что сидел в Полтаве очень долгое время, совершенно проглядел то украинское движение, которое в течение уже многих лет тлело на Украине, а в последние годы давало себя, несомненно, всё более и более чувствовать. Другое дело, имеют ли украинцы, стоящие во главе движения, почву под ногами или нет, насколько верны сведения субсидирования этого движения извне, но странно то, что он никакого понятия о нём не омер» (Там же, с. 195).

⁸⁸³ «Ободранный и грязный в 1916–1917 гг. Киев преобразился... 40 принудительно мобилизованных женщин 3 дня мыли и скоблили Киевский вокзал от русской грязи. Прибытие и отбытие поездов происходило пунктуально по графику. Немцы заставили домохозяев и дворников прибрать дворы, а городское управление Киева — убрать мусор с улиц» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 125).

уплатить крестьянам за труд одну треть собранного урожая. Выходило, что помещики восстанавливались в своих правах на землю... а крестьяне оказывались в положении сельскохозяйственных рабочих, получающих за работу часть урожая. Приказ Эйхгорна поднял крестьян на дыбы. Деревня была охвачена восстанием»⁸⁸⁴.

Впрочем, длилась власть гетмана и немцев недолго. 9 ноября 1918 года произошла революция в Германии, а 11 ноября она подписала договор о капитуляции. Немцам стало уже не до поддержки украинского гетмана. «Если бы нас было не 40 миллионов, а 1 миллион, и если бы мы жили в каких-то пустынных горах или болотах, а не на лучшей в Европе земле, то “достав” необходимую сумму франков, марок или [фунтов] стерлингов, и не немного “уже готовой” полиции, можно было бы создать государственный строй и порядок. Но трудно представить, что нашлась бы вне нас такая сила, которая... построила бы для нас на нашей земле государство и организовала нас в современную европейскую нацию. Никто нам не создаст государство, если мы его сами не построим. И никто из нас не сделает нацию, если мы сами не захотим быть нацией»⁸⁸⁵.

Когда Скоропадский бежал, 15 декабря 1918 года город заняли войска Директории, возглавляемой Симоном Петлюрой, и на улицах опять стреляли. «На улицах Киева каждое утро находили десятки трупов... Ни одна ночь не проходила без убийств»⁸⁸⁶ — так одним запомнились те дни. А другим — совсем иначе: «Петлюровцы шли по Крещатику весёлые, никого не трогали. Московские дамы, не успевшие выбраться в Одессу, восхищались: “Какие они милые!”»⁸⁸⁷.

«Сегодня (11 января 1919 года) я хотел продать облигации городских займов на 10 тысяч, потому что уже не хватает денег на жизнь; недавно их курс был 103 рубля, а сегодня мне дают не больше 80, а это самые надёжные бумаги... везде в банках

⁸⁸⁴ «Между помещиками, опиравшимися на немецкие штыки, и крестьянами шли кровавые бои. Горели помещичьи усадьбы, и крестьянская месть настигла помещиков и управляющих» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 125).

⁸⁸⁵ Липинський В. Листи до братів-хліборобів / В. Липинський. — Wien: Carl Hartmann, 1926. — С. 66–67.

⁸⁸⁶ Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 141.

⁸⁸⁷ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь / И. Г. Эренбург. — Кн. 1–3. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 289.

только и разговоров, что [скоро] придут большевики... поэтому все, кто может, бегут в Одессу, Крым или за границу»⁸⁸⁸.

Но и Директория долго не смогла удержать власть. «Анархия начинает разрастаться не только в сёлах, но и на глазах Директории, среди войска в самом Киеве»⁸⁸⁹. И 6 февраля город снова заняли большевики. Опять началась конфискация имущества и массовые расстрелы «врагов революции». Киевские улицы «как-то сразу потускнели и обеднели: исчезли меха и элегантные шляпы у женщин, их заменили шерстяные платки. У мужчин меховые шубы были заменены солдатскими шинелями и поношенными пальто попроще. Все старались приbedниться, у всех был напуганный вид»⁸⁹⁰. А ещё недавно на улицах было оченьлюдно, «при гетмане на Крещатике нельзя было протолкаться. И публика была гораздоэлегантнее, чем раньше»⁸⁹¹.

В июне 1919 года началось наступление Добровольческой армии на север. «О приближении денкинцев к Киеву говорила всё более слышная и гулкая канонада, эвакуация советских учреждений, быстрый рост дороговизны, в особенности на хлеб. В последние дни августа Киев имел вид мёртвого города»⁸⁹². А 1 сентября Добровольческая армия Деникина вошла в Киев. «Только теперь видно, как большевики всё разрушили. Цветущая Украина, богатый Киев — нищие. В магазинах ничего нет... А ровно год тому назад в Киеве

⁸⁸⁸ Чикаленко Е. Х. Щоденник (1907–1917) / Е. Х. Чикаленко. — К.: Темпора, 2011. — С. 241.

⁸⁸⁹ Чикаленко Е. Х. Щоденник (1907–1917) / Е. Х. Чикаленко. — К.: Темпора, 2011. — С. 238.

⁸⁹⁰ Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 150.

⁸⁹¹ «Уже 4 месяца мы прячем и прячем наше имущество, раздаём по знакомым... Недавно кому-то пришло в голову спрятать пакет процентных бумаг в погребе в песке под какой-то доской. После 2-х, 3-х недель мама заглянула под доску. Часть бумаг была порядочно обгрызена крысами... теперь мы боимся, что... когда нужны будут деньги на жизнь, нельзя будет пострадавшие бумаги продать. Хотя трудно верить, чтобы русские бумаги вообще имели какую-нибудь ценность. Ведь большинство их, вероятно, конфисковано в сейфах и в банках, то есть попросту украдено комиссарами и перепродано спекулянтам... Есть люди, особенно беженцы из столиц, которые там ничего не успели спасти, превратившись из миллионеров в нищих» (Дневник и воспоминания киевской студентки // Архив русской революции. Т. 15. — Берлин, 1924. — С. 211, 217).

⁸⁹² «Всё пусто, всё заколочено... Киевляне засели по домам. На окна магазинов спущены железные щиты» (Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. — С. 162).

было всё, чего душа желала. Кто может, тот уезжает в Одессу... как будто чувствуют, что... нельзя оставаться»⁸⁹³.

Однако денкинцы не смогли надолго удержать город, и 16 декабря его в очередной раз заняли большевики. Киевляне снова попрятались «и молились только об одном: скорей бы, скорей пришли французы и англичане и положили предел этому зверству»⁸⁹⁴. Однако французы и англичане так и не пришли, а надежды на то, что жизнь наладится, угасли окончательно.

«Каторга лучше этой жизни. На меня находит такое отчаяние, что я громко плачу у себя в комнате и бьюсь головой о стенку... Западная Европа кажется мне далёким, недостижимым раем. Там есть наука, искусство, там человек не видит в соседе врага, там не дрожишь за жизнь близких. Ведь уже почти год, как нас травят непрерывно... Я возненавидела этот прекрасный Киев. Какой это был ещё недавно красивый город, а теперь — развалины... Неужели не удастся покинуть эту проклятую Богом страну? Я её ненавижу»⁸⁹⁵. «Чего только не пережил, чего только не выстрадал прекрасный гордый древний Киев... за эти годы, при восемнадцатикратной смене власти!»⁸⁹⁶.

История Василия Листовниченко

Василий Листовниченко (1876–1919) — инженер-строитель и архитектор, владелец частной строительной компании, был не самым богатым киевлянином, но и не самым бедным. Средний класс, может быть — его верхний слой. Тот средний класс, который так неплохо себя чувствовал в Киеве, неспешно зарабатывая деньги и так же неспешно наслаждаясь

⁸⁹³ Дневник и воспоминания киевской студентки // Архив русской революции. Т. 15. — Берлин, 1924. — С. 230.

⁸⁹⁴ Лифарь С. Страдные годы / С. Лифарь. — В 2 кн. Кн.1. Моя юность в России. — Париж. — 1935. — С. 70.

⁸⁹⁵ «Теперь мы должны ехать во что бы то ни стало. Дело идёт о папиной жизни. Был уже издан... декрет о том, что укрывающие ценные бумаги будут расстреляны, а наши последние бумаги нашли при обыске у знакомых... Я хожу, как сумасшедшая. В каждом шорохе, в каждом звонке мне чудится приход чекистов» (Дневник и воспоминания киевской студентки // Архив русской революции. Т. 15. — Берлин, 1924. — С. 235–236, 238–239, 242).

⁸⁹⁶ Лифарь С. Страдные годы / С. Лифарь. — В 2 кн. Кн.1. Моя юность в России. — Париж. — 1935. — С. 60.

жизнью. «Люди ходили по Крещатику медленнее, чем петербуржцы по Невскому, а после обеда спали дольше, — торопиться здесь было уж совсем некуда... В Киеве не было таких богачей, как в Петербурге, но средний класс, в который уже входили и так называемые разночинцы, жил, пожалуй, лучше, чем в столицах»⁸⁹⁷.

Дед Василия Павловича был купцом первой гильдии, имел два магазина, где продавались «рессорные экипажи», проще говоря — различные повозки, запрягавшиеся лошадьми. Один магазин, так сказать, «экипажей премиум-класса» находился на Крещатике, другой, экономкласса, — на Подоле. Однажды на складе повозок возник пожар, дед понёс огромные убытки, после чего дела его сильно пошатнулись. Отец Листовниченко, Павел Васильевич, уже не имел таких деловых качеств, как дед, да и капиталов особых у него не было. Так что Василию Павловичу Листовниченко приходилось начинать всё почти с нуля. В 1901 году он окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге и в разгар домостроительного бума стал техником-строителем. Специальность была в те годы востребована, и на этом Василий Павлович быстро поднялся.

Зарабатывал он, судя по всему, хорошо, и в 1909 году уже купил на Андреевском спуске в Киеве четыре дома, образовавших единую усадьбу. В одном из домов среди других квартиросъёмщиков жила семья Михаила Булгакова — это и был «дом Турбиных» из романа «Белая гвардия». В романе домовладелец Листовнический описан в образе инженера Лисовича, — прямо скажем, не самого симпатичного персонажа, не похожего на реального Василия Листовниченко. Трудно сказать, почему писатель изобразил его именно так. Известно, что Листовнический и Булгаков давно знали друг друга, ещё с тех пор, когда в молодости снимали квартиры в одном доме на Бехтеревском переулке. Да и дом на Андреевском Листовнический купил по совету Варвары Михайловны, матери Михаила Булгакова. Возможно, всё дело было в банальной зависти — Булгаков был беден, а Листовнический для него казался богачом, «буржуем».

⁸⁹⁷ Быт киевлян «был вековой, отстоявшийся, уютно-провинциальный, — такой быт, о котором с грустью и любовью позднее вспоминают люди, прожившие бурную жизнь» (Алданов М. Повесть о смерти / М. Алданов. — Франкфурт: Посев, 1969. — С. 21, 24).

А вот кабинет Лисовича описан с любовью. «Инженер бодрствовал и находился в своём тесно заставленном, занавешенном, набитом книгами и, вследствие этого, чрезвычайно уютном кабинетике. Стоячая лампа, изображавшая египетскую царевну, покрытую зелёным зонтиком с цветами, красила всю комнату нежно и таинственно, и сам инженер был таинственен в глубоком кожаном кресле»⁸⁹⁸.

У Листовниченко действительно была большая библиотека, и он позволял ей пользоваться своим квартирантам, в том числе и Булгакову. Поэтому писателю и нравился этот кабинет с книгами. Василий Павлович любил книги, особенно исторического характера, и у него их было множество. На старости лет, отойдя от дел, Листовниченко хотел открыть свой букинистический магазин. Он и сам начал писать две книги — «История Польши» (его жена, Ядвига Викторовна Крынская, происходила из старинного польского дворянского рода) и «Матери великих людей», начиная со времён Древнего Рима⁸⁹⁹.

В 1911 году Василий Павлович стал главным архитектором Киевского учебного округа, проектировал здания для гимназий и училищ, а в 1913 году — некоторые павильоны для Всероссийской фабрично-заводской, торгово-промышленной, сельскохозяйственной и научно-художественной выставки в Киеве. Ещё он руководил частной строительной конторой, находившейся в центре города на улице Лютеранской и занимавшейся постройкой домов «под ключ». За заслуги в строительном деле Листовниченко было пожаловано дворянство и звание почётного гражданина Киева, а главный архитектор города Кобелев даже хотел, чтобы Василий Павлович стал его преемником.

Во время Первой мировой войны Листовниченко получил звание полковника и руководил постройкой оборонных сооружений на подступах к Киеву — фронт приближался, и существовал риск, что город придётся сдать. А когда пришли большевики, Листовниченко как богатого домовладельца арестовали в ночь с 6 на 7 июня 1919 года. Несколько раз его водили на расстрел, но не убили и решили оставить в каче-

⁸⁹⁸ Булгаков М. Белая гвардия / М. Булгаков // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. — М.: Художественная литература. 1992. — С. 201.

⁸⁹⁹ Когда в 1919 году Листовниченко арестовали чекисты, они забрали и эти рукописи. Не думаю, что они их читали — скорее всего, использовали для растопки печей и каминов.

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА

стве заложника. Когда большевики стали отступать и покидали Киев, Листовниченко вместе с другими заложниками 14 августа 1919 года отвели из Лукьяновской тюрьмы на причал, посадили на пароход и повезли на север по Днепру, а потом по Припяти.

Выживший участник этих событий инженер Нивин потом рассказал, что они с Листовничим договорили бежать, и с разных бортов парохода смогли ночью спрыгнуть в воду. Охрана начала стрелять, Нивину повезло, и он доплыл до берега, а Листовниченко не доплыл — видимо, пуля настигла его в воде.

Часть 3

ЗЕРНОВОЙ
КАПИТАЛИЗМ

Глава 1.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Житница Европы

Наши предки выращивали зерно для продажи с незапамятных времён. Греки покупали зерно ещё у скифов, продавая им свои товары, в том числе вино в керамических амфорах. Древнегреческие колонии на берегах Чёрного моря (Ольвия, Херсонес и много более мелких) создавались именно для этого. Мы не можем с уверенностью говорить, откуда именно скифы привозили на продажу зерно, но обломки греческих амфор от вина археологи часто находят на скифских городищах, в том числе в Центральной Украине, на Киевщине. Так что жители этих городищ с греками торговали, и скорее всего — зерном.

На смену греческим колониям в Причерноморье пришли колонии итальянцев — генуэзцев и венецианцев. Их интересовало всё то же зерно. Но не только. После появления в XIII веке огромной монгольской империи, простиравшейся от Китая до Западной Европы, возникло новое экономическое пространство и новые торговые пути. Монголо-татары были, конечно, жестокими завоевателями, но торговле не препятствовали — она была выгодна для них. Во времена Рах Mongolica Великий шёлковый путь переживал свой новый расцвет (особенно в XIII–XIV веках), и западная его часть шла

от итальянских колоний на берегах Чёрного моря до Генуи и Венеции.

Зерно же тогда доставляли к морю по рекам. Днепр был несудоходен из-за порогов, оставался Днестр. Он тоже был не самым удобным для грузовых перевозок из-за мелей и многочисленных крутых поворотов, и так появился сухопутный торговый маршрут, который итальянцы называли *Via Tatarica* — «татарский путь». Он шёл от нынешнего Белгорода-Днестровского на Каменец-Подольский, важный перевалочный пункт транзитной торговли, а дальше на Львов, ещё более важный торговый центр. Оттуда — на Краков и дальше в Западную Европу, в Вену и в германские города.

В Белгород везли зерно, а оттуда — восточные товары. В 1585 году Станислав Сарницкий писал: «Был некогда Белгород рынком многолюдным и доступным для наших людей. Ибо во времена Казимира⁹⁰⁰ до самого Кипра доходили наши суда, гружённые подольской пшеницей»⁹⁰¹.

Зерно сплавляли вниз по течению Днестра, в Белгороде его скупали генуэзцы и продавали дальше в Византию и на остров Крит. А восточные товары для продажи в Европе везли по суше⁹⁰². Однако когда в XV веке турки захватили Константинополь, а потом и всё Северное Причерноморье, итальянские колонии исчезли, а черноморский торговый маршрут для Европы оказался перекрытым. Со временем с турками начали договариваться — известно, что при польском короле Сигизмунде (правил в 1506–1548 годах) венецианцы обратились к королю с просьбой продать значительное количество зерна для острова Кипр, где начался голод. Турки разрешили доставить зерно в Белгород (он теперь стал называться Аккерман), где его забирали итальянские корабли.

⁹⁰⁰ Польский король Казимир Великий (правил в 1333–1370 годы).

⁹⁰¹ Цит. по: Воротынцев Л. В. «Татарский» торговый путь («*Via Tatarica*») в системе международной торговли XIII–XV вв. / Л. В. Воротынцев // Золотоордынское обозрение. — 2019. 7 (1). — С. 83.

⁹⁰² До середины XIV века «татарский торговый путь» считался безопасным и процветал, а потом контроль над ним попыталось захватить Великое княжество Литовское. В 1368 году князь Ольгерд разгромил войска трёх татарских ханов, контролировавших Подолье. А во время похода князя Витовта против татар литовцы дошли до устья Днестра и почти до Крыма, основав несколько крепостей (в том числе замок и порт «Качибеев» или «Коцюбиев» на месте Одессы). Крепости эти существовали не очень долго, в лучшем случае полвека, но к тому времени «татарский путь» перестал быть безопасным и утратил значение.

Вероятно, после этого торговля зерном через Аккерман продолжалась, пока турки не запретили её. И только в 1623 году в польско-турецком договоре упоминалось и о том, что поляки обязаны доставлять в Аккерман определённое количество зерна для продажи его турецким купцам⁹⁰³. Однако в середине XVII века зерновую торговлю по Днестру турки опять запретили, и её практически не было до второй половины XVIII века.

Впрочем, с XVI века появился новый торговый путь через Балтийское море. Зерно сплавляли по Западному Бугу до Вислы, а по ней до балтийского порта Гданьск, а оттуда дальше в Западную Европу. Когда в XVI веке в Европе возрос спрос на зерно и скот, этот бизнес стал расширяться — огромные площади земель давали все возможности для выращивания зерновых и разведения скота⁹⁰⁴.

Зерно поставлялось из имений на Киевщине, Подолье и Волыни, а также с Левобережной Украины. Стремясь к повышению своих прибылей, землевладельцы старались выжать из крестьян и мелких шляхтичей по максимуму, и в первой половине XVII века участились крестьянско-козацкие восстания. Их продолжением стала война Богдана Хмель-

⁹⁰³ А в проекте договора о торговле на Чёрном море между Войском Запорожским и турецким султаном (1650-е годы) упоминалось, что «Войско Запорожское... построи́т несколько портовых городов ниже порогов до слияния реки Буг с Днепром... оттуда должна идти торговля» (Документи Богдана Хмельницкого. 1648–1657. — К.: Вид. АН УРСР, 1961. — С. 621).

⁹⁰⁴ В середине XVII века не меньше половины продаваемого в Европу скота поступало из имений украинских магнатов, особенно из владений Владислава Доминика Заславского. За семь лет, с 1647 по 1654 год, из владений Заславского было экспортировано более 1300 волов. Посылали Заславские в Гданьск и большие партии зерна (только за 1637 год было продано ржи на 20 тысяч злотых). Кроме зерна и скота на экспорт шёл поташ (и пепел для его производства), древесина, соль и другие продукты сельского хозяйства. Чтобы повысить прибыль, Заславские (как и другие земельные магнаты) сами организовывали транспортировку зерна на речных судах, избегая посредников-купцов. Эти суда с неглубокой посадкой (их называли комаги) длиной в среднем 20 метров и шириной 10 метров обслуживали около 10 гребцов. Вмещали они от 30 до 70 тонн зерна и других товаров. Большую часть комаг строили в волынском городе Устилуг. Украинские мастера делали эти суда не только по заказу, но и для свободной продажи — во время расцвета зернового экспорта спрос на комаги был высокий. Небогатый шляхтич для перевозки небольших объёмов зерна мог взять комагу в аренду (Гурбик А. Модернізаційні процеси у фіскально-виробничих відносинах та митній сфері України (XVI — перша половина XVII століття) / А. Гурбик // Соціополітичний простір ранньомодерної України: історичні нариси. — К.: Ін-т історії НАН України, 2018. — С. 23–24).

ницкого 1648–1654 годов. По времени она совпала со спадом более чем в три раза зерновой торговли⁹⁰⁵.

Ближе к концу XVIII века объёмы экспорта зерна восстановились и достигли 100 тысяч тонн. В 1784 году один из прибывших в Украину французов писал о том, что здесь «обилие зерна уже таково, что оно кормит не только значительную часть Турции, но даже обеспечивает экспорт в Испанию и Португалию», а также и во Францию через Марсель⁹⁰⁶.

Растущий спрос на зерно подталкивал к колонизации новых украинских территорий. Естественным продолжением этого стало освоение Российской империей Северного Причерноморья, совпавшая по времени с новой волной урбанизации в Западной Европе и увеличением потребности в зерне.

Новые возможности

В конце XVI века перевозки зерна по Балтийскому морю полностью взяли в свои руки голландские и немецкие купцы со своими кораблями. К тому же в XVII веке, после начала Тридцатилетней войны, войска шведского короля Густава Адольфа захватили земли на балтийском побережье, и Польша оказалась отрезанной от моря. Экспорт зерна через Гданьск, конечно, не прекратился, но прибыли стали снижаться. После разделов Польши в конце XVIII века Гданьск окончательно отошёл к Пруссии, и она установила высокие пошлины на экспорт. За провоз польских товаров через территорию Пруссии вместо обычных 2% приходилось платить 12%, что заметно снижало доходы от зернового экспорта.

В зерне Правобережной Украины были заинтересованы его европейские покупатели⁹⁰⁷. Нужно было искать другой

⁹⁰⁵ В 1648 году более 200 кораблей отплыли из Гданьска пустыми, так и не загрузившись зерном (Економічна історія України. В 2 т. Т. 1. — К.: Ніка-Центр, 2011. — С. 378).

⁹⁰⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности. — М.: Прогресс, 1986. — С. 122.

⁹⁰⁷ Ещё в 1564 году папский легат Коммендони побывал на Волыни, Подолье и в Галиции, после чего посоветовал польскому королю основать в устье Днестра порт, чтобы отправлять зерно и другие товары по Чёрному морю. Для этого, правда, нужно было местами углубить русло Днестра, и флорентийский купец Тедадьо даже был готов финансировать все эти работы с условием, что его потом на восемь лет освободят от налогов на перевозку грузов по Днестру. Но эта идея не была осуществлена по двум причинам — из-за постоянной на-

путь для экспорта зерна в Европу — по Днестру и дальше через Чёрное море⁹⁰⁸. Это море тогда контролировала Турция — Османская империя, — особенно проливы Босфор и Дарданеллы, которые никак нельзя было миновать на пути в Европу. После русско-турецкой войны 1768–1774 годов Россия стала контролировать побережье Чёрного моря и получила право свободного прохода своих кораблей через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы. А в 1778 году основали крепость и порт Херсон, что открыло совершенно новое окно возможностей. Всего через два года порт принял первые корабли, а на немногочисленных улицах Херсона зазвучала иностранная речь.

В 1780 году в Польшу прибыл специальный посланник Ларош, чтобы собрать информацию о возможностях поставки сельхозпродукции из Правобережной Украины через Чёрное море, а также о перспективах продажи французских товаров на польском рынке. Он предлагал использовать порт Аккерман (Белгород) в устье Днестра, однако во время встречи Лароша с польским королём Станиславом Августом в ноябре 1781 года решили, что российский Херсон больше подходит для этого — ведь Аккерман в то время ещё находился под властью Турции, с которой нужно было вступать в сложные переговоры.

Одновременно с миссией Лароша в Варшаве появился другой французский посланник Ян Бонно, который вёл переговоры с группой варшавских банкиров во главе с Фредериком Мошинским⁹⁰⁹ о том же — о перспективах поставок

пряжённости в отношениях с Турцией и, главным образом, из-за противодействия влиятельных зерноторговцев, отправлявших свой товар через Гданьск и не хотевших ломать привычную схему.

⁹⁰⁸ Подробнее о попытках наладить торговлю зерном по Днестру см.: Аргатюк С. О хлебной торговле Галиции с Одессой по Днестру: операция А. Р. Мысловского (1843–1846) / С. Аргатюк, И. Сапожников // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 25. — Одеса: Друкарський дім, 2018. — С. 25–54.

⁹⁰⁹ Фредерик Мошинский (1737–1817) происходил из рода известных польских магнатов, детство провёл в Дрездене, где получил хорошее образование, а в 1754 году вернулся в Польшу. Со временем стал влиятельным государственным деятелем, экспертом по финансам и налогам. Король пожаловал ему графский титул и поместья. Мошинский занимался статистикой, и по его инициативе в 1789 году провели первую перепись населения. Автор книги «Заметки о доходах и расходах Республики Польша» (1774), где он объяснял постоянную нехватку капиталов в Польше неблагоприятным торговым балансом (Domanski C. Fryderyk Josef Moszynski — the first polish statistician / C. Domanski // Acta Universitatis Lodziensis. Folia oeconomica. — 2009. — 228. — P. 7–12).

зерна через Чёрное море. Мошинский 16 мая 1780 года заключил договор с Томашем Гугоном, французом на польской службе, по которому тот должен был в течение полугода объехать Подолье и другие южные части польских владений, чтобы оценить возможные объёмы поставок зерна и скота. Оказалось, что вполне реально ежегодно экспортировать эту сельскохозяйственную продукцию на 200 млн флоринов. Как видим, дело замышлялось серьёзное.

А тем временем херсонским портом заинтересовался ещё один француз — Игнаций Антуан, барон Сент-Жозеф, предприниматель из Марселя, до того несколько лет занимавшийся торговлей в Стамбуле. Видимо, он тоже понял, что на экспорте зерна через Чёрное море можно хорошо заработать. Антуан отправился в Петербург и добился приёма у князя Григория Потёмкина, после чего получил для себя ряд привилегий и открыл в Херсоне торговый дом «Антуан, Сорон и К». Кроме этого торгового дома в новом городе появились польская торговая контора Заблоцкого, турецкая — Фрединга, австрийская — Фабри, русская — купцов Ивана Масленикова и Семёна Сенковского⁹¹⁰. Некоторые из них существовали недолго, как контора Заблоцкого, нарушившего законы Речи Посполитой.

А вот торговый дом Антуана продержался в Херсоне почти двадцать лет. Спустя годы барон издал в Париже книгу «Исторические очерки торговли посредством Херсона и Марселя с 1784 до 1803 года». На её страницах он вспоминал, что начало его бизнеса в Херсоне было неудач-

⁹¹⁰ Письма барона Антуана графу Сегюру о пользе учреждения морской торговли Марселя с Херсоном // Записки императорского одесского общества истории и древностей. — 1883. Т. 13. — С. 156. Антуан жаловался французскому послу в России графу Сегюру на херсонского городничего. «Чиновник этот, не любя французов, теснит их из-за каждой мелочи. Мои братья не посмели сообщить вам... о всех его поступках в отношении к нам. Одного из них он велел посадить под арест за то, что он, отправляясь на Глубокую пристань с целью отправить судно, не выполнил точно одной формальности, требуемой при выходе на эту пристань... Мой дом изолирован вследствие национальных предубеждений и зависти со стороны торговых домов австрийских и польских» (Там же, с. 157). На самом деле городничий выполнял негласный указ Потёмкина внимательно следить за всеми иностранцами в Херсоне, особенно за французами — оказывается, шпионмания была сильна в России и при Екатерине. Антуан много времени провёл в Польше, общался с депутатами сейма, и на этом были основаны подозрения в шпионаже. После переписки Антуана с Сегюром тот переговорил с Потёмкиным, всё объяснил, и Антуану стало легче заниматься коммерцией.

ным — он наугад решил продавать в России водку, зная нездоровое пристрастие русских к этому продукту, и отправил из Франции корабль с алкоголем. Однако в России и своей водки хватало, а Потёмкин во избежание конкуренции запретил ввоз спиртных напитков. Поэтому кораблю пришлось возвращаться обратно в Марсель.

Но вскоре дела у купца наладились. Антуан не терял времени даром — «я отправил русский зерновой хлеб в Корсику, в различные порты Прованса, в Ниццу, Геную и наконец, отправил одно из моих... судов, нагруженное хлебом, в Барселону: это была первая отправка из портов Чёрного моря в Испанию... Сен-Сорон, один из моих компаньонов, первый проложивший торговый путь... должен был несколько дней тому назад уехать с целью обозреть русскую Украину. Он завяжет там сношения с купцами торговых городов и, как покупками, так и надеждой, которую подаст им, побудит их самих ехать в Херсон для сбыта своих произведений»⁹¹¹.

В Польше поняли, что им нужно поторопиться, и 14 июня 1782 года по инициативе Фредерика Мошинского и варшавского банкира Петра Бланка было подписано соглашение о создании общества для торговли на Чёрном море. Каждый из 12 участников общества вносил 10 тысяч «червонных золотых», и тогда суммарный капитал общества составлял бы 120 тысяч. О плане доложили королю Станиславу Августу, но тот медлил с ответом. По проекту Мошинского черноморская торговля должна была идти через Аккерман в устье Днестра. Однако король знал, что Игнаций Антуан уже получил в Петербурге у Потёмкина привилегии для торговли через Херсон. Когда Антуан прибыл в Варшаву, он честно предлагал Мошинскому объединить усилия — польская сторона доставляла бы зерно в Херсон, а торговый дом Антуана обеспечивал его транспортировку в порты Средиземного моря⁹¹².

Тем временем мысли о сплаве зерна по Днестру в Аккерман не давали покоя другим зернотрейдерам — видимо, сохранялась ещё память о том, что когда-то эта река использовалась для зерновой торговли. Тем более что пороги и мели на Днестре были не так уж страшны при использовании плоскодонных судов для перевозки зерна (их называли

⁹¹¹ Там же, с. 159.

⁹¹² Madzik M. Powstanie i pierwsze lata działalności Kompanii Czarnomorskiej (1782–1785) / M. Madzik // Rocznik Lubelski. — 1979. — Т. 21. — С. 81–83.

«галеры»), напоминавшие не столько суда, сколько большие плоские ящики, сбитые из досок.

В 1785 году граф Валериан Дзедушицкий (1754–1832) совершил путешествие по Днестру от Ямполья до Аккермана на одном из таких судов, чтобы своими глазами увидеть, как проходит сплав зерна и оценить перспективность маршрута. Путешествие прошло в целом удачно, в Аккермане зерно продали турецким купцам, и они повезли его морем в Стамбул. А Дзедушицкий описал свои впечатления от путешествия, отстаивая мысль, что Днестр является наиболее удобным водным путём для зерновой торговли, так как порт в Херсоне слишком удалён от местностей, где зерно выращивали⁹¹³.

Херсонская компания

В XVIII веке всю Европу облетела слава голландской и английской Ост-Индских акционерных компаний, невероятно разбогатевших на торговле перцем и другими специями. Отголоском успеха первых акционерных компаний стало учреждение в Виннице 17 марта 1783 года Польской торговой компании (Kompania Handlowa Polska), которую ещё называли Черноморской торговой компанией (Kompania Handlu Czarnomorskiego) и Херсонской компанией (Kompania Chersonska). Среди учредителей был брат короля Михаил Понятовский, первоначально руководивший компанией. Позже управлять компанией стал молодой и энергичный Антоний Протазий Потоцкий, которого называли «граф Прот».

Количество акционеров не ограничивалось, и, по идее, к компании в первые три месяца мог присоединиться любой участник. Половину доли стоимостью 1000 «червонных злотых» участники общества вносили деньгами, а половину — товарами, которые они должны были доставить до 1 марта 1783 года в Винницу⁹¹⁴. Потом количество акционеров всё-таки решили ограничить до 40. Акции могли приобретать

⁹¹³ Перевод записок Дзедушицкого см.: Сапожников І. Подорож Дністром до Аккермана графа Валеріана Дзедушицького 1785 року / І. Сапожников, С. Аргатюк, В. Левчук // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 26. — Одеса: Друкарський дім, 2019. — С. 48–96.

⁹¹⁴ Главное отличие новой компании от проекта Фредерика Мошинского состояло в том, что можно было вести торговлю зерном без посредников, самостоятельно планируя операции.

иностранные инвесторы, однако у любого акционера не могло быть больше десяти акций.

Правление компании находилось в Виннице, а в Херсоне приобрели дом под склад продукции — в основном зерна, которое компания закупала на территории Правобережной Украины⁹¹⁵. Там же, в Херсоне, открыли польское консульство, чтобы обеспечить правовую защиту польских граждан, занимавшихся торговлей. Российские пошлины за польские товары в Херсоне не взимали, и для торговли были созданы все условия. Напомню, что Одесса была основана только в 1794 году, а зерно начало полноценно экспортироваться через её порт ещё позже, так что *Kompania Handlowa Polska* действительно стала первопроходцем.

Вначале компания использовала российские корабли, но потом приобрела на деньги Прота Потоцкого шесть собственных судов с международными экипажами (среди них были корабли с названиями «Украина», «Польша», «Подолье», «Святой Михаил» и др.)⁹¹⁶, перевозивших зерно во французский Марсель, египетскую Александрию, испанскую Барселону и другие порты Средиземного моря. Летом 1783 года в Марсель отправился первый гружёный зерном корабль — «Украина». «Так именно эта компания начала новую эпоху, когда в самых удалённых портах, в Александрии, Марселе и Байонне узнали об Украине, Польше, Подолье»⁹¹⁷, — писал Валериан Дзедушицкий.

А 22 февраля 1784 года императрица Екатерина II издала манифест, по которому Херсону давался особый статус, благоприятный для торговли. Главным инициатором этого был всё тот же марсельский купец барон Антуан, открывший в Херсоне свой торговый дом и решивший обогатиться в этом городе. Антуан вёл переговоры не только с российскими властями, но и с польскими, обращаясь

⁹¹⁵ Императрица Екатерина II разрешила компании использовать российский порт Херсон и поднимать на кораблях компании российский флаг — ведь по договору с Турцией через Босфор в Средиземное море могли проходить только российский и австрийские корабли.

⁹¹⁶ «Ukraina», «Polska», «Święty Michał», «Podole», «Jampol», «Święty Prot» (Dobrowolski M. *Kompania Handlowa Polska* / M. Dobrowolski // *Puls Biznesu*. — 2015. 03.18. — <https://www.pb.pl>).

⁹¹⁷ Сапожников І. Подорож Дністром до Аккермана графа Валеріана Дзедушицького 1785 року / І. Сапожников, С. Аргатюк, В. Левчук // *Південний Захід*. Одеська. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 26. — Одеса: Друкарський дім, 2019. — С. 53.

в комиссию Коронного Скарба с предложением о сотрудничестве⁹¹⁸.

В Петербурге деятельность Антуана, и особенно перспективы развития нового порта в Херсоне, вызывали всё больший интерес. В октябре 1784 года генерал-губернатор Григорий Потёмкин подал императрице докладную записку об организации польской транзитной торговли через Херсон. Потёмкин подчёркивал, что Польша заинтересована в Херсоне из-за проблем с доступом к балтийским портам и такая транзитная торговля увеличит приток денег в новый порт, да и во всё Екатеринославское наместничество (как тогда назывался этот край). В ноябре 1784 года более подробную записку на ту же тему подаёт императрице президент Коммерц-коллегии Александр Воронцов.

Подобных проектов было немало с начала 1780-х годов, среди них и проект барона Антуана. Все они попадали на стол к Потёмкину, так что тема торговли через Херсон уже обсуждалась не раз. Если бы не основание Одессы с её более удобной гаванью, то, может, и Херсон стал бы «южной столицей» со всеми вытекающими последствиями. Но, как говорят в таких случаях, история распорядилась по-своему, и с начала XIX века внимание переключается на Одесский порт.

Не только зерно

Францию интересовало не только украинское зерно, но и товар стратегический — корабельные сосны, крепкие, прямые и длиной более 30 метров. В эпоху парусного флота, в том числе военного, от качества мачт зависело очень многое — если их ломал ветер, корабль был обречён. Во Франции такие сосны не росли и были большим дефицитом. Нужно было строить новые и новые корабли, и цена одной мачты выросла в XVIII веке в три раза. Англичане, главные враги и конкуренты французов, везли корабельные сосны из своих колоний в Северной Америке и ничего за них не платили, а французам приходилось покупать их в странах Балтии у рижских купцов, постоянно повышавших цену.

⁹¹⁸ Княжевич М. Проект поліпшення торгівлі на Україні, 1784 р. / М. Княжевич // Записки наукового товариства ім. Шевченка. — 1897. Т. 18. Кн. 4. — С. 1–8.

Так родился план экспортировать корабельные сосны из Галичины через Чёрное море — операция «Херсонская миссия», о которой сохранилось много документов в архивах французского военно-морского флота. В 1784 году в Херсон был отправлен секретный агент, который должен был выдавать себя за торговца, занимающегося древесиной. Подходящие корабельные сосны росли в имениях князя Станислава Понятовского, который и раньше регулярно отправлял их рижским купцам. С ним был заключён контракт на полторы сотни мачт по 16 дукатов за каждую, а посредником в этой сделке выступал Антуан, хотевший на этом неплохо заработать.

Однако вскоре начались сложности. Понятовский стал торговаться и повышать цену — он хорошо знал, что в Риге такие мачты стоят гораздо дороже. В итоге был подписан контракт на поставку 60 мачт, хотя это было не то, на что рассчитывала французская сторона, начавшая переговоры о 300 мачт и потом согласившаяся на 150. Кроме того, черноморский путь для экспорта корабельных сосен оказался очень ненадёжным из-за угрозы новой войны с Турцией. После отправки двух партий мачт «херсонская миссия» и закончилась без особого успеха⁹¹⁹.

А мачты продолжали экспортировать через Гданьск. «Крупнейшими торговцами корабельной древесиной ныне являются Йозеф Мендель из Казимира и Моисей Пинкес из Львова», — писал австриец Йозеф Рорер, путешествовавший по Галичине в 1803 году. «Из галицких евреев, занимающихся торговлей мачтами... познакомился только с Исааком Гершем из свободного города Броды... недалеко от этого пограничного города на российской территории в городе Берестечко находится обычно корабельный капитан с несколькими матросами, которые также неплохо разбираются в изготовлении мачт и умеют выбирать дерево для них... Почти все эти люди родом из Риги»⁹²⁰.

⁹¹⁹ Daszkiewicz P. W poszukiwaniu sosny masztowej: „Misja Chersońska”, szpiegowska operacja wywiadu kryła Francji w lasach Rzeczypospolitej w świetle dokumentów z paryskiego archiwum marynarki / P. Daszkiewicz, J. Oleksyn. — <https://www.researchgate.net>

⁹²⁰ Йозеф Рорер об экспорте зерна и древесины из Галичины в 1803 году. — <https://ports.ua>

Граф Прот

В 1785 году руководителем херсонской компании был назначен один из её соучредителей, граф Прот — 24-летний Антоний Протасий Потоцкий (1761–1801). Акционеры (среди которых был и король Станислав Понятовский) понимали, что «хорошее управление важно для интересов компании», поэтому «они оказали особую благосклонность к Проту Потоцкому» и доверили ему «управление деловыми интересами и самостоятельное ведение дел»⁹²¹, — писал современник, граф Валериан Дзедушицкий.

Судьбу Прота не назовёшь ординарной. Единственный сын графа Яна Потоцкого (умершего в 1862 году, вскоре после рождения сына), он унаследовал от отца обширные земельные владения и немалые капиталы. Антоний получил хорошее образование в Польше и ещё в ранней юности, в 1774 году, в Кракове познакомился с бывшим иезуитом тридцатилетним Михаилом Оссовским (1743–1797), ставшим советником Антония на всю жизнь. В 1776 году Потоцкий вместе с Оссовским отправляется в путешествие по Европе, где кроме всего прочего изучает под руководством своего нового друга организацию промышленных предприятий.

Прот Потоцкий «возвратился из-за границы в 1783 году, образованный, умный и талантливый, с особенною страстью к торговым оборотам. Последнюю склонность в нём поддерживал и его гувернёр и ментор — ксёндз Оссовский. После отца ему досталось поистине магнатское состояние: огромное имение без гроша долгу и шесть миллионов в голландском банке. Он сейчас же... вошёл в компанию с банкирами Кабри, Теппером и Шульцем»⁹²².

Первым крупным проектом стала для него херсонская компания (*Kompania Handlowa Polska*)⁹²³. Граф, молодой

⁹²¹ Сапожников І. Подорож Дністром до Аккермана графа Валеріана Дзедушицького 1785 року / І. Сапожников, С. Аргатюк, В. Левчук // Південний Захід. Одеска. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 26. — Одеса: Друкарський дім, 2019. — С. 54.

⁹²² Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1874. — С. 241.

⁹²³ Говорили, что мысль о создании компании подал Оссовский (Статистическое описание Киевской губернии: В 3 т. Т. III. — СПб., 1852. — С. 325).

и энергичный предприниматель, умело повёл дела. В Херсоне он основал торговый дом «Антоний Прот Потоцкий»⁹²⁴ и банкирскую контору, а в Ямполе возле Винницы купил землю и распорядился построить там склады для зерна. Правда, Потоцкому пришлось вложить в это свои капиталы, унаследованные от отца, — 6 млн злотых. На эти деньги покупались корабли, да и вообще разворачивалась вся деятельность компании. А Михаил Оссовский, получивший опыт международной торговли во время своей жизни в Гданьске, поселился в Херсоне и руководил оттуда отправкой зерна.

Потоцкий, влиятельный аристократ, убеждал других магнатов не продавать зерно через Гданьск, а воспользоваться новым путем через Херсон. Видимо, к словам Антония прислушались, и за несколько лет Потоцкий заработал на черноморской торговле в общей сложности более 60 млн злотых — в десять раз больше, чем он вложил в этот проект. А король наградил его за успехи орденом Св. Станислава.

Всё складывалось вроде бы неплохо для нового торгового пути — объём экспорта зерна через Гданьск заметно сократился, а цены на зерно стали расти. Однако были трудности с доставкой зерна в порт. Дороги на территории Правобережной Украины были плохими, а везти зерно по рекам на юг тоже было труднее, чем по Висле — пороги были не только на Днестре, но и на Днестре. А в Средиземном море постоянно существовала угроза со стороны арабских пиратов. Но главной проблемой были напряжённые российско-турецкие отношения — новая война могла вспыхнуть в любой момент.

И она таки началась в августе 1787 году⁹²⁵, спутав все планы графа Прота — отправлять торговые суда по Чёрному морю возможности уже не было. По сути, деятельность компании на этом закончилась. Её корабли стал использовать российский военный флот, а торговый дом «Прот Потоцкий» занимался снабжением продовольствием российских войск.

⁹²⁴ В 1784 году в Херсоне кроме компании Потоцкого были ещё две купеческие конторы — французская «Антуан и К.» и австрийская «Фабр и К.» (Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времён до 1852 года / М. Вольский. — Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1854. — С. 58–59).

⁹²⁵ Очередная русско-турецкая война длилась до 1791 года.

Зерно продолжали экспортировать через Гданьск⁹²⁶ несмотря на повышенные пошлины — другого пути пока не было. А граф Прот переключился на созданный им банкирский дом в Варшаве (с филиалом в Махновке), который занимался и зерновыми сделками на «контрактах» в Дубно⁹²⁷.

В то время в Польше банкирские дома и конторы работали не только в Варшаве, но и в Кракове, Познани и других городах. Все кредиты, финансирование торговых операций, покупка и продажа имений проходили через них. Однако крупнейшие банкирские дома были в столице. К началу 1790-х годов пять варшавских банкиров (Петер Теппер, Прот Потоцкий, Кароль Шульц, Фредерик Кабрит, Мацей Лышкевич, Ян Давид Гейзлер) со своими приватными банкирскими домами, связанными с итальянскими и голландскими банками, сосредоточили у себя в руках огромные капиталы — 180 млн злотых, в то время как в государственном бюджете сохранялся устойчивый дефицит около 24 млн злотых⁹²⁸.

Потоцкий не только занимался делами своей банкирской конторы, но и открыл в Варшаве магазин колониальных товаров. Однако наибольшую деятельность он развил в Махновке, расширяя и модернизируя созданные в своём имении фабрики. Граф Прот, наверное, первым из польских аристократов стал настоящим предпринимателем, занимаясь финансовыми операциями, торговлей и промышленностью.

Для польской шляхты, славившейся своим гонором и капризным своеволием (которое они считали свободой),

⁹²⁶ «Вспомните только о большом количестве пшеницы, ежегодно вывозимой из Гданьска, — писал австрийский путешественник в 1803 году, — ...и не менее внушительном вывозе полотна, соды, древесины и т. п. Один оптовый торговец, господин фон Келлерман, уже много раз за один год отправляет по 20 тысяч тонн пшеницы в Гданьск. У него есть посредники-иудеи во многих округах и в одном только Перемышлянском округе велит покупать иногда 5 тысяч тонн, если там выдаётся хороший урожай» (Йозеф Рорер об экспорте зерна и древесины из Галичины в 1803 году. — <https://ports.ua>).

⁹²⁷ До 1774 года «контракты» проводились во Львове, а в 1797 году они были перенесены из Дубно в Киев.

⁹²⁸ Крупнейшим банкиром стал Петер Фергюсон-Теппер (1713–1794), предки которого происходили из Шотландии. Теппер был главным кредитором короля Станислава Августа Понятовского (в 1793 году долг короля Тепперу достиг 11 млн злотых). Его банкирский дом имел партнёров в Голландии, Италии и Российской империи, проводя крупные международные финансовые операции, а в круг клиентов входили польские и русские аристократы. В 1791 году капиталы Теппера составляли 65 млн злотых, а символом его богатства и влияния стал роскошный дворец в Варшаве.

такая деятельность вообще была несвойственной. Шляхтич XVIII века скорее пропил бы деньги или проиграл в карты, чем вложил в бизнес, который он считал недостойным для себя занятием. По словам саксонского министра Эссена, «ни купец, ни дворянин не в силах истребовать от польского магната денежной уплаты... У поляков хотя и введено вексельное право, но польский дворянин разрывает вексель, представленный ему купцом для уплаты, а правосудие не преследует таких должников и не заботится о тех, которых они разоряют»⁹²⁹.

В Махновке Потоцкий основал суконную и мебельную фабрики, а также предприятие по производству одеял и шляп. Была в Махновке даже небольшая типография, а для работников своих предприятий Потоцкий открыл больницу и аптеку. Граф часто устраивал ярмарки, куда съезжалось много купцов и можно было услышать самые разные языки. Махновку называли «малой Варшавой» и «каменной Махновкой», так как Потоцкий построил там несколько каменных зданий. Земель у графа хватало, и он поселил недалеко от Махновки голландских колонистов, завёл там породистых коров и таких же породистых испанских овец. Судя по всему, предпринимательский энтузиазм просто кипел у молодого графа — ему тогда было меньше тридцати лет. Бурная хозяйственная деятельность началась и в других его имениях, за что король Станислав Август наградил Прота орденом Белого Орла — высшей польской наградой.

В конце 1780-х Антоний Потоцкий женился на знаменитой красавице Марианне Любомирской (1773–1810), дочери российского генерал-лейтенанта Каспера Любомирского, ещё больше увеличив своё богатство благодаря этому браку. Трудно сказать, был ли это брак ради умножения капиталов или по любви и страсти — возможно, в нём соединялось и то и другое. Ведь Антония трудно назвать красавцем (его портрет легко найти в Интернете), а Марианна, прожившая недолгую, но бурную жизнь, пользовалась большим успехом у мужчин. Так что граф Прот её, скорее всего, действительно любил. В 1790 году родился их единственный ребёнок, дочь Эмилия, но брак длился недолго. В 1792 году Марианна познакомилась на балу в Варшаве с молодым красавцем, российским графом Валерианом Зубовым (1771–1804), и не дожидаясь развода ушла к нему.

⁹²⁹ Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. — М.: Directmedia, 2013 — С. 133.

За одной неприятностью, свалившейся неожиданно на Антония, вскоре последовала другая — в 1793 году произошёл второй раздел Польши⁹³⁰, и вкладчики бросились забирать свои деньги в банкирских конторах. В начале 1793 года после проведения «контрактов» в Дубно многие польские помещики как раз вложили полученные от продажи зерна деньги в эти банкирские дома. Такая практика считалась обычной, как и получение на «контрактах» кредита⁹³¹.

Ещё в январе 1787 года Григорий Потёмкин купил у князя Ксаверия Любомирского его имения за 3 млн рублей (20 млн злотых), из них два миллиона рублей серебром (причём в монетах новой чеканки, т. е. не испорченных обрезкой) оказались на контрактowych ярмарках в Дубно. Такой массовый прилив денег привёл к изменению всех цен, в том числе и процентов за кредит. Если до этой сделки обычным считались 8–9 %, а сто килограмм ржи стоили два злотых, то теперь проценты упали до 5–6 %, а цена на зерно резко выросла до 30 злотых — оно уходило для снабжения стотысячной российской армии, стоявшей на Дунае. Наступили годы обилия свободных капиталов, но и (как обычно в таких случаях бывает) — рискованных сделок, неминуемо готовящих почву для кризиса. «Это время — денежное и удобное для оборо-

⁹³⁰ А в 1795-м — третий, после чего независимое польское государство перестало существовать.

⁹³¹ На «контрактах» в Дубно весь кредит раньше держал в своих руках подскарбий (министр финансов) князь Адам Понинский, однако после его банкротства в 1782 году дела стали переходить в руки Прота Потоцкого. По словам современника, если в начале работы контрактowych ярмарок в Дубно (они были там с 1774 по 1797 год) все дела «обделывались у подскарбия», то «кредит Понинского под конец контрактов начал уже колебаться». Так «упал этот громадный колосс, или, лучше сказать, гигантская машина», заправлявшая всеми финансовыми делами Речи Посполитой. «Игрой своей и упадком Понинский разорил многих. С этих пор все важные дела... перешли к Проту Потоцкому» (Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874. — С. 34–35). В 1784 году началась процедура банкротства Понинского. «В законе слишком неясно и глухо было сказано о ликвидации, особенно в конституции 1588 года. В практике это была почти неслыханная вещь; ничего подобного никогда не случалось». Обычно шляхта, «землевладельцы, наследовавшие имения от предков, никогда не делали больших долгов на имения». Если кто-то из шляхтичей «погулял за границей... то он продавал одну-две вотчины и честно расплачивался с кредитором; жить в кредит было неслыханное дело. Вотличие от подскарбия Понинского, погрузившегося в финансовую игру, у которого «долги превышали капитал» и достигали «20 миллионов злотых» (Там же, с. 37–38).

тов, положило начало тех больших состояний, которые впоследствии приобрело украинское дворянство, до тех пор занимавшееся только службой при дворах магнатов»⁹³².

Когда после второго раздела Польши в 1793 году началась общая паника, а за ней и банковский кризис⁹³³, нетрудно догадаться к чему это привело — к тому же, что не раз бывало всегда и везде. Банкирские дома не могли сразу вернуть пущенные в оборот деньги и разорились. «Банкротство нескольких банкиров временно приостановило денежные обороты, и в крае сказывался недостаток капиталов»⁹³⁴. Комиссия из 22 человек начала выяснять обстоятельства этого коллективного банкротства, проводить опись активов банкиров и уточнять суммы их долгов. Однако самим банкирам это уже ничем не могло помочь, и в 1797 году «контракты» перенесли из Дубно в Киев.

А финансовые проекты Потоцкого, как и других банкиров, потерпели полный крах. Первым обанкротился банкирский дом Петера Теппера, от поддержки которого зависел Потоцкий. Потом пришёл черёд и самого графа Прота — он взял крупные кредиты, а когда кредиторы потребовали оплатить векселя, не смог этого сделать — у него не было на руках денег, они были вложены в дело. Так Потоцкому пришлось объявить себя банкротом — другого выхода у него не оставалось. И хотя он доказывал, что стоимость его имущества намного больше, чем сумма долгов, и можно постепенно эти долги погасить, ему пришлось отдать кредиторам часть своих имений.

Сказать, что банкротство стало для Антония Потоцкого полным крахом, было бы неправдой. Ещё в 1791 году он купил себе за 15 тысяч червонных злотых (300 тысяч обычных)⁹³⁵ должность киевского воеводы⁹³⁶. А после второго раздела Польши в 1793 году Потоцкий присягнул на верность Рос-

⁹³² Там же, с. 132.

⁹³³ Подробнее о нём: Kowalczyk R. Tsunami finansowe w Europie XVIII wieku: Francja, Holandia, Prusy, Rzeczpospolita / R. Kowalczyk // Україна та Польща: минуле, сьогодення, перспективи. — 2012. — Т. 1. — С. 104–112.

⁹³⁴ Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874. — С. 40.

⁹³⁵ Курс червонного злотого постоянно менялся в зависимости от обстоятельств.

⁹³⁶ Резиденция воеводы (в Польше так называли сенатора) находилась в Житомире. А покупка таких должностей была тогда в Польше обычным делом и способом пополнять государственный бюджет за счёт капиталов магнатов.

сии, после чего в мае того же года стал тайным советником, а 5 февраля 1797 года — сенатором Российской империи.

Капиталы с Правобережья

Дальнейший бизнес Прота Потоцкого был связан с Одессой, где он считался одним из крупнейших торговцев зерном наряду с «Польским товариществом», основанным графом Северином Потоцким, Липковским и Ярошинским⁹³⁷. Первоначально «Польское товарищество» занималось зерновой торговлей в Херсоне, и руководил им Заблоцкий. После основания Одессы товарищество переместилось в этот новый порт, и со временем им стал руководить Прот Потоцкий.

В наступающем XIX веке многонациональному приморскому городу суждено было стать главным центром зерновой торговли. Производители зерна первые поверили в перспективы нового порта, через который должно было экспортироваться зерно. После второго и третьего разделов Польши (в 1793 и 1795 годах) многим полякам пришлось переселиться в Одессу — новый город давал им новый шанс.

На Польской улице «в первые годы после основания Одессы... жило много польских магнатов. Поляки сыграли очень крупную роль в деле развития внешней торговли нашего города. Привлѣк их в Одессу... Феликс де Рибас», брат основателя Одессы Иосифа де Рибаса. После окончания войны 1792 года за раздел Польши де Рибас, офицер российской армии, долго жил в Подолье, где много общался с Феликсом Потоцким, а также с Собаньским, Ржевусским, Маньковским и другими земельными магнатами. Вернувшись в Одессу к своему брату Иосифу, Феликс «указал ему на возможность установления торговых сношений с польскими помещиками из Подолии и Волыни». Вскоре приехали в Одессу и помещики, «за которыми потянулись возы с пшеницей и водкой. Прежде подольские продукты направлялись для заграничного экспорта на север... а теперь они пошли на Одессу». «Главным руководителем польских торговых сношений с Одессой был граф Прот Потоцкий, последний киевский воевода, директор так называемого “Польского товарищества”. Особенно уси-

⁹³⁷ Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793–1823 / А. А. Скальковский. — Одесса: Городская типография, 1837. — С. 110.

лились эти сношения, когда граф перенёс главное бюро этого товарищества из Херсона в Одессу». Однако «ещё до Прота Потоцкого в Одессу прибыли и здесь остались князь Любомирский, В. Чарторыйский, графы Иван, Северин и Викентий Потоцкие, ... Собаньские, Маньковские» и многие другие, поселившиеся на Польский улице. «Сюда, к их домам, съезжались чумацкие возы. Прот Потоцкий установил первый перевозку грузов пшеницы с Днепра через Маяки в Одессу. По случаю прибытия первого транспорта был устроен роскошный обед, на котором присутствовал герцог Ришелье. Гости сидели вместо кресел на мешках пшеницы»⁹³⁸.

Пытался заниматься зерновой торговлей и волынский шляхтич Ян Охотский, автор красочных и подробных воспоминаний. «В бытность мою в Одессе... я присмотрелся к тамошним торговым оборотам с пшеницей, и мне захотелось попробовать счастья. На следующий (1804) год я скупил три тысячи корцев⁹³⁹ пшеницы по девять злотых за корец, нанял чумаков по семь злотых за доставку в Одессу с каждого корца и отправил транспорт... 6 декабря». Но дальше Охотскому не повезло, возы застряли в грязи, начались затяжные дожди, зерно подмокло и утратило качество. В Одессе его никто не хотел покупать. Пришлось нанимать помещение, сушить и провеивать зерно. «На моё счастье из Марселя прибыл корабль. И оказалось, что в магазинах Одессы нет в наличности потребного количества пшеницы для загрузки корабля». Зерно удалось продать и даже получить 4 % прибыли на вложенный капитал. Однако, вспоминая все хлопоты, «я решил больше не браться за подобные предприятия»⁹⁴⁰.

После того как многие поляки приняли участие в неудавшемся восстании 1830–1831 гг., они лишились всего. Кто-то успел эмигрировать, других сослали в Сибирь. Живший в Одессе Иероним (Александр) Собаньский⁹⁴¹ (1781–1845),

⁹³⁸ Дерибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 310–312.

⁹³⁹ 300 тонн.

⁹⁴⁰ Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 2. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874. — С. 57–58.

⁹⁴¹ Собаньский был известен и тем, что его жена, знаменитая красавица Каролина, открыла в Одессе свой светский салон и была в центре клубной жизни южного города. Говорят, когда Пушкин видел Каролину, он начинал сильно волноваться. Впрочем, поэт начинал волноваться при виде многих женщин — это известно.

купец первой гильдии с 1828 года, бежал в Швейцарию, а его обширные хлебные склады конфисковали и передали военным («Сабанские казармы» по улице Канатной). Впрочем, два сына Собаньского, родившиеся в Швейцарии, со временем вернулись в Одессу. А сам Собаньский закончил свой жизненный путь в Умани.

Был среди других искателей удачи и подольский зернотрейдер магнат Игнаций Маньковский (1739–1810). В многочисленных имениях Маньковских собирали хороший урожай зерна, экспортом которого занялся в Одессе один из внуков Игнация — Теодор Маньковский (1816–1855). Вместе с компаньоном Владиславом Браницким они нанимали корабли и отправляли зерно в Марсель, сильно обогатившись на этом.

Однако конкуренция в Одессе быстро усиливалась, и в 1847 году Теодор Маньковский решил выйти на новый уровень, переселившись в Лондон. Там он открыл на Треднидл-стрит «комиссионную контору» по торговле зерном «Теодор Маньковский и К». Его компаньонами стали Марсель Любомирский и Александр Маковский. Фирма являлась посредником по торговле не только зерном, но и другой сельскохозяйственной продукцией из имений на Подолье и в Киевской губернии. Там интересы Теодора представляли его младшие братья Вацлав и Эмерик. Кроме того, Вацлав Маньковский в 1870-е годы владел в Одессе «хлебно-комиссионной конторой», расположенной в Театральном переулке и продававшей через Одесский порт сельскохозяйственную продукцию из имений польских помещиков⁹⁴².

Впрочем, в те времена в Одессе в экспорте зерна уже лидировали новые имена — Родоканаки, Эфрусси, Рафаловичи и другие. Их успехи заслонили собой память о поляках — первопроходцах в зерновой торговле.

⁹⁴² Маньковский А. Поляки с Бейкер-стрит в доме Боффо / А. Маньковский, С. Котелко // Одесский альманах. — 2019. — № 78. — С. 55–60.

Глава 2.

«ГОРОД МЕЧТЫ»

Под знаком Леванта

Одесса, этот «город мечты» — мечты о вольном торговом порте на берегу моря, куда стекались бы потоки людей, товаров и капиталов, — стала в начале XIX века главными южными морскими воротами. «Край наш является частью греческого прекрасного мира» — поэтично начинается книга «Столетие Одессы»⁹⁴³. Когда-то давно древние греки создавали на черноморских берегах свои колонии, чтобы скупать зерно скифов, и вот теперь история, образно говоря, снова повторялась. На месте Одессы была древнегреческая колония Одиссос, названная так по имени легендарного мореплавателя Одиссея. Потом, спустя века, во времена Великого княжества Литовского, там появилась крепость Кацубей, построенная шляхтичем Кацубой-Якушинским, владевшим местечком Якушиным на Буге. Крепость эта существовала недолго, и на её месте турки построили в 1764 году свою крепость — Хаджибей.

Турецкую крепость захватил в 1789 году отряд российских войск под командованием Иосифа де Рибаса⁹⁴⁴,

⁹⁴³ Федоров И. Столетие Одессы / И. Федоров. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1894. — С. 3.

⁹⁴⁴ Основатель Одессы Хосе де Рибас (1751–1800) поступил на российскую службу, приехав из Неаполя. Его отец был испанским дворянином, мать родилась в Ирландии в аристократической семье. В России он участвовал в русско-турецких войнах и, наконец, стал адмиралом.

и тогда возникла идея построить там портовый город. Де Рибас предложил императрице Екатерине II назвать город «Одиссос», однако царица предпочла женское имя — Одесса, так что основанный в сентябре 1794 года новый порт всё равно был назван в честь Одиссея.

С самого начала город решили сделать открытым для иностранцев, надеясь, что появление нового порта на Чёрном море приведёт к тому, что царская империя станет посредником в торговле между Азией и Европой, «чтобы одна рука её касалась Востока, другая Запада»⁹⁴⁵.

«С давних времён появились там и чумаки», — писал Александр Дерибас. Они «установили свою связь с Одессой еще до основания её, когда они снабжали в турецкую войну Потёмкинские войска». До основания города поселились там и запорожцы. «В 1775 году запорожцы разделились на оставшихся... из которых было сформировано войско черноморских казаков, и на перешедших в турецкое подданство. Эти последние... поселились под защитой турок... и многие из них оказались под стенами Хаджибея»⁹⁴⁶. «Нашлись такие удалцы, которые стали скрываться от всякого начальства в диких тогда степях, окружавших северное побережье Чёрного моря... А где было селение, хотя бы басурманское, там эти казаки находили себе приют в его окрестностях, не сшиваясь с туземными жителями и не служа никому. Одним из таких селений... была татарская деревушка возле турецкой крепости Хаджибей»⁹⁴⁷.

⁹⁴⁵ Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности / И. М. Кулишер. — Челябинск: Социум, 2003. — С. 247–248.

⁹⁴⁶ Де Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. де Рибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 2. Чумаки «шли сюда целыми обозами через почти непроходимые тогда Новороссийские степи, подвергаясь опасности нападения на них со стороны кочевых разбойников... Начальство, чтобы помочь чумакам, предлагало им военную охрану в пути, но хитроумные чумаки наотрез отказывались от этой охраны, объясняя это так: нападут ли еще разбойники — это неизвестно, а что ваши солдаты всё наше сало поедят — это несомненно» (Там же, с. 357–358). Александр де Рибас (Дерибас) (1856–1937) — одесский журналист и краевед, внучатый племянник основателя города адмирала Иосифа де Рибаса, автор около 60 статей в одесских газетах о прошлом «южной столицы».

⁹⁴⁷ «Вольнолюбивые казаки устроились на некотором расстоянии от селения на так называемых Усатовых и Нерубайских (по имени первых пришельцев-запорожцев) хуторах» (Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас // Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. — Одесса; М.: Локид Премимум; Локид-пресс, 2009. — С. 329).

Вольный дух космополитического приморского города привлекал многих современников. «Род общественной жизни в Одессе мне очень понравился, я привязался к этому краю и по вольному быту моему в оном, и по занятиям по устройству хозяйства», — писал декабрист Сергей Волконский, бывавший в 1810-е годы в Одессе, где «общество не было стеснено аристократическими замашками»⁹⁴⁸.

Одесса сильно «отличалась от провинциальных городов империи, приближаясь к типу западных, в частности, итальянских портов. Характерные итальянские постройки с колоннами по всему фасаду, толпы народа на улицах, итальянские надписи на домах и вывесках подтверждали мнение», что нигде «не было столько европеизма... как в этом южном дешёвом и привольном городе. Если европейский воздух Одессы очаровывал сердце русского либерала, то европейца влекла сюда прелесть и новизна странного смешения Запада с Востоком»⁹⁴⁹, — писала Доротея Атлас в 1913 году в своей книге о старой Одессе.

Удивительно, как такой вольный город вообще мог появиться в авторитарной Российской империи, где свобода веками подавлялась и считалась не только ненужной, но и вредной для народа и государства. И дело не в одной лишь экономической свободе, свободе торговли, а и в свободе личной, которая в Одессе всегда ощущалась больше, чем в других городах⁹⁵⁰. «В ней можно услышать всевозможные языки», и даже жители Петербурга «предпочитают этот город, где они наслаждаются большей свободой»⁹⁵¹.

Населённая греками, итальянцами и другими эмигрантами Одесса стала передовым форпостом средиземноморского мира (его в старину называли Левантом) на южных окраинах огромной царской империи. Недаром Одесса так отличалась

⁹⁴⁸ Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / С. Г. Волконский. — СПб.: Синодальная типография, 1902. — С. 400.

⁹⁴⁹ Атлас Д. Старая Одесса, её друзья и недруги / Д. Атлас. — М.: Ласми, 1992. — С. 97.

⁹⁵⁰ «Одесса не знала суровости крепостного права. Бежавшие из дальних губерний крестьяне получали здесь права вольных жителей. Казаки, запорожцы, солдаты, матросы, оставшиеся на жительство в Одессе — все были вольные» (Де Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. де Рибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 70).

⁹⁵¹ De Hell X. H. Travels in the Steppes of the Caspian Sea / X. H. De Hell. — L.: Chapman & Hall, 1847. — P. 7. Французский инженер Ксавье Омер де Гелль посетил Одессу в конце 1830-х годов.

от других городов империи, далёкой от солнечного Средиземноморья и географически, и по своему имперскому духу самодержавия.

«Город-пристань, город-биржа... Я с любопытством... всматривался в типы левантинцев... Всё это более или менее бродячее население, плавающее и ныряющее во всех морях... чтобы отыскать, где поглубже, где получше. Приехал, пожил, сделал дело, и опять навесил паруса, повернул нос по ветру, опять куда-нибудь... Сегодня в Одессе, завтра в Батуми, в Смирне, в Бейруте, в Александрии. Сегодня русский, завтра турок или египтянин. Оттого-то все левантинцы... говорят и по-французски, и по-итальянски, и по-русски, и по-гречески, и по-турецки»⁹⁵².

Екатерина II была, конечно, сторонником «просвещённой» монархии в отличие от некоторых последующих реакционных императоров, но вряд ли таким был её замысел в отношении свободы в Одессе. Скорее всего, правительство империи хотело быстрее стимулировать развитие торговли в новом городе, а всё остальное получилось как-то само собой. Но даже и в таком случае заслуга царских властей в том, что они не очень сильно вмешивались в жизнь Одессы, здраво рассудив, что если торговля через этот порт приносит хорошую прибыль, то лучше не создавать лишние препятствия. Как бы там ни было, экономически этот проект оказался весьма удачным.

Благоприятные условия для торговли и космополитизм этого нового экономического центра, в котором смешались разные народы и обычаи⁹⁵³, сделали его привлекательным для многих — и предпринимателей, и всевозможных авантюристов. «Неведомые проходимцы, тёмные искатели приключений, бродяги без роду и племени горячо полюбили вырастающий на их глазах город». Они тоже «всеми силами способствовали процветанию Одессы и гордились её успехами»⁹⁵⁴.

⁹⁵² Марков Е. Европейский Восток / Е. Марков // Вестник Европы. — 1886. — Т. 118, № 3. — С. 118–119.

⁹⁵³ «Город Одесса строился как Вавилонская башня. Но, хотя строители говорили на разных языках, они прекрасно понимали друг друга» (Де Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. де Рибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 75).

⁹⁵⁴ Атлас Д. Старая Одесса, её друзья и недруги / Д. Атлас. — М.: Ласми, 1992. — С. 13.

Быстро растущий город, как «истинный оазис посреди окружающей его огромной степи, образует великолепную панораму дворцов, церквей, гостиниц, домов, построенных на крутом обрыве морского берега»⁹⁵⁵. Добавляло красоты и живописности Одессе «её прежнее море. Говорю “прежнее”, потому что нынче одесситы почти не видят своего моря и очень мало им любят. Порт... не был так загромождён неуклюжими и грязными пароходами, как теперь. Лёгкие корабли на далёком рейде, белеющие паруса»⁹⁵⁶.

В начале XIX века, когда торговое значение города ещё не стало очевидным, многие считали, «что Одесса создана и возвышена насильно... что в ней пользы? Как скоро выросла, так скоро и упадёт»⁹⁵⁷. Среди противников возвышения нового южного порта был даже император Павел I (правил в 1796–1801 г.), взойшедший на престол после смерти Екатерины II. Финансирование Одессы сильно сократилось, и город переживал тяжёлые времена. А Иосифа де Рибаса злые языки обвиняли в том, что он сильно обогатился за счёт казны в начале застройки города⁹⁵⁸. К счастью для Одессы, Павел правил недолго, а его преемник Александр I (правил с 1801 по 1825 г.) видел у нового портового города большое будущее и не жалел денег на его нужды.

«С каждою весною... строения покрывают дикую землю, а корабли разных народов — рейд»; торговля нового города «простирается до 6 миллионов рублей»⁹⁵⁹ — ведь «торговля, а особенно вывозная, составляла собой наиболее важный и чуть ли не единственный жизненный нерв Одессы»⁹⁶⁰.

Торговля действительно шла бойко, и верным признаком этого стало то, что «особенно хорошо раскупались

⁹⁵⁵ Верн Ж. Упрямец Керабан. Север против Юга / Ж. Верн. — СПб.: Logos, 2001. — <http://scilib-fiction.narod.ru>

⁹⁵⁶ Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас // Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. — Одесса; М.: Локид Премиум; Локид-пресс, 2009. — С. 328.

⁹⁵⁷ Скальковский А. Опыт о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — Одесса: В городской типографии, 1839. — С. 6–7.

⁹⁵⁸ Распространялись слухи (скорее всего, ложные), что де Рибас присваивал по полмиллиона рублей в год. Подробнее см.: Атлас Д. Старая Одесса, её друзья и недруги / Д. Атлас. — М.: Ласми, 1992. — С. 23.

⁹⁵⁹ Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. Т. 2. Ч. 2. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1808. — С. 298.

⁹⁶⁰ Лернер О. М. Одесская старина. Исторические очерки / О. М. Лернер. — Одесса: Тип. Г. М. Левинсон, 1902. — С. 5.

большие, обитые железными обручами сундуки» для хранения денег, «разукрашенные намалёванными красными, жёлтыми, синими розами»⁹⁶¹. «Торговля Одессы начала удивительно быстро развиваться благодаря мерам, принятым Ришелье⁹⁶² и его репутации в коммерческом мире. Началось судоходство по Днестру и доставка... леса. Кроме хлеба, английские корабли из Мальты и испанские из Магона брали в Одессе солонину, масло», а турецкие товары, «не имея возможности идти в Средиземное море, шли в Одессу, а отсюда уже сухим путём в Западную Европу»⁹⁶³. «Со времени появления Одессы сей город, обратя к себе всю торговлю, лишил Херсона славы и совершенно его унизил. Ныне небольшое только число греческих судов пристают к его берегам»⁹⁶⁴.

В 1814 году герцог Ришелье покинул столь любимую им Одессу и отбыл во Францию (того требовали обстоятельства), где стал министром иностранных дел. Его место занял граф Ланжерон, тоже француз по происхождению, переселившийся в царскую империю. Он старался продолжать экономическую политику своего предшественника, и при нём одесская торговля расцвела как никогда. В Европе как раз закончились наполеоновские войны, жизнь налаживалась, и потребность в зерне была очень велика. «С этого времени появились в Одессе солидные капиталисты и банкиры, начавшие строить прекрасные дома и громадные магазины⁹⁶⁵ для... пшеницы»⁹⁶⁶.

⁹⁶¹ «Сберегательных касс не было; каждый держал деньги у себя. Прежние одесские купцы... хранили свои сбережённые капиталы в серебре и золоте — в сундуках и мешочках» (Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. де Рибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 75).

⁹⁶² Герцог Арман де Ришелье (1766–1822) — французский аристократ, приглашённый на службу в Российскую империю. В 1804–1814 гг. губернатор Новороссии и Бессарабии, один из главных инициаторов превращения Одессы в свободный порт.

⁹⁶³ Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. — С. 31.

⁹⁶⁴ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / П. Сумароков. — М.: Университетская типография, 1800. — С. 24.

⁹⁶⁵ Так называли тогда зерновые склады.

⁹⁶⁶ В 1816 году через одесский порт экспортировали зерна на 33 млн рублей (а вместе с другими товарами — на 37 млн), в 1817 году — на 38 (и 40) млн рублей (Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / П. Сумароков. — М.: Университетская типография, 1800. — С. 33).

В первой половине XIX века в город стекались все, желавшие хорошо заработать. «Иностранцы, прибывшие в Одессу, за 5–10 лет наживали крупное состояние», хотя сам по себе город, славившийся тогда пылью в сухую погоду и грязью в дождливую, пока ещё «мало предоставлял удобств для жизни»⁹⁶⁷. Это и неудивительно — по сути, Одесса была огромным складом пшеницы, ждавшей погрузки на корабли. Площади заполняли чумацкие возы с зерном и множество волов, над которыми роились тучи мух, разлетавшихся по всему городу.

Впрочем, довольно быстро Одессу благоустроили и уже в конце 1830-х годов стали называть «южною столицею — по её обширности, красоте, богатству, по численности населения и по громадности торговых оборотов»⁹⁶⁸. «Перед нами был действительно европейский город, полный богатства, движения и веселья»⁹⁶⁹, — писал Ксавье де Гелль, посетивший Одессу в конце 1830-х годов.

«Теперь Одесса... обуた в превосходную гранитную мостовую, которой должен завидовать и сам щегольски прибранный августейший Петербург... Одета Одесса так, как не одет ни один из наших городов, да вряд ли и многие из европейских. Её широкие ровные улицы, перекрещивающие друг друга с геометрическою правильностью» обсажены все «тесными рядами тенистых курчавых акаций». Поэтому «весною город красуется и благоухает, как корзина цветов, а в летнее время злополучный горожанин может пробегать без зонтика целые десятки вёрст»⁹⁷⁰.

Старая Одесса через даль минувших лет и веков кажется живописным иностранным городом. Хотя на деле основное её население составляли не иностранцы, а переселенцы из царской империи (чиновники, купцы, рабочие⁹⁷¹). Иностран-

⁹⁶⁷ Там же, с. 42.

⁹⁶⁸ Невзоров А. Русские биржи. Вып. 1–2. Вып. 1: Отчёт о командировке во внутренние губернии России на летние месяцы 1896 года / Невзоров А. С. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1897. — С. 174.

⁹⁶⁹ De Hell X. H. Travels in the Steppes of the Caspian Sea / X. H. De Hell. — L.: Chapman & Hall, 1847. — P. 3.

⁹⁷⁰ Марков Е. Европейский Восток / Е. Марков // Вестник Европы. — 1886. — Т. 118, № 3. — С. 116–117.

⁹⁷¹ Международной торговлей в Одессе действительно руководили в основном иностранцы — поляки, греки, итальянцы, французы. А вот обширной внутренней торговлей, без которой город не смог бы существовать, занимались купцы из Российской империи.

цев по количеству было гораздо меньше, хотя именно они придавали «южной столице» её неповторимый средиземноморский колорит. Первые лица города — де Рибас, Ришелье, Ланжерон — тоже были иностранцами, и когда Одесса только начинала строиться, именно они направляли развитие этого свободного торгового порта, сделав его таким привлекательным.

«Прежняя Одесса была проста, ясна... живописна и жизнерадостна. Людей было мало, дела было много, люди работали сами, без посредников, и поэтому более нуждались друг в друге. Отсюда общий дух благожелательности и человеко-терпимости. Люди были самими собою, со всеми их национальными и бытовыми отличиями. Итальянец был итальянцем, русский — русским, грек — греком... Греки гордились тем, что Одесса греческого происхождения. Они составляли местную финансовую аристократию»⁹⁷².

«Можно много сказать хорошего об этом значительном и очаровательнейшем городе», в котором «легко жить, в котором ясно жить», — писал Исаак Бабель. «Половину населения... составляют евреи», и во многом «их усилиями создавалась та атмосфера лёгкости и ясности, которая окружает Одессу»⁹⁷³. Наверное, так и было — одесситу Бабелю виднее.

Эпоха порто-франко

«Одесса, как передовой пост на пути к Востоку», со дня своего основания была (с небольшим перерывом при императоре Павле) в центре внимания царского правительства, не жалевшего бюджетных денег на благоустройство города и порта. «В истории наших городов нет примеров такого быстрого...

⁹⁷² Большинство кораблей, «сновавших по Чёрному морю, принадлежали грекам». Да и большинство «лиц, промышлявших контрабандой, тоже из греков» (Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас // Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. — Одесса; М.: Локид Премиум; Локид-пресс, 2009. — С. 327).

⁹⁷³ «Одессит — противоположен петроградцу. Становится аксиомой, что одеситы хорошо устраиваются в Петрограде. Они зарабатывают деньги. Потому что они брюнеты — в них влюбляются мягкотелые и блондинистые дамы» — наверное, оттого что «эти брюнеты приносят с собой немного солнца и лёгкости» (Бабель И. Одесса / И. Бабель // Забытый Бабель: сборник малоизвестных произведений И. Бабеля. — М.: Ардис, 1979. — С. 48).

роста». За короткий период времени Одесса «заняла одно из первых мест не только по своему внешнему благоустройству... но и по величине торговых оборотов и количеству накопившихся в ней богатств. Став почти с первых ступеней своего развития некой Калифорнией, где с необычайной легкостью наживались богатства, она привлекла к себе искателей счастья со всех концов света»⁹⁷⁴.

«Одесса знала времена расцвета, знает времена увядания — поэтичного, чуть-чуть беззаботного и очень беспомощного увядания»⁹⁷⁵, но развитие города как центра международной торговли не прекращалось. «Порто-франко было установлено в Одессе ещё при графе Ланжероне... Не платя пошлины за заграничные товары, одесситы широко пользовались благами Востока и Запада. Всё в Одессе было баснословно дёшево. Люди с небольшими достатками пили лучшее французское вино, дамы одевались в индийские шали, мужчины курили настоящие гаванские сигары... Благодаря порто-франко все жители Одессы казались богачами»⁹⁷⁶.

«Магазины здешние, напоминающие лучшие петербургские... наполнены товарами всякого рода, потому что ныне Одесса — вольная пристань, следовательно, вы найдёте здесь... всё, что только вздумаете пожелать, и гораздо дешевле, чем где-нибудь в других городах»⁹⁷⁷.

«Как тут всё хорошо и недорого», особенно в «Английском магазине», где продавалось что угодно — «от самых дорогих тканей и тончайшего английского сукна до иголки». А Греческую улицу «можно назвать овощным рядом. Тут продают чай, сахар, кофе, какао, сухие фрукты», здесь же расположена и «большая часть винных погребов». Перед овощными лавками «сидят менялы со своим столиками, на которых стоят ящики с переплетённой проволокой крышкой... На Екатерининской улице магазины с турецкими и персидскими товарами; тут шёлковые, полушёлковые и бумажные ткани,

⁹⁷⁴ Федоров И. Столетие Одессы / И. Федоров. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1894. — С. 70–71.

⁹⁷⁵ Бабель И. Одесса / И. Бабель // Забытый Бабель: сборник малоизвестных произведений И. Бабея. — М.: Ардис, 1979. — С. 50.

⁹⁷⁶ Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас // Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. — Одесса; М.: Локид Премимум; Локид-пресс, 2009. — С. 328.

⁹⁷⁷ Всеволожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу / Н. С. Всеволожский. — В 2 т. Т. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1839. — С. 92.

трубки, чубуки, сигары и разные янтарные вещи... Думаю, трудно найти человека, самого прихотливого, который остался бы недоволен и не мог выполнить всех прихотей моды и роскоши в Одессе»⁹⁷⁸.

Режим порто-франко существовал в Одессе с 1817 по 1859 год, и за эти четыре десятилетия город превратился в один из мировых торговых центров. Именно благодаря беспошлинной торговле Одесса не только невероятно обогатилась, но и стала главным портом на юге империи. Из-за получения всех иностранных товаров без пошлины, они стоили в Одессе намного дешевле, что привлекало в город богатых людей со всей царской империи.

Создавая преимущества для международной торговли, режим порто-франко тормозил промышленное развитие Одессы, так как при вывозе любой промышленной продукции из Одессы в другие города её необходимо было облагать пошлиной так же, как иностранные товары. Понятно, что производить в Одессе что-либо, а потом везти его в соседние города было просто невыгодно. Поэтому, хотя первые мелкие промышленные предприятия в Одессе появились в самом начале XIX века⁹⁷⁹, крупным промышленным центром Одесса тогда не стала. А может быть, «южной столице» это было и не нужно — не в этом была судьба знаменитого вольного торгового города.

За годы беспошлинной торговли поток импортируемых товаров настолько увеличился, что таможня уже не могла с ним справиться, грузы часто шли без досмотра, а таможенники богатели на взятках купцов⁹⁸⁰. Всё чаще высказывалось мнение, что порто-франко пора отменить. Но тут началась Крымская война 1853–1856 годов, экспорт зерна из Одессы прекратился, а выход из порта заблокировали английские военные корабли. Когда после окончания войны зерновой экспорт восстановился, режим беспошлинной торговли

⁹⁷⁸ Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте / К. А. Авдеева. — СПб.: В тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842. — С. 87.

⁹⁷⁹ В 1802 году в городе было уже 16 небольших «фабрик» мануфактурного характера, а в 1863-м — 68 фабрик и заводов, выпустивших за год продукции на 4,8 млн рублей (Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. — С. 50).

⁹⁸⁰ Кроме того, возрастала напряжённость между теми предпринимателями, чьи конторы и склады располагались на территории порто-франко, и теми, кому там уже не хватило земли, из-за чего им приходилось платить немалые пошлины. Интриги за право удержаться на территории порто-франко сопровождалась крупными взятками.

решили отменить в 1859 году — он уже выполнил свои задачи, и Одесса стала достаточно богатым городом, чтобы конкурировать с другими торговыми центрами и без порто-франко⁹⁸¹.

К тому же, кроме беспошлинной торговли, был у «южной столицы» и другой источник богатства, даже более важный — экспорт зерна из Украины через одесский порт. «Хлебная торговля и есть... жизнь Одессы» с первого дня существования. В этом смысле «она избрала несокрушимую позицию на прекрасном берегу Чёрного моря»⁹⁸².

Семён Яхненко

«Город, общество, администрация дышали тогда одной энергией... Одним из лучших представителей этого подъёма был Яхненко... На первом плане всей его деятельности было одно общественное благо... Бескорыстный, самоотверженный, он был сам инициатором и исполнителем того, что считал полезным для города»⁹⁸³.

Потомок знаменитых сахарозаводчиков, Семён Степанович Яхненко (1822–1888) занимал пост городского головы с 1860 по 1863 год. Его отец, Степан Яхненко, вместе с братьями не только выкупил себя и всю семью из крепостничества, но и разбогател на сахарном бизнесе в 1830-е годы. Кроме производства сахара, братья занимались оптовой торговлей зерном и скотом. Зерновая торговля неизбежно привела их в Одессу, и в 1842 году братья Яхненко становятся одесскими купцами первой гильдии, а в 1851 году — почётными гражданами приморского города.

⁹⁸¹ «После ликвидации порто-франко сухопутные таможи были упразднены, осталась одна портовая, взыскивавшая привозные пошлины. Работа в ней закипела, и не только казна стала получать миллионы, но и чиновники зарабатывали громадные деньги. Даже писцы за какие-то объявления зарабатывали от 50 до 100 руб. в день», но деньги эти, «столь легко зарабатываемые, мало кому пошли впров, а большей частью немедленно прокучивались. Помню, как один из подобных писцов, Т., задавал нам великолепные завтраки... с устрицами, омарами и шампанским, а потом я встречал его на улице оборванным, больным и просящим милостыню» (Чижевич О. Воспоминания старожила / О. Чижевич. — <http://obodesse.at.ua>). Таков был стиль жизни в Одессе.

⁹⁸² Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. — С. 79.

⁹⁸³ Де Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. де Рибас. — Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. — С. 271, 272.

Сын Степана, Семён Яхненко, закончил московский Коммерческий институт и стал директором крупного сахарного завода в Городище. После смерти отца он забрал свою долю в бизнесе и в начале 1850-х годов поселился с матерью в Одессе, в особняке с садом на улице Мечникова. Начав свой бизнес, Семён построил на улице Херсонской первую в городе большую пятиэтажную механическую мельницу, хорошо зная, насколько это дело прибыльное. Мельница эта перешла потом к Бродскому, от него — к Юлиусу и Клейману, и проработала до 1888 года.

Судя по всему, Семён Степанович был человеком прямым и открытым, вызывая этим неприязнь среди одесских чиновников. Эраст Андреевский⁹⁸⁴ в своих мемуарах отзывался о Яхненко жёлко и с явной неприязнью. Впрочем, так он отзывался о многих людях. Видимо, эта неприязнь основывалась на том, что отец Яхненко вышел из крепостных крестьян. По словам Андреевского, Яхненко «целый год в Думе не бывал, и теперь хочет всё наверстать... Слава его гремела... Сын крепостного гр. Самойлова... друг Шевченко, великий деятель новейшего времени, натура широкая. Был потом Яхненко одесским городским головой», на этой должности «рвался вперёд и всё оставался позади. Прошли годы и теперь глупый немец-колониист... кормит Яхненко и всё его семейство»⁹⁸⁵. В последних словах Андреевский имел в виду то, что Семён Степанович, приехав в Одессу, женился на до-

⁹⁸⁴ Андреевский Эраст Степанович (1809–1972) родился в Волынской губернии в семье чиновника. Учился в Берлинском университете. Медик, действительный статский советник и депутат Одесской городской думы. Как личный врач М. С. Воронцова, имел на него большое влияние, которое он, по воспоминаниям современников, использовал в корыстных целях. «Андреевский нравственно и материально торговал своим влиянием. Он служил орудием для многих несправедливых и даже вопиющих дел. Он компрометировал Воронцова так часто и во многом, не скрывая своего вредного влияния, что положительно много пристрастных и даже неблагоприятных распоряжений наместника были плодом подпольных действий Андреевского» (Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1840–1844 / А. М. Дондуков-Корсаков // Страница и новизна. Кн. 5. — СПб., 1902. — С. 136–139, 141–143).

⁹⁸⁵ Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского. В 2 т. Т. 2. — Одесса: Тип. Южнорусского общества печатного дела, 1914. — С. 13–14. Дальше Андреевский отзывался о Яхненко ещё более резко: «Самодур Яхненко много будет городить», его предложения соответствуют его натуре «с чистыми... намерениями и бестолково-неосуществимыми... взглядами» (Там же, с. 119). Сегодня уже трудно понять, что в словах Андреевского (хорошо знавшего Яхненко) правда, а что проявление общей неприязни к потомку знаменитых сахарных магнатов.

чери немецкого колониста. Когда сахарный бизнес семьи Яхненко пошатнулся, видимо, и у Семёна Степановича финансовые дела пошли не очень хорошо.

По инициативе Яхненко в городе не только внедрили систему местного самоуправления, но и замостили камнем одесские улицы. О знаменитой грязи и пыли наконец-то можно было забыть⁹⁸⁶. Казалось бы, мелочь, но для «южной столицы» это была не мелочь, а серьёзная проблема. Действительно, какая может быть «столица» с такой грязью? Газовое освещение и водопровод, по которому в город поступала вода из Днестра, — это тоже инициатива Яхненко.

О бескорыстии Яхненко ходили легенды. Говорили, что он даже отдал жалование городского головы своим подчинённым. При учреждении общества для постройки водопровода он заявил, что отказывается от своего пая в обществе, чтобы никто не упрекнул его в корыстном интересе.

В 1872 году дочь Семёна Яхненко вышла замуж за бывшего домашнего учителя их семьи, Андрея Желябова. Брак был неравным, но Яхненко не возражал — лишь бы дочь Ольга была счастлива. Зять был красивым и обаятельным, к тому же оказался сыном крепостного графа Самойлова, имения которого были как раз на родине Яхненко. Но жизнь супругов так и не сложилась, несмотря ни на родившегося через два года сына, ни на то, что Яхненко не раз выкупал зятя из тюрьмы, куда тот попадал за революционную деятельность.

Брак распался, а 27 февраля 1881 года в Санкт-Петербурге жандармы арестовали руководителя Исполнительного комитета «Народной воли» Андрея Желябова за распространение запрещённой литературы. Через три дня друзья Андрея взорвали на набережной Екатерининского канала карету с царём Александром II. Желябов заявил о своей причастности к убийству и потребовал судить его вместе с другими революционерами. Во время следствия выяснилось, что он был зятем уважаемого одесского купца и бывшего городского головы Семёна Яхненко. Желябову это ничем не помогло — его казнили 3 апреля 1881 года. А для Семёна Степановича всё это стало сильным потрясением.

⁹⁸⁶ Забота о благосостоянии города была и в таких предложениях Яхненко, как расчистка снега перед домами, чем, по его мнению, должны были заниматься городские власти, а не домовладельцы. Впрочем, эту идею не поддержали и решили оставить всё как было.

Закончу эту историю забавным эпизодом. Характер Яхненко был весьма энергичным и активным. Однажды Семён Степанович приехал на дачу к одному своему другу, известному в городе табачному фабриканту по имени Леонид Криона-Папа-Никола. Его жена дала Яхненко стакан свежего парного молока. День был жаркий и, попробовав молоко, Семён Степанович выразил неудовольствие тем, что молоко не охладили. Жена стала объяснять, что это совсем свежее молоко из-под коровы, на что Яхненко недовольно сказал: «Так что, нельзя было эту корову на лёд поставить?»

Многонациональная тусовка

Говорят, что в начале прошлого века знаменитый революционер Лев Троцкий называл Одессу «маленьким Парижем». А не менее знаменитый одесский фельетонист Влас Дорошевич сравнивал приморский город с Марселем. Побывавший в этом французском портовом городе Исаак Бабель тоже писал в очерке «Большая Одесса», что и она могла стать такой же, как Марсель, если бы «южной столице» не мешали.

«Гуляя по городу, я... восхищался той... живостью, которую почти всегда встречают в приморских торговых городах. Я видел здесь людей всех наций: греков, итальянцев, немцев, французов... и толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях. Последние только что привезли и ссыпали свою пшеницу... разнообразны картины моря и совершенно европейского великолепного города»⁹⁸⁷. А за ним «колышется сплошное, почти тридцатимиллионное украинское море», — писал одессит Владимир Жаботинский⁹⁸⁸.

«Одесса была торговым городом, остаётся им и, надо думать, навсегда останется. Её... население состоит... из космополитического агломерата людей, имеющих вкус к торговым делам»⁹⁸⁹. «Одессу трудно назвать русским городом, учитывая её население, которое в основном состоит из немцев, ита-

⁹⁸⁷ Всевожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу / Н. С. Всевожский. — В 2 т. Т. 1. — М.: Тип. А. Семёна, 1839. — С. 93.

⁹⁸⁸ Жаботинский В. Избранное / В. Жаботинский. — Иерусалим: Gesharim, 1992. — С. 148.

⁹⁸⁹ Верн Ж. Упрямец Керабан. Север против Юга / Ж. Верн. — СПб.: Logos, 2001. — <http://scilib-fiction.narod.ru>

льянцев, греков, евреев, армян, немногочисленных французов и англичан. Так как это свободный порт, купцы со всех концов света прогуливаются улицам в самых разнообразных европейских и азиатских одеждах»⁹⁹⁰. Все «имеют тут полное право гражданства», и такой международный облик «вполне подходит к городу, который вырос на развалинах древних эллинских колоний из татарской деревни Хаджи-Бей, принадлежавшей турецкой империи, был заложен итальянцем Дерibasом, устроен французами Ришелье и Ланжероном»⁹⁹¹.

Такое выгодное дело, как экспорт зерна, давало прибыль множеству торговых домов — Родоканаки, существующему с 1818 года, Вучина — с 1829 г., Тработти — с 1832 г., Арист Масс — с 1838 г. и другим. Кроме них, в одесскую торговую аристократию первой половины XIX века входили семьи греческих купцов Зарифи, Маврокордато, Маразли, Папудовых, Ралли, итальянских — Рокко, Порро и Росси. «Торговцы в Одессе представляют... столько же отдельных областей, сколько их на географической карте Европы»⁹⁹².

Многонациональный состав одесской деловой элиты стал основной особенностью «южной столицы». Вначале в городе поселились поляки, греки, итальянцы и армяне, а с середины XIX века всё больше стало появляться евреев. Все эти купцы и финансисты, оказавшиеся в Одессе в силу разных исторических обстоятельств, принесли с собой не только немалые капиталы, но и обширные международные торговые связи.

Хотя первыми в Одессе появились польские помещики с Правобережной Украины, на атмосферу Одессы начала половины XIX века больше всего повлияли итальянцы и греки. Итальянская колония играла в Одессе основную роль с первых же дней основания города. «Изо всех ста городов Италии, от Генуи до Бриндизи, потянулся в Одессу легион черноглазых выходцев — купцы, корабельщики, архитекторы, и... высокоодаренные контрабандисты; они заселили молодую столицу и дали ей свой язык, свою лёгкую музыкальность, свой стиль построек, и первые основы богатства»⁹⁹³.

⁹⁹⁰ Spencer C. Turkey, Russia, the Black Sea and Circassia / C. Spencer. — London: George Routledge, 1855. — P. 242.

⁹⁹¹ Марков Е. Европейский Восток / Е. Марков // Вестник Европы. — 1886. — Т. 118, № 3. — С. 117–118.

⁹⁹² Скальковский А. Коммерческое народонаселение города Одессы / А. Скальковский // Одесский вестник. — 1845. — 17 янв.

⁹⁹³ Жаботинский В. Е. Моя столица / В. Е. Жаботинский. — <http://az.lib.ru>

«Старая Одесса была по преимуществу итальянской. И небо, и солнце, и архитектура домов, и названия улиц — страды и страделлы... и первые корабли из Неаполя и Мессины, и первые строительные камни из Триеста и Миальты, и первые негоцианты... были отражением и отголоском благословенной Италии... Греки и французы положили начало благосостоянию Одессы», содействовали «богатству её экономических ресурсов». Они принесли в Одессу «свою энергию, свою предприимчивость, свой ум, но вместе с тем и свои эгоистические стремления. Итальянцы принесли в Одессу свою душу», и так Италия «стала душой Одессы»⁹⁹⁴. И даже основатель города, Иосиф де Рибас, был родом из Неаполя.

Итальянцы занимались тем же, чем и все остальные — экспортом зерна. Крупнейшими зернотрейдерами были Яков Порро и братья Рокко, корабли которых доставляли зерно в Неаполь и Геную, а также в Марсель и Лондон. Кроме них, зерно экспортировали итальянские торговые дома Тработти, Симони, Гримальди, братьев Бубба и братьев Росси.

В 1830-е годы в лидеры зернового бизнеса вышли греки — они обрели на юге царской империи свою новую родину, положив начало истории греческой общины Одессы⁹⁹⁵. Власти дали им право на поселение и отвели 15 тысяч десятин земли. Греков привлекало географическое положение города, напоминавшее им родное Средиземноморье, и быстрый рост его экономики, ориентированной на международную торговлю.

Колония греческих купцов появилась в Одессе вскоре после её основания. Многие из них были родом с острова Хиос, в начале XIX века одного из главных экономических центров Греции⁹⁹⁶. «Около того же времени нахлынули гре-

⁹⁹⁴ Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас // Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. — Одесса; М.: Локид Премимум; Локид-пресс, 2009. — С. 348–349.

⁹⁹⁵ В Украине примерно в одно время в конце XVIII века возникло три греческих общины — в Одессе, Мариуполе и Нежине.

⁹⁹⁶ Переселение греков в Российскую империю связано с русско-турецкими войнами 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812 годов. Когда на Хиосе турецкие власти стали притеснять греков, многие купцы покинули остров. Часть из них переехала в Одессу, часть — в Лондон, где они специализировались на торговле зерном, как, например, Джон Ралли, основатель фирмы The Ralli Brothers, занимавшийся экспортом зерна из Одессы в Англию (Sifneos E. "Cosmopolitanism" as a Feature of the Greek Commercial Diaspora / E. Sifneos // History and Anthropology. — 2005. — Vol. 16, No. 1. March. — P. 101).

ки — лавочники, лодочники и, конечно... мастера беспешинного товарообмена — и связали юную гавань со всеми за-коулками азиатского побережья, с Эгейскими островами, со Смирной и Солунью»⁹⁹⁷.

Среди первых и богатейших греческих купцов Одессы были Александр Мавро, Дмитрий Инглеси, Василий Яннопуло, Илья Манесис, Иван Амвросио, Дмитрий Палеолог, Григорий Маразли, Фёдор Серафино и др. В 1817 году общий капитал греческой общины достигал 10 млн руб. Влияние греческих купцов стало расти ещё в 1820-е годы, когда они начали теснить итальянцев. Однако особенно повезло грекам в следующем десятилетии. Многие из поселившихся в Одессе поляков (которые первыми начали заниматься зерном) были причастны к восстанию 1830–1831 годов, из-за чего у них конфисковали имущество. Так они утратили позиции в зерновом бизнесе, а освободившееся место на рынке быстро заняли греки. В середине 1830-х годов в городе было более двух десятков греческих торговых домов, крупнейшие из которых принадлежали семьям Папудовых, Родоканаки, Ралли, Зарифи, Маразли.

Один из первых греческих торговых домов основал в 1812 году Константин Папудов. Его фирма экспортировала зерно, а ввозила в Одессу фрукты, вино, оливковое масло и хлопок с греческих островов. Чтобы наладить регулярные торговые рейсы судов в Константинополь, в 1833 году греческие купцы учредили Первое Черноморское акционерное общество. Одними из инициаторов его создания стали Константин Папудов с братьями Янисом и Георгием. Дела Папудова сильно пошатнулись в 1837 году, года эпидемия холеры охватила Одессу и всю Новороссийскую губернию. Столкнувшись с угрозой полного разорения, Папудов уехал в Париж, где один из знакомых банкиров помог греку покрыть долги. Вскоре он смог вернуться в Одессу, через год товарооборот его фирмы восстановился и достиг 2 млн рублей.

По словам французского финансиста Ш. Верна, посетившего Одессу в 1847 г., «я смог убедиться в эффективности той деловой политики, которую проводят греческие торговые дома. Они практически полностью подчинили себе торговый оборот по Чёрному и Средиземному морю». Греки стали влиятельными торговцами не только в Одессе. «В Марселе вся торговля с Ближним Востоком, начиная с матроса

⁹⁹⁷ Жаботинский В. Е. Моя столица / В. Е. Жаботинский. — <http://az.lib.ru>

до владельца судна, сосредоточена в руках греческих торговых домов». Главной особенностью греческих торговых домов была «строгая экономия при проведении операций и в повседневной жизни»⁹⁹⁸.

Некоторые из греческих предпринимателей прибыли в Одессу уже богатыми, другие начинали почти с нуля — Григорий Маразли когда-то торговал на улице маслинами⁹⁹⁹. Не у всех дела складывались благоприятно — в 1833 г. недвижимость Ильи Манессиса была выставлена на продажу из-за невозможности этого некогда успешного купца расплатиться с долгами. Но большинство из первых поселенцев, появившихся в Одессе в 1810-е годы, уже через десять лет считались богатыми. О предпринимательском таланте греков в то время ходили легенды. «Мужика обманет цыган, цыгана обманет еврей, еврея обманет армянин, армянина — грек, а грека — только чёрт, да и то, если ему Бог попустит», — говорилось в известной тогда пословице¹⁰⁰⁰.

Греки не только вели активную торговлю и были владельцами кораблей, но и занимались финансовым бизнесом. В первой половине XIX века их торговые дома редко специализировались на каком-то одном виде деятельности. Такая специализация проявилась уже во второй половине столетия, когда выходцы с Хиоса стали заниматься в основном финансовыми услугами, а выходцы с Ионических островов — морскими перевозками и торговлей.

Греческие торговые дома Одессы, включённые в систему бизнес-сетей Османской империи, имели обширные торговые связи, охватывавшие крупнейшие коммерческие центры Средиземноморья и достигавшие крупнейших европейских финансовых центров — поистине, «от Леванта до лондонского Сити»¹⁰⁰¹.

⁹⁹⁸ Татаринов С. В. Путешествие за серебряным рублём: Россия середины XIX века глазами французского банкира / С. В. Татаринов // Деньги и кредит. — 2013. — № 3. — С. 76.

⁹⁹⁹ Slade A. Travels in Germany and Russia: Including a Steam Voyage by Danube and the Euxine from Vienna to Constantinople in 1838-39 / A. Slade. — London: Longman, 1846. — P. 342.

¹⁰⁰⁰ Леонов О. П. Греки и экономическое развитие Украины в конце XIX — начале XX в. — Донбасс и Приазовье: Проблемы социального, национального и духовного развития / О. П. Леонов, Г. Л. Леонов // Тезисы докладов международной научно-практической конференции. — Мариуполь, 1993. — С. 126.

¹⁰⁰¹ Chatzioannou M. C. From the Levant to the City of London: Mercantile Credit in the Greek International Commercial Networks of the Eighteenth and Nineteenth

Именно греки (вместе с итальянцами) привнесли в Одессу «левантийский», расслабленный средиземноморский стиль предпринимательства, который вызывал зависть у одних и неприязнь у других. В торговых городах Средиземноморья традиции бизнеса имели очень давнюю, многовековую (а то и тысячелетнюю) историю. Это означало высокий уровень коммерческой культуры, но и некоторую неспешность и неопределённость в делах, обычные для греков или итальянцев, но непонятные для прагматичных голландцев или англичан. Впрочем, эта неопределённость у средиземноморских купцов никак не мешала успешности их бизнеса.

Первые одесские банкиры

«Если торговля, и особенно торговля вывозная, не совершается без коммерсантов, то она не совершается также и без банкиров. Вследствие этого в городе, с самого его основания, появились банкирские конторы»¹⁰⁰², — писал Жюль Верн об Одессе — месте в те времена таком же далёком и экзотическом для французов, как и Турция.

Многие греческие и итальянские купцы быстро богатели в новом и растущем портовом городе, накапливая свободные капиталы. В 1801 году в Одессе, где жило тогда всего лишь 9 тысяч жителей, уже появились банкирские дома французских предпринимателей — Жома, Фурнье, Рено. Фирма ливорнского банкира Жома и его компаньона французского купца Фурнье была, вероятно, первым банкирским домом в Одессе¹⁰⁰³. Партнёры планировали собрать первоначаль-

Centuries / M. C. Chatziioannou, G. Harlaftis // Centres and Peripheries in Banking: The Historical Development of Financial Markets [Ed. P. L. Cottrell] — L.: Ashgate Publishing Ltd., 2007 — P. 27.

¹⁰⁰² Верн Ж. Упрямец Керабан. Север против Юга / Ж. Верн. — СПб.: Logos, 2001. — <http://scilib-fiction.narod.ru>

¹⁰⁰³ Рескриптом от 6 ноября 1801 г. царь Александр I обязал одесские власти (в том числе гражданского губернатора М. П. Миклашевского) оказывать всяческую помощь Жому и Фурнье. «Дошло до меня прошение негодичанта Фурнье, известного по торговым делам в Тулоне, Неаполе и Палермо, о дозволении ему учредить, купно с ливорнским банкиром Жомом, в городе Одессе коммерческий дом с положением в оном от двухсот до трёхсот тысяч ливров... когда прибудет в Одессу означенный негодичант Фурнье или поверенный их компании, в устройении предпринятого ими заведения оказывать им возможное пособие, какое только будет с законами сообразно и для коммерции того края нужно» [Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы (1793–1823) / А. А. Скальковский. — Одесса, 1837. — С. 98].

ный капитал 200 тысяч рублей за счёт продажи 200 акций номиналом 1000 рублей. Правда, в Коммерц-коллегии выразили сомнение, что эти акции удастся распространить, так как «от Овидиополя до Тамани не было купца, который бы имел капитал в 20 000 руб.»¹⁰⁰⁴. Думаю, что это преувеличение — первые греческие купцы, поселившиеся в Одессе, располагали немалыми капиталами и вполне могли позволить себе приобрести акции банкирского дома по 1000 руб. Но, как бы там ни было, о дальнейшей судьбе фирмы Фурнье и Жоме мне ничего не известно.

Жан-Франсуа (Иван Петрович) Рено в начале 1780-х годов появился в Петербурге, занимаясь торговлей. В начале XIX века он поселился в Одессе, где начал свой бизнес как «парикмахер, который, понажившись, стал торговать духами; под покровительством Ришелье в Одессе он перешёл... к муке, разбогател, завёл себе дачу и построил дом»¹⁰⁰⁵. В доме Рено не только собиралось одесское высшее общество, но и одно время размещалась биржа.

В 1810-е годы кредитно-финансовые услуги предоставляли также одесские торговые дома К. Я. Сикара, Дж. Эмса, М. А. Крамарёва, И. М. Рея. Наиболее известным был Шарль (Карл) Сикар (1773–1830), купец из Марселя, поселившийся в Одессе в 1804 году. Он приехал, чтобы увидеть новый город, управляемый герцогом Ришелье, и остался здесь надолго, после того как познакомился с герцогом и подружился с ним, став одним из ближайших его советников по коммерческим вопросам.

Карл Сикар открыл в Одессе свой торговый дом¹⁰⁰⁶, имевший обширные связи в Италии и Франции. В городе Сикар стал известной личностью — председатель знаменитого во времена Ришелье клуба La Redoute, он входил в состав городского магистрата, а также являлся одним из соучредителей и вице-президентом общества сельского хозяйства Южной России¹⁰⁰⁷.

¹⁰⁰⁴ Проект устава Страховой конторы в Одессе // РГИА. — Ф. 13. — Оп. 2. — Д. 834. — Л. 29.

¹⁰⁰⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. В 2 кн. Кн. 2. — М.: «Захаров», 2003. — С. 1044.

¹⁰⁰⁶ Центральная контора фирмы Сикара находилась в Париже, а в Одессе и Константинополе работали её отделения.

¹⁰⁰⁷ Получив в 1807 г. российское подданство, Сикар во время войны 1812 г. занимался снабжением российских войск и в 1814 г. уже имел звание коммерции советника. В 1813–1815 гг. его годовые обороты по торговым

В 1816 г. Карл Сикар стал учредителем «Черноморской компании» (*Compagnia de la Mer Noir*). Её капитал — 8 млн франков — был собран за счёт распространения 1000 акций по 8 тыс. франков. Одним из крупных акционеров стал парижский банкир Ж. Лафитт, казначей компании. Правление *Compagnia de la Mer Noir* находилось в Париже, торговое агентство открылось в портовом Марселе, а отделение — в Одессе. В планы Сикара входило создание представительств компании в Херсоне, Таганроге, Киеве. Предполагалось, что компания будет иметь торговые связи не только с черноморскими портами (Синопом, Галацем и др.), но и расширит сферу своих интересов до Астрахани и Персии.

Кроме торговых операций, компания занималась и таким прибыльным для Сикара делом, как покупка-продажа переводных векселей, став крупнейшим участником финансового рынка Одессы. Сикар, Рено и другие одесские банкиры начала XIX в., скопив значительные капиталы, финансировали предпринимателей, выдавая им кредиты под иностранные переводные векселя. Однако не все планы разбогатевшего в Одессе французского купца удалось реализовать — в феврале 1830 года на пути в Константинополь он погиб при кораблекрушении во время шторма в Чёрном море.

В 1836 году в Одессе было уже 83 торговых дома¹⁰⁰⁸, вмещавшие товарные и финансовые операции. Крупнейшие из них принадлежали Ф. Родоканаки, С. Ралли, Д. Картацци, И. Вальтеру, П. Деазарту, Я. Порро, Л. Штиглицу.

Фёдор Родоканаки

Купец первой гильдии Фёдор Павлович (Теодор) Родоканаки занимал, наверное, главное место среди одесских банкиров первой половины XIX века. Его торговый и банкирский дом вкладывал капиталы в развитие промышленности Новороссийского края и охватывал своим влиянием всё Черноморско-Азовское побережье.

и кредитным операциям достигли 10 млн руб. (Морозан В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века / В. В. Морозан. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 29–30).

¹⁰⁰⁸ Из них 9 с годовыми оборотами более 2 млн руб., 11 — более 1 млн руб., 7 — более 500 тысяч руб.

Купеческий род Родоканаки был древен — первые упоминания о нём относятся к XII веку, а с XVII-го, когда через остров Хиос проходил один из важных маршрутов европейской торговли с Востоком, семья купцов Родоканаки стала известной среди других хиосских торговых домов — Ралли, Петрококкино, Негропonti и др. (представители этих греческих торговых династий затем тоже оказались в Одессе).

Родился Теодор-Фёдор в 1797 году на острове Хиос, а в Одессе бывал по торговым делам его отец, Павел Родоканаки, умерший в 1801 году в Константинополе. Фёдор впервые приехал в Одессу с братьями ещё в юности, в 1813 году — этот быстро растущий новый город привлекал их возможностью начать здесь выгодный бизнес.

В 1819-м шесть братьев основали торговую фирму «Родоканаки сыновья и Ко», имевшую конторы в Константинополе, Смирне, Ливорно, Марселе и Одессе — основных городах, через которые шёл экспорт зерна. Одесская контора досталась младшему из братьев, Фёдору, в 1819 году принявшему российское подданство. Братья помогали Фёдору, так что он начинал дело не с нуля, а имел немалый стартовый капитал — 150 тысяч пиастров¹⁰⁰⁹. Вскоре контора в Одессе стала торговым домом Родоканаки с оборотами 425,9 млн руб. в 1821 г. и 645,6 млн руб. в 1824 г. Наибольшего расцвета его деятельность достигла в 1830-е и 1840-е годы, когда годовые обороты торгового дома составляли 3,5 млн рублей¹⁰¹⁰.

Кроме торгового дома, в 1829 году Фёдор открыл банкирскую контору, услугами которой пользовались одесские греки. Вскоре она превратилась в кредитовавший экспорт зерна влиятельный банкирский дом «Ф. П. Родоканаки и Ко», расположенный в отдельном особняке на престижном При-

¹⁰⁰⁹ Пиастр — испанская монета, в то время бывшая в обращении в Турции, Греции и других странах.

¹⁰¹⁰ Так, в 1836 г. общая сумма торговых операций дома Родоканаки была равна 4,2 млн руб., уступая лишь дому Картацци (4,5 млн руб.) (Плаксин С. Коммерческо-промышленная Одесса и её представители в конце девятнадцатого столетия; история развития торговых фирм с приложением адресных сведений / С. Плаксин. — Одесса: Тип. Н. Хрисогелос, 1901. — С. 23). В 1846 году обороты составляли 3,430 млн руб., намного опережая своих основных конкурентов — торговый дом Ралли (1,595 млн руб. в 1846 г.), Папудова (1,441 млн руб.), Зарифи (988 тыс. руб.), Мавро (914 тыс. руб.) (Kardases V. Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861 / V. Kardases. — Oxford: Lexington Books, 2001. — P. 154).

морском бульваре. А брак с Генриеттой Галати, дочерью греческого купца из Вены, дал Фёдору Родоканаки обширные деловые связи в Европе.

Так он стал одним из крупнейших предпринимателей Новороссийского края, контролируя в середине 1840-х годов около 10 % операций Одесского порта. Интересы Родоканаки простирались не только до Таганрога, Ростова, Николаева и Бердянска, но и до Нью-Йорка, где в 1854 году открылось отделение фирмы¹⁰¹¹.

Однако со второй половины XIX века (особенно после кризиса 1857 года) Родоканаки начал сдавать позиции из-за натиска конкурентов на зерновом рынке¹⁰¹². Фёдор Павлович передал торговый дом своему сыну Периклу, а сам сосредоточился на финансовом бизнесе и перебрался в Петербург, где в марте 1860 года учредил новую финансовую компанию — «Фёдор П. Родоканаки и Ко»¹⁰¹³. Судя по всему, финансовые услуги давали ему немалые прибыли — он построил себе дорогой особняк, где устраивались роскошные приёмы. «Трудно представить себе роскошь этого дома. Вся петербургская аристократия, даже великие князья, посещали эти балы»¹⁰¹⁴. Умер Фёдор Павлович в 1882 году в Одессе, оставив 4 млн рублей. Однако его сын Перикл растратил

¹⁰¹¹ В 1847 г. Родоканаки вместе с одесскими купцами Ралли, Мавро, Ираклиди и Миллоти стал соучредителем морской страховой компании «Чёрное море» с капиталом 100 тыс. руб., выпустившей 200 акций по 500 руб. Правление компании было в Одессе, а конторы — в Константинополе и других портовых городах (События в Отечестве за июнь 1847 г. // Отечественные записки. — СПб., 1847. — Т. 53. — С. 21).

¹⁰¹² В 1859 г. его оборот составлял 1,685 млн руб., в то время как оборот дома Ралли — 2,2 млн руб., Зарифи — 1,894 млн руб., Папудова — 1,461 млн руб., Мавро — 284 тыс. руб. В 1860-е годы обороты торгового дома продолжали снижаться (900 тыс. руб. в 1863 г.) (Одесский вестник. — 1864. — № 63. — 21 марта). Родоканаки стал одним из крупнейших судовладельцев. С 1835 по 1857 г. он приобрёл и построил на заказ семь грузовых судов — а лишь немногие из одесских купцов перевозили товары на собственных судах. А к 1870 году количество принадлежавших ему кораблей выросло до 49.

¹⁰¹³ В дальнейшем он стал соучредителем нескольких крупных банков — Петербургского Международного коммерческого, Русского для внешней торговли банков, Центрального банка русского поземельного кредита, а также Азовско-Донского коммерческого, Киевского, Кишинёвского, Одесского и Ростовского акционерных коммерческих банков (Louri H. *Diaspora entrepreneurial networks in the Black Sea and Greece, 1870-1917* / H. Louri, I. Pepelasis Minoglou. — <http://mpr.ub.uni-muenchen.de>. — P. 92).

¹⁰¹⁴ Голицына-Духовская В. Ф. Из моих воспоминаний / В. Ф. Голицына-Духовская. — СПб.: Печатня Р. Голике, 1900. — С. 33.

большую часть этого немалого капитала, после чего фирму Родоканаки пришлось ликвидировать. А в апреле 1956 г. газеты сообщили о смерти одного из представителей некогда славной династии — греческого писателя Константина Родоканаки¹⁰¹⁵.

«Одесские Ротшильды»

Финансовую сеть семьи Ралли так называли неслучайно, и не только потому, что бизнесом в разных частях мира заправляли братья, как и у Ротшильдов, а из-за богатства и удачи, сопутствовавшей им в делах.

Основатель династии Стефан Ралли (1755–1827) вместе с братьями покинул родной остров Хиос в конце XVIII века и появился в Одессе в начале 1800-х годов. Братья Ралли тогда ещё имели турецкое подданство, и поэтому основную часть времени проводили в Константинополе, иногда приезжая по делам коммерции в Одессу, Марсель и Лондон. В это время оборот их торговой фирмы был небольшим и составлял около 150 тысяч рублей.

Занимались они, как и остальные греки, экспортом зерна — самым прибыльным в то время бизнесом. В 1816 году в Марселе была основана семейная торговая фирма *Argenti-Ralli*¹⁰¹⁶. А в 1818 году в Лондоне сыновьями Стефана Ралли, Иоанном (Янисом) и Евстратием, была основана ещё одна фирма младшего поколения Ралли — *Ralli & Petrocochino*, поставлявшая в Великобританию одесское зерно и открывшая свои отделения в Манчестере, Марселе, Константинополе и даже в персидском Тебризе¹⁰¹⁷. Так за счёт родственных

¹⁰¹⁵ Mr. C. Rodocanachi // *The Times*. — 17 april 1956. — P. 13. Col. 3. — <http://www.time.com/time/archive>. Современные потомки одного из Родоканаки живут в Канаде, где в 2008 году основали небольшую финансовую компанию *Rodocanachi Capital Inc*.

¹⁰¹⁶ Фирма имела отделения в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере, Ливорно, Триесте, Константинополе и Одессе. Она занималась товарными операциями с сельскохозяйственными продуктами, преимущественно всё с тем же зерном, экспортировавшимся из Одессы (Paris E. *Les Grecs de Marseille dans la deuxième moitié du XIXe siècle: une perspective nationale et transnationale* / E. Paris // *Revue européenne de migrations internationales*. — 2001. — 17 (3). — P. 26).

¹⁰¹⁷ Harlaftis G. *Mapping the Greek Maritime Diaspora from the early Eighteenth to the late Twentieth Centuries* / G. Harlaftis // *Diaspora Entrepreneurial Networks: Four Centuries of History* [ed. I. McCabe, G. Harlaftis, I. P. Minoglou. — N. Y.: Berg,

и личных связей с семьями других греков — выходцев с острова Хиос (Родоканаки, Скараманга, Зилоти, Маврокордато, Зарифи, Петрококино и др.) — семья Ралли создавала многочисленные торговые предприятия в разных странах, расширяя сеть своих деловых связей.

В 1822 году Янис Ралли приехал в Одессу, где основал свою фирму по закупке зерна для продажи его в Англию. А в Лондоне в 1826 году был основан крупный торговый дом Ralli Brothers, существовавший с тех пор более 150 лет. Быстро разбогатев на поставках зерна в Великобританию, торговый дом приобрёл связи на британском финансовом рынке, в том числе в Банке Англии, где братья Ралли получили возможность брать выгодные кредиты. К середине XIX века деловые связи этого торгового дома расширились до Индии, Японии и Америки.

Руководил торговым домом «Братья Ралли» старший из братьев, Янис (он же Иоанн или Иван Степанович, 1785–1859), постоянно проживавший в Одессе с 1826 года, но автором всех основных коммерческих идей был третий из братьев, Пандия, имевший обширные связи среди британских финансистов. Вероятно, именно ему принадлежала идея транзитной торговли зерном, в которую были вовлечены многочисленные партнёры в различных странах Европы. За счёт этого торговый дом Ралли с небольшим собственным капиталом мог вести обширные торговые операции. Благодаря точности в платежах братья имели высокую репутацию, и многие международные компании, торговавшие с царской империей, совершали свои платежи через фирму «Братья Ралли»¹⁰¹⁸.

2005. — P. 155. Евстратий Ралли с тех пор поселился в британском Манчестере, он представлял интересы семьи Ралли в британских деловых кругах (Подробнее см.: Chapman S. Merchant Enterprise in Britain: From the Industrial Revolution to World War I / S. Chapman. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — P. 156). В 1837 г. в Тебризе была открыта ещё одна дочерняя компания Ralli & Agelasto, соучредителями которой были братья Агеласто, давние деловые партнёры Ралли (Морозан В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века / В. В. Морозан. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 164–165).

¹⁰¹⁸ Gennadius J. Stephen A. Ralli. A Biographical Memoir / J. Gennadius. — London: Dryden Press, 1902. — P. 21–22. Пандия Ралли с 1858 г. стал членом британской «Балтийской биржи» (Baltic Exchange), через которую шли все операции с зерном, и в дальнейшем длительное время руководил ей. История этой специализированной биржи началась в 1810 г. с лондонской кофейни Baltic Coffee House, в которой собирались для заключения сделок купцы, торговавшие с Одессой и другими черноморскими и азовскими портами. В 1850-е годы около 30 % членов Балтийской биржи были этническими греками, а основные поставки

В 1860 году капиталы учредителей дома «Братья Ралли» оценивались в 1–2 млн фунтов, но если учесть семейный характер бизнеса и более полусотни родственников в разных странах, связанных делами коммерции, то общее состояние семьи Ралли (8 млн фунтов), как говорили одесситы, якобы превосходило даже состояние Ротшильдов¹⁰¹⁹. В то время торговый дом братьев Ралли был наиболее богатым и влиятельным из всех греческих торговых домов, и в 1860-е годы он имел свои представительства в 15 городах Европы, Ближнего Востока, Индии, а количество служащих компании достигало 4 тысячи человек¹⁰²⁰.

Наибольший расцвет этого фамильного бизнеса приходился на 1830–1860-е годы. Успех Ралли объяснялся тем, что они хорошо осознавали и предвидели происходившие в мире политические и экономические изменения, влиявшие на настроения рынков и торговые пути. Братья были готовы быстро менять свои планы, что обеспечивало им конкурентные преимущества. Ралли одними из первых поняли, что с 1840-х годов черноморские торговые маршруты уже перестали быть основными в зерновом экспорте в страны Европы. На этом рынке появились новые поставщики (в том числе из Америки), поэтому Одесса уже не была монополистом в зерновой торговле. А события Крымской войны 1853–1856 годов, когда экспорт зерна из Одессы на время прекратился, только подтвердили это.

Торговый дом Ралли пытался в 1850-е годы наладить экспорт из Российской империи масла, но так и не смог войти в число лидеров на этом рынке, уже захваченном конкурентами (прежде всего братьями Кортацци)¹⁰²¹. Поэтому в даль-

зерна на эту биржу шли через дом «Братья Ралли» (Fairlie S. *The Anglo-Russian Grain Trade, 1815–1861* / S. Fairlie. — L.: University of London, 1959. — P. 253).

¹⁰¹⁹ Сартор В. Международные фирмы в Российской империи, 1800–1917 / В. Сартор // Экономическая история. Ежегодник. 2005. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — С. 126.

¹⁰²⁰ Kardases V. *Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861* / V. Kardases. — Oxford: Lexington Books, 2001. — P. 159.

¹⁰²¹ Незадолго до начала крымской войны Ралли открыли в 1851 г. представительства своей компании в Калькутте и Бомбее, поставляя оттуда в Российскую империю джут, спрос на который во время войны вырос. Удачным было и решение начать в 1861 г. экспорт из Бомбея хлопка, поступавшего в Англию — гражданская война в США сократила поступление американского хлопка на британский рынок, и Ралли очередной раз оказались в выигрыше (Sifneos E. "Cosmopolitanism" as a Feature of the Greek Commercial Diaspora / E. Sifneos // *History and Anthropology*. — 2005. — Vol. 16, No. 1. March. — P. 101).

нейшем Ралли всё меньше рассчитывали на экспорт зерна из Одессы и переносили свой бизнес в Индию и в США.

Может сложиться впечатление, что коммерческая деятельность семьи Ралли происходила больше в Лондоне, однако руководивший бизнесом Иван Степанович Ралли, сын основоположника династии Стефана Ралли, постоянно жил в Одессе с 1826 года и входил в круг крупнейших предпринимателей и банкиров. В 1835 г. он стал купцом первой гильдии и российским подданным, а вскоре уже владел крупными складами зерна не только в Одессе, но и в Таганроге, а также других портовых городах Чёрного и Азовского морей.

В середине 1840 года одесская фирма Ивана Ралли была среди десяти крупнейших торговых домов города¹⁰²². О богатстве Ивана Степановича и сегодня напоминает его дом на углу Дерибасовской и Преображенской улиц. Помимо коммерции, Иван Ралли стал первым в Одессе американским консулом, и путешественники из США, посещавшие иногда «южную столицу», отмечали его учтивость¹⁰²³. По словам Джона Стивенса, побывавшего в Одессе в 1830-е годы, Иван Степанович, «богатый и уважаемый человек», очень гордился этой дипломатической должностью и запомнился своим гостеприимством¹⁰²⁴.

Дело Ивана Ралли продолжил его сын, знаменитый одесский банкир Стефанос (Степан) Ралли (1821–1901), закончивший в 1840 г. юридический факультет Парижского университета. «Будучи одесским Ротшильдом, он... сторонился популярности. Жизнь этого деятеля была весьма своеобраз-

¹⁰²² Годовой оборот внешней торговли одесского дома Ралли вырос с 0,5 млн руб. в начале 1830-х годов до 1,5 млн руб. в середине 1840-х и 3,47 млн руб. в 1860 г. По объёму торговых оборотов в 1833 г. дом Ралли (0,5 млн руб.) был на втором месте после дома Родоканаки (0,8 млн руб.); в 1845 г. также сохранял второе место (1,45 млн руб.) после дома Родоканаки (2,77 млн руб.). С 1845 г. обороты одесского торгового дома Ралли начали снижаться, и в 1850 г. он был на четвёртом месте (1,1 млн руб.) после дома Родоканаки (2 млн руб.), дома Папудова (1,33 млн руб.) и дома Зарифи (1,26 млн руб.). Однако с конца 1850-х годов обороты дома И. С. Ралли начали расти, и в 1860 г. он вышел на первое место (3,47 млн руб.), опередив торговый дом Родоканаки (3,41 млн руб.), а также Папудова и Зарифи, обороты которых (1,07 и 0,3 млн руб.) были существенно меньше (Kardases V. *Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861* / V. Kardases. — Oxford: Lexington Books, 2001. — P. 154).

¹⁰²³ Херлихи П. Одесса. История, 1794–1914 / П. Херлихи. — Одесса: Optimum, 2007. — С. 146.

¹⁰²⁴ Stephens J. L. *Incidents of Travels in Egypt, Arabia Petraea and the Holy Land* / J. L. Stephens. — London, 1837. — P. 66.

зной. Одесситы отлично знали этого спокойного, добродушного старика, жившего уединённо, в отдалении от городской суеты, на пышной и громадной даче на Средней Фонтанке»¹⁰²⁵.

Банковский бизнес и финансовые услуги были основной сферой внимания «одесского Ротшильда», выполнявшего (как и его отец) обязанности консула США. Основанный им в Одессе торговый дом «Ралли» был тесно связан с Английским торговым банком в Лондоне, Османским банком в Константинополе и банком Александрии в Египте. Состояние Степана Ралли, оставшееся после его смерти, составляло 50 млн рублей — большая часть этого капитала была помещена в лондонских банках.

¹⁰²⁵ Банковая и торговая газета. — 1903. — № 2. — 12 янв. — С. 29.

Глава 3.

ЗЕРНОТРЕЙДЕРЫ

Европейский Гонконг

В мировых столицах ширились слухи об Одессе, этом «европейском Гонконге», богатом и быстро развивающемся торговом городе. Герой романа Оноре де Бальзака говорил в 1819 году: «Я знаю, куда поехать, где заработать... наживу миллионы... поеду в Одессу за зерном... Там пшеница в три раза дешевле, чем у нас»¹⁰²⁶. «Одесса — крупнейший в Европе хлебный рынок», — отмечал в 1867 году знаменитый американский писатель Марк Твен, посетивший Одессу в качестве туриста¹⁰²⁷.

Когда после русско-турецких войн черноморские пути открылись для торговли и была основана Одесса с её портом, зерно стало главным источником богатства. «Сельское хозяйство составляет основу всей хозяйственной жизни страны. В его развитии и благополучии одинаково заинтересованы и остальные виды промышленности, и торговля, и транспорт. Широкий доступ за границу открыт только сельскохозяй-

¹⁰²⁶ Бальзак О. Отец Горио / О. де Бальзак // Собрание сочинений в 15 томах. Т. 3. — М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952. — С. 221.

¹⁰²⁷ Твен М. Простак за границей, или Путь новых паломников / М. Твен. — <http://readr.ru>

ственному сырью, на котором и держится вся остальная торговля»¹⁰²⁸.

Механизм получения прибыли был прост и вечен как мир — разница цен. В Европе зерно стоило в несколько раз дороже, чем у производителей, и на этом богатели все участники зернового бизнеса. В середине XIX века зерно у производителей можно было купить по 10 рублей ассигнациями¹⁰²⁹ за четверть¹⁰³⁰, в Одессе экспортёры покупали его в среднем по 12 рублей, а в Англии четверть зерна стоила в то время два фунта — 45 рублей ассигнациями (13 рублей серебром). Если зернотрейдеры имели филиалы своей фирмы в Одессе и в Лондоне (или Марселе), торгуя без посредников, то вся прибыль доставалась им. Поэтому торговые дома Родоканаки, Ралли и другие старались контролировать весь путь доставки зерна от одесского порта до того же Лондона.

«До открытия порта и торговли в Одессе, плодородная Украина, не имевшая средств сбывать свои произведения, в таком только количестве была возделываема, сколько предполагалось продать хлеба; остальная земля обращалась на пастбища. Деньги были весьма дороги и столь редки, что за рубль, по нынешнему курсу на ассигнации, можно было купить четверть лучшего хлеба. С тех пор как тысячи кораблей начали приходить в Одессу за украинскою пшеницею, миллионы рук занялись хлебопашеством, и огромные транспорты с хлебом покрыли все пути, ведущие в Одессу, которая рассыпала по всему краю золото»¹⁰³¹.

«В 1803 году... из 900 кораблей, вошедших в Чёрное море, 336 прибыли в Одессу... и все нагрузились пшеницею; а её почти всю доставили из Подольской, Волынской, Киевской и Херсонской губерний. В этот год было выпу-

¹⁰²⁸ Кистяковский В. В. Учебник экономической географии / В. В. Кистяковский. — СПб. — К.: Изд-во «Сотрудник», 1911. — С. 20. Виктор Васильевич Кистяковский (родился в 1875 году, дата смерти неизвестна) — сын врача В. Ф. Кистяковского (1841–1902), украинский географ. Автор нескольких других книг, опубликованных в Киеве и Харькове в 1920-е годы.

¹⁰²⁹ В то время один рубль серебром стоил в разные годы в среднем 3,5 рубля бумажными деньгами (ассигнациями). Этот курс постоянно колебался.

¹⁰³⁰ Зерно в зависимости от сорта и влажности имело различный вес при одном объёме. Поэтому его измеряли не на вес, а по объёму — в четвертях (209,9 литра, примерно 160–180 кг, в среднем 0,17 тонны).

¹⁰³¹ Киевские контракты (Письмо к издателям, 18 февраля 1825 года) // Северная пчела — 1825. — 25 февраля.

щено пшеницы 643,000 четвертей, которые, по тогдашним дешёвым ценам, составили уже 1,000,000 рублей... более половины этой суммы заплачено было звонкою монетою: голландскими червонцами и испанскими пиастрами, привозимыми через Броды или на самих кораблях»¹⁰³².

Вскоре цены значительно выросли. «В 1807 и 1808, и после в 1815 и 1816 годах, когда Европа нуждалась в хлебе, и четверть пшеницы продавалась [там] по сорок рублей, вошло в тот край более денег, нежели сколько целая Украина могла принести во сто лет, предшествовавших сей эпохе»¹⁰³³.

«В окрестностях Одессы собирают мало зерна, в основном его привозят из Бессарабии, Подолья, Вольни и Украины. Для доставки зерна не используются реки, впадающие в Чёрное море», — писал «одесский купец Массе». Оно подвозится «через степи на запряжённых быками телегах. Травы, которыми покрыты степи, служат кормом для тягловых животных, которым приходится перевозить грузы на расстояния от 300 до 700 вёрст... Партии зерна, как правило, высылают крупные землевладельцы под руководством агентов, которые имеют полномочия на продажу зерна и на получение выручки»¹⁰³⁴.

Продажа зерна давала огромные прибыли и по значению была сопоставима с экспортом нефти и газа из современных нефтедобывающих стран. Масштабы зернового экспорта были настолько большими, что даже «рабочий класс... благоденствовал от хлебной торговли. Заработки были до того велики, что видели биндюжников... закуривавших папироски рублёвыми бумажками, а один подгулявший биндюжник закурил даже десятирублёвой»¹⁰³⁵.

¹⁰³² Всевожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу / Н. С. Всевожский. — В 2 т. Т. 1. — М.: Тип. А. Семена, 1839. — С. 89.

¹⁰³³ Киевские контракты (Письмо к издателям, 18 февраля 1825 года) // Северная пчела — 1825. — 25 февраля.

¹⁰³⁴ «Массе» составил докладную записку для заместителя управляющего Банком Франции в 1832–1857 гг. Шарля Верна (1786–1858), посетившего с деловым визитом Петербург и Одессу в 1847 г. (Татаринов С. В. Путешествие за серебряным рублём: Россия середины XIX века глазами французского банкира / С. В. Татаринов // Деньги и кредит. — 2013. — № 3. — С. 74).

¹⁰³⁵ Чижевич О. Воспоминания старожилы / О. Чижевич. — <http://obodesse.at.ua>

Динамика экспорта зерна

В самом начале XIX века объёмы зернового экспорта через Одессу составляли в среднем по 0,5 млн четвертей зерна в год. Они стали быстро расти после окончания наполеоновских войн в 1815 году, когда в странах Европы наступил мир и возросла потребность в зерне. После первого всплеска активности на зерновом рынке в 1816 году новый бум начался в 1846 году, когда в Великобритании отменили пошлины на импорт зерна. Эта страна на время стала крупнейшим покупателем одесской пшеницы, и настроение на Лондонской бирже непосредственно влияло на цены и динамику одесского зернового рынка.

В 1845 году из Одессы экспортировали 1,85 млн четвертей зерна, в 1846-м — 2,25 млн, в 1847-м — 3,24 млн¹⁰³⁶. Однако вскоре стала назревать очередная русско-турецкая война, получившая название Крымской (1853–1856). Англия и Франция выступили на стороне Турции, после чего царские власти решили запретить экспорт зерна в качестве экономических санкций против Англии и Франции. Когда слухи об этом распространились, европейские зернотрейдеры скупали в 1853 году всё зерно на одесских складах — 3,78 млн четвертей¹⁰³⁷. Вскоре экспорт зерна действительно приостановился — наверное, российские власти наивно считали, что без одесского зерна англичане и французы начнут голодать. Но не тут-то было — те не растерялись и переключились на американское зерно¹⁰³⁸. Оно оказалось более высокого качества и дешевле (несмотря на транспортировку через океан) за счёт лучше организованной логистики¹⁰³⁹. Так что это ещё большой вопрос, кто кого наказал во время Крымской войны и зернового эмбарго.

Американская пшеница имела пять сортов, и покупатель мог выбрать необходимый. А в Одесский порт пшеница

¹⁰³⁶ Скальковский А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — СПб., 1865. — С. 66.

¹⁰³⁷ Там же, с. 66.

¹⁰³⁸ Кроме США на мировом зерновом рынке в 1850-е годы появились Аргентина, Австралия, Канада, Индия.

¹⁰³⁹ Грунты в Америке, возможно, уступали по качеству украинским чернозёмам, но экспортёры из США выигрывали на том, что рано стали использовать сельскохозяйственную технику, а построенные к тому времени основные железные дороги упрощали транспортировку зерна в порты.

поступала обычно смешанной, и купить определённый сорт было сложно. Кроме того, поставщики американской пшеницы контролировали, чтобы её влажность не превышала 15 %, и при необходимости зерно досушивали. В Одессе за влажностью не очень следили. Привезённое чумаками зерно выгружали из мешков на пол зернового склада, где его временами пересыпали лопатами. Часто бывало, что зерна привозили очень много, сразу загрузить его в склад не удавалось, и пшеницу высыпали на землю, в лучшем случае чем-то накрыв. А иногда ничем и не накрывали в надежде, что дождя не будет. О соблюдении 15 % влажности говорить не приходилось. Несмотря на всё это, спрос на одесское зерно сохранялся, и покупали его с каждым годом всё больше.

После окончания Крымской войны экспорт зерна из Одессы возобновился в 1856 году и составил 1,69 млн четвертей, в 1857-м почти достиг предвоенного уровня — 2,49 млн четвертей, в 1861-м — 2,78 млн¹⁰⁴⁰. Однако после 1850-х годов основным поставщиком зерна Одесса перестала быть не только для Англии, но и для Франции. Если в 1860-е годы одесское зерно составляло 35 % британского зернового экспорта, то в 1913 году — всего лишь 9 %.

Впрочем, зерновой экспорт через Одессу и другие черноморско-азовские порты долго сохранял своё значение за счёт массовости и устойчиво рос до конца XIX века, хотя главным на мировом рынке сельхозпродукции он уже не был. Доставка зерна была организована плохо, себестоимость оставалась высокой, поэтому путей повышения конкурентоспособности особенно не было. Одесские зернотрейдеры могли выигрывать только на количестве экспортируемого зерна. В 1866 году из Одессы вывезли 3,35 млн четвертей, в 1870-м — 5,5 млн, в 1876-м — 5 млн, в 1880-м — 7,25 млн четвертей¹⁰⁴¹, а в 1910 году — 6 млн четвертей зерна¹⁰⁴².

После того как общее значение Одессы и других черноморских портов для мирового зернового рынка стало снижаться, началось перераспределение ролей среди одесских зернотрейдеров. Часть наиболее богатых греков покинула

¹⁰⁴⁰ Скальковский А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — СПб., 1865. — С. 66, 160.

¹⁰⁴¹ Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. — С. 80.

¹⁰⁴² Реєнт О. П. Сільське господарство України і світовий продовольчий ринок (1861–1914) // О. П. Реєнт, О. В. Сердюк. — К.: Ін-т історії України, 2011. — С. 314.

Одессу — для них стало выгоднее заниматься зерновым бизнесом из Лондона, а накопленные капиталы давали им такую возможность. К тому же многие из них, кроме экспорта зерна, занимались ещё импортом различных товаров. После отмены в Одессе порто-франко импорт перестал быть настолько выгодным.

Освободившееся место на одесском зерновом рынке уверенно занимали евреи, в основном переселявшиеся из местечка Броды в Галичине. Многие из них (Гольденберг, Калехман, Коган, Фишерович и др.) начинали свой путь в зерновом бизнесе скромно, как посредники или брокеры, пытаясь накопить капиталы для более крупных дел. Не всем это удавалось, кто-то так и остался брокером или приказчиком. А некоторые во второй половине XIX века быстро набрали высоту, недостижимую для других, как это было с семьями Эфрусси или Рафаловичей. Но так везло, конечно, не всем.

Когда зерновой экспорт в Одессе стали контролировать в основном еврейские зерноторговцы, в этот город потянулись и немецкие евреи. Один из них, банкир Луи Дрейфус¹⁰⁴³, стал крупным участником зернового рынка. Жил он в Германии и Швейцарии, в Одессе бывал всего несколько раз, так как она была лишь частью его обширной империи, состоявшей из банкирского дома, зерноторговых компаний, мукомольных и других предприятий, расположенных не только в Европе, но и в Юго-Восточной Азии. В Одессе про Дрейфуса знали все (хотя мало кто его видел в реальной жизни) — несколько филиалов его фирмы находились в самых престижных местах: на Дерибасовской, Пушкинской, Николаевском бульваре.

Начинал Дрейфус скромно — в 1851 году (ему было тогда 18 лет) купил зерно у фермеров во французском городе Сиренц и отвёз его на продажу в Базель (один из европейских центров зерновой торговли). Через несколько лет Луи уже всю торговал зерном, поставляя его в Западную Европу из Румынии и Венгрии. Главный офис компании Дрейфуса находился в Цюрихе, а отделения работали во Франции и Германии. Дело быстро расширялось, компания обрастала международными связями, и в 1870-е её штаб-квартира переместилась

¹⁰⁴³ Louis Dreyfus Company Holdings существует и сейчас. Это одна из крупнейших в мире агрофирм с оборотом в десятки миллиардов долларов. Она имеет отделения в Украине и занимается экспортом сельхозпродукции.

в портовый Марсель, а в 1875-м — в Париж. В Одессе и других черноморских портах представительства Дрейфуса появились в 1860-е годы. Когда Луи умер в 1915-м, дело продолжил сын, а после его смерти перед Второй мировой войной зерновой бизнес перешёл к троим внукам Дрейфуса.

В середине XIX века более трети всего экспорта украинского зерна шла в итальянские порты, 24% — в Турцию и Грецию, 17% — в Англию, 14% — во Францию. А в конце века основная часть экспорта поступала в Ливорно (45%), остальное — в Геную (18%), Марсель (10%), Лондон (8%) и другие страны¹⁰⁴⁴. К началу XX века до 70% зерна шло через черноморско-азовские порты. Это составляло около 30% мировой зерновой торговли и 10% объёма общемировой торговли в целом¹⁰⁴⁵.

Проблемы транспортировки

Даже в годы расцвета одесской зерновой торговли проблемы транспортировки зерна всё время были в центре внимания. Примерно 25% доставлялись по рекам, в основном по Днестру и Бугу (судоходству по Днепру мешали знаменитые пороги), остальное привозили на своих возах чумаки. С одной стороны, вроде бы система доставки зерна в порты была отлажена, однако с другой — всё происходило очень медленно и со многими неопределённостями. На доставку зерна с Киевщины или Подолья уходило от месяца до двух, и ещё примерно полтора месяца нужно было, чтобы довезли его морем до Ливорно, Генуи или Марселя.

Днестр был не очень судоходен, его русло требовало углубления, и в 1840-е годы к этому собиралась подключиться даже Англия, заинтересованная в то время в экспорте украинского зерна. По суше доставлять зерно поздней осенью, зимой и ранней весной было проблематично из-за состояния грунтовых дорог. Так возникали долгие перебои с поставками, приводившие к росту цен, что вызывало понятное недовольство покупателей. Бывало и так, что среди чу-

¹⁰⁴⁴ Harlaftis J. A History of Greek-owned Shipping. The Making of an International Tramp Fleet, 1830 to the present day / J. Harlaftis. — London: Routledge, 1995. — P. 20; Herlihy P. Russian Wheat and the Port of Livorno. 1794–1845 / P. Herlihy // Journal of European Economic History. — 1976. — № 5. — P. 45–86.

¹⁰⁴⁵ Там же, с. 165.

мацких волов начинались эпидемии (как в 1848–1851 годах, когда половина их погибла), что приводило к срыву поставок зерна и нарушениям условий контрактов. А железную дорогу в Одессу власти не спешили строить, несмотря на всю важность зернового экспорта, — военная база флота в Севастополе интересовала их гораздо больше.

«Как возвысилась бы Одесса в глазах всей Европы, если бы мы могли не затрудняться в доставлении к нашему порту тех запасов, которые находятся за несколько сот вёрст от него. Никогда не чувствовали потребности скорого и непрерывного сообщения так живо, как в настоящую пору; теперь более чем когда-либо открывается... польза железных дорог для благоденствия нашего сельского хозяйства»¹⁰⁴⁶, — писал современник в 1847 году. Однако железная дорога дошла до Одессы только в 1865 году, когда значение одесского порта в мировом зерновом экспорте уже стало снижаться. Как говорят, «дорога ложка к обеду». Хотя лучше позже, чем никогда.

Даже когда зерно уже стали доставлять по железной дороге, с транспортировкой возникала масса проблем. Зимой рельсы заметало снегом, летом вагоны с зерном скоплялись на запасных путях из-за бестолковой организации движения, и опять возникали задержки, приводившие к нарушению условий контрактов. Да и стоимость перевозки по железной дороге тоже оказалась очень высокой по европейским меркам. Недаром тогда считалось, что в три раза дешевле будет отвезти украинское зерно в Кенигсберг, а оттуда в Лондон. Ещё говорили, что доставка американского зерна стоит гораздо меньше, и это похоже на правду.

Длинной была и цепочка посредников при закупке и перевозке зерна. «Скупка в сёлах происходит следующим образом. Крестьяне, нуждаясь весною (до урожая) в деньгах, с удовольствием продают весь будущий урожай, причём цену скупщики назначают в $\frac{3}{4}$ рыночной». Когда урожай собран и обмолочен, скупщики ездили по сёлам и забирали уже оплаченное зерно. «В заколдованный круг попадает крестьянин... Нужда в кредите огромная, а кредита нет, и из года в год крестьяне, особенно малоземельные, беднеют, не имея возможности вырваться из этого заколдованного круга»¹⁰⁴⁷.

¹⁰⁴⁶ О хлебной торговле на одесском рынке // Киевские губернские ведомости. — 1847. № 13.

¹⁰⁴⁷ Гаженко А. Г. Заметки о хлебной торговле / А. Г. Гаженко // Экономическая жизнь Подолии. — 1913. — № 8–9. — С. 21.

Перекупщики потом продавали зерно маклерам, те перепродавали комиссионерам, а только потом оно попадало к экспортёрам. Все участники этой цепочки брали себе свою прибыль, что и повышало стоимость доставки. Что же касается чумаков, то в середине XIX века они в большинстве случаев были не хозяевами зерна, а всего лишь нанятыми перевозчиками — владельцами транспортных средств.

Зерно и финансы

Зерно было основным экспортным товаром в Одессе, и с этим экспортом было связано большинство финансовых операций. «На некоторых улицах поражает большое количество маклерских вывесок — биржевых, городских и рыночных маклеров», что неудивительно — ведь «Одесса пшеницею управляется». Однако эти операции в Одессе «по большей части простые... и сводятся к незначительному числу видов». Здесь «трудно потеряться в необъятном разнообразии торговых дел» и в «сложных биржевых договорах»¹⁰⁴⁸. Оплата за экспорт зерна производилась иностранной валютой, а также часто золотом, поступавшим из стран Европы в слитках.

Так возникла целая аграрная экономическая система — зерновой капитализм, — в первой половине XIX века обеспечивавшая 20 % мировых поставок пшеницы, более 40 % ячменя и 10 % кукурузы.

От биржи до кофейни Фанкони

В 1796 году начала работу Одесская биржа, одна из старейших в империи. Предприниматели возлагали на неё большие надежды, вспоминая лучшие биржи мира — Лондонскую и Амстердамскую. Иностранные купцы просили у одного из основателей города, военного архитектора Франца де Волана, предоставить для биржи просторное помещение, но в 1796 году Одесса только начинала строиться и такого помещения просто не было.

¹⁰⁴⁸ Мейер Д. И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы / Д. И. Мейер // Избранные произведения по гражданскому праву — М.: Центр «ЮрИнфоР», 2003. — С. 164–165.

Тогда решили проводить биржевые собрания ежедневно с 10 до 12 часов в доме «херсонского купца» (как его называли) Ивана (Жана) Дофине на углу современных улиц Греческой и Ришельевской. Дофине был когда-то поваром у князя Потёмкина, затем его дворецким, а после основания Одессы получил первый винный откуп. В самом конце XVIII века Дофине умер, оставив большие долги. На его имущество наложили арест, и городские власти получили право распоряжаться домом, отдав его для биржи.

Однако дом Дофине не очень подходил для биржевых встреч, и в 1807 году их перевели в «Клубный дом» банкира Ивана (Жана) Рено, выделившего одно из помещений. Рено предоставил часть своего дома для биржи на десять лет, и за это время городские власти обещали построить новое здание или арендовать другое помещение. Однако на деле получалось, что в доме Рено биржа находилась тридцать лет, пока в 1837 году для неё не построили отдельное здание.

Для официального признания бирже нужен был устав, и ещё в 1810 году начались первые попытки создания правил биржевых собраний. Так как их составляли иностранные купцы, заинтересованные прежде всего в практической пользе от биржи, правила не очень соответствовали законам Российской империи. Поэтому устав Одесской биржи долго не хотели утверждать, его приходилось переделывать, и приняли его только в 1848 году, подготовив по образцу Петербургской биржи. Из-за этого работа Одесской биржи затормозилась более чем на три десятилетия.

После утверждения устава избрали биржевой комитет, который возглавил крупный предприниматель Яков Порро. Преобладали на бирже товарные операции с зерном, а также с иностранной валютой, полученной от зернового экспорта. Несмотря на то что полноценно биржа заработала с большим опозданием, в конце 1850-х годов объём совершённых там операций с зерном достиг 60 млн рублей серебром, и Одесская биржа стала считаться одной из крупнейших в империи¹⁰⁴⁹.

Из ценных бумаг на бирже проводились операции преимущественно с переводными векселями, использовавшимися в зерновой торговле. Эти операции были связаны со многими крупными европейскими банками. «Одесская биржа

¹⁰⁴⁹ Скальковский А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — СПб., 1865. — С. 109.

главные свои обороты имеет с Парижем, Марселем, Лондоном, Веной, Триестом, Ливорно и Константинополем, редко с Амстердамом и Генуей, и ещё реже с Гамбургом»¹⁰⁵⁰.

В 1894 году на углу Полицейской и Пушкинской улиц было построено новое просторное здание биржи, деньги на которое (800 тысяч рублей) собрали с помощью облигационного займа. С этим зданием связана забавная история. «Банкиры... выписали из Италии архитектора Бернардацци... и сказали ему, — надо построить биржу, но зал должен быть такой, чтобы не было никакой акустики. Если два человека разговаривают между собой — чтоб рядом стоящий ничего не слышал. Так нужно для дела»¹⁰⁵¹. Идея понятна — нечего подслушивать, о чём говорят финансисты. Бернардацци с успехом выполнил свою задачу, получив гонорар в 50 тысяч рублей. А потом, когда большевики биржу ликвидировали, это здание с плохой акустикой отдали под филармонию.

В конце XIX века в биржевое сообщество входило 85–90 человек (из них более 30 маклеров). Из известных в Одессе людей на бирже чаще всего видели представителя торгового дома «Тработти» Эдуарда Ансельма, владельца банковской конторы Рубина Зонштейна, банкира Озиаса Хаиса, представителя Одесского торгово-промышленного банка Андрея Поммера, представителя Одесского отделения банка «Лионский кредит» Давида Каммерина.

В операциях с ценными бумагами Одесская биржа проводила вполне самостоятельную политику, а валютные сделки, связанные с доходами от экспорта зерна, даже оказывали влияние на курсы валют на Петербургской бирже. Считалось, что «Одесская биржа является одной из деятельнейших»¹⁰⁵² и она «ведёт... самостоятельное существование»¹⁰⁵³, в то время как остальные региональные биржи гораздо больше зависели от котировок Петербургской биржи.

¹⁰⁵⁰ Скальковский А. Опыт о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — Одесса: В городской типографии, 1839. — С. 66.

¹⁰⁵¹ Утёсов Л. Спасибо, сердце! / Л. Утёсов. — fictionbook.in

¹⁰⁵² История торговли и промышленности в России / Под ред. П. Х. Спасского. Т. 1. Вып. 3. Исторический очерк развития торговых учреждений в России: Биржи, страховые общества, товарные склады и другие торговые учреждения. — СПб., 1911. — С. 80–81.

¹⁰⁵³ Кардашев В. П. Фондовые биржи в России / В. П. Кардашев // Банковая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России / Под ред. Л. Н. Яснопольского. — К.: Изд-во Банковой энциклопедии, 1917. — С. 218.

Однако во время подъёма 1890-х годов операции с ценными бумагами проводились на Одесской бирже без того ажиотажа, который можно было видеть на биржах Петербурга или Москвы. Когда в 1896 г. Петербургская и отчасти Московская биржи стали «местом биржевой игры, хотя и не столь значительной, как в предыдущем», на Одесской бирже «игра эта совершенно не отражалась»¹⁰⁵⁴.

Об игре на Одесской бирже красочно рассказывал герой повести Шолом-Алейхема. По обычаям биржи для сделок не обязательно иметь на руках реальный товар. «Подходит ко мне один маклер, второй, третий... Не надо ни контрактов, ни расписок, ни строчки написанной! У каждого маклера — книжечка и карандашик. Он достаёт книжечку и записывает, что я имею у него... а я достаю несколько рублей и плачу ему — удовольствие! А спустя час-другой, если Бог захочет, узнают “таксировку” из Берлина, и прибегает тот же маклер и даёт тебе четвертной билет — чистой прибыли, а потом, когда прибывают ещё сведения, он суёт тебе полсотни, а к концу дня, если Богу угодно, набегают и вся сотня, а иной раз может случиться, что и две, а то и все три... Биржа — это игра, дело удачи»¹⁰⁵⁵. Впрочем, для героя повести такая «торговля воздухом» закончилась крахом.

В Одессе по сложившейся традиции значительная часть товарных и финансовых сделок происходила вне биржи, о чём все знали. Участники сделок встречались на углу Дерибасовской и Ришельевской возле дома, в котором было греческое казино. Там же были и меняльные столы, где можно было обменять иностранную валюту. «В Одессе “люди воздуха” рыщут вокруг кофеен для того, чтобы заработать... но заработать-то не на чём, да и за что дать заработать бесполезному человеку — “человеку воздуха”? Но в Одессе всё же есть порт, «а в порту — пароходы, пришедшие из Ньюкастля, Кардифа, Марселя и Порт-Саида»¹⁰⁵⁶.

Одесские биржевые игроки и спекулянты, так называемые лапетутники, обычно собирались в респектабельной

¹⁰⁵⁴ Невзоров А. Русские биржи. Вып. 1–2. Вып. 1: Отчёт о командировке во внутренние губернии России на летние месяцы 1896 года / Невзоров А. С. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1897. — С. 191.

¹⁰⁵⁵ Алейхем Ш. Менахем-Мендл / Ш. Алейхем // Собрание сочинений. Т. 1. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. — С. 341.

¹⁰⁵⁶ Бабель И. Забытый Бабель: сборник малоизвестных произведений И. Бабе-ля / И. Бабель. — М.: Ардис, 1979. — С. 50.

кофейне «Фанкони», основанной в 1872 году швейцарцем Яковом Фанкони. В 1913 году кофейню перестроили, и на верхних этажах дома в самых дорогих в городе квартирах жили завсегдаитаи «Фанкони». Это было место, «где пьют кофе, едят мороженое и заключают сделки... Дай бог мне хотя бы половину стоимости сделок, которые там заключают за день», — говорил один из героев Шолом-Алейхема¹⁰⁵⁷. Здесь всегда был слышен «черноморский говор, и стук бильярдных шаров, и споры о курсе акций»¹⁰⁵⁸. Через дорогу было кафе Робина, где также собирались биржевые маклеры.

С началом Первой мировой войны жизнь на Одесской бирже притихла. В самом городе «война внешне почти не видна... настроение приподнятое. Гостиницы сегодня полны, так как пришло сразу два парохода — из Галаца и из Константинополя», однако «биржа закрыта, спекуляций нет, и Одесса печальна. [Биржевые] зайцы, как мухи в сентябре, бродят по Дерибасовской и Екатерининской; у биржи толпа их с поникшими головами»¹⁰⁵⁹.

К началу XX века Одесса, многонациональный приморский город, стала самодостаточным финансовым центром и признанным в мире рынком зерна, наиболее подверженно-го в то время процессам глобализации. А сеть коммерческих связей одесских финансистов достигала основных мировых биржевых центров.

Кстати, с влиятельной одесской «зерновой мафией» был связан экономист и политик Александр Гельфанд, известный участием в финансировании большевистской революции¹⁰⁶⁰.

¹⁰⁵⁷ Алейхем Ш. Менахем-Мендл / Ш. Алейхем // Собрание сочинений. Т. 1. — М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. — С. 348.

¹⁰⁵⁸ Габрилович Е. Четыре четверти / Е. Габрилович. — М.: Искусство, 1975. — С. 13.

¹⁰⁵⁹ Крымов В. «Чтобы жизнь не была так печальна» / В. Крымов. — Одесса: Тип. Акц. О-ва Изд. Дела «Копейка», 1917. — С. 88.

¹⁰⁶⁰ Александр Гельфанд (Парвус) (1867–1924) молодые годы провёл в Одессе. Трудно сказать, насколько достоверна история о финансировании Гельфандом русской революции. В «Википедии» опубликована фотография расписки, согласно которой Гельфанд получил для этой цели в Германии 1 млн руб. (Парвус А. Л. — <http://ru.wikipedia.org>). Большевики неоднократно заявляли, что вся эта история — провокация, и с тех пор многие считают документы о финансировании Парвусом большевиков фальсифицированными. Но в начале XX века были весьма распространёнными слухи о финансовой поддержке революционного движения извне (либо из Германии, заинтересованной в поражении России в войне, либо со стороны Ротшильдов, известных своей позицией ещё со времени блокирования ими российских займов и финансо-

Многих одесских коммерсантов судьба заносила в разные страны мира, в том числе и в Америку, где кое-кто из них достигал успеха в бизнесе. А кое-кто оказывался в центре скандалов...

В январе 1911 г. «Одесский листок» рассказывал историю подъёма и краха директора нью-йоркского Northern Bank и президента Washington Saving Bank Жозефа Робена, в прошлом одессита. История Робена началась 18 лет назад, когда в нью-йоркский порт прибыл немецкий пароход, на котором было 1000 эмигрантов. «В числе их был одессит Иосиф Рабинович, молодой человек 19–20 лет». Став репортёром полицейской хроники, «он твёрдо решает американизироваться и превращается в Жозефа Робена». Вскоре он начинает вести биржевую хронику, его замечают и поручают писать репортажи с Уолл-стрит. У Робена появляется возможность хорошо познакомиться с биржевым миром. «Через некоторое время он появляется на Wall Street в цилиндре, одетый с иголки. Теперь он самостоятельный делец... берёт подряды по крупным постройкам и успешно конкурирует с дипломированными подрядчиками-архитекторами». Во всех делах Робен «проявлял ум и недюжинные организаторские способности». Вскоре Робен погружается в банковский бизнес, достигая успеха и тут. Однако страсть к рискованным операциям однажды подвела его. В начале 1911 г. в американской прессе появились сообщения о хищении крупных сумм из Washington Saving Bank, а затем — о крахе Northern Bank. Обоими банками руководил Робен. Закрылись все отделения этих банков и распространились слухи, что Робен взял с банковских счетов крупную сумму денег, используя их для личных спекулятивных операций. Банкира-мошенника начала разыскивать полиция. Робен пытался скрыться, но полиция выследила его на квартире сестры, Луизы Рабинович. «Заключительным аккордом этой типично американской истории, ярко рисующей типы местных дельцов, явилась попытка Робена... свести счёты с правосудием и жизнью» — перед первым до-

вой миссии Артура Рафаловича в Париже). Гельфанд претендовал на то, что после победы большевиков ему предложат пост министра финансов, но Ленин и Троцкий демонстративно заявили о разрыве с ним всяких отношений. После смерти Гельфанда в 1924 г. все его личные архивы исчезли, и сегодня трудно отделить правду от вымыслов в истории этого политического и финансового авантюриста.

просом он выпил пять таблеток яда, «найденного им в кабинете сестры-доктора». Но врачи спасли его и «теперь Робен-Рабинович ждёт суда в палате тюремной больницы»¹⁰⁶¹. Вот такая одесская история. Думаю, подобных историй в те годы было немало.

И в Одессе бывали кризисы...

Одесская бизнес-сеть ориентировалась на международную торговлю, поэтому её затрагивали (хотя и в разной степени) циклические подъёмы и спады мировой экономики. Пожалуй, первым из финансовых кризисов, дошедшим до «южной столицы», стал мировой кризис 1857 года, распространившийся от «отдалённого Запада Нового Света до Стокгольма и Москвы, до Смирны и Одессы». На протяжении одного лишь месяца «тысячи обанкротились», города «покрылись... бесчисленными развалинами... частных состояний», а «богатства за ночь превращались в ничто; стариннейшие торговые дома, пережившие поколения войн и революций, для которых неоплаченный вексель был неслыханным явлением... рушились, словно сносимые ветром... неисчислимы запасы товаров лежали на складах, напрасно ожидая отправки»¹⁰⁶².

С началом Крымской войны 1853–1856 годов, в которой царская империя воевала с коалицией, образованной Турцией, Великобританией и Францией, перспективы на товарном и финансовом рынках вызвали понятное беспокойство. Вывоз зерна из Одесского и других портов Чёрного и Азовского морей запрещался царским указом от 12 февраля 1854 года, и одесские зернотрейдеры понесли немалые убытки¹⁰⁶³.

Вскоре после окончания войны, весной 1856 года, возобновился зерновой экспорт из Одессы и других черноморско-азовских портов. Цены на зерно в тот год

¹⁰⁶¹ Обамериканившийся одессит // Одесский листок. — 1911. — № 4. — 5 янв. — С. 2.

¹⁰⁶² Die Verkehrskrisis des Jahres 1857 // Preussische Jahrbucher. — 1858. — Т. 1. — S. 97. Цит. по: Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3 т. Т. 1. / Л. А. Мендельсон. — М.: Изд-во социально-экон. лит-ры, 1959. — С. 587.

¹⁰⁶³ Одесский вестник. — 1860. — № 16. — 11 февр.

были высокие, и в Одессе распространились слухи, что запасы в Европе почти полностью израсходованы, поэтому все с нетерпением ждут новых поставок. Началось всеобщее оживление среди экспортёров зерна, были заключены крупные контракты о будущих поставках на срок и договоры на аренду морских судов, хотя одесские зерноторговцы не могли точно знать, каким будет новый урожай зерна. Им оставалось лишь надеяться на то, что он будет хорошим. Однако, когда в сентябре стали прибывать зафрахтованные корабли для погрузки зерна, оказалось, что урожай в этом году небольшой, а запасы прежних лет из Киевской, Волынской и Подольской губерний уже проданы в Польшу. Зерна привезли в Одессу в два раза меньше, чем обычно, из-за чего многие корабли вернуться обратно пустыми¹⁰⁶⁴. Это был скандал. Всё усложнялось ещё и тем, что на мировых финансовых рынках нарастала напряжённость — приближался кризис 1857 года.

Убытки одесских зернотрейдеров достигли 10 млн рублей. Оставалось надеяться на урожай следующего года, но надежды не оправдались — 1857 год тоже принёс убытки, хотя уже поменьше — 2,5 млн рублей. К тому же осенью начался мировой финансовый кризис 1857 года, осложнявшийся для зернотрейдеров местными трудностями, связанными с низким урожаем. В Одессе кризис достиг максимума в 1859 году, и общие потери торговых и банкирских домов с 1857 по 1862 год достигли 8 млн руб. серебром¹⁰⁶⁵.

Особенно тяжёлым стал 1862 год. Спрос на одесское зерно снизился и на английском, и французском рынках, переключившихся на новых поставщиков. Некоторые торговые дома стали сокращать операции с зерном, другие (особенно мелкие фирмы) старались взять кредиты где только можно под высокие проценты. Многие из них не смогли вернуть кредиты и становились банкротами¹⁰⁶⁶.

¹⁰⁶⁴ Одесский вестник. — 1859. — № 1. — 3 янв.

¹⁰⁶⁵ Одесский вестник. — 1863. — № 1. — 1 янв.

¹⁰⁶⁶ Количество официально объявленных банкротств максимальным (66) было в 1863 г. (в 1857 г. — 14 банкротств, в 1860 г. — 34, в 1864 г. — 35) (Митьков А. Ф. Очерк торгово-юридической статистики Одессы / А. Ф. Митьков // Труды Одесского статистического комитета. Вып. 1. — Одесса: Тип В. Францова, 1865. — С. 313). С 1847 по 1862 год не было основано ни одной действительно крупной торговой фирмы или банкирского дома, а все основанные в это время предприятия просуществовали недолго (Одесский вестник. — 1863. — № 1. — 1 янв.).

Начался отток капиталов¹⁰⁶⁷ из Одессы — золотое время этого свободного порта уходило в прошлое вместе с отменой порто-франко и уменьшением значения одесского зернового экспорта на мировом рынке. Вслед за оттоком капиталов начали уезжать некоторые крупнейшие предприниматели, стоявшие у основ зернового бизнеса. Неслучайно в это время Родоканаки, Ралли и другие больше времени проводили в Лондоне, чем на берегах Чёрного моря. Всего же пришлось ликвидировать более двадцати торговых домов¹⁰⁶⁸, владельцы которых после кризиса перенесли свой бизнес в другие страны.

Настроение на одесских товарных и финансовых рынках стало немного улучшаться с середины 1860-х годов. А в 1869 году биржевой бум охватил Петербург, Москву и другие финансовые центры Российской империи. Особенно бурным новый бум стал в Одессе, где торговля имела громадные обороты и расцвела спекуляция процентными бумагами¹⁰⁶⁹. В это время всех охватил «дух спекуляции... Петербург, Москва, Одесса увлеклись биржевой игрой до небывалых размеров»¹⁰⁷⁰.

Этот «дух спекуляции» увлёк многих новых участников рынка, никогда раньше не участвовавших в биржевой игре. В 1860-е годы «сфера биржевой игры была... беспредельна. От судомойки и горничной, за неимением акций игравших лотерейными билетами богоугодных заведений, до концессионеров, денежных и других тузов, — всё преследовало одну мысль: схватить куш, нажиться вдруг, как наживаются в сказках». В то время можно было «смело назначить премию» за фотографию того из банкиров или «капиталистов средней руки», кто из благоразумия остался вне этого всеобщего увлечения биржевой игрой¹⁰⁷¹.

¹⁰⁶⁷ К тому же банковский процент по депозитам снизился в Одессе с привычных 4 % до 3 %, а потом и до 2 %. Следствием этого стало массовое изъятие капиталов из Одесской конторы Государственного банка и перевод их за границу, в Лондон и Париж.

¹⁰⁶⁸ Среди них фирмы Карла Деазарта, Ивана Загранди, Карла Рокко, Луиджи Росси, Дмитрия Сугрури, Доменика Тубино.

¹⁰⁶⁹ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки России / И. И. Левин. — М.: Дело, 2010. — С. 231.

¹⁰⁷⁰ [Ламанский Е. И.] Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского (1840–1890) / Е. И. Ламанский // Русская старина. — 1815. — Кн. XII. — С. 404; Кн. X. — С. 58.

¹⁰⁷¹ Десятилетие первого частного коммерческого банка // Финансовое обозрение. — 1874. — № 45. — С. 377–378.

Однако в конце августа 1869 года курсы ценных бумаг стали падать, а в сентябре началась паника, охватившая биржи¹⁰⁷². Механизм развития биржевой паники был таким же, как и во всех других подобных случаях — отличались лишь имена биржевых игроков. «Между капиталистами попадают иногда странные натуры... Когда бумага, хотя бы самая солидная, неигровая, идёт вверх постоянно, без перерывов, то какую бы наживу она им не предоставляла, им всё кажется, что повышению не будет конца, и что нажива недостаточно велика; но как только случилась малейшая заминка, малейшее обратное движение цены бумаги, тогда страху их не бывает границ, и они начинают предлагать принадлежащие им акции по чём попало, только бы сбыть их с рук». Понятно, что такими действиями они производят «ещё большее понижение цены», после чего «теряют голову, перестают видеть и осознавать, что понижение вызвано ими самими, начинают бояться своей собственной тени и бывают готовы уступить имеющиеся у них остатки за полцены»¹⁰⁷³. Переполюх закончился к началу 1870 года, но спокойное время длилось недолго.

В конце сентября 1872 г. пресса сообщала о биржевой панике в разных городах, в том числе и в Одессе. «Биржа находилась в страшном переполюхе... Сделок не было... самые лучшие бумаги не покупались никем, денег нельзя было найти ни за какие проценты»¹⁰⁷⁴, а знаменитая Одесская ярмарка в этом году пришла в полный упадок.

Потом дела, казалось бы, стали налаживаться, и весной 1873 года, накануне знаменитого мирового финансового кризиса, «кредит достиг в Одессе небывалых размеров. Лица, кредитовавшиеся раньше на 5 тысяч рублей, брали по 30 и по 40 тысяч». Как и в Вене, откуда начался в мае кризис, в Одессе «развилась страшная спекуляция на покупку и перепродажу домов». Дух спекуляции «обуял даже солид-

¹⁰⁷² Современники называли эту панику «знаменитым биржевым кризисом», воспринимая его как «признак совершеннолетия биржи» (Левин И. И. Акционерные коммерческие банки России / И. И. Левин. — Петроград, 1917. — С. 231).

¹⁰⁷³ Биржевая беседа. 19 октября // Финансовое обозрение. — 1874. — № 42. — С. 318.

¹⁰⁷⁴ Современные известия. — 1872. — 4 окт.; Голос. — 1872. — 29 окт. (Цит. по: Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России / А. Ф. Яковлев. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. — С. 98-99).

ных людей, которые, накупив десятки домов, впоследствии жестоко поплатились»¹⁰⁷⁵.

Когда в мае в Вене и Берлине начался кризис 1873 года, быстро ставший общемировым, «удары “страшного краха” отзывались даже в таких местах, как Белград и Бухарест, Одесса... Александрия и Южная Америка»¹⁰⁷⁶. Спрос на недвижимость упал, и когда наступили сроки возвращения кредитов, многие должники не смогли расплатиться. Начались массовые банкротства, и банки также оказались в затруднительном положении.

Из Одессы поступали сообщения о многих «крупных и мелких банкротствах, вызвавших среди тамошних коммерсантов настоящую панику, так что деньги совсем исчезли из обращения». Перепуганные банки, «которые перед тем щедро расточали направо и налево свой кредит, стали усиленно стягивать обратно выданные им ссуды и этим только усилили общее смятение»¹⁰⁷⁷.

Польза от предкризисного ажиотажа состояла в том, что в «Одессе выстроено было много красивых домов, застроено много пустопорожних мест», хотя «лёгкий и дешёвый кредит вызвал высокие цены на дома», а лёгкая «добыча денег придала населению какой-то особый кураж»¹⁰⁷⁸.

Во время кризиса произошло сильное сокращение вывоза пшеницы через Одесский порт. Хотя отчасти это сокращение было вызвано низкими урожаями в 1870–1872 гг., главной причиной стало общее падение цен на зерно на мировом рынке. Последствия кризиса и падения цен на зерно ощущались и в 1876 году. «Капиталы исчезают, кредит падает, недвижимая собственность понижается в цене, рабочий люд без дела, банкротства... вот признаки той страшной торговой агонии, которая выпала в настоящее

¹⁰⁷⁵ Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. — С. 64.

¹⁰⁷⁶ Вирт М. История торговых кризисов в Европе и Америке / М. Вирт. — СПб.: Изд-во журнала «Знание», 1877. — С. 336.

¹⁰⁷⁷ «В числе фирм, обанкротившихся в Одессе, была одна, пассив которой простирался до 1,5 млн серебром; другая оказалась несостоятельной на 1 200 000 рублей серебром». В остальных банкротствах в Одессе «пассивы колебались между 100 000 и 1 млн рублей» (Вирт М. История торговых кризисов в Европе и Америке / М. Вирт. — СПб.: Изд-во журнала «Знание», 1877. — С. 475).

¹⁰⁷⁸ Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. — С. 65.

время на долю Одессы», — писала петербургская газета «Биржа»¹⁰⁷⁹.

Со второй половины 1870-х годов в промышленных предприятиях Одессы началось заметное улучшение, хотя оно касалось больше промышленности, чем торговли. Если в 1875 году промышленность Одессы росла, то в торговле отмечался явный застой¹⁰⁸⁰. Улучшение было недолгим — с началом Балканской войны (1877–1878) закрыли все порты Чёрного моря. В Одессе зерновая торговля, питавшая капиталами город, на время практически приостановилась, и ежегодно закрывалось около 25 % торговых фирм. Оживление в торговле началось только лишь в 1880-е.

Однако даже в начале XX века в Одессе всё ещё ощущалось «влияние годов застоя торговой и промышленной жизни, и много капиталов продолжают храниться в различных частных банках без оборота». И хотя неплохой урожай зерна в 1910 году «оживил несколько местную жизнь», а во время общего подъёма 1910–1912 годов на одесском финансовом рынке «с деньгами было совершенно свободно»¹⁰⁸¹, в целом для «южной столицы» наступили не лучшие времена. Город был, безусловно, богат и в нём хватало капиталов, накопленных за целое столетие экспорта зерна. Но такой бурный рост, как во времена порто-франко, остался позади — в бесповоротном минувшем прошлом.

¹⁰⁷⁹ Цит. по: Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3 т. Т. 2. / Л. А. Мендельсон. — М.: Изд-во социально-экон. лит-ры, 1960. — С. 108.

¹⁰⁸⁰ Только лишь с июля 1874 г. по июль 1875 г. банкротств было в 6 раз больше, чем с июля 1870 г. по июль 1874 г. (Биржевые ведомости. — 1877. — № 230. — 14 сент.)

¹⁰⁸¹ Денежный рынок в Одессе в 1910 г. // Одесский листок. — 1911. — № 4. — 5 янв. — С. 2.

Глава 4.

ФИНАНСОВЫЙ МИР ОДЕССЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Переселение из Бродов

«Одесса — город многих рас и языков», однако ни для кого не новость, что в ней было «сосредоточено большее, чем где-либо, количество... еврейства»¹⁰⁸¹, поэтому и одесский финансовый мир второй половины века заполнен преимущественно еврейскими именами.

Еврейская община города стала увеличиваться после окончания наполеоновских войн, когда в Одессу переселилось около трёх сотен семей еврейских купцов из Галичины¹⁰⁸², главным образом из знаменитого местечка Броды, которое недаром называли родным братом Бердичева. Как и бердичевские, бродские предприниматели богатели на контрабанде товаров через границу между Российской и Австрийской империями. Присоединение Бродов к Австрии в 1772 году и получение в 1779-м статуса свободного города заметно улучшили условия для еврейских предпринимате-

¹⁰⁸¹ Юровский Л. Н. В гетто / Л. Н. Юровский // Русские ведомости. — 1914. — 11 апр., № 83. — С. 3.

¹⁰⁸² Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. Т. 2. Ч. 2. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1808. — С. 299.

лей. Если в 1870-е годы австрийское правительство пыталось ограничить присутствие евреев в городах, то при императоре Иосифе II (правил в 1780–1790 гг.) им предоставили многие льготы. Однако после смерти Иосифа начались притеснения евреев — им запретили доступ в купеческие гильдии, а потом закрыли еврейские школы.

Когда в 1806 году Наполеон объявил «континентальную блокаду» (торговые санкции против Англии, длившиеся до 1814 года), морские перевозки в Европе сильно сократились. В это время возник транзитный торговый путь из Константинополя в Одессу и потом в Броды. По нему хлопок из британских колоний в Азии, а также другие восточные товары поступали в Центральную Европу¹⁰⁸³. Эту транзитную торговлю не раз пытались запретить, но она снова возродилась после введения в Одессе порто-франко и прекратилась только после его отмены¹⁰⁸⁴. Так возникла тесная связь между Одессой и Бродами на уровне торговых путей.

За время существования транзитного торгового пути евреи стали массово переселяться из Бродов (да и вообще из Галичины) в Одессу, где для них было больше возможностей. Когда в Австрии политика в отношении евреев изменилась, они начали массово переселяться из Бродов в Одессу. Так во второй половине XIX века Броды пришли в упадок. К тому же после создания сети железных дорог Броды как центр транзитной торговли утратили своё значение. А Одесса расцвела — евреи из Брод принесли в «южную столицу» и капиталы, и связи в Западной Европе, и методы работы с европейскими партнёрами. Это хороший пример того, как нити экономических и финансовых связей объединяли разные части Украины, даже если они входили в состав различных государств.

Одесса всегда притягивала к себе евреев — социальная среда здесь оказалась для них более либеральной, чем во

¹⁰⁸³ Из 150 лицензий, выданных в 1810 г. торговым домам Бродов на операции с хлопком, 49 лицензий было у торгового дома Hausner & Violland, 20 — у дома Boesner, крупнейших в Бродах (Kuzmany B. Die Stadt Brody im langen 19. Jahrhundert — Eine Misserfolgsgeschichte? / B. Kuzmany. Wien: Universitat Wien, 2008. — P. 74. — othes.univie.ac.at).

¹⁰⁸⁴ Об этом транзитном пути между Европой и Азией с энтузиазмом много писал уже известный нам одесский предприниматель Карл Сикар (Сикар К. Письма об Одессе / К. Сикар. — СПб., 1818. — С. 68–73). Подробно проанализировал транзит Одесса — Броды А. Скальковский (Скальковский А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — СПб., 1865. — С. 49, 89–93, 119).

многих других городах. В Одессе открылись еврейские школы и синагоги, и неудивительно, что еврейская община города увеличивалась каждые 10 лет в два раза¹⁰⁸⁵ и скоро стала одной из крупнейших в Восточной Европе. Недаром возникла старая еврейская поговорка *Lebn vi Got in Odes* — «В Одессе я жил как Бог»¹⁰⁸⁶. Экономике молодого города нужно было развиваться, и царские власти (вообще-то не отличавшиеся симпатией к евреям) решили на время закрыть глаза на все эти вольности.

С 1860-х годов евреи уверенно вытесняли итальянцев и греков из одесской зерновой торговли¹⁰⁸⁷. Когда во время кризиса конца 1850-х — начала 1860-х годов многие из старых одесских греческих и итальянских торговых домов были вынуждены свернуть дела, а их владельцы уехали за границу, еврейские предприниматели радостно потирали руки. Конкурентов стало меньше.

Можно, конечно, сказать, что после Крымской войны, кризиса 1857 года и отмены порто-франко золотой век одесского зернового капитализма остался в прошлом. Однако еврейские зернотрейдеры так не считали, и некоторые из них (например, породнившиеся с Ротшильдами Эфрусси) так поднялись, как грекам даже и не снилось. Это подобно месторождению золота. Первая волна золотоискателей собрала самородки, лежавшие на поверхности, и ушла дальше — их интересовало легко доставшееся богатство. А вторая волна инвестировала в добычу золота больше капиталов, купила технику и начала основательно и планомерно разрабатывать месторождение, получив в итоге намного больший доход. Так было и с зерном во второй половине XIX века. Может, одесский импорт уже не занимал первое место среди мировых поставщиков зерна, но он продолжал расти и давать большие прибыли.

¹⁰⁸⁵ Waal de. E. *The hare with amber eyes: a family's century of art and loss* / E. de Waal. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010. — P. 24.

¹⁰⁸⁶ К концу XIX века около 70 % промышленных и торговых предприятий, а также 90 % компаний, занимавшихся торговлей зерном, принадлежало в Одессе представителям еврейской общины, а из 782 членов биржи 367 было евреями (King Ch. *Odessa. Genius and Death in a City of Dream* / Ch. King. — New York: W. W. Norton & Co, 2011. — P. 97–98).

¹⁰⁸⁷ Обороты одесских еврейских купцов более чем в 10 раз превышали обороты таких купцов в Киеве (Субботин А. П. К черте еврейской оседлости. Орывки из экономических исследований в Западной и Юго-Западной России за лето 1887 г. / А. П. Субботин. — Вып. 2. — СПб., 1980. — С. 212).

К середине 1860-х годов торговые дома, «занимающиеся заграничной торговлей хлебом», уже были «большей частью еврейские, по крайней мере, самые большие фирмы»¹⁰⁸⁸. Основное конкурентное преимущество этих новых торговых домов было в том, что они не только контролировали всю цепочку зерновой торговли, но и были готовы работать со всеми поставщиками, в том числе даже с мелкими. «Во главе хлебной торговли Одессы стоят два торговых дома: “Эфрусси и Ко” и Когана». В еврейских торговых домах «рядом с... большими фирмами стоят другие, обладающие меньшим капиталом и ведущие исключительно... дела по заказам из-за границы», при этом «банкирские дела... идут у них рядом с чисто торговыми»¹⁰⁸⁹.

Банкирский дом Эфрусси

На картине Ренуара «Завтрак гребцов» — очаровательная весёлая компания в ресторанчике «Мэзон Фурнэз» на Сене. «Это послеобеденная сцена в ренуаровском новом мире, состоящем из художников, их покровителей и актрис, где все дружны между собой... Здесь нет правил, нет запретов. Актриса Эллен Андре... подносит к губам бокал. Барон Рауль Барбье, бывший мэр колониального Сайгона... разговаривает с юной дочерью ресторатора... Художник Поль Лот с видом собственника обнимает актрису Жанну Самари. Все заняты весёлыми разговорами и флиртом», — писал Эдмунд де Ва-

¹⁰⁸⁸ Янсон Ю. Э. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе / Ю. Э. Янсон. — СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. — С. 364. В британском банкирском доме братьев Беринг в 1860 году называли торговые дома Эфрусси и Рафаловича основными в Одессе (Томпсон С. Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование / С. Р. Томпсон. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 220). В 1863 году крупнейшими в Одессе экспортёрами были Иахим Эфрусси (оборот 3,3 млн руб.), Арист Масс (2,9 млн руб.), Лев Рафалович (2,5 млн руб.), Карл Горни (1,7 млн руб.), Иван Рокко (1,7 млн руб.), Оттон Тритен (1,6 млн руб.), Константин Папудов (1,4 млн руб.), Афанасий Спандони (1,2 млн руб.), Николай Тошков (1,2 млн руб.), Георгий Вучина (1 млн руб.). Всего экспортными операциями занималось 136 фирм (в 1856 г. — 123), из которых 130 принадлежало иностранным купцам (Одесский вестник. — 1964. — № 48. — 2 марта; № 50. — 5 марта).

¹⁰⁸⁹ Янсон Ю. Э. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе / Ю. Э. Янсон. — СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. — С. 364.

аль¹⁰⁹⁰ в своей книге «Заяц с янтарными глазами». А важный господин в дальнем левом углу — это Шарль Эфрусси, искусствовед и меценат, сын парижского банкира Леона Эфрусси. В цилиндре и чёрном костюме он здесь вроде бы неуместен. Почему он вообще оказался в этой компании на картине Ренуара?

Шарль родился в 1849 году в Одессе на Приморском бульваре, в особняке семьи Эфрусси. Его дед Иоахим (все называли его Хаим) приехал сюда из Бердичева (откуда он ещё мог приехать?) в 1830-е годы и разбогател на торговле зерном. Поэтому на фамильном гербе Эфрусси появилось три пшеничных колоса и трёхмачтовый парусный корабль. В 1859-м двое из сыновей старого Хаима, Игнац и Леон, переселились в Вену. Благодаря родственным связям с Ротшильдами бизнес расширился, Эфрусси стали признанными «королями зерна» и славились своим невероятным богатством.

В 1871 году Леон перебрался в Париж, где вся семья (в том числе и Шарль) жили на улице Рю де Монсо. Старший из сыновей Леона, Жюль, стал финансистом и возглавил парижский филиал семейной фирмы. Средний сын Леона, Игнац, был знаменитым во французской столице прожигателем жизни, прославившимся любовными похождениями и дуэлями. А младшему, Шарлю, полностью обеспеченному деньгами, предоставили свободу выбирать себе дело по душе. Его влёл мир художников, он коллекционировал картины и писал статьи о живописи для «Газеты изящных искусств» (*Gazette des Beaux Arts*), владельцем которой он стал в 1885 году. Шарлю нравились импрессионисты, особенно Ренуар, и он был одним из главных покупателей его картин. А это имело значение даже для такого знаменитого художника.

Так Эфрусси и оказался на этой картине, как бы намекая, что весёлая и свободная жизнь невозможна без покровителя и спонсора. А ещё намекая, что за ним стояла целая династия, корни которой уходили в Бердичев и Одессу, а вершина этого, не побоюсь сказать, древа пышно распустилась в тех же финансовых небесах, где парили Ротшильды и другие птицы столь же высокого полёта.

¹⁰⁹⁰ Эдмунд де Вааль — далёкий потомок династии Эфрусси, рассказавший в своей книге о славных предках (Вааль Э. Заяц с янтарными глазами: скрытое наследие / Э. де Вааль. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — <https://avidreaders.ru>).

Но начнём по порядку и с самого начала. Старый Хаим был потомственным купцом из Бердичева. Иоахим Эфрусси (1793–1864) считался житомирским купцом 1-й гильдии до декабря 1835 года. Коммерческие операции в Одессе он начал ещё в середине 1820-х годов, закупаая партии зерна по заказам купцов из Бродов и Бердичева. Действовал он от имени торгового дома «Манзон и Эфрусси», основанного вместе с известным в Бердичеве банкиром Давидом Манзоном.

Поняв прибыльность зернового бизнеса, Хаим в 1829 году создаёт в Одессе свой торговый дом для экспорта зерна¹⁰⁹¹, а в 1835-м переселяется туда из Житомира. В декабре того же года он стал одесским купцом 1-й гильдии, а в 1843-м вместе с Абрамом Рафаловичем основал банкирскую контору «Эфрусси, Рафалович и Ко».

Основатель династии не собирался на этом останавливаться и решил открыть филиалы своей фирмы в Париже и Вене — это была часть его амбициозного плана пойти по пути Ротшильдов, а может даже и сравняться с ними. Майер Ротшильд когда-то отправил своих пятерых сыновей в разные города Европы — так началась история могущественной финансовой империи. «А чем Эфрусси хуже Ротшильдов?» — задавал себе вопрос Иоахим. У него кроме двух дочерей, которых можно было выгодно выдать замуж, выросло четверо сыновей, которым он поручил осваивать европейский рынок и стать влиятельными финансистами. И при первой же возможности породниться с богатыми еврейскими династиями, а в идеале — с самими Ротшильдами.

В 1859 году Хаим послал в Вену двух старших сыновей, Игнаца и Леона. Они переселились туда с семьями и купили огромный дворец в центре города на Ringstrasse, открыв торговый и банкирский дом. В Вену перебрался и отец, там он прожил остаток своей жизни и умер 12 ноября 1864 года.

Младшие сыновья, Морис и Мишель, поселились в Париже. Через несколько лет к ним приехал из Вены Леон, чтобы вместе налаживать бизнес во французской столице. Так Хаим Эфрусси из Бердичева превратил свой первоначальный капитал в империю.

¹⁰⁹¹ Обороты одесского торгового дома Эфрусси быстро росли от 34,6 тыс. руб. в 1846 г. до 825,5 тыс. руб. в 1853 г. и 3,3 млн руб. в 1864 г. (Морозан В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века / В. В. Морозан. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 74).

начально небольшой зерновой бизнес в огромное предприятие, стремившееся контролировать как можно большую часть рынка пшеницы. В 1860-е годы семья Эфрусси действительно стала крупнейшим экспортёром зерна — недаром братьев стали называть в Париже «королями пшеницы». В дальнейшем они планировали заниматься не только зерноторговлей, инвестируя накопленные на этом бизнесе капиталы в железные дороги, мосты, каналы и многое другое.

Когда Морис Эфрусси (1849–1916) женился на Беатрис, дочери Альфонса Ротшильда¹⁰⁹² (1827–1905), он исполнил заветную мечту старого Хаима. Породнившись с Ротшильдами, Морис возглавил в 1880-е годы торговый дом «М. Эфрусси» в Париже. Он появлялся на пару часов на бирже, скромно сидел возле колонны, держась рукой за бороду, и отдавал указания тридцати своим маклерам, докладывающим ему на ухо все новости о сделках. Купить зерно на десять или пятнадцать миллионов для него стало обычным делом — у «короля зерна» эти суммы не вызывали волнения. Со временем торговавшую зерном фирму преобразовали в международный финансовый дом, начавший при поддержке Ротшильдов вкладывать капиталы в добычу нефти в Бакинском регионе¹⁰⁹³. А его брат Мишель Эфрусси (1845–1914), потомственный почётный гражданин Одессы, продолжал из Парижа руководить одесским торговым домом.

Тем временем в Вене преуспевал ещё один брат, барон Игнац фон Эфрусси (1829–1899), выгодно женившийся на дочери богатого банкира Ефраима Поргеса из Праги. Когда Игнац приехал в австрийскую столицу с братом и родителями, Дунай как раз затопил Вену и вода поднялась до самых ступеней собора Святого Стефана. Тогда семья Эфрусси одолжила правительству деньги для строительства набережных и новых мостов, чем сразу произвела хорошее впечатление. Игнацу пожаловали дворянство за заслуги перед императором, он стал бароном «фон Эфрусси», а со временем и одним из крупнейших венских банкиров.

С конца 1870-х годов Игнац руководил вместо брата Мишеля банкирским домом в Одессе, однако финансовые дела семьи всё более перемещались в Европу, и Одесса для

¹⁰⁹² Сын Джеймса Ротшильда и внук Майера Ротшильда, основателя династии.

¹⁰⁹³ Mirbabayev M. Concise history of Azerbaijani oil / M. Mirbabayev. — Baku. 2008. — P. 148–149.

них утрачивала былое значение. В 1882 году братья Эфруссии решили полностью прекратить всякую деятельность в Одессе¹⁰⁹⁴.

А венский торговый и банкирский дом Эфруссии стал крупнейшим участником зернового рынка. За счёт связей с братьями в Париже, а через них — с Ротшильдами его влияние на биржи и рынок ценных бумаг было очень велико. Известен случай, когда в ответ на притеснения евреев в Российской империи братья Эфруссии вместе с Ротшильдами за две недели снизили на Парижской бирже курс российских государственных облигаций на 25 пунктов¹⁰⁹⁵.

К концу жизни Игнац фон Эфруссии в одной только Вене владел огромным дворцом в центре города и несколькими банковскими зданиями. Его состояние достигло 3,5 миллиона флоринов (две трети составляли ценные бумаги, остальное — недвижимость, произведения искусства и золото). О венских Эфруссиях не раз вспоминал в своих произведениях Иозеф Рот. В его первом романе «Паутина» в образе богатого ювелира легко можно узнать Игнаца фон Эфруссии — высокого и худого, всегда в чёрном пальто и с чёрным шёлковым галстуком, заколотым жемчужиной величиной с лесной орех.

После смерти Игнаца деятельностью банкирского дома в Вене (и отделением в Лондоне) руководил его сын Виктор (1860–1945), с началом Второй мировой войны эмигрировавший в Англию. После войны потомки Эфруссии оказались разбросанными по всему миру.

Судьба династии Рафаловичей

Основателем банкирского дома и всей династии Рафаловичей стал частный банкир Абрам Рафалович, который в 1843 году вместе с Хаимом Эфруссией открыл в Одессе банкирскую

¹⁰⁹⁴ «Вчера заключена ликвидация дел одного из старейших местных банкирских домов “Эфруссии и Ко”. Все, служившие в конторе банкирского дома, получают более или менее значительное вознаграждение», а те, кто проработал не менее 15–20 лет, «получают пожизненную пенсию, равную полному или половинному размеру получавшегося ими жалования» (Одесский вестник. 1882. — № 224. — 9 окт.)

¹⁰⁹⁵ Waal de. E. The hare with amber eyes: a family's century of art and loss / E. de Waal. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010. — P. 91.

контору. Родился Абрам Моисеевич около 1790 года где-то в Галичине, в 1807 году переселился в Могилёв-Подольский. В Одессе он появился в 1830 году, где через год стал купцом первой гильдии и основал свой торговый дом «Рафалович и Ко».

Дом Рафаловича занимался экспортом агропродукции (в основном зерна) и предоставлял кредиты предпринимателям. Скоро он стал известным, а Рафалович приобрёл репутацию человека честного и точного в делах. В 1843-м он открыл вместе с Эфрусси банкирскую контору, которой руководил один из его пяти сыновей¹⁰⁹⁶, Давид Рафалович. Судя по количеству сыновей, Абрам Моисеевич тоже думал пойти по пути Ротшильдов (а может, последовать примеру Хаима Эфрусси, которого хорошо знал). Но у него, как увидим дальше, этот путь получился другим.

В 1849 году Абрам решил основать отделения своего банкирского дома в Лондоне и Париже (ими руководил сын Давид). Говорят, что услугами парижского отделения часто пользовался Александр Дюма-отец, хорошо знавший Давида Рафаловича и отразивший его в образе предельно честного судовладельца Морреля в «Графе Монте-Кристо».

В 1856 году Абрам Рафалович вместе с сыновьями Львом и Германом основали ещё один торговый и банкирский дом в Берлине. Сфера их влияния в Европе расширялась. Рафаловичи стали богатыми и знаменитыми, и в 1857 году модный архитектор-француз Луи Оттон рядом с перекрёстком Пушкинской и Греческой улиц построил целый дворец, стилизованный под французское барокко. В Одессе его называли «дом Рафаловича».

После смерти отца в 1860 году его сыновья Фёдор и Артемий некоторое время сохраняли торговый и банкирский дом «Рафалович и Ко» (им руководил в основном Фёдор). Торговый дом занимался экспортом зерна, сахара и шерсти, однако экспортные сделки занимали далеко не самое важное место по сравнению с финансовыми операциями. Банкирский дом предоставлял все виды финансовых услуг, и в нём брали кредиты многие одесские (да и не только одесские) предприниматели. Расцвет деятельности торгового и банкирского дома приходился на 1860-е годы. Рафаловичи стали настолько влиятельными в финансовом

¹⁰⁹⁶ Артемий, Давид, Герман, Лев, Фёдор.

мире, что принимали участие в учреждении практически всех одесских банков¹⁰⁹⁷.

Затем братья решили разделить капиталы. Кроме торгового дома Фёдора, в Одессе в 1869 году появилась основанная его братом фирма «Давид Рафалович», имевшая тесные связи с лондонскими и парижскими банками и занимавшаяся в основном финансовыми, а также экспортными операциями¹⁰⁹⁸.

Фёдор Рафалович (1818–1882) вместе с партнёром, немецким подданным Карлом Кульманом, в 1874 году учредил в Одессе свой торговый дом «Фёдор Рафалович и Ко» с капиталом 600 тысяч рублей. Он руководил торговым домом до самой смерти в 1882 году. «3 мая в Вене скончался... потомственный почётный гражданин [Одессы] Фёдор Алексеевич [Абрамович] Рафалович. Имя покойного популярно не только в коммерческом мире; оно очень хорошо знакомо всему одесскому обществу, а также всей Бессарабии и Подольской губернии, где умерший оставил 14 богатых имений» — писала газета «Одесский листок»¹⁰⁹⁹. После смерти Фёдора торговый дом продолжал существовать до 1890 года и достался его сыновьям — Александру и Герману¹¹⁰⁰.

Ещё один брат, Артемий Рафалович, переселился в Петербург, где стал членом правления Петербургской фондовой биржи, а с 1903 года — директором Русского для внешней торговли банка, одного из крупнейших в то время¹¹⁰¹.

¹⁰⁹⁷ Фёдор Рафалович стал соучредителем Бессарабско-Таврического земельного банка в 1872 году, второй сын, Лев, — Херсонского земельного банка в 1862 г., а третий сын, Герман, — Одесского коммерческого банка в 1871 г. Кроме того, Рафаловичи инвестировали свои капиталы и в производство сахара — 2 февраля 1873 г. Фёдор Рафалович вместе с братом Германом и Периклом Родоканакис стали соучредителями «Одесского товарищества свеклосахарного завода».

¹⁰⁹⁸ Новороссийский телеграф. — 1877. — № 750. — 13 авг.

¹⁰⁹⁹ Одесский листок. — 1882. — № 98. — 5 мая.

¹¹⁰⁰ Торговый дом «Фёдор Рафалович и Ко» ежегодно издавал в 1880-е «Коммерческое обозрение Одесского рынка», и эти отчёты «представляли единственно верное статистическое исследование одесского экспорта» (Одесский листок. — 1890. — № 5. — 6 янв.)

¹¹⁰¹ Кроме того, Артемий был председателем правления Петербургского общества электрических сооружений, Александровского общества сахарных заводов, в 1913–1914 гг. — директором заводов «Сормово»; входил в состав правлений Петербургского вагоностроительного завода (1907–1914) и нескольких других предприятий, состоял членом совета Русско-французского коммерческого банка (1914–1917) (Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. — СПб., 1911. — С. 484).

В 1865 году обороты первого, учреждённого основателем династии, торгового дома «Рафалович и Ко» достигли 50 млн руб., при этом экспортные товарные операции на сумму 2,1 млн рублей в нём имели далеко не самое важное значение, в отличие от операций финансовых. В 1881 году обороты нового торгового дома «Фёдор Рафалович» по финансовым операциям достигли 60 млн руб., обороты по торговым операциям — 4 млн рублей, а к концу 1880-х годов — 150 млн руб. по финансовым операциям и 25 млн руб. по товарным¹¹⁰².

Однако судьба Рафаловичей была не такой, как у Эфрусси. Те полностью прекратили дела в Одессе и переместились в Западную Европу — вероятно, в немалой мере благодаря родству с Ротшильдами. Не знаю, ставил ли Абрам Рафалович такую же цель, как Хаим Эфрусси, но основная активность Рафаловичей всё же осталась в пределах царской империи, несмотря на всё богатство их семьи.

После смерти Фёдора Рафаловича его торговый дом перешёл к сыновьям — Александру и Герману. Один из них, Александр, наладил тесные связи с А. А. Абазой, крупным землевладельцем, влиятельным государственным чиновником и министром финансов в 1880—1881 годы. Понятно, что это существенно помогало Рафаловичам и обеспечивало их выгодными кредитами. Абаза считал Александра Рафаловича «своим» доверенным банкиром и поручал ему всякие конфиденциальные финансовые дела.

Когда в 1890 году министр финансов И. А. Вышнеградский собирался ввести золотой стандарт, он принял секретное решение скупать золото, начав игру на понижение рубля. Абаза решил воспользоваться этим для своего обогащения и стал участвовать в игре на понижение рубля вместе с А. Ф. Рафаловичем. Однако Рафалович не знал планов Вышнеградского и лишь выполнял шифрованные распоряжения Абазы.

Поняв, что Абаза на этом хорошо обогатится, Александр Рафалович решил тоже заработать и включился в игру на понижение за свой счёт. Однако потом курс рубля стал повышаться, убытки Абазы и Рафаловича достигали по 800 тыс. рублей у каждого. Абаза понимал, что происходит, и сохранял хладнокровие. А Рафалович запаниковал и, не зная

¹¹⁰² Одесский листок. — 1865. — № 46. — 3 марта.

о действительных целях Абазы (и тем более — министра финансов Вышнеградского), решил пока не поздно включиться в опасную в такой ситуации игру на повышение рубля. Однако по плану Вышнеградского курс рубля снова стал падать. Зная об этом плане Абаза не только вернул убытки, но ещё и получил доход 900 тыс. рублей. А вот Александр Рафалович разорился, и к началу 1891 года его долги составляли 1,5–1,8 млн рублей (при стоимости имущества 2,4 млн руб.). Абаза сжалился над своим протеже и стал добиваться государственной помощи для Рафаловича. В 1891 г. Вышнеградский три раза просил об этом царя, хотя, по словам С. Ю. Витте, делал это весьма неохотно¹¹⁰³.

Наконец власти приняли решение о создании синдиката банков (в него вошли Государственный банк, петербургские Международный коммерческий, Учётно-ссудный и Русский для внешней торговли банки, банкирский дом «И. Е. Гинцбург»). Синдикат выдал под векселя Александра Рафаловича кредит в 2 млн рублей. Однако вскоре выяснилось, что реальная стоимость недвижимости и прочего имущества завышена и на деле она менее 2 млн рублей. После этого 14 июня 1891 года по распоряжению царя всякую помощь Рафаловичу прекратили. Александр Рафалович возмущался и заявлял Витте, что раз ему отказали в помощи, он подаст на Абазу в суд и обнародует секретную переписку. Но этим он ещё больше всех разозлил, и 1 декабря 1894 года банкирский дом «Ф. Рафалович и Ко» ликвидировали¹¹⁰⁴.

Несколько иным был жизненный путь у брата Александра, Германа Рафаловича, почётного гражданина Одессы и бразильского консула. Мне стало интересно, что связывало Германа Фёдоровича с далёкой солнечной Бразилией, куда так мечтал попасть «великий комбинатор» Остап Бендер, но я не смог найти ответ на этот вопрос.

В 1860-е годы Герман участвовал в учреждении Петербургского Учётного и ссудного, Одесского Коммерческого, Киевского Коммерческого и Русского для внешней торговли банков, однако в дальнейшем переместился в Париж, где и проводил большую часть своего времени.

¹¹⁰³ Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствование Александра II и Александра III. / С. Ю. Витте. — Берлин: Слово, 1923. — С. 196–197, 207–213.

¹¹⁰⁴ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства / Б. В. Ананьич. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 12, 74.

Казалось бы, эта ветвь Рафаловичей пошла по тому же пути, что и Эфрусси, влившись в мир западноевропейского бизнеса. Но история Артура, сына Германа, показывает, что судьба Рафаловичей всё-таки оказалась иной. Если Эфрусси вместе с Ротшильдами обваливали курс российских облигаций внешних займов в ответ на притеснения евреев, то Артур Рафалович, официальный агент российского Министерства финансов (а может, и не только министерства) занимался в Париже совершенно противоположным — организовывал в прессе заказные публикации, расхваливавшие российские государственные облигации и само государство, внушая, что ему можно доверять. Об Артуре я уже рассказывал в некоторых своих книгах¹¹⁰⁵, но история эта настолько любопытна, что я кратко вернусь к ней ещё раз.

Финансовый агент в Париже

Богатый одесский коммерсант, бывший бразильский консул Герман Рафалович поселился в Париже в 1860 году. Он приехал в город на берегах Сены с женой и маленьким мальчиком — Артуром. История, в общем-то, обычная — Париж охотно принимал эмигрантов со всех концов мира. Тем более, если они богаты. А Рафалович на недостаток денег не жаловался.

Кто бы мог тогда подумать, что этот маленький мальчик — ему было всего семь лет — спустя годы окажется в центре грандиозного скандала, где будет и царское золото на 22 млрд франков, и долг по российским облигациям на 12 млрд франков. Долг, возникший не без помощи Артура Германовича Рафаловича — официального представителя Министерства финансов Российской империи.

Артур родился 23 июня 1853 года в Одессе, но Париж стал для него родным домом. Его детство и юность были безмятежными — состоятельный отец частично отошёл от коммерческих дел и погрузился в светский образ жизни среди парижской элиты. Германа Рафаловича привлекал мир художников и всей той артистической богемы, которой славилась французская столица, — этим он напоминал любителя

¹¹⁰⁵ Мошенский С. З. Більше ніж гроші. Фінансова історія людства / С. З. Мошенський. — Київ: Саміт-книга, 2021. — С. 303–312.

искусства Шарля Эфрусси. В такой креативной атмосфере и рос наш герой. Его сестра София интересовалась экономикой, повлияв своими увлечениями и на Артура. А брат Андрей, родившийся в 1864 году уже в Париже, стал поэтом и большую часть своей жизни прожил в Лондоне, где писал стихи на английском языке.

Русский и французский Артур знал с детства, позже в совершенстве овладел английским и немецким. Учился он в парижском колледже Saint Barbe, потом в лицее Louis-le-Grand, Парижской высшей школе политических наук и университете в Бонне. Так что образование он получил лучшее из возможного на то время. Артур увлёкся журналистикой и писал статьи для парижских газет, особенно для *Journal des Debats*¹¹⁰⁶. С 1876 года он жил в Лондоне, где писал статьи для этой же газеты как её корреспондент. Наверное, Рафалович хотел стать модным журналистом, но судьба распорядилась иначе.

В британской столице он познакомился с российским послом, графом Петром Андреевичем Шуваловым, и стал его личным секретарём на Берлинском конгрессе 1878 года (посвящённом итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 годов). Шувалов был не просто послом, в 1866–1874 годах он занимал пост начальника знаменитого III отделения — политической полиции (проще говоря — службы безопасности) Российской империи. Графу понравился толковый журналист, родившийся в Одессе и сохранивший российское гражданство. Мы не знаем, о чём они беседовали в британской столице, но времени для общения у них было предостаточно.

Вследствие этого общения в 1879 году Артур переселяется в Петербург, где продолжает писать статьи для французских газет *Temps* и *Revue bleue*, но теперь уже о быстром росте российской экономики. С 1884 года Рафалович работает в Министерстве финансов, причём в Высшем совете по торговле и промышленности — видимо, граф Шувалов замолвил слово кому нужно. А в 1891 году он становится агентом Министерства финансов (официально утверждённым в этой должности в 1894 году) и возвращается в Париж.

¹¹⁰⁶ Ерофеев П. В. А. Г. Рафалович — агент Министерства финансов и представитель деловых кругов юга России / П. В. Ерофеев // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. — СПб.: Изд. «Нестор-История», 2006. — С. 342–351.

Слово «агент» те годы имело немного другое значение, чем сейчас, — так назывался не агент разведки, а представитель Министерства финансов Российской империи. Эти представители работали в Лондоне, Берлине, Нью-Йорке, Токио и других мировых финансовых центрах.

Кроме составления регулярных отчётов о состоянии финансового рынка и характеристик на французских финансистов, Артур Германович занимался главным образом продвижением российских государственных облигаций внешних займов во Франции. Статьи в «Фигаро», «Голуа», «Эко де Пари» систематически оплачивались российскими деньгами. Во влиятельной «Матэн» запросили слишком много, и Министерство финансов посчитало, что это уже слишком. А японцы, вероятно, заплатили, и эта газета прославляла чудеса японской экономики, а не российской. Проблема журналистской этики и честности тогда, видимо, вообще не возникала. Все знали о продажности парижской прессы и пользовались этим для своих целей.

В то время в Российской империи полным ходом шла массовая индустриализация, финансируемая преимущественно за счёт иностранных капиталов. Главным её сторонником был Сергей Витте, могущественный министр финансов, а потом и премьер-министр. Это при нём империя размещала огромное количество внешних займов (в основном в Париже), и российские облигации стали во Франции одними из самых распространённых ценных бумаг.

Деятельность Витте нравилась не всем. Консерваторы видели во всём этом сближение с Западом, подрывающее устои самодержавия и помогающее росту «вольномудства». В итоге они победили, Витте пришлось уйти в отставку. А кто знает, как бы сложилась история огромной страны, если бы у власти оставался Витте и его сторонники — может быть, не начались ни Первая мировая война, ни революция 1917 года. Это не исключено.

Предыстория миссии Артура Рафаловича в Париже была связана с негативным отношением Ротшильдов к российским государственным ценным бумагам из-за антисемитизма. Ротшильды внимательно следили за этим и при всяком новом проявлении антисемитизма накладывали на Россию финансовые санкции. В то время самым действенным способом повлиять на царское правительство был отказ

размещать облигации очередного внешнего займа. На этих займах держалась вся экономика, а вокруг их распределения кормилась многочисленная толпа чиновников. Обычно после такого отказа в Петербурге начиналась суета, и тяжело вздыхавшему «православному самодержцу» приходилось отменять очередной свой указ, ущемлявший евреев.

В 1890 году финансовые круги Петербурга были охвачены энтузиазмом — Ротшильды проявили интерес к финансированию добычи нефти в Бакинском регионе и к постройке Транссибирской магистрали. Однако всё неожиданно изменилось, когда 28 марта 1891 года царь подписал указ об изгнании евреев из Москвы. Реакцию Ротшильдов, в том числе парижских, нетрудно было предвидеть — они отказались заниматься российскими займами, а потом многие крупные парижские банки под влиянием Ротшильдов свернули сотрудничество с Россией. В мае 1891 года произошёл обвал цен на все российские ценные бумаги на Парижской бирже.

Правительство и самодержец думали над этим долго — а курсы бумаг всё падали. И только через три года, в 1894-м, состоялся разговор царя Александра III и Сергея Витте о необходимости как-то разрешить конфликт с Ротшильдами. Витте интересовало размещение внешних займов, жизненно важных для ускорения индустриализации Российской империи. А у царя были куда более масштабные политические задачи. Он считал, что коварные Ротшильды финансируют революционное движение в империи и что можно достичь компромиссного решения с помощью переговоров. Для них необходимо было доверенное лицо.

Им стал Артур Рафалович, к тому времени уже имевший обширные личные связи с парижскими банкирами. После разговора царя с Витте последовало официальное назначение в 1894 году Рафаловича агентом Министерства финансов с особыми полномочиями¹¹⁰⁷. Вскоре Артур отправился в Лондон, чтобы уговорить британских Ротшильдов начать размещать российские облигации, предлагая им взамен всевозможные льготы при инвестировании капиталов, в том числе эксклюзивное право на разработку нефтяных месторождений в Баку. Это выгодное предложение вызвало интерес — нефтяной бизнес только зарождался, но уже вошёл

¹¹⁰⁷ Давыдов А. В. Воспоминания. 1881–1955 / А. В. Давыдов. — Париж: Изд-во «Альбатрос», 1982. — С. 223–225.

в моду и всех интересовал. Так что миссия Рафаловича оказалась успешной — под влиянием британских Ротшильдов сдвинулись с мёртвой точки дела во Франции, и на Парижской бирже был размещён (в основном через французских Ротшильдов) 3,5 % золотой заём на 100 млн руб., а в 1896 году — ещё один заём на 100 млн руб.

Размещение облигационных займов в Париже вроде бы наладилось. Однако потом в Российской империи началась революция 1905 года. Иностранных владельцев российских облигаций (особенно французских — их было больше всего) напугали эти события, поставившие под сомнение доверие к России как к надёжному заёмщику. Во Франции рантье стали всерьёз задумываться о возможном «крушении государственного строя и нарушении прав частной собственности» в России¹¹⁰⁸.

В отличие от 5 % займа 1904 года, заключённого без особых усилий, крупнейший в истории российский заём 1906 года на сумму 844 млн руб. (2,25 млрд франков) удалось разместить с большим трудом¹¹⁰⁹. Левая пресса заявляла, что заём будет использован для подавления революции 1905 года, и лишь после долгих переговоров в Париже 3 апреля 1906 года с помощью Артура Рафаловича был подписан контракт на размещение займа на невыгодных условиях — из общей суммы займа 843 млн руб. российское правительство получило только 677 млн руб., а остальное пошло на комиссионные банкирам, размещавшим облигации. Так 5 % заём фактически оказался 7 %. Недовольство в Петербурге было настолько сильным, что Витте пришлось уйти в отставку.

После подавления революции 1905 года в России французские рантье успокоились и снова продолжали считать безопасными российские облигации. Они массово распространились во Франции, и в 1914 году около 2 млн инвесторов

¹¹⁰⁸ Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы / М. И. Боголепов. — СПб.: Тип. О. Н. Попова, 1907. — С. 249, 267.

¹¹⁰⁹ В начале февраля 1907 г. в Петербург прибыл глава Русского банковского синдиката в Париже Э. Нетцлин и в переговорах с министром финансов Коковцовым заявил, что «внутренние события в России, неудачи на войне... производят самое невыгодное впечатление на французском рынке... бумаги падают», и, чтобы удержать их от «катастрофического падения», необходимо «значительно увеличить кредит на поддержку прессы» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. / В. Н. Коковцов. — В 2 т. Т. 1. — Париж: Изд. журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. — С. 61–62).

(почти 5 % населения) имели эти ценные бумаги на 12 млрд франков золотом (около 27 % французского ВВП¹¹¹⁰).

А потом наступил 1917 год, большевики аннулировали все долги царского правительства, заявив, что Российской империи больше нет. После этого многие (если не большинство) французские рантье разорились. Вместе с понесёнными огромными убытками во Франции закончилась финансовая безмятежность Belle Époque.

Артур Рафалович, сыгравший немалую роль в судьбе разорившихся французских рантье, во время гражданской войны стал финансовым агентом Добровольческой армии Деникина. А в ноябре 1919 года указом адмирала Колчака Рафаловича объявили единственным распорядителем царского золота, хранившегося в Банке Франции и Банке Англии на общую сумму почти 22 млрд франков золотом. Чем закончилась эта история с царским золотом, мне так и не удалось выяснить. Артур Рафалович отошёл от дел и писал статьи по экономике. Умер он 23 декабря 1921 года в Париже, где и похоронен.

Банкирские дома и конторы конца XIX века

В 1860-е годы, время реформ, финансовая инфраструктура Одессы преобразилась. Она значительно расширилась за счёт целой системы банков¹¹¹¹ (в основном акционерных коммерческих), кредитных обществ, новых банкирских домов и контор. «Увеличению торгово-промышленного роста Одессы... в немалой степени содействовали акционерные банки»¹¹¹².

¹¹¹⁰ Безбах П. Сергей Витте и российские облигации / П. Безбах (Bezbakh P. Serge de Witte et les emprunts russes / P. Bezbakh) // Le Monde, 16.03.2011. — rus.ruvr.ru

¹¹¹¹ К началу XX в. она состояла из Одесской конторы Государственного банка, отделений Государственного дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков; Земского банка Херсонской губернии, Бессарабско-Таврического земельного банка, а также отделений петербургских акционерных коммерческих банков — Азовско-Донского, Русского торгово-промышленного, Русско-Азиатского, Сибирского торгового, Соединённого, Петербургского Международного. Помимо этого, в городе с 1891 г. работало отделение французского банка «Лионский кредит», а с 1899 г. — отделение польского Купеческого банка в г. Лодзи, а также отделение Киевского частного коммерческого банка. Из местных банков в городе были Одесский коммерческий (с 1878 г. преобразован в Одесский учётный), Одесский торгово-промышленный и Одесский купеческий банки.

¹¹¹² Банковская деятельность в Одессе // Коммерсант. — 1910. — № 129. — 5 янв. — С. 2.

Частные банкирские дома, характерные для первой половины столетия, не исчезли, но теперь не только вокруг них вращался финансовый мир «южной столицы».

Если банки и банкирские дома первой половины XIX века располагались в основном на Дерибасовской и Пушкинской, то к концу столетия главной финансовой улицей — одесским Уолл-стрит — стала Ришельевская, где были сосредоточены офисы большинства банков, а также банкирские дома и конторы. На улице «были столы менял, прямо тут же на тротуаре под акациями. На столах под стеклом можно было любоваться и золотом, и кредитками всех планет солнечной системы, и черноусый уличный банкир, сидя тут же на плетеном стуле с котелком или фетровой шляпой на затылке, отрывался от заморской газеты и быстро обслуживал или обсчитывал вас на каком угодно языке. Так знакомилась с вами верховная артерия черноморской торговли. Пересекая её, всегда я бросал завистливый взгляд налево, где с обеих сторон сияли золотые вывески банкирских контор»¹¹¹³.

Небанковские финансовые учреждения сильно разрослись — кроме Одесского городского кредитного общества и 40 государственных сберегательных касс в городе появились многочисленные отделения страховых компаний. А Одесское городское кредитное общество стало к концу XIX века одним из крупнейших в городе эмитентов облигаций (к 1911 г. суммарный объём эмиссий этих облигаций достигал 100 млн руб.). В 1910-е годы немало говорили о сложном финансовом состоянии этого кредитного общества, вызванном «неудачным подбором руководителей». Однако в действительности Одесское городское кредитное общество было не только «одним из старейших», но и «одним из самых солидных и богатых»¹¹¹⁴. Кроме него, в 1868 году начало работу Одесское общество взаимного кредита, а в начале XX века в городе появилось ещё несколько таких обществ¹¹¹⁵.

¹¹¹³ Жаботинский В. Пятёро / В. Жаботинский // Сочинения в 9 т. Т. 1. — Минск: Мет, 2007. — С. 337.

¹¹¹⁴ Несмотря на «целый ряд серьёзных потрясений, выпавших на долю одесского домовладения», кредитное общество «сумело сохранить прочность своего финансового положения. Этим оно в значительной степени обязано удачному составу лиц, стоящих во главе банка» (Сорокалетие кредитного общества // Одесский листок. — 1911. — 20 апр. — № 90. — С. 2).

¹¹¹⁵ Второе общество взаимного кредита (известное также под названием «Одесское торгово-промышленное и ремесленное общество взаимного кредита»), «Общество взаимного кредита домовладельцев и землевладельцев

Первые одесские страховые компании возникли ещё в начале XIX века¹¹¹⁶. В 1870–1880-е годы их сеть значительно расширилась — среди них преобладали филиалы крупных российских и иностранных фирм («Жизнь», «Помощь», «Волга», «Русь», «Урбэн», «Нью-Йорк», «Ллойд», «Эквитэбл», «Якорь»), а также местные одесские компании — «Одесское общество взаимного страхования от огня», «Черноморское общество взаимного страхования судовладельцев» и др.

В 1860–1870-е годы в Одессе появились новые частные банкирские дома: М. Н. Ашкенази (с 1859 г.), А. М. Бродского (с 1866 г.), С. М. Барбаша (с 1866 г.), И. С. Ксиадиса (с 1906 г.), братьев Куссис (с 1906 г.), а также «Ш. Гальперин и сын», «Д. Барам и Ко» и др.

К концу века в Одессе было 20 банкирских домов и контор с общим оборотом 438 млн рублей¹¹¹⁷. В первой половине 1890-х годов среди владельцев банкирских контор с новой силой вспыхнул интерес к валютным операциям. Они всегда привлекали одесских финансистов — ведь город был насыщен валютой, поступавшей в оплату экспорта зерна.

В 1893 году на Берлинской бирже повысился спрос на российские рубли и британские фунты. Крупные партии валюты скупались в Одессе и переправлялись в Берлин. Основным заказчиком был банкирский дом Robert Warschauer & Co, связанный с влиятельными германскими банкирами Мендельсонами¹¹¹⁸. Заказы на операции с валютой поступали из Берлина по телеграфу, после чего одесские банкиры давали подтверждение готовности к операции, называя приблизительный курс, округлённый в свою пользу. А маклеры банкирских домов и контор начинали скупать валюту.

Херсонской губернии», «Одесское купеческое и промышленное общество взаимного кредита», «Одесское купеческое общество взаимного кредита», «Одесское общество взаимного мелкого кредита».

¹¹¹⁶ В 1805 г. одесский негодант французского происхождения Иван Францевич Оберт обратился к Ришелье с предложением открыть в Одессе Страховую контору. В 1808 г. Иван Дестуни, Иван Петала и Фёдор Серафино основали «Греко-русское страховое товарищество», а в 1813 г. начало деятельность «Товарищество греков-страхователей» (с 1816 г. — «Компания объединённых греческих страховых агентов») (Морозан В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX — начале XX века / В. В. Морозан. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — С. 44–45).

¹¹¹⁷ Статистико-экономический обзор Херсонской губернии за 1895 г. — Херсон, 1897. — С. 199, 201.

¹¹¹⁸ Основатель банка Роберт Варшауэр (1816–1884) женился на Марии Мендельсон (1822–1891), дочери банкира Александра Мендельсона (1798–1871).

Одним из крупнейших участников этих операций был торговый дом «Леон Рабинович», основанный в 1890 году для торговли чаем, однако прославился не только этим, а и валютными спекуляциями¹¹¹⁹. Впрочем, одесситам Лев Яковлевич Рабинович запомнился именно чаем в лакированных деревянных коробочках с китайскими рисунками — про чай Рабиновича в Одессе знали все. Его действительно привозили из Китая и продавали в фирменном магазине на углу Пушкинской и Еврейской улиц.

Семья Ашкенази

Наверное, самым знаменитым из банкирских домов была фирма Ашкенази, прославившаяся родством с парижскими Ротшильдами — гораздо более отдалённым, чем у Эфрусси, но всё равно родством.

Моисей (Мозес) Нафта́льевич Ашкенази (1811–1887) начал свой бизнес по экспорту зерна в Могилёве-Подольском, куда он приехал в молодые годы из Европы — наверное, из Польши. В начале 1860-х он основал в Могилёве торговый дом «М. Ашкенази», скупавший пшеницу и переправлявший её в Одессу. Вскоре, в 1864 году, он открывает в «южной столице» отделение своего торгового дома — им руководил сын Евгений. В 1866 году одесская фирма Ашкенази после удачных сделок с крупными партиями зерна быстро вошла в круг крупнейших зерноторговцев. Вскоре в Одессу перебрался из Могилёва и сам Мозес, чтобы вместе с сыном руководить делами фирмы.

В 1868 году Евгений Ашкенази основал занимавшийся кредитами банкирский дом, ставший весьма влиятельным благодаря родственным связям его жены Луизы, дочери крупного киевского сахарозаводчика Гесселя Розенберга. У Гесселя было пять дочерей: Анна, Теофила, Роза, Розалия, Луиза. Анна вышла замуж за одного из богатейших банкиров Российской империи Горация Гинцбурга, Теофила — за зна-

¹¹¹⁹ За счёт связей Рабиновича с берлинским банкиром Робертом Бергардтом Лев Яковлевич передавал в Берлин крупные партии валюты. Он продолжал эти операции даже после запрета Кредитной канцелярии от 16 января 1893 г. на пересылку за границу российских рублей. В первой половине 1894 г. Рабинович переправлял в Берлин по 300 тыс. руб. ежемесячно (Донесение управляющего Одесской конторой Государственного банка от 15 ноября 1893 г. // РГИА. — Ф. 587. — Оп. 56. — Д. 1137. — Л. 75).

менитого гамбургского банкира Зигмунда Варбурга, Роза — за австрийского барона и банкира фон Гирша, Розалия — за будапештского финансиста Герцфельда, Луиза — за одесского банкира Евгения Ашкенази. А сестра Горация Гинцбурга, Матильда, вышла замуж за Поля Фульда (племянника Ашиля Фульда, министра финансов Наполеона III). Одну из её дочерей взял в жёны парижский банкир Эдуард Ротшильд (1868–1949), внук Джеймса Ротшильда. Так Евгений Ашкенази, хотя и косвенно, стал родственником Ротшильда.

Несмотря на такое отдалённое родство, молодой Эдуард Ротшильд с женой решил в сентябре 1888 года навестить своих одесских родственников. А может быть, просто посмотреть знаменитый в мире бизнеса город. Остановились они в респектабельной гостинице «Лондонская», расположенной недалеко от дома Ашкенази. Супруги занимали лучший номер, стоивший 100 рублей в сутки, и привезли с собой шесть человек прислуги. К знаменитому богачу сразу устремились те, кто надеялся получить от него финансовую поддержку. Говорят, Эдуард Ротшильд щедро раздал несколько тысяч рублей, но и не более того. Инвестировать в Одессе капиталы не входило в его планы. Пробыв в городе недолго, он с женой отправился на пароходе в Крым.

В 1887 году, когда Мозес умер в возрасте 76 лет, общие обороты фирмы Ашкенази достигали 17 млн рублей, из которых 8,5 млн руб. составляли торговые операции, а вторую половину — финансовые. В 1890 году закончилась жизнь и Евгения Ашкенази, после чего торговым домом руководила его вдова Луиза вместе с сыном Зигфридом (1873–1919).

В 1909 году торговый дом реорганизовали в полное товарищество с капиталом 1,5 млн рублей, и на его основе в 1911 году Зигфрид Евгеньевич учредил новый банкирский дом, вначале занимавшийся кредитами, а потом начавший инвестировать капиталы в создание пароходной компании и промышленные предприятия¹¹²⁰. В 1915 г. состояние Ашке-

¹¹²⁰ Банкирский дом Ашкенази вложил часть средств в создание собственного пароходства — акционерной компании «Российское общество юго-восточного пароходства “Звезда”» (устав был утверждён 28 января 1899 г.). Компанию учредили совместно с британской фирмой «Джекобс, Оуэн и Ко», уставный капитал составлял 1 млн руб., из которого 70 % принадлежало дому Ашкенази. Кроме того, банкирский дом Ашкенази вкладывал капиталы и в «Общество южно-русских плавучих элеваторов» (основано в 1896 г. в Николаеве с капиталом 300 тыс. руб.).

нази оценивалось в 5 млн рублей, ещё 2 млн рублей было на счетах в различных банках¹¹²¹.

После революции и гражданской войны всему этому бизнесу пришёл конец. В 1919 году Зигфрид Ашкенази вместе с семьей эмигрировал, и о дальнейшей его судьбе ничего не известно. Вероятно, он погиб, потому что, имея в Европе таких родственников, как Ротшильд, он бы обязательно нашёл себе место в финансовом мире. В память о нём в Одессе осталось более десяти тысяч книг — их передали в городскую публичную библиотеку.

¹¹²¹ Соломонов Б. Очерк развития торгово-промышленных фирм г. Одессы / Б. Соломонов // Южно-русский альманах. — Одесса, 1899. — С. 290.

Часть 4

СЕТИ
КОММУНИКАЦИИ

Глава 1.

СТАЛЬНАЯ СЕТЬ

Во второй половине XIX века стальная сеть железных дорог стремительно опутывала весь мир, делая доступными такие места, в которые раньше трудно было попасть. Она сжимала не только пространство, но и время, — там, где раньше нужно было добираться конным транспортом неделю (к тому же с пересадками), теперь можно было доехать на поезде за один день¹¹²². А следующим шагом стало создание медной сети телеграфных и телефонных проводов, протянувших между странами и континентами.

Стальная сеть железных дорог стремительно изменяла жизнь, и времена столетней давности казались совершенно далёкой эпохой, древней и легендарной. По времени появление этой сети совпало с реформами 1860-х годов, с ломкой прежних традиций и устоев, с индустриализацией и урбанизацией, приближая формирование полноценного капитализма.

Контакты между людьми (и родственниками, и друзьями, и деловыми партнёрами) благодаря поездкам тоже сильно упростились. Реальным стало приехать на несколько дней в другой город или даже страну — раньше такое путешествие было целой историей. Когда в 1679 году шотландский инженер Патрик Гордон ехал из Москвы в Киев (где он должен был руководить строительством укреплений), дорога оказалась очень долгой из-за разливов рек и весенней грязи — с 6 мар-

¹¹²² «Теперь из Чернигова до Киева рукой подать — 10 часов езды по железной дороге», — писал А. Лазаревский в письме 1894 года (Листи Олександра Лазаревського // Український археографічний збірник. Т. 2. — К., 1927. — С. 344).

та по 2 апреля¹¹²³. Обычно такая поездка занимала две недели¹¹²⁴. Срочную почту (в том числе военные донесения) доставляли за 5 дней, обычную почту — тоже за две недели. А для перевозки грузов между этими городами необходимо было шесть недель. Так что мобильность в то время была очень низкой даже по сравнению с концом XIX века, не говоря уже о нашем времени.

«Наши предки, собираясь из деревни в губернию, не спеша служили молебен и пускались в путь с запасом, достаточным для полярной экспедиции»¹¹²⁵. В первой половине XIX века важный пан где-нибудь на территории Левобережной Украины собирался в дорогу долго и основательно. «За каретою тянулся целый обоз с необходимой для пана в путешествии и по приезду на место рухлядью и прислужой; везли и панских слуг, и постель, и гардероб, и посуду, и столовое серебро, и вообще всё такое, что могло почему-либо понадобиться пану или его семейству в дороге». Остановки делали «через каждые 25–30 вёрст, «если не у знакомых или родственников, то редко в заезжих постоялых дворах, а большею частью у заможных хозяев из козаков или крестьян»¹¹²⁶.

Поездка из Тернополя во Львов (расстояние между которыми примерно 130 км), в то время когда не было железных дорог и ехать приходилось в запряженной конями «будке» (каком-то подобии дилижанса), продолжалась «не так как сегодня 2,5 или 3,5 часа, а целые сутки». Необходимо было делать остановки не только для ночёвки, но и для того, чтобы пасти коней. Всё это могло быть любопытно один раз, но в целом очень утомительно. Впрочем, когда зимой заметало дороги, то поезда между Тернополем и Львовом вообще не ходили — вспоминал Александр Барвинский¹¹²⁷.

После появления железной дороги соседний город на расстоянии ста километров оказывался гораздо доступнее, чем какое-нибудь село, до которого было всего лишь 25 ки-

¹¹²³ Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. — М.: Наука. 2009. — С. 13–15.

¹¹²⁴ В то время этот маршрут (960 вёрст, 1025 километров) был длиннее, чем железная дорога (872 километра).

¹¹²⁵ Куприн А. Молох / А. Куприн // Полное собр. соч. В 10 т. Т. 1. — М.: Воскресенье, 2006. — С. 43.

¹¹²⁶ Л. Из прошедшей жизни малорусского дворянства / Л. // Киевская старина. — 1888. № 10. — С. 157.

¹¹²⁷ Барвінський О. Спомини з мого життя. В 4 ч. Ч. 1. Образки з громадянського и письменського розвитку русинів / О. Барвінський. — Коломия: Галицька накладка Якова Оренштайна, 1912. — С. 70–71, 112–113.

лометров по бездорожью. Так железная дорога превращалась в предмет первой необходимости — особенно для миграции рабочей силы, для тех крестьян, которые устремились на поиски работы в города.

«В ходе модернизации в Европе несвободу и разные формы личной зависимости одних людей от других похоронили не фронтиры, а урбанизация и революции. Это, а также развитие коммуникаций, способствовало стиранию отличий между метрополией и периферией, унификации культуры и интеграции»¹¹²⁸.

Радикальная инновация

Сегодня железные дороги считаются во многом уже устаревшим видом транспорта — появились другие, более удобные способы доставки людей и грузов. Однако в середине XIX века поезда воспринимались как радикальная техническая новинка, совершенно не похожая на привычные в то время телеги с волами или кареты, запряжённые лошадьми.

Поезда требовали огромного количества ресурсов — угля в качестве топлива, чугуна (а потом стали) для рельсов, множества металлических деталей паровозов и вагонов, а также квалифицированную рабочую силу для того, чтобы вся эта транспортная сеть хорошо работала. Поэтому начало строительства железных дорог создало во всех странах новые отрасли промышленности. Это особенно хорошо видно на примере аграрной Украины, где появление железных дорог стимулировало массовую добычу угля в Донбассе и железной руды в Кривом Роге. А это, в свою очередь, подтолкнуло общую индустриализацию — создание целого индустриального пространства.

Массовое производство чугуна, а затем и стали снизило цену металла, что запустило целый цикл других инноваций и привело к созданию десятков (а может, и сотен) новых металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий, дав работу множеству людей. Рабочие этих заводов на свою зарплату покупали необходимые им товары, что вело

¹¹²⁸ Чорновол І. Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір. — К.: Критика, 2015. — С. 221.

к расширению потребительского рынка, стимулируя развитие не только тяжёлой, но и лёгкой промышленности.

Чем больше строили железных дорог и рос объём перевозок, тем быстрее снижались цены на транспортные услуги, дешевле становилась доставка на заводы угля, руды и другого сырья, что подталкивало рост промышленности. Кроме того, новый вид транспорта обеспечивал надёжность и скорость перевозок, и появилась возможность создания крупных предприятий.

Для финансирования строительства железных дорог учреждались акционерные компании, и началась настоящая акционерная революция. Компании стали быстро вытеснять паевые товарищества (обычные в 1850-е годы), а железнодорожные акции и облигации надолго стали самыми популярными ценными бумагами на биржах — скоро о них узнали даже мелкие инвесторы.

Кроме огромных капиталов, которые можно было собрать только продажей акций и облигаций, для железных дорог необходимо было множество людей — от инженеров и других технических работников до подготовленного обслуживающего персонала поездов и станций. Так «железные дороги создали новый вид экономического человека — профессионального менеджера, которого нанимали на основе его компетенций и знаний, а не по степени родства... менеджеры железнодорожных компаний не были владельцами организаций, на которые они работали, но, тем не менее, они посвящали всю свою жизнь защите их интересов»¹¹²⁹.

«Когда я был управляющим Юго-Западных железных дорог, — писал Сергей Витте, будущий министр финансов и премьер-министр царской империи, — я получал содержание гораздо больше, нежели потом получал в качестве министра и председателя комитета министров. Я был человеком совершенно самостоятельным, правление в мои дела не вмешивалось, я был сам по себе и нисколько не зависел ни от администрации, ни от кого-либо другого»¹¹³⁰.

«Честным приработком для инженеров-путейцев считалось участие в паях акционерного общества по постройке

¹¹²⁹ Гринспен А. Капитализм в Америке: История / А. Гринспен, А. Вулдридж. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — С. 162–163.

¹¹³⁰ Витте С. Ю. Воспоминания (1849–1894). Детство. Царствования Александра II и Александра III. — М.: Изд-во социально-экон. лит-ры, 1960. — С. 152.

дороги и в подрядах на отдельные работы. Это касалось высокооплачиваемых инженеров. Честный и высокий заработок позволял этим людям жить открыто, богато и красиво. Ставка инженера-путейца была настолько высока (около 500 руб. в месяц), что он многое мог себе позволить, не давая себя втянуть во взяточничество»¹¹³¹. Хотя, конечно, бывало всякое...

Отношение к железным дорогам в обществе было неоднозначным. Их многочисленные сторонники восторженно писали, что «самый сильный двигатель цивилизации нашего времени как материальной, так и умственной — железные дороги. Они служат могущественными проводниками образования, они удесятеряют предприимчивость во всех сферах человеческой жизни»¹¹³². А «улучшение путей сообщения будет главным средством для оживления торговли»¹¹³³. Такие, в общем, правильные рассуждения, часто встречались в газетах тех лет.

Однако немало оказалось и противников — причём во всех странах, в том числе и в передовой Англии. Владельцы дилижансов не хотели разориться и распространяли фантастические слухи о том, что дым паровозов отравит воздух, коровы не будут давать молоко, а куры от шума поездов перестанут нестись. От «безумной» скорости поезда у пассажиров начнутся психические расстройства, дома вдоль железной дороги загорятся, паровозы будут взрываться и все пассажиры погибнут.

В Галичине особенно не любил железные дороги и другие достижения технического прогресса известный «москвофил» Иван Наумович, противопоставляя им священные тексты. «Вы на машинах учёные, а мы, Русь, на книгах»¹¹³⁴. А в Российской империи главный противник строительства железных дорог — министр финансов Е. Ф. Канкрин (1774—1845) считал, что железнодорожная сеть «не составляет предмета естественной потребности, а только искусственную... роскошь» и «усилит наклонность к ненужному передвижению

¹¹³¹ Лазаренко О. М. Спогади про Ніжин. 100 років тому / О. М. Лазаренко. — Ніжин: Видавець ПП Лисенко М. М., 2015. — С. 35.

¹¹³² Значение железных дорог для государства (линия Москва-Киев-Одесса) // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 год. — М.: Изд. С. Н. Катковой, 1897. — С. 559–560.

¹¹³³ Чернышевский Н. Г. Статистическое описание Киевской губернии / Н. Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 3. — М.: Художественная литература, 1947. — С. 420.

¹¹³⁴ Наумович И. Чужина / И. Наумович // Зоря Галицкая. — Львов, 1860. — С. 68.

с места на место, выманивая излишние со стороны публики издержки», поэтому железные дороги — «скорее зло, чем благодеяние», так как делают «ещё более подвижным и без того недостаточно оседлое население»¹¹³⁵. По мнению министра финансов, придётся вырубить все леса на дрова для паровозов. Кроме того, железные дороги не нужны еще и потому, что именно в российском бездорожье состоит «непобедимость» империи.

Львовский писатель Стефан Грабинский (1877–1936) придавал стремительно несущимся поездам демоническое, почти мистическое значение. Поезд летел, «как демон, мимо каких-то...», а кочегар «непрерывно черпал лопатой уголь, бросал его в топку, разводил огонь... и как одержимый бегал от тендера к котлу». А машинист «жил только вихрем движения, и «обезумевшие от скорости колёса совершали фантастически быстрые обороты». Нечто было «в самой сущности стремительного поезда, что гальванизировало чувствительные нервы... и сильно возбуждало слабую жизненную энергию»¹¹³⁶. Немного раньше в том же духе писал и Куприн о железных дорогах на востоке Украины: «Мы несёмся сломя голову вперёд и вперёд, оглушённые грохотом и треском чудовищных машин, одуревшие от этой бешеной скачки, с раздражёнными нервами, извращёнными вкусами и тысячами новых болезней»¹¹³⁷.

В рассказе Натальи Кобринской «Как старая Янова ехала по железной дороге из Коломыи в Бурштин» баба Юстина, собравшаяся навестить сына за 90 километров, страшно боится поезда, как и многие пожилые люди того времени. Если бы «возом, то я не боялась бы, но теперь все ездят по какой-то “колее”, а я этого очень боюсь»¹¹³⁸. Многие тогда считали, что эти поездки очень опасны, потому что газеты почти каждый день сообщали о несчастных случаях на железной дороге.

В начале XX века, когда железных дорог стало больше (в том числе и в Галичине), они стали привычнее для крестьян — страх прошёл. По крайней мере, его уже не про-

¹¹³⁵ История торговли и промышленности в России. В 3 т. Т. 2. Вып. 7. Пути сообщения [под ред. П. Х. Спасского]. — СПб., 1913. — С. 9.

¹¹³⁶ Грабинский С. Демон руху. Книга вогню / С. Грабинський. — К.: Знання, 2018. — С. 18–19, 61.

¹¹³⁷ Куприн А. Молох / А. Куприн // Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. — М.: Воскресенье, 2006. — С. 43.

¹¹³⁸ Кобринська Н. Як стара Янова їхала залізницею від Коломиї до Бурштина / Н. Кобринська // Зоря. — 1886. — № 12. — С. 197–200.

являли. «За несколько лет до Первой мировой войны, когда возле каждого из этих сёл проложили узкоколейную линию государственной железной дороги, сёла ещё теснее соединились между собой»¹¹³⁹.

Критики опасались, что поскольку железные дороги неизбежно повысят миграцию населения, это якобы приведёт к увеличению ненужного вольнодумства и упадку нравственности. Ведь «самым ужасным рассадником разврата в городе считался вокзал»¹¹⁴⁰ с его буфетом и рестораном. По мере создания транспортной сети (совпадавшей с общей модернизацией) вокзалы во всех городах действительно становились центром общественной жизни. И дело было не в буфетах и ресторанах — вокзал размыкал закрытый веками мирок, в котором приходилось вариться жителям города. Особенно если это был небольшой городок. А с появлением железной дороги вокзал оказывался воротами к свободе — теперь можно было уехать в поисках работы или просто удаchi и начать новую жизнь в другом месте. Так что те критики, которые опасались возрастания вольнодумства, стремления к свободе и начала массовой миграции населения, в общем, верно понимали, к чему приведёт железнодорожная сеть.

«Первое впечатление было такое, как будто я приехала в какой-то другой мир, лучший и более свободный», — писала в 1891 году из Вены двадцатилетняя Леся Украинка, впервые оказавшаяся за границей¹¹⁴¹. Тогда, в конце XIX века, для более-менее состоятельного жителя Украины сесть на поезд и поехать в одну из европейских столиц было несложно.

Экономические потребности оказались важнее, чем опасения консерваторов, и дороги начали строить — причём достаточно активно. «Постройка железной дороги... оживила город. Был построен вокзал с рестораном, люди приезжали посмотреть депо, железнодорожную технику и проходящие поезда... Железная дорога поражала чёткостью и точностью своей работы: по прибытию и отправлению поездов можно было проверять часы»¹¹⁴².

¹¹³⁹ Моргенштерн С. Юні літа у Східній Галичині / С. Моргенштерн. — Чернівці: Книги — XXI, 2019. — С. 116.

¹¹⁴⁰ Лазаренко О. М. Спогади про Ніжин. 100 років тому / О. М. Лазаренко. — Ніжин: Видавець ПП Лисенко М. М., 2015. — С. 86.

¹¹⁴¹ Українка Л. Лист до М. Драгоманова з Відня, 1891 / Л. Українка // Зібрання творів. У 12 т. Т. 10. — К.: Наукова думка, 1978. — С. 83.

¹¹⁴² Лазаренко О. М. Спогади про Ніжин. 100 років тому / О. М. Лазаренко. — Ніжин: Видавець ПП Лисенко М. М., 2015. — С. 13.

Как строили железные дороги в Галичине

Когда осенью 1867 года знаменитый украинский композитор Николай Лысенко отправился учиться в Лейпцигскую консерваторию, то из Киева до Брод и дальше до Львова ему пришлось ехать в дилижансе¹¹⁴³, хотя уже «начали делать железную дорогу от Брод до Львова. Мы встречали по дороге большие обозы с лопатками, тачками и другими принадлежностями земляных работ». Дальше уже можно было ехать поездом — во Львове дилижанс довёз композитора к «зданию станции железной дороги с башнями по углам, сводами, громадными 3-х саженными окнами»¹¹⁴⁴, где он купил билет до Кракова, чтобы потом поехать поездом до Вены, а оттуда в Дрезден и Лейпциг. В Киеве тогда о поездках только мечтали, хотя до их появления оставалось ждать уже совсем немного — всего три года.

В Западной Украине, входившей в состав Австрийской империи, создание железнодорожной сети началось раньше, чем в остальной части Украины, — с железнодорожными проектами были связаны первые попытки экономической модернизации Галичины¹¹⁴⁵.

«Совершеннейший и могущественнейший император! Милостивейший император и правитель!» — начинал в апреле 1835-го венский банкир Соломон фон Ротшильд письмо австрийскому императору Фердинанду I с просьбой дать «высочайшее разрешение» на строительство железной дороги из Вены во Львов. Дальше банкир перечислял множество выгод, которые принесёт дорога Габсбургской монархии. «Самый преданный и смиренный слуга Вашего Величества, С. М. фон Ротшильд», — скромнейшим образом подписался он. Император во всё это не очень вникал, он только подписывал документы, которые ему подавал влиятельный канцлер князь Меттерних. Тот одобрил идею, и 11 ноября 1835 года Ротшильд получил концессию на строительство Северной железной дороги имени кайзера Фердинанда. Для Австрии всё это было новым и необычным. И очень своевременным —

¹¹⁴³ Многоместная междугородняя карета, запряжённая лошадьми. Очень далёкий предшественник междугороднего автобуса.

¹¹⁴⁴ Лисенко М. В. Листи / М. В. Лисенко. — К.: Мистецтво, 1964. — С. 18–19.

¹¹⁴⁵ Восточная Галичина (её главный городской центр — Львов) входит сейчас в состав Украины, Западная Галичина и Краков — в состав Польши.

ведь в 1835 году даже в Англии железнодорожный бум только начинался.

Дорога должна была дойти от Вены через Краков до Львова и соединить соляные шахты Галичины с центральными районами империи. В том же году открыли первый участок этой дороги, однако дело продвигалось не так быстро, как хотелось бы, и до Кракова железную дорогу смогли довести только в 1856 году.

А тем временем в 1839 году группой крупных землевладельцев Галичины во главе со Львом Сапегой¹¹⁴⁶ был предложен свой проект Галицкой железной дороги от Бохни (расположенной недалеко от Кракова) до Львова, а оттуда — до Бережан¹¹⁴⁷. Вначале дорогу хотели довести даже до Тернополя, проложив боковую ветку до Брод, но потом поставили более реалистичные цели.

Крупные землевладельцы обычно занимали консервативную позицию, так как не хотели ничего менять в привычном укладе и без того богатой жизни. Хотя и в этой среде встречались такие прогрессивные инноваторы, как Лев Сапега, готовые вкладывать капиталы в создание транспортной сети. Те земельные магнаты, кто мыслил более прогрессивно, понимали, что для экономического развития Галичины ей необходима своя железная дорога. Без неё этот край не сможет иметь экономические связи с Европой. А железные дороги помогли бы экспортировать сырьё из Галичины (особенно соль) и наполнять импортными товарами местные рынки. Впрочем, первые железнодорожные проекты утверждались правительством в Вене на основе скорее военных, а не экономических интересов.

Отец Льва Сапегы, Александр, был камергером Наполеона, мать — графиня Анна Замойская — происходила из древнего польского аристократического рода. После обучения во Франции и Англии Лев вернулся в Варшаву, где

¹¹⁴⁶ В консорциум, созданный Сапегой для постройки железной дороги в Галиции, входили граф Владислав Бадени, Владимир Дзидушицкий, Станислав Голуховский, Адам Потоцкий, Альфред Любомирский и др. Галицкая земельная аристократия в большинстве случаев была против постройки железных дорог, и не только потому, что под них отчуждались земли. После появления новых путей сообщения бедные безземельные крестьяне начинали мигрировать в города в поисках работы, а это неизбежно вело к необходимости повышать оплату труда в сельском хозяйстве.

¹¹⁴⁷ Бережаны находятся южнее Львова в современной Тернопольской области.

работал под руководством министра финансов Царства Польского¹¹⁴⁸ Франциска Любецкого, контролируя создание горнодобывающих и металлургических предприятий. Будучи в Петербурге в 1828 году Лев Сапега произвёл хорошее впечатление при императорском дворе и получил от Николая I титул камергера, но вместо придворной карьеры принял участие в подготовке польского восстания 1830 года. Когда восстание началось, руководивший им «Народный совет» отправил Сапегу в Англию и Францию за финансовой помощью, которую получить так и не удалось. А после поражения восстания Льву пришлось эмигрировать из Царства Польского в австро-венгерскую Галичину.

Железнодорожный проект Сапеги одобрил Галицкий сейм, и в 1844 году в Вену было подано прошение о предоставлении концессии на строительство железной дороги. Необходимый для постройки дороги капитал (10–12 млн гульденов) Сапега планировал собрать, создав акционерное общество из крупных землевладельцев Галичины. Однако, несмотря на его активность, начались непредвиденные задержки, и к 1852 году построили только 64 километров Галицкой железной дороги.

Интерес к продолжению строительства этой железной дороги снова оживился во время подготовки к Крымской войне 1853–1855 годов. Австрия собиралась выступить на стороне противников России, поэтому железная дорога от Вены до границы с Российской империей была необходима для транспортировки войск и военных грузов. Попытки ускорить строительство дороги привели к росту государственного долга до 268 млн гульденов, и в 1855 году построенный за счёт государства участок Галицкой дороги решили продать частным владельцам.

Первым претендентом стало «Общество Северной дороги имени императора Фердинанда», контролируемое Соломоном Ротшильдом, — оно в том же 1855 году обратилось с просьбой передать ему в аренду строящуюся линию Краков — Львов. Общество действительно имело многолетний опыт строительства и эксплуатации железных дорог, и по указу от 24 апреля 1856 году все дороги в Галичине перешли

¹¹⁴⁸ После разделов Речи Посполитой Царство Польское входило в состав Российской империи.

в его собственность. Однако галицкие магнаты, в том числе Л. Сапега и А. Потоцкий, подали прошение императору пересмотреть указ. Указ действительно был пересмотрен, и в 1857 году «Общество Северной дороги» отказалось от всех линий в Восточной Галичине, в то же время став крупным акционером общества Льва Сапег.

Концессию на строительство железных дорог в Восточной Галичине общество Сапег получило 7 апреля 1857 года, а 4 ноября 1861 года началось движение до Львова — первый поезд из четырёх вагонов назывался «Ярослав», и на всех станциях собрались толпы крестьян посмотреть на «железного коня». Восточная Галиция получила долгожданную связь с Западной Европой, и это стало толчком для экономического развития.

Правда, Денис Зубрицкий¹¹⁴⁹ в одном из писем заявлял, что железные дороги, построенные для «легкомысленных путешественников», — одна из самых больших бед Галичины, потому что они приносят выгоду только предпринимателям и фабрикантам, оставляя без хлеба миллионы людей¹¹⁵⁰. Не знаю, правда, что он имел в виду, говоря про оставшиеся без хлеба миллионы галичан. Возможно, он и сам этого толком не знал, а написал так, под настроение.

Вскоре начались разговоры о продолжении Галицкой дороги, чтобы в перспективе довести её до одного из портов Чёрного моря — к румынскому порту Галац либо к Одессе. Последнее было, конечно, проблематично — отношения между Австрией и Россией не были дружественными. Остановились на решении построить линию Львов — Черновцы, однако неожиданно оказалось, что «Общество Галицкой железной дороги имени Карла Людвиг» не готово финансировать новые проекты — акционеры получали хорошую прибыль и не хотели рисковать своими капиталами. Пришлось искать иностранных инвесторов, и Сапега нашёл их в Англии, став соучредителем компании *Lemberg — Czernowitzer Railway Company Limited* с центральным офисом в Лондоне. Вскоре эта компания получила концессию на дальнейшее строительство железных дорог от Львова до Буковины.

¹¹⁴⁹ Львовский историк и этнограф (1777–1862).

¹¹⁵⁰ Письма к М. П. Погодину из славянских земель. Вып. 3. — М., 1880. — С. 601–602, 605.

Учредители общества Lemberg — Czernowitzer Railway Company Limited в 1865 г. стали выводить на немецкие и английские биржи акции. На них возник некоторый спрос на Лондонской бирже — упоминания о shares of the Lemberg, «львовских акциях», встречались в различных английских изданиях 1860-х годов, посвящённых ценным бумагам¹¹⁵¹. Однако во время европейского финансового кризиса 1866 года финансовые дела дороги (как и курс её бумаг на биржах) заметно ухудшились.

После того как 1 сентября 1866 года железная дорога Львов — Черновцы была закончена, директор дороги барон Виктор фон Оффенгейм начал переговоры с российскими железнодорожными предпринимателями, предлагая соединить Черновцы с Одессой через Тирасполь. Хотя этот проект так и остался нереализованным, 15 мая 1867 г. общество Галицкой железной дороги получило новую концессию на постройку линии Львов — Броды и государственную гарантию прибыли. В 1869 году постройка этой линии была завершена.

Когда началась эксплуатация дороги Львов — Черновцы, её директор Виктор Оффенгейм неоднократно заявлял, что железная дорога оказалась убыточной. Не поверив этому, Лев Сапега подал на него в суд, и после двухлетнего следствия в Вене начался судебный процесс. Оказалось, что Оффенгейм стал жертвой вымогательства со стороны государственных чиновников высокого уровня (министра торговли Банганса и др.). В конце концов Оффенгейма в 1875 году оправдали, а Сапеге пришлось подать в отставку. Вся эта история привлекла внимание современников — по словам Макса Вирта, «в Австро-Венгрии, где железнодорожные спекуляции производились чуть ли ещё не с большей дерзостью», чем в Германии, «торговля концессиями шла тем же чередом». Оказалось, что руководители существующих железных дорог «заражены продажностью. Главный директор галицкой Карл-Людвигской дороги Оффенгейм, а также его подчинённые, Циффер и Лисковец, были арестованы за расхищение денег как на этой желез-

¹¹⁵¹ Accounts and papers of the House of Commons. Vol. 24. Commercial reports. — L.: Great Britain Parliament. House of Commons, 1870. — P. 331; The London Review of Politics, Society, Literature, Art, & Science, Vol. 9. — London: J. K. Sharpe, 1864. — P. 486; Bradshaw's Railway Manual, Shareholders' Guide and Official Directory. — London: Henry Blacklock & Company, 1879. — P. 395 и др.

ной дороге, так и на Лемберг-Черновиц-Ясской дороге; при этом вышло наружу, на какие деньги сооружались миллионные дворцы в Вене»¹¹⁵².

История деятельности общества Lemberg — Czernowitzer Railway Company Limited была не единственным примером проникновения иностранных капиталов в железнодорожные проекты Галичины. Среди инвестиций в облигации галицких железных дорог иностранные капиталы достигали 90 % — преобладали немецкие инвесторы. Их основным конкурентом были французы, давно уже проявлявшие интерес к железным дорогам Габсбургской монархии.

В целом же железные дороги в Галичине действительно имели не очень высокую рентабельность, главным образом из-за отсутствия крупных промышленных предприятий, заинтересованных в перевозках грузов. Поэтому грузовые перевозки ограничивались сельскохозяйственными продуктами и сырьём. Интенсивность перевозок также была невелика и колебалась в разные поры года. Прибыль акционеров железнодорожных компаний стала снижаться, и в 1877 году государство начало выкупать частные железные дороги. Акции обменивались на государственные железнодорожные облигации с гарантированной прибылью 4 %.

К началу XX века создание сети железных дорог в Галичине было в целом завершено¹¹⁵³. Однако промышленность как в Галичине, так и в Буковине находилась ещё «на весьма низкой степени развития» и, несмотря на появление железных дорог, «не скоро догонит западноевропейские державы»¹¹⁵⁴. Эти слова, написанные в 1860-е годы, оставались актуальными и в начале XX века, после начала нефтяного бума в Галичине (к его истории мы ещё вернёмся).

¹¹⁵² Вирт М. История торговых кризисов в Европе и Америке / М. Вирт. — СПб.: Изд-во журнала «Знание», 1877. — С. 372–373.

¹¹⁵³ Их длина выросла с 1,5 тыс. км в 1881 г. (13,29 % от всей длины железных дорог в Австро-Венгрии) до 3,6 тыс. км в 1901 г. (18,3 %) (Podrecznik Statystyki Galicyi wydany przez Krajowe Biuro Statystyczne [red. T. Pilat]. — T. VII. 2. — Lwow: Z Pierwszej Zwiazkowej Drukarni, 1904. — S. 209).

¹¹⁵⁴ Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галиции и Буковины / К. фон Шмедес. — СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. — С. 96–97.

Все дороги вели в Одессу

Через порты Чёрного моря шёл массовый экспорт зерна, его объёмы постоянно росли¹¹⁵⁵, а прибыли от его продажи имели стратегическое значение. Во времена, когда не было железных дорог, зерно (как и другие товары) традиционным гужевым транспортом — волами — перевозилось чрезвычайно медленно.

Начало Крымской войны 1853–1856 годов наглядно показало, что и для снабжения армии воез с волами уже недостаточно — нужен более современный железнодорожный транспорт. После смерти Николая I в 1855 году его преемником стал Александр II. При нём учредили железнодорожный фонд и Главное общество российских железных дорог. 25 декабря 1864 года царь наконец-то распорядился профинансировать из бюджета постройку линии Одесса — Киев, и в 1865 году проложили первый участок этой дороги от Одессы до Балты. После долгих споров о том, вести ли дальше дорогу на Киев или на Харьков, в 1870 году линию всё же довели до Киева.

На Киевщине к Одесской дороге примыкала так называемая сахарная железнодорожная ветка, и она шла через местность, где были сконцентрированы сахарные заводы. Ответвление от линии Одесса — Киев, ведущее на Бердичев, открыли в том же 1870 году. В дальнейшем эту дорогу продолжили до Бреста — в 1870 году учредили общество Киево-Брестской дороги, а в 1873 году по ней началось движение. Необходимость такой линии не вызывала сомнения и обсуждалась уже несколько лет — ведь с её помощью зерно, сахар, другие сельскохозяйственные продукты и лесоматериалы можно было бы доставлять в Пруссию, в порт Пиллау. «Бресто-Бердичевская дорога... послужила бы для соединения Юго-Западного края с такими промышленными местностями, как Царство Польское, Рига, Петербург, Белосток»¹¹⁵⁶.

¹¹⁵⁵ Зерновой экспорт в 1846–1850 гг. вырос в два раза по сравнению с 1826–1830 гг.

¹¹⁵⁶ «И теперь к Варшаве направляются из Волынской и других Юго-Западных губерний хлеб... частью скот... На белостокские и варшавские суконные фабрики доставляется с украинских ярмарок значительное количество шерсти. Обратный груз для рассматриваемой дороги доставят фабрики Царства Польского, белостокские, рижские и отчасти петербургские... Заграничные товары северной Европы также могут направиться по этой дороге в Юго-Западный

В 1852 году князь Сергей Кочубей¹¹⁵⁷ предложил план строительства Харьковской железной дороги и подал прошение предоставить ему концессию. Дорога должна была соединить Курск и Харьков с Таганрогом — портом на Азовском море. Кочубей учредил акционерное общество и вынашивал планы ещё одной дороги от Харькова до порта в Феодосии (древней Кафе, знаменитом на протяжении веков центре пересечения торговых путей). Однако проекты Кочубея так и не утвердили — не пришло ещё время.

Через четырнадцать лет разрешение от царя на строительство Харьковской железной дороги получил известный предприниматель С. С. Поляков (который, как говорили тогда, «не скупился на крупные взятки в железнодорожных вопросах»¹¹⁵⁸). К тому времени он уже прославился как «железнодорожный король». Поляков обязался финансировать не только строительство дороги, но и запустить в Донбассе завод по производству рельсов без каких-либо субсидий от государства. В марте 1868 года утвердили договор о финансировании Поляковым двух дорог — Курско-Харьковской и Харьковско-Азовской, и вскоре он получил концессию. «Железнодорожный король» своё дело знал хорошо, и весной того же года начались массовые работы по строительству Курско-Харьковско-Азовской дороги сразу на всей линии протяжённостью 700 км. На стройке работало 17 тысяч человек, и уже 22 мая в Харьков на первом поезде из Курска прибыл сам Поляков для открытия этого участка линии. А 22 декабря следующего 1869 года дорогу полностью закончили. Так Киев оказался в месте пересечения трёх линий, ведущих на юг (Одессу), запад (Брест) и восток (Курск).

Вскоре, в 1870-е годы, на юго-востоке Украины началась массовая добыча угля и железной руды. Основным потребителем и заказчиком стали железные дороги — для их постройки требовались в огромном количестве рельсы, а для паровозов нужен был уголь.

край, куда они и теперь отчасти проникают этим путём» (Киевлянин. — 1868. — № 92).

¹¹⁵⁷ Полтавский губернский предводитель дворянства Сергей Викторович Кочубей (1820–1880) в дальнейшем стал членом правления Главного русского общества железных дорог и почётным директором «Новороссийского общества» Джона Юза.

¹¹⁵⁸ Ауэрбах А. А. Воспоминания о начале развития каменноугольной промышленности в России / А. А. Ауэрбах // Русская старина. — 1909 — Т. 138. — Апр. — июнь. — С. 470.

Транспортная революция

Перед Первой мировой войной создание сети железных дорог было в целом завершено на территории Украины — как в западной её части, входившей в состав Австро-Венгрии, так и в центральной, южной и восточной частях, входивших в состав Российской империи¹¹⁵⁹.

Три крупные железнодорожные магистрали¹¹⁶⁰ соединяли экономические центры центральной, восточной и южной Украины с черноморско-азовскими портами и с российскими рынками. Основными транспортными узлами в этих частях Украины стали Киев, Харьков и Одесса, а ещё одна железная дорога Ромны — Ливава соединила центральную и восточную Украину с балтийскими портами. В западной части Украины Северная железная дорога связала Львов с Краковом и Веной, а Галицкая железная дорога — Львов с Черновцами в Буковине. Нереализованным остался проект постройки железной дороги от Черновцов до Одессы, символический в том смысле, что в случае её создания единая транспортная сеть охватила бы собой все экономические центры Украины, поделённой между двумя империями.

Это была настоящая транспортная революция, полностью изменившая карту экономической географии Украины, — ведь именно благодаря сети железных дорог происходила консолидация различных регионов. При создании железнодорожной сети построили большие машиностроительные предприятия (Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы). А на производство железнодорожных рельс ориентировались практически все металлургические предприятия восточного региона.

В финансировании железнодорожных проектов участвовали крупные землевладельцы, владельцы сахарных заводов и экспортёры зерна, однако основным источником капиталов стала массовая эмиссия железнодорожных облигаций и акций, всю вторую половину XIX века бывших в центре внимания на биржах. Так создание железнодорож-

¹¹⁵⁹ Общая длина железных дорог достигла 23,4 тысячи км, (2,3 км на 100 кв. км территории и 0,42 м на одного жителя) (Сарбей В. Г. Національне відродження України. — К.: Альтернативи, 1999. — С. 186).

¹¹⁶⁰ Москва — Киев — Одесса, Москва — Харьков — Одесса, Москва — Харьков — Таганрог.

ной сети привело к появлению массового рынка ценных бумаг¹¹⁶¹.

Во второй половине XIX века железные дороги превратили разрозненные регионы в единое экономическое пространство, формирующийся под знаком зародившегося капитализма. Благодаря созданию стальной сети железных дорог, связавших север и юг, запад и восток, появилась единая система перемещения товаров и людей.

Если представить себе карту, то Львов, Киев и Харьков расположены как бы на одной линии, а Одесса находится на вершине перевёрнутого вниз треугольника. Он указывает на порты Чёрного моря, через которые шла международная торговля, и украинская экономика подключалась к мировым товарным и финансовым рынкам. А процессы глобализации в конце XIX — начале XX веков, когда потоки иностранного капитала устремились в Украину, вместе с индустриализацией превратили эти крупнейшие города в основные экономические центры.

«Интернет Викторианской эпохи»

Если железнодорожные сети сжимали пространство и время (делая далёких друзей — близкими, а долгое путешествие — коротким), то что уже говорить про телеграф и телефон. Эта медная сеть из проводов опутала мир ещё более стремительно, чем стальная сеть железнодорожных путей. Есть искушение назвать телеграф «Интернетом Викторианской эпохи» — эпохи британской глобализации, длившейся до Первой мировой войны. Красиво, хотя и слишком громко — какой из телеграфа Интернет? Как и дедовский чёрный телефон середины XX века с круглым диском и тяжёлой трубкой ничего не имеет общего с айфоном. Но по сути сказано верно.

В случае телеграфа принципиально новое было в том, что раньше передача информации между людьми кроме лич-

¹¹⁶¹ К концу 1880-х годов большей частью железных дорог (76,4 % в 1889 г.) владели частные акционерные компании, имевшие полную свободу в определении тарифов перевозок. Однако во время очередной Русско-турецкой войны 1877–1878 годов частная железнодорожная сеть показала свою неэффективность, и всё чаще стали говорить о необходимости выкупа государством железных дорог у акционерных обществ. В начале XX века большинство железных дорог уже принадлежало государству.

ных разговоров происходила только с помощью писем. Шли они долго, иногда терялись, особенно если их везли в дальние страны. А телеграф сразу всё изменил — информация передавалась по проводам может и не с такой скоростью, как сегодня, но для людей XIX века — невероятно быстро. И передавалась она без участия материальных предметов (писем) — одни только символы.

Об истории изобретения телеграфа написано много, повторять это нет смысла, как и гадать, кого именно считать его главным изобретателем. Коммерческое использование телеграфа впервые началось в Англии в 1837 году, а в 1844 году — в США, где Сэмюэл Морзе зарегистрировал патент на телеграфный аппарат. Новая связь развивалась стремительно — в 1858 году по дну океана был проложен трансатлантический кабель, соединивший Америку с Европой, а в 1870-м — кабель до Африки с её многочисленными британскими и французскими колониями. Так медная сеть телеграфных проводов стала распространяться не только в разных странах, но и на разных континентах. Часто телеграфные линии строили вместе с железнодорожными путями — связь нужна была на железной дороге, чтобы регулировать движение поездов.

Началась самая настоящая информационная революция — может и не первая (появление печатных книг и особенно газет тоже было информационной революцией), но для того времени очень радикальная. Она стала возможной благодаря освоению нового вида энергии — электрической. Информационная революция превращала экономические системы стран в единый информационно-финансовый рынок¹¹⁶², и самым важным её инструментом был, конечно же, телеграф.

«Изобретение телеграфа было гораздо более революционной новинкой, чем появление телефона, произошедшее несколько десятилетий спустя. Телефон (примерно как Facebook сегодня) просто повысил качество социальной жизни, сделав вербальное общение более доступным и удобным. Телеграф же изменил параметры экономиче-

¹¹⁶² «Она устранила все помехи и неопределённости, которые прежде затрудняли и тормозили деловую активность. Теперь продавцы могли дозаказать товар сразу после того, как тот уходил с полки. Поставщики получили постоянный контроль за цепочками поставок» (Гринспен А. Капитализм в Америке: История / А. Гринспен, А. Вулдридж. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — С. 25).

ской жизни: он... кардинально сократил время на передачу информации»¹¹⁶³.

Телеграф связал основные финансовые центры и мира (Лондон, Париж, Берлин и Нью-Йорк), и отдельных стран в единую информационную сеть, повысив мобильность капитала. Так менялась сама архитектура экономических систем и финансовых рынков, переходя на качественно новый уровень. Может, эти перемены и не очень осознавались людьми XIX века, но они реально происходили.

Принято считать, что телефон изобрёл американец Александр Белл в 1876 году, получив патент и основав свою компанию, быстро продвигавшую свой продукт по всему миру (через два года реклама телефонов Белла уже встречалась в киевских газетах). Впрочем, похожий девайс создал ещё в 1861 году немецкий физик Иоганн Рейс, он же предложил и название новой системы связи, передающей человеческий голос — «телефон». Разрабатывали телефоны и в других странах, поэтому спор о том, кто именно был первым, для нас сейчас особого значения уже не имеет. Важно, что новое изобретение, позволяющее слышать на расстоянии голос друг друга, быстро прижилось, а первые телефоны компании Белла скоро появились кое-где и в наших городах. Хотя широкое использование телефонной связи в мире реально началось только с конца XIX века.

В Украине первую телеграфную линию в 1846 году построили между Львовом и Веной, в 1855 году телеграф соединил Черновцы и Львов. В том же 1855 году заработала телеграфная связь между Киевом и Петербургом, в 1859 году телеграммы могли отправлять и жители Одессы. А в 1880-е появилась сеть почтово-телеграфных контор, и телеграф стал обычным делом во всех крупных городах.

В 1868 году через территорию Украины прошёл «индийский телеграф» — Индо-Европейская линия Лондон — Варшава — Одесса — Тифлис — Тегеран, строившаяся фирмой «Сименс и Гальске» и доведённая потом до британской Индии (первое сообщение в Индию отправили в 1870 году)¹¹⁶⁴. «Индийский телеграф» проходил не только через Одессу и Жито-

¹¹⁶³ Гринспен А. Капитализм в Америке: История / А. Гринспен, А. Вулдридж. — М.: Альпина Паблишер, 2020. — С. 72–73.

¹¹⁶⁴ Общая стоимость проекта достигла почти полумиллиона фунтов, и для фирмы «Сименс», в те годы лидера по прокладке телеграфных линий, такой заказ был, конечно, событием.

мир, но и через славный город Бердичев, хотя то, что через город шли чугунные (!) столбы с медными проводами, ещё не означало, что местные предприниматели могли пользоваться этой связью. Одесский комитет торговли и мануфактур обращался в Департамент торговли с просьбой разрешить им пользоваться этой линией для коммерческих целей. Однако, несмотря на всё значение одесской зерновой торговли, российские власти не дали такого разрешения. А использовать плохую телеграфную связь с Европой через Москву одесские банкиры и купцы не захотели, отправляя свои деловые сообщения через Константинополь и дальше в Лондон всё тем же «индийским телеграфом». Правда, в таком случае приходилось тратить дополнительные деньги, а главное — время. Телеграмма из Одессы в Лондон через Константинополь шла двое суток, хотя при непосредственном использовании Индо-Европейской линии получить ответ из Лондона можно было бы через два часа.

В 1880-е годы в Украине стали появляться и телефоны. «Телефоны. Звуковой телеграф. Это гениальнейшее современное изобретение, посредством которого на расстоянии многих вёрст можно беседовать и вообще передавать звуки»¹¹⁶⁵.

Первым опять же был Львов — сказывалась близость к развитой Австрии. В 1882 году американская компания «Белл» открыла телефонную станцию в Одессе (а также в Петербурге, Москве, Риге и Варшаве). А в Киеве телефоны появились ненамного позже Львова и Одессы — в 1886 году, в Харькове первая телефонная станция появилась в 1888 году.

Так «телеграф, телефон, стодвадцативёрстные поезда... сократили расстояние до minimum'a... Сделка, требовавшая раньше целых месяцев, теперь оканчивается в пять минут. Но уж и эта чертовская скорость не удовлетворяет нашему нетерпению... Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч вёрст!»¹¹⁶⁶.

¹¹⁶⁵ Киевлянин. — 1878. — 4 января.

¹¹⁶⁶ Куприн А. Молох / А. Куприн // Полное собр. соч. В 10 т. Т. 1. — М.: Воскресенье, 2006. — С. 43.

Глава 2.

БИЗНЕС С АРОМАТОМ КОФЕ

В 1879 году Григорий Данилевский (тот самый, который написал серию этнографических очерков про чумаков, а потом стал редактором «Правительственного вестника») опубликовал фантастический рассказ «Жизнь через сто лет». В будущем, где оказался герой, всё сильно изменилось — мир завоевали китайцы, а Европой правил какой-то азиатский богдыхан. Неизменным осталось одно — кофейни. Туда приходили люди выпить кофе, поговорить, почитать газеты и узнать новости. Кофейни остались не зря — именно там укреплялись социальные связи, без которых невозможно развитие экономики.

Драйв эпохи

У каждой эпохи свой драйв — тот магнетизм жизни, который чувствуется через века и делает эпоху неповторимой, непохожей на другие. Это особое настроение, придающее тому времени характерный облик и связывающее живших тогда людей одним ритмом. Как ритм музыки связывает воедино танцующих. Именно он, драйв эпохи, помогал жить, мечтать и творить — создавать новое в искусстве, науке, технологиях. В том числе технологиях финансовых.

В эпоху Возрождения такой драйв создали контакты со странами Востока. Что бы там ни говорили церковники о «проклятых иноверцах», у которых нужно отвоевать Иеру-

салим и «гроб Господень», для диких европейцев, мывшихся чаще всего два раза жизни (при рождении и смерти), контакт с утончённой цивилизацией чистоплотных арабов стал культурным шоком. В хорошем смысле этого слова. Выгодная торговля, потоки денег, богатство итальянских городов, новые культурные веяния, энтузиазм предпринимателей — всё определял контакт с более развитой цивилизацией.

В эпоху Колумба и конкистадоров драйв тех веков создавал поток драгоценных металлов из Центральной и Южной Америки. Древние цивилизации этого континента захватчиков не интересовали (они переплавляли произведения искусства инков в слитки). Умы будоражили поиски легендарной «страны золота» — Эльдорадо. Культ золота вообще характерен для европейцев (в других частях мира отношение к этому металлу часто бывало другим), и при виде его блеска они забывали обо всём и готовы были плыть на другой край земли, преодолевать океаны, погибать в штормах и битвах с местными племенами. Главное — золото.

А потом наступил семнадцатый век, эпоха голландцев, эпоха Амстердама. Нужен был новый источник драйва. Им стал кофе — дорогие и экзотические зёрна, растущие в далёких и недоступных странах, обладали удивительным свойством. Они проясняли ум и повышали настроение.

Для европейцев, привыкших к затуманивающему сознание алкоголю, это вообще был первый контакт с психостимулирующими веществами. В Европе их просто не было. Говорят, когда-то викинги перед боем пили отвар мухоморов и впадали в состояние агрессивного безумия, лишённого страха. Это как наши соотечественники перед дракой могут выпить стакан самогона для смелости. Но понятно, что к коммерции, бизнесу это отношение не имеет. Для удачной сделки нужно состояние ясности ума, а не алкогольное опьянение. И такой источник драйва был найден — кофе. Пахучие коричневые зёрна из дальних южных стран. Кофе венский. И амстердамский. Ну и конечно, лондонский.

Началась кофейная эпоха — эпоха великого протрезвления¹¹⁶⁷, пробудившая множество европейцев от векового

¹¹⁶⁷ Впрочем, великое протрезвление коснулось не всех — один из помещиков Правобережной Украины в 1791 году на кофе потратил 878 злотых, а на вино, водку и пиво 8227 злотых, почти в десять раз больше (Баранович А. И. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII веке / А. И. Баранович. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 152).

алкогольного полусна¹¹⁶⁸. И подтолкнувшая их к стремлению улучшить качество своей жизни, заняться предпринимательством, да и вообще каким-то продуктивным делом. В этом смысле дух зарождающейся кофейной культуры хорошо перекликался с этикой протестантизма, нацеленной на прагматизм, трудолюбие и ясность ума. Распространилась мода на кофейни и в других странах, не протестантских. В городах Италии, в Париже и Вене — всюду они становились центром общественной жизни, местом, где можно было пообщаться, почитать газеты и обсудить новости¹¹⁶⁹.

Кофе развязал языки трезвых, создав совершенно новую сеть коммуникации — кофейни. Туда мог зайти любой человек и принять участие в разговоре. В кофейнях купцы заключали сделки, учёные совершали свои открытия, политики находили благодарных слушателей — настоящий форум, живой и динамичный, далёкий предшественник наших социальных сетей.

Для XVI и XVII века всё это было новым и необычным — настоящей радикальной инновацией. До того люди веками встречались в пивных разного вида и названия (в наших краях — в шинках), но в отличие от прояснявшего сознание кофе, алкоголь (даже самый слабый, не говоря уже о крепком) создавал совершенно другое настроение. Центром этой инновации (да и многих других) стал Лондон, и на примере британской столицы хорошо видно, что история кофейной культуры отражает историю становления гражданского общества.

Когда в 1602 году была создана Голландская Ост-Индская компания, её купцы заинтересовались торговлей кофе. Их главной целью был, конечно, перец и другие пряности (на них в Европе был очень высокий спрос), но выгодно купить перец можно было только в Индонезии. Это было очень далеко, и путь туда в начале истории компании был небезопасен. А кофе продавали гораздо ближе — в портовом городе Моха в Йемене, тогда одним из главных центров

¹¹⁶⁸ Сказать, что кофейни вытеснили пивные, было бы неправдой. В 1737 году в Лондоне работало 530 кофеен и почти шесть тысяч пивных — в десять раз больше. А сколько, кроме того, было таверн, постоялых дворов и прочих мест, где торговали алкоголем, сосчитать трудно. И сегодня лондонские пабы не меньше, чем кофейни, имеют значение для общения и обмена самой разной информацией.

¹¹⁶⁹ Разве что консервативные германские княжества долго сопротивлялись этой моде, и там кофе больше пили дома, в кругу семьи. Хотя и там со временем эта глухая стена сопротивления пала — в начале XX века берлинские кофейни не уступали венским.

кофейной торговли¹¹⁷⁰. В 1616 году голландский корабль привёз первую партию кофе из Мохи, а с 1663 года начались регулярные поставки этого товара сначала из Йемена, а потом из Малабара на побережье Индии.

Первая европейская кофейня для публичного испития кофе (до того каждый ценитель напитка пил его дома) появилась в Венеции в 1645 году, потом эта мода распространилась в Лондоне, а в 1662 году сицилиец Прокопио открыл первую кофейню в Париже, где подавали не только кофе, но и другую новинку — мороженое. В Амстердаме кофейню в 1664 году открыл родившийся в Турции Паскуа Рози, который был родоначальником лондонской кофейной культуры.

Кофе распространялся в Европе быстро, хотя и претерпевший в этом было немало — церковь одно время объявляла кофе «чёрной кровью турок», считая, что он пропагандирует идеи ислама. Многие вообще верили, что коварные евреи и мусульмане сговорились и специально подсаживают христиан на кофе, чтобы уничтожить их мораль и смутить умы. Английский король Карл II в 1676 году запретил (ненадолго) кофейни, так как они не только якобы вызывали импотенцию, но и распространяли бунтарские настроения в умах. В последнем часть правды, конечно, была — за чашкой кофе люди обсуждали не только свои коммерческие дела, но и политику. В кофейнях сочиняли политические памфлеты и заодно плели всякие заговоры. Считалось, что там собираются смелые люди, занимающиеся рискованными делами.

А в германских княжествах их консервативные жители с недоверием относились к новой кофейной моде и пили привычное пиво. На продажу кофе установили высокие налоги, а местами вообще запретили её. Владелец кофейни Циммермана в Лейпциге заказал Баху написать юмористическую кофейную кантату, чтобы рекламировать и своё заведение, да и кофе вообще. Для Баха была ещё одна причина написать в 1732 году кантату — протест против попыток запретить женщинам пить кофе. Она была исполнена впервые в кофейне Циммермана в 1734 году. Однако власти не сда-

¹¹⁷⁰ От него появилось название сорта кофе Мокка. Все горы в окрестностях Мохи были засажены кофейными деревьями по инициативе шейха Шадди, которого потом стали считать покровителем не только города, но и всех арабских кофейен.

вались — в 1777 году король Пруссии Фридрих Великий ввёл государственную монополию на кофе, чтобы ограничить его распространение. Он приказал штрафовать тех, кто варит кофе у себя дома (их искали и находили по запаху). По мнению короля, его подданные должны пить привычные алкогольные напитки, а не какой-то там мусульманский кофе.

Со временем все эти страсти улеглись, и для европейцев кофе стал привычным делом. Поставки кофе в Европу на полтора, а то и на два столетия монополизировали голландцы. Они начали выращивать кофе в Индонезии, с которой наладили регулярное сообщение. Везти его оттуда было экономически гораздо выгоднее, чем покупать у арабов в Йемене. Англичане не могли с этим мириться и создали плантации кофе в своих карибских колониях, особенно на Ямайке¹¹⁷¹. Французы не отставали от них — с невероятным трудом и приключениями раздобыли саженцы кофейного дерева и вырастили их на колонизированном острове Мартиника в Карибском море.

А тем временем предприимчивые голландцы поняли две вещи. Кофе, проясняющий ум и повышающий настроение, может стать лучшей смазкой при деловых переговорах. А кофейни, в которых собираются купцы и финансисты, оказались местом для обмена деловой информацией. И действительно, когда иностранный купец попадал в Амстердам, признанную «столицу мира» XVII–XVIII веков, где он никого не знал, куда ему было идти, чтобы завязать первые деловые знакомства? Конечно, в кофейню. Например, в кафе «Английское» недалеко от биржи. А уже потом, сориентировавшись в финансовой обстановке, можно отправиться на биржу. А может, туда можно вообще не идти, если все вопросы решались за чашкой кофе. Недалеко от биржи хватало и других кафе («Французское», «Лейденское», «Рошельское»). Ведь недаром древняя китайская мудрость утверждает, что любой далёкий путь начинается с одного шага. И первая чашка кофе становилась таким шагом на пути погружения в запутанный финансовый мир Амстердама.

«Наши спекулянты посещают определённые дома, где продаётся питьё», которое «голландцы называют коффи, а левантинцы — каффе». Эти «кофейные дома (coffy huisen) с их соблазнительными [возможностями] времяпровожде-

¹¹⁷¹ Ямайский кофе «Blue Mountains» и сегодня ценится среди знатоков.

ния были зимой большим удобством... во всех найдёшь собеседников, чтобы поболтать. Кто-то пьёт шоколад, кто-то кофе... выслушивая новости... Вот в один из этих домов в часы работы биржи входит то или иное лицо, играющее на повышение. Его расспрашивают, что стоят акции, он добавляет к их цене на этот момент один-два процента, достаёт маленькую записную книжку и принимается записывать нечто такое, что есть лишь у него в голове, чтобы заставить каждого поверить, будто он действительно это сделал, и чтобы подогреть... желание купить какую-нибудь акцию из страха, как бы её цена не возросла ещё больше», — писал про амстердамские кофейни современник Иосиф де ла Вега¹¹⁷².

В кофейнях лондонского Сити

Лондон сменил Амстердам как финансовая столица мира только с конца XVIII века, когда колесо истории сделало свой очередной оборот. Однако в 1688 году здесь произошли события, имевшие далеко идущие последствия. Консервативно настроенного короля-католика Якова свергли, на смену ему пришёл новый король-протестант Вильгельм. Вскоре после политической «славной революции» началась революция финансовая, за которой последовал общий экономический подъём и волна учреждения акционерных компаний.

В британской столице дух перемен особенно чувствовался в деловом районе — лондонском Сити, на Exchange Alley. Эту короткую улицу, где народ толпился возле кофеен Jonathan's Coffee House и Garraway's, «можно было пройти за полторы минуты. Остановитесь у дверей “Джонатана”, повернитесь на юг, пройдитесь несколько шагов, затем сверните к востоку — и вы придёте к дверям “Гаррауэя”. Оттуда дойдите до следующих ворот, и вы окажетесь на Берчин-лейн... Засунув свой компас в футляр и обойдя кругом мир ажиотажа, вы снова окажетесь у дверей “Джонатана”.

¹¹⁷² La Vega J. de. Die Verwirrung der Verwirrungen: vier Dialoge über Börse in Amsterdam / J. de. La Vega [Ed. O. Pringsheim]. — Breslau: H. Fleischmann, 1919. — S. 192. Встречи в кофейнях происходили обычно по утрам, с 10 до 12 часов, когда биржа ещё не работала. Она открывалась в 12 и работала до 14 часов. После этого игроки снова шли в кофейни, где обсуждали свои дела до самого вечера.

Но крохотный этот мирок, набитый до отказа в часы пик, со своими завсегдатаями, своими взволнованными группками людей, был гнездом интриг и центром могущества»¹¹⁷³.

Главные вопросы решались в кофейнях, где финансисты и первые брокеры могли выпить кофе, обменяться новостями и полистать свежие газеты. Первую лондонскую кофейню открыл на St. Michael's Alley в 1652 году купец Паскуа Рози. Лондонским коммерсантам идея понравилась — и модно, и престижно, и действительно повышает ясность ума, что так важно для переговоров. Через несколько лет появились новые кофейни — Rainbow, Nando's и другие. А в Miles's cofee-house, основанной в 1659 году, возник один из первых британских клубов — Rota club¹¹⁷⁴.

Владельцы кофеен в центре Лондона стали давать своим заведениям названия, связанные с теми странами и колониями, на торговле с которыми специализировались собиравшиеся в них брокеры. В New England Coffeeshouse, Georgia Coffeeshouse, New York Coffeeshouse встречались те, кто торговал с Северной Америкой. А в Jamaica Coffeeshouse (где подавали знаменитый ямайский ром), собирались занимавшие бизнесом с карибскими странами.

Что заставляло всех этих людей встречаться в кофейнях, а не бирже? Кроме общей неформальной обстановки была и другая причина. После «финансовой революции» появилось почти полторы сотни новых компаний, выпускавших свои акции. Вокруг этих и других ценных бумаг на бирже начался ажиотаж, и в 1697 году пришлось издать указ, ограничивший количество брокеров. Их могло быть не более ста, причём все должны иметь лицензию на свои операции и регистрироваться на бирже. Кроме того, биржевой брокер не имел права вкладывать свои собственные деньги в операции, а комиссионные не могли превышать 10%. Новшества

¹¹⁷³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — В 3 т. Т. 2. Игры обмена. — М.: Прогресс, 1988. — С. 94.

¹¹⁷⁴ Его основал Джеймс Харрингтон, автор популярной в те годы книги «The Commonwealth of Oceana», где рассказывалось о вымышленной стране «Океана», напоминающей Венецианскую республику. Долгие споры об экономике и политическом устройстве этого государства объединяли участников клуба. Идея использования кофеен как клубов прижилась — они ведь открыты для всех и для любых дискуссий. Вскоре сторонники консервативной партии тори стали собираться в кофейнях Cocoa Tree и Ozinda's, а либеральной партии вигов — в кофейне St. James. Так зарождался клубный стиль британского бизнеса, расцвет которого наступил через два века, при королеве Виктории.

многим не понравились, и те брокеры, которые не хотели регистрироваться на бирже, стали собираться сначала в помещении Ост-Индской компании, а потом в расположенных недалеко от биржи кофейнях на Exchange Alley — Garraway's, Marine, Batson's, а также в кофейне Эдварда Ллойда, основателя знаменитой страховой компании.

Кофейня Ллойда открылась в 1687 году на Тауэр-стрит поблизости от порта и лондонских доков. В просторном зале клиенты пили чай или кофе, греясь возле камина и обмениваясь новостями, в основном — о кораблях. Кто куда отправился, кто откуда вернулся, а кто — не вернулся. Ещё клиенты любили делать ставки на корабли, как на лошадей на скачках. Кому повезёт, а кому — нет. Хозяин заметил это и стал издавать для посетителей небольшой бюллетень со сведениями об иностранных портах и с датами прибытия и отплытия кораблей. Скоро кофейня Ллойда прославилась тем, что там всегда можно получить любую информацию о кораблях, и тут начали заключать договоры страхования судов.

Но главным местом встреч брокеров стала кофейня Джонатана (Jonathan's Coffee House), открытая в 1680 году. Встречи происходили регулярно, однако в марте 1748 года кофейня сгорела вместе с целым кварталом на Exchange Alley. Брокерам необходимо было новое место для встреч, и в 1762 году они создали свой клуб биржевиков, планируя арендовать на долгий срок отстроенную кофейню Джонатана. Однако договориться с владельцем кофейни не удалось. И тогда в 1773 году брокеры приобрели здание на Sweeting's Alley, чтобы создать там свою собственную биржу, независимую от Royal Exchange. Сначала брокеры думали назвать её «Новый Джонатан», но потом решили дать более деловое название — The Stock Exchange. В 1801 она получила своё современное название — London Stock Exchange, LSE¹¹⁷⁵.

В 1700 году в Лондоне якобы было три тысячи кофеен при населении города 600 тысяч — по одной кофейне на 200 человек¹¹⁷⁶. Даже если эта цифра завышена, очевидно,

¹¹⁷⁵ Подобно английским клубам, London Stock Exchange основали как некоммерческую добровольную ассоциацию. Учредившие биржу брокеры были её владельцами. А чтобы сохранить память о кофейне Джонатана, в 1996 году в здании биржи открыли Jonathan's Cyber Cafe.

¹¹⁷⁶ Шивельбуш В. Смаки раю. Соціальна історія прянощів, збудників та дурманів / В. Шивельбуш. — К.: Ніка-центр, 2016. — С. 56. В Париже в 1720 году было 380 кофеен, в 1790-м — 2000, в середине XIX века — 4000.

что кофейни стали в Англии центром общественной жизни, может, даже более важным, а главное — доступным, чем салоны или театры.

Для многих они стали вторым домом. Тогда имело значение не то, где жил человек, а какую кофейню он посещал. И если нужно было кого-то найти, то первыми делом выясняли, в какую кофейню он ходит. Именно в кофейнях политики встречались с журналистами, а юристы и брокеры — с клиентами. Лондонские прокуренные и шумные кофейни мало напоминали современные. Пол из деревянных досок посыпали песком, чтобы легче убирать грязь. Столы и стулья были покрыты пятнами, лампы сильно коптили, а свечи мерцали и потрескивали. Временами мелькали лица каких-то непонятных сомнительных персонажей, и всё это больше напоминало пивные для моряков, чем наши кафе.

Женщины в лондонские кофейни вообще не ходили — эти места считались небезопасными, да и неприличными. А вот брокерам и финансистам кофе-хаузы полюбились. Здесь они обменивались новостями, встречались с клиентами и заключали сделки. Кофейни заменяли им офисы, конторы и клубы — этим объяснялась их популярность в мире английского бизнеса. Поэтому мужчины могли пропадать там целыми днями — то ли действительно по делам, то ли просто за разговорами.

Ещё в 1674 году, когда лондонская кофейная культура только зарождалась, а король Карл II попытался запретить кофейни, был опубликован анонимный памфлет «Женщины против кофе» («Women's Petition against Coffee»), обвинявший любителей кофе в импотенции. «Никогда представители мужского пола не носили более широких бриджей, и никогда столь мало было в них мужского достоинства» — говорилось там. А всё из-за «чрезмерного потребления отвратительного языческого ликёра под названием кофе, который... сделал наших мужей евнухами и искалечил наших милых галантных кавалеров... Они приходят домой выжатые, как лимон, и во всём их организме нет ничего... твёрдого, кроме костей, ничего стоячего, кроме ушей». А больше всего женщин возмущало, что в кофейнях мужчины узурпировали священное женское право на сплетни.

Мужчины в том же году опубликовали ответ («The Men's Answer to the Women's Petition against Coffee»), где не со-

глашались с обвинениями. «Полдня вы валяетесь в кровати, отдавая дань идолу из бокала, потом... вызываете извозчика, отправляетесь в театр, где вас развлекают танцами, а потом заходите выпить в таверну и домой возвращаетесь навеселе. И что нам достаётся на ужин? Жалкая булочка с маслом!» Поэтому «пусть наши жёны, подписавшие петицию, останутся ночью в одиночестве и не пьют ничего кроме простокваши!» — таким был жёсткий мужской ответ. А кофе ни в чём не виноват — «этот безвредный, целебный ликёр... отрезвляет нас в часы ярости вашего неповиновения и греха ревности».

Город легенд

Есть легенды, которые на самом деле самая что ни есть быль. Правда тоже бывает настолько романтической и красивой, что кажется легендой. Особенно в Вене. Может, именно легенды делают Вену такой, какой мы её любим. Впрочем, так во всех старинных городах (в том же Львове). Некоторые легенды отражают реальные события, а некоторые созданы фантазией поколений жителей, стремившихся романтизировать свои улицы, переулки, холмы и старые здания. Так было всегда — легенды придают городскому (да и сельскому) пространству значимость.

Я не вижу в этом ничего плохого. Гораздо хуже, когда политическими легендами обрастают жестокие кровавые эпохи, и спустя годы воспринимаются люмпенизированной массой как очаровательное время, отражённое в дурацких кинокомедиях. Или когда легендами обрастают личности жестоких диктаторов, по чьему приказу были расстреляны миллионы. А спустя время они воспринимаются той же толпой как добродушные и мудрые правители, обеспечивавшие многолетний порядок в стране и уверенность в завтрашнем дне. Это страшные и разрушительные легенды, и про них не скажешь, что миф важнее правды. А про безобидные и очаровательные легенды старинных городов вполне можно сказать, что миф для людей очень часто куда ценнее, чем историческая правда.

То, что кажется тяжёлым испытанием, иногда становится неожиданной удачей. Это — про Юрия Кульчицкого¹¹⁷⁷. Он не

¹¹⁷⁷ Подробнее о Кульчицком см.: Німчук І. Юрій Франц Кульчицький та його подвиг. В 250-ліття пам'ятної події / І. Німчук. — Львів, 1933; Юрій Франц Куль-

только помог победить турок, осадивших Вену в 1683 году, но и сумел запустить успешный стартап (наверное, первый в истории стартап украинца, да ещё и в австрийской столице) — впервые открыл в городе кофейню «Под синей бутылкой» («Zur blauen Flasche») и придумал рецепт знаменитого венского кофе, прославившегося по всей Европе. В истории экономики и бизнеса не так уж много имён украинских предпринимателей, повлиявших на европейскую культуру, которым там ставят памятники и называют улицы.

Родился он в 1640 году в селе Кульчинцы (сейчас это Львовская область) и происходил из украинской дворянской семьи Кульчицких-Шелестовичей¹¹⁷⁸. В молодости он оказался на Запорожской Сечи, и так как у Юрия был явный талант к языкам (он говорил по-польски, по-немецки, по-венгерски, по-румынски и по-турецки), он стал переводчиком. В одном из военных походов Кульчицкий попал в плен к туркам и пробыл в Стамбуле несколько лет, хорошо изучив турецкие обычаи.

А потом ему невероятно повезло — на него обратили внимание сербские купцы, так как им нужен был человек, хорошо знающий турецкий и другие языки. Они выкупили Юрия из плена, и в 1660 году он оказался в Белграде (тогда этот город входил в Османскую империю), где работал переводчиком в отделении австрийской Восточной торговой компании (Orientalische Handelskompagnie). Это был как раз тот случай, когда знания оказываются самым ценным капиталом. Золото, деньги, другие ценности — всё это отбирают, когда человек попадает в плен. А знания остаются с ним при любых обстоятельствах и могут очень даже пригодиться. Ведь неожиданные возможности не появляются сами по себе — их нужно создавать.

чицкий і козаки. Збірка статей. — Філадельфія, 1983; Ямінський Б. Відень 1683. Козаки і Кульчицький / Б. Ямінський. — Відень, 1983; Филипчак І. Кульчицький — герой Відня / І. Филипчак. — Львів: Слово, 1991; Segel H. The Vienna Coffeehouse Wits, 1890–1938 / H. Segel. — Purdue University Press, 1993; Teply K. Die Einführung des Kaffees in Wien Georg Franz Koltschitzky. Johannes Diodato. Isaak de Luca / K. Teply. — Wien 1980; Wurmdobler C. Kaffeehäuser in Wien. Ein Führer durch eine Wiener Institution. Klassiker, moderne Cafés, Konditoreien, Coffeeshops / C. Wurmdobler. — Wien: Falter Verlag, 2005.

¹¹⁷⁸ Хотя польские историки (в том числе Ежи Сас Кульчицкий, далёкий потомок Юрия) утверждают, что Кульчицкий был поляком и католиком, обычно его называют украинцем.

В 1663 году Кульчицкий стал австрийским дипломатическим курьером и переводчиком в Стамбуле, получив указание шпионить за турецкими войсками. Однако в 1679 году турецкие власти обвинили купцов компании в шпионаже и выселили их из Белграда. Кульчицкий перебрался в Вену в 1680 году, предоставив властям отчёт, где говорилось, что Турция готовится к войне с Австрией. В Вене Юрий (там его называли на австрийский манер Георг) открыл собственную компанию для торговли восточными товарами — коврами, шёлком и ювелирными изделиями.

А в июле 1683 года двухсоттысячная турецкая армия осадила Вену. Она тогда считалась пограничным городом (её называли *Antemurale Christianitatis*, «Фронт Христианского мира»), так как близко начинались владения турок и Восток — совсем другая цивилизация. Город защищало всего 12 тысяч человек. Император Леопольд покинул город за несколько дней до начала осады, и вся надежда была только на польское войско короля Яна Собеского. Защитники Вены оказались в тяжёлом положении, так как у них не было связи ни с австрийским войском, ни с польским. Особенно критическим положение стало в августе — от польских войск не было никаких известий, а турки начали делать подкопы под стены города, пытаясь их разрушить. Сколько ещё времени ждать помощи, никто не знал, и нужно было решать, продолжать ли оборону или сдаться туркам.

Стало ясно, что осаждённый город не мог долго держаться. И тогда Юрий Кульчицкий вызвался пробраться через вражеский лагерь, выдавая себя за турецкого купца из Белграда, и добраться до войск союзников. Там он узнал, что армия польского короля уже совсем близко, и договорился об обмене световыми сигналами (их подавали с одной из башен Вены). Решающая битва произошла 12 сентября 1683 года. Польские, австрийские и немецкие войска разгромили турок — Вена была спасена.

Главным героем дня стал Кульчицкий, наладивший связь. Городские власти наградили его серебряной медалью, крупной денежной премией, подарили каменный дом на Леопольдштрассе и освободили от всех налогов на двадцать лет. Сам Бог велел начинать свой бизнес, и Юрий не растерялся. Ведь ему дали право выбрать из оставшихся после турок трофеев свою долю. Бежавшие в панике оставили в своём лагере

много чего. Были там и мешки с кофейными зёрнами. В Вене никто не знал, что это такое — думали, корм для верблюдов. А Кульчицкий знал.

Замысел успешного стартапа уже созрел в его голове, и он взял себе почти 300 мешков кофе. А 10 января 1684 года Кульчицкого принял сам император, назначивший его своим личным переводчиком с хорошим жалованьем. Во время этой встречи Юрий попросил разрешение открыть в своём доме кофейню. Император согласился. В первые годы кофейня несколько раз меняла адрес, пока не начала работать на Зингерштрассе 624, получив название «Под синей бутылкой». По легенде, во время осады Вены Кульчицкий был ранен. Его лечила будущая жена Леопольдина Мейер, пользуясь каким-то лекарством в синей бутылке. Так и появилось название. А на доме 624 долгое время была табличка со словами, что в 1683 году здесь открыли первую в городе кофейню.

Вначале венцы не проявляли интереса к горькому напитку ненавистных турок, однако приходили в кофейню, чтобы посмотреть на героя и послушать его рассказы. Кофе тогда вообще не имел популярности, и многие считали его противной на вкус турецкой отравой¹¹⁷⁹. Но однажды Кульчицкий случайно уронил в чашку с кофе кусок сахара, и оказалось, что с ним гораздо вкуснее. Он стал пробовать разные другие добавки, в том числе молоко. Так и появился знаменитый венский кофе.

Говорят, Юрий Кульчицкий для продвижения своего инновационного продукта ходил по улицам Вены в турецком костюме с подносом в руках, на котором стояли кофейник и чашечки с бесплатным кофе. Ещё на подносе лежали рогаики в виде турецкого полумесяца — предшественники венских круассанов. Всё это понравилось жителям города — интерес к кофе стал стремительно расти. А бизнес украинца процветал. Он увидел ту возможность, которую другие не видели.

Правда, быстро появились подделки (за кофе выдавали жженую пшеницу, горох, жёлуди и тому подобную гадость), но знатоки понимали, что настоящий кофе только

¹¹⁷⁹ По словам польского поэта Яна Анджея Морштына, написанным около 1670 года, «Я помню, на Мальте мы пили когда-то // Питьё для пашей Мустафы и Мурата; // По вкусу оно лишь турецкому люду // Христианскую жалко марать им посуду. // У нехристей кофе в почёте и славе, // А нам что за радость в подобной отраве?» (Пер. А. Сиповича).

у Кульчицкого. А он хранил свои секреты и не спешил их раскрывать. Потом предприимчивый украинец понял, что можно за деньги обучать венских дамочек искусству приготовления кофе. В богатых домах такие «кофейницы», которые занимались только варкой кофе, быстро вошли в моду.

Умер Кульчицкий в 1694 году от туберкулеза. Его похоронили с почестями возле собора св. Стефана в Вене, а 12 сентября 1883 года, в годовщину той самой битвы с турками, на углу улицы Favoritenstrabe, 64 и переулка Кульчицкого (Kolschitzkygasse) ему открыли памятник в доме, подаренном в 1683 году. Юрий стоит в турецкой одежде с подносом и кофейником в руках, а под ногами у него оружие побеждённых турок. Ну и конечно, мешок с зёрнами кофе.

Но что было на самом деле, а что — одна из легенд? История Кульчицкого очень популярна в Вене, о нём рассказывают в школах, на разных городских фестивалях, пишут в туристических путеводителях и на официальном сайте города Вены. Однако есть скептически настроенные историки (Джон Стой¹¹⁸⁰, Карл Тепли¹¹⁸¹ и другие), которые пытаются доказать (возможно, из духа противоречия), что ничего этого не было, всё выдуманно, и легенда про Кульчицкого появилась в книге австрийского монаха Готфрида Улиха «История второй турецкой осады Вены» («Geschichte der Zweyten Türkischen Belagerung Wiens»), опубликованной через сто лет после событий, в 1783 году.

Кульчицкого злые языки называют «шпионом» (хотя «шпионил» он против турок ради спасения Вены, родного города скептических историков) и недобросовестным пиарщиком, потому что он якобы приукрасил свои заслуги в победе над турками для продвижения собственного бренда. Обвиняют его и в том, что не он открыл в Вене первую кофейню, а некий армянин по имени Йоханнес Теодат (он же Диодато). Кофейня Теодата действительно располагалась в Вене по адресу Naarmarkt 1 (сейчас — Rotenturmstrabe 14), и она открылась в 1685 году. Кофейня Кульчицкого «Под синей бутылкой» начала работать может и немного позже, но это ведь была не первая его кофейня, а третья. Сохранились записи в венских архивах, как Юрий, по мере того как его бизнес расширялся,

¹¹⁸⁰ Стой Дж. Осада Вены / Дж. Стой. — М.: Вече, 2015.

¹¹⁸¹ Teply K. Die Einführung des Kaffees in Wien Georg Franz Kolschitzky. Johannes Diodato. Isaak de Luca / K. Teply. — Wien 1980.

покупал более просторные помещения. А первая его совсем скромная кофейня открылась в 1683 году, о чём написано на мемориальной доске на доме, где он жил.

Кроме того, есть серьёзная логическая неувязка, подрывающая аргументы скептиков. Сразу после осады Вены и победы над турками Кульчицкий написал книгу «Рассказ очевидца, который в турецкой одежде перешёл через вражеский лагерь и вернулся назад, первым принёс известие»¹¹⁸². Книга была очень популярной и переиздавалась десять раз. Хотя скептики говорят, что Кульчицкий написал её не сам, а кого-то нанял, это и недоказуемо, и к сути дела не относится. Важно, что книгу читали современники, видевшие своими глазами описанные события, и если бы рассказанная в ней история была неправдой, это сразу стало бы ясно для всех. Кстати, в этой же книге Кульчицкий пишет, что он был на Запорожской Сечи.

Книгой он сильно привлёк внимание к себе — люди, её прочитавшие, приходили в его кофейню посмотреть на автора и послушать вживую рассказы об описанных событиях. Кульчицкий умело подыгрывал этому интересу, одеваясь в турецкие одежды — такие же, в которых он пробирался через вражеский лагерь. Так что Юрий Кульчицкий был не только первым украинцем, создавшим успешный стартап в Вене, но и первым украинцем, организовавшим не менее успешную пиар-кампанию в столице империи. Жаль, что не во Львове...

В последующие века венская кофейная культура расцвела, как нигде, сделав этот «город легенд» одной из главных кофейных столиц. Венские кофейни отличались особой уютной атмосферой, стильным изысканным оформлением, большим выбором разных сортов кофе и, главное, возможностью почитать газеты на разных языках. Клиент, заказавший кофе, мог долго сидеть за своим столиком, листая газеты и журналы, — вопросов к нему не возникало.

«Венское кафе представляло собой заведение особого рода, которое невозможно сравнить ни с каким другим в целом мире. В сущности, это своеобразный демократический клуб, где кто угодно, потратив гроши на чашечку дешёвого кофе, может сидеть часами, спорить, писать,

¹¹⁸² Wahrhafte Erzaelung, welcher Gestalt in der aengstlichen turk. Belagerung etc. Durch das Feindlich Lager gedrunge, und die erste Kundschaft zuruck gebracht worden — Wien und Saltzburg: I. B. Mayr, 1684.

играть в карты, получать почту, просматривать любые газеты и журналы... Мы ежедневно просиживали там часами»¹¹⁸³. Многие литературные произведения создавались в этих кофейнях, и так появилась специфическая «литература кофейен» (Kaffeehausliteratur), характерная для Вены на рубеже XIX и XX веков. То было золотое время венских кофейен, которых в городе насчитывалось около шести сотен.

Под киевским небом

Амстердам, Лондон и Вена — это всё хорошо, а что же было у нас, под киевским небом? Когда же в этом древнем городе впервые заструился аромат мокки? Аромат, несущий с собой драйв эпохи и невыразимый словами магнетизм жизни?

Когда я задумался о кофейной истории Киева, мне вспомнился Владислав Городецкий. Точнее, памятник ему в киевском Пассаже, где он сидит в шляпе и с чашечкой кофе. Почему именно Городецкий? Я ведь не знаю, каким он был человеком в повседневной жизни. Наверное, обо всём этом написано в воспоминаниях современников, но я не стану этого искать — лень. Да и зачем? Ведь легенда важнее, чем реальность. И мне хочется верить, что Городецкий — знаменитый архитектор и путешественник по дальним странам — был из тех хорошо образованных и широко мыслящих европейцев (настоящих «граждан мира» — космополитов), которые жили в Киеве в начале прошлого века.

Ну а кофе, один из символов глобализации, в Киеве появился задолго до Городецкого. Почти так же давно, как в Вене. Правда, знали о нём (и пили его) совсем немногие. Говорят, что первым любителем кофе был шотландец, генерал-майор Патрик Гордон, назначенный комендантом Киева в далёком 1678 году. Он любил горький турецкий кофе, ведь сладкий «венский» будет придуман только через пять лет Юрием

¹¹⁸³ «В каждом мало-мальски приличном венском кафе имелись комплекты всех венских газет, и не только венских, но и немецких, а также французских, английских, итальянских, американских; получали здесь и крупнейшие литературные и художественные журналы мира... ничто, быть может, так не способствовало бурной интеллектуальной жизни и осведомлённости австрийца в международных делах, как то, что в кафе он мог так всесторонне ознакомиться с событиями в мире и тут же обсудить их в кругу друзей (Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца / С. Цвейг. — М.: Радуга, 1991. — С. 72).

Кульчицким. Комендант устраивал званые вечера, на которых гостям подавали кофе, горячий шоколад и дорогие вина. Но скоро его перевели из Киева в другое место, и вечеринки Гордона прекратились.

Впрочем, в козацкой Украине о кофе знали и раньше благодаря употреблявшим его соседям — туркам и татарам. С ними не только воевали, но и торговали, так что кое-какое влияние турецкие обычаи всё равно оказали. Это касалось и «турецкого» кофе. Широкого распространения в XVII, да и в XVIII веках этот напиток ещё не имел, но те, кто им интересовался (козацкая старшина и купцы), имели возможность его употреблять.

Любителем турецкого кофе был Богдан Хмельницкий. В 1654 году кофейные зёрна привёз в подарок гетману антиохийский патриарх Макарий, зная, что Хмельницкий пьёт кофе. Видимо, этот интерес имел сугубо личный характер — не сохранилось упоминаний, что во время гетманских банкетов старшине подавали кофе. Кофе пил Мазепа и его окружение, в том числе Пилип Орлик. Позже кофе стал распространяться среди козацкой старшины — особенно в начале XVIII века¹¹⁸⁴. Финансист времён Гетманщины, генеральный подскарбий Яков Маркович, решал свои вопросы с элитой того времени не только за «горилкой», но уже и за чашкой кофе, и писал в своём дневнике в 1725 году, что «сидели у нас Борковский и Томара, и кагве напившись, отойшли»; «приехавши до табору, чай у Борковского и кагве у Лизогуба пили»¹¹⁸⁵. Теперь за чашкой кофе, проясняющего сознание от «горилки», они могли обсуждать не только политические сплетни и интриги,

¹¹⁸⁴ Это происходило под влиянием петербургской аристократии. Любителем кофе был царь Пётр I — он приобщился к этому напитку в доме Николааса Витсена, бургомистра Амстердама. Витсен как раз занимался экспортом кофе из Мохи в Йемене. Пётр, стремившийся приобщить свою полуазиатскую державу к европейским обычаям, ввёл моду на кофе среди аристократии. Первые небольшие поставки кофе в Петербург шли через Таганрог, от турецких купцов — в 1709 году Иван Толстой, первый комендант этого порта, послал царю с курьером полпуда кофе для личного употребления. А в XVIII веке, когда новая мода укоренилась в Петербурге (кофе в больших количествах употребляла Екатерина II), главным поставщиком коричневых зёрен стали голландцы.

¹¹⁸⁵ Маркович Я. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767). В 3 ч. 1 (1717–1725). — К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1893. — С. 251–252. Есть в дневнике и другие подобные записи: «Пан Скоропадский и Миницкий були рано, и... кагве напившись, отъехали» (С. 207), «У князя рано были и кагве напившись пришли до церкви» (С. 214). Интересно, что Маркович называет кофе на турецкий манер — «кагве» (по-турецки кофе — kahve).

но и экономические вопросы, связанные с торговлей и предпринимательством. Но, видимо, Маркович больше любил уединение, и в 1737 году он упоминал, что лучшим отдыхом было сидеть на пасеке, где он «кофе пил, трубку курил и опочивал»¹¹⁸⁶.

Ну а среди шляхтичей Правобережной Украины кофе вообще стал обычным делом во второй половине XVIII века. «Я был ещё ребёнком, когда уже вошло в обычай пить кофе после обеда, при гостях и без гостей», — писал Ян Охотский, родившийся в 1766 году. «Десять фунтов кофе и столько же сахару стоили пять злотых (75 копеек)... Доходы, правда, были невелики, но пили много, и это дёшево обходилось»¹¹⁸⁷.

Поклонниками кофе были и греческие купцы, поселившиеся в Украине. В XVIII веке большая их колония возникла в Нежине. «Каждый народ торговые сделки совершает на свой манер». Китаец — за чашкой чая, «а грек за чашкой кофе в кофейне, где он проводил большую часть своего досуга... грек в кофейне мог знать все коммерческие и общественные новости почти всей Европы, половины Азии и даже Африки»¹¹⁸⁸.

Любителей кофе становилось всё больше — известно, что чиновники киевского магистрата (так называлась тогда мэрия) получали часть своего жалования сахаром и заморской диковинкой из дальних стран — кофейными зёрнами. Значит, они их мололи и пили, раз им выдавали жалование именно кофе, а не чем-то другим.

С начала XIX века главным поставщиком кофе стала «южная столица» Одесса — кофейные зёрна из дальних стран везли морем в одесский порт. С самого начала истории этого города в нём было много иностранцев, особенно итальянцев, греков и турок, переселившихся сюда в надежде разбогатеть на торговле в новом порту. О кофе они знали давно, любили его и умели готовить. Так что первые кофейни возникли тут ещё в XVIII веке¹¹⁸⁹. В те годы пополнили слухи, что кофе не только

¹¹⁸⁶ Маркович Я. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича / Я. Маркович. — В 2 ч. Ч. II. — М.: Тип. В. Готье, 1859. — С. 27.

¹¹⁸⁷ Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. — В 2 т. Т. 1. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1874. — С. 22, 38.

¹¹⁸⁸ Плохинский М. М. Иноземцы в старой Малороссии / М. М. Плохинский // Труды XII археологического съезда в Харькове. В 2 т. Т. 2. — М.: Тип Г. Лисснера, 1905. — С. 266–267.

¹¹⁸⁹ По легендам, первое такое заведение открыл грек Симон Аспоридис на перекрёстке будущих Дерибасовской и Ришельевской улиц А концу столетия,

повышает настроение, но и является сексуальным стимулятором. Хотя тогда в обществе на эти темы было не очень принято говорить, рост популярности кофе это обеспечило. К концу XIX века на Дерибасовской работало множество кофеен на разный вкус (Дитмана, Дурьяна, Замбрини, Каруты, Либмана, Матео, Оттона, Пфейфера, Робина и многих других). Среди них выделялась кофейня братьев Фанкони¹¹⁹⁰, знаменитая тем, что здесь встречались все одесские коммерсанты и финансисты, развлекаясь игрой в бильярд и заключая сделки.

А в Киеве доступным для всех желающих кофе стал только с середины XIX века, когда его начали продавать в кондитерских, постепенно превращавшихся в кофейни типа венских или амстердамских. В отличие от Одессы, Киев тогда ещё был очень провинциальным городом, славившимся своими бескрайними садами и вареньем. За пределами небольшого центра начинались маленькие частные дома с этими самыми садами, а по склонам гор бродили козы и куры — почти сельская идиллия. И вот в этом сонном мире, дремлющем между древних гор, появляется заморская диковинка — привет от глобализации — проясняющие сознание пахучие зёрна из далекого Йемена и ещё более далёкого индийского Малабара.

Даже во второй половине XIX века количество людей, пивших кофе, было невелико. Многим он был не по карману, а простой народ считал его заморской панской забавой. Когда-то так же относились и к чаю, но к середине века он уже стал привычным делом для многих. А вот кофе ещё долго продолжали считать аристократическим излишеством. Кондитерские, где в середине века подавали кофе, с их дорогой мебелью и пальмами в кадках, воспринимались как островок какого-то сказочного, нездешнего мира «заморской жизни». Туда ходила состоятельная публика, читала свежие европейские газеты на иностранных языках, играла в бильярд и обсуждала свои коммерческие дела.

Владельцами первых кондитерских становились обычно иностранцы, которых в Киеве было не то чтобы много, но хватало. Первой кофейней стала кондитерская Готлиба

вокруг только строившейся Александровской площади, уже было с десяток кофеен. Кофе по-турецки готовили у Каруты, по-гречески — у Амбразакки, по-абиссински — у Хрисолури и по-варшавски — у мадам Мадзилевской.

¹¹⁹⁰ Говорят, что первая в городе кофемашина для приготовления эспрессо появилась именно у Фанкони.

Финке¹¹⁹¹, открытая в 1840 году на улице Михайловской. В 1860-е годы появляется «Швейцарская кондитерская» Мартина Штифлера, где предлагали кофе, чай, шоколад, конфеты и пирожные собственного производства. Чашка кофе у Штифлера стоила 20 копеек — за эти деньги можно было купить полкило говядины.

Примерно в то же время открылась кофейня «Франсуа», уроженца Варшавы Францишека Голомбака. Предприимчивый поляк за несколько лет построил три кондитерских недалеко от центра города. Самая известная из них, «Франсуа», намекавшая своим названием на имя владельца, работала на Фундуклевской, 17 (Богдана Хмельницкого) напротив Оперного театра¹¹⁹². Ещё одна располагалась почти на Крещатике, на Фундуклеевской, 4, и третья — на Думской площади (Майдан). В кофейнях Францишека вместе с кофе подавали мороженое и засахаренные фрукты¹¹⁹³ — неслыханная экзотика для Киева тех лет. Кофейня «Франсуа» считалась дорогой, хотя кофе там варили хороший и крепкий. Поэтому туда ходила в основном состоятельная молодёжь.

Более доступная по цене кофейня «Варшавская» открылась на углу Лютеранской (на месте дома № 3) и Крещатика. Кофе здесь не отличался качеством, но невысокие цены привлекали любителей шахмат (для них отвели отдельную комнату, где они могли сидеть часами). А ещё там тусовались писатели, журналисты и актёры, и этим «Варшавская» была знаменита. Особенно часто здесь можно было увидеть Михаила Старицкого и его театральную труппу.

В 1872 году на углу Крещатика и Прорезной появилась кондитерская «Жорж», основанная немцем Георгом Дортенманом. Он получал какао из Гамбурга и сам изготовлял 500 пудов шоколада и 2000 пудов конфет в год. На этом перекрёстке ещё в 1860-е годы греки-кондитеры продавали с лотков халву, рахат-лукум, засахаренные орехи и миндальные конфеты, так что Дортенман выбрал правильное место, построив кафе на месте «греческого базара». В его кондитерской подавали самые дорогие сорта кофе («Мок-

¹¹⁹¹ О Финке (1790–1851) известно немного. Он родился в Варшаве, в 1822 году уже считался киевским купцом 2-й гильдии, а с 1841 по 1844 г. даже был городским головой.

¹¹⁹² Сейчас на месте кофейни построен бизнес-центр «Леонардо».

¹¹⁹³ Фрукты в кофейне были круглый год — их выращивали в оранжерее графини Браницкой в её имении в Белой Церкви.

ка», «Ява», «Цейлон») в красивых расписных чашках, а также знаменитые торты «от Жоржа». Интерьер оформил художник Михаил Врубель.

Приличных кофейен в центре города было маловато для такого большого города. Когда в 1885 году в Киев приехал львовский историк Александр Барвинский, привыкший к львовским и венским кофейням, вид киевских его разочаровал. «После обеда мне захотелось зайти в кофейню... на Крещатике... которой владел какой-то немец». Но там он не увидел ничего, что ожидал в таком крупном городе, да ещё на главной улице, где сосредоточена вся торговля. В кофейне было две небольших комнаты, и всего два человека, молча читавших газеты. «Вот и всё, что я увидел в так громко названной венской кофейне». Позже Барвинскому объяснили, что в «Киеве вообще нет такого обычая, как во Львове и Кракове», а особенно в Вене, где люди собираются в публичных местах, в кофейнях, чтобы «провести вместе немного времени, поговорить, почитать газеты». А здесь всё ограничено семейным кругом, потому что человек, который не ходит в клубы, кондитерские и кофейни, может безопаснее жить — он семейный, а значит, «благонадёжный»¹¹⁹⁴.

Такой неформальной общественной жизни, как во львовских кофейнях, в Киеве не было. Встречи состоятельных компаний в ресторанах вряд ли можно считать общественной жизнью, да и доступны они были только людям с деньгами. А в кофейни (и во Львове, и в Вене, и других мировых столицах) мог прийти человек небольшого достатка. Он знал, что в любое время может встретить там знакомых и поговорить с ними. Тех, кто жил небогато, это общение отвлекало от житейских трудностей. А состоятельным людям давало то, что не купишь ни за какие деньги — возможность задушевно поговорить.

Во Львове (и, наверное, в Вене) в кофейнях жила душа города, так же в Лондоне она жила в пабах. А в Киеве душа города жила явно не в кофейнях, а где-то в парках на высоких горах над рекой (на Владимирской горке или в Мариинском парке). Туда приходили поколения киевлян поговорить, побыть наедине с собой и с миром или помечтать, глядя на далёкие горизонты. Было среди них немало знаменитостей

¹¹⁹⁴ Барвинський О. Спомини з мого життя / О. Барвинський. В 4 ч. — Частина 2. — Львів, 1913. — С. 280.

(Иван Нечуй-Левицкий, Михаил Булгаков, Серж Лифарь — всех не перечислишь), но больше было людей, имена которых не остались в истории.

В Киеве особую славу имела кофейня швейцарца Бернара Семадени, открытая в 1877 году на углу Институтской и Крещатика напротив биржи. Семадени уже имел опыт в кофейном бизнесе — он приехал в Киев из Одессы, где был компаньоном братьев Фанкони, в кофейне которых собирался весь деловой мир южного города. Подобную кофейню он решил открыть в Киеве. Туда ходили биржевые маклеры и заключали сделки, читая свежие газеты — не только киевские, но и польские, французские, немецкие.

Имел Семадени и другую кофейню недалеко от Бессарабского рынка (Крещатик, 9), гораздо более спокойную — биржевики туда не ходили. На летней террасе этой кофейни часто сидели Николай Лысенко (он любил ананасы со взбитыми сливками) и Константин Паустовский, евший фисташковое мороженое. Здесь был бильярд и много газет и журналов¹¹⁹⁵. Из деликатесов обе кофейни Семадени славились миндальным драже и фирменными пирожными собственного приготовления, знаменитым авторским кефиром и мятными карамельными конфетами «Кетти-Босс», помогавшими от кашля.

Чашечка хорошего кофе (которым не побрезговал бы сам Городецкий) тогда стоила 20 копеек, но и пили его люди более-менее состоятельные — коммерсанты и средний класс. Народ попроще традиционно предпочитал пиво (кружка стоила 5 копеек). Ну а среди творческой богемы с деньгами в начале XX века обычным делом стал кокаин, тогда свободно продававшийся как лекарство от депрессии. В аптеке на улице Меринговской (Заньковецкой) этот порошок немецкой фирмы «Марк» стоил 50 копеек за один грамм — как две с половиной чашки кофе. Как уверяли в своих воспоминаниях современники, с ним драйв «прекрасной эпохи» воспринимался особенно ярко.

В начале XX века, время общего экономического подъёма *belle époque*, центр Киева преобразился (во многом

¹¹⁹⁵ Семадени выписывал газеты и журналы «Independens Belge», «Nord», «Gazeta Polska», «Allgemeine Zeitung», «Санкт-Петербургские новости», «Русский инвалид», «Киевский телеграф», не жалея тратить на это несколько сотен рублей в год — он знал, что свежая пресса привлекает посетителей.

благодаря иностранным капиталам) и приобрёл привычный нам вид. В этом городе уже не было ничего провинциального, в нём бурлила жизнь, и через него текли потоки капиталов. Сады, куры и козы остались вместе с частными домиками на далёких окраинах типа Куренёвки. А киевские кофейни¹¹⁹⁶ в те годы ничем не уступали западноевропейским.

В полумраке кофеев

«А как же Львов? — спросите вы. — Древний “город Льва”, знаменитая кофейная столица?» Что касается кофейной столицы, тут мнения историков львовской кофекультуры расходятся. Одни утверждают, что жителей города научил пить кофе сам Кульчицкий (не знаю, правда ли это; скорее одна из легенд, которые во Львове любят не меньше, чем в Вене). Другие считают, что сто лет назад никакой кофейной столицей Львов не был, кофе в нём любили и пили, но так же, как в любом другом городе Австро-Венгерской империи, в состав которой входила тогда Западная Украина¹¹⁹⁷.

Однако если для жителя Вены или Праги во львовских кофейнях, может, и не было ничего выдающегося, по сравнению с Киевом или Одессой Львов, конечно, был городом с продвинутой кофекulturой, да и кофеев — «кав’ярень», или «каварень», — в нём было гораздо больше. А главное, что его жители имели привычку собираться в кофейнях для бесед на самые разные темы — именно там формировалась и жила своей причудливой жизнью львовская культурная элита.

«В нашем старинном Львове... с давних времён население привыкло к товарищеской, общественной жизни... Немалую роль в этом сыграли кофейни. Самые уважаемые граждане Львова имели свой любимый уголок в какой-нибудь кофейне или ресторане, и там чувствовали себя даже лучше, чем дома. Там у них была связь с людьми, с миром»¹¹⁹⁸. «Большой

¹¹⁹⁶ Лучшим тогда считалось «Petit Cafe» на Николаевской (Городецкой) в доме № 6.

¹¹⁹⁷ Наверное, главная заслуга «Города Льва» в том, что, когда после революции в Киеве или Одессе кофекultura надолго почти исчезла (эпоха «индустриального социализма» не приветствовала «буржуазные излишества»), во Львове её больше сохранили.

¹¹⁹⁸ Пеленський С. У винарні Корнякта / Є. Пеленський // Львівські вісті. — 1944. — 6 лютого.

город — это не маленький городок. В маленьком городе человек выходит из дома и тут же встречается знакомого; в большом городе проходят дни, и недели, и месяцы до случайной встречи, поэтому выбирают особое место, кафе, где встречаются в назначенные дни»¹¹⁹⁹, — вспоминал о львовских кофейнях израильский лауреат Нобелевской премии по литературе Шмуэль Агнон¹²⁰⁰, приехавший в этот город в 18 лет, чтобы работать в местной газете.

В этом отношении Львов оказался гораздо более европейским городом, чем Киев или Одесса. А львовские кофейни стали именно центрами социальной коммуникации, общения и культурной жизни (может, и не настолько, как в Лондоне или Париже, но, наверное, не хуже, чем в Вене или Праге), а не местом, куда приходили только поесть пирожные с кофе. И даже собрания биржевиков во Львове происходили не в одной-единственной кофейне (как у Семадени в Киеве или у Фанкони в Одессе), а в нескольких заведениях в районе «чёрной биржи».

«Кофейня это изобретение... тех времён, когда городские жители стали страдать от расстроенных нервов, и когда люди обеднели, утратив возможность встречаться в дорогих пивных». Для «нашего брата, бедного поэта или публициста», остаётся только «недорогая кофейня. Именно она помогала нам забывать о действительности... и создавала из нас братство единомышленников». Тут небогатый украинский интеллигент находил комфорт, «тепло, много света, много газет и журналов», интересную компанию с умными разговорами и «забвение невесёлой действительности — и всё это за несколько сотиков, которые он платил за чай или кофе. За эту цену он несколько часов мог играть роль настоящего человека, получая возможность работать интеллектуально»¹²⁰¹. Были среди этих интеллигентов и совсем небогатые студенты, у которых и денег-то хватало, чтобы сходить в «каварню» раз или два в неделю. Но некоторым из них было суждено стать юристами и предпринимателями — будущими создателями украинской бизнес-сети.

¹¹⁹⁹ Агнон Ш. Вчера-позавчера / Ш. Агнон. — <https://www.rulit.me>

¹²⁰⁰ Агнон (1887–1970) родился в Галичине, в местечке Бучач.

¹²⁰¹ Карманський П. У каварні / П. Карманський // Остап Луцький і сучасники. — Нью-Йорк-Торонто: Українська вільна академія наук, 1994. — С. 189–190. Одна австро-венгерская крона состояла из 100 геллеров или «сотиков», как их называли украинцы Галичины.

«В кофейнях разговоры шли до поздней ночи. В холле отеля “Жорж” о нефти в Тустановицах, в кофейне “Империял” — о сахарных заводах, в “Венской” — о политике»¹²⁰². Этим львовские кофейни напоминали лондонские — не просто место, где можно выпить кофе (как в Киеве), а некое подобие клуба, более того — подобие маленькой ячейки гражданского общества. Неудивительно, что в лондонских кофейнях зарождался особый британский «клубный» стиль бизнеса. Может, что-то подобное возникло бы и в львовских «каварнях», если бы у галицких украинцев было больше времени. А вот его у них как раз и не было...

Когда в 1903 году во Львов из Киева приехал историк Сергей Ефремов, Франко отвел его в кофейню «Монополь» и познакомил со своими друзьями. Эта компания, близкая к «Научному обществу имени Шевченко», собиралась там каждый день после 16 часов, читая свежие газеты и обсуждая литературные и политические новости. Вначале Ефремову такое времяпровождение показалось весьма непривычным — во всяком случае, в Киеве такого не было. А потом он нашёл в нём свои преимущества — у вечно занятых и много работавших людей не оставалось времени ходить друг к другу в гости, так как это всегда к чему-то обязывало. Общения только во время работы было недостаточно, поэтому встречаться в кофейне оказалось очень удобно — посидел, сколько хочешь, час или два, а потом незаметно встал и пошёл дальше по своим делам.

«Тут люди живут больше на улице, чем дома, им странно даже подумать, как можно целый день просидеть... и никуда не пойти»¹²⁰³. В эпоху модернизма такая жизнь вне дома приобрела особую привлекательность, в ней была какая-то труднообъяснимая экзотика. Да и жили писатели и прочая творческая публика обычно небогато, поэтому домой их не очень тянуло. То ли дело в кофейне, в тепле, уюте, в кругу друзей и приятелей, где возникало, пусть на мгновение, эфемерное чувство полноты бытия. И тогда казалось, тоже на мгновение, что жизнь стала совершенной.

Когда львовяне звали друг друга «на каву», это означало приглашение к разговору, а не просто пойти поесть

¹²⁰² Goetel F. Patrzac Wstecz. Wspomnienia / F. Goetel. — Krakow: Arcana, 1998. — S. 56.

¹²⁰³ Лист Лесі Українки до брата Михайла. 13.02.1891 // Українка Л. Зібрання творів. У 12 т. Т. 10. — К.: Наукова думка, 1978. — С. 75.

вместе сладкие булочки. Известные люди в определённое время сидели в своих любимых кофейнях, и все знали, где можно было найти Ивана Франко, Михаила Грушевского и многих, многих других представителей культурной элиты. Телефонами тогда ещё мало пользовались, заранее договориться о встрече тоже не всегда получалось, и эта стабильность времяпровождения в «своих» кофейнях была очень важна.

«В полумраке кофейен живут целые группы людей, образующие особое общество... они интересуются каждым событием... и просто дыханием Европы. Это подтверждают кучи исписанных бумажных салфеток, наполненных сплетнями большого города, да и сама его жизнь, пылающая на волнах мерцающего света, в арабесках дыма, среди голосов, подзывающих официантов»¹²⁰⁴. Так писал в 1910 году в своём эссе «В дыму кофейен» Францишек Яворский.

А началось всё, как и везде, с кондитерских (львовяне называли их «цукерні»), где потом вместе со сладостями стали подавать и кофе. В конце XVIII века власти разровняли старые городские укрепления, и на «Гетманских валах» появилось место для прогулок горожан. Там и стали появляться вместе с другими магазинами первые кондитерские, а потом и кофейни.

Одной из старейших была кондитерская Яна Вольфа, потом он рядом открыл в 1829 году «Венскую кофейню» (проспект Свободы, 12). В то время в городе работало пять других кондитерских, но кофе подавали только у Вольфа. В летнем павильоне кофейни Вольфа любила собираться состоятельная молодежь, и львовские красавицы демонстрировали там модные наряды. Правда, неподалёку тусовались и местные проститутки, но красавицы делали вид, что их не замечают.

Когда в 1838 году Львов посетил немецкий путешественник Иоганн Георг Коль, он записал в дневнике, что кофейни в городе более элегантные, чем в Дрездене и других германских городах. Коль объехал половину Европы, так что ему было с чем сравнивать. Кофейню Вольфа путешественник считал лучшей — в ней было несколько залов, всегда перепол-

¹²⁰⁴ Яворський Ф. Львів старий і вчорашній / Ф. Яворський // Львів. Leopoldis. Lwow. Lemberg. Genius Loci. Незалежний культурологічний часопис «І». — Львів, 2004. — С. 114–141.

ленных посетителями¹²⁰⁵. «Венская кофейня» не только считалась старейшей, но она находилась в самом центре города, став его символическим сердцем. Когда-то давно при слове «кофейня» львовяне сразу вспоминали именно про «Венскую», потому что ещё с первой половины XIX века там стала собираться лучшая публика.

Количество львовских кофеен быстро росло, в 1906 году их стало уже 25, а в 1911-м — 46, хотя по-настоящему популярных, где собиралась творческая интеллигенция, было, конечно, меньше¹²⁰⁶. Понятно, что 25 и 46 — это не несколько тысяч кофеен в Лондоне или Париже, но для Львова хватало — жизнь в «каварнях» кипела. В отличие от простых, игривых парижских названий (типа «Под трамваем» или «Кафе гениев») во Львове любили пафосные и пышные слова на вывесках — «Монополь», «Американская», «Лувр», не говоря уже о совсем абстрактных и грандиозных «Grand», «Imperial», «Royal» или «De la Paix». Львовские кофейни напоминали венские — везде было много газет и журналов, стояли столики для игры в домино или карты. Часто там сидели большие компании, долго разговаривавшие об искусстве или политике, и так в кофейнях зарождалась и жила вся львовская элита — политическая, финансовая, интеллектуальная и художественная.

Едва ли не самой популярной была респектабельная «Венская» кофейня. В ней можно было увидеть финансистов, местных чиновников и военных, а также литературную богему. Здесь встречались состоятельные еврейские банкиры Шютц, Хайес и братья Улам. Один из них, Юзеф (Иосиф) Улам родился во Львове, получил юридическое образование и стал одним из крупнейших львовских финансистов. А Виктор Хайес (1875–1941) в 1900 году вместе со своим зятем Шютцем основал банкирский дом Shutz i Chajes, а в 1930–1939 годы был заместителем городского головы Львова. Потомку банкира Шютца, Альфреду, уготовлена была судьба музыканта. А сын Юзефа Улама, Станислав, переместился в кофейню

¹²⁰⁵ Цитаты из книги Коля (Kohl I. G. Reisen im Innerem von Russland und Polen. Т. 3. 1841) см.: Легін С. Як виглядав Львів в 1838 році — враження німецького мандрівника / С. Легін. — <https://photo-lviv.in.ua>

¹²⁰⁶ «Венская», «Центральная», «Монополь», «Пекелко», «Американская», «Атлас», «Варшава», «Лувр», «Театральная», «Roma». В 1930-е годы во Львове осталось 16 кофеен при населении около 300 тысяч — по одной кофейне на 20 тысяч человек.

«Шотландскую» и стал знаменитым математиком (к его истории мы ещё вернёмся). Ещё один сын Улама, Адам, был политологом¹²⁰⁷.

Из литераторов сюда часто заглядывали Михаил Грушевский, Иван Франко, этнограф Владимир Гнатюк, писатель Дмитрий Донцов. Обычно Франко приходил в определённое время с кучей рукописей под мышкой, садился за отдельным столиком и читал газеты — все, кто хотел с ним увидеться, знали, где и когда его можно найти. Писатель охотно вступал в дискуссии, и молодое поколение использовало возможность поговорить с мэтром. Кстати, Франко не был любителем кофе и предпочитал чай, а в кофейни ходил, чтобы пообщаться. Как, впрочем, и все остальные.

Бывал Франко и в кофейне «Монополь», где собирались львовские литераторы. Когда историк Михаил Грушевский переселился во Львов, ему вначале не хватало киевской компании интеллектуалов. Так как для львовской интеллигенции главным местом общения стали кофейни, то и Михаил Сергеевич быстро влился в львовскую кофейную культуру. Мода на кофе в «городе Льва» была тогда в самом расцвете, и недаром львовяне говорили о кофейнях, что это место встречи с самим собой. Подсел на кофейную тему и Грушевский — упоминания о кофейнях встречаются в его записях постоянно. Историк обычно посещал с новыми друзьями «Монополь». Бывал он и в работавшей до трёх часов ночи кофейне «Централь», куда ходили журналисты, студенты и учёные. «Централь» получала все самые известные украинские и российские газеты и журналы, и там их можно было листать сколько хочешь. Грушевский этим пользовался — хотя он тогда хорошо зарабатывал в университете, выписывать все эти газеты не имело смысла.

«Монополь» стала местом встреч членов творческой группы «Молодая муза»¹²⁰⁸, превратившись в настоящий клуб творческой богемы. Часто эта публика заходила в кофейню и ресторан «Атлас» на площади Рынок. Это было особое место, где деньги не имели значения — да и не было их обычно у молодых поэтов и писателей. Хозяин «Атласа» Эдвард Терлецкий был в этом отношении уникальным человеком —

¹²⁰⁷ Kozłowski A. Kawarnie, lokaliki i tingel-tangle / A. Kozłowski // Biuletyn informacyjny. Towarzystwo myślników Lwowa. — 2004. — № 32. — S. 14.

¹²⁰⁸ Её ядром были Петро Карманский, Василь Пачовский, Богдан Лепкий, Михайло Яцкив, Сидор Твердохлиб и Остап Луцкий.

угощал поэтов обедом за то, что они читали у него в ресторане свои стихи. А шутки и смешные истории, которые рассказывал «пан Эдзьо», создавали в «Атласе» неповторимую атмосферу уюта. Бывали здесь писатель Бруно Шульц, знаменитый пианист Артур Рубинштейн, и даже японская оперная певица Теико Кива (вышедшая замуж за польского певца Чеслава Равита-Прошовского) не раз заходила в 1920-е годы в «Атлас» — ей нравились бифштекс с рисом и французское шампанское. Ещё одна литературная кофейня на улице Академической называлась «Рома». В ней можно было встретить практически всех львовских (и не только) литераторов, там подавали шесть сортов капучино и под аккомпанемент пианиста пел знаменитый шансонье Эммануэль Шлехтер (автор песни «Личаківське танго»), погибший в немецком концлагере в 1943 году.

Респектабельная публика ходила в кофейню «Американская» с оркестром. А состоятельные львовские евреи (адвокаты, коммерсанты и их дети) проводили время в изысканной кофейне «Варшава», украшенной мрамором. Там каждый день проходили музыкальные вечера, играл джаз, а молодёжь танцевала модные танцы. Была ещё элегантная кофейня (и ресторан) «Лувр» во французском стиле, украшенная картинами известных львовских художников, где можно было увидеть хорошо одетых дамочек в модных шляпках. Когда-то «Лувр» считался одним из самых приличных в городе ресторанов, но во время экономического бума 1920-х годов это заведение заполнили дельцы с «чёрной биржи», и «Лувр» превратился в простое кабаре.

С «Шотландской» («Шкотской», как она называлась по-польски) кофейней связана особая история — здесь собиралась группа математиков¹²⁰⁹, обсуждавших непонятные для посторонних теории и писавших формулы на салфетках, страницах меню, на скатертях и мраморных столиках. Такие неформальные, но очень плодотворные встречи могли происходить только в особой атмосфере Львова, о чём писал участник этих встреч Станислав Улам в своих воспоминаниях «про свою научную работу, учёбу и первые исследования,

¹²⁰⁹ Кофейня находилась в центре города, на Академической площади (сейчас — проспект Шевченко). Вначале математики из университета встречались в находившейся неподалёку кофейне «Рома», но потом перебрались в «Шотландскую». Ходили туда и философы Тадеуш Котарбинский, Владислав Татаркевич, Роман Ингарден.

и о множестве часов, проведённых у кофейнях моего родного города»¹²¹⁰.

Это была Львовская математическая школа¹²¹¹, среди основателей которой был знаменитый Стефан Банах¹²¹². Он никогда не учился в университете, но уже в 35 лет стал профессором. Ему хорошо думалось в шумной обстановке, и временами после встреч в кофейне он отправлялся в бар возле вокзала. Банах не любил писать научные труды, потому многие его идеи утрачены, а другие записаны учениками. Талант его был широко известен — американцы очень хотели переманить Банаха к себе, и, по слухам, отец кибернетики Норберт Винер передал львовскому математику через Джона фон Неймана чек с единицей и предложением написать после неё столько нулей, сколько он захочет. Но Банах отказался уезжать из Львова, где ему было комфортно жить и творить. А в Штаты уехал один из членов этой группы, Станислав Улам, где принял участие в «Манхеттенском проекте» по созданию ядерного оружия. Кстати, Уламу повезло — ведь большинство участников встреч в кофейне «Шотландской» не пережило войну. А Банах умер в 1945 году от рака — он много курил.

Официанты не раз просили посетителей не портить скамьи и столы записями, и тогда жена Банаха, Луция, купила толстую тетрадь, где участники математических дискуссий записывали решения сложных теорем и другие мысли. Ближе к концу войны, перед тем как Львов заняли советские войска, эту «Шкоцкую книгу», как её называли, удалось вывезти в Польшу и оттуда на Запад, где опубликовали с предисловием Улама.

Гетманские Валы с их магазинами, кофейнями, банками и отелями привлекали не только состоятельных горожан, любивших здесь прогуливаться, но и львовских биржевых игроков, точнее будет сказать — игроков «чёрной биржи», потому что на официальной львовской бирже никаких бурных событий не происходило. Хотя это не значит, что ничего

¹²¹⁰ Улям С. Пригоди математика / С. Улям. — Львів: Літопис, 2021. — С. 50. Ulam S. Wspomnienia z Kawiarni Szkockiej / S. Ulam. — <https://www.lwow.com.pl>

¹²¹¹ В неё входили Стефан Банах, Хьюго Штейнхауз, Станислав Мазур, Владислав Орлич, Юлиуш Схаудер, Антоний Ломницкий, Марек Кац, Станислав Ружевиц, Владзимеж Стожек, Стефан Качмаж, Станислав Сакс і Станислав Улам и другие.

¹²¹² Я не буду говорить, даже кратко, о его математических идеях — это и за пределами нашей темы, и не всем интересно, да и много написано о Банахе.

не происходило в финансовых кругах Львова, собиравшихся в кофейнях на Валах — «Венской», De la Paix, Imperial, Cariton и Grand. В «Венской» даже был отдельный зал, где за восьмьюгольными столиками из тирольского мрамора заключались сделки.

Финансистов привлекала близость не только «чёрной биржи», но и телеграфа¹²¹³ — там можно было получить информацию о положении биржевых дел в Вене и других мировых столицах. В начале XX века «чёрная биржа» переместилась ближе к Опере, к памятнику королю Яну Собескому. И в кофейни, «судьба которых... зависела от одного живительного источника: от жизни и энергии торговцев, бьющей ключом под центральным памятником Собескому»¹²¹⁴.

Хотя в эти кофейни «на Валах» ходила публика с «чёрной биржи», она была очень разной — как и люди с биржи. Мелкие дельцы из Grand¹²¹⁵ не осмеливались пойти в De la Paix, да их бы и не пустили в такое респектабельное заведение. Конечно, кое-кому удавалось подняться, разбогатеть и оказаться в De la Paix, но таких на львовской «чёрной бирже» было не так уж и много. В кофейне «Империял» был особый мирок — там образовалась целая биржа торговцев древесиной, куда съезжались для заключения сделок владельцы лесопилок и деревообрабатывающих фирм со всего Прикарпатья¹²¹⁶. В «Карлтоне» часто можно было видеть непонятных личностей сомнительного вида, передающих друг другу пачки денег. Чем они занимались, можно было только гадать... Ну а кофейня с экзотическим названием De la Paix оказалась в центре этого мирка «чёрной биржи». Когда-то, видимо из-за названия в «парижском» стиле, здесь собиралась изысканная публика, но потом кофейню заполнили деловые евреи в котелках и с пейсами, после чего юморные львовяне переи-

¹²¹³ Он был на улице Коперника, 9.

¹²¹⁴ Маєн Й. Розмови про львівські каварні / Й. Маєн. — <http://www.ji.lviv.ua> Ян Собеский — польский король (1674–1696), при котором Речь Посполитая пережила свой расцвет. Возле памятника собиралась «чёрная биржа».

¹²¹⁵ Когда-то на месте «Гранда» находилась респектабельная кофейня «Театральная», одна из старейших, но потом её все больше стали захватывать биржевики, а они редко что-то заказывали кроме кофе, встречаясь там, чтобы переговорить о своих коммерческих делах.

¹²¹⁶ А владельцы нефтяных скважин из Борислава, быстро разбогатевшие во время недолгого нефтяного бума, пропивали свою прибыль в ресторане отеля «Жорж». Была там и кофейня, но в неё ходила, в общем, случайная публика, останавливавшаяся в отеле.

меновали её в «Де ля Пейс», а изысканная публика перестала туда ходить. Красивый вид из окон и качество кофе уже никого не интересовало — всё вращалось вокруг деловых переговоров. И прибыли¹²¹⁷.

Мошенники разного калибра постоянно слетались в эти кофейни, чтобы поживиться за счёт биржевых игроков. Таких случаев было множество. Одной из самых крупных стала афёра Романа Козловского. Он приглашал на ужин в «Империял» состоятельных людей, предлагая им дёшево купить несколько вагонов сахара, но деньги просил вперёд, объясняя это деликатностью дела. Так он охмурил директора Промышленного банка пана Кшиштопя, выманив у него более миллиона марок, причём в долларах и фунтах, после чего бежал за границу¹²¹⁸. Говорили, что он основную часть этих денег пропил в том же «Империяле», но это, наверное, преувеличение — трудно представить, как можно за короткое время пропить миллион марок. А времени у мошенника было немного, пока его клиент не понял, что обманут.

¹²¹⁷ Подробнее об атмосфере этих кофейен львовской «чёрной биржи» см.: Винничук Ю. П. Кнайпи Львова / Ю. П. Винничук. — Львів: Піраміда, 2005. — С. 73–76.

¹²¹⁸ Впрочем, 9 октября 1923 года Козловского всё-таки арестовали.

Часть 5

КАПИТАЛЫ
И ОБЩЕСТВО –
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Глава 1.

КОРОЛЕВСТВО РУСЬ. ГАЛИЧИНА

Червонная Русь

«Нет города, который бы меньше испытывал нужду», чем Львов. «Он богат всем, да так, что другие у него просят» — «один из знаменитейших камней в Польской короне, столица Руси». Здесь, в этом городе, «как и в Венеции, на рынке в любой день можно увидеть людей обоего пола из всех краёв мира», и каждый «найдёт здесь соотечественника». Хотя город расположен далеко от моря, «находясь на рынке, и видя массу жителей Крита, турок, греков, итальянцев», может показаться, «что за воротами находится порт»¹²¹⁹, — писал о Львове конца XVI века Мартин Груневег¹²²⁰. Этот успешный и богатый город типичного торгового капитализма входил в сеть крупных экономических центров, где были сосредоточены предпринимательская энергия и процветание. Капи-

¹²¹⁹ Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / М. Груневег. — М.: Памятники исторической мысли, 2013. — С. 118, 120.

¹²²⁰ Мартин Груневег (1652–1615 (?)) — купец из Гданьска и путешественник. В 1582 году он приехал во Львов, где служил у армянского купца Асадура. С торговыми караванами Груневег шесть раз был в Константинополе, а также совершил одно путешествие через Киев в Москву. В 1588 году стал монахом-доминиканцем. Дневник Груневега, написанный на немецком языке, сохранился в архиве Гданьска. Записи в нём обрываются в 1606 году.

тализм чувствовал себя во Львове как дома, ведь на перекрёстке торговых путей город действительно оказался ещё с незапамятных времён.

Галицко-Волынское княжество, созданное потомками династии киевских князей Мономаховичей, включало в себя земли, которые мы, чтобы не мудрствовать, обычно называем «Западная Украина». А средневековые географы присвоили этому краю имя «Червонная Русь». Червонная Русь надолго оказалась в сфере влияния европейских традиций, и знаменитый князь Даниил Галицкий (1201–1264), при котором эти земли достигли своего расцвета, даже принял в 1253 году титул «короля Руси» от папы римского Иннокентия IV. Так он надеялся получить помощь западноевропейских союзников в защите от татар.

Галицко-Волынское княжество признавало себя вассалом Золотой Орды, однако на деле татары гораздо меньше вмешивались в жизнь этих земель, чем в центральной части Украины. В середине XIV века Галичину поглотило Польское королевство, а Волынь — Великое княжество Литовское. А после первого раздела Польши в 1772 году Галичина оказалась в составе Австрийской (потом Австро-Венгерской) империи¹²²¹.

И тут мы подходим к самому важному для нас вопросу. При попытке ответить, почему экономика Украины на протяжении веков не стала настолько успешной, как хотелось бы, на ум обычно первым делом приходят такие события, как монгольское нашествие, постоянные набеги татар и влияние России. Казалось бы, всё логично и этих исторических обстоятельств достаточно, чтобы мешать развитию предпринимательства и тормозить экономический рост. Однако у нас есть пример Западной Украины, которой не мешали ни монголы-татары, ни Российская империя. А долгие века нахождения в составе Речи Посполитой и Австро-Венгрии должны были помочь нормальному в европейском понимании экономическому росту «королевства Русь». Попробуем разобраться, что же получилось в результате этого эксперимента, поставленного самой историей на части украинских земель.

¹²²¹ Подробнее см.: Чорновол І. Нариси з історії Галичини / І. Чорновол. — Львів: Ін-т українознавства, 2017. — С. 9–13.

Город Льва

«Взорам моим представилась громада зданий, одни лучше других... прекрасные лошади, экипажи, богатые лавки, торопливая походка людей, чистые тротуары и широкий бульвар... много чего-то европейского и кое-где — азиатского»¹²²², — писал о Львове Владимир Броневский¹²²³ в 1810 году. До своего путешествия он не подозревал, что этот город «так многолюден, так богат... странное разнообразие, смесь роскоши и нищеты, утончённого вкуса и простоты... Лавки наполнены всякими товарами, на обеих сторонах улицы видны золочённые и расписанные вывески разного рода мануфактур и ремёсел. Везде полно народу, повсюду по гладкой мостовой катятся богатые экипажи», а львовские «красавицы снуют по тротуарам или, сидя у чистого окна, манят и приглашают благосклонною улыбкою. Роскошь и разврат идут рука с рукою»¹²²⁴.

«Город Льва» (французы благозвучно называли его Леополис¹²²⁵) по легенде основал князь Данил Галицкий в 1247 году по случаю брака его старшего сына Льва с венгерской принцессой Констанцией. Историки спорят, как именно и при каких обстоятельствах произошло основание Львова, но для нас это сейчас несущественно. Старинный космополитический «город Льва», живописное «пёстрое пятно на востоке Европы», где на улицах звучала одновременно «русинская, польская, румынская, немецкая и еврейская речь»¹²²⁶, имел неповторимый облик и особую атмосферу, сохранившуюся в нём и сейчас.

У города были богатые культурные и коммерческие традиции за счёт смешения различных народов, столетиями населявших его. Впрочем, русинская община уже в XV веке

¹²²² Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. / В. Б. Броневский. — В 2 ч. Ч. 2. — М.: В университетской типографии, 1828. — С. 31.

¹²²³ Владимир Броневский (1784–1835) — военный писатель, служил на флоте и вышел в отставку в звании генерал-майора. «Путешествие из Триеста в Петербург» — первая книга Броневского, написанная в 1810 году.

¹²²⁴ Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. / В. Б. Броневский. — В 2 ч. Ч. 2. — М.: В университетской типографии, 1828. — С. 31, 33.

¹²²⁵ На французской карте 1492 года в Восточной Европе был показан всего один город — Leopolis.

¹²²⁶ Рот Й. Мандрівка по Галичині. Лемберг, місто / Й. Рот. — <http://www.ji.lviv.ua>

не доминировала во Львове¹²²⁷. Здесь обычным делом было встретить купцов и путешественников из разных стран мира — это был настоящий перекрёсток торговых путей, транспортный хаб, как сказали бы сейчас. Динамизм этого города создавался постоянными притоком новых людей, идей и капиталов.

Главная причина возвышения Львова была в том, что с XIV по XV век через город проходил важный торговый путь с Востока на Запад. После падения Византии и захвата турками всего Чёрного моря этот маршрут перестал существовать, и во Львове начался временный упадок транзитной торговли. Впрочем, этот упадок длился недолго — армянские купцы наладили связи с Турцией. Из стран Востока через Львов в Западную Европу снова везли ковры, дорогие ткани, пряности, табак, кофе и вина (греческие и венгерские), а из Европы — оружие, кожу, золотые и серебряные изделия¹²²⁸.

В XVIII веке торговое значение Львова стало снижаться. Для современников упадок торговли был очевидным, и об этом не раз говорили на шляхетских сеймиках. Основной причиной все считали «право склада»¹²²⁹ — для купцов из других стран оно создавало большие неудобства, и с начала XVIII века они просто начали объезжать Львов другими дорогами. Так город оказался в стороне от торговых путей, а основным перевалочным центром для товаров с юга и востока стали Броды. Львовские купцы, богатевшие именно за счёт «права склада», несли убытки и возмущались, но изменить ничего не могли. Хотя формально это право не отменяли, силу оно утратило. А главное — товары всё чаще уже не везли через Львов. Процветание — хрупкая вещь, и его нарушить легче, чем потом воссоздать. Нужно постоянно опережать время, а это не всегда получается. В ином случае — отстаешь. Так было и с «правом склада», которое со временем изжило себя.

¹²²⁷ Крип'якевич І. Львівська Русь в першій половині XVI віку / І. Крип'якевич // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — 1907. — Том LXXIX. Кн. 5. — С. 5, 10–11; Лозинський Р. Етнічний склад населення Львова / Р. Лозинський. — Львів: Вид. центр ЛНУ, 2005. — С. 33–34.

¹²²⁸ Крип'якевич І. Матеріали до історії торгівлі Львова / І. Крип'якевич // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — 1905. Том LXV. Кн. 3. — С. 1–24.

¹²²⁹ По этому праву всякие товары, провозившиеся через Львов, должны были некоторое время продаваться в городе, а везти дальше позволялось только то, что не раскупили. Львовские купцы на этом богатели, а для других купцов оно было невыгодным.

Количество поступавших во Львов восточных товаров заметно уменьшилось, а западных выросло почти в семь раз — во второй половине столетия эти товары составляли более 80% импорта. География непосредственных связей львовских купцов сузилась, и они не шли дальше польского Вроцлава, а также нескольких городов в Венгрии и Восточной Германии — этого вполне хватало для наполнения рынка всеми необходимыми товарами.

В тени империи Габсбургов

Так и хотелось бы назвать Львов городом-государством, веками находившемся на перекрёстке торговых путей и богатевшем на транзитной торговле. Но Львов не был городом-государством, живущим своей отдельной жизнью, — он стал столицей Галичины, оказавшейся самой отсталой и сырьевой окраиной империи Габсбургов. А Галичина и «город Льва» были всё-таки разными мирами. Не то чтобы совсем разными — но разными.

С конца XVIII века украинские земли оказались в составе двух империй — Российской (где к концу XIX века в украинских губерниях проживало 22,4 млн человек) и Австрийской (где 3,8 млн человек жили в Галичине, Буковине и Закарпатье). Австро-Венгерская империя существовала недолго (с 1867 по 1918 год), поэтому лучше говорить о многовековой Габсбургской монархии, границы и национальный состав которой часто менялись. Могло показаться, что эта династия, прямо не связывавшая себя с какой-либо нацией, будет править вечно. Но эта вечность иллюзорна — она свойственна многим империям, достигавшим той исторической грани, после которой начинался их естественный и неизбежный упадок.

Однако для нашей Галичины империя Габсбургов дала возможность довольно долго находиться в сфере влияния западноевропейской экономики и культуры. Особенность государства Габсбургов (в отличие от других континентальных колониальных империй) состояла в том, что в нём никогда не было ярко выраженной метрополии. К тому же, несмотря на монархическое государственное устройство, эта династия проводила в общем достаточно либеральную экономическую политику.

«Хорошо, легко и беззаботно жилось в той старой Вене... вместо немецкого трудолюбия... вместо этого корыстного стремления опережать всех и вся, в Вене любили неспешно посидеть, обстоятельно поговорить... “Живи и дай жить другим” — таков был всеобщий венский принцип... Бедные и богатые, чехи и немцы, евреи и христиане, несмотря на взаимное подтрунивание, мирно уживались бок о бок»¹²³⁰.

Символами неспешного и расслабленного образа жизни стали чашка кофе и утренняя газета — неважно, *Wiener Tagblatt* или *Lemberger Zeitung*, и такие же неспешные, ленивые беседы о политике, биржевых курсах и модах. Это было особое искусство жизни, которое хорошо знали и в Вене, и во Львове.

Особенностью Австро-Венгрии был не только многонациональный состав империи и толерантное отношение к населявшим её народам, но и неравномерность развития различных регионов. Западноукраинские земли входили в королевство Галичина и Лодомерия (со столицей во Львове), герцогство Буковина (с центром в Черновцах) и Закарпатье (часть Венгерского королевства). Это были самые удалённые от центра и отсталые части империи, поставлявшие сырьё и сельхозпродукцию. Основная причина была в географии — Карпатские горы отделяли Галичину от промышленно развитых Австрии и Чехии, и эта территориальная удалённость сохранилась даже после того, как построили железные дороги.

Так что, хотя включение украинских земель в состав империи Габсбургов и дало им возможность участвовать в процессах европейской модернизации, на деле же Галичина, Буковина и Закарпатье не очень-то смогли им воспользоваться и остались периферическими аграрными регионами¹²³¹.

¹²³⁰ Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца / С. Цвейг. — М.: Радуга, 1991. — С. 59–60. Впрочем, «та благостная империя, которая встаёт из мемуаров Цвейга, не слишком подтверждается другими свидетелями. Австро-Венгрия Йозефа Рота или Германа Броха, или Бруно Шульца куда непригляднее, хотя и у них звучат мотивы ностальгии». А Швейк «сказал в пользу Австрии несколько тёплых слов, а именно, что такой идиотской монархии не место на белом свете» (Вайль П. Гений места / П. Вайль. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — С. 416–417).

¹²³¹ По данным 1908 г., в Галичине 76,8 % населения занималось сельским хозяйством, в промышленности работало 9 %, в торговле и коммерции — 7,2 %. В Галичине 80 % крестьян (на Буковине — 85 %) владели небольшими земельными участками площадью до 5 гектаров. Более 60 % всех земель принадлежали крупным землевладельцам (таким как Потоцкие, Сапегы, Дзидушицкие и др.), составлявшим лишь 5 % населения.

Правительство в Вене считало, что в Галичине нет смысла развивать промышленности, поскольку этот отдалённый край всё равно останется аграрным и сырьевым. К тому же Галичина рассматривалась как район возможных военных действий в случае вооружённого конфликта с Россией, поэтому инвесторы, особенно иностранные, не спешили вкладывать там свои капиталы.

Помимо экономики Галичина и Буковина воспринимались современниками как колоритные и экзотические окраины Габсбургской империи, где смешивались почти азиатская дикость и европейская культура. Одно время в Вене в светских салонах даже появилась мода на разговоры о девственной природе Галичины, отгороженной от Западной Европы лесами Карпатских гор¹²³². Галицкая экзотика тогда привлекала многих — во Львове в молодости бывал Моцарт, а родившийся в этом городе Леопольд Захер-Мазох¹²³³ упоминал о нём в своих книгах. Из Львова была родом Ванда фон Дунаефф — героиня «Венеры в мехах», и там же нередко происходило действие и других его литературных произведений, добавляя образу Галичины легендарности. Впрочем, как часто бывает, легендарный образ Галичины мало напоминал реальность.

«Буковина в культурно-историческом отношении является самой интересной страной в Европе»¹²³⁴, — писал К. Францоз, хотя, судя по названию его книги, он считал «полу-Азией» этот край, находившийся на границе между европейской Австрией и уходящей в азиатские просторы Россией. Тема «полу-Азии» есть и у Гоголя: «Украину... этот полуазиатский угол Европы» иностранные путешественники считали находящейся уже в Азии¹²³⁵. Впрочем, Галичина, Буковина и Закарпатье, конечно же, не имели никакого отношения к Азии ни географически, ни по своей культурной принадлежности к Габсбургской империи.

¹²³² Kohl J. G. Austria, Vienna, Hungary, Bohemia and the Danube, Galicia, Styria, Moravia, Bukovina, and the Military Frontier / J. G. Kohl. — London: Chapman and Hall, 1843. — P. 164.

¹²³³ О происхождении писателя напоминает бронзовая статуя возле входа в посвящённое ему львовское кафе.

¹²³⁴ Franzos K. E. Zwischen Dniester und Bistritz / K. E. Franzos // Franzos K. E. Aus Halb-Asien: Kulturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumänien. — Leipzig: Verlag von Dunder, 1876. — S. 135.

¹²³⁵ Гоголь Н. В. Тарас Бульба / Н. В. Гоголь. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — С. 162.

«Лучи габсбургского солнца достигали на востоке границ русского царства... Пограничная полоса между Австрией и Россией... была одним из удивительнейших краёв... родной страной украинских крестьян», которых судьба сделала подданными Австро-Венгерской империи. «Всегда в движении, всегда в пути, с бойким языком и светлыми мозгами, они могли бы завладеть половиной мира, если бы знали, что такое мир. Но они этого не знали, ибо жили вдали от него, между Востоком и Западом»¹²³⁶.

В галицких городах жило в начале XX века всего 10 % населения (в целом по Австро-Венгрии почти 18,8 %)¹²³⁷, и они не стали промышленными центрами. При этом, несмотря на экономическую отсталость Галичины и Буковины, повседневное бытие во Львове или Черновцах имело гораздо более европейский вид, чем в Киеве. И дело даже не в архитектуре, магазинах и кофейнях, а в самом стиле жизни, её настроении. Что, в общем, и понятно — влияние габсбургской империи ощущалось во всём. «Неужели здесь заканчивается Европа? Нет, она здесь не заканчивается» — с ней чувствуется постоянная связь. Женщины, заходящие в кондитерские, одеты по последней парижской моде, а в книжных магазинах можно увидеть новинки из Англии и Франции¹²³⁸. Во время нефтяного бума начала XX века в городе всегда можно было купить свежие номера *The New York Times* — а кроме Львова, эта газета продавалась только в трёх городах Австро-Венгерской империи: Вене, Карлсбаде и Франценбаде.

Встречались среди жителей Львова и путешественники по дальним странам, для которых этот галицкий город вовсе не казался замкнутым «медвежьим углом» — из него легко можно было начинать путешествия куда угодно, хоть на край земли. А путешествия — это верный признак не только достатка и наличия свободных денег, но и открытости, доступности мира. Путешествия становятся возможными, ког-

¹²³⁶ Рот Й. Марш Радецкого / Й. Рот. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — С. 149–151.

¹²³⁷ Jezierski A., Leszczyńska C. *Historia gospodarcza Polski* / A. Jezierski, C. Leszczyńska. — Warszawa: Key Text Wydawnictwo, 2003. — S. 143. В европейской России городское население составляло 14,4 %, во Франции — 41,2 %, США — 41,5 %, Германии — 56,1 %, Англии — 78,0 %. В начале XX века во Львове, административном центре Восточной (украинской) Галичины, жило около 120 тысяч человек (в Киеве в то время — около 250 тысяч). Украинцев (или русинов, как их называли в Галичине) в городах было около 20 %, остальное население состояло из поляков, евреев, австрийцев и немцев.

¹²³⁸ Рот Й. Мандрівка по Галичині. Місцевість і люди / Й. Рот. — <http://www.ji.lviv.ua>

да время экономического подъёма совпадает с очередной волной глобализации. А это в истории бывало не так часто. «Давние мечты, которые я лелеял с детства, стали... реально-стью», когда у меня появилась возможность «познавать мир и путешествовать»¹²³⁹.

Ещё в конце XIX века обычно «наш интеллигент никуда не ездил», разве что в ближайший город, и только иногда «в сам Львов». Поехать «за границу было чем-то неслыханным и невиданным. Очень мало было таких молодых людей, которые иногда выбирались на учёбу в Вену. Но не дальше чем в Вену». Автор воспоминаний тоже добрался до австрийской столицы. «Когда пришла весна, когда зазеленели деревья на Рингштрассе, Вена произвела на меня сильное впечатление. Я её полюбил больше, чем грязный Львов». А вернувшись назад, «я затосковал за Веной, затосковал за Западом»¹²⁴⁰.

Наверное, первым львовским путешественником, добравшимся до Вьетнама и Китая, стал иезуитский миссионер Михаил Боим, потомок знаменитых купцов. А Ида Пфейффер (1797–1858), родившаяся в Вене и прожившая большую часть своей жизни во Львове, в 1840–1850-е годы совершила два кругосветных путешествия, посетив Южную Америку, Полинезию, Китай, Мадагаскар¹²⁴¹. Были ещё адмирал австро-венгерского военного флота Ярослав Окуневский, автор книги «Листи з чужини»¹²⁴² и Степан Левинский¹²⁴³. А дальше всех судьба занесла Софию Яблонскую (1907–1971)¹²⁴⁴. В Киеве я таких путешественников кроме Владислава Городецкого и не припомню.

¹²³⁹ Олесницький Є. Сторінки з мого життя. У 2 ч. Ч. 2. / Є. Олесницький. — Львів: Діло, 1935. — С. 58.

¹²⁴⁰ Шухевич С. Моє життя. Спогади / С. Шухевич. — Лондон: Українська видавнича спілка, 1991. — С. 141, 176.

¹²⁴¹ Pfeiffer I. The Last Travels of Ida Pfeiffer: Inclusive of a Visit to Madagascar / I. Pfeiffer. — New York: Harper & Brothers, 1861.

¹²⁴² Окуневський Я. Листи з чужини / Я. Окуневський. — К.: Темпора, 2009.

¹²⁴³ Степан Левинський (1897–1946) родився во Львові, изучав восточные языки в Париже, с 1936 года работал в польском консульстве в Харбине, долго жил в других городах Китая. После окончания Второй мировой войны вернулся во Францию.

¹²⁴⁴ Яблонская родилась в галицком селе в семье священника, увлеклась модным тогда искусством кино и открыла в Тернополе два кинотеатра, чтобы заработать деньги на поездку в Париж. Там она получила образование, начала снимать документальные фильмы, и по контракту с французской кинокомпанией начались её глобальные путешествия (Марокко, Китай, Цейлон, Лаос,

Броды

Был в Галичине ещё один город, мало похожий на Львов, но не вспомнить о нём нельзя. Это Броды, где происходили крупные торговые операции. В начале XIX века некоторые современники считали, что по своему богатству, по накопленным капиталам Броды намного превосходили респектабельный Львов. Этот небольшой город «составляет средоточие коммерческих оборотов между Австрией и Россией, пользуется правами вольных городов... здесь товары покупаются и продаются без пошлин... Лемберг и в половину не столько богат, а какая разница в наружности, в порядке». При этом роскошь и грязь мирно уживались в Бродах. «Неумытая красавица в шёлковой мантии, с бриллиантовыми серьгами и в головном уборе, унизанном крупным бермудским жемчугом, у которой, быть может, лежат в сундуке сотни тысяч, не стыдится, подняв платье, брести по улице в грязи по колено»¹²⁴⁵. Особо забавно здесь упоминание «бермудского жемчуга» — где там те солнечные Бермуды, а где Броды.

«Грязный городишко... везде немецкий язык»¹²⁴⁶, — писал о нём Николай Лысенко. Когда в 1772 году Броды вошли в состав Австрии, они вскоре получили на сто лет статус «вольного города», проще говоря — офшорной зоны. Через границу шёл поток товаров, и жители местечка сильно богатели на контрабанде. В Бродах жили преимущественно евреи — их здесь было около 30 тысяч¹²⁴⁷.

Камбоджа, Ява, Бали, Таити, Австралия). В Китае София познакомилась с французским послом Жаном Уденом, ставшим её мужем. Они прожили в Китае до 1946 года, после чего вернулись во Францию. Очерки о своих путешествиях София Яблонская регулярно посылала во львовские газеты, несколько её книг были опубликованы в 1930-е годы во Львове — «Чар Марока», «З країни рижу та опію», «Далекі обрії» (Яблонська С. Листи з Парижа. Листи з Китаю / С. Яблонська. — Львів: Піраміда, 2018; Яблонська С. Далекі обрії / С. Яблонська. — К.: Родовід, 2018).

¹²⁴⁵ Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. / В. Б. Броневский. — В 2 ч. Ч. 2. — М.: В университетской типографии, 1828. — С. 63–64.

¹²⁴⁶ Лисенко М. В. Листи / М. В. Лисенко. — К.: Мистецтво, 1964. — С. 16

¹²⁴⁷ В 1784 г. в местечке был зарегистрирован 61 купец еврейской национальности (91%) и 6 других национальностей (9%) (Kuzmany B. Die Stadt Brody im langen 19. Jahrhundert — Eine Misserfolgsgeschichte? / B. Kuzmany. Wien: Universitat Wien, 2008. — P. 69).

Галичина вообще славилась большой еврейской общиной — там было меньше притеснений, собственность больше защищена, и недаром этот край с давних времён называли *paradisus judaeorum* — «раем для евреев»¹²⁴⁸, которые в первой половине XIX века составляли около 30 % населения¹²⁴⁹. Вся торговлю сосредоточили в своих руках предприимчивые евреи; имея связи со всеми соседними странами, они «отлично знают... торговые пути и места для сбыта», а кроме того, «обычно успешно ведут дела»¹²⁵⁰. «Всякий раз, когда я прибывал в какой-нибудь из галицких городов, в Тарнув, Дрогобыч, Лемберг, там на вокзале толкалось несколько евреев, так называемых факторов, профессией которых было доставать всё, чего только ни пожелает клиент»¹²⁵¹. И действительно, в самых разных маленьких городках Галичины на железнодорожных станциях часто можно было увидеть скопление евреев, толпящихся, как перед биржей, в ожидании поезда и его пассажиров — возможных клиентов. Единственный за весь день поезд был нитью, связывавшей такой городок с остальным миром — он привозил свежие газеты из Вены и Праги, и в них можно было прочесть последние новости о курсах валют и «о великих гешефтах» — вспоминал родившийся в Бродах Йозеф Рот¹²⁵².

«Полтора десятка лет назад... Натансон из Бродов владеет пятьюдесятью миллионами. Что случилось с этим богатством?»¹²⁵³. А сколько было в Бродах таких миллионеров, имён которых мы не знаем? В 1810 году Владимир Броневс-

¹²⁴⁸ Bujak F. The Jewish Question in Poland / F. Bujak. — <http://www.archive.org>; Bujak F. *Rozwoj gospodarczy Galycyi (1772-1914)* / F. Bujak. — Lwow: Naklad księgarni polskiej Bernarda Polonieskiego, 1917. — S. 25; Wolf L. The Idea of Galicia. History and Fantasy in Habsburg Political Culture / L. Wolf. — Stanford. California: Stanford University Press, 2010. — P. 28-29, 34-35.

¹²⁴⁹ Kohl J. G. Austria, Vienna, Hungary, Bohemia and the Danube, Galicia, Styria, Moravia, Bukovina, and the Military Frontier / J. G. Kohl. — London: Chapman and Hall, 1843. — P. 463.

¹²⁵⁰ Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галичины и Буковины / К. фон Шмедес. — СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. — С. 96.

¹²⁵¹ Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца / С. Цвейг. — М.: Радуга, 1991. — С. 230.

¹²⁵² Рот Й. Мандрівка по Галичині. Місцевість і люди / Й. Рот. — <http://www.jl.lviv.ua>

¹²⁵³ «Сегодня на смену банкиру Натансону пришли другие: в Бродах царит швейцарский банк Хаузнера» (Бальзак О. Письмо о Киеве / О. Бальзак // Приложение к журналу «Пинакотекa». — 2000. — № 13-14).

кий во время своего путешествия зашёл с приятелями в дом одной знаменитой в Бродах вдовы, молодой еврейской красавицы (её имя он не стал называть), «которая, имея не больше 24 лет и столько же миллионов наличных злотых, одна, без мужчины, управляет своими обширными делами. Муж её обогатился казёнными подрядами; она продолжает тем же заниматься и, не выходя из комнаты, рассылает своих комисионеров... с сотнями тысяч, а к концу года кладёт в сундук до миллиона». При этом богатая дама не пренебрегала и мелкой торговлей — сама продавала чай, кофе и сахар в своей гостиной, где в ящиках под стеклом разложены бриллианты, изумруды и жемчуг.

Служанка подала Броневскому и его друзьям на серебряном подносе «настоящий левантийский кофе» в дорогих фарфоровых чашках, «потом отличный ликёр и разные сладкие закуски». Похвалы своей красоте со стороны гостей богатая вдова воспринимала как должное, видимо, привыкла их часто слышать. А на вопросы, отчего же она не выходит замуж, красотка отвечала «не задумываясь, смело и не без кокетства», сказав, что она может это сделать в любой момент, но у неё слишком много коммерческих дел, и она не хочет отвлекаться от бизнеса. При этом разговоре она не проявляла никакого смущения, «лицо её, свежее и румяное как роза... не изменялось ни малейшим движением страсти, а сердце пребывало холодным и твёрдым, как мрамор»¹²⁵⁴.

¹²⁵⁴ Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. / В. Б. Броневский. — В 2 ч. Ч. 2. — М.: В университетской типографии, 1828. — С. 69–71.

Глава 2.

ГАЛИЦКАЯ ЭКОНОМИКА

В плену стагнации

Во все времена и при всякой власти любили поговорить про «галицькі злидні», иными словами — про нищету Галиции. Особенно заметную, если сравнивать этот край с европейским благополучием Австрии. «С Замковой горы» во Львове «открывается приятный вид на город и его окрестности. Как часто на фоне этого божественного вида меня пронзала болезненная мысль о том, какой бедной, дикой и беспроектной является жизнь народа среди этой природной красоты», — писал в 1786 году Франц Краттер (1758–1830)¹²⁵⁵. Краттер приехал в Галичину в 1784 году навестить своих братьев, занимавшихся во Львове торговлей вином. Он провёл здесь полгода, а потом издал анонимно в Лейпциге свои письма о впечатлениях от Галичины. В галицком обществе к этой книге отнеслись негативно — видимо, то, что для Краттера казалось отсталым, в Галичине было привычным. Через несколько лет Краттер вернулся во Львов, где стал директором немецкого театра.

¹²⁵⁵ Краттер Ф. Листи про сучасний стан Галичини. Проблеми статистики і людинознавства / Ф. Краттер // Із австрійсько-німецької україніки. — Львів: Аверс, 2008. — С. 21. Kratter F. Briefe über den itzigen Zustand von Galizien / F. Kratter. — Leipzig 1786. — <https://polona.pl>

Европа узнала о Галичине именно благодаря Кратеру, и тогда же зародился стереотипный образ галицкой нищеты. А век спустя, во времена мирового экономического подъёма, Станислав Щепановский в своей знаковой книге «Нужда Галичины в цифрах» снова привлёк внимание к отсталости этого края. «Во всех отношениях мы лишь там, где Варшава была сто лет назад»¹²⁵⁶. Впрочем, когда читаешь книгу Щепановского, увлечённого идеей развития Галичины и амбициозными планами стать нефтяным королём, то задаёшься вопросом, чего в ней больше — эмоций или экономики?¹²⁵⁷

В начале XX века Габсбургская монархия была одной из наиболее динамично развивавшихся европейских стран, и «достижения Галичины» стали «соблазнительными... для мелких сельскохозяйственных производителей Приднепровской Украины»¹²⁵⁸. Однако в самой Галичине говорить об её отсталости и бедности стало привычной традицией, и этот край вообще называли «медвежьим»¹²⁵⁹. А поляки иронично говорили о королевстве *Galicja i Lodomeria* как о «королевстве голых и голодных», используя игру польских слов *Golicija i Glodomeria*¹²⁶⁰.

По словам австрийского журналиста и писателя Йозефа Рота, жившего одно время во Львове, около трети жителей Галичины «кормилось различными промыслами. Вторая треть сводила концы с концами, возделывая свои... земельные участки. А остальные занимались неким подобием торговли», хотя «коммерческие обычаи не соответствовали представлениям цивилизованного мира о торговле. Торговцы в том краю жили скорее случаем, чем перспективами...

¹²⁵⁶ Szczepanowski S. *Nedza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego* / S. Szczepanowski. — Lviv: Gubrynowiczi Schmidt, 1888. — S. 92. Впрочем, в своей эмоционально написанной книге Щепановский больше рассуждает о «нравственном упадке», чем об экономике в нашем понимании. И призывает к нравственному возрождению для борьбы с «убожеством».

¹²⁵⁷ К тому же в разговорах о нищете Галичины Щепановский сгущал краски — на это обращали внимание ещё его современники, такие как Н. Цыбульский (подробнее см.: Broński K. *Problem zacoiania gospodarczego Galicji. Mit i fakty* / K. Broński // *Historia gospodarcza i historia myśli ekonomicznej a teoria ekonomii*. — Łydz, 2008. — S. 76).

¹²⁵⁸ Ресент О. П. *Україна в імперську добу (XIX — початок XX ст.)* / О. П. Ресент. — К., 2003. — С. 307.

¹²⁵⁹ Tokarz W. *Galicja w początkach ery józefińskiej w świetle ankiety urzędowej z roku 1783* / W. Tokarz. — Kraków 1909 — S. 331.

¹²⁶⁰ Miller F. *Galicja* / F. Miller, A. Vandome, J. McBrewster. — Mauritius: Aiphascript Publishing, 2010. — P. 13.

У них не было кредитов, но они почти сверхъестественным нюхом чуяли все тайные и таинственные источники денег». Иозеф Рот противопоставлял богатую Америку, страну безграничных возможностей, и бедную Галичину, «землю, пользующуюся в Западной Европе недоброй славой», где «живётся тяжело». Здесь «нет никаких фабрик, никакой рекламы», а на базарах «торгуют примитивными деревянными игрушками», которых в Европе не видели уже, наверное, лет двести¹²⁶¹. Так воспринимали Галичину жители Австро-Венгрии.

А вот военный писатель Пётр Алабин (1824–1896) описывал эти края оптимистично. «Страна весьма населена и земля превосходно обработана, чем она и отличается от соседней подольской земли. На значительном пространстве не видишь клочка земли, на котором не было бы следов труда и терпения человека... край благословенный, подобие лучших уголков нашего Подолья и Украины, только в улучшенном виде»¹²⁶².

«Вся Галичина — страна земледельческая», однако «сельскохозяйственная культура здесь гораздо выше, нежели у нас», — писал путешественник из Центральной Украины. «Сёла строят опрятнее, чище, веселее и как-то свободнее. Зайдя в хату и поговорив с крестьянами, заметите в их домашнем быту некоторые... признаки европейской культуры и просвещения; каждый мужик отчётливо скажет вам, какой он веры и национальности», ведь «теперь Галичина открыта читальнями»¹²⁶³. «Люди жили неплохо... праздники и свадьбы шли обычно всю неделю... и денешки не были редкостью»¹²⁶⁴, — вспоминал Василь Нагірний про своё родное село Гирне, каким оно было в 1860-е годы. «В России сколько земель, а экономическое благополучие там... не лучше»¹²⁶⁵, — писал один галичанин в 1888 году.

Рассуждения о нищете Галичины были сугубо внутренними, австрийскими. Подсчёты ВВП на душу населения (в меж-

¹²⁶¹ Рот Й. Марш Радецкого / Й. Рот. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — С. 149–151.

¹²⁶² Алабин П. Четыре войны. Походные записки. Ч. 1. / П. Алабин. — Самара: Тип. И. П. Новикова, 1888. — С. 16.

¹²⁶³ [Кониский О]. Галичина и Русины. Из дорожных заметок и наблюдений / [О. Кониский] // Вестник Европы. — 1886. Сентябрь. — С. 138.

¹²⁶⁴ Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. — Львів: Друк Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 12.

¹²⁶⁵ Думка русина з провінції // Діло. — 1888. — 02–04 червня.

дународных долларах 1990 года) показывают, что по сравнению с другими странами Восточной Европы никакой особой нищеты там не было. В 1910 году этот показатель составлял в Галичине 1554 доллара, в Польше — 1690 долларов. В Австрии он был гораздо выше — 3016 долларов¹²⁶⁶. Видимо, то что для жителей Австро-Венгрии казалось безнадёжной бедностью, для других стран Восточной Европы выглядело неплохо — в Болгарии ВВП на душу населения составлял 1455 долларов, в Румынии — 1662 доллара¹²⁶⁷, в Российской империи — 1488 долларов¹²⁶⁸.

«Нам хорошо жилось на Буковине. Даже очень хорошо... А что была и бедность — кто это отрицает?»¹²⁶⁹ Бедность основной массы населения в то время характерна не только для Галичины, а и для всей Восточной Европы. Другое дело, что в Галичине, входившей в состав Австрии, эта бедность больше бросалась в глаза по сравнению с австрийскими землями. «Все мы слышим, весь наш край слышит жалобы на всеобщую бедность и упадок, заметный среди всех слоёв нашего общества»¹²⁷⁰. К тому же богатство распределялось в Галичине особенно неравномерно. В конце XIX века из тысячи жителей Галичины только 8 имели годовой доход более 600 ринских злотых (гульденов)¹²⁷¹, в Чехии — 28, в Ав-

¹²⁶⁶ В Буковине — 1608 долларов (Good D., Ma T. New estimates of income levels in central and eastern Europe, 1870-1910 / D. Good, T. Ma // *Von der Theorie zur Wirtschaftspolitik — ein österreichischer Weg* / F. Baltzarek, F. Butschek and G. Tichy (eds). — Stuttgart: Lucius & Lucius, 1998. — P. 153-154, Table 2, 3).

¹²⁶⁷ Там же, с. 154.

¹²⁶⁸ В Португалии — 1250, Испании — 2056, Норвегии — 2447 долларов. Средний общемировой ВВП на душу населения в 1913 году составлял 1526 долларов (Maddison A. *Contours of the World Economy, 1-2030* / A. Maddison. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — P. 382, Table A.7).

¹²⁶⁹ Дроздовський Г. Тоді в Чернівцях і довкола. Спогади старого австрійця / Г. Дроздовський. — Чернівці: Книги — XXI, 2019. — С. 215.

¹²⁷⁰ Франко І. Я. Хто винен? / І. Я. Франко // *Твори у 50 т. Т. 44. Кн 1.* — К.: Наукова думка, 1986. — С. 19-20.

¹²⁷¹ До 1892 года денежной единицей Австрии и Австро-Венгрии был гульден (рейнский гульден), часто называвшийся в Австрии и Венгрии флорином, а в Западной Украине — ринским злотым. Затем гульден (флорин) сменила австрийская крона (1 гульден/флорин = 2 кроны). В 1914 г. 1 доллар был равен 5,08 австро-венгерской кроны (в 1916 г. — 7,95 кроны), 1 российский рубль — 2,56 кроны, 1 крона — 0,39 руб. Польский злотый появился в 1920-е годы, а в XIX — начале XX в. существовал лишь злотый Царства Польского, входившего в состав Российской империи. 1 доллар был равен 13 злотых, 1 рубль — 6,66 злотого, 1 злотый — 0,15 руб. Поэтому ринский злотый (гульден) и злотый Царства Польского — это совершенно разные денежные единицы.

стрии — 99¹²⁷². Все, кто имел доход ниже, считались бедными. А это означает, что в Галичине бедных было в 3,5 раза больше, чем в Чехии, и в 12 раз больше, чем в Австрии.

По сравнению с другими частями Австро-Венгрии Галичина и Буковина действительно были периферическими и очень отсталыми аграрными окраинами габсбургской империи. Однако этой империи давно уже нет, и для нас не имеет смысла сравнивать экономическое развитие Галичины и Австрии. Интереснее посмотреть, как повлияли западно-европейские традиции на развитие экономики этого края по сравнению с центром Украины.

Поэтому лучше сосредоточиться не на «злизнях» и «нужде», о которых уже писали много и Франко в своих статьях, и Щепановский (да и многие другие), а на галицкой экономике — какой она была на самом деле во всём своём многообразии. В давние века погружаться не станем и ограничимся временем, когда Галичина и другие земли Запада Украины вошли в состав Австрии (а потом Австро-Венгрии).

Об этой империи недаром говорили в первой половине XIX столетия, что она осталась в аристократическом великолепии ушедшего восемнадцатого века и не очень-то хочет из этого великолепия выходить. Понятно, что при таких настроениях в умах родовой аристократии, у той ещё долго не было никакого интереса к таким «низменным» вещам, как банки, железные дороги, промышленность, акционерные общества, да и предпринимательство в целом. Особенно это ощущалось в Галичине в условиях экономической и торговой изолированности этого региона. По словам Макса Вебера, население здесь длительное время не имело возможности приобщиться к экономическому прогрессу¹²⁷³. «У нас хозяйством занимаются так же, как занимались деды и прадеды», однако мир меняется, поэтому «нам нужны хорошие промышленники и ремесленники, толковые хлеборобы»¹²⁷⁴.

¹²⁷² Feldman W. Stan ekonomiczny Galicyi: cyfry i fakta / W. Feldman. — Lwów: S. Uroda, 1900. — S. 2. 600 ринских золотых по курсам перед Первой мировой войной были равны 267 рублей.

¹²⁷³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост. общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — Гл. 1.1. — <http://www.reformed.org.ua>

¹²⁷⁴ Качала С. Що нас губить, а що нам помочи може [письмо до русских громадян] / С. Качала. — Львів, 1874. — С. 48.

Консервативно настроенные крупные землевладельцы стремились сохранять аграрное и архаичное, но приносящее стабильный доход хозяйство¹²⁷⁵. Это стало одной из основных причин, тормозивших экономическое и финансовое развитие. Любая модернизация нарушала привычный образ жизни родовой аристократии, и когда наместника Галичины графа Потоцкого спросили, почему он не начинает добычу угля на своих землях, он ответил, что не хочет увеличивать количество пролетариата.

А вот ещё один анекдот. Польскому социалисту-эмигранту не разрешили поселиться в Варшаве. Тогда он подал прошение галицкому наместнику Сангушко, а тот поинтересовался: «А как вы себе представляете социализм?» Эмигрант ответил, что «социализм — это борьба капитала с трудом». «Ну если так, вы получите гражданство, потому что капиталов у нас нет, а работать никто не хочет», — сказал Сангушко.

В Галичине консервативные настроения были типичны не только для крупных землевладельцев, а и для всего общества. «Как получилось, что Галичина, несмотря на щедрые природные богатства, не имеет почти никакой промышленности — это долгая и запутанная история. Вину за это... нужно поровну разделить между польской шляхтой, которая веками проявляла неистребимое высокомерие к предпринимательству... и австрийским правительством, сознательная или неосознанная политика на протяжении почти ста лет сводилась к тому, чтобы не допустить создание в Галичине какой-либо промышленности»¹²⁷⁶. И хотя австрийцы принесли в Галичину уважение к формальному праву и закону, а также свою бюрократическую точность, на практике это мало что дало для экономического роста.

Многонациональная континентальная империя Габсбургов отличалась большими территориальными контрастами в экономическом развитии между Австрией (или Богемией)

¹²⁷⁵ В середине XIX века этим крупным землевладельцам принадлежало около половины всех галицких земель и 90 % всех лесов. И даже в начале XX века только полпроцента помещиков владели 37 % земель, а 90 % землевладельцев имели участки площадью менее 5 гектаров (Buszko J. Zum Wandel der Gesellschaftsstruktur in Galizien und in der Bukowine / J. Buszko. — Vienna: Verlag d. Österr. Akad. d. Wiss., 1978. — P. 6–7; Bujak F. Galicya / F. Bujak. 2 vol. Vol. 1. — Lemberg, 1908. — P. 245, 250).

¹²⁷⁶ Франко І. Я. Галицький селянин / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 2. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 509.

и периферическими королевствами и герцогствами. Особенно это касалось таких восточных окраин, как Галичина или Буковина. Для современников их отставание было очевидным¹²⁷⁷, и они связывали его, прежде всего, с особенностями географического положения — реки Галичины впадали преимущественно в Днестр, текущий в Чёрное море, и не могли быть использованы как транспортные артерии для связи с Австрией.

Кроме того, аграрные районы очень отличались от больших городов, медленно, но уверенно превращавшихся в промышленные и финансовые центры. В этих городах, главных двигателях экономического прогресса, перед Первой мировой войной жило около 30% населения — больше, чем в Российской империи (14,4%), но меньше, чем во Франции (41,2%), США (41,5%), Германии (56,1%) или Англии (78,0%)¹²⁷⁸.

«Нестерпимые экономические условия в целом крае из-за непрерывной политической борьбы и чрезмерных налогов»¹²⁷⁹ тормозили экономический рост Галичины. На самом деле с налогами в Галичине все было не так однозначно. В конце XIX века этот край с населением 6,5 млн человек платил налогов в среднем 60–70 млн злотых в год, т. е. 10 злотых на душу населения (в Австрии — 21 злотый, в Венгрии — 18 злотых). Другое дело, что из-за слабого экономического развития Галичины (со средним месячным доходом 50 злотых на душу населения) 10 злотых оказалось более об-

¹²⁷⁷ Mises L. von. Die Entwicklung des Gutsherrlich-Bauerlichen Verhältnisses in Galizien (1772–1848) / L. von Mises. — Wien und Leipzig: Franz Deuticke, 1902. — S. 78.

¹²⁷⁸ Maha L. The Economic Development of Bukovina (II) Bukovina as an autonomous duchy: 1849–1918 / L. Maha, G. Donici, Maha S. // Review of Economic and Business Studies. — 2011. Issue 7. — P. 277; Петрів Р. Генезис капіталізму в містах Східної Галичини в кінці XVIII — першій половині XIX ст. (1772–1850) / Р. Петрів. — Івано-Франківськ, 1993. — С. 46. По уровню ВВП (а точнее, ВНП) на душу населения Австро-Венгрия превосходила Российскую империю, но отставала от Германии. В Австро-Венгрии в 1870 году он составлял 305 долл., в России — 250, в Германии — 426; в 1910-м — 469, 287 и 705 соответственно (в долларах по курсу 1960 года) (Bairoch P. Europe's Gross National Product: 1800–1975 / P. Bairoch // Journal of European Economic History. — 1976. — № 5. — P. 286).

¹²⁷⁹ Шептицкий А. О квестії соціальній. Пастирське послання Митрополита Андрія до духовенства / А. Шепицький. — <https://zbruc.eu>
В оригінале цитата звучала так: «Невиносиме положення економічне цілого краю, через неустаюті борби політичні, надмірні податки» (Шептицкий А. О квестії соціальній. Пастирське послання Митрополита Андрія до духовенства / А. Шепицький. — <http://www.patriyarkhat.org.ua>).

ременительно, чем 18 в Венгрии (где средний доход составлял 100 злотых)¹²⁸⁰.

Экономическая отсталость проявлялась и в очень низких заработках в сельском хозяйстве — в два, а иногда и в три раза меньше, чем в западных провинциях Австрии и Германии. Это привело к тому, что в 1880-е годы началась массовая эмиграция, и 800 тысяч жителей Галичины уехало на поиски лучшей жизни в Бразилию, США и Канаду¹²⁸¹. Причём уезжали, как обычно, люди наиболее активные и предприимчивые, у которых ещё оставались душевные силы для попытки начать всё с начала.

Мир давно уже вошёл в индустриальную эпоху, и не сельское хозяйство определяло экономический рост. Это хорошо понимала украинская элита. «Все государства в Европе стараются стать под давлением капитализма государствами промышленными»¹²⁸². А вот с промышленностью как раз

¹²⁸⁰ Szczepanowski S. O stosunku polityki inwestycyjnej do naszych celów narodowych / S. Szczepanowski. — 1890. — <http://www.tradycjegospodarcze.pl> По данным Щепановского в Германии в то время средний доход составлял 200 злотых (в четыре раза больше), а в Англии 350 — в семь раз больше, чем в Галичине. Вероятно, речь шла о ринских злотых, т. е. гульденах.

¹²⁸¹ Frank A. F. Oil Empire. Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. — P. 11. Подробнее об эмиграции из Галичины см.: Pollack M. Cesarz Ameryki. Wielka ucieczka z Galicji / M. Pollack. — Wolowicz: Wydawnictwo Zarne, 2011. Немало эмигрантов из Галичины искали работу в Австрии, в том числе в Вене, где «индивидуалистическая, атомизированная, утончённая буржуазия столицы Габсбургов» всё больше была вынуждена «сопротивляться притоку роёв связанных семейными узами, коллективистских, игнорирующих нормы мигрантов из восточных пределов империи, из Галичины» (Лал Д. Непреднамеренные последствия / Д. Лал. — М.: ИРИСЭН, 2007. — С. 228). Наибольшей была волна эмиграции из Галичины в начале XX века — около 100 тыс. чел. переселились в США и Канаду, 250 тыс. были сезонными рабочими в Германии, Дании и других странах Европы. Общее количество эмигрантов в XIX — начале XX в. достигало 2 млн человек, и они ежегодно посылали в Галичину не менее 160 млн крон (Bujak F. Rozwoj gospodarczy Galicyi (1772–1914) / F. Bujak. — Lwow: Naklad księgarni polskiej Bernarda Polonieskiego, 1917. — S. 46). Так, в 1905 году эмигранты отправили 55 тыс. переводов на общую сумму 1,2 млн долларов. Кроме того, немало неучтённых денег пересылалось в обычных письмах, несмотря на то что нередко письма вскрывались и деньги похищались. Приток денег со стороны эмигрантов был настолько большим, что в начале XX века в Галичине даже заметно выросли цены на землю. Заработки эмигрантов, в той или иной форме возвращавшиеся на родину, становились основным источником накопления сбережений, дававших возможность галицким и буковинским крестьянам в начале XX века выкупать земельные участки — кредит играл в этом второстепенную роль.

¹²⁸² Войнаровскийкий Т. Вплив Польщі на економічний розвій України-Руси / Т. Войнаровскийкий. — Львів: Друкарня НТШ, 1910. — С. 42.

были проблемы. Одним словом, край «без промышленности и торговли, без экономического роста», который, по словам Михаила Грушевского, выполнял роль «земледельческой колонии для промышленных провинций»¹²⁸³.

Галичина занимала 26 % территории Австро-Венгрии (27 % населения), где было размещено всего 9,2 % промышленных предприятий¹²⁸⁴. В 1895 году мощность двигателей на промышленных предприятиях Галичины составляла 56,7 тысячи лошадиных сил, всего 5,6 % от мощности по Австро-Венгрии (более 1 миллиона лошадиных сил). Хотя в том же году в Галичине работало 6577 промышленных предприятий (67 803 сотрудника), а сельскохозяйственных предприятий было почти в два раза меньше (3744 предприятий, на которых работало 29 518 человек), не менее трети промышленных предприятий были винокурнями, мельницами и пивоварнями, т. е. зависели от сельского хозяйства¹²⁸⁵. Остальные тоже производили в основном товары, связанные с натуральным хозяйством — шили кожаную обувь, плели корзины, изготавливали всякие изделия из древесины (часто ручной работы)¹²⁸⁶. Наверное, наиболее сложным в смысле технологий являлось производство керосина, парафиновых свечей и спирта. Кроме того, (если не считать нефтяные компании) мелкие предприятия занимались добычей соли, заготовкой леса, производством черепицы и стекла¹²⁸⁷.

«Галичина должна и может производить в два раза больше; она должна развивать промышленное производство, имея для этого все необходимые условия»¹²⁸⁸. Состояние промышленности было таким, что даже знаменитый

¹²⁸³ Грушевський М. Світлотіні галицького життя. Михайло Яцків. «Танець тіней» / М. Грушевський. — <https://www.m-hrushevsky.name>

¹²⁸⁴ Buszko J. Zum Wandel der Gesellschaftsstruktur in Galizien und in der Bukowine / J. Buszko. — Wien: Verlag d. Österr. Akad. d. Wiss., 1978. — P. 14.

¹²⁸⁵ Feldman W. Stan ekonomiczny Galicyi: cyfry i fakta / W. Feldman. — Lwów: S. Uroda, 1900. — S. 18.

¹²⁸⁶ Там же, с. 30.

¹²⁸⁷ Кроме 20 мелких стекольных мануфактурных предприятий и 40 таких же мелких металлургических, в 1822 году в Галичине было 12 небольших бумажных фабрик (в 1841 году их количество возросло до 24), а также 18 предприятий по производству сахара, которые даже трудно было назвать заводами. А в 1848 году на всю Галичину было не более двадцати паровых машин (Bujak F. Rozwoj gospodarczy Galicyi (1772-1914) / F. Bujak. — Lwów: Nakład księgarni polskiej Bernarda Polonieskiego, 1917. — S. 7, 18-19).

¹²⁸⁸ Будзиновський В. Двигнені промисли / В. Будзиновський // Громадський голос. — 1901 — № 26. — С. 27.

галицкий поэт написал: «Времена поэзии прошли, и потому нужно браться за работу, чтобы не было поздно»¹²⁸⁹.

Географическая изолированность Галичины усилилась после раздела Речи Посполитой. До того основным рынком для сельскохозяйственной продукции был портовый город Гданьск, но после того, как Галичина вошла в состав Австрийской империи, торговые связи с Гданьском нарушились. К тому же власти Пруссии установили высокие транзитные пошлины с галицких товаров, и торговый путь по Бугу и Висле к Балтийскому морю закрылся. Проблема доставки товаров и возникшей вследствие этого изоляции оказалась настолько сильна, что дать толчок галицкой экономике не смогли даже немецкие колонисты, получавшие разрешение на поселение в Восточной Галичине и всевозможные льготы. В 1810 году в этом крае было 120 колоний и 50 тысяч немецких колонистов, на которых работало 12 тысяч крестьян, однако общее положение дел в галицкой экономике это не сильно изменило.

Усиливало экономическую отсталость Галичины право пропинации — полученная галицкими помещиками привилегия производить спиртные напитки. Продажа приносила гарантированную прибыль, производство было несложным, поэтому задача развивать любую другую промышленность обычно в принципе не ставилась — не было в этом необходимости. А ещё так решался вопрос, куда девать излишки зерна — из него производили водку (что во многом напоминало положение дел в Гетманщине в XVII–XVIII веках). Право пропинации сохранялось за помещиками почти до самого распада Австро-Венгерской империи и создавало соблазн сохранять простое натуральное хозяйство, не требовавшее ни особых капиталовложений, ни экспорта на далёкие рынки, ни транспортной сети, поскольку потребители водки находились в непосредственной близости от места её производства¹²⁹⁰.

Особенно заметной экономической стагнация Галичины стала в первой половине XIX века, в период «реакции абсолютизма», символом которой был влиятельный австрийский

¹²⁸⁹ Франко І. Я. Бесіда Василя Нагірного / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 202.

¹²⁹⁰ Онисим [Навроцький В.]. П'янство и пропінація в Галичині (розвідка статистична) / В. Навроцький // Громада. Українська збірка, впорядкована М. Драгомановим. — № 5. — Женева: Печатня «Громади», 1882. — С. 47, 57.

политик Клеменс Меттерних¹²⁹¹, известный противник всего нового. При нём к Галичине относились как к сырьевому придатку Австрии, где совершенно ни к чему создавать какую-либо промышленность. Хотя почва и климат Галичины способствовали производству сахара, оно тоже развивалось очень слабо по сравнению с центральной частью Украины¹²⁹².

«Весна народов» 1848 года

В середине марта 1848 года во Львов вдруг перестала приходить почта из Вены, и по городу поползли слухи, что в австрийской столице что-то происходит. Подал в отставку символ старого режима канцлер Меттерних, правивший тридцать лет, а император Фердинанд разрешил принять конституцию и позволил свободу печати. Так закладывался фундамент демократии и новых институтов, без которых дальнейший рост экономики был бы невозможен.

До Львова известия о революции в Вене дошли только вечером в субботу 18 марта, хотя ещё с конца февраля до горожан, несмотря на цензуру, доносились слухи о революционных событиях в Италии и Франции. А тем субботним вечером в одном из домов на площади Фердинанда (сейчас площадь Мицкевича) собрался узкий круг доверенных лиц, чтобы подготовить петицию императору с требованиями львовского общества. Новость о революции облетела весь город. Народ оживился, вышел на улицы, все обнимались и целовались — как говорили, даже богатые с бедными. Были опасения, что праздник мог испортить начальник львовской полиции Леопольд фон Захер-Мазох, отец знаменитого писателя. Однако его сняли с должности 20 марта, и ещё больше людей вышло в очень тёплый день 21 марта. Так в эти дни публичное пространство города стало ареной для политических движений, люди заявили о своём праве голоса, а в общественном сознании расцвели новые идеи — либерализм, национализм и социализм.

¹²⁹¹ Министр иностранных дел с 1809 по 1847 год.

¹²⁹² Сахарных заводов было всего три, из них крупнейший и «самый большой в Австрии» находился в Тлумаче, и он «принадлежал акционерному обществу» (Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галичины и Буковины / К. фон Шмедес. — СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. — С. 108–109, 115–117, 119).

Революция 1848 года внезапно изменила всё настроение в обществе. «Где до того царила глухая тишина, внезапно забурлило, загудело, затрещало со всех сторон. Конституция, свобода печати, помилование политических заключённых, политические общества и собрания, народная гвардия, демонстрации на улицах, выборы в сейм»¹²⁹³.

«Весна народов» коснулась и львовских украинцев, хотя «тогда лишь немного было русинов с ясным сознанием своей народности»¹²⁹⁴. Ещё 19 апреля они от имени всех украинцев Галичины подали на имя императора петицию с демократическими требованиями. А 2 мая 1848 года представители украинской интеллигенции во главе с перемышльским епископом Григорием Яхимовичем создали во Львове Главную руськую раду («Головну руську раду»), первую украинскую организацию, которая должна была отстаивать интересы галицких украинцев перед венским правительством. Ведь «обретение политических прав без одновременного обеспечения экономической независимости нации не может быть долгосрочным... В конституционном государстве благосостояние народа... должно дать ему права и политическое значение»¹²⁹⁵.

А многим русинам, которые до того не очень задумывались о своей национальной идентичности, события 1848 года открыли глаза — как герою рассказа Ивана Франко. «Степан Калинович был канцеляристом при львовской казначейской бухгалтерии». Двадцать лучших лет жизни он «провёл в этой тёмной канцелярии... над большими счётными книгами», не думая ни о каких изменениях и другой жизни. «Воспитанный в старой немецкой школе, пропитанный духом бюрократической субординации» Калинович постепенно утратил «чувство своей личности». Он знал, что русин, но «в жизни это не имело для него никакого практического значения». Нужны были события 1848 года, «чтобы в эту тихую одинокую жизнь внести хоть какое-то беспокойство и бунтарство»¹²⁹⁶.

¹²⁹³ Франко І. Я. В канцелярії державної бухгалтерії / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 21. — К.: Наукова думка, 1979. — С. 338–343.

¹²⁹⁴ Згадка за б. п. отца Льва Трещаковского // Наука. Месячная газета. — 1876. — Т. 5. № 2. — С. 133.

¹²⁹⁵ Войнаровський Т. Внесення Т. Войнаровського і товаришів в справі відродження селянства / Т. Войнаровський // Економіст. — 1908. — № 7. — С. 7.

¹²⁹⁶ Франко І. Я. В канцелярії державної бухгалтерії / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 21. — К.: Наукова думка, 1979. — С. 338–343.

Европейские революции 1848 года недаром называли «Весной народов». Они создали волну общей либерализации, стимулировавшей экономический рост, более того — волну общего обновления. По времени австрийская революция совпала с начинавшейся в Европе целой эпохой моды на либерализм, хотя в империи Габсбургов либерализм имел несколько другие формы, чем во Франции или Англии. Первые финансисты и предприниматели были тесно связаны с правящей аристократией. Поэтому революционные преобразования существующего порядка им совершенно не были нужны. А вот против ускорения экономического развития элиты не возражали, потому что оно было выгодным для всех.

Эти революции стали отражением финансового кризиса 1847–1848 годов. Первоначально кризис начался в Великобритании и был следствием железнодорожного бума и возникшего вокруг него спекулятивного пузыря. Затем кризис распространился на другие страны Европы, дестабилизируя их финансовые системы. В Австрии он отчасти и подтолкнул «мартовскую революцию» 1848 года. После неё в любившем и ценившем традиции австрийском обществе началась социальная модернизация, которую по своему значению для экономической либерализации можно сравнить с реформой 1861 года в Российской империи.

Во время кризиса в Австрийской империи начался массовый отток капиталов и возрос дефицит государственного бюджета, после чего правительство приняло решение продать частным инвесторам все построенные или строящиеся государственные железные дороги, в том числе Северную железную дорогу, которая должна была связать Вену с Галичиной. Так недостроенная дорога перешла в собственность венского консорциума Соломона Ротшильда.

В Галичине заметным для всех последствием либерализации стала отмена панщины императорским указом от 16 апреля 1848 года¹²⁹⁷. Крепостное право отменил ещё в конце XVIII века император Иосиф, крестьяне получили личную свободу, однако работать на землевладельца они пока ещё должны были (обычно два-три дня в неделю). Своей земли у них ещё не было, она принадлежала помещику, и крестьяне отработывали панщину за право пользоваться земельными участками. «Средневековые общественные от-

¹²⁹⁷ В Буковине панщину отменили 1 июля того же года.

ношения сохранялись в Галичине до самого недавнего времени... все свои потребности крестьянин удовлетворял тем, что делал своими руками»¹²⁹⁸.

После 1848 года начались заметные перемены в жизни крестьян, и они подвергались всё большему влиянию цивилизации. Прежде всего, они стали хоть немного богаче. Снижалась смертность, улучшалось питание и условия жизни, в крестьянском быту появлялись новые товары. Эти перемены касались, конечно, не только крестьян, но в их среде они были больше всего заметны. Процессы модернизации привели к тому, что галицкое общество начала XX века уже сильно отличалось от архаичного общества середины XIX столетия.

После реформ 1848 года государство выкупало у помещиков землю и раздавало её крестьянам, которые в течение 40 лет должны были погашать стоимость земли подобно погашению долгосрочного беспроцентного кредита. Так в Восточной Галичине появилось 375 тысяч самостоятельных крестьянских хозяйств. Помещики получили за отмену панщины выкупную компенсацию на общую сумму более 46 млн гульденов (ринских золотых) в Галичине и около 4 млн на Буковине¹²⁹⁹. Компенсация выдавалась 5 % индемнизационными¹³⁰⁰ облигациями, которые погашались ежегодно. Выдача облигаций началась в 1853 году, и землевладельцы обычно их продавали¹³⁰¹, после чего у них появлялись свободные капиталы, причём немало.

Кроме того, после начала обращения большого количества индемнизационных облигаций в Галичине и Буковине возник массовый рынок процентных бумаг¹³⁰². Проценты по

¹²⁹⁸ Войнаровський Т. Вплив Польщі на економічний розвій України-Руси / Т. Войнаровський. — Львів: Друкарня НТШ, 1910. — С. 32.

¹²⁹⁹ Грабовецький В. Робітники та селяни Гуцульщини, гуцульські робітники та умови їх праці. — <http://history.iv-fr.net>

¹³⁰⁰ Индемнизация — после отмены панщины компенсация помещикам стоимости работ, производившихся для них крепостными крестьянами. Подробнее см.: Франко І. Я. Конверсія індемнізаційного боргу / І. Я. Франко // Зібрання творів в 50 т. Т. 44. Кн. 2. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 233–239.

¹³⁰¹ Франко І. Я. Земельна власність у Галичині / І. Я. Франко // Зібрання творів. — Т. 44. — Ч. 1. — С. 546–576; Франко І. Я. «Галицька індемнізація» / І. Я. Франко // Зібрання творів. — Т. 44. — Ч. 1. — С. 86–122.

¹³⁰² В 1854 году в Галичине находилось в обращении этих облигаций на сумму 20,3 млн гульдена (ринских золотых) что заметно превосходило объём находившихся в обращении ипотечных бумаг — 12 млн. На Венской бирже индемнизационные облигации Галичины котировались по курсу 73 гульдена 7 января 1865 г., 71 гульден 29 мая 1865 г.; индемнизационные облигации

этим облигациям значительно увеличили общую сумму компенсации помещикам, достигшую 76,5 млн гульденов (ринских злотых)¹³⁰³.

Однако уплата компенсации растянулась на десятки лет и, вероятно, это стало одной из причин того, что галицкие помещики не смогли продуктивно использовать полученные капиталы. Впрочем, основная причина была даже не в этом, а в консервативных настроениях помещиков, не хотевших инвестировать не только суммы, полученные при выкупе, но и свои немалые доходы от пропинации.

Украинские банки. Первая попытка

«Новый 1884 год начался для нашей Галичины большой финансовой проблемой: у Банка Рустикального¹³⁰⁴ пошатнулось само его основание. Курс его закладных листов начал быстро падать; в банке оказалось недостаточно средств на текущие выплаты, а небольшие займы в других банках не могли помочь, они за одно мгновение таяли как роса на солнце»¹³⁰⁵, — писала львовская газета «Діло». История этого банка, выдававшего кредиты крестьянам под залог земли, была очень показательной.

Буковины — по 72 и 70,8. В последующие годы их курс обычно не превышал 70 % номинального (Wiener Borsenartifel // Der Botschafter. — 1865. — 8 Jan; Wiener Borsenartifel // Der Botschafter. — 1865. — 29 Mai).

¹³⁰³ Ben-Joseph M. Adversities of autonomy: Bank Krajowy Królestwa Galicyi i Lodomeryi and the politics of credit in Galicia 1870–1913 / M. Ben-Joseph. — Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1999. — Р. 26. Иван Франко в 1898 г. называл ещё большую сумму (если считать, что он имел в виду ринские злотые), отмечая, что через 50 лет после отмены крепостного права край не только должен заплатить 121 млн злотых из собственных средств, но у него ещё и останется 9 млн злотых долга (Франко І. Панщина та її скасування 1848 р. в Галичині / І. Франко // Франко І. Збір. творів у 50 т. — Т. 47. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 122).

¹³⁰⁴ Рустикальный — крестьянский. Официально банк назывался «Цесарско-королевское привилегированное крестьянское кредитное заведение».

¹³⁰⁵ «Новый 1884 рок розпочався для нашої Галичини великою фінансовою тривогою: банк рустикальний захитався на своїх підставах; курс його листів заставних почав нагло падати; в касе банкової показалась недостача готовки на бижучі виплати; невеликі позички в інших банках не могли бракувати зарадити і в одній хвили розпливалися мов роса на сонці» (Катастрофа банку селянського // Діло. — 1884. — 14 (26) января. — С. 2–3). Франко І. Я. Катастрофа банку селянського / І. Я. Франко // Зібрання творів в 50 т. Т. 44. Кн. 2. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 295.

После «Весны народов» в середине XIX века украинцы Галичины уже имели очень даже неплохой стартовый капитал — землю и слой образованных людей (священников и юристов). Так что основа и потенциал были, а насколько этот потенциал тогда удалось использовать — это другой вопрос. Не хватало экономического мышления и опыта, поэтому всё свелось только лишь к попыткам создания ипотечных банков.

Ипотечный кредит стал в середине XIX века наиболее распространённым видом кредитования на Западе Украины, так как другие его формы не были развиты, что отражало общую аграрную направленность экономики края. Крестьянам такие кредиты стали доступны лишь после того, как они получили землю.

«Банк рустикальный» основал в 1867 году митрополит Спиридон Литвинович, чтобы выдавать кредиты крестьянам и освободить их от гнёта ростовщиков. Среди учредителей были также князь К. Яблоновский, бароны К. и М. Ромашканы, украинский галицкий политик Ю. Лаврицкий и юрист Г. Фрид. В 1869 году банк перешёл в польские руки.

Главным направлением деятельности стала выдача крестьянам кредитов под залог земельной недвижимости¹³⁰⁶. Банк использовал свои капиталы для рискованных операций с ценными бумагами на бирже, а чтобы скрыть рискованность этих действий, фальсифицировал отчётность¹³⁰⁷. И это при том, что в его руководстве были такие, казалось бы, уважаемые люди — барон А. Ромашкан и его брат З. Ромашкан, доктор Фрид (кавалер ордена Франца-Иосифа), доктор Вайнрагарт, Ю. Коритовский. Трудно сказать, сколько «директоры в нарушении устава проиграли денег на бирже, сколько подали фальшивых балансов и обделили дивидендами акционеров»¹³⁰⁸, но в итоге банкротство угрожало десяткам тысяч крестьянских семей.

¹³⁰⁶ Кредитная ставка составляла от 10 до 12 % годовых; у ростовщиков — 30–50 %, иногда и гораздо больше, выше 100 % годовых. За время своего существования (1868–1884 гг.) банк выдал более 70 тыс. займов на общую сумму 15 млн гульденов (30 млн крон), а стоимость заложенных крестьянских земель достигла 27 млн гульденов. Обычно сумма кредита не превышала 60 % стоимости заложенной земли. У банка было 50 тысяч клиентов, и его должниками стало 5 % крестьян Галичины. А 8 % крестьянских хозяйств из тех, которые занимали деньги в банке, пришлось продать из-за невозможности отдать долг.

¹³⁰⁷ На загальних зборах Банку Рустикального // Дело. — 1880. — 12 (24)

цветня. — С. 1–2.

¹³⁰⁸ Франко І. Я. Проект ліквідації банку селянського / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 325.

Крестьяне не могли вовремя вернуть кредиты, реструктуризировали их и сдвигали срок уплаты, что увеличивало размеры долга. «Есть у нас немало легкомысленных, не задумывающихся о том, как они будут отдавать деньги, и думающих только о том, как бы побыстрее их взять в долг в банке». Такие деньги «очень соблазнительны, и для наших легкомысленных пьяниц и бездельников они несут погибель... потому что они не задумываясь берут в долг, а свои обязанности потом не соблюдают»¹³⁰⁹.

Дело было не только в «бездельниках» и «пьяницах». Экономическое положение взявших кредиты крестьян ухудшилось после финансового кризиса 1873 года — цены на зерно упали¹³¹⁰, соответственно снизились и доходы от сельского хозяйства, поэтому отдавать долги стало ещё труднее. Так что галицкие земледельцы оказались гораздо больше связанными с европейскими товарными рынками, чем можно было бы подумать. Проблем добавили и стихийные бедствия — сильные дожди затопили поля в 1873 и 1874 годах, а в июне следующего 1875-го началась засуха¹³¹¹. Все эти события усложнили жизнь не только крестьянам, но и банку. Как и многим другим банкам Галичины (да и вообще Австро-Венгрии), которым пришлось прекратить свою деятельность в годы рецессии после кризиса 1873 года.

В газетах тем временем началась волна критики, банк называли ростовщическим «учреждением для обдирания шкуры с крестьян»¹³¹², обвиняя его в том, что он грабил вкладчиков как какая-то татарская орда. «Проценты умножались, как грехи, — писала в рассказе “Банк рустикальный” Ольга Кобылянская, — выпивая из должника последнюю каплю крови»¹³¹³.

Рост количества проблемных заёмщиков привёл в 1883 году к дестабилизации банка, отягощённого ненадёжными кредитами. Большинство крестьян плохо

¹³⁰⁹ О наших банках // Наука. Месячная газета. — 1876. — Т. 5. № 2. — С. 64, 66, 67.

¹³¹⁰ Они стабилизировались только в 1884 году.

¹³¹¹ Werner W. Raiffeisenvereine für Österreich / W. Werner. — Wien: Eigenverlag des FOG, 2017. — S. 67, 73–74.

¹³¹² «Закладом для обдиранья хлопских шкур» (Катастрофа банку селяньского // Діло. — 1884. — 14 (26) января. — С. 2).

¹³¹³ Кобылянская О. Ю. Оповідання / О. Ю. Кобылянская. — Л.: Каменяр, 1982. — С. 32.

разбиралось в финансовых вопросах, поэтому не очень представляли, как они будут отдавать взятый кредит. «Последние годы были тяжёлыми и неурожайными», и герой уже упоминавшегося рассказа Ольги Кобылянской «жил лишь с того, что сам зарабатывал. Все люди в селе знали, что он не соберёт нужной суммы, которая, увеличившись от процентов, намного превышала стоимость его мелкого имущества».

Проблема усугублялась ещё и тем, что должники брали на себя обязательство в случае банкротства финансового учреждения вернуть свой долг в пятикратном размере. Так что крах банка означал крах и десятков тысяч крестьянских хозяйств — если они не могли платить 12 % годовых, то возвращение всего долга в пятикратном размере было для них совершенно нереальной задачей. Поэтому приходилось всё чаще продавать на аукционах заложенную земельную недвижимость.

В 1884 году было объявлено о банкротстве банка, имевшем большой резонанс в галицком обществе. После создания ликвидационной комиссии удалось разработать механизм конвертирования долгов и таким образом избежать принудительных продаж крестьянских хозяйств и полного разорения 50 тысяч должников. Долги отдельных хозяйств объединялись, и такой коллективный долг погашали со скидкой 50 % местные власти. Так удалось решить проблему, казалось бы, неразрешимую, и к 1886 году большинство должников расплатились с банком.

Банк Крилошанский

«Ещё в 1868–1869 годы, когда после принятия новой конституции и получение краем автономии среди галицких украинцев оживилась общественная жизнь, возникла идея основания специального украинского банка, который сконцентрировал бы сбережения украинцев, помогая крестьянам-хлеборобам и в то же время повышая благосостояние интеллигенции»¹³¹⁴.

¹³¹⁴ Франко І. Я. Сумна історія банку Крилошанського і його так званої санації / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 429.

Им стал Банк Крилошанский¹³¹⁵, получивший такое название из-за церковных деятелей среди учредителей¹³¹⁶. Банк выдавал кредиты для развития хозяйства и торговли под залог земли и домов. Юридически он был кооперативом, и владельцами паёв стали состоятельные лица, совершенно не нуждавшиеся в кредите. А те, кому он был действительно нужен, не имели возможности купить пай, поэтому им приходилось платить за кредит высокие проценты.

Расположенный на улице Армянской в доме № 2, банк приобрёл известность благодаря «политической роли в украинском обществе». Он превратился «в улей, в который носили мёд пчёлы из провинции: священники, мещане и богатые крестьяне»¹³¹⁷. Но в каждом улье есть свои трутни, и в дирекции банка было две паразитических группы, одну из которых возглавлял еврей Михалко, а вторую украинец Иван Добрянский, «головний юрист і адвокат партії» москвофилов¹³¹⁸.

Для нас интереснее вторая группа, руководившаяся доктором Добрянским; она была той вывеской, которая придавала всей этой организации политический смысл. В неё входили в основном молодые люди, некомпетентные в финансовых делах и получившие свои должности только благодаря политическим взглядам¹³¹⁹. Проще говоря, все они принадлежали к одной политической партии и были, как тогда говорили, «твёрдыми» (т. е. убеждёнными) москвофилами. А совет банка состоял из священников, которые не разбирались в банковских делах, так что все операции контролировали Михалко и Добрянский.

Они начали вкладывать капиталы банка в сделки с зерном и сукном, а также в рискованные операции с чужими векселями. Казалось бы, стремление выгодно вложить нако-

¹³¹⁵ Официально называвшегося «Общее заведение рольничко-кредитное для Галичины и Буковины».

¹³¹⁶ Крилошанин — в греко-католической церкви каноник: священнослужитель, внесённый в канон, т. е. каталог епархии.

¹³¹⁷ Франко І. Я. Сумна історія банку Крилошанського і його так званої санації / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 432–433.

¹³¹⁸ Олесницький Є. Сторінки з мого життя. У 2 ч. Ч. 1. / Є. Олесницький. — Львів: Діло, 1935. — С. 130.

¹³¹⁹ Подробнее см.: Франко І. Я. Сумна історія банку Крилошанського і його так званої санації / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 432–433.

пленные капиталы можно понять, и так поступали многие. Но одно дело, если эти операции проводят опытные финансисты, и другое — такие как Михалко и его агент Хувес.

В 1883 году в Совет управляющих банка избрали Василя Нагирного, представлявшего немногочисленную оппозицию в отношении руководства. Он вспоминал, что в занимавшемся сделками с сукном отделе (им руководил Киндлер), а потом и в вексельном отделе, возглавляемом Хувесом, возникли убытки и начали нарастать. Это и стало началом тех проблем, которые в итоге похоронили банк¹³²⁰.

Так обстояли дела не только в банке Крилошанском. «В наши финансовые организации попадают на руководящие посты люди», которые «не имеют ничего общего с финансами и экономикой». Конечно, встречались там и другие, которые «собственным трудом приобретали опыт в банковском деле», однако они «не раз чувствовали бремя унижения... среди всей этой незрелой интеллигенции»¹³²¹.

Жилось работникам банков тогда не очень хорошо. «Украинские организации платят людям так мало, что это только называется оплатой. А остальное они вынуждены красть, потому что если кто-то не украдёт, то ему и есть будет нечего»¹³²². Это касалось не только русинских или ипотечных банков, но и филиалов крупных австрийских банков, причём такая проблема оставалась даже в первой половине XX века. «В межвоенное время я работал в черновицком филиале Англо-австрийского банка... в то время банковский служащий не жил так роскошно, как сегодня»¹³²³.

¹³²⁰ Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. — Львів: Друк. Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 37.

¹³²¹ Яцків М. Танець тіний: роман з рідного побуту. [Ч. 1–3] / М. Яцків. — Львів: Накладом вид-ва «Шляхи», 1916–1918. — Ч. 1, с. 55–56, 18. Михайло Яцків (1873–1961) працював в страховому товаристві «Дністер» і добре знав ту бюрократическу середу, про яку писав, розповідаючи про вигадану банку «Народна сила». «Народна сила» — перша у нас організація такого типу, і перший керівник такого типу... д-р. Шуликовський, у якого не було ні відповідного освіти, ні «опиту керівництвом такої організації» (Там же, Ч. 3, с. 13). Люди, працювали в таких «патриотических» закладах, на самому справі, за словами Яцківа, турбувалися тільки про особистому багатстві. На словах — «народна сила» і «український патріотизм», а на справі — свої грабили своїх же.

¹³²² Тивонович І. Товариство бандитів: Наші народні світочі. З переказів старого реєстратора народного паскудства / І. Тивонович. — Львів, 1913. — С. 19.

¹³²³ Дроздовський Г. Тоді в Чернівцях і довкола. Спогади старого австрійця / Г. Дроздовський. — Чернівці: Книги — XXI, 2019. — С. 228.

Дело закончилось банкротством «Банка Крилошанского» в 1884 году, что создало угрозу разорения для множества вкладчиков. Не обошлось и без злоупотреблений со стороны менеджмента банка — немало было слухов о тёмных делах его управляющих. «Наша молодая буржуазия хотя и молода, но уже очень ловкая в умении пускать пыль в глаза и скрывать правду»¹³²⁴.

Не даром популярным стал стишок про деятелей Крилошанского банка: «Один взял, другой брал, а третий украл»¹³²⁵. Тем временем «в июне 1885 года напряжение и паника в банке дошли до высшей точки. Вкладчики блокировали выходы, устраивали скандалы в помещениях банка, со слезами и жалобами уходили, чтобы на следующий день снова вернуться и в двадцатый раз требовать возвращения положенных в банк денег»¹³²⁶.

Иван Добрянский пытался найти выгодный кредит, который мог бы спасти положение, и лихорадочно обращался во все банки, но поддержки так и не получил. Тогда он попросил помощь у Згурского и Вротновского, директоров Банка Краевого. Те пообещали дать в долг 400 тысяч ринских злотых, но только после ознакомления с бухгалтерскими книгами и реальным положением дел в банке. А положение дел оказалось незавидным.

Дело осложнилось ещё и тем, что бывший бухгалтер банка Теофил Король подал на банк в суд, после чего арестовали кассира банка Яминского, директора Михалко и агента Хувеса. Занимавшийся сделками с сукном Киндлер, в это время ездивший по делам, неожиданно умер в поезде Черновцы — Львов. Так он избежал следствия и суда. А Михалко и Хувес отделались лёгким испугом — совет управляющих банка решил не предъявлять претензий по этому делу, после чего наших героев отпустили.

Тем временем бухгалтер Банка Краевого обнаружил в бухгалтерских книгах Крилошанского банка такой беспорядок, что он так и не смог составить представления о реальном финансовом состоянии банка. Чтобы спасти банк,

¹³²⁴ Франко І. Я. Фабрика парафіну й церезину в Дрогобичі / І. Франко // Твори у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 52.

¹³²⁵ «Один взяв, другий брав, а третій таки украв».

¹³²⁶ Франко І. Я. Сумна історія банку Крилошанського і його так званої санації / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 434.

нужен был крупный заём. Помочь мог только Иван Наумович (1826–1891), галицкий общественный деятель, известный своими симпатиями к России¹³²⁷. Он поддерживал консервативное пророссийское «москвофильское» движение, к которому имел прямое отношение и Добрянский. Однако Наумович в то время сидел во львовской тюрьме по обвинению в сепаратизме и попытках отделения Галичины от Австро-Венгрии. Вскоре Наумовича выпустили, и в августе 1884 года он отправился в Петербург, где через члена российской церковной администрации, прокурора Святейшего синода Владимира Саблера, договорился о займе на полтора миллиона ринских злотых под 3 % годовых. Кредит выдали по распоряжению императора Александра III, решившего поддержать сторонников России в Галичине.

Деньги получили через берлинский банк Бляйхредера, и руководство банка оживилось — казалось бы, спасение пришло. Условием тех, кто оказал банку помощь, была смена директора. Им стал некто Кушнирский (Юлиан Коснирский) родом из Галичины, руководивший раньше страховой компанией «Волга» в Москве (говорили, что брат Кушнирского был приятелем Наумовича). Новый директор после приезда во Львов стал тратить деньги на перевозку из Москвы своей дорогой мебели и на роскошные апартаменты, где по требованию его жены в квартире четыре раза перекрашивали стены. В банке он стал вводить российские термины, а клиентов презрительно называл «голоштанниками».

В банковском деле Кушнирский разбирался плохо, спасти банк не мог, и ему всё равно пришлось начать процедуру ликвидации, которую тянул как можно дольше, чтобы получать свою немалую зарплату. Иван Добрянский, по словам Нагирного, личную выгоду в делах банка не искал, но он постоянно защищал от критики и Михалко с Хувесом, и нового

¹³²⁷ Российская империя проявляла повышенный интерес к Галичине как пограничному с Австрией региону. В России тогда распространилось упрощённое представление о Галичине. Согласно ему это «маленькая и бедная страна с тёмным, преимущественно крестьянским населением, лишённая крупной промышленности... ничем выдающимся не заявившая себя перед лицом Европы... несчастный край, которому... волею судьбы было суждено вечно прозябать». Хотя в действительности за последние несколько десятилетий XIX века «из совершенно тёмного края с невежественным населением Галичина превратилась в культурную страну, которая делает быстрые шаги вперёд» (Василевский Л. Современная Галичина / Л. Василевский. — СПб.: Тип. Народная польза, 1900. — С. I–III).

директора, чем тоже поспособствовал нарастанию в банке проблем¹³²⁸.

В конечном счёте в 1886 году банк обанкротился главным образом по той же причине, что и «Банк рустикальный», — он выдал слишком много ненадёжных кредитов, а должники не смогли их вернуть. Так закончилась эта попытка создания украинского банка под эгидой партии «москвофилов». А его директор Кушнирский вернулся в Москву, где умер 17 февраля 1893 года. Вся эта история произвела настолько неприятное впечатление на понёсших убытки разочарованных клиентов банка, что ещё долго ощущалось сильное недоверие к подобным начинаниям.

Кто был виноват и что нужно было делать?

«Чья же в этом вина? Банков или нашего крестьянства?» — задавался вопросом автор статьи во львовской газете «Дило». «Одни говорят, что виноваты банки, которые по сути являются цивилизованными ростовщиками», другие говорили, что виноваты «сами крестьяне, берущие в долг деньги и не отдающие их»¹³²⁹.

Были ли в чём-то виноваты сотрудники банка или нет, уже не столь важно. В любом случае банки предложили крестьянам более дешёвый кредит, чем ростовщики, и это единственная их заслуга. Риски они, конечно, недооценили, выдав такое количество ненадёжных кредитов, что было откровенной авантюрой. Судя по всему, они исходили из принципа наличия залога: дают в залог землю — дадим кредит, а какова вероятность его возврата — такой вопрос в голову не приходил. Это были пережитки ростовщического подхода, и в этом банк напоминал ломбард, выдававший деньги за залог земли. А ещё банк был похож на дерево со слабыми корнями. В какой-то момент оно разрослось настолько сильно, что рухнуло даже без какой-то особой бури.

Ну а вопрос о том, виноваты ли финансисты, не только банальный, но и вечный. С одной стороны, финансовый капитализм — естественная стадия в развитии капитализма, по-

¹³²⁸ Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. — Львів: Друк. Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 38.

¹³²⁹ Наши довги // Дело. — 1880. — 1 (13) лютого. — С. 1-2.

этому рассуждения в духе «все банкиры мошенники» выглядят глупо. С другой стороны, когда стремление к прибыли ослепляет, о рисках перестают задумываться. И тогда вина ложится на финансистов. А среди них всегда хватало таких, которые не думали о последствиях, принимая рискованные решения. А потом ни за что не хотели признавать свою вину.

«Дирекция приписала вину распускания вредных слухов о банке рустикальном злобе агитаторов»¹³³⁰, проще говоря — обвинила в распускании слухов конкурентов. Однако проблема находилась гораздо глубже — она была в неэффективности сельского хозяйства Галичины. «В соседних Венгрии и Королевстве Польском крестьянин производил сельхозпродукции на 40 % больше, чем в Галичине, в Германии и Франции в два с половиной раза больше, а в Англии и Бельгии — в три раза»¹³³¹. Впрочем, 12 % годовых за кредит — слишком много даже для эффективного хозяйства (в Западной Европе можно было найти кредит под 3–4 % годовых). Для галицкого крестьянина нереально было брать кредит дороже 5–6 % — его хозяйство не стало настолько прибыльным. Хотя крестьянин сбросил ярмо панщины, он надел на себя новое ярмо — малопродуктивного сельского хозяйства, при котором работа на земле не могла его прокормить. В Галичине крестьянское хозяйство обычно не давало больше 6 % дохода, поэтому и кредит под 10 или 12 % годовых не было возможности вернуть¹³³².

К тому же и Рустикальный, и Кривошанский банки не опирались на разветвлённую бизнес-сеть мелких кредитно-финансовых и торговых учреждений, как это уже было в начале XX века, во времена Андрея Шептицкого. А сами по себе крестьяне, эти полностью погружённые в натуральное хозяй-

¹³³⁰ На загальних зборах Банку Рустикального // Дело. — 1880. — 12 (24) цветня. — С. 1–2.

¹³³¹ Szczepanowski S. Nedza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego / S. Szczepanowski. — Lviv: Gubrynowiczi Schmidt, 1888. — S. 8. По данным Щепановского, Галичина была заселена достаточно плотно — 80 человек на квадратный километр (в Германии — 87, в Англии — 135), однако 60 человек из 80, 74 % населения, занимались сельским хозяйством (в Германии — 42 %, в Англии — 20 %) (Там же, с. 1). Из-за низкой продуктивности сельского хозяйства продуктов питания не хватало, крестьяне часто голодали, а средняя продолжительность жизни была всего 28 лет (в Англии — 42). Можно спорить о точности цифр Щепановского, но общую картину они всё равно дают.

¹³³² Наши довги // Дело. — 1880. — 1 (13) лютого. — С. 1–2.

ство клиенты банка, в те годы ещё были очень далеки от какой-либо финансовой культуры, пусть даже простейшей. Да и не имели они возможности участвовать в структурах, где создавалась более высокая добавочная стоимость (таких как торговля). Поэтому и образовалась огромная гора ненадёжных кредитов, похоронившая банки под своим обвалом. Неудача с первыми двумя банками вызвала сильное недоверие к возможности создать жизнеспособные украинские финансовые организации.

«Для наших крестьян всякий денежный кредит даже при самых выгодных условиях... в лучшем случае опасен, а очень часто может становиться вообще убийственным... всякий кредит для них является гостем из совсем другого мира», из мира денежного хозяйства. А перейти от натурального хозяйства к денежному «для нашего мелкого сельского хозяина почти невозможно»¹³³³.

Хотя большинству это не удавалось, были и те, кто всё-таки занимался торговлей, брал и возвращал кредиты. Но этот слой оставался немногочисленным. У тех крестьян, которые жили недалеко от больших городов, существовало больше возможностей и продать там свой товар, и найти работу. Состоятельные крестьяне зарабатывали на торговле сельскохозяйственной продукцией¹³³⁴.

Василь Стефаник, писатель и депутат австро-венгерского парламента, вспоминал, что его отец Семён был зажиточным, одержимым желанием ещё больше разбогатеть. Семёну от его отца Луки досталось 18 моргов, и он своим трудом и предпринимательской инициативой увеличил площадь своих земель в десять раз, владея 180 моргами¹³³⁵ земли. Были у него и наёмные работники. Его бизнес был основан на выращи-

¹³³³ Франко І. Я. Реорганізація банку крайового / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 277. «Крестьянин оказывается во власти ростовщика не потому, что он русин, поляк или немец, а потому что крестьянин — мелкий производитель» (Терлецкий О. Лихва на Буковині / О. Терлецкий // Молот. 1878. Вип. 1. — С. 133).

¹³³⁴ Чорновол І. П. 199 депутатів Галицького сейму / І. Чорновол. — Львів: Тріада плюс, 2010. — С. 94–95. Так, депутат парламента Д. Остапчук (1844–1907), владевший 150 моргами земли крестьянин, стал депутатом («послом») Галицкого сейма. Депутатом был и зажиточный крестьянин Николай Бойчук (умер в 1872 году).

¹³³⁵ Морг земли в зависимости от местности имел различную площадь, от 0,33 до 1,12 гектара. В Галичине морг обычно составлял 1,12 гектара. 180 моргов — более 200 гектаров.

вании мясного скота и продаже его на венском рынке, куда скот везли по железной дороге¹³³⁶. Он сумел воспользоваться преимуществами железной дороги, но это удавалось не всем.

Вообще с железными дорогами всё было не так оптимистично, как казалось на первый взгляд. Они не только стали стимулом для экономического роста, но и создавали немало сложностей для тех же крестьян, порождая конкуренцию для их продукции. «Мы занялись этим так... лихорадочно, что не заметили, как крестьянин», привыкший к спокойному сельскохозяйственному труду, внезапно почувствовал, что «потрясены сами основы» его жизни и он брошен в водоворот «мировой конкуренции, к которой он был совершенно не готов», — писал Теофил Окуневский¹³³⁷.

Несмотря на богатство, отец Стефаника банкам не доверял. Когда в 1911 году загорелась хата родителей, мать успела вынести подушку, где были защиты деньги. Так они избежали нищеты, и отец построил новый, ещё больший дом. На учёбу сына он денег не жалел, и так Василь Семёнович получил хорошее образование.

Финансирование промышленности

Для выхода из замкнутого круга сырьевой аграрной экономики, в которой работало около 80 % населения, необходимо было создавать конкурентоспособные промышленные предприятия, но для этого требовался крупный кредит, а он отсутствовал¹³³⁸. Так к середине XIX века назрела и даже пе-

¹³³⁶ Доля Галичины в поставках скота в Вену выросла с 30 % в 1860 году до почти 43 % в 1880-м (Kaps K. Ungleiche entwicklung in Zentraleuropa. Galizien zwischen überregionaler Verflechtung und imperialer Politik (1772-1914) / K. Kaps. — Wien: Bohlau Verlag, 2015. — S. 352).

¹³³⁷ Промова пос. д-ра Окуневского, виголошена в соймі під час дискусії над справозданем комісії еміграційної. — <https://zbruc.eu> Теофил Иполитович Окуневский (1858-1937) — юрист и адвокат, общественный деятель Западной Украины, посол (депутат) государственного парламента Австро-Венгрии и Галицкого краевого сейма в 1897-1900 и 1907-1918 годы. Брат Ярослава Окуневского, адмирала австро-венгерского флота и автора записок о своих путешествиях по миру (Окуневский Я. Листи з чужини / Я. Окуневський. — К.: Темпора, 2009).

¹³³⁸ Даже в начале XX века в меморандумах 1907 и 1908 гг. Львовской торгово-промышленной палаты отмечалось, что австрийские банки неохотно дают кредиты предприятиям в Галичине и специально создают для них искусственные трудности, доводя иногда до банкротства (Sprawozdanie z czynnosci

резрела потребность в кредитно-финансовой системе нового типа. Тем более что в те годы она стала появляться во многих соседних странах, где архаичные банкирские конторы сменялись акционерными коммерческими банками, примером для создания которых стал французский банк *Credit Mobilier* братьев Перейра.

Мода вкладывать свои капиталы в создание банков нового типа дошла до Галичины. Кто раньше играл на бирже или занимался железными дорогами (как Лев Сапега), начали основывать акционерные банки. «Теперь они создают банки» — все, «кто в Бога верит», а проще говоря — все, кому не лень, и у кого эти капиталы имелись. Альфред и Адам Поточкие, князь Литвинович, князь Понинский, и даже львовский биржевой игрок Смолька «основал какой-то банк»¹³³⁹.

С 1853 года начал работу филиал Австрийского национального банка (основанного в 1816 году и выполнявшего функции центрального банка)¹³⁴⁰. В 1859 году во Львове впервые появился филиал акционерного коммерческого банка нового типа — венского банка Кредитанштальт, основанного Ротшильдами в 1855 году. Но, пожалуй, ещё большее значение для этого края стало создание в 1883 году государственного Банка Краевого (часто его называли Национальным банком Королевства Галичины и Лодомерии), занимавшимся кредитованием галицкой промышленности и железнодорожных компаний¹³⁴¹.

По сути, банк предоставлял деньги для модернизации галицкой экономики и стимулирования экономического развития всего этого края за счёт государственных капиталов. Именно государство предоставило банку 2 млн крон при основании. Правда, его учреждение происходило с долгими

i posiedzen pleranych Izby handlowej i przemyslowej we Lwowie za rok 1907. — Lwow, 1907. — S. 631; Sprawozdanie z czynnosci i posiedzen pleranych Izby handlowej i przemyslowej we Lwowie za rok 1908. — Lwow, 1908. — S. 57).

¹³³⁹ Ziemiałkowski F. Z teki Mameluka galicyjskiego / F. Ziemiałkowski. — Warszawa: W. Ł. Kasprowicz, 1871. — S. 74.

¹³⁴⁰ С 1878 года он преобразован в Австро-Венгерский акционерный банк, также считавшийся государственным центральным банком. В 1862 году появилось отделение венского банка *Creditanstalt*, а в 1863-м — Англо-Австрийского акционерного коммерческого банка.

¹³⁴¹ Подробнее см.: Landau Z. Cele powołania Banku Krajowego Królestwa Galicji i Lodomarii z Wielkim Księstwem Krakowskim i ich realizacja w zakresie kredytów długoterminowych / Z. Landau // *Studia Historyczne*. — 1994. — Т. 37, № 4. — S. 487. Jezierski A. Dziej bankowosci polskiej do 1914 r. w zarysie / A. Jezierski. — <http://ekonomia.wne.uw.edu.pl>

задержками — уже существующие в Галичине банки всячески сопротивлялись этому. В уставе банка говорилось, что его цель — повышение благополучия всего края, в том числе финансовая помощь сельскому хозяйству, промышленности и торговле¹³⁴². В планах было и удешевление ипотечных кредитов, чтобы они стали доступны не только крупным землевладельцам, но и обычным крестьянам.

Инициаторы создания банка считали, что существующая в Галичине банковская система не обеспечивает финансирование промышленности, а отсутствие кредитов было главным тормозом для экономического роста. Впрочем, как писал Иван Франко в 1883 году, не получится сводить все проблемы галицкой экономики только к отсутствию универсального лекарства — дешёвого кредита, так как проблемы эти гораздо сложнее¹³⁴³.

Однако Банк Краевой делал то, что он мог делать — выдавал краткосрочные кредиты кооперативам и торгово-промышленным компаниям. А с 1891 года он стал поддерживать крупные промышленные предприятия (в том числе машиностроительные компании и сахарные заводы), вкладывая капиталы в их акции. В 1897 году при банке создали железнодорожное управление для финансирования железнодорожных компаний. Капиталы для этого получили от выпуска гарантированных железнодорожных облигаций на 50 млн крон. Благодаря этому до Первой мировой войны удалось построить 775 километров железных дорог. Так, предоставляя кредиты для развития экономической инфраструктуры, банк стимулировал экономический рост в Галичине¹³⁴⁴.

Сеть кредитно-финансовых учреждений Галичины разрасталась¹³⁴⁵. Однако если посмотреть на суммы акцио-

¹³⁴² Statut Banku Krajowego Królestwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkiem Księstwem Krakowskiem. — Lwów: Piller i Spółka, 1898. — S. 3.

¹³⁴³ Франко І. Я. Банк крайовий / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 163.

¹³⁴⁴ Bank Krajowy Królestwa Galicyi i Lodomeryi. 1883–1908. — Lwów: Piller, Neumann, 1909.

¹³⁴⁵ Уже к концу 1860-х она состояла из львовских отделений «Австрийского национального банка» и «Англо-Австрийского банка», двух местных банков («Галицкого акционерного ипотечного банка» и «Галицкого торгово-промышленного банка»), «Галицкого общества земельного кредита», а также Львовской биржи. Кроме того, во Львове работало девять сберегательных касс и одиннадцать страховых компаний. В том числе львовское отделение «Венского частного страхового общества», львовское отделение «Венского обще-

нерных капиталов (данные за 1911 год — время наибольшего расцвета галицкой экономики), то бросается в глаза, что из 1255 млн крон (капитал всех банков Австро-Венгрии) на галицкие банки приходилось всего 41 млн крон (3,3%), в то время как на австрийские банки — 850 млн крон, чешские — 289 млн крон¹³⁴⁶. Галицкие банки занимались преимущественно ипотечными кредитами под залог земель, в то время как Австрии или Чехии (и в других развитых странах) они в основном финансировали промышленность.

В деятельности новых галицких банков не всё получалось, как хотелось бы. Среди акционеров и членов советов директоров обычно преобладали представители земельной аристократии, вложившие в эти финансовые учреждения свои капиталы, поэтому и деятельность банков сводилась в основном к тому, что они выплачивали высокие (порядка 10%) дивиденды крупным акционерам — а мелких там и не было. На дивиденды уходило до 80% чистой прибыли, достичь реальной рентабельности не удавалось, поэтому финансовые резервы оставались небольшими. К тому же многие потенциальные клиенты настороженно относились к акционерным банкам, считая их нежизнеспособными в условиях Галичины¹³⁴⁷.

Законодательство в отношении учреждения банков оказалось либеральным, так что получить концессию было довольно просто, и количество акционерных коммерческих

ства взаимного страхования», львовские отделения трёх страховых компаний из Триеста — *Azienda, Assicurazioni, Adriatica di Sicurtà* и др. А в небольших местечках существовало около полусотни мелких кредитных касс. (Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галичины и Буковины / К. фон Шмедес. — СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. — С. 96–97).

¹³⁴⁶ Damand H. *Polozenie gospodarcze Galicyi przed wojna* / H. Damand. — Lipsk, 1915. — S. 24–25.

¹³⁴⁷ Ben-Joseph M. *Adversities of autonomy: Bank Krajowy Królestwa Galicyi i Lodomeryi and the politics of credit in Galicia 1870–1913* / M. Ben-Joseph. — Krakow: Wydawn. Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1999. — P. 29. Большая часть первых банков действительно существовала недолго — из восьми основанных во второй половине XIX века продолжали работу только два: польский *Galicyjski Akcyjny Bank Hypoteczny* (Галицкий акционерный ипотечный банк) и *Galicyjski Bank dla Handlu i Przemysłu* (Галицкий торгово-промышленный банк). Для краткосрочного кредитования в 1873 году во Львове учредили Галицкий кредитный банк (его основным акционером и руководителем стал крупный земельный магнат Адам Сапега), существовавший до 1899 года, когда банк обанкротился, а Сапеге пришлось возвращать вкладчикам несколько миллионов крон.

банков росло. Впрочем, лёгкость учреждения банка имела и обратную сторону. Это снижало стабильность банков во время кризисов, особенно таких масштабных, как знаменитый «венский крах» 1873 года.

Кризис 1873 года в Вене и других финансовых центрах Европы дошёл и до Галичины, затормозив рост сети финансовых учреждений. «Вспомним эпоху мошенничества и венского краха, и чуму жадности, страсти и коррупции, распространившуюся из Вены по всей Галичине»¹³⁴⁸. Этому знаменитому кризису предшествовал бум акционерного учредительства, особенно сильный в Германии (получившей после победы во франко-прусской войне контрибуцию от Франции в размере 5 млрд франков). Свободные капиталы потекли из Германии в соседнюю Австрию¹³⁴⁹. Бум на рынке недвижимости в Австро-Венгрии и огромные необеспеченные кредиты подтолкнули начало кризиса в начале мая 1873 года¹³⁵⁰. Кроме разорившихся банков, обанкротились десятки акционерных компаний и, чтобы предотвратить полный коллапс финансовой системы, Ротшильды предоставили Австро-Венгрии крупный заём.

¹³⁴⁸ Szczepanowski S. Nedza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego / S. Szczepanowski. — Lviv: Gubrynowicz i Schmidt, 1888. — S. 170.

¹³⁴⁹ К началу 1873 г. в Австро-Венгрии было 900 акционерных компаний с капиталом в 3 млрд флоринов, выпустивших 20 млн акций за несколько лет. На 2,2 млрд флоринов было выпущено облигаций и других долговых ценных бумаг. И хотя из 32 банков, основанных в 1869 году, 11 прекратило своё существование во время периода нестабильности на бирже в следующем 1870 году, этот тревожный сигнал не привлёк внимания. И за последующие три года основали 58 новых банков (Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях / И. Т. Тарасов. — К.: Университетская типография, 1878 (репринт — М.: Статут, 2000). — С. 108).

¹³⁵⁰ Цены на недвижимость стремительно росли, и в Австро-Венгрии было создано большое количество акционерных банков, специализировавшихся на этих кредитах; начали использоваться первые ипотечные ценные бумаги. Когда курсы ценных бумаг стали падать, на Венской бирже возникла паника. Газеты распространяли слухи о близком крахе крупнейшего банка Wiener Kreditanstalt. Вкладчики начали массово забирать свои деньги и продавать ценные бумаги, что усиливало общую нестабильность. Когда разразился кризис, бывший наиболее бурным в Австрии и Германии, только лишь убытки на падении курсов железнодорожных акций за 1873 г. составили 105,1 млн гульденов, промышленных акций — 135,8 млн гульденов. В одной только Австрии было ликвидировано 40 банков с капиталом 3000 млн флоринов, 6 страховых компаний (52 млн фл.), 18 строительных компаний (64,6 млн фл.) (Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях / И. Т. Тарасов. — К.: Университетская типография, 1878 (репринт — М.: Статут, 2000). — С. 108–110).

В результате кризиса начался период экономического спада во всей Европе, длившегося до середины 1880-х годов. Спад стал настолько сильным, что историки экономики иногда его называли первой «великой депрессией». По словам современника, написанным в 1869 году во время бума, «эта болезнь особенно опасна для нас», потому что не так уж много есть свободного капитала, и вместо того чтобы «вкладывать его в производственные предприятия, он будет использован для спекулятивной игры»¹³⁵¹.

Кризис затормозил экономический рост в Галичине, где прекратило существование немало акционерных обществ, а многие акционеры понесли убытки от падения курсов ценных бумаг¹³⁵². Политику экономического либерализма пришлось сменить на политику протекционизма. Всё чаще шли разговоры о том, что свободная конкуренция не принесла Галичине никакой выгоды в отличие от стран Западной Европы. Учреждение новых банков продолжилось только в 1890-е годы в условиях общего оживления финансового рынка и подъёма экономики¹³⁵³. А со второй половины 1890-х годов

¹³⁵¹ Uwagi o rozpowszechnianiu się gry na giełdzie // Dziennik Poznański. — 1869. — № 71.

¹³⁵² После краха Венской биржи возникли проблемы с финансированием строительства так и не оконченной Северной железной дороги в Галичине (к тому же система субподрядных контрактов в этом проекте оказалась весьма сложной и запутанной). Финансирование строительства дороги практически прекратилось, и в 1875 году незаконченную железную дорогу выкупило правительство Австрии за 2,1 млн крон (Хонігсман Я. С. Проникнення іноземного капіталу в економіку Західної України в епоху імперіалізму (до 1918 р.) / Я. С. Хонігсман. — Л.: Вид-во Львів. університету, 1971. — С. 30–31).

¹³⁵³ В 1890 году крупными землевладельцами был учреждён «Львовский парцеляционный банк» с целью продавать крестьянам поделённые на части большие земельные участки в кредит с выплатой стоимости земли за 5–10 лет. На практике банк, привлекая крестьян возможностью получить кредит, продавал земельные участки по значительно завышенной цене. В 1909 году во Львове при участии австрийского банка Niederösterreichische Escompte Gesellschaft был учреждён «Промышленный банк королевства Галичины и Лодомерии» с акционерным капиталом 10 млн крон для финансирования промышленных предприятий. В 1910 году во Львове начал работу «Промышленный банк княжества Краковского» с акционерным капиталом 10 млн крон (в 1929 году банк перенесли в Варшаву). В этом же году начал работу акционерный «Галицкий народный банк для сельского хозяйства и торговли», основанный по инициативе и при содействии «Австрийского земельного банка» (Oesterreichische Landesbank) и нескольких нефтяных магнатов (в 1926 году банк перенесли в Варшаву). Кроме того, появились «Нефтяной банк. Акционерное общество во Львове» («Bank Naftowy. Spilka Akcyjna we Lwowie», 1880–1939); «Львовское отделение государственного сельскохозяйственного банка» («Państwowy

в этом крае начался период устойчивого экономического роста во время нефтяного бума, когда потоки иностранных капиталов стали максимальными.

«Поглощая мелкие капиталы, крупный международный капитал приобретает такую силу, что перед ним ничего не может устоять»¹³⁵⁴. Больше всего было германских капиталов — до 75 %¹³⁵⁵. Но и этот подъём оказался не очень долгим, с 1910 года сменившись застоем, когда промышленность Галичины всего «за два-три года» была «отброшена на десятки лет назад»¹³⁵⁶.

Кредитные услуги

«Жизнь в кредит — самая заметная черта нашего общества» — писал львовский журнал «Nafta» в 1904 году¹³⁵⁷. А для того чтобы жить в кредит, нужна целая сеть кредитно-финансовых учреждений, состоящая из банков и небанковских организаций.

Количество небанковских сберегательных и кредитных обществ всех типов быстро увеличивалось — со 119 в 1880 году до 438 в 1897-м и 730 — в 1901 году¹³⁵⁸. Все-

Bank Rolny. Oddział we Lwowie», 1894–1939); «Польский промышленный банк во Львове» («Polski Bank Przemysłowy we Lwowie», 1910–1938); «Общий банк в Польше. Львовское отделение» («Powszechny Bank Związkowy w Polsce», 1914–1940); «Аграрно-промышленный банк. Акционерное общество во Львове» («Bank Rolniczo-Przemysłowy. Spółka Akcyjna we Lwowie», 1919–1924); «Кооперативный банк “Земля”» (был основан в 1892 г. под названием «Парцеляционное общество “Земля”» — «Парцеляційне товариство “Земля”» — с целью предоставления кредитов для покупки земельных участков; в 1924 г. переименован в «Кооперативный банк “Земля”», существовавший до 1938 года).

¹³⁵⁴ Шептицкий А. О kwestii соціальної. Пастирське послання Митрополита Андрея до духовенства / А. Шепицький. — <https://zbruc.eu>

«Пожираючи всі менші капітали, доходять до такої сили, що ніщо перед ними не може остаятися» (Шептицький А. О kwestii соціальної. Пастирське послання Митрополита Андрея до духовенства / А. Шепицький. — <http://www.patriyarkhat.org.ua>).

¹³⁵⁵ Фещенко-Чоповский И. Промышленность и природные богатства Галиции / И. Фещенко-Чоповский. — К., 1915. — С. 14.

¹³⁵⁶ Olszewski J. Zastój gospodarczy Galicji w czasie ostatniego przesilenia / J. Olszewski. — Lwow, 1913. — S. 79.

¹³⁵⁷ Kronika naftowa // Nafta. — 1904, 5 lutego. — S. 41.

¹³⁵⁸ Podrecznik Statystyki Galicji wydany przez Krajowe Biuro Statystyczne [red. T. Pilat]. — T. VII. 2. — Lwow: Z Pierwszej Związkowej Drukarni, 1904. — S. 222, 226. При этом торгово-промышленных акционерных обществ в эти годы создавалось гораздо меньше — 78 в 1897 году и 96 — в 1901-м.

го же в начале XX века во Львове работало 84 кредитно-финансовых учреждения, и хотя большинство из них были небольшими, финансовая инфраструктура города стала гораздо более разветвлённой, чем в Киеве¹³⁵⁹.

В это время во Львове с населением около 150 тысяч¹³⁶⁰ одна кредитно-финансовая организация обслуживала от 1500 до 2000 человек. В Киеве в это время насчитывалось 42 финансовые организации¹³⁶¹ — в два раза меньше, при том что население города (500 тысяч) было в три раза больше, чем во Львове. Так что одна финансовая организация обслуживала более 10 тысяч клиентов. Несмотря на слабое промышленное развитие Галичины, с финансовым капитализмом (по крайней мере, с финансовыми услугами) там было всё в порядке. А плотность сети финансовых услуг во Львове оказалась значительно выше, чем в Киеве. Это и неудивительно — в Австро-Венгрии финансовая система была лучше развита, чем в Российской империи.

Впрочем, в данном случае речь идёт только о разветвлённости сети финансовых услуг, что напрямую не связано ни с величиной капиталов в распоряжении финансовой элиты, ни с готовностью инвестировать эти капиталы. И плотность сети финансовых учреждений вовсе не означала, что один город был богаче, а другой беднее. А вот о более продвинутой финансовой культуре это говорило.

В целом же к началу XX века в Галичине, Буковине и Закарпатье существовало около тысячи финансовых организаций — банки, кредитные товарищества и кооперативы, сберегательные кассы, страховые компании, инвестиционные фонды. Более 600 из этих организаций находилось в Галичине, около двух сотен на Буковине и столько же на Закарпатье¹³⁶². Впрочем, вся эта финансовая система сильно зависела от кредитов центрального банка Австро-Венгрии,

¹³⁵⁹ Кроме основных австро-венгерских и галицких банков, во Львове работали филиалы иностранных банков — польских Варшавского торгового, Варшавского дисконтного, Лодзьского депозитного, чешского Пражского кредитного, Армянского банка, Русско-Азиатского банка, а также крупнейшей итальянской страховой компании Assicurazioni Generali, основанной в 1831 г. в Триесте. В 1920 году из 40 акционерных банков Галичины 35 находилось во Львове.

¹³⁶⁰ В 1914 году — 212 тысяч.

¹³⁶¹ В том числе 15 банков, 18 обществ взаимного кредита, 9 банковских контор.

¹³⁶² Из них 20 банков, 17 сберегательных касс, 155 частных и кооперативных кредитных организаций.

а также от иностранных капиталов, вложенных в учреждение банков¹³⁶³.

По национальному составу акционеров и руководства большинство банков Галичины были либо австрийскими, либо польскими¹³⁶⁴. Украинская бизнес-сеть создала не так уж много финансовых организаций — «Галицкий земельный банк ипотечный»¹³⁶⁵ и кооперативный банк «Днестр». О них подробнее будет говориться дальше.

Львовская биржа

Львовская биржа не прославилась какими-то крупными операциями или кипением деловой жизни по сравнению с Венской биржей. Во Львове (как и в Одессе) большая часть сделок происходила за пределами биржевого зала, в кофейнях. Но без Львовской биржи картина финансового мира «города Льва» окажется неполной. Тем более что отсутствие крупных операций на Львовской бирже вовсе не говорит о слабой деловой активности в столице Галичины.

Биржа начала работу в 1868 году¹³⁶⁶. В её котировках за тот год были галицкие индемнизационные облигации,

¹³⁶³ Инвестировали капиталы в железные дороги и нефтедобывающую промышленность Галичины известные пражские банки — Zivnobanka, Spogobanka, Prazska uverni banka, в начале XX в. открывшие свои филиалы во Львове и Черновцах. Банк Zivnobanka в 1908 г. (в период расцвета своей деятельности) владел ценными бумагами на сумму 13,5 млрд крон, из них 8% были бумагами железных дорог на окраинах империи, в том числе в Галичине, а также Хорватии (Rudolph R. L. Banking and Industrialization in Austria-Hungary: The Role of Banks in the Industrialization of the Czech Crownlands, 1873–1914 / R. L. Rudolph. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — P. 148–150, 181. März E. Österreichische Bankpolitik in der Zeit der grossen Wende 1913–1923: am Beispiel der Creditanstalt für Handel und Gewerbe / März E. — Wien: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1981. — P. 55).

¹³⁶⁴ Флейтерский С. История и эволюция банковского дела в Польше / С. Флейтерский. — С. 21. — www.ecsocman.edu.ru

¹³⁶⁵ Galicijski Ziemski Bank Hipoteczny, учреждённый в 1909 году с капиталом в 1 млн крон.

¹³⁶⁶ Предыстория Львовской биржи связана с учреждением в 1850 г. торгово-промышленных палат на территориях, присоединённых к Австро-Венгрии. В Галичине такие палаты были созданы во Львове, Кракове и Бродах. Начало обращения индемнизационных облигаций стало поводом для обсуждения во Львовской торгово-промышленной палате вопроса об учреждении биржи во Львове, где к тому времени все операции с ценными бумагами монополизировала «чёрная биржа». В докладе за 1852–1853 гг. Львовская

закладные листы «Галицкого банка ипотечного» и «Галицкого кредитного общества», облигации и акции галицких железных дорог¹³⁶⁷. Судя по всему, реальных операций с этими бумагами было мало, потому что вскоре они исчезают из котировок и биржа долгое время занимается только товарными сделками. В 1884 и 1886 годах предпринимались не очень успешные попытки возобновить операции с ценными бумагами, но биржа осталась в основном товарной с небольшими объёмами сделок. Операции с ценными бумагами возобновились на Львовской бирже в 1913 году, но и тогда они были незначительными. В Австро-Венгрии основными фондовыми биржами считались Венская, Пражская и Будапештская, а все остальные региональные биржи были вторичными и несамостоятельными¹³⁶⁸. Да и акции многочисленных компаний, созданных во время «нефтяного бума» часто за счёт иностранного капитала, котировались не во Львове, а на европейских биржах — в Париже, Брюсселе и Лондоне.

А во Львове на Гетманских Валах издавна существовала «чёрная биржа». Ещё её называли «дикой» и «тайной» — потому что биржа была неформальной¹³⁶⁹. Первоначально на месте снесённых валов, защищавших город, было сделано в конце XVIII века место для прогулок зажиточных львовян. Но в 1860-е годы эту респектабельную публику вытеснила «чёрная биржа», и толпа финансистов (в основном евреев) заняла всю пешеходную часть. «Евреи с длинными бородами и высокими цилиндрами стояли на углу биржи, обсуждая большие гешефты... каждый день одинаковая суета»¹³⁷⁰.

Полиция пыталась разгонять толпу, но дельцы снова возвращались, и так самая красивая часть Валов оказалась непригодной для прогулок. Центром «чёрной биржи» стала кофейня «Венская» возле памятника польскому королю Яну

торгово-промышленная палата признавала желательным и целесообразным учреждение Львовской биржи, которая могла бы контролировать операции с индемнизационными облигациями Галичины и Буковины, ипотечными бумагами, а также мобилизовать не используемые сбережения.

¹³⁶⁷ Gielda Lwowska. Kursy // Gazeta Lwowska. — 1868. — 2 lipca. — № 150.

¹³⁶⁸ Шор А. С. Фондовые биржи в Австро-Венгрии / А. С. Шор // Банковая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. — К.: Изд-во Банковой энциклопедии, 1916. — С. 152. Об истории венской биржи, основанной в 1771 г., подробнее см.: С. 156–159.

¹³⁶⁹ Pietak L. O gieldzie i czynnosciah gieldowych / L. Pietak. — Lwow: Z drukarni Ludowej, 1877.

¹³⁷⁰ Гранах А. Ось іде людина. Автобіографічний роман / А. Гранах. — К.: Вид. Жупанського, 2012. — С. 144.

Собескому, где недалеко находился телеграф. А кроме того, биржевые дельцы придумали свой тайный «телеграф» — их партнёры в Вене, Праге или Кракове писали мелом на вагонах поездов сообщения о котировках иностранных бирж, и львовские биржевики узнавали эти новости первыми.

Среди состоятельных галичан со второй половины XIX века царила лихорадка биржевых спекуляций, описанная Юзефом Наржимским в пьесе «Эпидемия» (1871). В то время, когда в Австро-Венгрии начался грандиозный грюндерский бум акционерного учредительства, модно было говорить и писать об игре на бирже. Тем более что Галичину этот бум затронул в полной мере.

Пьеса стала популярной не только во Львове, но и в Одессе, и Киеве. Герой пьесы Болеслав одержим разработкой грандиозных проектов. Он хочет осушить болота, где проходила железная дорога, возле неё построить два сахарных завода (которые будут использовать торф из осушенных болот). Болеслав составляет сметы, фантазирует о радужных перспективах, а на вопрос «где взять деньги?» отвечает, что это вообще не проблема — заедем «к Шмулю» и возьмём под 10 % годовых¹³⁷¹. Чем часто заканчивались такие проекты, хорошо известно — вспомним события разразившегося вскоре знаменитого «венского краха» 1873 года.

Известный львовский юрист и политик, будущий глава нижней палаты австро-венгерского парламента Францишек Смолька, 31 августа 1863 года даже пытался покончить жизнь самоубийством из-за неудачной игры на бирже. Смолька в юности участвовал в разных тайных организациях и в 1841 году был приговорён к смерти, хотя потом помилован. Свою адвокатскую контору во Львове он открыл в 1850-е годы, быстро разбогател и стал крупным землевладельцем, однако удача отвернулась от него из-за рискованных сделок. Для игры на бирже он использовал не только собственные капиталы, но и деньги клиентов. И прогорел. После попытки перерезать себе бритвой горло и уйти из жизни Смольку спасли, а благодаря помощи В. Дидушицкого он смог поправить свои финансовые дела и снова подняться. Выплата долгов растянулась на долгие годы, а земельную недвижимость пришлось продать. Смолька был колоритным

¹³⁷¹ Narzyski J. Epidemia. Dramat w 4-ch aktach. 1875 / Narzyski J. — Warszawa: K. Kowalewski, 1875.

персонажем, прославившимся своими невероятно длинными усами, и о нём ходило множество анекдотов, хотя все относились к нему с любовью.

Наибольшей была активность «чёрной биржи» перед началом Первой мировой войны. Биржевых дельцов можно было увидеть в расположенных неподалёку от биржи кофейнях De la Paix, Imperial, Carlton, Grand, Wiener Cafe. Услугами «чёрной биржи», предлагавшей в основном кредиты под немалые проценты (иногда даже больше 100 %) пользовались во Львове многие.

Индивидуальные инвесторы и ценные бумаги

Жена Ивана Франко Ольга Хоружинская (они познакомились в Киеве и стали супругами в 1886 году) получила в качестве приданого 10 тысяч рублей в акциях. Приехав во Львов, Ольга положила эти акции в банк и получала по ним несколько сот рублей процентов, что было по тем временам немало. Через некоторое время она продала акции и полученные деньги потратила на постройку дома для семьи на земельном участке, купленном Иваном Франко (ему пришлось взять 4 % ипотечный кредит, чтобы приобрести эту землю)¹³⁷².

В Галичине, как и в других странах, в конце XIX — начале XX века появился социальный слой рантье, живших на доходы от вложенных в ценные бумаги сбережений. А поступление массовых иностранных инвестиций во время нефтяного бума, когда огромные капиталы были вложены французскими банками в нефтяные компании, ускорили формирование этого слоя.

По данным переписи, в 1857 году во Львове рантье составляли 1,8 % населения города¹³⁷³. В 1908 году в целом по Галичине их было уже 2,7 %. Преобладали среди них евреи (7,9 % еврейского населения Восточной Галичины), на втором

¹³⁷² Франко-Ключко А. Иван Франко і його родина. Спомини / А. Франко-Ключко. — Торонто: Ліга визволення України, 1956. — С. 22–24. Часть денег на строительство дома Франко получил в дар от галицкой «громады» по поводу 25-летия своей литературной деятельности.

¹³⁷³ «Домовладельцы и рантье» — 1282 чел. при населении города 70 384 чел. (Ісаєвич Я. Д. Історія Львова: у трьох томах. Т. 2. 1772 — жовтень 1918. — Л.: Центр Європи, 2007. — С. 182).

месте были поляки (5,5 % польского населения), меньше всего было «русинов» (0,9 % украинского населения Восточной Галичины, преимущественно крестьянского)¹³⁷⁴. Так для части населения городов Галичины источником дохода стала прибыль от ценных бумаг¹³⁷⁵.

А их обращалось в начале XX века большое количество. Многие из этих бумаг находились в собственности индивидуальных инвесторов — более-менее состоятельного среднего класса. В это время можно говорить о формировании целой финансовой культуры инвестирования накопленных сбережений. Кроме австрийских облигаций государственных займов разных лет, а также множества индемнизационных облигаций у инвесторов часто были закладные листы ипотечных банков¹³⁷⁶. Встречались облигации компаний, в том числе железнодорожных¹³⁷⁷, венгерские лотереи и даже иностранные облигации — негосударственные голландские и швейцарские, государственные сербские, железнодорожные турецкие¹³⁷⁸. С началом нефтяного бума популярными среди инвесторов стали акции нефтедобывающих компа-

¹³⁷⁴ Професіональні і суспільні верстви в Галичині // Діло. — 1908. — № 173. — С. 1. — Кол. 1–3.

¹³⁷⁵ В 1880 г. этот доход объявили основным для себя 10,3 % жителей Львова (население 102,7 тыс. чел.), 5,1 % — Тернополя (населения 24,9 тыс. чел.), 27 % — Бродов (население 19,6 тыс. чел.). Но в 1910-м количество лиц, получавших доходы от акционерного либо иного капитала, в целом сократилось: 2,8 % — во Львове, 4,6 % — в Тернополе, 4,9 % — в Бродах. Отчасти это было связано с тем, что рост населения городов опережал рост количества рантье, отчасти с развитием промышленности — во Львове в 1910 г. 44,7 % населения получали доходы в промышленности, а 21,3 % — в торговле и сфере финансовых услуг (Bronski K. Rozwoj gospodarczy wiekszych miast galicyjskich w okresie autonomii / K. Bronski. — Krakow: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej, 1999. — S. 90–92).

¹³⁷⁶ Основная их эмиссия была в 1843–1870 гг., и курс закладных листов на биржах достигал 105 % номинальной стоимости (Jezierski A. Historia gospodarcza Polski / A. Jezierski, C. Leszczyńska. — Warszawa: Key Text Wydawnictwo, 2003. — S. 145).

¹³⁷⁷ «Общества по регулированию Дунайского канала», «Привилегированного общества железной дороги Львов — Черновцы — Яссы», «Привилегированного общевосточного земельного банка».

¹³⁷⁸ Хотя большинство обращавшихся в Западной Украине облигаций были австрийскими, с 1840-х годов появляются первые галицкие облигации, а с 1853-го — буковинские, выпущенные местными (преимущественно польскими) банками. «Галицкий ипотечный банк» (с 1869 г.), «Буковинский задатковый банк» (с 1870 г.), «Буковинский кредитный земельный банк» (с 1882 г.) и др. выпускали, кроме закладных листов, и «краевые» облигации, также обращавшиеся на рынке ценных бумаг.

ний, по которым платили хорошие дивиденды — 25, а иногда и до 40 %¹³⁷⁹.

В крупных городах, Львове и Черновцах, семьи среднего достатка нередко имели в своих инвестиционных портфелях до двух сотен ценных бумаг (обычно больше половины — австрийские государственные облигации), а вложение в них своих сбережений стало таким же обычным делом, как и оформление страховых полисов. В одной только Буковине (с населением всего 800 тысяч) в начале XX века в ценные бумаги ежегодно инвестировалось 100 млн крон¹³⁸⁰.

В Галичине общую стоимость находившихся в собственности у инвесторов ценных бумаг Ф. Буйак¹³⁸¹ оценивал в 1 млрд крон¹³⁸², что соответствует 202,6 млн долларов¹³⁸³. Перед Первой мировой войной на душу населения в Галичине приходилось ценных бумаг на 25,3 доллара. В Австро-Венгрии, где при населении 53,8 млн общая стоимость ценных бумаг по данным Лондонской биржи достигала в 1913 году 5 млрд долларов — 94,7 доллара. В Российской империи, со стоимостью ценных бумаг 6,7 млрд долларов и населением 171 млн чел. — 39 долларов. Однако в целом в Австро-Венгрии инвестировало сбережения в ценные бумаги всего лишь 1,5 % населения, в то время как в Германии — 5,3 %¹³⁸⁴.

Многие индивидуальные инвесторы понесли убытки после распада Австро-Венгрии. Ярослав Окуневский, адмирал

¹³⁷⁹ Акции галицких нефтедобывающих компаний появились в котировках Лондонской биржи, а британские газеты публиковали информацию об их эмиссии (Amalgamated Oil Pipe-Lines of Galicia, Limited // The Manchester Guardian. — 1911. — May 23).

¹³⁸⁰ Огуй О. Географія ринку цінних паперів (облігацій) на Буковині в австрійські часи: періоди формування та розгортання (1790/1870–1914/1918) / О. Огуй. — С. 17, 27–29. — <http://www.nbu.gov.ua>

¹³⁸¹ Францишек Буйак (1875–1953), польский историк и экономист. В 1909–1918 гг. работал в Ягеллонском университете (Краков), Варшавском университете (1919–1921), Львовском университете (1921–1941), основатель польской школы экономической истории.

¹³⁸² Bujak F. Rozwoj gospodarczy Galycyi (1772–1914) / F. Bujak. — Lwow: Naklad księgarni polskiej Bernarda Polonieskiego, 1917. — S. 57.

¹³⁸³ Здесь и далее доллары по курсам 1913 года.

¹³⁸⁴ Michie R. The London Stock Exchange / R. Michie. — Oxford: Oxford University Press, 2004. — P. 6. По другим, вероятно, завышенным данным, в Австро-Венгрии акциями владело 7–8 % населения (в Германии — около 10 %) (Wurm S. The Development of Austrian Financial Institutions in Central, Eastern and South-Eastern Europe / S. Wurm. — Comparative European Economic History Studies Working Paper Series Number 31. November 2006. — Vienna: University of Applied Sciences of Vienna, 2006. — P. 10, 15. — <http://www.econbiz.de>).

австро-венгерского флота и автор книги путевых заметок, после смерти жены с дочерью и начала Первой мировой войны продал имение и вложил полтора миллиона крон в военный заём Австро-Венгрии. Когда распалась эта империя, деньги он полностью утратил — облигации «сгорели», а сбережения обесценились во время гиперинфляции. Окуневский отрёкся от австрийского гражданства ради украинского, но так он лишился права и на австрийскую пенсию. В конце жизни ему пришлось жить в бедности у брата в небольшом провинциальном местечке. Всё это угнетало, и бывший адмирал, повидавший весь мир, покончил с собой¹³⁸⁵.

Железные дороги и развитие промышленности

Осенью 1880 года в Галичину прибыл император Франц Иосиф. Его встречали торжественной кантатой: «Добро пожаловать в край, где текут соль и нефть! Добро пожаловать к нам, где кругом только лес!». Кантату сочинили красивую, но для галицкой экономики торжественной она не была — снова всё упиралось в сырьё. И хотя железные дороги к этому времени, наконец, преодолели географическую изолированность Галичины, связав её с Австрией и другими частями империи (позже к ним добавился телеграф), галицкая экономика всё равно оставалась сырьевой.

Наверное, самым заметным толчком для экономического роста стало, как и во всех странах, создание сети железных дорог. А железнодорожные акционерные общества, без которых невозможно было финансировать такое крупное строительство, были примером для учреждения других акционерных компаний. Тем более что первые проекты железных дорог в Галичине появились довольно рано, ещё в 1830-е годы, когда венский банкир Соломон Ротшильд получил разрешение на строительство Северной железной дороги от Вены до Львова. Впрочем, на деле строительство дорог сильно затянулось¹³⁸⁶.

¹³⁸⁵ Трильовський К. З мого життя / К. Трильовський. — Львів: Література та мистецтво, 2019. — С. 54.

¹³⁸⁶ 11 ноября 1835 года Ротшильд получил концессию на строительство Северной железной дороги имени кайзера Фердинанда. Для Австрии всё это было новым и необычным. И очень своевременным — ведь в 1835 году даже в Англии железнодорожный бум только начинался. Дорога должна была пройти

Памятник эпохе железнодорожного бума — грандиозное здание управления Львовской железной дороги с башней и часами над главным входом¹³⁸⁷. Оно напоминает мне Регент-стрит в Лондоне, а ещё является наглядным доказательством того, какие большие деньги вращались в то время вокруг строительства железных дорог — не только в Лондоне, но и в нашем Львове.

«Со времени открытия железных дорог» в торговле и промышленности Галичины были достигнуты «большие успехи», хотя дальнейшее промышленное развитие «требует окончания постройки дорог, предназначенных для соединения Галичины с соседними землями». Столь же важно «содействовать... корпорациям, которые доставят нужные денежные средства». А пока промышленность «как в Галичине, так и в Буковине находится ещё на весьма низкой степени развития» и, несмотря на появление железных дорог, «не скоро догонит западноевропейские державы», — писал современник в середине XIX века¹³⁸⁸.

В начале XX века это всё ещё сохраняло актуальность. По словам крупного землевладельца графа Генриха Бадени¹³⁸⁹, «у нас слишком много народа хочет зарабатывать на жизнь, обрабатывая землю. И в этом проблема. Посмотрите на чехов или немцев. Там местами земельная собственность больше, чем у нас. Однако аграрной проблемы нет, так как избыток сельского населения переселился в фабричные города». Поэтому, чтобы «спасти украинское государство от социальных потрясений, необходимо создавать крупную промышленность»¹³⁹⁰.

Примерно со времени появления железных дорог в Галичине увеличивается количество промышленных предприятий, связанных преимущественно с добычей соли, которой

от Вены через Краков до Львова и соединить соляные шахты Галичины с центральными районами империи. В том же году открыли первый участок этой дороги, однако дело продвигалось не так быстро, как хотелось бы, и до Кракова железную дорогу смогли довести только в 1856 году.

¹³⁸⁷ На углу улиц Гоголя и Листопадового Чину.

¹³⁸⁸ Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галичины и Буковины / К. фон Шмедес. — СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. — С. 96–97.

¹³⁸⁹ Казимир Бадени (1846–1909) — крупный галицкий землевладелец и государственный деятель Австро-Венгрии.

¹³⁹⁰ Цегельський Л. М. Від легенд до правди: спомини про події в Україні / Л. М. Цегельський. — Нью-Йорк; Філадельфія: Булава, 1960. — С. 91.

издавна славился этот край, и заготовкой древесины. Появились деревообрабатывающие компании и предприятия по производству бумаги¹³⁹¹, в которые инвестировались австрийские, немецкие и канадские капиталы¹³⁹². Все они были тесно связаны с кредитовавшими их банками¹³⁹³. В целом же главным источником инвестиций в галицкую экономику была Вена, что и понятно — австрийские капиталы доминировали¹³⁹⁴.

Символами новых веяний и ускоренного развития стали первая промышленная выставка в 1877 году (организованная по инициативе железнодорожного предпринимателя В. Дзидушицкого), торгово-промышленная выставка 1889 года и краевая выставка 1894 года во Львове. Они наглядно показали развитие промышленности Галичины. В те годы жизнь во Львове кипела — не только среди креативного класса в кофейнях, но и на улицах. «Телеги, гружённые кирпичом, камнем и бочками, конные экипажи и трамваи среди криков и ругани простого народа превращали улицу в ад»¹³⁹⁵. «Мы ещё не так богаты и не настолько развиты в отношении культуры, как западные страны, но мы точно уже не нищие пьяницы»¹³⁹⁶, — писал Францишек Стефчик (основатель сети

¹³⁹¹ Одним из крупнейших было «Галицко-буковинское акционерное общество деревообрабатывающей промышленности».

¹³⁹² Так, в 1864 г. в Черлянах была построена большая бумажная фабрика братьев Колишеров, продукция которой экспортировалась во многие страны Европы, даже в Индию и Японию. Чтобы получить капиталы для дальнейшего развития предприятия, в 1866 г. было создано акционерное общество, купившее фабрику. Капитал общества составлял 0,5 млн ринских золотых (гульденов), и на эту сумму выпустили 2500 акций. Наибольшее количество акций приобрели князья Сапег, которые со временем стали владельцами фабрики, разрушенной российскими войсками во время Первой мировой войны (Русин Г. Фабрика паперув Черлянах / Г. Русин. — <http://narodna-dumka.horodok.lviv.ua>).

¹³⁹³ Так, Варшавский торговый банк финансировал несколько нефтяных компаний («Стандарт-Нобель» и др.), а также торгово-промышленные общества «Тенеге», «Покупка кожи», несколько химических предприятий (Банки Львова: минуле і сучасне [за ред. Я. В. Грудзевича, З. М. Комаринської]. — Л.: ЛБІ НБУ, 2002. — С. 26).

¹³⁹⁴ За ними в порядке убывания шли германские, чешские, американские, английские, французские, венгерские и бельгийские капиталы.

¹³⁹⁵ Яцків М. Танець тіней. Роман з рідного побуту / М. Яцків. — Ляйпциг: Українська накладня (без року). — С. 40.

¹³⁹⁶ Stefczyk F. Die wirtschaftliche und soziale Tätigkeit des galizischen Landtages / F. Stefczyk // Wirtschaftliche Zustände Galiziens in der Gegenwart. — Wien, 1913. — S. 86.

сберегательных «касс Стефчика») в 1912 году под впечатлением поездки по Галичине,

Впрочем, даже в начале XX века промышленных и торговых акционерных обществ во Львове было сравнительно немного¹³⁹⁷. Если в этих краях и начался акционерный бум, то только во время массовой добычи нефти в Галичине.

¹³⁹⁷ Среди крупнейших можно назвать «Акционерное общество деревообрабатывающей промышленности "Ojkos" во Львове» ("Ojkos". Spółka akcyjna dla przemysłu drzewnego we Lwowie), существовавшее в 1912–1939 гг., и «Акционерное общество предприятий деревообрабатывающей промышленности "Микуличин"» ("Mikuliczyn". Zakłady dla przemysłu drzewnego. Spółka akcyjna), а также «Галицкое акционерное общество электрических, водопроводных и канализационных предприятий во Львове» (Galicyskie akcyjne towarzystwo dla przedsiębiorstw elektrycznych, wodociągów i kanalizacji we Lwowie), 1898–1910 гг.

Глава 3.

КОГДА ПРИШЛО ВРЕМЯ НЕФТИ

«Карпатская Калифорния»

После того как в Галичине начали добывать нефть, пошли разговоры про «карпатскую Калифорнию»¹³⁹⁸, хотя правильнее было говорить о «галицкой Пенсильвании» — именно там добывали американскую нефть примерно в то же время, что и в Галичине. А в Калифорнии была знаменитая «золотая лихорадка» середины XIX века и грандиозный ажиотаж вокруг этого.

Кое-кто даже верил, что «в добыче... нефти Галичина занимала первое место в мире»¹³⁹⁹. Слова эти были, конечно, преувеличением — галицкая нефть быстро исчерпалась, и её запасы не шли ни в какое сравнение с месторождениями в Штатах. Или в районе Баку. Однако нефтяной бум в Галичине стал самым настоящим бумом с учредительской горячкой, обилием всевозможных авантюристов и неизбежными в таких случаях банкротствами. А Галичина, пусть недолго, считалась признанным нефтяным Клондайком. В 1885 году профессора Львовского университета Рудольфа Зубера даже пригласили в Аргентину вместе с экспедицией галицких неф-

¹³⁹⁸ Frank A. F. Oil Empire. Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. — P. 12.

¹³⁹⁹ Купчанко Г. Галичина и её русские жители / Г. Купчанко. — Вена: Книгопечатня Фридриха Ясперса, 1896. — С. 46.

тяников — разведать новые запасы и организовать добычу. Многие из этих нефтяников остались работать по контракту в Южной Америке.

В мире начиналась эпоха нефти, и это природное сырьё стало самым модным и востребованным ресурсом. Когда вспомнили, что в Галичине нефть местами просачивается на поверхность, почти как подземные воды, то этот «полу-азиатский край», до того ничем кроме лесов и запасов соли не вызывавший интереса предпринимателей, сразу приобрёл большую ценность. Туда потекли иностранные капиталы, и началось массовое учреждение нефтяных акционерных компаний.

Для Галичины нефтяной бум стал шансом включиться в процессы глобализации — и в мировые рынки. Галицкая соль или древесина карпатских лесов такого шанса не давали — это природное сырьё использовалось в основном в пределах Австро-Венгрии. А вот нефть — совсем другое дело. Киеву такой шанс дало производство сахара, уходившего за границу; Одессе — массовый экспорт зерна, а Харьков — добыча угля и производство металла.

Хотя если Киев современники как-то естественно называли «столицей сахара», а Одессу — «столицей зерна», то не скажешь, что Львов был «столицей нефти». Этот старинный торговый город сформировался как экономический центр задолго до начала нефтяного бума и остался таким после того, как добыча нефти в Галичине утратила своё значение.

В Карпатских горах, где во многих местах до того никогда не бывали иностранцы, после начала добычи нефти появилось множество предпринимателей из разных стран, строивших нефтяные вышки и собственные дома — всё это «было похоже на революцию»¹⁴⁰⁰ и на то, как искатели удачи стекались в Калифорнию во время золотой лихорадки. Ведь для массовой добычи нефти нужны были не только инвестиции, но и множество специалистов, которых в Галичине тогда в принципе не было — они появились позже, поскольку промышленная революция пришла сюда с опозданием. Так здесь оказались английские, французские и канадские инженеры — все хотели воспользоваться возможностью разбогатеть. Кое-кто из них остался там на всю

¹⁴⁰⁰ Reclus E. Nouvelle géographie universelle / E. Reclus. — P.: Hachette, 1878. — P. 405.

жизнь — в Коломые и сегодня на старом кладбище можно найти могилы с английскими надписями. А для галицких крестьян появилась новая работа. Она была нелёгкой, однако не стоит идеализировать сельский труд — не от хорошей жизни крестьяне шли на нефтяные промыслы. Процесс индустриализации бывал болезненным, но другие варианты развития были ещё хуже.

Про галицкую нефть знали давно, хотя долгое время было непонятно, для чего её применить — нефть необходимо переработать, чтобы получить из неё хотя бы керосин (бензин тогда ещё не использовали). Возле села Слобода Рунгурская, да и в других местах, в оврагах нефть в смеси с водой даже просачивалась на поверхность, и местные жители издавна использовали её вместо дёгтя как смазочный материал. В 1771 году при углублении соляной шахты было обнаружено значительное количество нефти, и с этого времени началась её добыча — через несколько лет в Слободе Рунгурской уже было пять нефтяных колодцев. Именно так её тогда и добывали — рыли колодец и черпали ведрами, как воду (о буровых скважинах тогда никто не задумывался). Стенки колодца укрепляли ветками — не очень надёжно, но дёшево. Чтобы начать добывать нефть, нужны были лопата, кирка, верёвка и ведро. Потом по смеси нефти и воды (её называли «ропа») по дедовской технологии долго били палками, нефть поднималась на поверхность, её собирали в бочки и продавали на базарах.

Игнатий Лукасевич

Интерес к нефти сильно возрос после того, как в 1853 году один из первопроходцев в добыче и переработке нефти, химик и предприниматель Игнатий Лукасевич (1822–1882), в небольшой лаборатории при львовской аптеке «Под золотой звездой» (Pod Złota Gwiazda) изобрёл способ получения из нефти керосина и разработал конструкцию первой керосиновой лампы. Галицкую экономику (да и общество в целом) не назовёшь открытыми для инноваций. Но даже в такой неблагоприятной среде было совершено одно из важнейших открытий индустриальной эпохи — способ превращение сы-

рой нефти в совершенно новый продукт, в топливо для освещения — керосин.

Игнатий родился в семье обедневшего шляхтича Юзефа Лукасевича, имевшего армянские корни — общины армян стали обычным делом в городах Запада Украины. Вначале Лукасевич был учеником аптекаря, потом фармацевтом. В 1850–1852 годах он учился в Краковском и Венском университетах, а потом вернулся на работу во Львов. Вместе с Яном Зехом, вторым ассистентом хозяина аптеки «Под золотой звездой», он занялся экспериментами по дистилляции нефти с целью получить из неё спирт, а может быть, даже и какие-нибудь новые лекарства.

Однако им суждено было сделать другое, более важное в те дни открытие — добыть керосин, пригодный для освещения. Патент на керосин дали Яну Зеху, основавшему керосиновую фабрику. Оставалось придумать конструкцию керосиновой лампы, и через год, в 1853-м, эту задачу тоже удалось решить. Лукасевич стал одним из изобретателей не только керосина, но и светильника для его использования. Первым делом такую лампу поставили для освещения витрины аптеки, где работал Игнатий¹⁴⁰¹.

Он быстро понял перспективность нового сырья и решил заняться нефтяным бизнесом. Найдя себе партнёров-предпринимателей, Лукасевич в 1854 году организовал бурение первой в Европе нефтяной скважины, которую стали использовать для промышленной добычи нефти. В 1856 году Лукасевич с компаньонами построил первый галицкий нефтеперерабатывающий завод, а в 1861 году учредил свою нефтяную компанию, за один только год получившую миллион гульденов прибыли.

Разбогатев, Игнатий не скупился на благотворительность — на его деньги строили дороги и мосты, больницы и школы. А в 1877 году он организовал во Львове первый в мире нефтяной конгресс, на котором собрались ведущие нефтепромышленники. К концу своей жизни в 1882 году Лукасевич стал совладельцем пяти нефтяных компаний, правда, не очень больших — в каждой работало от десяти до полусотни человек¹⁴⁰².

¹⁴⁰¹ Подробнее см.: Waciega S. *Galicysky pionerzy przemyslu naftowego w II polowie XIX wieku* / S. Waciega // *Malopolska*. — 2016. — XVIII. — S. 127–130.

¹⁴⁰² Bonusuak W. *Szejka z Galicji. Ignacy Lukasiewicz, 1822–1882* / W. Bonusuak. — Rzeszow: Libra, 2007. — S. 117, 126.

К тому времени в Галичине уже существовало несколько десятков небольших нефтяных заводов, предприниматели радостно потирали руки и жили надеждами на быстрое богатство. Как раз тогда и пошли разговоры о «галицком Баку» и «галицкой Пенсильвании». Правда, по словам современника, хотя «нефтяное производство постоянно усиливается, но, несмотря на 15-летнее существование, оно по многим причинам не достигло полного развития»¹⁴⁰³.

Станислав Щепановский

«История — это дело людей, опережающих своё время, делающих сегодня то, чему все будут подражать завтра»¹⁴⁰⁴, — писал Станислав Щепановский, пожалуй, самая колоритная фигура галицкого нефтяного бума. Один из главных инициаторов массовой добычи нефти, предприниматель, автор книг по экономике Галичины и даже художественных произведений в неоромантическом стиле. Щепановский и сам был романтиком, поставив перед собой амбициозные цели — не только создать в Галичине современную нефтяную промышленность, но и преодолеть за счёт этого вековую отсталость этого края. Так он хотел соединить поэтические мечты местных романтиков о процветании с британским прагматизмом, о котором Станиславу напоминал английский паспорт в кармане. Для этого необходимо было прежде всего соединить два начала внутри себя. И ему это удалось — романтику и промышленнику, философу и экономисту.

Станислав в 1863 году поступил в Венский Политехнический институт, после его окончания в 1867-м уехал в Париж, получив там диплом Школы искусств и мануфактур. На этом его образовании не закончилось — он решил изучать экономику и химию в Англии, став инженером. В те годы инженеров было мало, и само это слово вызывало большое уважение (в отличие от второй половины XX века, когда многие инженеры стали безликой массой узких технических

¹⁴⁰³ Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галичины и Буковины / К. фон Шмедес. — СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. — С. 108-109, 115-117, 119.

¹⁴⁰⁴ Szczepanowski S. O wpływie tanych komunikacyj na rozwój ekonomiczny kraju // S. Szczepanowski. — Lwov: Nakładom "Economisty Polskiego", 1890. — S. 24-25, 32.

специалистов). Молодого химика заметили и пригласили в промышленный отдел Министерства по делам Индии, где он проработал несколько лет, став признанным знатоком индийской экономики и промышленности, и получил британское гражданство.

В Галичину Щепановский приехал в 1873 году в возрасте 27 лет, чтобы навестить отца. Но долго задерживаться во Львове он не стал и вернулся в Лондон — дела требовали его присутствия в британской столице. Вскоре после этой поездки Щепановский познакомился с Францишеком Зимой. Тот принимал активное участие в польском восстании 1863 года, после чего вынужден был эмигрировать в Англию. Там он нашёл работу в одном из банков, сделал карьеру и стал его директором¹⁴⁰⁵. Станислав иногда встречался с Францишеком и делился впечатлениями о своей поездке с земляком. Потом они даже подружились, несмотря на разницу в возрасте — Зима был старше на два десятилетия.

Главной темой в их разговорах был начавшийся в Галичине нефтяной бум, открывший новые возможности разбогатеть. Наверняка им всё чаще приходили в голову мысли о том, чтобы уехать на родину и попробовать свои силы в нефтяном бизнесе. В 1879 году Щепановскому предложили сопровождать в поездке по Индии принца Уэльского — будущего британского короля Эдуарда. Такое знакомство давало редкий шанс для карьерного роста, но Станислав неожиданно для всех отказался, уволился из министерства и уехал в Галичину. В это время нефтяной бум и в Америке, и в Баку был в самом разгаре, люди быстро зарабатывали миллионы, так что решение Щепановского оказалось не таким уж и странным.

Его друг Францишек вернулся в Галичину ещё раньше, став директором Галицкой сберегательной кассы с капиталом 33 млн гульденов. Мы не знаем, о чём они говорили со Щепановским, но нетрудно предположить, что тому был нужен стартовый капитал для смелых нефтяных проектов, да и Зима тоже ухватился за возможность выгодно инвестировать миллионы Галицкой кассы. В Англии никто бы не стал держать без движения такие капиталы, их бы обязательно вложили в прибыльное дело. А самым выгодным бизнесом в те годы стала нефть. Как говорил потом Щепановский, само

¹⁴⁰⁵ Kuberski L. Stanisław Szczepanowski, 1846–1900: przemysłowiec, polityk, publicysta / L. Kuberski. Wydawn. Uniwersytetu Opolskiego, 1997. — S. 36.

это слово гипнотизировало банкиров, обещая им крупную прибыль.

В 1879 году, прослушав курс геологии в Венском университете, Щепановский приехал в Галичину, решив заняться геологическими исследованиями в Карпатах. В мае 1880-го молодой искатель приключений (ему тогда было 34 года), положив в рюкзак среди прочего снаряжения геологический молоток и книгу «О происхождении альпийских гор», отправился в длившееся полгода шестисоткилометровое путешествие.

Посетив нефтяные месторождения, он твёрдо решил разбогатеть на нефтяном бизнесе, собрал немалый капитал (1,8 млн крон) и основал свою акционерную компанию Szczepanowski & Co, начав добычу нефти в Слободе Рунгурской¹⁴⁰⁶ недалеко от Коломыи. Там он энергично взялся за работу, купил буровые установки и другую новейшую технику. Дела пошли неплохо, и добыча нефти значительно возросла. Прибыль Stanisław тратил на постройку нефтеперерабатывающего завода в соседнем местечке Печенежин. В Слободу построили нефтепровод, а в Коломыю — железнодорожную ветку. Так что деньги во всё это вложили немалые. Францишек Зима охотно давал кредиты своему другу, веря в его удачу. Stanisław стал миллионером (во время нефтяного бума это неудивительно), щедро инвестируя капиталы в развитие нефтяной промышленности Галичины.

В конце 1880-х Щепановский начал публиковать в британских журналах первые статьи по галицкой экономике, а в 1888 году вышла его книга «Бедность Галичины в цифрах», где он показал отставание этого края от Западной Европы по уровню жизни и производительности труда. А с 1890 года он даже начал издавать во Львове журнал «*Ekonomista Polski*».

Чтобы влиять на развитие галицкой экономики, нужно было войти в политические круги. И Stanisław примкнул к Демократической партии, пропагандировавшей проекты экономической модернизации Галичины. Среди сторонников таких идей были депутат парламента Тадеуш Романович, сотрудник национального статистического бюро (а впоследствии мэр Львова) Тадеуш Рутовский и другие.

Рутовский считал, что будущее — за крупными капиталистическими предприятиями, которые должны создаваться

¹⁴⁰⁶ Сегодня это село Слобода Коломыйского района Ивано-Франковской области.

по инициативе государства с использованием иностранного капитала, кредитов и налоговых льгот. Он, как и Щепановский, не был сторонником экономического либерализма.

Хотя приверженцы идеи экономической модернизации по-разному видели её практическое воплощение, их объединяла убеждённость, что без демократизации общества, развития промышленности и повышения культуры сельскохозяйственного производства у Галичины нет будущего. Однако даже и тогда, во времена Щепановского, далеко не все разделяли эти взгляды — оставалось немало приверженцев консервативной системы ценностей, считавших, что экономическая (да и любая другая) модернизация только обострит социальные конфликты. А главное — нарушит устоявшийся веками уклад жизни, достаточно богатый для крупных землевладельцев и бедный для основной массы крестьян, непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции.

Среди современников Станислава Щепановского далеко не все понимали значение для экономики инноваций, связанных с нефтяным бумом. Щепановского многие упрекали в том, что он «фантазёр-идеалист»¹⁴⁰⁷. Юлиан Дунаевский (1822–1907)¹⁴⁰⁸, тесно связанный с Галичиной министр финансов Австро-Венгрии (1880–1891), не захотел поддерживать Щепановского, иронически назвав нефтяные проекты «музыкой будущего» в том смысле, что они ещё не скоро приобретут реальное значение для экономики. Однако история быстро показала, что в этом не прав был Дунаевский, часто призывавший своих сторонников перейти от пафосных романтических разговоров к реальному делу. Однако, как писал Щепановский, «никто не может быть обвинён в том, что он не гений, не опередил своё время»¹⁴⁰⁹.

Сторонники модернизации считали, что нефтяной бум дал Галичине редкий шанс, которым нужно воспользоваться.

¹⁴⁰⁷ Чорновол І. Галицька каса щаднича. Про що писало «Діло» 10 лютого 1899 року / І. Чорновол. — <https://dilo.net.ua>

¹⁴⁰⁸ Родившийся в Галичине Дунаевский изучал право в Вене, Львове и Кракове. В 1855 году стал профессором юридической академии в Пресбурге, с 1860-го — профессор во Львове, а с 1861 года — в Краковском университете. С 1864 года — депутат Галицкого сейма, с 1873 года — австро-венгерского парламента, где был лидером польской фракции — партии «станчиков».

¹⁴⁰⁹ Szczepanowski S. O wpływie tanych komunikacyj na rozwój ekonomiczny kraju // S. Szczepanowski. — Lwov: Nakładem "Economisty Polskiego", 1890. — S. 24–25.

Потому что «в области экономики любое изобретение, например силы пара или электричества, имеет гораздо большее значение, чем все богатства Ротшильдов»¹⁴¹⁰.

И действительно, что бы там ни говорили консерваторы, спрос на нефть и её добыча быстро росли (как и доходы). В нефтяной бизнес потекли иностранные инвестиции, а вместе с ними, как обычно бывает, начиналось обновление и культуры производства, и многого другого — не только в экономике, но и во всём обществе. Кроме того, на смену небольшим капиталам частных банкиров (преимущественно еврейских) пришли гораздо лучше организованные крупные инвесторы. Первыми из них были в начале 1880-х «Французская компания» (Compagnie commerciale francaise) и Галицкий кредитный банк. Так закончился период господства мелких еврейских предпринимателей.

Тем временем Слобода Рунгурская стала одним из основных центров добычи нефти¹⁴¹¹, а Станислав Щепановский — героем своего времени, нефтяным королём «карпатской Калифорнии» (или Пенсильвании — кому что больше нравится). В популярных тогда романах «Нефть» и «Через силу» Игнация Мацеевского в образе главного героя легко можно узнать Щепановского.

Нефтяной бум сильно изменил привычный образ жизни. «То, что раньше и за сто лет не менялось, теперь за десять перерождается... Жизнь течёт быстро, быстро приходят перемены... если застоишься на месте, то первая волна налетит, первая перемена настанет, и свалит тебя, сойдёт с ног — тогда ты погиб... Жизнь — борьба вечная, без остановки»¹⁴¹².

Борислав. Крестьяне и нефть

Очевидцы нефтяного бума Иван Франко и Степан Ковалив в своих рассказах описали местечко Борислав, ещё один центр добычи нефти, мало похожий на Слободу Рунгурскую и предприятия Щепановского. Когда читаешь эти рассказы,

¹⁴¹⁰ Szczepanowski S. O wpływie tanych komunikacyj na rozwój ekonomiczny kraju // S. Szczepanowski. — Lwov: Nakładom "Economisty Polskiego", 1890. — S. 32.

¹⁴¹¹ В 1885 году здесь уже было 300 скважин, а годовой объём добычи достиг 75 тысяч тонн.

¹⁴¹² Франко І. Бориславські оповідання / І. Франко. — Держвидав, 1938. — С. 76.

они воспринимаются как полный треш — какая там галицкая Калифорния, один сплошной нефтяной галицкий ад, знаменитый непролазной грязью, пьянством и преступностью. «Везде обман и воровство... сколько тысяч человек уже одичало и сгнуло в самом расцвете своей жизни»¹⁴¹³. Причём за десятилетия бума в Бориславе мало что изменилось, в то время как в американских городках примерно такого же размера и судьбы (Ойл-Сити в Пенсильвании) за годы добычи нефти появились мощные улицы, кирпичные дома и школы. Даже соседний Дрогобыч стал выглядеть гораздо лучше. Борислав «был устроен не так», там большинство предпринимателей «вели свои дела по-воровскому, без порядка, стараясь выжать из работников как можно больше»¹⁴¹⁴. Тем же, кто хотел вести дела цивилизованно, как Станислав Щепановский, трудно было удержаться в Галичине.

Иван Франко и другие современники, пытаясь сделать эту систему более человеческой, заострили внимание на ужасных условиях работы на нефтяных промыслах, но это была только одна сторона промышленной революции в Галичине. Условия труда при добыче нефти были тогда тяжёлыми, однако за этот труд платили больше, чем люди могли заработать в своём селе. В мире началась эпоха бурного экономического роста, какого ещё не знала история. И он вёл к повышению качества жизни — индустриальный капитализм везде и всегда улучшал благосостояние. Пусть для простых рабочих немного, но повышал — даже если сразу это не было заметно. Ведь рост доходов и возможностей — это, пожалуй, важнейшее обещание капитализма.

Нефть нашли в Бориславе давно — ещё в 1835 году там было 30 нефтяных колодцев. Тогда это было село с восемью сотнями жителей, ставшее в 1900 году едва ли не крупнейшим центром нефтяной промышленности с населением 12,5 тысячи человек. Когда там начали массово добывать нефть и «горный воск» озокерит (из него производили парафин), крестьяне сдавали свои земельные участки в аренду, надеясь быстро разбогатеть. В большинстве случаев эти надежды не оправдались и богатства это им не принесло. «Кто

¹⁴¹³ Ковалів С. Галицька Каліфорнія / С. Ковалів. — Х.: Вид. «Рух», 1930. — С. 184–185, 158.

¹⁴¹⁴ Франко І. Борислав сміється / І. Франко // Зібрання творів. У 50 т. Т. 15. Повісті та оповідання. — К.: Наукова думка, 1978. — С. 347.

не видел своими глазами Борислав, не прожил в нём достаточно много лет, не следил внимательно за тем, что могут творить человеческая жадность и эгоизм»¹⁴¹⁵, тому трудно понять, как там жилось людям.

В 1865–1875 годы в Бориславе было 10–15 тысяч нефтяных шахт (проще говоря, колодцев) — бурение тогда только начинали применять. Некоторые имели по 20–30 владельцев — большинство приехавших сюда во время бума предпринимателей не имели капиталов, чтобы единолично арендовать на год хотя бы одну шахту. Впрочем, прибыль на вложенный капитал в то время достигала в среднем 60 % (а иногда и больше), так что все неудобства и трудности были оправданы. И это несмотря на то, что в Бориславе добыча нефти велась самыми примитивными способами (её черпали ведрами из колодцев), чтобы за счёт дешевого труда получить как можно быстрее максимальную прибыль. «А чтобы здесь построили потом какие-то фабрики, то об этом можно даже не думать»¹⁴¹⁶. О внедрении новой техники тоже не было и речи. Так Борислав стал символом беспощадной эксплуатации и бесчеловечного отношения к работникам нефтяных промыслов. «Это был старый Борислав — пиявок, стяжателей и нашей бедноты. Потом многое изменилось»¹⁴¹⁷.

Галицкие украинцы не стали лидерами в нефтяном бизнесе. Хотя определённое место в нём они заняли, оно не было значительным, достигая в лучшие времена 10 % всех нефтепромышленников — отчасти из-за того, что в самом начале бума украинские крестьяне в основном продали свои нефтеносные земли. Обогатилось же только несколько семей¹⁴¹⁸. «Из-за нашей небрежности, равнодушия и бездарности у нас нет ни одного нефтяного предприятия. Почти все лучшие нефтеносные земли, бывшие собственностью наших соотечественников, за бесценок перешли в чужие руки»¹⁴¹⁹.

¹⁴¹⁵ Ковалів С. Галицька Каліфорнія / С. Ковалів. — Х.: Вид. «Рух», 1930. — С. 184–185.

¹⁴¹⁶ Ковалів С. Галицька Каліфорнія / С. Ковалів. — Х.: Вид. «Рух», 1930. — С. 158.

¹⁴¹⁷ Лепкий Б. Казка мого життя / Б. Лепкий. — Тернопіль: Богдан, 2014. — С. 191.

¹⁴¹⁸ Терлецький М. Добування бориславської нафти в минулому / М. Терлецький // Дрогобищина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). — Нью-Йорк-Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. — С. 790–793.

¹⁴¹⁹ Инж. К. Наш національно-господарський інтерес у нафтовій промислі / Инж. К. // Діло. — 1938. — 7 травня. — С. 5.

С началом нефтяного бума пришли «чужие капиталисты и добыли миллионы»¹⁴²⁰. «Борислав... стал неисчерпаемым источником, из которого капиталисты, преимущественно еврейские, черпали миллионы. А наши крестьяне, владельцы земель, на которых нашли нефть, продавали их за бесценок предпринимателям-спекулянтам... деньги часто пропивали и становились городскими водоносами»¹⁴²¹. «Наш соотечественник, когда дорвётся до денег, удержать их не способен. Должен прогулять, растратить, пропить... Так и осталось на весь Борислав и окрестности только 3–4 украинских дома, сохранивших хоть немного своих владений»¹⁴²².

Этой, на мой взгляд, слишком жёсткой оценке тех, кто ещё помнил нефтяной бум в Бориславе, не стоит удивляться — так было во всех нефтедобывающих странах, в том числе и более богатых, чем аграрная Галичина. Да и трудно представить, что крестьяне (во всяком случае, большинство из них) стали бы сами добывать нефть на своих полях — нужен предпринимательский талант, знания и капиталы. А они есть не у всех. Получить доход от нефтяного бума, пусть не самый большой, они могли только сдавая свои земли в аренду. И крестьяне воспользовались такой возможностью. Большинство, конечно, не пропили эти деньги — они стали жить получше.

Кроме немногих «украинцев, хорошо зарабатывающих на нефти», ещё перед Первой мировой войной предпринимались «разные попытки организовать какое-нибудь украинское нефтяное предприятие. Было тогда и несколько украинских специалистов в нефтяном деле»¹⁴²³. Можно было

¹⁴²⁰ З. Л. Трускавец та українська господарка / З. Л. // Діло. — 1934. — 2 вересня. — С. 5.

¹⁴²¹ Позже крестьяне уже научились использовать ситуацию и при аренде земель на долгие годы договаривались о получении процентов «брутто» (Макух І. На народній службі. Спогади / І. Макух. — К.: Основні цінності, 2001. — С. 15).

¹⁴²² З. Л. Трускавец та українська господарка / З. Л. // Діло. — 1934. — 2 вересня. — С. 5.

¹⁴²³ Новий замах на права українського селянина // Діло. — 1927. — 4 грудня. — С. 1. Занять украинцам своё место в нефтяном промысле Борислава помогли братья Левицкие (Лепкий Б. Казка мого життя / Б. Лепкий. — Тернопіль: Богдан, 2014. — С. 191–192). Филип много лет работал инженером на нефтяных промыслах, а когда стал директором крупной немецкой нефтяной фирмы, то охотно принимал к себе на работу украинцев. А Роман Левицкий много лет был управляющим нефтяной компании и тоже помогал украинцам получить работу, а также поддерживал деньгами работавших ассистентами на нефтяных шахтах украинских студентов, чтобы они могли продолжить образование

услышать призывы «создавать большие или меньшие компании, но до войны всё заканчивалось обсуждением в газетах. А эти обсуждения не находили отклика в нашем обществе, которое не доверяло каким-то неизвестным нефтяникам»¹⁴²⁴.

В конце XIX столетия для украинцев в нефтяном бизнесе время уже было упущено — в Галичину устремились крупные иностранные компании, с которыми местные предприниматели (и украинцы, и поляки, и евреи) уже не могли конкурировать. В 1930-е годы украинцы оказались в более выгодном положении — развитие украинской бизнес-сети позволило накопить капиталы, а предпринимателям дало возможность получить необходимое образование. К тому же запасы нефти истощились, после чего крупные инвесторы ушли с рынка, и конкуренция на нём ослабела¹⁴²⁵.

В начале же добычи нефти в Бориславе из украинцев сильно обогатились войт Крисько, пришедший ему на смену Терлецкий и ещё несколько крестьян. Говорили, что эти бори-

(Левицкий М. Українці в нафтовім промислі / М. Левицкий // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). — Нью-Йорк-Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. — С. 596–598).

¹⁴²⁴ Инж. К. Наш національно-господарський інтерес у нафтовім промислі / Инж. К. // Діло. — 1938. — 5 липня. — С. 5. Ещё в 1882 году в Космаче появилось украинское нефтяное общество, основанное священником Юлианом Драгомирецким вместе с восемью украинцами-партнёрами. В 1906 году во Львове Михаил Терлецкий и Кость Левицкий основали украинское нефтяное общество, ликвидированное из-за нехватки капиталов. Осенью 1913 года в Бориславе появилась «Нафтово-промислова спілка». А в начале 1914 года в Бориславе создали нефтяное общество «Доля», но, судя по всему, история его была недолгой — вскоре началась война (Лепкий Л. Борислав / Л. Лепкий // Ілюстрована Україна. — 1914. — Ч. 3. — С. 54).

¹⁴²⁵ В 1929 году хотели создать ещё одну компанию, но учредители не собрали акционерный капитал (нехватка капиталов была постоянной проблемой для украинской бизнес-сети). Очередное нефтяное общество начало работу в 1936 году. В январе этого года в окрестностях села Михновец нашли новое месторождение нефти. Владевшие землями местные крестьяне отправили во Львов своего представителя с пожеланием основать украинскую нефтяную компанию, чтобы месторождение не захватили снова иностранцы, как это уже было в Бориславе. По инициативе директора украинского Земельного банка гипотечного Павла Кривуцкого создали организационный комитет, куда вошли Кость Левицкий, Роман Левицкий и представители различных украинских финансовых организаций. Вскоре, 14 марта 1936 года, было основано общество с ограниченной ответственностью «Украинский нефтяной промысел» с капиталом 100 тысяч злотых, который удалось собрать в тот же день (Розбудова українського промислу // Свобода. — 1936. — 16 квітня. — С. 2). Но... опять не хватило времени — в 1939 году Львов и Западную Украину захватили «советы».

славские войты хорошо наживались не только на процентах от нефтедобычи, но и скупали за бесценок земли у крестьян (вероятно, оказывая на них влияние как представители власти), чтобы потом их выгодно продать, а также помогали другим покупателям нефтеносных земель¹⁴²⁶.

Войт Терлецкий был последним из войтов-украинцев. Он не так откровенно наживался на крестьянах, как Крисько, — времена менялись и больше было контроля. Да и нравы в семье Терлецких, многие из которых получили университетское образование, были более цивилизованными во времена «Весны народов», отражая общую модернизацию общества. Семье принадлежали земли и в самом Бориславе, и в соседних Тустановичах. С войтом Терleckим связана интересная история, которую вспоминал один из потомков этого рода. Когда в Бориславе начался нефтяной бум, там появился какой-то ловкий предприниматель, своих земель не имевший, но без ведома войта хитростью получивший от старосты разрешение добывать нефть на землях крестьян. Те возмутились и пошли жаловаться войту, но когда тот обратился к старосте, то начался скандал. Но войт этого дела так не оставил и поехал в Вену, к молодому императору Францу Иосифу, только недавно занявшему престол в 1848 году. Тот очень любезно принял делегацию (особенно ему понравился войт в праздничной национальной одежде) и подтвердил, что и земля, и нефть в ней принадлежат крестьянам. Когда войт Терлецкий с победой вернулся в Борислав, старосту уже убрали¹⁴²⁷.

Михаил Терлецкий

Один из Терлецких, Михаил, — колоритная фигура, оставившая заметный след в памяти современников. Родился он в 1886 году в Бориславе. Михаил Терлецкий получил хорошее образование — закончил гимназию в Дрогобыче и Львовский университет, стал магистром фармации в 1911 году. С нача-

¹⁴²⁶ Ковалів С. (Пятка С.). Продукція нафти (скального олію) в Бориславі / С. Ковалів (С. Пятка) // Літературно-науковий вісник. — 1903. — Т. V. — С. 103, 111. Степан Ковалив опублікував цю статтю під псевдонімом «Стефан Пятка».

¹⁴²⁷ Терлецький М. Добування бориславської нафти в минулому / М. Терлецький // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). — Нью-Йорк-Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. — С. 790–791.

лом массовой добычи нефти на его землях Михаил, судя по всему, хорошо обогатился. Он купил себе дом во Львове, построенный в 1907 году, и некоторое время им владел. А незадолго до Первой мировой войны он даже приобрёл в Дрогобыче большой трёхэтажный каменный дом адвоката Генрика Розенбуша. Впрочем, Терлецкий верно почувствовал момент, когда нефтяной бум пошёл на спад, и выгодно продал свой нефтяной бизнес, купив себе львовскую аптеку с романтическим названием «Под чёрным орлом». Так он стал единственным украинцем среди львовских владельцев аптек.

Михаил владел ей с 1927 по 1939 год, и это была не просто аптека, а что-то вроде клуба, где стала встречаться украинская элита. А в его квартире, расположенной в том же доме, каждую субботу собирався весь артистический Львов — украинская богема 1930-х годов. «Во времена между двумя войнами каждый львовянин, особенно украинец, знал аптеку Терлецкого. Хотя не каждый знал владельца аптеки, человека солидного, делового, вежливого и честного»¹⁴²⁸. Эти встречи в доме Терлецкого (как и сам Михаил) надолго остались в памяти тех, кто на них бывал. «Судьба разбросала нас по всему миру. Забываем прошлое, забываем многих хороших людей, которых знали долгие годы». Так и с Михаилом Терлецким. «Скромная фигура этого трудолюбивого и честного человека была известна когда-то каждому львовянину»¹⁴²⁹.

Говорили, что Терлецкий любил играть в карты, но всё время проигрывал. Однако аптека давала неплохой доход, и он мог себе позволить такое развлечение. Однажды ему повезло — выиграл три злотых. Хотя он проигрывал гораздо больше, этот выигрыш так его воодушевил, что он позвал своих друзей в ресторан, где потратил на ужин 36 злотых, долго рассказывая гостям о всяких тонкостях карточной игры. Ещё Михаил интересовался спортом и стал одним из немногих украинцев, посетивших олимпиаду 1936 года в Германии.

Терлецкий финансировал издание газеты «Неделя» и журнала «Мистецтво», а в своём доме он предоставил помещение для редакций еженедельников «Громадський голос»

¹⁴²⁸ Лев В. Львівська богема між двох війн / В. Лев // Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252–1952. — Нью-Йорк: Червона калина, 1953. — С. 176.

¹⁴²⁹ Пачовський Р. Спогади про аптекаря Михайла Терлецкого / Р. Пачовський // Свобода. — 1967. — 12 січня. — С. 4.

и «Правда». Был он, по словам современника, «настоящим меценатом»¹⁴³⁰. Михаил собрал большую коллекцию живописи и графики (в том числе работы Михаила Бойчука, Святослава Гординского и многих других)¹⁴³¹, а также участвовал в основании «Национального музея» во Львове.

В аптеке Терлецкий создал благотворительный фонд, предоставлявший бесплатные лекарства для пациентов больницы, основанной митрополитом Андреем Шептицким. Михаил также финансировал стипендии для студентов-украинцев, учившихся во Львовском университете, и каждый год принимал на работу двух-трёх выпускников-фармацевтов.

Кому не нравятся такие истории, когда человек, разбогатев, вовремя уходит обеспеченным и начинает за свои деньги поддерживать креативный класс. Их много было, таких судеб, придававших особе очарованию эпохе, в которую они жили.

Однако, когда в 1939 году в Галичине сменилась власть, у Терleckого забрали половину дома и ему пришлось перейти на работу в другую, соседнюю, аптеку Бретлера. А сына Бретлера направили в аптеку Терleckого. Обидно, конечно, но что поделаешь... В то время готовых лекарств было мало, и аптекари многие препараты готовили сами. В аптеке, где Терleckому пришлось теперь работать в рецептурном отделе, продавали некачественные таблетки от головной боли — в их состав должна была входить гуарана, которую везли из Южной Америки, но по причине её отсутствия туда добавляли хинин, не оказывавший нужного действия. Добросовестный Терлецкий отказался продавать такие таблетки, и начальство понизило его в должности до рядового сотрудника, готовившего лекарства. Потом Терлецкий перешёл на работу фармацевтом в больницу, а когда Львов заняли немецкие войска, он смог вернуться в свою аптеку, но уже не как хозяин, а как арендатор¹⁴³². Михаил был «человеком слабого здоровья, однако проявил себя твёрдым патриотом, не покидая своего Львова до конца жизни». Так и осталась в памяти «сгорблен-

¹⁴³⁰ Лепкий Б. Казка могого життя / Б. Лепкий. — Тернопіль: Богдан, 2014. — С. 191.

¹⁴³¹ Подробнее см.: Гординський С. АНУМ (Спогади про Асоціацію незалежних українських мистецтв у Львові) / С. Гординський // Сучасність. — 1985. — № 4. — С. 56.

¹⁴³² Немцы не стали отменять советскую национализацию, поэтому Терleckому не вернули его аптеку.

ная фигура трудолюбивого львовского аптекаря... прямолинейного и честного человека, каких мало приходилось встречать»¹⁴³³.

С 1944 по 1971 год аптекой заведовала помощница Терлецкого, провизор София Гургула, и благодаря ей удалось сохранить интерьер¹⁴³⁴ — в память о Михаиле Терлецком. Сам он умер в 1966 году и похоронен во Львове на Лычаковском кладбище.

Дрогобыч

Дрогобыч, один из важнейших центров галицкого нефтяного бума, выглядел гораздо приличнее, чем Борислав. Тяжёлый труд рабочих в узких и тесных нефтяных колодцах, укрепленных ветками и готовых в любой момент обвалиться, был, конечно, и там рабским. Но в Дрогобыче была больше заметна и другая сторона, жизнь разбогатевшей на нефти элиты (таких как братья Гартенберги) и вращавшейся вокруг неё полуэлиты — может, и не миллионеров, но всё равно куривших дорогие кубинские сигары¹⁴³⁵. Сразу было видно, что благотворное влияние цивилизации коснулось и этого в прошлом неприметного местечка.

Знаменитый Моисей Гартенберг владел в Дрогобыче не только роскошным домом, а чуть ли не половиной улицы. Кроме того, ему принадлежали земельные участки, магазины и дома в других галицких городах. Два брата, Моисей и Лазарь, сыновья корчмаря из карпатского села Рыбник, начинали с малого — по слухам, Моисей возил в Борислав и Дрогобыч молоко, а старший брат Лазарь торговал дровами. Когда в центре внимания у всех оказалась нефть, братья вначале заготавливали древесину для вышек, но позже решили сами добывать озокерит и нефть.

В 1863 году они построили в Дрогобыче нефтеперерабатывающий завод «Гартенберг, Лаутербах, Вагманн и Гольдхаммер», обрабатывавший более 400 000 баррелей

¹⁴³³ Пачовський Р. Спогади про аптекаря Михайла Терлецького / Р. Пачовський // Свобода. — 1967. — 12 січня. — С. 4.

¹⁴³⁴ С 1966 года аптека-музей.

¹⁴³⁵ Подробнее см.: Schatzker V. The Jewish Oil Magnates of Galicia: Part One: The Jewish Oil Magnates: A History, 1853-1945 / V. Schatzker. — Montreal: McGill-Queen's Press, 2015.

нефти в год. А в 1883 году в Коломые начал работать новый нефтеперегонный завод «Кюнель, Гартенберг, Шрейер и компания», в который компаньоны инвестировали 60 000 гульденов. Критики (а они есть всегда и везде) заявляли, что братья малообразованны и малограмотны, но это не мешало успешному бизнесу. Если у людей есть чутьё, работоспособность и понимание рынков, они добиваются успеха и без особого образования. Так было и с Гартенбергами.

Деньги потекли рекой, и Гартенберги покупали всё новые и новые нефтеносные участки. К концу 1880-х они были в зените славы, щедро жертвуя на благотворительность. В 1889 году в Дрогобыче за их счёт открыли дом престарелых, а в 1898-м — еврейский госпиталь. Всё бы шло гладко, если бы не конфликт с ещё одним нефтяным магнатом, религиозным Израилем Либерманом (кстати, дальним родственником Гартенбергов). Поскольку Гартенберги были богаче, удачливее и не настолько фанатичны в смысле религии, они вызвали до такой степени сильную неприязнь у Либермана, что он нанял банду знаменитого тогда гопника Реда Лейбыша, чтобы поджечь вышки конкурентов. Для начала ночью подпилили деревянные опоры в одной из вышек Гартенбергов, и та упала, задавив насмерть двоих рабочих. Гартенберги не стали нанимать бандитов и сразу обратились в суд, выиграв его. В итоге Либерман потерял всё — авторитет, деньги и здоровье. А Моисей поднялся ещё выше — разъезжал по Вене в самых дорогих автомобилях, соблазнял бесчисленное количество женщин и мог запросто проиграть в карты какой-нибудь из своих домов, зная, что он потом отыграет его обратно.

Для Либермана это был не единственный подобный конфликт. Когда он стал монополистом в озокеритовой промышленности, его стиль бизнеса воплощал в себе все худшие черты нефтяного бума в Бориславе — рабочие были бесправными и беспощадно эксплуатировались. Спорные вопросы с конкурентами Либерман решал в агрессивной манере, как было в 1886 году с Ионой Кухмеркером, который захотел выйти со сферы влияния Либермана, начал искать собственных клиентов и даже переманивать их у Либермана. Тот нанял людей, которые жестоко избили Кухмеркера, после чего он попал в больницу. Дело передали в суд, а местная печать утверждала, что Либерман якобы

охраняет интересы бориславского бизнеса, а Кухмеркер — агент венских компаний, которые хотели ослабить влияние монополиста¹⁴³⁶. В итоге Либерман утратил всё — авторитет, деньги и здоровье.

С началом нефтяного бума возник спрос на земельные участки, где можно было добывать нефть. Владельцы земли быстро поняли, что на этом можно хорошо заработать, и начали вначале продавать землю, а потом всё чаще сдавать в аренду, получая процент от стоимости добытой нефти, обычно 10–20 %. Бывали, правда, и аферы, когда земли покупали за мизерную плату у наивных крестьян, а продавали гораздо дороже нефтяным компаниям. Самая грандиозная из таких историй произошла в сентябре 1912 года в Дрогобыче, где ловкие дельцы сумели купить у крестьянина из Сходницы земельный участок за 50 крон и сразу перепродать его фирме Anglo-Galicia за 400 000 крон.

Контракты об аренде нефтеносных земель, как правило, заключали на 25 лет. Хозяин земли (крестьянин или помещик) получал одноразовую выплату, а потом прибыль «брутто» от добычи нефти¹⁴³⁷. Контракты записывались в «нефтяные книги», хранившиеся в ипотечных отделах судов. Для защиты своих интересов в 1917 году в Дрогобыче «бруттовцы» создали объединение «Пидойма»¹⁴³⁸, а в 1924 году во Львове — подобное объединение УНАС («Украинский нефтяной союз»)¹⁴³⁹.

Вокруг прибыли «брутто» возникало немало правовых споров. Решение спорных вопросов требовало опыта в таких делах от судей и адвокатов. В апелляционном отделе окружного суда в Самборе работало три весьма искушённых в нефтяных делах судьи — Хиляк, Петровский и Винтер.

¹⁴³⁶ Москалец В. Конфлікти у нафтовій промисловості Галичини у ХІХ ст. як маркер економічної модернізації / В. Москалец // Вісник Харківського національного університету. Серія «Історія». — № 1134. Вип. 49. — С. 124–125.

¹⁴³⁷ Терлецький М. Добування бориславської нафти в минулому / М. Терлецький // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). — Нью-Йорк–Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. — С. 790–793.

¹⁴³⁸ Пидойма — рычаг.

¹⁴³⁹ Основная цель УНАС — «защита прав наших украинских бруттовцев», чтобы объединить «всех заинтересованных в нефтяном промысле украинцев, как предпринимателей, так и владельцев нефтеносных земель» (Брутовец. Викуп брутової нафти / Брутовец // Діло. — 1923. — 23. квітня. — С. 3–4). УНАС, как и «Пидойма», не занимался добычей нефти.

В Дрогобыче¹⁴⁴⁰ после Первой мировой войны славилась адвокатская контора хорошо знавшего нефтяные дела Владимира Ильницкого, существовавшая с 1917 по 1939 год — его называли «главным адвокатом нефтяных дел». На процентах «брутто» владельцы земли хорошо зарабатывали — и крестьяне, и помещики. Появились так называемые «бруттовцы» — владельцы земель, получавшие прибыль от добычи нефти. Именно Ильницкий стал главным инициатором учреждения общества «Пидойма»; по его же предложению создали украинское общество для поиска нефти и её эксплуатации. В 1939 году Ильницкий мог бы легко уехать в Западную Европу — он хорошо знал немецкий язык и нашёл бы себе место. Но адвокат решил остаться в Дрогобыче, рассудив, что для советской власти он не делал ничего плохого. Но его всё равно арестовали в 1940 году как человека известного и богатого. Где и как закончилась его жизнь, мне неизвестно.

Биржа в кофейне Шёнхольца

Право прибыли за аренду нефтеносных земель можно было делить на части, которые называли «уділи брутто», т. е. доли¹⁴⁴¹. «Владелец земли, получавший от нефтяной компании доли прибыли брутто, обычно не оставлял их у себя, а продавал тем, кто хотел купить. Продать их можно было в любом количестве, даже дробные части... половину одного процента или четверть... Дрогобыч был главным и очень динамичным рынком операций с брутто, а местная большая кофейня Шёнхольца (потом “Европейская”) стала неофициальной биржей, где каждый день сотни долей брутто меняли владельцев»¹⁴⁴².

¹⁴⁴⁰ Подробнее об адвокатах Дрогобыча см.: Нижанковский З. Суд і адвокати Дрогобича / З. Нижанковский // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). — Нью-Йорк-Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. — С. 567–584.

¹⁴⁴¹ В отличие от прибыли «брутто» от аренды земель, «нетто» называли тогда прибыль от самих нефтяных скважин.

¹⁴⁴² Нижанковский З. Суд і адвокати Дрогобича / З. Нижанковский // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). — Нью-Йорк-Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. — С. 570.

В этой кофейне¹⁴⁴³ образовалась крупнейшая местная биржа, и там с восьми утра толпились и заключали сделки те, кто держал в своих руках нефтяной бизнес. В основном это были евреи — часть из них в современной одежде, часть с длинными бородами, пейсами и в своих любимых чёрных шёлковых пальто с меховыми воротниками. А маклеры победнее, кто сэкономил деньги на кофе, стояли возле кофейни на улице; пальто у них были обычно потёртые и грязные. Из этой кофейни невидимые нити деловых связей тянулись и в Grand Café во Львове, и ещё дальше — на Берлинскую и Лондонскую биржи. Здесь можно было купить или продать доли прибыли «брутто», причём стоили они недорого — обычно от 10 до 50 крон в зависимости от размера доли. А это означало, что они были доступны множеству мелких и небогатых инвесторов. Говорили, что их покупали даже водовозы, официанты и повара — как лотерею. Вдруг повезёт и разбогатеет.

Когда сегодня читаешь эту историю, то понимаешь со всей очевидностью, что идея продавать доли права на прибыль была для того времени (и места) очень продвинутой — в кофейне Шёнхольца явно запахло не только кофейными зёрнами, а и деривативами (причём не простейшими, типа опционов, а гораздо более сложными). Придумать такое могли только знающие евреи из Дрогобыча, сильно вдохновившиеся началом нефтяного бума.

«Жители Дрогобыча быстро богатели... рабочие, чиновники, средний класс... тысячи людей получали прибыль от брокерства и нефтяной биржи, не имея какой-либо профессии». Жилось тогда «весело и роскошно, многие разбогатевшие семьи уехали в Вену... Возникла даже легенда, распространившаяся за пределами Дрогобыча, что золото тут лежит прямо на улицах, и нужно только уметь его найти и забрать себе»¹⁴⁴⁴.

Мечта о лёгком богатстве привлекала в те годы в Дрогобыч многих — инвесторов и финансистов, инженеров и авантюристов. Кто-то богател, кто-то разорялся и решал покончить с собой — газеты не раз писали тогда об этом. Везло ведь, как обычно, далеко не всем.

¹⁴⁴³ Кофейня, первая и самая известная в Дрогобыче, находилась на углу площади Рынок и улицы Ковальской в здании отеля (вначале он назывался Grand Hotel, потом — «Европа»). Здание отеля построили на рубеже XIX и XX века, его владельцем был тогда Мавриций Шопр.

¹⁴⁴⁴ Obumarle miasto // Chwila (Lwow). — 1927. — 18 czerwca. — S. 7.

Дрогобыч процветал. Виллы богачей виднелись повсюду, и на улицах этого галицкого местечка новейшие, самые дорогие авто («Бентли», «Мерседесы», «Паккарды» и «Аустро-Даймлеры») уверенно обгоняли деревянные телеги крестьян. Обилие свободных денег особенно ощущалось на знаменитой Стрыйской улице, где строились новые и новые особняки и многоквартирные дома в венском стиле. «Улицей Крокодилов» назвал её Бруно Шульц, иронично смотревший на плоды нефтяного бума. «Это был торгово-промышленный район с недвусмысленным стремлением к намеренной утилитарности. Дух времени, механизм экономики не пощадили и нашего города, пустив алчные корни на клочке его окрестностей», где и появился этот «паразитирующий квартал». Если в старой части города «ещё господствовала ночная уютная торговля», то в новом квартале расцвели «безоглядные формы коммерциализма. Псевдоамериканизм, пересаженный на старосветскую трухлявую почву города, взметнулся пышной, но пустой и тусклой расхожей вегетацией убогой базарной претенциозности»¹⁴⁴⁵. В общем, не любил капитализм родившийся в Дрогобыче в 1892 году еврейский мальчик Бруно, будущий писатель¹⁴⁴⁶. Наверное, потому что сам был от него очень далёк.

Крах нефтяного короля

Лихорадочное стремление к быстрому обогащению ослепляло. «Эта постоянная лихорадка и есть жизнь... Наши мысли, чувства, желания, надежды, страсти — там, в тысяче футов под землёй». Ради шанса заработать миллионы люди и «живут в глуши, среди паровозов, хруста земли от ударов бура, грязи от разлитой нефти, дыма и грохота паровых машин»¹⁴⁴⁷, — говорит герой повести «Нефть» Игнатия Маце-

¹⁴⁴⁵ Шульц Б. Коричные лавки / Б. Шульц. — М.: Гешарим, 1993. — С. 62.

¹⁴⁴⁶ Жизнь Бруно Шульца закончилась драматически — 19 ноября 1942 года его застрелил на улице Дрогобыча один из гестаповцев, устроивших облаву на евреев и убивавших всех подряд.

¹⁴⁴⁷ Sewer. Nafta. T. 1. / Sewer. — Warszawa: Kurjer Warszawski, 1894. — S. 16. Игнатий Мацевский (1835–1901) со знанием дела описывал все технические достижения своего времени — железные дороги, паровые двигатели, телеграф, а также канадские буровые установки. Так же подробно, с журналистской точностью он рассказывал и о добыче нефти.

евского, писавшего под псевдонимом «Север». Этот герой, аристократ, оставивший венские и краковские салоны ради возможности быстро разбогатеть, он (подобно своему прототипу Станиславу Щепановскому) приехал в Прикарпатье, чтобы заняться нефтяным бизнесом.

Среди тех, кто работал на нефтяных месторождениях, 50% составляли украинцы, 30% — евреи, 20% — поляки. Это был тот галицкий этнический треугольник, где шла постоянная конкурентная борьба трёх наций, между которыми исторически сложились сложные и запутанные отношения. По словам Моше Росмана, «и поляки, и евреи считали членов другой партии... совершенно «иными». Их во всём подозревали, боялись или, что ещё хуже, демонизировали»¹⁴⁴⁸. С таким же недоверием относились к полякам и евреям украинцы. Недоверие и настороженное отношение приводило к тому, что долгое время совместный бизнес между представителями полюсов «галицкого треугольника» был практически невозможен. А во время нефтяного бума им, пожалуй, впервые довелось вместе заниматься одним делом. Правда, украинцам больше в роли рабочих, а не предпринимателей. Иногда в противостоянии между тремя народами видят причину экономической отсталости Галичины¹⁴⁴⁹. Отчасти и это сыграло свою роль.

Мелкие предприятия, где нефть перерабатывали уже не кустарными методами (как во времена Игнатия Лукаевича), сменились нефтеперерабатывающими заводами («дистиллярными») с принятыми в мире технологиями. Особенно прославились крупные нефтепромышленники Ян Митис и горный инженер Иозеф Геккер¹⁴⁵⁰. А одно из самых больших нефтеперерабатывающих предприятий в Печенежине принадлежало Станиславу Щепановскому.

По его инициативе в 1886 году создали финансовый консорциум для постройки ответвления железной дороги от Коломыи к нефтяным месторождениям¹⁴⁵¹. Дело пошло быстро,

¹⁴⁴⁸ Rosman M. Jak pisać historie żydowską? / M. Rosman. — Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. — S. 121.

¹⁴⁴⁹ Antosik-Piela M. Galicyjski trojkat etniczny w polskiej prozie naftowej / M. Antosik-Piela // Ruch literacki. — 2016. — T. VII. № 4 (337). — S. 443.

¹⁴⁵⁰ Подробнее о Геккере см.: Waciega S. Galicyjski pionierzy przemysłu naftowego w II połowie XIX wieku / S. Waciega // Małopolska. — 2016. — XVIII. — S. 132–133.

¹⁴⁵¹ Финансировала проект венская компания M. Biederman & Co, а строительство вела фирма Lindheim & Co из Вены.

и в этом же году дорогу закончили. Проблема транспортировки нефти тогда стояла очень остро — из-за неразвитости инфраструктуры Галичины добытую нефть и продукты её перегонки было сложно перевозить к основным морским портам Австро-Венгрии — Триесту и Пуле, которые находились достаточно далеко от места добычи. Стоимость транспортировки тоже получалась высокой — при себестоимости нефти 2,5 кроны за кубометр на месте добычи после доставки в Вену её себестоимость повышалась более чем в два раза, до 5,6 кроны. А это заметно снижало рентабельность нефтяного бизнеса¹⁴⁵².

Однако даже у «нефтяного короля» Щепановского не всё шло гладко, несмотря на щедрое финансирование. Когда в 1886 году Станислава избрали депутатом австро-венгерского парламента, оказалось, что он не мог им стать, так как имел британский паспорт. Конкуренты раздули из этого целый скандал — «иностранец захватывает нефтяные месторождения», ну и остальное в таком же духе. Щепановский от британского гражданства отказался, приняв австро-венгерское, однако его сместили со всех должностей и лишили права быть совладельцем бизнеса, так что всё пришлось начинать практически с нуля.

Станислав не сдавался. В 1887 году он купил несколько других нефтяных месторождений и учредил новую компанию — Галицкое акционерное общество нефтяной промышленности. Щепановский как предприниматель был, конечно, романтиком — он ведь не просто хотел заработать любой ценой на нефти (как выжимавшие все соки из рабочих бориславские дельцы), а мечтал вывести Галичину из экономической отсталости. Он не только писал об этом в своей книге о бедности Галичины, но и делал реальные шаги — строил на своих месторождениях жильё и магазины для рабочих, а также открывал для них клубы, где выступал с лекциями.

¹⁴⁵² Поэтому в январе 1908 г. был поднят вопрос о снижении тарифов на государственных дорогах (в частности на Северной железной дороге) на 1,17 кроны за кубометр (*Austria-Hungary // The Economist*. — 1908. — Jan. 25, — № 3361. — P. 170–171). В Галичине была установлена низкая пошлина на вывоз сырой нефти и высокая — на нефтепродукты. Это стимулировало добычу нефти, но тормозило её переработку на месте. В 1905 году на нефтеперерабатывающие заводы Галичины поступало лишь 30 % добытой нефти, остальное вывозилось (*Історія України. Новітня доба* [За ред. акад. В. М. Литвина]. — К.: Академвидав, 2012. — С. 51).

Однако в какой-то момент удача отвернулась от Щепановского — он вложил взятые в долг деньги в несколько земельных участков, рассчитывая на богатые месторождения, но нефти там не оказалось. А долги нужно было отдавать. Пришлось срочно продавать Англо-Австрийскому банку за миллион ринских злотых (2 млн крон) самое богатое месторождение в Сходнице, но всё равно он не смог вернуть Францишеку Зиме кредит в два млн ринских злотых (4 млн крон).

В итоге история «галицкого Рокфеллера» Щепановского закончилась совсем не так, как можно было бы предполагать. А грандиозный финансовый скандал обесценил все разговоры про процветающую «карпатскую Калифорнию» и «галицкую Пенсильванию». Слухи о том, что у Щепановского проблемы и он из-за убытков не может вернуть долги, быстро распространились. «О его состоянии никто достоверно ничего не знал; одни говорили, что у него миллионы, а другие — что одни только долги»¹⁴⁵³.

Зимним днём 19 января 1899 года многочисленные вкладчики Галицкой сберегательной кассы бросились забирать деньги — паника охватила весь город. Касса, уже полвека безупречно работавшая в красивом респектабельном здании в венском стиле на Гетманских валах, считалась надёжным финансовым учреждением, услугами которого пользовались многие. И вдруг она оказалась на грани банкротства из-за крупных кредитов, выданных «нефтяному королю». Толпа вкладчиков осаждала здание кассы, потом прибыла полиция и арестовала директора, Францишека Зиму — давнего друга Щепановского, снабжавшего его капиталами.

Аудит показал, что финансовые дела в сберегательной кассе обстояли, мягко говоря, не лучшим образом. Причём речь шла не только о кредитах Щепановскому. Пожилой банкир выписал себе из Вены любовницу, Марию Стефанию Фурман, и тратил деньги на её содержание из капиталов кассы. Нашлись и другие злоупотребления. Щепановского, Зиму, Марию Фурман и двух работников сберегательной кассы арестовали, после чего началось расследование¹⁴⁵⁴.

¹⁴⁵³ Чорновол І. Галицька каса щаднича. Про що писало «Діло» 10 лютого 1899 року / І. Чорновол. — <https://dilo.net.ua>

¹⁴⁵⁴ Подробнее см.: Akt oskarzenia w sprawie... Galic. Kasie oszczednosti // Dziennik Polski. — 1899. — 10. II. (273) — S. 3–6.

Оказалось, что Францишек Зима, чтобы выдавать по дружбе кредиты «нефтяному королю», открыл фиктивные счета в общей сложности на пять миллионов гульденов. Скандал раздували и мелкие банки, хотевшие обвалить такого крупного конкурента, как Галицкая сберегательная касса, и нефтяные соперники, давно мечтавшие избавиться от Щепановского. Закончилось дело тем, что 72-летний Зима умер в тюрьме, так и не дождавшись суда, — сердце не выдержало. Газеты упоминали о слухах, что он якобы отравился, а может, даже его отравили¹⁴⁵⁵.

А Щепановскому (хотя суд признал его ни в чём не виновным) пришлось уйти из нефтяного бизнеса и продать конкурентам за полцены свои месторождения. Он остался ни с чем и вскоре умер в 1900-м. Было ему тогда всего 54 года.

Волна акционерного учредительства

Всего за время нефтяного бума в Галичине учредили более трёх сотен акционерных обществ, связанных с этой отраслью¹⁴⁵⁶. Из них крупнейшие 15 компаний обеспечивали три четверти добычи нефти — основным из них было «Галицко-Карпатское общество» с капиталом 16 млн крон, компании «Сходница» с капиталом 10 млн крон и «Галичина» с капиталом 6 млн крон¹⁴⁵⁷. Нефтедобывающие предприятия росли как грибы, множество раз меняли владельцев, а потом исчезали так же быстро, как появились, или же поглощались более крупными нефтяными компаниями.

¹⁴⁵⁵ Przegląd // Naprzód (Krakow). — 1899. — 10. VIII. — S. 1.

¹⁴⁵⁶ Затем в результате концентрации производства и слияния более мелких компаний их количество сократилось с 344 в 1907 г. до 254 в 1910 г. (Економічна історія України. Історико-економічні дослідження. В 2 т. — К.: Ніка-Центр, 2011. — Т. 2. — С. 26).

¹⁴⁵⁷ А также «Акционерное товарищество нефтяной промышленности», «Ст. Фрейнд и Ко» и др. (Хонігсман Я. С. Проникнення іноземного капіталу в економіку Західної України в епоху імперіалізму (до 1918 р.) / Я. С. Хонігсман. — Л.: Вид-во Львів. університету, 1971. — С. 52–53). Большинство из этих нефтедобывающих компаний были небольшими и принадлежали евреям, из которых 16 % имели дипломы инженеров либо иное образование (Pammer M. Jüdische Vermögen in Wien 1938 / M. Pammer. — Wien: Oldenbourg, 2003. — S. 58–62. Подробнее см.: Landau S. R. Unter jüdischen Proletariern. Reiseschilderungen aus Ostgalizien und Russland / S. R. Landau. — L.: Wien: Rosner, 1898. — 68 s.; Schatzker V. The Jewish Oil Magnates of Galicia: Part One: The Jewish Oil Magnates: A History, 1853–1945 / V. Schatzker. — Montreal: McGill-Queen's Press, 2015. — 522 p.).

Обычно тот, кто предприимчивее, покупал или брал в аренду нефтеносный участок земли, создавал общество и становился председателем правления. Потом продавал (или сдавал в аренду) участок учреждаемому им же обществу за немалую сумму. А затем получал хорошие проценты (брутто) от прибыли за добытую нефть, оформляя их на жену или других родственников (обычно они становились членами правления). По завышенной цене проводил бурение (как и другие работы), отчитываясь разве что перед самим собой; выписывал себе премии и оплачивал личные счета из бюджета общества. В мелких нефтяных предприятиях такое было очень часто. Выжав таким образом из общества всё что возможно, владелец контрольного пакета акций продавал по выгодной цене свой пакет компании с иностранным капиталом.

Иностранные инвесторы часто не создавали новых компаний, вкладывая капиталы в модернизацию уже существующих, но не очень прибыльных предприятий. Их они приобретали у местных владельцев. А те, в свою очередь, часто покупали акции крупных нефтяных компаний на деньги, полученные от продажи своих мелких нефтяных предприятий и нефтеносных земельных участков.

Большинство крупных нефтяных компаний создавались за счёт иностранных инвестиций — «в крупных предприятиях... господствует у нас иностранный капитал»¹⁴⁵⁸. Иностранцы приносили новые методы добычи нефти, новые требования к культуре производства, и благодаря им галицкую нефть экспортировали в разные страны. Инвесторов привлекала возможность получить высокие доходы. Прибыль от инвестиций в конце XIX века обычно составляла здесь 10–12 % (в Западной Европе она не превышала тогда 3–4 %). Такая высокая прибыльность достигалась за счёт низкой оплаты труда, а также интенсивной разработки месторождений для получения максимального дохода за короткое время. Поэтому некоторые галицкие акционерные нефтяные компании выплачивали дивиденды 25–27 %¹⁴⁵⁹.

Общий финансовый кризис 1899–1902 годов затормозил приток иностранных инвестиций в нефтяные компании Гали-

¹⁴⁵⁸ Szczpanski A. Stan wytworczosci przemyslowej i gorniczej Galicji w roku 1910 / A. Szczpanski. — Lwow, 1912. — S. 187.

¹⁴⁵⁹ Rymar L. Galicyjski przemysl naftowy / L. Rymar. — Krakow, 1915. — S. 118.

чины, хотя и не надолго¹⁴⁶⁰. После окончания кризиса нефтяной бум разгорелся с новой силой, и добыча галицкой нефти стала действительно массовой. Её контролировали крупные акционерные компании с иностранными капиталами.

Вначале в нефтяной промышленности Галичины преобладал австрийский капитал, что и понятно. Когда во второй половине XIX века в мире начались процессы экспорта капитала, Австро-Венгерская империя (не имевшая внешних колоний) могла вкладывать накопленные финансовые ресурсы только в свои периферические регионы, в том числе в Галичину. Среди крупнейших австрийских инвесторов лидировал венский банк *Credit Anstalt*¹⁴⁶¹.

В то же время всё большее влияние стал приобретать германский капитал (в частности немецкая компания *Deutsche Erdoel AG*)¹⁴⁶² — выгоду инвестиций в добычу нефти уже поняли многие¹⁴⁶³. А в начале XX века в Галичину потекли французские капиталы (компания *Societe Anonyme de*

¹⁴⁶⁰ Кризис вызвал значительное сокращение строительства (в этой отрасли работало почти 50 % городской рабочей силы). А в нефтяной промышленности (где объём добычи нефти продолжал расти и в годы кризиса) спрос на нефть значительно снизился, соответственно упали и цены на неё — с 6 крон в 1900 г. до 5,6 кроны — в 1901-м, 2,8 кроны — в 1902 г. и 2,5 кроны — в 1903 г. (Нестеренко О. О. Розвиток промисловості на Україні. У 3 ч. Ч. 2. Фабрично-заводське виробництво / О. О. Нестеренко. — К.: Вид-во АН УРСР, 1962. — С. 323).

¹⁴⁶¹ Одним из каналов поступления австрийских инвестиций в Галичину стал Промышленный банк во Львове, учреждённый в 1910 году для предоставления долгосрочных кредитов предприятиям.

¹⁴⁶² В 1863 г. основали «Галицко-Гамбургское акционерное общество», а к концу XIX века в Галичине существовало шесть акционерных компаний со смешанными австро-немецкими инвестициями (их суммарный капитал достигал 24 млн крон). Крупнейшими стали «Галицко-Карпатское акционерное нефтяное общество Мак Гарвела и Бергхайма» и «Австрийское акционерное общество нефтяной промышленности».

¹⁴⁶³ Инвестировали свои капиталы в Галичине и крупные чешские банки — «Банк купеческий для Чехии и Моравии» (*Bank Kupaiecki dla Czech i Moraw*) из Праги и «Правский кредитный банк» (*Praski Bank Kredytowy*). «Банк купеческий...» вкладывал капиталы в различные нефтедобывающие предприятия Галичины и стал учредителем «Галицкого горнодобывающего акционерного общества» во Львове (*Galicyskie Gornicze Towarzystwo Akcyjne*). Банк также вложил 700 тыс. ринских злотых в «Галицкое акционерное общество сахарной промышленности» (*Galicyska Spolka Akcyjna Przemyslu Cukrowniczego*). Предоставляли чешские банки и муниципальные кредиты городам Галичины, а чешский сберегательный банк *Sporobank* создал сеть своих филиалов (*Bronski K. Rozwoj galicyjskiego systemu bankowego w latach 1841–1914 (zarys problematyki) / K. Bronski // Akademia Ekonomiczna w Krakowie. Zeszyty Naukowe. — 2007. — № 749. — S. 75–91*).

Limanowa), английские (Premier Oil and Pipeline Co., Ltd.)¹⁴⁶⁴ и американские (Socony-Vacuum Oil Company).

В те годы американские компании считались признанными лидерами в добыче нефти. В Галичине американский капитал появился с 1875 года, когда на местных нефтяных предприятиях стали использовать импортированную из США технику. В 1898 году начал работу галицкий филиал американского концерна Socony-Vacuum Oil Company, одной из крупнейших тогда нефтяных компаний (предшественника современной ExxonMobil). А 29 мая 1909 года в Гамбурге был подписан договор между нефтяными компаниями Галичины и ещё одним мировым лидером в нефтяной отрасли — американской компанией Standard Oil, получившей право на разработку галицких нефтяных месторождений. После этого в Галичину даже прибыл собственной персоной «нефтяной король» Джон Рокфеллер.

Пресса писала, что по причине «убийственной американской конкуренции в нефтяном промысле» австрийское правительство «намеревается ввести нефтяную монополию», и все резервуары нефти и трубопроводы «покупает у частных владельцев казна»¹⁴⁶⁵.

В конце XIX — начале XX века конкуренция между нефтяными компаниями всё больше обострялась¹⁴⁶⁶. В то время иностранный капитал в нефтяных компаниях часто был смешанным — в одно из крупнейших нефтедобывающих обществ «Галичина» вложили немецкие, английские, польские и другие инвестиции, а капитал компании вырос с 6 млн крон в 1904 году до 20,5 млн в 1918-м¹⁴⁶⁷.

¹⁴⁶⁴ Так, в 1911 г. английским компаниям принадлежала в Бориславе 71 скважина из 363, они давали 25 % добычи нефти (Економічна історія України. Історико-економічні дослідження. В 2 т. — К.: Ніка-Центр, 2011. — Т. 2. — С. 27).

¹⁴⁶⁵ Нефтяная монополия в Австрии // Коммерсант. — 1910. — № 208. — 12 апр. — С. 2.

¹⁴⁶⁶ В 1892 г. был создан картель австрийских владельцев нефтеперерабатывающих заводов, а в 1903-м при поддержке венского банка Credit Anstalt возник синдикат Petrolea, объединивший основные нефтедобывающие компании. В 1907 г. во время кризиса перепроизводства и падения цен на нефть синдикат распался, и вместо него был создан картель «Краевой союз нефтедобытчиков», объединивший 75 % всех нефтедобывающих компаний и контролировавшийся английской компанией Premier Oil and Pipeline Co., Ltd. А с 1912 г. начал работу немецко-английский концерн, контролировавший 30 % всей добычи нефти и владевший четырьмя из семи нефтеперерабатывающих заводов.

¹⁴⁶⁷ История Украинской ССР. В 2 т. Т. 1. — К.: АН УССР, 1956. — С. 769.

В 1913 г. общий объём инвестиций в нефтедобывающую промышленность Галичины достиг 310 млн крон¹⁴⁶⁸. Росли и объёмы добычи нефти — с 300–330 тысяч тонн в 1896–1900 гг. до рекордных 2,1 млн тонн в 1909 году (5,2 % мирового объёма)¹⁴⁶⁹. В США тогда добывали 63 %, в районе Баку — 22 %¹⁴⁷⁰. Так что не будем переоценивать значение галицкой нефти на мировом рынке. Да и запасы её оказались не очень большими и быстро исчерпались — добыча стала снижаться с 1910 года и перед началом Первой мировой войны упала в два раза и составляла всего миллион тонн¹⁴⁷¹.

Однако для самой Галичины нефтяной бум значил многое. И участие в новом, быстро растущем глобальном рынке нефтепродуктов, и потоки иностранных капиталов (которые всегда и везде оживляли не только экономику, но и повседневную жизнь), и шанс на технологические инновации. Впрочем, с последним было не всё благополучно.

Даже во время наибольшего нефтяного бума индустриализация (кроме разве что самих нефтедобывающих компаний) слабо затронула Галичину. В отличие от Центральной Украины (где быстро развивалось производство сахара), и особенно юго-восточного индустриального региона с его угледобывающей и металлургической промышленностью. А разветвлённая к началу XX века железнодорожная сеть связала эти промышленные центры с черноморскими портами. Галичине для такой индустриализации не хватило времени — нефтяной бум прервался с началом Первой мировой войны. После её окончания Австро-Венгрия распалась, а Галичина стала частью Польши, экономические возможности которой были значительно меньше.

В сущности, недолгий период экономического подъёма во время нефтяного бума сменился застоём ещё до начала войны. А во время Первой мировой войны отступающие рос-

¹⁴⁶⁸ Местный галицкий капитал составлял всего 19 %, остальное — иностранные инвесторы (30 % — австрийский капитал, 20 % — английский, по 12–15 % — немецкий и французский, по 2 % — американский и бельгийский) (Історія народного господарства Української РСР. У 3 т. Т. 1. — К.: Наукова думка, 1983. — С. 421).

¹⁴⁶⁹ Amalgamation of Galician Pipe Line interests // The Times. Finance, Commerce & Shipping. — 1911. — 18 march. — P. 1. Col. 4.

¹⁴⁷⁰ Puchowicz A. With oil through generations / A. Puchowicz. — Plock, 2006. — S. 39.

¹⁴⁷¹ Історія народного господарства Української РСР. У 3 т. Т. 1. — К.: Наукова думка, 1983. — С. 421.

сийские войска взорвали и подожгли нефтяные скважины, после чего нефтяная промышленность в Галичине оказалась полностью разрушена. После окончания войны восстанавливать всё это стало экономически невыгодно — к тому времени в мире открыли более богатые месторождения, а небольшие и сильно истощённые за годы бума запасы галицкой нефти утратили значение. В 1925 году в Галичине добывали всего полпроцента мирового объёма¹⁴⁷². Но в памяти современников нефтяной бум остался, конечно, надолго. Думаю, что и сама галицкая экономика после нефтяного бума стала другой, более динамичной. Так что влияние той волны глобализации на рубеже XIX и XX веков не прошло для Галичины бесследно.

«Как мог регион, настолько богатый природными ресурсами, остаться таким бедным»?¹⁴⁷³. И почему же так ничего и не вышло из мечты о «галицкой Калифорнии»? Галичина не настолько была богата нефтью (хотя первоначально нефтяные месторождения действительно казались неисчерпаемым богатством). Да и 5 % мировой добычи — это всего лишь пять процентов. Даже не 25. К тому же в Америке нефтяная промышленность бурно развивалась в мире индивидуализма и свободного предпринимательства, но с чёткими правилами поведения на рынке. В Галичине она пыталась выжить в очень консервативном обществе, пронизанном феодально-аграрной психологией. Кроме того, здесь постоянно ощущалась нехватка капитала, в то время как американские инвесторы вливали в нефтяную промышленность огромные деньги. А главная причина в том, что сырьевая экономика сама по себе не гарантирует процветания. Сравним богатые нефтью Венесуэлу и Штаты, и сразу станет понятно, что не в нефти дело. Чтобы разорвать порочный круг бедности и неразвитости, необходимо изменить структуру экономики, перейти от добычи сырья к промышленности и сфере услуг. Такое вполне могло быть и в Галичине — но при другом стечении исторических обстоятельств.

¹⁴⁷² В то время в добыче нефти лидировали США — 72,1 %, затем шли Мексика (10,1 %), Советский Союз (5 %), Персия (3,1 %) и другие страны. Галичина была лишь на 10-м месте — 0,54 % мировой добычи нефти (Frank A. F. Oil Empire. Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. — P. 188–189).

¹⁴⁷³ Frank A. F. Oil Empire. Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. — P. 47.

Глава 4.

УКРАИНСКАЯ БИЗНЕС-СЕТЬ

Средний класс и бизнес-сеть

Долгое время среди украинцев Галичины мало было людей с высокими доходами, как и тех, кто занимался хотя бы мелким бизнесом, не говоря уже о крупном. Основная часть украинского населения ограничивалась крестьянским хозяйством, при этом имея слишком мало земли, чтобы материально себя обеспечить. А интеллигенция при отсутствии промышленности долго предпочитала стабильность государственной службы, получая там небольшой, но надёжный доход, вместо того чтобы обеспечивать себя за счёт «собственной инициативы и риска»¹⁴⁷⁴. Такая консервативная инертность касалась даже того, как распорядиться собственными сбережениями. «Наши граждане до [Первой] мировой войны предпочитали вкладывать свои сбережения под проценты в банки и кассы, вместо того чтобы идти на риск»¹⁴⁷⁵.

Однако стремление к повышению уровня жизни и доходов естественно для всех. Возможности для этого появились во второй половине XIX века. Деньги из города стали больше проникать в сельскую местность. Общий рост городско-

¹⁴⁷⁴ Грушевський М. Світлотіні галицького життя. Михайло Яцків. «Танець тіней» / М. Грушевський // Твори у 50 т. Т. 11. — Львів: «Світ», 2008. — С. 199–212.

¹⁴⁷⁵ Инж. К. Наш національно-господарський інтерес у нафтовім промислі / Инж. К. // Діло. — 1938. — 7 травня. — С. 5.

го населения привёл к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию, а снижение транспортных расходов повысило прибыльность сельского хозяйства — такой же основы галицкой экономики, как и деньги от добычи нефти. В 1870-е годы накопление богатства шло полным ходом, и за несколько десятилетий перед Первой мировой войной, во времена *belle époque*, условия жизни сильно изменились не только в развитых странах Европы, но и в Галичине.

Так возникли благоприятные экономические условия для создания украинской бизнес-сети. Главными из них стали формирование среднего класса и накопление его сбережений, что привело к созданию системы мелких кредитных организаций. Чтобы украинские кредитно-финансовые организации Галичины могли полноценно функционировать, необходимо было перейти от аграрного консервативного романтизма к прагматичной реалистичности среднего класса, этого продукта урбанизации. А средний класс в 1890-е годы уже вполне сформировался в городах как самостоятельная социальная и экономическая группа¹⁴⁷⁶. Его верхнюю прослойку представляли профессора, юристы, журналисты, чиновники, предприниматели, священники. В нижний слой входили владельцы магазинов, ремесленники, преподаватели школ и гимназий. Самой активной частью украинского среднего класса были политики, юристы и священники, а наиболее многочисленной — зажиточные крестьяне.

«Когда я думаю о прошлом и вспоминаю те дни, возникают передо мной как живые все... люди идеального патриотизма, чистого как хрусталь характера, полные самоотверженности... священники, адвокаты, врачи, судьи, учителя, управляющие наших банков... кооперативов, исполненные достоинства мещане и крестьяне»¹⁴⁷⁷. Эти слова написал Лонгин Цегельский, государственный секретарь (министр иностранных дел) недолго существовавшей Западноукраинской народной республики. Основой этой сети был аграрный сектор галицкой экономики, а состояла она в основном из

¹⁴⁷⁶ Показательным стало увеличение количества людей, занятых в сервисном секторе экономики, с 8 % в 1890 году до 14 % в 1900-м (Kaps K. *Ungleiche entwicklung in Zentraleuropa. Galizien zwischen überregionaler Verflechtung und imperialer Politik (1772–1914)* / K. Kaps. — Wien: Bohlaus Verlag, 2015. — S. 423).

¹⁴⁷⁷ Цегельский Л. Від легенд до правди / Л. Цегельский. — Нью-Йорк: Булава, 1960. — С. 87.

разветвлённой системы кредитно-финансовых кооперативов и союзов.

Всякая национальная бизнес-сеть основана на простой и понятной идее взаимной поддержки между предпринимателями одной национальности, выстраивающими целую систему деловых и личных связей (чаще всего неформальных, родственных и дружеских). Смысл создания таких сетей состоял не в том, чтобы полякам, евреям или украинцам вести бизнес только в своём изолированном замкнутом кругу, а чтобы помогать своим членам развивать бизнес. Национальные бизнес-сети взаимодействовали друг с другом — покупали и продавали товары, брали выгодные кредиты, давали их или даже вкладывали капиталы в предприятия другой бизнес-сети.

Такие сети были на протяжении веков всегда и везде, самые известные примеры — армяне, евреи, греки, расселявшиеся по многим странам и городам. В многонациональной Габсбургской монархии раньше всего появились еврейская и армянская бизнес-сети, традиционно контролировавшие кредитно-финансовые услуги, но эти сети были транснациональными, а не специфическими для Австро-Венгрии. С конца XVIII века влияние приобрели австрийская, венгерская, чешская и польская бизнес-сети, создавшие свои банки с разветвлёнными системами филиалов. «Национальные группы стали отделяться друг от друга, как масло от воды». Ведь, несмотря «на тесное экономическое переплетение», эти группы «в культурном смысле сильно отличаются друг от друга»¹⁴⁷⁸.

Украинская сеть оказалась самой молодой. Русинам-украинцам труднее было отстаивать свои экономические интересы, чем австрийцам или полякам. Поэтому такой важной становилась задача создавать украинские банки и небанковские организации, чтобы предприниматели не сталкивались с дискриминацией по национальному признаку. Потребность в защите своих прав и экономических интересов — главная причина формирования украинской бизнес-сети.

¹⁴⁷⁸ Ландман З. Моя Галичина. Край за Карпатами / З. Ландман. — Чернівці: Книги — XXI, 2019. — С. 54. Детство этой швейцарской писательницы (1911–2002) прошло в Галичине, которой посвящены её воспоминания.

Главными конкурентами для украинцев были поляки. Польская бизнес-сеть возникла позже, чем австрийская, венгерская и чешская, но раньше украинской, и успела основательно распространиться в Галичине. Среди поляков хватало успешных предпринимателей. В то же время, чем больше поднимался и богател галицкий крестьянин, тем больше «падала материально галицко-польская шляхта» вследствие растущих долгов и неумения вести более скромную жизнь. «Наша польская шляхта отжила свой век» и, «несмотря на то, что при выкупе пропинации она получила... 63 млн гульденов», продуктивно использовать эти капиталы она не смогла. Так польская шляхта «теряла под собой почву, распродавая свои имения»¹⁴⁷⁹.

Зарождающаяся украинская и доминирующая польская бизнес-сети Галичины были в конкурентных, а временами и в конфликтных отношениях. «Мы с детства вырастали в атмосфере борьбы двух народов... моё поколение пережило все возможные формы этой борьбы», трагизм которой состоял в том, что это была борьба между «братскими народами»¹⁴⁸⁰.

Ещё в 1870-е годы большинство украинцев занимались сельским хозяйством, а в городах — простым неквалифицированным трудом. Украинского врача или адвоката тогда вряд ли можно было найти. «Поляки, евреи, украинцы раньше принадлежали к разным социальным группам». Потом баланс начал изменяться, и в начале XX века «по всей стране становилось всё больше польских и украинских врачей, юристов и коммерсантов»¹⁴⁸¹.

Для создания всякой бизнес-сети необходимы источники финансовых ресурсов. Однако наместник Галичины граф Анджей Потоцкий не поддерживал создания украинских банков и даже более мелких небанковских финансовых организаций. Когда Кость Левицкий, один из инициаторов создания таких организаций, неоднократно просил у Потоцкого разрешение на открытие украинских сберегательных касс,

¹⁴⁷⁹ Свистун Ф. И. В память 60-летней годовщины вступления на престол императора Франца Иосифа / Ф. И. Свистун. — Л.: Тип. Ставропигийского института, 1908. — С. 55.

¹⁴⁸⁰ Демкович-Добрянський М. Українсько-польські стосунки у XIX сторіччі / М. Демкович-Добрянський. — Мюнхен: Український вільний університет, 1969. — С. 7.

¹⁴⁸¹ Ландман З. Моя Галичина. Край за Карпатами / З. Ландман. — Чернівці: Книги — XXI, 2019. — С. 54.

тот отвечал отказом, даже не считая нужным объяснять причины¹⁴⁸².

А причины были тогда очевидны для всех — фактическое экономическое (да и не только) неравноправие украинцев и поляков. Административные посты занимали в подавляющем большинстве польские чиновники. Во Львове «немногочисленное украинское население, жившее в городе, пряталось где-то по углам»¹⁴⁸³. Украинцам было сложно попасть на любые должности, не говоря уже о руководящих¹⁴⁸⁴. Так что неслучайно в конце XIX века во Львове украинцы жили в своём кругу, «не принимая никакого участия в жизни польского большинства населения»¹⁴⁸⁵. Однако всё это не остановило, а скорее стимулировало создание украинской бизнес-сети, когда возникло сочетание подходящих условий.

Кооперативное движение вместе с деятельностью общества «Просвита» (имевшего обширную сеть филиалов) ускорили формирование национальной идентичности среднего класса, искавшего собственные источники финансирования. Так история создания украинской бизнес-сети Галичины оказалась тесно связанной с национальным движением. Появились люди, «которые хорошо понимали, что национальное возрождение без экономических основ не может быть завершено»¹⁴⁸⁶.

Среди организаторов и национального движения, и украинской бизнес-сети можно видеть немало деятелей

¹⁴⁸² Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914 / К. Левицкий. — Л. [накладом автора], 1926. — С. 442–443.

¹⁴⁸³ Олесницький Є. Сторінки з мого життя. У 2 ч. Ч. 1. / Є. Олесницький. — Львів: Діло, 1935. — С. 127. «На всё Подолье не было тогда ни одного русина адвоката или врача» (Там же, с. 25).

¹⁴⁸⁴ Поляки составляли 16 % населения Австро-Венгрии, украинцы не намного меньше — 13 %. Но они имели право посылать в австрийский парламент (рейхсрат) всего лишь трёх депутатов, а поляки — 57. В Вене в министерстве финансов на руководящих постах в начале XX века из Галичины был 21 поляк, но только один украинец; в министерстве внутренних дел — восемь поляков и один украинец. В местных органах власти Галичины, в судах, прокуратуре, во всех остальных организациях сотрудников набирали преимущественно поляков, а присутствие украинцев в этих организациях было сведено к минимуму (Демкович-Добрянський М. Українсько-польські стосунки у XIX сторіччі / М. Демкович-Добрянський. — Мюнхен: Український вільний університет, 1969. — С. 79).

¹⁴⁸⁵ Василевский Л. Современная Галиция / Л. Василевский. — СПб.: Тип. Народная польза, 1900. — С. 82–84.

¹⁴⁸⁶ Мартюк І. Центросоюз. Союз кооперативних союзів у Львові в роках 1924–1944 / І. Мартюк. — Лексингтон: Вид. М. П. Коць, 1973. — С. 14.

греко-католической (униатской) церкви. Это было связано с позицией митрополита Андрея Шептицкого (далее мы ещё вернёмся к его истории), поддерживавшего создание украинских финансовых организаций и считавшего своё участие в бизнесе богоугодным делом¹⁴⁸⁷.

Святые или корыстные?

Помните слова Цегельского в начале главы — «люди идеального патриотизма, чистого как хрусталь характера, полные самоотверженности»? А как было на самом деле? Ведь мы говорим про украинский бизнес, а не про святых подвижников. А бизнес — это всегда личное обогащение, что «раздражало заспанных, отяжелевших русинов, а то и вызывало враждебное отношение»¹⁴⁸⁸.

В начале XX века представители среднего класса были уже достаточно обеспеченными материально, чтобы участвовать в деятельности не только финансовых, но и общественных организаций. Жили они, судя по всему, не так богато, как люди из нефтяного бизнеса, хотя и небедно¹⁴⁸⁹. Этот факт «раздражал не только наших национальных врагов, но и некоторых своих. Как члены бедной нации, они не любят, когда кто-то обогащается». Наверное, некоторые из своих хотели бы, «чтобы человек деньги пропил и прогулял»¹⁴⁹⁰. Или чтобы вообще ничего не зарабатывал, и всем жаловался на то, какой он бедный и несчастный.

Критики (а они, как известно, находились всегда и везде) заявляли, что создатели украинской бизнес-сети озабочены только собственным обогащением, и всё это нужно «всяким

¹⁴⁸⁷ Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки) / Д. Дорошенко. — К.: Темпора, 2007. — С. 54.

¹⁴⁸⁸ Трильовський К. З мого життя / К. Трильовський. — Львів: Література та мистецтво, 2019. — С. 22.

¹⁴⁸⁹ Мне не встречались упоминания, что основатели украинских банков и различных обществ ездили на авто, которых в том же нефтяном Дрогобыче уже было много, причём самых новых и дорогих. Косвенно это говорит об уровне доходов так же, как сегодня о нём можно судить по тому, на какой машине человек ездит.

¹⁴⁹⁰ Макух І. На народній службі. Спогади / І. Макух. — К.: Основні цінності, 2001. — С. 98.

Левицким. Цегельским, Петрушевичам и их семьям, чтобы они могли дальше эксплуатировать мужика»¹⁴⁹¹.

Особенно часто обвинения в стремлении к личному обогащению звучали в адрес Костя Левицкого, у которого просто «талант везде намочить пальцы», чтобы к ним «что-нибудь да прилипло». Так он «неплохо зарабатывает» и превосходит своих помощников не только «деликатным умом», но и своей «ненасытностью». Ведь у нас люди хорошо «понимают, что им нужно как-то жить», потому по взаимному согласию «рука руку моет»¹⁴⁹².

Думаю, что правда где-то посередине — люди, работавшие в украинских банках, кооперативах и других организациях национальной бизнес-сети, не были святыми подвижниками, и они хотели зарабатывать деньги. Это естественное желание, потому они зарабатывали где могли и как могли. Однако вряд ли они были откровенными мошенниками, озлобленными только личной выгодой. Современники Василя Нагирного «писали, что собственного имущества он так и не собрал, зато с энтузиазмом скупал и строил каменные дома для центральных украинских учреждений»¹⁴⁹³. Как добросовестный менеджер, он заботился о развитии организаций, в которых имел также и свою долю, рассчитывая на получение достойных дивидендов. Так что был у него и экономический интерес, как и положено в здоровой экономике.

¹⁴⁹¹ Архивный документ цит. по: Павлишин О. Суспільно-політична криза в ЗУНР в першій половині 1919 року / О. Павлишин // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. — 2009. — № 18. — С. 122.

¹⁴⁹² Тивонович І. Товариство бандитів: Наші народні світочі. З переказів старого реєстратора народного паскудства / І. Тивонович. — Львів, 1913. — С. 8, 11. Такие же слухи ходили и про Василя Нагирного, а в украинских организациях, как утверждает Тивонович, вообще обычным делом стала подделка бухгалтерских документов с целью личного обогащения. Впрочем, трудно сказать, насколько можно доверять его словам. С одной стороны, вроде бы современник, и должен знать реальное положение дел. А с другой, эта небольшая книга написана в настолько недоброжелательном тоне (о чём говорит само её название), что возникают мысли о какой-то личной предубеждённости автора. Видимо, дело в том, что Тивонович придерживался крайне левых взглядов, выступая против частной собственности (Тивонович І. Чоловік в державнім ярмі / І. Тивонович. — Відень, 1909; Тивонович І. Державна економія — а людська недоля / І. Тивонович. — Відень, 1910).

¹⁴⁹³ Витанович І. Історія українського кооперативного руху / І. Витанович. — Нью-Йорк: Товариство української кооперації, 1964. — С. 92.

Деньги украинской бизнес-сети

Всегда и везде для инвестиций в экономическое развитие необходимо было аккумулировать сбережения множества потенциальных инвесторов. Ещё со времен итальянских торговых городов-государств для того, чтобы привлечь сбережения, использовались различные общества и акционерные компании.

У галицких украинцев капиталов постоянно не хватало, а они были нужны при учреждении любой торгово-экономической или финансовой организации. Для формирования уставного капитала начиналась «погоня за капиталистами-украинцами. Таких капиталистов можно было пересчитать на пальцах: было несколько священников, один мещанин, некоторые украинские общественные фонды»¹⁴⁹⁴.

Акционерные общества создавать было сложно и затратно — нужен был большой капитал, и больше всякого формализма. Поэтому своевременным для развития украинской бизнес-сети оказался закон «О торгово-хозяйственных кооперативах»¹⁴⁹⁵, принятый в Австро-Венгрии 9 апреля 1873 года.

Тогда в переводе на украинский язык закон назывался «Про заробково-господарські стоваришення»¹⁴⁹⁶. Закон приняли неслучайно — кооперативное движение входило в моду, и кроме экономического содержания в нём тогда видели глубокий социальный смысл. «Кооперативное движение... исходило из реальных жизненных потребностей народных масс», и оно «воспитывало массы на высоких идеалах самопомощи

¹⁴⁹⁴ Франко І. Я. Сумна історія банку Крилошанського і його так званої санації / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 430.

¹⁴⁹⁵ Gesetz vom 9. April 1873, über Erwerbs- und Wirtschaftsgenossenschaften, RGBI. No 70/1873. Основные поправки в закон вносились в 1903, 1918, 1920, 1974, 1982 и 2006 гг. Согласно австрийскому законодательству, торгово-экономические кооперативы — общества с неограниченным количеством участников. Цель таких кооперативов — защита экономических интересов их членов с помощью совместной хозяйственной деятельности (Todev T. Aufstieg und Untergang der Österreichischen Volksbanken-AG: Analyse einer der größten Pleiten in der österreichischen Wirtschaftsgeschichte / T. Todev, J. Brazda. — Münster: LIT Verlag, 2020. — S. 24).

¹⁴⁹⁶ Слово «стоваришення» (а не «товариство») — это дословный перевод немецкого «genossenschaften» (кооператив).

и самоуправления»¹⁴⁹⁷. А если говорить современными словами — было шагом на пути к гражданскому обществу.

У создателей украинской бизнес-сети цель была и более прагматичная — учреждать жизнеспособные торгово-экономические организации, и в то же время более амбициозная: построить украинский капитализм. А для этого подходили все доступные формы бизнеса¹⁴⁹⁸, и кооперативы были первым этапом на этом пути. Не зря Кость Левицкий считал, что акционерный «Земельный банк ипотечный» стал вершиной украинских экономических организаций¹⁴⁹⁹.

Уже при учреждении банка «Днестр» обсуждался вопрос о создании акционерного общества, но собрать необходимый уставный капитал было нереально. Поэтому и «Днестр» создали в форме кооперативного банка. А когда деньги накопились, появилось и украинское акционерное общество — «Земельный банк ипотечный». И то, что по первому призыву его учредителей быстро собрали миллион крон акционерного капитала, доказывало способность украинцев к самостоятельной экономической жизни¹⁵⁰⁰.

«Когда говорим о торговле и промышленности, нельзя забывать о заслугах кооперации. Нельзя не проявлять благодарности ей за прокладывание дороги, за воспитание... целой армии купцов»¹⁵⁰¹. В кооперативах получили опыт несколько тысяч предпринимателей. Некоторые остались работать там же, но многие пошли дальше самостоятельным путём — они хотели начать своё дело, а не быть членами кооперативов. И это можно понять. Позже, в 1930-е годы, в обществе начались дискуссии о взаимоотношениях кооперативного движения и частных предпринимателей, причём дискуссии эти были весьма агрессивными со стороны части активистов

¹⁴⁹⁷ Витанович І. Історія українського кооперативного руху / І. Витанович. — Нью-Йорк: Товариство української кооперації, 1964. — С. 9.

¹⁴⁹⁸ Нагирный и Левицкий слова «кооператив» практически не использовали — оно стало широко употребляться в 1920-е годы. Непривычное слово «товаришества» тоже употребляли мало (разве что в юридических текстах) — создающиеся организации называли «товариствами».

¹⁴⁹⁹ Левицький К. Нарід собі / К. Левицький // Свобода. Український дневник (Jersey City). — 1925. — № 284, 7 грудня. — С. 2.

¹⁵⁰⁰ Левицький К. Нарід собі / К. Левицький // Свобода. Український дневник (Jersey City). — 1925. — № 284, 7 грудня. — С. 2.

¹⁵⁰¹ Несторович В. Українські купці і промисловці в Західній Україні, 1920–1945 / В. Несторович. — Торонто: Клуб українських професіоналів і підприємців, 1977. — С. 37.

кооперации. Кооперативному движению, «превосходству кооперативной этики» и самой идее какой-то особой приверженности украинцев кооперации тогда придавалось значение важной силы, объединяющей и консолидирующей национальную бизнес-сеть (а может быть — и весь украинский капитализм).

А частных предпринимателей и купцов упрекали в том, что для них личная выгода становится важнее интересов национальной бизнес-сети¹⁵⁰². Кооператоры не могли понять мотивы частных предпринимателей, которыми двигала, по словам Йозефа Шумпетера, мечта и желание создать собственный частный мир.

На практике украинская бизнес-сеть состояла не только из кооперативов, а из множества независимых предпринимателей, тех самых, которые вышли из кооперативного движения. И эти предприниматели были не менее важны, чем кооперативы. А может быть, и более — мода на кооперативы прошла, а частные предприниматели были, есть и будут основой капитализма.

Так происходило всегда и везде — нет примера экономических систем, в которых доминировали бы одни только кооперативы. И у создателей украинской бизнес-сети — Василя Нагирного, Костя Левицкого, Андрея Шептицкого и других — явно не было цели заикливаться на одних только кооперативах. Хотя свою роль в недолгой истории украинского капитализма кооперативы, конечно, сыграли, не только помогли накопить «солидные суммы капиталов», но и создали «новый слой украинских купцов»¹⁵⁰³.

Сами по себе кредитные кассы и союзы, торгово-экономические кооперативы и другие организации не обладали значительными финансовыми ресурсами, но именно они, имея множество филиалов, стали основой украинской финансовой бизнес-сети. Их сила была не в объёме капиталов, а совсем в другом — в разветвлённой сети мелких организаций, охватывающей украинцев в самых удалённых уголках Галичины.

¹⁵⁰² Подробнее см.: Несторович В. Українські купці і промисловці в Західній Україні, 1920–1945 / В. Несторович. — Торонто: Клуб українських професіоналів і підприємців, 1977. — С. 149–150.

¹⁵⁰³ Мартюк І. Центросоюз. Союз кооперативних союзів у Львові в роках 1924–1944 / І. Мартюк. — Лексингтон: Вид. М. П. Коць, 1973. — С. 14.

Наиболее известными и старыми были сельские «кредитные кассы Райффайзена» (в Галичине первые из них появились ещё в 1844 году, их называли «райффайзенки») и «кредитные кассы Стефчика». В отличие от австрийских и польских банков, обслуживавших состоятельную публику, у кредитных союзов и кооперативов главными клиентами были украинские крестьяне, а также интеллигенция. Эти организации предоставляли кредиты под 10% годовых и быстро вытеснили с рынка финансовых услуг частных ростовщиков, обычно бравших гораздо больше. Причиной обращения в эти организации для большинства их клиентов были бедность и желание подстраховаться на случай непредвиденных событий — стихийных бедствий, болезней, смерти родственников. Капиталы кредитных касс и кооперативов состояли из первоначальных взносов (паёв) участников. Даже если эти паи были небольшими, участников было много, и так у кредитной организации появлялся свой капитал. Из собранных денег и выдавали кредиты тем, кто в них нуждался.

в 1873 году таких организаций было всего 16, а в 1874 г. — уже 58¹⁵⁰⁴. В то время возникла идея создания единой системы украинских кредитных организаций. Основным инициатором этого был Кость Левицкий, считавший, что «каждая община должна иметь свой банк, свою кредитную кассу»¹⁵⁰⁵, и он подготовил типовой устав таких обществ. Однако создать эту систему сразу не удалось, так как первые кредитные кассы («каси позичкові») не оправдали тех надежд, которые на них возлагали лидеры украинской бизнес-сети. К 1880-м годам многие из них распались, повторив судьбу Банка Крилошанского. Причины были всё те же — крестьяне бездумно набирали кредиты, которые они не могли вернуть, и кассы приходилось ликвидировать.

Новая волна создания небанковских кредитно-финансовых организаций началась с конца XIX века. Многие из них появились по инициативе общества «Просвіта». Их фонды пополнялись за счёт взносов крестьян, продажи общественных лесных угодий, а также с помощью облига-

¹⁵⁰⁴ Гелей С. Діяльність Крайового кредитного союзу в I половині XX ст. / С. Гелей // Українська кооперація. Історичні та соціально-економічні аспекти. — Л.: Вид-во Львівської комерційної академії. — Т. 2. — С. 96.

¹⁵⁰⁵ Левицький К. Про каси позичкові разом з Статутом товариства каси позичкової «Власна поміч» / К. Левицький. — Л.: Просвіта, 1889. — С. 6.

ций¹⁵⁰⁶. Однако даже в те годы многие организации (в том числе самые известные, «Вера» и «Надежда») так и не смогли предложить доступный и дешёвый кредит. Повторялись старые ошибки — паи распределялись в основном среди состоятельных участников. А те, кто действительно нуждался в мелком кредите, не могли его получить, так как не имели пая в этих обществах. Поэтому для них займы предлагались только под невыгодный высокий процент. Да и управление не отличалось профессионализмом, а сотрудники больше занимались спекулятивными операциями. Закончилось дело банкротством и «Веры», и «Надежды».

Нужно было что-то менять, и для усовершенствования работы небанковских кредитных организаций в 1896 году решили создать «Союз кредитных обществ»¹⁵⁰⁷, в дальнейшем получивший название «Краевой союз кредитный»¹⁵⁰⁸ — КСК¹⁵⁰⁹.

¹⁵⁰⁶ В 1894 году адвокат Теофил Кормош основал украинское кредитное общество «Вера», предназначенное в основном для представителей городского среднего класса. А в 1895 году по примеру «Веры» во Львове при страховом обществе «Днестр» был открыт банк «Днестр», о котором подробнее будет дальше. Кредитные кассы, союзы и кооперативы стали появляться в Стрые, Тернополе, Золочеве, Станиславове, Коломые и других городах Галичины и Буковины. Теофил Кормош — автор популярной тогда книги «Практичний підручник для товариств задаткових» («Практический учебник для кредитных обществ»), в которой он не только дал конкретные советы для создания кредитных кооперативов, но и привёл образцы необходимых документов, в том числе устава. Кроме Т. Кормоша, среди теоретиков и организаторов украинского движения по созданию кредитных кооперативов можно отметить Сергея Бородаевского, автора книги «Збірник про дрібний кредит» («Сборник о мелком кредите»), Бориса Мартоса и Юлиана Павликовского (Духневич А. В. Розвиток кредитної кооперації на західноукраїнських землях / А. В. Духневич. — <http://www.nbuv.gov.ua>).

¹⁵⁰⁷ «Союз задаткових товариств».

¹⁵⁰⁸ «Крайовий союз кредитовий».

¹⁵⁰⁹ Создание КСК сопровождалось долгими спорами — одни считали, что необходимо как можно быстрее учредить КСК как «центральное организационное учреждение для всех видов кооперативов», другие предлагали подождать, пока кредитных кооперативов станет больше и они сами приступят к основанию своего «организационного, кредитного и контрольного центра» (Левицкий К. Як ми основували Ревізійний Союз Українських Кооперативів / К. Левицкий // Господарсько-кооперативний часопис. — Л., 1933. — Ч. 1-2. — С. 4). Сам Левицкий считал, что КСК необходимо создавать как можно скорее, не теряя времени. Устав союза был утверждён в 1898 г., им руководил комитет в составе К. Левицкого, Я. Кулачковского и С. Федака. А 8 декабря 1898 г. на первом общем собрании КСК Левицкий сообщил, что в союзе уже 116 участников. В бюджете КСК планировалось 4,5 % использовать на сбережения, 5,5 % — на кредиты членам союза и 7 % — на кредиты частным лицам (Гелей С. Діяль-

Количество украинских финансовых организаций быстро росло. Крупнейшими из них стали страховая компания «Днестр» и одноимённый банк. Так украинцы стали проникать в новую для себя сферу финансов. Первая волна расцвета организаций украинской бизнес-сети пришлась на годы перед войной 1914 года¹⁵¹⁰ и распадом Австро-Венгерской империи.

Если раньше многие иронично относились к попыткам галицких украинцев добиться независимости, то теперь, после появления собственной бизнес-сети, с этим трудно было не считаться. Граф Бадени говорил Лонгину Цегельскому, что после возникновения всей этой системы кооперативов, кредитных касс, сотен магазинов «Народной торговли», украинских страховых компаний и банков украинская политика наконец стала конструктивной, и он симпатизирует всем этим начинаниям. И поэтому, продолжал Бадени, он и другие галицкие землевладельцы готовы служить Украине, потому что это будет их государство¹⁵¹¹. Ведь независимое государство основано на эффективном национальном предпринимательстве.

ність Крайового кредитного союзу в I половині XX ст. / С. Гелей // Українська кооперація. Історичні та соціально-економічні аспекти. — Л.: Вид-во Львівської комерційної академії. — Т. 2. — С. 96). В декабре 1903 года по решению дирекции КСК создали «Краевой ревизионный союз» («Крайовий союз ревізійний», КСР), выполнявший функции аудита и контроля. При нём издавался журнал «Экономист». Устав КСР утвердили 18 января 1904 года, а первое общее собрание состоялось 25 марта 1904 года. До 1939 года руководил союзом Кость Левицкий. КСР объединил около 400 кредитных союзов различных типов, проводя ревизии этих организаций и при необходимости предоставляя им кредиты (Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Путівник / Ред. Д. Пельц, Г. Сварнік. — Львів-Київ, 2001. — С. 124–125).

¹⁵¹⁰ В 1912 году в Галичине работали 2974 кредитных союза и 1575 кредитных кооперативов всех типов. Из них украинских кредитных союзов, связанных с национальной бизнес-сетью, было 428 (14 %). В них принимало участие 162 тысячи человек, совокупный капитал составлял 8,4 млн крон, сумма кредитов — 47,9 млн крон (Bronski K. Rozwoj gospodarczy wiekszych miast galicyjskich w okresie autonomii / K. Bronski. — Krakow: Wydawnictwo Akademii Economicznej, 1999. — S. 58; Morawski W. Słownik historyczny bankowości polskiej do 1939 roku / W. Morawski. — Warszawa: Muza SA, 1998. — S. 69–70). А в 1931 году система украинских финансовых учреждений Галичины включала в себя 450 кредитных кооперативов, объединённых вокруг «Центробанка» и товарищества «Днестр», 118 «Укринбанков», 193 кредитные кассы Райффайзена и др. Все они собрали более 10 млн злотых вкладов и выдали кредитов на 12,6 млн злотых (Левицкий К. Чому збираємо ощадності / К. Левицкий // Господарсько-кооперативний часопис. — Л., 1932. — Ч. 43. — С. 2).

¹⁵¹¹ Цегельський Л. М. Від легенд до правди: спомини про події в Україні / Л. М. Цегельський. — Нью-Йорк; Філадельфія: Булава, 1960. — С. 92.

Затронувшие Галичину военные действия, распад Австро-Венгрии и привычного порядка, неудачная попытка создания Западноукраинской Народной Республики и присоединение Галичины к Польше — всё это поставило в 1920-е годы украинскую бизнес-сеть не в самые благоприятные условия. После Первой мировой войны нужны были «долгие годы», чтобы украинские организации «снова встали на ноги». В 1925 году «если кто-нибудь захотел бы осмотреть наши кооперативные организации во Львове, то ему... то ему достаточно было бы пройти пешком вокруг Рынка, начиная от дома на Доминиканской улице № 11 и на ней же заканчивая. Именно на Доминиканской находился “Ревизионный союз украинских кооперативов”», однако «выглядел он весьма скромно». В четырёх комнатах сидели директор, восемь ревизоров, две машинистки, ещё несколько сотрудников — вот и весь персонал. Дальше находилась «Народная торговля», бывшая центром всей галицкой кооперации. «Напротив Успенской церкви бросался в глаза большой дом “Общества взаимного страхования Днестр”, в котором находился “Кооперативный банк Днестр” и “Земельный банк гипотечный”, единственный украинский акционерный банк»¹⁵¹².

В 1930-е годы сеть украинских финансовых организаций значительно разрослась и переживала свой новый расцвет. В ней работало примерно полторы тысячи сотрудников и ещё столько же в разных некоммерческих украинских организациях типа «Просвиты». Впрочем, и тогда украинская банковская система, если её так можно назвать, не была «ни многочисленной, ни разнородной», ни материально обеспеченной. «Есть Земельный банк гипотечный, акционерное общество во Львове, украинская сберегательная касса в Перемышле... центр кредитной кооперации Центробанк, кооперативный банк “Днестр” во Львове и 120 кооперативных банков разной величины». Кроме Центробанка во Львове «все украинские кооперативные банки являются учреждениями мелкого кредита и занимаются кредитованием преимущественно сельского хозяйства»¹⁵¹³.

¹⁵¹² Раковський Р. Львів — централь української кооперації / Р. Раковський // Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252-1952. — Нью-Йорк: Червона калина, 1953. — С. 170-175.

¹⁵¹³ Ольховий І. Промисловий Банк. Від чого залежить успіх започаткованої акції / І. Ольховий // Діло. — 1933. — 26 червня. — С. 1-2.

Архитектор из Цюриха (Василь Нагирный)

Среди «отцов-основателей», стоявших у самых истоков украинской бизнес-сети, пожалуй, самую большую симпатию у меня вызывает Василь Нагирный. Он не священник, не крупный политик и не адвокат, а инженер. А их в 1880-е годы среди украинцев было всего трое¹⁵¹⁴. Адвокатов в Галичине работало много, а инженер со швейцарским дипломом, да ещё и бизнесмен, оказался только один. Для украинца получить инженерное образование, тем более за границей, было тогда гораздо труднее, чем юридическое¹⁵¹⁵.

Василий Степанович Нагирный родился 11 января 1848 года в селе Гирне (Львовская область). Его родители, Степан и Анна Гриневские, были состоятельными крестьянами, и мальчику повезло — в 1859 году его отдали на учёбу в народную школу в Стрые. А это (в отличие от обычной сельской церковной школы) давало шанс получить дальнейшее образование.

Василий рано остался без родителей — мать умерла, когда мальчику было всего полтора года, и его воспитывала бабушка. Она учила мальчика, как нужно себя вести, чтобы выбиться «в люди», а ещё рассказывала, как тяжело жилось во времена панщины. Эти истории врезались в память Нагирного до конца жизни.

Когда умер и отец, мальчику пришлось с юных лет самостоятельно заботиться о себе. Перебравшись во Львов, он давал платные уроки — обучал детей и взрослых. Зарабатывал он на этом немного, по два, иногда три ринских злотых в месяц. Денег постоянно не хватало даже на еду, так что жилось нелегко. «Мне не хватало всего того, что необходимо не

¹⁵¹⁴ Кохановський З. До історії українського інженерського руху / З. Кохановський // Інженери-українці в діаспорі. — Торонто: Клуб сеньорів, 1992. — С. 23.

¹⁵¹⁵ Во второй половине XIX века на юридическом факультете Львовского университета училось больше половины всех студентов. Спрос на правовые услуги рос, и профессия адвоката считалась престижной. Кроме того, студенты юридического факультета могли заниматься самостоятельно, а в университете только сдавать экзамены. Так небогатые студенты украинцы могли подрабатывать, что было очень сложно на медицинском факультете или при учёбе в политехнике. Юридический факультет считался дешёвым, и популярность этого факультета привела к тому, что адвокатов образовалось избыточное количество.

только для науки, но и для жизни. У меня не было ни одной книги, и нечего было есть. Не раз по нескольку дней я питался одним только сухим горохом, купленным за несколько крейцеров... а во время морозной зимы ходил в лёгкой, почтилетней одежде»¹⁵¹⁶.

Но все эти трудности Василий выдержал, в 1871 году поступил во Львовскую техническую академию (сейчас — Национальный университет «Львовская Политехника»). Кроме того, ему удалось устроиться преподавателем счетоводства и «русинского» языка в частную гимназию профессора Тшашковского. Собрав 80 ринских злотых, он уехал в сентябре 1871 года в Цюрих и поступил в Высшую техническую школу¹⁵¹⁷. Чтобы получать стипендию, Василий ещё во Львове обратился с просьбой в «Народный дом», но вначале получил отказ. Мотивировали его просто и понятно — если нет денег, нечего ехать за границу — сиди дома. Однако в Цюрих Нагирный всё равно поехал на свой страх и риск. Небольшие сбережения скоро закончились, но ему повезло — совет «Народного дома» всё-таки назначил ему стипендию на всё время обучения. Стипендия была совсем небольшая, 40 ринских злотых в год, а остальное молодой галичанин зарабатывал, давая частные уроки соотечественникам и готовя их к сдаче экзаменов.

Закончив образование в 1875 году, Нагирный работал несколько лет в Цюрихе, создав там славянское общество «Славия» — организационные способности Василия проявились ещё тогда. В Швейцарии он познакомился со многими интересными людьми, в том числе с Михаилом Драгомановым.

Во Львов Нагирный решил вернуться в 1882 году. Сначала он отправился в Венецию, чтобы оттуда морем попасть в Одессу и поехать в Киев. Но в Триесте у него возникли проблемы с российской визой, запланированный интересный маршрут пришлось изменить и вернуться в Галичину через Будапешт¹⁵¹⁸. Во Львове архитектор снимал жильё вместе с Иваном Франко на улице Линде (сегодня — ул. Ф. Листа). Он начал готовить проекты церквей — их было построено по чертежам Василия Нагирного немало, около двух сотен.

¹⁵¹⁶ Нагирний В. З моїх споминів / В. Нагирний. — Львів: Друк. Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 25–26.

¹⁵¹⁷ В наше время — Федеральная высшая техническая школа Цюриха.

¹⁵¹⁸ Нагирний В. З моїх споминів / В. Нагирний. — Львів: Друк. Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 34.

Однако он больше остался в памяти современников не столько как архитектор, сколько как один из организаторов и лидеров украинской бизнес-сети — да и национального движения в целом. Начал этот путь он с газеты «Діло» — пришёл к редактору, В. Барвинскому и принёс статью «Как люди себе в нужде помогают»¹⁵¹⁹. Статья понравилась, и с тех пор Нагирный стал постоянным автором «Дела». Писал статьи и для других львовских газет — «Правды» и «Батьківщини». А в июне 1883 года он уже выступал на втором народном вече — доклад помог подготовить его сосед по квартире, Иван Франко, лучше знавший положение дел в Галичине, особенно в экономике.

В 1883 году Нагирный стал одним из соучредителей (а потом и директором) общества «Народная торговля»¹⁵²⁰. Многие скептически относились к самой идее создания «Народной торговли», считая её пустой затеей. «Жаль человека и его образования — видно, что в голове у него не в порядке», — говорил про Нагирного профессор политехники Юлиан Медвецкий¹⁵²¹. Вначале деятельность общества действительно шла с трудом, так как «недоверие в нашем обществе ко всякой экономической деятельности сильно укоренилось после краха двух крестьянских банков»¹⁵²².

Однако общество создали в удачное время — с 1884 года стабилизировались цены на сельхозпродукцию, упавшие после «венского краха» 1873 года. Да и вообще в мире начинался длительный период экономического подъёма, длившийся до Первой мировой войны. Розничная торговля всё больше распространялась среди крестьян, и натуральное хозяй-

¹⁵¹⁹ Нагірний В. Як люди себе в нужде дають раду / В. Нагірний // Діло. — 1882. — 6 жовтня (№ 77). — С. 1; 9 жовтня (№ 78). — С. 1; 13 жовтня (№ 79). — С. 1; 16 жовтня (№ 80). — С. 1; 20 жовтня (№ 81). — С. 1.

¹⁵²⁰ При создании общества «единогласно решили основать купеческое общество» с «неограниченной ответственностью». Каждый, кто хотел стать членом общества, оплачивал один раз свой пай («уділ») — 10 ринских злотых (члены общества могли иметь столько паёв, сколько хотели), а в конце участники делили между собой прибыль (Возняк М. У шостидесятиріччя матері українських економічних організацій / М. Возняк // Львівські вісті. — 1943. — 06 січня).

¹⁵²¹ Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. — Львів: Друк Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 36.

¹⁵²² Финансировалось общество за счёт членских взносов (10 ринских злотых) и прибыли от коммерческих операций (Левицкий К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914 / К. Левицкий. — Л., [накладом автора], 1926. — С. 203).

ство с его примитивными ремеслами уходило в прошлое. В 1880-е годы, когда оживились рынки сельхозпродукции, у крестьян появилось больше денег, и в сельский быт стали входить новые товары. А расширение сети железных дорог давало возможность эти товары доставлять. Раньше крестьяне редко что-то покупали — разве что соль, лопату или топор. После появления у них свободных денег запросы стали расти. Кутью крестьяне теперь начали делать из купленного в магазине риса, и пасхи пекли из покупной белой муки тонкого помола, а не из обычной грубой. Покупали они даже зонты, без которых веками обходились. Ну и конечно, спросом пользовались ткани. Может быть, полотно домашнего производства было долговечнее, но фабричные ткани лучше выглядели, и это привлекало — особенно женщин, хотевших иметь яркие платки и юбки. Даже на свадьбах венки из цветов сменили покупные венки из перьев¹⁵²³. Традиционное блюдо — голубцы — стали фаршировать рисом, а не выращенными на своей земле просом или кукурузой, как раньше. А на смену соломенным крышам сельских домов всё чаще приходила кровля из листового железа.

Расширился рынок сельской розничной торговли, и лидеры украинской бизнес-сети понимали, что если сейчас не занять это место, то потом такой возможности уже не будет. В то время все привыкли, что розничной торговлей и мелкими магазинами занимаются только евреи. Однако оказалось, что украинцы справляются с этим не хуже и тоже могут открывать свои магазины. В городах появилась даже доставка товаров — их привозил на маленькой тележке курьер.

Впрочем, «Народная торговля» не была исключительно крестьянским кооперативом, как можно было бы подумать. И это было хорошо для экономического развития Галичины, так как эта организация впервые успешно объединила разные слои населения. А ничто так не сближает людей, как прибыльный бизнес. Объединение различных социальных групп создавало сдвиг в сознании галицких предпринимателей и мотивировало их.

Капиталы для создания кооператива были не крестьянские — даже деньги на первые три пая принесли учитель, ко-

¹⁵²³ Himka J. Galician villagers and the Ukrainian national movement in the nineteenth century / J. Himka. — Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1988. — P. 167.

оператор и военный¹⁵²⁴. И в дальнейшем членами кооператива становились в основном высокооплачиваемые чиновники и священники¹⁵²⁵. Да и торговал он не столько сельхозпродукцией¹⁵²⁶, сколько венгерскими и испанскими винами, а также чаем, кофе и другими «колониальными товарами»¹⁵²⁷. По сути, «Народная торговля» не очень поддерживала украинского производителя, предпочитая импортные товары. Украинских товаров было представлено мало, и часто они поступали не от официальных производителей, а с теневого рынка¹⁵²⁸. Покупали какие попало товары и где попало¹⁵²⁹.

Сами учредители называли «Народную торговлю» купеческим обществом. Когда нужно было для пользы дела, они прибегали и к хитростям, и, по словам Ильи Витановича, отходили от принципов кооперации¹⁵³⁰. А часто об этих принципах вообще не вспоминали. Когда Нагирному понадобились деньги, то он взял, недолго думая, необходимую сумму (7500 крон) из капиталов «Народной торговли» и подделал вексель на эту сумму. История получила огласку, но Нагирный сумел замаять дело, ссылаясь на свои заслуги и на то, что деньги ему были нужны не ради личной выгоды, а для дела¹⁵³¹.

¹⁵²⁴ Возняк М. У шостидесятиріччя матері українських економічних організацій / М. Возняк // Львівські вісті. — 1943. — 06 січня.

¹⁵²⁵ По данным 1936 года чиновники («служащие») владели 53 % паёв, священники — 23 %, купцы и промышленники — 8 %, крестьяне — 5 %, ремесленники — 2 %, рабочие — 1 % (Олесневич Л. Кооперативні міфи і капіталістична дійсність. Західноукраїнська буржуазна кооперація (1883–1939) / Л. Олесневич. — К.: Наукова думка, 1974. — С. 45).

¹⁵²⁶ Хотя «Народную торговлю» за это не раз критиковали, призывая торговать товарами местных производителей (Проби нашої організації на полі економічнім. Ч. 2. // Діло. — 1892–26 березня).

¹⁵²⁷ «Народная торговля» была единственным украинским импортёром колониальных товаров.

¹⁵²⁸ В 1930-е годы так было с продукцией известной в Галичине кондитерской фабрики «Фортуна Нова», которой было трудно конкурировать с официально не зарегистрированными производителями, не платившими налогов (подробнее см.: Авдикевич К. Перша українська фабрика цукорків «Фортуна Нова» / К. Авдикевич. — Львів: Тріада-Плюс, 2010. — С. 38–39, 46–47).

¹⁵²⁹ Двадцятипятилітній ювілей Народної торгівлі // Ілюстрований календар товариства «Просвіта» за 1910 рік. — Львів: Просвіта, 1910. — С. 134.

¹⁵³⁰ Витанович І. Історія українського кооперативного руху / І. Витанович. — Нью-Йорк: Товариство української кооперації, 1964. — С. 92.

¹⁵³¹ Тивонович І. Товариство бандитів: Наші народні світочі. З переказів старого реєстратора народного паскудства / І. Тивонович. — Львів, 1913. — С. 13. Ещё ходили слухи, что известный любитель Москвы Иван Наумович, у которого всегда водились российские деньги, дал 50 тысяч рублей, чтобы при «Народной торговле» создали фонд и открыли по сёлам магазины. Однако в «На-

Как бы там ни было, «Народная торговля» своё дело сделала — она координировала работу украинских магазинов, и в этом обществе начинающие предприниматели могли набираться опыта. В «Народную торговлю» пошло работать «большинство интеллигентных и профессиональных сил», и она «стала определяющим фактором экономической жизни, получив широкую популярность среди украинцев»¹⁵³². «Народная торговля», по сути, «стала матерью украинских институтов» в Галичине, и «сегодня это самая популярная экономическая организация» — писал М. Возняк в 1943 году.

Расцвет украинской системы розничной торговли был в начале XX века, перед Первой мировой войной. «Народная торговля» кроме своего центрального склада во Львове имела в 1894 году ещё 10 филиалов со складами и 314 магазинов (в 1913 году филиалов стало почти в два раза больше — 19)¹⁵³³. Когда в 1933 году «Народная торговля» праздновала своё 50-летие, у неё было более 6000 членов (0,24 % украинского населения) и она объединяла четыре сотни различных кооперативов¹⁵³⁴.

Василий Нагирный организовал ещё одно общество ремесленников, промышленников и торговцев — «Зоря», устав которого подготовил Кость Левицкий. А в 1899 году Нагирный предложил создать общество «Народная гостиница», собрать капиталы и построить с таким же названием отель, которым владели бы и управляли украинцы. Так предприниматели могли освоить отельный и ресторанный бизнес. Для отеля на углу улиц Дорошенко и Костюшко купили за 300 тысяч крон земельный участок, еще 200 тысяч потрати-

родной торговле», где якобы постоянно что-то мутили с балансами, эти деньги записали в прибыль и выдали по этому поводу повышенные дивиденды для руководства (Там же, с. 14).

¹⁵³² Несторович В. Українські купці і промисловці в Західній Україні, 1920–1945 / В. Несторович. — Торонто: Клуб українських професіоналів і підприємців, 1977. — С. 32.

¹⁵³³ В том же 1913 году в Галичине было 92 потребительских кооператива с 12,5 тысячи членов. А знаменитый молочный кооператив «Маслосоюз», основанный в 1907 году, в 1911-м уже объединял 75 молокозаводов. Символами расцвета украинской коммерции стало появление экономической прессы — «Экономист» (1904–1914), «Самопомощь» (1909–1914) и других (Himka J. Galician villagers and the Ukrainian national movement in the nineteenth century / J. Himka. — Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1988. — P. 172).

¹⁵³⁴ Качор А. Роля духовенства і церкви в економічному відродженні Західної України / А. Качор. — Вінніпег: Накладом Української вільної академії наук, 1992. — С. 19.

ли на строительство четырёхэтажного здания. Однако члены контрольной комиссии провели аудит и пришли к выводу, что стоимость строительства завышена на 100 тысяч, которые присвоил себе Нагирный, поделившись со строительным подрядчиком Вольфом Гавсманом¹⁵³⁵ за то, что тот в смете завысит стоимость работ. «Против меня началась кампания, которую вели самым неприятным образом», — вспоминал сам Нагирный¹⁵³⁶. Сейчас уже трудно понять, как было на самом деле. Ясно одно — когда бизнес налаживается и предприниматель начинает получать доход, вокруг него сразу начинаются разговоры о присвоении денег, завышении объёмов работ или ещё о чём-то в таком же духе. Я не хочу сказать, что объёмы работ не завышают и деньги не присваивают, но подобные скандальные истории — верный признак успеха в бизнесе. А он порождает зависть.

Как бы там ни было, но в 1906 году отель начал работать. «Центром всей нашей патриотической жизни стала недавно открытая кофейня и ресторан “Народной гостиницы”. Здесь вся элита общества от самых молодых до самых старых день и ночь работала во славу Украины — кто языком за чаем, кто собственным карманом при игре в карты, а кто с пивом или водкой»¹⁵³⁷.

Наверное, самым интересным (по крайней мере, с точки зрения истории финансов) проектом Нагирного стало «Общество взаимного страхования “Днестр”», крупнейшая украинская страховая компания¹⁵³⁸.

¹⁵³⁵ Тивонович І. Товариство бандитів: Наші народні світочі. З переказів старого реєстратора народного паскудства / І. Тивонович. — Львів, 1913. — С. 12.

¹⁵³⁶ Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. — Львів: Друк Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 54, 55–56.

¹⁵³⁷ Карманський П. Українська богема (Сторінки вчорашнього). З нагоди тридцятиліття. «Молодої музи» / П. Карманський. — Львів: Краса і сила, 1936. — С. 113.

¹⁵³⁸ Общество учредили 8 декабря 1891 года с капиталом 50 тыс. гульденов, разделённым на 500 акций по 100 гульденов. Общество специализировалось на страховании рисков (прежде всего, пожаров), и в 1913 году в сфере его влияния находилась вся Галичина. Сумма капитала обеспечения выросла с 20,3 млн крон в 1893 г. до 104,1 млн крон в 1901 г.; сумма страховых премий соответственно — со 154,5 тыс. крон до 927,7 тыс. крон. К 1907 г. общество имело 231 тыс. клиентов и выплатило 13 743 страховых премии на сумму 7,5 млн крон (Podrecznik Statystyki Galicyi wydany przez Krajowe Biuro Statystyczne [red. T. Pilat]. — T. VII. 2. — Lwow: Z Pierwszej Związkowej Drukarni, 1904. — S. 235). За 25 лет работы было продано 4 млн страховых полисов, выплачено 21 млн крон на возмещение убытков и собрано взносов на 41 млн крон (Bronski K. Instytucje

Когда собирали уставный капитал для страхового общества «Днестр» (а до 30 июня 1896 года необходимо было иметь 50 000 ринских золотых), среди «основателей общества и даже среди других уважаемых людей» возникло беспокойство, что «не удастся за пять месяцев собрать такую крупную по тем временам сумму». Нагирный обратился к еврейским финансистам, и те дали часть денег, но при условии, что для них будет одно место среди директоров общества и три места в совете общества. Кроме того, учредители призывали состоятельных жителей Львова и церковные братства принять участие в сборе денег для основного капитала. Стоимость пая составляла 100 ринских золотых (гульденов). Хотя «сбор денег шёл с большим трудом», к 29 июня это было сделано¹⁵³⁹.

По словам современника, работавшего в этой страховой компании, «взаимоотношения в “Днестре” были по-настоящему патриархальные. Работали даже по воскресеньям, хотя в наблюдательном совете были священники». А для женщин обязательным было «безбрачие, и когда женщина выходила замуж, она автоматически утрачивала работу в “Днестре”». Зарплата большинства служащих была очень малой. Зато директор Кулачковский получал в год 20 000 австрийских крон, а кроме того ему предоставили пятикомнатную квартиру с оплаченным освещением и отоплением. И это при том, что самые высокие зарплаты сотрудников составляли от 200 до 250 крон в месяц, 3000 крон в год»¹⁵⁴⁰.

На основе собранных страховым обществом капиталов появилась возможность учредить в 1894 году кооперативный банк «Днестр» в форме общества с ограниченной ответственностью, чтобы получать прибыль от накопленных капиталов.

finansowe i ubezpieczeniowe jako podmioty ekonomii społecznej w Galicji — zarys problematyki / K. Bronski // *Ekonomia Społeczna*. — 2018. — № 2. — S. 79).

¹⁵³⁹ Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. — Львів: Друк Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. — С. 43. Когда в 1899 году собирали капитал для общества «Народная гостиница», паи («уділи») тоже покупались очень вяло (Там же, с. 52).

¹⁵⁴⁰ Такие «патриархальные» обычаи были тогда достаточно распространены. По словам одного из выступавших на общем собрании «Днестра», «пан директор нашего “Днестра” — как хозяин, а его служащие — наёмные работники, которые должны слушать своего хозяина и делать то, что он скажет» (Чернецький А. Спомини з мого життя / А. Чернецький. — Лондон: Наше слово, 1964. — С. 27, 28–29).

Устав банка утвердили 8 мая 1895 года. Его членами могли стать все те, кто заключил договор страхования в обществе «Днестр». Вначале банк предоставлял кредиты по 500 крон на 5 лет, со временем размер кредитов повысили до 2000 крон, а срок до 15 лет. Так в Галичине появился первый финансовый конгломерат, объединявший страховые и банковские услуги.

Обычно Нагирный, у которого на всё хватало энергии, подавал идею очередного общества, готовил его устав, нанимал для него (а иногда и покупал) дом, какое-то время был директором общества, а когда оно уже нормально работало, переходил к новому проекту. Такой у него был стиль бизнеса. Да и жизни тоже.

Он был предпринимателем в первом поколении. Говорят, что первому поколению бизнесменов или представителей креативного класса иногда не хватает лоска и утонченности, которые приходят к их детям, выросшим в достатке и благоприятном социальном окружении, а также получившим хорошее образование. Но энергии предпринимателям первого поколения точно хватает. Причём с избытком. Василий Нагирный всего за 15 лет сделал много. В 1871-м он только уехал в Цюрих, а в 1886-м уже был в самом центре событий, став одним из главных создателей украинской бизнес-сети.

Василия Степановича стали называть «отцом галицкой кооперации». В марте 1897 года Нагирный принимал участие в выборах в австрийский парламент, хотя и не набрал нужное количество голосов. Умер он 25 февраля 1921 года в возрасте 73 лет и похоронен во Львове. У детей Нагирного, двух сыновей и двух дочерей, судьбы оказались разные. Евгений Нагирный стал известным архитектором и продолжал строить церкви. Евстахий работал инспектором «Народной торговли». Одна из дочерей, Анна, стала женой судьи, а вторая, София, закончила философский факультет Львовского университета. Кстати, именно она уговорила отца написать воспоминания — он успел их закончить в последний год своей жизни. После университета София преподавала во львовской гимназии сестёр Василианок, потом в Академической гимназии. А внучка Софии — Квитка Цисык (1953—1998) — стала знаменитой американской исполнительницей украинских песен.

*Главный политик галицких украинцев
(Кость Левицкий)*

«Что принесёт нам будущее... То, что добудем собственными силами!» Ведь «пустой гнев не имеет силы»¹⁵⁴¹. Давно миновало время и события, по поводу которых Левицкий написал эти слова, но они и сегодня находят в душе отклик. Почти полвека он считался главным политиком среди галицких украинцев. Кость Левицкий застал свой народ, когда тот называл себя русинами, не очень понимая, что это такое. А к концу жизни оставил его украинцами с хорошо развитым национальным самосознанием.

Этот, «казалось бы, неприступный пан на самом деле был доступным для каждого, всегда сдержанный и корректный». Человек «большой личной культуры, со стилем какого-то консервативного аристократизма... педантичный в работе, физически крепкий, с неисчерпаемой энергией, он больше всего импонировал прямоотой и открытостью характера»¹⁵⁴². Левицкий, «представительный, с врождёнными культурными манерами», имел характер «без полёта и широкого размаха. Он отличался необычайным трудолюбием, солидностью и выносливостью в работе, и в этом ему помогало железное здоровье. Любил компанию, и поэтому имел обширные связи среди украинцев»¹⁵⁴³.

Кость Антонович Левицкий (1859–1941), известный юрист, публицист и государственный деятель родился в местечке Тисменица (сегодня — районный центр Ивано-Франковской области) в семье священника греко-католической церкви. Жизнь провинциального священника тогда не очень отличалась от жизни его прихожан, но вероятность получить хорошее образования была больше.

Левицкий после окончания в 1878 году гимназии города Станислава учился на юридических факультетах Львовского и Венского университетов. Адвокатскую канцелярию (проще говоря — фирму) он открыл во Львове в 1890 году. «Родом из старой известной семьи священников», в годы учёбы во

¹⁵⁴¹ Левицкий К. Великий зрив. До історії української державності / К. Левицький. — Львів: Червона калина, 1931. — С. 9.

¹⁵⁴² Витанович І. Історія українського кооперативного руху / І. Витанович. — Нью-Йорк: Товариство української кооперації, 1964. — С. 144.

¹⁵⁴³ Д-р Кость Левицький // Історичні постаті Галичини. — Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка. 1961. — С. 137.

Львовском университете молодой Кость Левицкий «бросился в водоворот академической жизни и быстро вышел на передний план благодаря своему таланту и трудолюбию. С того времени Левицкий уже не покидал Львов, открыв там свою адвокатскую канцелярию и с перерывами... жил там до самой смерти». А это «почти 65 лет!»¹⁵⁴⁴.

Общественная деятельность Левицкого началась ещё в 1880-е годы в обществе «Просвита», и со временем он стал одним из лидеров украинского национального движения. А в «Просвите» он 25 лет заведовал финансами. Именно Левицкий купил у одного польского шляхтича трёхэтажный дом для общества в самом престижном месте, на львовской площади Рынок. Он привнёс в деятельность общества экономическое направление, и «основная часть наших экономических достижений до 1914 года — это заслуга Костя Левицкого, потому что всё происходило или по его инициативе, или под его опытным руководством»¹⁵⁴⁵.

Так он стал одним из основных создателей украинской бизнес-сети. Левицкий был соучредителем и активным участником украинских обществ «Народная торговля» (1883), «Зоря» (1884) страхового общества «Днестр» (1891), «Краевого ревизионного союза» (1904), «Земельного банка гипотечного» (1910), директором «Краевого кредитного союза» (1898–1939). А кроме того, Левицкий — депутат австрийского парламента (1907–1918) и Галицкого сейма (1908–1913) — с 1910 года руководил украинскими депутатскими фракциями в парламенте, отстаивая в том числе экономические интересы украинских предпринимателей.

«Краевой кредитный союз»¹⁵⁴⁶ (в дальнейшем переименованный в Центробанк) Левицкий возглавлял более сорока лет (1898–1939), так что недаром галицкая пресса писала: «Левицкий может с полным правом сказать: “Центробанк” — это я!»¹⁵⁴⁷. Союз, а потом Центробанк занимались организацией украинских экономических обществ и находили для них дешёвые кредиты. В 1930-е годы Центробанк находился в соб-

¹⁵⁴⁴ З приводу смерті д-ра Костя Левицького // *Краківські вісті*. — 1941. — 16 листопада.

¹⁵⁴⁵ Д-р Кость Левицький // *Історичні постаті Галичини*. — Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка. 1961. — С. 138.

¹⁵⁴⁶ «Крайовий союз кредитовий».

¹⁵⁴⁷ Загальні збори Центробанку // *Господарсько-кооперативний часопис*. — 1938. — Ч. 21. — С. 14.

ственном здании и был «центральной кассой всей украинской кооперации, финансирую крупные операции по сбыту». При этом опирался «исключительно на вклады украинского общества и кооперативов и не получал никаких кредитов из государственного “Банка Польского”, ни от других банков»¹⁵⁴⁸.

Проблема получения доступного кредита была тогда очень актуальной. Львовский Банк Краевой выдавал кредиты минимум под 5% годовых, и они устраивали не всех. Поэтому Левицкий и предлагал «создать во Львове как в столице края свой банк крестьянский, который занимался бы выдачей кредитов и помогал кредитным кассам в провинциальных сообществах»¹⁵⁴⁹. Воплощением этой идеи стал «Земельный банк ипотечный», одним из инициаторов создания которого в 1909–1910 годах стал Кость Левицкий (вместе с митрополитом Андреем Шептицким).

Кроме нескольких книг об истории национального движения, Левицкий был автором около двух десятков статей на экономические темы. Он считал, что объединение сбережений украинцев ведёт к их экономической независимости (эту же идею пропагандировал и Шептицкий). «Добродетель бережливости должна перейти в кровь и душу каждого кооператора и их детей»¹⁵⁵⁰. Аккумуляция сбережений в «громаді» (сообществе) облагораживает людей и объединяет их, «формируя в них дух бережливости, и даёт стремление к жизни действительно хозяйственной»¹⁵⁵¹.

Кость Левицкий был не только одним из основных организаторов украинской бизнес-сети, но и главным политическим деятелем Галичины (в ноябре-декабре 1918 года он даже стал премьер-министром Западноукраинской Народной Республики — ЗУНР). В историю его политической деятельности сейчас углубляться не будем — и не наша тема, и написано об этом много¹⁵⁵². «Вся наша предвоенная политика» проходила

¹⁵⁴⁸ Раковський Р. Львів — централь української кооперації / Р. Раковський // Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252–1952. — Нью-Йорк: Червона калина, 1953. — С. 173.

¹⁵⁴⁹ Левицький К. Про сільські каси позичкові і щадниці / К. Левицький — Львів, 1894. — С. 10–11.

¹⁵⁵⁰ Левицький К. Як працює наша кооперація / К. Левицький // Господарсько-кооперативний часопис. — 1938. — Ч. 17–18. — С. 4.

¹⁵⁵¹ Левицький К. Про сільські каси позичкові і щадниці / К. Левицький — Львів, 1894. — С. 49.

¹⁵⁵² Андрухів І. Кость Левицький: сторінки життя / І. Андрухів. — Івано-Франківськ, 1995. — С. 22–30.

«под непосредственным руководством д-ра Костя Левицкого, несравненного оратора, первостепенного тактика и блестящего организатора»¹⁵⁵³. «У него был практический ум сельского войта, и потому он редко совершал непродуманный шаг»¹⁵⁵⁴.

В 1939 году, когда «советы» захватили Львов, Левицкого арестовали и отправили в Москву, где он просидел в камере на Лубянке полтора года. «Он был одним из первых, кто пал жертвой московско-большевистского террора»¹⁵⁵⁵. По какому-то счастливому для старого галицкого политика стечению обстоятельств гебисты посчитали, что его арест им политически невыгоден, и отпустили (чего они обычно не делали). Кость Антонович вернулся во Львов, но жить ему осталось уже совсем недолго — умер он 12 ноября 1941 года, уже при немцах.

Бизнес митрополита (Андрей Шептицкий)

Митрополит греко-католической церкви граф Андрей Шептицкий (1865–1944) был не только известным церковным деятелем, но и не менее известным предпринимателем — организатором и щедрым спонсором украинской бизнес-сети. Шептицкий считал, что роль церкви в жизни общества должна быть многосторонней, а бизнес воспринимал как способ повышения уровня жизни украинцев и как источник для финансирования благотворительности¹⁵⁵⁶. Хотя митрополит и участвовал в проектах украинской бизнес-сети, он был человеком другого круга — прежде всего, из очень богатой аристократической семьи, а кроме того — деятелем церкви.

Церковное имя «Андрей» Шептицкий получил, когда стал монахом, а мать назвала его Роман. Родился он 29 июля

¹⁵⁵³ З приводу смерті д-ра Костя Левицького // Краківські вісті. — 1941. — 16 листопада.

¹⁵⁵⁴ Цегельський Л. Від легенд до правди / Л. Цегельський. — Нью-Йорк: Булава, 1960. — С. 170–171.

¹⁵⁵⁵ З приводу смерті д-ра Костя Левицького // Краківські вісті. — 1941. — 16 листопада.

¹⁵⁵⁶ Подробнее о благотворительной деятельности Шептицкого см.: Slusarczuk Sirka A. Sheptyts'kyi in Education and Philanthropy / A. Slusarczuk Sirka // Morality and Reality. The Life and Times of Metropolitan Andrei Sheptytskyi. Ed. by P. Magosci. — Edmonton, 1989. — P. 269–288; Mudrak M. Sheptyts'kyi as Patron of the Arts / M. Mudrak // Morality and Reality. The Life and Times of Metropolitan Andrei Sheptytskyi. Ed. by P. Magosci. — Edmonton, 1989. — P. 289–312.

1865 года в родовом имении в селе Прилбичах недалеко от Яворова. Отец его, Иван Шептицкий, происходил из старинного русинского аристократического рода, имевшего графский титул. Мать, София Фредро, тоже была графиней. Так что с богатством в семье проблем не было, и оно досталось Шептицкому (вместе с его братьями) по наследству. Образование Роман получил в Кракове, потом с 1884 по 1887 год изучал право в университете в Германии.

В 1888 году траектория жизненного пути Романа изменилась, и он стал монахом Добромильского монастыря, приняв имя Андрей. Не берусь судить, было ли это решение неожиданным и вызванным житейскими обстоятельствами, или же вызревало в его душе постепенно. Восхождение по ступеням церковной иерархии шло быстро. В 1892 году он стал священником, в 1899-м — епископом города Станиславов, а в следующем 1900 году — митрополитом Галицким. С этого времени вся жизнь Шептицкого связана со Львовом. Он не покинул город во время Первой мировой войны и российские власти выслали его на три года куда-то в глубину своей необъятной империи.

В 1939 году брата Андрея, графа Льва Шептицкого, расстреляли большевики. Когда Львов заняли немцы, Андрей первое время надеялся, что новая власть поможет восстановить независимость Галичины, но вскоре понял, что им это не нужно. Умер он 1 ноября 1944 года от осложнений после гриппа уже после того, как во Львов вошли советские войска.

Хотя Шептицкий прямо не участвовал в политике, он всю свою жизнь отстаивал интересы украинцев, делая это экономическим путём с использованием и личного богатства, и своего авторитета как митрополита. Андрей поддерживал деятельность общества «Просвита», финансировал создание больниц и библиотек, а в 1905 году — Украинского национального музея, купив за свои деньги для него здание стоимостью 34 тысячи долларов.

Кроме личного богатства, митрополит как руководитель церкви в Галичине располагал значительными капиталами от аренды недвижимости и земли, а также за счёт финансирования со стороны правительства Австро-Венгрии. Как и каждый католический архиепископ, он получал на собственные нужды 24 тысячи крон в год, а кроме того — 20 тысяч крон в год ценными бумагами на содержание канцелярии. Кроме того, были

у митрополита обширные связи в церковных кругах Парижа, где он мог брать кредиты¹⁵⁵⁷.

Средства, бывшие в распоряжении митрополита, находились на счетах различных банковских учреждений Галичины. Однако Шептицкий отдавал предпочтение тем финансовым организациям, создававшимся краинской бизнес-сетью, — таким как «Общество взаимного страхования «Днестр»». В этом обществе страховали церковную собственность митрополит и греко-католические епископы — ведь Шептицкий был почетным президентом общества и одним из крупнейших его акционеров. Кроме общества «Днестр» при поддержке митрополита была создана Украинская страховая компания «Карпатия», которая занималась преимущественно страхованием жизни украинского населения Галичины.

Также по инициативе Шептицкого и Левицкого в 1908 году основали «Земельный банк ипотечный» во Львове, центральное в украинской бизнес-сети финансовое учреждение. Среди соучредителей банка¹⁵⁵⁸ кроме митрополита был и занимавшийся его коммерческими проектами священник Тит Войнаровский (1856–1938)¹⁵⁵⁹ — далекий потомок рода соратника Мазепы Андрея Войнаровского¹⁵⁶⁰.

Учредительное собрание прошло 8 декабря 1909 года в офисе страхового общества «Днестр»¹⁵⁶¹, а в апреле

¹⁵⁵⁷ Войнаровский Т. Спогади з мого життя / Т. Войнаровский // Історичні постаті Галичини XIX–XX ст. — Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка, 1961. — С. 56.

¹⁵⁵⁸ В 1908 году создали комитет учредителей банка, список участников которого включал в себя украинскую элиту Галичины: митрополит Андрей Шептицкий, финансовый советник митрополита Тит Войнаровский, юрист и политик Кость Левицкий, епископ города Станислава Г. Хомишин, землевладелец М. Василько, посол австрийского парламента Ю. Романчук, директор «Руської Шадниці» в Перемишле Т. Кормош, д-р Я. Кулачковский, директор страхового общества «Днестр» во Львове д-р С. Федак, адвокаты С. Смаль-Стоцкий, Т. Дембицкий, Т. Соловий, М. Шухевич (Творидло М. Земельний банк іпотечний. У 25-ліття його діяльності / М. Творидло. — Львів: З друкарні видавничої спілки «Діло», 1935. — С. 23).

¹⁵⁵⁹ Родился он в семье сельского священника, изучал богословие во Львовском университете, более четверти века был священником в разных селах Галичины. В 1909 году Войнаровского перевели во Львовскую архиепархию, где он помогал Шептицкому в его экономических проектах. Умер во Львове, где и похоронен.

¹⁵⁶⁰ «После завоевания Украины Петром Великим мой дед уехал и купил в Восточной Галичине имение Ляшки Мурованные» (Войнаровский Т. Спогади з мого життя / Т. Войнаровский // Історичні постаті Галичини XIX–XX ст. — Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка, 1961. — С. 15).

¹⁵⁶¹ На углу львовских улиц Руськой и Подвальной.

1910 года банк начал работу. Его целью стала выдача кредитов крестьянам и другим мелким землевладельцам для приобретения земельных участков. Кроме того, банк предоставлял финансовые услуги греко-католической церкви Галичины и украинским организациям¹⁵⁶², став «сердцем для улучшения кровообращения денег в хозяйственном организме украинского народа»¹⁵⁶³.

Это был единственный акционерный банк украинской бизнес-сети, а выпущенные в 1908 году акции банка (2500 акций на сумму 1 млн крон) стали первыми украинскими ценными бумагами на галицком финансовом рынке. Акции раскупили быстро — за неполных два месяца. Крупнейшими акционерами стали страховое общество «Днестр», митрополит А. Шептицкий, епископ Г. Хомишин (они купили по сто акций), а также Краевой союз кредитный, «Народная торговля» и адвокат Т. Соловий (по 25 акций). Покупателями остальных акций стали в основном священники¹⁵⁶⁴.

До Первой мировой войны дела банка шли весьма плохо — он ежегодно выплачивал по 6 % дивидендов по акциям (далеко не все галицкие банки платили столько), и только в 1914 году — 3 %¹⁵⁶⁵. Положение банка ухудшилось после «великого краха» 1929 года и особенно после банкротства венского банка «Кредитанштальт» 11 мая 1931 года, ставшего толчком к цепной реакции банковских кризисов в Европе. Так как «Земельный банк ипотечный» был тесно связан с «Кредитанштальт», он перестал выдавать ипотечные кредиты частным лицам и ограничил свою деятельность краткосрочными кредитами кооперативам и торговым предприятиям. Однако банкротства украинский банк смог тогда избежать. «Целую четверть столетия банк укреплял кредитом не только... основу нашей нации — земледелие, но и нашу кооперацию, промышленность, торговлю и ремесло». Каждый, кто «доверил ему свои деньги или финансовые интересы, понял непо-

¹⁵⁶² Pietrasik A. Historia i wspolczesnosc dlugoterminowego kredytu hipotecznego w Polsce / A. Pietrasik. — Warszawa: Twigger, 2001. — S. 153–154.

¹⁵⁶³ Новинки. Земельний банк гіпотечний // Економіст. Місячник економічно-господарський. — Львів: 3 друкарні «Діла», 1908. — Ч. 9. — С. 15–16.

¹⁵⁶⁴ Когда после Первой мировой войны Галичина вошла в состав Польши, возник вопрос о ликвидации банка. Необходима была докапитализация, и 5 млн польских злотых внёс Шептицкий (Качор А. Роля духовенства і церкви в економічному відродженні Західної України / А. Качор. — Вінніпег: Накладом Української вільної академії наук, 1992. — С. 22).

¹⁵⁶⁵ Творидло М. Земельний банк гіпотечний. У 25-ліття його діяльності / М. Творидло. — Львів: 3 друкарні видавничої спілки «Діло», 1935. — С. 49.

колебимую солидность и надёжность этой организации даже в самые трудные времена»¹⁵⁶⁶. Однако в 1939 году банк ликвидировали, как и все остальные организации Галичины.

Заинтересовала Шептицкого и перспектива инвестирования капиталов в добычу нефти. В 1912 году по его распоряжению группа австрийских и французских экспертов изучила возможность промышленной добычи нефти в селе Перегиньско. Шептицкий полностью выкупил земли с нефтяными скважинами и заключил договор на 25 лет с компанией «Галичина» о добыче нефти на условиях митрополита — он сразу получал миллион крон, а по 6 % от ежемесячной прибыли переводились на два счёта — митрополии и лично Шептицкого¹⁵⁶⁷. А в 1920-е годы Шептицкий стал соучредителем акционерной нефтяной компании «Уния». Это общество имело в 1933 году основной акционерный капитал 250 тыс. злотых и резервный капитал — 891 тыс. злотых. Делами общества занимался Тит Войнаровский¹⁵⁶⁸.

Шептицкий был также совладельцем акционерной нефтяной компании «Радова» с основным капиталом 80 тыс. злотых и 128 скважинами. Знакомый митрополита, голландский адвокат Ян ван Хенгель, владел 30 % акций компании, и он передал в 1931 году 11 % акций Шептицкому через своего финансового консультанта Корнелия Перридона.

С Перридоном связан ещё один финансовый проект Шептицкого — в 1929 году митрополит инвестировал 4 тысячи долларов в компанию Perridon's Kolenhandel, которая должна была вести разведку и добычу золота на острове Суматра. Впечатляет то, что митрополит занимался этим достаточно активно, хотя в те годы во Львове про Суматру, наверное, мало кто слышал (и смог бы найти на карте). А митрополит Андрей слышал, и 6 марта 1930 года поручил компании Perridon's Kolenhandel от его имени обратиться к правительству Нидерландов с просьбой разрешить поиск и добычу золота на острове. Шептицкий уполномочил Яна ван Хенгеля заниматься этим проектом, но из-за мирового финансового кризиса, начавшегося осенью 1929 года, дела пошли далеко не так хорошо, как

¹⁵⁶⁶ Творидло М. Земельний банк гіпотечний. У 25-ліття його діяльності / М. Творидло. — Львів: 3 друкарні видавничої спілки «Діло», 1935. — С. 34.

¹⁵⁶⁷ Підприємництво в Україні: історико-інституційний аналіз / В. В. Небрат, Н. А. Супрун та ін. — К.: НАН України, 2019. — С. 117.

¹⁵⁶⁸ Звіт про діяльність і баланс нафтової акційної спілки «Унія» у Львові. — ЦДА України, м. Львів. — Ф. 682. — Оп. 1. — Справа № 61.

планировалось. Митрополит вложил в этот проект дополнительные капиталы, однако компания Perridon's Kolenhandel так и не смогла начать работы на Суматре.

Весной 1933 года по совету того же ван Хенгеля Шептицкий стал соучредителем нового акционерного общества «Maatschappij tot exploitatie van mynvelten in Nederlandch Indie» с капиталом 100 000 флоринов (примерно 20 тысяч долларов), выкупив 50 % акций. Общество начало подготовительные исследования на Суматре, однако Андрею Шептицкому, судя по всему, не удалось получить прибыль от этого проекта. Его переписка с ван Хенгелем и Перридоном заканчивается летом 1933 года¹⁵⁶⁹.

Географическая широта деятельности митрополита поражает — широта поистине глобальная. И это при том, что 1933 год, разгар «Великой депрессии», — не самое лучшее время для инвестиций в проекты, связанные с такими далёкими странами. Когда в душе живёт азарт предпринимательства и дух капитализма, тогда и сан митрополита не помеха. А бизнес воспринимается как богоугодное дело. Шептицкий вкладывал свои капиталы и в земельные участки в Германии, и в два ресторана в Амстердаме, и в жилые дома в Париже.

Однажды ещё в 1922 году, как гласит красивая легенда, митрополит вышел из банка «Днестр» и заглянул в расположенную рядом на улице Руськой кондитерскую вдовы Клементины Авдикович. Разговорившись с хозяйкой, Шептицкий то ли из сочувствия к вдове, то ли поняв коммерческие перспективы дела, решил инвестировать в кондитерскую 10 тысяч долларов. Кроме того, он уговорил своего брата Климентия (игумена Уневской лавры¹⁵⁷⁰) также вложить деньги в этот бизнес. Дело быстро наладилось, и Клементина Авдикович стала хозяйкой целой кондитерской фабрики, продукция которой экспортировалась в страны Европы и даже в США. Называлась фабрика символически — «Фортуна Нова»¹⁵⁷¹.

¹⁵⁶⁹ Фінансово-економічна діяльність митрополита Андрея Шептицького як фактор модернізації українського суспільства Галичини // Український католицький університет. Літня школа «Соціальна думка Митрополита Андрея Шептицького». — 2012. — С. 15, 23–24. — www.irs.ucu.edu.ua

¹⁵⁷⁰ Один из крупнейших монастырей Галичины в селе Унев (Перемышлянский район Львовской области).

¹⁵⁷¹ Несторович В. Українські купці і промисловці в Західній Україні, 1920–1945 / В. Несторович. — Торонто: Клуб українських професіоналів і підприємців, 1977. — С. 286.

Ведь фортуна, капризность которой давно известна, действительно улыбнулась вдове, когда митрополит зашёл в её магазинчик купить конфет.

А в реальности история Климентины Авдикович была не такой сказочной. Ей пришлось приложить немало усилий, прежде чем встретиться с Шептицким и в итоге добиться успеха. Началось всё с того, что после смерти мужа в 1918 году она осталась одна с двумя малолетними детьми без доходов. Она продала шубу и книги покойного мужа и так решила заняться бизнесом, зная, что в Америке люди «начинали с того, что продавали на улице спички. Может и мне повезёт»¹⁵⁷².

Первое небольшое кондитерское предприятие «Фортуна» Климентина основала в 1922 году в Перемышле. Потом решила перенести дело во Львов, где она арендовала помещение, вложив немалые деньги в его ремонт и переоборудование. Однако в 1924 году владельцы помещения потребовали его освободить. Климентина сопротивлялась, считая это рейдерским захватом.

В поисках выхода из сложившейся ситуации она обратилась за помощью к Шептицкому, зная, что тот инвестирует в украинский бизнес. Митрополит поддержал идею и вложил в этот проект немалую сумму¹⁵⁷³. Однако его инвестиции ока-

¹⁵⁷² Авдикович К. Перша українська фабрика цукорків «Фортуна Нова» / К. Авдикович. — Львів: Тріада-Плюс, 2010. — С. 15.

¹⁵⁷³ Авдикович и Шептицкий подписали договор о создании товарищество «Фортуна Нова» 24 мая 1924 года. Первоначальный капитал предприятия составлял 5000 долларов, и его партнёры внесли в равных долях (Авдикович К. Перша українська фабрика цукорків «Фортуна Нова» / К. Авдикович. — Львів: Тріада-Плюс, 2010. — С. 28). Также митрополит передал созданному предприятию в аренду принадлежавшее ему здание и вложил свои деньги в покупку в Германии новейшего кондитерского оборудования. Кроме того, митрополит выделил ещё 2000 долларов на капитальный ремонт помещения для фабрики. Само помещение оценивалось в 10 тысяч долларов. Таким образом, затраты Шептицкого на первом этапе составляли 12 тысяч. По договору, предприятие должно было вернуть эту сумму в 1927 году со своей прибыли. Однако трудности начались уже при капитальном ремонте здания. Подрядчик повышал стоимость и несколько раз запрашивал дополнительные средства, так как первоначальных 2 тысяч не хватало для завершения работ. Когда возник вопрос о реальной стоимости работ, и почему она всё время завышается, инженер оскорбился и бросил неоконченное строительство. Пришлось поручать руководство работами другому человеку, но и тот не мог уложиться в срок. В октябре в не полностью отремонтированном помещении, наконец, смонтировали оборудование, и 1 ноября 1924 года фабрика «Фортуна Нова» заработала, давая ежедневно пять тонн продукции. Но с митрополитом пришлось в декабре заключить новый договор, по которому он выдавал фабрике дополнительный кредит 10 тысяч долларов. В общей сложности к моменту начала работы

зались не очень удачными. Трудности возникли с самого начала организации бизнеса, и возникли сомнения, сможет ли фабрика стать промышленным гигантом, как замышлялось изначально. В 1928 году Шептицкий великодушно простил Авдикович долг. А Климентина не сдавалась и старалась как могла наладить дело. В общем, ей это удавалось — в 1939 году на фабрике работало на немецком оборудовании 110 человек, продукция пользовалась спросом и продавалась в разных городах. Считается, что «Фортуна Нова» была предшественником известной и сегодня львовской кондитерской фабрики «Свиточ». А Климентина Авдикович в 1944 году эмигрировала в Австрию, где умерла в 1965 году в возрасте 82 лет¹⁵⁷⁴.

Развитие Галичины «шло достаточно интенсивно, чтобы можно было считать её хозяйственную будущность обеспеченной. Наличие благоприятных естественных условий и достаточно развитая экономическая самостоятельность населения» были предпосылками «для оптимистических выводов» относительно экономического будущего этого края¹⁵⁷⁵.

Но закончилось всё совсем не так, как предполагалось, — в 1939 году Западную Украину захватили советские войска, начавшие устанавливать свои порядки. В том числе — насаждать бюрократическую плановую экономику. «Большевистское нашествие смело с лица земли все наши достижения многолетнего тяжёлого труда»¹⁵⁷⁶. Так прервалась недолгая история галицкого капитализма, которому просто не хватило времени, чтобы полностью проявить себя. Кого-то из деятелей галицкой экономики арестовали сразу в 1939-м, кого-то — в 1945-м... А многим пришлось навсегда покинуть родные края и эмигрировать на Запад.

фабрики долг Авдикович (с учётом стоимости оборудования и его монтажа) вырос до 32 тысяч долларов (Там же, с. 30–33). Злые языки обсуждали её, обвиняя в том, что она не способна была организовать строительные работы. Думаю, что проблема состояла не в этом, а в особенностях деловой среды того времени. Кстати, через сто лет эта среда не очень-то изменилась, что хорошо понимаешь, когда читаешь о трудностях Климентины Авдикович.

¹⁵⁷⁴ Чорновол І. П. На досвітках «Світоча». Климентина Авдикович / І. П. Чорновол // Авдикович К. Перша українська фабрика цукорків «Фортуна Нова» / К. Авдикович. — Львів: Тріада-Плюс, 2010. — С. 7–11.

¹⁵⁷⁵ Галичина, Буковина, Угорская Русь. — М.: Задруга, 1915. — С. 169.

¹⁵⁷⁶ Раковский Р. Львів — централь української кооперації / Р. Раковский // Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252–1952. — Нью-Йорк: Червона калина, 1953. — С. 175.

Часть 6

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Глава 1.

ЭКОНОМИКА ОДНОГО СЕЛА

Посёлок на реке Белой

Экономика растёт, когда люди отказываются от старого во имя нового — новых технологий, товаров и форм бизнеса. Это то, что называют «созидательным разрушением». Тогда и происходит качественный скачок — апгрейд всей жизни. Впрочем, всё что имеет начало, имеет и конец, и всякая инновация со временем исчерпывает свои возможности.

В середине XIX века такое улучшение было связано с наступлением эпохи угля и стали, и особенно с главным продуктом этой эпохи — железными дорогами. Всё это сильно изменило повседневную жизнь людей того времени. Наверное, не меньше, чем нашу — Интернет и социальные сети. Но путь к эпохе угля и железа был очень долг, и больше столетия понадобилось от открытия первых месторождений угля в донецких степях до появления там металлургических заводов.

На реке Белой, притоке реки Лугань, находится посёлок Ящиково. Когда-то там был деревянный дом помещика, а на речке каменная мукомольная мельница. В старину речка была не такая уже и маленькая, метров десять в ширину и полтора метра глубиной. Водились в ней тогда щуки, окуни и пескари, а в балке, где росли дубы и другие деревья, встречались

волки, лисы и зайцы. Крестьяне осваивали земли, выращивали рожь, пшеницу и овёс, а вдоль реки были огороды. В небольшом и бедном селе не было даже церкви — молиться ходили в соседнее, с громким названием Андрианополь. Туда же ездили на ярмарку. Церковь появилась в Ящиково только в начале XXI века, её построил мой старший брат Валерий. В полусотне километров от села пролегал крупная дорога, «почтово-ямщицкий тракт», как тогда её называли, — она шла через Бахмут на Харьков. Но от Ящиково она была далековато.

Казалось бы, что примечательного в этом селе (в XX веке — шахтёрском посёлке на Луганщине) — кроме того, что это моя родина? Однако есть версия, что именно там нашли одно из первых месторождений донецкого угля. К истории про начало добычи угля мы ещё вернёмся, а сейчас разберёмся, какой была до начала эпохи угля экономика того края, который потом стали называть Донбассом. Это хорошо видно на примере села Ящиково.

Первоначально оно находилось на «бесхозных» землях, а со временем стало собственностью серба Максима Штерича, где он развил бурную хозяйственную деятельность. Прежде всего, необходимо было заселить малолюдные земли крестьянами, и в 1797 году в Ящиково насчитывалось уже 69 дворов и около трёх сотен жителей. В основном это были выходцы из Приднепровской Украины — Божки, Руденки, Горобцы... Позже, во времена угольных бумов, посёлок разросся за счёт приехавших на работу как из украинских, так и российских сёл. Так приехал на работу уже в советское время и мой отец, Захар Мошенский.

А в конце XVIII века экономика Ящиково, как и соседних сёл, была очень простой. Выращенное зерно нужно было молотить, и так в селе появилась первая водяная мельница с тремя жерновами (её остатки разобрали только в конце 1940-х годов), при которой была «толчея» и «сукновальня», для производства пеньки и сукна. Для изготовления мельничных жерновов возле села стали добывать камень — песчаник. Жернова пользовались спросом в других сёлах, а их продажа давала хорошую прибыль. Так зарождалась протопромышленность. Была в селе и «винокурня», производившая водку (в то время — самый прибыльный бизнес). От её продажи Максим Штерич получал немалые на то время доходы. Он

основал в Ящиково пасеку и заложил фруктовый сад. В моё время давно уже не было ни сада, ни пасеки, осталось только название мест — «пасека», «панский сад».

Каким ещё бизнесом могли заниматься местные помещики? Одна из дочерей умершего в возрасте всего лишь 32 лет Максима Штерича, Екатерина Максимовна, вышла замуж за помещика из соседнего села штабс-капитана Дмитрия Перича (после выхода в отставку Перич устроился на службу в суд города Бахмут). Приданным Екатерины стали 149 крестьян и одна шестая часть села Ящиково (у Максима Штерича было шесть детей — два сына и четыре дочери, им поровну достались в наследство части села). Однако это приданое Екатерины не давало большого дохода, и чтобы как-то заработать, в 1824 году она взяла у богатого екатеринославского купца Моисея Трояновского в долг деньги (под залог крепостных крестьян и части земель села Ящиково) на содержание почтовых станций Успенской и Старославянской, а также семи почтовых «троек» (экипажей, запряжённых тремя лошадьми). С 1830 по 1833 год муж Екатерины, Дмитрий Перич, содержал Александропольскую и Старославянскую почтовые станции и ещё одну тройку лошадей при Славяно-сербском земском суде.

Каменный уголь

Но главным бизнесом вскоре стала добыча угля. О каменном угле в этих краях знали давно, «потому что в безлесных горах он выходит наружу в бесчисленно многих местах. Кроме того дождевые и снеговые воды открывают ежегодно в оврагах новые пласты каменного угля»¹⁵⁷⁷. Обломки каменного угля археологи находили на территории посёлка даже в древних захоронениях, которым более четырёх тысяч лет.

В 1723 году в этой почти не населённой местности, куда в то время иногда ещё заходили отряды татар и забредали редкие козаки (со стороны нынешнего посёлка Чернухино, где в те времена проходил «секретный шлях» из Сечи на Дон), появилась экспедиция Семёна Чиркова (капитан, воз-

¹⁵⁷⁷ Любимов П. О российской каменноугольной формации и заключающихся в оной частных местонахождениях каменного угля / П. Любимов // Горный журнал. — 1833. — № 10. — С. 21-23.

главлявший Бахмутский сторожевой батальон) и Никиты Вепрейского (представлявший в Бахмуте гражданскую власть). Они взяли на откуп «солеварни» в Бахмуте, создав для этого партнёрство (как тогда говорили, «компанию»). Для выпаривания соли вначале применяли дрова, так как уголь давал слишком сильный жар. Однако при солеварнях были кузницы, где изготавливали «сковороды» для выпаривания соли. Обычно в кузницах тогда использовали древесный уголь, но леса в окрестностях Бахмута уже сильно вырубili на дрова, и Вепрейский с Чирковым решили перейти на каменный уголь вместо древесного.

В поисках наиболее удобного для добычи угля места они оказались в районе будущего села Ящикова¹⁵⁷⁸ возле яра с таким же названием, известного ещё запорожцам (когда-то эти земли входили во владения Запорожской Сечи как часть Кальмиусской паланки). Там экспедиция нашла пласты угля.

Это были необжитые края, хотя и находились они не очень далеко от Бахмута. Об открытии месторождения Вепрейский и Чирков доложили царю Петру I, передав в Петербург образцы. Их осмотрел нанятый царём на службу английский мастер Никсон. Он признал, что уголь по качеству не уступает лучшему британскому. И в следующем 1724 году на берега речки Белой отправилась новая экспедиция, которой руководил сам Никсон. Изучив пласты угля, англичанин рекомендовал начать здесь добычу¹⁵⁷⁹.

В этом же 1724 году¹⁵⁸⁰ начинается история самого села. С экспедицией Никсона приехали наёмные работники, копавшие шурфы, и когда экспедиция вернулась обратно, часть их осталась, чтобы добывать уголь и отправлять его в Бахмут. На месте тех простейших угольных копей и появилось Яшиково. Так что даже само возникновение моей «Яшиковки» (как обычно называют село местные жители) связано с по-

¹⁵⁷⁸ Подов В. І. Історія Донбасу / В. І. Подов, В. С. Курило. — Луганськ: Луганський університет, 2009. — С. 86. Мнение этих авторов, основательно изучавших историю края, вызывает гораздо больше доверия, чем их критиков с поверхностными работами.

¹⁵⁷⁹ Подробнее см.: Подов В. И. История Донбасса. В 3 т. Т. 1. Донбасс в XVII–XVIII веках / В. И. Подов. — Луганск: Alma Mater, 2004. — С. 148–149. Гайко Г. І. Нарис історії гірництва в Україні / Г. І. Гайко, В. С. Білецький. — К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2022. — С. 58.

¹⁵⁸⁰ История городов и сёл Украинской ССР. В 26 т. Ворошиловградская область. — К.: Гл. редакция укр. сов. энциклопедии, 1976. — С. 513.

требностями индустриальной эпохи. Впрочем, в 1724 году таких слов никто ещё не слышал.

Однако постоянную добычу угля там удалось начать лишь ближе к концу столетия — до того эти земли не были безопасны. В 1735 году татары в очередной раз разорили край, и набеги прекратились только после окончания Русско-турецкой войны 1735–1739 годов. А по-настоящему обстановка стала спокойнее с середины XVIII века, когда и началось заселение свободных территорий. Царское правительство пожаловало эти земли перешедшим на военную службу выходцам из Сербии.

Первые попытки добывать уголь в Ящиково связаны с именем владельца села, майора Максима Афанасьевича Штерича (1760–1792), «больше десяти лет упражняющегося в поисках угля и руд», не жалея «потерянного немалого капитала»¹⁵⁸¹. Его двоюродный брат Пётр Иванович Штерич¹⁵⁸², получивший горное образование в Саксонии, ещё больше был увлечён поисками угля, и даже был награжден орденом Св. Владимира за открытие и добычу угля и железной руды¹⁵⁸³. А Максим Штерич открыл в селе шахту глубиной более 50 метров. Братья использовали уголь в качестве топлива на своих винокурнях, что было в то время серьёзной инновацией. Кое-кто насмехался над начинающими предпринимателями, не понимая, что такие, как они, закладывают фундамент новой эпохи — эпохи угля.

После смерти Максима Штерича добыча угля в Ящиково на время заглохла. Хотя его шахта в 1795 году ещё существовала, к началу XIX века она уже полностью обвалилась¹⁵⁸⁴. В то время шахты мало напоминали современные — это были колодцы с деревянным воротом, на верёвке вниз опускали работников и ведрами поднимали добытый уголь. До начала настоящей эпохи угля и железа ещё было далеко.

¹⁵⁸¹ Лист дідича Донецького повіту Петра Штерича В. Каховському, 28. XI. 1792 р. (Полонська-Василенко Н. Матеріали до історії гірничої промисловості Донбасу / Н. Полонська-Василенко // С. 222).

¹⁵⁸² Их отцы, приехавшие из Сербии в 1750-е годы, были представителями древнего дворянского рода, корни которого уходили ещё в Венецию.

¹⁵⁸³ Подробнее о Петре Штериче см.: Курило В. С. Нариси історії Луганщини / В. С. Курило, О. В. Набока, О. А. Забудкова. — Полтава, Київ: Талком, 2023. — С. 139–143.

¹⁵⁸⁴ Любимов П. О российской каменноугольной формации и заключающихся в оной частных местонахождениях каменного угля / П. Любимов // Горный журнал. — 1833. — № 10. — С. 21–22.

Однако попытки добывать уголь продолжались. Его везли на подводах сначала в Таганрог, а позже и в новые приморские портовые города, особенно в Одессу. Уголь использовался там на первых предприятиях, также для отопления, а потом — и как топливо для пароходов. До 1850-х годов в портовых городах Чёрного и Азовского морей был распространён в основном английский уголь, но не потому, что он превосходил по качеству уголь Донбасса. Перевозившие в Англию зерно корабли на обратном пути загружали его в качестве балласта, поэтому он был не дороже местного. Ситуация изменилась после Крымской войны 1850-х годов, когда английский уголь перестали привозить и возрос спрос на уголь Донбасса¹⁵⁸⁵. Вскоре добыча угля стала превышать спрос, и в 1844 году наступил кризис перепроизводства — цена угля снизилась с 28 копеек за пуд до 20 копеек¹⁵⁸⁶.

С середины XIX века, когда прибыль от добычи угля составляла в среднем 50 % на вложенный капитал¹⁵⁸⁷, помещики, «бросившиеся открывать шахты ещё до реформы», теперь «сразу возложили все свои надежды на уголь, от которого ждали лёгкого и быстрого обогащения». Все, у кого имелись под землёй угольные пласты, «бросились с горячностью и лихорадочной поспешностью, но без всякого знания и расчёта на разработку угля». Однако «одними землевладельцами дело не ограничилось. К ним скоро примкнул целый легион дельцов и аферистов», после чего началась «энергичная деятельность», а шахты «открывались десятками на собственной земле» и на «арендованной у помещиков и крестьян», при этом платились «сумасшедшие арендные деньги»¹⁵⁸⁸. В донецком «Клондайке» отношения между предпринимателями

¹⁵⁸⁵ Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна / Г. Д. Бакулев. — М.: Гостехиздат, 1955. — С. 84–86.

¹⁵⁸⁶ Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность юга России. В. 2 т. Т. 2 / П. И. Фомин. — Харьков: «Хозяйство Донбасса», 1921. — С. 8. Второй «угольный кризис» наступил в 1873 году. Цена угля упала в 6–8 раз, с 12–16 копеек за пуд до 2 копеек (Там же, с. 21). Он был вызван снижением спроса под влиянием мирового финансового кризиса 1873 года.

¹⁵⁸⁷ Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна / Г. Д. Бакулев. — М.: Гостехиздат, 1955. — С. 97.

¹⁵⁸⁸ Ан-ский С. А. Очерк каменноугольной промышленности / С. А. Ан-ский // Русское богатство. — 1892. — № 1. — С. 3–4. «Здесь богатый и несчастный край» всегда служил «приманкой для разных искателей лёгкой наживы», он привлекал к себе «сотнями и тысячами всевозможных дельцов и аферистов, которыми кишат все города, деревни, станции и рудники, углы и закоулки Донецкого бассейна» (Там же, с. 5).

стали очень жёсткими. «Это область сплошных обманов, вымогательства, произвола и нарушения условий»¹⁵⁸⁹. «Сила договора, честного слова или обещания тут ничего не значит», поэтому «до такой степени укоренилась система неустоек по условиям, что даже многие хозяева, запродав уголь одному лицу, не стесняются уступить его другому, если он даст цену выше»¹⁵⁹⁰. Часто фальсифицировали и состав угля — ведь каменный уголь, как хорошо известно специалистам, содержит в различных количествах примеси породы, в том числе серного колчедана. Однажды большая партия ящиковского угля была поставлена на Ростово-Владикавказскую железную дорогу. При этом большие примеси серного колчедана не были показаны в анализах, и когда уголь сложили в штабели, произошло его самовозгорание¹⁵⁹¹.

Новые владельцы Ящиково — Перичи, а потом Долгоруковы — тоже пытались строить помещичьи шахты, но масштабную добычу угля они так и не смогли наладить. И это при том, что князь А. С. Долгоруков был не просто помещиком, а человеком опытным в бизнесе¹⁵⁹².

В окрестностях кроме помещичьих встречались и крестьянские шахты — они появились после отмены крепостного права, когда крестьяне получили землю. Хотя такие шахты были очень примитивными (уголь там добывали с помощью кайла, лопаты и ворота), для их создания всё равно требовались деньги. Поэтому крестьяне часто объединялись в партнёрства (обычно в них было человек пять) и вносили пай — в среднем 5–10 рублей. Так в партнёрствах происходило не только объединение труда, но и капиталов.

А если крестьянин не имел денег для внесения пая, он продавал по сниженной цене скупщикам тот уголь, который он должен был добыть в будущем. Иногда крестьянин побогаче вносил пай за не имевшего денег. Проценты по своему долгу он получал добытым углём из расчёта 8 %

¹⁵⁸⁹ Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность юга России. В. 2 т. Т. 2 / П. И. Фомин. — Харьков: «Хозяйство Донбасса», 1921. — С. 9.

¹⁵⁹⁰ Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность юга России. В. 2 т. Т. 1 / П. И. Фомин. — Харьков: Тип. Б. Бентис, 1915. — С. 113.

¹⁵⁹¹ Лисенко К. О составе ящиковского каменного угля (Донецкий бассейн) / К. Лисенко // Горный журнал. — 1880. — № 7–8. — С. 168–171.

¹⁵⁹² Он был не только крупным землевладельцем (63 400 десятин), но и владел двумя сахарными заводами в Черниговской губернии, входил в правление Русско-бельгийского общества производства химических продуктов, был почётным членом Совета торговли и мануфактур Министерства финансов.

годовых. Паи в таких партнёрствах можно было продавать и покупать.

Шахтёрскими «биржевыми» делами по продаже паёв, а также организацией артелей по добыче угля в Ящиково занимался в начале XX века ещё молодой сын разбогатевшего крестьянина, Яков Иванович (его большой и статусный по тем временам каменный дом сохранился и поныне). В этом ему помогал мой прапрадед по материнской линии Иван Степанович Руденко — писарь сельской управы, в то время важный человек. Впрочем, среди крестьян разбогатели в Ящиково на добыче угля немногие — всего лишь пару семей. Писарь в их число не входил.

Крестьянам также было выгодно сдавать земельные участки с залежами угля. Часто это были только недра, а поверхность они продолжали обрабатывать. Обычно деньги от такой аренды шли в пользу крестьянской общины.¹⁵⁹³

Однако «несмотря на открытие целого ряда месторождений», до начала 1860-х годов «развитие добычи угля шло вяло и медленно»¹⁵⁹⁴. Сначала не хватало знаний, капиталов и возможностей транспортировать уголь. Позже знания появились, а с началом постройки железных дорог вырос спрос на уголь, и больше появилось способов его доставки. А вот капиталов у помещиков-землевладельцев всё равно не хватало. Чтобы получить эти капиталы, необходимо было создавать акционерные общества и продавать акции. А это было вне менталитета помещиков.

Всё изменилось только в конце XIX века. Тогда, после начала массовой добычи угля для металлургических заводов, пришли в эти края иностранные инвестиции и настоящий серьёзный бизнес. А землевладельцы в это время поняли, что им проще и выгоднее сдавать земли с месторождениями в аренду крупным предпринимателям. Причём не только французам или бельгийцам — в окрестностях

¹⁵⁹³ 22 июня 1900 года были утверждены Условия деятельности бельгийского «Анонимного общества соединённых угольных копей юга России», в котором говорилось что общество начинает деятельность по эксплуатации каменно-угольных месторождений на землях, «принадлежащих обществам крестьян» в Васильевке (1800 десятин), Михайловке (810 десятин) и Ящиково (778 десятин) (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Отделение I. — Т. XX. С. 107. № 18921).

¹⁵⁹⁴ Торговля и промышленность европейской России по районам. Вып. IX. Южная горнопромышленная полоса. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. — С. IX.

Ящиково земли под добычу угля арендовали «Донецко-Юрьевское металлургическое общество» Алексея Алчевского и крупная Борисово-Валентиновская копь екатеринославских купцов Д. И. Бернштейна и Ф. Я. Берлина на землях князя А. С. Долгорукова¹⁵⁹⁵. Часть земель купил Б. К. Юмашев, предприимчивый сын врача. Это была удачная инвестиция — он открыл там свой рудник по добыче угля, со временем выгодно сдав Юмашевскую копь в аренду тому же «Донецко-Юрьевскому металлургическому обществу». В имениях Долгорукова и Юмашева продолжали заниматься в основном сельским хозяйством, их «экономии» национализировали в 1920 году.

Дюшан де Вулич

А в 1910 году 39-летним французом Дюшаном де Вуличем была учреждена «Компания екатерининских угольных копей в Ящиково»¹⁵⁹⁶, зарегистрированная в далёком Париже, о котором в селе мало кто слышал. Директором компании в первый год был землевладелец Александр Сергеевич Долгоруков (он вскоре умер в 1912 году), получивший свой пакет акций.

Де Вулич родился в Орокани (Грузия) 28 июня 1871 года. Его отец, Пьер де Вулич, был генеральным консулом Турции в Париже. А Дюшан закончил Парижскую горную школу, став инженером и автором многих запатентованных изобретений.

В Ящиково добычу угля компания де Вулича начала в 1911 году¹⁵⁹⁷, заложив две шахты¹⁵⁹⁸, которые «были срав-

¹⁵⁹⁵ В 1881 году по распоряжению Долгорукова здесь заложили угольную шахту, но работала она совсем недолго. Возобновили добычу уже Бернштейн и Берлин в 1905 году (По Екатерининской железной дороге. Вып. 2. — Екатеринослав: Тип. Екатерининской железной дороги. 1912. — С. 258).

¹⁵⁹⁶ Устав «Компании екатерининских угольных копей в Ящиково Славяносерб. уезда Екатерининских губернии», заявленный у парижского нотариуса господина Муан 7 марта 1910 года. — Екатеринослав, 1911. — 30 с. Капитал компании составлял 6,5 млн франков (Lewery L. Foreign capital investment in Russian Industry and commerce / L. Lewery (Miscellaneous Series, № 124). — Washington: Government printing office, 1923. — P. 11).

¹⁵⁹⁷ French Exploitation of Donetz Coal // Mining Journal. — 1911. — Vol. 92. — P. 133.

¹⁵⁹⁸ Третья, самая крупная шахта была заложена недалеко от Ящиково, и возле шахты возник посёлок Екатериновка. В советское время его переименовали в Артёмовск, но местные жители называли и называют этот городок «Десятая шахта».

нительно прилично устроены»¹⁵⁹⁹. После Февральской революции 1917 года компания столкнулась с кризисом неплатежей — покупатели не рассчитывались за уголь. Новая власть требовала повышения зарплат и вообще вмешивалась в дела рудника. Стало ясно, что «на следующую получку денег опять не будет», после чего де Вулич заявил, что больше управлять предприятием не может, всё бросил и уехал в Харьков, мечтая «отделаться от неприятностей русской революции, получить за свой рудник чистоганом и бежать в свою милую Францию»¹⁶⁰⁰.

После Октябрьской революций 1917 года Екатерининская компания уже не могла добывать донецкий уголь — её имущество национализировали. Однако де Вулич не растерялся, это было не свойственно его активному характеру — компания во Франции продолжала существовать и развиваться. Её прибыли значительно выросли (дела предприятия стали ухудшаться только во времена Великой депрессии 1930-х годов)¹⁶⁰¹.

Будучи евреем, Дюшан де Вулич вместе с братьями погиб от рук нацистов во время Холокоста. А саму Екатерининскую компанию (которая по первоначальному замыслу должна была существовать до 1990 года) перед Второй мировой войной купил один из французских банков¹⁶⁰², и она продолжала работать до 1950-х годов.

Так благодаря французским капиталам и возник посёлок в том виде, каким я его застал. Работники стали селиться во-круг больших шахт № 11 и № 9 — последняя из них находилась совсем близко от моего родного дома, и в детстве я всё время видел её террикон.

¹⁵⁹⁹ Как создается промышленная разруха // Донецкий пролетарий. — 1917. — № 10, 24 июня.

¹⁶⁰⁰ Там же.

¹⁶⁰¹ Cie des Charbonnages d'Ekatherine. — <https://dfih.fr>

Кроме Екатерининской компании, де Вулич стал учредителем и нескольких других предприятий, в том числе во Франции, Болгарии и Турции, где у Екатерининской компании был филиал в Константинополе (Banque Ottomane. Monthly Circular. — Constantinople, 1929. — P. 8).

¹⁶⁰² 1951.03.00.De Roger Mennevée. Les Documents de l'AIII.Article. — <https://www.wormsetcie.com>

Как уголь изменил жизнь

В начале XX века эпоха индустриального капитализма сильно изменила жизнь села. На натуральном аграрном хозяйстве сильно не разбогатеешь, особенно если земли каменистые и сухие. А с началом добычи угля у людей появилась работа. Везде, где добывался уголь, повторялось одно и то же. «Уголь развозили во все концы земного шара, в такие места, о которых шахтёр даже понятия не имел; благодаря этому углю вращались колёса промышленности, производя товары, которых шахтёр никогда в своей жизни не видел и не увидит. Уголь будет ткать дорогие шелка для прелестных женщин, будет шлифовать драгоценные камни для их украшений; он будет мчать через пустыни и горные хребты поезда с мягкими спальными вагонами и уводить роскошные пароходы от зимних бурь в сверкающие синевой тропические моря»¹⁶⁰³.

Замена древесного топлива углём позволила использовать огромные запасы энергии, накапливавшейся в глубинах земли миллионы лет. Однако труд в шахтах был изнуряющим, тяжёлым и опасным, на грани каторжного — угольная пыль, спёртый воздух, травмы. «В чёрной пыли... смешались жизнь и смерть, и труд, и деньги, и пот, и кровь»¹⁶⁰⁴. Тяжёлый труд во времена индустриализации породил миф (во многом пропагандистский) об ухудшении жизни рабочих. В действительности же индустриальный капитализм не только создал сам рабочий класс и повысил производительность труда, но и поднял стандарты материального благополучия. У тех людей, для которых не было работы в селе, появились новые рабочие места. Романтизировать доиндустриальный сельский образ жизни у них не было никакого желания. Вокруг открывающихся шахт строились новые дома (чаще всего не самого лучшего качества), больницы и школы, а возле конторы замостили улицу булыжником и поставили электрические дуговые фонари.

«Здесь всё казалось необычным, шахтные постройки, подъездные пути, жилые бараки рабочих; но особенно поражала подвесная двухканатная дорога. По одному канату этой железной дороги от рудника к соседней станции непрерыв-

¹⁶⁰³ Синклер Э. Король-Уголь / Э. Синклер. — <https://www.you-books.com>

¹⁶⁰⁴ Кронин А. Звёзды смотрят вниз / А. Кронин. — Донецк: Донбасс, 1982. — С. 576.

ным потоком ползли вагонетки, гружённые углём, а навстречу им по другому канату возвращались пустые»¹⁶⁰⁵. А больше всего «поражало наличие здесь иностранцев: немцев, французов, англичан, бельгийцев, а также обилие всякого рода машин и механизмов; электрическое освещение и вообще использование электроэнергии в производстве. Впервые я увидел электрические лампочки в шахте»¹⁶⁰⁶.

На шахтах требовались специалисты, и рабочие получили доступ к профессиональному образованию — некоторых детей отправляли даже в Луганскую горную школу. Жизнь в рабочем посёлке, как и в городе, для многих становилась привлекательнее. Так рабочие выиграли от создания промышленности. А уголь, этот символ индустриализации, преобразовывал экономику и повседневную жизнь миллионов, меняя её привычный уклад и ритм.

¹⁶⁰⁵ Такая же канатная дорога была и на двух ящиковских шахтах.

¹⁶⁰⁶ Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни (Воспоминания). Кн. 1. / К. Е. Ворошилов. — М.: Политиздат, 1968. — С. 26–27; 30.

Глава 2.

БРИТАНЕЦ В ДОНЕЦКИХ СТЕПЯХ

Уголь и сталь

Уголь и сталь во второй половине XIX века стали фундаментом новой эпохи — эпохи индустриального капитализма. Позже к ним добавились нефть и электричество, но начиналось всё с угля. И железной руды. А их на юго-востоке Украины (в то время — в составе Российской империи) хватало — запасы донецкого угля и криворожской руды оказались огромными, а их разработка только начиналась. Так богатые природные ресурсы юго-востока сделали его центром индустриального капитализма.

В дополнение к этим ресурсам нужны были ещё и капиталы, и они тоже появились, особенно ближе к концу XIX века. С началом финансовой глобализации в этот регион устремились потоки иностранных инвестиций — преимущественно французских и бельгийских. Иностранные инвесторы не вывозили продукцию с предприятий юго-востока — экономически это не имело смысла, так как в Западной Европе хватало своего металла, и он был дешевле. Вывозили только прибыль, а продукция металлургических и машиностроительных заводов имела большой спрос на внутреннем рынке,

применяясь главным образом для строительства новых железных дорог.

«Всего 15–20 лет прошло с тех пор, как стал развиваться... новый горнозаводской район». По темпам роста «успехи совершенно неслыханные», а «картина развития производства — чисто американская»¹⁶⁰⁷. Сравнение нового индустриального региона с Америкой стало модным в годы общего подъёма конца 1890-х. Многие считали, что среди донецких и криворожских степей перед предпринимателями открываются такие же безграничные возможности, как в Штатах. Отчасти это было так, но сходство оказалось очень поверхностным. Кроме фундаментальных отличий, связанных с культурными традициями, демократией, предпринимательской и личной свободой, существовали и другие, вполне экономические причины.

Хотя в США промышленность тоже создавалась в основном за счёт европейских инвестиций, эти капиталы поступали «через посредство тысяч различных каналов, через посредство массы частных обществ». На юго-востоке Украины иностранные капиталы поступали централизованно по разрешению властей, поэтому их судьба была «исключительно в руках правительства»¹⁶⁰⁸. А централизованная и децентрализованная экономические системы — это совершенно разные вещи.

Первоначально министр финансов Сергей Витте «ставил своей задачей возрождение Урала. Однако... падение уральской промышленности всё увеличивалось — при явном поощрении промышленности Донецкого бассейна»¹⁶⁰⁹. Там появились «новые люди, новые капиталы, новое отношение к делу. Всё это несут сюда иностранцы, которые безлюдную степь Криворожья превратили... в Шеффилд и Ливерпуль»¹⁶¹⁰. Поэтому Витте решил, что и проще, и лучше создавать совершенно новые предприятия, используя

¹⁶⁰⁷ Пажитнов К. А. Развитие каменноугольной и металлургической промышленности на юге России (Очерк из новейшей истории русской промышленности) / К. А. Пажитнов // Народное хозяйство. — 1905. — № 3. — С. 26.

¹⁶⁰⁸ Леруа-Болье П. Падение русских промышленных ценностей и кризис железной и угольной промышленности в России / П. Леруа-Болье // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1901. — № 41. — С. 58, 59.

¹⁶⁰⁹ Лутохин Д. А. Граф С. Ю. Витте как министр финансов / Д. А. Лутохин. — Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. — С. 16.

¹⁶¹⁰ Сысертский округ и английские капиталы // Финансовое обозрение. — 1912. — № 14. — С. 4.

иностранные инвестиции и передовые на тот момент технологии, а не реконструировать старые. Так крупный индустриальный регион на юго-востоке Украины стал более современным, чем устаревшая металлургическая промышленность Урала. Юго-восток развивался очень динамично и привлекал всеобщее внимание. В середине 1890-х годов, когда началась «промышленная горячка», металлургические заводы вырастали «как грибы»¹⁶¹¹. К началу XX века здесь появилось немало успешных капиталистов.

Первым из иностранных инвесторов стал англичанин Джон Хьюз (здесь его обычно называют Юз). За ним пришли французы — царская империя и Франция стали союзниками, поэтому для проникновения французских капиталов создавались самые благоприятные условия. С конца XIX века на первое место вышли бельгийские инвесторы — до Первой мировой войны Бельгия по своему промышленному потенциалу и богатству ненамного уступала Франции. А в 1910-е годы французские капиталы снова стали доминировать.

Так появилось два новых и крупных индустриальных центра — донецкий в Юзовке и приднепровский в Екатеринославе. Рабочий посёлок Юзовка (будущий Донецк) вокруг металлургического завода Джона Хьюза тогда ещё мало напоминал город, в отличие от Екатеринослава (будущий Днепр). Однако главным финансовым центром юго-востока Украины стал Харьков, где была лучше всего развита финансовая инфраструктура и появилась товарно-фондовая биржа.

В сущности, вопрос о том, какой из городов важнее, является второстепенным. Действительно существенным оказалось другое — близость богатых месторождений угля и крупных запасов железной руды, что стало основой индустриального бума на юго-востоке Украины. Но кроме угля и руды для того, чтобы этот бум стал возможным, необходимо было ещё одно условие — создание сети железных дорог для транспортировки сырья и готовой продукции.

¹⁶¹¹ В 1895 г. открылось 7 заводов, в 1898 г. — 12, в 1900 г. — 16, в 1902 г. — 20 (Пажитнов К. А. Развитие каменноугольной и металлургической промышленности на юге России (Очерк из новейшей истории русской промышленности) / К. А. Пажитнов // Народное хозяйство. — 1905. — № 3. — С. 40–42).

Транспортные артерии

В инфраструктурном отношении решающим событием стала постройка железных дорог, связавших Донбасс и Кривой Рог. Они обеспечивали углём металлургические предприятия, строившиеся в районе Екатеринослава, и качественной рудой — предприятия в Донбассе¹⁶¹².

«Главным препятствием к успешному развитию каменноугольной промышленности» было отсутствие дороги, «прорезывающей Донецкий бассейн вдоль, с востока на запад»¹⁶¹³. До середины XIX века эта проблема оставалась практически не решаемой — единственным транспортным средством являлись чумацкие возы, запряжённые волами. Чумаки за оплату могли везти грузы куда угодно, но возможности такого транспорта для массовой перевозки угля, руды или изделий из железа оказались ограниченными. Новые перспективы появились с началом железнодорожного бума. Дороги стали строить во многих странах, и уже не обсуждался вопрос, нужно ли это делать — все поняли что нужно.

В 1875 году Министерство путей сообщения приняло решение построить Донецкую каменноугольную дорогу, предназначенную преимущественно для транспортировки угля. Концессию получил известный промышленник С. И. Мамонтов. Уже через четыре года началось движение по этой линии длиной более четырёхсот километров, связавшей шахты Донбасса и соседние промышленные центры. А в 1880–1884 годах, наконец, построили Екатерининскую железную дорогу между Донбассом и Кривым Рогом. «Важнейшим фактором развития донецкой горнозаводской промышленности была постройка донецкой железнодорожной сети и в особенности Екатерининской дороги, соединившей в 1884 г. криворожскую руду с донецким углём»¹⁶¹⁴.

К началу XX века создание транспортной сети на юго-востоке Украины в общем завершилось. Система дорог и крупные железнодорожные узлы в Харькове, Екатерино-

¹⁶¹² В Донбассе имела своя железная руда, хотя её качество оказалось хуже, чем у криворожской.

¹⁶¹³ Ауэрбах А. А. Воспоминания о начале развития каменноугольной промышленности в России / А. А. Ауэрбах // Русская старина. — 1909 — Т. 138. — Апр. — июнь. — С. 460.

¹⁶¹⁴ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование / М. И. Туган-Барановский. — М.: Наука, 1997. — С. 339.

славе и Киеве обеспечили связь между горнодобывающими и металлургическими компаниями. Это ускорило появление новых крупных предприятий (Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы), а рельсы стали основной продукцией металлургических предприятий.

Инженер из Уэльса

В то время многие считали, что «наиболее деятельным и полезным является английский капитал», выступающий «в творческой роли предпринимательского». И «нет более вредного для народного хозяйства капитала, чем французский», получивший «всемирную славу ростовщического»¹⁶¹⁵. Однако на деле и во второй половине XIX, и в начале XX века английские инвесторы в целом не проявляли особого интереса к экспорту капитала на юго-восток Украины.

Хотя экономически инвестиции в новые предприятия этого индустриального региона были вполне выгодными, в то время Англия создала глобальную колониальную империю, и направлений для экспорта капитала у британцев стало более чем достаточно по всему миру — от Индии до Австралии и Аргентины. Вкладывать туда капиталы было и надёжнее, и проще. Однако в истории юго-востока Украины первопроходцем оказался всё-таки англичанин — Джон Юз. «В деле железнодорожного строительства особую услугу оказал нам именно английский капитал»¹⁶¹⁶.

Юз родился в 1814 году в одном из крупнейших промышленных городов Южного Уэльса — Мертир-Тидвил, в то время основного центра английской металлургической промышленности. Отец Джона руководил крупным металлургическим заводом Cyfarthfa Ironworks на северо-западе Мертир-Тидвила. Юноша работал помощником горного на том же заводе, где и отец, с ранних лет постигая секреты металлургии. В 28 лет он переселился в город Эбби Вейл, где решил начать собственное дело и купил судостроительную верфь, а в 1850 году — литейный и механический завод в Ньюпорте.

¹⁶¹⁵ Открытие нового банка // Финансовое обозрение. — 1911. — № 20-21. — С. 10.

¹⁶¹⁶ Мигулин П. П. Иностранные инвестиции в России // П. П. Мигулин // Новый экономист. — 1913. — № 12. — С. 3.

В середине 1850-х Джон перебрался в Лондон и стал инженером Мильвольского металлопрокатного завода (Millwall Iron Works Company), а с 1860 года руководил этим предприятием. Там Юз усовершенствовал конструкцию лафетов для дальнобойных артиллерийских орудий и разработал новую сталь для бронированных листов, которыми обшивали деревянные военные корабли.

Как раз в это время царское правительство искало в Западной Европе производителя брони и проводило испытания броневых плит французских и английских заводов. Лучшей признали по качеству броню завода Юза, после чего там разместили крупный военный заказ на изготовление бронированных плит для форта «Константин» в Кронштадте. Ещё недавно, во время Крымской войны, этот форт обстреливали с моря британские корабли, а теперь на английском заводе делали броню для его укрепления.

Так у Джона появились новые знакомства и связи, которые в дальнейшем ему очень пригодились. За время выполнения военного заказа он часто общался с российскими военными инженерами — генералом Эдуардом Тотлебенем и полковником Герном¹⁶¹⁷. Полковник рассказал Юзу о донецком угле и о том, что князь Сергей Кочубей получил концессию на строительство металлургического завода, но может её продать. Так что в донецких степях Джон Юз оказался вовсе не случайно.

Когда в 1869 году он узнал о богатых залежах донецкого угля, то понял, что там можно развернуть крупный бизнес. Его вдохновлял не только предпринимательский энтузиазм, но и более прозаические причины. В 1860-е годы британскую металлургическую промышленность охватил кризис перепроизводства. Многие давно построенные заводы устарели технологически и не могли перейти на выплавку стали вместо чугуна, хотя на более долговечные стальные рельсы спрос был выше, чем на чугунные. Поэтому часть английских заводов пришлось закрыть, и металлурги искали себе работу в Австралии, Америке, Бразилии и других странах¹⁶¹⁸. А Джон Юз решил начать своё дело в донецких степях.

¹⁶¹⁷ Оттомар Герн — потомок немецких дворян из Литвы и морской инженер. Он убедил Дж. Юза в перспективности донецкого проекта.

¹⁶¹⁸ Emigration from Liverpool // The Times. — 16 June 1869. — P. 4. — Col. 1. — The Times. — <http://www.time.com>; The Times digital archive, 1785–1985. — <http://www.columbia.edu/cu>; Emigration to Australia // The Times. — 16 June 1869. —

Донецкий уголь

Про уголь в донецких степях знали давно. Его было так много, что иногда чёрные пласты выходили на поверхность в степных балках, и местные пастухи знали эти места. В 1837–1839 годах в тех краях работала геологическая экспедиция с целью оценить запасы угля и железной руды. Через несколько лет, в 1842-м, один из руководителей экспедиции, французский геолог Фредерик Ле Пле, издал в Париже книгу¹⁶¹⁹, в которой высказал идею, что донецкий уголь есть смысл добывать именно вместе с железной рудой. Тогда и для угля найдётся применение, и металлургическое производство будет иметь поблизости топливо. И что руда там на самом деле не такая плохая, как до того считалось. Необходимо лишь правильно организовать производство, которое во время пребывания геолога в Донбассе было ещё очень примитивным.

На протяжении XIX века царские власти не раз пытались начать здесь добычу угля и создать промышленность. Правительство четыре раза пробовало построить металлургический завод, но «каждый раз терпело неудачу. Первым в Донецком бассейне было строительство металлургического завода в Луганске, порученное англичанину Гаскойну. Облечённый широкими полномочиями, приехал с Урала, с Ижорского завода, в донецкие степи статский советник и кавалер русского ордена мистер Гаскойн. В 1795 году царское правительство отпустило в распоряжение Гаскойна 650 000 рублей; обеспечило горнозаводскими материалами из Петрозаводска; разрешило использовать для строительства военнопленных поляков, взятых в плен Суворовым при штурме предместья Варшавы и Праги... позволило также привлекать к заводскому труду украинских крестьян, как к государственной повинности»¹⁶²⁰. Однако место для завода на реке Лугань выбрали неудачно — и уголь, и руду необходимо было везти издалека. После того как произвели несколько плавок, выяснилось, что

P. 6. Col. 1. — The Times. — <http://www.time.com>; The Times digital archive, 1785–1985. — <http://www.columbia.edu/cu>; Bowen E. John Hughes (St.David's Day) / E. Bowen. — Cardiff: University of Wales Press, 1978. Боуин Е. Г. Джон Хьюз (Юзовка) / Е. Г. Боуин // Юз і Юзівка. — Донецьк: Кардинал, 2000. — С. 100–159.

¹⁶¹⁹ Ле-Пле Ф. Исследование каменноугольного Донецкого бассейна / Ф. Ле-Пле. — М.: Тип. А. Семена, 1854. — 691 с.

¹⁶²⁰ Гонимов И. Старая Юзовка / И. Гонимов. — Сталино: Сталинское областное издательство. 1955. — С. 3.

чугун из местной руды получается не только плохого качества, но и слишком дорогой. Экономически производство оказалось невыгодным, и на этом первая попытка закончилась.

Позже заводы появились и в других местах, но наладить массовую добычу угля и производство металла не удавалось¹⁶²¹. Оставалось привлекать частный капитал. Так в 1866 году предводитель дворянства Полтавской губернии князь Сергей Кочубей получил концессию на постройку завода по производству рельсов¹⁶²². У самого князя не было таких капиталов, чтобы финансировать строительство завода. А может, он вообще не планировал его строить, а хотел выгодно перепродать концессию. Ведь получить такие концессии было нелегко — примерно как в наше время землю под застройку в центре большого города. Для этого нужны были большие связи, и перепродажа с прибылью концессий стала обычным делом.

Как бы там ни было, но «положение Кочубея было крайне щекотливое. Концессия была выдана в 1866 году, а концессионер через два года не мог организовать акционерного общества, которое хотя бы номинально осуществило его права, хотя бы для отвода глаз что-нибудь сделало. Отечественный капитал упорно не хотел идти на строительство металлургического завода в Донецком бассейне, несмотря на громадную премию, которую русское правительство давало Кочубею. Так, за каждый пуд рельсов, прокатанных на заводе Кочубея, правительство обязалось заплатить 50 копеек одной лишь премии, в то время как пуд заграничных рельсов в Таганроге стоил немногим больше одного рубля»¹⁶²³ и оказывался дешевле.

Дело закончилось тем, что Кочубей продал свою концессию англичанину Джону Юзу, получив за неё 30 тысяч

¹⁶²¹ В 1860 г. общая добыча угля в Российской империи была невелика по сравнению с началом XX в. — 18,2 млн пудов, из них 10,8 млн пудов в Царстве Польском (в Привислинском крае) и только 6 млн в Донецком бассейне. В 1900 г. общий объём добычи достиг 995,2 млн пудов, из них в Донбассе — 691,5 млн, в Польше — 250,7 млн) (Былим-Колосовский Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности / Н. Былим-Колосовский // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1901. — № 47. — С. 346–347).

¹⁶²² С. В. Кочубей, закончивший физико-математический факультет Петербургского университета, во время службы на Кавказе заинтересовался практической геологией, а от горного инженера Александра Иваницкого узнал о залежах угля и железной руды в Донбассе.

¹⁶²³ Гонимов И. Старая Юзовка / И. Гонимов. — Сталино: Сталинское областное издательство. 1955. — С. 8.

рублей серебром плюс пакет акций на 24 тысячи фунтов учреждённой в Англии компании *New Russia Company*¹⁶²⁴, а заодно и формальный пост почётного директора компании. Это предприятие изначально имело очень важное конкурентное преимущество — рядом были и уголь, и железная руда. Проблема транспортировки сырья не возникала, поэтому Юзовский и другие первые заводы «могли... работать дешевле», получая большую прибыль¹⁶²⁵.

New Russia Company

После того как Юз получил от князя Кочубея права на концессию, в апреле 1869 года он подписал с Комитетом министров договор о создании общества для добычи угля, строительства металлургического завода и железнодорожной ветки к нему¹⁶²⁶. Англичанин даже предлагал построить несколько железных дорог, соединявших его завод с центральной частью царской империи и с портами Азовского моря, но Министерство путей сообщения такой проект не приняло. Видимо, посчитало, что в этом случае Юз получит слишком большое влияние.

Правление общества *New Russia Company* находилось в Англии. А на практике вся деятельность общества происходила в Донбассе. Почётный директор князь Сергей Кочубей, имевший влияние в придворных кругах, лоббировал интересы компании¹⁶²⁷. Среди соучредителей общества был князь Павел Ливен, земли которого с залежами угля *New Russia Company* взяла в аренду с правом дальнейшего выкупа, а также приближенный к царю князь Дмитрий Нессельроде — обер-гофмаршал императорского двора, выполнявший финансовые поручения царской семьи. Это говорит об интересе царя к компании Юза и о том, что вся история учреждения

¹⁶²⁴ Edwards S. Hughesovka. A Welsh Enterprise in Imperial Russia / S. Edwards. — Cardiff: Glamorgan Record Office, 1992, — P. 12.

¹⁶²⁵ Радциг А. А. Финансовая политика России с 1887 года / А. А. Радциг. — СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1903. — С. 162, 164–165.

¹⁶²⁶ «Договор на образование Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства и общества железнодорожной ветки от Харьковско-Азовской линии», утверждённый 18 апреля 1869 года.

¹⁶²⁷ Кочубей имел право присутствовать на совещаниях общества, но никакой ответственности как директор не нёс.

«Новороссийской компании» стала частью сложных дипломатических взаимоотношений 1860-х годов.

Поэтому правительство предоставило обществу немалые льготы — ему бесплатно передавались государственные земли вдоль линии Харьковско-Азовской железной дороги, разрешался беспошлинный ввоз из-за границы всего необходимого для строительства завода, а для строительства железнодорожной ветки Юзу обещали выдать на выгодных условиях кредит на 500 тысяч рублей.

«Юзу было около 55 лет, когда он прибыл в Донецкий бассейн. Крепкий, с круглым лицом, заросшим короткой бородкой, Юз сильно наседа на свои ноги, вогнутые внутрь, как ноги бульдога. С молитвенником, псалтырём и книгами старого и нового завета в чемодане, как английский миссионер, высадился Юз в Таганрогском порту. Нарушали цельность впечатления ружьё в клеенчатом футляре и пистолеты. Вместе с багажом для Юза выгрузили целую свору собак: бульдогов, пойнтеров, овчарок и пуделей»¹⁶²⁸. Так описывал Юза Илья Гонимов¹⁶²⁹ в своей книге о старой Юзовке, впервые изданной в 1937 году. Кто знает, где заканчивались местные легенды, слышанные Гонимовым от стариков, и начиналась литературная фантазия. Однако факты об истории основания завода и акционерного общества в этой книге излагаются вполне достоверно.

Летом 1869 года Джон Юз прибыл на место для обследования запасов сырья, поселившись на маленьком хуторе Овечьем. Это было идеальная местность для завода — совсем близко находились уголь, руда и вода. Вооружившись книгой Фредерика Ле Пле, он осматривал месторождения угля и руды, расспрашивал местных пастухов о лучших местах, где можно начать добычу. Чаще всего Джона видели при походах по степным балкам вместе с Яковом Древицким.

«На казачьей стороне реки Кальмиуса жил хуторянин, бывший пастух помещицы Чеботарёвой, Яков Иванович Древицкий. Зоркий и неутомимый, как степной волк, Яков Иванович обшарил балки и курганы... каменистые кряжи, торчащие из земли, глинистые овраги и чёрные, как сажа, сланцы — вы-

¹⁶²⁸ Гонимов И. Старая Юзовка / И. Гонимов. — Сталино: Сталинское областное издательство. 1955. — С. 12.

¹⁶²⁹ Илья Гонимов (1875–1966) — известный в те годы писатель, жил в основном в Донбассе. «Старая Юзовка» написана по предложению Максима Горького.

ходы угольных пластов». Джон Юз сразу оценил такого проводника. «Древицкий вместе с бульдогами сопровождал Юза в его экскурсиях, доставлял ему образцы угля, камня, глин. Юз старательно записывал все сведения, добытые ему Древицким, в книги, наносил на карты»¹⁶³⁰. Сегодня историки спорят, существовал ли на самом деле Яков Древицкий, или же это литературный вымысел. Очевидно одно — местный проводник (или проводники) у британца были, и даже если их звали как-то иначе, это уже не имеет сегодня значения.

Потом предприниматель вернулся в Англию, чтобы собрать капиталы, а на арендованном участке земли южнее села Александровка на берегу реки Кальмиус начались подготовительные работы. Первоначально планировалось, что общество начнёт производство чугуна уже в январе 1870 года, но вскоре стало ясно — в такой срок уложиться нет возможности. Юзу предоставили отсрочку на год и три месяца. А он тем временем в Лондоне «подался к одному тамошнему миллионщику, к другому, к третьему, да так дело двинул, что в несколько месяцев огромный капитал собрал... И пошла работа»¹⁶³¹.

Юзовский завод

Летом 1870 года в ближайший порт Таганрог на восьми кораблях из Англии прибыло необходимое оборудование и материалы. Кроме того, около сотни английских инженеров, рабочих-металлургов и горняков, в основном из Уэльса, приехали для строительства завода. Как доставить всё это из Таганрога? Железной дороги ещё не было, и оставались только чумацкие вozy, запряжённые волами. Так и везли по степи тяжёлые грузы почти две сотни километров.

В августе началось строительство завода. А в апреле 1871 года запустили первую доменную печь (всего их должно было быть восемь), но она проработала лишь три дня. Обнаружились технические неполадки: не до конца расплавившаяся руда спеклась в огромный ком и печь пришлось перестраивать. На всё это ушло много времени, но Джон Юз не растерялся — в конце концов, при постройке такого боль-

¹⁶³⁰ Гонимов И. Старая Юзовка / И. Гонимов. — Сталино: Сталинское областное издательство. 1955. — С. 13–14.

¹⁶³¹ Куприн А. Юзовский завод / А. Куприн // Собр. соч. В 9 т. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1971. — С. 9.

шого предприятия всякое может случиться. Печь заработала в январе 1872 года, и с тех пор завод расширялся и непрерывно производил металл. Так в донецких степях появилось первое металлургическое производство¹⁶³².

«Чем ближе продвигались мы к заводу, тем больше и больше разгоралось над заводом огненное зарево. Наконец, когда мы въехали на длинную и довольно крутую гору, перед нашими глазами внезапно открылась такая необычайная, такая грандиозная, фантастическая панорама, что мы невольно вскрикнули от изумления». На фоне зарева «стройно и чётко рисовались тёмные верхушки высоких труб, между тем как нижние их части расплывались в сером тумане, подымавшемся от земли. Развёрстые пасти этих великанов безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смешивались в одну общую, сплошную, хаотическую, медленно ползущую на восток тучу». А железные крупные корпуса доменных печей «возвышались в центре завода, как башни легендарного замка»¹⁶³³.

Когда в 1872 году Юзовский завод начал работу, многие считали, что это передовое в смысле технологий предприятие. Но существовало и другое мнение. Вот что писал горный инженер М. Павлов: «В Англии... много устарелых заводов, отставших лет на 50 от металлургической техники, — и вот такой-то завод англичане устроили у нас»¹⁶³⁴. Сегодня уже трудно оценить, был ли построенный Джоном Юзом завод устаревшим, и если да, то насколько. Однако на Всемирной выставке в Париже в 1896 году продукция Юзовского завода получила главный приз — значит, не такой он уже и устаревший был.

Юза критиковали за то, что «рельсы и до сего времени обходятся дороже заграничных». Кроме того, «вокруг завода Юза... не развилось ни народное благосостояние, ни умножение достатка, ни лучшие привычки и приёмы рабочих»¹⁶³⁵.

¹⁶³² Сулинский завод, основанный одновременно с Юзовским, начал производить чугун только в 1887 году.

¹⁶³³ Куприн А. Юзовский завод / А. Куприн // Собр. соч. В 9 т. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1971. — С. 9.

¹⁶³⁴ Павлов М. А. Воспоминания металлурга / М. А. Павлов. — М.: Наука, 1984. — С. 73.

¹⁶³⁵ С 1883 по 1888 г. Юз «на акционерные капиталы в 236 500 фунтов стерлингов выручил 347 647 фунтов стерлингов или 147 %», и после того как вернул взятые кредиты, «получил чистой прибыли 223 803 фунта стерлингов или 94,6 %. А между тем производимое заводом железо несколько не подешевело» (Иностранные капиталы. Часть 2 // Киевское слово. — 1898. — № 3731. — 1 июня. — С. 1).

Но, видимо, дело здесь было не в Джоне Юзе, потому что и у других заводов в этих краях себестоимость продукции получалась выше, чем в Западной Европе.

Судя по всему, Юз быстро понял местные правила ведения бизнеса, тем более что в них не было чего-то сверхсложного для постижения. Необходимо было найти влиятельных покровителей, и он их нашёл, пользуясь хорошей репутацией при царском дворе. И когда решался вопрос, у кого железнодорожный король Поляков будет покупать рельсы для Азовско-Харьковской дороги, он решил в пользу Юза.

После приезда из Англии Джон Юз с двумя старшими сыновьями одно время жил в простой хате под соломенной крышей, а в 1874 году построил себе добротный кирпичный особняк на восемь комнат недалеко от завода. Впрочем, когда приехала жена с дочерью и младшими братьями, ей этот дом показался тесным, и началось проектирование двухэтажного дома. Дело сильно затянулось, к тому же умер младший сын, а потом и жена. Строить дом начали только в 1887 году, но через два года умер от инсульта и Юз в возрасте 75 лет.

Смерть была неожиданной — Джон приехал в Петербург для решения финансовых вопросов и, главным образом, на приём к царю. Но судьба распорядилась иначе. Сердце британца остановилось в номере отеля «Англетер» (по другой версии, ему стало плохо во время прогулки по улице) — по слухам, он выпил лишнего на банкете накануне. Похоронили Джона Юза в Лондоне на кладбище West Norwood Cemetery, куда тело покойного перевезли сыновья. Они и достраивали дом Юзов, по завещанию став владельцами завода. Сыновья жили там до 1903 года, после чего уехали в Англию, а заводом руководили управляющие, пока его не национализировали в 1918 году.

Старая Юзовка

При жизни Джон Юз был не только заядлым охотником на лис, но и сделал из своего дома центр культурной жизни города, в котором открыли английскую школу и английский клуб «Новый мир» для тех работников, которые приехали с ним в 1870 году из Уэльса. Выезды на охоту, игра в гольф, костюмированные балы — всё это символизировало бизнес-среду нового типа вокруг компании, возникающую под влиянием

английских традиций. «Мимо окон часто пробегали весёлые английские дети в твёрдых белых накрахмаленных воротничках... чистенькие и заносчивые, они никого не замечали, а на нас смотрели как на что-то недостойное внимания»¹⁶³⁶.

Юз был известным собирателем антиквариата. Среди местной интеллигенции в его окружении оказался врач Викентий Смидович, брат горного инженера Михаила Смидовича — в дальнейшем известный писатель, публиковавшийся под псевдонимом В. Вересаев и вспоминавший в своих произведениях о Юзовке. «Скучные тут места! Безобразные здания шахт, ряды рабочих землянок, удушливый запах каменноугольного дыма... Чёрная земля, чёрные дороги... Кругом, куда глаз хватает, — однообразная, выжженная солнцем степь», — писал он в очерке «Подземное царство» (1892)¹⁶³⁷. Впрочем, другим эти места запомнились гораздо позитивнее, напоминая о детстве: «Рудники — как быстролётные сны, родные и неповторимые... запах милого детства от угольной руды»¹⁶³⁸.

Хотя Джон Юз сделал всё что смог для рабочего посёлка — организовал строительство больницы, бани, школ, — тот долго имел неприглядный вид. «Это был беспорядочный и грязный посёлок, окружённый лачугами и землянками. Скопления этих землянок назывались по-разному: Нахаловка, Собачеевка, Кабыздоховка. Мрачный юмор этих названий лучше всего определял их безрадостный вид. В котловине рядом с посёлком дымил тот самый Новороссийский металлургический завод... Дым шёл не только из заводских труб. Дымили самые здания цехов. Дым был жёлтый, как лисья шерсть, и зловонный, как пригорелое молоко. Неправдоподобно багровое пламя качалось над жерлами доменных печей. С неба сыпалась жирная сажа». О том, что завод построили англичане, напоминало разве что название гостиницы «Великобритания», бывшей обычным борделем. «Неистребимый запах дешёвой пудры, кухонного чада и лекарств стоял повсюду. Электричество горело тускло, читать при его

¹⁶³⁶ Сосюра В. Третья рота / В. Сосюра // Твори в 10 т. Т. 10. — К.: Дніпро, 1970. — С. 95.

¹⁶³⁷ Вересаев В. Подземное царство / В. Вересаев // Открытие страны огня. Сборник произведений русских писателей о Донбассе. — Донецк: Донбасс, 1967. — С. 83–116.

¹⁶³⁸ Сосюра В. Третья рота / В. Сосюра // Твори в 10 т. Т. 10. — К.: Дніпро, 1970. — С. 95.

желтушном свете было нельзя. Все кровати были продавлены как корыта. Коридорные девушки в любое время дня и ночи «принимали гостей». Внизу на штопаном и перештопанном сукне бильярда отщёлкивали «пирамидки» испитые юноши с кепками набекрень и в галстуках бабочкой. Каждый вечер кому-нибудь проламывали кием голову»¹⁶³⁹.

Индустриальные города того времени не очень отличались друг от друга. «Богатые проходимцы, бедные негодяи, пьяные оборванцы и проститутки создают мораль; сажа превращается в грязь благодаря дождю», везде видны «многочисленные трубы»; это место — «дымоход мира» и «настоящие врата ада»¹⁶⁴⁰. Но так писал современник не о Юзовке — о британском Манчестере в первой половине XIX века. Сейчас уже и не верится, что он тогда таким был. Американский Чикаго тоже выглядел не лучше — «помойная яма мира», этот «самый красивый и самый убогий город», где «зловонный дым постоянно першит в горле» и где грабят везде. Когда-то Чикаго «сможет превратить этот хаос в порядок и понять, что свобода — не только в неуважении к закону», и «вместо беспорядочной толпы станет городом граждан»¹⁶⁴¹. Шанс на такое будущее был у всех индустриальных городов, но воспользоваться этим шансом смогли не все.

Другие рабочие посёлки вокруг недавно построенных заводов выглядели примерно так же, как и Юзовка. Да и образ жизни их обитателей не очень отличался. Для новых городов промышленного региона, строившихся вокруг крупных заводов, это был естественный путь развития. Так возникли Алчевск, Горловка, Енакиево, связанные с деятельностью известных промышленников А. К. Алчевского, П. Н. Горлова, Ф. Е. Енакиева. Вначале они были продолжением одного крупного предприятия, и там все вопросы и жизни, и смерти решала дирекция завода. Место работы было только одно, и свободы выбора просто не существовало.

Новые индустриальные города и городки росли так быстро, что стремление к прибыли заслоняло всё остальное — проблемы с антисанитарией и преступностью, не говоря уже

¹⁶³⁹ Паустовский К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский // Собрание сочинений. В 9 т. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 455.

¹⁶⁴⁰ Napier J. The Life and Opinions of General Sir Charles James Napier / J. Napier. — 4 vols. Vol. II. London: John Murray, 1857. — P. 57.

¹⁶⁴¹ Steevens G. The land of dollar / G. Steevens. — L.: William Blackwood, 1900. — P. 144–145, 152.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

о таких вещах, как отсутствие мест, где люди могли спокойно, без пьянки и драк, посидеть, поговорить о жизни, обменяться мыслями. Для появления таких мест необходимо время, причём немалое. А именно они с незапамятных времён были неотъемлемыми атрибутами полноценных городов.

Глава 3.

«НОВАЯ АМЕРИКА» ИЛИ «БЕЛОЕ КОНГО»?

Индустриальная революция в степях

Главную роль в индустриальной революции на юго-востоке Украины сыграли не британские капиталы, а бельгийские и французские. Потому этот край иронично стали называть «Белым Конго»¹⁶⁴², намекая на то, что он превращается в бельгийскую колонию, подобно африканскому Конго. А Луганщину некоторые в шутку называли «Льежем Донецкого бассейна»¹⁶⁴³. На деле индустриализация не имела отношения к колонизации — это было подражание развитым странам. И попытка двигаться в одном лихорадочном темпе технического прогресса со всем остальным миром. По словам Николая Михновского, юриста и публициста начала XX века, в 1899 году побывавшего в Луганске, «тут властвует капитал, развита промышленность и создаются новые формы жизни»¹⁶⁴⁴.

Конечно, Донбасс и Криворожье колонией Бельгии или Франции не стали, но в этой иронии была и своя доля правды. В конце XIX — начале XX века действительно почти всё здесь принадлежало иностранцам, в основном бельгийцам и французам — заводы и шахты, железные дороги и недвижимость.

¹⁶⁴² Шарапов С. Ф. Иностранные капиталы и наша финансовая политика // С. Ф. Шарапов. Россия будущего. — М., 2011. — С. 184.

¹⁶⁴³ Фенин А. И. Воспоминания инженера. К истории общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.) / А. И. Фенин. — Прага: Русский институт в Праге, 1938. — С. 97, 100.

¹⁶⁴⁴ Невідомі документи про Миколу Михновського // Українські проблеми. — 1994. — № 2. — С. 95.

Вначале, в 1870-е годы, создание металлургической промышленности «шло довольно медленно, как в силу новизны дела, так и вследствие сокращения железнодорожного строительства», поэтому и спрос на уголь и сталь «не мог быть настолько велик»¹⁶⁴⁵. Ведь главным потребителем угля и металла являлись именно железные дороги. Настоящий бум — целая индустриальная революция в наших степях — начался в 1890-е годы. Он стал следствием «сильно выросшего железнодорожного строительства», создавшего массовую потребность в продукции металлургической промышленности»¹⁶⁴⁶. «От бывшей степи не осталось и следа, на всей колоссальной площади протянулись бесчисленные железнодорожные пути... и поезда мчатся через просторы, заполненные рельсами, вагонами, кирпичными корпусами... заводов и фабрик»¹⁶⁴⁷.

Существовала ещё одна причина бума — накопление свободных капиталов в развитых странах Западной Европы, благодаря чему потоки иностранных инвестиций (преимущественно французских и бельгийских) на юго-востоке Украины стали действительно массовыми¹⁶⁴⁸. Именно благодаря им там и происходила промышленная революция. Можно сколько угодно рассуждать о том, что зависимость от иностранного капитала — это плохо. Но «если страна небогата собственными капиталами, а в них настоятельно нуждается и государство, и промышленность, то нет другого выхода из такого положения, как привлечение капиталов из-за границы»¹⁶⁴⁹.

Поэтому когда в эпоху Витте, главного сторонника иностранных инвестиций, предприняли попытку ускоренными темпами создать промышленность, её «не захотели выращи-

¹⁶⁴⁵ Былим-Колосовский Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности / Н. Былим-Колосовский // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1901. — № 47. — С. 346.

¹⁶⁴⁶ Экономический обзор 1899 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1900. — № 2. — С. 43-46.

¹⁶⁴⁷ Домонтович В. Без грунта / В. Домонтович. — Регенсбург: Вид. Михаила Борецкого, 1948. — С. 15.

¹⁶⁴⁸ Общая сумма прямых инвестиций французского капитала в промышленность царской империи с 1888 по 1914 г. выросла с 219,8 млн франков до 2245 млн франков (Girault R. Emprunts russes et investissements francais en Russie. 1887-1914 / R. Girault. — Paris: Comite pour l'histoire Economique et financiere de la France, 1999. — P. 85).

¹⁶⁴⁹ Витте С. Ю. О положении нашей промышленности (Докладная записка С. Ю. Витте Николаю II, февраль 1900 г.). — 194.226.181.43/biblio/vitte/v1900.ssi.

вать естественным путём, как это было... в Англии, где мелкая промышленность постепенно развивалась, повинаясь велениям рынка»¹⁶⁵⁰. Единственным действительно реальным (а не фантазийным) способом финансировать быстрое создание сети промышленных предприятий могли быть в те годы только иностранные инвестиции. Поэтому и сама постановка вопроса «Почему не захотели выращивать естественным путём?» не имеет смысла. Дело не в желании — просто не могли иначе. Тем более, кто его знает, что там в наших условиях вырастет «естественным путём»... Может, совсем не то что нужно.

Естественно, инвесторов интересовал самый прибыльный бизнес — горнодобывающие и металлургические предприятия на юго-востоке Украины. А покупателей их акций привлекало, что в компаниях с иностранным капиталом дивиденды в большинстве случаев были не меньше 5–10%, а иногда даже и 15 %, и 20 %¹⁶⁵¹.

Объём иностранных инвестиций в горнодобывающую и металлургическую промышленность на юго-востоке стал быстро увеличиваться¹⁶⁵² и к началу XX века почти 90 % капиталов там принадлежало инвесторам из Западной Европы¹⁶⁵³. Мотивы инвесторов здесь были такими же, как и в других странах, — открытие новых богатых месторождений сырья

¹⁶⁵⁰ «Этот путь... медленный и здесь не скоро можно было получить те... блестящие результаты, которых мы достигли в итоге нашей политики перенесения сразу крупной промышленности». Однако «можно было бы достичь больших успехов с мелкой... промышленностью... но мы её игнорировали». Проблема неразвитости мелкой промышленности была тесно связана с неразвитостью мелкого индивидуального кредита. «С какими громадными средствами работает германское население! — мы имеем в виду прекрасную организацию там мелкого кредита... а какими ничтожными средствами располагает наше население» (Озеров И. Х. Экономическая Россия и её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века / И. Х. Озеров. — М.: Изд. Д. С. Горшкова, 1905. — С. 67, 80–81).

¹⁶⁵¹ Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы / Б. Ф. Брандт // Россия в конце XIX века [под ред. В. И. Ковалевского]. — СПб.: Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1900. — С. 618, 620.

¹⁶⁵² С 1890 по 1900 г. в горнодобывающей промышленности его прирост составил 525 %, в металлургической — 938 % (Нестеренко О. О. Розвиток промисловості на Україні. У 3 ч. Ч. 2. Фабрично-заводське виробництво / О. О. Нестеренко. — К.: Вид-во АН УРСР, 1962. — С. 83).

¹⁶⁵³ Преобладали бельгийские и французские капиталы, за ними шли германские. Инвестиции из других стран (в том числе Англии) были значительно меньше (Обзор деятельности акционерных предприятий // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1900. — № 29. — С. 107).

(уголь и железная руда) вместе с дешёвой рабочей силой давали возможность получить гораздо большую прибыль от вложенного капитала, чем если бы он был инвестирован в своей стране. Metallургическая промышленность «в настоящий момент переживает самый горячий момент своего развития. Капиталы, затрачиваемые на это дело, с каждым годом прибывают; заводы с громадным производством растут с такой быстротой, которая мало свойственна нашей отечественной предприимчивости... Там, где 3—4 года тому назад и не помышляли о какой-либо промышленной деятельности, теперь выстроили заводы с доменными печами»¹⁶⁵⁴.

На первый взгляд может показаться, что это был аутсорсинг — перенос металлургического производства из Франции и Бельгии в Кривой Рог, Екатеринослав или Донбасс. На самом деле это не так. Аутсорсинг в то время можно видеть в Англии, действительно переносившей текстильное производство в Индию и ввозившей оттуда готовую продукцию этих фабрик. А продукцию металлургических заводов юго-востока в Западную Европу не везли и не сокращали своё собственное производство металла ни в Бельгии, ни во Франции. Себестоимость местной металлургической продукции оказалась выше, чем в той же Бельгии. Так что главным потребителем металла стали железные дороги царской империи, а иностранные инвесторы вывозили только прибыль.

Хотя строительство и развитие новых предприятий во многом финансировалось через рынок ценных бумаг (их акции имели хороший спрос на Парижской и особенно Брюссельской биржах), большинство этих заводов не появились бы без поддержки Государственного банка и личных контактов с влиятельными людьми из Министерства финансов. А главным промоутером индустриального капитализма стал, конечно, Сергей Витте, влиятельный министр финансов царского правительства. Ведь новые металлургические заводы работали преимущественно с государственными заказами, связанными с плановым железнодорожным строительством.

¹⁶⁵⁴ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование. В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — СПб., 1900. — С. 338.

Альянс с Францией

Как и в случае Джона Юза, перед французскими и бельгийскими инвесторами двери гостеприимно открылись не просто так — дело опять не обошлось без большой политики. Так было, наверное, всегда и везде — редко массовые иностранные инвестиции, особенно в странах с догоняющим развитием, начинались только по инициативе «невидимой руки рынка». Всегда требовалась поддержка со стороны государственной власти, создававшей инвесторам стимулы.

Французские инвестиции устремились в экономику царской империи после политического сближения двух стран. Именно на его фоне разворачивался весь бурный подъём конца XIX — начала XX века, связанный с потоками иностранных капиталов, когда Парижская биржа сменила Берлинскую в качестве основного рынка для размещения облигаций государственных внешних займов царской империи. Франция тогда была главным экономическим и военно-политическим конкурентом Германии. Бисмарк это понимал и стремился избежать усиления Франции, развивая отношения с Российской империей, куда были вложены немалые немецкие капиталы. И в 1870-е годы Берлинская биржа действительно на время стала основным рынком для размещения российских облигаций государственных внешних займов, сменив в этом биржу Лондонскую.

Однако когда в 1879 году усилилась напряжённость между Германией и Францией, царское правительство в жёсткой форме потребовало от Германии не начинать новую войну. Российско-немецкие отношения ухудшились, после чего началось сближение с Францией. Бисмарк долго не верил в возможность франко-русского альянса — ведь русский царизм и французская республика вроде бы несовместимы в принципе. Однако иногда прагматические политические и экономические соображения оказываются гораздо сильнее таких абстрактных понятий, как «царизм» и «республика».

В ответ в Германии приняли репрессивные санкции против российских облигаций. «По одному слову, сказанному князем Бисмарком, Берлинская биржа выбросила массу русских государственных процентных бумаг», и это «чуть ли не разорило великую Северную державу», хотя и Германия тоже

понесла немалые убытки от этого шага. А потом «благодетельные французы пришли к России на помощь»¹⁶⁵⁵.

В действительности же «благодетельность» была ни при чём, и французы «пришли на помощь» не из-за душевной широты. Их привлекали рынки, выгодные для экспорта капитала. И особенно возможность строить угледобывающие и металлургические предприятия на юго-востоке Украины, расположенные возле богатейших месторождений угля и железной руды. Тем более что на продукцию этих заводов был устойчивый спрос на внутреннем рынке — в необъятных просторах царской империи шло большое строительство железнодорожной сети¹⁶⁵⁶.

Александр Ауэрбах

Первые попытки проникновения французских капиталов в донецкие степи начались в то же время, что и деятельность Юза. В 1872 году французские инвесторы учредили компанию Societe miniere et Industrielle (у нас её больше знали под названием «Рутченковское горное и промышленное общество»). В отличие от Джона Юза, рассчитывавшего преимущественно на приехавших с ним английских специалистов, французы наняли местных инженеров — А. А. Ауэрбаха и Н. С. Авдакова, имевших хорошее образование и практический опыт.

Александр Андреевич Ауэрбах (1844–1916), горный инженер и промышленник, родился в дворянской¹⁶⁵⁷ семье врача. Геологией увлёкся с детства, собирая образцы камней, и в двенадцать лет уговорил родителей отдать его в Горный

¹⁶⁵⁵ Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени / И. Манус. — СПб.: Тип «Энергия», 1905. — С. 14.

¹⁶⁵⁶ Так в 1880-е годы доля французских инвестиций достигла 32 %, опередив английские (31 %). В 1901 году почти 47 % инвестиций были бельгийскими, 25 % — французскими, 20,5 % инвестиций были английскими, 6,6 % — немецкими. В 1917 г. 27,9 % капиталов были французскими, 27,4 % — английскими, 21,6 % — бельгийскими, 10,8 % — американскими, 7,2 % — немецкими (Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. — Ленинград: Всесоюзная Академия наук, 1925. — С. 11–12, 15, 23–24; Шепелев Л. Е. Акционерный капитал в России / Л. Е. Шепелев // История финансовой политики в России: Сборник статей. — СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2000. — С. 100, табл. 4; с. 104, табл. 6).

¹⁶⁵⁷ Его отец происходил из потомственных дворян, выходцев из Германии.

институт в Петербурге. Поступив туда в 1856-м, Александр проучился семь лет, а после его окончания в 1864–1867 годы по поручению Горного департамента занимался поисками каменного угля на Волге. В 24 года защитил диссертацию в том же Горном институте и после стажировки за границей стал адъюнкт-профессором¹⁶⁵⁸ кафедры минералогии.

С началом угольного бума Ауэрбах одним из первых занялся разведкой новых месторождений по заказам иностранных компаний. Летом 1870 года на деньги английского банкирского дома Томсон и Боннар он искал уголь в Тульской губернии, хотя и без особого успеха. «Я принадлежал к числу очень немногих горных инженеров, принимавших участие в исследовании угольных месторождений», так как тогда многие относились с большим недоверием к знаниям местных специалистов и обычно приглашали «для производства работ иностранцев»¹⁶⁵⁹.

В 1872 году Александр Ауэрбах приехал в Париж и заключил контракт с французской компанией, по которому обязался произвести разведку и начать разработку нового месторождения угля в донецкой степи. Ауэрбах переселился в Таганрог и занялся исследованиями местности, после чего рекомендовал инвесторам два месторождения. Первое оказалось продолжением пластов, разрабатываемых Джоном Юзом, и находилось на землях, принадлежавших братьям Рутченко. Второе находилось в селе Курахово во владениях помещика Шабельского. С образцами угля Ауэрбах снова поехал в Париж, где правление общества одобрило месторождения и предоставило Александру Андреевичу полномочия купить или арендовать земельные участки. Земли Шабельского (2500 десятин) инженер купил для общества

¹⁶⁵⁸ Должность с ограниченными обязанностями преподавателя; обычно первый шаг, чтобы потом стать полноценным профессором.

¹⁶⁵⁹ Ауэрбах А. А. Воспоминания о начале развития каменноугольной промышленности в России / А. А. Ауэрбах // Русская старина. — 1909 — Т. 138. — Апрель-июнь. — С. 455. Директор Горного института Гельмерсен считал, что любой немецкий инженер по определению заслуживает большего доверия, чем местный. При этом реальная квалификация иностранных специалистов часто не принималась во внимание (Там же, с. 452). В своих воспоминаниях Ауэрбах признаёт заслуги своего современника (а может, даже и конкурента) Юза, но пишет о нём как о человеке «совершенно необразованном, даже безграмотном», простом мастере с металлургического завода (Там же, с. 456). Конечно, образовательный багаж Ауэрбаха, семь лет учившегося в Горном институте, выглядел гораздо солиднее.

за 250000 рублей, а земли братьев Рутченко арендовал на 36 лет с ежегодной выплатой каждому из братьев по 6 тысяч рублей. После этого началось строительство шахт.

Техническим директором компании стал горный инженер Николай Степанович Авдаков (1847–1915). Он первоначально получил медицинское образование и стал военным врачом, а Петербургский горный институт закончил в 1873 году, как раз когда началась совместная работа с Ауэрбахом и французами. Французы не скупались на оплату, и доходы одного только Авдакова достигали 400 тысяч рублей в год, а тогда это была большая сумма. Так он стал не только совладельцем Рутченковского общества, но и одним из влиятельных горнопромышленников Донбасса¹⁶⁶⁰. Ауэрбах явно зарабатывал не меньше.

Александр Ауэрбах выступил инициатором съезда «горнопромышленников» юго-востока 10 ноября 1873 года в Таганроге — первой попытки объединения усилий предпринимателей нового индустриального региона. Однако бурный подъём «Рутченковского горного и промышленного общества» длился недолго — в 1876 году материнская французская компания *Societe miniere et Industrielle* понесла убытки на других своих проектах в царской империи и вынуждена была сократить финансирование шахт Ауэрбаха и Авдакова. Недовольный этим, Ауэрбах отказался от должности управляющего, расторг свой контракт и уехал в Петербург.

В донецкие степи Александр Андреевич вернулся только через девять лет, узнав о перспективном ртутном месторождении в Горловке. В 1885 году он создал собственное предприятие — «Товарищество ртутного производства А. Ауэрбах и Ко» на Горловском месторождении¹⁶⁶¹. К концу 1896 года завод по производству ртути начал давать продукцию, а самого Александра Ауэрбаха стали называть «ртутным королём». Его предприятие не только обеспечило ртутью всю

¹⁶⁶⁰ В начале XX века интересы Авдакова сместились на компании, добывающие золото на Урале и на реке Лене в Сибири.

¹⁶⁶¹ Правда, в 1895 году у Ауэрбаха возникли финансовые трудности, связанные с необходимостью погашения кредита, и в 1896 году товарищество было преобразовано в акционерное общество «Ртутное и угольно дело А. Ауэрбаха и Ко», благодаря чему привлекли дополнительные капиталы. Устав общества был утверждён в мае 1896 г., основной капитал составлял 2,25 млн руб. (12 тыс. акций по 187,5 руб.)

империю¹⁶⁶² (раньше её ввозили из Испании), но и начало продавать продукцию на международном рынке, потеснив испанского производителя. Впрочем, со временем оказалось, что добыча угля даёт большую прибыль, чем ртути, и вскоре уголь стал приоритетным для компании¹⁶⁶³. Во время кризиса начала XX века упал спрос и на уголь, и на ртуть, у предприятия возникли финансовые трудности, и в 1912 году дополнительную эмиссию акций выкупил Азовско-Донской банк.

В дальнейшем интересы Александра Ауэрбаха сместились на Урал, где он в 1893 году строил крупный Надеждинский металлургический завод, поставлявший рельсы для строительства Сибирской железной дороги.

Пётр Горлов

В 1872 году в донецких степях появилась ещё одна компания — «Общество Южнорусской каменноугольной промышленности» с уставным капиталом 1,25 млн рублей, выпустившее 25 000 акций. Соучредителями общества стали «железнодорожный король» Самуил Поляков и горный инженер Пётр Горлов, специалист по добыче угля. История Горлова — ещё один пример того, как предприниматели, создававшие новый индустриальный регион, сотрудничали с инженерами и учёными. Имевшие профессиональную подготовку высокого уровня и хорошо знавшие местную специфику организации производства, они и сами часто занимали заметное место в бизнесе¹⁶⁶⁴.

Пётр Николаевич Горлов (1939–1915) родился далеко от донецких степей — в Иркутске. Его отец, председатель Иркутского губернского правления, отличался вольнодумством и поддерживал контакты с сосланными декабриста-

¹⁶⁶² Ртуть тогда использовалась для извлечения золота и платины из руды, для покрытия золотом металлических поверхностей, для производства зеркал и в медицине.

¹⁶⁶³ В 1912 году во время общего промышленного подъёма за счёт эмиссии акций капитал общества Ауэрбаха увеличили до 3,5 млн рублей, а в августе 1917 г. — до 14 млн рублей. В начале 1918 г. завод Ауэрбаха национализировали (Барышников М. Н. Деловой мир России / М. Н. Барышников. — СПб.: Искусство-СПб., 1998. — С. 49).

¹⁶⁶⁴ По этому пути пошли не только А. А. Ауэрбах, Н. С. Авдаков, П. Н. Горлов, но и А. А. Вольский, В. Н. Кислянский, А. М. и Ю. М. Горяиновы, а также многие другие.

ми. Начальству это, естественно, не понравилось, и Горлову-старшему пришлось в 1828 году уволиться со службы и переселиться в Подмоскowie, где он открыл небольшую фабрику по производству шерстяной пряжи. На этой фабрике его сына ещё в детском возрасте очаровал вид работающих машин и станков, и он захотел стать инженером.

После окончания с золотой медалью Горного института в 1859 году Пётр Горлов оказался сначала в обществе пароводства и торговли, а в середине 1860-х — на Донбассе, на Грушевском каменноугольном руднике. Толкового горного инженера заметил железнодорожный король Самуил Поляков и взял к себе на работу провести геологические исследования вдоль трассы Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. Со временем, доверяя Горлову, Поляков поручил ему руководить всем строительством и не ошибся — в декабре 1869 года в рекордно короткие сроки завершили первый участок дороги, Харьков — Таганрог.

Пётр Горлов, внимательно изучив карту, прилагавшуюся к книге французского геолога Пьера Ле-Пле, обнаружил недалеко от строящейся дороги на берегу реки Корсунь богатое угольное месторождение и решил организовать там добычу угля для обеспечения нужд дороги. Кроме того, он убедил Полякова в целесообразности строительства Азовского рельсового завода¹⁶⁶⁵. А на основе Корсунского месторождения, уголь которого считался лучшим по качеству в Донбассе, в апреле 1872 года учредили «Общество Южно-Русской каменноугольной промышленности». Для работы в шахтах заказали в Бельгии новейшее и лучшее оборудование, и через семь лет, в 1879 году, на этом месторождении работало более тысячи человек, добывавших 5 млн пудов угля в год.

Вскоре возле Корсунского месторождения возник рабочий посёлок Горловка. В его обустройство много сил и энергии вложил и сам Пётр Горлов. В посёлке строится народная библиотека, больница, церковь и школа. Инженер предложил открыть там же Горное училище для подготовки специалистов по добыче угля, и в августе 1878 года оно начало работу. Горлов подбирал преподавателей, участвовал в наборе учащихся, подарил несколько сотен своих книг для библиотеки училища — одним словом, с душой относился к этому делу.

¹⁶⁶⁵ Лопатин Н. В. У колыбели Донбасса / Н. В. Лопатин. — Луганск: Луганское обл. изд-во, 1960 — С. 36.

Достижения «Общества Южно-Русской каменноугольной промышленности» на выставке 1884 года в Одессе отметили золотой медалью. А Петра Николаевича наградили чином статского советника и орденом Святой Анны. Правда, не обошлось и без неприятностей — ещё в августе 1883 года на Корсунском руднике необходимо было срочно менять неисправный насос, и Горлов потратил на это все свои сбережения, видимо, рассчитывая на то, что расходы будут покрыты из капиталов общества. Но что-то пошло не так, и он остался без денег. Как говорят в таких случаях, настроение было испорчено бесповоротно и надолго.

Вскоре Пётр Горлов покинул свою Горловку и переселился в Харьков вместе с семьёй — женой Софией и семью детьми. Там он участвовал в учреждении нескольких акционерных обществ, по его проекту построили здание биржи, водопровод и конно-железную дорогу. Но не сиделось на месте горному инженеру, и в конце 1880-х он уехал на Кавказ, а в начале 1890-х оказался на Дальнем Востоке, в Уссурийском крае, где руководил строительством железной дороги.

Последние годы жизни Пётр Горлов провёл в Петрограде, где и умер от воспаления лёгких. Там писал книгу «История горнозаводского дела на территории Донецкого края», при его жизни так и не опубликованную. Видимо, хотя он и работал в разных частях необъятной царской империи, Донбасс занимал в его памяти особое место.

Казимир Мсциховский

Ещё одним примером инженера, ставшего предпринимателем, был Казимир Мсциховский. Родившийся в 1850 году в городе Каменец-Подольский, он закончил в 1876 году в Петербурге Институт инженеров путей сообщения. После этого работал на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге С. Полякова. Во время очередной Русско-турецкой войны Казимира перевели на строительство Бендеро-Галицкой военной дороги. Там за хорошую организацию работ его наградили несколькими румынскими и российскими орденами. Оценил способности инженера и Поляков, поддерживавший Мсциховского в первое время его работы в Донбассе.

А в 1883 году Казимир Людвигович стал инженером в «Обществе Южно-русской каменноугольной промышленности» Горлова и Полякова, а также некоторое время возглавлял Горную школу в Горловке. Со временем Мсциховского избрали членом правления и этого общества, и «Донецко-Юрьевского металлургического общества» Алексея Алчевского.

В 1899 году Казимир решил начать собственный бизнес, купив возле Селезнёвки¹⁶⁶⁶ 450 десятин земли с месторождением угля. Его разработку начал ещё прежний владелец участка, хотя и без особого успеха — отсутствие железной дороги сильно ограничивало возможность получить хорошую прибыль. Мсциховский это быстро понял и первым делом организовал строительство железнодорожной ветки для доставки угля к станции Юрьевка.

В том же году Мсциховский стал соучредителем Русско-бельгийского общества производства состава Фавье¹⁶⁶⁷ и других химических продуктов. Кроме него соучредителями были гражданин Бельгии Евгений Каре и почётный гражданин Одессы Лев Анисимович Рафалович, занимавшийся банковским бизнесом с 1879 года и кроме того писавший статьи для газеты «Биржевые ведомости». Судя по всему, с доступом к капиталам у Мсциховского проблем не было — это касалось и бельгийских инвестиций, и капиталов знаменитой одесской династии Рафаловичей.

После кризиса 1899–1902 годов, особенно заметного в новом индустриальном регионе, угледобывающая промышленность переживала общий застой. Чтобы оживить дело, Мсциховский решил получить дополнительный капитал от продажи акций и организовал Селезнёвское акционерное общество каменноугольной и заводской промышленности, одно из крупнейших в Донецком регионе¹⁶⁶⁸. Так удалось со-

¹⁶⁶⁶ Сегодня — посёлок возле города Перевальск на Луганщине.

¹⁶⁶⁷ Состав Фавье — заменявшее динамит взрывчатое вещество, применялось в то время на рудниках.

¹⁶⁶⁸ Общество учредили 28 мая 1906 года с капиталом 1 млн руб. (затем увеличенным до 4 млн руб.) для разработки месторождений угля в окрестностях города Перевальска (неподалёку от современного Луганска), где были сосредоточены Селезнёвский, Новоалександровский, Кондуковский и Юмашевский рудники (Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1906 году. — СПб., 1901. — С. 411–417). Обществом руководил Мсциховский, а фактически оно принадлежало французским инвесторам — основным держателям акций (Lewery L. Foreign capital investment in Russian

хранить предприятие, установив цену на уголь на полкопейки дешевле, чем у конкурентов¹⁶⁶⁹, — а при больших объёмах угля эти полкопейки имели заметное значение. Однако общество недополучало прибыль, и чтобы повысить доходы, Мсциховский решил расширить дело и приобрёл Новоалександровский, Ольговерховский и другие рудники.

В акционерном обществе Мсциховский был председателем правления, а его заместителем — инженер Александр Фенин, подробно писавший о Казимире Людвиговиче в своих воспоминаниях. «Это был оригинальный и талантливый человек, правда, не без примеси некоторого чуждачества». Промышленники не любили Мсциховского, считая его «стяжателем и чванливым паном». Действительно, в «нём всегда чувствовалась некоторая доля высокомерного превосходства» — он был настоящим польским аристократом. К тому же «промышленность для него являлась лишь средством к жизни, богатой и красивой. Красоту жизни... он понимал и ценил» — сказывалось влияние западноевропейской культуры¹⁶⁷⁰.

С началом угольного бума предприниматели обычно не щадили донецкие степи и холмы. «Как только обнаружилось месторождение каменного угля или железной руды, и промышленники предлагали деньги (хорошие по тем временам), сейчас же собственники охотно расставались со своим имуществом», и край, «не получивший задатков культуры», из рук «богатых и полюбивших свои владения собственников попадает в руки предпринимателей. Разрыты холмы, усеяны чёрными вышками долины, дымятся тысячи труб и ночью пылают пламя доменных печей». Однако хотелось бы и «устройства жизни в условиях более привлекательных»¹⁶⁷¹. Таким оазисом культуры стала усадьба Мсциховского.

В 1905 году в Селезнёвке он строит себе новый дом — виллу в итальянском стиле, единственное подобное сооруже-

Industry and commerce / L. Lewery (Miscellaneous Series, № 124). — Washington: Government printing office, 1923. — P. 12).

¹⁶⁶⁹ 7,48 рубля за пуд.

¹⁶⁷⁰ Фенин писал о Мсциховском, которого хорошо знал, в основном во второй части своих воспоминаний, которая так и не была издана; рукопись хранится в Праге (Фенин А. И. Воспоминания инженера. Ч. 2 / А. И. Фенин. — <https://prozhitto.org>).

¹⁶⁷¹ Лукомский Г. К. Усадьба в прошлом и настоящем: Селезнёвка К. Л. Мсциховского / Г. К. Лукомский // Столица и усадьба. — 1916. — Вып. 51. — С. 4–5.

ние в Донбассе тех лет. Над входом была пафосная латинская надпись золотыми буквами «Laboris Sacrum» — «Священный труд». Для Мсциховского дом стал символом итогов всего его бизнеса. Тогда же создаётся и пейзажный парк площадью более двадцати гектаров. Впрочем, любоваться этой красотой было особенно некому — Мсциховский не отличался общительностью, и гости у него появлялись редко. Да и был он там не постоянно — жил в Петербурге на улице Миллионной, а это могли позволить себе только достаточно богатые люди.

В народе распространился слух, что хозяин имения построил новый дом для своей любовницы, с которой часто приезжал на отдых из Петербурга. Другие утверждали, что всё это выдумки, нет никакой любовницы, и Мсциховский проводил время в своём имении с супругой, Агафьей Михайловной Николич (румынкой по происхождению), — её не раз видели чинно прогуливавшейся по парку, в то время как из дома доносилась классическая музыка.

С этой усадьбой у меня многое связано. В детстве я там не раз бывал — от нашего дома до неё было 15 минут на велосипеде, и я туда часто ездил, причём сам. Мне нравились и причудливые здания (это был первый «замок», который я увидел, и он мне казался сказочным), и старинный парк. От заброшенного парка и от дома веяло древностью, минувшими веками, и это завораживало. О Мсциховском уже никто не помнил — просто «помещик из Селезнёвки». Если об Алчевском или Горлове какая-то смутная память ещё сохранялась хотя бы в названии городов, то о Мсциховском тогда забыли — остался только старый дом, построенная им рядом церковь и заброшенный парк.

В 1912 году Казимир Людвигович отошёл от активных дел по состоянию здоровья и жил в Селезнёвке, где на свои деньги построил церковь и школу. Во время Первой мировой войны он отдал её помещения под госпиталь для раненых. После революции Мсциховский с женой оказались за границей почти без денег, пришлось им там нелегко, и в начале 1920-х они умерли в эмиграции¹⁶⁷².

Истории возвышения Ауэрбаха, Горлова, Мсциховского и многих других во многом не похожи на историю Джо-

¹⁶⁷² Фенин А. И. Воспоминания инженера. Ч. 2 / А. И. Фенин. — <https://prozhitto.org>

на Юза. Тот, не имея особого образования, вошёл в число первопроходцев нового индустриального региона благодаря протекции в правительстве. А хорошо образованные горные инженеры стали предпринимателями благодаря поддержке либо иностранных инвесторов (Ауэрбах), либо Полякова и других представителей крупного бизнеса (Горлов). «Угольный бум» в донецких степях давал шанс разбогатеть всем — был бы предпринимательский талант. В этом смысле быстро развивающийся новый регион действительно чем-то напоминал Америку, с которой тогда его часто сравнивали.

Впрочем, не нужно забывать, в каком государстве всё это происходило — в царской империи, а она была похожа больше на Аргентину. Похожа не только аграрной сырьевой экономикой, но и тем, что рассчитывала на иностранные инвестиции — без них трудно было что-то сделать. А ещё была похожа умением расхищать капиталы, используя их для личного обогащения. И даже такие выдающиеся люди, как те, о которых говорится здесь, не могли изменить траекторию экономического развития.

«Стенной Колумб»

Правый приток Днепра река Ингулец в месте своего слияния с рекой Саксагань образует длинный искривлённый мыс, получивший название Кривой Рог. Так же стали называть город, основанный в 1775 году, и огромное месторождение железных руд — Криворожский железорудный бассейн, где залежи руды высокого качества вытянуты с севера на юг на сто километров в виде узкой полосы.

О залежах железных руд в районе Кривого Рога знали ещё во времена князя Потёмкина. Он отправил в эти края экспедицию для исследования запасов руды, возглавляемую профессором природоведения Михаилом Ливановым. Тот осмотрел и описал залежи железных и медных руд в месте слияния рек Ингулец и Саксагань, после чего князь распорядился построить чугунолитейный завод на реке Ингулец. Но дело продвигалось медленно, а после смерти Потёмкина в 1791 году вообще заглохло. О криворожской руде надолго забыли и заговорили только в 1865 году, когда залежи обследовал профессор геологии Петербургского университета

Николай Барбот де Марни¹⁶⁷³, подтвердив большие запасы руды с высоким содержанием железа.

Главную роль в освоении богатств Кривого Рога сыграли иностранцы — бельгийцы и французы. «Они сеют, не жалея, и жнут сторицею, не стесняясь. В Кривом Роге ими поставлен памятник, хоть не мудрый, а всё-таки памятник: бюст на кварцитной скале Александру Николаевичу Полю»¹⁶⁷⁴. Это он, местный землевладелец и краевед, которого называли «степным Колумбом», стал первопроходцем в освоении криворожских руд. Причём многое он делал не столько ради прибыли, сколько из предпринимательского энтузиазма. Такой он был человек, и это не всегда понимали его современники. «Моё первое правило было: служить, никогда не получая за это платы», — любил говорить Польш.

Александр Польш¹⁶⁷⁵ (1832–1890) родился на Екатеринославщине в дворянской семье подпоручика Николая Поля и Анны Полетики, праправнучки сестры гетмана Павла Полуботка, Татьяны Леонтьевны. Кстати, именно с этим гетманом связана известная легенда об огромных сокровищах, вложенных в британские банки, и о том, что они завещаны Украине, когда она обретёт независимость.

По семейным преданиям, предки отца Александра Поля происходили из средневековой Англии, где при короле Генрихе VIII (правил с 1509 по 1547 год) был кардинал Реджиналд Пол (1500–1558), архиепископ Кентерберийский. Известно, что дед Александра, Иоганн Пауль, шведский дворянин, родившийся в 1757 году на острове Эзель (сейчас — эстонский остров Сааремаа), нанялся на службу в российскую армию, где офицерам хорошо платили. Так он стал Иваном Ивановичем Полем. За заслуги в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. ему пожаловали землю в районе Екатеринослава на берегу небольшой реки Мокрая Сура, где дед и поселился в своём имении.

Рассказы матери о предках по её линии, о козаках и Гетманщине, с детства пробудили у Александра Николаевича

¹⁶⁷³ Потомок выходца из Франции.

¹⁶⁷⁴ Гиляровский В. Железная горячка // Трущобные люди. Очерки, рассказы, репортажи / В. Гиляровский. — М.: Правда, 1989. — С. 154.

¹⁶⁷⁵ О жизни А. Н. Поля писали многие. Его биографию излагают современные историки И. Кочергин (Кочергін І. О. Олександр Польш: мрії, справи, спадщина / І. О. Кочергін. — Дніпропетровськ: НГА, 2002. — 222 с.) и В. Платонов (Платонов В. Человек-легенда: Александр Польш. — Днепропетровск: Проспект, 2000. — 208 с.).

любовь к старине. Летом 1866 года он решил обследовать живописное урочище Дубовая Балка по правому берегу реки Саксагани напротив небольшого в то время селения Кривой Рог. Скалистая балка славилась своим вековым лесом и пещерами, которые предания связывали с гайдамаками. Решив отдохнуть на вершине горы, которую местные жители называли Орлиным гнездом, Поль металлическим посохом отбил кусочек скалы, на которой сидел. К его удивлению, это был не гранит, а совсем другая порода, чёрная с красноватым оттенком. «Железная руда», — мелькнула мысль. Так оно и было.

Образцы руды он отправил в Горный департамент вместе с сообщением, что открыто богатое месторождение. Но там к известию не проявили интереса — видимо, потому что Кривой Рог находился далеко и от донецкого угля, и от железных дорог, которые только начинали строить. И тогда Александр Поль с образцами руды поехал в Германию, к профессору минералогии Штрипельману из Горной академии в Саксонии. Тот отметил очень высокое качество руды из Дубовой балки — там было до 70 % железа, в Западной Европе таких богатых руд не встречалось. После этого Поль, убеждённый в перспективности разработки месторождения, в 1872 году пригласил немецких специалистов и за свой счёт организовал разведку запасов руды. Говорили, что он заложил почти всё своё имущество и потратил на оплату немцам большие деньги — не то 15, не то 20 тысяч рублей.

Впрочем, Александр Николаевич был, может, и не богатым, но и не бедным помещиком. Да и предпринимательская жилка у него имелась — раньше он пробовал силы в аграрном хозяйстве, купив имение с 1330 десятинами земли в сёлах Любомировка и Приютово, где построил капитальные фермы для коров и несколько конных заводов. Хотя разведением коней Поль интересовался всю жизнь, настоящий успех ему принесло совсем другое — железо.

Летом 1873 года Александр Поль покупает имение Гданцевка, а также земли в Дубовой балке, где возле реки Саксагань строит усадьбу¹⁶⁷⁶. Кроме того, 29 июля того же года он заключил договор с крестьянами Криворожской сельской общины об аренде на 30 лет¹⁶⁷⁷ земельных участков

¹⁶⁷⁶ В районе современной улицы Дышинского в Кривом Роге. В 1887 году эту усадьбу пришлось продать — понадобились деньги.

¹⁶⁷⁷ В 1875 году срок аренды продлили ещё на 55 лет.

(18 600 десятин), богатых железной рудой. Прежние владельцы радостно потирали руки, считая, что очень удачно избавились от бесполезных земель, непригодных для сельского хозяйства. А через некоторое время радостно потирать руки стали иностранные инвесторы, заработавшие на добыче руды огромные деньги.

Понимая, что перспективы разработки руд упрутся в отсутствие железной дороги, в эти же годы Польша пытается продвигать в правительственных кругах идею строительства новой линии. Власти попытались было снова отмахнуться от этого странноватого помещика-краеоведа, но в этот раз отмахнуться не получилось — идею железной дороги поддержало земство, и в апреле 1875 года проект дороги утвердили. Благодаря усилиям Польша она должна была дойти не только до Александровска (Запорожье), но и до Екатеринослава (Днепр), и Кривого Рога. Правда, Турецкая война 1877–1878 годов задержала строительство, но в 1881 году оно всё же началось. Криворожскую дорогу, названную Екатерининской в честь императрицы, открыли в 1884 году. Она предназначалась главным образом для перевозки железной руды в Донбасс и угля в Криворожский бассейн. Дорога оживила Екатеринослав, превратив его из провинциального города в крупный промышленный центр.

В 1876 году Александр Польша снова обратился в Горный департамент с предложением организовать товарищество на паях и начать разработку месторождения, но опять не нашёл поддержки — к Польше отнеслись иронически, как к человеку со странностями, слишком увлечённому своей идеей. Трудно понять, чем было вызвано такое отношение, кроме как инертностью чиновников — ведь Польша не предлагал что-то сверхъестественного и невыполнимого, да и о криворожских рудах было известно давно. А дальнейшие события показали, что дело действительно было чрезвычайно выгодным. Возможно, причиной такого отношения оказались попытки лоббировать (по сложившейся традиции) сильно устаревшую промышленность Урала, из-за чего потенциал Донбасса и Кривого Рога в первые годы их освоения недооценивали. Как бы там ни было, история Польша выглядит полной противоположностью истории Джона Юза. Того власти (вплоть до царской семьи) поддерживали во всём, а на Польша чаще всего не обращали внимания.

Наконец, через несколько лет Александру Николаевичу удалось заинтересовать французских инвесторов. В декабре 1880 года он вместе с Полем Талабо (директором Парижско-Лионской железной дороги) создал в Париже «Акционерное общество железных руд Кривого Рога» («Societe anonyme des minerals de Krivoi Rog») с капиталом 5 млн франков¹⁶⁷⁸. Со своей стороны Поль передал обществу приобретённое им имение Гданцевка с залежами железной руды и все арендованные земли. Он стал крупнейшим акционером, владея пакетом в 2500 акций на сумму 1,25 млн франков, а кроме того получил за переданные земли значительную сумму денег, что дало возможность погасить накопившиеся долги.

В мае 1881 года устав общества утвердило российское правительство, и началась добыча руды, которую покупало «Новороссийское общество Юза». В первые годы доставлять руду было сложно — везли её на возах, запряжённых волами. В сухую погоду по степным дорогам ещё можно было проехать, а когда дороги размокали, перевозка руды сильно усложнялась.

Поэтому до постройки Екатерининской железной дороги вывозилась только небольшая часть руды (в 1881–1883 годы — всего 83 тысячи пудов), остальная часть складировалась до лучших времён. И они скоро настали — после открытия в 1884 году железной дороги, связавшей Кривой Рог с Донбассом, только за один этот год вывезли более 2 млн пудов руды.

В 1889 году французское общество начало строить в Гданцевке чугунолитейный завод, заложив первую доменную печь¹⁶⁷⁹. В этом году прибыль общества, наконец, достигла 7%, и акционеры получили дивиденды по 5% на каждую акцию. Однако сказать, что Александр Поль разбогател и стал жить в своё удовольствие, было бы неправдой. Все деньги он вкладывал в дело, причём не всегда удачно, поэтому постоянно имел долги. Любимую усадьбу в Дубовой Балке пришлось продать. На сбережения жены в Екатеринославе построили небольшой дом, где Поль провёл последние годы. Жил он недолго, и умер 26 июля 1890 года от сердечного приступа в возрасте 57 лет. Хоронил его весь город, и люди

¹⁶⁷⁸ Общество выпустило 10 000 акций по 500 франков, успешно проданных в Париже за сутки. Их приобрели 30 крупных инвесторов.

¹⁶⁷⁹ Завод полноценно заработал в 1892 году.

усыпали всю дорогу цветами — хотя Поля многие считали чудачком, был он персоной известной¹⁶⁸⁰.

Однако, как часто случается, после смерти человека о нём быстро забывают. Жена Ольга осталась с больным туберкулёзом сыном Борисом без денег. В 1892 году она продала французскому обществу земли в Дубовой балке за 250 тысяч рублей (хотя говорили, что тогда эта земля с запасами железной руды могла стоить и миллион). Продала она и часть археологической коллекции — предметы из драгоценных металлов. Купившее земельный участок в Дубовой балке французское «Акционерное общество железных руд Кривого Рога» сменило название на «Общество рудников Дубовой балки».

Железная горячка

Тем временем железная горячка в Кривом Роге была в самом разгаре. Недаром писал современник в конце 1890-х, что «Кривой Рог — это Калифорния в первые годы открытия золота»¹⁶⁸¹. Но ещё большая железная горячка началась в Екатеринославе после того, как туда благодаря стараниям Александра Поля построили железную дорогу. «Это прекрасный город на Днепре, растущий не по дням, а по часам за последние 10–12 лет». Его главный проспект «может поспорить с лучшими улицами мировых столиц, широкий, прорезанный вдоль двумя лентами бульваров и двумя линиями рельсов электрического трамвая... Здесь все спешат урвать, нажать или сделать крупное, серьёзное дело». Там, где несколько лет тому назад был «пустырь — теперь громадная станция, окружённая на несколько вёрст всевозможными заводами... И все до одного заводы, весь этот драгоценный город, выросший, как в волшебной сказке, — всё принадлежит иностранцам, и всё создано только ими»¹⁶⁸².

¹⁶⁸⁰ После смерти в доме Поля открыли небольшой частный археологический музей, а в дальнейшем его экспонаты передали в городской музей (сейчас — музей имени Дмитрия Яворницкого, известного историка запорожского козачества).

¹⁶⁸¹ Гиляровский В. Железная горячка // Трущобные люди. Очерки, рассказы, репортажи / В. Гиляровский. — М.: Правда, 1989. — С. 155.

¹⁶⁸² Там же, с. 153–154.

Был, правда, и другой Екатеринослав — «губернский город одноэтажных домов, построенных учителями гимназий, священниками, штабс-капитанами и коллежскими асессорами на сэкономленные деньги или на банковские кредиты»¹⁶⁸³, но в коллективной памяти поколений всё же больше остался город фабрик и заводов.

Когда в 1884 году начала работать Екатерининская железная дорога, связавшая Донбасс с Екатеринославом, город начал стремительно развиваться. Он оказался центром Криворожского железорудного района, где добыча руды выросла с 1890 по 1908 год почти в два раза¹⁶⁸⁴. О промышленном подъёме в этом приднепровском городе можно говорить долго, но всего не расскажешь, да и написано об этом уже немало.

В конце XIX века «быстрота развития Екатеринославского округа, где расположено несколько крупных заводов, едва вообразима»¹⁶⁸⁵. Осенью 1889 г. франко-бельгийское акционерное «Общество русских трубопрокатных заводов» стало строить Екатеринославский трубопрокатный завод. Вскоре появились многие другие промышленные предприятия (в начале XX века их количество в городе достигло 70), сформировавшие ядро ещё одного нового промышленного региона, возникшего вокруг богатейших запасов железной руды¹⁶⁸⁶. По объёму капиталов, вложенных в этом регионе, французские инвесторы занимали первое место¹⁶⁸⁷. Однако основным рынком для индустриальных ценных бумаг была не Парижская биржа, а Брюссельская.

¹⁶⁸³ Домонтович В. Без гунту / В. Домонтович. — Регенсбург: Вид. Михайла Борецкого, 1948. — С. 55.

¹⁶⁸⁴ Со 129 млн пудов до 225,5 млн пудов (Історія міста Дніпропетровська / Ред. А. Г. Болебрух. — Дніпропетровськ: Грані, 2006. — С. 77–128; Дніпропетровськ: віхи історії / Ред. С. А. Квітка. — Дніпропетровськ: Грані, 2001. — С. 49–83).

¹⁶⁸⁵ Подъём промышленности и его последствия — финансовые и экономические // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1899. — № 33. — С. 255.

¹⁶⁸⁶ В 1895 году в городе появилась телефонная сеть (первоначально из 60 абонентов), в 1897 г. франко-бельгийское трамвайное общество начало строить городские трамвайные линии.

¹⁶⁸⁷ В июле 1912 г. на Парижской бирже котируются акции шести горнодобывающих и металлургических обществ юго-востока Украины: Никополь-Мариупольского, Южнорусского горнопромышленного, Южнорусского Днепровского, Брянского (в Екатеринославе), завода Гартмана (в Луганске), Русского паровозостроительного и механического завода Буэ (в Харькове) (Парижская биржа // Финансовое обозрение. — 1912. — № 15. — С. 14).

Бельгийцы

Приток бельгийских капиталов стал особенно заметным во время «железной горячки» конца XIX века. «Бельгия создавала в Европе, Азии и Африке целый ряд предприятий, представляющих из себя процветающие бельгийские колонии». А в наших краях бельгийцы «образовали целый ряд горнодобывающих и металлургических обществ»¹⁶⁸⁸. Это тогда Екатеринослав с его заводами и весь Криворожский железорудный район стали иногда называть «белым Конго», намекая на то, что он уже напоминает бельгийскую колонию.

Бельгийские инвесторы начали появляться в царской империи ещё в 1870-е годы, вначале специализируясь на трамвайных компаниях, которые до того они уже основали во многих странах¹⁶⁸⁹. Затем от создания в нескольких городах «конно-железных дорог» (как их тогда называли) бельгийцы перешли к более крупным горнодобывающим и металлургическим предприятиям. Первым появилось «Южнорусское Днепровское металлургическое общество» (в нынешнем городе Каменское)¹⁶⁹⁰. В 1894 году учредили дочернее «Бельгийское общество по эксплуатации угольных шахт Донбасса», специализировавшееся на добыче угля. Через год, в 1895-м, возникла ещё одна дочерняя компания — «Судостроительный, механический и литейный завод» в Николаеве¹⁶⁹¹.

¹⁶⁸⁸ Подъём промышленности и его последствия — финансовые и экономические // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1899. — № 33. — С. 255.

¹⁶⁸⁹ В Бельгии этот бизнес контролировали «Группа Отле» (Union de Tramways) и «Группа Урбана» (Societe generale Chemins defer economique). Основанная в 1880 г. «Группой Урбана» компания «Одесские трамваи» стала первой, затем подобные компании были созданы в Киеве, Варшаве, Харькове и других городах. Трамваи в Одессе, Варшаве и Харькове в 1897 г. дали в среднем 15 % прибыли на основной капитал.

¹⁶⁹⁰ Учредителем общества стала бельгийская компания Cockerill совместно с Варшавским сталелитейным заводом Lilpop, Rau & Levenstein (бельгийской компании принадлежало 90 % акций). Общество было создано по инициативе Эжена Садуана, эксперта компании Cockerill, а генеральным директором стал польский партнёр Рау, один из владельцев Варшавского сталелитейного завода. Польский завод демонтировали и полностью перевезли в с. Каменское, где он начал работать с 1887 года.

¹⁶⁹¹ Заинтересовалась минеральными ресурсами царской империи и бельгийская химическая компания Solvay, заключив договор с владельцем соляных шахт И. И. Любимовым о создании в 1887 году совместного предприятия по производству соды — Товарищества «Любимов, Сольвей и Ко».

Бельгийские компании строили заводы, «подобные их собственным», и таким образом «заполучили себе прибыли огромного рынка в стране», только начинающей «оборудование своей промышленности»¹⁶⁹². «Характерная для бельгийцев бесцеремонность» помогала им добиваться своего, и в тех отраслях, куда они вкладывали свои капиталы, они чувствовали себя полными хозяевами. «Ими превосходно усвоены в обращении со служащими все трёхэтажные русские ругательства», так как всем известно, что «бельгийцы прилежно изучают быт и нравы страны, в которую они вносят блеск своего просвещения»¹⁶⁹³. «Все правления фабрик, заводов, банков и страховых обществ кишат разными мосье Севиер, Решар и Мофор... Вся эта налетевшая на наше отечество саранча относится крайне пренебрежительно к тем служащим и лицам, которые вынуждены... состоять в подчинённом по отношению к этим пришельцам положении»¹⁶⁹⁴.

Объёмы бельгийских инвестиций быстро увеличивались. Вложение капиталов в металлургические и другие компании оказалось весьма выгодным, а реклама в западноевропейских газетах обеспечила высокие котировки ценных бумаг горнодобывающих и металлургических предприятий на Брюссельской бирже. Акции новых предприятий приносили «огромные дивиденды, от которых давно отвыкли иностранные капиталисты», и достаточно было прибавить «к названию фирмы слово „днепровской“ или „донецкой“, чтобы рассчитывать на лёгкий сбыт акций за границей»¹⁶⁹⁵, на европейских биржах — прежде всего на Брюссельской и Парижской.

Бельгийцы вкладывали свои капиталы не только в Екатеринослав и Кривом Роге, но и в Донбассе. Влиятельная бельгийская компания Societe Generale¹⁶⁹⁶ в 1895 году основала «Русско-Бельгийское металлургическое общество». Общество приобрело 4600 гектаров земли с залежами

¹⁶⁹² Подъём промышленности и его последствия — финансовые и экономические // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1899. — № 33. — С. 255.

¹⁶⁹³ Егоров Т. Бельгийцы и электрические трамваи в Одессе / Т. Егоров // Народное хозяйство. — 1902. — Кн. 7. Сент.-окт. — С. 142–143.

¹⁶⁹⁴ Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени / И. Манус. — СПб.: Тип «Энергия», 1905. — С. 47–48.

¹⁶⁹⁵ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование. В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — М.: Гос. Изд-во, 1922. — С. 261.

¹⁶⁹⁶ Совместно с Societe Angleur и Saint-Leonard Societe (конкурентами Cockerill).

угля, а Оскар Бие (в прошлом генеральный директор Saint-Leonard Societe) переселился на Донбасс, чтобы руководить строительством завода, начавшего выпускать продукцию в 1898 году¹⁶⁹⁷. Соучредителем общества и автором его устава был Фёдор Енакиев (1852–1915), ещё один инженер, ставший промышленником.

В 1890-е годы среди иностранных инвестиций в новом промышленном регионе (в 1900 году достигших 888 млн бельгийских франков) преобладали именно бельгийские капиталы (550 млн), значительно превосходя французские (275 млн). Английские (34 млн) и немецкие (29 млн) инвестиции были принципиально меньше¹⁶⁹⁸. Основная масса инвестированных капиталов была франко-бельгийской. При этом разграничение французских и бельгийских капиталов оказывалось очень условным. Из-за экономической связанности Франции и Бельгии значительная часть капиталов, формально считавшихся бельгийскими, имели французское происхождение¹⁶⁹⁹.

Наибольшая чистая прибыль бельгийских предприятий «не превышает 22 %» на основной капитал. Так что доходность капитала в бельгийских предприятиях «не может быть названа чрезмерной по сравнению хотя бы с доходностью наших предприятий сахарных». Однако доходность около 20 % встречалась очень редко и в предприятиях, основанных давно. В большинстве же случаев доходность бельгийских компаний составляла 3–5 %¹⁷⁰⁰. Однако и такую доходность инвесторы считали выгодной.

За десятилетие 1890-х иностранные капиталы, вложенные в одну лишь каменноугольную промышленность, выросли почти в шесть раз¹⁷⁰¹, и бельгийцы лидировали. Так что и Донбасс, и Кривой Рог, и Екатеринослав неслучайно называли десятой провинцией Бельгии¹⁷⁰², а в прессе «было нема-

¹⁶⁹⁷ Пеетерс В. Сталь у стегу / В. Пеетерс. — К.: Посольство Бельгії, 2010. — С. 23.

¹⁶⁹⁸ McKay J. P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885–1913 / J. P. McKay. — Chicago and London, 1970. — P. 111.

¹⁶⁹⁹ Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна / Г. Д. Бакулев. — М.: Гостехиздат, 1955. — С. 150.

¹⁷⁰⁰ Бельгийские капиталы в России // Киевлянин. — 1899. — № 329. — С. 3. — Кол. 5–6.

¹⁷⁰¹ Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности / Л. Я. Эвентов. — М. — Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. — С. 62–63.

¹⁷⁰² Максимальным присутствие бельгийского капитала было в 1900 г. (60 компаний, из них 20 металлургических, 13 горнодобывающих, 10 трамвайных и др.; после кризиса 1900–1902 гг. оно сократилось до 31 в 1910 г.).

ло разговоров о нашествии иностранного капитала, особенно бельгийского»¹⁷⁰³. Бельгийские капиталы кроме горнодобывающей и металлургической промышленности вкладывались тогда в значительное количество самых разных предприятий. «Невольно бросается в глаза как разбросанность их» в территориальном смысле, так и разнообразие тех отраслей промышленности, «за которые взялись у нас бельгийцы», поэтому «без преувеличения можно сказать, что бельгийские предприятия существуют у нас повсюду»¹⁷⁰⁴.

В большинстве основанных бельгийцами промышленных предприятий акции имели небольшой номинал, обычно не выше 100–250 франков (37–92 руб.), иногда и 50, и даже 25 франков. А это означает, что они были предназначены для мелких индивидуальных инвесторов. Правда, увы, не для наших, а для бельгийских.

Кризис на рубеже двух столетий

Промышленный бум в новом индустриальном регионе от Кривого Рога и Екатеринослава до Донбасса и Харькова основывался на крупных государственных заказах на рельсы и другое железнодорожное оборудование. Поскольку экспорт продукции металлургических заводов в Бельгию и другие страны Западной Европы не предполагался, экспортировалась только прибыль металлургических заводов. А их продукция применялась в основном при строительстве железных дорог.

Интерес иностранных инвесторов возник после того, как в донецких степях появились железные дороги, а в городах — телеграф, телефон и банки¹⁷⁰⁵. К тому же 11 июня 1891 года в царской империи был принят новый протекционистский

¹⁷⁰³ Бельгийские капиталы в России // Киевлянин. — 1899. — № 329. — С. 3. — Кол. 5–6.

¹⁷⁰⁴ Бельгийские капиталы в России // Киевлянин. — 1899. — № 329. — С. 3. — Кол. 5–6.

¹⁷⁰⁵ Одним из первых начало свою деятельность в 1883 году «Общество каменных солей и природных сод юга России». Занималось оно не углём, а добычей соли в окрестностях Бахмута. Углём это общество занялось с 1895 года (Claeys T. La société des sels gemmes et soudes naturelles de la Russie méridionale, de 1882 à 1918. Un exemple d'une réussite industrielle / T. Claeys // Revue française d'histoire économique. — 2017. № 7–8. — P. 120–159).

таможенный тариф с целью повысить стоимость импорта и стимулировать развитие собственной промышленности, в том числе угледобывающей и металлургической.

Цель эта, в общем, была достигнута, хотя и дорогой ценой — иностранные инвесторы вывозили прибыль за границу, а производимая продукция могла продаваться только на внутреннем рынке, так как её цена оказалась завышенной. В 1890-е годы среди иностранных инвесторов начался настоящий бум — «опьянённые успехом первых заводов, ослеплённые опытом деятельности по всей Европе» они, по словам Артура Рафаловича¹⁷⁰⁶, смотрели на всё «в розовых очках», не замечая нарастающих проблем, закончившихся кризисом на рубеже XIX и XX веков¹⁷⁰⁷.

Перед кризисом промышленный рост шёл быстрее, чем в Западной Европе, а изобилие свободных капиталов вместе с легко доступными краткосрочными кредитами вызвали, как всегда, очередной акционерный бум. С 1894 по 1899 год появилось множество новых компаний с капиталами «более чем на миллиард рублей, не считая железнодорожных, банковых и иностранных компаний»¹⁷⁰⁸. Что могло остановить учредительский бум, если «поезд шёл под гору с ускоряющейся быстрой»¹⁷⁰⁹? То же, что и всегда, — обвал рынка.

Первым признаком приближения кризиса стало снижение прибыльности капитала в торговле на юго-востоке Украины с 6 % в 1896 году до 3,29 % в 1898-м. В промышленности в эти же годы снижение прибыльности пока ещё было незначительным — с 10,5 % до 10,25 % в 1898 г.¹⁷¹⁰ Однако вскоре

¹⁷⁰⁶ Официальный агент царского Министерства финансов в Париже, автор многих работ по экономике.

¹⁷⁰⁷ Raffalovich A. Le marché financier en 1901-1902 / A. Raffalovich. — Paris: Librairie Guillaumin et Cie, 1902. — P. 717-718.

¹⁷⁰⁸ Мигулин П. П. Промышленный кризис в России в 1899-1901 гг. // П. П. Мигулин // Народное хозяйство. — 1902. — Кн. 3. — С. 20-21.

¹⁷⁰⁹ «Чем шире развёртывалось учредительство, тем чувствительнее становились непредвиденные затруднения» по осуществлению новых проектов «и по эксплуатации некоторых старых предприятий. Вследствие усиленного спроса очень быстро поднялась цена на строительные материалы», подорожали «топливо и железная руда». По одной только этой причине «первоначальные расчёты оказались не оправдавшимися и потребовались дополнительные капиталы, а надежды на высокую доходность должны были несколько поблекнуть» (К денежному вопросу Часть 2 // Киевлянин. — 1899. — № 311. — С. 1. — Кол. 5-6).

¹⁷¹⁰ Лазанська Т. Історія підприємництва в Україні (на матеріалах торгово-промислової статистики XIX ст.) / Т. Лазанська. — К.: Ін-т історії України, 1999. — С. 86.

начался общемировой экономический кризис, ставший особенно тяжёлым в наших краях из-за неурожаев в 1897–1899 годы.

Если вспомнить историю создания железнодорожной сети в США, Аргентине и других странах, то в кризисе на рубеже двух столетий нет ничего необычного. «Во всех случаях, когда европейскими капиталистами овладевало сильное спекулятивное движение, когда они бросались в предприимчивость с большою неосторожностью», последствием становились «плачевные результаты»¹⁷¹¹.

Приближение кризиса в первую очередь отразилось на биржах, где в сентябре 1899 года началось падение курсов акций, а потом и паника. Правда, в финансовой прессе оптимистично писали, что «наша биржа сама ухитряется... создавать биржевые кризисы, для которых нет ни места, ни серьёзных причин», а также «совершенно искусственно создавать панику вместо того, чтобы руководить... биржевой публикой», поэтому «пора бы покончить с мифом» о кризисе¹⁷¹².

Однако на деле всё было, конечно же, не совсем так. В 1899 году курсовая стоимость ценных бумаг промышленных предприятий упала на 40 %, после чего их владельцы понесли крупные убытки¹⁷¹³. Можно сказать, что это биржа вела игру на понижение, однако начало кризиса отмечалось тогда во многих странах. Трудности у промышленных предприятий, когда их акции и облигации значительно упали в цене, заставили заволноваться бельгийских и французских инвесторов, вложивших в эти предприятия огромные деньги. Недаром в 1901 году внимание многих привлекла статья о промышленном кризисе в царской империи известного тогда французского экономиста Поля Леруа-Болье.

По его мнению, основной общей причиной кризиса стали экономические и культурные особенности царской империи, которые многие иностранные инвесторы ещё не очень хорошо понимали. Несмотря на богатые запасы угля, руды и прочих природных ресурсов, обеспечивавших потенциал

¹⁷¹¹ Леруа-Болье П. Падение русских промышленных ценностей и кризис железной и угольной промышленности в России / П. Леруа-Болье // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1901. — № 41. — С. 57.

¹⁷¹² Биржа // Торгово-промышленная газета. — 1899. — № 209. — 24 сент. — С. 3.

¹⁷¹³ Хрулёв С. С. Финансы России в связи с экономическим положением её населения / С. С. Хрулёв. — СПб.: Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1909. — С. 150.

экономического развития, социальная среда здесь в принципе не имела такой предпринимательской гибкости, как в развитых экономиках, и потому не была готова к динамичному росту. Основную массу населения составляли крестьяне, привыкшие к коллективной земельной собственности сельской общины. Их коллективистский менталитет (в отличие от индивидуализма американских фермеров) только тормозил развитие духа предпринимательства. Кроме того, большинство металлургических и других крупных заводов создавались по решению правительства и ориентировались на государственные заказы. А это формировало специфический неконкурентноспособный стиль ведения бизнеса. В такой несовершенной среде лихорадочное учреждение множества новых горнодобывающих и металлургических компаний стало, по словам Леруа-Болье, «просто безумием» и привела бы к промышленному кризису в любой стране. Ну а частными, сугубо местными причинами кризиса можно считать чрезмерные затраты при создании предприятий и выплата завышенных дивидендов акционерам вместо того, чтобы накапливать прибыль и вкладывать её в дело¹⁷¹⁴.

О причинах кризиса 1899–1902 годов тогда писали многие, не только Леруа-Болье. Чаще всего называли вещи, сегодня уже хорошо известные, прежде всего — доступность дешёвых кредитов. «Самою важною причиною промышленного кризиса является вредная деятельность банков коммерческого кредита»¹⁷¹⁵, подталкивавшая предпринимателей к рискованным проектам. Потому что, когда появляется возможность набрать кредитов, соблазн слишком велик и оттесняет на задний план мысли о том, как их потом отдавать.

Усиливали кризис «спекулянты, аферисты и маклеры», предлагавшие доверчивым иностранцам купить всякие «сомнительные предприятия». Впрочем, «не менее виноваты и представители иностранных капиталистов», которые без

¹⁷¹⁴ При всём желании правительства быстро создать сеть железных дорог, оно экономически не было способно каждый год строить их по несколько тысяч километров, поэтому многие из созданных во время бума крупных предприятий остались без заказов и реального рынка сбыта своей продукции, ориентированной в основном на железнодорожное строительство (Леруа-Болье П. Падение русских промышленных ценностей и кризис железной и угольной промышленности в России / П. Леруа-Болье // Вестник финансов, промышленности и торговли. — 1901. — № 41. — С. 57).

¹⁷¹⁵ Старый профессор. Кризис денежного рынка 1899 года / Старый профессор // Народное хозяйство. — 1900. — № 3. — С. 21.

тщательных расчётов прибыльности покупаемых заводов «тратили зря большие деньги и самоуверенно организовывали крупные дела в малоизвестной им стране»¹⁷¹⁶. «Созданию такого легковёрного настроения среди иностранной публики» помогли крупные государственные заказы на рельсы «по высоким ценам», создавшие общую дороговизну металла. «Правительство поощряло устройство новых заводов, рассчитывая, что внутренняя конкуренция вызовет понижение цен», однако не учитывала «соразмерности предложения со спросом»¹⁷¹⁷.

Дешёвый легкодоступный кредит вместе с госзаказами на продукцию по завышенным ценам — характерная черта многих спекулятивных пузырей, особенно созданных благодаря притоку иностранных инвестиций. Предприниматели и акционерные компании рассчитывали на «огромные барыши», которые «кружили головы, а игра на повышение» акций, благодаря которой все богатели, ещё больше «разжигала жажду наживы». Но поскольку акционерные компании «часто не реализовывали в действительности своих акций, а закладывали их в коммерческих банках», то, по сути, акционерное финансирование «заменялось краткосрочным кредитом»¹⁷¹⁸.

Давно известно, что чем более мобилен иностранный финансовый капитал, тем легче он может не только поступать в страну, но и выводиться из неё при малейших признаках приближения проблем. Неудивительно, что финансовый кризис стремительно, как пожар, распространяется через границы благодаря растущим связям между национальными рынками.

В Западной Европе финансовые рынки начали испытывать «сильное стеснение» ещё в 1899 году «под влиянием отлива капиталов на Дальний Восток и в другие места Азии»,

¹⁷¹⁶ Промышленные затруднения в России // Киевлянин. — 1901. — № 302. — С. 2. — Кол. 4–5.

¹⁷¹⁷ Неудивительно, что все эти «эксцессы протекционизма» породили много предприятий, «устроенных расточительно в расчёте на дороговизну» выпускаемой продукции для железных дорог; но эти предприятия «оказались неспособными к нормальной жизни», когда государственные заказы на рельсы и другое оборудование сократились (Промышленные затруднения в России // Киевлянин. — 1901. — № 302. — С. 2. — Кол. 3–5).

¹⁷¹⁸ Банки при этом «или щедро выдавали ссуды, или сами становились учредителями, рассчитывая получить заработок на дальнейшем повышении акций» (К денежному вопросу Часть 2 // Киевлянин. — 1899. — № 311. — С. 1. — Кол. 5–6).

проявившееся «в падении цен большей части процентных бумаг»¹⁷¹⁹. А «быстрый рост акционерных обществ, охвативших разнообразные отрасли промышленности, и усиленное железнодорожное строительство... привели в конце 1898 года к чрезвычайному переполнению рынка бумагами», что «способствовало созданию особо тревожного настроения»¹⁷²⁰.

В наших краях многие предприниматели брались за крупные дела со слишком малым собственным капиталом, все надежды возлагая на то, что они смогут воспользоваться дешёвым краткосрочным кредитом. Однако из-за роста напряжённости на финансовых рынках в 1899 году получение иностранных инвестиций стало проблематичным, и многие проекты оказались невыполнимы. «В Донецком районе, где грюндерская горячка была особенно сильна, так же сильна была реакция», и во время кризиса здесь пострадали многие заводы. С сентября 1899 по март 1900 г. «прекратили платежи 18 бельгийских предприятий», а снижение спроса на продукцию создало большие проблемы для металлургических заводов, вынужденно «сокративших производство»¹⁷²¹.

Общие потери бельгийских инвесторов в российских предприятиях во время кризиса достигли 100 млн долларов (по курсам того времени)¹⁷²². Планы правительства по раз-

¹⁷¹⁹ Обращение Министерства финансов // Новое время. — 1899. — № 8416. — 3 авг.

¹⁷²⁰ Барк П. Л. Обзор финансовых и биржевых кризисов в России с 1894 по 1914 г. / П. Л. Барк // Бородин Л. И., Коновалова А. В. Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики / Л. И. Бородин, А. В. Коновалова. — СПб.: Алетейя, 2010. — С. 249.

¹⁷²¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование / М. И. Туган-Барановский. — В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — СПб., 1900. — С. 359. Началось обострение конкурентной борьбы между предпринимателями, в основном за получение государственных заказов на уголь и металл — единственное спасение в условиях кризиса. На старейшем Юзовском заводе 81 % продукции производилось по государственным заказам, на Дружковском — 72 %, на Петровском — 56 %, на Таганрогском — 29 %, на Днепровском — 26 %. Во время кризиса Юзовский завод из шести доменных печей остановил две, а принадлежавший Алчевскому Донецко-Юрьевский из трёх — одну (Нестеренко О. О. Розвиток промисловості на Україні. У 3 ч. Ч. 2. Фабрично-заводське виробництво / О. О. Нестеренко. — К.: Вид-во АН УРСР, 1962. — С. 315, 317–318).

¹⁷²² Пажитнов К. А. Развитие каменноугольной и металлургической промышленности на юге России (Очерк из новейшей истории русской промышленности) / К. А. Пажитнов // Народное хозяйство. — 1905. — № 3. — С. 43–44). В 1899 г. приостановил работу металлургический завод бельгийского «Верхнеднепровского общества», в 1900-м — Краматорский завод, в 1902 г. — Кер-

витию железнодорожной сети пришлось на время отложить, а госзаказы на рельсы отменить. Когда владельцы акций узнали об этом, среди них началась паника, после чего цены индустриальных бумаг ещё больше снизились¹⁷²³. Прежде всего, упали в цене акции, цены на которые намного превосходили реальную доходность предприятий¹⁷²⁴. Никто уже не хотел вкладывать капиталы в предприятия Донбасса или Кривого Рога — промышленный рост на время приостановился.

Французская и бельгийская пресса обвиняла во всём царское правительство — идея о естественном чередовании циклических подъёмов и спадов была, как всегда, слишком неудобна для понимания большинства. Каждый раз, когда начинался подъём, публика в основной своей массе наивно верила, что он будет длиться бесконечно. А при каждом спаде начинала причитать «всё пропало» и лихорадочно искать, кто в этом виноват.

Парижская газета *Le Temps* писала, что «когда французы начали строить заводы в Донецком бассейне, заводская промышленность стояла [там] на низкой степени развития». Иностранные инвесторы построили заводы якобы по последнему слову техники¹⁷²⁵, но как только производство наладилось, власти стали «сурово обращаться с промышленностью; зака-

ченский завод, а на предприятии бельгийского общества «Русский Провиданс» была введена внешняя администрация. Годом раньше, в 1901 г., остановился один из крупнейших Донецко-Юрьевский завод (ДЮМО), основанный А. К. Алчевским. «Донецко-Юрьевский металлургический завод — один из лучших и грандиознейших во всей Европе», однако «завод оказался слишком обширен и несоразмерен» с реальным спросом на его продукцию (Мигулин П. П. Промышленный кризис в России в 1899–1901 гг. // П. П. Мигулин // Народное хозяйство. — 1902. — Кн. 3. — С. 17–18, 40).

¹⁷²³ Их суммарная стоимость для 98 французских и бельгийских компаний снизилась с 1316 млн франков до 536 млн — на 59 % (Мигулин П. П. Промышленный кризис в России в 1899–1901 гг. // П. П. Мигулин // Народное хозяйство. — 1902. — Кн. 3. — С. 51).

¹⁷²⁴ Цены на акции значительно понизились, в том числе на банковские — почти в два раза. «При таком положении дел благодушие ... стало сменяться бурными собраниями», на которых «публика, которую порядком таки пощипали за последние годы на банково-биржевых манипуляциях», открыто выражала своё возмущение. Благодаря недовольству акционеров «стала раскрываться перед глазами общества закулисная сторона той деятельности, которую проявляли наши акционерные банки в период финансово-промышленного оживления» (Внутреннее обозрение // Народное хозяйство. — 1901. — Кн. 5. — С. 137).

¹⁷²⁵ Сегодня уже трудно оценить (как и в случае Джона Юза), насколько современным было оборудование этих заводов.

зы, которые сосредоточены в руках правительства, не давались по тем ценам», на которые надеялись инвесторы, после чего «началась внутренняя конкуренция между заводами»¹⁷²⁶, что якобы и стало причиной кризиса.

А тем временем заводы юго-востока Украины продолжали работу и во время кризиса, накапливая продукцию. Однако с 1900 по 1903 год спрос на уголь, железную руду и сталь реально снизился на 50 %, что сделало дальнейшую работу многих предприятий экономически невыгодной и даже убыточной. А крах банков А. К. Алчевского и нескольких бельгийских банков, финансировавших промышленность региона (в том числе Banque de Liege), ещё более усугубил ситуацию¹⁷²⁷.

Государственный банк царской империи предоставил финансовую помощь крупным металлургическим предприятиям, чтобы спасти их от краха (с 1900 по 1902 год кредиты этим предприятиям увеличились в два раза, до 280 млн рублей). Однако, несмотря на кредиты, выданные явно проблемным заводам, спасти их от банкротства не удалось. А поддержка Государственным банком и Министерством финансов не имеющих перспектив предприятий только затормозила естественное развитие кризиса — лучше от этого никому не стало. Нарыв должен прорваться, а гроза должна пронестись и закончиться — иначе не получается. Так и всякий кризис. Это тот случай, когда неумелое государственное

¹⁷²⁶ В начале XX века французская пресса, в том числе та же газета Temps, не прекращала «давать нам разные советы в области торговли», рекомендуя «нашим южным заводчикам... устроить синдикаты и взять в руки всю отпускную торговлю металлургией, распределять заказы и цены... Неужели Temps... полагает, что наше правительство позволит французам-заводчикам на нашем Юге устраивать по своему усмотрению согласно полученной инструкции от парижских бульварных экономистов синдикаты и диктовать нам какие-то условия?» (Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени / И. Манус. — СПб.: Тип «Энергия», 1905. — С. 15).

¹⁷²⁷ В середине 1901 г. курсы даже самых популярных до кризиса дивидендных ценных бумаг упали настолько, что за акции Александровского сталелитейного завода и Донецко-Юрьевского металлургического завода давали 20 % номинала (50 рублей за акцию номиналом 250 руб.). За акции паровозостроительного завода Гартмана в начале 1899 г. давали 154 руб. вместо 245 руб. К 1902 г. акции «Днепровского общества» понизились в цене на 65 %, а его дочерних предприятий — шахты «Алмазная» и Николаевского судостроительного завода — на 90 %. Ещё хуже было положение компании «Русский Провиданс», как и самой бельгийской компании «Провиданс», вложившей перед кризисом слишком большие капиталы на Востоке Украины (Пеетерс В. Сталь у ступу / В. Пеетерс. — К.: Посольство Бельгии, 2010. — С. 33, 48–49).

вмешательство приводит к ещё большим проблемам, чем если бы государство не делало вообще ничего.

Это хорошо понимали и современники. «Если бы этот кризис выразился только... в биржевом крахе», то он «проявился бы бурно и быстро миновал бы вследствие немедленной переоценки всех нежизнеспособных предприятий». Однако правительство «выступило с поддержкой сперва биржи, а потом и самих промышленных предприятий», хотя «для общего блага во время промышленных кризисов необходимо предоставить бирже полную свободу в переоценке бумаг... Такой естественный крах проносится на бирже как гроза», и после него «экономическая жизнь развивается нормально». При этом, чем более бурным становится биржевой крах и чем более глубока переоценка бумаг, тем больше обновляется рынок ценных бумаг. В Штатах, где в это время биржевые кризисы стали обычным делом, считалось, что «только после третьей переоценки предприятие становится блестящим»¹⁷²⁸.

В итоге, за время кризиса около трети промышленных предприятий нового индустриального региона пришлось ликвидировать. Их либо проглотили более крупные участники рынка, либо же они обанкротились и перешли в собственность конкурентов. Особенно затронул кризис бельгийские заводы. В то время как российское правительство создало в 1902 году синдикаты «Продамет» и «Продуголь», чтобы установить квоты поставок продукции и так сохранить производство во время кризиса, среди бельгийских предприятий (да и других иностранных компаний) координации действий практически не было. Наоборот, только обострилась конкурентная борьба¹⁷²⁹.

¹⁷²⁸ Хрулёв С. С. Финансы России в связи с экономическим положением её населения / С. С. Хрулёв. — СПб.: Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1909. — С. 151–154.

¹⁷²⁹ Одной из попыток сотрудничества и координации действий бельгийских инвесторов стало предложение инженера Жюля Гернарта создать в 1902 году промышленную федерацию, чтобы согласовать действия бельгийских предприятий Донбасса. Интерес к идее был — на первое заседание федерации прибыли многие промышленники. Однако договориться о совместных действиях они не смогли — бельгийский синдикат предприятий Донбасса так и не создали. В этом же году Эдуард Деспре, руководитель Societe generale, снова предлагал создать подобный синдикат крупных бельгийских и французских металлургических предприятий, но и этого сделать не смогли, хотя ничего нереального в этом предложении не было — в те годы такие создания синдикатов стало обычной практикой. Слишком сильна была конкуренция между четырьмя основными бельгийскими металлургическими предприятиями Донбасса («Южнорусское Днепропольское общество», «Русский Провиданс»,

Новый подъём

Спад в новом индустриальном регионе в 1899–1902 годы длился недолго и для большинства стал не очень драматичным, если не считать самоубийства Алчевского, оказавшегося на грани банкротства (к его истории мы вернёмся дальше). Правда, несколько предприятий пришлось закрыть. А вот бельгийцы, ещё недавно лидеры в металлургической промышленности на юго-востоке Украины, уверенно считавшие этот край «десятой провинцией Бельгии» и «белым Конго», не смогли сохранить своё влияние после кризиса. Часть их предприятий перешло в руки французских инвесторов, и до 1917 года именно они доминировали в новом индустриальном регионе¹⁷³⁰.

И хотя в 1910 году на юго-востоке Украины работало 31 бельгийское предприятие¹⁷³¹, основное внимание бельгийцы сосредоточили уже не на металлургии, а на своём привычном бизнесе, в котором они считались признанными лидерами, — трамвайных компаниях в Киеве, Харькове, Одессе и других городах.

Да и в обществе отношение к бельгийцам изменилось — пресса всё чаще обвиняла их в попытках монополизировать сначала металлургическую отрасль, потом — городской транспорт. Бельгийские трамвайные компании нередко называли сугубо спекулятивными, хотя трамвайные линии они действительно строили (множество примеров тому известно, хотя бы в Киеве).

«Таганрог» и «Русско-Бельгийское металлургическое общество»), отражая борьбу за место на рынке среди материнских компаний в Бельгии, и она подрывала всякий здравый смысл (Пеетерс В. Сталь у степен / В. Пеетерс. — К.: Посольство Бельгии, 2010. — С. 50–51, 55).

¹⁷³⁰ Среди сохранившихся после кризиса в Донбассе бельгийских компаний крупнейшими в 1910 году были «Южнорусское Днепровское металлургическое товарищество» (с капиталом 15 млн руб.), «Русско-Бельгийское металлургическое общество» (20 млн руб.) и металлургическое общество «Русский Провиданс» (14,6 млн руб.) (Тьерри Э. Экономическое преобразование России / Э. Тьерри. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 77; Озеров И. Х. Экономическая Россия и её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века / И. Х. Озеров. — М.: Изд. Д. С. Горшкова, 1905. — С. 122).

¹⁷³¹ Из них 10 металлургических, 7 горнодобывающих и 6 трамвайных и др. с общим капиталом 421,8 млн руб. (Абрамова Н. Г. Иностранные акционерные общества в России в 1905–1914 гг. / Н. Г. Абрамова // Вестник МГУ. История. — 1980. — № 4. — С. 82).

Новый период экономического подъёма начался с 1907 года. Его обычно связывают с экономической программой премьер-министра Петра Столыпина, которого убили в 1911 году. Программу реализовать не удалось, но несмотря на это, в 1910-е годы вместе с проникновением иностранных инвестиций в новом индустриальном регионе всё больше распространялось влияние западноевропейского капитализма с характерным для него стремлением к инновациям — и организационным, и технологическим. Так эпоха Витте и Столыпина вошла в историю как время наибольшего экономического подъёма, достигнутого перед Первой мировой войной.

Этот подъём больше всего стал заметным на индустриальном юго-востоке — в 1910-е годы регион переживал свой расцвет. «Особенный подъём за последнее трёхлетие пережили некоторые отрасли... например металлургическая промышленность, оживление которой знаменует собой обыкновенно наступление общей благоприятной экономической конъюнктуры»¹⁷³². А темпы акционерного учредительства достигли своего максимума. На крупных предприятиях в районе Донбасса и Кривого Рога «финансовые результаты деятельности этих обществ в 1911–1912 гг. оказались прямо-таки блестящими»¹⁷³³.

После начала нового подъёма 1907–1913 годов бельгийцы пытались вернуть себе былое влияние и «по возможности использовать в своих выгодах подъём экономической жизни»¹⁷³⁴, однако им так и не удалось восстановить лидерство. Впрочем, Брюссельская биржа и в 1913 году оставалась основным рынком для ценных бумаг предприятий

¹⁷³² Хроника. Рост акционерного дела в России // Биржа. — 1913. — № 2. — 13 янв. — С. 7.

¹⁷³³ Финансовые итоги южно-русских металлургических заводов // Биржа. — 1913. — № 1. — С. 4. В 1913 году продукция нового индустриального региона на Востоке Украины составляла более 20 % общеимперского объёма производства, в том числе 78 % добычи угля, 67 % производства чугуна, 57 % стали, 18 % продукции машиностроения (Україна. Статистичний щорічник за 1928 р. — Х.: ДВУ, 1928. — С. 230).

¹⁷³⁴ «Специальная правительственная экспедиция изучила причины неудач некоторых бельгийских предприятий» и посчитала, что у бельгийцев есть хорошие перспективы, поэтому «призывает бельгийских капиталистов не упускать из рук» принадлежащие им предприятия (Бельгийский капитал в России // Финансовое обозрение. — 1912. — № 15. — С. 11).

нового индустриального региона¹⁷³⁵. Всё это бесповоротно закончилось в 1914 году — Бельгию оккупировала Германия, после чего бельгийские компании Донбасса оказались под угрозой конфискации и национализации. А после двух революций 1917 года бельгийцы потеряли всё — по слухам, общая сумма их убытков составляла 2,5 млрд франков золотом¹⁷³⁶.

¹⁷³⁵ На Парижской бирже в 1912–1913 гг. котиrowалось 6 наименований ценных бумаг горнодобывающих и металлургических предприятий, а на Брюссельской — 19 наименований (Брюссель // Биржа. — 1913. — № 41. — С. 22; Металлургические ценности на Парижской бирже // Биржа. — 1913. — № 5. — С. 6. За границей. Брюссель // Биржа. — 1913. — № 41. — С. 22).

¹⁷³⁶ Пеетерс В. Сталь у степу / В. Пеетерс. — К.: Посольство Бельгії, 2010. — С. 61–62.

Глава 4.

СУДЬБА АЛЕКСЕЯ АЛЧЕВСКОГО

Город Харьков

В первой половине XIX века экономическое значение Харькова определялось его географическим положением на перекрёстке торговых путей с запада на юг и север, «между Киевом, с одной стороны, и азовскими портами с другой». Эти старинные маршруты проходили через Харьков задолго до появления железных дорог. Тогда основным «портом для Харькова служил Таганрог», а не расположенная гораздо дальше Одесса¹⁷³⁷. Так Харьков стал «складочным пунктом для мануфактурных товаров, расходящихся оттуда на украинские ярмарки». Эти товары, находившиеся на складах в Харькове, совершали «ежегодный круг, крайние пункты которого обозначаются Курском, Кролевцом, Ромнами и Елизаветградом. В середине этого пути лежат Полтава и Сумы. Вот главные ярмарочные города, между которыми круглый год странствуют товары, переезжая с одной ярмарки на другую». Кроме товаров для ярмарок, «Харьков ведёт весьма серьёзную торговлю продуктами сельского хозяйства, преимущественно шерстью», которую везли через Киев дальше на запад, «на польские и заграничные фабрики»¹⁷³⁸.

¹⁷³⁷ Железная дорога из Москвы в Одессу должна идти на Киев, а не на Харьков // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 год. — М.: Изд. С. Н. Катковой, 1897. — С. 478.

¹⁷³⁸ Харьков как центр особой железнодорожной системы // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1864 год. — М.: Изд. С. Н. Катковой, 1897. — С. 584–585.

Новая эпоха в экономике Харькова началась, когда через него проложили Курско-Харьковско-Азовскую железную дорогу, которую строил знаменитый «король железных дорог» С. Поляков, — первый участок дороги от Харькова до Таганрога был закончен в декабре 1869 года. Так в город пришла индустриальная эпоха. Выгодное географическое положение Харькова сделало его «средоточием торговли полуденных губерний»¹⁷³⁹, а проведение сюда железных дорог вызвало приток деловых людей и капиталов. Так этот город стал подобным «пауку в центре вытканной из рельсовых путей паутины», притягивавшей к себе «провинциальных мушек»¹⁷⁴⁰.

К концу XIX века этот крупнейший город Левобережной Украины стал центром «умственной и экономической жизни»¹⁷⁴¹. «Харьков — по строениям, по стилю зданий, — один из наряднейших городов». Однако была в нём и другая сторона — «по непролазной грязи, царящей на улицах и площадях, равных ему среди губернских городов мало». Этот город с двухсоттысячным населением «знаком со всеми успехами цивилизации и культуры». Но в нём же встретятся «чуть ли не каждом шагу картины захолустной деревни», и такие «мало совместимые контрасты легко и спокойно уживаются в Харькове»¹⁷⁴².

Этот город, столица всего нового индустриального региона на юго-востоке Украины, стал быстро расти со своими банками и биржей как раз в то время, когда в Донбассе и Приднепровье возникали крупные угледобывающие и металлургические промышленные предприятия. Экономика развивалась там очень динамично. «Первое место у нас занимает... металлургия, в неё вложены все сбережения»¹⁷⁴³, и так на юго-востоке возникло «огромное горнозаводское произ-

¹⁷³⁹ Квітка-Основ'яненко Г. Ф. О Харькове и уездных городах Харьковской губернии / Г. Ф. Квітка-Основ'яненко // Зібрання творів у 7 т. — Т. 7. — К.: Наукова думка, 1981. — С. 57.

¹⁷⁴⁰ Южный край. — 1912. — 19 дек. — С. 1.

¹⁷⁴¹ Белов В. Д. А. К. Алчевский (1835–1901) / В. Д. Белов. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1904. — С. 2.

¹⁷⁴² Невзоров А. Русские биржи. Вып. 1–2. Вып. 1: Отчёт о командировке во внутренние губернии России на летние месяцы 1896 года / Невзоров А. С. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1897. — С. 170.

¹⁷⁴³ Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени / И. Манус. — СПб.: Тип «Энергия», 1905. — С. 142–143.

водство», этот «самый пышный цветок... промышленного капитализма»¹⁷⁴⁴.

В отличие от Екатеринослава (не говоря уже про посёлок Юзовка — будущий Донецк) в Харькове появились не только промышленные предприятия, но и финансовая инфраструктура — многочисленные банки¹⁷⁴⁵ и другие небанковские финансовые организации (несколько кредитных обществ и ссудо-сберегательные кассы). В одном только 1910 году планировалось открытие трёх новых банков, хотя для быстро растущего финансового центра промышленного региона «мало было и 20 кредитных учреждений»¹⁷⁴⁶.

Почему финансовой столицей нового индустриального региона стал Харьков, а не Екатеринослав? Трудно ответить однозначно. Финансовая инфраструктура Екатеринослава начала формироваться, как и в Харькове, в 1860-е годы. В городе открылись филиалы нескольких крупных петербургских банков, два местных банка, четыре общества взаимного кредита и одно ссудо-сберегательное товарищество¹⁷⁴⁷. В те же годы в Екатеринославе появился первый частный банкирский дом «Ульман и Ко» (основанный Робертом Петровичем Ульманом, приехавшим из Риги), работавший до 1890-х годов.

¹⁷⁴⁴ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование / М. И. Туган-Барановский. — В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — СПб., 1900. — С. 339, 337.

¹⁷⁴⁵ Отделения петербургских Государственного (1900 г.) и Земельного (1898 г.) банков, а также Азовско-Донской коммерческий банк (1897 г.) и Торговый банк (1899 г.) и др. На главной Николаевской площади находились здания Азовско-Донского, Волжско-Камского, Коммерческого, Санкт-Петербургского Международного, Русско-Азиатского, Торгового и Земельного банков (Рукавицын И. А. Финансовые и кредитные учреждения Украины конца XIX — начала XX века в открытках, документах и фотографиях / И. А. Рукавицын. — Т. 1. — К.: Книга-Плюс, 2013. — С. 259–269, 281–297).

¹⁷⁴⁶ Южный край. — 1910. — 21 марта.

¹⁷⁴⁷ В 1864 г. в городе было открыто отделение Государственного банка, и до 1870-х годов это было единственное банковское учреждение с небольшим объёмом операций. В 1872 г. были учреждены Екатеринославский городской общественный банк, городское общество взаимного кредита, а также Екатеринославский акционерный коммерческий банк (устав утверждён 14 августа 1872 г.) по инициативе купца А. Варшавского. В городе работали филиалы Херсонского земского и Харьковского земельного банков; с 1897 г. — отделение Азовского донского коммерческого банка, а с 1899 г. — отделение Санкт-Петербургского коммерческого банка (Рукавицын И. А. Финансовые и кредитные учреждения Украины конца XIX — начала XX века в открытках, документах и фотографиях / И. А. Рукавицын. — Т. 2. — К.: Книга-Плюс, 2013. — С. 9–23).

А в конце XIX века открылись два других банкирских дома — А. Н. Когана и И. Е. Кофмана. Однако в итоге финансовая инфраструктура Екатеринослава даже в начале XX века оказалась недостаточно развитой, и он не стал таким финансовым центром, как Харьков.

На рубеже двух столетий Харьков влѣк к себе не только предпринимателей и рабочую силу из провинции, но и многих известных в те годы экономистов. С Харьковским университетом были связаны П. П. Мигулин, М. И. Туган-Барановский и другие, а в крупнейшей газете «Южный край» работал И. Х. Озеров, отстаивавший идею привнесения в сознание широких масс новой, «индустриальной психологии»¹⁷⁴⁸. Он верно почувствовал дух времени — «промышленное настроение проникло во все слои населения», отодвинув «на второй план другие интересы»¹⁷⁴⁹.

В Харькове стали появляться многочисленные торгово-промышленные компании. Как и в других городах, эти компании обычно были акционерными обществами лишь формально, по сути же они контролировались небольшой группой владельцев — учредителей акционерного общества. Акции таких обществ изначально не были предназначены для свободного обращения и распределялись в основном между учредителями¹⁷⁵⁰. Если акции и включали в биржевые котировки, то это делалось не столько с целью их обращения на рынке, сколько для участия в игре на повышение.

Среди промышленных предприятий одним из крупнейших было «Товарищество М. Гельферих-Саде», учреждённое немецким подданным М. Х. Гельферихом 30 апреля 1896 года для создания завода по производству сельскохозяйственных машин¹⁷⁵¹. Но лидировали по своим капиталам, оборотам и масштабам деятельности угледобывающие и металлурги-

¹⁷⁴⁸ Южный край. — 1912. — 3 окт, 11 нояб.; 1914. — 19 апр., 26 апр. и др.

¹⁷⁴⁹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование / М. И. Туган-Барановский. — В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. — СПб., 1900. — С. 339.

¹⁷⁵⁰ Такими были «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов», начавшее работу в Харькове 3 октября 1902 г., «Южное горнопромышленное общество», учреждённое в Харькове 3 мая 1889 г., Бобаковское горнопромышленное общество, начавшее работу в Харькове 4 июня 1902 г., и др.

¹⁷⁵¹ Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов / Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. В 2 т. Т. 1. — СПб.: Изд. Э. Верн, 1905. — С. 1099-1101.

ческие предприятия — «Алексеевское горнопромышленное общество» (учреждённое 2 сентября 1879 года); «Общество Брянских каменноугольных копей и рудников» (28 декабря 1896 года), «Южно-Русское товарищество пеньковой и канатной промышленности» (3 декабря 1895 года). Ну и конечно, «Донецко-Юрьевское металлургическое общество» Алексея Кирилловича Алчевского, основного харьковского предпринимателя, без энтузиазма которого Харьков, возможно, и не стал бы столицей нового индустриального региона. О судьбе этого необычного человека хотелось бы рассказать подробнее.

Он был «одним из самых крупных углепромышленников» и, «несомненно, самым широким по творчески разнообразной инициативе предпринимателем». Алчевский «жадно и слишком смело, часто не считаясь ни с чем, искал и созидал дела, всё увеличивая и увеличивая свой размах». Современнику «запомнилась его сутулая, почти горбатая фигура, что при небольшом росте производило впечатление чуть ли не уродства; поражала, однако, очень красивая голова, особенно высокий лоб с падающими на него прядями ещё густых и почти не седых волос»¹⁷⁵².

Траектория жизненного пути

Родился Алексей Алчевский в 1835 году в Сумах в семье мелкого торговца, владевшего бакалейной лавкой. В поисках удачи в 27 лет он приехал в губернский город Харьков и в 1862 году устроился на работу в магазин, продававший чай. Ему хотелось начать свой бизнес, и, получив от дяди в наследство 400 рублей, он открывает собственный чайный магазин возле того, в котором работал. Там он покупал оптом товар, а в своём магазине продавал по розничной цене.

Этот маленький чайный магазин «не похож был на все другие лавочки, торгующие чаем и сахаром», — вспоминала жена Алчевского. «Я вложила частичку души во всю его обстановку. Белый деревянный прилавок был обтянут изящной клеёнкой», а упаковки чая «красовались в изящных обёртках на окне; два маленьких хорошеньких мальчика, помощники

¹⁷⁵² Фенин А. И. Воспоминания инженера. В 2 ч. Ч. 2 / А. И. Фенин. — <https://prozhitto.org>

мои по торговле, были одеты в поэтические малороссийские костюмы». На прилавке всегда лежали свежие газеты и журналы. Ещё при магазине была «небольшая уютная комнатка, в которой вечно шумел неугасаемый самовар и велись дружеские беседы в минуты отдыха, а по воскресеньям собирались дети, подростки и взрослые для обучения грамоте»¹⁷⁵³. Магазин находился на Николаевской площади в Харькове, и даже когда Алчевский стал крупным промышленником и очень богатым человеком, чайный магазин он сохранял как воспоминание о начале своего пути.

А в конце 1860-х Алексею сильно повезло — однажды в его магазин зашёл купить чай важный господин. Это был Иван Вернадский¹⁷⁵⁴, профессор экономики Киевского университета, с 1856 года ставший чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел царского правительства. В 1868–1876 годы Вернадский работал управляющим Харьковским отделением Государственного банка. Чем-то Алексей ему понравился, и он разговорился с молодым предпринимателем. Алчевский рассказал, что он не только торгует чаем, а в 1866 году учредил в Харькове общество взаимного кредита. Вернадский подал ему идею основать вместе с ним коммерческий банк, пообещав помочь разработать его устав. Благодаря связям Вернадского в Петербурге в 1868 году удалось получить разрешение на учреждение одного из первых акционерных банков — Харьковского торгового банка, председателем совета которого стал И. В. Вернадский. Так Алексей Алчевский, всего шесть лет назад приехавший в Харьков, стал соучредителем акционерного коммерческого банка. Пусть не самого крупного, но банка.

Подъём Алексея Кирилловича продолжался с невероятной быстротой — вскоре он стал инициатором создания Харьковской биржи, главным вдохновителем её деятельности и организатором различных биржевых мероприятий, направленных на свободный обмен товарами и капиталами. Прибыльность угледобывающих и металлургических предприятий нового индустриального региона сильно зависела от рыночного спроса на их акции, «от биржевой игры, от разных

¹⁷⁵³ Алчевская Х. Д. Предуманное и пережитое / Х. Д. Алчевская. — М.: Тип. И. Д. Сытина, 1912. — С. 277–278.

¹⁷⁵⁴ И. В. Вернадский (1821–1884) — отец знаменитого академика Владимира Вернадского. Корни рода Вернадских уходят в среду козацкой старшины времён Богдана Хмельницкого.

закулисных интриг», отражающих борьбу конкурентов, каждый из которых хотел получить свою часть прибыли¹⁷⁵⁵. Все это уже поняли, поэтому идея учредить в Харькове товарно-фондовую биржу была весьма своевременной.

В октябре 1866 года организовали биржевой комитет, в который вошли А. К. Алчевский и другие предприниматели, и начали разрабатывать устав биржи. Царь Александр II утвердил его 4 октября 1868 года¹⁷⁵⁶. В конце этого же года торжественно заложили фундамент здания биржи на Павловской площади, хотя, как потом выяснилось, место оказалось непригодным для строительства из-за заболоченности почвы¹⁷⁵⁷.

Казалось бы, что мешало построить здание биржи в другом месте или просто арендовать для неё помещение, как это делали не раз в других странах? Но что-то помешало, и «после неудачной попытки, сделанной в шестидесятых годах, вопрос о бирже был отложен в долгий ящик». Ещё восемь лет в Харькове существовало лишь биржевое общество, «собиралась и биржа, да только не в здании, а на открытом воздухе» — на углу Николаевской и Торговой площадей¹⁷⁵⁸.

Тем временем в 1871 году по инициативе Алчевского и Вернадского учредили акционерный ипотечный Харьковский земельный банк, которым Алексей Кириллович руководил до самого конца своей жизни. Иван Вернадский, так сильно помогший своему молодому компаньону, в 1876 году уехал в Петербург и через восемь лет умер. Дальше Алчевский шёл своим путём самостоятельно.

Харьковский земельный банк, один из первых и крупнейших земельных банков царской империи, выдавал кре-

¹⁷⁵⁵ «Стоит только акциям упасть на бирже, как это сейчас же отражается на заработной плате. А вам, я думаю, известно, как поднимаются и падают на бирже акции? Для этого нужно мне... шепнуть маклеру, что вот, мол, хочу я продать тысяч на триста акций, "только, мол, ради бога, это между нами, уж лучше я вам заплачу хороший куртаж, только молчите", и акции мгновенно падают на несколько десятков рублей» (Куприн А. И. Молох / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 2. — М.: Худ. литература, 1971. — С. 71–144).

¹⁷⁵⁶ Устав Харьковской биржи. — Полное собрание законов, № 46310. — П. 1, 6. — С. 306–310.

¹⁷⁵⁷ Щелков К. П. Историческая хронология Харьковской губернии / К. П. Щелков. — Х.: Университетская типография, 1882. — С. 268, 305.

¹⁷⁵⁸ Багалей Д. И. История города Харькова за 250 лет его существования: XIX и начало XX века / Д. И. Багалей, Д. П. Миллер. — Х., 1993. — С. 62, 519.

дители землевладельцам под залог недвижимости¹⁷⁵⁹. Такие услуги пользовались спросом, и стоимость акций банка стала быстро расти. На Николаевской площади (современная площадь Конституции) в Харькове по заказу Алчевского построили двойное здание для банков, связанное внутренним переходом, по которому перемещались невидимые посторонним сотрудники и — что самое главное, — ещё более невидимые финансовые потоки. В символе этого двойного здания, этого инструмента для добывания (как сказали бы сегодня — майнинга) денег из самих денег — ключ к пониманию и успеха Алчевского, и его падения. Но об этом немного позже, сначала продолжим рассказ об основных вехах жизненного пути нашего героя.

В январе 1876 года биржа наконец открылась (пока — в арендованном помещении), чтобы, по словам председателя биржевого комитета Алексея Алчевского, она стала «блюстителем торговли и промышленности целого края», объединяя «разрозненное купечество»¹⁷⁶⁰. А через три года на деньги того же Алчевского для биржи построили новое здание. В то время в биржевое общество входило примерно полторы сотни участников.

Однако на деле активность на Харьковской товарно-фондовой бирже оказалась далеко не такой, как думал Алчевский¹⁷⁶¹. Видимо, главная причина этого в том, что большинство основных угледобывающих и металлургических предприятий создавалось иностранными инвесторами, преимущественно бельгийцами и французами. Поэтому главным рынком для ценных бумаг этих предприятий стали Брюссельская биржа и отчасти — Парижская, а вовсе не Харьковская. Судя по всему, Алчевский переоценивал не только её возможности в реальных условиях, но и саму потребность в ней в новом индустриальном регионе. Как мы увидим дальше, Алчевский (при всей моей симпатии к этому предпринимателю) переоценил не только это, но и свои собственные силы.

¹⁷⁵⁹ Они обходились в 7,5 % годовых, в то время как частные ростовщики в Харькове брали за кредит гораздо больше, 15–20 % годовых (Белов В. Д. Алчевский (1835–1901) / В. Д. Белов. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1904. — С. 6).

¹⁷⁶⁰ Невзоров А. Русские биржи: Отчёт о командировке во внутренние губернии России на летние месяцы 1896 года / А. Невзоров. — Юрьев, 1898. — С. 173.

¹⁷⁶¹ Особенно это стало заметно после открытия в 1902 году специализированной Каменноугольной и железоторговой биржи.

А на Харьковской бирже на рубеже двух веков из товаров преобладали операции с зерном¹⁷⁶². Из ценных бумаг там обращались государственные облигации (они присутствовали в котировках на всех биржах того времени) и закладные листы Харьковского земельного банка, контролировавшегося Алчевским. Так что в то время операции с ценными бумагами на бирже имели значение разве что для финансово-промышленной группы Алчевского, распавшейся после его смерти в мае 1901 года и начала судебного процесса по делу о злоупотреблениях в харьковских банках.

Позже в котировках биржи начинают появляться акции промышленных компаний, хотя и не самых крупных¹⁷⁶³. Правда, биржевая цена на них часто не указывалась, так что реальные операции проводились далеко не со всеми бумагами, включенными в котировки. А это верный показатель не очень большого значения Харьковской биржи для быстро растущей экономики нового индустриального региона.

Впрочем, главным фундаментом финансово-промышленной группы Алчевского кроме двух харьковских банков стали крупные угледобывающие и металлургические предприятия. В 1879 году он основал Алексеевское горнопромышленное акционерное общество, одно из крупнейших в Донбассе. В общество были вложены французские капиталы, так что распространённая точка зрения, что Алчевский якобы не использовал иностранные инвестиции — преувеличение. При всём стремлении к независимости, когда ему было выгодно привлекать иностранные капиталы, он не отказывался от этого.

К концу века обороты Алексеевского общества достигли 1,7 млн руб., а добыча угля — 22 млн пудов в год, и это огромное предприятие стало основным поставщиком кокса

¹⁷⁶² Багале́й Д. И. История города Харькова за 250 лет его существования: XIX и начало XX века / Д. И. Багале́й, Д. П. Миллер. — Х., 1993 — С. 62, 519.

¹⁷⁶³ В январе 1903 года на бирже не только котировались акции 13 компаний, но и были заключены 13 сделок с акциями и паями 7 компаний, а также 21 сделка с 8 видами государственных и частных ипотечных бумаг и облигаций. Больше всего сделок было с 4,5 % закладными листами Харьковского земельного банка (Отчёт Харьковского биржевого комитета за 1903 год. — Х., 1903. — С. 4, 8, 40–43). В следующие годы на бирже акции торговых промышленных предприятий были представлены бумагами Товарищества пивоваренного завода «Новая Бавария»; Общества Русского паровозного и механического завода, Общества Русского машиностроительного завода Гартмана; Алексеевского горнопромышленного общества.

для созданных в 1895 году двух больших металлургических заводов Алчевского — ДЮМО¹⁷⁶⁴ в Алчевске и «Русский Провиданс» в Мариуполе. В «Русском Провидансе» участвовал бельгийский капитал, а ДЮМО первоначально финансировал сам Алексей Алчевский¹⁷⁶⁵. По своим масштабам огромное предприятие занимало третье место после Юзовского и Дружковского металлургических заводов. Не полностью достроенный завод ДЮМО начал работать в 1896 году, считался очень перспективным, и стоимость его акций быстро росла¹⁷⁶⁶. На этом заводе работало много иностранных инженеров и квалифицированных рабочих¹⁷⁶⁷.

К концу 1890-х годов бизнес Алчевского находился в своём расцвете. Общий капитал предпринимателя оценивали в 30 млн рублей, хотя сам Алчевский называл сумму 12 млн рублей, включая все ценные бумаги¹⁷⁶⁸. Одна только постройка зданий Земельного и Торгового банков в Харькове обошлась ему в 1,2 млн рублей. «Всё кругом принадлежало Алчевскому. Рудники Алчевского, банк Алчевского», который «всеми делами заправлял» и «весь город, весь юг держал вот так!»¹⁷⁶⁹.

Получив в 1895 г. почётное звание «коммерции советника» и награждённый орденом Станислава, Алексей Кирилло-

¹⁷⁶⁴ Донецко-Юрьевское металлургическое общество.

¹⁷⁶⁵ Позже в ДЮМО инвестировала значительные капиталы ведущая в Силезии немецкая металлургическая компания *Friedenhutte* вместе с петербургским банкирским домом «Э. М. Мейер и Ко». Затем туда вложили капиталы и бельгийцы, контроль над предприятием сохранял Алчевский. После его смерти завод ДЮМО перешёл под управление парижского банкирского дома «Тальман и Ко».

¹⁷⁶⁶ От номинальной 250 рублей в 1895 году до 680 рублей в 1899-м (Петров Ю. А. Донецко-Юрьевское металлургическое общество / Ю. А. Петров // Экономическая история: Ежегодник. 2010. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 716).

¹⁷⁶⁷ В том числе бельгийцы, французы, немцы и англичане, получавшие в несколько раз больше, чем местные рабочие. Среди руководства преобладали немцы — директор завода Карл Цикс, главный бухгалтер Граф, начальник заводской лаборатории Блосфельд, начальник механического цеха Ганеман, начальник электроцеха Краузе (Ямковой А. А. Путь длиной в 100 лет: Очерки истории Алчевского металлургического комбината / А. А. Ямковой, Е. А. Куксина, Г. А. Плетенцов. — Луганск: Світлиця, 1996. — www.library.lg.ua).

¹⁷⁶⁸ Беликов Ю. А. Алчевский А. К. / Ю. А. Беликов, Ю. А. Петров // Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. — Т. 1. — С. 81.

¹⁷⁶⁹ Сказбуш Н. Рабочий народ / Н. Сказбуш. — Х.: Харьковское областное издательство, 1956. — С. 123.

вич прославился благотворительностью — в Екатеринославе с его помощью основали первую женскую воскресную школу и горное училище, в Харькове — коммерческое училище и сельскохозяйственный институт.

Его жена, Христина Даниловна, была известна своими проукраинскими настроениями («...люблю ли я мою родину — Украину, и что именно я сделала для неё», — говорила она в одном из писем). «В 21 год, выйдя замуж за истого украинца, я очутилась в Харькове, в украинском кружке “Громада”... во главе которого стоял мой муж»¹⁷⁷⁰. В селе Алексеевка Екатеринославской губернии Христина Даниловна основала народную школу. В 1887 году туда приехал известный писатель и автор словаря украинского языка Борис Гринченко с женой; они проработали в школе Алчевской шесть лет.

Вся семья Алчевского выделялась из многих других богатых семей «демократизмом и высокой образованностью». Находясь под сильным влиянием своей «прогрессивно настроенной жены Христины Даниловны, Алексей Кириллович Алчевский проявлял либеральные наклонности». Его жена подарила школе диапроектор — «волшебный фонарь, тогда большую редкость», а сама школа «стала чем-то вроде нынешних Домов культуры»¹⁷⁷¹.

Благодаря своей репутации Алексей Алчевский «пользовался огромным кредитом в Государственном банке, в Волжско-Камском, Учётно-ссудном... закладывал бумаги и пользовался кредитом в Харьковском и Московском обществах взаимного кредита, в Русском банке для внешней торговли, в торговом обществе Рябушинских»¹⁷⁷². «Приобретая упорным трудом большое состояние», Алчевский не захотел, как многие другие, «сидеть и резать купоны, проживая их под благодатным небом юга»¹⁷⁷³. Поэтому он отказался от выгодного предложения бельгийцев купить принадлежавший ему пакет из 10 тысяч акций ДЮМО, чтобы не утрачивать кон-

¹⁷⁷⁰ Алчевская Х. Д. Предуманное и пережитое / Х. Д. Алчевская. — М.: Тип. И. Д. Сытина, 1912. — С. 451, 452.

¹⁷⁷¹ Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни (Воспоминания). Кн. 1. / К. Е. Ворошилов. — М: Политиздат, 1968. — С. 20, 52, 99–100.

¹⁷⁷² Герценштейн М. Я. Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / М. Я. Герценштейн. — СПб., 1903. — С. 24–25.

¹⁷⁷³ Снегирёв Л. Ф. Предисловие // Белов В. Д. А. К. Алчевский (1835–1901) / В. Д. Белов. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1904. — С. VII.

троль над созданным им предприятием и не отдавать его полностью в руки иностранных владельцев¹⁷⁷⁴.

Харьковского финансиста не раз приглашали на заседания министерства финансов, посвящённые вопросам финансирования промышленности, а Витте даже планировал учредить при участии Алчевского ипотечный горнопромышленный банк. Этому помешали кризис 1900–1902 гг. и смерть Алексея Кирилловича.

В том кризисе не отмечалось чего-то необычного, и был он не первым (да и не последним). В рыночной экономике кризисы цикличны, и они подобны землетрясениям. Более крепкие здания их выдерживают, а другие рушатся. Огромное здание бизнеса Алексея Кирилловича оказалось гораздо более непрочным, чем многим казалось тогда. Причина этого простая и распространённая — слишком большая доля заёмных капиталов. Если бы не кризис, эти кредиты он бы вовремя вернул и его подъём смог продолжаться. А так получилось, что и кредиты Алчевский не мог вернуть в срок, и спровоцировал разговоры о подозрительных финансовых манипуляциях в двух харьковских банках. И когда он срочно поехал в Петербург просить помощи у Витте, которого считал своим покровителем, тот ему отказал. Оказавшись на грани полного краха, банкротства и позора, Алчевский бросился под поезд. Вскоре начался судебный процесс о злоупотреблениях в харьковских банках, раскрывший многие не очень позитивные стороны этого бизнеса.

Откуда шли деньги?

Итак, мы подходим к самому интересному вопросу — откуда стремящийся к финансовой независимости Алексей Алчевский брал деньги? Проще всего ответил современник, Александр Фенин. По его словам, этот харьковский предприниматель хотел всё контролировать самостоятельно — такой был его характер и стиль деятельности. Поэтому он стремился меньше зависеть от иностранного капитала и от существующих финансово-промышленных групп (хотя и первое, и второе сильно упростило бы ему жизнь). Его целью было создать

¹⁷⁷⁴ Lindner R. Unternehmer und Stadt in der Ukraine, 1860–1914 / R. Lindner. — Berlin: UVK, 2006. — S. 261.

свою группу, и это ему удалось. В двух харьковских банках он был председателем правления и крупнейшим акционером, проще говоря — полным хозяином. А когда он учредил Алексеевское горнопромышленное общество, оно фактически оказалось семейным предприятием. Членами правления стали его сыновья и племянники, почти все акции принадлежали самому Алексею Кирилловичу. С одной стороны, его значение как предпринимателя «неизмеримо вырастает от того, что все свои дела он вершил почти один. Известны его помощники, часто слепые исполнители его воли, но неизвестны его товарищи, хотя бы приближённо равные ему по значению, его сотрудники». Однако если он решал все вопросы единолично и был «сравнительно мало связан... с Петербургом, и почти совсем не был связан с иностранными финансовыми кругами, то возникает недоуменный, кажущийся неразрешимым вопрос — откуда Алчевский черпал огромные по тому времени средства для финансирования устраиваемых им промышленных предприятий?»¹⁷⁷⁵.

В новом индустриальном регионе среди состоятельных людей (богатых землевладельцев) мало кто был готов инвестировать капиталы в развитие промышленности. Оставались заёмные средства, проще говоря — чрезмерно большие кредиты. А с ними всегда связан большой риск, сопровождавший всю деятельность Алчевского. По словам бухгалтера Н. В. Орлова, члена правления Харьковского земельного банка, само имя Алчевского, «его положение были таковы, что даже эта чрезмерность считалась явлением нормальным», ведь «его предприятия составляли гордость всего юга»¹⁷⁷⁶. Однако огромные кредиты он стал использовать, уже когда поднялся и приобрёл репутацию одного из крупнейших промышленников Донбасса. А чтобы создать себе такую репутацию, нужны были реальные успешные предприятия, а их тоже необходимо было финансировать.

«Учреждая всё новые и новые предприятия и не обладая для этого свободными средствами, Алчевский взвинчивал на бирже цены акций», главным образом Алексеевского и Донецко-Юрьевского обществ, «принадлежавших поч-

¹⁷⁷⁵ Фенин А. И. Воспоминания инженера. В 2 ч. Ч. 2 / А. И. Фенин. — <https://prozhitto.org>

¹⁷⁷⁶ Дело о злоупотреблениях в харьковском Земельном и бывшем Торговом банках // Киевлянин. — 1903. — № 47. — С. 2. — Кол. 3.

ти полностью ему, и поддерживал эту очень высокую цену, чтобы закладывать все эти акции в банках», в основном в Харьковском торговом банке, который сам же Алчевский и контролировал. На полученные деньги он учреждал новые общества, чтобы закладывать их акции всё в том же банке. Так «большая часть акций предприятий Алчевского оказалась заложенной главным образом в Харьковском торговом банке по гораздо большей цене, чем они могли стоить» и Алчевский, как председатель правления, «оказался должен банку несколько миллионов»¹⁷⁷⁷.

Однако со временем денег стало не хватать, и Алчевский начал заимствовать средства уже из капиталов Харьковского земельного банка, причём в таких объёмах, которые противоречили уставу банка. Кроме того, в земельном банке обычными стали и манипуляции с уже погашенными закладными листами, которые не уничтожались, а закладывались для получения под них кредитов.

Так создаваемые Алчевским предприятия финансировал Харьковский торговый банк, а его обеспечивал капиталом более крупный Харьковский земельный банк (вспомним построенное в Харькове двойное здание для банков, соединённое переходом). Взаимосвязь двух банков, а также то, что в них Алексей Кириллович имел полную власть, давали повод для всевозможных финансовых манипуляций, проще говоря — нарушений.

В Харьковском торговом банке члены правления выдавали из кассы Алчевскому и себе «суммы в виде временных ссуд без всяких документов», разрешая «ничем не обеспеченный кредит». Чтобы скрыть эти операции, «правление предоставляло акционерам неполные, отчасти неверные отчёты», так что «торговый банк служил почти исключительно для того, чтобы поддерживать Алчевского и его предприятия». Основной капитал банка составлял всего 1 млн рублей, а размер кредитов, выданных преимущественно самому Алчевскому и другим членам правления банка, превышал 10 млн рублей. Так Харьковский торговый банк стал жертвой «своей связи с одним лицом — Алчевским, одновременно клиентом и негласным руководителем банка»¹⁷⁷⁸.

¹⁷⁷⁷ Фенин А. И. Воспоминания инженера. В 2 ч. Ч. 2 / А. И. Фенин. — <https://prozhitto.org>

¹⁷⁷⁸ Левин И. И. Акционерные коммерческие банки России / И. И. Левин. — М.: Дело, 2010. — С. 316.

«Благодаря тесной связи между банками и массой других акционерных компаний злоупотребление чужим доверием приняло в высшей степени опасные... формы», поскольку последствием могло быть не просто банкротство банка, а «крах целой системы, на которой построены не один банк, но и многочисленные промышленные предприятия»¹⁷⁷⁹. Кроме того, Алчевский использовал в своих целях ещё и Екатеринославский коммерческий банк — он был несамостоятельным и полностью зависел от двух харьковских банков.

Эта система из банков и промышленных предприятий стала финансово-промышленной группой Алчевского, созданной на очень непрочном фундаменте из двух взаимосвязанных харьковских банков. После того как Харьковский торговый банк израсходовал все свои капиталы, он выкачал «огромные суммы из Харьковского земельного банка», и все три банка оказались на грани краха, а «развязка была ускорена металлургическим кризисом»¹⁷⁸⁰.

Сын Дмитрий признавал, что его отец действительно имел неограниченное влияние на политику банков. «Голос его был решающий во всех делах, ни одно распоряжение... не проходило без того, чтобы прежде не быть санкционированным моим отцом. Что касается членов правления... они несли свои обязанности, которые сводились к роли исполнителей воли моего отца»¹⁷⁸¹. В таком стиле управления тогда не было чего-то уникального — он был широко распространён и в других банках, которые зависели от создавших их финансово-промышленных групп¹⁷⁸².

¹⁷⁷⁹ Герценштейн М. Я. Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / М. Я. Герценштейн. — СПб., 1903. — С. 5.

¹⁷⁸⁰ По поводу банкротства Харьковских банков // Киевлянин. — 1901. — № 191. — С. 1. Кол. 4.

¹⁷⁸¹ Снегирёв Л. Ф. Процесс о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / Л. Ф. Снегирёв. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1903. — С. 206.

¹⁷⁸² «Общие собрания акционеров составлялись по обыкновению из подобранных лиц, с обязательным большинством голосов в пользу правления, в члены ревизионной комиссии выбирались или лица, заинтересованные в злоупотреблениях правления, или ничего не понимавшие в банковских делах, или интересовавшиеся вознаграждением, им платимым... Все эти злоупотребления в одних банках практиковались в больших, в других в меньших размерах» (Мигулин П. П. Наша банковская политика (1723–1903) / П. П. Мигулин. — Х.: Тип. «Печатное дело», 1904. — С. 430).

Поэтому сильная зависимость двух харьковских банков от Алчевского сама по себе не была чем-то необычным — она привлекла внимание, лишь когда Алчевский оказался на грани банкротства, и особенно после его гибели. Если бы не кризис 1899–1902 годов, то финансовые манипуляции Алчевского в харьковских банках скорее всего остались бы незамеченными.

Такова была в общих чертах схема добывания денег из денег. При этом Алчевский шёл на рискованные операции вовсе не из корыстных соображений. По словам его сына Дмитрия, отец «лично на себя... тратил немного. Он вёл очень скромный образ жизни, о чём знал весь Харьков. На нужды его большой семьи расходовалось в год 12–15 тысяч». А имущество «отца заключалось почти исключительно в процентных бумагах»¹⁷⁸³.

Предпринимательский азарт стал главным мотивом его деятельности. Ведь тот, кто не готов идти к своей цели несмотря ни на что; кто не готов работать не покладая рук и цепляться за всякий шанс — тот редко совершает великие дела. Но такая целеустремлённость легко может вскружить голову. Так было и с нашим героем, которому предпринимательский азарт часто не удавалось уравновесить здравым смыслом. Именно азарт помог ему невероятно подняться от владельца небольшого чайного магазина до одного из крупнейших промышленников нового индустриального региона. И он же его погубил, приведя на грань краха, а потом — и к гибели.

Говоря о предпринимательском азарте, необходимо задавать себе вопрос, какие мотивы движут человеком — алчность и эгоистичность, стремление к обогащению за счёт других или же интерес к расширению своего бизнеса, к созданию новых рынков и насыщению их продукцией своих предприятий. Ну а личное обогащение, если оно не в ущерб другим, — естественный и справедливый результат всякой предпринимательской деятельности. Такие предприниматели вносят свой вклад в улучшение жизни многих людей, и не в чем их упрекнуть. К ним относился и Алексей Алчевский.

¹⁷⁸³ Дело о злоупотреблениях в харьковском Земельном и бывшем Торговом банках // Киевлянин. — 1903. — № 47. — С. 2. — Кол. 3.

И тут грянул кризис...

Впрочем, слово «грянул» больше подходит для чего-то совершенно неожиданного. Недаром говорят — «как гром среди ясного неба». А для людей, погружённых в бизнес, признаки приближения кризиса должны быть заметны. Если, конечно, не ослепляет их предпринимательский азарт.

Алексей Алчевский при всей азартности своей натуры конечно же чувствовал приближение кризиса 1899–1902 годов — для представителя крупного бизнеса такого масштаба растущая напряжённость на финансовых рынках была очевидна. В 1899 году он передал по этому поводу докладную записку министру финансов Сергею Витте, которого считал своим покровителем (впрочем, в те годы не только Алчевский считал влиятельного министра своим покровителем).

В записке он предлагал из-за возможного приближения кризиса не ограничивать производство металла и не устанавливать фиксированных цен на внутреннем рынке, а расширить экспорт металлопродукции. Реакция была вялой — только через несколько месяцев в Петербурге созвали совещание представителей горнодобывающей и металлургической промышленности. Однако никаких существенных решений совещание так и не приняло, а предупреждение Алчевского, что рыночные цены индустриальных акций могут упасть настолько, что выданные под них кредиты станут необеспеченными, серьёзно не восприняли. Видимо, многие промышленники считали, что как-то обойдётся.

А наш харьковский финансист не зря беспокоился по этому поводу — он ведь сам получал кредиты под залог акций своих предприятий, сильно переоценённых во время общего бума конца 1890-х. Кроме финансовых манипуляций в собственных харьковских банках, среди его главных внешних кредиторов были московские банкиры Рябушинские, у которых он за один только 1899 год взял под залог различных ценных бумаг полтора миллиона рублей, а в начале следующего года, не отдав старый долг, взял ещё полмиллиона. Неудивительно, что, когда дела Алчевского пошатнулись, Рябушинские были первыми, кто заволновался и выступил против него. Возможно, ничего личного в этом не было — просто Алчевский задолжал им много денег. И они хотели их вернуть.

Что же касается проблем в харьковских банках, то они возникли, конечно, до кризиса, а после его начала «их нельзя было больше прикрывать». Ведь кризис является оправданием «в тех случаях, когда предприятие, без вины лиц, стоящих во главе управления, несёт убытки», а не когда руководство банков сознательно идёт на нарушения¹⁷⁸⁴.

Я бы сказал, что не столько кризис выявил злоупотребления в харьковских банках, сколько предкризисный подъём и ажиотаж сделали их возможными. Когда кредиты доступны, а курсы ценных бумаг вырастают до максимума (как обычно бывает перед всяким кризисом), возникает большой соблазн заняться рискованными операциями. Например, позаимствовать деньги из капиталов банка в надежде за короткое время много заработать и быстро всё вернуть. Чем меньше времени остаётся до начала кризиса, тем больше этот соблазн, но тем выше и риск краха. Так получилось и с харьковскими банками.

После начала кризиса положение Алчевского действительно стало очень нестабильным за счёт слишком большой доли заёмного капитала, да и накопившихся взаимных долгов. Витте в докладе царю 18 мая 1901 года отмечал, что Донецко-Юрьевское общество должно 3 млн рублей за каменный уголь Алексеевскому обществу, которое учло «в разных частных банках как полученные от первого векселя, так и другие обязательства всего до 6 млн руб.». При этом сам Алчевский «заложил в Харьковском торговом банке разных паёв и акций на 6 млн рублей; не имея возможности быстро выручить выданные под них деньги, банк затруднён в расчётах с Харьковским земельным банком». Витте считал, что решить проблему этих взаимных долгов можно будет, если удастся «найти под обеспечение самими предприятиями средства, достаточные для погашения наиболее срочных обязательств и для снабжения предприятий необходимым оборотным капиталом»¹⁷⁸⁵.

¹⁷⁸⁴ Герценштейн М. Я. Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / М. Я. Герценштейн. — СПб.: «Слово», 1903. — С. 7, 10.

¹⁷⁸⁵ Витте С. Ю. О результатах ревизии Харьковского Акционерного Земельного банка. Всеподданейший доклад... от 18 мая 1901 г. / С. Ю. Витте. Российский Государственный Исторический Архив (Петербург). — Ф.586, оп. 4., д.314, л. 74–75.

По словам современника описываемых событий, харьковского экономиста П. П. Мигулина, «совершенно случайно обнаружены были злоупотребления в Харьковском земельном банке, учредитель которого... был всегда на особенно хорошем счету в министерстве финансов и даже слыл за “финансового гения”». Однако этот гений закладывал в разных финансовых учреждениях уже погашенные закладные листы земельного банка, а полученные деньги «передавал на текущий счёт местного торгового банка, правление которого... состояло из тех же лиц, что и в земельном банке, а затем получал их из торгового банка» главным образом для финансирования огромного Донецко-Юрьевского металлургического завода. «Завод предполагалось... продать иностранным капиталистам с крупным барышом и, погасив долг торговому банку, дать возможность последнему возратить деньги земельному банку, который выкупил бы сверхсрочные закладные листы и их уничтожил бы. При таких условиях никакое злоупотребление открыто не было бы»¹⁷⁸⁶. Однако кризис смешал все планы, и финансовая схема Алчевского стала известной.

После начала в 1899 году кризиса дела Алексея Кирилловича резко ухудшились. Спрос на промышленную продукцию упал, производство везде стало сокращаться, и без работы осталось почти сто тысяч человек. Завод ДЮМО работал, хотя ещё не был достроен. Однако взятые на его строительство кредиты необходимо было возвращать. Самое неприятное было в том, что ожидавшийся государственный заказ на 3 млн пудов рельсов, на который так рассчитывал Алчевский, из-за кризиса отменили¹⁷⁸⁷.

Алексеевское горнопромышленное общество, главный поставщик угля для ДЮМО, тоже имело многомиллионные долги. «Повсюду производство свёртывалось, и в этом бушующем океане экономического кризиса завод ДЮМО был одно время как бы островком. Здесь ещё продолжали плавить чугун и сталь, выпускать разносортный прокат». На территории завода «росли груды чугунных отливок и металлических изделий», однако рабочих не увольняли, и «здесь не чувствовались в полной мере те бедствия, которые уже сви-

¹⁷⁸⁶ Мигулин П. П. Наша банковская политика (1723–1903) / П. П. Мигулин. — Х.: Тип. «Печатное дело», 1904. — С. 431.

¹⁷⁸⁷ Подробнее см.: Петров Ю. А. Крах Алчевского и фирма Рябушинских / Ю. А. Петров // Отеч. история. — 1995. — № 4. — С. 52–75.

репствовали по всей империи. Это странное в условиях экономического спада явление было связано с деятельностью А. К. Алчевского, который хотел противостоять стихии кризиса». Но когда его финансовые ресурсы иссякли, «он оказался накануне банкротства. Ходили слухи, что в связи с этим Алчевский решил обратиться к самому Николаю II»¹⁷⁸⁸.

Не знаю, собирался ли Алексей Кириллович обратиться за помощью к царю, но он точно хотел просить поддержку у министра финансов. Общее собрание акционеров ДЮМО решило обратиться к Витте, чтобы тот разрешил выпустить облигации на 3 млн рублей. Затем их планировали разместить в Бельгии и так реструктуризировать краткосрочные долги, превратив в долгосрочные. «Алчевский просил меня поскорее направить ходатайство о размещении этих займов, не передавая, однако, того, что случилось в Харькове», — вспоминал В. И. Ковалевский, подразумевая ширившиеся слухи о злоупотреблениях и хищениях в харьковских банках. Первоначально Витте «отнёсся сочувственно к ходатайству»¹⁷⁸⁹, и если бы выпуск облигаций разрешили, то Алчевский скоро мог бы получить необходимые ему три миллиона и поправил бы свои дела.

Но так не получилось. Слишком быстро распространились слухи о проблемах в харьковских банках и о том, что Торговый банк якобы «ворует ежегодно в пользу правления больше 2 миллионов рублей»¹⁷⁹⁰. Слухи, конечно же, дошли и до Витте, после чего его отношение к Алчевскому резко изменилось — тот дискредитировал себя, и это наверняка задело министра финансов, который ещё совсем недавно покровительственно относился к харьковскому промышленнику, рассчитывая на него. А замолвить слово за Алчевского было некому — не только из-за того, что держался независимо, но и потому, что повлиять на мнение Витте мог только кто-то

¹⁷⁸⁸ Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни (Воспоминания). Кн. 1. / К. Е. Ворошилов. — М.: Политиздат, 1968. — С. 99–100.

¹⁷⁸⁹ Ковалевский В. И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте / В. И. Ковалевский // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — 1991. — № 2. — С. 78. В. И. Ковалевский (1848–1934) — государственный деятель и предприниматель, занимал пост товарища министра финансов в 1900–1902 гг.

¹⁷⁹⁰ Суворин А. С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / А. С. Суворин. — М.: Независимая Газета, The Garnett Press, 1999. — С. 272. А. С. Суворин (1834–1912) — известный журналист и издатель, владелец одной из крупнейших газет «Новое время».

очень значимый для министра. «После отказа Витте Алчевский снова просил меня поддержать его пред министром финансов, — вспоминал Ковалевский, — но сделать этого я уже не мог, и посоветовал ему непосредственно и откровенно рассказать всё самому Витте»¹⁷⁹¹.

Так Алчевский и поступил при личной встрече 4 мая 1901 года, попытавшись объяснить Витте, что происходило в харьковских банках. Кроме того, он просил у министра предоставить Донецко-Юрьевскому заводу часть государственных заказов и дать разрешение на выпуск его облигаций. Однако когда Витте осознал масштаб проблем в харьковских банках, он категорически отказался помогать под предлогом того, что завод ДЮМО не входил в число «казённых поставщиков».

После такого отказа «Алчевскому не было иного выхода, как сесть на скамью подсудимых или, уходя от позора... кончить жизнь самоубийством». Так погиб «ценнейший человек, могущий при иной обстановке принести огромную пользу своей стране. Говорят, что Витте, узнав о смерти Алчевского, очень жалел, что отказал ему в ссуде»¹⁷⁹².

Ходили слухи, что, когда вокруг харьковских банков стал разгораться скандал, на Витте оказали влияние Рябушинские — одни из крупнейших кредиторов Алчевского, вложившие в его предприятия немалые капиталы. Впрочем, я думаю, что дело было в особенностях характера Сергея Юльевича. Он поддерживал многих предпринимателей лишь до тех пор, пока они были успешными, представляя ценность для государства. А если у них начинались трудности, сразу утрачивал интерес. Эту склонность Витте «сразу танцевать со всеми» хорошо знали современники, как и то, что «окончив танец, С. Ю. Витте сажает своих дам не на стул, а мимо... Так что уж те никогда не могут подняться». Так было с Мамонтовым, которого Витте вовлёк в масштабные и рискованные дела, пообещав свою поддержку, но во время кризиса не стал ему помогать. Так же было и с Алчевским: «Он танцевал с Алчевским... И как клал ему Алчевский голову на плечо: — Я по-

¹⁷⁹¹ Ковалевский В. И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте / В. И. Ковалевский // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. — 1991. — № 2. — С. 79.

¹⁷⁹² Фенин А. Воспоминания инженера. В 2 ч. Ч. 2 / А. И. Фенин. — <https://prozhito.org>

еду в Петербург. Я переговорю с Сергеем Юльевичем... И как он сел мимо стула»¹⁷⁹³.

По слухам, «Витте докладывал “его величеству” о просьбе Алчевского выделить ему кредит в несколько миллионов рублей. Николай II якобы разрешил ассигнование лишь трети от этой суммы, что не устраивало Алчевского. Он попросил Витте ещё раз обратиться к царю, но тот ответил решительным отказом»¹⁷⁹⁴. Не знаю, так ли было на самом деле. Ясно одно — Алчевский надеялся, что в трудное время кризиса министр финансов его поддержит, тем более что и взаимная задолженность между банками, и другие похожие финансовые манипуляции в то время были в порядке вещей.

Однако когда о делах в харьковских банках заговорили и вокруг Алчевского разгорелся скандал, он скомпрометировал себя. Наверное, для Витте это было важнее всего. О похожей ситуации он писал в своих воспоминаниях, говоря о директоре департамента железнодорожных дел В. В. Максимове: «...человек способный, знающий... но любил различные афёры и запутался в деле постройки дороги, которое вёл Мамонтов. Я не могу судить: запутался ли он из интереса или просто из увлечения, но... он скомпрометировал себя. Поэтому я должен был с ним расстаться»¹⁷⁹⁵. Это очень похоже на историю Алчевского — Витте по тем же причинам решил с ним расстаться.

Гибель Алексея Алчевского

«Сегодня на Балтийской дороге был найден» директор Харьковского земельного банка Алчевский, «который утром попал под поезд». Биржа начала свою работу «при очень крепком настроении, но затем пришло известие о смерти Алчевского» и вызвало «всеобщее понижение бумаг». Конечно, больше всего «это отразилось на донецко-юрьевских

¹⁷⁹³ Дорошевич В. М. Граф Витте // Вихрь и другие произведения последнего времени / В. М. Дорошевич. — М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1906. — С. 142.

¹⁷⁹⁴ Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни (Воспоминания). Кн. 1. / К. Е. Ворошилов. — М.: Политиздат, 1968. — С. 100.

¹⁷⁹⁵ Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствование Александра II и Александра III / С. Ю. Витте. — Берлин: Слово, 1923. — С. 323.

акциях»¹⁷⁹⁶. Неожиданно оказавшись на грани краха и поняв, что отношение Витте к нему изменилось и он не будет его поддерживать, Алчевский в отчаянии покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд.

«Дорогой... Антонин Людвигович! Как ужасно я кончаю... если Христина Даниловна останется в живых, помогите ей... Сколько людей я погубил, не исключая и собственных детей»¹⁷⁹⁷ — такую записку Алчевский отправил перед смертью с почтамта Варшавского вокзала своему секретарю А. Л. Гродецкому. Кстати, она является верным подтверждением того, что Алчевский решил покончить с собой, а не кто-то толкнул его под поезд, как иногда писала в то время пресса.

Точные обстоятельства смерти Алексея Кирилловича неизвестны. В первой половине дня он занимался своими обычными делами в Европейской гостинице, где жил со старшим сыном и секретарём А. Гродецким. Потом около двух часов он ходил по перрону вокзала Варшавской железной дороги, видимо, о чём-то напряжённо размышляя. После сошёл на пути и пошёл по ним. Погиб он примерно в одной версте от вокзала — «попал под дачный поезд № 39, шедший из Гатчины в Петербург», после чего был отправлен в Александровскую больницу, «где в 8-м часу вечера, не приходя в сознание, скончался». При этом обстоятельстве, «позволяющих предполагать что-либо, кроме несчастной случайности, не обнаружено»¹⁷⁹⁸. Скорее всего, у него сдали нервы от осознания раскрывающейся перед ним пропасти — банкротство, суд, тюрьма и позор...

По распространённой оценке на момент смерти долги Алчевского достигали 19 млн рублей, а реальная стоимость его имущества оказалась намного меньшей. Ведь это имущество состояло в основном из ценных бумаг, а во время кризиса их рыночные цены упали. Так что, кроме отказа Витте, имелись и сугубо экономические причины для отчаяния. По другой оценке долги составляли 15 млн рублей, а курсовая стоимость принадлежавших Алчевскому акций его предприятий достигала 18 млн рублей. В этом случае к моменту смерти он вроде бы имел возможность расплатиться с долга-

¹⁷⁹⁶ Новости дня. — 1901. — 09 мая.

¹⁷⁹⁷ Белов Ю. Е. Алчевские. По публикациям городских газет (страницы истории) / Ю. Е. Белов. — Алчевск, 2008. — С. 47.

¹⁷⁹⁸ Смерть А. К. Алчевского // Биржевые ведомости. — 1901. — 10 мая.

ми, если, конечно, стоимость акций не посчитали по предкризисному максимуму¹⁷⁹⁹. Сегодня уже трудно оценить точно и размер долгов, и реальную стоимость активов. Но, видимо, сам Алексей Кириллович видел ситуацию более пессимистично. Иначе он бы не бросился под поезд.

Главная проблема финансово-промышленной группы Алчевского была той же, что и группы Полякова, — чрезмерно большие кредиты, которые после начала кризиса трудно было вернуть без ущерба для бизнеса. Л. С. Поляков летом 1901 года тоже просил у Витте кредит на 4–6 млн рублей под залог своих акций и тоже получил отказ¹⁸⁰⁰. Так что Витте не стал помогать не только Алчевскому. Возможно, потому что Поляков тоже очень вольно использовал капиталы контролирувавшихся им банков для рискованных операций¹⁸⁰¹.

В то время металлургические заводы стали очень прибыльным бизнесом благодаря государственному заказу на рельсы для железных дорог. Царское правительство всячески поддерживало эти заводы, и среда их владельцев напоминала закрытый клуб, попасть в который оказалось сложно даже Алчевскому — он был слишком самостоятельным и независимым. Поэтому когда у него начались трудности, заступаться за него никто не стал. А те нарушения в банках, на которые у кого-то другого просто закрыли бы глаза, в случае Алчевского раздули до скандала и целого судебного процесса.

«Харьковский крах»

Смерть А. К. Алчевского, человека большого «трудолюбия, настойчивости и терпения»¹⁸⁰², стала началом нашумевшего в те годы «харьковского краха», затронувшего и другие

¹⁷⁹⁹ Курс акций Алексеевского горнопромышленного общества достиг перед кризисом максимума в 2000 руб. (при номинале 500 руб.), акций ДЮМО — 660–680 руб. при номинале 250 руб. (Белов В. Д. А. К. Алчевский (1835–1901) / В. Д. Белов. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1904. — С. 18–20).

¹⁸⁰⁰ Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич, М. И. Арефьев, С. Г. Беляев и др. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — С. 459.

¹⁸⁰¹ В Московском международном торговом банке, использовавшемся для таких целей С. Поляковым, общие убытки были гораздо больше, чем в харьковских банках — 13,5 млн рублей (Левин И. И. Акционерные коммерческие банки России / И. И. Левин. — М.: Дело, 2010. — С. 318–319).

¹⁸⁰² А. К. Алчевский // Харьковские губернские ведомости. — 1901. — 9 мая. — № 118. — С. 2.

банки (в частности, прекратил платёжи Екатеринославский коммерческий банк). После гибели Алчевского харьковские банки обратились за помощью к правительству, и если бы Государственный банк тогда поддержал кредитом Харьковский торговый банк и тот не обанкротился бы, то «нам едва ли удалось бы что-либо узнать о царивших в Харькове порядках»¹⁸⁰³.

Что же на самом деле происходило в двух харьковских банках? В общем, схема добывания денег с помощью двух банков уже понятна. По словам Витте, ревизия выявила, что «вследствие помещения средств [земельного] банка в один из коммерческих банков, дела коего находятся в неудовлетворительном состоянии, Харьковский земельный банк поставлен ныне в столь затруднительное положение, что не имеет достаточных средств для предстоящей с 1 июля оплаты купонов и вышедших в тираж закладных листов». В ходе ревизии в земельном банке обнаружили, что подлежавшие уничтожению «предоставленные заёмщиками в долгосрочное погашение закладные листы на сумму свыше 6 млн рублей» не были уничтожены и «находятся в залоге в кредитных учреждениях и у частных лиц; процентные бумаги запасного капитала банка также состоят в залоге». При этом отчётность банка фальсифицировалась и «не выражала собою действительного положения дел»¹⁸⁰⁴. Что сказать, серьёзные обвинения, тем более, когда это пишет министр финансов. Проще говоря, Харьковский торговый банк «кредитовал в огромной сумме одно лицо — покойного А. К. Алчевского по личным обязательствам на 1414 тыс. руб. и под залог негарантированных правительством бумаг на 6029 тыс. руб.»¹⁸⁰⁵, выдав ему кредитов в общей сложности на 7,5 млн рублей.

¹⁸⁰³ Герценштейн М. Я. Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / М. Я. Герценштейн. — СПб.: «Слово», 1903. — С. 15.

¹⁸⁰⁴ Витте С. Ю. Всеподданнейший доклад «О принятии мер по Харьковскому акционерному земельному банку» от 9 июля 1901 г. / С. Ю. Витте. — РГИА. Фонд 853. Опись 4. Дело 314. — С. 74–75.

¹⁸⁰⁵ Кроме того, в банке происходило хищение векселей «В протоколе заседания правления значит, что обнаружен был недочёт векселей на 100 тыс. руб. В похищении их виновным оказался заведовавший учётной операцией Суханов. Правление постановило Суханова к суду не привлекать, а растрату пополнить векселями членов правления» (К делам харьковских банков // Киевлянин. — 1901. — № 183. — С. 3. — Кол. 3).

Одним из основных нарушений в земельном банке был, конечно, залог закладных листов, имущество по которым уже выкупили. «Когда Алчевскому понадобились новые капиталы для поддержания его промышленных предприятий, банк перестал уничтожать листы, предоставленные в сверхсрочное погашение ссуд, а отдавал их в залог, частью продавал, а полученные от этого деньги переводил в торговый банк. В мае 1901 г. банком было заложено таких листов на 5,230 млн руб., а продано на 0,847 млн»¹⁸⁰⁶.

Когда Харьковский торговый банк заявил о своей неплатёжеспособности, на грани банкротства оказался и Харьковский земельный банк, в который вложили 5 млн рублей Рябушинские. Из-за влияния этих московских банкиров министерство финансов решило поддержать земельный банк, тем более что его закладные листы были широко распространены, и при банкротстве земельного банка пострадали бы многочисленные клиенты. А это могло вызвать нежелательный резонанс в обществе и привести к паническим настроениям¹⁸⁰⁷.

Владимир и Михаил Рябушинские срочно прибыли в Харьков, где начали скупать акции земельного банка (при номинале 200 цена на них упала с 550—450 до 125 руб.). С одной стороны, можно сказать, что они помогали спасать банк. А с другой — выгодно приобретали его бумаги по сниженной цене, рассчитывая в будущем заработать на этом. Кроме того, они хотели получить контроль над крупным земельным банком. По уставу каждые 30 акций давали один голос, однако никто не имел права иметь больше пяти голосов. Поскольку Рябушинским необходимо было большинство на чрезвычайном собрании акционеров, то они (по слухам) привезли из Москвы чуть ли не два вагона акционеров, в основном своих многочисленных родственников. Перед собранием каждый из них получил список тех, за кого необходимо было голосовать. А сыну Алчевского Дмитрию московские банкиры предложили объединить усилия, обещая, что в таком случае они не будут возбуждать судебное дело против действующего правления, несмотря на все выявленные нарушения.

¹⁸⁰⁶ Герценштейн М. Я. Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / М. Я. Герценштейн. — СПб.: «Слово», 1903. — С. 41.

¹⁸⁰⁷ Мигулин П. П. Наша банковская политика (1723–1903) / П. П. Мигулин. — Х.: Тип. «Печатное дело», 1904. — С. 431.

Вероятно, договориться они не смогли, потому что бывших членов правления всё равно судили.

А общее собрание акционеров избрало в новое правление пятерых представителей Рябушинских, и так они получили большинство (в правление входило восемь человек). Интересно, что сразу после этого 20 июня 1901 года царским указом земельному банку выдали кредит 6 млн рублей¹⁸⁰⁸.

Судебный процесс

Тем временем в Харькове начался громкий судебный процесс о крахе двух банков Алчевского. О масштабах процесса и запутанности дела говорит то, что опубликованные в 1903 году материалы судебного разбирательства составили огромный том объёмом 1300 страниц. Пресса постоянно писала о ходе дела, а также о многочисленных злоупотреблениях, ставших причиной краха банков.

В ночь на 12 июля по постановлению суда были арестованы члены правления земельного банка: Е. П. Любарский-Письменный, Н. В. Орлов, М. Д. Журавлёв и А. Н. Голев, а также члены правления Торгового банка — А. В. Авилов, Д. А. Абрамов, В. Н. Алчевский и А. П. Куксин. Допрос обвиняемых продолжался весь день, и к зданию «собралась огромная масса родных, знакомых и бывших сослуживцев обвиняемых, а также посторонней публики... Все обвиняемые имели крайне удручённый вид, бодрее всех держался Е. П. Любарский»¹⁸⁰⁹.

По Харьковскому торговому банку главные обвинения состояли в том, что «члены правления открывали себе и Алчевскому кредит свыше 90 % биржевой цены бумаг, выдавали из кассы суммы в виде временных ссуд без всяких документов, возвращали обратно Алчевскому бумаги, служившие обеспечением открытого ему кредита, разрешали ему ничем не обеспеченный кредит», а также выдавали ему суммы по учёту векселей «до предоставления самих векселей». Чтобы

¹⁸⁰⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: 1901. Первое полугодие. — СПб.: Юридическая газета, 1901. — Ст. 1280.

¹⁸⁰⁹ К делам харьковских банков // Киевлянин. — 1901. — № 193. — С. 3. — Кол. 1–4.

скрыть эти операции, «правление предоставляло акционерам неполные, отчасти неверные отчёты». В целом, создавалось впечатление, что торговый банк существовал только для того, чтобы финансировать Алчевского и его предприятия. По сути, «банк напоминал частную контору, принявшую акционерную форму». Когда средства банка исчерпались, Алчевскому «возвращались заложенные им в банке бумаги без погашения ссуды, для того чтобы он мог их предоставить в залог в какой-нибудь другой банк»¹⁸¹⁰.

Судебный процесс по делу харьковских банков продолжался долго. В прессе распространялись слухи о присвоенных руководством банков миллионах, однако при этом справедливо отмечалось, что если А. К. Алчевский самовольно и распоряжался всем в основанных им предприятиях, то «не ради личной корысти, а на пользу дела», и при этом «действовал всегда открыто». Очевидны «отсутствие преступления», а происшедшее — это «несчастье, которым воспользовались ради личной наживы крупные дисконтёры»¹⁸¹¹. Имелись ввиду Рябушинские, имевшие у себя в залоге процентные бумаги Харьковского земельного банка на 2 млн рублей и после смерти А. К. Алчевского получившие контроль над банком.

В процессе по делу Алчевского были, конечно, и странности. Защите почему-то отказали в праве получения из Кредитной канцелярии документов, оправдывающих обвиняемых. А слушание, первоначально назначенное на апрель 1903 года, по телеграмме из Министерства юстиции неожиданно перенесли на январь, что не дало возможности защите подготовиться. По слухам, за вынесение обвинительного приговора дали взятку в 300 тысяч рублей¹⁸¹². И хотя доказать корыстные преступные действия членов правления банка так и не удалось, по решению суда их лишили всех прав и при-

¹⁸¹⁰ В земельном банке Алчевский действовал так же «самовластно, распоряжался единолично, не справляясь с мнением других членов правления. Его слово было законом... он диктовал решения общих собраний акционеров» (Герценштейн М. Я. Харьковский крах. По поводу процесса о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / М. Я. Герценштейн. — СПб.: «Слово», 1903. — С. 47–48, 50).

¹⁸¹¹ Снегирёв Л. Ф. Процесс о злоупотреблениях в Харьковском земельном и торговом банках / Л. Ф. Снегирёв. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1903. — С. II–III, V.

¹⁸¹² Белов Ю. Е. Алчевские. По публикациям городских газет (страницы истории) / Ю. Е. Белов. — Алчевск, 2008. — С. 139–140.

говорили к разным срокам заключения, от 1,5 до 3,5 года. А сам Харьковский торговый банк объявили банкротом.

Газета «Харьковский листок», подробно описывавшая ход процесса, прямо называла Рябушинских виновниками краха всей группы Алчевского. Газета принадлежала жене председателя правления Харьковского торгового банка, одного из основных обвиняемых Е. П. Любарского-Письменного. Мария Андреевна Любарская была в те годы известной личностью (прославившейся в и другими судебными тяжбами) и считалась «первой дамой» Харькова.

Согласно статьям этой газеты, целью Рябушинских было не только захватить банки и предприятия Алчевского, но и ликвидировать хранившиеся в Харьковском торговом банке документы, якобы подтверждающие участие Рябушинских в незаконных финансовых операциях, а также факт изъятия Рябушинскими из кассы банка 2 млн рублей¹⁸¹³. Любарская утверждала, что обвинения по делу харьковских банков были полностью сфабрикованы в интересах Рябушинских, которых поддерживал Н. В. Муравьев (1850–1908), министр юстиции и генерал-прокурор царского правительства. «Из документов... ясно видна потрясающая картина бессудия и бесправия, творимых над моим несчастным мужем», а также «приговор, заранее предписанный сенату Н. В. Муравьевым по делу харьковских банков». В жалобе на имя царя М. А. Любарская писала: «...благодаря глубокому уважению и преклонению иностранцев перед гением и огромными заслугами покойного Алчевского» в деле развития нашей промышленности, «дело харьковских банков привлекло внимание всей Европы», которая давно оповещена, что «Муравьев осмелился трижды ложными докладами ввести в заблуждение Ваше Величество»¹⁸¹⁴.

¹⁸¹³ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства / Б. В. Ананьич. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 155.

¹⁸¹⁴ Любарская-Письменная М. А. Клевета: мой процесс с бароном Н. О. Тизенгаузеном / М. А. Любарская-Письменная. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1906. — С. VI, 73. В ответ на письмо М. А. Любарской, отправленное С. Ю. Витте (в то время председателю комитета министров), в котором она просила повлиять на Муравьева и добиться пересмотра дела харьковских банков, к ней 17 декабря 1903 г. «явился по поручению графа Витте князь М. М. Андроников и сообщил, что, невзирая на все... увещевания графа Витте исполнить моё обоснованное ходатайство ... Н. В. Муравьев остался непреклонен в своём решении и ответил графу Витте: “Я никогда не перерешаю того, что раз решил”» (Там же. — С. 90–91).

Трудно сказать, что в этом правда, а что вымысел эмоциональной женщины, переживающей за судьбу мужа. Как бы там ни было, Мария Любарская начала судебный процесс против Рябушинских. Он затянулся на несколько лет, однако так и не увенчался успехом. А «первой даме» Харькова пришлось покинуть этот город и уехать в Париж. Где-то я читал в воспоминаниях, уже не помню у кого, что и там Любарской не жилось спокойно — любовник то ли ограбил её, то ли даже убил...

Было ли будущее у нашего капитализма?

«Наша история — всё и всегда сначала, какое-то постоянное раскачивание на одном месте, мёртвая волна эволюции»¹⁸¹⁵. Это правда, хотя и невесёлая. Экономисты называют такое явление «эффект колеи» (path dependence) — зависимость от пройденного пути, если дословно. Институциональная инерция, сила традиций действительно напоминает глубокую колею на грунтовой дороге, из которой бывает так трудно выбраться. Недаром говорил Шумпетер, что «социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно монетам, не стираются быстро»¹⁸¹⁶. Наше прошлое создаёт вязкую и в то же время привычную среду, которую часто не хочется покидать. «Эффект колеи» — как хроническая болезнь, не сразу заметная другим. Проявляется эта болезнь в том, что система имеет свойство менять даже тех людей, которые хотели бы изменить систему.

Случайно ли возникает такая болезнь? Конечно, нет. Хроническая болезнь возникает вследствие совокупности нескольких причин и часто передаётся из поколения в поколение, и сложно бывает найти момент, когда именно она началась. Так и «эффект колеи» возникает от стечения исторических обстоятельств. Хороший пример «эффекта колеи» — две соседние страны, США и Мексика. Совершенно разные миры, причём многие мексиканцы всеми правдами

¹⁸¹⁵ Стус В. Феномен доби (Сходження на Голгофу слави) / В. Стус // Твори: у 4 т., 6 кн. Т. 4. — Львів: Просвіта, 1994. — С. 261.

¹⁸¹⁶ Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. — М.: Экономика. 1995. — С. 44.

и неправдами эмигрируют в Штаты. Если представить себе, что какой-то суперпрогрессивный мексиканский президент примет такие же законы, как в соседней стране, и попытается воспроизвести американские институты, они там не приживутся. И в реальной жизни мексиканцев мало что изменится. Это сила традиций — «эффект колеи».

К концу XIX века многие страны, пытаясь выйти из наезженной колеи традиций, переняли британскую модель развития капитализма, где на первом месте свободный рынок, а весьма сильное государство существовало ради экономики, а не наоборот. Однако был и другой путь, где интересы государства изначально преобладали над экономикой. По нему пошли Германия во времена Бисмарка и Япония в эпоху Мейдзи. Здесь развитие капитализма происходило по инициативе государства, соединяя государственное регулирование экономики и свободный рынок. Результаты оказались весьма неплохие — эти страны тоже выиграли гонку со временем. Впрочем, мировым лидером, сменившим Англию, стали не они, а Соединённые Штаты.

На первый взгляд, капитализм не должен успешно ужиться с доминированием государства, но в реальности — уживался, причём неплохо. Видимо, каждому виду капитализма своё время и место. Остаётся неясным вопрос, может ли государственный капитализм в долгосрочной перспективе быть эффективным и стабильным в обществах, где сохраняется автократия? Или он будет неизбежно трансформироваться во что-то иное? На этот вопрос ещё предстоит ответить.

Преимущественно по инициативе государства (хотя и с меньшими результатами) развивался и капитализм в Украине, разделённой между двумя империями. В Западной Украине, входившей в состав Австро-Венгрии, экономическая модернизация началась во второй половине XIX века при долго правившем императоре Франце Иосифе. И хотя Австро-Венгрию по темпам экономического роста трудно было сравнить с Англией, Францией или Пруссией, политика умеренных реформ дала свои результаты.

Для большей части Украины, входившей в состав империи Романовых, тоже требовалась экономическая модернизация. В этой империи главным сторонником быстрой индустриализации был министр финансов Сергей Витте.

Благодаря его политике здесь началась ускоренная модернизация, касавшаяся не только экономики, но и многих сторон жизни. Строились заводы и железные дороги, добывали уголь и выплавляли сталь.

Иностранные инвесторы принесли сюда не только капиталы, но и новые технологии — особенно в металлургической промышленности. В то время эти инновации (без которых массовая индустриализация была бы невозможна) оказали сильное влияние на развитие капитализма. В конце XIX века, наверное, не было такой части мира, куда бы не проникали передовые технологии, хотя результат этого был разным.

Вроде бы, нужно радоваться, что пошли прямые иностранные инвестиции — значит, для инвесторов эта страна представлялась перспективной. Да и собственных капиталов у развивающихся экономических систем обычно не хватает, поэтому любые инвестиции для принимающей стороны воспринимаются как явление позитивное. Однако когда всё принадлежит иностранцам и всё создано только ими, отечественные предприниматели оказываются в трудных условиях, и выжить их предприятиям нелегко.

В странах, достигших успеха и первоначально зависевших от прямых иностранных инвестиций, их доля очень чётко контролировалась государством. И ситуации, когда всё принадлежит иностранцам и всё создано только ими, они избегали (вспомним историю становления экономики в США или Японии). Власти старались, чтобы иностранные инвесторы не получали полный контроль над создаваемыми предприятиями.

В таком случае прямые иностранные инвестиции действительно оказываются очень продуктивными. Они производят демонстрационный эффект, показывая пользу новых технологий производства и новых методов управления, а также приносят не только информацию о мировых рынках, но и важные связи на них. Понятно, что эффект пространственного распространения возникает не всегда — чем больше доля собственности иностранных инвесторов, тем больше у них соблазн использовать местное сырьё и рабочую силу, экспортируя прибыль и особенно не заботясь о будущем страны и её экономическом росте. Тогда принимающая сторона действительно начинает напоминать колонию — «Белое Конго».

Немногим отличалась ситуация с инвестициями и в западной части Украины, входившей в совсем другое государство — Австро-Венгрию. Добыча нефти, да и в целом индустриализация происходили там в основном за счёт иностранного капитала. Такова судьба многих периферических экономик в разных странах и на разных континентах.

Как можно было бы избежать этого, чтобы защитить местных предпринимателей и стимулировать рост собственной промышленности? Один из способов — вовремя установить оптимальные таможенные тарифы и пошлины, что и было сделано, а также не забыть их вовремя снять. Ведь сам по себе протекционизм не гарантирует экономический успех, и чрезмерное покровительство государства приводит к тому, что отечественные производители оказываются в тепличных условиях. И тогда создать конкурентоспособную промышленность, выйти на мировые рынки и воспользоваться преимуществами свободной торговли не удаётся¹⁸¹⁷.

Экономика была включена в глобальные рынки за счёт иностранных инвестиций и новых технологий, но включена односторонне. Был только входящий поток, а нужен ещё исходящий, экспортный. Причём не сырьё или зерна, а продукции, создающей сложность экономики. А этого как раз и не было.

В эпоху Витте экономика так и осталась ориентированной на экспорт сырья — в основе наполнения госбюджета были доходы от экспорта зерна. За счёт бюджета покрывались завышенные расходы на производства рельсов и другой продукции металлургической промышленности, и всё держалось на госзаказах. И хотя в конце XIX и в начале XX века сложились благоприятные условия (и спрос на зерно, и общемировой экономический подъём, и финансовая глобализация), выйти за пределы сырьевой экономики не удалось. Для производства конкурентоспособной продукции нужен был совершенно другой уровень экономической сложности. А этой сложности как раз и не было, и появиться ей было в тех условиях неоткуда — это ведь длительный процесс, требующий сочетания многих факторов.

¹⁸¹⁷ Современников беспокоили все эти вопросы. Может ли рынок «снабдить внутреннего потребителя, не опасаясь иностранной конкуренции»; представляет ли он собой «развивающийся капиталистический организм, или мёртворождённое его детище?» (В. В. Судьбы капитализма в России / В. В. — СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1882. — С. 35–36. Автором книги был В. Воронцов).

И всё же с помощью прямых иностранных инвестиций и политики Сергея Витте удалось создать огромную промышленность. А царская империя вошла в число стран с наибольшими темпами экономического роста (США, Япония, Швеция). Многим тогда казалось, что эти изменения настолько радикальны, что этот рост будет долгосрочным и скоро начнётся эпоха всеобщего благосостояния. Однако эта попытка модернизации (как и все предыдущие в этой проблемной империи) неизбежно зашла в тупик и закончилась социальными катаклизмами — кровавыми революциями.

Что-то непосильное было в таком развитии для общества. И для менталитета современников. Казалось, что легко доступными стали деньги и технологии и что построить большой завод на иностранные капиталы — это совсем несложно. Из-за этой кажущейся лёгкости и простоты современники упустили возможность перенять не только деньги и технологии, но и нечто более ценное — социальные институты.

В передовых странах того времени путь создания этих институтов был долг и сложен. Понятно, что повторить этот путь было нереально — да и не нужно. А нужно было позаботиться о том, чтобы не просто имитировать (в лучшем случае) западноевропейские институты, а перенять их таким образом, чтобы они стали жизнеспособными. Это важнее, чем деньги. Нужно заботиться о шансе на лучшее будущее, а не только о привлечении капиталов.

Казалось бы, главной проблемой экономики царской империи был авторитарный капитализм. Но дело не в самом по себе авторитарном капитализме. В те годы подобную авторитарность можно было видеть и в германской, и в японской экономике, и там она не создавала таких проблем. Так что не авторитаризм сам по себе был проблемой, а общая архаичная инертность того государства, в котором Витте пытался проводить свои реформы.

Чиновники по многовековой привычке совали свой нос в экономику, там, где не нужно, чтобы получить больше взятки при распределении бюджетных заказов. А там, где нужно было поддержать отечественных предпринимателей и стимулировать отечественное инновационное производство, требовалось слишком много системной, кропотливой работы, но чиновники не хотели с этим связываться. Гораздо проще было кормиться от возникшего щедрого денежного пото-

ка иностранных инвестиций и не думать о будущем местного бизнеса. Тем более очень многое определяли государственные заказы по завышенным ценам для железнодорожного строительства, что не создавало возможности для экспорта конкурентоспособной продукции и эффективных рыночных отношений.

Да и не осознавали они последствий нерегулируемого мощного потока иностранного капитала. Задача стояла одна — построить как можно больше промышленных предприятий, что сама царская империя сделать не смогла бы. Однако существовала и более амбициозная задача — вырастить собственный крупный бизнес, лидировавший в передовых отраслях промышленности. А это в целом сделать не удалось.

Полноценная модернизация невозможна без преобразования политических институтов — экономическая система неотделима от политической. Однако повторение траектории развития успешных стран в принципе не устраивало царские власти. Они ведь хотели создать промышленность, при этом ничего не меняя в политической системе. Не говоря уже про столь важную для них идеологию «православного самодержавия».

Государству, начавшему индустриализацию, необходимо было создать систему, способную сформировать современные и жизнеспособные институты, которые со временем могли бы стать доступными для всех, а не только для избранных. Пока существует малая группа избранных промышленников, которые по завышенной цене продают продукцию государству, а прибыль вывозят за границу, формирование институтов, отражающих интересы больших групп, маловероятно. А без таких институтов трудно было сочетать адаптивность и стабильность, что гораздо сложнее, чем ускорить темпы экономического роста в краткосрочной перспективе.

Система институтов развивается одновременно с формированием структуры экономики, здесь нет первичного или вторичного, хотя иногда формирование институтов может отставать. В тех странах, где власти стремились увеличить промышленный потенциал государства, неизбежно со временем качество институтов возрастало, даже если их создание и не входило в планы правительства. Запустить экономический рост можно и без инклюзивных институтов (к тому

же то, что для Китая является инклюзивными институтами, где-нибудь в Германии такими не считается). Главное, чтобы существующие институты оказались жизнеспособными, а не создавались для видимости. Иначе получится, что институты сами по себе, а реальная жизнь — сама по себе. Потому что формальное заимствование институтов очень часто оказывается бесполезным.

Индустриализация, как и другие экономические и социальные перемены начала XX века, разбудили в людях энтузиазм, инновационную энергию и стремление к экспериментам, стремление к чему-то новому. Это настроение затронуло не только интеллигенцию (особенно новый слой хорошо образованных инженеров), но даже и часть рабочих — им ведь тоже хотелось лучшей жизни. Если бы увеличение доступности политических и гражданских институтов поддерживали власти, история могла бы сложиться иначе. Но в царской империи власти это поддерживать в принципе не могли. К тому же люди хотели видеть непосредственные экономические выгоды для себя от всех этих экономических перемен. Если выгоды так и не наступают или их приходится ждать слишком долго, вера в институты утрачивается.

Теоретически возможно и были пути для решения проблем, однако на практике получилось, что идея о «созидательном разрушении» здесь не сработала, и в годы революции, и гражданской войны «созидательное разрушение» стало не очень-то созидательным. Правда, большевики потом построили здесь целый мир планового индустриального социализма, но это уже было позже.

Коммунисты в 1917 году пообещали создать новые, «народные» инклюзивные институты. И народ их поддержал. В итоге же созданные ими организации привели к тому, что обещанные инклюзивные институты в тоталитарном обществе свелись к ничему не решающим собраниям «для видимости». А сама идея гражданского общества оказалась обесцененной надолго — если не навсегда.

В эпоху Витте иностранные капиталы вместе с технологиями вызвали преобразования в масштабах государства, но они были скорее количественные, а не качественные. Специфическое бюрократическое устройство общества, чрезмерная коррупция, культура ведения бизнеса, культура труда, слабые институты и многое другое, скрытое в глубине кол-

лективного бессознательного, — это было трудно изменить. Самих по себе технологий и капиталов оказалось недостаточно, чтобы запустить механизм долгосрочного экономического роста.

Институты, способствующие долгосрочному экономическому росту, в застывшей политической системе нормально развиваться не могли. Часто они создавались формально, для видимости, были чужеродными для общества и не наполнились новым содержанием. А общество с неполноценными институтами обычно оказывалось в порочном кругу бедности и насилия. В этом порочном кругу можно было остаться надолго. Низкое качество институтов создаёт угрозу попасть в ловушку и навсегда застрять в стадии развивающейся экономики.

История показывает, что множество так называемых «развивающихся» экономических систем так и остаются «развивающимися» на протяжении десятилетий. Время идёт, и как-то непохоже, что они приближаются к развитым. А исчезновение пропасти между богатыми и бедными странами так и не происходит, несмотря на все оптимистичные прогнозы экономистов. Вначале кажется, что развивающиеся страны, заимствуя капиталы, технологии и прочие инновации у развитых, начинают их быстро нагонять. Но скоро наступает момент, когда всё, что можно было позаимствовать, уже позаимствовали, и необходимы собственные инновации. А с этой задачей развивающиеся экономики обычно справиться не могут.

Мы восхищаемся историями невероятного подъёма, историями головокружительного успеха — людей, стран и народов. И это понятно. Подъём, волна удачи — это всегда завораживает. Однако устойчивый и долгосрочный экономический рост доступен лишь немногим странам. И, собственно говоря, было бы наивно ждать, что от индустриализации и новых технологий полностью преобразилась бы погрязшая в многовековой косности страна. Однако если не ставить таких заведомо нереалистичных целей, то результат выглядел в начале XX века очень даже неплохо.

О секрете долгосрочного экономического роста писали и говорили многие выдающиеся умы. Как и о секрете, почему одни страны стали богатыми, а другие так и остались бедными. Вроде бы всё проанализировали, всё разложили по

полочкам (про защиту прав собственности, институты, восприимчивость к инновациям, роль государства и свободного рынка, влияние культурных традиций и географии), но применимо к каждой конкретной стране такие вопросы возникают снова и снова.

Мы знаем примеры, когда экономические системы становились успешными не в самых либеральных обществах с повышенным значением государства в экономике и характерной для этих стран всеобщей сплочённостью (вначале Япония, затем Южная Корея, Тайвань, и особенно Китай). Однако их быстрый подъём тоже не обошёлся без появления свобод экономических и расширения личных свобод, а также создания институциональной культуры.

Независимо от особенностей страны и существующей в ней модели капитализма главный секрет успеха — в способности пробудить созидательное предпринимательство, неотделимое от личной свободы людей, создающей у них предпринимательский азарт и драйв. Ещё одним условием является эффективное человеческое государство. Именно такое государство делает возможным само существование полноценной рыночной экономики.

Каждый из этих факторов может легко стать токсичным — и плохо регулируемое предпринимательство, и свобода бизнеса, лишённая социальной ответственности, и вмешивающееся во всё государство. Подобно тому, как при создании лекарства (каждый из компонентов которого может быть токсичным), секрет этой, если можно так сказать, алхимии состоит в правильных пропорциях. И правильной технологии смешивания.

А такое оказалось возможным лишь в некоторых странах, где было обеспечено эффективное взаимодействие человека, общества и государства. Тогда каждый получает возможность быть не только частью экономической системы, но и преследовать собственные цели, что способствует долгосрочному экономическому росту. Именно так создаётся будущее мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авгитидис К. Торговый дом Константина Папудова / К. Авгитидис // Подвижники й меценати. Грецькі підприємці та громадські діячі в Україні XVII–XIX ст. Історико-біографічні нариси. – К., 2001 – С. 141–152.
2. Авдеева К. А. Записки о старом и новом русском быте / К. А. Авдеева. – СПб.: В тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842. – 153 с.
3. Авдикович К. Перша українська фабрика цукорків «Фортуна Нова» / К. Авдикович. – Львів: Тріада-Плюс, 2010. – 47 с.
4. Агнон Ш. Вчера-позавчера / Ш. Агнон. – М.: Текст, 2010. – 864 с.
5. Адрес-календарь «Весь Бердичев» на 1913 г. – Бердичев: Изд-во «Весь Бердичев», 1913. – 40 с.
6. Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках / И. С. Аксаков. – СПб.: Тип. Академии наук, 1858. – 383 с.
7. Актовые книги Полтавского городского уряда XVII века. Вып. 1. Справы поточные 1664–1671 годов. – Чернигов: Тип. Губернского земства, 1912. – 216 с.
8. Акции, допущенные к котировкам // Торгово-промышленная газета. – 1913. – 28 дек.
9. Акционерное дело в Окружном суде // Финансовое обозрение. – 1874. – № 2. – С. 24.
10. Акционерные банки краткосрочного кредита в 1898 году // Иллюстрированный вестник культуры и торгово-промышленного прогресса России. – СПб.: Изд. А. С. Шустова, 1901. – С. 27–29.
11. Алабин П. Четыре войны. Походные записки. Ч. 1. / П. Алабин. – Самара: Тип. И. П. Новикова, 1888. – 160 с.
12. Алданов М. Повесть о смерти / М. Алданов. – Франкфурт: Посев, 1969. – 415 с.

ЛИТЕРАТУРА

13. Алейхем Ш. Менахем-Мендл / Ш. Алейхем // Собрание сочинений. Т.4. – М.: Художественная литература, 1973. – С. 68.
14. Александр Михайлович (великий князь). Книга воспоминаний / Александр Михайлович. – М.: Вече, 2008. – 328 с.
15. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / Р. Аллен. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 448 с.
16. Алферова Г. В. Киев во второй половине XVII века / Г. В. Алферова, Г. А. Харламов. – К.: Наукова думка, 1982. – 159 с.
17. Алчевская Х. Д. Предуманное и пережитое / Х. Д. Алчевская. – М.: Тип. И. Д. Сытина, 1912. – 466 с.
18. Ан-ский С. А. Очерк каменноугольной промышленности / С. А. Ан-ский // Русское богатство. – 1892. – № 1. – С. 1–18.
19. Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства / Б. В. Ананьич. – М.: РОССПЭН, 2006. – 293 с.
20. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / П. Андерсон. – М.: Территория будущего, 2007. – 288 с.
21. Андреев П. Иллюстрированный путеводитель по юго-западной железной дороге / П. Андреев. – К.: ЮЗЖД, 1897. – 560 с.
22. Андреев І. Історія однієї помилки. (Внесок Я. Б. Епштейна на будівництво політехнічного інституту в Києві) / І. Андреев // Краєзнавство. – 2018. – С. 130–134.
23. Андріяшев О. Нарис історії колонізації Київської землі / О. Андріяшев // Київ та його околиця в історії і пам'ятках / Ред. М. Грушевський. – К.: Державне видавництво України, 1926. – С. 33–70.
24. Андрухів І. Кость Левицький: сторінки життя / І. Андрухів. – Івано-Франківськ, 1995. – 64 с.
25. Андревский А. Запорожский старшина Антон Головатый в Киеве / А. Андриевский // Киевская старина. – 1890. № 2. – С. 341–344.
26. Антонович В. Б. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. / В. Б. Антонович // Киевская старина. – 1882. Июль-сентябрь. – С. 97–105.
27. Антонович В. Б. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. – К. : Тип. Е. А. Фёдорова, 1885. – С. 221–264.
28. Антонович В. Б. Киевские войты Ходыки – эпизод из истории городского самоуправления в Киеве в XVI–XVII столетиях / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. – К. : Тип. Е. А. Фёдорова, 1885. – С. 195–220.

29. Аргатюк С. О хлебной торговле Галиции с Одессой по Днепру: операция А. Р. Мысловского (1843–1846) / С. Аргатюк, И. Сапожников // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 25. – Одеса: Друкарський дім, 2018. – С. 25–54.
30. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ, 1713–1776. – К.: Наукова думка, 1994. – 226 с.
31. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 / Упоряд. Л. З. Гісцова, Д. Л. Автономов. – К.: Наукова думка, 1998. – Т. 1. – 696 с.
32. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів 1734–1775 / Упоряд. Л. З. Гісцова та ін. – К.: Наукова думка, 2006. – Т. 4. – 888 с.
33. Архів Української церкви. Т. 3. Вип. 1. Документи до історії унії на Волині і Київщині. – К., 2001. – 462 с.
34. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 2: Акты о козаках (1679–1716). – Киев: Тип. Е. Федорова, 1868. – 846 с.
35. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. – К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. – 946 с.
36. Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 8. Т. 6: Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв. – К.: Типография С. В. Кульженко, 1911. – 621 с.
37. Атлас Д. Старая Одесса, её друзья и недруги / Д. Атлас. – М.: Ласми, 1992. – 208 с.
38. Ауэрбах А. А. Воспоминания о начале развития каменно-угольной промышленности в России / А. А. Ауэрбах // Русская старина. – 1909 – Т. 138. – Апр. - июнь. – С. 451–472.
39. Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию / А. Афанасьев-Чужбинский. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1861. – 467 с.
40. Афанасьев-Чужбинський О. С. Нариси Дніпра / О. С. Афанасьев-Чужбинський. – Львів: Апріорі, 2016. – 544 с.
41. Бабель И. Забытый Бабель: сборник малоизвестных произведений И. Бабея / И. Бабель. – М.: Ардис, 1979. – 291 с.

ЛИТЕРАТУРА

42. Багале́й Д. Магдебургское право в Левобережной Малорос-
сии / Д. Багале́й // Журнал Министерства народного просве-
щения. – 1892. Март. – С. 1–55.
43. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого
бассейна / Г. Д. Бакулев. – М.: Гостехиздат, 1955. – 672 с.
44. Бальзак О. Письмо о Киеве / О. Бальзак // Приложение к жур-
налу «Пинакотека». – 2000. – № 13–14.
45. Бальзак О. Отец Горио / О. де Бальзак // Собрание сочинений
в 15 томах. Т. 3. – М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952. –
С. 221.
46. Банки Львова: минуле і сучасне [за ред. Я. В. Грудзевича,
З. М. Комаринської]. – Л.: ЛБІ НБУ, 2002. – 223 с.
47. Банковская деятельность в Одессе // Коммерсант. – 1910. –
№ 129. – 5 янв. – С. 2
48. Баранович А. И. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII
веке / А. И. Баранович. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 184 с.
49. Барановська І. В. Фактори модернізації економіки України /
І. В. Барановська. – К.: Нац. Ун-т біоресурсів, 2018. – 318 с.
50. Барві́нський О. Спо́мини з мого життя. В 4 ч. Ч. 1. Образки з
громадянського и письменського розвитку русинів / О. Бар-
ві́нський. – Коломия: Галицька накладня Якова Оренштайна,
1912. – 405 с.
51. Барві́нський О. Спо́мини з мого життя В 4 ч. Ч. 2 / О. Барві́н-
ський. – Львів, 1913. – 406 с.
52. Барк П. Л. Обзор финансовых и биржевых кризисов в России с
1894 по 1914 г. / П. Л. Барк // Бородин Л. И., Коновалова А. В.
Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы кур-
совой динамики / Л. И. Бородин, А. В. Коновалова. – СПб.:
Алетейя, 2010. – С. С. 248–254.
53. Барнс Дж. Портрет мужчины в красном / Дж. Барнс. – М.:
Иностранка, 2020. – 352 с.
54. Барышников М. Н. Деловой мир России / М. Н. Барышников. –
СПб.: Искусство-СПб., 1998. – 445 с.
55. Баханов К. А. Бердянск в дневниках титулярного советника
В. К. Крыжановского / К. А. Баханов, И. И. Лыман. – Запо-
рожье, 2002. – 194 с.
56. Безбах П. Сергей Витте и российские облигации / П. Безбах
(Bezakh P. Serge de Witte et les emprunts russes / P. Bezakh) //
Le Monde, 16.03.2011.
57. Безобразов В. Поземельный кредит и его современная
организация в Европе / В. Безобразов. – СПб.: Тип.
В. Безобразова и Комп., 1860. – 739 с.
58. Бельгийские капиталы в России // Киевлянин. – 1899. –
№ 329. – С. 3. – Кол. 5–6.
59. Бельгийский капитал в России // Финансовое обозрение. –
1912. – № 15. – С. 11.

60. Беляев Н. М. Банкирские конторы. Руководство служащим в банках и банкирских конторах / Н. М. Беляев. – М., 1883. – 173 с.
61. Бернштейн С. Одесса. Исторический и торгово-экономический очерк Одессы / С. Бернштейн. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. – 145 с.
62. Беседа // Киевлянин. – 1900. – № 244. – 3 сент.
63. Беломесяцев А. Б. Забудова Києва доби класичного капіталізму або коли і як місто стало європейським / А. Б. Беломесяцев, Б. Л. Єрофалов, В. П. Ієвлева та ін. – К.: Варто, 2012. – 559 с.
64. Берлинский М. Краткое описание Киева / М. Берлинский. – СПб, 1820. – 204 с.
65. Бернштейн П. Фундаментальные идеи финансового мира: эволюция / П. Бернштейн. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – 247 с.
66. Бернштейн С. Одесса: исторический и торгово-экономический очерк Одессы в связи с Новороссийским краем / С. Бернштейн. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881. – 145 с.
67. Бессонов П. А. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич / П. А. Бессонов. – М.: Университетская типография, 1870. – 86 с.
68. Биржа // Торгово-промышленная газета. – 1899. – № 209. – 24 сент. – С. 3.
69. Бирюков С. Н. Мещане городов Стародубья в первой половине XVIII в. / С. Н. Бирюков // Вестник СПбГУ, сер. 2. – 2011. Вып. 4. – С. 74–81.
70. Бирюкович В. В. Биржа и публика / В. В. Бирюкович // Вестник Европы. – 1895. – Т. VI. – С. 351–365.
71. Білоус Н. Функції та основні напрями діяльності Київського магістрату в XVI – першій половині XVII ст. / Н. Білоус // Український історичний журнал. – 2005. – № 5. – С. 4–17.
72. Білоус Н. Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття / Н. Білоус. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 360 с.
73. Білоус Н. Багатоликі Ходики. До генеалогії київського роду XVI – першої половини XVII ст. // Генеалогія. Зб. Наукових праць / Ред. В. Смолій. Вип. 1. – К.: Простір, 2013. – С. 71–80.
74. Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI – першої половини XVII століття / Н. Білоус. – К.: Простір, 2011. – 199 с.
75. Білоус Н. Привілей на шляхетство киянам Ходикам-Кобизевичам 1589 р. / Н. Білоус // Сфрагістичний щорічник. Вип. 2 / Ред. П. С. Сохань. – К.: Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2012. – С. 93–98.

76. Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор: польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831–1863) / Д. Бовуа. – К.: ІНТЕЛ, 1996. – 415 с.
77. Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Д. Бовуа. – К.: Критика, 1998. – 334 с.
78. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.
79. Богатчук С. С. Українське чумацтво в першій половині XIX ст. / С. С. Богатчук // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Історія. – 2010. – Вип. 18. – С. 34–38.
80. Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы / М. И. Боголепов. – СПб.: Тип. О. Н. Попова, 1907. – 333 с.
81. Боголепов М. И. Биржи и банки / М. И. Боголепов // Банковая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России. / Под ред. Л. Н. Яснопольского. – К.: Изд-во Банковой энциклопедии, 1917. – С. 363–384.
82. Бойко І. Сулими на Переяславщині в кінці XVII та на початку XVIII ст. / І. Бойко // Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. – К.: ВУАН, 1928. – С. 11–22.
83. Бойко І. Д. Селянство України в другій половині XVI – першій половині XVII / І. Д. Бойко. – Львів: АН УРСР, 1963. – 332 с.
84. Боплан Г. Описание Украины / Г. Боплан. – М.: Древлехранилище, 2004. – 576 с.
85. Борисенко В. Й. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. / В. Й. Борисенко. – К.: Наукова думка, 1986. – 262 с.
86. Борисенко В. Й. Хлібний ринок Лівобережної України другої половини XVII ст. / В. Й. Борисенко // Український історичний журнал. – 1988. № 3. – С. 111–121.
87. Бородкин Л. И. Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики / Л. И. Бородкин, А. В. Коновалова. – СПб.: Алетейя, 2010. – 296 с.
88. Бортнікова А. А. Інститут володимирського вїйта в структурі управління містом за магдебурзьким правом XV–XVI століть / А. А. Бортнікова // Політикус. – 2017. – № 6. – С. 53–56.
89. Борщак І. Арешт Войнаровського / І. Борщак // Записки наукового товариства імені Шевченка. – 1925. Т. 138–140. – С. 131–157.
90. Бочкарёв К. П. Очерки лубенской старины. Вып. 1. / К. П. Бочкарёв. – М.: Т-во А. Левенсон, 1900. – 39 с.

ЛИТЕРАТУРА

91. Боуин Е. Г. Джон Хьюз (Юзовка) / Е. Г. Боуин // Юз і Юзівка. – Донецьк: Кардинал, 2000. – С. 100–159.
92. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
93. Брандт Б. Ф. Иностранные капиталы / Б. Ф. Брандт // Россия в конце XIX века [под ред. В. И. Ковалевского]. – СПб.: Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1900. – С. 617–621.
94. Братковский Д. Світ, по частинах розглянутий / Д. Братковский. – Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2004. – 464 с.
95. Бровер І. М. Україна на переломі до промислового капіталізму / І. М. Бровер. – У 2 т. Т. 2. – К.: Партійне видавництво «Пролетар», 1933. – 193 с.
96. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм / Ф. Бродель. – У 3 т. Т. 1. Структури повсякденності. Можливе і неможливе. – К.: Основи, 1995. – 543 с.
97. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. – В 3 т. Т. 2. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
98. Бродель Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 127 с.
99. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Ф. Бродель. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
100. Броневский В. Б. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. / В. Б. Броневский. – В 2 ч. Ч. 2. – М.: В университетской типографии, 1828. – 410 с.
101. Брутовец. Вкуп брутової нафти / Брутовец // Діло. – 1923. – 23. 04. – С. 3–4.
102. Брюссель // Биржа. – 1913. – № 41. – С. 22.
103. Будзей О. Вулицями Кам'янця-Подільського / О. Будзей. – Львів: Світ, 2005. – 272 с.
104. Будзиновський В. Двигнене промислу / В. Будзиновський // Громадський голос. – 1901 – № 26. – С. 26–29.
105. Бужинський М. З історії полтавського магістрату за перші роки його існування (1752–1767) / М. Бужинський // Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. 1927. Кн. XI. – С. 171–184.
106. Букатевич Н. І. Чумацтво на Україні: історично-етнографічні нариси / Н. І. Букатевич. – Одеса, 1928. – 89 с.
107. Букатевич Н. І. Чумацтво в XVII – XVIII століттях / Н. І. Букатевич // Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН. – 1925. – Ч. 2/3. – С. 239–244.
108. Булгаков М. Киев-город / М. Булгаков // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1. – М.: Азбука-классика, 2002. – С. 295.

ЛИТЕРАТУРА

109. Булгаков М. А. Белая гвардия / М. А. Булгаков // Собрание сочинения в 5 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1992. – С. 223.
110. Быков П. М. Последние дни Романовых / П. М. Быков. – М.: Государственное издательство, 1930. – 109 с.
111. Былим-Колосовский Н. Развитие донецкой каменноугольной промышленности / Н. Былим-Колосовский // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – № 47. – С. 346–355.
112. В. В. Судьбы капитализма в России / В. В. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1882. – 312 с.
113. В 300 ліття Хмельниччини. Збірник за ред. Б. Крупницького. – Мюнхен: Заграва, 1948. – 168 с.
114. В Киевской экспортной палате // Киевская биржа. Торговый бюллетень. – 1912. – № 41. – С. 3.
115. В «тёмных» банках // Банковое дело. – 1913. – № 11. – С. 18–19.
116. В-цкий Н. Очерки дореформенного быта в Полтавском Побережьи / Н. В-цкий // Киевская старина. – 1896. – № 7–8. – С. 113–132.
117. Вааль Э. Заяц с янтарными глазами: скрытое наследие / Э. де Вааль. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 432 с.
118. Вайль П. Гений места / П. Вайль. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 448 с.
119. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4 т. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. / И. Валлерстайн. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 586 с.
120. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4 т. Том II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. / И. Валлерстайн. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
121. Валуев П. А. Записки / П. А. Валуев // Русская старина. – 1891. – Май. – С. 357.
122. Варшавский Л. М. Банки и банкирские конторы Российской империи / Л. М. Варшавский. – М.: Тип. И. М. Машистова, 1910. – 211 с.
123. Василевский Л. Современная Галиция / Л. Василевский. – СПб.: Тип. Народная польза, 1900. – 231 с.
124. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
125. Вербовий М. В. Українська традиція кооперативного забезпечення / М. В. Вербовий // Фінанси України. – 2004. – № 6. – С. 52–58.

126. Вербовий М. В. Крайовий Союз Кредитовий як феномен національного господарського руху в Галичині на межі XIX–XX ст. / М. В. Вербовий // Науковий вісник. – Л.: УкрДЛТУ. – 2004. – Вип. 14.1. – С. 127–130.
127. Вересаев В. Подземное царство / В. Вересаев // Открытие страны огня. Сборник произведений русских писателей о Донбассе. – Донецк: Донбасс, 1967. – С. 83–116.
128. Верещинский И. Способ заселения нового Киева... / И. Верещинский // Киевская старина. – 1894. – № 3 – С. 403–425.
129. Верн Ж. Упрямец Керабан. Север против Юга / Ж. Верн. – СПб.: Logos, 2001. – 688 с.
130. Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Подольской и Волынской губерниям / Сост. М. Довнар-Запольский. – К.: Товарищество Л. М. Фиш и П. Е. Вольсов, 1913. – С. 85.
131. Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Части первая – четвертая / Ф. Ф. Вигель. – М.: В университетской типографии, 1891. – 840 с.
132. Вигель Ф. Ф. Записки. В 2 кн. Кн. 2. – М.: «Захаров», 2003. – 1360 с.
133. Винар Л. Андрій Войнаровський / Л. Винар. – Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1962. – 128 с.
134. Винниченко В. К. Щоденник. 1911–1920 / В. К. Винниченко. – Едмонтон – Нью-Йорк, Канадський Інститут Українських Студій, 1980. – 500 с.
135. Винничук Ю. П. Кнайпи Львова / Ю. П. Винничук. – Львів: Піраміда, 2005. – 289 с.
136. Вирський Д. Станіслав Оріховський-Роксолан: життя і пам'ять / Д. Вирський. – К.: Ін-т історії України, 2013. – 215 с.
137. Витанович І. Соціально-економічні ідеї в змаганнях галицьких українців на переломі XIX–XX в. / І. Витанович. – Мюнхен, 1970. – 74 с.
138. Витанович І. Історія українського кооперативного руху / І. Витанович. – Нью-Йорк: Товариство української кооперації, 1964. – 624 с.
139. Витт В. В. История польской литературы / В. В. Витт. В 3 т. Том 1. – М.: Наука, 1968. – 612 с.
140. Витте Е. И. Путевые впечатления: Буковина и Галичина с историческими очерками // Е. И. Витте. – К., 1904. – 249 с.
141. Витте С. Ю. Воспоминания: Детство. Царствование Александра II и Александра III. / С. Ю. Витте. – Берлин: Слово, 1923. – 441 с.
142. Витте С. Ю. О положении нашей промышленности (Докладная записка С. Ю. Витте Николаю II, февраль 1900 г.). – 194.226.181.43/biblio/vitte/v1900.ssi.

ЛИТЕРАТУРА

143. Вишенський І. Вибрані твори / І. Вишенський. – К.: Дніпро, 1972. – 127 с.
144. Вишенський І. «Христолюбивому братству львівському...» / І. Вишенський // Твори Вишенський. – <http://sites.utoronto.ca>
145. Вишенский И. Сочинения / И. Вишенский. – М.: АН СССР, 1955. – 372 с.
146. Вишенський І. Книжка / І. Вишенський. – <http://litopys.org.ua>
147. Внутреннее обозрение // Народное хозяйство. – 1901. – Кн. 5. – С. 137.
148. Вовчок М. Чумак / М. Вовчок // Украинские народные рассказы. – СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1859. – С. 79–88.
149. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. X. Часть 1. Киевская губерния. – СПб.: Тип. Департамента генерального штаба, 1848. – 871 с.
150. Возняк М. У шостидесятиріччя матері українських економічних організацій / М. Возняк // Львівські вісті. – 1943. – 06 січня.
151. Войнаровський Т. Внесення Т. Войнаровського і товаришів в справі відродження селянства / Т. Войнаровський // Економіст. – 1908. – № 7. – С. 3–8.
152. Войнаровський Т. Вплив Польщі на економічний розвій України-Руси / Т. Войнаровський. – Львів: Друкарня НТШ, 1910. – 59 с.
153. Войнаровський Т. Спогади з мого життя / Т. Войнаровський // Історичні постаті Галичини XIX–XX ст. – Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка, 1961. – С. 15–78.
154. Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / С. Г. Волконский. – СПб.: Синодальная типография, 1902. – 548 с.
155. Волониць В. С. Грецькі торгові доми в Одесі XIX ст. / В. С. Волониць // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія, Політологія. – 2011. Вип. 1. – С. 22–30.
156. Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времён до 1852 года / М. Вольский. – Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1854. – 158 с.
157. Волынская революция первой четверти XIX столетия. Письма надворного советника Опытова графине Старожиловой. Письмо третье (октябрь 1818 года) // Киевская старина. – 1883. – Т. V. – С. 777–828.
158. Воротынцев Л. В. «Татарский» торговый путь («Via Tatarica») в системе международной торговли XIII–XV вв. / Л. В. Воротынцев // Золотоордынское обозрение. – 2019. 7 (1). – С. 77–89.
159. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 1. – М.: АН СССР, 1954. – 588 с.

ЛИТЕРАТУРА

160. Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков / Н. Е. Врангель. – М.: Новое литературное обозрение, 2003 – С. 198.
161. Всевожский Н. С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу / Н. С. Всевожский. – В 2 т. Т. 1. – М.: Тип. А. Семёна, 1839. – 495 с.
162. Вся Одесса: адресная и справочная книга всей Одессы. 1912 г. – Одесса: Одесские новости, 1912. – 366 с.
163. Гавлич І. Діяльність «Земельного банку гіпотечного» у Східній Галичині в 1910–1914 рр. / І. Гавлич // Гілея. – № 73. – С. 13–14.
164. Гаженко А. Г. Заметки о хлебной торговле / А. Г. Гаженко // Экономическая жизнь Подолии. – 1913. – № 8–9. – С. 17–23.
165. Гайко Г. І. Нарис історії гірництва в Україні / Г. І. Гайко, В. С. Білецький. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2022. – 189 с.
166. Галаган М. М. З моїх споминів / М. М. Галаган. – К.: Темпора, 2005. – 655 с.
167. Галичина, Буковина, Угорская Русь. – М.: Задруга, 1915. – 230 с.
168. Гвоздик-Прицак Л. Економічна і політична візія Богдана Хмельницького та її реалізація в державі Військо Запорозьке / Відп. ред. О. Митанич. – К.: ТОВ «Видавництво «Обереги», 1999. – 215 с.
169. Гелей С. Діяльність Крайового кредитного союзу в І половині ХХ ст. / С. Гелей // Українська кооперація. Історичні та соціально-економічні аспекти. – Л.: Вид-во Львівської комерційної академії, 2001. – Т. 2. – С. 92–98.
170. Гельмерсен Г. П. Донецкий каменноугольный кряж и его будущность в промышленном отношении / Г. П. Гельмерсен // Горный журнал. – 1865. – № 1. – С. 89–119.
171. Генеалогія. Зб. Наукових праць / Ред. В. Смолій. Вип. 1. – К.: Простір, 2013. – 440 с.
172. Герои дня. Из залы суда. Часть 2. // Киевское слово. – 1896. – № 3180. – 17 нояб. – С. 4.
173. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон. – М.: Дело, 2015. – 536 с.
174. Гізель І. Вибрані твори у 3 томах. – Т. І. – Кн. 2 – К.: Свічадло, 2009. – 360 с.
175. Гиляровский В. Железная горячка // Трущобные люди. Очерки, рассказы, репортажи / В. Гиляровский. – М.: Правда, 1989. – С. 153 – 156.
176. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России / И. Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1948. – 466 с.

177. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы) / И. Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1960. – 415 с.
178. Глейзер Э. Триумф города / Э. Глейзер. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 432 с.
179. Гнатюк В. Польський літератор М. А. Грабовський і його приєднання з П. О. Кулішем / В. Гнатюк // Записки історико-філологічного відділу. – 1928. – Кн. XXI–XXII. – С. 227–248.
180. Говоров И. Проблема коррупции в российской полиции на рубеже XIX–XX вв. // Новейшая история России. – 2011. – № 2. – С. 122–140.
181. Гоголь В. А. Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом / В. А. Гоголь // Основа. – 1862. – № 2. – С. 19–43.
182. Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь // Повести. «Ревизор». – М.: ОЛМА, 2004. – 797 с.
183. Гоголь Н. В. Тарас Бульба / Н. В. Гоголь. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 192 с.
184. Голицына-Духовская В. Ф. Из моих воспоминаний / В. Ф. Голицына-Духовская. – СПб.: Печатня Р. Голике, 1900. – 598 с.
185. Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування, 1734–1775 / В. О. Голобуцький. – К.: АН УРСР, 1961. – 415 с.
186. Голобуцький В. О. Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період / В. О. Голобуцький. – К.: Вища школа, 1970. – 300 с.
187. Головки Ю. Проект організації на півдні України транзитної польської торгівлі (80-і роки XVIII ст.) / Ю. Головки // Причорноморський регіон в контексті європейської політики. – Одеса, 2008. – С. 103–105.
188. Головки Ю. Херсонський порт та чорноморська торгівля у проектах та записках останньої чверті XVIII – початку XIX ст. / Ю. Головки // Scriptorium nostrum. – 2014. – № 1. – С. 120–130.
189. Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний / А. А. Гольденвейзер // Архив русской революции. – Т. 6. – Берлин, 1922. – С. 161–303.
190. Гончар О. Щоденники (1984–1995) / О. Гончар. – К.: Веселка, 2002. – 606 с.
191. Гончарук В. Чумацький промисел і Одеса / В. Гончарук // Чорноморська минувшина. – 2013. – Вип. 8. – С. 41–59.
192. Гончарук Т. Г. Транзит Броди – Одеса в першій половині XIX ст.: історико-правовий аспект / Т. Г. Гончарук // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Вип. XII. – К., 2008. – С. 95–102.

193. Гординський С. АНУМ (Спогади про Асоціацію незалежних українських мистецтв у Львові) / С. Гординський // Сучасність. – 1985. – № 4. – С. 47–65.
194. Гордон П. Дневник, 1684–1689 / П. Гордон. – М.: Наука. 2009. – 339 с.
195. Гордуновський О. Чумацький промисел в Україні: причини занепаду / О. Гордуновський, О. Гуржій // Україна в Центральній Європі. Вип. 14. – К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. – С. 162–182.
196. Гордуновський О. М. Торгівля в Південній Україні: організація товарообігу та людський потенціал (кінець XVIII – початок XX ст.) / О. М. Гордуновський, І. О. Гуржій, О. П. Реєнт. – К.: Інститут історії України НАНУ, 2017. – 155 с.
197. Горобець В. Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I / В. Горобець. – К.: Інститут історії України, 1998. – 322 с.
198. Гонимов И. Старая Юзовка / И. Гонимов. – Сталино: Сталинское областное издательство. 1955. – 229 с.
199. Грабинський С. Демон руху. Книга вогню / С. Грабинський. – К.: Знання, 2018. – 287 с.
200. Грабовецький В. Робітники та селяни Гуцульщини, гуцульські робітники та умови їх праці. – <http://history.iv-fr.net>
201. Гранах А. Ось іде людина. Автобіографічний роман / А. Гранах. – К.: Вид. Жупанського, 2012. – 336 с.
202. Григорян Г. Армянские надписи киевского собора святой Софии / Г. Григорян // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. – Ереван, 1979. – № 4. – С. 85–93.
203. Гринспен А. Капитализм в Америке: История / А. Гринспен, А. Вулдридж. – М.: Альпина Пабlishер, 2020. – 560 с.
204. Гришко В. До суспільної структури Хмельниччини / В. Гришко // В 300 ліття Хмельниччини. Збірник за ред. Б. Крупницького. – Мюнхен: Заграва, 1948. – С. 7–60.
205. Грицак Я. Пророк у своїй вітчизні / Я. Грицак. – К.: Критика, 2006. – 631 с.
206. Грицак Я. Подолати минуле: глобальна історія України / Я. Грицак. – К.: Портал, 2021. – 432 с.
207. Гроссман Л. Бальзак в России / Л. Гроссман // Литературное наследие. Т. 31–32. Русская культура и Франция. – М.: Журнально-газетное объединение, 1937. – С. 149–335.
208. Груневег М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / М. Груневег. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – 384 с.
209. Грушевський О. З історії економічного життя XVI в. / О. Грушевський // Україна. – 1917. – Кн. 3–4. – С. 5–19.
210. Грушевський О. Митні камори / О. Грушевський // Україна. – 1918. Кн. 1–2. – С. 21–31.

211. Грушевський О. З київського ратушного господарства XVI віку / О. Грушевський // Київ та його околиця в історії і пам'ятках / Ред. М. Грушевський. – К.: Державне видавництво України, 1926. – С. 109–123.
212. Грушевський М. С. Спомини / М. С. Грушевський // Дніпро. – 1988. – № 9. – С. 115–149.
213. Грушевський М. С. Студії з економічної історії України / М. С. Грушевський // Твори. У 50 т. Т. 8. Історичні студії та розвідки. – Львів: Світ, 2007. – С. 13–75.
214. Грушевський М. С. Господарство польського магната на Задніпров'ї перед Хмельниччиною / М. С. Грушевський // Студії з економічної історії України / М. С. Грушевський // Твори. У 50 т. Т. 8. Історичні студії та розвідки. – Львів: Світ, 2007. – С. 76–89.
215. Грушевський М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. – Т. 1. – Нью-Йорк: Книгоспілка, 1954. – 648 с.
216. Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. 6 : Житє економічне, культурне, національне XIV–XVII віків / М. С. Грушевський. – Репринтне відтворення видання (Київ, Львів, 1907). – Київ: Наукова думка, 1995. – 667 с.
217. Грушевський М. Світлотині галицького життя. Михайло Яцків. «Танець тіней» / М. Грушевський // Твори у 50 т. Т. 11. – Львів: «Світ», 2008. – С. 199–212.
218. Губарь О. Начало одесского театра. Новые документы и материалы // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. – Одесса, 2009. – № 34. – С. 10–15.
219. Гуммерус Г. Київ у серпні та вересні 1918-го року / Г. Гуммерус // Пам'ять століть. – 2007. – № 2. – С. 66–84.
220. Гурбик А. Модернізаційні процеси у фінансово-виробничих відносинах та митній сфері України (XVI – перша половина XVII століття) / А. Гурбик // Соціополітичний простір ранньомодерної України: історичні нариси. – К.: Ін-т історії НАН України, 2018. – С. 11–59.
221. Гурушина Н. Н. Английские капиталы и частное предпринимательство в России / Н. Н. Гурушина, И. В. Поткина // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки [Под ред. В. И. Бовыкина]. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 54–119.
222. Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. / І. О. Гуржій. – К.: Наукова думка, 1968. – 189 с.
223. Гуржій І. О. Влада й основні організаційні заходи в галузі торгівлі та підприємництва м. Києва XIX ст. / І. О. Гуржій // Проблеми історії України. – 2009. – Вип. XVI. – С. 38–51.
224. Гуржій О. І. Право в українській козацькій державі (друга половина XVII–XVIII ст.) / О. І. Гуржій. – К.: Ін-т історії України НАН України, 1994. – 48 с.

225. Гуржій О. Нариси з історії розвитку виробничих відносин і торгівлі в Україні (друга половина XVII – початок XX ст.) / О. Гуржій, О. Реєнт, Н. Шапошнікова. – К.: Інститут історії України НАН України, 2018. – 365 с.
226. Гуслистый К. Нариси з історії України / К. Гуслистый. – Ч. 2. – К.: АН УРСР, 1939. – 195 с.
227. Гуслистый К. Нариси з історії України / К. Гуслистый. – Ч. 3. – К.: АН УРСР, 1941. – 187 с.
228. Д-р Кость Левицький // Історичні постаті Галичини. – Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка. 1961. – С. 137–158.
229. Давыдов А. В. Воспоминания. 1881–1955 / А. В. Давыдов. – Париж: Изд-во «Альбатрос», 1982. – 269 с.
230. Данилевский Г. Нравы и обычаи украинских чумаков // Библиотека для чтения. – 1857. – Т. 142. № 3 (март). – С. 119–158; №4 (апрель). – С. 243–266; Т. 143. – № 5 (май). – С. 19–41; № 6 (июнь). – С. 137–151.
231. Данилевский Г. П. Чумаки. Из путевых заметок 1856 года о нравах и обычаях украинских чумаков / Г. П. Данилевский // Сочинения. В 24 т. Т. 1. – СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901. – С. 163.
232. Двадцатипятилетие Киевской биржи (1869–1894). – К.: Тип. С. В. Кульженко, 1895. – 189 с.
233. Двадцатипятилітній ювілей Народної торгівлі // Ілюстрований календар товариства «Просвіта» за 1910 рік. – Львів: Просвіта, 1910. – С. 132–136.
234. Де Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания / А. де Рибас. – Одесса: Книжный магазин Георгия Руссо, 1913. – 379 с.
235. Дейвіс М. Боже ігрище. Історія Польщі / Н. Дейвіс. – К.: Основи, 2008. – 1079 с.
236. Дело А. С. Данилевского и его жены // Киевское слово. – 1896. – № 3179. – 16 нояб. – С. 2.
237. Демкович-Добрянський М. Українсько-польські стосунки у XIX сторіччі / М. Демкович-Добрянський. – Мюнхен: Український вільний університет, 1969. – 119 с.
238. Дерев'янкін Т. І. Промисловий переворот на Україні / Т. І. Дерев'янкін. – К.: Наукова думка, 1975. – 278 с.
239. Дерибас А. Старая Одесса: забытые страницы. Исторические очерки и воспоминания / А. Дерибас // Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. – Одесса; М.: Локид Премиум; Локид-пресс, 2009. – С. 325–408.
240. Джиджора І. Економічна політика російського правительства супроти України, 1710–1730 / І. Джиджора // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – 1910. Т. 98. Кн. 6. – С. 55–74.

241. Дзюба О. М. Приватне життя козацької старшини / О. М. Дзюба. – К: Інститут історії України, 2012. – 347 с.
242. Дзюба О. Інтер'єр та мода як ознаки стилю життя козацької старшини / О. Дзюба // Соціум. 2015. Вип. 11–12. – С. 317–329.
243. Дневник и воспоминания киевской студентки // Архив русской революции. Т. 15. – Берлин, 1924. – С. 200–253.
244. Дневник Люблинского сейма 1569 года. – СПб.: Тип. В. Головина, 1869. – 786 с.
245. Довга Л. Система цінностей в українській культурі XVII століття (на прикладі теоретичної спадщини Інокентія Гізеля) / Л. Довга. – Київ – Львів: Свічадло, 2012. – 343 с.
246. Довженко О. П. Зачарована Десна / О. П. Довженко. – К.: Дніпро, 1969. – 581 с.
247. Довжук І. В. Промисловий розвиток Донбасу в системі економіки Наддніпрянської України / І. В. Довжук. – Луганськ, 2003. – 312 с.
248. Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. – В 2 т. Т. 1. – К.: Типография университета св. Владимира, 1901. – 807 с.
249. Долгоруков И. М. Дневник моего путешествия в Киев / И. М. Долгоруков // Чтения в императорском обществе истории и древностей при Московском университете. – М., 1870. – Апрель-июнь. – Кн. 2. – С. 101–167.
250. Долгоруков И. М. Славны бубны за горами или мое путешествие кое-куда 1810 года / И. М. Долгоруков. – М.: В университетской типографии, 1870. – 355 с.
251. Документи Богдана Хмельницького. 1648–1657. – К.: Вид. АН УРСР, 1961. – 740 с.
252. Домонтович В. Без ґрунту / В. Домонтович. – Регенсбург: Вид. Михайла Борецького, 1948. – 217 с.
253. Дондуков-Корсаков А. М. Мои воспоминания. 1840–1844 / А. М. Дондуков-Корсаков // Старина и новизна. Кн. 5. – СПб., 1902. – С. 158–223.
254. Донік О. М. Промислове підприємництво дворянства України в XIX ст.: урядова політика, особливості розвитку, галузеві напрямки / О. М. Донік // Український історичний журнал. – 2007. – № 5. – С. 18–41.
255. Донік О. М. Купецтво України в імперському просторі / О. М. Донік. – К.: Ін-т історії України, 2008. – 271 с.
256. Донік О. М. Чисельність та етнічно-конфесійний склад купецтва України в XIX – на початку XX ст. / О. М. Донік // Укр. історичний журнал – 2009. – № 5 (488). – С. 77.
257. Донік О. М. З історії індустріального освоєння Донбасу / О. М. Донік. – К.: Ін-т історії НАН України, 2014. – 60 с.

258. Дорошевич В. М. Манташиада / В. М. Дорошевич // Собрание сочинений. Том II. Безвременье. – М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1905. – 304 с.
259. Дорошенко Д. Іван Тобілевич (Карпенко-Карий) / Д. Дорошенко // Киевская старина. – 1907. № 10 – С. 116–128.
260. Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки) / Д. Дорошенко. – К.: Темпора, 2007. – 272 с.
261. Дроздовський Г. Тоді в Чернівцях і довкола. Спогади старого австрійця / Г. Дроздовський. – Чернівці: Книги – XXI, 2019. – 288 с.
262. Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). – Нью-Йорк–Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. – 840 с.
263. Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825 гг. / Е. И. Дружинина. – М.: Наука, 1970. – 387 с.
264. Дубровський В. До питання про міжнародну торгівлю України в першій чверті XVIII століття / В. Дубровський // Записки історико-філологічного відділу. – К.: ВУАН, 1931. – С. 369–388.
265. Думка русина з провінції // Діло. – 1888. – 02–04 червня.
266. Духневич А. В. Розвиток кредитної кооперації на західноукраїнських землях / А. В. Духневич. – <http://www.nbuv.gov.ua>
267. Духовное завещание // Киевская газета. – 1904. – 28 сент.
268. Дыбковская А. История Польши с древнейших времён до наших дней / А. Дыбковская, М. Жарын, Я. Жарын. – Варшава: Научное издательство ПБН, 1995. – 340 с.
269. Дьяков В. А. Судебно-следственные материалы как источник для изучения польской политической ссылки первой половины XIX века / В. А. Дьяков // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: «Наука», 1986. – С. 226.
270. Екельчик С. История Украины. Становление современной нации / С. Екельчик. – К.: К. И. С., 2010. – 480 с.
271. Економічна історія України. Історико-економічне дослідження. В 2 т. – К.: Ніка-Центр, 2011. – Т. 1. – 696 с.
272. Ернст Ф. Контракти і контрактний будинок у Києві. 1798–1923 / Ф. Ернст. – К.: Друкарня Всеукраїнської Академії наук, 1923. – 116 с.
273. Ерофеев П. В. А. Г. Рафалович – агент Министерства финансов и представитель деловых кругов юга России / П. В. Ерофеев // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. – СПб.: Изд. «Нестор-История», 2006. – С. 342–351.

ЛИТЕРАТУРА

274. Ефименко А. Очерки истории Правобережной Украины / А. Ефименко // Киевская старина. – 1895. – № 4. – С. 76–101.
275. Ефименко П. Рудни в Северщине / П. Ефименко // Киевская старина. – 1888. – Т. XXI. – С. 52–63.
276. Єрошевич П. З боротьби українського народу за свою незалежність / П. Єрошевич // За державність. Матеріали до історії війська українського. Збірник 8. – Варшава: Укр. воен.-іст. т-во. – 1938. – С. 9–65.
277. Єфремов С. Щоденник. Про дні минулі (спогади) / С. Єфремов. – К.: Темпора, 2011. – 792 с.
278. Жаботинский В. Избранное / В. Жаботинский. – Иерусалим: Gesharim, 1992. – 334 с.
279. Жаботинский В. Е. Моя столица / В. Е. Жаботинский. – <http://az.lib.ru>
280. Жаботинский В. Пятеро / В. Жаботинский // Сочинения в 9 т. Т. 1. – Минск: Мет, 2007. – 639 с.
281. Жалоба Михаила и Гавриила Тышей-Быковских о разорении их дома в Киеве... Андреем Ходыкой // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Т. 4. – К.: Тип. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. – С. 492–495.
282. Жалоба киевского войта Андрея Ходыки о том, что киевские мещане... составили против него заговор // Архив Юго-Западной России. Часть 3. Т. 4. – К.: Тип. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. – С. 510–512.
283. Журавский Д. О кредитных сделках в Киевской губернии / Д. Журавский. – К., 1856. – 124 с.
284. З. Л. Трускавець та українська господарка / З. Л. // Діло. – 1934. – 2 вересня. – С. 5.
285. З дневника гр. к. пароха // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – 1903. Т. 52. Розділ Miscellanea. – С. 3–16.
286. З приводу смерти д-ра Костя Левицького // Краківські вісті. – 1941. – 16 листопада.
287. За границей. Брюссель // Биржа. – 1913. – № 41. – С. 22.
288. Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века / Л. В. Заборовский. – М.: Наука, 1981. – 180 с.
289. Загальні збори Центробанку // Господарсько-кооперативний часопис. – 1938. – Ч. 21. – С. 14.
290. Загоруйко В. По страницам истории Одессы и Одесщины / В. Загоруйко. – В 2 вып. Вып. 2. – Одесса: Одесское книжное издательство, 1960. – 151 с.
291. Загребельний П. А. Я, Богдан / П. А. Загребельний. – К.: Дніпро, 1986. – 491 с.
292. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

293. Закревский Н. Летопись и описание города Киева / Н. Закревский. – В 2 ч. Ч. 1–2. – М.: В Унив. тип., 1858. – 266 с.
294. Записки Петра Дмитриевича Селецкого // Киевская старина. – 1884. – № 9. – С. 82–103.
295. Заруба В. Козацька старшина гетьманської України (1648–1782): персональний склад та родинні зв'язки / В. Заруба. – Дніпропетровськ: Ліра, 2011. – 918 с.
296. Заседание думы // Киевлянин. – 1907. – 12 янв.
297. Захарченко М. М. Киев теперь и прежде / М. М. Захарченко. – К.: Лито-тип. заведение С. В. Кульженко, 1888. – 346 с.
298. Заяць А. Луцькі війти у XV – першій половині XVII століття / А. Заяць // Вісник Львівського університету. Серія історична. – 2015. – Вип. 51. – С. 194–242.
299. Заяць А. «Єврейське» щастя: як волинський єврей Майер Давидович збирав свій капітал (перша половина XVII ст.) / А. Заяць // Соціум. – 2013. – Вип. 10–12. – С. 255–274.
300. Звіт з діяльності Земельного Банку Гіпотечного (акційної спілки у Львові) за 1927 рік. – Львів, 1928. – 20 с.
301. Звіт про діяльність і баланс нафтової акційної спілки «Унія» у Львові. – ЦДІА України, м. Львів. – Ф. 682. – Оп. 1. – Справа № 61.
302. Згадка за б. п. отца Льва Трещаковского // Наука. Месячная газета. – 1876. – Т. 5. № 2. – С. 133–136.
303. Земельний Банк гіпотечний, спілка акційна у Львові // Економіст. Місячник економічно-господарський. – Львів: 3 друкарні «Діла», 1912. – Ч. 4. – С. 96–97.
304. Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. Воспоминания / В. В. Зеньковский. – М.: REGNUM, 2011. – 648 с.
305. Ивакин Г. Ю. Киев в XIII–XV веках / Г. Ю. Ивакин. – К.: Наукова думка, 1982. – 104 с.
306. Иностранные капиталы. Часть 2 // Киевское слово. – 1898. – № 3731. – 1 июня. – С. 1.
307. Исаев А. А. Начала политической экономии / А. А. Исаев. – СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1900. – 709 с.
308. Івакін Г. Історичний розвиток Києва XIII – середина XVI ст./ Г. Івакін. – К.: Наукова думка, 1996. – 272 с.
309. Ісаєвич Я. Д. Історія Львова: у трьох томах. Т. 2. 1772 – жовтень 1918. – Л.: Центр Європи, 2007. – 559 с.
310. Історія України. Новітня доба [За ред. акад. В. М. Литвина]. – К.: Академвидав, 2012. – 480 с.
311. Історія України в документах і матеріалах. Т. 3. – К.: АН УРСР, 1941. – С. 121–122. – 291 с.
312. Из архива К. Э. Андреевского. Записки Э. С. Андреевского. В 2 т. Т. 2. – Одесса: Тип. Южнорусского общества печатного дела, 1914. – 362 с.

ЛИТЕРАТУРА

313. Из воспоминаний отшельника к-ской пустыни // Киевская старина. – 1887. – № 12. – С. 718–760.
314. Из киевского росписного списка 1684 года // Киевская старина. – 1889. – №5–6. – С. 579–581.
315. Из писем помещиков Киевской губернии к киевскому гражданскому губернатору Панкратьеву // Киевская старина. – 1884. – № 1. – С. 177–181.
316. Иванюков И. Очерки провинциальной жизни / И. Иванюков // Русская мысль. – 1893. – Кн. 12. – С. 229–260.
317. Извлечения из сочинений Михайла Литвина // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Т. 1. – К.: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1890. – С. 1–55.
318. Иконников В. С. Киев в 1654–1855 гг. Исторический очерк / В. С. Иконников. – К.: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1904. – 355 с.
319. История городов и сёл Украинской ССР. В 26 т. Ворошиловградская область. – К.: Гл. редакция укр. сов. энциклопедии, 1976. – 727 с.
320. История Императорского университета Св. Владимира. В 2 т. Т. 1. – К.: В тип. Императорского университета Св. Владимира, 1884. – 674 с.
321. История торговли и промышленности в России / Под ред. П. Х. Спасского. Т. 1. Вып. 3. Исторический очерк развития торговых учреждений в России: Биржи, страховые общества, товарные склады и другие торговые учреждения. – СПб., 1911. – С. 53–82.
322. История Украинской ССР. В 2 т. Т. 1. – К.: АН УССР, 1956. – 856 с.
323. Із австрійсько-німецької українки. – Львів: Аверс, 2008. – 104 с.
324. Инж. К. Наш національно-господарський інтерес у нафтовім промислі / Инж. К. // Діло. – 1938. – 7 травня. – С. 5.
325. Історичні детермінанти включення України в систему міжнародних економічних відносин / В. В. Небрат, Н. О. Горін, Н. А. Супрун та ін. – Київ: Ін-т економіки і прогнозування НАН України, 2021. – 528 с.
326. Історія Львова. – Л.: Вид. ЛНУ, 1956. – 294 с.
327. Історія народного господарства Української РСР. У 3 т. Т. 1. – К.: Наукова думка, 1983. – 534 с.
328. Історія України в документах і матеріалах. Т. 3. Визвольна боротьба українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1569–1654 роки). – К.: АН УРСР, 1941. – 290 с.
329. К банкротству банковской конторы В. Л. Вайнбаума // Киевское слово. – 1899. – № 4007. – 6 марта. – С. 2.

ЛИТЕРАТУРА

330. К банкротству Я. Эпштейна // Киевлянин. – 1906. – 17 февр. (№ 48). – С. 3.
331. К денежному вопросу Часть 2 // Киевлянин. – 1899. – № 311. – С. 1. – Кол. 5–6.
332. К росту Киева // Киевлянин. – 1900. – 29 июля.
333. К экспорту русского сахара в Японию // Киевлянин. – 1903. – № 229. – С. 3. Кол. 3.
334. Как создается промышленная разруха // Донецкий пролетарий. – 1917. – № 10, 24 июня.
335. Кальницкий М. Не стой под стрелой / М. Кальницкий // Контракты. – 2008. – № 45. – archive.kontrakty.ua
336. Каманин И. Последние годы самоуправления Киева по магдебургскому праву / И. Каманин. – К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1888. – 91 с.
337. Каманин И. Киевляне и Богдан Хмельницкий в их взаимных отношениях / И. Каманин // Киевская старина. – 1888. – № 7. – С. 69–78.
338. Каманин И. Участие южно-русского населения в восстании Богдана Хмельницкого / И. Каманин // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 3. Т. 4: Акты, относящиеся к эпохе Богдана Хмельницкого. – К.: Типография Н. Корчак-Новицкого, 1914. – С. I–CI (3–101).
339. Каманін І. М. Три тестаменти Адама Кисіля / І. М. Каманін // Україна. – 1918. – № 1–2. – С. 49–68.
340. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника (1791–1792) / Н. М. Карамзин. – М.: Правда, 1982. – 605 с.
341. Кардашев В. П. Фондовые биржи в России / В. П. Кардашев // Банковая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России. / Под ред. Л. Н. Яснопольского. – К.: Изд-во Банковой энциклопедии, 1917. – С. 185–218.
342. Карманський П. Українська богема (Сторінки вчорашнього). З нагоди тридцятиліття. «Молодої музи» / П. Карманський. – Львів: Краса і сила, 1936. – 118 с.
343. Карманський П. Українська богема: Люнатик / П. Карманський // Остап Луцький і сучасники. – Нью-Йорк–Торонто: Українська вільна академія наук, 1994. – С. 187–202.
344. Карпенко-Карий І. Чумаки / І. Карпенко-Карий // Твори в 3 тт. Т. 2. – К.: Держ. вид. художньої літератури, 1960. – С. 169–230.
345. Катастрофа банку селянського // Діло. – 1884. – 14 (26) янв. – С. 2–3.
346. Качала С. Що нас губить, а що нам помочи може: [письмо до руських громадян] / С. Качала. – Львів, 1874. – 70 с.

ЛИТЕРАТУРА

347. Качор А. Роля духовенства і церкви в економічному відродженні Західної України / А. Качор. –Вінніпег: Накладом Української вільної академії наук, 1992. – 40 с.
348. Кельсиев В. Галичина и Молдавия. Путевые письма // В. Кельсиев. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – 351 с.
349. Кембриджская история капитализма. В 2 т. Т. 1. – М.: Институт Гайдара, 2021. – 800 с.
350. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. В 2 т. Том 1: 1700. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 464 с.
351. Киев и Университет Св. Владимира при императоре Николае I: 1825–1855. – Издание Ун-та Св. Владимира. – Киев: Типогр. С. В. Кульженко, 1896. – 100 с.
352. Киевская биржа // Киевское утро. – 1910. – 30 окт. – С. 4.
353. Киевская контрактная ярмарка 1923 года. Проспект-справочник. – К.: Правда. 1923. – 127 с.
354. Киевские контракты (Письмо к издателям, 18 февраля 1825 года) // Северная пчела – 1825. – 25 февраля.
355. Киевский обыватель грек Иотий // Киевская старина. – 1895. Июль (Документы, известия, заметки). – С. 4–7.
356. Кинг Ч. Одесса. Величие и смерть города грёз / Ч. Кинг. – М.: Изд. Ольги Морозовой, 2013. – 336 с.
357. Кистяковский В. В. Учебник экономической географии / В. В. Кистяковский. – СПб. – К.: Изд-во «Сотрудник», 1911. – 330 с.
358. Кисіль А. Лист до Гнездинського архієпископа М. Лубенського про перемоги Богдана Хмельницького. – <http://litorpys.org.ua>
359. Кісіль І. М. Привілей на Магдебурзьке право Полтаві у 1752 р. (До питання про автономію міської громади) / І. М. Кісіль // Архіви України. – 2015. – № 5–6. – С. 23–34.
360. Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 т. – Т. 1: 1874–1879. – К.: Наукова думка, 1994. – 648 с.
361. Кістяківський О. Ф. Щоденник (1874–1885). У 2 т. – Т. 2: 1874–1879. – К.: Наукова думка, 1995. – 583 с.
362. Клебановский П. Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко / П. Клебановский // Киевская старина. – 1896. – Т. LII. – № 2. – С. 251–262.
363. Клепацький П. Декілька документів з Диканського архіву Кочубеїв / П. Клепацький // Український археографічний збірник. Т. 3. – К.: ВУАН, 1930. – С. 253–263.
364. Клименко П. Місто і територія на Україні за Гетьманщини (1654–1767) / П. Клименко // Записки історико-філологічного відділу Української Академії наук. – 1926. – Кн. VII–XVIII. – С. 309–357.

365. Книга посольская метрики великого княжества Литовского (с 1545 по 1572 год). – М.: В университетской типографии, 1843. – 518 с.
366. Княжевич М. Проект поліпшення торгівлі на Україні, 1784 р. / М. Княжевич // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – 1897. Т. 18. Кн. 4. – С. 1–8.
367. Кобилянська О. Ю. Оповідання / О. Ю. Кобилянська. – Л.: Каменяр, 1982. – 271 с.
368. Кобринська Н. Як стара Янова їхала залізницею від Коломиї до Бурштина / Н. Кобринська // Зоря. – 1886. – № 12. – С. 197–200.
369. Ковалинский В. Меценаты Киева / В. Ковалинский. – К.: Кий, 1998. – 528 с.
370. Ковалинский В. В. Киевские хроники. Кн. 2. Юбилеи 2012 / В. В. Ковалинский. – К.: ВАРТО, 2012. – 287 с.
371. Ковалинский В. В. Семья Терещенко / В. В. Ковалинский. – К.: Пресса України, 2003. – 388 с.
372. Ковалів С. (Пятка С.). Продукція нафти (скального олію) в Бориславі / С. Ковалів (С Пятка) // Літературно-науковий вісник. – 1903. – Т. V. – С. 100–113.
373. Ковалів С. Галицька Каліфорнія / С. Ковалів. – Х.: Вид. «Рух», 1930. – 226 с.
374. Козлов А. Былая слава (Родословная Харитоненко) / А. Козлов // Скарбниця української культури: Зб. наук. пр. – Чернівці, 2006. – Вип. 7. – С. 95–105.
375. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. / В. Н. Коковцов. – В 2 т. Т. 1. – Париж: Изд. журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. – 504 с.
376. Коммерческие банки в 1913 году // Банки и биржа. Ежегодник на 1914 год. – Пг.: Банки и биржа, 1914. – С. 100–101.
377. Компан О. С. Міста України в другій половині XVII століття / О. С. Компан. – К.: Вид. АН УРСР, 1963. – 387 с.
378. «Компания екатерининских угольных копей в Яшиково», устав... заявленный 7 марта 1910 года. – Екатеринбург, 1911. – 30 с.
379. Коновалова А. В. Российский фондовый рынок в начале XX в.: факторы курсовой динамики / Л. И. Бородин, А. В. Коновалова. – СПб.: Алетейя, 2010. – 296 с.
380. Контракт на постройку церкви XVII века // Киевская старина. – 1884. Т. 8. № 3 (Известия и заметки). – С. 522–524.
381. Кордт В. Русское зерно на голландском хлебном рынке в 30-х годах XVII века / В. Кордт // Техника, экономика и право. – 1925. – № 1. – С. 81–104.
382. Короленко В. Г. История моего современника / В. Г. Короленко. – В 4 т. Т. 1–2. – М.: Правда, 1985. – С. 15.

383. Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы / Н. И. Костомаров. – М.: Чарли, 1995. – 797 с.
384. Костомаров Н. И. Последние годы Речи Посполитой / Н. И. Костомаров. – М.: Directmedia, 2013. – 873 с.
385. Кохановський З. До історії українського інженерського руху / З. Кохановський // Інженери-українці в діаспорі. – Торонто: Клуб сеньорів, 1992. – С. 23–41.
386. Кочергін І. О. Олександр Поль: мрії, справи, спадщина / І. О. Кочергін. – Дніпропетровськ: НГА, 2002. – 222 с.
387. Кошиць О. Спогади / О. Кошиць. Ч. 1. – Вінніпег: Новий шлях, 1947. – 367 с.
388. Краттер Ф. Листи про сучасний стан Галичини. Проблеми статистики і людинознавства / Ф. Краттер // Із австрійсько-німецької українки. – Львів: Аверс, 2008. – С. 16–22.
389. Крах банкирской конторы И. Г. Зейферта // Банковая и торговая газета. – 1903. – № 29. – С. 495.
390. Крах банкирской конторы Якова Эпштейна // Русское слово. – 1906. – 16 февр. – 1907. – 18 мая.
391. Крах конторы Торгового дома «А. Данилевский» // Киевское слово. – 1887. – 10 июня; 1887. – 14 апр.
392. Крах сахарозаводческой фирмы // Киевская жизнь. – 1906. – № 13. – 18 февр. – С. 2.
393. Крашевский Ю. Воспоминания об Одессе, Едисане и Буджаке / Ю. Крашевский. – Одесса, 2019. – 256 с.
394. Крещенская ярмарка в Киеве в 1846 году // Киевские губернские ведомости. – 1846. – № 10. – 8 марта.
395. Крещенская ярмарка в Киеве в 1847 году // Киевские губернские ведомости. – 1847. – № 14. – 4 апреля.
396. Кривошея В. Генеалогія українського козацтва. Нариси історії козацьких полків / В. Кривошея. – К.: Стило, 2002. – 396 с.
397. Кривошея І. Реєстр розподілу майна між спадкоємцями полковника гадяцького Федора Криницького / І. Кривошея. – <https://www.eminak.net.ua>
398. Крикун М. Воеводства Правобережної України в XVI–XVIII ст. / М. Крикун. – Львів, 2012. – 702 с.
399. Крип'якевич І. Матеріали до історії торгівлі Львова / І. Крип'якевич // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – 1905. Том LXV. Кн. 3. – С. 1–24.
400. Крип'якевич І. Львівська Русь в першій половині XVI віку / І. Крип'якевич // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – 1907. Том LXXIX. Кн. 5. – С. 5–51.
401. Крип'якевич І. Український державний скарб за Богдана Хмельницького / І. Крип'якевич // Записки наук. тов. ім. Шевченка. Т. 130. – Львів, 1920. – С. 73–106.
402. Кронин А. Звёзды смотрят вниз / А. Кронин. – Донецк: Донбасс, 1982. – 645 с.

403. Крупка О. Земська судова номенклатура Правобережної України у другій половині XVI – першій половині XVII століть / О. Крупка // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – 2000. – № 1. – С. 173–181.
404. Крымов В. «Чтобы жизнь не была так печальна» / В. Крымов. – Одесса: Тип. Акц. О-ва Изд. Дела «Копейка», 1917. – 172 с.
405. Кугель И. Р. Из воспоминаний. Записки редактора / И. Р. Кугель // Литературный современник. – 1940. – № 12. – С. 120–131.
406. Кузьменко Г. Отношение землевладельца Одесского района к вопросу об одесских мостовых / Г. Кузьменко // Одесские ведомости. – 1860. – 8 октября.
407. Кулиш П. А. Несколько предварительных слов / П. А. Кулиш (В. А. Гоголь. Простак, или хитрость женщины, перехитренная солдатом) // Основа. – 1862. – № 2. – С. 19–43.
408. Кулиш П. Взгляд южно-русского человека на немецко-польскую цивилизацию / П. Кулиш // Основа. – 1862. – С. 13–16.
409. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности / И. М. Кулишер. – Челябинск: Социум, 2003. – 557 с.
410. Куприн А. Звезда Соломона / А. Куприн // Собр. соч. в 10 т. Т. 7. – М.: Книжный клуб Книгобек, 2010. – 382 с.
411. Куприн А. Юзовский завод / А. Куприн // Собр. соч. В 9 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 9.
412. Куприн А. И. Яма / А. И. Куприн // Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. – М.: Воскресенье, 2007. – 541 с.
413. Куприн А. Молох / А. Куприн // Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. – М.: Воскресенье, 2006. – С. 43.
414. Купчанко Г. Галичина и её русские жители / Г. Купчанко. – Вена: Книгопечатня Фридриха Ясперса, 1896. – 87 с.
415. Курило В. С. Нариси історії Луганщини / В. С. Курило, О. В. Набока, О. А. Заюудкова. – Полтава, Київ: Талком, 2023. – 301 с.
416. Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба. – СПб.: Изд. А. Суворина, 1907. – 231 с.
417. Л. Из прошедшей жизни малорусского дворянства / Л. // Киевская старина. – 1888. №10. – С. 146–161.
418. Лазанська Т. Історія підприємництва в Україні (на матеріалах торгово-промислової статистики XIX ст.) / Т. Лазанська. – К.: Ін-т історії України, 1999. – 282 с.
419. Лазаревский А. М. Люди старой Малороссии / А. М. Лазаревский. – К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1882. – 138 с.
420. Лазаревский А. Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. – Т. 1. Полк Стародубский. – К.: Тип. К. Н. Милевского, 1888. – 470 с.

ЛИТЕРАТУРА

421. Лазаревский А. Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. – Т. 2. Полк Нежинский. – К.: Тип. К. Н. Милевского, 1893. – 521 с.
422. Лазаревский А. Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. – Т. 3. Полк Прилуцкий. – К.: Тип. К. Н. Милевского, 1893. – 426 с.
423. Лазаревский А. Суды в старой Малороссии / А. Лазаревский // Киевская старина. – 1898. – № 7–8. – С. 75–115.
424. Лазаревська К. Київські цехи в другій половині XVIII та на початку XIX віку / К. Лазаревська // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. – К.: Державне видавництво України, 1926. – С. 275–307.
425. Лазаренко О. М. Спогади про Ніжин. 100 років тому / О. М. Лазаренко. – Ніжин: Видавець ПП Лисенко М. М., 2015. – 152 с.
426. [Ламанский Е. И.] Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского (1840–1890) / Е. И. Ламанский // Русская старина. – 1815. – Кн. X. – С. 58–68; Кн. XII. – С. 401–416.
427. Лал Д. Непреднамеренные последствия / Д. Лал. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 338 с.
428. Ландман З. Моя Галичина. Край за Карпатами / З. Ландман. – Чернівці: Книги – XXI, 2019. – 208 с.
429. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское / И. И. Лаппо. – В 2 т. Т. 1. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. – 780 с.
430. Ле-Пле Ф. Исследование каменноугольного Донецкого бассейна / Ф. Ле-Пле. – М.: Тип. А. Семена, 1854. – 691 с.
431. Лев В. Львівська богема між двох війн / В. Лев // Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252–1952. – Нью-Йорк: Червона калина, 1953. – С. 176–178.
432. Левин И. И. Акционерные коммерческие банки России / И. И. Левин. – М.: Дело, 2010. – 512 с.
433. Левицкий О. Транспорт вещей Петра I, арестованный на Волыни в 1701 году / О. Левицкий // Киевская старина. – 1890. № 10. – С. 143–147.
434. Левицкий О. И. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII в. / О. И. Левицкий. – Киев: Изд. ред. жур. «Киевская старина», 1902. – 313 с.
435. Левицкий О. Нехворощанский сотник Фёдор Сухо-млин / О. Левицкий // Киевская старина. – 1901. № 5. – С. 149–163.
436. Левицький К. Про каси позичкової разом з Статутом товариства каси позичкової «Власна поміч» / К. Левицький. – Л.: Просвіта, 1889. – 56 с.
437. Левицький К. Про сільські каси позичкові і щадниці / К. Левицький – Львів: Просвіта, 1894. – 72 с.

438. Левицький К. Нарід собі / К. Левицький // Свобода. Український дневник (Jersey City). – 1925. – № 284, 7 грудня. – С. 2.
439. Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914 / К. Левицький. – Л., [накладом автора], 1926. – 736 с.
440. Левицький К. Великий зрив. До історії української державності / К. Левицький. – Львів: Червона калина, 1931. – 152 с.
441. Левицький К. Як ми основували Ревізійний Союз Українських Кооперативів / К. Левицький // Господарсько-кооперативний часопис. – Л., 1933. – Ч. 1–2. – С. 3–6.
442. Левицький К. Чому збираємо ощадності / К. Левицький // Господарсько-кооперативний часопис. – Л., 1932. – Ч. 43. – С. 2–7.
443. Левицький К. Як працює наша кооперація / К. Левицький // Господарсько-кооперативний часопис. – 1938. – Ч. 17–18. – С. 3–8.
444. Левицький М. Українці в нафтовім промислі / М. Левицький // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). – Нью-Йорк–Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. – С. 596–598.
445. Левицький О. Український шляхтич Прокіп Верещака і його пригоди під час Хмельниччини / О. Левицький // Україна. – 1917. Кн. 1–2. – С. 20–37.
446. Левицький О. І. По судах Гетьманщини: нариси народного життя Гетьманщини 2-ї половини XVII віку / О. І. Левицький. – Харків: Рух, 1930. – 252 с.
447. Левус Н. Львівський синдик Павло Щербич / Н. Левус // Acta studiosa historica. – 2005. – Ч. 6. – С. 43–56.
448. Легін С. Як виглядав Львів в 1838 році – враження німецького мандрівника / С. Легін. – <https://photo-lviv.in.ua>
449. Леонов О. П. Греки и экономическое развитие Украины в конце XIX – начале XX в. – Донбасс и Приазовье: Проблемы социального, национального и духовного развития / О. П. Леонов, Г. Л. Леонов // Тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Мариуполь, 1993. – С. 123–136.
450. Лепкий Б. Казка мого життя / Б. Лепкий. – Тернопіль: Богдан, 2014. – 416 с
451. Лепкий Л. Борислав / Л. Лепкий // Ілюстрована Україна. – 1914. – Ч. 3. – С. 53–54.
452. Лепкий Л. Твори: поезія, проза, публіцистика / Л. Лепкий. – Тернопіль: Тернограф, 2001. – С. 172.
453. Лернер О. М. Одесская старина. Исторические очерки / О. М. Лернер. – Одесса: Тип. Г. М. Левинсон, 1902. – 36 с.

454. Леруа-Болье П. Падение русских промышленных ценностей и кризис железной и угольной промышленности в России / П. Леруа-Болье // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1901. – № 41. – С. 57–60.
455. Лесков Н. С. Печерские антики / Н. С. Лесков // Собрание сочинений. Т. 7. – М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1958. – С. 203, 312.
456. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Б. Лившиц. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 737 с.
457. Лившиц Е. Я с мертвыми не развожусь (мемуары) / Е. Лившиц. – <http://www.nm1925.ru>
458. Лисак-Тамаренко (без ініціалів). Невеселі сільські малюнки / Лисак-Тамаренко // Киевская старина. – 1904. – № 6. – С. 506–530.
459. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. – М.: МГУ, 1994. – 146 с.
460. Лифарь С. Страдные годы / С. Лифарь. – В 2 кн. Кн.1. Моя юность в России. – Париж, 1935. – 111 с.
461. Лифарь С. С Дягилевым / С. Лифарь. – СПб.: Композитор, 1994. – 224 с.
462. Лифарь С. Киев – мой город / С. Лифарь // Киевские ведомости. – 1994, 16 июня. – С. 10.
463. Лизунов П. В. Банкирский дом «Г. Лесин», его операции и владелец / П. В. Лизунов // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2006 г. – СПб.: «Нестор-История», 2006. – С. 104–108.
464. Липинський В. Україна на переломі, 1657–1659. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-ім столітті / В. Липинський. – Відень-Київ: Видання Дніпровського Союзу Споживчих Союзів України («Дніпросоюз»), 1920. – 304 с.
465. Липинський В. Листи до братів-хліборобів / В. Липинський. – Wien: Carl Hartmann, 1926. – 580 с.
466. Лисенко К. О составе яшиковского каменного угля (Донецкий бассейн) / К. Лисенко // Горный журнал. – 1880. – № 7–8. – С. 168–171.
467. Лисенко М. В. Листи / М. В. Лисенко. – К.: Мистецтво, 1964. – 533 с.
468. Лист до законников Виленского Свято-Духовского монастыря // Архив Юго-Западной России. – Ч. 1. Т. 8. – К.: Тип. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1914. – С. 732–798.
469. Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700. – К.: НАН України, 2009. – 751 с.

470. Листи Олександра Лазаревського // Український археографічний збірник. Т. 2. – К., 1927. – С. 264–370.
471. Литвинова Т. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века / Т. Литвинова. – М.: «НЛО», 2019. – 357 с.
472. Лісна І. С. Становлення державності в Галичині (1912–1923) / І. С. Лісна. – Тернопіль, 2001. – 92 с.
473. Літопись, или описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году діялось в Украине малороссийской... // Сборник летописей. Относящихся к истории Южной и Западной Руси. – К., 1888. – С. 55–56.
474. Лозинський Р. Етнічний склад населення Львова / Р. Лозинський. – Львів: Видю центр ЛНУ, 2005. – 358 с.
475. Лопатин Н. В. У колыбели Донбасса / Н. В. Лопатин. – Луганск: Луганское обл. изд-во, 1960 – 279 с.
476. Лукас Р. Лекции по экономическому росту / Р. Лукас. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – 288 с.
477. Лукомский Г. К. Усадьба в прошлом и настоящем: Селезнёвка К. Л. Мсциховского / Г. К. Лукомский // Столица и усадьба. – 1916. – Вып. 51. – С. 4–5.
478. Лутохин Д. А. Граф С. Ю. Витте как министр финансов / Д. А. Лутохин. – Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. – 40 с.
479. Лучицкий И. Киев в 1766 году / И. Лучицкий. – Киевская старина. – 1888. – № 1. – С. 1–74.
480. Лучицкий И. К истории торговли в Малороссии XVIII в. / И. Лучицкий // Киевская старина. – 1894. – № 4. – С. 155–158.
481. Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека / Ф. Я. Лучинский // «Русская старина». – 1897. – № IX. – С. 633–658.
482. Любимов П. О российской каменноугольной формации и заключающихся в оной частных местонахождениях каменного угля / П. Любимов // Горный журнал. – 1833. – № 10. – С. 1–48.
483. Ляссота Е. Щоденник Еріха Ляссоти із Стеблева / Ляссота Е. // Мемуари до історії Південної Русі. Вип. 1. – Дніпропетровськ: Січ, 2005. – С. 159–218.
484. Львівська антологія. У 3 т. Т. 1. Укладач Ю. Винничук. – Харків: Фоліо, 2013. – 667 с.
485. Маєн Й. Розмови про львівські каварні / Й. Маєн. – <http://www.ji.lviv.ua>
486. Максимович М. А. Об участии и значении Киева в общей жизни России / М. А. Максимович. – К.: В Унив. тип., 1837. – 21 с.
487. Максимович М. А. Письма о Киеве: от Максимовича к Погодину. – Москва: Тип. М.П. Погодина, 1869. – 90 с. – Прибавление: Два письма к Петру Гавриловичу Лебединцеву (с. 75–90) (из Киевских епархиальных ведомостей, 1868 г., № 3, 9).

488. Макух І. На народній службі. Спогади / І. Макух. – К.: Основні цінності, 2001. – 572 с.
489. Манус И. Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени / И. Манус. – СПб.: Тип «Энергия», 1905. – С. 155–156.
490. Маньковский А. Поляки с Бейкер-стрит в доме Боффо / А. Маньковский, С. Котелко // Одесский альманах. – 2019. – № 78. – С. 52–69.
491. Маркевич Н. История Малороссии. В 5 т. Т. 2. / Н. Маркевич. – М.: Тип. Августа Семена, 1842. – 673 с.
492. Марков Е. Европейский Восток / Е. Марков // Вестник Европы. – 1886. – Т. 118, № 3. – С. 116–175.
493. Маркович Я. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича / Я. Маркович. – В 2 ч. Ч. II. – М.: Тип. В. Готье, 1859. – 414 с.
494. Маркович Я. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767). В 3 ч. 1 (1717–1725). – К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1893. – 329 с.
495. Маркович Я. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767). В 3 ч. 2 (1726–1729). – К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1895. – 342 с.
496. Маркович Я. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767). В 3 ч. 3 (1730–1734). – К.: Тип. Г. Корчак-Новицкого, 1897. – 418 с.
497. Мартюк І. Центросоюз. Союз кооперативних союзів у Львові в роках 1924–1944 / І. Мартюк. – Лексингтон: Вид. М. П. Коць, 1973. – 128 с.
498. Мартынов С. Государство и экономика. Система Витте / С. Мартынов. – СПб.: Наука, 2002. – 405 с.
499. Матеріали до вивчення виробничих об'єднань. – Вип. 2: Чумаки. – К., 1931. – 129 с.
500. Мейер Д. И. Юридические исследования относительно торгового быта Одессы / Д. И. Мейер // Юридический сборник, изданный Д. Мейером. – Казань: Изд. И. Дубровина, 1855. – С. 449–494.
501. Мельник Л. Г. Технічний переворот на Україні у ХІХ ст. / Л. Г. Мельник. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1972. – 240 с.
502. Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. В 3 т. Т. 1. / Л. А. Мендельсон. – М.: Изд-во социально-экон. лит-ры, 1959. – 693 с.
503. Меняльная контора Я. Б. Эпштейна // Киевское слово. – 1887. – № 116. – 29 мая. – С. 1; 1887. – № 253. – 19 нояб. – С. 1.
504. Металлургические ценности на Парижской бирже // Биржа. – 1913. – № 5. – С. 6.

505. «Ми виїхали з Сокиринців...»: тревелогі родини Галаганів: документальна монографія / упорядники: Марина Будзар, Євген Ковальов. – К.: StreamArLine, 2019. – 516 с.
506. Мигулін П. П. Иностранные инвестиции в России // П. П. Мигулін // Новый экономист. – 1913. – № 12. – С. 2–6.
507. Мигулін П. П. Промышленный кризис в России в 1899–1901 гг. // П. П. Мигулін // Народное хозяйство. – 1902. – Кн. 3. – С. 20–21.
508. Микулич О. Инвестиционная история нефтедобычи в Дрогобыче / О. Микулич // Нефть и газ Украины. – 2017. – № 9 (28). – С. 32–36.
509. Мимолётом. Биржевое наводнение // Киевское слово. – 1896. – № 2964. – С. 1.
510. Министерство финансов 1802–1902. В 2 т. Т 2. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. – 717 с.
511. Митьков А. Ф. Очерк торгово-юридической статистики Одессы / А. Ф. Митьков // Труды Одесского статистического комитета. Вып. 1. – Одесса: Тип В. Францова, 1865. – С. 310–337.
512. Мицик Ю. 3 нових документів до історії Сіверщини (XVII–XVIII ст.) / Ю. Мицик, І. Тарасенко // Сіверянський літопис. – 2019. – № 4–5. – С. 81–141.
513. Мовна У. Торговельна мобільність українських селян Галичини першої половини XIX ст. за даними львівської преси / У. Мовна // Galicia. – 2020. – № 6. – С. 33–47.
514. Модзалевский Б. Генеральный судья Иван Чарныш и его род / Б. Модзалевский // Киевская старина. – 1904. Март. – С. 315–347; 1904. Апрель. – С. 1–35; 1904. Май. – С. 193–230.
515. Молчановский Н. Донесение венецианца Альберто Вимина о козаках и Б. Хмельницком (1656 г.) / Н. Молчановский // Киевская старина. – 1900. – № 1. – С. 62–75.
516. Моргенштерн С. Юні літа у Східній Галичині / С. Моргенштерн. – Чернівці: Книги – XXI, 2019. – 301 с.
517. Морозан В. В. Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века / В. В. Морозан. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 616 с.
518. Москалець В. Конфлікти у нафтовій промисловості Галичини у XIX ст. як маркер економічної модернізації / В. Москалець // Вісник Харківського національного університету. Серія «Історія». – № 1134. Вип. 49. – С. 120–128.
519. Мошенський С. З. Еволюція векселя / С. З. Мошенський. – К.: ТОВ «ПоліграфКонсалтинг», 2005. – 432 с.
520. Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи / С. З. Мошенский. – Москва: Экономика, 2014. – 560 с.
521. Мошенський С. З. Фінансові центри України та ринок цінних паперів індустріальної епохи. – London: Xlibris, 2014. – 453 с.

ЛИТЕРАТУРА

522. Мошенський С. З. Більше ніж гроші. Фінансова історія людства / С. З. Мошенський. – Київ : Саміт-книга, 2021. – 486 с.
523. Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. / В. А. Мякотин. Т. 1 Вып. 1. – Прага: Легиография, 1924. – 285 с.
524. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. / Э. Мэддисон. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 584 с.
525. На загальних зборах Банку Рустикального // Діло. – 1880. – 12 (24) червня. – С. 1–2.
526. Нагірний В. Як люди себе в нужде дають раду / В. Нагірний // Діло. – 1882. – 6 жовтня (№ 77). – С. 1; 9 жовтня (№ 78). – С. 1; 13 жовтня (№ 79). – С. 1; 16 жовтня (№ 80). – С. 1; 20 жовтня (№ 81). – С. 1.
527. Нагірний В. З моїх споминів / В. Нагірний. – Львів: Друк. Наукового товариства ім. Шевченка, 1935. – 71 с.
528. Нам уже приходилось сообщать о сильном развитии игры на повышение // Киевское слово. – 1894. – № 2404. – 22 сент. – С. 1.
529. Наріжний С. Судівництво й кари на Запоріжжі / С. Наріжний. – Прага, 1939. – 30 с.
530. Наумович И. Чужина / И. Наумович // Зоря Галицкая. – Львов, 1860. – С. 68.
531. Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252–1952. – Нью-Йорк: Червона калина, 1953. – 213 с.
532. Наши долги // Дело. – 1880. – 1 (13) лютого.
533. Невзоров А. Русские биржи. Вып. 1–2. Вып. 1: Отчёт о командировке во внутренние губернии России на летние месяцы 1896 года / Невзоров А. С. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1897. – 223 с.
534. Невідомі спогади генерал-хорунжого Армії УНР Юрія Тютюника. – <https://uinp.gov.ua>
535. Нейман Ц. Старая Брацлавщина и ее люди. Ч. 2 / Ц. Нейман // Киевская старина. – 1889. – № 10. – С. 103–120.
536. Немирич Ю. Роздуми про війну з московитами // Ю. Немирич. – К.: Академперіодика, 2014. – 57 с.
537. Нестеренко О. О. Розвиток промисловості на Україні. У 3 ч. Ч. 2. Фабрично-заводське виробництво / О. О. Нестеренко. – К.: Вид-во АН УРСР, 1962. – 496 с.
538. Несторович В. Українські купці і промисловці в Західній Україні, 1920–1945 / В. Несторович. – Торонто: Клуб українських професіоналів і підприємців, 1977. – 342 с.
539. Нефтяная монополия в Австрии // Коммерсант. – 1910. – № 208. – 12 апр. – С. 2.
540. Нечто о бирже и спекуляции // Киевское слово. – 1894. – № 2163. – 21 янв. – С. 2.

541. Нечуй-Левицький І. Хмари / І. Нечуй-Левицький. – Х.: Фоліо, 2008. – 347 с.
542. Нечуй-Левицький І. С. Микола Джеря / І. С. Нечуй-Левицький // Твори у 2 т. Т. 1. Повісті та оповідання. – К.: Наукова думка, 1985. – С. 457.
543. Нечуй-Левицький І. Князь Єремія Вишневецький / І. Нечуй-Левицький. – К. Дніпро, 1991. – 509 с.
544. Нижанковський З. Суд і адвокати Дрогобича / З. Нижанковський // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). – Нью-Йорк–Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. – С. 567–584.
545. Никитенко А. В. Записки и дневник / А. В. Никитенко. В 3 т. Т. 1. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
546. Німчук І. Юрій Франц Кульчицький та його подвиг. В 250-ліття пам'ятної події / І. Нумчук. – Львів, 1933. – 123 с.
547. Новий замах на права українського селянина // Діло. – 1927. – 4 грудня. – С. 1.
548. Новинки. Земельний банк гіпотечний // Економіст. Місячник економічно-господарський. – Львів: З друкарні «Діла», 1908. – Ч. 9. – С. 15–16.
549. Новицкий И. Адам Кисель, воевода киевский / И. Новицкий // Киевская старина. – Часть 1. 1885. №1 0. – С. 204–219.
550. Новицкий И. Адам Кисель, воевода киевский / И. Новицкий // Киевская старина. – Часть 2. 1885. № 11. – С. 408–430.
551. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
552. О. Л. Два памятника из эпохи Богдана Хмельницкого / О. Л. // Киевская старина. – 1888. – № 7. – С. 14–18.
553. О. Л. Документ из эпохи «панования Войска Запорозского» в Малороссии / О. Л. // Киевская старина. – 1897. – № 2. – С. 42–43.
554. О. Л. Бердичевская ярмарка (Из воспоминаний шляхтича, относящихся к 1823 году) / О. Л. // Киевская старина. – 1893. – Т. XLI. – № 4–6. – С. 428–458.
555. О наших банках // Наука. Месячная газета. – 1876. – Т. 5. № 2. – С. 63–70.
556. О правах акционеров // Банковое дело. – 1913. – № 4. – С. 29.
557. О хлебной торговле на одесском рынке // Киевские губернские ведомости. – 1847. № 13.
558. Об экспорте русского сахара // Киевская биржа. Торговый бюллетень. – 1912. – № 42. – С. 5.
559. Обамериканившийся одессит // Одесский листок. – 1911. – № 4. – 5 янв. – С. 2.

ЛИТЕРАТУРА

560. Обзор деятельности акционерных предприятий // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1900. – № 29. – С. 107.
561. Обращение Министерства финансов // Новое время. – 1899. – № 8416. – 3 авг.
562. Оглоблин А. П. Очерки по истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика / А. П. Оглоблин. – К.: Гос. изд. Украины, 1925. – 232 с.
563. Оглоблин Н. Н. Воеводские «вестовые отписки» XVII века как материал для истории Малороссии / Н. Н. Оглоблин // Киевская старина. 1885. № 7. – С. 365–416.
564. Оглоблин Н. Н. Михаил Суслов, политический агент XVII века / Н. Оглоблин // Исторический вестник. – 1895. – № 7. – С. 134–146.
565. Оглоблін О. Люди старої України / О. Оглоблін. – Мюнхен: Дніпрова хвиля, 1959. – 328 с.
566. Оглоблін О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О. Оглоблін. – Нью-Йорк – Париж – Торонто: Ліга визволення України, 1960. – 408 с.
567. Огуй О. Географія ринку цінних паперів (облігацій) на Буковині в австрійські часи: періоди формування та розгортання (1790/1870–1914/1918) / О. Огуй. – <http://www.nbuv.gov.ua>
568. Одесса 1794–1894. – Одесса, 1895. – 354 с.
569. Озеров И. Х. Экономическая Россия и её финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века / И. Х. Озеров. – М.: Изд. Д. С. Горшкова, 1905. – 261 с.
570. Окиншевич Л. Генеральна старшина на Лівобережній Україні / Л. Окиншевич // Праці Комісії для виучування історії західно-руського та українського права. – Київ: З друк. Укр. Акад. Наук. Вип. 2. – 1926. – С. 84–175.
571. Окуневський Я. Листи з чужини / Я. Окуневський. – К.: Темпора, 2009. – 520 с.
572. Олесевич Л. Кооперативні міфи і капіталістична дійсність. Західноукраїнська буржуазна кооперація (1883–1939) / Л. Олесевич. – К.: Наукова думка, 1974. – 167 с.
573. Олесницький Є. Сторінки з мого життя. У 2 ч. Ч. 1. / Є. Олесницький. – Львів: Діло, 1935. – 252 с.
574. Олесницький Є. Сторінки з мого життя. У 2 ч. Ч. 2. / Є. Олесницький. – Львів: Діло, 1935. – 123 с.
575. Олсон М. Возвышение и упадок народов / М. Олсон. – М.: Новое издательство, 2013. – 324 с.
576. Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. – Ленинград: Всесоюзная Академия наук, 1925. – 316 с.

577. Ольховий І. Промисловий Банк. Від чого залежить успіх започаткованої акції / І. Ольховий // Діло. – 1933. – 26 червня. – С. 1–2.
578. Оляничин Д. Торговельні зносини України з Бреславлем у XVIII в. / Д. Оляничин // Наша культура. Кн. 8. – Варшава, 1935. – С. 488.
579. Онисим [Навроцький В.]. П'янство и пропінація в Галичині (розвідка статистична) / В. Навроцький // Громада. Українська збірка, впорядкована М. Драгомановим. – № 5. – Женева: Печатня «Громади», 1882. – С. 20–57.
580. Оріховський С. Квінкунс, тобто взірць устрою Польської держави / С. Оріховський // Українські гуманісти епохи Відродження: антологія у 2 ч. Ч. 1. – К.: Наукова думка, 1995. – С. 294–404.
581. Остап Луцький і сучасники. – Нью-Йорк–Торонто: Українська вільна академія наук, 1994. – 206 с.
582. От комитета Киевского заведения искусственных минеральных вод // Киевский телеграф. – 1862. – 19 марта.
583. От редакции // Финансовое обозрение. – 1874. – № 1. – С. 1.
584. Открытие нового банка // Финансовое обозрение. – 1911. – № 20–21. – С. 10.
585. Отрывок из дневника полтавского помещика // Киевская старина. – 1893. – №6. – С. 402–425.
586. Отчёт комитета, учреждённого кредиторами торгового дома братьев Яхненко и Симиренко // Киевский телеграф. – 1862. – 19 марта.
587. Отчёт по Киевскому заведению минеральных вод // Киевский телеграф. – 1861. – 20 апр.
588. Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. – В 2 т. Т. 1. – СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1874. – 336 с.
589. Охотский Я. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века Яна Дуклана Охотского / Я. Охотский. – В 2 т. Т. 2. – СПб.: Тип. П. П. Меркулева, 1874. – 319 с.
590. Павлишин О. Суспільно-політична криза в ЗУНР в першій половині 1919 року / О. Павлишин // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – 2009. – №18. – С. 119–130.
591. Павлов А. П. Торговельна і митна справа в Києві у IX–XIX ст. / А. П. Павлов, К. Є. Гальський. – К.: ЛАТ & К., 2008. – 380 с.
592. Павлов М. А. Воспоминания металлурга / М. А. Павлов. – М.: Наука, 1984. – 423 с.
593. Павловский И. Ф. К истории винокурения в Малороссии / И. Ф. Павловский // Труды Полтавской учёной архивной комиссии. – Вып. 5. – Полтава, 1908. – С. 65–66.

ЛИТЕРАТУРА

594. Падох Я. Міські суди на Україні-Гетьманщині після 1648 року / Я. Падох // В 300 ліття Хмельниччини. Збірник за ред. Б. Крупницького. – Мюнхен: Заграва, 1948. – С. 93–123.
595. Пажитнов К. А. Развитие каменноугольной и металлургической промышленности на юге России (Очерк из новейшей истории русской промышленности) / К. А. Пажитнов // Народное хозяйство. – 1905. – № 3. – С. 21–56.
596. Памятная книжка Херсонской губернии на 1913 г. – Херсон: Губернская Тип., 1913. – 400 с.
597. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. – 869 с.
598. Паталеев А. В. Старый Киев. Из воспоминаний Старого Грешника / А. В. Паталеев. – К.: Лыбидь, 2013. – 432 с.
599. Паустовский К. Г. Повесть о жизни / К. Г. Паустовский // Избранные произведения. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. – 557 с.
600. Пачовський Р. Спогади про аптекаря Михайла Терлецького / Р. Пачовський // Свобода. – 1967. – 12 січня. – С. 4.
601. Пеетерс В. Сталь у степу / В. Пеетерс. – К.: Посольство Бельгії, 2010. – 104 с
602. Пекалід С. Про острожку війну під П'яткою проти низових / С. Пекалід. – <http://litopys.org.ua>
603. Пеленський Є. У винарні Корнякта / Є. Пеленський // Львівські вісті. – 1944. – 6 лютого.
604. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. XVI. Киевская губерния. – [Санкт-Петербург]: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 287 с.
605. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. XLVII. Город Одесса. – [Санкт-Петербург]: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 167 с.
606. Переписні книги 1666 року / Приготував до друку і зредагував В. О. Романовський. – К.: Всеукраїнська академія наук, Археографічна Комісія, 1933. – 460 с.
607. Петров Н. Библиотека барона Шодуара... / Н. Петров // Киевская старина. – 1888. – № 8. – С. 33–39.
608. Петрів Р. Генезис капіталізму в містах Східної Галичини в кінці XVIII – першій половині XIX ст. (1772–1850) / Р. Петрів. – Івано-Франківськ, 1993. – 282 с.

609. Пиріг П. Соціально-економічна політика гетьмана Івана Мазепи / П. Пиріг // Сіверянський літопис. – 2007. – № 6. – С. 14–23.
610. Пирогов Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / Н. И. Пирогов. – Иваново, 2008. – 427 с.
611. Письма к М. П. Погодину из славянских земель. Вып. 3. – М., 1880. – С. 601–602, 605.
612. Письма барона Антуана графу Сегюру о пользе учреждения морской торговли Марселя с Херсоном // Записки императорского одесского общества истории и древностей. – 1883. Т. 13. – С. 156–164.
613. Письмо наказного гетмана Якова Лизогуба и других полковников лубенским жителям // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 9 – СПб: Изд. археографич. комиссии, 1877. – С. 182–183.
614. Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 25. – Одеса: Друкарський дім, 2018. – 288 с.
615. Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 26. – Одеса: Друкарський дім, 2019. – 280 с.
616. Підприємництво в Україні: історико-інституційний аналіз / В. В. Небрат, Н. А. Супрун та ін. – К.: НАН України, 2019. – 532 с.
617. Пірко В. О. Заселення Донеччини у XVI–XVIII столітті / В. О. Пірко. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2003. – 180 с.
618. Пірко В. О. Заселення і господарське освоєння степової України в XVI–XVIII ст. / В. О. Пірко. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2004. – 224 с.
619. Плаксин С. Коммерческо-промышленная Одесса и её представители в конце девятнадцатого столетия; история развития торговых фирм с приложением адресных сведений / С. Плаксин. – Одесса: Тип. Н. Хрисогелос, 1901. – 201 с.
620. Платонов В. Человек-легенда: Александр Польш. – Днепропетровск: Проспект, 2000. – 208 с.
621. Плецький С. Поїздки, подорожі та походи в Гетьманщині XVIII століття / С. Плецький. – К. Інститут археографії та джерелознавства, 2015. – 112 с.
622. Плохий С. Козацький міф / С. Плохий. – К.: «Клуб семейного досуга», 2018. – 237 с.
623. Плохинский М. М. Иноземцы в старой Малороссии / М. М. Плохинский // Труды XII археологического съезда в Харькове. В 2 т. Т. 2. – М.: Тип Г. Лисснера, 1905. – С. 175–409.
624. По Екатерининской железной дороге. Вып. 2. – Екатеринослав: Тип. Екатерининской железной дороги. 1912. – 344 с.
625. Подов В. И. Как Чирков и Вепрейский открыли залежи угля в балке Скелеватой / В. И. Подов // Газета «Вперёд» (Артемовск). – 1994. – № 94 (15777). – 16 августа. – С. 3.

626. Подов В. И. Первенец металлургии Украины: Исторический очерк. Документы / В. И. Подов, В. С. Курило. – Луганск, 1998. – С. 6–7.
627. Подов В. И. История Донбасса. В 3 т. Т. 1. Донбасс в XVII–XVIII веках / В. И. Подов. – Луганск: Alma Mater, 2004. – 336 с.
628. Подов В. І. Історія Донбасу / В. І. Подов, В. С. Курило. – Луганськ: Луганський університет, 2009. – 300 с.
629. Покидченко Л. Іван Харитоненко – засновник династії цукрозаводчиків / Л. Покидченко // Архіви України. – 2013. – № 1. – С. 127–145.
630. Полетика Н. Виденное и пережитое / Н. Полетика. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1982. – 433 с.
631. Поллак М. До Галичини. Про хасидів, гуцулів, поляків і русинів / М. Поллак. – Чернівці: Книги – XXI, 2020. – 272 с.
632. Половцов О. О. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880–травень 1881 р.) / О. О. Половцов. – К.: StreamARline, 2019. – 207 с.
633. Полонська-Василенко Н. Матеріали до історії гірничої промисловості Донбасу / Н. Полонська-Василенко // С. 207–229.
634. Полонська-Василенко Н. Заселення Південної України в половині XVIII століття / Н. Полонська-Василенко. – У 2 ч. Ч. 2. – Мюнхен: Український вільний університет, 1960. – 187 с.
635. Получение по подложному письму 45 000 рублей // Киевлянин. – 1899. – 14 сент. (№ 254). – С. 3.
636. Попельницька О. Грецька колонія на київському Подолі у XVII–XVIII ст. / О. Попельницька // Історико-географічні дослідження в Україні. Т. 6. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. – С. 78–93.
637. Попельницька О. Історична топографія київського Подолу XVII – початку XIX ст. / О. Попельницька. – К.: ВД «Стилос», 2003. – 304 с.
638. Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 8. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1902. – 608 с.
639. Пришляк М. Якимовичі в Гетьманщині / В. Пришляк // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: Зб. наук. праць – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2012. – Вип. 21. – С. 656–667.
640. Проби нашої організації на полі економічнім. Ч. 2. // Діло. – 1892. – 26 березня.
641. Промышленные затруднения в России // Киевлянин. – 1901. – № 302. – С. 2. – Кол. 4–5.
642. Проскурова С. В. Невідомий дослідник чумацтва (Павло Захарович Рябков (1848–1927) – земський діяч Єлисаветградщини). – <https://library.kr.ua>

643. Протокол допроса К. И. Ярошинского, 4 сентября 1920 г. // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. – С. 248–249.
644. Професіональні і суспільні верстви в Галичині // Діло. – 1908. – № 173. – С. 1. – Кол. 1–3.
645. Путова Г. Київські оповідки у фонді Стороженків ЦДІАК України / Г. Путова. – <https://www.academia.edu> – 14 с.
646. Пятидесятилетие императорского университета св. Владимира. Речь, произнесённая... М.Ф. Владимирским-Будановым. – К.: Унив. тип., 1884. – 59 с.
647. Радциг А. А. Финансовая политика России с 1887 года / А. А. Радциг. – СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1903. – 193 с.
648. Раковський Р. Львів – центральна української кооперації / Р. Раковський // Наш Львів. Ювілейний збірник, 1252–1952. – Нью-Йорк: Червона калина, 1953. – С. 170–175.
649. Ралли // Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – С. 492.
650. Раскрытие очередной биржевой «панамы» // Биржа. – 1913. – № 28. – С. 8.
651. Реєнт О. П. Україна в імперську добу (XIX – початок XX ст.) / О. П. Реєнт. – К., 2003. – 340 с.
652. Реєнт О. П. Сільське господарство України і світовий продовольчий ринок (1861–1914) // О. П. Реєнт, О. В. Сердюк. – К.: Ін-т історії України, 2011. – 365 с.
653. Речь Д. Г. Бибикова к дворянству Юго-Западного края // Киевская старина. – 1882. – № 6. – С. 530–535.
654. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / П. Розанваллон. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 256 с.
655. Розбудова українського промислу // Свобода. – 1936. – 16 квітня. – С. 2.
656. Рот Й. Мандрівка по Галичині. Лемберг, місто / Й. Рот. – <http://www.ji.lviv.ua/n6texts/roth2.htm>
657. Рот Й. Марш Радецького / Й. Рот. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 384 с.
658. Рот Й. Марш Радецького / Й. Рот. – К.: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2014. – 608 с.
659. Рубакин Н. А. Россия в цифрах / Н. А. Рубакин. – СПб.: Вестник знания, 1912. – 216 с.
660. Рубинштейн А. Ближайшие задачи экономической политики г. Киева / А. Рубинштейн. – К., 1912. – 56 с.
661. Рубрук, Г. де. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук // Карпини П. История монгалов / П. Карпини. – М.: Гос. Изд-во географической литературы, 1957. – 270 с.

662. Рудченко И. Записка о землевладении в Юго-Западном крае: обзор законодательства и фактического положения / И. Рудченко. – К.: Типография Штаба Киевского Военного Округа, 1882. – 180+48 с.
663. Рудченко И. Чумацкие народные песни / И. Рудченко. – К.: Тип. М. П. Фрица, 1874. – 257 с.
664. Рукавицын И. А. Финансовые и кредитные учреждения Украины конца XIX – начала XX века в открытках, документах и фотографиях / И. А. Рукавицын. – Т. 1. – К.: Книга-Плюс, 2013. – 352 с.
665. Русин Г. Фабрика паперу в Черлянах / Г. Русин. – <http://narodna-dumka.horodok.lviv.ua>
666. Русов О. О. Щоденники та спогади / О. О. Русов. – Чернівці: Десна, 2011. – 320 с.
667. Русова С. Мої спомини, 1879–1915 / С. Русова // За сто літ: матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початку XX ст. – К., 1928. – Кн. 3. – С. 147–205.
668. Рымарь Н. Н. Юзеф Крашевский в Одессе и об Одессе / Н. Н. Рымарь // Дом князя Гагарина. Сб. статей. – Одесса: Одесский литературный музей, С. 30–43.
669. С-ко Н. Три документа к истории экономических отношений в Малороссии / Н. С-ко // Киевская старина. – 1884. – Т. VIII. – №1. – С. 143–148.
670. Саксаганський П. По шляху життя: мемуари / П. Саксаганський (П. К. Тобілевич). – Х.: Держлітвидав, 1935. – 235 с.
671. Самчук У. Плянета Ді-Пі. Нотатки й листи / У. Самчук. – Вінніпег: Товариство «Волинь», 1979. – 355 с.
672. Самчук У. Волинь. Роман у трьох частинах / У. Самчук. – У 3 т. Т. 2. – К.: Дніпро, 1993. – С. 85.
673. Сапожников И. Литовский Качибей – османский Хаджибей: очерки истории с начала XV до середины XVIII вв. / И. Сапожников // Scriptorium nostrum. – 2016. – № 2 (5). – С. 48–85.
674. Сапожніков І. Подорож Дністром до Аккермана графа Валеріана Дзедушицького 1785 року / І. Сапожніков, С. Аргатюк, В. Левчук // Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Вип. 26. – Одеса: Друкарський дім, 2019. – С. 48–96.
675. Сартор В. Международные фирмы в Российской империи, 1800–1917 / В. Сартор // Экономическая история. Ежегодник. 2005. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – С. 108–151.
676. Сартор В. Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга: семья и конфессиональная структура 1815–1914 гг.; этническая и религиозная среда / В. Сартор // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало

- XX в. / отв. ред. В. В. Ананьич, Д. Дальман, Ю. А. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 430–472.
677. Сартор В. Хлебные экспортёры черноморско-азовского региона: группы предпринимателей и их этнический состав, 1834–1914 / В. Сартор // Грецьке підприємництво і торгівля у Північному Причорномор'ї XVIII–XIX ст. Збірник наукових статей. – К.: Інститут історії України, 2012. – С. 157–208.
 678. Сас П. М. Феодальные города Украины в конце XV – 60-х годах XVI века / П. М. Сас. – К.: Наукова думка, 1989. – 232 с.
 679. Сас П. М. Відновлення православної церковної ієрархії Київської митрополії (1620 рік) / П. М. Сас // Український історичний журнал. – 2010. – № 4. – С. 15–39.
 680. Сас П. М. Витоки українського націотворення / П. М. Сас. – К.: Інститут історії України, 2010. – 702 с.
 681. Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. – К.: Тип Е. Я. Фёдорова, 1874. – 418 с.
 682. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1906 году. – СПб., 1901. – С. 411–417.
 683. Свистун Ф. И. В память 60-летней годовщины вступления на престол императора Франца Иосифа / Ф. И. Свистун. – Л.: Тип. Ставропигийского института, 1908. – 64 с.
 684. Сегюр Л. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II: (1785–1789). – С.-Петербург: в типографии В. Н. Майкова, 1865. – 386 с.
 685. Сегодня полицией арестован известный некогда в Киеве банкир Зейферт» // Русское слово. – 1909. – 16 мая.
 686. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В. И. Семевский. – В 2 т. Т. 1. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1888. – 517 с.
 687. Сенаторська ревізія Київської та Чернігівської губерній: зі щоденника О. О. Половцова (жовтень 1880 – травень 1881) / Упоряд.: М. Будзар, Є. Ковальов, Д. Терещенко. Київський університет ім. Б. Грінченка. – К.: StreamARLine, 2019. – 208 с.
 688. Сенкевич Г. Огнём и мечом // Собрание сочинений. В 16 т. Т.2. – СПб.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914. – С. 218.
 689. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров / С. М. Середонин. – В 3 т. Т.1. – СПб.: Изд-во Канцелярии Комитета Министров, 1902. – 603 с.
 690. Сидоренко О. Ф. До питання про участь України у європейській торгівлі Речі Посполитої / О. Ф. Сидоренко // Україна і Польща в період феодалізму. – К.: Ін-т історії України, 1991. – С. 47–59.
 691. Сикар К. Письма об Одессе / К. Сикар. – СПб., 1818. – 156 с.

ЛИТЕРАТУРА

692. Синклер Э. Король-Уголь / Э. Синклер. — <https://www.you-books.com>
693. Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793–1823 / А. А. Скальковский. — Одесса: Городская типография, 1837. — 296 с.
694. Скальковский А. Опыт о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — Одесса: В городской типографии, 1839. — 88 с.
695. Скальковский А. Коммерческое народонаселение города Одессы / А. Скальковский // Одесский вестник. — 1845. — 17 янв.
696. Скальковский А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы / А. Скальковский. — СПб., 1865. — 181 с.
697. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края / А. А. Скальковский. — В 2 ч. Ч. 1. — Одесса: Тип. Л. Нитче, 1850. — 364 с.
698. Скальковский А. А. Ярмарки или сухопутные рынки Новороссийского края / А. А. Скальковский // Журнал Министерства внутренних дел. — 1855. — № XI. — С. 153–154.
699. Скальковский А. Биография Одесской железной дороги / А. Скальковский // Труды Одесского статистического комитета. Т. 1. — Одесса: В тип. П. Францова, 1865. — С. 292–310.
700. Скальковский К. А. Русский торговый флот и срочное пароходство на Черном и Азовском морях / К. А. Скальковский. — СПб., 1887. — С. 201.
701. Скальковский К. А. Воспоминания молодости (по морю житейському) / К. А. Скальковский. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. — 410 с.
702. Скитский Б. Гетманщина накануне её падения. Очерки быта / Б. Скитский. — Владикавказ, 1923. — 57 с.
703. Скоморович І. Г. Історія грошей і банківництва / І. Г. Скоморович, С. К. Реверчук, Я. Й. Малик та ін. — К.: Атіка, 2004. — 340 с.
704. Слабеев І. С. З історії первісного нагромадження капіталу на Україні: Чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII – першої половини XIX ст. / І. С. Слабеев. — К.: Наукова думка, 1964. — 140 с.
705. Слабченко М. Є. Організація народного господарства України від Хмельниччини до світової війни / М. Є. Слабченко. — Т. 5, вип.2. — К., 1929. — 94 с.
706. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
707. Смотрицький М. Тренос, або плач. Розділ 1 / М. Смотрицький. — <http://litopys.org.ua>
708. События в Отечестве за июнь 1847 г. // Отечественные записки. — СПб., 1847. — Т. 53. — С. 21.

709. Сокирко О. Скільки коштує порозуміння? «Поклони» та «наклади» в українських судах першої половини XVIII століття / О. Сокирко // Соціум. Альманах соціальної історії. – Вип. 7. – 2007. – С. 195–209.
710. Соломонов Б. Очерк развития торгово-промышленных фирм г. Одессы / Б. Соломонов // Южно-русский альманах. – Одесса, 1899. – С. 280–298.
711. Сорокалетие кредитного общества // Одесский листок. – 1911. – 20 апр. – № 90. – С. 2.
712. Спомини про Терещенків // Пам'ятки України: історія та культура. – 2007. № 4. – С. 202–204.
713. Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. – СПб., 1911. – 824 с.
714. Старченко Н. Конфлікт у Володимирі 1566 р. Варіант мікроісторичного прочитання / Н. Старченко // Соціум. – 2003. – Вип. 3. – С. 65–98.
715. Старченко Н. Умоцovanі – прокуратори – приятелі. Хто вони (становлення інституту адвокатури на Волині в кінці XVI ст.) / Н. Старченко // Соціум. – 2002. – Вип. 1. – С. 111–144.
716. Старченко Н. Честь, кров і риторика. Конфлікт у шляхетському середовищі Волині / Н. Старченко. – К.: Laurus, 2014. – 510 с.
717. Старченко Н. Українські світи Речі Посполитої / Н. Старченко. – К.: Laurus, 2021. – 616 с.
718. Старый профессор. Кризис денежного рынка 1899 года / Старый профессор // Народное хозяйство. – 1900. – № 3. – С. 21.
719. Статистико-экономический обзор Херсонской губернии за 1895 г. – Херсон, 1897. – 485 с.
720. Статистическое описание Киевской губернии, изданное И. Фундуклеем. В 3 ч. Ч. 3. – СПб.: В типографии Министерства внутренних дел, 1852. – 572 с.
721. Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. Т. 2. Ч. 2. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1808. – 347 с.
722. Сташевский Е. Д. История докапиталистической ренты на Правобережной Украине / Е. Д. Сташевский. – М.: Наука, 1968. – 484 с.
723. Степанишина О. Господарство гр. Браницьких на Київщині і реформа 1861 року / О. Степанишина // Студії з історії України науково-дослідної кафедри історії України в Києві. – Т. 3. – 1930. – С. 117–232.
724. Стой Дж. Осада Вены / Дж. Стой. – М.: Вече, 2015. – 366 с.
725. Столетие Одессы. С портретами административных и общественных деятелей и с видами Одессы. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1894. – 140 с.

726. Стороженко А. Киев 300 лет назад / А. Стороженко // Киевская старина. – 1894. № 2. – С. 204–230; № 3 – С. 403–425.
727. Странствования бурсака, чумака и раба // Киевская старина. – 1897. – № 10. – С. 16–20.
728. Стрішенець М. М. Просте товарне виробництво і зародження мануфактур в Україні / М. М. Стрішенець, О. М. Павлова, К. В. Павлов. – Луцьк: Терен, 2019. – 292 с.
729. Стус В. Феномен доби (Сходження на Голгофу слави) / В. Стус // Твори: у 4 т., 6 кн. Т. 4. – Львів: Просвіта, 1994. – С. 259–346.
730. Субботин А. П. К черте еврейской оседлости. Отрывки из экономических исследований в Западной и Юго-Западной России за лето 1887 г. / А. П. Субботин. – Вып. 2. – СПб., 1980. – 318 с.
731. Судебные речи известных русских юристов. – М.: Юрайт, 2011. – 695 с.
732. Судейкин В. Т. Биржевая игра на Петербургской бирже / В. Т. Судейкин // Журнал юридического общества. – 1897. – Кн. 1. – С. 3–45.
733. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / П. Сумароков. – М.: Университетская типография, 1800. – 250 с.
734. Сумцов Н. Ф. Речь Ивана Мелешко как литературный памятник / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина. – 1894. Май. – С. 195–213.
735. Сумцов М. Ф. Слобожане. Історично-етнографічна розвідка / М. Ф. Сумцов. – Х.: Вид. «Союз», 1918. – 240 с.
736. Сумцов Н. К истории слободско-украинского чумачества / Н. Сумцов // Киевская старина. – 1884. – Т. VIII. – № 3. – С. 493–498.
737. Статистическое описание Киевской губернии: В 3 т. Т. III. – СПб., 1852. – 572 с.
738. Степовий В. До історії Задунайської Січі / В. Степовий // Україна. – 1914. – Кн. 3. – С. 9–21.
739. Субтельний О. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. / О. Субтельний. – К.: Либідь, 1994. – 240 с.
740. Сысертский округ и английские капиталы // Финансовое обозрение. – 1912. – № 14. – С. 4.
741. Таирова-Яковлева Т. К вопросу о внутренней политике Ивана Мазепы / Т. Таирова-Яковлева // Гетьман Іван Мазепа. Постать, оточення, епоха. – К.: Інститут історії України НАНУ, 2008. – С. 72–80.
742. Таирова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа и Российская империя / Т. Г. Таирова-Яковлева. – М.: Центрполиграф, 2011. – 525 с.

743. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях / И. Т. Тарасов. – К.: Университетская типография, 1878 (репринт – М.: Статут, 2000). – 666 с.
744. Татаринов С. В. Путешествие за серебряным рублём: Россия середины XIX века глазами французского банкира / С. В. Татаринов // Деньги и кредит. – 2013. – № 3. – С. 73–77. – <http://www.cbr.ru>
745. Твен М. Простаки за границей, или Путь новых паломников / М. Твен. – <http://readr.ru>
746. Творидло М. Земельний банк гіпотечний. У 25-ліття його діяльності / М. Творидло. – Львів: З друкарні видавничої спілки «Діло», 1935. – 87 с.
747. Терновский Ф. Киевский митрополит Пётр Могила / Ф. Терновский // Киевская старина. – 1982. – Т. 2. № 4. – С. 1–24.
748. Терлецький О. Лихва на Буковині / О. Терлецький // Молот. 1878. Вип. 1. – С. 133–144.
749. Терлецький М. Добування бориславської нафти в минулому / М. Терлецький // Дрогобиччина: земля Івана Франка. У 2 т. Т. 2 (Український архів. Т. 25). – Нью-Йорк–Париж: Наукове товариство ім. Шевченка, 1973. – С. 790–793.
750. Тивонович І. Чоловік в державнім ярмі / І. Тивонович. – Відень, 1909. – 158 с.
751. Тивонович І. Державна економія – а людська недоля / І. Тивонович. – Відень, 1910. – 60 с.
752. Тивонович І. Товариство бандитів: Наші народні світочі. З переказів старого реєстратора народного паскудства / І. Тивонович. – Львів, 1913. – 44 с.
753. Тищенко М. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII столітті / М. Тищенко // Історико-географічний збірник. Т. 2. – К.: ВУАН, 1928. – С. 87–133.
754. Тобілевич С. Мої стежки та зустрічі / С. Тобілевич. – <https://ukrlib.com.ua/books>
755. Токарев С. А. Підприємницька діяльність козацької старшини Ніжинського полку / С. А. Токарев // Література та культура Полісся. – 2012. – Вип. 69. – С. 16–25.
756. Томпсон С. Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / С. Р. Томпсон. – М.: РОССПЭН, 2008. – 471 с.
757. Торгівля на Україні, XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина. – К.: Наукова думка, 1990. – 408 с.
758. Торговля и промышленность европейской России по районам. Вип. IX. Южная горнопромышленная полоса. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. – 90 с.
759. Торговый дом под фирмою «Братья Яхненко и Симиренко» // Киевский телеграф. – 1862. – 1 февраля.

ЛИТЕРАТУРА

760. Трильовський К. З мого життя / К. Трильовський. – Львів: Література та мистецтво, 2019. – 380 с.
761. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историко-экономическое исследование. В 2 т. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. – М.: Гос. Изд-во, 1922. – 496 с.
762. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // М. И. Туган-Барановский // Интеллигенция в России. Сборник статей. – СПб.: Земля, 1910. – С. 235–258.
763. Тунманн И. Крымское ханство / И. Тунманн. – Симферополь: Таврия, 1991. – 96 с.
764. Тургенев Н. И. Россия и русские / Н. И. Тургенев. – М.: ОГИ, 2001. – 744 с.
765. Турин І. Боротьба за нафту й українці / І. Турин // Діло. – 1929. – 11 травня.
766. Тэффи Н. А. Моя летопись / Н. А. Тэффи. – М.: Вагриус, 2005. – 378 с.
767. Тьері Э. Экономическое преобразование России / Э. Тьері. – М.: РОССПЭН, 2008. – 183 с.
768. У шостидесятиріччя матері українських економічних організацій // Львівські вісті. – 1943. – 06 січня.
769. Уилсон Б. Метрополис: город как величайшее достижение цивилизации / Б. Уилсон. – М.: ЭКСМО, 2021. – 544 с.
770. Україна. Статистичний щорічник за 1928 р. – Х.: ДВУ, 1928. – С. 230.
771. Україна перед визвольною війною 1648–1654 рр.: збірка документів / Ред. М. Н. Петровський, К. Г. Гуслистий. – К.: Вид-во АН УРСР, 1946. – 255 с.
772. Українка Л. Лист до М. Драгоманова з Відня, 1891 / Л. Українка // Зібрання творів. У 12 т. Т. 10. – К.: Наукова думка, 1978. – С. 83.
773. Українські гуманісти епохи Відродження: антологія у 2 ч. Ч. 1. – К.: Наукова думка, 1995. – 430 с.
774. Улям С. Пригоди математика / С. Улям. – Львів: Літопис, 2021. – 220 с.
775. Устав Киевской биржи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 43. Отд. 2. № 42646. – С. 152.
776. Утёсов Л. Спасибо, сердце! / Л. Утёсов. – fictionbook.in
777. Ф. Н. К характеристике шляхетско-козацького быта XVIII века / Ф. Н. // Киевская старина. – 1885. – № 4. – С. 776–782.
778. Федоренко П. К. Рудни Левобережной Украины в XVII–XVIII вв. / П. К. Федоренко. – М.: АН СССР, 1960. – 262 с.
779. Федотов-Чеховский А. А. Инструкция гетмана Данила Апостола малороссийским судам / А. А. Федотов-Чеховский // Киевская старина. – 1887. – Т. XVII. – № 1. – С. 139–154.

ЛИТЕРАТУРА

780. Фенин А. И. Воспоминания инженера. В 2 ч. Ч. 1. К истории общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.) / А. И. Фенин. – Прага: Русский институт в Праге, 1938. – 197 с.
781. Фенин А. И. Воспоминания инженера. В 2 ч. Ч. 2. – <https://prozhit.org>
782. Фещенко-Чоповский И. Промышленность и природные богатства Галиции / И. Фещенко-Чоповский. – К., 1915. – 16 с.
783. Фещенко-Чопівський І. А. Хроніка мого життя: спогади міністра Центральної Ради та Директорії / І. А. Фещенко-Чопівський. – Житомир: Вісник, 1992. – 126 с.
784. Филарет (Гумилевский Д. Г.). Историко-статистическое описание Черниговской Епархии. Кн. 7 / Филарет. – Чернигов: Типогр. Губернского правления, 1873. – 370 с.
785. Филипчак І. Кульчицький – герой Відня / І. Филипчак. – Львів: Слово, 1991. – 240 с.
786. Финансовые итоги южно-русских металлургических заводов // Биржа. – 1913. – № 1. – С. 4.
787. Фінансово-економічна діяльність митрополита Андрея Шептицького як фактор модернізації українського суспільства Галичини // Український католицький університет. Літня школа «Соціальна думка Митрополита Андрея Шептицького». – 2012. – С. 9–24.
788. Флейтерский С. История и эволюция банковского дела в Польше / С. Флейтерский. – С. 21. – www.ecsocman.edu.ru
789. Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность юга России. В. 2 т. Т. 1 / П. И. Фомин. – Харьков: Тип. Б. Бентис, 1915. – 487 с.
790. Фомин П. И. Горная и горнозаводская промышленность юга России. В. 2 т. Т. 2 / П. И. Фомин. – Харьков: «Хозяйство Донбасса», 1921. – 203 с.
791. Франко І. Я. Банк крайовий / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 163–180.
792. Франко І. Борислав сміється / І. Франко // Зібрання творів. У 50 т. Т. 15. Повісті та оповідання. – К.: Наукова думка, 1978. – С. 347.
793. Франко І. Бориславські оповідання / І. Франко. – Держвидав, 1938. – 248 с.
794. Франко І. Я. В канцелярії державної бухгалтерії / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 21. – К.: Наукова думка, 1979. – С. 338–343.
795. Франко І. Дальші прояви “Pracy organicznej” / І. Франко // Твори у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 272.
796. Франко І. Я. Народна торгівля / І. Франко // Твори у 50 т. Т. 44. Кн. 2. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 284–286.

797. Франко І. Я. Хто винен? / І. Франко // Твори у 50 т. Т. 44. Кн 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 19–20.
798. Франко І. Я. Що нас єднає, а що розділяє / І. Франко // Твори у 50 т. Т. 44. Кн 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 16.
799. Франко І. Я. Фабрика парафіну й церезину в Дрого-бичі / І. Франко // Твори у 50 т. Т. 44. Кн 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 52–65.
800. Франко І. Я. «Галицька індемнізація» / І. Я. Франко // Зібрання творів. – Т. 44. – Ч. 1. – С. 86–122.
801. Франко І. Я. Земельна власність у Галичині / І. Я. Франко // Зібрання творів. – Т. 44. – Ч. 1. – С. 546–576.
802. Франко І. Я. Катастрофа банку селянського / І. Я. Франко // Зібрання творів в 50 т. Т. 44. Кн. 2. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 295–313.
803. Франко І. Я. Конверсія індемнізаційного боргу / І. Я. Франко // Зібрання творів в 50 т. Т. 44. Кн. 2. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 233–239.
804. Франко І. Панщина та її скасування 1848 р. в Галичині / І. Франко // Франко І. Зібр. творів у 50 т. – Т. 47. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 122.
805. Франко І. Я. Проект 200 000 позички Бродам / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 283–286.
806. Франко І. Я. Реорганізація банку крайового / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 273–280.
807. Франко І. Я. Банк крайовий / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 163–180.
808. Франко І. Я. Бесіда Василя Нагірного / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 181–204.
809. Франко І. Я. Проект ліквідації банку селянського / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 320–327.
810. Франко І. Я. Сумна історія банку Крилошанського і його так званої санації / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 1. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 429–437.
811. Франко І. Я. Галицький селянин / І. Я. Франко // Зібрання творів у 50 т. Т. 44. Кн. 2. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 501–512.
812. Франко-Ключко А. Іван Франко і його родина. Спомини / А. Франко-Ключко. – Торонто: Ліга визволення України, 1956. – 56 с.
813. Фрис Я., де. Революция трудолюбия. Потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / Я. Де Фрис. – М.: Дело, 2016. – 464 с.

814. Фурсенко А. А. Русский Вандербильт / А. А. Фурсенко // Вопросы истории. – 1987. – № 10. – С. 183–188.
815. Халимоненко Г. Походження слова «чумак» / Г. Халимоненко // Українська мова. – 2010. – № 4. – С. 85–88.
816. Херлихи П. Одесса. История, 1794–1914 / П. Херлихи. – Одесса: Optimum, 2007. – 566 с.
817. Хонігсман Я. С. Проникнення іноземного капіталу в економіку Західної України в епоху імперіалізму (до 1918 р.) / Я. С. Хонігсман. – Л.: Вид-во Львів. університету, 1971. – 291 с.
818. Хоткевич И. Кооперация в Галичине / И. Хоткевич. – Харьков: Издательство «Союз» Харьковского кредитного союза кооперативов, 1918. – 212 с.
819. Хроника. Рост акционерного дела в России // Биржа. – 1913. – № 2. – 13 янв. – С. 7.
820. Хрулев С. С. Финансы России в связи с экономическим положением её населения / С. С. Хрулев. – СПб.: Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1909. – 296 с.
821. Цалик С. Киевские банки 100 лет назад / С. Цалик // Мир денег. – 2002. – № 3–4.
822. Цегельський Л. М. Від легенд до правди: спомини про події в Україні / Л. М. Цегельський. – Нью-Йорк; Філадельфія: Булава, 1960. – 313 с.
823. Центральний державний історичний архів України, м. Львів. Путівник / Ред. Д. Пельц, Г. Сварнік. – Львів-Київ, 2001. – 387 с.
824. Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца / С. Цвейг. – М.: Радуга, 1991. – 544 с.
825. Чайковский М. Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) / М. Чайковский // Киевская старина. – 1891. Т. XXXIV. № 7. – С. 85–96; № 8. – С. 195–211; № 9. – С. 466–477; № 11 – С. 276–291; № 12. – С. 430–449.
826. Чалий М. К. Т. Г. Шевченко на Україні в 1859 році / М. К. Чалий // Спогади про Тараса Шевченка. – К.: Дніпро, 1982. – С. 302. – С. 299–305.
827. Чалый М. Посещение Т. Г. Шевченком сахарного завода Яхненка и Смирненка / М. Чалый // Киевская старина. – 1889. – Т. 24. – № 2. – С. 459–464.
828. Чалый М. К. Воспоминания / М. К. Чалый // Киевская старина. – 1894. – № 5. – С. 277–307.
829. Черкаський І. Ю. Сліди доміняльного (панського) суду на Лівобережній Україні наприкінці XVII й початку XVIII в. / І. Ю. Черкаський. К.: ВУАН, [1930]. – 23 с.
830. Чернецький А. Спомини з мого життя / А. Чернецький. – Лондон: Наше слово, 1964. – 143 с.

831. Чернышевский Н. Г. Статистическое описание Киевской губернии // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. – М.: Гослитиздат, 1947. Т. 3. – С. 387–420.
832. Чехов А. П. Житейские невзгоды / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 6. [Рассказы], 1887. – М.: Наука, 1976. – С. 137–140.
833. Чижевич О. Воспоминания старожила / О. Чижевич. – <http://obodesse.at.ua>
834. Чикаленко Є. Спогади (1861–1907) / Є. Чикаленко. – Нью-Йорк: Українська вільна академія наук, 1955. – 504 с.
835. Чикаленко Є. Х. Щоденник (1907–1917) / Є. Х. Чикаленко. – К.: Темпора, 2011. – 479 с.
836. Чорновол І. Галицька каса щаднича. Про що писало «Діло» 10 лютого 1899 року / І. Чорновол. – <https://dilo.net.ua>
837. Чорновол І. П. 199 депутатів Галицького сейму / І. Чорновол. – Львів: Тріада плюс, 2010. – 224 с.
838. Чорновол І. П. На досвітках «Світоча». Климентина Авдикович / І. П. Чорновол // Авдикович К. Перша українська фабрика цукорків «Фортуна Нова» / К. Авдикович. – Львів: Тріада-Плюс, 2010. – С. 7–11.
839. Чорновол І. Компаративні фронтири: світовий і вітчизняний вимір. – К.: Критика, 2015. – 376 с.
840. Чорновол І. Нариси з історії Галичини / І. Чорновол. – Львів: Ін-т українознавства, 2017. – 432 с.
841. Шарапов С. Ф. Иностранные капиталы и наша финансовая политика // С. Ф. Шарапов. Россия будущего. – М., 2011. – С. 174–198.
842. Швагуляк-Шостак О. Банкохвати / О. Швагуляк-Шостак. – Контракты. – 2009. – № 06 от 09-02-2009. – <http://www.kontrakty.com.ua>
843. Шевченко Т. Г. Дневник / Т. Г. Шевченко // Повне зібрання творів. В 12 т. Т. 5. – К.: Вид. АН УРСР, 1963. – С. 57.
844. Шевченко Т. Г. Наймичка / Т. Г. Шевченко // Твори у 3 т. Т. 2. – К.: Вид-во худ. літератури, 1961. – С. 16.
845. Шепелев Л. Е. Акционерный капитал в России / Л. Е. Шепелев // История финансовой политики в России: Сборник статей. – СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2000. – С. 100.
846. Шептицький А. Андрей митрополит. Слово до української молоді / А. Шептицький. – Львів: Мета, 1932. – 10 с.
847. Шептицький А. О квестії соціальній. Пастирське послання Митрополита Андрея до духовенства / А. Шептицький. – <http://www.patriyarkhat.org.ua>
848. Шептицький А. Пастирські послання митрополита Андрея Шепицького. В 4 т. Т. 1. / А. Шептицький. – Львів: Апіорі, 2015. – 1014 с.

849. Шивельбуш В. Смаки раю. Соціальна історія прянощів, збудників та дурманів / В. Шивельбуш. – К.: Ніка-центр, 2016. – 256 с.
850. Шмедес К. фон. Географическое и статистическое обозрение Галичины и Буковины / К. фон Шмедес. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1870. – 150 с.
851. Шнюр-Пепловські С. Контракти і ярмарки Львова / С. Шнюр-Пепловські // Львів. Leopoldis. Lwow. Lemberg. Genius Loci. Незалежний культурологічний часопис «І». – Львів, 2004. – С. 176–185.
852. Шор А. С. Фондовые биржи в Австро-Венгрии / А. С. Шор // Банковая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. – К.: Изд-во Банковой энциклопедии, 1916. – С. 152–168.
853. Шульгин В. Я. Юго-западный край под управлением Д. Г. Бибикова (1838–1853) / В. Я. Шульгин // Древняя и новая Россия. – 1879. – № 2. – С. 116–117.
854. Шульц Б. Коричные лавки / Б. Шульц. – М.: Гешарим, 1993. – 248 с.
855. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М.: Экономика. 1995. – 540 с.
856. Шухевич С. Моє життя. Спогади / С. Шухевич. – Лондон: Українська видавнича спілка, 1991. – 619 с.
857. Щасний-Гербурт Я. Розмисел про народ руський / Я. Щасний-Гербурт. – <http://litopys.org.ua>
858. Щербаківський В. Реліквії старого київського самоврядування / В. Щербаківський // Київ та його околиця в історії і пам'ятках / Ред. М. Грушевський. – К.: Державне видавництво України, 1926. – С. 217–264.
859. Щербина В. Боротьба Києва за автономію / В. Щербина // Київ та його околиця в історії і пам'ятках / Ред. М. Грушевський. – К.: Державне видавництво України, 1926. – С. 167–216.
860. Щербина В. Документи до історії Києва / В. Щербина // Український археографічний збірник. Т. 1. К.: ВУАН, 1926. – С. 1–49.
861. Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм / Ф. А. Щербина. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1880. – 402 с.
862. Щербина В. Документи до історії Києва, 1494–1835 / В. Щербина // Український археографічний збірник. Т. 1. – К.: ВУАН, 1926. – С. 1–49.
863. Щербініна О. В. Іноземні капітали в металургійній та вугільній промисловості Донбасу і Придніпров'я (1861–1914) / О. В. Щербініна. – Донецьк: Вид. Донецького університету, 2006. – 192 с.

864. Щербініна О. В. Артїлі на українських землях Російської імперії: еволюція правового статусу / О. В. Щербініна // Правничий часопис Донецького університету. – 2013. – № 1. – С. 121–134.
865. Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности / Л. Я. Эвентов. – М.–Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1931. – 128 с.
866. Эйнгорн В. Киевский воевода П. В. Шереметьев и нежинский магистрат / В. Эйнгорн // Киевская старина. – 1891. – № 11. – С. 246–254.
867. Экономический обзор 1899 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1900. – № 2. – С. 43–46.
868. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. В 3-х томах. Том 2 (Книги 4, 5) – М.: Текст, 2005. – 608 с.
869. Эфемерные банкирские конторы // Финансовое обозрение. – 1912. – № 20. – С. 1.
870. Южная столица: Одесса первой половины XIX века в литературных и краеведческих источниках, мемуарах, дневниках, письмах. – Одесса; М.: Локид Премиум; Локид-пресс, 2009. – 544 с.
871. Юрій Франц Кульчицький і козаки. Збірка статей. – Філадельфія, 1983. – 81 с.
872. Юровский Л. Н. В гетто / Л. Н. Юровский // Русские ведомости. – 1914. – 11 апр., № 83. – С. 3.
873. Яблонська С. Листи з Парижа. Листи з Китаю / С. Яблонська. – Львів: Піраміда, 2018. – 366 с.
874. Яблонська С. Далекі обрії / С. Яблонська. – К.: Родовід, 2018. – 336 с.
875. Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. У 3 т. Т. 1. – К.: Наукова думка, 1990. – 592 с.
876. Яворський Ф. Львів старий і вчорашній / Ф. Яворський // Львів. Leopolis. Lwow. Lemberg. Genius Loci. Незалежний культурологічний часопис «І». – Львів, 2004. – С. 114–141.
877. Яковенко Н. М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. / Н. М. Яковенко. – Київ: Критика, 2002. – 415 с.
878. Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и ранее Новое время / Н. Яковенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 768 с.
879. Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і центральна Україна / Н. Яковенко. – К.: Критика, 2008. – 472 с.
880. Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття: причини і початок Руїни / Т. Яковлева. – К.: Основи, 1998. – 447 с.

881. Ямінський Б. Відень 1683. Козаки і Кульчицький / Б. Ямінський. – Відень, 1983. – 239 с.
882. Янниці Ф. К. Греческая диаспора на юге России. Деятельность семей Месаксуды (Керчь) и Родоканаки (Одесса) (XIX – начало XX в.). / Ф. К. Янниці // Вестник МГУ. – 1998. – № 4. – С. 62–76.
883. Янсон Ю. Э. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе (Труды экспедиции, снаряжённой императорскими Вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и производительности в России: Том II: Вып. 2) / Ю. Э. Янсон. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1870. – 414 с.
884. Яременко В. Тарас Шевченко про чумацтво, його звичаї та пісні / В. Яременко // Народна творчість та етнографія. – 2005. № 2. – С. 21–30.
885. Ярон С. Г. Киев в восьмидесятих годах. Воспоминания старожилы / С. Г. Ярон. – Киев: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1910. – 208 с.
886. Яцків М. Танець тіней: роман з рідного побуту. [Ч. 1–3] / М. – Львів: Друк. ставропиг. ін-та: Накладом вид-ва «Шляхи», 1916–1918. – 490 с.
887. N. Украинская деревня второй четверти нынешнего столетия. По воспоминаниям детства / N // Киевская старина. – 1882. – № 9. – С. 457–485.
888. 1951.03.00.De Roger Mennevée. Les Documents de l'AIII.Article. – <https://www.wormsetcie.com>
889. Akt oskarzenia w sprawie... Galic. Kasie oszczednosti // Dziennik Polski. – 1899. – 10. II. (273) – S. 3–6.
890. Amalgamated Oil Pipe-Lines of Galicia, Limited // The Manchester Guardian. – 1911. – May 23.
891. Amalgamation of Galician Pipe Line interests // The Times. Finance, Commerce & Shipping. – 1911. – 18 march. – P. 1. Col. 4.
892. Antosik-Piela M. Galicyjski trojkat etniczny w polskiej prozie naftowej / M. Antosik-Piela // Ruch litaracki. – 2016. – T. VII. № 4 (337). – S. 439–446.
893. Anusik A. Rola ziemiarstwa polskiego w industrializacji Ukrainy w drugiej połowie XIX wieku / A. Anusik // Studia z historii społeczno-gospodarczej. – 2010. T. VII. – S. 97–111.
894. Ashberg O. En vandrante jude fran Glasbruksgaten / O. Ashberg. – Stockholm: A. Bonnier, 1946. – 356 s.
895. Austria-Hungary // The Economist. – 1908. – Jan. 25, – № 3361. – P. 170–171.
896. Bairoch P. Europe's Gross National Product: 1800–1975 / P. Bairoch // Journal of European Economic History. – 1976. – № 5. – P. 273–340.

897. Bank Krajowy Królestwa Galicji i Lodomeryi. 1883–1908. – Lwow: Piller, Neumann, 1909. – 208 s.
898. Banque Ottomane. Monthly Circulat. – Constantinople, 1929. – P. 8.
899. Ben-Joseph M. Adversities of autonomy: Bank Krajowy Królestwa Galicji i Lodomeryi and the politics of credit in Galicia 1870–1913 / M. Ben-Joseph. – Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1999. – 128 p.
900. Bled J. Les fondements du conservatisme autricien / J. Bled. – P.: éditions de la Sorbonne, 1988. – 530 p.
901. Bloch J. My Reminiscences / J. Bloch. – N. Y. Ayer Publishing, 1973. – 576 c.
902. Bogucka M. Handel Bałtycki a bilans handlowy Polski w pierwszej połowie XVII wieku / M. Bogucka // Przegląd_Historyczny. – 1968. – N. 59/2. – S. 245–252.
903. Bogucka M. Żegluga bałtycka w XVII –XVIII wieku w świetle materiałów z archiwum w Amsterdamie / M. Bogucka // Zapiski Historyczne. – 2017. – T. LXXXII. № 4. – S. 123–137.
904. Boniecki A. Herbarz polski: wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich / A. Boniecki. – Warszawa: Gebethner i Wolf, 1908. – 400 s.
905. Bonusuak W. Szejka z Galicji. Ignacy Lukaszewicz, 1822–1882 / W. Bonusuak. – Rzeszow: Libra, 2007. – 179 s.
906. Bowen E. John Hughes (St.David's Day) / E. Bowen. – Cardiff: University of Wales Press, 1978. – 82 p.
907. Bremer F. The Homes of the New World: impressions of America / F. Bremer. – 2 vols. Vol. 1. – New York: Harper & Brothers, 1858. – 651 p.
908. Bronski K. Rozwoj gospodarczy wiekszych miast galicyjskich w okresie autonomii / K. Bronski. – Krakow: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej, 1999. – 212 s.
909. Bronski K. Rozwoj galicyjskiego systemu bankowego w latach 1841–1914 (zarys problematyki) / K. Bronski // Akademia Ekonomiczna w Krakowie. Zeszyty Naukowe. – 2007. – № 749. – S. 75–91.
910. Broński K. Problem zacofania gospodarczego Galicji. Mit i fakty / K. Broński // Historia gospodarcza i historia myśli ekonomicznej a teoria ekonomii. – Łydz, 2008. – S. 67–82.
911. Bronski K. Instytucje finansowe i ubezpieczeniowe jako podmioty ekonomii społecznej w Galicji – zarys problematyki / K. Bronski // Ekonomia Społeczna. – 2018. – № 2. – S. 74–81.
912. Bujak F. The Jewish Question in Poland / F. Bujak. – <http://www.archive.org>
913. Bujak F. Galicya / F. Bujak. 2 vol. Vol. 1. Kraj, ludność, społeczeństwo, rolnictwo. – Lemberg, 1908. – 560 s.

914. Bujak F. Rozwoj gospodarczy Galycyi (1772–1914) / F. Bujak. – Lwow: Naklad ksiegarni polskiej Bernarda Polonieskiego, 1917. – 212 s.
915. Buszko J. Zum Wandel der Gesellschaftsstruktur in Galizien und in der Bukowine / J. Buszko. – Vienna: Verlag d. Österr. Akad. d. Wiss., 1978. – 39 p.
916. Ciekawa mova Jw. Iwana Mielewski / Zbior pamietnikow historycznych o dawnej Polsce. T.2. – Lipsk: Breirkopf i Haertel, 1839. – S. 341–344.
917. Chapman S. Merchant Enterprise in Britain: From the Industrial Revolution to World War I / S. Chapman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 339 p.
918. Chatzioannou M. C. From the Levant to the City of London: Mercantile Credit in the Greek International Commercial Networks of the Eighteenth and Nineteenth Centuries / M. C. Chatzioannou, G. Harlaftis // Centres and Peripheries in Banking: The Historical Development of Financial Markets [Ed. P. L. Cottrell] – L.: Ashgate Publishing, Ltd., 2007 – P. 13–40.
919. Claeys T. La société des sels gemmes et soudes naturelles de la Russie méridionale, de 1882 à 1918. Un exemple d’une réussite industrielle / T. Claeys // Revue française d’histoire économique. – 2017. № 7–8. – P. 120–159.
920. Cottrell P. L. Centers and Peripheries in Banking: The Historical Development of Financial Markets / P. L. Cottrell. – L.: Ashgate Publishing, Ltd., 2007. – 326 p.
921. Crisp O. Russia, 1860–1914 / O. Crisp // Banking in the Early Stages of Industrialization. Ed. R. Cameron. – New York: Oxford University Press, 1967. – P. 183–228.
922. Cvrcek T. Convergence and Catch-up at the Periphery? Living Standards in the Habsburg Empire, 1829–1910 / T. Cvrcek. – Clemson University, 2011. – 60 p.
923. Damand H. Polozenie gospodarcze Galicyi przed woina / H. Damand. – Lipsk, 1915. – 107 s.
924. Daszkiewicz P. W poszukiwaniu sosny masztowej: “Misja Chersońska”, szpiegowska operacja wywiadu kryła Francji w lasach Rzeczypospolitej w świetle dokumentów z paryskiego archiwum marynarki / P. Daszkiewicz, J. Oleksyn. – <https://www.researchgate.net>
925. Dawid P. Why are institutions the “Carriers of History”: Path Dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions / P. Dawid // Structural Change and Economic Dynamics. – 1994. Vol. 5, № 2. – P. 205–220.
926. De Hell X. H. Travels in the Steppes of the Caspian Sea / X. H. De Hell. – L.: Chapman & Hall, 1847. – 436 p.
927. Dobrowolski M. Kompania Handlowa Polska / M. Dobrowolski // Puls Biznesu. – 2015. 03.18. – <https://www.pb.pl>

928. Domanski C. Fryderik Josef Moszynski – the first polish statistician / C. Domanski // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia oeconomica*. – 2009. – 228. – P. 7–12.
929. Edwards S. Hughesovka. A Welsh Enterprise in Imperial Russia / S. Edwards. – Cardiff: Glamorgan Record Office, 1992. – P. 12.
930. Emigration from Liverpool // *The Times*. – 16 June 1869. – P. 4. – Col. 1. – *The Times*. – <http://www.time.com>
931. Emigration to Australia // *The Times*. – 16 June 1869. – P. 6. Col. 1. – *The Times*. – <http://www.time.com>.
932. Epsztein T. Udział Polaków w rozwoju przemysłu w guberni kijowskiej w XIX w. / T. Epsztein // *Studia z historii społeczno-gospodarczej*. – 2010. T. VIII. – S. 47–55.
933. Fairlie S. The Anglo-Russian Grain Trade, 1815–1861 / S. Fairlie. – L.: University of London, 1959. – P. 253.
934. Feldman W. Stan ekonomiczny Galicji: cyfry i fakta / W. Feldman. – Lwów: S. Uroda, 1900. – 32 s.
935. Frank A. F. Oil Empire. Visions of Prosperity in Austrian Galicia / A. F. Frank. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2007. – 344 p.
936. Franzos K. E. Zwischen Dniester und Bistritz / K. E. Franzos // Franzos K. E. *Aus Halb-Asien: Culturbilder aus Galizien, der Bukowina, Südrussland und Rumänien*. – Leipzig: Verlag von Dunder, 1876. – S. 117–138.
937. Fras Z. Galicja / Z. Fras. – Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 2000 – 300 s.
938. French Exploitation of Donetz Coal // *Mining Journal*. – 1911. – Vol. 92. – P. 133.
939. Frick D. A. Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Question in the Early Seventeenth Century / D. A. Frick // *Harvard Ukrainian Studies*. – 1984. № 8. – P. 352–373.
940. Gennadius J. Stephen A. Ralli. A Biographical Memoir / J. Gennadius. – London: Dryden Press, 1902. – 36 p.
941. Gielda Lwowska. Kursy // *Gazeta Lwowska*. – 1968. – 2 lipca. – № 150.
942. Girault R. Emprunts russes et investissements francais en Russie. 1887–1914 / R. Girault. – Paris: Librairie Armand Colin, 1973. – 618 p.
943. Goetel F. Patrzac Wstecz. Wspomnienia / F. Goetel. – Krakow: Arcana, 1998. – 285 s.
944. Good D. New estimates of income levels in central and eastern Europe, 1870–1910 / D. Good, T. Ma // *Von der Theorie zur Wirtschaftspolitik – ein österreichischer Weg* / F. Baltzarek, F. Butschek and G. Tichy (eds). – Stuttgart: Lucius & Lucius, 1998. – P. 147–168.
945. Grodziski S. W Krolewstwie Galicji i Lodomeriji / S. Grodziski. – Krakow, 1976. – 340 s.

946. Jezierski A. Dzeje bankowosci polskiej do 1914 r. w zarycie / A. Jezierski. – <http://ekonomia.wne.uw.edu.pl>
947. Jezierski A. Historia gospodarcza Polski / A. Jezierski, C. Leszczyńska. – Warszawa: Key Text Wydawnictwo, 2003. – 568 s.
948. Harlaftis J. A History of Greek-owned Shipping. The Making of an International Tramp Fleet, 1830 to the present day / J. Harlaftis. – London: Routledge, 1995. – 480 p.
949. Harlaftis G. Mapping the Greek Maritime Diaspora from the early Eighteenth to the late Twentieth Centuries / G. Harlaftis // *Diaspora Entrepreneurial Networks: Four Centuries of History* [ed. I. McCabe, G. Harlaftis, I. P. Minoglou. – N. Y.: Berg, 2005. – P. 147–171.
950. Herlihy P. Russian Wheat and the Port of Livorno. 1794–1845 / P. Herlihy // *Journal of European Economic History*. – 1976. – № 5. – P. 45–86.
951. Hensellek T. Die letzten Jahre der kaiserlichen Bukowina: Studien zur Landespolitik im Herzogtum Bukowina von 1909 bis 1914 / T. Hensellek. – Hamburg: Herstellung Bachelor + Master Publishing, ein Imprint der Diplomica Verlag GmbH, 2011. – 137 s.
952. Himka J. Galician villagers and the Ukrainian national movement in the nineteenth century / J. Himka. – Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1988. – 358 p.
953. Hryniyk S. Polish Lords and Ukrainian Peasants: Conflict, Deference and Accommodation in Eastern Galicia in the Late Nineteenth Century / S. Hryniyk. – journals.cambridge.org
954. Kalinski J. Austrian banks in Poland up to 1948 (Banki austriackie w Polsce do 1948 roku) // *Bank Austria Creditanstalt: 150 Jahre österreichische Bankengeschichte im Zentrum Europas*, herausgegeben von O. Rathkolb, T. Venus, U. Zimmerl. – Wien: Paul Zsolonay Verlag, 2005. – S. 253–267.
955. Kaps K. Ungleiche entwicklung in Zentraleuropa. Galizien zwischen überregionaler Verflechtung und imperialer Politik (1772–1914) / K. Kaps. – Wien: Bohlau Verlag, 2015. – 535 s.
956. Kardases V. Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861 / V. Kardases. – Oxford: Lexington Books, 2001. – 243 p.
957. King Ch. Odessa. Genius and Death in a City of Dream / Ch. King. – New York: W. W. Norton & Co, 2011. – 336 p.
958. Klanska M. Daleko od Wiednia: Galicja w oczach pisarzy niemiechojezycznych 1772–1918 / M. Klanska. – Crakow: Universitas, 1991. – 281 s.
959. Kohl J. G. Austria, Vienna, Hungary, Bohemia and the Danube, Galicia, Styria, Moravia, Buckovina, and the Military Frontier / J. G. Kohl. – London: Chapman and Hall, 1843. – 532 p.

960. Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855–1925) / H. Korwin-Milewski. – Poznań: Jan Jachowski, Księgarnia Uniwersytecka, 1930. – 603 s.
961. Kowalczyk R. Tsunami finansowe w Europie XVIII wieku: Francja, Holandia, Prusy, Rzeczpospolita / R. Kowalczyk // Україна та Польща: минуле, сьогодення, перспективи. – 2012. – Т. 1. – С. 104–112.
962. Kowalik T. Stanisław Szczepanowski – ekspert rozwoju gospodarczego / T. Kowalik // Kwartalnik historii nauki i techniki. – 1968. – Vol. 13. № 2. – S. 349–367.
963. Kozia J. Mysli dla Polski. 100-lecie smierci Stanisława Szczepanowskiego / J. Kozia // Nasz Dziennik (Wrocław). – 2000. – 27. X. – S. 14.
964. Kozłowski A. Kawarnie, lokaliki i tingel-tangle / A. Kozłowski // Biuletyn informacyjny. Towarzystwo myślników Lwowa. – 2004. – № 32. – S. 14–16.
965. Kozłowski M. Miedzy Sanem a Zbrucem. Walki o Lwow i Galicje Wschodnia 1918–1919 / M. Kozłowski. – Krakow: Znak, 1990. – 310 s.
966. Kraszewskij J. I. Wspomnienia Odessy, Jedisanu i Budżaku. Dziennik przejażdki w roku 1843 od 23 czerwca do 11 września J. I. Kraszewskiego / J. I. Kraszewskij. – 2 t. Т. 1. – Wilno, 1845. – S. 157.
967. Kuberski L. Stanisław Szczepanowski, 1846–1900: przemysłowiec, polityk, publicysta / L. Kuberski. Wydawn. Uniwersytetu Opolskiego, 1997. – 214 p.
968. Kula W. Historia gospodarcza Polski w dobie powstaniowej, 1864–1918 / W. Kula. – Warszawa : Wiedza, 1947. – 155 s.
969. Kuzmany B. Die Stadt Brody im langen 19. Jahrhundert – Eine Misserfolgsgeschichte? / B. Kuzmany. – Wien: Universitat Wien, 2008. – 320 p.
970. Landau S. R. Unter jüdischen Proletariern. Reiseschilderungen aus Ostgalizien und Russland / S. R. Landau. – L.: Wien: Rosner, 1898. – 68 s.
971. Lewery L. Foreign capital investment in Russian Industry and commerce / L. Lewery (Miscellaneous Series, № 124). – Washington: Government printing office, 1923. – 28 p.
972. Lindner R. Unternehmer und Stadt in der Ukraine, 1860 – 1914 / R. Lindner. – Berlin: UVK, 2006. – 556 s.
973. Louri H. Diaspora entrepreneurial networks in the Black Sea and Greece, 1870–1917 / H. Louri, I. Pepelasis Minoglou. – <http://mpra.ub.uni-muenchen.de>
974. Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 / A. Maddison. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 418 p.

975. Madzik M. Powstanie i pierwsze lata działalności Kompanii Czarnomorskiej (1782–1785) / M. Madzik // *Rocznik Lubelski*. – 1979. – T. 21. – S. 77–91.
976. Maha L. The Economic Development of Bukovina (II) Bukovina as an autonomous duchy: 1849–1918 / L. Maha, G. Donici, S. Maha // *Review of Economic and Business Studies*. – 2011. Issue 7. – P. 265–293.
977. Malinowski M. Income and its distribution in preindustrial Poland / M. Malinowski, J. Luiten van Zanden // *Cliometrica*. – 2016. – Vol. 11, № 3. – P. 375–404.
978. Malinowski M. Economic consequences of state failure; Legal capacity, regulatory activity, and market integration in Poland, 1505–1772 / M. Malinowski // *The Journal of Economic History*. – Volume 79 Issue 3. – P. 862–896.
979. Malinowski M. Serfs and the city: market conditions, surplus extraction institutions and urban growth in the Kingdom of Poland, 1500–1772 / M. Malinowski // *European Review of Economic History*. – 2016. – Vol. 20, № 2. – P. 123–146.
980. Malowist M. A Certain Trade Technique in the Baltic Countries in the Fifteenth to the Seventeenth Centuries / M. Malowist // *Poland at the XI-th International Congress of Historical Sciences*. – Warsaw: Polish Academy of Sciences, The Institute of History, 1960. – P. 103–116.
981. Marschak J. Economics of Language / J. Marschak // *Behavioral Sciences*. – 1965. – Vol. 10, Issue 2. – P. 135–140.
982. März E. Österreichische Bankpolitik in der Zeit der grossen Wende 1913–1923: am Beispiel der Creditanstalt für Handel und Gewerbe / März E. – Wien: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1981. – 608 p.
983. McKay J. P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885–1913 / J. P. McKay. – Chicago and London, 1970. – 442 p.
984. Michie R. The London Stock Exchange / R. Michie. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 682 p.
985. Miller F. Galicia / F. Miller, A. Vandome, J. McBrewster. – Mauritius: Aiphascript Publishing, 2010. – 77 p.
986. Mirbabayev M. Concise history of Azerbaijani oil / M. Mirbabayev. – Baku. 2008. – 368 p.
987. Mises L. von. Die Entwicklung des Gutsherrlich-Bauerlichen Verhältnisses in Galizien (1772–1848) / L. von Mises. – Wien und Leipzig: Franz Deuticke, 1902. – 144 p.
988. Montarini G. Della moneta: trattato mercantile / G. Montarini // *Scrittori classici italiani di economia politica*. T. 3. – Milano: Nella stamperia e fonderia di G. G. Destefanis, 1804. – P. 9–286.

989. Moor, T. de. Girl power: the European marriage pattern and labour markets in the North Sea region in the late medieval and early modern period / T. de Moor, J. van Zanden // *Economic History Review*. – 2010. – Vol. 63. № 1. – P. 1–33.
990. Morawski W. Słownik historyczny bankowości polskiej do 1939 roku / W. Morawski. – Warszawa: Muza SA, 1998. – 207 s.
991. Mr. C. Rodocanachi // *The Times*. – 17 april 1956. – P. 13. Col. 3.
992. Mudrak M. Sheptyts'kyi as Patron of the Arts / M. Mudrak // *Morality and Reality. The Life and Times of Metropolitan Andrei Sheptytskyi*. Ed. by P. Magosci. – Edmonton, 1989. – P. 289–312.
993. Mun T. England's treasure by foreign trade, or, The balance of our foreign trade is the rule of our treasure / T. Mun, J. Mun. – London: Printed by J.G. for Thomas Clark, 1664. – 219 p.
994. Nadel-Golobič E. Armenians and Jews in medieval Lvov. Their role in oriental trade, 1400-1600 / E. Nadel-Golobič // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1979. – Vol. 20. № 3–4. Juillet-Décembre. – P. 345–388.
995. Napier J. The Life and Opinions of General Sir Charles James Napier / J. Napier. – 4 vols. Vol. II. London: John Murray, 1857. – 466 p.
996. Narzyski J. Epidemia. Dramat w 4-ch aktach. / Narzyski J. – Warszawa : K. Kowalewski, 1875.
997. Obrona Verificacy od obrazy maiestatv krola. – Wilno: [Drukarnia Bractwa św. Ducha], 1621. – 127 s.
998. Obumarle miasto // *Chwila (Lwow)*. – 1927. – 18 czerwca. – S. 7.
999. Okey R. The Habsburg Monarchy: From Enlightenment to Eclipse, 1765–1918 / R. Okey. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. – 464 p.
1000. Olson M. Distinguished Lecture on Economics in Government: Big Bills Left on the Sidewalk: Why Some Nations are Rich, and Others Poor / M. Olson // *The Journal of Economic Perspectives*. – 1996. – Vol. 10. № 2. – P. 3–24.
1001. Olszewski J. Zastoj gospodarczy Galicji w czasie ostatniego przesilenia / J. Olszewski. – Lwow, 1913. – 112 s.
1002. Pammer M. Jüdische Vermögen in Wien 1938 / M. Pammer. – Wien: Oldenbourg, 2003. – 150 s.
1003. Paris E. Les Grecs de Marseille dans la deuxième moitié du XIXe siècle: une perspective nationale et transnationale / E. Paris // *Revue européenne de migrations internationales*. – 2001. – 17 (3). – P. 23–42.
1004. Pasek J. Pamietniki / J. Pasek. – Krakow: Nakladom Polskiej Akademji Umiejtnosci, 1929. – 764 s.

1005. Pecalidis S. De bello Ostrogiano ad Piantcos cum Nisoviis libri quatuor / S. Pecalidis. – Krakow: Wydawca Piotrkowczyk, Andrzej, 1600. – 173 s.
1006. Pfeiffer I. The Last Travels of Ida Pfeiffer: Inclusive of a Visit to Madagascar / I. Pfeiffer. – New York: Happer & Brothers, 1861. – 281 p.
1007. Pietak L. O giełdzie i czynnościach giełdowych / L. Pietak. – Lwow: Z drukarni Ludowej, 1877. – 138 s.
1008. Pietrasik A. Historia i współczesność długoterminowego kredytu hipotecznego w Polsce / A. Pietrasik. – Warszawa: Twigger, 2001. – 428 s.
1009. Podrecznik Statystyki Galicyi wydany przez Krajowe Biuro Statystyczne [red. T. Pilat]. – T. VII. 2. – Lwow: Z Pierwszej Związkowej Drukarni, 1904. – 326 s.
1010. Pollack M. Cesarz Ameryki. Wielka ucieczka z Galicji / M. Pollack. – Wolowicz: Wydawnictwo Zarne, 2011. – 250 s.
1011. Puchowicz A. With oil through generations / A. Puchowicz. – Plock, 2006. – S. 9–10.
1012. Raffalovich A. Le marché financier en 1901–1902 / A. Raffalovich. – Paris: Librairie Guilaumin et Cie, 1902. – 944 p.
1013. Reclus E. Nouvelle géographie universelle / E. Reclus. – P.: Hachette, 1878. – 982 p.
1014. Regulamin Banku Krajowego Królestwa Galicji i Lodomerii z Wielkim Księstwem Krakowskim. – Lwów: Druk. Ludowa, 1883. – 22 s.
1015. Rosenfeld S. Understanding Joseph Roth / S. Rosenfeld. – Columbia: Univ. of South Carolina Press, 2001. – 128 p.
1016. Rosman M. Jak pisać historie żydowską? / M. Rosman. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2011. – 240 s.
1017. Rybarski R. Organyzatsya Kredytu Przemysłowego w Galicii s Krolewstwie Polskiem / R. Rybarski. – Krakow: Drukarnia Uniw. Jagiel., 1911. – 176 s.
1018. Rymar L. Galicyjski przemysł naftowy / L. Rymar. – Krakow, 1915. – 123 s.
1019. Rudolph R. L. Banking and Industrialization in Austria-Hungary: The Role of Banks in the Industrialization of the Czech Crownlands, 1873–1914 / R. L. Rudolph. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 291 p.
1020. Schatzker V. The Jewish Oil Magnates of Galicia: Part One: The Jewish Oil Magnates: A History, 1853–1945 / V. Schatzker. – Montreal: McGill-Queen's Press, 2015. – 522 p.
1021. Sewer A. Nafta. T. 1. / A. Sewer. – Warszawa: Kurjer Warszawski, 1894. – 315 s.

1022. Sifneos E. "Cosmopolitanism" as a Feature of the Greek Commercial Diaspora / E. Sifneos // *History and Anthropology*. – 2005. – Vol. 16, No. 1. March. – P. 97–111.
1023. Shvets V. Rozwój bankowości hipotecznej na Ukrainie / V. Shvets // *System bankowy a gospodarka: perspektywy Polski, Białorusi i Ukrainy*. – Kielce: WSU, 2007 – S. 157–176.
1024. Slade A. Travels in Germany and Russia: Including a Steam Voyage by Danube and the Euxine from Vienna to Constantinople in 1838–39 / A. Slade. – London: Longman, 1846. – 512 p.
1025. Slusarczyk Sirka A. Sheptyts'kyi in Education and Philanthropy / A. Slusarczyk Sirka // *Morality and Reality. The Life and Times of Metropolitan Andrei Sheptytskyi*. Ed. by P. Magosci. – Edmon-ton, 1989. – P. 269–288.
1026. Spencer C. Turkey, Russia, the Black Sea and Circassia / C. Spencer. – London: George Routledge, 1855. – 412 p.
1027. Sprawozdanie z czynności i posiedzeń pleranych Izby handlowej i przemysłowej we Lwowie za rok 1907. – Lwow, 1907. – S. 631.
1028. Sprawozdanie z czynności i posiedzeń pleranych Izby handlowej i przemysłowej we Lwowie za rok 1908. – Lwow, 1908. – S. 57.
1029. Standage T. The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-Line Pioneers / T. Standage. – N.Y.: Walker and Co, 1998. – 256 p.
1030. Statut Banku Krajowego Królestwa Galicji i Lodomerji z Wielkim Księstwem Krakowskim. – Lwów: Piller i Spółka, 1898. – 47 s.
1031. Steevens G. The land of dollar / G. Steevens. – L.: William Blackwood, 1900. – 348 p.
1032. Stefczyk F. Die wirtschaftliche und soziale Tätigkeit des galizischen Landtages / F. Stefczyk // *Wirtschaftliche Zustände Galiziens in der Gegenwart*. – Wien, 1913. – S. 70–87.
1033. Stephens J. L. Incidents of Travels in Egypt, Arabia Petraea and the Holy Land / J. L. Stephens. – London, 1837. – 138 p.
1034. Sysyn F. Regionalism and Political Thought in Seventeenth-Century Ukraine: The Nobility's Grievances at the Diet of 1641 / F. Sysyn // *Harvard Ukrainian Studies*. – Vol. 6, No. 2 (June 1982). – P. 167–190.
1035. Szczepanowski S. Nedza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego / S. Szczepanowski. – Lviv: Gubryniewicz i Schmidt, 1888. – 198 p.
1036. Szczepanowski S. O wpływie tanych komunikacji na rozwój ekonomiczny kraju / S. Szczepanowski. – Lwov: Nakładem "Economisty Polskiego", 1890. – 71 s.
1037. Szczepanowski S. O stosunku polityki inwestycyjnej do naszych celów narodowych / S. Szczepanowski. – 1890. – <http://www.tradycjegospodarcze.pl>

1038. Szczpanski A. Stan wytworczosci przemyslowej i gorniczej Galicji w roku 1910 / A. Szczpanski. – Lwow, 1912. – 243 s.
1039. Todev T. Aufstieg und Untergang der Österreichischen Volksbanken-AG: Analyse einer der größten Pleiten in der österreichischen Wirtschaftsgeschichte / T. Todev, J. Brazda. – Münster: LIT Verlag, 2020. – 485 s.
1040. Tokarz W. Galicja w początkach ery józefińskiej w świetle ankiety urzędowej z roku 1783 / W. Tokarz. – Kraków 1909 – 420 s.
1041. Ulam S. Wspomnienia z Kawiarni Szkockiej / S. Ulam. – <https://www.lwow.com.pl>
1042. Uwagi o rozpowszechnianiu się gry na giełdzie // Dziennik Poznański. – 1869. – № 71.
1043. Vengłowski A. Karol Yaroszyński: sponsor cara / A. Vengłowski. – <https://przekroj.pl>.
1044. Waal de. E. The hare with amber eyes: a family's century of art and loss / E. de Waal. – N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010. – 354 p.
1045. Waciega S. Galicyjscy pionierzy przemysłu naftowego w II połowie XIX wieku / S. Waciega // Małopolska. – 2016. – XVIII. – S. 127–159.
1046. Werner W. Raiffeisenvereine für Österreich / W. Werner. – Wien: Eigenverlag des FOG, 2017. – 244 s.
1047. Wiener Borsenartifel // Der Botschafter. – 1865. – 8 Jan; Wiener Borsenartifel // Der Botschafter. – 1865. – 29 Mai.
1048. Whitworth Ch. An account of Russia as it was in the year 1710 / Ch. Whitworth. – Strawberry Hill, 1758. – 158 p.
1049. Wolf L. The Idea of Galicia. History and Fantasy in Habsburg Political Culture / L. Wolf. – Stanford. California: Stanford University Press, 2010. – 486 p.
1050. Wurm S. The Development of Austrian Financial Institutions in Central, Eastern and South-Eastern Europe / S. Wurm. – Comparative European Economic History Studies Working Paper Series Number 31. November 2006. – Vienna: University of Applied Sciences of Vienna, 2006.
1051. Zaprzaniec O. Elektorów Poczet którzy niegdyś głosowali na elektorów Jana Kazimierza roku 1648, Jana III. roku 1674, Augusta II. roku 1697, i Stanisława Augusta roku 1764 / O. Zaprzaniec. – Lwow: Nakładom Kajetana Jablunskiego, 1845. – 446 s.
1052. Ziemiałkowski F. Z teki Mameluka galicyjskiego / F. Ziemiałkowski. – Warszawa: W.Ł. Kasprowicz, 1871. – 107 s.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Науково-популярне видання

Сергій МОШЕНСЬКИЙ

КАПІТАЛІЗМ І БІЗНЕС

Уроки економічної історії України

(російською мовою)

Літературний редактор Н. Белодєд
Дизайн та комп'ютерна верстка С. Даневич
Відповідальна за випуск А. Погребіцька
Керівник проекту І. Степурін

Підписано до друку 26.07.2024.
Формат 70х100/16. Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 63,21. Наклад 100 прим.

ВИДАВЕЦЬ ТА ВИГОТОВЛЮВАЧ
ТОВ «Креативна агенція «Артіль»
вул. В. Васильківська, 131, м. Київ, Україна.

Контактні телефони:
+380 (67) 5028092, +380 (44) 2324255
Електронна пошта:
artelbooks@gmail.com, artelbook.com.ua

Свідоцтво про внесення
до Державного реєстру видавців
ДК № 7348 від 03.06.2022

